

ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ПРОЕКТИВНЫЙ
СЛОВАРЬ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

М.Н. ЭПШТЕЙН

Новое
Литературное
Обозрение

М.Н. ЭПШТЕЙН

ПРОЕКТИВНЫЙ
СЛОВАРЬ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА

2017

УДК 009(038)
ББК 60я21
Э73

Эпштейн, М.Н.

Э73 Проективный словарь гуманитарных наук / Михаил Наумович Эпштейн. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 616 с.

ISBN 978-5-4448-0632-6

Словарь содержит системное описание понятий и терминов гуманитарных наук, включая философию (в том числе этику и эстетику), культурологию, религиоведение, лингвистику, литературоведение, а также гуманитарные подходы к природе, истории, обществу, технике. Словарь состоит из 440 статей, размещенных в 14 тематических разделах в алфавитном порядке. Особое внимание уделяется развитию новой терминологии, отражающей культурно-социальные процессы XXI века и методы интеллектуального творчества. Автор и составитель Словаря — известный российско-американский культуролог, философ, филолог Михаил Эпштейн, профессор университета Эмори (США) и почетный профессор Даремского университета (Великобритания). Разработанный им уникальный подход позволяет значительно расширить понятийную систему гуманитарных наук, связать их друг с другом и с теми творческими практиками, которые возникают на их основе. В словаре раскрывается конструктивный потенциал гуманитарных наук, способных не только изучать, но и формировать новые литературно-художественные и философские движения, интеллектуальные сообщества, культурные институции. Многие термины и концепты, впервые предложенные автором, уже вошли в научный обиход. Книга предназначена развивать инновационные навыки мышления у исследователей и студентов и адресована всем, кого интересует современная гуманистика как новый этап самопознания человечества.

УДК 009(038)
ББК 60я21

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Цели и построение словаря</i>	7
<i>Как пользоваться словарем</i>	13
<i>Список словарных помет</i>	14
<i>Список сокращений</i>	15
<i>Введение. Гуманитарное мышление и язык</i>	17

СЛОВАРЬ

Гуманистика в целом	25
Философия	61
Бытие. Реальность	120
Мышление. Познание	162
Модальность. Творчество	193
Время. История	237
Религия. Теология	263
Личность. Этика	300
Культура. Эстетика	337
Литература. Текст	380
Язык. Лингвистика	425
Жизнь. Эрос	484
Общество. Политика	522
Техника. Интернет	555

УКАЗАТЕЛИ

<i>Алфавитный указатель статей</i>	579
<i>Указатель отдельных терминов</i>	588
<i>Предметно-тематический указатель</i>	591
<i>Лексические и морфологические группы терминов</i>	600
<i>A Predictionary of the Humanities. Summary</i>	605
<i>Table of Contents</i>	610
<i>Annotation</i>	611

ЦЕЛЬ И ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРЯ

Я поглощен задачей отчитаться в алфавитном порядке перед самим собой во всем, что я должен думать об этом и том мире.

Вольтер, письмо г-же дю Деффан

Существуют разные типы словарей и энциклопедий; как правило, все они — дескриптивные, то есть описывают уже известные термины. Таков обычный путь терминов: от использования в текстах — к фиксации и систематизации в словаре. *Проективный словарь*, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, проектирует будущие тенденции в развитии науки и культуры, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей. К традиционному словарю обращаются за пояснением ранее встреченных слов, и там действует система отсылок «существующий текст — словарь». В проективном словаре действует противоположная связь: «словарь — потенциальный текст» — то есть текст, который может быть создан на основе словаря, с учетом того нового понятия, которое вводится в язык.

Данный Проективный словарь содержит 440 терминов-концептов, охватывающих общие проблемы гуманитарных наук, философию бытия и познания, общества и техники, этику, эстетику, религиоведение, культурологию, литературоведение, лингвистику и ряд новых, только возникающих дисциплин. Цель словаря — представить радикальное обновление понятийно-терминологического аппарата гуманитарных наук, ближайшие и отдаленные перспективы их развития. Словарь можно назвать *эвристическим*, поскольку он показывает разнообразные способы смысловорчества, образования новых идей и понятий. В нем отражены интеллектуальные, языковые, социальные, технические процессы начала третьего тысячелетия, требующие новых способов артикуляции. Словарь вводит в гуманитарные науки методы *проективного мышления*, которое описывает не наличный объект, но возможность его конструирования. Сама логика развития информационного общества ведет к его переходу в *трансформационное*: вырастает удельный вес знания о том, чего еще нет, но что создается самой конструктивной способностью мышления.

Каждое новое знание расширяет область неизвестного, то есть прокладывает себе дальнейший путь к новому знанию. Вспомним известную классификацию наук Фрэнсиса Бэкона, который оставил в ней место для воображаемых и «желательных» дисциплин (*desiderata*):

«Итак, я, кажется, завершил наконец создание этого маленького глобуса интеллектуального мира, стараясь сделать его как можно точнее, обозначив и перечислив те его части, на которые, по моему мнению, не были до сих пор систематически направлены энергия и труд человечества и которые все еще остаются недостаточно разработанными»¹.

¹ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. <http://m.litread.me/read/5498/5082-6090?page=366545>

Бэкон полагал, что самое насущное и недостающее из искусств — это искусство создания новых искусств и наук. Данный Проективный словарь пытается по-своему решить эту задачу: продуцировать новые гуманитарные «искусства» или «технологии» (от греч. «технэ» — искусство, умение, ремесло) на основе гуманитарного познания.

Некоторые из понятий, введенные автором в ранее опубликованных работах и представленные в этом Словаре, уже вошли или входят в обиход гуманитарных наук, что свидетельствует об их эвристическом потенциале. На десятках тысяч русскоязычных и англоязычных сайтов употребляются, например, такие авторские термины:

- «метареализм» (1983 — дата первой публикации) — литературное и художественное движение 1970–1990-х годов;
- «транскультура» (1988) — пространство встречи разных культур;
- «видеократия» (1992) — власть визуальных образов над общественным сознанием;
- «хроноцид» (1999) — упразднение времени, характерное как для тоталитарных, так и для постмодернистских течений мысли.

В Словаре определяются и такие общеизвестные понятия, как «веселье», «душевность», «игра», «любовь», «молчание», «мудрость», «обаяние», «слово», «смысл», «судьба», «творчество». При этом они по-новому интерпретируются в контексте современных гуманитарных теорий либо приобретают терминологический статус, которого раньше были лишены. Известно, что философия — это любовь к *мудрости*, а психология — наука о *душе*. Слово — одно из основных понятий лингвистики, *любовь и творчество* — этики и психологии... Но самим этим понятиям уделяется мало внимания в рамках тех дисциплин, которые призваны их изучать. В редких философских или психологических словарях можно встретить статьи о мудрости или о душе — сами эти понятия считаются синкретическими, «донаучными». Хотя они постоянно используются в определении многих других терминов, подразумевается, что сами они лежат за пределами «научной» философии или психологии. Одна из задач Проективного словаря — артикуляция именно таких *центрообразующих пробелов* в терминологической системе гуманитарных наук, введение в нее таких понятий, которые раньше воспринимались как чисто интуитивные, принадлежащие повседневному языку (*выверт, глубина, интересное, событие, упаковка* и т.п.).

Это относится также к служебным словам и к наименьшим значимым единицам языка — морфемам. Бертран Рассел в свое время сетовал, что в системе философских категорий, как правило, представлены только имена существительные («бытие», «сознание», «идея», «материя» и т.п.) и отсутствуют глаголы, предлоги и другие служебные части речи, которые указывают на более глубинные понятийные связи. «Прилагательные и имена нарицательные выражают качества или свойства единичных вещей, тогда как предлоги и глаголы большей частью выражают отношения между двумя и более вещами»¹. Проективный словарь пытается восполнить этот пробел и ввести в систему гуманитарных наук более динамические, релятивные понятия, выраженные глаголами и другими частями речи и элементами слова. В частности, самостоятельные статьи посвящены концептам, выраженным глаголами «обытийствовать», «божествовать», «смертствовать», предлогу «в», артиклю «the», приставкам

¹ Рассел Б. Проблемы философии (1912). Цит. по: *Universals and Particulars: Readings in Ontology*, / Ed. by Michael J. Loux. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1976. P. 27–28.

«амби-», «гипер-», «типо-», «нега-», «недо-» и «прото-», суффиксу «остн-» и знаку пробела « »¹.

Словарь предназначен будить *теоретическое воображение* исследователей и стимулировать их обращение к экспериментальным практикам, которые формируются на основе теорий, подобно тому как технологии формируются на основе естественных наук.

Словарь может использоваться как инструмент методологического обновления гуманитарных наук в нынешний период их относительной стагнации, когда они рискуют превратиться в то, чем стало в Новое время изучение мертвых языков, — знак культурной утонченности, уже избыточной в техноцентрический век. Словарь демонстрирует, что у гуманитарных наук есть высокий творческий потенциал и что их роль, не ограничиваясь изучением прошлого, формирует будущее человечества, пути его самосознания и самосозидания.

Эта книга — итог почти полувековой работы автора в разных областях гуманитарных наук. Я получил филологическое образование в МГУ и первоначально специализировался по теории литературы и эстетике. В 1980-е годы, в связи с формированием новых литературных и интеллектуальных движений в СССР, я задумался о том, как гуманитарные науки, в том числе филология, эстетика, поэтика, могут воздействовать на развитие самой литературы, способствовать самоопределению ее нарождающихся течений, таких как метареализм и концептуализм. В 1990-е годы я занимался проблемами постмодернизма и становления новой культурной формации, идущей ему на смену (книги «After the Future», 1995; «Постмодерн в русской литературе», 2005). Одновременно меня привлек междисциплинарный подход к сопоставлению и взаимодействию разных культур, в частности российской и американской («Transcultural Experiments», 1999). Постепенно мои интересы перемещались в область философии, в частности теории модальности («Философия возможного», 2001), а также новейшей теологии, исследующей духовное состояние постатеистического общества («Религия после атеизма», 2013). В 2000-е годы у меня возник интерес к лингвистике и ее трансформативному потенциалу — воздействию на развитие языка, расширению лексико-морфологической системы («Дар слова. Проективный лексикон русского языка», 2000–2016). Наконец, в последние 15 лет меня все больше волнует судьба гуманитарных наук в целом и перспектива развития на их основе практик и технологий, воздействующих на жизнь общества. Об этом — книги «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (2004), «The Transformative Humanities: A Manifesto» (2012) и «От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки изменяют мир» (2016). Таким образом, этот Словарь выступает как своего рода синтез моих предыдущих работ в разных гуманитарных областях.

В целом работа над Словарем продолжалась 34 года (1982–2016)². Замысел словаря как особого проективного жанра возник у меня в 1984 году. Я размышлял над значением странного термина «агностический гностицизм», который пришел ко мне в связи с чтением романа В. Набокова «Приглашение на казнь». Вдруг мне ясно представилась книга, вмещающая возможные термины самых разных систем мысли,

¹ Подробнее см. в статьях «Грамматософия», «Частотный словарь как картина мира», «Тэизм», « ».

² Первые термины 1982 года, вошедшие в Словарь, относились к советскому идеологическому языку и к новым поэтическим движениям того времени («идеоязык», «тетрада», «конверсия оценочная», «метареализм», «концептуализм», «метабола»).

насколько их дано охватить моему сознанию. Эта воображаемая книга имела форму словаря, в котором все слова и понятия не просто следовали друг за другом на плоскости листа, но определялись друг через друга и пересекались своими значениями и толкованиями, то есть это была стереометрическая книга. Каждое слово было выделено курсивом и как бы прошито яркой нитью, которая связывала его напрямую с другими словами — не через поверхность текста, а насквозь, через третье измерение книги. В 1995 году я узнал это пространство на экране компьютера, когда передо мной впервые замелькали страницы Интернета.

Меня всегда привлекали и вдохновляли словари, написанные одним автором, такие как «Поэтический словарь» А. Квятковского (1940, 1966), «Ключевые слова: Словарь культуры и общества» Рэймонда Уильямса (1976), «Концепты. Словарь русской культуры» Ю. Степанова (1997), «Философский словарь» Андре Конт-Спонвиля (2001), «София-Логос. Словарь» С. Аверинцева (2005). Эти компендиумы идей и терминов, продолжая традиции «Исторического и критического словаря» П. Бейля (1697), несут отпечаток авторской личности и по сути являются самостоятельными произведениями гуманитарной мысли в жанре словаря. В них все статьи связаны общим замыслом, отсылают друг к другу и выступают как главы единой книги.

Этот Словарь — тоже авторский, причем в двойном смысле. Все статьи в нем написаны одним автором; и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежит ему же. Словарь задуман не только как справочное пособие, но и как форма выдвижения и обоснования новых идей в основных областях гуманитарных наук. Весь словарь в целом — это своего рода *перформативное* высказывание, которое, как известно, отличается от констатаций и дескрипций: оно осуществляет то, о чем сообщает, самим фактом высказывания. Такие высказывания, как «обещаю» или «договорились», сами вводят в действие то, о чем говорят (обещание или договор). Так и проективный словарь самим фактом сообщения об определенных идеях и терминах стремится ввести их в действие, в область гуманитарных теорий и интеллектуальных практик. Перформативный словарь — это действие в сфере языка и культуры.

Одной из главных сложностей при работе над Проективным словарем была необходимость совмещения в нем двух дискурсивных уровней: предметного и собственно словарного. В обычном, дескриптивном словаре описываются термины, ранее уже бывшие в употреблении, и словарная статья опирается на большой массив текстов. Например, хорошо известные термины «реализм» или «феномен» в словарях по литературе или философии толкуются на основе множества ранее опубликованных работ по этим темам. В Проективном словаре такие статьи, как «метареализм» или «тегимен», исходно опираются на исследования и публикации самого автора и совмещают в себе черты «первотекстов» и «второтекстов», то есть дискурса, подлежащего описанию, — и собственно словарного метадискурса. Представляя новые концепты, словарь предназначает их для последующего использования читателями, которые тем самым потенциально становятся соавторами Словаря, участниками перформативных теоретических актов.

При делении словаря на тематические разделы основное внимание, естественно, уделялось дисциплинам, мне особенно близким: философии, культурологии, литературоведению, лингвистике, религиоведению. Однако гуманитарные науки — это не только набор устоявшихся дисциплин, но и формирование новых проблемных полей. Можно гуманитарно мыслить не только о личности, поэзии, языке, но и о космосе, жизни, природе, естествознании, технике... Гуманитарные идеи и термины, относя-

щиеся к этим негуманитарным предметам, тоже составляют тезаурус гуманистики. Поэтому композиционное деление Словаря проходит как по собственно дисциплинарным, так и по тематическим и проблемным линиям.

«Словарь» состоит из четырнадцати разделов, которые следуют в определенном предметно-тематическом порядке. Сначала от общих вопросов гуманистики — к философии и таким ее разделам, как онтология (бытие и мир), эпистемология (мышление и познание), модальность (потенциальность и творчество). Далее рассматриваются центральные темы гуманитарных исследований: время и история, религия, личность и этика, культура и эстетика, литература, текст, язык. Последние разделы обращаются к тем сферам человеческого бытия, где гуманистика пересекается с интересами других дисциплин — биологических, социальных, технических: жизнь и тело, общество и политика, техника и информатика. Разумеется, жанр словаря не предполагает чтения всех разделов именно в такой последовательности — выбор зависит от интересов читателя. Для общей ориентации в проблематике словаря рекомендуется вначале познакомиться с первым разделом «Гуманистика в целом» (особенно со статьей «Гуманистика»). Внутри каждого раздела термины даются в алфавитном порядке.

В Словаре охватываются далеко не все области гуманитарных наук. Антропология, историография и этнография, а также дисциплины, изучающие конкретные виды искусства (искусствоведение, музыковедение, театроведение, киноведение), в нем практически не представлены: отчасти потому, что некоторые из них за последние десятилетия сдвинулись в сторону общественных наук, отчасти просто в силу неизбежной ограниченности авторских знаний и интересов. Вместе с тем акцентирована та проблематика, которая раньше считалась маргинальной для гуманитарных наук, — их пересечения с биологией, техникой, информатикой, когнитивистикой, теорией модальностей, теорией искусственного интеллекта и виртуальных миров, что отражает новейшие тенденции междисциплинарного сотрудничества. Для будущего гуманистики мне представляется особенно важным ускоренное формирование таких проблемно-тематических областей, как «техника, Интернет» (и соответствующих дисциплин — *техногуманистики, техносологии* и др.), «жизнь, тело, эрос» (*виталистика, хаптика, эротология*) и «творчество и модальность» (*креаторика, потенциология, проективные методы*).

Структура Словаря позволяет проецировать один и тот же концепт на разные дисциплинарные области. Например, понятие «техномораль» может рассматриваться и в разделе по технике, и в разделе по этике. Куда отнести «экофашизм» (экологический экстремизм): к разделу о жизни и природе — или об обществе и политике? Поскольку новое понятие-термин часто образуется именно на границе нескольких дисциплин, оно по сути может принадлежать им всем. Эта проблема «трехмерности» словарного континуума в принципе была бы решаемая его представлением в виде гипертекста, где каждый термин входил бы в разные рубрики и пересекался бы с другими, как «образ входит в образ и как предмет сечет предмет» (Б. Пастернак). В данной бумажной версии этот вопрос рубрикации термина каждый раз решался индивидуально. Междисциплинарный характер ряда концептов отражен в Предметно-тематическом указателе в конце книги: многие термины, включенные в основной раздел, вместе с тем представлены и в других разделах, так что ясно обозначены те комплексные понятия, где дисциплины пересекаются.

Одна из особенностей Словаря — системный подход к построению новых концептов. Каждый тематический раздел содержит термины, характеризующие разные

аспекты и уровни обобщения данной дисциплинарной области. Например, термины, относящиеся к разделу «Язык. Лингвистика», указывают на общие категории лингвистики и подсистемы языка (*импликосфера, идеоязык*), на новые подходы к языку, в том числе философские (*грамматософия, скрипторика, частотный словарь как философская картина мира*), способы лексико-грамматического развития языка (*лингводизайн, проективный словарь, семиургия, синтез языка*), разные типы речевых актов (*контраформатив, трансформатив*), способы словообразования и создания вербальных концептов (*оксюморонимы, синантонимы*), типы новых слов (*однословие, протологизм, футурологизм*) и т.д. Таким образом, каждая предметная сфера выстраивается многоуровнево, иерархически, как система логически соотнесенных и соподчиненных понятий, структурно дополняющая алфавитный порядок расположения терминов внутри каждого раздела.

Словарь в целом носит системный характер, но это особый тип *центробежной* системы, которая предполагает артикуляцию множественных понятий, не сводимых к одной компактной схеме, предельно общему изначальному понятию. Такая центробежная система понятий, расходящихся в разные предметные области, отличается от более известных центростремительных систем, образцом которых является «Энциклопедия философских наук» Гегеля. Центробежный тип мышления не подчиняет весь материал истории и культуры общему исходному принципу, а, напротив, порождает «расширяющуюся вселенную» многообразных интеллектуальных практик и дискурсов, которые все дальше удаляются друг от друга в пространстве потенциальных прочтений и текстов. Эта открытая система построена на доверии к читателю как сомышленику и сотворцу. Среди статей Словаря, с которыми было бы полезно в первую очередь познакомиться для понимания этой центробежной модели: *Всеразличие, Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Интересное, Концептивизм, Креатема, Потенциация, Творчество, Транскультура, Умножение сущностей*.

Все статьи связаны системой взаимоотсылок, следуя которым Словарь можно читать как гипертекст — самостоятельное произведение в жанре «гуманистики»: не внутри отдельной дисциплины, а в пределах всего гуманитарного поля. Те работы автора, к которым отсылает Словарь, могут рассматриваться как внешний круг этого произведения, как «засловарье», расширяющее его объем. Словарь-гипертекст вводит в знаковую систему культуры новые концепты актом их манифестации — и предполагает дальнейшее «самовозрастание логосов», развитие понятий и терминов в новых текстах, создаваемых на основе данного словаря или по его мотивам.

* * *

Я благодарен известному филологу профессору РГГУ Александру Махову, который любезно согласился ознакомиться с несколькими разделами Словаря и дал мне ряд ценных советов по организации и оформлению материала.

Я глубоко признателен моей жене Марианне Таймановой за неустанное чтение и правку Словаря во всех его версиях и за множество идей и советов, которые в огромной степени определили процесс моей работы.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СЛОВАРЕМ

В отличие от обычного справочного пособия, основной способ использования данного Словаря — *проективный и экспериментальный*: освоение тех идей и понятий, которые могут определять новые направления исследовательской и учебной работы. Поиск концептов может осуществляться по тематическим разделам, по дисциплинам и проблемам, интересующим читателя, который приглашается следовать по отсылкам к другим терминам и подробнее знакомиться с ними по приведенным источникам, многие из которых доступны в сети. В начале каждого раздела дается список относящихся к нему терминов, а алфавитный и предметно-тематический указатели в конце книги позволяют кратчайшим путем переходить из раздела в раздел.

Словарные статьи построены единообразно: заглавное слово, его перевод на английский язык, составные элементы и способ образования, дефиниция и мотивировка введения в понятийный аппарат данной дисциплины, соотношение с другими концептами, ссылки на источники.

Заглавные термины в начале каждой статьи выделяются прописными буквами и жирным шрифтом, а ударная гласная — курсивом. Другие новые термины, соотносительные с заглавным и не имеющие самостоятельных статей в словаре, выделяются жирным курсивом, и также дается их английский перевод. Например, в статье «ГИПЕР-» (hyper-) выделены такие понятия, как «*гиперматериальность*» (hypermateriality), «*гиперсексуальность*» (hypersexuality), «*гиперсоциальность*» (hypersociality), которые рассматриваются только внутри данной статьи. Соответственно, в указателях эти термины даны с отсылкой «см. Гипер-».

Звездочка (*) в тексте статьи служит знаком отсылки к другим статьям, и их названия выделены курсивом. Этот же знак (*) используется в конце статьи для ссылки на смежные, тематически связанные понятия. Они даются в алфавитном порядке, и самые важные из них, прямо продолжающие или разъясняющие тему данной статьи, выделяются курсивом. Например, к статье СУДЬБА дается список терминов, где освещается близкая проблематика, из них три выделены курсивом, поскольку имеют самое прямое отношение к теме судьбы: **Выверт*, Жизнь как тезаурус, *Ирония бытийная*, Реверсивность, Своечуждость, Суб-объект, *Фатумология*.

Далее приводятся источники — те работы, где понятие впервые вводится в употребление или где с ним можно подробнее ознакомиться. Если в ссылке на источник отсутствует указание на авторство, то по умолчанию предполагается, что оно принадлежит автору-составителю словаря. Заглавия книг сокращаются до одного слова и выделяются курсивом. Название главы или раздела книги приводится в тех случаях, когда оно проясняет специфический контекст использования термина.

Если значение термина/концепта соотносится с работами других авторов и проясняется в их контексте, дается список литературы с указанием «Лит.».

СПИСОК СЛОВАРНЫХ ПОМЕТ

ЗАГЛАВНОЕ СЛОВО — прописными буквами, жирным шрифтом, ударные гласные курсивом.

Жирный курсив — понятия, связанные с заглавным и вводимые только в данной статье.

* — отсылка к другой статье словаря. Этот знак, звездочка, встречается как внутри статьи, так и в ее конце, перед списком относящихся к ней терминов.

Курсив после * — термин, к которому дается отсылка.

Курсив в списке ссылок в конце статьи — указание на те статьи, которые наиболее важны для понимания данной.

Источники в конце словарной статьи: если не указано имя автора публикации, она принадлежит составителю Словаря.

Лит. — литература по теме статьи.

⇒ — знак стрелки используется только в указателях в конце книги и означает отнесенность данного термина к другому тематическому разделу или к статье о другом термине.

Ряд терминов впервые был введен в публикациях в журналах, как научных, так и литературно-художественных: «Вопросы философии», «Философские науки», «Новое литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Вопросы языкознания», «Московский психотерапевтический журнал», «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Континент», а также в газетах: «Новая газета» (где в ряде выпусков печатался «Политикон»), «Независимая газета», «Новое русское слово» и др. Во многих случаях термины-концепты были впервые предложены в электронных публикациях: в авторской сетевой рассылке «Дар слова» (2000–2016, 426 выпусков), на лингвистическом сайте Gramma.ru, в блогах автора в Живом Журнале и Фейсбуке, в сетевых сообществах «Имхонет» и «Неологизм года», в сетевых журналах: «Русский журнал» (где в 2002–2003 годах выходили выпуски «Дара слова»), Grani.ru, «Веер будущностей» (2000–2003), «Топос», «Сноб», «Частный корреспондент» и др.; а также на англоязычных сайтах: Urban Dictionary, Pseudodictionary, Merriam-Webster Open Dictionary и др. Ограниченный объем Словаря не позволяет включить все эти сведения, но поиск по «Гуглу» или «Яндексу» поможет читателю установить время публикации терминов и их первоначальный контекст.

Заглавия книг и других работ автора, на которые чаще всего даются ссылки, приводятся ниже.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Возможное.* — Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
- Дар.* — Дар слова: Проективный словарь русского языка. Периодическая электронная рассылка, 2000–2016 (указывается выпуск и дата)¹.
- Début.* — Début de siècle, или От Пост- к Прото-: Манифест нового века // Знамя. № 5. 2001. С. 180–198.
- ЖЖ* — Клейкие листочки: Философско-филологический дневник М. Эпштейна в Живом Журнале².
- Знак.* — Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
- Ирония.* — Ирония идеала: Парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 384 с.
- Конструктивный.* — Конструктивный потенциал гуманитарных наук (на рус. и англ. яз.). М.: РГГУ, 2006. 74 с. (Серия «Зарубежные ученые в РГГУ».)
- Листочки.* — Клейкие листочки: Мысли вразброс и вопреки. М.: Арсис, 2014. 272 с.
- Любовь.* — Sola Amore: Любовь в пяти измерениях. М.: Эксмо, 2011. 496 с.
- Неология.* — Проективный словарь русского языка. Неология времени // Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006. С. 1031–1076.
- Образ.* — Вера и образ: Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. Tenafly (New Jersey): Hermitage Publishers, 1994. 270 с.
- Парадоксы.* — Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.
- Политика.* — От совка к бобку: Политика на грани гротеска. Киев: Дух і Літера, 2016. 312 с.
- Политикон.* — Политикон. Словарь новейших понятий. *Новая газета*. 10 пятничных выпусков, 18.4.2008–17.10.2008.
- Постмодерн.* — Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.
- Поэзия.* — Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, 2016. 480 с. (Серия «Культурный код»)
- Природа.* — «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.
- ПФС.* — Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.³
- Религия.* — Религия после атеизма: Новые возможности теологии. М.: АСТ-пресс, 2013. 416 с.

¹ <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>
<http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>

² <http://mikhail-epstein.livejournal.com/>

³ Словарь содержит 165 статей 11 авторов.

- Сектантство*. — Новое сектантство. Типы религиозно-философских умонастроений в России 1970–1980-х гг. Самара: Бахрах-М, 2005. 256 с.
- Слово*. — Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 560 с.
- Творчество*. — От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки изменяют мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с. (Серия «Humanitas».)
- Тело*. — Философия тела. СПб.: Алетейя, 2006. 194 с.
- Учение*. — Учение Якова Абрамова в изложении его учеников // ЛОГОС. Ленинградские междунар. чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 211–254.
- Эссе*. — Все эссе: В 2 т. Т. 1. В России (1970–1980-е); т. 2. Из Америки (1990–2000-е). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с. + 704 с.
- Юность*. — Энциклопедия юности (в соавт. с Сергеем Юрьененом). Нью-Йорк: Franc-Tireur USA, 2009. 477 с.
- Future*. — After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture. Amherst: University of Massachusetts Press, 1995. 392 pp.
- Cries*. — Cries in the New Wilderness: from the Files of the Moscow Institute of Atheism / Trans. and intr. by Eve Adler. Philadelphia: Paul Dry Books, 2002. 236 pp.
- Humanities*. — The Transformative Humanities: A Manifesto. New York and London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 pp.
- Postmodernism*. — Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture (with Alexander Genis and Slobodanka Vladiv-Glover). New and Revised edition. New York, Oxford: Berghahn Books, 2016. 580 pp.
- Predictionary*. — PreDictionary: An Exploration of Blank Spaces in Language. San Francisco: Atelos, 2011. 155 pp.
- Relativistic*. — Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Occasional Paper. No. 243. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1991. 94 pp.
- Spirituality*. — Russian Spirituality and the Secularization of Culture. New York: Franc-Tireur USA, 2011. 135 pp.
- Transcultural*. — Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry). New York: St. Martin's Press, 1999. 340 pp.
- « ».— « ». New York: Franc-Tireur USA, 2011. 60 pp. [на англ. яз.]

В приложениях приводятся алфавитные указатели статей и отдельных терминов, системный предметно-тематический указатель, а также лексические и морфологические группы терминов. В каждом разделе предметно-тематического указателя есть два рода помет: рекомендательные — указание на опорные статьи данного раздела, с которых целесообразно начинать знакомство с его содержанием; перекрестные — указание на термины, помещенные в другие разделы, но тематически связанные с данным (например, термин «техномораль», принадлежащий разделу «Техника. Интернет», указан и в разделе «Личность. Этика»). В конце книги помещаются ее краткое изложение и оглавление на английском языке.

ВВЕДЕНИЕ.

ГУМАНИТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК

...Отношение понятия к языку не сводится только к критике языка, но включает также и проблему отыскания языка. Вот что представляется мне поистине великой, захватывающей драмой философии: что философия — это постоянное усилие отыскания языка или, скажем с еще большим пафосом, постоянная мука нехватки языка... Словесная находка играет в философии явно исключительную роль.

*Г.-Г. Гадамер*¹

Зачем нужны новые термины?

Поскольку мышление осуществляется в языке, то всякая новая мысль требует нового выражения, а радикально новая мысль, парадигмальный сдвиг в науке — новой системы терминов. Создатель влиятельной школы и методологии ТРИЗ (Теория решения изобретательских задач) Г. С. Альтшуллер подчеркивал, что изобретательство требует изменения смысла существующих терминов или создания новых терминов, отвечающих интеллектуальному прорыву в решении технических задач. «Исходная терминология сковывает воображение изобретателя. Семинары по методике изобретательства показали, что успешное решение задачи во многом определяется умением “расшатать” систему исходных представлений»².

Джонатан Китс, художник, философ-экспериментатор и редактор лингвистического раздела в ведущем англоязычном журнале по новым технологиям *Wired*, исследовал происхождение и эволюцию многих новых терминов, таких как «кубит», «сингулярность», «твит» и «копилефт», появление которых сопровождало или даже стимулировало ряд технологических и социальных тенденций. Китс пришел к выводу о «замечательном симбиозе научных и лексических инноваций, их мощной коэволюции. Идеи вдохновляют слова, которые в свою очередь формируют идеи, и так *ad infinitum*. Язык — наша первая, возможно, самая действенная технология, которая развивается вместе с человечеством как видом и способствует всем другим технологическим достижениям, от сельского хозяйства до Интернета. <...> Учитывая, что язык может повлиять на мысль, можно наблюдать воздействие слов на науку и технологию»³. Проективные термины предвосхищают концептуальную структуру тех объектов, которые они обозначают, а порой и вызывают их к жизни или определяют пути их использования. Например, эколог Юджин Стормер и химик Пауль

¹ Гадамер Г.-Г. История понятий как философия / Пер. В. Бибахина // Гадамер Ганс-Георг. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 35.

² Альтшуллер Г. С. Алгоритм изобретения. М.: Моск. рабочий, 1973. С. 122.

³ Keats J. Virtual words: Language on the edge of science and technology. New York: Oxford University Press, 2011. P. VIII.

Крутзен предложили термин «антропоцен» для обозначения текущей геологической эпохи, сменяющей голоцен и чаще всего датирующейся началом промышленной революции. Термин оказал глубокое влияние на экологическое мышление и политику, так как воздействие человека на окружающую среду теперь стало рассматриваться не как «хищная эксплуатация природы человеком», а как самостоятельный и весьма конструктивный геологический фактор.

Терминообразование всегда играло особую роль в гуманитарных науках, в частности в философии. Мыслить — значит заново создавать язык, «поперечный» житейскому языку, критически очищенный от тривиальных значений, клише, автоматизмов сознания. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» Канта, «диалектика» и «снятие» Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ницше, «интенциональность» и «эпохе» Э. Гуссерля, «ноосфера» В. Вернадского и Т. де Шардена, «остранение» В. Шкловского, «здесь-бытие» и «временение» М. Хайдеггера, «экзистенциализм» Г. Марселя и Ж.-П. Сартра, «различание» (*différance*) и «деконструкция» Ж. Деррида — именно в таких словах-понятиях интегрируются новые для своего времени системы мышления.

Вопреки расхожему представлению о том, что создание новых слов — дело поэтов и писателей, гуманитарная мысль даже более глубоко втянута в этот процесс, более зависима от способности языка образовывать новые понятия, которые содержали бы квинтэссенцию данного метода или системы. Неологизм — итог движения мысли, которая проходит через множество ступеней доказательства, развертывается в многотомных словесных построениях — чтобы в конце концов не найти лучшего воплощения, чем в одном-единственном слове, которое увековечивает мысль, как знак ее пребывания в самом языке, а не просто в отдельных текстах. Слово «идея», возведенное Платоном в философскую категорию («обобщенный умопостигаемый и бытийствующий признак»), уже навсегда вобрало в себя мысль Платона, — и тот, кто пользуется этим термином, вольно или невольно становится платоником, даже если он придерживается антиплатонических взглядов. Язык обслуживает самые разные мировоззрения, которые только потому и могут вступать в спор, что говорят на общем языке. Мысль Вл. Соловьева или М. Бахтина трудно представить вне тех словесных построений, которые они вводили в русскую гуманитарную мысль: «всеединство», «Богочеловечество», «софиология», «многоголосие», «участность», «внезаходимость»...

Автоматизация метода и языка — главный враг мышления. Термины исследования могут рождаться из него самого, из уникальности его предмета, в самом процессе мышления о нем, а не братья готовыми из иных источников. Драма рождения нового термина есть одновременно и борьба с автоматизацией теоретического языка.

Гуманитарные науки, как и любые дисциплины, не могут развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы. Именно жанр *проективного словаря* представляется наиболее прямой и емкой формой для изложения новых концептов и введения их в научное и общественное сознание.

Проективность как метод мышления

В философии XX века, особенно его второй половины, преобладала *лингво-аналитическая* ориентация, в разной степени характерная и для европейского структурализма и постструктурализма, и для англо-американской аналитической

традиции: анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его семантических, грамматических и логических структур. Все гуманитарные науки в XX веке так или иначе развивались под знаком этого «лингвистического поворота». Данная тенденция сохраняется и сейчас, но внутри нее происходит новый поворот: от анализа к синтезу языка, к системному построению новых понятий и терминов, что обещает придать гуманистике более творческий характер в XXI веке. Теперь как никогда свежо звучит призыв Ф. Ницше: «Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала *создать, сотворить* их, установить их и убедить в них»¹.

Симптомы такой тенденции к синтезу видны в методологических работах Т. Куна, П. Фейерабенда, Ж. Деррида, которые устанавливают приоритет конструктивного мышления над эмпирическим даже в естественных науках — и тем более в гуманитарных, где призванием ученого становится создание новых идей, парадигм и способов их артикуляции. Труды Ж. Делеза и Ф. Гваттари направлены именно на масштабное обновление философского языка, синтез новых концептов и терминов:

«...Философия — дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов... <...> На это нельзя возражать, что о “творчестве” обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам... Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел... Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто. <...> Платон говорил, что следует созерцать Идеи, но сперва он должен был сам создать концепт Идеи. Чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?»²

Проективный словарь — дальнейшее развитие этой тенденции. В нем подчеркнуто *трансформативное* начало гуманитарного мышления, призванного не только изучать, но и по-новому формировать явления культуры. Если предметная область философии: идеи, понятия, категории, универсалии — представлена прежде всего в языке и текстах, то задача философии — не просто исследовать, но и расширять существующий язык, лексические поля, синтезировать новые концепты, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого — а значит, и мыслимого и потенциально осуществимого.

Сходные процессы «словаризации» происходят и в других областях культуры, даже таких далеких от философии, как кино, где возникает так называемый «database narrative» (термин Льва Мановича), то есть «повествование, основанное на базе данных». Не фильм снимается по сценарию, а сценарий составляется по тем образам, картинкам, которые имеются в базе киноданных, в видеословаре. Сначала *кинотеаурус*, потом составленный из его единиц видеоряд, *кинотекст*. Причем из одного

¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (кн. 2, III). М.: Культурная революция, 2005. С. 236.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. С. 14–15.

ресурса образов можно создать разные кинотексты, выражающие идеи и позиции разных авторов. Так и в Проективном словаре латентно содержится множество текстов, которые могут работать от энергии предложенных слов-понятий, реализуя разные их смысловые возможности. Проективный словарь — это порождающая модель расходящегося ряда гуманитарных текстов, способных иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, но при этом использовать общий терминологический ресурс.

Проективность может быть понята как свойство не только словарного жанра, но и метода мышления. Проективное мышление, в отличие от дескриптивного или адаптивного, само создает свой предмет и проецирует его в растущую систему понятий¹. «Проективизм» как метод сочетает в себе такие интеллектуальные традиции, которые считаются трудно совместимыми: ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка — витализм и лингвизм. **Лингвовитализм** (linguovitalism) — это расширение жизненного пространства философского языка, умножение его мыслимостей и говоримостей. Согласно аналитической традиции, идущей от Л. Витгенштейна, философия как «критика языка» призвана изучать языковые игры, уточнять значения слов, понятий и правил, используемых в речевых практиках: в быту, науках, искусствах, разных профессиях. Однако, по мысли Витгенштейна, «термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни»². Следовательно, философия имеет и другое призвание: вести *собственную языковую игру*, постоянно пересматривать и расширять ее правила, концептуальную основу, объем ее лексических и грамматических единиц, метафор и мыслеобразов. Ницшевский *витализм* приходит на помощь витгенштейновскому *лингвизму* и переносит на язык все те заповеди могущества, доблести, отваги, которые Ницше обращает к жизни. В таком случае дерзость словотворчества, *витальность самого языка* и является методологической основой системно-проективного подхода к задачам и возможностям гуманитарных наук.

От анализа языка к синтезу новых концептов

Проективное мышление и лингводизайн как его разновидность имеют свои алгоритмы, хотя не всегда они ясно прослеживаются, а главное, не работают автоматически для создания новых словопонятий, — но задним числом объяснимы. Покажем, как создаются новые концепты из комбинации значимых элементов языка, на примере двух терминов — этического («благоподлость») и логико-лингвистического («инфиниция»).

¹ Термин «проективное мышление» используется в многочисленных работах Эдварда де Боно, известного британского специалиста по психологии творчества. Он определяет проективное мышление как «горизонтальное» (lateral), расходящееся в разные стороны, открытое и рискованное, создающее собственный контекст, проблематику и цели. Этим оно отличается от «реактивного» мышления, которое направлено на решение конкретных, ранее поставленных задач. См., напр.: Боно Э. де. Серьезное творческое мышление. Минск: Попурри, 2005. Наша концепция проективного мышления излагается во многих статьях этого Словаря (*Креатема*, *Креаторика*, *Проективность*, *Проективный словарь* и др.).

² Витгенштейн Л. Философские исследования, фрагм. 23 // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 90.

Суждение «глупость есть порок» может рассматриваться аналитически, в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей английской лингвистической философии, как эквивалентное суждениям «я плохо отношусь к глупости» или «глупость вызывает у меня негативные эмоции». Однако такой анализ сам по себе интеллектуально тривиален, тавтологичен, если он не ведет к попыткам новых синтезов. Приведем ряд синтезирующих вопросов и суждений. Всегда ли глупость — порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Вспомним слово «благоглупость», введенное в язык М. Салтыковым-Щедриным: с благими намерениями можно совершать большие глупости, тем самым действуя наперекор целям.

Если возможна «благоглупость», то не возможна ли и «благоподлость»? Это слово кажется сомнительным оксюмороном: если нехватка ума еще может сочетаться с благими намерениями, то как быть с извращением воли? Можно ли предавать, мучить, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк: от Великого Инквизитора у Ф. Достоевского до Павлика Морозова в советской агиографии. Великий Инквизитор во имя блага, сытости и довольства людей отнимает у них тяжелый, мучительный дар свободы. Пионер-герой, как и тысячи «настоящих советских людей», повинуюсь внушенным ему представлениям об общественном благе, доносит властям на своего отца и других близких. Таким образом, суждение «глупость есть порок», тривиальное как предмет анализа, может стать основой для синтеза далеко не тривиальных суждений и словообразований, таких как «благоподлость».

Приведем еще один пример синтеза нового словопонятия. «Дефиниция» — важный термин философии и лингвистики. Существует множество дефиниций «дефиниции» и таких ее разновидностей, как «аналитическая», «контекстуальная», «увещевающая», «уточняющая», «прескриптивная» дефиниции и др. Но поставим такой вопрос: все ли понятия поддаются дефиниции? И не может ли быть такой дефиниции, которая выявляла бы именно существенную неопределимость понятия?

Такой тип определения мы назовем **инфиницией** (infinition). Это сращение двух слов — definition (определение) и infinity (бесконечность), происходящих от одного латинского корня finis, конец, предел. По-русски «определение» и «беспредельность», срастаясь, дают такое же по смыслу слово «беспределивание». *Инфиниция* — бесконечно отсроченная дефиниция, которая определяет некое понятие и вместе с тем указывает на его неопределимость. Инфиниции часто применяются в отношении базовых, всеопределяющих и неопределяемых понятий, таких как «Бог», «душа», «бытие», «жизнь», «мудрость», «любовь». Инфиниции особенно характерны для религиозно-мистических направлений мысли. Пример инфиниции: «Дао производит полноту и пустоту, но не есть ни полнота, ни пустота; оно производит увядание и упадок, но не есть ни увядание, ни упадок... Дао нельзя услышать: то, что можно услышать, не Оно. Дао нельзя увидеть: то, что можно увидеть, не Оно... Таким же образом Дао не допускает быть названным» (Чжуан-цзы).

Так, построением логических и лингвистических альтернатив и перекombинаций своих компонентов строятся новые концепты¹.

¹ Понятия «благоподлость» и «инфиниция» рассматриваются также в соответствующих разделах словаря — «Язык. Лингвистика» и «Личность. Этика».

Подведем итог. Если анализ находит в суждении сочетание таких элементов, как abc , то синтез порождает сочетания bca или cba — новую мыслимость, еще не опознанный ментальный объект, требующий своей интерпретации, нового акта анализа и последующего нового синтеза. Г. В. Лейбниц полагал искусство синтеза более важным, чем анализ, и определял его как *алгебру качеств*, или *комбинаторику*, «в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума, то есть о *качестве* вообще, или о сходящем и несходящем, так как те или другие формулы происходят из взаимных комбинаций данных a , b , c и т.д., и эта наука отличается от алгебры, которая исходит из формул, приложимых к количеству, или из равного и неравного»¹. Разумеется, синтез — это не только комбинаторика, это и *креаторика*, создание неизвестного на основе перекombинации, переинтеграции известного. Это новый уровень системной целостности всех прежних и заново вводимых знаков и их смысловых отношений.

Итак, *синтез языка*, или *конструктивный лингвоцентризм*, — альтернатива долго господствовавшему анализу языка, или деконструктивному лингвоцентризму. Это направление в философии ставит своей задачей синтез новых терминов, понятий и суждений на основе их языкового анализа. Где есть вычленимые элементы суждения, там возникает возможность иных суждений, иного сочетания элементов, а значит, и область новой мыслимости. Словарь представляет собой опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации гуманитарных текстов².

¹ Лейбниц Г. В. Об универсальном синтезе и анализе, или Об искусстве открытия и суждения // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 122.

² Подробнее темы этого Введения развиты в статьях Словаря: *Лингвовитализм*, *Лингводизайн*, *Логопозия*, *Перформативная лингвистика*, *Потенциация*, *Проективная лингвистика*, *Проективность*, *Проективный словарь*, *Протологизм*, *Семиургия*, *Синтез языка*, *Футурологизм*.

СЛОВАРЬ

ГУМАНИСТИКА В ЦЕЛОМ

Антропопозья
-Водство
Вочеловечение
Всечеловек
Всечеловечество
Гуманетика
Гуманистика
Гуманитарное изобретение
Гуманитарные практики и технологии
Гуманология
Индивиды-универсалии
Микрожанры интеллектуальные
Науководство
Репозитарий гуманитарных идей
Техногуманизм
Техногуманистика
Трансгуманистика, трансформативная
гуманистика
Трансдисциплины, трансформативные
дисциплины
Человек
Человекомерие
Экогуманистика

АНТРОПОПОЭЙЯ (anthropo ρ oieia; от греч. anthropos, человек + poiein, делать, творить, сочинять). Совокупность всех практик, направленных на создание и пересоздание человеческих существ. Начальный акт антропопозейи, как она описана в Библии, — сотворение человека «по образу и подобию» Бога, что прямо указывает на поэтическую природу человека как метафоры. Человек — это «тварь» или «творение» не в буквальном значении (как растения или животные), а в переносном, поскольку выступает как *образ* самого Творца, как *иконический знак* Бога: между ними сложная семиотическая игра уподобления, сравнения, отношения означающего и означаемого. Как метафора Бога человек ему не тождествен, но обладает некоторыми его признаками: способностью мышления, творчества, именованя вещей, свободой воли. Сам термин «антропопозья» подразумевает, что к человеку следует относиться как к *образу* и *подобию*, то есть воспринимать его именно поэтически, а не логически или эмпирически¹.

Созданный как живая метафора своего творца, человек затем по своему образу и подобию пересоздает окружающий мир. Антропопозья получает продолжение

¹ Согласно ряду интерпретаций, «образ» — указание на то, каким человек создан изначально (происхождение), а «подобие» — на то, каким он призван стать (целеполагание).

и развитие в *технопозье, *социопозье и т.д. Это и есть цивилизация, которая так же метафорична по отношению к человеку, как человек — по отношению к Богу. Орудия труда, технические изобретения, научные открытия, произведения искусства — все это способы творить мир по образу и подобию человека. Поэтомu метафора, как перенос значения по сходству, господствует не только в поэзии, но во всей деятельности человека, преобразующей мир. В продуктах цивилизации: в картинах и зданиях, в самолетах и компьютерах — мы обнаруживаем бесконечно множимые образы самого человека, символические проекции его свойств, метафоры его способностей и потребностей.

*-Поэзия, *Сверхпоэзия*, Социопозья, Технопозья
Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 163–175.
Творчество. С. 368–369.

-ВОДСТВО (-stry; ср. forestry, лесоводство, floristry, цветоводство). Вторая основа сложных слов, указывающая на конструктивные практики, технологии преобразования культуры, возникающие на основе гуманитарных наук или как их предпосылка. Языковедение соотносится с *языководством (термин В. Хлебникова), литературоведение — с *литературоводством*, искусствоведение — с *искуствоводством*.

*Гуманитарное изобретение, Гуманитарные технологии, Культуроника, *Науководство*, *Трансдисциплины*, Языководство
Конструктивный потенциал гуманитарных наук: Могут ли они изменять то, что изучают? // Философские науки. 2008. № 12. С. 34–55.
Техника — религия — гуманистика. Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 19–29.

ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ (humanification). Принадлежность человечеству по сознательному выбору, а не только по факту рождения; усвоение общечеловеческих ценностей как приоритетных по отношению ко всем другим (национальным, партийным, конфессиональным и т.д.). Вочеловечение — процесс духовного развития, который ведет индивида от идентификации с различными общественными группами к идентификации со всем человечеством. Это означает не отказ от принадлежности к частным группам, таким как этнос или профессиональное сообщество, но вхождение в поле более широких всечеловеческих смыслов и целей, воссоединение индивидуального и универсального. «Вочеловечение» в данном значении — не религиозный термин («вочеловечение Бога в Иисусе Христе»), а чисто секулярный. Каждому, кто рожден человеком, еще надлежит вочеловечиться на протяжении своей жизни, то есть стать человеком в акте личного самоопределения. Человек призван прежде всего **человечествовать**, то есть стать тем, кто он есть.

Вочеловечение — это процесс чисто индивидуальный и экзистенциальный, в отличие от *глобализации*, которая происходит на уровне экономических, политических, научно-технических процессов и вовлекает широкие массы, подчиняя их объективным тенденциям планетарного развития. Вочеловечение может быть этико-психологической опорой глобализации — или вступать с ней в конфликт,

если последняя навязывает человеку массовые формы универсальности, ограничивает свободу личного выбора и представляет собой планетарную экспансию отдельных групп, корпораций, государств, политических кланов. Глобализация может быть материально-исторической формой вочеловечения — или способом апроприации человечества «группами по интересам».

Джованни Пико делла Мирандола в своей речи «О достоинстве человека» (1486) указывает на множественность возможных путей самоопределения человека как изначально «неопределенного» и потому свободного существа: «Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”»¹.

Именно потому, что человеку предоставлен свободный выбор, он может выбрать себя в качестве человека, более того, такое самоопределение является условием и исходной точкой всякого другого выбора (в т.ч. восходящего). Чтобы человек мог перерождаться в «высшие божественные существа», ему нужно определиться именно в качестве человека, потому что даже ангелы и титаны, не говоря о растениях и животных, стеснены пределами своей заданной сущности. Сама изначальная «неопределенность» человека становится предпосылкой его выбора себя свободным и универсальным существом. Если же человек выбирает себя только представителем определенной нации, партии, профессии, конфессии, то он ограничивает и свою дальнейшую свободу самоопределения.

В основе вочеловечения лежит рефлексивно-волевой акт: *Я сознаю себя человеком и ставлю свою человечность выше всех других своих групповых принадлежностей. Я преодолеваю их в той мере, в какой они отделяют меня от других людей.* Эта антропологическая рефлексия есть логическое и этическое расширение постулата Декарта: «*Cogito ergo sum*» (мыслю, следовательно, существую). Факт существования выводится не из показаний внешних органов чувств (которые могут обманывать), а из акта собственной мысли. Я мыслю себя человеком, следовательно, существую в качестве человека. Без рефлексивно-волевого акта полное вочеловечение невозможно. Оно поднимает человека не только над природными спецификациями (раса, этнос, пол), но и над последующими социальными (класс, религия, идеология, культура, воспитание и т.д.). Нравственный смысл вочеловечения совпадает с категорическим императивом И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Это означает, что все частичные, групповые, внутривидовые определения индивида как природно-социального существа подчиняются его всечеловеческому самосознанию.

¹ http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm

Вочеловечение можно сопоставить с конфирмацией, практикуемой во многих христианских конфессиях. Новорожденный по традиции проходит через обряд крещения, но далее причастность вере требует от него подтверждения (confirmation) в сознательном возрасте (от 13 лет и старше). Точно так же, рождаясь людьми, мы в дальнейшем должны подтвердить свою принадлежность человечеству как обществу в акте секулярной конфирмации. Для этого необходимо второе, духовное рождение, «конфирмация в человечестве», то есть сознательное принятие на себя миссии быть человеком как приоритетной по отношению ко всем другим. Сергей Булгаков назвал это «творческим саморождением человечества». «Историческое рождение человека, существа свободного и богоподобного, не только предполагает рождение в собственном смысле... но и некое *самосотворение человека*. Последний не только рождается тем или иным, но он становится самим собой лишь чрез свободное свое произволение, как бы *изъявляя согласие на самого себя, определяя свое собственное существо*»¹.

Саморождение человека происходит на всех уровнях, от индивидуального до универсального, и уровень «всечеловечности», видовой самоотнесенности столь же важен, как и индивидуальное самосознание. Общность людей как представителей биологического вида постепенно в ходе их воспитания и взросления распадается на множество групповых идентичностей. Они учатся быть гражданами своей страны, прихожанами своей церкви, членами своей партии, мастерами своего ремесла, болельщиками своего клуба... Люди определяют себя как мужчины или женщины, богатые или бедные, физики или юристы, как члены тех или иных клубов и корпораций. При этом для большинства людей их принадлежность к человечеству становится абстракцией, которая никак не определяет сферу их практических интересов и действий.

Вочеловечение — это новое воссоединение индивида с человечеством, уже как цель и возможность личностного развития. При этом судьба и ценности человечества переносятся в центр личных интересов. Решающим для жизненной ориентации становятся перспективы духовного, культурного, творческого развития человечества и возможность своего участия в этом процессе. Частные и групповые интересы не отменяются, но встраиваются в более широкую перспективу, и в случае их противоречия с общечеловеческими именно последние получают перевес.

**Воссознание, Всечеловечество, Обаяние, Транскультура, Транссоциальность, Универсализм критический, Универсика, Универсный принцип
Творчество. С. 172–176.*

ВСЕЧЕЛОВЕК (panhuman). 1. Человек, который объемлет и совмещает в себе свойства многих индивидов (включая представителей разных культур, психологических типов). 2. Целостное природно-искусственное существо, сочетающее в себе свойства человеческого индивида со свойствами универсального кибернетического организма.

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. Отдел III. Человеческая история. 1. Конкретное время. <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/43415> (курсив мой. — М. Э.).

Слово «всечеловек» введено Ф. Достоевским в речи о Пушкине, в значении всеотзывчивого гения, способного воспринять и выразить дух других народов¹. В романах самого Достоевского понятие «всечеловек» можно отнести к персонажам, которые, как Дмитрий Карамазов, сочетают в себе высокое и низкое, доброе и злое, святое и грешное, все полярности человеческого характера («широк человек, я бы сузил»).

В связи с новым этапом *антропогенеза* понятие «всечеловек» приобретает расширительный смысл. Человек интегрирует в себя много новейших технологий — медицинских, перцептивных, информационных, коммуникативных — и переступает границы своего биовида, становится «киборгом». Он перерастает себя на величину своих творений, которые уже не просто опредмечиваются вовне, в виде орудий труда и произведений культуры, но срастаются с его организмом и служат продолжением его мозга и органов чувств, включая электронные сети как расширение его когнитивных способностей. Индивид потенциально становится вездесущим, всемогущим и бессмертным (**мультивидуум*). Останется ли он при этом человеком? Будет ли он любить, страдать, тосковать, вдохновляться? Или, как предполагал Ницше, сверхчеловек устыдится в себе человека как своего животного предка, подобно тому как человек стыдится в себе черт обезьяны?

Всечеловек принципиально отличается от *сверхчеловека* тем, что это концепция инклюзивная, а не эксклюзивная. Если сверхчеловек возвышается над людьми и над человеком в себе, то всечеловек объемлет и примиряет собой все человеческое. Он не высокомерен, а соразмерен всему, наиболее полно претворяет в себе мудрость и неразумие, дерзание и ничтожество, открытия и заблуждения, игру и страсть. Это приводит и к повышению его интеллектуально-творческого типа, и к обострению его внутренних конфликтов.

По сравнению с накалом противоречий нового всечеловека, *биотехновида*, может показаться мелкой борьба в душе «всечеловека» карамазовского типа. Можно ли, достигая световых скоростей, сохранить тоску по дому? Можно ли проникать взглядом в подкожную жировую клетчатку, в строение внутренних органов и при этом наслаждаться прикосновением к коже другого существа? Можно ли знать о другом «все» — и одновременно любить его? Можно ли быть информационно прозрачным для других — и вместе с тем сохранить чувство стыда? Как быть и вполне машиной, и вполне человеком, не убивая в себе одного другим?

Если видеть будущее человека как возможность новой гармонии и новой трагедии в отношениях между организмом и механизмом, между рожденным и сотворенным, то мы находимся лишь на отдаленном подступе к этой гигантской фигуре всечеловека, для которой тесен будет масштаб шекспировских и гетевских трагедий.

* *Вочеловечение*, Всечеловечество, *Мультивидуум*, Мультикосмизм, *Техногуманизм*, Техногуманистика, Транскультура, *Транссоциальное*, *Универсика*, Универсальный принцип
Дар. Вып. 10. 9.10.2000.
Знак. С. 125–127.

¹ «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. <...> Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено...» — «Пушкин. Очерк» (Ф. М. Достоевский об искусстве. М.: Искусство, 1973. С. 368, 369).

ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСТВО (panhumanity), **СОЮЗ ОБЪЕДИНЕННЫХ ИНДИВИДОВ** (United Individuals), **ОРГАНИЗАЦИЯ-1** (Organization-1). Союз людей, ставящих свою человечность выше принадлежности к любым группам, организациям и сообществам. Всечеловечество восстанавливает на уровне индивидуальной рефлексии и волевых актов ту общность человеческого рода, которая присуща людям как биологическому виду.

Следует отличать всечеловеческое от *глобального*, от общепланетарных экономических, технических, политических процессов, объединяющих массы и не требующих личностного **вочеловечения*. Ускоренный процесс глобализации в XX–XXI веках создает предпосылки для превращения человечества в единый субъект самосознания. Если раньше экзистенциальное отношение к общественным группам возникало в масштабе этнических, национальных, расовых, гендерно-сексуальных общностей (патриотизм, национальная гордость и т.п.), то теперь в область конкретных переживаний и эмоционального опыта вступает человечество как единое целое.

Можно условно выделить четыре стадии становления всечеловеческого: биологическую, социальную, планетарную и экзистенциальную. На первой стадии человек принадлежит своему природному виду, как животные — своим видам. На второй развиваются многообразные формы социализации, которые разделяют людей на этнические, культурные, конфессиональные, профессиональные, классовые, политические группы. На этой стадии ряды человечества как целого редуют, поскольку укрепляются более частные, конкретные формы социальности. Главное сообщество оказывается вне поля сознания, неким бессодержательным, нулевым классом: к нему относятся все, а значит никто. На третьей стадии, глобализации, формируется экономическое, политическое, научно-техническое единство человечества благодаря росту производственных сил и коммуникативно-транспортных связей в освоении планеты как целого. Перемешиваются расы, национальности, языки, традиции. Человечество из абстрактно-спекулятивной идеи превращается в конкретную общность людей, связанных планетарными целями и масштабом деятельности. Но это еще только тело объединенного человечества, а не его душа, которой предстоит родиться.

На четвертой стадии, **вочеловечения*, которой достигают пока немногие, рождается сознание принадлежности всему человечеству как акт экзистенциального выбора. Возникает потребность «вступить» в человечество, как вступают в другие организации, то есть совершить акт добровольного и целенаправленного присоединения к этой общности. Всечеловечество возникает по мере того, как из почти пустого класса человеческое обращается в сверхнаполненный класс, то есть из простого природного факта становится делом саморефлексии и самоопределения.

В XIX веке Огюст Конт предложил создать религию почитания человечества, установить ее обряды, священство, праздники, календари. Рациональное зерно этой идеи было заключено в религиозно-догматическую оболочку: еще одна сверхконфессия, чтобы человечество поклонялось самому себе. К середине XX века человечество, раздираемое классовыми, национальными, религиозно-политическими конфликтами, утратило сознание своего единства. В XXI веке, на основе политико-экономической глобализации и развития коммуникатив-

ных сетей, заново утверждается идея *всечеловечества* как самоорганизации вида *homo sapiens*, который сознательно относит себя к этому виду, а не отнесен к нему лишь природой. Идея всечеловечества перекликается с **транскультурой* и **транссоциальностью*: это область выхода за границы тех культур, которым мы принадлежим по рождению и воспитанию, способность их опредмечивать и преодолевать актами рефлексии, в том числе культурологической, и не замыкаться ни в одной из них.

Всечеловечество подразумевает *союз свободных личностей*. В нем возможно только индивидуальное членство — в отличие от Организации объединенных наций, Всемирного совета церквей и других международных организаций, объединяющих общества, государства, коллективы. Такое *единство единичностей* могло бы называться «Организация-1», поскольку она была бы основана на двух взаимодополняющих принципах: всечеловеческой уни-версальности и человеческой уни-кальности.

Парадокс в том, что Организация-1 была бы предназначена для личностей, принципиально не вступающих ни в какие организации и не расположенных ни к какому «членству». К. Ясперс писал: «Тот, кто хочет жить в незамкнутом, неорганизованном и не допускающем организации сообществе подлинных людей — раньше это называли невидимой церковью — тот фактически живет в наши дни как единичный человек, связанный с другими рассеянными по земному шару единичными людьми, в союзе, который устоит в любой катастрофе, в доверии, которое не зафиксировано в договорах и не гарантируется выполнением каких-либо определенных требований»¹. В Союз свободных личностей можно вступить, лишь «вступив в себя». Это союз чисто рефлексивный, основанный на экзистенциальном выборе и не предполагающий никаких форм внешней организации. Адекватным способом такой персоналистической самоорганизации человечества могла бы стать *«максима Канта — Конта»* (Kant — Compte maxim), соединение кантовского «категорического императива» и контовской «религии человечества»: «Я мыслю себя представителем человечества, следовательно, я человек. Смысл его бытия — мой смысл, его благо — мое благо». Главным, если не единственным свидетелем этой присяги должна быть совесть, о которой Квинтилиан сказал: «Совесть — тысяча свидетелей».

Всечеловечность понимается не догматически, как набор определенных ценностей, а критически, как движение за предел любой системы ценностей, утверждаемой в рамках определенной традиции, культуры, нации, профессии; как способность выходить за границы любой общности и тем самым принадлежать к общности всего человечества. В этом смысле наибольшая индивидуальность совпадает с наибольшей универсальностью, как ее понимал Вл. Соловьев: «...Исторический процесс совершается в этом направлении, постепенно разрушая ложные или недостаточные формы человеческих союзов (патриархальные, деспотические, односторонне-индивидуалистические) и вместе с тем все более и более приближаясь не только к объединению всего человечества, как солидарного целого, но и к установлению [в каждом человеке] истинного сизигического [сопрягающего]

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 239.

образа этого всечеловеческого единства»¹. Все то, чем мы выходим за пределы своей нации, партии, профессии, клуба, принадлежит нам как индивидам — и одновременно человечеству как самому вместительному мыслящему универсуму.

Всецелочелочность не исключает более широкой солидарности человека со всем живым и живущим, а также со всем сущим и существующим. «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Это известное изречение Теренция можно перефразировать так: если я человек, то и ничто *внечеловеческое* мне не чуждо. Эта растущая мера соучастия в делах мира тоже нуждается в рефлексивном решении индивида, как задача еще более объемная и ответственная: человек — «пастырь бытия» (М. Хайдеггер), «соживой» и «событийный» со всем живущим и бытийствующим.

* Алмазное правило, *Вочеловечение*, Всецеловек, *Потенциальные сообщества*, *Транскультура*, *Транссоциальное*, *Универсализм критический*, Универсика, Универсальный принцип *Творчество*. С. 172–176.

ГУМАНЕТИКА (humanetics; human, человек + net, сеть). Гуманитарные исследования посредством информационных технологий; область взаимодействия гуманитарных и компьютерных наук. Гуманетика включает в себя «цифровые гуманитарные науки» (digital humanities), но ее задачи шире: не просто дигитализация наличных ресурсов, текстовых и мультимедийных, но использование сети как средства интеллектуального творчества (**ИнтеЛнет*).

Интернет — ценный инструмент сравнения разных национальных культур. В досетевую эпоху такие концепты, как «общественное сознание», «национальное самосознание», «мысль народная» и пр., могли представляться мистическими сущностями или идеологическими конструктами. По мере того как Интернет сосредотачивает в себе информационные ресурсы человечества, общественное сознание все больше обретает числовую явь. Цифры, выдаваемые поисковыми системами, определяют значимость и распространенность тех или иных слов и понятий, позволяя узнать, например, какие образы и метафоры преобладали у поэтов-романтиков или как представлены в том или ином языке понятия свободы, мудрости, чести. Гуманетика обращается к Интернету как всеобъемлющему информационному ресурсу, который готов ответить на грамотно поставленные вопросы.

Сотрудничество гуманитария с программистом представляется наиболее оптимальным способом проведения таких исследований: один устанавливает задачу поиска и интерпретирует его результаты, другой определяет последовательность операций, необходимых для отбора нужного материала. Например, можно исследовать совместную встречаемость или, напротив, несовместимость определенных понятий в литературных текстах любой эпохи. Как соотносятся «лес» и «поле», или «любовь» и «ревность», или «Данте» и «Гете», или «философия» и «филология» в сознании немцев и итальянцев? Какие насекомые или птицы более всего значимы для русских и с какими моральными, психическими, антропоморфными качествами они чаще всего ассоциируются? Какие названия

¹ Соловьев В. Смысл любви. http://iph.ras.ru/elib/Soloviev_Smysl_lubvi.html

профессий, ремесел встречаются чаще всего в поэзии XX века? Поискковые системы позволяют исследовать реальность общественного сознания по всем его знаковым параметрам. Можно предвидеть новую волну структурализма, количественных методов в гуманитарных науках на основе растущих исследований сетевых ресурсов; причем *структурализма динамического*, отражающего историческую подвижность важнейших концептов и универсалий культуры.

*Гуманитарные практики и технологии, *ИнтелНет*, Мегатекст, Мультиверсалия, Надтекст, *Текстоника*

Мысли в числах. Россия и Запад в зеркалах Интернета // Звезда. 2006. № 10. С. 204–213.

ГУМАНИСТИКА (the humanities). Совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих человека и человеческое; единое поле гуманитарного знания, мышления и основанных на них преобразовательных практик. Гуманистика включает не только гуманитарные науки, но и связанные с ними гуманитарные технологии. Термин «гуманистика» предпочтительнее термина «гуманитарные науки» (human sciences) в тех случаях, когда нужно подчеркнуть единство гуманитарной сферы познания, общность гуманитарных подходов в отличие от естественно-научных, общественно-научных, математических, технических и пр. Реже употребляется термин «гуманитаристика»¹.

В гуманистику входят следующие области и дисциплины.

1. Традиционные гуманитарные дисциплины: философия, культурология, религиоведение, филология, лингвистика, литературоведение, искусствознание и другие науки эстетического цикла (музыковедение, театроведение, киноведение и пр.).
2. Междисциплинарные области на пересечении гуманитарных и социальных или естественных наук: антропология, этнография, история, психология, когнитивистика, информатика, коммуникативистика и др.
3. Новые, неконвенциональные гуманитарные дисциплины: **виталистика*, **креаторика*, **потенциология*, **реалогия*, **скрипторика*, **софийные дисциплины* (включая **биософию*, **технософию*), **тегименология*, **универсика*, **фатумология*, **хоррология*, **эротология* и др.

¹ Термин «гуманистика» был впервые введен в цикле моих лекций «Гуманистика в XXI веке: творческое мышление в науке и взаимодействие ценностей в культуре» (Москва, РГГУ, июнь 2004). На первый взгляд, правильнее «гуманитаристика», ведь науки называются «гуманитарными», а не «гуманистическими». Выбор в пользу «гуманистики» был сделан по двум причинам: 1) это слово короче, легче произносится и пишется; 2) это более правильный термин с точки зрения международного словообразования. По-английски «гуманитарные науки» — the humanities, humanistic disciplines, humanistic scholarship. По-французски — sciences humaines, humanités. А слово «humanitarian» относится к благотворительности, филантропии. Русское употребление слова «гуманитарный» применительно к наукам и знаниям (а не к фондам или организациям) по сути противоречит международному пониманию «humanitarian», которое проникло и в русский язык («гуманитарная помощь», «миссия» и т.д.). Поскольку термин «гуманистика» — новый и созданный специально для того, чтобы передать объем понятия «the humanities», целесообразно с самого начала адаптировать его к международным словообразовательным нормам. Фактически эта норма уже закрепилась в рунете, где слово «гуманистика» используется на порядок чаще, чем «гуманитаристика» (соответственно 90 000 и 6 000 ссылок по «Гуглу», май 2016).

4. Гуманитарные исследования тех областей, которые специально изучаются другими науками, в том числе естественными и техническими: природа, космос, жизнь, человеческое тело, техника и т.д. (**гуманология*, **техногуманистика*, **экогуманистика*, медицинская гуманистика). Сюда же включаются гуманитарные подходы к самой науке, ее истории и методологии.
5. Гуманитарные практики, технологии, трансформативные методы, направленные на преобразование тех областей, которые изучаются гуманитарными науками, — **трансформативная гуманистика*, **трансдисциплины*.

Одна из важнейших проблем гуманистики — ее самоопределение по отношению к естественным и социальным наукам, а также вопрос о ее собственной научности. В своем «Введении в науки о духе» (1880) В. Дильтей противопоставил их наукам о природе. Гуманистика — это дисциплина сопереживания, понимания, толкования всего созданного человеком; здесь рассматривается *субъективность* человеческого рода в ее индивидуальных и коллективных выражениях. Следуя этой дильтеевской традиции, М. Бахтин противопоставляет «познание вещи и познание личности. Их необходимо охарактеризовать как пределы: чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом этого другого (познающего). <...> Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения. Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаний, сообщений»¹.

Наряду с этими двумя «пределами», можно выделить еще промежуточную сферу *объективированной общечеловеческой субъективности*. Это прежде всего социально-политическая, экономическая жизнь, где сами субъекты выступают как объекты: группы, государства, нации, классы, партии, фирмы, корпорации, то есть в своих материальных, кодифицируемых и часто квантифицируемых проявлениях. Социальные науки как академические дисциплины выделились позже, чем гуманитарные и естественные, поскольку и сама область объективации человека как социального, индустриального, производительного субъекта резко расширилась начиная с XVIII века (промышленный переворот) и особенно в XX веке (постиндустриальное общество). Это означает, в частности, что ряд традиционно гуманитарных дисциплин, таких как история, психология, лингвистика, стали мигрировать в область социальных наук, где локализовались также и новые дисциплины, изучающие человека: когнитивистика, коммуникативистика. Точнее сказать, что само деление на гуманитарные и социальные науки становится все более условным и проходит не «вдоль», а «поперек» традиционных дисциплин. Например, разные аспекты и разделы психологии принадлежат всем трем основным ветвям знания, включая гуманитарную («психоанализ», «экзистенциальная», «гуманистическая» и «позитивная» психология, психология личности, способностей и т.д.), социальную (социальная психология) и естественно-научную (напр., нейропсихология).

Порой в отдельную, четвертую ветвь знания выделяют еще т. наз. *формальные науки*, которые изучают формальные системы — числовые и знаковые: математика, логика, кибернетика, теория систем, теория принятия решений, статистика,

¹ Бахтин М. К философским основам гуманитарных наук (конец 1930-х — начало 1940-х гг.).

семиотика, лингвистика, информатика. Три последние дисциплины образуют область пересечения формальных и гуманитарных наук.

Сами «науки о духе» тоже могут быть разделены на две большие группы, в зависимости от того, какой субъект подлежит рассмотрению: божественный или человеческий. В принципе, теологические (так сказать, «сверхъестественные») дисциплины следует отличать от гуманитарных, но религиоведение органически входит в круг гуманитарных наук, поскольку религия рассматривается как одно из проявлений культуры в широчайшем объеме этого понятия.

Гуманистика — это область *самопознания* и *самосотворения* человека и человечества. О чем бы ни писались гуманитарные сочинения: об эстетике итальянского Возрождения или об эпических сказаниях древней Индии, о взаимовлиянии романских и германских языков или о кантовской философии времени и пространства, — всюду перед нами предстает образ иного человека, иного разума и культуры. Мы сопоставляем себя с ними, различаем и находим общее, а значит, глубже осознаем себя и одновременно становимся более человеческими.

Парадокс *саморефлексии* и *самореференции* стоит в центре гуманитарных наук, определяя сложное соотношение их гуманитарности и научности. Гуманитарные науки строятся вокруг этого парадокса: они изучают самого изучающего, именуют именуемого, и именно поэтому в их центре находится разрыв самого дискурса, слепое пятно, в которое попадает обращенный на себя взгляд. По словам М. Фуко, «это и тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познание... Человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка»¹. Поле гуманитарности состоит из размывов и зияний ускользающей от себя рефлексивности. То, что И. Кант называл «трансцендентальным единством самосознания», составляет самое средоточие гуманитарных наук и вместе с тем ограничивает их объективность. Общечеловеческая субъективность («трансцендентальное эго») не может полностью стать *объектом* описания, хотя и составляет условие и возможность всякого опыта: не только эмоционального (любовь, страдание, радость), но и когнитивного (восприятие, зрение, осязание) и интеллектуального (память, воображение, творчество). Уникальность гуманитарных наук в ряду других — их обращенность на то, что переживается именно внутри человеческого опыта, как сенсорные (*qualia*), перцептивные, нравственные, творческие состояния, которые имеют широкий спектр выражения в естественных языках, но, как правило, не поддаются экспериментально-технической верификации и квантификации. Гуманитарные понятия и термины, такие как «личность», «сознание», «свобода», «мудрость», «душа», характеризуют именно область общезначимо-субъективного, непереводаемого на язык объектного описания — физического, биологического или социологического. Именно то, что делает возможными гуманитарные науки: способность человека познавать и исследовать себя — ставит под сомнение их научность. Взаимообратимость субъекта и объекта придает шаткость всему проекту гуманитарных наук, подрывает их объективно-научные основания.

Эта проблематичность гуманитарного знания как *самопознания* отозвалась во всей системе наук XX века, потрясая основания даже методологически устой-

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-CAD, 1994. С. 348, 404.

чивых дисциплин, от математики и логики до кибернетики и информатики, где возникают и множатся парадоксы самореференции и саморефлексии, особенно наглядные в проектах построения искусственного разума и самообучающихся машин. Именно на сцене гуманистики разыгрывается трагикомедия homo sapiens, который с античных времен был призван к главной цели — «познай самого себя», а в посткантовскую эпоху уперся в методологический тупик невозможности самопознания. Не противоречит ли *гуманитарность* самому представлению о *научности* как объективном познании, коль скоро познающему не дано полностью объективировать себя самого? Не оксюморон ли само выражение «гуманитарные науки», чей объект парадоксально совпадает и не может совпасть с их субъектом? Нет исхода из этих «странных петель» саморефлексии, нет решения вопросам о самой возможности гуманитарных наук.

Но «сама возможность их постановки есть уже ворота мысли будущего»¹. Так заканчивает М. Фуко свою *«археологию гуманитарных наук»* — и с этих же обнадеживающих сомнений может начаться их *футурология*. Неспособность гуманистики настичь свой ускользающий субъект-объект — обратная сторона ее *конструктивной* задачи: строить новые понятия, знаки, образы человека. Только так может быть разрешен парадокс самореференции: трансформировать неполное знание о себе в бытийный рост самого познающего. *Человековедение* неотделимо от *человекотворчества*, антропология — от **антропозэи*. Субъект человековедения потому и не может быть полностью объективирован, что находится в процессе становления, и каждый акт самоописания есть и событие его *самопостроения*.

Гуманитарные дисциплины являются таковыми не потому, что они вообще изучают человека и его разнообразные проявления. Физиология, анатомия, медицина, экономика, социология, политология, социально-экономическая история тоже изучают человека, устройство его тела, продукты его деятельности, способности его общественной организации. Но эти науки являются не гуманитарными, а естественными или общественными. Гуманитарность свойственна именно таким дисциплинам, где человека нельзя опредметить как эмпирическую данность, как индивидуальное или социальное тело. Гуманитарность — в тех процессах мышления, творчества, высказывания, межличностных отношений, где человек менее всего определим и завершим. Гуманитарные науки заняты демистификацией не только собственной научности, но и тех форм научности, на которые претендует физическое, физиологическое, экономическое знание о человеке. *Критическая* сторона гуманитарности — денатурализация и деполитизация человека, разоблачение того, что естественным и общественным наукам представляется основой объективного знания о нем. *Конструктивная* сторона гуманитарности — это построение новых знаков, означаемым которых становится сам гуманитарный субъект, человек, не только открывающий нечто в мире субъектов, но и *производящий в ходе самопознания собственную субъективность*.

Один из основных вопросов — как сложится судьба гуманитарных дисциплин в XXI веке: будут ли они поглощены научно-техническими и социальными или, напротив, расширят сферу своего влияния вслед за очеловечиванием и «по-

¹ Фуко М., цит. соч. С. 404.

умнением» самой техники? По мере гуманизации природного мира возрастает и значимость гуманистики, которая распространяется также на мир науки и техники, создаваемый человеком. Это значит, что не только увеличивается доля гуманистики в совокупном интеллектуальном и информационном продукте человечества, но и возрастает ее тематическая и методологическая емкость. Гуманистика потенциально объемлет все дисциплины, включая естественнонаучные и технические, социальные и политические, поскольку они тоже раскрывают творческий потенциал человека и служат материалом его изучения. Ведь и науки о природе не принадлежат самой природе, они созданы человеком, а следовательно, могут рассматриваться как предметы человековедения. Космология, физика, биология включаются в гуманитарное поле, поскольку, изучая природу, они раскрывают способности человека как познающего, мыслящего и творящего существа.

Будущее цивилизации зависит от многих дисциплин, включая математику, кибернетику, информатику, нейропсихологию, теорию и практику искусственного интеллекта... Однако все они, в свою очередь, зависят от гуманистики, поскольку именно она фокусируется на самосознании любого субъекта, будь то Бог, человек или «мыслящая» машина. Высшие технологии, достигающие уровня искусственного интеллекта, возможны лишь постольку, поскольку они способны обучаться тому, как быть *собой*, знать *себя*, говорить о *себе*. По мысли Дагласа Хофштадтера, «в конце концов, мы — замкнутые в себе миражи, воспринимающие и изобретающие самих себя, чудеса самореференции»¹. Как самосознание и самосотворение человека, гуманистика ближе всего к источникам будущего и призвана опережать любые прорывы в кибер-, нейро- или биотехнологиях. Эволюция, которой миллионы лет распоряжалась природа, сейчас благодаря этим технологиям переходит в руки человека. По словам английского футуролога Джеймса Мартина, «этот переход от эволюции, направляемой природой, к эволюции, направляемой человеком, есть величайшая перемена с тех пор, как возникла одноклеточная форма жизни»². Гуманистика стоит в центре этого эволюционного скачка, гигантски расширяющего роль человека в преобразовании Вселенной и самого себя.

* Вочеловечение, *Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, Гуманология, Есмь-истина, Культуроника, Науководство, Техногуманистика, Трансгуманистика, Четыре мира, Экогуманистика*
Знак. С. 5–20.
Творчество. С. 5–23, 444–449.
Transcultural. P. 16–23, 113–119.
Humanities. P. XI–XXIII, 1–20, 283–294.

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ (humanistic invention). Новая гуманитарная идея, включающая средства ее воплощения в виде культурных практик, интеллектуальных движений, творческих организаций и форм сотрудничества.

¹ Hofstadter D. I Am a Strange Loop. New York: Basic Books, 2007. P. 363.

² Martin J. The Meaning of the 21st Century: A Vital Blueprint for Ensuring our Future. London: Transworld Publishers, 2007. P. 275.

Гуманитарные науки не меньше нуждаются в изобретениях и изобретателях, чем естественные. Для человечества важен творческий потенциал того или иного научного открытия, возможность новых изобретений на его основе. Так и про гуманитарную идею или теорию можно спросить: способна ли она породить новое культурное движение, художественный стиль, выразительные средства языка? Можно ли на основе данной идеи создать новое интеллектуальное сообщество, новые способы коммуникации?

Подобно общему разделению наук на естественные, общественные и гуманитарные, изобретения тоже бывают трех видов: научно-технические, социально-политические и гуманитарные. К числу *научно-технических* можно отнести: телескоп, паровоз, динамит, радио, автомобиль, авиацию, компьютер, вакцинацию, антибиотики, банкомат, лазер, голографию, Интернет.

Социальное изобретение — это любой новый закон, организация или процедура, которые меняют способ поведения и взаимодействия людей. Примеры *социально-политических* изобретений (к ним относятся и право и экономика): конституция, профсоюзы, бойскауты, кредитные и страховые организации, свободный рынок, феминизм, анархизм, коммунизм, сионизм, пособия по безработице, Красный Крест, Олимпийские игры, ООН, декларация прав человека.

Гуманитарные изобретения охватывают те сферы культуры, которые изучаются гуманитарными науками: язык, литература, искусство, философия, религия, психология, антропология, культурология. Приведем ряд изобретений по соответствующим дисциплинам.

Язык: армянский алфавит, славянские кириллица и глаголица, эсперанто, волапюк, идо и другие плановые языки, информационные и компьютерные языки, формализованные языки науки, возрождение древнего языка — иврита, орфографические реформы, индивидуальные авторские неологизмы.

Литература: классицизм, романтизм, готический роман, натуральная школа, реализм, сказ, детектив, символизм, поток сознания, футуризм, социалистический реализм, фэнтези, метареализм.

Искусство: фотография, кино, арт-деко, баухаус, ready-made, кубизм, сюрреализм, неореализм, супрематизм, минимализм, концептуализм, коллаж, инсталляция, видеоигры.

Психология: психоанализ, Эдипов комплекс, архетип, бихевиоризм, тест Роршаха, тест Люшера, тест IQ, множественный интеллект, экзистенциальная психология, трансперсональная психология, энеаграмма.

Философия: кинизм, диалектика, идеализм, утопия, Просвещение, сверхчеловек, диалектический материализм, экзистенциализм, культурно-исторические циклы, деконструкция, постмодернизм.

Религия: икона, готический храм, Третий завет, суфизм, Каббала, протестантизм, методизм, деизм, пантеизм, хасидизм, мормонизм, теософия, антропософия, атеизм, богоискательство, пятидесятничество, бахаизм.

Некоторые изобретения можно отнести к смешанным категориям. *Техно-гуманитарные*: фотография, кино, компьютерные игры, гипертекст... *Социо-гуманитарные*: дендизм, хиппи, панки, эмо, готы и другие молодежные субкультуры...

Подавляющее большинство изобретений имеет индивидуальных авторов, что подчеркивает творческую природу даже тех дисциплин, жанров, направлений,

которые, казалось бы, существуют извечно и возникли сами собой. Например, создателем лингвистики считается Панини (Древняя Индия), философии — Фалес, эпистемологии — Ксенофан Колофонский, кинизма — Диоген, готической архитектуры — аббат Сугерий, масляной живописи — Ян ван Эйк, протестантизма — М. Лютер, феминизма — М. Уоллстоункрафт, детектива — Э. По, экзистенциализма — С. Кьеркегор, анархизма — М. А. Бакунин, бихевиоризма — Джон Уотсон, логического позитивизма — Морис Шлик, и т.д.

Изобретательство в гуманитарной сфере следует отличать от просто творчества или сочинительства. Даже великое литературное произведение далеко не всегда является изобретением — и наоборот, изобретением может стать текст, далеко не выдающийся по своим художественным достоинствам. Например, «Анна Каренина» — великий роман Л. Толстого, но литературным изобретением не является. А «Бедная Лиза» Н. Карамзина — простенькая назидательно-чувствительная повесть — была изобретением нового литературного направления — русского сентиментализма. Изобретательство — это создание некоего принципа или приема, которые впоследствии используются в создании других произведений. Поэтому великие изобретения часто бывают несовершенными творениями — не только в литературе или в философии, но и в технике. Техническая наивность первых телефонов, автомобилей, компьютеров не мешала им быть великими изобретениями. Эстетически слабыми были первые фотографии и кинокартины — но они создавали новые виды и жанры художественной деятельности. У изобретения бывает много общего с наброском, черновиком, гипотезой, то есть не полностью реализованной идеей, которая впоследствии обретает более развернутое воплощение. Сочинительство стремится к совершенству данного текста, произведения, тогда как изобретательство стремится создать ранее неизвестный принцип или идею, на основе которых можно производить множество разных сочинений. Сочинительство — реализация потенциального (замысла, проекта), изобретательство — **потенциация* реального, переход от данного к возможному.

Есть несколько типов гуманитарного изобретательства. Рассмотрим их на примере литературы.

1. Спонтанное. Создание оригинального произведения, которое впоследствии находит много продолжателей/подражателей, оказывается первым в ряду новых направлений, стилей, приемов или жанров. Это происходит без сознательного намерения автора и лишь впоследствии обнаруживает свое воздействие на литературу, становится точкой отсчета для последующих поколений. Так, изобретатель жанра научной фантастики — Мэри Шелли («Франкенштейн...», 1818), детектива — Эдгар По («Убийство на улице Морг», 1841).
2. Экспериментальное. Автор ставит своей задачей создать новый прием, жанр, тип повествования и подчиняет свое творчество, частично или полностью, этой цели. Таков «первенец» экспериментальной словесности — роман Лоуренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Джеймс Джойс, экспериментируя с языком и сюжетом, создает «Поминки по Финнегану».
3. Программное. Автор не просто сочиняет экспериментальные произведения, но выдвигает целую программу трансформации литературы и сознательно основывает новое направление, то есть наряду с собственно художественными

создает программные тексты, манифесты, прокламации, которые утверждают новый вид творчества. Так, предисловие Виктора Гюго к «Кромвелю» стало своего рода заявкой на «патент» — изобретение французского романтизма и его важнейшего художественного приема, гротеска. Эмиль Золя изобрел натурализм как литературное направление — не только в своих романах, но и в манифестах «Экспериментальный роман» (1880), «Романисты-натуралисты» (1881).

4. Системное. Это редкий случай, когда изобретательство не ограничивается какой-то одной идеей, приемом, литературным направлением, но осуществляется систематически в разных областях творчества. Авторы ставят своей задачей именно изобретение новых приемов, стилей, жанров. Такова деятельность УЛИПО — «Цеха потенциальной литературы», образованного в Париже в 1960 году (Р. Кено, Ж. Перек, И. Кальвино и др.). В русской литературе черты такого системного изобретательства можно найти у А. Белого и В. Хлебникова.

Гуманитарное изобретательство может также различаться по своим масштабам. Например, в лингвистической области можно изобрести целый язык (эсперанто), или алфавит (кириллица), или разговорную, осовремененную версию языка (иврит, возрожденный Э. Бен-Йехудой), или способы словообразования (как В. Хлебников или Дж. Джойс), или единичные слова, неологизмы (как М. Салтыков-Щедрин, создатель «благоглупости» и «злопыхательства»).

Таким образом, типология гуманитарного изобретательства основывается на пересечении по крайней мере трех координат:

- 1) дисциплина (философия, психология, язык, литература и т.д.);
- 2) тип (спонтанный, экспериментальный, программный, системный);
- 3) масштаб (целая область культурной деятельности, ее частичные формы или отдельные элементы).

В гуманитарной сфере гораздо труднее, чем в технической, выделить элементы изобретательства. За гуманитарные изобретения не выдают патентов — хотя было бы целесообразно ввести такой обычай и институцию, с целью вознаградить автора, пусть только морально, а главное — привлечь внимание к радикальным инновациям в области мышления и самосознания человечества.

Возникает вопрос: а можно ли учить и учиться гуманитарному изобретательству — в той же мере, в какой можно преподавать и изучать гуманитарные науки? Есть ли отделения в университетах, где мыслители-творцы, изобретатели литературы, такие как Фридрих Шлегель, Фридрих Ницше, Филиппо Маринетти, Андрей Белый, Виктор Шкловский, Андре Бретон или Вальтер Беньямин, могли бы найти себя как профессионалы?

За последние полвека в систему университетского образования США интегрировалась такая область деятельности, как литературное творчество (creative writing). На соответствующих отделениях профессиональные писатели обучают студентов искусству создания романов, рассказов, пьес, стихотворений. Нет принципиальных преград и для институционализации «творческого мышления» (creative thinking), творческой деятельности в области гуманитарных наук. Гуманитарное изобретательство имеет такое же право на свои университетские кафедры, как технологические, политические, медицинские, юридические дисциплины. Гуманистика призвана охватить оба способа интеллектуальной

деятельности, признаваемой в науке: *изучение* существующих фактов и принципов — и *изобретение* идей и инструментов, способных преобразовать предмет изучения.

* *Гипотетизм*, Гуманистика, Гуманитарные практики и технологии, Креатема, *Культуроника*, Манифест, Мыслезнание, Науководство, Потенциация, Проективность, *Творчество*, Трансгуманистика, *Трансдисциплины*
О гуманитарном изобретательстве // Новое литературное обозрение. № 138. 2016. С. 220–245.
Конструктивный. С. 1–74.
Творчество. С. 23–31.

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ (humanistic practices and technologies). Конструктивные практики, возникающие на основе гуманитарных наук и преобразующие то, что они изучают; система приемов, «техник», осуществляющих такое преобразование. Технологии отличаются от практик тем, что предполагают более высокий уровень рефлексии, методологической артикуляции и фиксации, раскладывают действия на ряд приемов, стадий, процедур. Гуманитарные технологии пользуются идеями и понятиями гуманитарных наук, например культурологии, эстетики или лингвистики, для практической работы по трансформации культуры, искусства, языка.

У гуманитарных наук, исследующих культуру, должна быть своя *практическая ветвь*, аналогично тому, как на основе естественных наук строятся промышленные, инженерные, биологические, медицинские, электронные, космические технологии, а на основе социальных и юридических наук — различные формы политики: экономическая, административная, демографическая, законодательная и пр. Такой ветвью, специфической для гуманистики, нельзя считать образование, поскольку эта педагогическая функция действует и в других областях знания (преподавание естественных и социальных наук). На эту роль также не подходит административное управление культурой или ее техническое или экономическое обеспечение (менеджмент, маркетинг, дигитализация), поскольку на культуру при этом распространяются методы научно-технических или социально-политических практик.

Гуманитарные практики и технологии имеют свою древнюю историю. В свое время естественные науки позаимствовали понятие «техне» именно у сферы культуры: греческое «*techne*», собственно, и означает «искусство, художество, мастерство». У Платона и Аристотеля к области «*techne*» относятся врачевание, охота, домостроительство, ткачество, ваяние, пророчество, игра на лире и флейте. Пришла пора гуманитариям вернуть себе это «техне», которое перешло в ведомство естественно-научных технологий, хотя изначально принадлежало именно сфере гуманитарно-практической.

При этом следует различать первичные искусства, которые выступают объектом изучения в гуманитарных науках, и вторичные, рефлексивные практики (искусства, технологии), которые формируются на основе наук или во взаимодействии с ними. Например, поэзия, живопись, ваяние — первичные искусства; поэтика, литературоведение, искусствознание — науки, исследующие эти искусства; а программы и манифесты новых литературных и изобразительных направлений, написанные на языке теоретических понятий, но призванные конструктивно

воздействовать на художественные процессы, — область гуманитарных практик и технологий, куда входит также *гуманитарное изобретательство.

Гуманитарные практики и технологии составляют сферу *трансгуманистики, но не совпадают с ее делением на дисциплины (*культуроника, трансформативная философия, трансформативная поэтика и другие *трансдисциплины). Практики могут пересекать границы разных дисциплин (например, *аугментация, *ноофикация, *потенциация) или быть в принципе не- или сверхдисциплинарными (*коллективная импровизация, *метапрактика).

*Гуманитарное изобретение, Концептивизм, Культуроника, Манифест, Потенциация, Проективность, Трансгуманистика, Трансдисциплины
Конструктивный. С. 1–74.
Творчество. С. 20–43.
Humanities. P. 11–15.

ГУМАНОЛОГИЯ (humanology). Гуманитарный подход к тем областям знания, которые традиционно изучаются другими науками — естественными и общественными. Например, природа, космос, человеческое тело специально изучаются физикой, химией, биологией, физиологией и т.д. Совокупность гуманитарных подходов к этим областям образует гуманологию природы, космоса, тела и т.д. Гуманология — гуманитарное мышление о негуманитарном, своего рода *пангуманистика* (*panhumanities*), которая включает предметы других наук в сферу своих интересов, поскольку нет ничего в мире, что не имело бы интереса для человека и не формировало бы его сознание и самосознание.

Возможность гуманитарного подхода к «негуманитарным» предметам обусловлена еще и тем, что между методом и предметом изучения нет жесткой, детерминистской связи. Человек может рассматриваться с гуманитарной точки зрения (философия, культурология и т.д.) — или с естественнонаучной (физиология, анатомия, медицина, сексология). Так и традиционные предметы естественных наук могут рассматриваться в гуманитарной перспективе. Например, *эротология (в отличие от сексологии) — это гуманитарный подход к сексуальности; *виталистика (в отличие от биологии) — гуманитарный подход к жизни, к живому; *техногуманистика и *технософия — гуманитарный подход к технике. Совокупность таких гуманитарных подходов к негуманитарным предметам и образует *гуманологию* — в отличие от традиционных гуманитарных дисциплин.

Особенность гуманологии — ее ярко выраженная междисциплинарность или трансдисциплинарность. Если собственно гуманитарные дисциплины тяготеют к специализации в соответствии с требованиями своего предмета (язык, литература, искусство и т.д.), то гуманология, обращаясь к несобственно гуманитарным явлениям, демонстрирует единство и взаимосвязь разных гуманитарных подходов. Например, работы Г. Башляра по психоанализу природных стихий: «Психоанализ огня», «Вода и грезы», «Воздух и сновидения», а также «Поэтика пространства» — соединяют в себе черты философских, психологических, лингвистических, литературоведческих, искусствоведческих исследований. Работы Г. Гачева «Гуманитарный комментарий к физике и химии» и «Математика глазами гуманитария» также охватывают широкий спектр междисциплинарных подходов, сочетая метафизику, логику, лингвистику, поэтику, этнологию. Можно вывести

правило: чем дальше предмет исследования отстоит от традиционных гуманитарных областей, тем более сплоченно выступает гуманистика в единстве своих дисциплин и методов, чтобы постичь этот чуждый себе предмет с разных сторон.

Особый интерес в наше время представляет гуманология техники, изучающая трансформации человека и человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума. По мере того как машины, компьютеры овладевают традиционными областями человеческого мышления и действия, возникает примерно такое же отстраненное и остраняющее отношение к человеку, как к природе в рамках экологии, — отношение к исчезающему виду, который требует сохранения. Технизация человеческих способностей происходит одновременно с *архаизацией и экологизацией самого человека*. Предмет гуманологии — это человеческое, которое интегрируется в техносферу — и человеческое, которое остается за пределом техносферы.

Соответственно возникают два направления в гуманологии:

**техногуманистика* — о функциях человека, передаваемых машине, интегрируемых в новых техно-организмах, способных к дальнейшему самостоятельному развитию и все менее зависимых от их прародителя, *homo sapiens*;

**экогуманистика* — о специфике человека, несводимой к технике, о человеке как о природном, смертном существе, продукте биологической эволюции, физически несовершенном, эмоциональном, психически уязвимом, творчески одаренном, культурно дерзающем.

**Виталистика*, Онтотехника, Техногуманизм, *Техногуманистика*, Технософия, *Экогуманистика*

Знак. С. 601–613.

Творчество. С. 117–131.

Humanities. P. 133–149.

ИНДИВИДЫ-УНИВЕРСАЛИИ (individuals-universals). Соединение в одном термине личного имени и общего концепта.

Язык гуманитарных наук делится на два типа знаков: общие термины, обозначающие универсалии, и имена собственные, обозначающие индивидов. Например, в литературоведении говорится, с одной стороны, о жанрах, методах, направлениях, композиции, сюжете, с другой — о Шекспире, Гете, Пушкине, Толстом и т.д. Характерны сочетания личных имен и общих терминов: «символика Данте», «метафора у Шекспира», «поэма Пушкина», «роман-эпопея Л. Толстого», «футуризм Маяковского» и т.п.

Однако между личными именами (индивидами) и общими терминами (универсалиями) существует также промежуточная концептуальная зона: категории, образованные от самих имен, или универсальность самих индивидов. *Шекспировское, гетевское, пушкинское, толстовское, набоксовское* (the Shakespearean, the Pushkinian, the Tolstoyan)... Эти **именные термины*, или *терминированные имена*, указывают на *личные коды* их создателей: не просто на индивидов в биографическом и историческом плане, но на выстроенные ими универсумы, модели мироздания. «Шекспировское» или «толстовское» — это знаки *универсальных индивидуальностей*, или *индивидуальных универсумов*; это решающее, связующее звено между личными именами и общими терминами, которыми оперируют гуманитарные науки.

Совокупность авторских высказываний (произведений Шекспира или Толстого) содержит в себе свой собственный язык, систему знаков и правил их сочетания. В отличие от общенародного, естественного языка (русского, английского и т.д.), эти индивидуальные языки уместно называть «кодами», поскольку они носят искусственный характер, создаются автором на основе тех языков, которые он получает в наследство (национальный, эпохальный, художественный и прочие языки). Например, *пушкинское* — это личный код Пушкина, созданный им на основе русского языка, языка поэзии начала XIX века, языка Просвещения, романтизма и т.д.

Следует отличать личный код от индивидуального стиля (идиостиля): последний относится к своеобразию речи, стилового поведения данного автора. Личный код — это явление не индивидуальной речи, а *индивидуального языка*, то есть той системы знаков (концептов, категорий, универсалий), которая производит всю совокупность индивидуальных сообщений, но остается скрытой в них. Личные коды играют огромную роль в культуре. По сути, в литературе нет ничего, кроме *шекспировского, дантовского, толстовского*, а также *трифоновского, пелевинского* и т.д. (в этот перечень входят имена всех писателей, от великих до заурядных). Можно даже считать, что универсалии, то есть общие, нарицательные категории — это лишь удобные абстракции, позволяющие сравнивать и оценивать индивидуальное. Байроновская поэма, пушкинская, лермонтовская... «Поэма» здесь — это способ сопоставить *байроновское, пушкинское и лермонтовское*, то есть обогатить наше представление о личных кодах путем нахождения их общих признаков (общий трем названным писателям жанр — поэма; направление — романтизм, и т.д.).

Общие категории и авторские личности образуют взаимодополнительные «гештальты» теоретического поля, подобно тому как одни и те же узоры на рисунках М. К. Эшера могут быть увидены как птицы или рыбы. Взгляд на литературу может выделить в ней жанры, приемы, идеи и направления, заполняемые именами писателей, которые наглядно представляют и иллюстрируют эти общие категории. И наоборот, можно увидеть в литературе множество личных кодов, обозначенных именами писателей — и пересеченных общими категориями, которые служат для наглядного сопоставления и индивидуализации этих кодов. Персоналистический подход менее развит в гуманитарных науках и поэтому нуждается в особом внимании и теоретической разработке. В еще большей степени это относится к личным кодам ученых-гуманитариев, философов, филологов, психологов, которые привлекают внимание гораздо реже, чем общие концепты и категории, обсуждаемые в соответствующих дисциплинах. Между тем очевидно, что философия — это *декартовское, кантовское, ницшеовское, сартровское* не в меньшей степени, чем такие категории, как *идея, разум, субстанция, тождество, истина, красота* и т.д. А российское литературоведение — это *тыняновское, бахтинское, лотмановское, аверинцевское*...

Личные коды — писателей, литературоведов, философов — далеко не ограничиваются их собственными произведениями. Например, *пушкинское* можно найти не только в сочинениях самого Пушкина, но и у Лермонтова, Чехова, Набокова — в той степени, в какой они пользовались пушкинским кодом для решения своих художественных задач. *Пушкинское* можно найти даже у предшественников Пушкина, например у Жуковского или Батюшкова, в той мере, в какой их

отдельные строки и образы предвещают пушкинский код. Такой подход требует дальнейшего терминологического расширения и позволяет говорить не только о пушкинском, но и *пушкинианском*, не только *набоковском*, но и *набоковианском*, а также *шекспирианском*, *гетеанском*, *кантианском*, *гегельянском*, *ницшеанском*, *чеховианском*, *бахтианском*, в их отличии от шекспировского, гетевского, ницшевского, чеховского, бахтинского и т.д. Это суффиксальное наращение «ан», уже употребляемое в ряде категориальных прилагательных от имен собственных («кантианский», «ницшеанский» и т.п.), указывает на трансперсональные свойства личного кода, который перешагивает границы творческой идентичности данного автора и становится общим предикатом культурных явлений, сохраняя вместе с тем свое вполне индивидуальное именование и характеристику. *Кафковское* свойственно только Францу Кафке, тогда как *кафкианское* можно найти у множества писателей, живших как после Кафки, так и задолго до него. Например, Х. Л. Борхес нашел *кафкианское* у древнегреческого философа Зенона, китайского автора IX века Хань Юя, датского мыслителя С. Кьеркегора и французского прозаика Леона Блуа (эссе «Кафка и его предшественники»). Ницшевское — то, что присуще Фридриху Ницше и только ему; *ницшеанское* — это личный код Ницше, которым шифруется определенного рода политика, эстетика, мораль, поэзия, творимые уже без личного участия Ницше. Ницше может рассматриваться как *субъект* некоей деятельности (жил, ходил, путешествовал, дружил, думал, писал...) — и как ее *предикат*. М. Горький или Вяч. Иванов как индивиды не были тождественны Ницше, но они «ницшеанствовали», то есть в той или иной степени усваивали личный код Ницше, который становился предикатом их деятельности. «Ницшеанствовать» — значит думать, мечтать, говорить, действовать в духе, манере Ницше, и самые разные субъекты — индивиды, партии, художественные течения — могут временно или постоянно характеризоваться этим предикатом.

Такие именные *предикаты* определяют соотношение индивидов и универсалий в культуре. Все участники семиосферы под названием «русская культура» в той или иной степени «*пушкинствуют*», «*толстовствуют*», пользуются в своей самореализации личными кодами, внесенными в культуру названными индивидами. Некоторые имена, например Достоевского или Чайковского, выходят за границы национальной культуры и становятся предикатами мировой. «Достоевствовали» В. Розанов, Т. Манн, А. Жид, А. Камю, У. Фолкнер, Л. Леонов — и много других менее известных писателей. Эта *предикатность имени*, способность личности быть не только конкретным «кем», но и «чем» и «как», определяет систему знаковых координат в культуре.

* *Есмь-истина, Именные термины*

Личный код: индивиды и универсалии в гуманитарных науках // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 10–29.

Творчество. С. 429–443.

МИКРОЖАНРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ (intellectual microgenres). Малые по объему жанры интеллектуальной словесности, которые остаются невостребованными в системе современных академических публикаций и институций: манифесты, афоризмы, фрагменты, тезисы, наброски, программы, эссе.

Поэтика краткости берет свое начало в Античности (афоризмы, гномы, эпиграммы) и на протяжении веков вдохновляла самые радикальные умонастроения и самые динамичные и трансформативные жанры: тезисы М. Лютера и К. Маркса, «Мысли» Б. Паскаля, фрагменты немецких романтиков, афоризмы Ф. Ницше. Когда Ф. Шлегель хотел придать соразмерную жанровую форму своим идеям, он назвал их просто «идеи», и каждая из них занимала не больше нескольких строк. «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса дали толчок многим направлениям мысли, но в современных академических изданиях вряд ли нашлось бы место для двух страниц с 11 тезисами, поскольку их жанр сочли бы ненаучным. Самым креативным, лаконичным, энергичным жанрам интеллектуального дискурса нет доступа в академическую науку и прессу.

По словам Ф. Ницше, «не следует утаивать и скрывать *факты* того, как наши мысли приходят к нам. Во всех самых глубоких и неисчерпаемых книгах есть что-то афористическое и неожиданное, как в *Мыслях Паскаля*»¹. Знаменательно, что «Мысли» писались начерно, как основа для трактата о системной теологии, и так и не были завершены в соответствии с замыслом автора. Но то, что это были только наброски или идеи в чистом виде — семена, а не плоды мысли, — наделяло их особой энергией, присущей эмбрионам. Потенциал их воздействия на читательское сознание возрастает оттого, что они предстают не как законченные мысли, а именно как ростки, обращенные к сомыслию и сотворчеству.

Изобретательская деятельность в гуманистике предполагает создание рискованных гипотез, которые могут быть подтверждены или опровергнуты другими исследователями, а также эскизов, проектов, которые могут быть доработаны или завершены другими авторами. Некоторая шероховатость, незавершенность интеллектуального продукта может оказаться не помехой, а, наоборот, стимулом дальнейшего творческого развития и сотрудничества в профессиональных сообществах. Микрожанры отвечают ускоренным темпам современных коммуникаций и могут вдохнуть новую жизнь в гуманитарные дисциплины, которые сейчас, как никогда раньше, нуждаются в интеллектуальной концентрации и лаконичности².

*Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, *Манифест*, Микроника, *Науководство*, Нулевая дисциплина
Творчество. С. 35–36.
Humanities. XII. P. 286–287.

НАУКОВОДСТВО (invention of sciences). Теоретическая и практическая дисциплина обоснования и создания новых наук. Хотя многие науки зародились еще в древности, они продолжают возникать и в Новое и Новейшее время. *Науководство* — это метадисциплина, которая на основе изучения и классификации существующих наук проектирует новые науки и способствует их теоретическому и практическому формированию.

¹ Nietzsche F. *Sämtliche Werke*. Kritische Studienausgabe, 15 volumes / G. Colli and M. Montinari (eds). Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980. P. 35.

² См.: Минима: *Журнал интеллектуальных микрожанров*, на сайте Центра гуманитарных инноваций Даремского университета (*Minima: A Journal of Intellectual Micro-Genres*) — <https://www.dur.ac.uk/chi/minima/>

Фрэнсис Бэкон, основоположник науки Нового времени, считал важнейшей ее задачей именно *изобретение наук и искусств* (the invention of arts and sciences). Важны изобретения внутри существующих дисциплин, но еще важнее — изобретать сами дисциплины. «Существуют два вида открытий, совершенно отличных друг от друга. Первый вид — это изобретение искусств и наук, второй — открытие доказательств и словесного выражения. Я утверждаю, что первый из этих двух видов полностью отсутствует. <...> В развитии и расширении наук не достигнуто более или менее значительного прогресса, потому что до сих пор игнорируется необходимость существования особой науки об изобретении и создании новых наук. То, что следует создать такой раздел науки, — совершенно бесспорно»¹.

Такая наука о создании новых наук отсутствует и сегодня, и несомненно, что исследовательские университеты нуждаются в центрах *наукоедства — экспериментального науковедения и наукотворчества*.

В своей знаменитой классификации наук Ф. Бэкон не только обобщал факты об уже имеющихся отраслях знания, но и под знаком «desiderata» — «желаемые» — выдвигал новые дисциплины, которые могли и должны были бы развиваться в будущем. Так, знаком «desiderata» помечены «история наук и искусств», «теория машин», «учение о расширении границ державы» и прочие дисциплины, развившиеся лишь столетия спустя. Причем сам Бэкон не только отмечает отдельные науки как «недостающие и нуждающиеся в развитии», но и предлагает примеры такого развития — экспериментальные трактаты по несуществующей области знания. Так, о науке, которую Бэкон аллегорически называет «консулом в военном плаще» и которая впоследствии стала «геополитикой», он замечает: «...мы считаем необходимым отнести ее к числу наук, требующих развития, и, как мы это всегда делаем, приведем здесь образец ее изложения». Далее следует «Пример общего трактата о расширении границ державы»². Таким образом, четыре века назад Бэкон создал своеобразную «периодическую таблицу», только обобщающую и предсказывающую не химические элементы, а научные дисциплины. Многие белые пятна в бэконовской таблице оказались со временем заполненными.

Хотя номенклатура признанных дисциплин насчитывает уже тысячи именованных, процесс их умножения неостановим и требует новых инвестиций воли и воображения. В XX веке были созданы такие науки и дисциплинарные поля, как кибернетика, семиотика, информатика, квантовая физика, психоанализ, гендерные исследования, когнитивистика, коммуникативистика, нарратология, грамматология и др.

Сфера воображения все более настоятельно входит в саму структуру развития знания, определяет ход научных революций. В наше время противопоставлять «науку» и «утопию», рассудок и воображение — значит не замечать движущих сил научно-технического прогресса. Научное знание не подавляет сферу человеческих желаний, а, напротив, в своем поступательном развитии все полнее реализует их и само движется их силой. В этом смысле «желательные науки» Ф. Бэкона — едва ли не первый сознательный синтез «науки» и «желания», вы-

¹ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук (1623) // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1971. С. 88.

² Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1977. Т. I. С. 473.

ражение таких глубинных и общественно значимых желаний, которые движут развитие самой науки.

К началу XXI века обнаружилось, что мы уже и вправду живем в полуфантастическом мире, причем сама наука оказывается наиболее грандиозной, убедительной и действенной из человеческих фантазий. Движение науки, особенно в области электронно-информационных и биогенетических технологий, сравнялось с воображением фантастов и отчасти опередило его. Сеть-на-весь-свет, моментально передающая любое сообщение от каждого к каждому... Рост искусственного интеллекта и компьютерной памяти и появление на горизонте могучего племени киборгов, **всечеловеков*, соединяющих интеллект с несокрушимым здоровьем, заменяемостью всех органов и практическим бессмертием... Открытие тайн генома, возможность производить существа с заранее заданными биологическими свойствами... Попыты синтеза биологии и социологии (социобиология), генетики и информатики (меметика)... Теории сложности и хаоса, синергетики, которые обнаруживают странность, парадоксальность, непредсказуемость в основе повседневных явлений... «Теории всего», которые пытаются свести воедино все виды физических взаимодействий...

Многое из того, о чем грезила фантастика, вошло в повестку дня современной науки. Тем самым наука и фантастика как бы меняются ролями. Если в научной фантастике наука дает пищу фантазии, то теперь все более очевидно обратное: фантазия дает пищу науке. Наука становится знанием о том, чего еще никогда не было, и ее все труднее отделять от технологии, как открытия трудно отделять от изобретений. Если *научная фантастика* определяла наше видение будущего в прошлом веке, то нынешний принадлежит *фантастическим наукам*, которые переводят наше воображение в знание будущих вещей, а знание — в их создание.

Роль фантазии в науке отнюдь не ограничена задачей ее популяризации, доходчиво-увлекательного изложения, но находится в самом центре познавательной деятельности. Наряду с популяризаторскими сочинениями: «занимательная математика», «занимательная физика», «занимательная лингвистика» и пр. — возможны и работы другого, экспериментального рода. Их задача — формировать теоретическое воображение, научную фантазию, ту человеческую способность, которая, по словам Пушкина, нужна не только поэту, но в равной степени и математику. Этот цикл возможных, желательных, «воображаемых» дисциплин: виталистика, гуманология, культуроника, микроника, реалогия, семиургия, скрипторика, тегименология, технософия, хоррология и др. Такова динамика научных революций в XXI веке: не только убыстряются переходы к новым понятиям и методам в традиционных дисциплинах, но и ускоренно возникают радикально новые парадигмы, которые не вмещаются ни в одну из признанных, академических дисциплин. Одна из целей науководства — исследовать саму модель порождения наук, общие «алгоритмы», действующие при образовании как семиотики, так и реалогии или микроники.

**Возможностное, Гипотетизм, Креаторика, Обратимые дисциплины, Потенциация, Проективность, Софийные дисциплины, Творчество, Трансгуманистика, Трансдисциплины* Знак. С. 595–601.

Творчество. С. 114–117.

Humanities. P. 15–17.

РЕПОЗИТАРИЙ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ (repository of ideas in the humanities). Система собирания и распространения новых идей в гуманитарных дисциплинах. Этот электронный архив мог бы принимать и распространять препринты до того, как профессиональные журналы примут решение об их публикации. Такая база данных для физики, математики и других точных наук существует в библиотеке Корнелльского университета по адресу: *arXiv.org*. С 1991 года там собрано около миллиона работ, в том числе выдающихся, удостоенных престижнейших международных премий. Следовало бы учредить аналогичный электронный репозиторий и в гуманитарных науках. Его задачей было бы представлять идеи в наиболее прямой и концентрированной форме: не как «статьи», обремененные вторичной информацией, а именно как новые идеи, — и выносить их на публичное обсуждение¹. К научному познанию приложимо то же правило, что действует в юриспруденции: лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного. Лучше огласить десять сомнительных идей, чем замолчать одну истинную.

Для Нильса Бора критерием ценности идеи было творческое безумие. «Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной». Каков сегодня в гуманистике статус контринтуитивного мышления, выдвигающего идеи, противоречащие здравому смыслу? Речь идет о внесении частицы хаоса в систему общепринятых фактов и интерпретаций с целью дать ей заряд свежей энергии. Жан-Франсуа Лиотар называл это экспериментальной или «паралогической» наукой. Обречены ли мы на малопривлекательный выбор между прилежной, добросовестной эмпирикой и необузданным и бесцельным порывом к анархическим экспериментам?

В современных академических журналах нет места для публикации инновационных идей, бросающих вызов научным конвенциям. Самые оригинальные идеи встречают сопротивление в системе внутренних рецензий, которая предназначена поддерживать высокий профессиональный уровень публикаций, но вместе с тем поощряет интеллектуальный конформизм и посредственность. Чтобы успешно пройти фильтр анонимных отзывов, авторы сами должны заведомо «усредниться», отчасти жертвуя своей индивидуальностью. Создание гуманитарного репозитория могло бы способствовать более свободному и прямому распространению новых идей в научном сообществе.

** Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Микрожанры интеллектуальные, Науковедство, Проективность
Творчество. С. 33–34, 39–43.
Transcultural. P. 49–51, 57, 277–281.*

ТЕХНОГУМАНИЗМ (technohumanism). Позиция взаимообусловленности и развития человека и техники в цивилизации; представление о гуманистическом смысле техноэволюции, о самореализации человека в создании искусственного разума.

¹ См.: Репозиторий новых идей (Repository of New Ideas) на сайте Центра гуманитарных инноваций Даремского университета: <https://www.dur.ac.uk/chi/ideas/>

На рубеже тысячелетий становится все яснее, что медленная эволюция разума в форме человека как биологического вида подходит к новому рубежу — этапу ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. При этом возникают три позиции.

Первая позиция: *постгуманизм* (или *трансгуманизм*). Человек — существо биологически рудиментарное, на смену ему придут более совершенные киборги, бесконечно самосовершенствуемые технические или биотехнические носители разума. Постгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точки развития, которая современными футурологами, такими как Рэй Курцвайл, прогнозируется на середину XXI века. Тогда созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой людей, все более отстающих от технического прогресса. Традиционные эмоциональные, эстетические, этические составляющие человечности уйдут в область архаики. Такова позиция фанатов технического прогресса, искусственного разума и т.д.

Вторая позиция: *антитехницизм*. Кибернетические организмы и мыслящие механизмы опасны и неуправляемы, овеществляют и обездушивают человека. Техника, и особенно высшая, интеллектуализированная, уводит человека от сокровенной истины бытия, от духовных глубин и божественных тайн. В этом антитехницизме сходятся многие верующие разных конфессий, а также руссоисты, националисты, традиционные гуманисты, экзистенциалисты, хайдеггерианцы, неоязычники, зеленые, *экофашисты и многие другие.

Третья позиция: *техногуманизм*. Техника — такое же проявление человеческого гения, как искусство. Художник дарует своим персонажам свободу от себя самого — и чем одареннее автор, тем более живыми, самодостаточными и своевольными предстают его персонажи. Следует допустить такую же свободу и за техническими созданиями человека, воплощенными не в словах, красках или мраморе, а в квантах, атомах, лучах, микросхемах, алгоритмах.

Как ни пугающе выглядят перспективы постепенного растворения человека в машинно-информационной цивилизации, оно заложено в творческой природе самого человека, его способности к самотрансценденции, перенесению своей сущности в нечто радикально отличное от себя. Техногуманизм строит свое представление о человеке на основе его способности к самоотчуждению, созданию самодействующих кибернетических существ и искусственного разума. Если человек создан свободным, по образу и подобию своего Творца, то он может и дальше передавать эту эстафету свободы своим творениям, наделять их той же суверенностью мышления и деятельности, какую сам получил от Бога? Человек должен принять свободу своих творений, включая возможность «агуманизма» (ahumanism) с их стороны, как Творец принимает свободу своих созданий, людей, вплоть до их атеизма. Исчезая и «самоистощаясь» во все более совершенных и автономных творениях своего разума, передавая им свои способности и свойства (вычисления, коммуникации, моделирования, накопления и обмена информации и т.д.), человек обретает новую, «сверхчеловеческую» жизнь в своих творениях.

Вместе с тем техногуманизм отказывается участвовать в поминках по человеку, которые справляют недалёковидные технократы и футуристы: для них рост

информационной мощности машин, их растущая интеграция (между собой) и автономизация (от человека) свидетельствуют о конце человеческого этапа истории. Предвосхищая новый, «постбиологический» этап развития цивилизации, не следует хоронить человека, отождествляя его тем самым с его биологическим субстратом. Для техногуманизма быть человеком — значит выходить за грань «человеческого, слишком человеческого», по образу самого Творца, который выходит за грань «божественного, слишком божественного», создавая мироздание и в нем — человека.

*Кенозис, Концептивизм, Онтотехника, *Техногуманистика*, *Технософия*, Технотеизм
Творчество. С. 119–122.
Humanities. P. 133–136.

ТЕХНОГУМАНИСТИКА (technohumanities). Совокупность гуманитарных подходов к технике; изучение того, как сущность человека выражает себя в технике и как развитие техники меняет самого человека.

Если определить передовой рубеж современной цивилизации, то это создание интерфейса между человеком и разнообразными технологиями: электронными и генетическими, нано- и нейро-. Такие интерфейсы строятся:

- 1) между организмом и технологией: создание искусственных органов; биопринтеры, печатающие ткани на биобумаге, причем в картриджах у них вместо чернил живые клетки; генная терапия — введение в организм новых генов или изменение имеющихся для лечения наследственных заболеваний; доступ к управлению собственной генетической программой;
- 2) между мозгом и электроникой: расширение сознания, построение интерфейса между нейронной и электронной сетью; когнитропные препараты, способные сделать человека «умнее»; нейроимплантаты, искусственные органы чувств, аппараты для чтения мыслей и управления мозгом на расстоянии.

Техногуманистика — это переплетение гуманитарных и технических дисциплин в соответствии с тем интерфейсом homo и technе, который создается сейчас на наших глазах. Каждый из технических прорывов меняет наше представление о сущности и способностях человека. Причем, в отличие от природных условий и катаклизмов, которые воздействуют на человека извне, через технику он сам воздействует на себя. Поскольку техника создается человеком, то техногуманистика — это *сверхгуманистика*, наука о человеке, переступающем свои видовые границы, о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящих биологический вид homo sapiens.

На рубеже XX–XXI веков вырисовывается новое соотношение между тремя основными дисциплинами изучения человека: антропологией, гуманитарными науками и техногуманистикой. Разница между ними соответствует трем основным эпохам в развитии цивилизации: доисторической, исторической и трансисторической.

Антропология изучает человека как биологический вид, важнейшей особенностью которого является культурная эволюция; как отдельную ветвь естественной эволюции животного царства. Предмет антропологии — физиология, раса,

этнос, примитивные формы хозяйства и религии, биологическая, социальная и культурная специфика вида *homo sapiens* в его переходе из природы в культуру. При этом культура берется в своих ранних, нерасчлененных, синкретических формах, в связи и по контрасту с природой, а не в исторически более поздних внутренних своих разделениях.

Гуманитарные науки изучают человека как суверенного субъекта, творца и распорядителя окружающей его знаковой, культурной вселенной. Они имеют дело с различными областями развитой и дифференцированной культуры, с целенаправленными творческими усилиями человека: философия, нравственность, язык, литература, искусство, психология... Отсюда и множественное число слова *humanities*, указывающее на расчлененность и многообразие человеческих способностей.

Техногуманистика изучает человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно охватывает и преобразует их. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится — создатель среди своих созданий. Если антропология исследует специфические признаки человека среди других живых существ (животных и особенно высших приматов — гоминидов), то техногуманистика изучает его специфические признаки среди мыслящих существ, умных машин, техноорганизмов и коллективных форм сверхума — **синтеллекта* (киборгов, гуманоидов, андроидов, гиноидов).

Таким образом, техногуманистика зеркально симметрична антропологии, поскольку обе эти дисциплины обращаются к пороговой ситуации человека: на границах с природной и технической средой. Предмет антропологии — человечество, *вырастающее из природы*; предмет техногуманистики — человечество, *врастающее в технику*, которую оно само создает.

Техногуманистика относится к гуманитарным наукам, как экология — к наукам естественным. Физика и биология изучают природу «как таковую», а экология рассматривает ее во взаимоотношении с человеком, как часть человечески формируемой среды. Подобным же образом гуманитарные науки изучают «человека как такового», а техногуманистика изучает человека как часть технической формируемой среды, как один из видов разумных существ, «биовид» (разумный организм), наряду с возможными «техновидами» (формами искусственного разума). Техногуманистика также изучает способы взаимодействия между *био* и *техно* в человеке, технизацию организма и очеловечивание машины.

Техногуманистика — это *технология человека* (киборга) и вместе с тем *антропология машины* (робота), то есть наука о взаимном перераспределении их функций. Человек интегрирует в себя машину, а машина интегрирует в себя человека. Таким образом, вырисовывается обширная программа техногуманитарных исследований, которая включает следующие вопросы.

1. Какие из способностей и функций человека возможно и целесообразно передавать машинам и программам?
2. Какое воздействие на развитие человека оказывает технизация ряда его функций? Приведет ли это к развитию других человеческих способностей? Будет ли усиливаться духовная составляющая культуры? Есть ли предел зависимости человека от созданных им технических систем, переступая кото-

рый он деградирует, подобно тому как у человека, ведущего сидячий образ жизни, атрофируется двигательный аппарат? Возможно ли такое угасание интеллектуальных способностей по мере их ассимиляции искусственным разумом?

3. Какие новые, специфические формы приобретут наивысшие творческие способности человека по мере все более совершенной их имитации техникой — например, поэзия, живопись, философия? Какие человеческие свойства и способности окажутся наименее доступными для технизации и будут ли они задействованы в развитии цивилизации или постепенно отомрут как рудименты?
4. В какой степени техника, усваивая человеческие способы деятельности, сама может становиться предметом гуманитарных наук (технопоэтика, технофилософия и другие, пока не предсказуемые технодисциплины, изучающие творчество искусственного разума)?

*Гуманология, Онтотехника, *Техногуманизм*, Техномораль, *Технософия*, Экогуманистика
 Техника — религия — гуманистика: Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 19–29.
 Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2. С. 91–105.
 Знак. С. 601–613.
 Творчество. С. 117–131.
 Humanities. P. 133–140.

ТРАНСГУМАНИСТИКА, ТРАНСФОРМАТИВНАЯ ГУМАНИСТИКА (transhumanities, transformative humanities). Гуманитарное мышление и деятельность, направленные на конструктивное развитие тех областей культуры, которые изучаются гуманитарными науками.

Преобразовательный потенциал гуманитарных наук еще не нашел признания в системе академических дисциплин и университетских программ. У естественных и социальных наук есть практические надстройки — методы преобразования того, что они изучают, а у гуманитарных эта надстройка отсутствует, точнее, еще не приобрела своего места и функции в системе наукознания и преподавания.

ПРЕДМЕТ	НАУКИ	ПРАКТИКА
Природа	Естественные	Техника
Общество	Социальные	Политика
Культура	Гуманитарные	?

У естественных наук (физики, химии, астрономии, биологии и др.) есть область практической применимости — техника, которая преобразует то, что они исследуют: природу. Например, авиационная или космическая техника работает на основе принципов, разработанных физикой, и преобразует природу на основе познания ее законов. Общественные науки (экономика, социология, юриспруденция, политология, география и др.) через свою практическую надстройку — политику — воздействуют на общество. На этой основе возникают практические

дисциплины — разные виды политики: экономическая, государственно-административная, социальная, национальная, культурная, внутренняя, внешняя...

Может ли у гуманитарных наук быть особая практическая ветвь, свои способы воздействия на культурную жизнь? Трансформативная гуманистика призвана так же преобразовывать культуру, как техника преобразует природу, а политика — общество. Гуманитарные науки остро нуждаются в своей собственной «технологии» и «политике» — отсюда и постоянные попытки технологизировать или политизировать гуманитарное мышление, пренебречь его спецификой ради выхода в конструктивное измерение. Технологизация гуманитарных наук на манер естественных — это попытки их кибернетизировать, дигитализировать, предпринимавшиеся еще в структурализме. Политизация гуманитарных наук — это подчинение их разнообразным дискурсам власти, социальному заказу, правящей идеологии. Тем самым гуманитарным наукам придается практическое измерение других наук, чуждое их специфике, и компрометируется сама возможность гуманитарных практик. Задача в том, чтобы придать гуманитарным дисциплинам практическую направленность, не отменяя, а, напротив, полностью раскрывая их специфику.

Речь идет не о первичных искусствах (поэзия, музыка, живопись, театр, кино и т.д.), которые *изучаются* гуманитарными науками, а о *вторичных* искусствах, практиках, технологиях, возникающих на основе самих гуманитарных наук. Как на основе естественных наук вырабатываются техники (искусства) преобразования природы, так и на основе гуманитарных наук могут вырабатываться искусства преобразования культуры. Перед ученым-естественником часто встает вопрос: какие новые практические возможности содержатся в его открытиях? Такой же вопрос уместно ставить и перед гуманитариями.

Задача *трансформативной философии* — проектировать онтологию виртуальных миров, исходные параметры их бытия, метрику времени-пространства, познавательные и ценностные ориентиры, новые универсалии и универсумы, которые могут оказаться все более осязаемыми и обитаемыми по мере развития электронных технологий (*концептивизм, *потенциация, *умножение сущностей). Практические задачи лингвистики и семиотики — создание новых знаков, лексических единиц, грамматических моделей, увеличивающих богатство и выразительность языка, расширение семиосферы, построение новых знаковых систем (*лингводизайн, *проективная лингвистика, *семиургия). Трансформативная задача культурологических практик — разрабатывать проекты новых культур и цивилизаций, в том числе экспериментальных и основанных на взаимодействии естественного и искусственного интеллектов (*культуроника, *транскультура).

Гуманитарные науки, в силу своей специфической обращенности на субъект познания, по существу даже более конструктивны, практически ориентированы, чем естественные и социальные. Каждый акт самосознания есть акт самопостроения, так как нельзя до конца выполнить сократовское «познай самого себя». Поскольку гуманитарные науки не могут быть целиком «научными» (см. *гуманистика), они «обречены» конструировать и трансформировать свой предмет. Именно вследствие своей «врожденной» и неизбежной конструктивности гуманитарные науки позже приходят к осознанию ее методологических и институциональных возможностей, чем науки естественные и общественные.

Естественные науки не составляют часть природы, тогда как гуманитарные науки составляют часть культуры, которая через них рефлектирует над собой и преобразует себя. Выделить этот конструктивно-преобразовательный компонент в гуманистике труднее, чем технологический — в естественных науках, которые трансформируют природу извне, а не культуру — изнутри.

Таким образом, на место вопросительного знака в вышеприведенной схеме ставится *трансгуманистика*, то есть совокупность трансформативных практик и технологий в разных областях гуманитарных наук. Область трансгуманистики охватывает все практические дисциплины, возникающие на основе теоретических: *культуронику (на основе культурологии), *проективную лингвистику (на основе лингвистики), трансформативную философию, эстетику, поэтику и т.д. (см. *трансдисциплины).

Трансформативную гуманистику (transformative humanities) следует отличать от *прикладной* гуманистики (applied humanities). Последняя включает архивное, библиотечное и музейное дело, медийные практики, менеджмент, маркетинг и образование в области культуры, дигитализацию, разнообразные формы сохранения и популяризации культурного наследия, организации досуга и т.п. Это распространение культуры в массы, ее материальное и социальное обеспечение, не равнозначно трансформативной гуманистике, которая включает *гуманитарное изобретательство и создает новые ценности в культуре¹.

*Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, Концептивизм, Культуроника, Манифест, Мыслезнание, Потенциация, Проективность, Трансдисциплины, Трансформация

Конструктивный. С. 1–74.

Творчество. С. 20–43.

Humanities. P. 11–15.

Эмерсон К. Трансформативная гуманистика Михаила Эпштейна: Пролог к будущему нашей профессии / Пер. с англ. М. Литвиновой // Новое литературное обозрение. № 131. 2015.

С. 245–256.

ТРАНСДИСЦИПЛИНЫ (transdisciplines), **ТРАНСФОРМАТИВНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ** (transformative disciplines). Практические дисциплины, которые возникают на основе теоретических дисциплин и ведут к трансформации предметов их изучения — языка, литературы, искусства и т.д. Например, *транслингвистика* (translinguistics) создает искусственные языки или задает новые направления развитию естественных языков; *трансэстетика* (transaesthetics) принимает форму литературных программ и манифестов, определяющих новые пути искусства. Приставка «*транс-*» означает «за», «сквозь», «через», «по ту сторону» того, что обозначается корневой частью слова. В соединении с названиями теоретических дисциплин «*транс-*» обозначает те практики, которые возникают на их основе и ведут к трансформации изучаемых ими областей.

В литературоведении, наряду с тремя основными, общепринятыми разделами: *теорией, историей, критикой* литературы, необходимо указать место и для транс-

¹ Область трансгуманистики обоснована и конкретно разработана в книге: Epstein M. The Transformative Humanities: A Manifesto. New York, London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 pp.

формативной деятельности, для обоснования новых текстуальных стратегий, приемов, жанров, направлений. Литературоведению нужен *четвертый* раздел, обращенный не к прошлому литературы (история), не к настоящему (критика), не к вечному (теория), а к ее будущему (прогностика, эвристика, креаторика). Речь идет о *практическом, экспериментальном* литературоведении, образцы которого мы находим у писателей, критиков и мыслителей, обосновавших новые направления литературы (романтизм, символизм, футуризм, сюрреализм и т.п.) или исследовавших возможности новых художественных форм: Н. Буало, братья Ф. и А. Шлегели, В. Гюго, Э. Золя, Ф. Маринетти, А. Бретон, Р. Барт, а в России — В. Белинский, Д. Мережковский, А. Белый, В. Шкловский... Область их усилий — не только поэтика или эстетика, которые исследуют законы литературы и искусства, но и *транспоэтика* и *трансэстетика*, которые открывают новые возможности литературы и искусства, пытаются преобразовать то, что они изучают. *Транслитературные практики*, начиная с программных выступлений Данте, Петрарки, а впоследствии классицистов, романтиков и т.д., не уступают в значимости литературоведению, и большинство новых теоретических идей пришло в литературную науку именно из программ новых литературных направлений.

Существующее деление культуры на первичные практики и изучающие их теории заведомо неполно и не позволяет определить характер творческого вклада многих выдающихся деятелей культуры, например, русского Серебряного века. Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Белый были и писателями, и теоретиками, но в их работе присутствует нечто третье, чего нет ни у чистых художников (скажем, у Н. С. Лескова или А. П. Чехова), ни у академических ученых (как у А. Н. Веселовского или А. А. Потебни). Они не просто создавали литературу и не просто изучали ее, а прокладывали ей новые пути, открывали в ней новую эпоху и стиль, исходя из теоретического видения ее задач и возможностей. Они были не только *литераторами* и *литературоведами*, но и своего рода «*литературоведами*», то есть сочетали литературную практику (стихи, проза) с литературной теорией, а последнюю трансформировали в новую, вторичную практику, в *программу символизма как нового литературного направления* и даже *целого культурного движения*, в котором были художественная, теоретическая, философская, религиозная, социальная составляющие...

Трансгуманистика охватывает собой все дисциплины, которые направлены на *трансформацию* того, что изучается соответствующими гуманитарными науками. Широчайшее поле применения имеет *транслингвистика*, которая создает искусственные языки или задает новые направления развитию естественных языков, исследует и реализует возможности словообразования и эволюции грамматических форм. Так, деятельность Л. Заменгофа, создателя международного языка эсперанто (1887), не относится к области лингвистики, хотя и развивается на ее основе. Именно сравнительный анализ существующих языков позволил Заменгофу синтезировать новый язык, сочетающий романские, германские, славянские элементы. Трансгуманистика охватывает практики второго, надтеоретического, а не дотеоретического уровня.

Каждая гуманитарная дисциплина, как целое, нуждается в практическом развитии, чтобы преобразовать знание в конструктивное мышление и творческий процесс. Лингвистика и семиотика призваны развивать лексическую и грамма-

тическую систему языка и расширять семиосферу, создавать новые знаковые системы. Логика и психология — расширять возможности интеллекта и эмоциональной сферы, в том числе проектировать новые свойства искусственного разума. Эстетика и поэтика — очерчивать возможности новых художественных и литературных движений. Преобразовательный подход к предметам знания соответствует традициям гуманитарной мысли, которая в минувшие века двигалась в авангарде человечества и задавала вектор и смысл его исторического развития.

**Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, Культуроника, Манifest, Проективная лингвистика, Проективность, Трансгуманистика*

Конструктивный потенциал гуманитарных наук: могут ли они изменять то, что изучают?

// *Философские науки*. 2008. № 12. С. 34–55.

Творчество. С. 25, 29–30, 39–43, 444–449, 454–455.

Humanities. С. 11–15, 287–292.

Лит.: *Лихачев Д. С.* Будущее литературы как предмет изучения // *Новый мир*. 1969. № 9;

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.

ЧЕЛОВЕК (chelovek; рус. человек + англ. love, любовь). Человек как существо любящее и призванное любить. В сердцевине русского слова «человек» читается английское «love» — любовь. Мысль А. Блока «только влюбленный имеет право на звание человека» может быть сжата в одно слово:

Chelovek — это звучит любовно!

Chelovek cheloveku — love.

Слово «chelovek» — не только о человеческой любви, но и о любви между алфавитами, латиницей и кириллицей, поскольку здесь наглядно представлена графика их сплетения. По мере того как латиница, благодаря распространению Интернета и росту глобальных коммуникаций, становится привычной для пишущих на кириллице, открываются новые источники смыслообразования в русских словах, через которые как бы проступают английские, — и наоборот. Содружество двух алфавитов — способ *метаграфического* (metagraphical) и метафорического взаимообогащения языков. Открывается много возможностей для прочтения неявных смыслов, которые могут лечь в основание подлинно общечеловеческого языка, одним из первых и насущнейших слов которого станет *chelovek*.

**Вочеловечение, Всечеловечество*

Дар. Вып. 173. 4.3.2007.

ЧЕЛОВЕКОМЕРИЕ, ГУМАНОЦЕНТРИЗМ (humanocentrism). Представление о том, что «человек есть мера всех вещей» (Протагор). Человекомерие — основа гуманизма и секуляризма, поставившего человека в центр мироздания (антропоцентризм Возрождения), освободившая его от гнета клерикальных и тоталитарных идеологий и обеспечившая уже в Новейшее время высокий статус права человека в международном законодательстве. Вместе с тем человекомерие может рассматриваться как идеология видового высокомерия, биокультурного превосходства человека над другими формами бытия, включая животных и растения,

а также неодушевленную природу, предметы потребления и создания техники. В этом плане человекомерие может быть приравнено к расизму, сексизму и другим формам эксплуатации, неравенства, узурпации власти.

Подвергая человекомерие критике, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, эта критика, естественно, исходит от самих представителей человеческого рода и представляет собой расширенную и жертвенную форму гуманизма, распространяя на все сущее и внечеловеческое абсолютизацию кантовского категорического императива «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». На место «человечества» в этом случае ставится «все живое», «все уникальное», «все сущее». Возможность выполнения такого абсолютного императива стоит под сомнением, поскольку все становится целью и, значит, не остается средств к ее исполнению (в виде природы или техники).

Во-вторых, на рубеже XX–XXI веков человекомерие из наступательной позиции все более переходит в оборонительную, отступая перед идеологией техноцентризма и футурологией искусственного разума, который уже в обозримом будущем обещает превратить человека, как «естественный разум», в архаический придаток саморазвивающейся киберцивилизации. На фоне воинствующего «постгуманизма» человекомерие выступает как центристская позиция, как способ сохранения подвижного баланса между природным и искусственным в развитии цивилизации.

*Вочеловечение, Всечеловечество, Гуманизм, Самобытие, Техногуманизм, Универсализм критический, Экофашизм, Юзеризм

ЭКОГУМАНИСТИКА (ecohumanities). Исследование тех форм и признаков человеческого, которые постепенно уходят в прошлое в связи с развитием техносреды и соответствующих технических навыков и наклонностей.

В высокоразвитом технологическом обществе, где многие человеческие функции переданы машинам, возникает примерно такое же *отстраненное* отношение к человеку, как к природе в рамках экологии, — отношение как к *исчезающему виду*. Уже в XVIII–XX веках объектом такого экологического внимания и ностальгического влечения, наряду с первозданной природой, становятся первобытные народы, архаические и традиционные культуры, то есть человек как предмет этнографии или культурной антропологии. Эта перспектива расширяется в будущее. Постепенно и «доэлектронный», «биологический» человек будет передвигаться в область *экологического* внимания и заботы, поскольку «современность» будет все более осознаваться как техносреда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадают «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума — «полудикой», промежуточной между природой и культурой (прикосновение, объятие, разговор по душам, вера, надежда, «любви старинные туманы»...). Соответственно этому новому мироощущению возникает и дисциплинарное поле — *экогуманистика*, как не только теория, но и практика сбережения, *музеефикации* человеческого.

Параллельное становление экогуманистики и **техногуманистики* отражает двунаправленную эволюцию самого человека: как *natura naturata*, природного творения — и *natura naturans*, творца второй, искусственной природы (культуры,

техники). Человек одновременно экологизируется — как природное творение и технизируется — как творец автономных форм искусственного разума, с которыми сам постепенно интегрируется.

Как пример только что возникшего предмета экогуманистики можно привести рукописание — маленький заповедник человеческого в мире компьютерной печати. Рука, уже привыкшая нажимать клавиши, вдруг заново ощущает свою человечность, водит пером по бумаге. Раньше акт письма не воспринимался как собственно человеческий, поскольку имел функциональную нагрузку: передача информации. В компьютерный век письмо, уступая эту функцию машине, заново открывает свою телесность. Писание — откровение о личности, интимное обнаружение ее психомоторных свойств. Писание — это нечто «дикое» в сравнении с печатанием: ритуальный танец руки, разновидность хореографического искусства. Само это явление рукописания существовало издавна, но предметом экогуманистики становится впервые именно в своем исчезающем и новооткрытом качестве: как устаревший способ коммуникации, как проявление тактильно-жестиккулярных свойств, рецидив и рудимент человеческого в постчеловеческой цивилизации.

В область экогуманистики постепенно переходят книги и другие печатные издания, поскольку они соразмерны телесности человека и оказываются избыточными для передачи информации в более плотно упакованном электронном виде. Технизация человеческих способностей, их передача машине ускоряет процесс архаизации и экологизации самого человека как природного существа. Со временем функция человеческого, возможно, будет закрепляться за искусственно изолированными, охраняемыми *эко-объектами* (eco-objects), подобно тому как природа в настоящем, «первозданном» виде сейчас существует за оградой заповедников. Такие плантации, заповедники или натуральные музеи человеческого будут принимать самые причудливые формы, как некомпьютеризированные островки «естественной цивилизации» прошлого.

Свойства человеческой телесности, субъективности, духовности тоже могут быть помечены знаком «эко» и становиться предметом экогуманистики. Соответственно, словарь гуманитарных наук обещает пополниться множеством новообразований, включающих *эко-* (eco-) и *ретро-* (retro-) как первую составную часть сложных слов:

— *эко-индивид* (eco-individual) — индивид, избегающий пребывания в техносреде, предпочитающий общение с природой и традиционные формы культуры;

— *эко-эго* (eco-ego) — человек, сосредоточенный на моральном и психологическом развитии своей личности без использования технических средств расширения памяти, восприятия, переработки информации;

— *эко-спиритуальность* (eco-spirituality) — духовные искания в области традиционных религий и культур, без использования новейших технопрактик прямой стимуляции мозга, нейронных имплантов и пр.;

— *ретро-субъект* (retro-subject) — человек, склонный к тем формам поведения и коммуникации, которые развивались вплоть до XX века, например предпочитающий личное общение виртуальному;

— *ретро-сексуал* (retro-sexual) — человек, предпочитающий естественные способы сексуального общения, без технических усилителей, виртуальных раздражителей, нейростимуляторов и пр.

Экогуманистика, как одно из направлений гуманитарных наук, обживает проблемную нишу «естественного» человека, который не подвергся существенным техническим трансформациям, остается в природе и культуре — в рамках той видовой формы *homo sapiens*, которая была единственной до XXI века.

Параллельно с ускоренным формированием техносреды возможно возникновение встречных движений **экогуманизма** (ecohumanism), который предполагает полный или частичный отказ от компьютерной техники в интеллектуальных и образовательных процессах с целью всестороннего развития естественного разума (см. **умоделие*). Соответственно, появится **экопедагогика** (ecopedagogy) — теории, практики, учебные заведения, которые будут отказываться от использования компьютеров в образовательном процессе.

* Археософия, Прото-, Техногуманизм, Техногуманистика, Умоделие, Хоррология, Экофашизм
Творчество. С. 127–131.
Humanities. P. 80, 138–139, 292.

ФИЛОСОФИЯ

Альтерология
Амби- (приставка)
В (предлог)
Всеразличие
Грамматософия
Действия философские
Интенсивность
Конструкционизм, конструирование как метод
Концептивизм
Лирическая философия, лирософия
Материософия
Микрометафизика
Мудрость
Мультиверсалия
Мыслительство
Полисофия
Самое-самое
Синтез языка, синтетическая философия
Софийные дисциплины
Софионика
Софиосфера
Софиофилия, мудролюбие
Тавтософия
Тэизм (the-ism)
Умножение сущностей
Универсализм критический
Универсика
Универсальный принцип
Filosofia
Философование
Фольксософия, народомудрие
Чувства философские
Экзистология и эссенциология

АЛЬТЕРОЛОГИЯ (alterology; лат. alter, другой (из двух)). Совокупность альтернативных теорий и практик; изучение и создание *иного* по отношению к данному. Поскольку смысл каждого явления определяется его отличием от других явлений того же рода (категории), альтерология есть способ понимания и сотворения смыслов через систему различий. Философские основы альтерологии — феноменология Э. Гуссерля, диалогизм М. Бубера и М. Бахтина, философия другого у Э. Левинаса. Основные вопросы альтерологии: каково то другое, по отношению к которому определяется данное? Каковы те другие, по отношению к которым определяюсь я сам?

Альтерология — это теоретический и практический поиск альтернативного: в искусстве, в науке, в политике, в личностном самоопределении, в профессиональной деятельности. Альтерология позволяет не только понять ценность и сущность другого, но и смысл «своего», «наличного», поскольку их различение и смыслообразование совершается одним мыслительным или экзистенциальным актом. В отличие от оппозитивного мышления «тезисом» и «антитезисом», в альтерологии другое не противопоставляется данному, а сочетается с ним «неслиянно и нераздельно». Альтернативное ничему не тождественно и ничему не противостоит, оно — иное, несводимое к категориям единства, борьбы, отрицания, исключения.

Альтерология играет многообразную роль в физике (принцип «дополнительности»), этике (модус отношения к «другому», «ближнему»), эстетике (видение предмета «другим», остранение), теологии (взаимоотношения ипостасей Бога), *креаторике (поиск аномалий и альтернатив, выводящих за предел данной системы). Наряду с известными формами альтернативности, такими как политическое диссидентство (инакомыслие), альтернативная медицина, альтернативное образование, существует множество других, еще не артикулированных ее проявлений, как путь к динамике и инновациям внутри любой деятельности и как модель творческого мышления.

Любое аналитическое определение предполагает наличие того, что *сопредельно определяемому*, то есть содержит в себе косвенное указание на соотносимый, со-о-предел-яемый, альтернативный предмет, который следующим, синтетическим актом мышления вводится в состав культуры. Как альтернатива феноменологии обосновывается возможность *тегименологии — изучающей множественные слои предмета в связи с тем, что они скрывают собой. Альтернатива сексологии — *эротология, гуманитарная наука о любви, о культурных и созидательных аспектах эроса¹. Так очерчиваются и альтернативные понятия (*инфиниция по отношению к дефиниции), альтернативные знаки (*« », как альтернатива письменным знакам).

**Всеразличие*, Потенциация, Потенциосфера, Тэизм, Умножение сущностей

Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: К открытию Книги Книг // Русский журнал. 17.04.1998.

Возможное. С. 65–66, 69.

АМБИ- (ambi-; гр. *amphi* — вокруг, с обеих сторон). Приставка, указывающая на двойственность или обратимость данного явления, которое включает и свою противоположность.

В научный язык уже вошло слово «амбивалентность» — сочетание противоположных отношений к одному объекту (хвала и хула, увенчание и осмеяние). Термин был введен швейцарским психиатром Э. Блейлером (1910) для описания противоположных чувств и установок по отношению к одному объекту.

¹ Эти и многие другие гипотетические, альтернативные дисциплины: микроника, универсика, реалогия, семиургия, тривиалогия, «нулевая дисциплина» — предложены в моей книге «Знак про-бела» (с. 396–787).

В 1912 году З. Фрейд описал амбивалентность пациента в работе о человеке-крысе: «В нашем влюбленном бушевала борьба между любовью и ненавистью, которые предназначались одной и той же персоне». В русский гуманитарный язык этот термин ввел М. Бахтин: «эти ругательства-срамословия были амбивалентными: снижая и умерщвляя, они одновременно возрождали и обновляли» («Творчество Франсуа Рабле...»).

Эта же приставка может прилагаться к тем контрастным общественным движениям или направлениям мысли, которые используют общий набор понятий. Например, **амбимарксизм** (ambi-Marxism) — это общая составляющая марксизма и антимарксизма: они вращаются в одном кругу идей (материализм и диалектика, капитализм и революция), хотя и дают им противоположную оценку.

Амбиментальность (ambimentality) была в высшей степени свойственна Василию Розанову, который ревностно писал за левых и правых, совмещал в себе юдофила и юдофоба.

Амбирадикализм (ambiradicalism) — сходство или обратимость левого и правого радикализма. Радикализм XX века выразился в двух знаменитых фразах. Одна — отталкивающая: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за револьвер» (Й. Геббельс). Другая — благородная: «Писать стихи после Освенцима — варварство» (Т. Адорно). Трудно найти более несовместимые фигуры: нацистский министр пропаганды Третьего рейха — и критический философ, антифашист, борец с «авторитарной личностью». Между тем их высказывания обнаруживают близость: оба выносят приговор культуре (и поэзии как ее проявлению). Культуре противопоставляется «здоровое» варварство войны — или сама культура объявляется варварством перед лицом войны и ее невинных жертв. Такова логика *амби-*, в данном случае относящаяся к обратимости правого и левого радикализма.

Там, где есть «анти-», всегда возможно и «амби-». Отсюда такие понятия, как «амбикоммунистический», «амбисоветский», «амбифашистский» и пр. При этом черта между «про» и «контра» сохраняется, даже проводится с максимальной резкостью — но трактуется как ось симметрии, не только разделяющая, но и соединяющая противоположные учения. Чтобы выйти за рамки данной идеологии, следует вынести за скобки ее оценочные знаки, плюсы и минусы, — тогда она воспринимается амбивалентно, как целостная парадигма.

* *Амбипатия, Амбирелигия, Амбитеизм, Амбиутопия, Двочувствие, Катарсис мысли, Контраформатив, Противозовие (в этике), Противоирония, Противочувствие, Реверсивность ПСФ. С. 16–17.*

«В» (in, into). Предлог, одно из двух самых частых по употреблению слов в русском языке (наряду с союзом «и»); философская категория, указывающая на пребывание вещей «одна в другой» («всё во всём»).

Философская значимость предлога «в», как и других грамматических слов, форм и правил, относится к тому разделу философии языка, который называется **грамматософией*. Служебные слова — важный источник пополнения философской терминологии, в которой традиционно преобладали знаменательные слова. В большинстве европейских языков самым частотным словом — и важнейшей философемой — является определенный артикль, выделяющий предмет из

класса ему подобных (**тэизм*). В русском языке на первое место выдвигается другое фундаментальное свойство — не «выделенность», а «вмещенность»¹. Если определенный артикль «the» указывает, что *ничто не может быть, не будучи чем-то* (этим, а не другим), то предлог «в» подразумевает: *ничто не может быть, не будучи в чем-то*. *В-модус* определяет пребывание всякой вещи внутри другой: даже самое малое что-то вмещает, даже самое великое чем-то объемлет. Вещь определяется не отличием от другой вещи, но через то большее, в чем она заключена. Через *в-модус* любая вещь предстает окруженной и окружающей, притом что эти круги входят друг в друга, как звенья одной цепи: окружающее само окружается тем, что оно окружает. Мы застаем свое «я» — в мире, а мир — в себе. Что было в начале: курица или яйцо? Так как яйцо пребывает в курице, а курица в яйце, то ответить на этот вопрос можно только одним логическим способом: в начале было «в».

Библия, как известно, начинается предлогом «в»: «В начале сотворил Бог небо и землю». Само «в» (на иврите «Бе-решит», «в начале») образует начало всего, до самого разделения неба и земли. Знаменательно, что у кириллической буквы «в», происходящей от греческой «беты», общее происхождение и сходное начертание с ивритским «бет» (от финикийского алфавита, где она, как и позже в иврите, имела самостоятельное значение «дом», то есть пространство «в», внутри).

«Всё содержит в себе долю всего», или «всё во всём» — принцип, провозглашенный еще Анаксагором. В классической философии (Декарт, Спиноза, Лейбниц) сложился образ «*великой цепи бытия*», которая непрерывностью сцеплений ведет от несовершенных творений к более совершенным и к самому Творцу, так что невозможно изъять из этой цепи никаких звеньев — они нужны для полноты мироздания². «В» — способ скрепления «великой цепи бытия»: окружающее само окружается тем, что оно окружает; одно звено сцепляется с другим, одновременно *охватывая* и *охватываясь*. Расплетая «великую цепь», мы получаем отдельные разорванные звенья: «бытие» и «познание», «материя» и «дух», «объект» и «субъект» и другие более частные познавательные категории. Но скрепляющая основа всего — то, что держит все эти звенья вместе, соединяет их и делает цепью — «в».

По словам Паскаля, «с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную» («Мысли»). Именно *взаимоохват* этих двух кругов создает самого человека как узел ввернутости-вывернутости, как главное «в» мироздания. Мир охватывает человека в точке его тела, а человек охватывает мир в круге своего сознания. Отсюда двойственное положение человека в мироздании, как страдающего и мыслящего существа. По словам К. Ясперса, «объемлющее, которое есмь я, как бы объемлет объемлющее,

¹ По данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977), из каждого миллиона словоупотреблений на предлог «в» («во») приходится 43 тысячи, то есть в среднем «в» — каждое 23-е слово в тексте. По данным новейшего частотного словаря Ольги Ляшевской и Сергея Шарова (2009), «в» — каждое 32-е слово. На первом месте слово «и» с 36 тысячами вхождений на миллион, на втором месте «в» с 31 тысячами, на третьем «не» с 18 тысячами, на четвертом «на» с 16 тысячами, на пятом «я» с 13 тысячами.

² Lovejoy A. O. *The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea*. New York: Harper & Row, Publishers, 1965. P. 52.

которое есть само бытие, и одновременно объято им»¹. Таким образом, наибольшее оказывается в наименьшем, и этим замыкается структура кольцевания: всё, охватывая собой «ничто» (как называет сознание Сартр), само оказывается внутри него. Мыслящая личность — это и есть точка взаимосцепления наибольших колец, бесконечной вселенной и бесконечного сознания. Итак, кратчайшим ответом на вопрос об отношении сознания и бытия может послужить буква «в», она же — морфема, слово, понятие и философская категория. Нельзя полностью объяснить, в чем смысл или причина этого «в», потому что «в» очевидным образом предшествует самому вопросу и деятельности сознания в мире. Само разделение на бытие и сознание есть следствие того, что для «в» требуются соответствующие структуры: звенья, кольца, горизонты, окружающее и окружаемое... Эти две рамы: бытие и сознание — вставлены друг в друга так, что динамически чередуются в порядке взаимных обрамлений. Сознание охватывается миром (материально) и одновременно охватывает его (идеально), и потому нам дано их знать только в модусе «в»: как сознание-в-мире и мир-в-сознании. «Все во мне, и я во всем» (Ф. Тютчев).

Философии еще только предстоит ввести в поле своего анализа те грамматемы-философемы, которые бессознательно пронизывают язык, то есть совокупное мышление всех говорящих. В-модус указывает на возможное решение «основного вопроса» философии об идеальном и материальном. Философская система, *конгениальная языку* в его глубинном синтаксисе и в сумме всех речевых актов о мире, начинается не с понятий бытия или сознания, а с того простейшего, что включает их друг в друга, — с предлога «в». Я всегда застаю свое сознание уже в мире, и вместе с тем всегда застаю мир внутри своего сознания. Первично именно «в» — взаимная окольцованность субъекта и объекта познания, их вложенность друг в друга.

**Грамматософия, Тэизм, Частотный словарь как философская картина мира*
Предлог «В» как философема // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 86–95.
Знак. С. 228–253.

ВСЕРАЗЛИЧИЕ (total difference, pan-difference). Различие как первоначало, из которого развиваются все свойства и явления мироздания. Принцип всеразличия позволяет критически пересмотреть идею «всеединства», укоренившуюся в неоплатонизме, патристике, а затем в классической немецкой и в русской философии.

Начиная с Вл. Соловьева принцип всеединства господствовал в русской мысли, противопоставляясь индивидуализму в этике и эмпиризму в науке, что привело, в крайних своих проявлениях, к тоталитарным практикам насильственной «соборности», народности, коллективизма. При этом выдвигались разные версии всеединства: идеалистические и теологические — у А. Хомякова, Вл. Соловьева и их последователей; материалистическое единство мира — в государственно утверждаемой философии марксизма-ленинизма.

На рубеже XX–XXI веков, отчасти в связи с крахом советского тоталитаризма, меняются философские ориентации, и теперь основной проблемой предстает уже

¹ Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 427.

не взаимоотношение материального или идеального единства мира, а ограниченность самого принципа всеединства, который все более оттесняется принципом всеразличия. Проявления его многообразны: от идеи «différance» Жака Деррида до теории и политики «многокультурия» (multiculturalism). Основателем философии всеразличия может считаться Г. В. Лейбниц, у которого она приобретает форму плюрализма и монадологии. «...Никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое и в которых нельзя было бы найти различия...»¹ В начале многих философских систем лежит некое первопонятие, из которого выводятся все остальные. В древнегреческой философии такими первоначалами выступали стихии воды (Фалес) или огня (Гераклит), понятия числа (Пифагор) или бытия (Парменид). Европейская философия умножила число первоначал: у Декарта — мышление, у Фихте — «я», у Гегеля — абсолютная идея, у Шопенгауэра — воля, у Маркса — материя... Всякий раз ищется нечто такое, что заключало бы в себе основу всего. Но если начала, авторитетно утверждаемые крупнейшими мыслителями, оказались столь различны, то не следует ли само Различие полагать началом всех начал? Если Бытие определяется как таковое лишь в своем отличии от Не-бытия, следовательно, Различие предшествует как тому, так и другому.

Как заметил еще Гегель, «если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие»². В любой системе, где имеется n тождеств, имеется $n+1$ различий. Различие предшествует тождеству, поскольку тождество само отличается от различия и является лишь одним из моментов его отличия от себя. Движение, дисбаланс, асимметрия неустранимы из мироздания именно в силу изначального преизбытка различия над тождеством. Отсюда и поступательно-саморазличающий характер таких оппозиций, как «культура — природа», «интеллектуальное — чувственное», «означающее — означаемое», где первое понятие уже содержит свое отличие от второго. Оппозиция культуры и природы сама принадлежит системе культуры; оппозиция означающего и означаемого принадлежит плану означающего. Только различие имеет основание само в себе, ибо все другое имеет основание в своем отличии от другого.

Принцип всеразличия нельзя отождествлять с плюрализмом, который допускает, что начал может быть сколь угодно много. Плюрализм предполагает безразличное принятие всего того, что само в себе глубоко различно. Различие имеет собственную безусловную ценность и обоснование в себе самом. «Отличное», как свидетельствует язык, есть не только то, что несходно с другим, но и то, что превосходит другое. «Хорошее» и «плохое» в равной степени отличаются друг от друга, но само это различие между ними прибавляется к хорошему

¹ Лейбниц Г. В. Монадология, 9 // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 414.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 272. Сам Гегель, однако, начал построение своей системы именно с неразличности — с «бытия, чистого бытия», которое «не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему» (Там же. С. 84). Соответственно, и в итоге своей система приходит к неразличности: «Таким образом, и логика возвратилась в абсолютной идее к тому простому единству, которое есть ее начало... путем снятия опосредования, к своему соответствующему равенству с собой» (Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т. 3. С. 309).

и содействует его преобладанию над плохим. По мысли К. С. Льюиса, «живые существа тем больше разнятся, чем они совершенней. Созревая, каждое благо все сильнее отличается не только от зла, но и от другого блага»¹. Это означает, что благом является и само по себе различие, коль скоро оно способствует созреванию других благ; а отсюда следует, что по мере различения благ и зол Блага становится больше, чем Зла.

Философия всеразличия предполагает критическое отношение не только к понятию всеединства, но и к категории противоположности и противоречия. Любое явление обладает множеством признаков и потому никогда не противоположно другому явлению, а только отличается от него. Противопоставлять можно только признаки, отвлеченные от вещей: черное и белое, высокое и низкое. Между ними — противоположность, но между высоким и низким домом или высоким и низким человеком — уже не противоположность, а только различие, поскольку и дом, и человек обладают множеством других признаков, частью сходных, частью несходных. Нет вещей, состоящих из одного признака; и поэтому каждая, в своей целостности, в сочетании многих признаков, лишь отличается от другой.

И тождество, и противоположность — это лишь абстрактные допущения в определенных логических интервалах; например, по признаку «холодного-горячего» все холодные вещи тождественны между собой и противоположны горячим. Но между холодной и горячей водой гораздо больше сходств, относящихся к физическим свойствам и химическому составу воды (влажность, текучесть...). Тождество и противоположность — это две абстракции различия, разрывающие его живую сердцевину и переходящие в «единство и борьбу противоположностей». Мышление подлинно творческое, восходящее от абстрактного к конкретному, движется в логическом пространстве различий, между Сциллой тождеств и Харибдой противоположностей. Здесь действует правило: «ничему не противостоят, ни с чем не отождествляться». Философия всеразличия во многом перекликается с учением Жака Деррида о *différance* как безначальной и бесконечной игре различий. Есть, однако, и существенные различия. Всеразличие *лично*, что выявляется корневой системой русского языка: *лик* — *лицо* — *личность* — *различие* (*différance* имеет другую этимологию: латинское *differre*, *dif-ferre*, разделять, разносить). Первоначальное Различие не может различать ничего ни с чем, кроме как *себя с собой*. Следовательно, правильный вопрос: не *что* лежит, а *кто* стоит в основании всех оснований? Всякое «что» отличается лишь от другого, и только «кто» может отличаться от самого себя. Способность иметь себя в качестве иного — свойство Личности: это различие, из себя происходящее и себя производящее. Сначала «кто», и лишь потом «что», сначала отличие от себя, потом отличие от другого.

Библейская картина миротворения с самого начала показывает, что собственно творческим и первичным является акт различения. Творится не одно, а два: земля и небо — а дальше все разнообразие мира: отделение света от тьмы, воды от суши... «При конце этого мира, — писал Ориген, — будет великое разнообразие и различие, и это разнообразие, полагаемое нами в конце этого мира,

¹ Льюис К. С. Расторжение брака // Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда. М.: Республика, 1992. С. 79.

послужит причиной и поводом новых различий в другом мире, имеющем быть после этого мира»¹. Чем больше различий, тем полнее является в них образ самой *Личности*, творящей мир.

* *Альтерология*, Тэизм, Умножение сущностей, Этика дифференциальная
Учение. С. 211–254.

Transcultural. P. 91–112.

Возможное. С. 166–173, 190–196.

ГРАММАТОСОФИЯ (grammatosophy). Раздел философии, который рассматривает фундаментальные отношения и свойства мироздания через грамматику языка, в том числе через анализ служебных (грамматических) слов, а также грамматических форм и правил. Служебные слова (grammar words) — важный источник пополнения философской терминологии, в которой традиционно преобладали существительные и прилагательные. Слова с грамматическим значением, лишенные лексической определенности, принадлежат к самым частотным в большинстве языков и обозначают самые общие отношения вещей и способы членения мысли.

Одним из упущений философии в минувшие века было то, что она работала почти исключительно с именными частями речи и почти никогда — с глаголами, наречиями и служебными словами. Основные слова-понятия, закрепленные в философских учениях прошлого, — это, как правило, существительные. Бертран Рассел отмечал в «Проблемах философии» (1912): «Даже среди философов широко признаются только те универсалии, которые обозначаются именами прилагательными и существительными, тогда как обозначаемые глаголами и предлогами обычно упускаются из виду. Этот пропуск имел очень большие последствия для философии; без преувеличения вся метафизика после Спинозы преимущественно определялась этим обстоятельством. Прилагательные и имена нарицательные выражают качества или свойства единичных вещей, тогда как предлоги и глаголы большей частью выражают отношения между двумя и более вещами»². Абстрактные понятия — существительные и прилагательные (типа «дух», «материя», «бытие», «идея», «движение», «единое», «прекрасное», «трагическое»), которые доминируют в словаре классической философии, представляют мир назывательно, статично и провоцируют редукцию всех конкретных явлений к немногим общим понятиям. Поставленные, например, перед выбором, «считать ли первичным бытие или сознание» или «как согласуются законы природы со свободой воли», мы оказываемся в плену тех философских решений, которые продиктованы самой структурой данного языка, основанного на примате существительных. Такой язык субстантивирует мир, то есть превращает его в набор предметностей — идеальных или материальных, психических или физических. Однако у философии есть огромный и еще почти не тронутый языковой ресурс — *грамматические слова*: предлоги, союзы, частицы, артикли, а также местоимения. Для ответа на самые глубокие философские вопросы, для выражения *отношений* между сознанием

¹ Ориген. О началах (2.1.3). СПб.: Амфора, 2000. С. 98.

² Universals and Particulars: Readings in Ontology / Ed. by Michael J. Loux. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1976. P. 27–28.

и бытием или личностью и историей нам нужно искать категории не среди имен, а среди предлогов или других грамматических слов. Они относятся к конкретным явлениям не *редуктивно*, как общее к частному, а *реляционно* и *конструктивно*, как множители и преобразователи конкретных значений. Например, предлоги «в» и «с», союзы «как» и «что», частицы «бы» и «ни», падежи существительных и лица глаголов обладают собственной значимостью, которая бессознательно актуализируется во множестве речевых актов. С философской точки зрения грамматические слова и формы, именно в силу своей «формальности», обладают смысловым преимуществом перед теми категориями, которые выражаются лексически полновесными, знаменательными словами. Такое слово в качестве философской категории навязывает свое значение тем явлениям, которые под эту категорию подпадают. Например, понятие «материи» покрывает все разнообразие материальных явлений, от мухи до слона, от цветка до горы, вмещает их в себя и категориально замещает их собой. *Грамматическое слово*, напротив, не подводит «под себя» другие слова, не обобщает явления, а показывает разные способы их сочетаемости, соотносимости, которая и образует самый глубинный слой мыслимого.

Например, предлог «с» указывает на такое значение совместности, соединения, которое может относиться к самым разным явлениям и лицам («я с друзьями», «дождь со снегом»), не подводя сами эти явления под категорию «единство». Этот предлог «с» и синонимичные приставки «с- (со-)» и «син- (сим-)» существенны для понимания терминов и категорий, определяемых соотносимостью и взаимодействием разных явлений, таких как **смысл*, **событие*, **синтопия*, **симтактия*, **симпсихоз* (см. также **диаверс*). Частица «бы» указывает на значение сослагательности, к какому бы действию оно ни относилось («пошел бы», «увидел бы»), в то же время предоставляя данным действиям свободу относиться к другим **модальностям*, — в отличие от предметно-номинативной категоризации, где «идти» подпадало бы под категорию «движения», а «видеть» — под категорию «чувственного восприятия». Предлоги, союзы, частицы и другие «грамматические» слова и формы, такие как падежи, лица, формы залога и наклонения, не обобщают и не замещают конкретные предметности-мыслимости, а напротив, раскрывают множественность их отношений и соответственно умножают оттенки их значений («свобода от», «свобода в» и «свобода для» — разные смыслы свободы).

Грамматософия, как раздел философии, призвана изучать ту значимость и категориальность, которая потенциально содержится в грамматических словах, формах и правилах, выражающих самые фундаментальные отношения мироздания. Классические трактаты Серена Кьеркегора «Или — Или» (Enten-Eller, 1843) и Мартина Бубера «Я и Ты» (Ich und Du, 1923) представляют собой опыты философского осмысления и категоризации таких «незаметных» и вездесущих формальных слов.

По замечанию Л. Витгенштейна, «*сущность* ярко выражается в грамматике. <...> О том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика. (Теология как грамматика.)»¹ Имеется в виду, что грамматика охватывает высшие, «богооткровенные» законы мышления, которые предписаны языку в виде аксиоматических

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования, 371, 373 // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 200.

правил и обычно не подлежат осознанию и обсуждению. Грамматика — это не то, *что* мы думаем, а *то, что думает нами*; это бессознательное нашего мышления. Философия как раз пытается прорваться к сущностям, которые лежат по ту сторону предметных слоев языка и мышления. Поэтому философия — это прежде всего *грамматософия*, а потом уже *лексикософия* (lexicosophia); она больше всего заинтересована именно в тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуют негласную, неслышимую систему правил или проскальзывают в тех «незначительных» словечках, которые употребляются автоматически. Задача грамматософии — остранение, деавтоматизация именно этих наиболее стертых, привычных знаков мышления, в которых оно вдруг предстает неузнаваемо самому себе.

Можно предложить особый способ чтения текстов, выделяющий в них то, что обычно ускользает от внимания: предлоги и другие служебные слова. При обычном чтении они оказываются как бы невидимыми, поскольку все внимание обращено на знаменательные слова и их сочетания, на «кирпичи», а не на сцепляющий их «цемент», меняющий всю кривизну смыслового пространства. Можно назвать такой метод «*предложным чтением*» (prepositional reading), в отличие от обычного *propositional reading*, которое направлено на суждения, пропозиции, тот аспект высказывания, который выражен знаменательными словами¹. Прочитав такие суждения:

- (1) «сознание существует в мозге как фантомное проявление его нейронной активности»;
- (2) «мозг существует в сознании как объект его интроспекции, самонаблюдения» — мы склонны интерпретировать их как противоречащие друг другу на *пропозициональном* уровне. Первое звучит как физикалистское утверждение, второе как идеалистическое или менталистское. Но если мы прочитаем эти высказывания *препозиционально*, логически выделяя не существительные и глаголы, а предлоги, мы обнаружим их обратимость: сознание **в** мозге, мозг **в** сознании. Эти два суждения указывают на философско-концептуальную первичность отношения *«в», присущую ему обратимость значения, окольцованность мира и сознания друг другом. Препозициональное чтение открывает в философских текстах их «грамматическое бессознательное», которое находится по ту сторону их лексической поверхности, по ту сторону знаменательных слов и преднамеренных суждений.

Важность и вездесущность грамматических (незнаменательных) слов отражается в статистике речи: они неизменно занимают первые 20–40 позиций в частотном словаре большинства языков мира. Так, по данным «Частотного словаря русского языка», первая десятка самых употребительных русских слов выглядит так: «в (во)», «и», «не», «на», «я», «быть», «что», «он», «с (со)», «а». То, что грамматические слова являются самыми частотными, говорит об их первоочередной необходимости мышлению как семантических универсалий. В этом смысле главными философскими терминами в большинстве языков могут стать артикли, предлоги, частицы, союзы (*В, *Как бы и *Тэизм), а также местоимения (*Всекто и всечто, *Отрицательно-неопределенные местоимения). Близо

¹ Preposition — предлог; proposition — предложение, утверждение, заявление, суждение (в логике, философии).

к служебным словам по своей лексической всеобщности и широкой сочетаемости с конкретными понятиями стоят приставочные морфемы (**амби-*, **гипер-*, **прото-* и др.).

*В, Как бы, Недо-, -Остн-, Тэизм, *Частотный словарь как философская картина мира Учение*. С. 226–227.

Предлог «В» как философема // *Вопросы философии*. 2003. № 6. С. 86–95.
Знак. С. 228–253, 311, 689.

ДЕЙСТВИЯ ФИЛОСОФСКИЕ (philosophical actions). Поступки, мотивированные философскими мыслями и/или **чувствами* и направленные на мир в целом, выражающие общее миропонимание.

На первый взгляд, наиболее философски действуют руководители государств и больших международных организаций, поскольку от них в наибольшей степени зависят судьбы мира. Но политические действия отличаются от философских тем, что чаще всего диктуются соображениями практической целесообразности, консолидации власти, экономической выгоды, эгоизма, честолюбия и т.д. Лишь у немногих государственных деятелей, таких как М. Ганди, В. Ленин, Мао Цзэдун, У. Черчилль, в основе политических действий хотя бы отчасти лежит философская мотивация. Но если, например, человек отгоняет от себя надоедливого комара, вместо того чтобы прихлопнуть его одним ударом, потому что в принципе не хочет лишать жизни даже ничтожное насекомое, то, как бы ни было мелко данное действие (или бездействие), оно может считаться философским. Неубиение комара в данном случае выражает сострадание всему живому и представление о жизни как наивысшей ценности.

Философскими действиями изобилует жизнь персонажей Достоевского, для которых самое важное — «мысль разрешить». Самоубийство Кириллова в «Бесах» и преступление Раскольникова — это несомненно философские действия, как и безучастность Ставрогина, наблюдающего самоубийство соблазненной им Матрешы. Столь же философично действуют персонажи Платонова. Например, Воцев из «Котлована» собирает ненужные вещи, чтобы докопаться до их тайного смысла — и оправдания перед лицом вечности. Нет ничего более ничтожного и пустого с прагматической точки зрения, чем подборание засохшего листка, — и ничего более философски значительного, потому что эта «ненужность» служит космодичее, проверке осмысленности бытия как такового.

Философское действие — это утверждение или отрицание определенной концепции мироздания, эксперимент над *миром в целом*, в какой бы конкретной точке это действие ни производилось. Более того, именно отнесенность к миру как к целому позволяет сократить реальный масштаб философского действия до наименьшего из возможных: убить (или не убить) не толпу людей, а одну только никому не нужную старушку или даже только одного комара. Собрать и сберечь не коллекцию драгоценных камней (это действие коммерческое, историко-культурное или эстетическое), а лишь один засохший листочек. Подобно тому как физики исследуют природу мироздания через анализ его наименьших составляющих: атомов, квантов, элементарных частиц, — так и философия может постигать и «испытывать» мироздание через мельчайшие и вместе с тем мирообъемлющие

действия, которые решают вопрос о свободе (или несвободе) воли, о ценности (или ничтожестве) жизни, о соотношении временного и вечного и т.п.

**Метапрактика, Микрометафизика, Микроника, Мыследействие, Универсальный принцип, Чувства философские*

О философских чувствах и действиях // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 167–174. *Творчество*. С. 188–193.

ИНТЕНСИВНОСТЬ (intensity). Внутренняя мера всего сущего, степень самопроявления данной сущности в ее отличии от всех других; мера бытийности бытия, сознательности сознания, личностности личности, действительности действия и т.п. Одно из формально-логических выражений интенсивности — значимый повтор, **тавтология*, когда нечто сущее утверждается в качестве собственной сущности, его признак становится призыванием, как в высказывании Пиндара: «стань тем, кто ты есть». Так, мера интенсивности бытия человека — **вочеловечение*, бытия в языке — **воязыковление*, бытия в сознании — **восознание* самих условий сознания.

По словам Ж. Делеза, «выражение “различие интенсивности” — тавтология. Интенсивность — форма различия как причины чувственного. Любая интенсивность дифференциальна, заключает в себе различие. <...> Интенсивность драматизирует, она непосредственно выражается в основных пространственно-временных динамизмах, определяет “неразличимую” в Идее дифференциальную связь, воплощающуюся в различимом качестве и отличающемся пространстве»¹.

В физике *интенсивность* — это средняя мощность, переносимая волной через единичную площадку, расположенную перпендикулярно направлению распространения волны. В метафизическом плане интенсивность мира определяется амплитудой осуществляемых в нем переходов от одной крайности к другой, от материального к идеальному, от разума к ощущению, от страдания к наслаждению, от светлого к темному, от высокого к низкому и обратно. С этой точки зрения, наш мир является не наилучшим, как считал Лейбниц, но *самым интенсивным*, поскольку в нем одновременно присутствует и лучшее, и худшее. Интенсивность мира определяется его пороговостью, граничностью, степенью отличия от себя, внутренней дифференциацией, многообразием универсалий. Тот мир, который для нас является актуальным, всегда самый интенсивный, ибо граница (между левым и правым, передним и задним, верхним и нижним) проходит всегда через ту точку, в которой мы сами пребываем. Собственно, «я» — это и есть порог (лиминальность) всех миров и свойств этого мира, точка наибольшей интенсивности, как бы «convergence point», куда сходятся, как в перспективе, все мыслимые различия, все границы окружающего мира и возможных миров. Если принять индексальную концепцию различения миров, можно говорить о «я-мире», который существует только в единственном числе, о «ты-мирах» — других, но доступных сопоставлению с нашим, и «их-мирах», недоступных такому сопоставлению.

¹ Делез Ж. Различие и повторение / Пер. Н. Маньковской, Э. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. С. 272, 299.

Наш мир, если сравнить его с другими возможными мирами, является самым интенсивным, поскольку другие миры представляют лишь разграничительные проекции нашего. Так, все места слева от нас — левые, справа — правые, и только я сам и все, что лежит на одной линии со мной, определяется как граница схождения между правым и левым, а также внешним и внутренним, субъектным и объектным. Я-мир — это точка схождения-расхождения всех возможных миров, реальных и идеальных, мыслимых и ощущаемых, горячих и холодных, возможных и необходимых. «Я» — точка предельной интенсивности, которая предстает сама себе, то есть обладает свойством саморефлексии и самотрансформации, а значит, и дальнейшей интенсификации в умножающихся отличиях от себя. Это точка мирового пространства, где сходятся все внешние различия, но она и сама обладает свойством отличаться сама от себя, то есть умножать внутреннюю мерность различий.

Еще одна точка предельной интенсивности, соотносимая с «я», в разных мировоззрениях именуется «Бог», «Абсолют», «Дао», «Брахман/Атман», «Единое», «Первобытие», «Всеразличие», «Все-Я». Оттуда изначально исходят все различия, которые затем сходятся в каждом из множества индивидуальных «я» — точек предельной интенсивности.

Другие миры по определению более бедны и экстенсивны, чем актуальный «я»-мир. Потусторонние, райские и адские миры отличаются отсутствием некоторых качеств, которые есть в нашем мире, например отсутствием страдания и тоски или отсутствием радости и надежды, то есть они онтологически беднее, как односторонние проекции нашего мира, как «только верхнее» или «только нижнее», которые взаимно определяют и совмещаются в точке «я» этого мира. Предельно бедный универсум состоит из одной универсалии, например является только однородно пустым или только однородно плотным и лишен других определений.

Во всякой сфере бытия есть свои модусы интенсивности. Например, наиболее осязательное ее проявление в телесной сфере — **упругость*, когда объемлющее одновременно и впускает, и выталкивает объемлемое из себя. Твердое и мягкое сами по себе не интенсивны, поскольку одно только сопротивляется, другое только впускает (непроницаемость и податливость). Упругость как неслиянность-нераздельность двух тел — наибольшая интенсивность их взаимодействия; амплитуда ее колебаний затухает в точках мягкости и твердости. Упругое позволяет в наибольшей степени ощущать себя — через другое, и другое — через себя.

Аналогичные способы проявления интенсивности — «упругость» мышления, личностного взаимодействия и т.д. — есть и в интеллектуальной (**Гипотетизм*, **Интересное*), и в моральной сферах (**Алмазное правило*, **Противозовие*). Интенсивность раскрывается в процессах **трансформации*, исчисляемых **витами* (превращение + в – и обратно), и в **творчестве* как превращении ошибки/аномалии в новое правило/систему. Вместе с тем интенсивность включает в себя и **реверсивность*, то есть обратимость процессов трансформации, порой достигающих прямо противоположных результатов.

**Вит, Всеразличие, Гипотетизм, Интересное, Ипсеизм, Многомирие, Противозовие, Реверсивность, Самобытие, Самое-самое, Тавтософия, Творчество, Трансформация, Упругость*

КОНСТРУКЦИОНИЗМ, КОНСТРУИРОВАНИЕ КАК МЕТОД (constructionism; construction as a method). Направление теоретической мысли, которое признает знание «сконструированным», то есть не отражающим какой-то внешней реальности, и ставит своей задачей конструирование новых понятийных систем, методов мышления и смыслообразования. Конструкционизм принимает две формы: *критическую* и *креативную*. В западной философии термин «конструкционизм» употребляется как обозначение новой волны критицизма, направленного против классического рационализма. Особое внимание уделяется тем мыслительным конструктам, которые имеют этническую, расовую, гендерную основу. В неомарксистских и постструктуралистских течениях считается, что даже физическая и биологическая реальность, включая расу, нацию, пол, конструируется социально. Признавая конструктность всякой реальности, сами конструкционисты, как правило, не ставят перед философией задач *творческого конструирования*. Они охотно критикуют реалистические суждения, подчеркивая конструктность любых реалий, но, желая остаться внутри критической парадигмы и отождествляя ее с «научной философией» вообще, не конструируют ничего выходящего за пределы философского анализа. Односторонность критического конструкционизма в том, что он *недостаточно конструктивен*.

Ницше указывал всю бесполезность так называемой «критики», которая критикует интеллект за то, что он якобы не способен познать истинную реальность, как будто бы сама критика уже познала ее и встала над интеллектом, чтобы указать ему на это несоответствие. «Интеллект не может критиковать самого себя, именно потому, что мы не имеем возможности сравнивать его с иновидными интеллектами, и потому, что его способность познавать могла бы проявиться лишь по отношению к “истинной действительности”, то есть потому, что для критики интеллекта нам нужно было бы быть высшими существами с “абсолютным познанием”»¹.

Для философии самого Ницше характерен *креативный конструкционизм*, который, в отличие от критического, ставит своей задачей не показывать сконструированность реальности или теории, а производить новые, альтернативные конструкты во всех областях мышления. В частности, не критиковать, а *потенцировать* литературное произведение, не сокращать, а умножать его смыслы. Для обозначения творческого конструкционизма, в его отличие от критического, а также от литературного и художественного конструктивизма 1920-х годов, используется термин **концептивизм*.

**Концептивизм, Креатема, Потенциация, Проективность, Семиургия, Софионика, Творчество, Трансформация, Умножение сущностей
Возможное. С. 189–204.*

КОНЦЕПТИВИЗМ (conceptivism; от лат. conceptare, вбирать в себя, замышлять, зачинать, беременеть; отсюда английское conceive — постичь и зачать; conception — концепция и зачатие). Философия «зачинающих понятий», кон-

¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей // Ницше Ф. Избранные произведения в 3 т. М.: REFL-book, 1994. Т. 3. С. 220.

структивная деятельность мышления в области концептов и универсалий. Как и *конструкционизм, концептивизм признает «конструктность», концептуальную заданность «реальности», но ставит своей задачей *не критику и демистификацию этих конструктов, а творческое их порождение*, создание множественных моделей возможных миров, интеллектуальных и общественных практик. Термин «концептивизм» указывает на *зачинательно-генеративную* природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их.

Когда говорится о *концепте* или *концепции* чего-то — мира, человека, общества, знака и т.д., — имплицитно предполагается *акт зачатия, творческого образования, «концептации»* данного объекта. Русский термин «понятие» не вполне передает тот зачинательный смысл, который имеет латинское и соответственно английское «concept», «conception» (отсюда «контрацептивные средства», то есть предохраняющие от беременности). Более точным эквивалентом было бы «поятие», соотносимое с браком (старинное выражение «поять жену»). Концептивизм близок тому, что стоики понимали под «семенным логосом», «*logoi spermatikoi*» — семенные смыслы, огненные мыслящие зародыши всех вещей. «Как в поросли содержится семя, так и бог, сеятельный разум мира, пребывает таковым во влажности, приспособляет к себе вещество для следующего становления...»¹

Концептивный метод, как альтернатива кантовскому критицизму, был введен в философию Ф. В. Й. Шеллингом под названием «конструкции» или «конструирования» («О конструкции в философии»). Образцы концептивного мышления и понимания задач философии содержатся у Ф. Ницше: «Философы должны не просто принимать данные им концепты, чтобы чистить их и наводить на них лоск; следует прежде всего самим их производить, творить, утверждать и убеждать людей ими пользоваться»². Согласно концептивизму, задача философии — не объяснять и не изменять существующий мир, а расширять и умножать «мирность» мира, его концептуальную мыслимость, строить альтернативные миры и универсалии. Переход от анализа и критики к концептивному мышлению как основной функции философии осуществляется в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, для которых «философия — дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов...»³

Концептивизм открывает новую эпоху мышления, которая наследует кантовскому критицизму и вместе с тем выходит за рамки тех «критических» функций, которыми в значительной степени ограничила себя послекантовская философия. Если критицизм ограничивает пределы теоретического разума, то концептивизм переступает их, заново объединяя те способности разума, теоретическую и практическую, которые строго разграничил Кант. Границы для того и устанавливаются, чтобы их можно было пересекать, то есть *генерировать смысловые события и интенсивности* там, где раньше было лишь однородное, инертно-хаотическое пространство кочевья. Отсюда рискованный и азартный характер концептивного

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, кн. 7. М.: Мысль, 1979. С. 310.

² Ницше Ф. Воля к власти // Жиль Делез, Феликс Гваттари. Что такое философия? СПб.: Алетея, 1998. С. 14.

³ Там же.

мышления, которое дерзает преодолевать гносеологические препятствия, зная их непреодолимость, то есть включая невозможное в область своих возможностей. Авантюрный мыслитель не только знает — вслед за Сократом и Кантом, — сколь многого он не знает, но и (развертывая этот парадокс) *не знает*, сколь многое он *может узнать*, — и с этим незнанием отправляется в путь.

Концептивность — это смысловая насыщенность, или *событийность мышления*. Не только в повествовательных произведениях значимая граница пересекается героем, попадающим из царства живых в царство мертвых, или из провинции в город, или из обывателей в революционеры, но и в философских текстах постоянно пересекаются границы между понятиями, группами понятий, между разными сферами разума. Смысловая событийность текста зависит как от прочности границы, так и от энергии ее преодоления. Вот почему разграничение способностей разума, строго проведенное кантовской критикой, дало мощный импульс для смысловых событий в мышлении последующих веков. Размежевание понятий, установление их границ — это как бы экспозиция философского произведения, за которой следует его сюжет, то есть серия пересечений границы. Образцом событийной единицы может служить *афоризм как микросюжет мышления*, в котором границы понятий, уже установленные традицией и здравым смыслом, резко пересекаются. Афоризм, в силу своей краткости, не имеет места для экспозиции, но таковой служит язык или система понятий, сложившаяся в национальной или мировой культуре. «В ревности больше самолюбия, чем любви»: традиция связывает ревность с любовью, как ее эксцесс и кошмар, тогда как Ларошфуко соединяет ревность с чем-то прямо противоположным любви — самолюбием. «Прежде, чем приказывать, научись повиноваться» (Солон). «Чтобы что-то создать, нужно чем-то быть» (Гете). В этих афоризмах пересекается установленная логикой языковых оппозиций граница между «приказом» и «повиновением», «созиданием» и «бытием», так что одно оказывается необходимой частью и предпосылкой другого.

Концептивизм следует отличать от практического активизма, в который оказались вовлечены некоторые философско-идеологические направления послекантовской эпохи, в частности марксизм и ницшеанство (**платомарксизм*). Концептивизм не ставит своей задачей политическое действие, изменение общественного бытия или хода истории. Концептивизм — это философская деятельность смыслопорождения, организации смысловых событий, пересечение концептуальных полей, заданных аналитическим расчленением понятий. Развитие философии есть не только смена направлений, но и *ускорение смысловых событий*, уплотнение их в единицах времени и письма. С открытием принципа «множимости мысли» (**умножение сущностей*) философия становится на собственную почву мыслимости, то есть уже не объясняет действительность и не изменяет ее, не сводит ее к непротиворечивой теории, не вмешивается в ход истории, а создает собственную историю смысловых событий и космологию возможных миров.

Философию отличает от других наук ее направленность на мироздание в целом. А. Шопенгауэр утверждал: «Мир, мир, ослы! — вот проблема философии, мир и больше ничего!» (из рукописного наследия)¹. Другие дисциплины рассматри-

¹ Цит. по: Schirmacher W. Schopenhauers Wirkung: Ein Philosoph wird neu gelesen // Prisma. 2/1989. S. 25.

вают отдельные аспекты природы, истории, культуры, тогда как философию интересует мир как целое. При этом вектор движения философии, особенно четко обозначившийся после кантовского «коперниковского» переворота — усиление практического разума, не только изучение, но и построение и пересоздание мира. Это выразилось в знаменитом афоризме К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (Тезисы о Фейербахе, 11). В марксовской формулировке заметна асимметрия: «различным образом» относится только к «объяснять», но не «изменять». Однако изменять мир единообразно, по одному шаблону — значит подвергнуть его риску тоталитарного воздействия, со всеми разрушительными последствиями, известными XX веку. Поэтому философия XXI века следует призыву «изменять», но «различным образом», то есть действовать в разных направлениях, проектировать множество возможных, альтернативных миров.

Особое значение могут приобрести в наше время философские практики формирования новой техносреды и виртуальных миров. Так, первая задача, которую должны решать создатели компьютерных игр, — задача метафизическая: каковы исходные параметры виртуального мира, в котором разворачивается действие игры, сколько в нем измерений, как соотносятся субъект и объект, причина и следствие, как течет время и разворачивается пространство, сколько действий, шагов, ударов отпущено игрокам по условиям их судьбы и что считается условием смерти? Любая компьютерная игра, любой виртуальный мирок содержат в себе свойства «мировости», «универсности», которая и образует специфический предмет и заботу философии.

Причем масштабы таких «миров» быстро разрастаются. Например, знаменитая «Second Life» («Вторая жизнь») — это трехмерный виртуальный мир, созданный в 2003 году, но уже пять лет спустя населенный пятнадцатью миллионами участников из ста стран мира, точнее, их аватарами. На этой территории действуют свои законы, строятся дома, открываются бизнесы, обращаются свои денежные единицы (линдены, которые можно обменять на реальные доллары). Годовой оборот «Второй жизни» достиг 100 миллионов реальных долларов. Речь идет не просто о новой трансконтинентальной и транснациональной территории, но об особом мироустройстве, которое целиком, в своих внутримировых основаниях, задается волей и деятельностью людей. Это альтернативное мироздание имеет свою онтологию и эпистемологию, свою логику, этику и эстетику, свои законы пространства и времени, случая и судьбы, — свою философскую матрицу, которая сознательно или бессознательно кладется в основу его технического построения и программного обеспечения. Всякий раз, когда речь о целом мире, в его описание неизбежно приходят философские категории, ибо их специфическое содержание — именно универсность универсума. В некоторые американские университеты на кафедры программирования стали приглашать профессиональных историков для разработки определенных тематических игр (например, игры по мотивам шекспировских пьес или наполеоновских войн). Но столь же насущным, по мере разрастания этих виртуальных миров, становится и участие в их строительстве философов — специалистов по универсности и универсалиям, по самым общим вопросам мироустройства. Раньше, когда в нашем распоряжении был один-единственный мир, философия поневоле была умозрительной,

отвлеченной наукой. Когда же с развитием компьютерной техники и физическим открытием параллельных вселенных открывается возможность других миров, философия переходит к делу, становится *сверхтехнологией первого дня творения*. Раньше философ говорил последнее слово о мире, подводил итог: Гегель любил повторять, что сова Минервы (богини мудрости) вылетает в сумерках. Но теперь философ может стать «жаворонком» или даже «петухом» мировых событий, возвещать рассвет, произносить первое слово о прежде никогда не бывшем. В XXI веке появляются, по крайней мере в научно очерченной перспективе, альтернативные виды разума и жизни: гениальная инженерия, биодизайн, клонирование, искусственный интеллект, киборги, нанотехнологии, виртуальные миры, изменение психики, расширение мозга, нейроимплантаты, освоение дыр (туннелей) в пространстве и времени... При этом философия, как наука о первоначалах, первоэссенциях, первопринципах, уже не спекулирует о том, что было в начале, а *сама закладывает эти начала*, определяет метафизические параметры инофизических, инопространственных, инопсихических миров. Философия не завершает историю, не снимает в себе все противоречия высшего разума, а разворачивает собой те его возможности, которые еще не воплотились в истории или вообще не могут исторически воплотиться, требуют построения альтернативных миров, умопостигаемых форм бытия. Философия — это зачинающее мышление, которое во всяком большом, «мирообъемлющем» деле закладывает основание оснований. Раньше философия главным образом состояла из споров о том, какая модель существующего мира истинна. Фалесовская, где первоначало мира — вода, или Гераклитова, где первоначало — огонь? Лейбницевская, где мир состоит из множества самостоятельных монад, управляемых предустановленной гармонией; гегелевская, где история выступает как самореализация Абсолютной Идеи; шопенгауэровская, где миром правит слепая, вне разумную Волю; марксовская, где в основе истории лежат процессы материального производства и возникающие на их основе социально-экономические отношения? Но с развитием онтотехники и антропотехники никто и ничто не мешает умножать возможные миры, моделируя в них самые разные философские системы. Кому-то захочется жить и мыслить в фалесовском или гераклитовском мирах, кто-то предпочтет гегелевский, марксовский или ницшевский... Как заметил Станислав Лем в своей «Сумме технологии», конструктор-космогоник «может реализовать миры, задуманные различными философскими системами... Он может сконструировать и мир Лейбница с его предустановленной гармонией»¹.

XX век — век грандиозных физических экспериментов, но XXI может стать лабораторией *метафизических экспериментов*, относящихся к свободной воле, к роли случая, к проблеме двойников и возможных миров. Физические эксперименты переходят в *метафизические* по мере того, как создаются условия для воспроизведения основных (ранее безусловных и неизменных) элементов бытия: искусственный интеллект, организм, жизнь, вселенная. Например, клонирование — это не просто биологический или генетический опыт, это эксперимент по вопросу об отношении души к телу, об идентичности или различии индивидов при генетическом тождестве.

¹ Лем С. Сумма технологии. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2004. С. 449.

Особенности *концептивизма* как нового этапа движения мысли уясняются из сравнения с теми итогами всемирно-исторического развития, которые отразились в гегелевской системе абсолютного идеализма. По Гегелю, философия завершает труды абсолютной идеи по саморазвитию и самопознанию через миры природы и истории: «Теперешняя стадия философии характеризуется тем, что идея познана в ее необходимости, каждая из сторон, на которые она раскалывается, природа и дух, познается как изображение целостности идеи... Окончательной целью и окончательным устремлением философии является примирение мысли, понятия с действительностью... До этой стадии дошел мировой дух. Каждая ступень имеет в истинной системе философии [то есть системе абсолютного идеализма] свою собственную форму; ничто не утеряно, все принципы сохранены, так как последняя [то есть гегелевская] философия представляет собой целостность форм. Эта конкретная идея есть результат стараний духа в продолжение своей серьезнейшей почти двадцатипятивековой работы стать для самого себя объективным, познать себя»¹.

Перефразируя Гегеля в контексте концептивизма, можно было бы сказать: *Теперешняя стадия философии характеризуется тем, что идея, созревшая в царствах природы и истории, познается в возможностях, выходящих за пределы природы и истории. Целью и устремлением философии является выход понятия за пределы действительности, утверждение новых форм бытия, прежде чем ими могут заняться ученые, инженеры, политики и другие практики позитивных дисциплин... Мировой дух испытал себя в формах познавательных отношений с действительным бытием и вышел в сферу мыслимо-возможного. Каждая форма будущности имеет в философии свой предваряющий способ потенциации. Философия становится исходной точкой опытно-конструкторских работ по созданию новых миров. Эта идея есть результат стараний духа в продолжение своей серьезнейшей двадцатипятивековой работы стать для самого себя объективным, познать себя как первоначало существующего мира — с тем чтобы в дальнейшем закладывать начала ранее не существовавших миров.*

От множественных *интерпретаций* одного мира философия переходит к множественным *инициациям* разных миров. Философия стоит не в конце, а в начале новых идееносных видов материи и бытия — у истоков тех мыслимо-стей, которые не вмещаются в действительность и обнаруживают свою чистую потенциальность, конструктивный избыток и зародыш новых существований. Как инженер есть производитель механизмов, художник — картин, политик — государственных реформ и законов, так философ есть производитель мыслимых миров. Он призван познать разумное в действительности не для того, чтобы ее «оправдать», а чтобы найти *сверхдействительное в самом разуме* и призвать его к сотворению новых родов бытия.

То, что раньше было «пустыми возможностями», накипью на действительности, становится растущими «семенными логосами» новых миров. Мы находимся в той исторической точке, где завершается методология философского сжатия мысле-вселенной и начинается методология ее расширения. Если гегелевский

¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии // Гегель Г. В. Ф. Сочинения: В 14 т. М. — Л., 1929–1959. Т. 11. С. 512–513.

основной прием, точнее прием мирового духа в его интерпретации, есть «снятие» — примирение и завершение в себе ранее возникших противоречий истории, то логика концептивизма есть скорее *отнятие*, *абдукция. Из действительности извлекается то, что в ней никогда не становилось действительным, пробел, невоплощенный смысл, «пузырек возможности», который оказывается лазейкой в один из альтернативных миров. Рядом с концептивизмом как теоретическим движением возникает **концептоника** (conceptonics) — искусство и технология создания концептуальной среды (**нооценоз*), в которой происходит плодотворный обмен идеями и порождение новых понятийных систем, философских учений, интеллектуальных движений.

* Действия философские, Конструкционизм, Метапрактика, Мыслезнание, Ноофикация, Нооценоз, Онтотехника, Полисофия, Потенциация, Проективность, Прото-, Семиургия, Синтез языка, Софионика, Умножение сущностей
Возможное. С. 189–213.
Знак. С. 52–65, 155–163.
Творчество. С. 9–10, 440.

ЛИРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЛИРОСОФИЯ (lyrical philosophy, lyrosophia; греч. *lyra* + *sophia*, мудрость). Особый род философской словесности, раскрывающей волевые акты и интенции мыслящего «я», его прямое выражение от первого лица.

Широко известно понятие «*философская лирика*»: Омар Хайям, Дж. Донн, И. В. Гете, Ф. Тютчев... У *лирической философии* еще нет закрепленного места в системе понятий, хотя очевидно, что в философии есть место лиризму не меньше, чем в лирике — философизму. Блаженный Августин, М. Монтень, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Р. Эмерсон, В. Розанов, Л. Шестов, Г. Марсель — это в значительной мере лирическая философия. Мысль переполняется музыкальным ритмом и экстазом самовыражения — но при этом остается именно мыслью, выстраивается рядами понятий, предпосылок, заключений, как у Ф. Ницше в «Так говорил Заратустра»:

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!
 Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же ваша воля говорит:
 да будет сверхчеловек смыслом земли!
 Я заклиная вас, братья мои, оставайтесь верны земле
 и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!

Согласно И. Канту, субъект неустраним из актов своего суждения о мире объектов, и значит, вся философия, поскольку она не описательна и не аналитична (в отличие от эмпирических наук), а конструктивна и синтетична, имеет в себе неразложимый субъектный остаток. Обычно философия стесняется своего лиризма и прячет его за претензиями на познавательную объективность, «научность». Лирическая философия не стесняется своей укорененности в мыслящем субъекте и позволяет ему выразить открыто и системно свою субъектность. При этом субъектность (subjecthood) как способ самовыражения трансцендентального (в кантовском смысле) субъекта следует отличать от чисто личной субъективности (subjectivity), присущей эмпирическому индивиду со всеми его частными

наклонностями и причудами. Поэтому лирический образ философствующего «я» нужно отличать от самого автора как биографического субъекта; лирический герой философии часто выступает под гетеронимами, как ницшевский Заратустра или кьеркегоровские концептуальные персоны.

Лиризм как род философии нельзя отождествлять ни с одним из ее направлений. Экзистенциальная философия может быть лирической, как у Кьеркегора, а может быть эпической, как у Хайдеггера в «Бытии и времени». Точно так же и идеализм может быть лиричным (например, у П. Флоренского в «Столпе и утверждении истины») или не-лиричным (В. Соловьев). Можно, очевидно, говорить и о лирической теологии, например, в «Исповеди» Августина — по контрасту с эпической теологией Фомы Аквинского.

В более широком смысле можно говорить о *лиризме философии* как таковой. Поскольку у философии, в отличие от более частных наук, нет своего отдельного, «позитивного» предмета, она постоянно занята условиями своей собственной возможности и/или необходимости. Поэтому крупнейшие философы, от Платона и Аристотеля — через Канта и Гегеля — до Хайдеггера и Деррида, в центр своих учений ставят вопрос о том, что такое философия, каково ее место в мире. Философия насквозь саморефлексивна, обращена на себя — и в этом плане соразмерна человеку, который, в отличие от прочих существ, не имеет заранее заданного места («эко-ниши») в бытии и занят его поиском и обоснованием, прежде всего опять-таки через философию. Отсюда неизбывный, «родовой» лиризм философии, которая постоянно говорит и мыслит о самой себе, о своих задачах, возможностях, границах, о том, что значит быть философом и почему мир нуждается в философии. В этом смысле даже философия Гегеля, внешне наукообразная и «объективистская», в целом, как проект, глубоко лирична, поскольку она рассматривает всю историю мироздания как пролог к самой себе, как самопознание абсолютной Идеи и ее самоотражение во всех зеркалах природы и общества. Тема лиричности центральна для философии как опыта самообновляющейся и самосозерцающей мысли.

* Лирический музей, Лирическое «оно», *Чувства философские*

О философских чувствах и действиях // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 167–174.

Творчество. С. 184–188.

МАТЕРИОСОФИЯ (*materiosophy*, материя + софия). Единство двух аспектов природы — материального и софийного; путь преодоления оппозиции между материализмом и софиологией в их стремлении целостно постичь женственное начало мироздания, мудрость самой материи. В русской философии идеализм и материализм, враждующая между собой, пренебрегали тем, что их объединяет: признанием *софийно-женственного* и *природно-материнского* как общей основы мироустройства.

Материализм исходит из убеждения в первенстве природы и в ее материнских правах на человека. Собственно, ничего иного материализм не означал и у его философских основоположников. Ф. Энгельс: «Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам

материализма»¹. Примерно то же определение материализма у В. И. Ленина: «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное»². «Матерь» и «материя» — эти слова имеют общую этимологическую основу, что прослеживается в латинском языке и отмечается Лукрецием в поэме «О природе вещей» (лат. *materia* происходит, скорее всего, от *mater* — «мать, источник, происхождение»). О языковом и понятийном родстве «матери» и «материи» напоминает В. Н. Топоров: «Соотношение Матери — Сырой Земли и Отца-Неба (как у славян, так и во многих других традициях) может рассматриваться как отдаленный источник платоновского соотношения материи (“матери”) и идеи-образца (“отца”)³. Исходная основа такого представления — древний культ земли как материнского начала и солнца как отцовского: солнечные лучи, несущие поток энергии, как бы оплодотворяют лоно земли, из которого и произрастает растительная жизнь.

Материализм в философии опирается на мифологическую и мистическую интуицию матери-природы. Религиозное отношение к телесности проявляется в софиологии, учении о святости плоти и женственном начале мироздания, о мудрости — подруге Бога, которая от сотворения мира была при нем художницей. В XX веке в России софиология как почитание непорочной, девственной, целомудренной женственности была побеждена марксистско-ленинским материализмом, который всячески противопоставлял земное, материально-материнское начало мироздания отцовскому, небесно-духовному. Но нет никакой фатальной логики в таком противопоставлении. *Материальность* и *софийность* могут рассматриваться как взаимодополнительные свойства природы — *матери*, дающей рождение всему живому, и *мудрости*, целомудренной спутницы Бога. «Премудрость Божия» (евр. *хокма*, греч. *софия*) присутствовала при сотворении мира и устроила вселенский дом, как верная и рачительная жена («Книга притчей Соломоновых», гл. 9).

По мысли А. Ф. Лосева, «Самая идея божества, как она развивалась в русской церкви, выдвигает на первый план элементы телесности (таково учение о “Софии”, “премудрости божией”), в чем П. Флоренский находил специфику русского православия в отличие от византийского. <...> Вл. Соловьев, выясняя происхождение христианства, указывал на “религиозный материализм”, “идею святой телесности”...»⁴ *Материальное* и *софийное* дополняют друг друга как внешняя, чувственно-осязаемая, и внутренняя, духовно-смысловая деятельность природы в ее связи с живыми творениями и с Богом-Творцом. В обоих случаях мироздание мыслится женственным — как явление целомудренной Премудрости Божией или как материально-материнская плоть бытия. Поэтому общую философскую установку на восприятие женственной стороны мироздания можно обозначить как *материософию*.

* *Веществование, Мудрость, Реизм, Софийные дисциплины, Технософия Религия*. С. 41–60, 138–147.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М., 1955–1981. Т. 21. С. 283.

² Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм, гл. 2, 4 // Ленин В. И. Сочинения: В 35 т. М.: ГИПЛ, 1952. 4-е изд. Т. 14. С. 176, 177.

³ Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 236–237.

⁴ Лосев А. Ф. Основные особенности русской философии // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 509.

МИКРОМЕТАФИЗИКА (micrometaphysics). Метафизика предельно малых, логически узких, конкретных понятий и внепонятийных единичностей. Это метафизики не духа или бытия, а сада, дерева, травинки, посуды, стакана... Основные интуиции микрометафизики были впервые ясно выражены у Иоанна Дунса Скотта в его учении об индивидах как единственно реальных существованиях, в отличие от универсалий: «возникает не белизна, а белая доска... как целое само по себе». Любое слово или понятие может стать первопринципом микрометафизики, обосновывающей развитие понятий в рамках данной сингулярности.

Наличие слова в языке уже есть то минимальное тождество, из которого может порождаться малая метафизика. Например, исходным метафизическим понятием может быть «волос», как наименьший осязаемый интервал (метафизика «тонкости»), или «зонтик», как складной и движущийся кров одинокого человека под небом (метафизика «кровя»), и т.д. Каждое слово содержит в себе значение, которое может оказаться центральным для определенной метафизики, как «разум» или «идея» оказались центральными для метафизики Гегеля.

Компактные, камерные метафизики не являются метафизиками в собственном смысле, поскольку не содержат утверждения о сверхчувственных, неизменных и всеобъемлющих началах бытия. Они строятся как метафизический жест, снимающий свою метафизичность именно тем, что предлагает ее только в качестве жеста. Метафизика здесь демонстрирует только свою возможность, которая включает возможность иных метафизик.

Как философская дисциплина, микрометафизика разворачивает множественность интерпретаций смысловых квантов мироздания. *Минимизируя объект* своих исследований, она одновременно *поссибилизирует* свой метод (*Потенциация). Подобно тому как микрофизика, углубляясь в мир предельно малых, элементарных частиц, обнаруживает их вероятностную природу, — так микрометафизика углубляется в мир предельно малых смыслов, обнаруживая их возможностную природу. На таком микроуровне, как «стол» или «бумага» — слова с «малым», конкретным значением, — обнаруживается возможность их вхождения в самые разные метафизические системы («метафизика опоры», «метафизика поверхности», «метафизика белизны»). Особо следует выделить служебные слова и морфемы — предлоги, союзы, частицы, приставки, суффиксы — как грамматические кванты смысла, которые обнаруживают наибольший разброс метафизических значений и толкований (*Грамматософия).

«Большая» метафизика общих понятий — Разума, Бытия, Идеи, Материи — склоняется к детерминизму, к категории необходимости, поскольку охватывает одной категорией множество мыслимых вещей и представляет себя как единственно правильную. Столь же детерминированным выглядит мир, представляемый физикой больших масс, которые скованы силой всемирного тяготения и сильных и слабых взаимодействий. Движение от макрофизики к микрофизике есть открытие вероятностного мира микрочастиц в глубине детерминированных макрообъектов. И точно так же движение к микрометафизике открывает возможностный мир микросмыслов внутри необходимых законов логики.

По словам Т. Адорно, «в критике познания, как и в философии истории, метафизика переходит в микрологию. Микрология — место, где метафизика на-

ходит убежище от тотальности»¹. Вещь в ее отдельности, несводимости к общим категориям, выступает как единица посткритической метафизики. Подобно науке, которая углубляется в строение микромира и ищет неделимых, квантовых оснований вещества, так и метафизика отправляется на поиск минимальных различительных единиц смысла. Здесь уже недостаточно говорить о *микрологии*, об обращении метафизики к малому, — речь идет именно об элементарных возбуждениях смысловых полей, о том, что смысл, как и энергия, может излучаться и поглощаться лишь отдельными и неделимыми порциями, «квантами».

Возможна метафизика и внесловесных тождеств, субзнаковых предметностей, которые до сих пор вообще игнорировались большой метафизикой. Речь идет о таких единичностях, которые «меньше» единичного слова, — об «это-стях», которые тоже могут входить в метафизическое поле как «элементарные» единицы смысла. Возможна метафизика не только травинки вообще, но одной травинки, что делает ее осязаемое присутствие в рамках философского текста необходимым для его завершения, для построения всей данной метафизики. Единичная вещь, вписанная (вклеенная, встроенная) в трактат, становится последним метафизическим словом, означающее которого совпадает с означаемым (**Лирический музей*).

Одновременно единичность — предел мыслимого, которое наталкивается на чистую актуальность, «это», как главный предмет микрометафизики. «*Этость*» (thisness, haecceitas) можно определить как чистый субстрат единичности, из которой вычтены все общие свойства и предикаты, которые она делит с другими единичностями, — свойство быть собой и ничем другим². Именно «этость» составляет последний соблазн метафизики и ее решающую самопроверку: допускает ли она нечто, стоящее вне самого мышления? Как мыслить «это», если оно только есть здесь и сейчас, не сводимое ни к какому общему понятию или свойству, не сводимое даже к значению слова «травинка»? В этом случае становится вполне оправданным выражение «мыслить неммыслимое». Единичные предметы — это парии в кастовом обществе «большой» метафизики, и мерой (само)преодоления метафизики будет не только ее конкретный язык (включая **именные термины*, имена собственные), но и готовность заходить за предел языка, в область внезнаковых предметностей.

В отличие от деконструкции, отменяющей всякую «иллюзию» присутствия, микрометафизика признает последнюю реальность присутствия, «этость» в ее запредельности мышлению. Реальные вещи могут быть включены в объем и последовательность философского текста, как разрывы в цепи означающих, куда вклиниваются сами означаемые. Приближение к внемыслимому бытию Теодор Адорно считал последней, запредельной — и недостижимой целью философского мышления. «Философия, да и теоретическое мышление в целом, страдает от идеалистического предрассудка, потому что имеет дело только с понятиями, а не прямо с тем, к чему отсылают эти понятия. <...> Философия не может вклеить

¹ Adorno W. T. *Negative Dialectics* / Trans. by E. B. Ashton. New York: Continuum, 1992. P. 407.

² О современных подходах к метафизике «этости» см.: Adams M. R. *Primitive Thisness and Primitive Identity // Metaphysics: An Anthology* / Ed. by Jaegwon Kim and Ernest Sosa. Malden (MA), Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 172–183.

онтический субстрат в свои трактаты. Она может только толковать о нем в словах, и тем самым она ассимилирует этот субстрат, тогда как ей было бы желательно проводить различие между ним и своей собственной понятийностью»¹.

Действительно ли философии не дано «вклеить» онтический субстрат, единичное, в свои тексты, трактаты? Ведь сами же трактаты каким-то образом вклеены в предметный субстрат, втянуты в мир единичностей. Даже рукопись «Науки логики» когда-то лежала на гегелевском столе, в соседстве с перьями и чернильницей. Если вещи могут окружать трактат, почему трактат не может окружать вещи, вписывать их в себя? Можно представить себе и такие трактаты — текстовые емкости виртуально-электронного пространства, — которые будут разворачиваться вокруг единичностей: этого дома, этого дерева, этой травинки, и будут именно вклеивать в текст этот онтический субстрат, одновременно подчеркивая его инородность понятиям, несводимость к общему. Можно представить философию в совершенно другой роли, чем принятые сейчас дискурсивно-дискуссионные формы изоляции ее от единичного: как мышление, вписанное в круг своих предметов, взаимодействующее с чуждостью невысказанного, в той странной связи с референтами мысли, когда философия не отстраняется от них и не растворяет их в себе, а сопresentствует с ними в одном метатекстуальном пространстве. Мышление само указывает на невысказанное и полагает себя рядом с ним, как неотделимое от него и к нему несводимое.

*Всеразличие, *Индексальное письмо*, *Лирический музей*, *Микроника*, *Реалогия*, *Реизм*, *Тэизм* (the-ism), *Универсика*
Возможное. С. 219–229.
Постмодерн. С. 287–296.
Знак. С. 690–699.

Лит.: Лейбниц Г. В. *Монадология* // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982.

МУДРОСТЬ (wisdom; греч. sophia). Способность человека мыслить и действовать в соответствии с высшими целями жизни, возвышаясь над ограниченностью частных и преходящих интересов; исходный импульс философской мысли и перспектива объединения всех ее направлений.

Как отмечает Оксфордский философский словарь, «хотя мудрость и есть то, любовь к чему есть философия, в постклассической западной философии уделялось мало внимания этому существенному компоненту достойной жизни»². Действительно, в большинстве современных философских энциклопедий и словарей, как российских, так и зарубежных, это понятие либо отсутствует, либо занимает непропорционально скромное место³. Почему философия в своем историческом развитии все больше удалялась от мудрости, может ли все-таки к ней вернуться — и как преобразится в свете этого софийного подхода?

¹ Adorno T. *Aesthetic Theory*. London, New York: Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 365.

² The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Nonderich. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. P. 912.

³ Характерно, что статьи о мудрости отсутствуют в пятитомной «Философской энциклопедии» (М.: Советская энциклопедия, 1962–1970), в «Философском энциклопедическом словаре» (1989), во «Всемирной энциклопедии. Философия» (М.: АСТ, 2001), а в четырехтомной «Новой философской энциклопедии» (М.: Мысль, 2010) статья о ней занимает меньше одного столбца (т. 2, с. 618).

По мысли Аристотеля, «мудрый, насколько это возможно, знает всё, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. ...Из наук в большей степени мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы...»¹ Мудрым можно считать такое суждение и поведение, которое позволяет живущему осуществлять свои интересы в согласии с интересами других. Мудрый умеет находить кратчайший путь от своих наибольших способностей к наибольшим потребностям других людей. Он знает меру, соотносящую уникальный дар человека с универсальными нуждами человечества. Мудрость — это умение возвыситься над своими текущими, сиюминутными интересами ради интересов более дальних, в перспективе — простирающихся за пределы индивидуальной жизни. Мудрый не променяет радости дня на удовольствие минуты, не променяет счастья жизни на радости дня, не променяет вечного блага на счастье жизни. Мудрый старается быть соразмерным тем условиям, в которых застал себя на земле, воспринимая жизнь как дар и как аксиому, из которой следует исходить и с которой бессмысленно спорить. В поисках наибольшего блага для себя и для других он не упускает случая изменить то, что поддается изменению, но и не борется с тем, что считает необоримым.

Если пассивное качество воли именуется терпением, а активное — мужеством, то мудрость — *способность различать сферы применения этих качеств*, отличать обстоятельства, которые нужно претерпевать, от обстоятельств, которые нужно переделывать. Выражение мудрости можно найти в следующем известном изречении: «Господи, дай мне благодать принять безмятежно вещи, которые нельзя изменить; мужество — чтобы изменить вещи, подлежащие изменению; и мудрость — отличить одно от другого»². Иными словами, мудрость посредствует между добродетелями терпения и мужества, разграничивая области их действия: *принимать то, что я не могу изменить, и изменять то, чего я не могу принять*.

Мудрость следует отличать от ума. Мудрый человек, как правило, умен, но умный — не обязательно мудр. Мудрость — это такой ум, который понимает свои собственные границы и сознательно может заменять действие ума действием сердца или действием тела. Прикоснуться к плечу страдающего мудрее, чем произнести назидание, вроде тех, что произносят друзья Иова. Мудрость может взвешивать ум и не-ум и отдавать предпочтение тому или иному. Ум дается человеку от природы, разум дается обучением, мудрость приобретается самосознанием и самовоспитанием. Ум может быть математическим или политическим, ограничиваясь одной сферой или специальностью (шахматы, компьютер, философия и т.д.), тогда как мудрость относится сразу ко всем проявлениям человека. Мудрость — *это ум ума, способность умно распоряжаться собственным умом*. Возможно и неумное распоряжение своим умом, например в том случае, если ученый, отказавшись от науки, тратит свой ум и дар на работу в области промышленного шпионажа.

¹ Аристотель. Метафизика, кн. 1, гл. 2 // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 68.

² Это высказывание приписывается то американскому теологу XX века Рейнолду Нибуру (Reinhold Niebuhr), то немецкому церковному деятелю XVIII века Иоганну Этингеру. См.: Respectfully Quoted. A Dictionary of Citations / Ed. Suzy Platt. New York: Barnes and Noble Books, 1993. P. 276.

Человек, отдающий себя занятию меньшему, чем то, на какое он способен, или притязаящий на большее, чем то, в чем у него есть потребность, ведет себя суетно. Именно *суетность* — основной противник мудрости, как глупость есть противник ума. Если глупость есть неразличение вещей, непонимание их меры, то суетность есть зависимость воли от тех вещей, которые ум признает несущественными. Суетность — это когда минуте уделяется забота дня, дню — забота года, жизни — забота вечности. Умный человек может быть суетным, и подчас именно ум вовлекает его в наибольшую суету, поскольку он критикует вещи, недостойные даже критики, и поправляет дела, которым лучше было бы вообще не делаться. Мудрость удерживает ум от суеты, от самонадеянности и от саморастраты в чрезмерно умном устроении всяких мелких дел.

Но и сама мудрость способна впадать в суету, когда она чрезмерно дорожит собой и не хочет ронять себя до уровня простых вещей и забот существования. **Суемудрие** (*vain wisdom*) — такая мудрость, которая абсолютизирует себя, ставит себя над другими знаниями и добродетелями, такими как вера, любовь, надежда, мужество, доброта, радость, веселье. Обличая суетность всех помыслов и устроений, она не признает, что над мудростью человека может быть и другая мудрость, ему неведомая, по сравнению с которой сама его мудрость есть безумие и суета. Даже мудрость библейского Екклесиаста становится суемудрием, когда он провозглашает, что всё есть суета сует и томление духа. Лишь когда Екклесиаст отрекается от этой чересчур самодовольной мудрости, презиращей все труды, и оправдывает человеческую жизнь перед Богом — тогда мудрость, переставая обличать суету всего, сама перестает быть суетной, переходит в веселье и жизнеутверждение. «Мудрость человека просветляет лицо его, и суровость лица его изменается» (8:1). Первый шаг мудрости — возвыситься над суетой человеческих дел, оплакать их тщетность и смертность. Второй шаг — возвыситься над собственным отрешенным суемудрием, принять и благословить дела, которые поручены человеку Господом. Таков «танец» мудрости, переход от печали к *веселью.

Новая встреча мудрости и философии. Мудрость, как усилие сочетать мышление и волю, созерцание и действие, все время ищет и возобновляет свое начало. Не потому ли философия на протяжении последних веков забывала о мудрости, что самой мудрости свойственно себя забывать, чтобы не впасть в суемудрие?

Мудрость *дофилософична* и *постфилософична*. Соломон, Лао-цзы, Конфуций, Гераклит, Эпикур, Иисус сын Сирахов — это начало мудрости, воплощенной в личностях мудрецов. Мудрость новейшего времени лишена спокойно-созерцательного характера: она одновременно и трагична, и комична, поскольку сознает невозможность и нелепость всеобъемлющей мудрости. Мудрость в наше время обходится без мудрецов. По словам Габриеля Марселя, «...пора, пожалуй, забросить традиционное представление о некотором привилегированном существе, якобы вступающем в необратимое обладание определенным качеством бытия. Так понятый мудрец грозит предстать перед нами сегодня как мирской — и, несомненно, смехотворный — вариант святого... Мудрость... представляет собой не столько состояние, сколько цель...»¹

¹ Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991. С. 358.

В мудрости заново воссоединяются онтология и эпистемология, логика и этика, разум и вера. Мудрость — это такое знание, которое становится способом существования, это знание не того, *что существует*, а того, *как существовать*. Мудрость — единство логики и этики, это искусство так мыслить, чтобы добродетельно жить. Если другие нравственные добродетели — мужества, терпения, любви, верности — связаны с качествами воли, то мудрость — с качеством мышления. Это этика, вытекающая из логики, и логика, проникнутая этикой.

Если предположить, что все разделы философии, исторически развившиеся из любви к мудрости, в конечном счете к ней и вернуться, то и сама мудрость при этом предстанет более углубленной и разносторонней, чем до своей утраты и восстановления в философии. Даже постклассическая западная философия, столь мало заботившаяся о мудрости, по-своему подготавливала возвращение к ней. Кантовская критика, ограничившая область знания, чтобы расширить область веры, была по сути новым упражнением в мудрости. Мудрость разграничивает области знания и веры и не притязает на знание того, во что можно только верить, однако и не ограничивается верой в то, что можно достоверно знать. Гегель, построивший свою диалектику как восхождение над ограниченностью противоположных мнений, сделал ее орудием мудрости. Кьеркегор, вернувший отвлеченные метафизические сущности в лоно единичного существования, напрямую связавший абсолютное «Ты» Бога с абсолютным «я» индивида, сделал для мудрости не меньше, чем Гегель.

И в Новейшее время, выбросив мудрость из своих словарей и учебников, философия тем не менее сохраняет ее как сердцевину своих учений, хотя и преследующих совсем разные цели. Феноменология и экзистенциализм, аналитическая философия, структурализм и деконструкция — все они, хотя и ослепленные страстями рассудка, по-своему пролагают путь мудрости. Мудро от абстракций умопостигаемой сущности вернуться к самим вещам, доверять тому, как они являют себя нашему сознанию (феноменология). Мудро отграничить наши языковые средства от природы самих вещей и не выдавать законы сочетания слов за законы мироустройства (анализм). Мудро искать в значениях слов больше того, что хотел вложить в них сам пишущий, и находить противоречия там, где он сам себе казался ясным (деконструкция). Философ, придерживающийся определенного направления, «изма», бывает слеп к целому. Мудрый человек понемногу сочувствует и сомыслит всем «измам» и не принадлежит ни одному из них. В принципе, каждая существенная философская концепция или система может быть прочитана как зашифрованная мудрость, как иносказание, или аллегория мудрости. Таков *софийный* подход к философии и метод ее интерпретации. Реализм и номинализм, эмпиризм и рационализм, феноменология и экзистенциализм, структурализм и деконструкция могут пониматься как разные грани мудрости, позволяющие ей возвышаться над суетумудрием. Философия, говорящая на языке всех этих движений как равно необходимых и дополняющих друг друга, уже выйдет за границы академической философии и определится в прямом отношении к своему софийному началу. Философия обнаружит ту перспективу, в которой все ее линии и направления, далеко разошедшиеся от начальной точки «наивной мудрости», заново сходятся в точке «искушенной» или «умудренной»

мудрости. Это мудрость *вдвойне*, знающая себя не как мудрость, а лишь как любовь к ней, то есть воистину фило-софия.

**Биософия, Веселье мысли, Глубина, Действия философские, Материософия, Мыслительство, Полисофия, Софийные дисциплины, Софионика, Софиосфера, Софиофилия, Технософия, Универсика, Filosofia, Чувства философские*
Знак. С. 788–806.
Transformative. P. 239–248.

МУЛЬТИВЕРСАЛИЯ (multiversal; ср. universal). 1. Универсалия в плане своей множественности, определяемой различием культур, эпох, дисциплин, где она по-разному понимается. Такие универсалии, используемые в философии, физике, биологии, как «время», «пространство», «атом», «частица», «поведение», «инстинкт», имеют разное значение в ньютоновской и эйнштейновской физике, в древнегреческой и современной космологии, в классической натурфилософии и современной этологии. Э. Сепир и Б. Уорф в своей гипотезе лингвистической относительности и Т. Кун в своих исследованиях по истории науки показали, что картины мира, создаваемые разными языками или в разные эпохи, оказываются «несоизмеримыми», и это же относится ко многим понятиям, которые считаются универсалиями: они *мультиверсальны*.

2. Универсалия в плане своей применимости к *мультиверсуму*, к множественности вселенных, существование которых допускается или постулируется современными физическими теориями. *Мультиверсалия* — это эквивалент того, что в квантовой физике называется «суперпозицией», общий признак, свойственный изначально тождественным явлениям в расходящихся мирах. Так, «кот Шредингера» — мультиверсалия, общая для тех миров, где кот жив и мертв.

**Многомирие, Мультикосмизм, Транскультура, Умножение сущностей*

МЫСЛИТЕЛЬСТВО (thinking, cogitation). Важнейшая категория российской интеллектуальной культуры; самоценная деятельность обобщающей мысли вне четко разделенных профессиональных сфер, чаще всего на границах философии, литературы, эссеистики, критики, публицистики. Образцы мыслительства в России — П. Чаадаев, К. Леонтьев, Д. Мережковский, В. Розанов, Л. Шестов, А. Синявский. На Западе — В. Беньямин, Т. Адорно, С. Вейль, Г. К. Честертон, К. Льюис, Ж. Бодрийяр.

Мыслителя нельзя отождествлять с философом как представителем определенной академической дисциплины. Если философ создает законченные системы или последовательно доказывает невозможность таковых, то мыслитель действует по принципу «бриколажа»: «все годится», «что ни лежит под рукой, все пойдет в дело». Мыслитель использует любую систему как средство движения мысли за пределы системы. Мыслительство — это по сути инакомыслие, но не политического, а наддисциплинарного уровня, которое не столько критикует концепции, сложившиеся внутри отдельных дисциплин (это дело внутринаучной дискуссии), сколько предлагает альтернативные сочетания понятий, ищет и создает проблемы там, где обыденное мышление не видит проблем, а дисциплинарное мышление считает их решенными или неразрешимыми.

Если философия есть любовь к мудрости, то мыслительство — любовь к самой философии. Мыслитель не определяет четко понятий, а пользуется их волновыми свойствами, их зыбкостью, размытостью, способностью незаметно, путем прихотливых ассоциаций и гипотез, переходить в другие понятия. Поле мысли в этом случае предстает континуальным, а не дискретным. Здесь уместно предложенное Василием Налимовым различие жестких и мягких языков. Философия — жесткий язык мысли, а мыслительство — мягкий. Философия пользуется определенными терминами, и шкала распределения их значений тяготеет к высокой частотности и вероятности. Мыслитель, напротив, пользуется аморфными терминами или употребляет их как мыслеобразы, как полутермины-полуметафоры, значение которых гораздо менее определимо, чем в языке философии, хотя и более дискретно, чем в собственно образном, художественном творчестве. Мыслительство — это широкая зона между философией и литературой, между научностью и писательством. Поэтому и писатели, тяготеющие к созданию обобщенных концепций, и философы, тяготеющие к более свободному языку притчей, мифов и образов, оказываются мыслителями. Т. Манн и А. Камю — мыслители от литературы, а Л. Шестов или Ж. Бодрийяр — мыслители от философии, и хотя они движутся от разных полюсов, оба встречаются в промежуточной зоне мыслительства.

Если в западном академическом мире стандарты мышления определяются его принадлежностью определенной дисциплине, прежде всего философии, то русская духовная культура — культура мыслителей по преимуществу. Мыслительство — это *исторически реликтовый* и вместе с тем *проективно-жизнестроительный* род деятельности, который одновременно и отстает от философии как дисциплины, и забегает вперед нее. Мыслитель еще не расчленяет понятия, принадлежащие разным дисциплинам, и уже соединяет их, он находится в префилософском и постфилософском состоянии ума. Если *здравый смысл* — это успокоенность ума на преддисциплинарном уровне, а *мудрость* — успокоенность ума на постдисциплинарном уровне, то *мыслительство* — *беспокойство ума*, которое побуждает его метаться, перебегать с уровня на уровень, нарушать правила одной системы вторжением другой. Андрей Синявский назвал это беспокойство «мыслями врасплох». И наоборот, как только мысли приводятся в порядок, становятся логически предсказуемыми, выводимыми по правилам системы, иссякает сила мыслительства. «Мысли кончаются и больше не приходят, как только начинаешь их собирать и обдумывать...» («Мысли врасплох»)¹.

Подобно идеологу и в отличие от ученого, мыслитель работает не столько с научными понятиями, сколько с идеями и идеологемами, то есть с такими понятиями, которые интегрируют в себе оценочность, экспрессивность, эмоциональность, целеполагание (**идеологический язык*). Но в отличие от идеолога, который пользуется готовыми идеями-штампами, мыслитель расщепляет, релятивизирует идеи, рассекает их компоненты и свободно соединяет заново, при этом часто выступая как критик любой идеологии с ее жестким сцеплением предметных и оценочных значений в каждой идеологеме. Например, размышляя о «народе», одной из самых устойчивых идеологем русского национализма и советского коммунизма, мыслитель может расщепить ее на две разнородные

¹ *Абрам Терц (Андрей Синявский)*. Собр. соч. в 2 т. М.: СП «Старт», 1992. Т. 1. С. 338.

составляющие: социальную («трудящиеся», «люди физического труда») и национальную («нация», «население данной страны»), — показав, как одно понятие демагогически подменяется другим. М. Бахтин так характеризовал разницу между идеологом и мыслителем: «Идеолог один из самых страшных человеческих типов. Он бессознательно становится рабом своей умерщвленной части — это рабство стремится неизбежно обратиться наружу тиранией. Напротив, мыслитель вечно насторожен по отношению к этому отчуждению, к полному окаменению своей мысли, он находится в вечном состоянии творчества, все его мышление всегда и в любой момент снова поставлено под вопрос»¹.

Задача мыслителя — не столько *убеждать*, сколько *удивлять*, *остранять идеи*, как искусство остраняет образы. Методология мыслительства может быть выражена фразой Аристотеля — о том, что философствование начинается с удивления («Метафизика», 982b). Можно добавить: и заканчивается — еще большим удивлением. Философия как «наука» уделяет много внимания доказательствам и очевидности, но с точки зрения мыслительства не стоит тратить время на доказательство того, что ясно и без доказательств, — это круговращение понятий, аналитически определяющих друг друга. Есть лишь один способ преодолевать границы ума — «изумление», мера чуждости данного понятия уму, знак резкого расширения его объема. В изумлении мы чувствуем, как к нашему уму прикасается нечто большее, чем то, что уже содержится в нем.

Мыслительство — игра с «быстрыми», «внезапными» концептами, не ведающая методологических сомнений, так что за каждым мыслителем тянется расходящийся веер туманных грез, недоказанных обобщений и неисполненных обещаний. Такова традиция русского мыслительства — мыслить порывами и урывками, вразброс и вопреки, охватывать все области сразу, соединяя образное мышление с концептуальным, философское с политическим. Отсюда взаимное непонимание и критика русского мыслительства и западной философии, для которой русская мысль синкретична, лишена дисциплины, еще-не-дисциплинарна. Для русских мыслителей западная философия чересчур специальна, аналитична, еще-не-синтетична. Постмодернистская культура Запада пытается преодолеть узкую специализацию и замкнутость своих академических традиций, заново соединить философию с литературой, термин с метафорой, мышление с игрой — и потому могла бы многое усвоить из российского опыта «мыслительства», если бы последнее приняло более трезвый и остранный взгляд на самого себя и не упивалось иллюзией своих бескрайних возможностей, которые то и дело оборачиваются отсутствием результатов.

Мыслителя нельзя отождествлять с мудрецом (**мудрость*). Мудрец пребывает в духовном покое, его мысль обрела точку опоры, он постиг истину и согласует с ней свою жизнь, тогда как мыслитель находится в постоянном движении, он ищет и не находит. «Лисица знает много вещей, но еж знает одну большую вещь», — говорит Архилох (фрагмент 201). Если мудрец — еж, то мыслитель — это лиса, выискивающая многообразие смыслов, на которые откликается мысль, не сводя их к одной большой концепции, к одной всеобъемлющей системе.

¹ Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х гг. // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 391–392.

Мыслитель устраивает круговорот понятий — и сам втягивается в него, отталкивая от себя всякую устойчивую точку опоры. Мудрец ценит ясность головы, мыслитель любит головокружение, опьяняется мыслью скорее, чем отрезвляется ею. Мыслительство — сибаритство мысли, охватывающей мир как целое, в его открытости и доступности мышлению, универсальная «машина желания», предмет которого — не отдельное тело, а тело всего мироздания в совокупности его мыслимых свойств и отношений.

Мыслительство более раскрепощено в отношении мыслимого, чем философия, которая осторожнее подходит к своему предмету, ставя границу непознаваемости между ним и собой. Снимая эту границу, мыслительство взамен берет на себя нравственную ответственность за мыслимое, готовится разделить его судьбу. Это значит: мыслить отзывчиво, ища смыслового основания каждому явлению не в общем принципе, а в самом этом явлении, в его особости и несводимости к принципам. На область мышления переносится та заповедь, которую Кант считал основополагающей для этики, для отношения к человеку: относиться к мыслимому как к цели и никогда не относиться к нему как к средству.

*Концептивизм, Метапрактика, *Мудрость*, Мыслезнание, *Нулевая дисциплина, Filosofia*, Философование, *Эссеизм*
Кто такой мыслитель? // *Постмодерн*. С. 359–369.

ПОЛИСОФИЯ (polysophy). Множественность софий, то есть видов мудрости; разнообразие творческих и производственных практик, ведущих к мудрости.

В современном английском языке, особенно его американской разновидности, слово «philosophy» имеет гораздо более широкое употребление, чем «философия» в русском. Помимо *академической* дисциплины, философией называется общий подход, руководящий принцип в любой деятельности. Например, у водопроводчика своя «философия»: какого диаметра и материала трубы следует предпочесть и как их лучше укладывать. У футбольного тренера философия игры, у учителя — философия работы с отстающими учениками, у домашней хозяйки — философия приготовления завтрака. Философий на свете столько же, сколько видов деятельности и способов ее осуществления, поскольку всякая практика содержит в себе саморефлексию, свои «основные начала», которые профессионал осмысляет по мере овладения этой практикой. София — ум в его нераздельности с умением, это теория, извлеченная из практики и прямо в нее переходящая. А философия — любовь к этой софии, то, что побуждает нас заниматься определенным делом и становиться его мастерами и профессионалами, то есть приносить ему обет верности, в отличие от случайных и непостоянных любителей.

Философия в узком смысле, как особая дисциплина и метод мышления, отличается от всех этих бесчисленных философий, разбросанных по множеству практик и ремесел. Философ рефлектирует об основах таких видов деятельности, как «быть человеком», «жить во вселенной», «рождаться и умирать», «познавать и верить». Философ — специалист по общему, самому универсальному, что только есть в жизни и деятельности человека, но его философия — лишь одна из многих. Полисофия живет во множестве дел, забот и практик как рефлексия об их началах и целях.

Полисофия — не отступление от исконного смысла понятия «софия», а возвращение к нему. Первоначально греческое *sophia* относилось именно к ремесленным навыкам; например Гомер говорит о софии плотника, «умного в длани» и ровняющего «корабельное древо» («Илиада», 15. С. 411–412). Лишь впоследствии это понятие переносится из практической сферы в теоретическую, охватывая знание общих принципов мироздания. Возможно, пришло время для обратного движения «софии» в область профессиональных навыков и практических искусств. Расширенное американское употребление этого понятия — не опоздание высокого понятия «философии», а ее движение вспять, к истокам софийности как мудрости практических дел. Не исключено, что в этом и состоит поворотный пункт современной философии, зашедшей в тупик самоанализа (анализа своего языка), лишившейся выходов в практику и обреченной воспроизводить лишь новых преподавателей философии.

Философии предстоит пережить переход к *полисофийности*, как в свое время высокое, нормативное понятие «культуры» пережило переход к мультикультурности, осознанию множества культур. Это и есть ответ на тот мрачный диагноз/прогноз «конца» философии, который ставился Ричардом Рорти, Мартой Нуссбаум и другими мыслителями. То, что академическая философия утратила связь с современной действительностью и перспективу воздействия на общественные процессы, может компенсироваться лишь осознанием *множества* софий, которые не претендуют на звание Мирообъемлющих и Властительных, но осмысляются мастерами своего дела. Полисофийность — многообразное присутствие софии в современных дискурсах: сюжетных и системных, вербальных и невербальных, онлайн-овых и оффлайн-овых... Даже если философия остается вербальной, то ее акцент перемещается с анализа на синтез и с системности на проективность и концептивность. **Концептивизм* — философия зачинающих понятий, то есть работа производительная, своего рода плотничество или кораблестроение в области идей, терминов и концептов. В отличие от традиционного подхода к философии как дисциплине познавательной-научной, здесь выдвигается на первый план софийная деятельность как творчески-производственная.

Особенность полисофии еще и в том, что она не стремится подчинить все многообразие концептов некоему единому плану, законченному «учению», идейному императиву, но скорее предлагает концептуальные инструменты для множества разных и даже несовместимых философий. Точно так же и **проективный словарь* как полисофский жанр содержит запас **словопонятий*, обеспечивающих возможность самых разных высказываний, в том числе и противоположных по смыслу.

**Действия философские, Метапрактика, Мудрость, Софийные дисциплины, Софиосфера, Трансформация
Творчество. С. 205–207.*

САМОЕ-САМОЕ (the most). Наивысшая степень качества, **интенсивности*. Самое интересное, самое красивое, самое благое, самое мудрое — в определении всех этих понятий есть общее: они выражаются соотношением *максимума* и *минимума*, или *наибольшего-в-наименьшем*.

Чем более достоверна и чем менее вероятна идея, тем она интереснее (**интересное*). С научной точки зрения лучшая теория та, которая *наиболее* убедительно доказывает нечто *наименее* очевидное. Или, по Нильсу Бору: достаточно ли безумна эта теория, чтобы быть истинной? Одно из проявлений *самого-самого* — сочетание наименее возможного и наиболее необходимого, что создает категорию **чуда* (например, исцеление смертельно больного).

С этической точки зрения лучшее действие то, которое приносит благо наибольшему числу людей, но совершить его могут лишь немногие или один человек. *Делай то, что каждый* должен был бы сделать на твоём месте, но чего *никто* не может сделать вместо тебя. Чем *больше* объектов у действия и чем *меньше* субъектов (то есть чем незаменимее субъект), тем выше его нравственный потенциал.

С эстетической точки зрения лучший сюжет тот, в котором сочетаются *наибольшая* естественность и *наименьшая* предсказуемость: каждое событие, каждый поворот действия должны восприниматься как глубоко закономерные, но при этом — неожиданные.

Тот же закон действует в религиозной сфере. *Наибольшее* — Царствие Божие — уподобляется *наименьшему*, горчичному зерну. Сам Бог умалется не просто до человеческой, но до самой позорной участи, претерпевает крестную смерть. И напротив, малые мира сего, в отличие от богатых и сильных, обретут Царствие Небесное. Будьте как дети — и возрастете до небес.

Таким образом, и в науке, и в этике, и в искусстве, и в религии действует общее правило: *наибольшее в наименьшем*. «Самое-самое» — это не просто повтор одного слова, но сокращенная формула: *самое* большое и *самое* малое образуют единство. Этот закон открыт философом Николаем Кузанским: совпадение абсолютного максимума и абсолютного минимума. Закон предельной **интенсивности*: максимум в минимуме.

*Алмазное правило, *Интенсивность, Интересное, Реверсивность, Трансформация Листочки*. С. 187–188.

СИНТЕЗ ЯЗЫКА, СИНТЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (language synthesis, philosophy of synthesis). Направление в философии, которое ставит своей задачей синтез новых содержательных терминов, понятий и суждений на основе их языкового анализа. *Синтетическая философия* определяется по контрасту с аналитической философией (философией анализа языка), господствующей в англо-американской мысли XX века. Анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его грамматических и логических структур утверждается как главная задача философии. При этом синтетический аспект высказываний, задача производства как можно более содержательных, оригинальных суждений практически игнорируются.

Альтернативой лингво-аналитической традиции выступает философия *синтеза языка*, или *конструктивный номинализм*. В той мере, в какой предмет философии — универсалии, идеи, общие понятия — представлен в языке, задача философии — *расширять существующий язык, синтезировать новые слова и понятия, языковые правила, лексические поля, увеличивать объем говоримого — а значит и мыслимого, и потенциально делаемого*. От анализа языка, на котором концен-

трировалась философия в XX веке, она переходит к *синтезу* альтернативных понятий и способов их артикуляции. Например, философское творчество Жюль Делеза и Феликса Гваттари в таких книгах, как «Тысяча плато» и «Что такое философия?», направлено именно на расширение философского языка, синтез новых концептов и терминов. Синтетическое преобразование и углубление анализа могло бы сблизить англо-американскую философию, в которой преобладает аналитизм, с преимущественно синтетическими традициями континентальной, в частности русской, философии.

Речь идет о создании *синтетической философии*, в том же смысле, в каком Кристофер Лэнгтон говорил о *синтетической биологии*: «Наука, очевидно, достигла огромного прогресса, разламывая вещи и изучая их по кусочкам. Но эта методология обеспечила только ограниченное понимание явлений более высокого уровня... Можно преодолеть эти границы на путях синтетической методологии, которая по-новому соединяет базовые компоненты бытия...»¹ Философия тоже нуждается в синтетической методологии, которая позволила бы создавать онтологии виртуальных миров, метафизики иных видов бытия и сознания, закладывать основания альтернативных вселенных, то есть принимать не просто активное, но фундирующее участие в эволюции разума, в творческом становлении ноосферы и техносреды. Поворот к синтезу языка и трансформативным техникам бытия и сознания необходим для философии, если она не хочет целиком превратиться в историю философии, в накопление и изучение философских архивов. См. подробнее *Введение*.

**Концептивизм, Лингвовитализм, Лингводизайн, Потенциация, Проективная лингвистика, Семиургия, Умножение сущностей*

СОФИЙНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ (sophian disciplines, sophio-disciplines; от греч. sophia; мудрость). Дисциплины, которые соотносят предмет своего изучения с цельным знанием, **мудростью*, представлением о мироздании в целом. Этим они отличаются от «*логийных*» наук (logy-disciplines), названия которых часто заканчиваются на «логия» (от греч. logos — слово, понятие, учение) и которые изучают определенный предмет внутри его собственных рамок. Рядом с каждой *наукой-логией* можно обозначить *дисциплину-софию*: рядом с археологией — **археософию*, рядом с биологией — **биософию*, рядом с психологией — *психософию*, рядом с этнологией — *этнософию*. Наряду с языкознанием есть *лингвософия* («языкомудрие»), наряду с обществоведением — *социософия* («обществомудрие»).

Софийные дисциплины возвращаются к той изначальной, «мудрой» целостности своего предмета, которая была утрачена последующей дифференциацией соответствующих «логий». Например, понятие «души», как «донаучное», выпало из поля зрения психологии, но остается центральным для *психософии*, к области которой принадлежат многие работы К. Юнга и его школы, а также трансперсональной психологии Ст. Грофа. **Технософия*, в отличие от технологии, рассматривает духовный смысл техники, а *физиософия* — «мудрость»

¹ Цит. по: Horgan J. The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age. New York: Broadway Books, 1997. P. 199.

организма, его целесообразное устройство в связи с творческим предназначением человека.

Софийные дисциплины не являются частью философии, поскольку более конкретно и систематически изучают свой предмет, разрабатывают специальную систему понятий. В этом смысле следует делать различие между философией природы, которую можно найти у Гегеля, и *биософией* или *геософией*, которой занимались такие ученые, как Э. Геккель или В. Вернадский. Софийные дисциплины образуют как бы зону перехода от обобщающих принципов философии к эмпирическим методам «логийных» дисциплин.

Если *этнография*, по смыслу своего названия, описывает этносы, их генезис, историю и культуру, а *этнология* исследует структуру их обычаев, традиций, ритуалов, то *этнософия* раскрывает связь всех элементов этой структуры с целостной метафизикой национальной жизни, ее спиритуально-мистериальным центром. Этнософия изучает преимущественно высокоразвитые общества, где метафизическое содержание выступает в свернутом, потенциальном виде, в отличие от этнографии, нацеленной на обрядовую структуру примитивных обществ, религиозное содержание которой выступает эксплицитно. Одна из задач этнософии — выявить в повседневной, бытовой, профессиональной, культурной жизни манифестацию бессознательно-сакральных структур, а также определить место каждого этноса в общей эволюции общечеловеческой культуры. К этнософии можно отнести труды И. Г. Гердера, О. Шпенглера, а в отечественной науке — Н. Данилевского, Л. Гумилева, Г. Гачева.

Есть разные науки о земле. География описывает то, что *на* и *над* поверхностью земли: природные зоны, климаты, границы, государства, хозяйства. Геология смотрит глубже — на то, что *в* земле: изучает ее внутренний состав, почвы, залежи, разрезы, карьеры, кору, полезные ископаемые. Но можно заглянуть еще глубже — в сущность и замысел земли, в те вопросы, которые задавал Плотин: «Ну а сама земля, как она может иметь место в ноуменальном мире? Какова ее идеальная сущность? Имеет ли и она там жизнь, и если да, то каким образом? <...> Даже появление камней, вздымание и образование гор не могло бы иметь места на земле, если бы ей не был присущ некий одушевленный принцип, который и производит все это посредством скрытой от глаз внутренней работы»¹.

Значит, помимо географии — «землеописания», помимо геологии — «землеведения», должна быть еще и наука об умной сущности земли — *геософия*, «землемудрие». Именно к геософии (а не геологии) относятся многие идеи В. И. Вернадского о живом веществе, формирующем земную оболочку. Геософской является также влиятельная в экологических кругах «Гея (Gaia) гипотеза», выдвинутая Джеймсом Лавлоком в 1979 году, согласно которой Земля представляет собой единый живой организм, регулирующий свою жизнедеятельность посредством изменения погодных условий, климата, природной среды. Современный вариант развития геософии, отвечающий на вопросы Плотина об идеальной сущности земли, представлен у Ж. Делеза и Ф. Гваттари под именем «геофилософии»².

¹ Плотин. Эннеады. 6.7.11. <http://www.deir.org/libr/?go=book&id=471&p=232>

² «Геофилософия» — глава из кн.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетея, 1998. С. 110–146.

Соответственно различаются:

дисциплины логийного цикла	дисциплины софийного цикла
физиология	физиософия
этнология	этнософия
геология	геософия
биология	биософия
психология	психософия
космология	космософия
социология	социософия
патология	патософия
технология	технософия
антропология	антропософия
теология	теософия
культурология	культурософия
историология	историософия

В *софиосфере отражаются все другие сферы: биосфера, техносфера, семиосфера, идеосфера, психосфера, ноосфера... Через софийные дисциплины софиосфера проникает во все уровни организации живого и мыслящего вещества и практически воздействует на них. В число софийных дисциплин входит также *софионика — совокупность философских практик, воплощающих и расширяющих философское знание.

*Археософия, Биософия, Материософия, *Мудрость*, Мыслительство, Нетософия, *Полисофия*, Софионика, *Софиосфера*, Технософия, Универсика
Сектантство. С. 213–223.
Творчество. С. 208–211.
Humanities. P. 248–255.

СОФИОНИКА (sophionics). Конструктивная деятельность преобразования жизни и культуры на основе философского знания и практической мудрости. К софионике можно отнести философские практики, имеющие не специально научный, академический, а целостный, синкретический характер, а также деятельность философов, мудрецов, мыслителей, лично практикующих свои учения и взгляды, таких как Генри Торо, Альберт Швейцер, Джидду Кришнамурти, Григорий Померанц. Софионика включает ряд предметных и дисциплинарных областей, связывающих мышление и мудрость с разными аспектами общества, техники, повседневной жизни: *действия философские, *концептивизм, *метапрактика, *нетософия, *онтотехника, *технософия.

*Биософия, Метапрактика, Мудрость, *Полисофия*, Софийные дисциплины, Софиосфера

СОФИОСФЕРА (sophiosphere). Всеобъемлющая сфера мудрости; высшая из объемлющих планету сфер. Это такая же целостная сфера, как *биосфера* (по Ж.-Б. Ламарку), или *ноосфера* (по В. Вернадскому), или *семиосфера* (по Ю. Лотману). Она объемлет собой все «мудрое», что содержится в делах и словах людей, в их ремеслах, поступках и мыслях; причем объемлет именно как сфера, в которой

софийные акты (поступок, идея, понятие, высказывание, текст, термин) соотношены между собой. Интернет и многообразие его технических возможностей способствуют ускоренному расширению софиосферы, но она становится все более очевидной реальностью и в силу внутренних особенностей исторического становления философии: от афоризма и притчи — через трактат, учение, систему — к софийности как сферичности. В XXI веке философия вступает на новый путь развития: от «произведения» и «учения» — к созданию всеобъемлющей софийной среды (ср. **нооценоз*).

*Мудрость, Нооценоз, Софийные дисциплины

СОФИОФИЛИЯ, МУДРОЛЮБИЕ (*sophiophilia*). Поиск мудрости за пределами философии как академической дисциплины, в области того, что называют спиритуальностью, практической метафизикой, высшим знанием. «*Софиофилия*» и «*мудролюбие*» перевертывают порядок основ в словах «философия» и «любомудрие», а тем самым обновляют стершийся от частого употребления смысл того, что сочетание этих основ призвано выражать. Если философия постепенно оторвалась от «софии» как своего изначального предмета и цели, превратилась в дисциплину системного построения понятий и логического анализа слов, то софиофилия ищет для себя иных, неакадемических путей цельного знания, обращаясь к наследию Платона, Лао-цзы, Я. Беме, Паскаля и других мыслителей-мудрецов.

*Мудрость, Софийные дисциплины, Софиосфера

ТАВТОСОФИЯ (*tautosophy*; греч. *tauto*, то же самое + *sophia*, мудрость; ср. тавтология). Значимый повтор, тавтология как фигура мудрости.

Больной, выздоравливая после перелома, спрашивает доктора: что мне делать, чтобы начать ходить? Ответ: ходите. Тавтологическая правда жизни: чтобы ходить, нужно *ходить*. Чтобы жить, нужно *жить*. Из многих языковых фигур мудрость выбирает тавтологию. Отсюда такие суждения:

«Люди есть люди» (несовершенны).

«Закон есть закон» (нужно исполнять).

«Ребенок есть ребенок» (пусть пошалит).

«Отец есть отец» (пусть простит).

«Мать есть мать» (всегда любит и прощает).

«Работа есть работа» (ее нужно делать, невзирая ни на что).

«Отдых есть отдых» (забудь обо всем и расслабься).

Это не избыточные повторы (типа «масло масляное»), поскольку в вышеприведенных тавтологиях первое слово — субъект суждения, а второе — предикат («люди есть *люди*»); первое обозначает цель, а второе — средство («чтобы жить, нужно *жить*»). Одно слово разделяется на два значения, которые воссоединяются посредством связки «есть». «Люди»: представители человеческого рода вообще — и существа, обладающие определенными моральными качествами и недостатками. «Мать»: рождающая — и страдающая, прощающая. Оказывается, что сам

предмет и есть своя главная сущность, а средство к достижению цели — в ней самой. Так язык делает шаг к определению вещей, чтобы к ним и вернуться; это не топтание на месте, а смиренный круг, точнее *спираль*. Эта *нетавтологичность тавтологий* глубоко выражена у Пиндара: «Стань тем, кто ты есть!»

Многое зависит от того, кто говорит. У одного тавтология прозвучит как механический повтор, а другой произнесет: «люди»... помедлит... помолчит... подумает... окинет мысленным взором весь круг референтов этого понятия... заключит: «это люди» — и прозвучит это как откровение. Разница в том, сколько в тавтологию внесено жизненного опыта, образующего «дуговую растяжку» между ее началом и концом.

Собственно, между обывателем и мудрецом внешняя разница тоже может быть не велика: халат, кресло, домоседство, изо дня в день одно и то же. Но один — человек *как все*, другой — **всечеловек*. «Не выходя со двора, можно познать мир», — говорил Лао-цзы. Обыватель вообще не трогается с места, а мудрец возвращается к своему халату и креслу из дальних странствий (пусть только мысленных, воображаемых), повидав мир и людей. Для него люди — это... это... (скольких он встретил, успел оценить, разочароваться, сравнить с собой, снова очароваться...) — это *люди*. Он не топчется на месте, а совершает широкий круг, возвращаясь в исходную точку. Можно сказать, что между обывателем и мудрецом — тоже отношение *тавтософии*. Человек «как все» — он и есть *всечеловек*. *Обыватель* охватывает собой *бытие*.

Разница *тавтологии* и *тавтософии* изоморфна различению аналитических и синтетических суждений у И. Канта. Первые ничего не добавляют к предмету, а просто раскрывают присущие ему свойства, например «золото — это желтый металл». Вторые добавляют к предмету то, что в нем самом не содержится, и требуют знания и опыта. «За золото не купишь ни любви, ни дружбы» — это синтетическое суждение. Вопрос: к какого рода суждениям относятся тавтологии? Казалось бы, это пример чистой, даже вырожденной аналитичности, поскольку они ровно ничего не добавляют к исходному понятию предмета. «Люди есть люди» — а кто же еще? Но аналитичность или синтетичность суждений зависит не только от них самих, но и от того, *кто* их произносит и *что* в них вкладывает, от автора и контекста. «Люди» в первой позиции — это вид живых существ, разряд биологической классификации, а во второй — «существа, страдающие от собственного несовершенства и потому заслуживающие снисхождения». Если так, то суждение «люди есть люди» — вполне синтетическое, основанное на немалом опыте. И напротив, внешне синтетическое суждение может в чьих-то устах звучать как аналитическое, чистый повтор: «собака — друг человека», «книга — источник знаний» (такими суждениями наполнен флорберовский «Лексикон прописных истин»).

Тавтософия играет важную роль в образовании таких понятий, как **вочеловечение*, **воссознание*, **воязыковление*, **веществование*, **самобытие*, поскольку в них нечто сущее утверждается в качестве собственной сущности. Человек призван прежде всего *человечествовать*, то есть стать тем, кто он есть. Призвание сознания — **воссознание* тех условий, которые делают его возможным.

**Альтерология, Афористический квадрат, Всеразличие, Интенсивность, Самобытие*

ТЭИЗМ («the-ism», от английского определенного артикля «the»). Философия определенности, артикулированности вещей, которая исходит из смыслоразличительных свойств языка и, в частности, *определенного артикля*, откуда и получает свое название. Не следует путать «тэизм» (the-ism) и «теизм» (theism), веру в Бога-Личность, хотя между этими понятиями и есть соответствие. Определенный артикль — наиболее употребительное слово в тех языках, где он имеется, а на этих языках создана самая богатая словесность: иврит, греческий, арабский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, все скандинавские... Во всемирном частотном словаре, если бы такой был составлен, первое место занял бы определенный артикль. Так, в английском языке примерно каждое 16-е слово в тексте — **the** (6,18% от всех словоупотреблений, **Частотный словарь как философская картина мира*). Самое распространенное слово в самом распространенном из международных языков вполне заслуживает философского признания. Даже в тех языках, где артикль отсутствует, его различительную функцию отчасти берут на себя местоимения и частицы, прежде всего указательные, от которых он исторически образовался, — «этот», «тот», «такой», «вот», «вон», а также определительные, ограничительные местоимения — «самый», «который», «только», «лишь», «же» и др.

Для философии всегда было важно найти такое слово (термин), которое заняло бы центральное место в системе понятий и, определяя все другие, само в наименьшей степени подлежало бы определению («дао» в даосизме, «идея» у Платона, «материя» у Маркса, «жизнь» у Ницше, «бытие» у Хайдеггера...). Определенный артикль, **the**, и есть искомое философское «слово слов», выдвинутое самим языком на первое место среди бесчисленных актов говорения о мире. (Исключение составляет лишь еще более частотный знак пробела, который лежит в истоке самого говорения и письма — *« ».) Бытие должно быть понято прежде всего через *артикль* — всесторонне артикулировано.

The указывает на любую вещь как *эту*, отличную от всех других в мире. Свойство «этости» является начальным и всеопределяющим для характеристики явлений, как показывает многообразная практика языка. Какие бы предметные сферы ни охватывал язык, какими бы профанами или специалистами он ни использовался, без артикля как определяющего и различающего элемента не обойтись в большинстве высказываний. **The** — наиболее абстрактный элемент языка, придающий смысловую конкретность другим элементам, это *конкретизирующая абстракция*, то «свое» для каждого, что является «общим» для всех.

Для мышления эта выделенность, артикулированность каждого предмета имеет большее значение, чем вопрос о его бытии и небытии, познаваемости или непознаваемости. «**Артикулогия**» в этом смысле важнее для философии, чем онтология или эпистемология. Ведь бытие и небытие, познаваемость и непознаваемость являются формами определенности, получая свой предел от того, кто или что разделяет их, от Theos, от которого получают свои маленькие *the* прочие понятия и слова.

В название этого мировоззрения — «the-ism», или «тэизм», — вложен двойной смысл: и тот, что закреплен за каноническим понятием «theism», «теизм» как верой в Бога-Личность, и тот, что привносится понятием «the» как определительным принципом мироздания. Необычный дефис в английском слове «the-ism»

или замена «е» на «э» в русском слове «тэизм» служат указанием на этот второй смысл, сочетающий в едином понятии греческое «theos» (бог) и английское «the». «The-ism» содержит в себе философскую идею о том, что вера в личного Бога, «theism», есть одновременно учение о всеобщей определенности всех вещей, «the-ism». Бог-Личность обнаруживается в каждом явлении как его собственная различённость, древнейшее «Theos» как вездесущее the (сходное единство понятий выражено в русских словах «личность» — «различие»). *Ничто не может быть, не будучи чем-то* — тем, а не этим, этим, а не другим. *Определенность* — фундаментальное свойство всего, что мыслится: как существующего, что оно существует, так и несуществующего, что оно не существует; как познаваемого, так и непознаваемого; как творящего, так и сотворенного — в их отдельности. На это свойство указывает не какой-то мыслитель, а «мудрейший из мудрейших» — сам язык во всей совокупности своих высказываний о мире. Другие понятия, которыми оперируют философия, логика, этика: «идея» и «материя», «истина» и «ложь», «добро» и «зло» — оказываются иерархически наивысшими лишь для замкнутых, профессиональных языков, но не для языка в его целостности, соотношенной с порядком мироздания. Они выступают лишь как общее по отношению ко многим особенностям и могут *сводить их к себе*, но не *выводить их из себя*. «Стену» и «крышу» можно свести к понятию «материи», но различие между ними из материи невыводимо, напротив, исчезает в этом безличном «первоначале». Если в таких абстрактных сущностях, как материя или дух, усмотреть единственную основу для всех явлений, это приведет к деформации языка, мышления и самого мироздания, все многообразие которого будет пригнано к немногим понятиям, место которых — в составе этого многообразия, а не в его основе. Определенный артикль, отличая один объект от другого, например *эту* стену от других стен, является общим элементом для множества слов, обозначающих конкретные предметы; причем общность его такова, что не отнимает, а подчеркивает и усиливает эту единичность. Если исходить не из искусственно конструируемых логических языков, но из живого многообразия естественного языка, соразмерного всем аспектам мыслимой действительности, то самым общим оказывается понятие единичности, «не такого, как другие». Язык сам выговаривает истину, которую скрывают или искажают философы, говорящие лишь от имени какой-то специальной и замкнутой подсистемы языка. Из **The** могут быть выведены все другие начала и отношения — но они оказываются вместе с тем и *несводимы к тому, из чего выводятся*. Многообразные определенные понятия не могут быть сведены к понятию самой определенности. «Это яблоко», «этот дом», «эта река» есть нечто большее, чем просто «Это», хотя из Этого и вытекает, что яблоко, и дом, и река могут быть *этими*, а не другими. Так в *тэизме* решается труднейшая философская проблема: вывести все мировое разнообразие из одного основания так, чтобы одновременно была невозможна обратная операция — сведение всего разнообразия к чему-то одному. Если сведение возможно, то само выведение теряет смысл: многообразие оказывается содержательно пустым, бескачественным, всего лишь иллюзорной игрой разностей, в которые облакает себя единое. Материализм в этом смысле недалеко отстоит от идеализма, поскольку все многообразные формы бытия оказываются видоизменениями лишь самой материи, ее красочной и призрачной Майей. Напротив, выводя мироздание из **The**, мы получаем то

множество разделенных между собой и определенных внутри себя сущностей, по отношению к которым «the» выступает уже не только как первая, но и как «одна из» — как артикль-первослово, придающее определенность другим словам в сочетании с ними. Иначе говоря, в самом понятии «the» заключено движение понятий за его собственный предел.

В русском языке это определительное, артикулирующее начало, вследствие отсутствия артиклей, выражено не столь ясно, как в европейских. На первое место выдвигается другое фундаментальное свойство, выраженное предлогом *«в».

*« » *Альтерология, В, Всеразличие, Грамматософия, Микрометафизика, Реалогия, Существоведение, Теомонизм, Умножение сущностей, Универсика, Частотный словарь как философская картина мира*
Учение. С. 227–231.

УМНОЖЕНИЕ СУЩНОСТЕЙ (proliferation of essences, multiplication of essences). Принцип множественного истолкования какого-либо явления, которое в разных системах описания наделяется разными смыслами, выводится из различных сущностей и первооснов.

Этому препятствовал постулат, действовавший в философии задолго до английского философа Уильяма Оккама (XIV век), которому приписывается известная формулировка: «Сущности не следует умножать без необходимости» (Non sunt multiplicanda entia sine necessitate). Подчиняясь этому принципу, философия старалась сводить максимум явлений к минимуму сущностей, а в идеале — к одной сущности, которая отождествлялась с Богом или на которую переносился божественный статус («божественный разум», «божественная воля»). Запрет на умножение сущностей фактически означал призыв к их сокращению до единицы.

Не случайно этот принцип получил название «бритвы Оккама», так как предполагал отсечение «лишних» сущностей. На вопрос Наполеона Лапласу, почему тот в своей системе мира ни разу не упомянул Бога, ученый ответил, что не нуждается в этой гипотезе. «Бог» — та «излишняя» сущность, которая не требуется для объяснения физических или астрономических явлений, выводимых из естественных причин. Для самого Оккама его «бритва» как раз служила инструментом отрезания всех сущностей, кроме Бога. Зачем нужны разные причины для объяснения тех или иных явлений, если все они могут быть сведены к воле и промыслу Бога? И если впоследствии, в эпоху материализма, принцип «экономии мышления» стал обращаться против сверхъестественных сущностей, то следует критически отнестись к самому этому принципу. «Бритва» Оккама оказывается обоюдоострой и при объяснении мира может отрезать как Бога, так и все кроме Бога.

У Гегеля, да и других «односущных» мыслителей философия еще сохраняет теологический характер, то есть языком разума пересказывает истину веры — даже в том случае, если это вера в отсутствие Бога и в «материальное единство мира». Модель богословского «односущностного» мышления сохраняется и в атеистической философии, хотя объектом его может выступать не Бог, а другая сущность: «материя», «история», «производительные силы», «воля» или «жизнь». Этот принцип считается одним из краеугольных в современной науке и методологии

познания: сведение многого к одному, сложного к простому — самый надежный путь к истине, самая выверенная методология. На разных этапах развития науки бритва Оккама вела по сути к *редукционизму*. Это мог быть теологический, догматический редукционизм — или научный, позитивистский, но при этом упраздняется принцип **всеразличия*, объясняющий многообразие явлений и их взаимную несводимость. Например, велик соблазн свести биологические явления к физическим и химическим, то есть отрезать *живое* как самостоятельную сущность, свести организм к тем же законам, что управляют неорганической природой. Точно так же как лишнюю сущность, можно отрезать *сознание*, что и делают физикалисты, признавая бытие только мозга и нейронных сетей.

Как учили Платон и Аристотель, у каждой вещи есть своя *идея* или *форма*, которая не может быть сведена к другим идеям/формам. Идея лошади — видовая по отношению к родовой идее «животное», но мы не можем объяснить причину бытия лошади, исходя из идеи животного вообще. На каждом уровне бытия есть множество сущностей, и познание умножает их по мере проникновения в мироздание, открывая его сложность и «многосущность». В противовес Оккаму, И. Кант призывал следовать закону *спецификации*: «различия между сущностями не следует опрометчиво сокращать». По мысли И. Канта, «познание явлений в их полном определении (возможном только посредством рассудка) требует безостановочно продолжающейся спецификации наших понятий и продвижения к все еще остающимся различиям, от которых видовое понятие и еще в большей мере родовое понятие отвлекаются»¹.

Особенность философии, в отличие от традиционной монотеистической теологии, есть именно поиск многих сущностей, несводимых друг к другу. Философия в этом смысле не может удовлетворяться даже тем многообразием действительных явлений, которое описывает наука. Каждый предмет, даже такой простой, как камень или капля, не только содержит в себе множество универсалий (тяжесть, цвет, твердость, текучесть, объем и др.), но и сам выступает как универсалия, которую можно обнаруживать в других предметах («каменность», «капельность»). Каждое существование таит в себе много сущностей, и философия расширяет область мыслимого умножением сущностей, их преизбытком над существованием (**потенциация*). В этом и состоит особое призвание философии: *умножение сущностей не только сверх необходимого, но и сверх действительного*. Потенция больше любой актуальности, и эта разность между ними, зона избытка, есть область философского сознания. *Сущности умножаются по мере логической возможности*². Философии не пристало действовать в категориях редкости или бедности.

В методологии науки сходный принцип разрабатывался Полом Фейерабендом как «пролиферация», умножение теоретических и нетеоретических способов познания (эта позиция порой именуется «методологическим анархизмом»): «Познание... не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некоторой

¹ «Entium varietates non temere esse minuendas». Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. <http://mreadz.com/new/index.php?id=172985&pages=172>

² Логической возможностью я называю такую, которая логически вытекает из других возможностей. Например, из возможности одноглазого циклопа вытекает возможность единорога, то есть возможность таких существ, у которых парные органы тела заменяются одиночными. Однако из возможности циклопа логически никак не вытекает возможность кентавра или птицы феникс.

идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых (быть может, даже несоизмеримых) альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке; благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания»¹.

Российская гуманитарная мысль также стремилась притупить острие оккамовской бритвы. Принцип умножения сущностей действует в бахтинской теории полифонии: истина многоголоса, требует множества взаимодействующих сознаний. Один из лейтмотивов «жизнемыслия» Г. Гачева — демонстрация того, что мир сущностно богат, несводим к одному первоначалу. Памятуя, что русская мысль находилась под сильным влиянием «философии всеединства» В. Соловьева, принцип умножения сущностей можно назвать философией **всеразличия*.

После публикации книги М. Эпштейна «Философия возможного» (2001), где отстаивается принцип *умножения сущностей*, возник термин «щетина Эпштейна», который предполагает, что «сущности можно умножать по мере необходимости». В данном случае необходимость — это соответствие между объясняемым явлением и объясняющей сущностью. Обычно считается, что сущностей должно быть намного меньше, чем явлений, поскольку в этом и состоит необходимость объяснения одного другим. Если гравитация — это сущность, то она объясняет огромное число явлений, обусловленных гравитацией. Но рассмотрим яблоко, падение которого, по известной легенде, навело Ньютона на мысль об универсальном законе тяготения. Есть ли у яблока своя особая сущность? Очевидно, она присутствует в огромном множестве предметов, которые называются «яблоками», отличая их от груш, помидоров и прочих фруктов и овощей, не говоря уж о явлениях, относящихся к другим категориям, таким как «мебель» или «музыка». Хотя яблоко, в отличие от закона всемирного тяготения, представляет собой более специальную сущность, но ее нельзя объяснить/вывести из чего-либо другого, ее нельзя отрезать от мира сущностей, уменьшив их на одну. Перефразируя А. Платонова, можно сказать: «без яблока мир неполный».

Принцип умножения сущностей находит себе поддержку и в развитии современных информационных технологий. Редуктивное правило Оккама действовало в силу крайней ограниченности информационных емкостей и ресурсов доэлектронной эры. На протяжении тысячелетий мысль приучалась к режиму познавательного обобщения, редукции, сжатия, жесточайшей экономии. Сейчас открылись бесконечно емкие носители информации — электронные и квантовые — и соответственно меняются законы и цели интеллектуального производства: от сжатия к расширению, от редукции к **абдукции*, от обобщения и сокращения сущностей — к их умножению. «Интернет вещей», позволяющий каждой вещи иметь свой адрес и «голос» в электронном пространстве, создает дополнительные технические условия для умножения сущностей.

Означает ли принцип умножения сущностей, что в теории познания все позволено? — Нет, «право на сущность» ограничено рядом критериев, в том числе

¹ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 162–163.

интересности*. Суждение имеет право на существование, если оно отвечает правилу: *наиболее строгое обоснование наиболее странных утверждений*. Наиболее странные — значит противоречащие тем, которые наиболее признаны в обществе и относятся к категории «ходячих истин» (с ними воевал еще Декарт). Только *интересные* идеи имеют право на существование: такие суждения, в которых тезис наименее вероятен, а аргумент — наиболее достоверен. Возможность умножения сущностей объясняется тем, что мир непрестанно усложняется: Вселенная расширяется, создается много нового в науке, технике, культуре, и это растущее творческое изобилие невозможно сводить к известным сущностям. Все подлинно новое ново также и по сущности (кенотип*), отсюда растущая «щетина», которую не успевает сбривать бритва Оккама.

**Всеразличие*, Гиперавторство, Интересное, Инфиниция, Кенотип, Концептивизм, Многомирие, Мультиверсалия, Мультивидуум, Потенциация, Потенциосфера, Протеизм, Тэизм, Юзеризм
Учение. С. 211–254.
Возможное. С. 126–138.

УНИВЕРСАЛИЗМ КРИТИЧЕСКИЙ (critical universalism). Мировоззрение, которое исходит из универсальных, всечеловеческих ценностей и поэтому критически относится к идеям расово-этнической, классовой, гендерной, сексуальной и всякой другой замкнутости. В системе современных идейных движений *критический универсализм* определяется своим контрастом с *постмодерным релятивизмом*, с одной стороны, и *догматическим универсализмом*, с другой.

Постмодернистская критика универсальности обычно развивала тезисы Франкфуртской школы о том, что катастрофы Освенцима и Колымы исторически обусловлены рационалистическим, механистическим духом Просвещения¹. Но если универсальное — разум, истина, знание — было главной идеей Просвещения, то никак нельзя вменить в вину Просвещению ужасы тоталитаризма, построенного, напротив, на идеях классового или расового и национального превосходства. Именно универсальное и стало первой жертвой тоталитаризма в войне «пролетариата» против надклассовой, «буржуазной» морали и в войне нацизма против космополитической «еврейской» культуры. Если из классового, расового и партийного беснования тоталитарных систем следует вывести какие-то исторические уроки, то это не отрицание универсализма, а, напротив, необходимость его возрождения — на останках всех расовых, религиозно-националистических и прочих идеологий, которые ныне тяготеют к формам воинствующего религиозного фундаментализма.

По мысли философа Ж.-Ф. Лиотара, вера в «человечество как коллективный (универсальный) субъект» уже разрушена, любой консенсус может быть только местным, частичным, и его язык и ценности *несоизмеримы* с языками других дискурсов и с ценностями других консенсусов. Следует признать их право на взаимную непереводаемость. Ж.-Ф. Лиотар приходит к такому выводу: «Мы уже достаточно заплатили за ностальгию по Целостному и Единому... Цена этой

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

иллюзии — террор... Чтобы фантазия не захватывала в заложники реальность, объявим беспощадную войну тотальности»¹.

Теперь, в условиях новых войн, расколовших мир по признаку «суверенных», «самоценных» культур и религий, вырастает потребность в ином девизе: «*Мы достаточно заплатили за ностальгию по фрагментам и осколкам. Не позволим себя взорвать*».

Такова формула современного универсализма. Он не повинен в терроре. Это релятивистская фрагментация культур, разложение идеи и духа универсальности должны принять на себя ответственность за моральную подготовку агрессии и террора. Обличители «общечеловеческих фикций» конца XX века уже могут наблюдать вполне нелиберальные выводы, которые XXI век сделал из их теорий. Тогда, в 1980–1990-е, насаждался вирус той гордыни («каждая культура прекрасна и самодостаточна»), которая в следующем веке, как в пророческом сне Раскольникова, может привести к эпидемии, истребляющей человечество. «Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина...» («Преступление и наказание»).

Мир мог выжить без универсальных ценностей только в архаичных условиях относительной изоляции, географической отдаленности локальных консенсусов (этнических, религиозных). Современный глобальный мир, поделенный на малые консенсусы, между которыми нет большого консенсуса, обречен на агрессию и террор.

В результате критики, направленной против универсализма, он сам должен вобрать в себя критическое измерение, а значит претерпеть метаморфозу, сравнимую с той, что в начале Средних веков привела к созданию *апофатической* теологии внутри христианства. Апофатика отрицает возможность определить Бога в положительных терминах, таких как «мощь», «свет» или «разум». Причем идола разума и света могут быть даже опаснее идолов невежества и тьмы, поскольку первых труднее отличить от Бога. Вот так и универсальность, центральное понятие и движущая сила секулярной культуры, превращается в идола, в насильственный канон, как только мы лишаем ее самокритического духа и сводим к набору позитивных имен и ценностей.

Главное в новой, секулярной апофатике — предотвратить отождествление универсального с какой-либо определенной культурой, своей или чужой. Такая постановка проблемы выработалась в российской культурологии, в бахтинском понимании «внеаходимости» и в понятии «трансценденции» у М. Мамардашвили. Мамардашвили отстаивает право на выход за пределы своей родной культуры. «Трансценденция в ничто... Это и есть первичный метафизический акт... <...> Это универсальное измерение и есть... вот в этом, в соотносении с этим *ничто*. Оно — универсально. Там лежит универсальность»². Иными словами, универсальность — это не здесь и сейчас, это не наличное свойство культуры, а само состояние ее открытости другим культурам и, более того, открытость не-культуре.

¹ Lyotard J.-F. What is Postmodern? (1985) // Ferrier, Jean-Louis, Director and Yann le Pichon, Walter D. Glanze [English Translation]. Art of Our Century. New York: Prentice-Hall Editions, 1988. P. 805.

² Мамардашвили М. Другое небо // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Культура, 1992. С. 336, 337.

Универсальное понимание самой универсальности включает и катафатические, и апофатические способы ее описания. Перефразируя Псевдо-Дионисия Ареопагита, основоположника апофатической теологии, можно сказать, что универсальность «познается во всем и вне всего, познается ведением и неведением»¹. Пройдя через много кризисов, через марксистскую, феминистскую, постколониальную, постмодернистскую критику, универсальность именно сейчас может раскрыться универсально, то есть критически. Критическая универсальность — это смиренная универсальность, критичная к месту и времени своих притязаний на истину. Универсальность той или иной культуры, того или иного консенсуса проявляется прежде всего в их способности занять критическую дистанцию по отношению к себе, вобрать ценности других консенсусов и культур, а главное — ценность согласия на разногласия.

Такая универсальность заново восстанавливает ценностные критерии в подходе к разным культурам, которые были отвергнуты мультикультурным плюрализмом. Культуры — это не равноценные, равноразмерные точки, как видит их плюрализм, они имеют свою размерность, вместимость. Предположим, есть культуры А, В, С. Культура А признает ценности культур В и С, отводит место их памятникам и традициям на своей территории, поощряет их развитие и самовыражение (представим круг А, в который вписаны кружки В и С). Культура В признает ценности культуры А, но не признает ценностей культуры С, изгоняет ее обычаи и приверженцев со своей территории (круг В, в который включен только кружок А). Наконец, культура С вообще не признает ценностей никаких иных культур, она переполнена собой, закрыта для внешних влияний, поддерживает свою однородность (чистый круг С). На основании такого сравнения можно сделать вывод, что культура А превосходит культуры В и С именно потому, что она более универсальна, открыта их ценностям, а они частично или полностью закрыты ценностям других культур. Универсалистская оценка культур основана на критерии их собственной универсальности, внутренней объемности, внешней открытости, богатства, разнородности, динамических напряжений, сложностей, парадоксов. В положительной оценке многообразия универсализм заодно с плюрализмом, только признание этого многообразия не ведет к отказу от оценки, а становится критерием самой оценки.

Мышлению XXI века еще только предстоит выработать критерии критической универсальности, отличая ее и от универсальности старого, догматического, докритического образца, и от критичности посткантовской философии, подорвавшей значение универсальности. Универсальность докритической эпохи исходила из категории тождества в двойном смысле, предполагая (1) самотождественность разума и (2) тождественность разума и законов действительности. Последующая критическая, послекантовская эпоха стала мыслить категориями различия, представила фундаментальное разнообразие исторических и национальных разумов и непрозрачность действительности для разумного постижения. Но результат критического ограничения разума — гибель универсальности — чреват вспышками ксенофобии, расизма, фундаментализма и всяких других самодовольных

¹ Псевдо-Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих, гл. 7 // Антология мировой философии: В 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 2. С. 617.

«-измов». Об этом свидетельствует история XXI века, ознаменованная подъемом исламского фундаментализма и новым противостоянием России и Запада.

Критическая, или апофатическая универсальность — это не определенный набор ценностей и императивов, но способность выходить за предел любой исторически данной и политически закрепленной системы ценностей и занимать критическую позицию по отношению не только к другим, но и к самим себе. Когда американские интеллектуалы критикуют американскую культуру за то, что она многого не вмещает, то сама эта критика — признак ее достоинства, ее открытости. Превосходство западной модели заключается не в диктате одного канона, а в системе самокритики, самотрансценденции, способности вобрать в себя иное. Универсальное — это способ трансгрессии каждой культуры, каждой социально-исторической или психофизической общности, причем наивысшей ценностью, в контексте универсализма, является *самотрансгрессия*, осознание ограниченности данной культуры, исходящее от нее самой. Именно совокупность этих трансгрессий, выходящих за пределы наличных культур, и образует пространство **транскультуры*. Каждая культура несовершенна, недостаточна, имеет огромный запас возможностей и желаний, которые могут быть реализованы лишь за ее рамками, в общении с другими культурами. Критическая универсальность, в отличие от ее догматических версий («европоцентризм», «рационализм»), не имеет заранее установленной системы ценностей, скорее, она образуется той критической дистанцией, которую мы занимаем по отношению ко всем существующим культурам, и прежде всего своей собственной.

*Всеразличие, Глокализм, Прото-, *Транскультура*, Универсика, Универсальный принцип
Знак. С. 635–651.
Творчество. С. 166–172, 176, 192–193.
Humanities. P. 181–191.

УНИВЕРСИКА (universics, буквально «вокруг одного», «единовращение»; от лат. unus, один, и versus, причастие от глагола vertere, вращать/ся). Область изучения и понимания универсального; такое сознание о мире, которое отражает его свойства как целого, то есть столь же универсально, как сам Универсум. В отличие от метафизики как науки о *всеобщем*, об общих законах бытия и сознания, универсика имеет дело с *универсальным*, заключенным в конкретных понятиях и даже единичных вещах.

Уни-верс-альное, в соответствии с этимологией самого термина, обозначает многосторонность отдельного явления, его способность поворачиваться разными гранями. В отличие от «всеобщего», «универсальное» не есть общее, присутствующее многим предметам, но *многое, присущее одному предмету*. Это видно из устойчивого словоупотребления. Можно сказать «универсальный писатель» или «универсальный гений», имея в виду, что данному индивиду доступны многие сферы творчества, но выражения «общий писатель» или «общий гений» лишены смысла. В творчестве одного писателя, если он универсален, проявляются возможности разных жанров и стилей (такова, например, универсальность Пушкина по отношению ко всем «вышедшим из него» темам, героям и жанрам русской литературы). В одном универсальном ключе проявляются возможности разных

ключей. Универсальный ум, хотя и принадлежит одному человеку, причастен к разным областям знания. Универсальное — это свойство предмета, оставаясь актуально одним, быть потенциально многим. Это не абстрактное, уводящее от единичного, а многосторонность, в нем заключенная.

Именно *переход от абстрактно-общего к конкретно-универсальному* составляет перспективу универсики как гуманитарной дисциплины. Универсика имеет дело с универсалиями и с универсальным в том же смысле, в каком, по ренессансному представлению, универсален и сам человек: в своем актуальном бытии он отличен от всех других существ, от зверей и ангелов, а в своем потенциальном бытии обладает всеми их свойствами.

В метафизике универсалия — это общее понятие или свойство («красота», «добро», «материальное», «идеальное»), принадлежащее множеству индивидов. Но и каждый индивид принадлежит *множеству универсалий* и в этом смысле обладает универсальностью. Например, даже в таком «бедном» индивиде, как песчинка, сходятся универсалии «твердости», «сухости», «дискретности», «желтого» или «белого»... Каждый индивид — это малый универсум, сообщество универсалий. Задача универсики — анализ не универсалий как таковых, но универсности, *многозначности, многогранности индивидов*. Если метафизика как «наука об общих закономерностях бытия и мышления» имеет дело с универсалиями, отвлеченными от индивидов, то универсика — с *индивидами как универсумами*, собраниями универсалий. Предметом универсики может быть любой индивид — человек, растение, здание, город, книга, стихотворение — поскольку в этом индивиде раскрывается целый универсум, взаимодействие в нем разных универсалий. В отличие от метафизики, которая пользуется самыми обобщенными терминами и категориями («субстанция», «бытие», «протяженность»), универсика работает со словами, обозначающими единичные вещи, в том числе с именами собственными, ибо именно единичные вещи и лица, такие как «ключ» или «Леонардо да Винчи», потенциально обладают свойством универсальности. Метафизика — порождение греческого ума, искавшего «общее», «единое». Универсика исходит скорее из иудео-христианского духовного наследия, с его устремлением к единичному. Библия — это книга, вмещающая много книг, универсальная книга. Христос — это всечеловек, универсальная личность. Универсика в своей глубинной перспективе превращается в теологию — и обратно, поскольку теология тоже есть наука об Одном, и ее центральный термин есть Имя Собственное (**теоморфизм*).

Основоположителем универсики можно считать Г. В. Лейбница, у которого есть проекты двух новых дисциплин. Одна из них — «универсальный язык, или универсальная характеристика, посредством которой прекрасно упорядочиваются понятия и все вещи»¹. В XX веке этот проект принял очертания нескольких взаимосвязанных дисциплин — семиотики, кибернетики, информатики. Вторая же дисциплина, «монадология», посвященная изучению единичностей, монад, или простых субстанций, вызвала лишь умозрительный интерес нескольких философов. Между тем, именно масштабное осуществление одного дисциплинарного проекта ставит теперь на очередь реализацию другого. То, что оба они возникли

¹ Лейбниц Г. В. История идеи универсальной характеристики // Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 412.

в сознании одного мыслителя, уже свидетельствует об их внутреннем родстве, принадлежности одной парадигме. Универсика — это и есть *монадология как основа универсальной характеристики*, поскольку универсальное, в отличие от всеобщего, содержится именно в единичном. «Любая простая субстанция имеет отношения, которыми выражаются все прочие субстанции, и, следовательно, монада является постоянным живым зеркалом универсума»¹.

В творчестве немецких романтиков были заложены основы универсики как целостного мировоззрения. По признанию Ф. Шлегеля, «Мысль об универсуме и его гармонии — все для меня. <...> Законно организованный обмен между индивидуальностью и универсальностью составляет подлинный пульс высшей жизни»².

Универсальное обратимо (реверсивно) — в том же смысле, в каком обратимы *судьба и золотое правило этики: обращайся с другими так, как ты хочешь, чтобы они обращались с тобой. Любое отношение к универсальному превращается в его отношение к тебе. Универсальное нельзя *только* мыслить, ибо истинно универсальное мышление, соответствующее универсальности своего предмета, не может быть только мышлением: оно охватывает разные способы познания, в том числе интуитивные, эмоциональные, поведенческие (*универсный принцип, *действия философские, *чувства философские). Само универсальное, в процессе самоопределения, разделяется на бытие и знание — *универсум и универсику*. Они соотносятся как развертывание и свертывание: как растение, несущее в себе семя, и семя, несущее в себе растение. Универсальное разделяет себя на «мужскую» и «женскую» ипостаси, на универсум и универсику, чтобы вновь и вновь оплодотворять себя самопознанием.

Переход от абстрактно-общего к *конкретно-универсальному*, от метафизики к *универсике* составляет перспективу современного движения мысли. Постмодерная критика «всеобщего» с позиции плюрализма и многокультурия способствовала дальнейшему самоопределению универсики в ее отличии от метафизики: от делению универсального как индивидуально-многообразного от всеобщего как всемирно-единообразного. Возрождаясь в результате этого кризиса, универсальное приобретает новое, критическое измерение (*универсализм критический).

*Вочеловечение, Именные термины, Индивиды-универсалии, Инфиниция, Мудрость, Нулевая дисциплина, Реалогия, Синтеллект, Софийные дисциплины, Теоморфизм, Транскультура, Универсализм критический, Универсный принцип, Эссеизм
Знак. С. 635–651.

УНИВЕРСНЫЙ ПРИНЦИП (universe principle). Отнесенность к целому мирозданию как отличительный признак философского мышления, а также комплексная установка всех гуманитарных наук.

Философия мыслит мир как целое, постигает его через взаимосвязь причин и следствий, оснований и целей. Однако универсальное не сводится к мышлению, но охватывает всего человека, включая его способность переживать мир как целое, вселенски страдать или ликовать. С точки зрения философской антропологии

¹ Лейбниц Г. В. Монадология, 56 // Лейбниц Г. В. Цит. изд. Т. 1, 1982. С. 422.

² Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 344.

(Макс Шелер) человек соразмерен всему Космосу и даже выходит за его предел, что и делает его существом надприродным. *Сомерность* человека всему космосу соответствует «сочеловечности» космоса, его устремленности к человеку.

С конца XX века в космологии утвердился *антропный* принцип, согласно которому Вселенная, со всеми своими фундаментальными постоянными, именно такова, чтобы в ней мог возникнуть человек. Разумно предположить, что Вселенная нуждается именно в таком существе, которое само могло бы стать вселенским, то есть охватывать универсум как целое, вбирать его в себя. *Антропный принцип в космологии требует дополнения универсальным принципом в науках о человеке. Если Вселенная такова, что в ней смог возникнуть человек, то и сам человек таков, что в нем может раскрыться целая вселенная.* Если Вселенная антропоцентрична, то человек *универсоцентричен*.

Через гуманитарные науки и культурные практики (философские, языковые, художественные, психологические) человек раскрывает в себе целый мир, его прошлое, настоящее и будущее, многообразие индивидов и народов, эпох, культур. Человек призван соответствовать своему месту во Вселенной, быть универсальным существом, соединять в одно целое интеллектуальную, эмоциональную и практическую сферы. Это и есть миссия гуманитарных наук — развивать самосознание каждого человека до уровня самосознания всего человечества. Человек не может восходить к мировому только в мыслях и оставаться пленником сиюминутного, бытового в своих чувствах и поступках; в этом случае он не был бы подлинно универсальным существом. Философия как дисциплина, работающая с универсалиями, с обобщениями самого высокого порядка, в наибольшей степени выражает этот *универсоцентризм* человека и способствует *омировлению его мыслей, чувств и действий.

* Антропозэя, Вочеловечение, Всечеловек, Действия философские, Мультикосмизм, Омировление, Универсика, Чувства философские
Творчество. С. 192–193.

FILOSOFIA (русское слово «философия» в написании латинскими буквами). Философия в ее российском изводе, по контрасту с более строгим академическим пониманием этой дисциплины как *philosophy* в англоязычных странах.

Каждая национальная культура имеет свою систему гуманитарных дисциплин и свои критерии того, что считать философией. Западная, в особенности англо-американская, академическая наука склонна с подозрением относиться к самому факту существования русской философии. В университетах ей не уделяют места в общих курсах по истории философии и крайне редко посвящают специальные курсы, причем на кафедрах славистики, а не философии. В лучшем случае русская философия проходит по разряду идеологии, публицистики, общественно-исторической мысли или воспринимается как жанр полулитературы-полуидеологии, социальной критики, утопии, интеллектуальной журналистики (**Мыслительство*). В таком подходе западная наука руководствуется узко-специальным, в основном лингво-аналитическим пониманием философии, объявляя ее краеугольным камнем рефлексии Витгенштейна о языке и отвергая рефлексии Чаадаева о нации или рефлексии Соловьева и Флоренского о Софии как далекие от собственно

философской сферы. Термин «философия» в его русской транскрипции, но латинскими буквами — *filosofia* — указывает на разность традиций, составляющих интеллектуальное наследие западного мира — аналитико-критической («аристотелевской») и синтетически-конструктивной («платоновской»). Так же обозначается эта дисциплина на испанском, в культуре, интеллектуальные традиции которой отчасти близки российским. Разница между *philosophy* и *filosofia* примерно такая же, как между научным симпозиумом и платоновским симпозионом, участники которого не просто обсуждают отвлеченные идеи, но предаются им «целостно», всеми способностями ума, всей душой и телом. По мысли Павла Флоренского, «философия, как дело кабинета, дело “ума”, не привилась у нас, как не было ее и в античной обстановке. Наши философы стремятся быть не столько умными, как мудрыми, не столько мыслителями, как мудрецами. <...> Стремление нравственное, сознание религиозное, деятельность не головою только, но и всеми органами духа, одним словом, — жизнь вне кабинета только и представляется нам жизнью до-дна серьезною, всецело достойною»¹. *Filosofia* — это философия, которая не специализировалась в отдельную дисциплину, изучающую условия и возможности познания, но пытается сохранить масштаб и конфигурацию целостной мудрости, по-разному сочетая в себе элементы критики и фантазии, науки и поэзии, логики и религии, анализа и синтеза, историзма и утопии. *Filosofia* может и должна учиться у *philosophy*, как точнее различать эти элементы, — но не для того, чтобы жертвовать одним из них, а чтобы лучше способствовать их объединению. Разделение между *philosophy* и *filosofia* проходит не только вдоль, но и поперек национальных традиций. *Philosophy* почти безраздельно господствует в Англии (хотя и там есть *filosofers* в лице Г. К. Честертона и К. С. Льюиса), но по мере продвижения вглубь континента, во Францию (Ж. Батай, Г. Башляр), Испанию (М. Унамуно, Х. Ортега-и-Гассет) и Германию (Ф. Ницше, М. Хайдеггер), *filosofia* начинает занимать все большее место, получая господство в России, хотя и в ней есть свои *philosophers* — неокантианцы, позитивисты, феноменологи.

С точки зрения англо-американского аналитического канона В. Соловьев — это не вполне философия, поскольку еще и мистика, и софиология; а В. Розанов — совсем не философия, а словесная игра и заплетание узелков мысли на память потомству. Но современная западная философия, особенно континентальная европейская, сама все более избавляется от претензий на дисциплинарную чистоту, якобы неподвластную метафорам, образам, фантазмам и поэтизмам. Время «пост-» приоткрыло новые возможности для интерпретации того странного, «гибридного» дискурса, который сложился в русской мысли. Деконструкция показала, что философия — это не более как (но и не менее чем) игра метафор, завязывание словесных узелков, которые в прямую нить рационального, линейного смысла вообще развязать невозможно. И именно по этой причине Ницше, Батай и прочие «проклятые» мыслители, «грезовидцы», которых к «настоящей», «научной» философии причислить было невозможно, — они-то до конца честны перед мыслью, поскольку не выдают ее за объективную истину и не боятся соединить ее с поэзией, теологией, с жизнью в себе и вокруг. В этом контексте по-новому видятся В. Соловьев и В. Розанов, К. Леонтьев и П. Флоренский,

¹ Флоренский П. А. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 207.

Н. Федоров и Г. Федотов, Н. Бердяев и Л. Шестов, которые мыслили по диагонали к «строгой» философии, были «мыслеплетами», изобретателями философских словес, смесителями жанров и языков еще до того, как в эпоху постмодернизма это было признано хорошим тоном на Западе. Русский опыт «целостного» философствования, осознание его привлекательных и опасных сторон, может стать еще одним источником обогащения и разнообразия западной мысли, как поле творческого взаимодействия между *filosofia* и *philosophy*.

*Концептивизм, Метапрактика, *Мудрость, Мыслительство, Нулевая дисциплина, Софиофилия, Философование, Эссеизм*

Symposion and Russian Filosofia // *Symposion: A Journal of Russian Thought*. Los Angeles: University of Southern California, 1996. Vol. 1. P. 3–7.

«Пир» Платона и русская философия // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 178–180.

ФИЛОСОФОВЕДЕНИЕ (*philosophology, philosophical studies*). Совокупность методов и дисциплин, изучающих философию, ее историю, язык, социальный статус, понятийный аппарат, развитие логических и эпистемологических категорий и т.д. *Философование* следует отличать от самой *философии* как первичной деятельности по созданию новых понятий (концептов), методов мышления и систем мировоззрения. Философование включает такие разделы, как история, теория, методология, критика, библиография, источниковедение философии.

Термин «философование» позволяет ввести в область философии разделение, которое издавна проводится в сфере художественного творчества: между литературой и литературоведением, искусством и искусствознанием. В настоящее время между первичной, творческой философией и вторичным изучением философии не проводится различий в системе академических дисциплин. Более того, в современных западных университетах, особенно в США и Великобритании, по сути только *философование* считается собственно академическим предметом, тогда как «стихийной», «первичной» философии, от досократиков до Ницше и Бергсона, отводится место лишь в «донаучном» прошлом философской мысли. *Творческая философия* (*creative philosophy*) как свободное мышление об основных вопросах жизни и мироздания не имеет своего статуса в академическом мире, в отличие от литературного творчества (*creative writing*), для обучения которому существуют отделения во многих университетах. Провести разграничение между творческой философией и научным философованием гораздо труднее, чем между литературой и литературоведением, поскольку обе отрасли пользуются одним языком, работают с общими понятиями. И тем не менее очевидна разница между Фихте, Шеллингом, Гегелем — и Куно Фишером, автором историко-критических трудов об этих философах («История новой философии»). Некоторые мыслители могут выступать одновременно и как философы, и как философovedы (например, Б. Рассел или Ж. Делез), но чем глубже и самобытнее мыслитель, тем больше его философование выступает как органическая часть и продолжение его философии (например, историко-философские труды М. Хайдеггера и К. Ясперса).

Само по себе изучение философии как научной дисциплины еще не делает человека философом, как изучение литературы не делает писателем. Большинство современных профессиональных философов — это *философovedы*; они не создали своей философии, а занимаются изучением чужой. Нецелесообразно

наделять эти термины оценочным значением. Можно быть плохим философом и хорошим философоведом, так же как плохим поэтом и хорошим специалистом по поэтике. Философоведение — такая же законная область исследовательской деятельности, как литературоведение и другие гуманитарные дисциплины, но она не может считаться единственно законной в академическом мире и не должна вытеснять другие, творческие разновидности философии, которые нуждаются в своих формах легитимизации и институционализации (например, в программах творческого мышления, **гуманитарного изобретательства*).

*Концептивизм, *Filosofia*

ФОЛЬКСОФИЯ, НАРОДОМУДРИЕ (folksophia, folksophy). Наивная, непрофессиональная, фольклорная философия, склонность к широким метафизическим вопросам и обобщениям. Сопоставима с фольклорными жанрами в словесности, с лубком и примитивом в изобразительном искусстве. Первичная, древняя народная мудрость воплощается в пословицах, духовных стихах и других фольклорных жанрах. Народоумрие Нового времени, близкое по типу городскому (мещанскому) фольклору, находит выражение в художественной литературе, в сказе, например в творчестве Л. Толстого, Н. Лескова, М. Пришвина, А. Платонова, М. Зощенко...

Философия — деятельность высоко развитого сознания и самосознания, поднявшегося до системных понятий о мироздании в целом. Может ли философствовать необразованный или малограмотный человек? Тяга к метафизическим обобщениям о «природе вещей» проявляется не только на высших интеллектуальных уровнях, но и в первично-рефлексивных побуждениях бессознательного, когда думается «обо всем и ни о чем». Ребенок-почемучка, непрерывно задающий вопросы о смысле всего, по сути более философичен, чем взрослый специалист в какой-то узкой области знания. Такая наивная, детская, крестьянская или мещанская философия практически не подвергалась изучению. Как писал Н. Бердяев, «русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера — о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божье»¹. О том же Дмитрий Карамазов у Ф. Достоевского: «Карамазовы не подлецы, а философы, потому что все настоящие русские люди философы...»

Этот «безграмотный», неясный, многодумный философизм находит выражение в творчестве поэтов-обэриутов Д. Хармса, Н. Олейникова и у московских концептуалистов, особенно у Д. А. Пригова и Т. Кибирова. У них это уже не столько деревенский, сколько городской фольклор: сознание, прошедшее через обработку газетной, книжно-лоточной, телевизионной продукцией, с ее смесью штампов всех массовых идеологий. Приговские лирические концепты выражают те примитивные, хаотические движения души, «полубормотания», которые уже сформированы медиасредой. Это *фольксóфская* лирика, своего рода «мещанский трактат», или «мещанская медитация», как бывает «мещанский романс». Зачины многих приговских стихов медитативны, это своего рода философические лубки. «Вся жизнь исполнена опасностей...», «Посредине мирозданья...», «Наша жизнь

¹ Бердяев Н. Русская идея. Париж: YMCA press, 1970. С. 32.

кончается...», «Народ с одной понятен стороны...», «Господь листает книгу жизни...», «Нам всем грозит свобода...»

Вот я курицу зажарю / Жаловаться грех / Да ведь я ведь и не жалюсь / Что я — лучше всех? / Даже совестно, нет силы / Ведь поди ж ты, на / Целу курицу стубила на меня страна

Поэтика *дремучего глубокомыслия* у Пригова отчасти происходит из «Голубиной книги», древнерусского духовного стиха, слагаемого и переносимого каликами переходжими. Сравним:

От чего зачался наш белый свет?
От чего зачалось солнце праведно?
От чего зачался светел месяц?
От чего зачалась заря утрення?
От чего зачалась и вечерняя?..
Голубиная книга¹

На счетчике своем я цифру обнаружил
Откуда непонятная взялась?
Какая мне ее прислала власть?
Откуда выплыла наружу?
Каких полей? Какая птица?..

Д. А. Пригов

В обоих текстах — интонационный захлеб вопрошания о «последних вопросах». О том же весь цикл «Банальные рассуждения на банальные темы» — о «разумности идеалов», о «твердых основаниях жизни», о «всепобеждающей силе идей», о «свободе». Это в традициях русской философской лирики, только если у Тютчева — аристократическое любомудрие, а у Заболоцкого — научно-инженерное, то у Пригова — народно-газетное. Меры банальности и философичности здесь совпадают, ибо нет ничего банальнее философских общих мест.

Только вымоешь посуду / Глядь — уж новая лежит / Уж какая тут свобода / Тут до старости б дожить

Это не философия бессознательного, а бессознательность самой философии, которая совершается в понятиях, но при этом столь же стихийна и иррациональна, как мифология. Приговский концептуализм обнаруживает *многодумность* в самой субстанции народного *бессознательного*. Оно потому и не может себя осознать, что погружено в мысль, непрерывно думает.

*Всекто и Всечто, Интоксофикация, Сорванное сознание
Лирика сорванного сознания: народное любомудрие у Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов: Сб. статей и материалов. М.: НЛО, 2010. С. 252–263.

¹ Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 45.

ЧУВСТВА ФИЛОСОФСКИЕ (philosophical feelings, emotions). Чувства, обращенные на мир в целом, на бытие и его законы. Обычно философия отождествляется только с мышлением, в ее словарных определениях никогда не упоминаются чувства, эмоции, переживания. Это говорит об огромной диспропорции рациональных и эмоциональных составляющих философии в общепринятых воззрениях. Но почему *фило-софия*, как *любовь к мудрости*, должна проявляться только в мыслях, а не в чувствах? Ведь любовь — это чувство, да и мудрость — не только мысль, а скорее мыслечувствие, сплав того и другого: способность эмоционального наполнения мысли и интеллектуального наполнения чувства. В «Притчах Соломона» Премудрость говорит о себе и о Боге: «...я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя *была* с сынами человеческими» (Притчи Соломона, 8: 30, 31). Здесь Премудрость представлена прежде всего в полноте своих чувств, как *радость* и *веселье* перед лицом Бога.

Среди многообразных чувств можно выделить такие, которые обращены на самые общие свойства мироздания и благодаря своей универсальности поднимаются до ранга философских. Философично не только *мыслить о радости*, но и *испытывать радость*, если эта радость обращена не к конкретным событиям или ситуациям, но к устройству мироздания в целом. У философски чувствительного человека отношение к миру превращается в эмоциональную драму. Его мучают, удивляют, потрясают не отдельные явления, а мироздание в целом. «Екклесиаст» — книга философических чувств и переживаний. «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа!» (Еккл. 2: 17) Обида на грубого, надоедливого соседа не входит в диапазон философских чувств, а горькое чувство несовершенства мироздания или уязвленность человеческими страданиями — входят. Чувство потерянного времени вследствие того, что не успеваешь выполнить намеченное, — это просто чувство; но меланхолия времени, чувство всеобщей бренности и обреченности, неумолимого хода вещей, разрушающего все родное, любимое, — это философское чувство.

Философическими могут быть *боль* и *скорбь*, если они направлены на все человечество. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Это начало радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» сделалось началом и всей русской философии, которая замешана на чувстве страдания и сострадания, на карамазовском вопросе об оправданности детской слезинки. В пушкинской маленькой трагедии Сальери испытывает к Моцарту не обычную, но *философскую* зависть: зависть алгебры к гармонии, чувство величайшей несправедливости, доходящее даже до философского негодования. «Нет правды на земле... Но правды нет и выше!»

Еще одно важное философское чувство — *удивление*, которое Аристотель считал родоначальником философии как таковой, да и знания вообще. «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать... Недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим...» («Метафизика»). Если удивление — начало философии, то оно же — и ее итог, как явствует из мысли И. Канта: «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими

размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне». Не только удивление побуждает размышлять (Аристотель), но и размышление ведет к еще большему удивлению (Кант).

Диапазон философских чувств чрезвычайно широк.

Философское презрение — презрение к мелким обстоятельствам, частностям, жизненной суете, которые отвлекают от поиска смысла жизни, от выполнения своего высшего предназначения.

Философский гнев — гнев на несправедливое мироустройство, где праведные страдают, а нечестивые блаженствуют.

Философское беспокойство — тревога об ускользающем смысле целого, о том, что мир лежит в осколках и мысль не может собрать его воедино.

Философский страх — страх перед бытием, ибо оно непознаваемо, или перед небытием, ибо оно опустошительно, страх за свое маленькое «я», несоизмеримое с бесконечностью мироздания.

Философская грусть — грусть о том, что все проходит, нет ничего вечного под солнцем, даже великие дела и люди забываются, и живая собака лучше мертвого льва.

Призвание философии — формировать не только наши мысли, но и чувства, способствовать их развитию и углублению. Не только интеллектуально объяснять мир, но делать нас чувствующими гражданами мироздания, то есть восходить от чувств единичных, ситуативных, житейских — к мирообъемлющим. Философия, которая ограничивается только мыслями, суждениями, силлогизмами, анализом понятий, не доходит до уровня мудрости, то есть не выполняет своего дисциплинарного предназначения. Великие философы: Платон, Кант, Шеллинг, Кьеркегор, Ницше, Соловьев, Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Бердяев — открыты философским чувствам и страстям, которые и определили масштаб их мысли. Без переживания мысль мелка и тавтологична. Чувство, вложенное в понятия, но из них логически не выводимое, отличает синтетические суждения от аналитических. Сравним аналитическое суждение: «все холостяки неженаты» — и синтетическое (апостериорное): «все холостяки несчастливы». В первом связь понятий основана на логическом анализе, во втором — на эмоциональном опыте.

Без понимания философских чувств мы не поймем и хода истории, тех величайших событий, которые происходят под их воздействием. Маркс писал, что когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой. Но массами овладевают не просто идеи, а идеи-эмоции, всеохватывающие чувства, которые равнообъемны и равномогущны идеям, относятся не к частному, а к коллективному опыту, распространяются на жизнь общества или всего человечества. Революцию совершает философская эмоция несправедливости мироустройства, озлобленности на существующий порядок вещей. Научными открытиями движет удивление перед загадками мироздания. В основе художественных произведений и технических изобретений лежит радость обретения свободы, позволяющей творчески преображать мир.

Призвание философии именно в том, чтобы мыслями раздвигать область чувств, придавать им всеобщность, — и чтобы чувствами наполнять область мыслей, придавать им действенность. Философии необходимо пройти курс сентиментального воспитания, чтобы приобрести способность, по выражению

исихастов, «погружать ум в сердце», переживать то, что она мыслит. Воспитание предельно емких чувств, относящихся к миру и к человеку, — важнейшая часть *философского образования*. На философских факультетах изучают различные теории, системы, идеи, но важно не только постигать категории мысли, то есть образовывать свой ум, но и развивать способы переживания мира, удивляться великому в малом, страдать от неразрешимых противоречий бытия, воодушевляться диалектикой и т.д.

* Действия философские, Двоечувствие, *Лирическая философия*, Селф-эмоция, Страдость, *Универсальный принцип*

О философских чувствах и действиях // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 167–174.

Lyrical Philosophy, or How to Sing with Mind // Common Knowledge. Duke UP, vol. 20. 2014.

№ 2. P. 204–213.

Творчество. С. 178–188.

ЭКЗИСТОЛОГИЯ (existology; лат. *existere*, существовать) и **ЭССЕНЦИОЛОГИЯ** (essentiology; от лат. *essentia*, сущность). Философские дисциплины, исследующие, соответственно, существование и сущность в их радикальном отличии друг от друга. Это не то же самое, что экзистенциализм и эссенциализм как философские *направления*, которые исходят из первичности одного или другого: существования, которое предшествует сущности, — или сущности, которая предшествует существованию. Экзистология и эссенциология не исключают, а *предполагают* друг друга, поскольку рассматривают существование и сущность в их взаимно обусловленных пределах:

- существование — за пределом сущности, как абсурдное, непостижимое, необъяснимое, иррациональное, лишенное смысла и цели;
- сущность — за пределом существования, как чистую, абстрактную, умопостижимую, недоступную эмпирической проверке.

Предмет экзистологии — чистые индивиды, во всей своей уникальности, «этости», такие как единичные вещи (**реалогия*) или единичные субъекты (**существоведение*). Предмет эссенциологии — чистые универсалии, общие сущности, существование которых не может быть эмпирически подтверждено, например абстрактные понятия, моральные свойства, атрибуты Бога и т.п.

Что происходит, когда ничего не происходит? Что думается в отсутствие мыслей? Что говорится в отсутствие слов? Почему даже вакуум не может быть полным (то есть совершенно пустым)? — в нем неизбежно вспыхивают виртуальные частицы. В чем загадка этого «почти», которое все-таки вносит частицу бытия в ничто и частицу абсурда в любой смысл? Эти вопросы возникают в дисциплинарном комплексе экзистологии-эссенциологии, которые могут быть также охарактеризованы как нулевая эпистемология (непознаваемого) и нулевая онтология (небытийствующего). Изучая существования и сущности в их изоляции друг от друга, мы лучше понимаем условия их соединения, необходимые и достаточные для того, чтобы сущность существовала, а существование имело сущность.

При всей полярности этих дисциплин они сходятся в теологической перспективе. Бог может рассматриваться как абсолютное существование, лишенное сущности и потому непознаваемое, и как абсолютная сущность, лишенная

предиката существования и потому рационально объяснимая, но эмпирически не верифицируемая. Экзистология соответствует апофатическим методам в теологии, эссенциология — катафатическим. Совместимы ли они — остается главным вопросом теологии, а их совместимость — парадоксальным условием ее возможности.

**Веществование, Всекто и Всечто, Микрометафизика, Негаонтология, Реалогия, Реизм, Суб-объект, Существоведение, Универсика, Экзистенация*

БЫТИЕ. РЕАЛЬНОСТЬ

Вакуум нестабильный
Веществование
Виртуальное
Всекто и всечто
Глубина
Диаверс, интерверс
Ипсеизм
Ипсеистика
Ирреалия, меонема, негатема
Многомирие
Мультиверсалия
Мультикосмизм
Нега- (приставка)
Негаобъект, негамир
Негаонтология
Не-небытие
Низрастать
Обытийствовать
Омировление
Пустоты
Реал
Реалитет
Реалогия, вещеведение
Реверсивность, превратность
Реизм
Самобытие
Суб-объект
Существоведение
Тегимен
Тегименология
Трасосфера
Упаковка
Хаосложность
Человещность
Четыре мира
Чрезмирность

ВАКУУМ НЕСТАБИЛЬНЫЙ (unstable vacuum). Вакуум, порождающий квантовые флуктуации и потенциально содержащий в себе материю; пустота как основание всего и отрицание себя; состояние вселенной, имеющее как физическое, так и метафизическое измерение и определяющее онтологию нашего мира как **не-небытия*.

«Своеобразные и неожиданные свойства квантового вакуума определили его ведущую роль в фундаментальной физике середины 1970-х годов. С тех пор его значение все более возрастало и расширялось», — отмечает Джон Бэрроу в книге с характерным названием «Книга Ничто: Вакуумы, пустоты и новейшие идеи о происхождении вселенной»¹. Согласно современным физическим теориям, важнейшее свойство вакуума — его неустойчивость, которая и делает возможным возникновение субстанции «из ничего». Хотя само по себе пространство вакуума лишено материи, но в нем постоянно рождаются и исчезают виртуальные, то есть принципиально ненаблюдаемые частицы. Неустойчивый вакуум способен даже порождать целые вселенные — по известной концепции, так произошел «Большой взрыв». Если Бог сотворил Вселенную из ничего, то этот «материал» все еще ощутим в ее основе. Говорят еще о флуктуации вакуума, то есть случайных и временных отклонениях от нулевого значения всех содержащихся в нем физических величин. Отсюда физическое понятие «вакуумной пены», то есть множества пузырей, как бы вскипающих (флуктуирующих) на поверхности вакуума. Из этих квантовых вздутий, по мере их растяжения, «инфляции», непрерывно рождаются вселенные, одна из которых — наша, согласно инфляционной космологической модели. По словам американского физика Эдварда Трайона, «Наша вселенная есть флуктуация вакуума... Спонтанное, темпоральное возникновение частиц из вакуума называется “вакуумной флуктуацией” — это стандартное понятие в квантовой теории поля»². «Эти вакуумные флуктуации в конечном счете ведут к собиранию вещества в галактики и звезды... — поясняет Джон Бэрроу, парадоксально заключая: — Без вакуума книга жизни состояла бы из пустых страниц»³.

Философски понятие неустойчивого вакуума остается непроявленным. Если это вакуум, который не содержит ничего: ни материальных частиц, ни зарядов энергии, — то как он может быть неустойчивым, что выводит его из состояния равновесия и производит из него «ничто», каковым является наш мир? Само понятие «неустойчивого вакуума», или «неустойчивого небытия», содержит в себе знаменательный повтор семы отрицания, выражаемой частицей «не». Если вакуум есть отсутствие частиц, то неустойчивость вакуума есть временное *отсутствие самого отсутствия*. Значит, в основе и вакуума, и его неустойчивости лежит некое общее «не», которое и объясняет возникновение чего-то из ничего, частиц из вакуума. Вакуум как бы *вакуумит* себя, пустота самоопустошается, ничто себя *ничтожит*, образуя нечто от себя отличное, а в конечном итоге и целую расширяющуюся вселенную. Чтобы такое двойное «не» состоялось, в вакууме должна быть способность отношения к *самому себе*. Неустойчивость вакуума может быть выведена из *природы самого вакуума*, как его обращенность на себя (**ипсеистика*). Отсюда философское представление о дважды негативной природе бытия как самоотрицания небытия (**не-небытие*).

*Ирреалия, Негаонтология, Не-небытие, Пустоты

¹ Barrow J. The Book of Nothing: Vacuums, Voids and the Latest Ideas about the Origins of the Universe. New York: Pantheon Books, 2000. P. 230.

² Tryon P.E. Is the Universe a Vacuum Fluctuation? // Modern Cosmology and Philosophy / Ed. John Leslie. Amherst, New York: Prometheus Books, 1998. P. 222.

³ Barrow J. Op. cit. P. 245.

Двойное небытие и мужество быть: К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 28–43.
Религия. С. 319–344.

ВЕЩЕСТВОВАНИЕ (*re*existentia, лат. *res*, вещь + *existentia*, сущее). Особый способ существования вещей, имеющий свое духовное измерение и ставящий перед человеком экзистенциальные и этические проблемы.

Важно концептуально отличать «вещь» от «предмета». В древнерусском языке слово «вещь» значило «духовное дело», «поступок», «свершение», «слово». «Предмет» требует в качестве дополнения неодушевленное существительное, а «вещь» — одушевленное. Мы говорим «предмет чего?» — производства, потребления, экспорта, изучения, но «вещь чья?» — хозяина, отца, жены... Вещь выступает не как объект какого-либо воздействия, но как принадлежность субъекта, «своя» для кого-либо. Язык лучше, чем любое теоретическое рассуждение, показывает разницу между предметом и вещью, между принадлежностью одного и того же явления к миру объектов и к миру субъектов. «Изделия», «товары», «раритеты» и т.п. — это разные виды предметов: производства и потребления, купли и продажи, собирания и созерцания. Между предметом и вещью примерно такое же соотношение, как между индивидуальностью и личностью: первое — лишь возможность или «субстрат» второго. Предмет превращается в вещь лишь по мере своего духовного освоения, подобно тому как индивидуальность превращается в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, саморазвития. Сравним: «он сделал хороший предмет» — «он сделал хорошую вещь». Первое означает — произвести что-то руками, второе — совершить какой-то поступок.

В каждом предмете дремлет что-то «вещее», след или возможность какого-то человеческого свершения. Хотя вещи сами по себе лишены разума, они воспринимаются человеком как наделенные определенной интенцией, миссией. Эта общая интенциональность, присущая веществу как таковому, воспринимается как смирение, согласие с миром, послушание бытию. «Вещи кротки. Сами по себе они никогда не причиняют зла... Душа моя была непреклонна перед людьми, и, однако, я часто плакал, созерцая вещи...» — писал французский поэт Франсис Жамм («Вещи», 1889).

Веществование — это покорность бытию, которую вещи умеют претерпевать глубже, чем люди. Веществование — маленький рай, в котором каждая вещь послушествует своему владельцу. Она не отклонит ничьей просьбы, но при этом останется верна своему назначению: чашка поможет утолить жажду, но не позволит использовать себя в качестве ножа или полотенца. Если от вещей — сильнейший соблазн стяжания, то от них же и урок бескорыстия. Вещи одевают нас всем, что у них есть, и ничего не оставляют себе, буквально выполняя завет «раздай имение свое». Меря себя мерой вещей, не имеющих ничего, кроме бытия, человек достигает смирения.

Бог, говорит Р.-М. Рильке, — «Вещь вещей», «Безграничное присутствие». Монах, по словам Рильке, «слишком ничтожен и все-таки недостаточно мал», чтобы уподобиться вещи перед Богом. Мир вещей — погруженный в молчание и терпение монастырь, куда люди приходят странниками, обретая мудрость

послушания. Мы учимся у тех, кто служит нам. Тогда-то вещь и являет свое за-
таенное «вещее» свойство — безгласного Слова, неутомимо наставляющего нас.

**Лирический музей, Реалогия, Реизм, Самобытие, Человечность, Юзеризм
Парадоксы. С. 304–333.
Поэзия. С. 343–364.
Future. P. 253–279.*

ВИРТУАЛЬНОЕ (the virtual). Особая форма бытия, сочетающая фиктивное и реальное. К фикциям обычно относят миры художественных произведений, их сюжеты и персонажей, а также условные гипотезы, интеллектуальные кон-
структы, описанные основоположником фикционализма Гансом Файхингером (1852–1933) в его «Философии “как если бы”» (1911). Основной вопрос онтологии виртуального: относится ли оно целиком к области фиктивного?

По своему бытийному статусу виртуальное фиктивно и вместе с тем перфор-
мативно. Виртуальное — это взаимодействие реальных субъектов с фиктивными (воображаемыми) объектами и субъектами, такими как иллюзорные ландшафты, здания, орудия труда, военное и спортивное снаряжение, а также персонажи электронных игр. В виртуальных мирах можно работать, зарабатывать, поку-
пать, участвовать в соревнованиях, получать награды, подвергаться наказанию и преследованию, образовывать союзы с единомышленниками и вступать в битву с врагами. Охота на покемонов предполагает их поиск в «дополненной» физиче-
ской реальности, так что пешеходы, автомобилисты и даже летчики меняют свои маршруты и создают угрозу своей и чужой жизни с целью поймать смартфоном этих виртуальных зверушек.

В спорах о природе виртуального обычно сталкиваются позиции фикцио-
нализма и реализма, которые исходят из первичности одной из этих сфер; но специфика виртуального состоит именно в их взаимодействии «на равных». Если допустить, что реальный зритель вторгается в мир фильма и взаимодействует с его персонажами, то фиктивность сюжета и реальность его участника образуют особую онтологию виртуального — смещенную, раздвоенную. Субъекты интерак-
тивного действия и его объекты принадлежат разным планам бытия, в отличие от однородно фиктивного бытия кинематографических образов и реального бытия живых людей. Привычная моно-онтология заменяется гетерогенной, построенной на взаимодействии разных планов реального и ирреального.

В будущем агенты виртуальных интеракций могут меняться местами. Фик-
тивные субъекты, наделенные искусственным разумом, приобретут способность взаимодействовать с людьми, своими создателями, как объектами реального мира. Иными словами, две дихотомии: субъект — объект и реальное — фиктивное — не обязательно совпадают, возможны интеракции вымышленных субъектов с живыми объектами. Раздвоенная, гетерогенная онтология виртуальных миров со временем может вытеснить традиционную, где фикции противопоставляются фактам, а ложь — истине.

**Вир, Виреальное, Виртуалистика*

ВСЕКТО и ВСЕЧТО (allbody, allthing). Определительные местоимения, указывающие на всеобъемлющую личность и всеобъемлющую предметность.

В русском языке есть устойчивая корреляция отрицательных, неопределенных и определительных местоимений в таких рядах, как:

нигде — негде — везде
никогда — некогда — всегда
никакой — некий — всякий

По той же морфо-логике в языке можно достроить и такой ряд:

*ничто — нечто — **всечто***
*никто — некто — **всекто***

«Всекто» противоположно «никто», это всеобъемлющий, вселичность, одно из обозначений Всезначимого, Вездесущего, в пределе — самого Бога. Всекто — это, пользуясь понятием Канта, «трансцендентальный субъект», который составляет условие всякого субъективного опыта, хотя и не может стать его предметом, несводим ни к какому «что». Вместе с тем можно применить это понятие и к человеку, выступающему как «демиург» в какой-то области свершений, прежде всего государственных. В английском языке есть близкое по смыслу выражение «больше, чем жизнь» (larger than life) — например, так говорят о китайском императоре Цинь Шихуан, объединителе, по сути, создателе китайского государства. «Больше, чем жизнь» — значит, человек-эпоха, человек-государство. Александр Великий, Петр I, Наполеон, Ленин, Мао Цзэдун — все эти личности можно отнести к категории *всекто*. Это же понятие приложимо к человеку, внесшему решающий вклад в какую-либо область. Кант — *всекто* критической философии, Эдисон — технических изобретений, Эйнштейн — современной физики, Джойс — модернизма, «Битлз» — рок-музыки. Ломоносов — *всекто* российской науки, Пушкин — русской литературы...

Всечто — это универсальная субстанция, всеобщее начало, первопринцип, всеобъемлющий абсолют, то, что ищут философы. Для Фалеса *всечто* — вода, для Гераклита — огонь, для Плотина — Единое, для Шопенгауэра — мировая воля, для Маркса — материальная жизнь и общественное производство, для Ницше — жизнь и воля к власти, для Фрейда и Юнга — бессознательное, для Хайдеггера — бытие... Для патриотов *всечто* — это их страна, для домохозяйки — ее дом, для киноманов — кино...

Абстрактно-универсальные сущности, довлеющие идеологическому сознанию, выступают как игровые художественные схемы в концептуализме. Так, у Д. А. Пригова возводится в абсолют Милицанер как *всекто* — фигура сверхначальника, стража мирового порядка. И у него же создается гротескно-пародийный образ сверхсубстанции *всечто* — в поэме «Махроть всяя Руси». Она «махроть-трава, с виду синяя, внутри красная», она «красивая», «святая крыса», она проходит «кошачьей походкой», она «великий зверь», она «плывет над нашим полушарьем», она таится в винной чарке... «Нежно-поющая, густо-шипящая / Рвущая мясо в лохмоть / Вот она вещая жизнь настоящая / Именем бога — Махроть / Всяя Руси».

Махроть здесь примерно то же, что недотыкомка в «Мелком бесе» Ф. Сологуба или «норма» в романе В. Сорокина «Норма», — нечто вездесущее и неуловимое, алгебраический образ, некий X, который встраивается во все уравнения. Здесь гротескно представлена характерная для тоталитарных систем идея *всеобщей сущности*, которая присутствует во всем прямо, не скрываясь, безо всяких посредников: и хлеб, и поле, и человек, и мозг, и мысль, и государство — это все материя, она же «махроть», ее бесчисленные воплощения.

Поиск вездесущего X-а — это рефлекс не только советской *идеологии*, но и ее наследницы — постсоветской *конспирологии*. Если предмет идеологии — *всечто*, некая первоматерия или закон истории, то предмет конспирологии — *всекто*, некий всемогущий субъект истории, тайно ею управляющий. *Всечто* и *всекто* — знаки тотальности и обычно дополняют друг друга, как поиск всеобъемлющей основы всех вещей и культ всесильной и всезнающей личности, гения всех времен и народов.

Таким образом, Всекто и Всечто — это знаки религиозной всеобщности Творца или философской всеобщности Первопринципа, но эти же знаки выступают в идеологических и конспирологических дискурсах, а также в концептуальных, иронически остранивающих всякую тотальность.

* Всечеловек, Есмь-истина, Панфобия, Персоналистический аргумент, *Сорванное сознание*, Существоведение, *Фольксифия*

Лирика сорванного сознания: Народное любомудрие у Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов: Сб. статей и материалов. М.: НЛО, 2010. С. 252–263.

Ирония. С. 333–343.

ГЛУБИНА (depth). Мера простираня вещи внутрь себя; особое, четвертое пространственное измерение, связывающее наружное и внутреннее. Эта философская категория указывает на содержательную емкость, скрытую наполненность явления, его трудность для познания.

Глубина — один из важнейших пространственных параметров, который, в отличие от длины, высоты и ширины, не поддается наружному наблюдению и количественному измерению. Отсюда важность глубины для философской интуиции и рефлексии. Глубина связана с категорией *самости* — это признак того, чем личность или вещь является в себе и для себя. Это также мера различия (дистанции) между планами выражения и содержания, между обнаружением вещи для нас и ее пребыванием в себе. Личность раскрывает глубину как во внешнем мире, так и в самой себе, причем эти две глубины соотносительны и отражаются друг в друге, как в двух взаимообращенных зеркалах. Глубина охватывает все слои, которые отделяют эмпирическую поверхность личности от ее экзистенциального ядра и через которые проходит процесс как самопознания личности, так и ее самовыражения (**тегименология*). Глубина связана с мерой постижимости: глубокое способно скрывать свою сущность даже по мере ее познания.

Есть два взгляда на глубину. Один высказан М. Мерло-Понти: глубина — то, чем вещи оказывают сопротивление наблюдателю. «Глубина есть способ вещей остаться отдельными, остаться вещами, а не быть тем, на что я смотрю в настоящий момент. <...> Следовательно, именно благодаря глубине вещи наделены

плотью: то есть ставят препятствия моему наблюдению, оказывают сопротивление, которое и есть их реальность, их “открытость”, их *totum simul* (все сразу)»¹.

Другой и, казалось бы, противоположный взгляд высказан Г. Башляром: глубина вещей — это проекция той глубины, которую их исследователь находит в самом себе: «Бессознательное алхимика проецируется на материальные образы как глубина. Короче говоря, алхимик проецирует свою собственную глубину. <...> Закон, который я назову изоморфизмом глубинных образов. Грезя о глубине, мы грезим о нашей собственной глубине. Грезя о тайной силе веществ, мы грезим о нашем тайном бытии»².

По сути, между этими взглядами нет расхождения, именно вместе они и определяют глубину как меру *взаимной несводимости субъекта и объекта, их непостижимости* друг для друга. Не чувствуя собственной глубины, мы не можем оценить глубины вещей, нам предстоящих. И сопротивление «внесознательного», которое вещи оказывают нам, соразмерно тому сопротивлению, которое изнутри оказывает нам наше собственное «бессознательное». *Рационализм*, который утверждает полную познаваемость объекта субъектом, и *детерминизм*, который утверждает полную определяемость субъекта объектом, представляют собой две плоскостные проекции глубины. Но философия — это любовь к **мудрости*, то есть такое понимание, которое открывает нечто, лежащее по ту сторону понятий. *Мудрость* — *опыт общения с непонимаемым*. Именно глубина позволяет пониманию двигаться за собственный предел, то есть *глубоко не-понимать*. Так Иов глубоко не понимает источника своей вины, тогда как друзья Иова хорошо понимают причину его бедствий — и оказываются менее правы перед Богом, чем Иов.

То, что мы знаем в себе как самое достоверное, есть глубина, то есть продолжение нашего бытия за предел нашего самознающего «я». Сам для себя человек есть первичный опыт глубины, ибо здесь она дана ему непосредственно. То, что он находит в себе, всегда заключено между внешним выражением, «лицом», которое знают другие, и внутренним основанием, «дном», которого не знает он сам. Это расстояние между тем, что обо мне *знают другие*, и тем, что *я сам в себе не знаю*, и составляет глубину как область бесконечно неполного знания о неизвестном. Можно по-разному обозначать глубину — как особый трансцендентный мир духа, как бытие Бога, как область подсознания, как бытие вещей-в-себе, — но все это религиозные, психологические или метафизические проекции того, что присутствует в нашем опыте именно как глубина. Глубину можно определить как такое *простиранье*, которое *удаляется от нас* и одновременно *приближает нас к себе*.

Глубина — это, по сути, *четвертое измерение пространства*, которое в трехмерном физическом пространстве, где мы обитаем, всегда остается скрытым физически и постигается лишь метафизически (умственно, сочувственно, переживательно). Три известных нам измерения: длина, ширина и высота — относятся к пространству вне нас, расходятся от наблюдателя вверх и вниз, вправо и влево, вперед и назад, охватывая окружающий мир. Глубина — это еще одна

¹ Merleau-Ponty M. The Visible and the Invisible, followed by working notes / Ed. by Claude Lefort, transl. by Alphonso Lingis. Evanston: Northwestern University Press, 1968. P. 219 (note of November, 1959).

² Bachelard G. La Terre et les reveries du repos. Essai sur les images de l'intimite. Paris: Jose Corti, 1965. P. 50–52.

координата, которая «ортогональна» всем трем другим: она начинается с точки их пересечения, с «наружного», и движется внутрь, в сердцевину и средоточие каждого существа, в «я», «самость», «собойность». Глубина — пространственное измерение, но она принадлежит *внутреннему* пространству, которое не расчленяется на длину, ширину и высоту.

Глубина — отличительное свойство нашего мира, который прячет свое четвертое измерение внутри трехмерных предметов и требует особых, нефизических способов его постижения. Можно мыслить и такое четырехмерное пространство, где все глубинное стало бы открытым, прозрачным, где утратилось бы различие между внешним и внутренним. Таким в ряде мистических видений предстает посмертный райский мир, где темная глубина вещей раскрыта и высветлена изнутри. Но физические условия нашего трехмерного пространства таковы, что создают возможность и необходимость именно метафизики, то есть духовно-мысленного проникновения за чувственно непроницаемую поверхность вещей. Как известно, в современной физике получил признание *антропный принцип*: вселенная имеет точно такие физические параметры, какие только и допускают обитание в ней человека¹. Для гуманитарных наук мог бы иметь особое значение *метафизический принцип* (metaphysical principle): наша трехмерная вселенная устроена так, чтобы содержать в себе четвертое измерение, но открывать его только мыслящему и чувствующему существу, способному постигать то, что сокрыто от ощущений. Глубина — это именно метафизическая запрятанность четвертого измерения в физическом пространстве трех измерений.

Если бы наш мир состоял только из трех или только четырех измерений, он был бы лишен глубины. Такая «целочисленная» конструкция присуща тем возможным мирам, которые на языке мистики и теологии описываются как ад и рай. В одном, трехмерном, нет глубины, потому что вещи объемны, но пусты, лишены нутра; в другом, четырехмерном, нет глубины, потому что внутреннее полностью раскрыто вовне и все тайное становится явным. Однако наше промежуточное пространство, условно говоря «чистилище» — трех-с-половинное, поскольку глубина — это только начаток четвертого измерения, вход туда, куда нет собственно пространственного доступа. Внутреннее *уже* есть за трехмерной поверхностью вещей, но оно *еще* не раскрылось в следующем, четвертом измерении. Глубина — это и есть дополнительное, «полуфизическое» измерение вещей, которое создает возможность и необходимость их метафизического постижения.

Глубина родственна *теплоте* — это два способа обозначить внутреннюю наполненность, которая метафорически воспринимается либо двигательно, либо тактильно, на ощупь. По словам Башляра, «полное изучение материальных образов внутренних глубин должно принять во внимание все ценности скрытой теплоты. <...> Огонь выставляет себя наружу, взрывается, открывает себя. Теплота уходит внутрь, концентрируется, прячет себя. Теплота, а не огонь, скорее заслуживает название третьего измерения... <...> Через теплоту все глубинно. Теплота есть знак глубины, чувство глубины»². В своей глубине вещи содержат ту теплоту, которая простирается между их холодной эмпирической поверхностью

¹ Barrow J., Tipler F. The Anthropic Cosmological Principle. Clarendon Press, 1986.

² Bachelard G. Op. cit. P. 51–52.

и «огнем», эманулирующим от их логосов-оснований. Если наше знание чувствует теплоту вещей, их нежность, усталость, страдание-стесненность и объемность-надежду, это значит, что мы уже движемся через их глубину.

Разные предметности обладают разной глубиной. Среди них выделяется человек, который *знает* о своей конечности во времени и пространстве именно потому, что несет бесконечную глубину в себе. Человеческая глубина не имеет какого-то осязаемого предела, она уходит в бесконечность внутренней перспективы, куда стягиваются все образы внешнего мира. Эта проекция последним своим пределом имеет беспредельное, то, что в разных системах мысли именуется Бог, Единое, Абсолют, Дух, Высший Разум, Начальное Ничто и т.д. Отсюда, по словам Михаила Бахтина, «критерий *глубины* понимания как один из высших критериев в гуманитарном познании. Слово, если оно только не заведомая ложь, бездонно. Набирать глубину (а не высоту и ширь)»¹.

Не *истинность* сама по себе составляет смысл познания, а его *глубинность*. Дважды два четыре или впадение Волги в Каспийское море — несомненная истина, но стремление к знанию бежит прочь от самоочевидных истин, ибо нуждается вовсе не в них, а в глубине. Поэтому главным в эпистемологии следовало бы считать не вопрос о критерии истины (верифицируемость или фальсифицируемость), а *вопрос о критерии глубины*. Знание постольку глубоко, поскольку открывает область неизвестного в известном, находит странность, условность, недоказуемость или опровержимость даже в очевидных истинах. Глубокое знание скорее задает загадку, чем разрешает ее (**Интересное*).

То же самое относится и к действию. Обычно положительным критерием действия считается осуществление какой-то задачи, реализация какого-то проекта. Но если глубокое познание скорее загадывает, чем разрешает загадку, то *глубокое действие скорее ставит, чем разрешает задачу*. Вовсе не реализация проекта или идеи, а скорее проблематизация самой реальности — мера глубинного отношения к миру. Маленькие деятели решают поставленные перед ними задачи, но великие деятели делают существование человечества гораздо более проблематическим, чем оно было раньше. Современный усложненный мир — результат всех тех проблем, которые оставили нам в наследство Будда и Лао-цзы, Достоевский и Л. Толстой, Кьеркегор и Ницше, Эйнштейн и Фрейд — люди глубокой мысли и действия. Исполнение ранее поставленной задачи — низший род деятельности. Нравственный масштаб действия — не решение, а *углубление* проблемы, то есть дальнейшее возбуждение умов и возмущение совести.

**Интенсивность, Интересное, Ипсеизм, Мудрость, Самобытие, Самое-самое, Тегимен, Тегименология*

ДИАВЕРС, ИНТЕРВЕРС (diaverse, interverse; dia, через, inter, между + universe). Межвселенье; диалогическая интерпретация **многомирия* (multiverse). Космология рассматривает концепцию мультиверсума в разных вариантах: эвереттовское ветвление вселенных в квантовых переходах; многомерные пространства суперструн; инфляционная модель вселенных, раздувающихся, как пузыри, на пене

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 307.

квантовых флуктуаций... Возникает вопрос: почему вселенных много, есть ли какая-то логика в таком космическом плюрализме?

Один из возможных ответов: вселенных много по той же причине, по какой существует много индивидов, языков, культур. Логика, объясняющая их возникновение, есть *диалогика*, обоснованная М. Бахтиным и его последователем культурологом В. Библером. Любой смысл, чтобы получить выражение, должен быть отнесен к другому смыслу, и первичен не он сам, а их отношение, «с», которое присутствует в самом слове «с-мысл». Мир, чтобы обладать значимостью, должен соотноситься с другими мирами. Именно это «с»-отношение и является исходным: наличие многих со-бытийствующих миров, со-мыслящих и со-значимых культур. Вначале было Слово, но слово, как полагал М. Бахтин, всегда есть ответ на другое слово и предвосхищение нового ответа, и в этом диалоге нет начала и конца, есть только отношение, соотносимость.

Поэтому антропный принцип в космологии следовало бы дополнить диалогическим принципом (*диакосмология*, *diacostology*): наша вселенная создана такой, какова она есть, чтобы отличаться от других вселенных и в соотношении с ними приобретать с-мысл и со-бытийность. Многомирие — это не просто множественность миров, но со-мирие и между-мирие. Каждое квантовое со-бытие: переход из суперпозиции в множественные локализации — это диалогическая реплика по отношению к другим со-бытиям, момент рождения значимого различия. Отсюда так называемая «квантовая запутанность», когда квантовые состояния двух или нескольких объектов оказываются взаимозависимыми, даже если они находятся на огромных, галактических расстояниях друг от друга. Нелокальность — форма со-бытийности.

Вселенная — это не просто информационная матрица, это разговор, ведущийся на многих языках, а значит — между разными вселенными. От универсума — к мультиверсуму, и от мультиверсума — к *интерверсу* и *диаверсу*: таков порядок возникновения максимально емких концепций мироздания. Уже коперниковский переворот — это выход из монологизма птоломеевской геоцентрической модели в пространство диалога: Земля — не центр мира, а одна из планет. Знаменательно, что Г. Галилей — ровесник полиглоссии в становлении европейской литературы. Эту аналогию проводил М. Бахтин в «Предыстории романного слова»: «вместо единого и единственного замкнутого птоломеевского языкового мира появился открытый галилеевский мир многих взаимоосвещающих языков»¹. Тогда же и Дж. Бруно выступил с идеей множественности миров, первой научно-философской версией мультиверсума. Так что развитие космологии и литературы шло в одном направлении: от статической, монолитной картины мира — к диалогической и плюралистической.

*Альтерология, *Всеразличие*, *Многомирие*, Мультикосмизм, Негаобъект и негамир
Коты, смыслы и вселенные // Звезда. 2016. № 5. С. 249–259.

ИПСЕИЗМ (*ipseism*; от лат. *ipse*, сам, сам собой, сам по себе). Опыт бытия самим собой как основание общезначимости субъективного опыта. Ипсеизм направлен

¹ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/iz_istromslov.php

против редукционизма, физикализма и материализма в понимании психической деятельности. За субъективным опытом стоит определенная реальность, которая не может быть описана извне этого опыта. По мысли американского философа Томаса Нагеля («Каково быть летучей мышью», 1974), если субъективный характер опыта полностью постижим лишь с точки зрения самого субъекта, то любое движение к большей, научной объективности не приближает нас к пониманию этого опыта, а, напротив, дальше уводит от него¹. Биохимический анализ рецепторов летучей мыши не описывает доступных лишь ей самой ощущений полета, зависания, вслушивания. Человек может судить о том, каково быть летучей мышью, не препарировав ее мозг, но лишь на основе собственного опыта «бытия собой» (first-person experience). Этот опыт включает в себя различие своего и чужого, далекого и близкого, родного и неродного, ощущения боли, голода, насыщения, покоя, движения, тесноты, простора, прикосновения, вслушивания... При этом ипсеизм позволяет избежать *антропоморфизма*, согласно которому поставить себя в положение летучей мыши я могу, лишь перенеся на себя какие-то ее свойства (представляя себя висающим в воздухе, глотающим насекомых, испускающим ультразвук). Так создается метафоризм: представление себя не собой — и антропоморфизм: представление мыши человеком.

Ипсеизм может стать ответом и на более общий вопрос Нагеля: как представить в общих терминах сугубо субъективный опыт, не отделимый от индивидуальности его носителя? Физикализм предполагает описание ментальных событий на языке физических, химических, нейрофизиологических понятий, которые регистрируют проявление этих внутренних событий в нервных импульсах, сигналах, передаваемых клетками головного мозга. Но в этих импульсах или химических реакциях, воспринимаемых внешним наблюдателем, не содержится ничего из того, что переживается изнутри самого опыта, как *qualia*, чувственные состояния: ощущение звука или цвета, голода или насыщения, — а также эмоции: волнение или страх, радость или удивление. Общность опыта следует искать не вовне, не подстановкой иного наблюдателя на место субъекта самого опыта, а через соотнесение субъекта опыта с его собственным объектом, поскольку в самоощущении они совпадают. Ипсеизм, в отличие от физикализма, ищет *объективных оснований опыта внутри его субъективности*. Такой опыт общезначим не потому, что его можно свести к каким-то извне наблюдаемым физическим параметрам, а потому, что он соразделяется всеми живущими и непосредственно дан им в самоощущениях. Интроспекция в таких случаях может быть дополнена *интерспекцией* (interspection) — сопоставлением разных опытов в живом общении их субъектов.

Вместе с тем между мною как субъектом и мною как объектом опыта нет полного тождества. Переживание **своечуждости* — своего как чужого — знакомо всем, читающим свой дневник, написанный тем другим, каким мы были когда-то. Об этих «странных петлях» самореференции, привлекая теорему Гёделя о неполноте, пишет Даглас Хофштадтер в своей книге «Гёдель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда». «Мы не можем увидеть своими глазами собственное лицо; не

¹ Nagel Th. What Is It Like to Be a Bat? (1974) // Nagel Thomas. The Mind's I. Fantasies and Reflections on Self and Soul. New York: Basic Books, Inc., 2000.

разумно ли ожидать, что мы также окажемся не в состоянии полностью отразить собственную психическую структуру в тех символах, которые ее составляют?»¹ Эта невозможность сомкнуть свое «я» с собой, неполнота в наших актах само-описания и самоощущения составляет свойство живого: свойство расти, быть больше себя. Самость дается не как самотождество, а как *саморазличие*, которое прекращается только со смертью.

Вот почему «я» как субъект и «себя» как объект одного и того же опыта (наблюдения, переживания) обозначают разными местоимениями, личным и возвратным: я — себя; ego — ipse; I — self. Нельзя сказать: «я ощущаю меня», поскольку «меня» всегда предполагает точку зрения другого. Другой может знать (чувствовать, ощущать) меня, а я могу знать лишь себя. Поэтому ипсеизм приходится трактовать динамически: Я-субъект и Я-объект опыта не тождественны себе, но разделяются неким интервалом, зиянием, хиатусом, похожим на переворачивание ленты Мебиуса: внутренняя сторона становится внешней, «я» переходит в «себя», а «себя» в «другого».

Если мы способны ощущать себя как другого, то отсюда и наша способность ощущать другого как себя. Таково этическое развитие когнитивной проблемы: «каково быть летучей мышью?» Сам этот вопрос является ответом на другой, еще более важный вопрос, определяющий смысл гуманитарных наук: *каково быть человеком?* Быть человеком — значит задаваться вопросом о том, каково быть кем-то другим, то есть выходить за границу самобытия и погружаться в бытие чужого, как если бы оно было твоим.

*Интенсивность, *Ипсеистика*, Микropsихология, Психема, Реверсивность, *Самобытие*, *Своечуждость*, Селф-эмоция, *Суб-объект*

Ипсеизм, или Каково быть самим собой? От когнитивистики к этике // *Знак*. С. 734–744. *Humanities*. P. 209–215.

ИПСЕИСТИКА (ipseistics; от лат. ipse, сам, сам собой, сам по себе). Дисциплина, исследующая свойство «быть собой» и многообразие отношений к «себе». При этом возникает особая двойственная категория, сочетающая свойства субъекта и объекта, — **суб-объект*, то есть *субъект, относящийся к себе как к объекту*.

Как предмет ипсеистики прежде всего выделяется личность, субъект самопознания, саморефлексии, саморазвития. Первое лицо, «я» способно себя опредмечивать и относиться к себе как к другому, вступать в обратную, рефлексивную связь с собой. Ипсеистика включает в себя психологические и этические вопросы, относящиеся к восприятию себя, к самоопределению личности. «Стадия зеркала», самовосприятия, через которую проходит созревание каждой личности, по Ж. Лакану, и, напротив, невозможность адекватно воспринять себя собственными глазами, без помощи другого, как утверждает М. Бахтин, — тоже проблемные области ипсеистики.

В отношении к «себе» могут вступать не только личности, но и логические и лингвистические объекты, например автореферентные суждения и высказывания, на основе которых возникают известные логические парадоксы. Теория

¹ *Хофштадтер* Д. Гёдель, Эшер, Бах: Эта бесконечная гирлянда. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 654.

множеств составляет один из разделов формирующейся ипсеистики, поскольку понятие множества, входящего в число своих элементов, является центральным для этой теории (см. **Суб-объект*).

Ипсеистика взаимодействует с биологией, с теорией жизни как «аутопоэзиса». Это понятие, введенное в начале 1970-х годов чилийскими биологами У. Матураной и Ф. Варелой, указывает на то, чем живое отличается от неживого — способностью к самотворению и саморазвитию. Живое — от клетки до человека — порождает в качестве продукта само себя, *без разделения на производителя и продукт*. Немецкий социолог Н. Луман применил эту концепцию самотворения к социальным и коммуникативным системам.

Для поиска самых глубинных оснований многих явлений приходится рассматривать их отношение к самим себе, то есть исследовать с позиций ипсеистики. Много веков наука искала истоки Вселенной, жизни, языка, мышления — и останавливалась на пороге перед великой загадкой их происхождения. Подразумевалось, что они произошли от чего-то иного, что причинная цепь уводит от них в область других явлений и сущностей. Но возможно, что все эти великие реальности произошли от себя, благодаря способности входить в отношение с собой. Ипсеистика взаимодействует с философской *онтологией* и с научной *космологией* в вопросах происхождения бытия и Вселенной из **вакуума нестабильного*, из ничто, которое «ничтожит» само себя (**не-небытие*).

*Есмь-истина, Интенсивность, *Ипсеизм*, Лирическая философия, Не-небытие, Персоналистический аргумент, Самобытие, Самь, *Своечуждость*, *Суб-объект*
Космическая саморефлексия. О происхождении бытия из небытия // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в педагогике и культуре / Ред. М. Козлова и В. Безрогов. М.: Канон-плюс, 2015. Ч. 1. С. 222–231.
Humanities. P. 209–215.

ИРРЕАЛИЯ (irreal entity), **МЕОНЕМА** (meoneme, unit of nonexistence; от греч. меон, небытие), **НЕГАТЕМА** (negateme; лат. negare, отрицать). Значимая единица небытия; элементарное понятие **негаонтологии*, *ирреалогии* (irrealogy), *меонтологии* (meontology). Вариативность возможных названий свидетельствует о том, что сама проблема обозначения небытия и его элементарных единиц еще не артикулирована в гуманитарных науках. Им не хватает того «ноля», введение которого в математику способствовало ее превращению в науку.

Меон — основное понятие *меонизма*, разработанного Н. М. Минским в его религиозно-философском труде «При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни» (1890). Минский выделяет меоны пространственные (атом и вселенная), временные (вечность и мгновение), меоны познания («вещь-в-себе»).

Ирреалия, или меонема — это своего рода «античастица», столь же необходимая в процессе творчества, как и **креатема*. Это мгновенное «ничто», вспыхивающее в сознании, воспринимается внутри него как слепое пятно. Сознание не может поймать тот момент, когда происходит переключение матрицы, не может заполнить этот пробел. Между старой и новой матрицей лежит нулевое время и пространство. Новая идея может вынашиваться годами, накапливается материал, проводятся разработки, но сам момент переключения атемпорален и арефлексивен. Меонема как выпадение из бытия соответствует креатеме как

вхождению в бытие. Эти слепые пятна, рубцы, ссадины *несознания* покрывают все точки, через которые сознание входит в мир, закрывая нам путь к познанию того, что творит нас самих: перевязанные «пуповины» бытия в местах его порождения из небытия.

Меонизм характерен для творчества таких разных писателей, как А. Платонов и В. Набоков. Тема небытия внутри бытия значима для обоих, но они подходят к ней с разных сторон. У Набокова мир часто предстает собранием фантомов и магически исчезает по мере его описания. Такие не-явления, меонемы, образованные негацией других явлений, писатель называет «нетками». В «Приглашении на казнь» мать Цинцинната, Цецилия Ц., описывает не-вещи, которые в не-зеркале приобретали вид настоящих вещей: «когда вы такой непонятный и уродливый предмет ставили так, что он отражался в непонятном и уродливом зеркале, получалось замечательно; нет на нет давало да, все восстанавливалось, все было хорошо...». Нетка в «зеркале-коверкале» выглядит как полноценная вещь, но это лишь взаимоналожение двух отрицаний, которые дают плюс. Каждая вещь есть лишь способ отношения одного «не» к другому. Таков бесконечно множимый мир призраков, которые реальны друг для друга, но в своей общемировой сумме образуют ноль. Можно было бы подобными семиотическими минус-единицами — *ирреалиями* — исчислять меру призрачности в таких набоковских произведениях, как «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Посещение музея», «Ultima Thule», «Бледный огонь». Детали-меонемы по мере перечисления не прибавляются к этому миру, а вычитаются из него. Что остается — отвечает сам Набоков: «мнимая перспектива, графический мираж, обольстительный своей призрачностью и пустынностью» («Тяжелый дым»).

Для Платонова небытие — это начальное условие бытия человека в пустом, тоскливом мире, где приходится длить не обеспеченное смыслом существование. Платоновские меонемы — «евнух души» и «мертвый брат» внутри каждого существа. У Набокова — *гностическое* восприятие небытия, у Платонова — *экзистенциальное*. Поэтому у Платонова нет столь характерных для Набокова *гностических* терминов и образов: *призрак, мнимость, иллюзия, ирреальность, фантом, просвечивать, прозрачность*. У Платонова другой меонический словарь — *экзистенциальный*: *тоска, скука, пустота, глухота, томление, терпение, длительность, неизбывное время*. Гностик постигает окружающий мир как ложный, как тюрьму, в которую он посажен злокозненным демиургом. Если у Набокова проступают порой черточки иного мира, несущего пробуждение и освобождение, то Платонов целиком сосредоточен на этом мире, только он выступает как царство беспробудно спящих или мертвых.

Понятие *ирреалии* важно для постижения поэтической реальности у И. Бродского: нагнетание предметных подробностей служит скорее вычитанию, чем прибавлению их к картине мира, которая таким образом последовательно опустошается. Свою Музу Бродский называет «музой вычитанья вещей без остатка», «музой нуля» («Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»). Его поэтическое внимание заостряется именно на вещах, которые вычеркиваются из бытия, а значит, позволяют зримо представить само небытие. Такова, например, бабочка в одноименном стихотворении: «Ты лучше, чем Ничто. / Верней: ты ближе / И зримее». Самые яркие и памятные метафоры Бродского, как правило, содержат зримый

или осязаемый вычет, зиянье, выбоину, впадину. Развалины зубов во рту — почище, чем развалины Парфенона. Птица, утратившая гнездо, кладет яйцо в пустое баскетбольное кольцо. Из человека вычитается время — остаются слова. Любая сумма «зависит от вычитанья» — это сумма разностей, сумма остатков, которые при сложении могут давать обратную, минусовую величину: «Из забывших меня можно составить город». Поэзия Бродского — это как бы платонизм наизнанку, его мир состоит из минус-реалий, отрицательных сущностей.

Ирреалия может рассматриваться семантически, как отсутствие референта у вербальной единицы. Например, среди однотипных словосочетаний: «*крыша дома, поджог дома, глаза дома, скорлупа дома, листья дома, океан дома*» — только два первых имеют прямой референтный смысл; два вторых имеют метафорический смысл, реализуемый воображением («окна — глаза дома», «хрупкая оболочка земного бытия — скорлупа дома»). Смыслы остальных сочетаний могут оказаться конструктивными в реальностях иных миров (например, там, где домом выступает внутренность растения — «листья дома»). Реалия — метафора — ирреалия: такова краткая схема движения от семантики бытия к семантике небытия. Подавляющее большинство словосочетаний ведет в область ирреалий, совокупность которых образует пустотные, лакунные миры. Отсюда радикальный метафизический вопрос: изгонять ли бессмыслицу из речи — или пустоту из бытия? Это и вопрос о роли языка в артикуляции ирреалий и тех лакунных миров, естественно-научное исследование которых, в силу их непроницаемости для нашего мира, не допускается в современных физических теориях мультиверсума.

*« » Вакуум неустойчивый, *Гипореальность*, Креатема, *Минус-система*, *Нега-*, Негаобъект и негамир, Негаонтология, Недо-, Не-небытие, *Отрицательно-неопределенные местопомещения*, Пустоводство, *Пустоты*, Реалитет, Силентема, Смертствовать, Творчество, Экзистология и эссенциология

Пустота как прием: Слово и изображение у Ильи Кабакова // Октябрь. 1993. № 10. С. 177–192.

Постмодернизм. С. 233–269.

Ирония. С. 189–229.

МНОГОМИРИЕ (multiversality). Свойство бытия образовывать множество миров, универсумов, соположенных или совозможных друг другу. Многомирие переключается с понятием «*мультиверсум*» (multiverse), которое обозначает мироздание в целом как совокупность миров с разными физическими законами, свойствами и числом измерений (в отличие от единственного «универсума» — нашей Вселенной). Но если «*мультиверсум*» указывает на наличную структуру физического всебытия, то «многомирие» — на свойство его открытости и множимости, на потенциал мирообразования и миротворения.

В XX–XXI веках идея и интуиция многомирия входит в самые разные дисциплинарные области как новая научно-техническая или философско-художественная парадигма. Психологические и культурно-исторические (в духе О. Шпенглера) трактовки многомирия рассматривают каждую личность, народ, цивилизацию как особый мир, который не может полностью быть понят и описан извне. В физике получила признание многомировая интерпретация квантовой механики Х. Эверетта, согласно которой параллельные миры являются полноправным

физическим феноменом. Открытие черных дыр в космосе и исследование «*времяточин*» («time wormholes»), гипотетически представляющих переходы в миры с иным, обратимым временем, укрепляют интуицию многомирности мироздания. Развитие компьютерных, информационных технологий ведет к представлению о множестве независимых, самозамкнутых виртуальных миров. Работа над проблемами искусственного разума и искусственной жизни усиливает вероятность того, что возможны иные логики построения основных элементов и первоначал мироздания. В философии все более популярной темой становится логика и семантика возможных миров. В литературе и кино популярнейшим жанром делается фэнтези, описывающее миры с разным физическим и социальным устройством. Таким образом, многомирие становится одной из самых устойчивых особенностей мироощущения человечества на рубеже XX–XXI веков.

Множественность сосуществующих, но взаимно не наблюдаемых миров, которая утверждается разными космологическими теориями и интерпретациями квантовой физики, соотносится с важнейшей гуманитарной категорией *смысла*. Поскольку в однонаправленном времени нашего мира все события однократны и не могут быть повторены, точкой отсчета могут служить лишь другие варианты тех же событий в параллельных историях других миров. Смысл победы Наполеона под Аустерлицем определяется сопоставлением этого варианта истории с альтернативными, где ход и исход сражения оказались бы иными. Все детали этой битвы выявляют свой смысл лишь по отношению к их альтернативам в разветвляющихся мирах. Британский историк Хью Тревор-Ропер писал в работе «История и воображение»: «История — не просто то, что было; это то, что было, в контексте того, что могло бы быть. Следовательно, история должна вобрать как свой необходимый компонент все альтернативы, “могло-бы-бытности”»¹.

При этом нет необходимости строго определять онтологию разных миров и устанавливать их равно «реальный» статус. Для смысловой концепции многомирия достаточны более слабые, *модальные* определения иных миров как возможных или необходимых. Тот или иной поступок, который я совершаю в этом мире, имеет смысл только потому, что я мог бы поступить иначе: из каждой точки моего бытия можно провести множество расходящихся линий. Смысл данного события рождается в момент исчезновения его альтернатив, переходящих в иные миры. Когда иной физический вариант события исчезает в нашем мире, уходя в параллельный, зарождается смысл этого события в нашем мире. Таким образом, квантование мультиверсума, то есть дробление и умножение его квантовых состояний, и *смысловое квантование* нашей реальности, возникновение все новых единиц смысла в жизни сознательных существ, можно рассматривать как две стороны одного явления. Образование параллельных миров и образование смыслов нашего мира — это не просто синхронные процессы, но единый процесс, на основе которого естественные науки, с одной стороны, и гуманитарные — с другой, могут достичь общности в понимании мира и места человека в нем.

Вплотную к метафизике многомирия, выраженной евангельской фразой: «В доме Отца Моего обителей много» (Иоанн, 14: 2), приближается Ф. Достоевский:

¹ *Trevor-Roper H. History and Imagination // Essays in Honour of H. R. Trevor-Roper / Ed. H. Lloyd-Jones et al. London, 1981. P. 1–14.*

«Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных... Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и взросло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным...» («Братья Карамазовы»).

По аналогии с многомировым формализмом квантовой физики, можно говорить о *многомировом формализме* и таких сугубо гуманитарных феноменов, как *мышление* и *свобода воли*. Под формализмом в данном случае понимается необходимое условие, вписанное в самую специфику данных процессов. Содержание мышления или направленность воли могут быть различными, включая несвободу, безмыслие, конформизм, тоталитаризм и т.п. Но сама способность свободной воли предполагает возможность разных действий, последствием которых для индивида будут разные миры его последующего обитания. Шаг вправо или влево, вперед или назад — и последующие миры будут разными, хотя эта разница не всегда так драматична, как в случае нахождения на передовой, под бомбежкой. На языке квантовой физики свобода воли — это *суперпозиция*, способная перейти во все возможные квантовые состояния, которые запутываются (*entangle*) с окружением, со всей совокупностью материальных обстоятельств и становятся новой линией жизни для индивида и новой ветвью в истории миров. Если бы не этот многомировой формализм свободной воли, она не была бы свободной.

**Диаверс*, Мультиверсалия, *Мультивидуум*, Мультикосмизм, Омировление, Потенциосфера, *Умножение сущностей*, *Четыре мира*
Коты, смыслы и вселенные // Звезда. 2016. № 5. С. 249–259.

МУЛЬТИВЕРСАЛИЯ (multiversal; ср. universal). 1. Универсалия в плане своей множественности, определяемой различием культур, эпох, дисциплин, где она по-разному понимается. Такие универсалии, используемые в философии, физике, биологии, как «время», «пространство», «атом», «частица», «поведение», «инстинкт», имеют разное значение в ньютоновской и эйнштейновской физике, в древнегреческой и современной космологии, в классической натурфилософии и современной этологии. Э. Сепир и Б. Уорф в своей гипотезе лингвистической относительности и Т. Кун в исследованиях по истории науки показали, что картины мира, создаваемые разными языками или в разные эпохи, оказываются «несоизмеримыми», и это же относится ко многим понятиям, которые считаются универсалиями: они *мультиверсальны*.

2. Универсалия в плане своей применимости к *мультиверсуму*, к множественности вселенных, существование которых допускается или постулируется современными физическими теориями. *Мультиверсалия* — это эквивалент того, что в квантовой физике называется «суперпозицией», общий признак, свойственный изначально тождественным явлениям в расходящихся мирах. Так, «кот Шредингера» — мультиверсалия, общая для тех миров, где кот жив и мертв.

**Многомирие*, Мультивидуум, Мультикосмизм, *Потенциосфера*, *Транскультура*, *Умножение сущностей*

МУЛЬТИКОСМИЗМ (multicosmism). Мироззрение, основанное на представлении о множественности миров. Конкретные физические теории, мотивирующие мультикосмизм, могут быть различны: многомировая интерпретация квантовой механики Х. Эверетта, инфляционная модель возникновения вселенных из квантовых флуктуаций, теория квантовых струн в многомерных пространствах и др. На основе многомирия как устойчивого мироощущения, подкрепленного научными открытиями («параллельные миры») и техническими возможностями («виртуальные миры»), у людей XXI века формируется новая, мультиверсная идентичность. *Мультикосмист* воспринимает окружающий мир как один из возможных миров, к множеству которых он причастен благодаря осознанию многовариантности своих действий.

**Многомирие, Мультивидуум, Нега-, Потенциосфера, Четыре мира*

НЕГА- (nega-; сокращение от лат. negative). Отрицательная приставка, указывающая на свойства, обратные тем, которые берутся за точку отсчета. В отличие от приставки «анти-» (лат. и греч. anti-, против), которая подчеркивает враждебность, борьбу, несовместимость двух явлений («антивещество», «антифашизм» и пр.), *нега-* предполагает возможность или даже необходимость сосуществования этих явлений как дополнительных друг к другу.

Понятие «нега-» приложимо ко многим областям. **Негадисциплина** (negadiscipline) — дисциплина, обратная по отношению к другой, например, **негаонтология* — по отношению к онтологии, **силентика* (наука о молчании) по отношению к лингвистике, теолингвистика — по отношению к лингвотеологии (**обратимые дисциплины*), **хоррология* (наука о самодеструктивных механизмах цивилизации) — по отношению к культурологии, **нулевая дисциплина* — по отношению к остальным. *Негаметод* — например, апофатика по отношению к катафатике в теологии. *Негазнак* — *« » — по отношению к тексту.

**Альтерология, Амби-, Ирреалия, Многомирие, Негаобъект и негамир, Негаонтология, Небытие, Пустоты, Реверсивность*

НЕГАОБЪЕКТ (negaobject) и **НЕГАМИР** (negaworld). Объект или мир, обладающий обратными свойствами по отношению к данному. В отличие от **ирреалии*, негаобъект мыслится как часть реальности.

Пример негаобъекта — куча мусора, оставшаяся в мастерской скульптора после изготовления статуи. В порядке мысленного эксперимента легко представить компьютерную программу, которая, вычислив все перемещения элементарных частиц, воссоздала бы из кучи мусора ту же самую статую, даже не наблюдая ее воочию. Статуя изъята из мусора теми же самыми операциями, что и мусор изъят из статуи. Про кучу мусора можно сказать, что это инобытие статуи, *нега-статуя*, которая фиксирует «в негативе» те же самые творческие жесты, которыми была создана статуя. Для **негасубъекта** (negasubject), живущего в негамире, эта куча мусора может представлять столь же выразительную статую. То же самое может относиться к жизни в целом. Мы ваем ее, стараясь совершать самые точные, осмысленные действия и отбрасывая другие варианты поведения.

Но это не значит, что отброшенные варианты — только мусор. В другом мире они могут слаяться в столь же четкую, осмысленную линию поведения нашего «*нега-эго*» (nega-ego).

Концепция нега-объекта позволяет понять структуру *мультиверсума*, в том числе в многомировой интерпретации квантовой физики Х. Эверетта (**многомирие*). Создавая целенаправленно свою статую и отбрасывая все лишнее, скульптор творит не только более высокий порядок в своем мире, но и некий *инопорядок*, *нега-гармонию* в другом мире, поскольку в отходы производства вложены те же самые творческая энергия и художественный расчет, что и в статую. Отсюда следует, что наши эстетические, этические, культуросозидательные усилия в этом мире не уменьшают порядок в иных мирах. Любая энергия, вложенная в одном из миров, имеет *многомировую ценность*. В силу того что в нашем мире действует закон роста энтропии (второй закон термодинамики), любой порядок в нем достигается ценой увеличения беспорядка. Но поскольку беспорядок содержит в негативном виде ту же самую энергию и информацию, то следует признать, что в *негамирах*, расходящихся от осмысленных, созидательных действий в нашем мире, эти действия тоже создают формы порядка. В них могут обитать *негасубъекты*, способные именно так их воспринимать, то есть перцептивно соразмерные (изоморфные) тем конфигурациям, которые в нашем мире воспринимаются как мусор. То же самое относится и к хаосу в нашей вселенной, к огромным галактическим пространствам, которые могут содержать в себе энергию созидания, которую мы и наши приборы еще не научились воспринимать.

Если верен принцип квантовой нелокальности, то по характеристике одного кванта, находящегося с другим в суперпозиции, можно воспроизвести и характеристику другого кванта, даже расположенного в другом конце Вселенной. Это означает, что между статуей и мусором есть полная изоморфность характеристик, и «нелокальный» взгляд, принадлежащий вычислительной программе или надмировому/межмировому существу, мог бы моментально воспроизвести образ статуи в мусоре (как и образ мусора в статуе). Иными словами, если допустить многомировую интерпретацию, то миры в мультиверсуме оказались бы взаимобратимыми и не пропала бы ни одна частица созидательной энергии, вложенная в каждый из этих миров. Мультиверсум может быть инструментом Творца для извлечения максимальной ценности/смысла из событий в каждом из миров: то, что внутри данного мира оборачивается энтропией, увеличивает энергию в других мирах.

*Минус-система, Многомирие, Нега-, *Негаонтология*, Недо-, *Не-небытие*

НЕГАОНТОЛОГИЯ (negaontology). Онтология небытия, которое рассматривается в его динамике, включая способность к самонегации и порождению бытия (**не-небытие*). Негаонтология описывает формы небытия и пробелы: **пустоты*, **ирреалии* (меонемы), **негаобъекты*, **силентемы*, — с той же конкретностью, с какой это делает онтология в отношении бытия. При этом бытие и небытие рассматриваются как обратимые концепты, которые служат взаимному смыслообразованию. Негаонтология соотносится с такими дисциплинами, как **хоррология* и **силентика*, с понятиями **«* *»*, и **инфиниции*.

**Вакуум нестабильный, Виртуальное, Не-небытие, Отрицательно-неопределенные местоимения, Потенциосфера, Реверсивность*

НЕ-НЕБЫТИЕ (non-nonbeing). Двойное отрицание бытия. Не-небытие отличается от бытия как такового и определяет онтологию нашего мира, выступающую в такой интерпретации как негативная онтология (**негаонтология*). Космологическая предпосылка такой негаонтологии — понятие **вакуума нестабильного*, в котором ничто себя *ничтожит*; в результате из него образуется нечто, от него отличное, в том числе наблюдаемая вселенная («все из ничего»). Поскольку в вакууме нет ничего, кроме ничего, то «не» обращается на себя, а тем самым и производит нечто, как минус на минус дает плюс. По мысли Семена Франка, «...это 'не' направлено здесь *на само 'не'*. В этом и заключается поистине безграничная сила отрицания, что оно сохраняет силу, даже *направляясь на само себя*, на начало, его конституирующее»¹.

Чтобы двойное «не» состоялось, в вакууме должна быть способность отношения к *самому себе* (**ипсеизм*). Из такого самоотрицания «не» возникают все конкретные предметы и отношения, бытие которых можно определить как *двойное небытие, не-небытие*. Важная параллель — математическое отношение ноля к самому себе. По правилам арифметики деление на ноль запрещено, но исключение делается для деления на ноль самого ноля. Значение операции 0:0 считается «неопределенным», и такая задача имеет бесконечное множество решений, то есть результатом являются все действительные числа². Точно так же результатом отношения ничто к самому себе может считаться все множество существующих вещей в его «неопределенности» — беспредельности.

Ничто бесконечно делимо и может образовывать внутри себя сложнейшие структуры, оставаясь при этом ничем. Именно такое бытийно расслабленное состояние мира мы наблюдаем и вокруг себя, и в самих себе. Вместо красоты — *не-некрасота*. Вместо добра — *не-недобро*. Вместо любви — *не-нелюбовь*. Ничто не обладает полной реальности, скорее, это *неустойчивая нереальность* (**вакуум нестабильный*). По словам С. Н. Булгакова, «все одновременно есть и не есть, начинается и кончается, возникает в небытии и погружается в него же, *бывает*»³. Эта онтологическая неопределенность, «ни то ни се», «шаткость-валкость» мироздания может считаться признаком его возникновения из ничто, что особенно явственно на уровне квантовых флуктуаций, где бытие вплотную прикасается к тайне своего происхождения.

Как нечто происходит из ничто — метафизическая загадка. «Зачем и почему происходит эта эманация мира из единого Ничто, на это не может быть ответа, и не находим мы его и в учении Плотина...» — полагает С. Булгаков⁴. Но *само*

¹ Франк С. Непостижимое, гл. IV — <http://philosophy.ru/library/frank/01/6.html>. Франк имеет в виду, что «непостижимое» — это утвердительное понятие, оно содержит в себе двойное отрицание, поскольку само познание, «постижение» оперирует различающимися отрицаниями: «это не есть то».

² См.: Выгодский М. Я. Справочник по элементарной математике. М.: Наука, 1966. С. 83. То же самое можно показать иначе. Известно, что при делении ноля на любое число получается ноль. Отсюда следует, что при делении ноля на ноль получается любое число.

³ Булгаков С. Н. Цит. соч. С. 173.

⁴ Там же. С. 149.

ничто и содержит в себе ответ — начало своего ничтожения. Поскольку в ничто нет ничего, кроме самого ничто, оно становится *самим* для себя и в таком качестве себя уничтожает. Только «не» обладает этой творческой способностью превращать *себя* в нечто иное.

Для многих религиозных мыслителей изначальное Ничто отождествляется с Богом, или сам Бог есть Ничто, как определяет его Псевдо-Дионисий Ареопагит в своем «Мистическом богословии». Это «Божественное Ничто» послужило впоследствии темой философски-мистических раздумий М. Экхарта, Николая Кузанского, Я. Беме, Ф. В. Й. Шеллинга, Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка. Сергей Булгаков пишет: «В Ничто родится всё... не только мир, но и бог, ибо и бог здесь родится в Ничто и из Ничто. <...> Бог есть также лишь положение или модус абсолютного Ничто»¹.

Чтобы Ничто действовало само на себя, в нем должно быть нечто похожее на возвратность, рефлексивность, способность сгиба, складки, самореференции. Ничто выступает как **суб-объект*: раздваивается, чтобы подвергнуть себя собственному действию, *ничтожить ничто* и тем самым превращать его в нечто. Такое двойное отрицание предполагает отличие второго «не» от первого. Неустойчивость — это не полное отрицание вакуума, а лишь отрицание его устойчивости. Когда мы применяем двойное отрицание, его итоговый смысл не равен первоначальному утверждению. *Предмет красив*: утверждение. *Предмет некрасив*: отрицание. *Предмет не некрасив*: двойное отрицание. «Не некрасив» отнюдь не означает то же самое, что «красив». Скорее, это означает, что определение «некрасивый» не применимо к данному предмету — не обязательно потому, что он красивый, а потому что он может быть где-то посередине между красивым и некрасивым — милым, симпатичным, привлекательным, небезобразным (см. **апонимы*). О человеке: «он не неумен» означает не то, что он умен, а скорее некий разброс вероятных качеств между «умен» и «неумен»: неглуп, смышлен, кое-что соображает и т.п.

Точно так же и «не» (неустойчивость), налагаясь на «не» (небытие материи, вакуум), в итоге производит «*не не есть*», «*не ничто*», то есть нечто среднее, колеблющееся между бытием и небытием, субстанцией и вакуумом. Отрицанием «ничто» производится не «всё» (полнота, реальность, абсолют), а лишь неполнота самого ничто, что и обозначается асимметрическим, а потому не самопротиворечивым, хотя и парадоксальным термином «неустойчивость вакуума». Когда ничто ничтожится, результатом является «нечто», «кое-что», но далеко не все: не полнота бытия, а неустойчивость становления, колебательность появления-исчезновения.

Чтобы такое двойное «не» состоялось, в изначальном ничто должно присутствовать нечто, выражаемое возвратной частицей «-ся» («себя»). Очевидно, способность отношения к *себе*, самоотрицания, уже образует некую *самость*, субъектное начало внутри ничто. Это «Себя» и выступает в теистических системах как Некто, **Всекто*, Бог, Творец. Можно предполагать, что «себя» изначальное пребывает в ничто в свернутом виде, как его рефлексивная способность — и затем

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения // Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1999. С. 138, 147.

развертывается в полносущное *себя*, в Самость и Самодеятельность. В процессе самоничтожения Ничто открывает в себе место для Иного, для Некто. Всё далее производимое этой Самостью, или Творцом, составляет уже мир объектов, совокупность сущего.

При этом процесс творения тоже может быть представлен как действие «не», обращенное Субъектом-Творцом уже на самого себя. Таковы концепции *самомаления* и *самоничтожения* Творца, лежащие в основе некоторых теологий, например самосжигание Бога в акте создания мира, по каббале. Это называется «Цимцум» — Бог как бы жертвует собой, чтобы освободить место для не-Себя, для мира. Христианское понятие **кенозиса*, самоопустошения Бога в его человеческой ипостаси, в жертвоприношении Сына, тоже может рассматриваться как действие того же начального «не», обращенного на второй ступени уже на то «Себя», которое возникает из отношения Ничто к *себе*. «Не» оказывается тем динамическим принципом, который, обращаясь на себя, производит само это Себя, которое в свою очередь, отрицая себя, производит не-Себя, то есть мир.

Таким образом, для описания нашего мира достаточно двух логических кванторов: «не» и «себя». «Не» в отношении себя, «не не», и есть *некий* мир, возникающий из ничто. Это «не не есть» не означает полного, самодостаточного бытия, а только серию множасьихся отличий от небытия, следствие его неустойчивости. В таком состоянии мы застаем себя в этом мире. Все существует и не существует, становится не тем, чем было. Это хорошо согласуется с картиной мира в буддизме. «Элементы бытия — это моментальные появления, моментальные вспышки в феноменальном мире из неведомого источника. <...> Они исчезают, как только появляются, для того, чтобы за ними последовало в следующий момент другое моментальное существование. <...> Исчезновение — сама сущность существования; то, что не исчезает, и не существует»¹. Нельзя сказать, что мы есть, в полном смысле слова «быть». Правильнее сказать, что мы *не не есть*, мы *не ничто*, мы отличаемся от небытия, но только как из него приходящие и в него уходящие, признаки его неустойчивости, виртуальные частицы, из него излетающие, пена, вскипающая на его поверхности.

Есть два радикальных способа избавиться от этого полубытия, которое мучительно своей половинчатостью и, согласно буддизму, есть источник всех человеческих страданий. Первый путь состоит в том, чтобы вернуть себя с волнующейся поверхности вакуума в его безмятежную глубину, то есть *стать полностью ничем*. «Элементы, описанные выше, находятся постоянно в состоянии волнения, а конечная цель мирового процесса состоит в их постепенном успокоении и конечном угасании» (Ф. Щербатской). Это последнее ничто, как цель полубытия в его постепенном самоизбывании, в буддизме есть *нирвана*: вакуум физический, психический, ментальный, отсутствие чего бы то ни было, полнота небытия.

Другой радикальный путь — это *становление к полному бытию*, которое уже не вспыхивает и гаснет, а светит в полную меру. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Это путь авраамических религий, в частности христианства. По

¹ Щербатской Ф. И. Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» // Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. С. 141–142, 202.

этому представлению, только Бог обладает полнотой бытия, Тот, Кто сказал о себе: «Я есмь Тот, Кто есмь». Назначение человека состоит в том, чтобы обожиться, стяжать себе вечную жизнь. В нынешнем своем состоянии человек полуживет: болеет, страдает, грешит, мучает и уничтожает себе подобных. Что такое *быть* в полной мере? Это трудно представить, хотя людям дан опыт некоторых состояний, когда они живут особенно полно — в любви, творчестве и вере. Согласно Паулю Тиллиху, бытие требует предельного мужества именно потому, что исходное положение всего сущего — небытие: «Мужество — это самоутверждение бытия вопреки факту небытия. Это акт, который совершает индивидуальное “я”, принимая тревогу небытия на себя и утверждая себя либо как часть всеохватывающего целого, либо как индивидуальную самость»¹.

**Вакуум нестабильный, Ипсеизм, Ипсеистика, Ирреалия, Нега-, Негаобъект и негамир, Негаонтология, Отрицательно-неопределенные местоимения, Пустоты, Реверсивность, Своечуждость, Суб-объект, Творчество*

Двойное небытие и мужество быть: К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 28–43.

Религия. С. 319–344.

НИЗРАСТАТЬ (to downcrease; ср. increase, возрастать). Расти путем умаления, сокращения, сжатия. Возможен рост как увеличение, воз-растание, и как уменьшение, низ-растание. Согласно учению Николая Кузанского, абсолютный максимум совпадает с абсолютным минимумом, а потому и царствие небесное уподобляется горчичному зерну. Духовное возрастание требует низрастания в мире земном: два пути, ведущие к Абсолюту. Про Будду можно сказать, что из царевича он низрос до обычного человека, а затем — до нищего и бродяги, чтобы потом возрасти до Будды.

**Микрометафизика, Микроника, Самое-самое*

ОБЫТИЙСТВОВАТЬ (to endow being, to beingfy). Сделать частью бытия, приобщить к бытию, придать чему-либо свойство бытия. Обытийствовать — не то же самое, что *воплотить, осуществить, реализовать, материализовать*, поскольку речь идет не о том, чтобы придать чему-то идеальному свойство реальности или материальности, а о том, чтобы придать несуществующему свойство бытия. Можно по-разному обытийствовать себя: в плотском и духовном, в любви и творчестве. В христианстве высшая ценность, переходящая в святость, — обытийствовать Бога в себе.

У «лишних» людей, характерных для русской литературы, есть ум, достаток, свобода, им не хватает лишь причастности к бытию, и они ждут, когда какая-нибудь любовная или политическая страсть их *обытийствует*. И наоборот, есть такие люди, вечные труженики, которые при всей своей заземленности, хлопотливости (например, Алеша Горшок в одноименном рассказе Л. Толстого) так и не обытийствовали себя, они представляют собой абстракцию труда и заботы, как лишние люди — абстракцию мысли.

¹ Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 109.

Антоним этому термину — *разбытийствовать* (to withdraw from being), то есть изъять из бытия, лишить бытийных свойств. Так, про В. Маяковского можно сказать, что он попытался обытийствовать революцию в слове; но оказалось, что обытийствовать дух пустоты и разрухи — значит *разбытийствовать* самого себя, свой дар.

*Ирреалия, Мыслебытие, Нетификация

ОМИРОВАНИЕ (worldization). Превращение отдельного явления в целый мир; становление в качестве мира. Мир — предельно емкая категория для обозначения системной связи всех элементов бытия в качестве самосущего, жизнеспособного целого. Для XX–XXI веков характерна тенденция *омирования* многих явлений общественной, культурной, экономической жизни, то есть превращения их в целый мир, со своими законами, универсалиями, особыми параметрами бытия. Параллельные и вероятностные миры и переходы между ними в физике... Социо-политические миры: «первый мир», «третий мир», «исламский мир»... Воображаемые миры фэнтези и научной фантастики... Виртуальные миры, созданные компьютерной техникой и обитаемые миллионами пользователей... Миры книги, мебели, хозяйственных товаров в системе торговли... Примером мира может служить Диснейуорлд, где есть свои средства транспорта, система обслуживания, валюта, аттракционы, познавательные центры, культурно-географические зоны и павильоны. **Миротворение** (world-making), то есть создание чего-то в форме целого мира, *омирование* фантазии, техники, политики, досуга, торговли, — свидетельствует о новых, интегративных и одновременно дифференциальных тенденциях в развитии цивилизации, которая распадается на множество целостных, внутренне взаимосвязанных миров, тяготеющих к самостоятельности и замкнутости.

*Многомирие, Мультикосмизм

ПУСТОТЫ (voids). Значимые для бытия материально закрепленные формы его отсутствия. Следует различать «пустоту» как общее свойство: вакуум, отсутствие материи, ничто — и отдельные «пустоты» как конкретные, формообразующие проявления пустоты, внедренные в состав определенной материальности: зияния, дыры, щели, разрывы субстанции. Пустоты оказались в центре нового направления онтологии, которое в конце XX века в англоязычных странах и Германии получило название «метафизика дыр (holes)¹.

¹ Casati R. and Varzi A. C. Holes and Other Superficialities. Cambridge, MA: MIT Press, Bradford Books, 1994. See also: Lewis D. K., Lewis S. R. Holes // Australasian Journal of Philosophy, 48 (1970). P. 206–212; reprinted in: Lewis D. K. Philosophical Papers. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 1983. P. 3–9. Tucholsky K. Zur soziologischen Psychologie der Löcher (signed Kaspar Hauser) // Die Weltbühne. 1931. March 17. P. 389; now in: Gesammelte Werke / Ed. by Mary Gerold-Tucholsky and Fritz J. Raddatz, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1960. Vol. 9. Pp. 152–153 (English translation by Harry Zohn: «The Social Psychology of Holes», in Germany? Germany! The Kurt Tucholsky Reader. Manchester: Carcanet Press, 1990. Pp. 100–101). Теория пустот рассматривается также в моих книгах: «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М.: НЛО, 2004) и « » (New York: Franc Tireur-USA, 2011).

Теория пустот заостряет общую онтологическую проблему, восходящую еще к Пармениду: есть ли ничто — или ничто не существует? Дыра, проделанная пулей в виске, или дыра, проделанная айсбергом в обшивке корабля, означают отсутствие какой-то необходимой части данного объекта и, следовательно, его разрушение, гибель. Но наряду с деструктивными пустотами встречаются конструктивные, благодаря которым вещи суть то, что они суть (туннель, колодец, бублик). Любая форма, поскольку она отличается от материи, содержит в себе некий изъян или отсутствие материи, то есть является в той или иной степени пустотной.

Можно предположить, что в мире существует столько же видов пустоты, сколько существует субстанций, то есть форм предметности. Теория пустот исследует разнообразные пустотные формации — проемы, бреши, щели в материальных объектах, телесные отверстия, географические и демографические зияния, провалы и паузы в памяти, истории и в коммуникации — и их роль в становлении материальной и духовной культуры. Дыры, сети, решетки, петли — тип объектов, который привлекает все большее внимание философов.

О том, насколько пустотность важна в регулярном формообразовании действительности, свидетельствует наличие в русском языке специальной приставки «про-», которая обозначает внедрение пустоты в предметную среду: *пропуск, пробел, проем, пролом, пробоина, прорезь, прореха, пропасть, прокол, пройма, проход, просвет, пробор, прозрачность, промежутки, пролет, прорыв, провал, прострел, просчет, простор...* Отсюда и соответствующие «пустотообразующие» действия: *проколоть, пробить, прогрызть, прорвать...*

Огромную роль играют пустоты в искусстве и литературе, особенно в эпохи авангарда и постмодерна. Например, в «Поэме конца» Василиска Гнедова (в его сб. «Смерть искусству», 1913), состоящей из пустой страницы; в музыкальной пьесе Джона Кейджа «4'33"» (1952), состоящей из паузы длиной 4 минуты 33 секунды; в белых полотнах Роберта Раушенберга (Black Mountain Art College, 1952), в работах художников Ильи Кабакова, Виктора Пивоварова и др. Эстетика и поэтика пустот существенна для понимания культуры XX века.

Для разговора о пустотах вводится особый грамматический разряд слов: **отрицательно-неопределенные местоимения*.

*« », *Белая дыра, Вакуум нестабильный, Ирреалия, Молчание, Негаонтология, Не-небытие, Отрицательно-неопределенные местоимения, Силентема, Экзистология и эссенциология*

Пустота как прием: Слово и изображение у Ильи Кабакова // Октябрь. 1993. № 10. С. 177–192.

Постмодернизм. С. 233–269.

К теории пустот // Переход. М., 2012. С. 96–105.

« ». С. 28–37.

РЕАЛ (realness; в отличие от reality, реальность). Сфера реальности, взятая по отношению к виртуально-ментальным сферам бытия; все то, что существует за пределом электронной вселенной с точки зрения ее обитателя; бытие вне сети (off-line). *Реал* не следует путать с реальностью. Реальность первична, реал вторичен. Это то, чем оказывается реальность, когда мы успели про нее забыть, отключиться, войти в виртуальное измерение, а потом посещаем ее, как свободные

странники по мирам. Реал — это управляемая реальность, из которой можно уходить и возвращаться.

Слово «реал» образовано по той же модели, что и термин «астрал» — тонкий, ментальный план «звездного» инобытия, в котором происходит общение землян с Духовными Существами. Для *виртуалов*, обитателей сетевых миров, *реал* является таким же отдаленным планом бытия, как астрал — для обитателей Земли.

Людей компьютерного века реальность часто утомляет и вгоняет в депрессию, если ее не на что сменить — уйти в сеть. На обратном выходе из сети можно заново ощутить вкус кофе, запах деревьев, упругость кожи, то есть вернуть «кайф» реала, который исчезает, когда долго и безвыходно в нем пребываешь. Именно переходы туда и обратно, *ре — ви, ви — ре*, образуют объемность двойного **виреального* — виртуально-реального бытия. Вопреки растущей конвергенции реального и виртуального (**нетификация*) сохраняет ценность их взаимная несводимость. С философской позиции **всеразличия* и **умножения сущностей* нецелесообразно сокращать мерность бытия, *овиртуаливать* мир или *ореаливать* сеть. Они контрастно оттеняют друг друга, как ноты «ре» и «ви», на которых разыгрывается эта музыка двойного существования.

*Вир, *Виреальное*, Виртонавтика, Реалогия

Сетевые прилагательные и наречия: сетская жизнь и выход в реал. Grani.ru, 5.7.2001 (первая публикация и дефиниция термина)¹.

РЕАЛИТЕТ (realdom, the kingdom of reality; reality as a principle and institution; образовано посредством суффикса *-итет* по аналогии с *авторитет, приоритет, суверенитет*). Реальность как господствующий принцип и институция, возникшие в западной цивилизации. Реалитет — это не просто реальность, но система научных, эпистемологических, юридических, политических, этических теорий и практик, призванных обосновывать реальность как высшую ценность и защищать ее от всяческих подделок и искажений. Этой цели служат научные, юридические, политические методы верификации, доказательства, свидетельства, установления фактов, экспериментальной проверки, состязательности сторон в суде, равног представительства граждан в учреждениях власти и т.д. Каждый элемент реальности: субъекты, объекты, их права, обязанности, отношения, факты, артефакты — регулируется и охраняется конституцией, системой норм и законов, правами собственности, научным статусом знания, поиском объективной истины. Хотя реалитет не выделяется в качестве самостоятельной институции, его поддержке и укреплению служат многие другие правовые, научные, образовательные институты Запада.

Есть и такие цивилизации, где реальность не является приоритетной ценностью и ее место занимают мифы, верования, идеи, традиции, коллективное сознание или бессознательное, этническое единство, мощь государства. Пониженный статус реальности в обществе приводит к ослаблению роли науки и права (см. **Гипореальность*).

*Гипер-, Гипореальность, Как бы, Минус-система, Реал

¹ <http://grani.ru/Internet/m2583/html>

РЕАЛОГИЯ, ВЕЩЕВЕДЕНИЕ (realogy; от лат. res, вещь). Гуманитарная дисциплина, изучающая единичные вещи и их значение, особенно в соотношении с бытием и личностью человека, как элемент его самосознания. Основные интуиции реалогии были впервые ясно выражены у Иоанна Дунса Скотта в его учении об индивидах как единственно реальных существованиях, в отличие от общих понятий, универсалий: «возникает не белизна, а белая доска... как целое само по себе». При обосновании реалогии как области знания можно воспользоваться также идеями Г. Риккерта о построении «индивидуализирующих» наук, которые, в отличие от «генерализирующих», имеют дело со смыслом единичных явлений. К числу таких наук следовало бы отнести не только историю, изучающую смысл однократных событий на оси времени, но и реалогию, которая изучала бы уникальные смысловые образования в координатах пространства. Реалогия — это наука о вещах как формообразующих единицах пространства, границах его смыслового членения, через которые выявляется его ценностная наполненность, культурно значимая метрика (подобно тому как история выявляет ценностную наполненность времени в смысловых единицах событий).

Огромное большинство вещей, повсеместно и повседневно нас окружающих, никак не укладываются в рамки признанных дисциплин: промышленной технологии, технической эстетики и дизайна, товароведения, искусствознания. Предмет реалогии не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или к эстетическим признакам произведения. Вещь обладает особой лирической и мемориальной сущностью, которая возрастает, по мере того как утрачивается технологическая новизна и товарная стоимость вещи. Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи обесцениваются, устаревают. Задача реалогии как теоретической дисциплины — постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависящий от их стоимости, утилитарного назначения или эстетических достоинств.

Р.-М. Рильке осмысляет происходящий в индустриальную и постиндустриальную эпоху кризис традиционной вещепричастности и вещепреемства как движение новых творческих задач сбережения и осмысления единичных вещей: «Еще для наших дедов был “дом”, был “колодец”, знакомая им башня, да просто их собственное платье, их пальто; почти каждая вещь была сосудом, из которого они черпали нечто человеческое и в который они складывали нечто человеческое про запас. <...> Одухотворенные, вошедшие в нашу жизнь, соучаствующие нам вещи сходят на нет и уже ничем не могут быть заменены. Мы, быть может, последние, кто еще знали такие вещи. На нас лежит ответственность не только за сохранение памяти о них (этого было бы мало и это было бы ненадежно) и их человеческой и божественной (в смысле домашних божеств — “ларов”) ценности. <...> Задача наша — так глубоко, так страстно и с таким страданием принять в себя эту переходящую бrenную землю, чтобы сущность ее в нас “невидимо” снова восстала»¹.

Единичная вещь трудно поддается осмыслению — именно единичность ускользает от определения в мыслях и словах, которые рассчитаны на пости-

¹ Рильке Р.-М. Письмо В. фон Гулевичу, 13.XI.1925 // Рильке Р.-М. Ворспведе. *Огюст Роден*. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971. С. 305.

жение общего. Легче постигнуть значимость целого класса или рода предметов: «листвы» или «камня», чем их отдельного представителя, вот этого листика или камешка. Приближаясь вплотную к единичному, задавая нефункциональный, мировоззренческий вопрос: «зачем оно?», мы подступаем к тайне целого мироздания, решаем вопрос космодицеи: «зачем всё?».

Известно, что абстрактное мышление по мере своего исторического развития восходит к конкретному. Мышление единичностями — высшая ступень такого восхождения. При этом общие категории, лежащие в основе мышления, не отменяются, но испытываются в движении ко все более полному и целостному воспроизведению вещи как синтеза бесконечного множества абстрактных определений. Логические абстракции, которые в ходе исторического развития возвысили человеческий разум над эмпирикой простых ощущений, возвращаются к исходной точке, единичной вещи, для того чтобы раскрыть в ней свернутое богатство человеческой культуры. Единичное, «это», наиболее прямо связано с единым, со «всем». Реалогия постигает реальность не только в обобщенных понятиях и не в более конкретных образах, но в единичных вещах, ищет способы наилучшего описания и осмысления бесчисленных «этостей».

Предмет реалогии — *реалии*, то, что обладает физической и смысловой дискретностью, что указуемо и показуемо, как «это», для чего имеется общее имя и что, однако, представляет не вид, не род, а индивидуальное явление внутри данного рода. Концепция дискретности вещественно-смыслового поля важна для понимания реалогии как науки о *res* в их отличии от *universalialia*. Именно границы вещей, разрывы континуума и образуют те смыслы, которые делают каждую вещь единственной. Вещи придают пространству свойства текста. «Вещи высветляют в пространстве особую, ими, вещами, представленную *парадигму* и свой собственный порядок — синтагму, то есть некий текст... Реализованное (актуализированное через вещи) пространство в этой концепции должно пониматься как сам текст...»¹

Таким образом, реалогия *есть наука о реализованном, то есть расчлененном и наполненном вещами, пространстве, о его текстуальных свойствах*, которые через описание обычных вещей перекодируются в языковые тексты. Художественно-творческое дополнение реалогии и ее экспериментальное обоснование, практическое вещеведение, — **Лирический музей*, или Мемориал вещей, где пространство говорит сразу на двух языках: вещей и слов, которые обнаруживают возможности и границы своей взаимопереводимости.

Реалогия включает в себя антропологию, культурологию, семиотику, теологию, поэтику единичных вещей — не их текстуальных следов или визуальных образов, а их собственного предметного бытия.

* *Веществование*, Индексальное письмо, *Лирический музей*, Микрометафизика, Микроника, *Реизм*, Существоведение, *Тривиалогия*, Универсика, Человещность, Юзеризм
Реалогия — наука о вещах // Декоративное искусство. 1985. № 6. С. 21–22, 44. Дискуссия:
Аронов В. Вещь в аспекте искусствознания (1985, 11); *Анненкова Л.* Реалогия и смысл вещи (1986, 10); *Воронов Н.* На пороге «вещеведения» (там же).

¹ *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 219.

Вещь и слово: К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве: Материалы научной конференции. 1984 (вып. XVII). М.: Сов. художник, 1986. С. 302–324.
 Аристов В. В., Михеев А. В. Тексты с описанием вещей-экспонатов «лирического музея» // Там же. С. 324–331.
 Парадоксы. С. 304–333.
 Знак. С. 66–680.
 Future. P. 253–279.

РЕВЕРСИВНОСТЬ, ПРЕВРАТНОСТЬ (reversibility). Междисциплинарная категория, указывающая на свойство явления превращаться в свою противоположность. Субъект действия становится его объектом (**судьба*); попытка воплощения утопии приводит к ее крушению (**амбиутопизм*); техническое развитие цивилизации — к росту ее уязвимости (**хоррология*); максимальное усиление одного принципа — к торжеству обратного (материализм — к упадку материального производства, тотальная социализация — к деградации общества, см. **гипер-*).

Реверсивность — это траги-ироническая обратимость явления, которое чревато чуждым, а порой и враждебным в самом себе и оказывается жертвой собственного развития и успеха. Реверсивность следует отличать от гегелевских категорий тезиса и антитезиса с их противостоянием, борьбой и последующим снятием в синтезе. Реверсивность — это не борьба противоположных сил или тенденций, а усиление одной из них вплоть до перерождения в собственную противоположность. Реверсивность как социальный феномен зависит от типа цивилизационной модели. В открытых системах (как, например, в западных демократиях) преобладает *противоборство*, то есть открытое столкновение противоположностей, их медиация и синтез: борьба партий, идеологий, мировоззрений, общественных групп, культурных движений. В закрытых — *превратность*, то есть господство одной силы, которая не имеет соразмерных внешних противников и вынашивает свое «обратное» в себе. Эволюция таких систем состоит из повторяющихся реверсий, в которых оппозиционные элементы: революционные и консервативные, «левые» и «правые», анархические и авторитарные — не синтезируются, а переворачиваются, меняются местами. **Выверт* — форма реверсивности, достигающей крайней степени остроты, неожиданности и самодеструкции.

Реверсию следует отличать от сознательной, целенаправленной **трансформации*, которая ведет к превращению одного элемента оппозиции в противоположный. Реверсия выполняется в тех же самых бинарных значениях, с одним состоянием преобразованным в другое, например переходом между 'да' и 'нет', 'истина' и 'ложь', или +/--. Но если трансформация — процесс борьбы с энтропией и создания новых форм организации, то реверсия противодействует таким процессам, выступая как *негатрансформация* (negatransformation). Реверсия — серия внутренних превращений и «опрокидываний», скрытых в самой трансформации, как заложенная в ней потенциальность не-бытия, которая самоотрицанием (**не-небытие*) превращается в бытие, а следующим актом самоотрицания — в «не-небытие», то есть в новую, активную форму небытия, из которой могут дальше нарождаться новые трансформативные процессы.

Единица трансформации **вит* определяется мерой, обратной по отношению к вероятности преобразования (минуса в плюс, ноля в единицу и т.п.): чем мень-

ше такая вероятность, тем выше энергия трансформации, творческого усилия и результата. Соответственно, единица реверсивности определяется как *нега-вит* (nega-vit), то есть исчисляется мерой отклонения от целей трансформации, теми **вывертами*, которые приходится на каждый элемент усилия и действия. Например, если исходная цель коллективного действия — освобождение общества от репрессивной власти, то мера реверсивности — сила нового гнета и репрессий, которыми оборачивается революционный процесс. Каждый результат, противоположный ожидаемому, каждый момент искажения цели, смещения начальной посылки может рассматриваться как «нега-вит». Если творческая трансформация — это осуществление наименее вероятного и предсказуемого, то реверсивность — это непредсказуемое внутри непредсказуемого, это немислимое и необъяснимое в квадрате. Реверсивность бытия отвечает за те наименее вероятные события с наибольшими последствиями, которые Н. Талеб описывает как «черных лебедей».

Хотя реверсивность подрывает цели трансформации и выворачивает их наизнанку, эти два процесса совместно увеличивают **интенсивность* мироздания, которая определяется мерой его внутренней пороговости, **всеразличия*, дифференциации, доходящей в самых интенсивных точках до полной обратимости и противодействия себе.

**Амби-, Вит, Выверт, Гипер-, Злобро, Ирония бытийная, Контраформатив, Нега-, Не-небытие, Обратимые дисциплины, Своечуждость, Событие, Суб-объект, Судьба, Трансформация, Фатумология, Хитрость желаний, Хоррология*
 От модернизма к постмодернизму: Диалектика «гипер» в культуре XX века // Новое литературное обозрение. № 16. 1995. С. 32–46.
Знак. С. 541–592.
Листочки. С. 7–9.
Постмодерн. С. 20–44.
Postmodernism. P. 23–50.

РЕИЗМ (reism; лат. res, вещь). Философское представление о том, что всякая единичная вещь есть **самобытие*, начало и конец самой себя.

Как известно, афинская школа философии породила идеализм, направление мысли, которое полагает высшей реальностью чистые идеи, а чувственно постигаемые вещи — их множественными копиями. Считается, что антитеза идеализма — материализм, который объявляет началом всех вещей их материальность. Но материализм, как не раз отмечалось (в частности, эмпириокритицизмом), есть одна из «вырожденных» форм идеализма, которая представляет материю как некий всеобщий принцип, абстрактную «идею материи».

Более основательная альтернатива идеализму — *реизм*, представление о том, что всякая конкретная вещь есть начало и конец самой себя. Индивидуальное, сингулярное лежит в основе всех вещей, каждая из которых постигается сама по себе, как «эта», единственная, отличная от всех других. Данное дерево является не представителем класса деревьев вообще, а именно этим деревом, растущим здесь и сейчас. Термин «реализм» сюда не подходит, ибо в философской традиции он обозначает веру в реальность общих понятий. Реизм — это философия отдельной вещи, а не общего свойства реальности, которое растягивается реализмом

до того, что обнимает сферу общих понятий. Задача понимания как раз состоит в том, чтобы от общих, абстрактных понятий — «природа», «жизнь», «растительность» — двигаться навстречу единичности, постигать ее смысл «здесь и сейчас».

Перенесемся в *другие Афины*, университетский городок в штате Джорджия, США. Здесь можно найти наглядный антитезис идеализму древних Афин — образец *реизма*: дерево, белый дуб, который в буквальном смысле принадлежит самому себе. Хозяин, полковник Уильям Джексон (William Jackson), так возлюбил этот дуб, что в 1820 году, умирая, передал ему права юридического субъекта. «В силу и знак великой любви, которую я питаю к этому дереву, и огромного желания сохранить его на все времена, я передаю ему право полного владения собой и всей землей на расстоянии восьми футов во все стороны». Законность прав этого «Дерева, Которое Владеет Собой» никогда не подвергалась сомнению. Этот дуб не только *самовладелец*, но и *землевладелец* — его права собственности простираются и на ближайшую область его существования. Вспоминается В. Хлебников: «Я вижу конские свободы / И равноправие коров» («Ладомир», 1920). Хлебников понимал освобождение вещей утопически, революционно. Ровно за сто лет до Хлебникова полковник Джексон продемонстрировал иной вариант освобождения, передав любимому дубу право собственности на самого себя. Этот юридический акт, совершенный в рамках и на основе капиталистической системы, исполнен своей поэтической дерзости и знаменует правду *реизма*, бытийную полноту вещи, которая наделяется правом субъекта владеть собой.

Реизм предвосхищает новейший поворот в западной метафизике к «объектно ориентированной онтологии» (ООО), которая ставит акцент на значимости объектов «самих по себе», вне зависимости от их материального состава и семиотического контекста¹.

* *Веществование*, Индексальное письмо, Лирический музей, Микрометафизика, Реалогия, Самобытие, Человечность, Юзеризм

САМОБЫТИЕ (self-being). Самодостаточное, самоценное бытие в себе и для себя. Самобытие каждой вещи — не только предмет конкретной онтологии (**реалогии*), но и направленность самого бытия, которое в своем высшем развитии обретает цель в себе. В этом расширенный смысл этического предписания И. Канта: всегда обращаться с людьми так, как если бы они были только целью и никогда — средством. Эта же задача может ставиться и в отношении других существ (животных, растений и даже неодушевленных вещей), поскольку человеку раскрывается их самобытие. Самобытие — высший онтологический и эпистемологический статус вещи, когда она бытийствует и постигается как вещь-для-себя.

* *Веществование*, *Ипсеизм*, Реалогия, *Реизм*, Существоведение, Теоморфизм, Человечность, Юзеризм

СУБ-ОБЪЕКТ (sub-object). Совмещение субъекта и объекта в одном существе или сущности, как условие самореференции и саморефлексии. Свойство быть

¹ См.: Harman G. Immaterialism. Cambridge, Malden (USA): Polity, 2016.

собой для себя порождает парадоксы в логике, математике и лингвистике, поскольку один и тот же суб-объект выступает на двух уровнях, как говорящий, мыслящий, чувствующий, объемлющий — и как предмет всех этих действий, направленных на себя самого.

Понятие суб-объекта применимо и к неодушевленным сущностям, например высказываниям или множествам, поскольку они способны включать/содержать самих себя, быть автореферентными. *Суб-объектность* — источник тех парадоксов, которые так удручали Г. Фреге и которые пытался преодолеть Б. Рассел в своей теории типов, запрещая рассматривать множества, которые включают сами себя.

Есть разные подходы к парадоксам, возникающим в результате совпадения субъектности и объектности. Один подход — стремление логически избежать парадоксов, установив правила, различающие типы/уровни субъектного и объектного и не допускающие рефлексивно-возвратных «петель» в логико-математические структуры (Б. Рассел). Другой подход утверждает *суб-объектность* и парадокс самореференции как изначальное свойство не только информационных процессов, но и жизни как «аутопоэзиса», порождения себя из себя (биологи У. Матурана и Ф. Варела).

В философии бытия Ничто выступает как суб-объект: «ничтожит» себя и тем самым превращает ничто в нечто. Важную роль играет понятие суб-объектности в теории судьбы, где человек предстает как волящее, судящее существо — и именно поэтому подверженное действию высшей воли, судьбы.

**Ипсеизм, Ипсеистика, Контраформатив, Не-небытие, Реверсивность, Своечуждость, Судьба*

СУЩЕСТВОВЕДЕНИЕ (study of individual creatures, entities; entiology; от лат. ens, существо, нечто существующее). Наука о существах, реальных и воображаемых, природных и искусственных, телесных и духовных, и о том, что делает их существами (субъектами, актантами), выделяет из мира идей и объектов.

Существо — это особая категория бытия, отличная и от *сущности*, и от *существования*, несводимая к эссенциализму и экзистенциализму. Существо «самосущностно» и уникально, оно само определяет формы своего существования, и в этом смысле оно первичнее сущности и существования. Существо — это самодействующее «некто», бытие которого определяется его собственной волей, желаниями, интенциями, потребностями, автономными по отношению к среде обитания. Существо — то, что может *себя вести*, то есть быть субъектом желания и действия. Возвратное местоимение «себя» появляется в языке по отношению к существу как особая логико-грамматическая категория, центральная для существоведения.

Существо отличается от личности, персоны, поэтому существоведение не следует отождествлять с психологией или персонологией. Вряд ли можно говорить о «личности» сказочных Жар-птицы или Змея Горыныча, хотя они, несомненно, являются существами.

Область существоведения начинается с животных и простирается до ангелов и Верховного Существа. Выделяются следующие разряды существ.

1. Природные существа, или организмы, среди которых различаются животные и люди.

2. Иноприродные существа: неведомые нам обитатели других планет и миров.
3. Сверхприродные существа: Бог, ангелы, духи.
4. Вымышленные (иллюзорные, фантастические) существа: мифологические, фольклорные, литературные, художественные персонажи. Сюда же относятся те материально воплощенные образы живых существ — игрушки, изваяния, — которые сами могут «анимироваться», восприниматься как отдельные существа.
5. Искусственные (технические) существа, продукты электронных и биологических технологий, творения человека, носители искусственного разума: киборги, андроиды, гиноиды, роботы.

Общее свойство существ — способность носить имя собственное, то есть быть уникальным, выделяться из разряда подобных себе. Это свойство переносится на домашних животных и детские игрушки, которым дают ласковые имена. К существам можно привязываться, влюбляться, испытывать симпатию и эмпатию, даже если это игрушка («плюшевый мишка»). С существом можно устанавливать личные отношения; даже если они фактически безответны, они строятся на презумпции взаимности, возможной коммуникации.

Дискуссионные вопросы существозведения:

Как логически эксплицировать разницу между «нечто» и «некто»?

Как интуиция существа, в его отличии от сущности и вещи, оформляется в грамматическую категорию одушевленности?

Что или кто есть Бог: существо (личность), существование (бытие) или сущность (принцип, абсолют, начало)?

Всякий ли живой организм, даже простейший, одноклеточный, можно назвать существом?

В какой момент обучаемая машина становится существом? Достаточно ли для этого встроенной способности самореференции и самодетерминации?

Один из основателей философского существозведения — Э. Левинас, который собрал в 1947 году свои эссе под общим заглавием «От существования к существующему». Однако, по замечанию Ж. Деррида, «под “существующим”, “сущим” Левинас почти везде и всегда понимает существующее человеком, сущее в форме Dasein»¹.

Существозведение вместе с **реалогией* (веществоведением) входят в цикл дисциплин, изучающих единичное.

*Всекто и всечто, Есмь-истина, *Индивиды-универсалии*, *Персоналистический аргумент*, Универсика, *Экзистология* и *Эссенциология*

ТЕГИМЕН (лат. tegimen, покров, покрытие, покрывало, одежда, броня, оболочка, кожа, кровля, навес, прикрытие, защита; от лат. tego, tegere, покрывать, хранить, защищать, прятать, хранить в тайне + суффикс men, как в слове «феномен»). Философская категория, соотносительная с феноменом и указывающая на бытие в аспекте его сокрытости. Между «вещью-для-нас» и «вещью-в-себе» — этими крайними пределами кантовского дуализма — развертывается множество слоев,

¹ Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 139.

одновременно скрывающих и являющих друг друга. Область тегименов простирается именно на эту совокупность покрытий, облачений, искажений, которые отделяют «тайное тайных» вещи от ее же «явного явных».

Тегименальность всех предметов обусловлена их *глубиной как мерой простиранья внутрь себя. Явление столь же раскрывает, сколь и скрывает свое содержимое. То, что мы считаем явлением, можно считать и утаиванием, сокрытием. *Феномен* и *тегимен* — обратимые понятия; то, что феномен являет, то тегимен скрывает. Глаза как *зеркало* души могут считаться феноменом, а как *занавес* души — тегименом. Скорлупа — тегимен ореха. Маска — тегимен лица. Одежда — тегимен тела. Тело — тегимен того, что называют душой. *Тегимен* — общий класс таких объектов, как декорация, маска, обертка, оболочка, одежда, поверхность, покрытие, *упаковка, футляр, чехол.

Выделяются три основных типа покрытий.

1. Естественные, природные. Кора дерева, раковина моллюска, шкура и череп млекопитающего.
2. Искусственные, созданные человеком для себя. Одежда, жилище, деревня, город и прочие искусственные средства укрытия и среды обитания. Сюда относятся также: транспортные средства — вагон, каюта, автомобиль, самолет; покрытия для умерших — саван, гроб, могила.
3. Искусственные, созданные человеком для предметов своего потребления. Наблюдается огромное разнообразие оболочек, соответствующих форме, консистенции, функции разных предметов: банка, коробка, конверт, обложка, чехол и т.д. Эта последняя, третья категория покрытий объединяется понятием *упаковки.

У человека есть много разных родовых определений: *homo sapiens*, *homo politicus*, *homo ludens*, *homo faber* — человек «мыслящий», «общественный», «играющий», «создающий орудия труда». К ним можно добавить и *homo tegens*, «человек облекающий(ся)», набрасывающий покровы на все, в том числе и на самого себя.

Первым тегименальным актом, отделяющим человека от его «естественного» бытия в Эдеме, было облачение в «одежды кожаные» (Бытие, 3: 21), под которыми часто понимается человеческая плоть, облекшая душу, как знак ее греховного уплотнения и изгнания в чуждый мир. Видимо, не случайно и то, что первый город — «одежда каменная» — был построен Каином, первенцем первородного греха, который в свою очередь совершил первый грех человекоубийства и братоубийства («и построил он город» — Бытие, 4: 17). Грех отделяет человека от мироздания, вызывая цепную реакцию укрытий и облачений, начиная с кожи и кончая городом и государством.

Как только возникает интуиция наготы и покрова, различие облекаемого и оболочки, так это отношение начинает множиться и воспроизводиться на все новых уровнях цивилизации. Различия культур отчасти определяются количеством и толщиной тех покровов, которые считаются в них оптимальными для тела, для жилища и т.д. (ср. «закутанность» исламской цивилизации и «оголенность» современной западной). Потребность человека все заключать в оболочку, иногда доходящая до мании, «беликовщины» (по имени чеховского «человека в футляре»), становится важным мотивом современного искусства. Постмодерн

и такие его представители, как художник-упаковщик Христо Джавачев, имеют дело с антропологией *homo tegens* — с теми множественными оболочками, которые за тысячелетия цивилизации narosли на первую оболочку Адама.

*Глубина, *Тегименология, Упаковка*

Мистика упаковки, или Введение в тегименологию // Комментарии. № 20. 2001. С. 249–261. Знак. С. 461–484.

ТЕГИМЕНОЛОГИЯ (*tegimemology*; от лат. *tegimen* — покров, оболочка). Философская дисциплина, которая рассматривает мир **тегименов* — покрытый, оболочек, упаковок — в отношении того, что они скрывают собой.

Эволюция от неживой к живой природе и далее к материальной и духовной культуре обнаруживает растущее несоответствие между внешним и внутренним. В ходе эволюции не только тайное становится явным, но и явное все глубже погружает и скрывает в себе тайное. В камне, земле, песке, воде практически нет разницы между наружным и внутренним слоем. Дерево уже имеет грубую, шероховатую кору, которая отличается от более светлых, влажных волокон. Тем более это различие «шкур» и «нутра» очевидно в царстве животных. Чем выше форма жизни, тем более хрупким, уязвимым становится ее «нутро» и тем более значим ее наружный, защитный слой, про который уже нельзя сказать, что он «являет», — скорее, наоборот, скрывает свое содержимое.

Главный интерес тегименологии — человек как наиболее «сокровенное» существо. Человек не ограничивается покровом, данным ему от природы, но создает многослойную систему «покрывающих друг друга покровов», называемую цивилизацией. Сюда входят покровы первого уровня — одежда; второго — жилище; третьего — искусственная среда обитания, поселение, деревня, город... Тайна растет в прямой пропорции к числу скрывающих ее облачений, их многослойности и многозначности. Наибольшее количество одеяний — у служителя «тайного тайных», священника. «Вот с чем должен входить Аарон во святилище... Священный льняной хитон должен одевать он, нижнее платье льняное да будет на теле его, и льняным поясом пусть опоясывается, и льняной кидар надевает: это священные одежды. И пусть оmyвает он тело свое водою, и надевает их» (Левит, 16: 3–4).

Рассматривая многослойность человеческих облачений, можно так сформулировать правило *тегименальности*: нет ничего явного, что не хранило бы свою тайну. Если есть покров, то есть и сокровенное. Все, что способно являть себя, способно и утаивать.

Как известно, М. Хайдеггер положил в основу метафизики вопрос: «почему бытие, а не ничто?». В основу тегименологии кладется следующий по порядку вопрос: почему не полное бытие, а половинное? Почему всякое бытие существует лишь отчасти для себя и отчасти для других, разделяясь на внешнее и внутреннее? Мое внутреннее не дано знать никому, кроме меня, а внешнее дано знать всем, кроме меня. Почему все сущее существует иначе для других, чем для себя? *Почему покров, а не нагота? Почему тайна, а не полная явленность? Почему явленность, а не полная тайна?* Почему семя нуждается в коже или косточке? Почему яйцо нуждается в скорлупе? Почему душа нуждается в теле?

На эти вопросы можно давать метафизические, мистические, теологические ответы... Ответ тегименологии состоит в том, что скрытость, завернутость бытия составляют его неотъемлемое свойство. Можно следовать за этим вопрошанием, но нельзя вернуться с ответом. Свернутое нельзя развернуть до конца. Можно вывернуть наружу морскую или ушную раковину — но тогда погибнут улитка или слух. Живое не может существовать без покровов. Абсолютная проницаемость и беспокойность свойственны только вакууму.

Тегименология не только изучает многообразные виды и функции покровов, фильтров, оболочек, но и устанавливает их эстетическую, этическую, социальную ценность. Каково оптимальное число покровов для того или иного объекта в той или иной ситуации? Как совместить *защитные* и *пропускные* свойства оболочек, чтобы они оберегали и одновременно не подавляли свое содержимое? Какие тактики сокрытия и раскрытия приняты в разных обществах? Как строить защитно-пропускные системы на уровне индивидуального поведения и профессиональных сообществ? Все эти вопросы составляют практическое применение тегименологии. Она изучает не только разнообразные социальные и национальные формы покрытий, но также их дисфункции и патологии, например социальное вырождение и физическое утолщение оболочек, теряющих тонкую многослойность и расчлененность, деформирующих то, что они должны хранить и облекать (*тегименопатия*, tegimenopathy).

Специфика тегименологии как философской дисциплины проясняется ее сопоставлением с *феноменологией* и *мистологией* (мистикой как наукой о тайнах и таинствах). *Феномен* и **тегимен* — обратимые понятия; то, что феномен являет, то тегимен скрывает собой. Тегименология и феноменология (в гуссерлевском смысле) — взаимодополнительные способы мироописания. Феноменология интересуется явленностью сущности, данной здесь и сейчас, возможностью постижения вещей «как они есть», непосредственно даны сознанию. Тегименология, напротив, интересуется структурой и функцией покрытий в их принципиальном отличии от того, что они скрывают собой. Мы всматриваемся в вещи, потому что высматриваем нечто за их поверхностью. Сознанию присуща не только *интенциональность*, направленность «на» предмет, но и *трансцендентность*, движение «за» предмет, по ту его сторону. Это не обязательно предполагает наличие «иного мира», хотя его возможность также включена в тегименальную интуицию: весь этот мир — как покров иного. Двигатель сознания — интуиция обманчивости и неполноты явления, за которым скрывается нечто отличное от него: «не то, не то, не то». Тегименология — внутренний двигатель феноменологии, поскольку последняя движется от одного феномена к другому именно через множество тегименов, через стадии сокрытия, и каждый следующий слой «кажет себя» лишь постольку, поскольку «искажается» предыдущим.

Понятие «тегимена» перекликается не только с «феноменом», но и с понятием «тайны», центральным для мистологии. Тегименология отличается от мистологии тем, что не исследует тайн самих по себе и даже не предполагает возможность их полного раскрытия, — она лишь исходит из *возможности их сокрытия* и исследует *формы, фасыны, складки* их облачений. При том что мистология, как наука о тайнах и таинствах, противоположна феноменологии, как науке о явлениях, они обе исходят из возможного отождествления явного и тайного, полного раскрытия

одного в другом. Тегименология, напротив, подчеркивает их несоответствие — но именно поэтому и необходимость движения вглубь, то есть такого проникновения, которое повторяет все шаги сокровения, «преследует» его, хотя и не «настигает». Тегименология имеет дело и с поверхностью-означающим (объектом феноменологии), и с тем, что оно скрывает, *глубиной, означаемым (объектом мистологии), а главное — с самими способами раздвоения-расхождения явного и тайного, наружного и внутреннего.

Таким образом, схематически вырисовывается следующая типология трех дисциплин или методов, рассматривающих отношение явления и сущности:

- мистология: сущность может быть явлена (тайна и ее откровение);
- феноменология: сущностно само явление и способ его явленности (феноменальность, эйдетичность);
- тегименология: раздвоенность явления и сущности, явленность как способ сокрытия (покрытие и его отношение к сокрытому).

* Глубина, Самоочищение, Тегимен, Трасосфера, Упаковка

Мистика упаковки, или Введение в тегименологию // Комментарии. № 20. 2001. С. 249–261. Знак. С. 461–484.

ТРАСОСФЕРА (фр. *tracé*, след + греч. *sphaira*, шар). Сфера следов, оставляемых живым существом. Животные оставляют разнообразные следы в пространстве, что отмечено разветвленной народно-охотничье-научной терминологией: погрызы, порои, прикопы, потаски (от «таскания»)… Есть специальная область — *трасология*, наука о следах, которая имеет немалое значение для криминалистов, археологов, зоологов, охотников.

След — категория не только пространства, но и времени, он хранит материальную память об организме в отсутствие его самого. Вся человеческая жизнь отпечатана во множестве следов — визуальных, тактильных, а также чувственно не воспринимаемых: молекулярных, вибрационных… За человеком следует не только его энергетическая аура, но и его *трасосфера*, помеченное им пространство, которое сохраняет память о нем и после смерти. Множество царапин, трещин, вмятин, запотеваний, исходящих от его прикосновений, дыхания, шагов… Вся эта совокупность материальных эманаций человека в окружающий мир и называется *трасосферой*.

Животное, как правило, оставляет свои следы невзначай, как следствие процессов жизнедеятельности, таких как поиск пищи, рытье норы, устройство гнезда. Некоторые животные (например, собаки и кошки) намеренно помечают свою территорию, пользуясь запасом «чернил», которые им выделила природа. У человека эта «следопись» превращается в лейтмотив существования: не просто следствие, но *цель* жизненного процесса. Причем, в отличие от животного, которое «следит» в пространстве, человек «ослеживает» себя во времени, то есть стремится оставить как можно более прочный след, способный пережить его самого. Невроз времени порождает *следопись* как попытку фиксации себя в вечности, стремление быть в будущем для настоящего и в прошлом для будущего, то есть помещать себя впереди и позади своего актуального местонахождения во времени. Человек оставляет следы не только потому, что ступает по земле, но он ступает, чтобы оставлять

следы. Если ненамеренные следы-последствия роднят человека с животным, то целенаправленная следопись делает его существом, преодолевающим время, воздвигающим себе памятник. Такова антропологическая мотивация *письменности* как бегства от настоящего и деятельности по сознательному созданию следов. Следы могут рассматриваться как разновидность или даже прототип письменной деятельности человека и соответственно изучаться *скрипторикой.

*Скриптомания, *Скрипторика*, Тегимен

Скрипторика: Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. № 131. 2015. С. 257–269.

Творчество. С. 292–310.

УПАКОВКА (pack, packing, wrapper, wrapping). Временная форма предмета, предназначенная для его сохранения и передачи; отделяемая оболочка. В ряду общего класса *тегименов упаковка — это покрытие, а) созданное человеком, а не природой (в отличие от коры, скорлупы); б) созданное человеком не для себя, а для неодушевленных предметов (в отличие от одежды, жилища).

Если рассматривать упаковку в ряду форм как элемент их типологии, то упаковка не относится ни к внутренней, ни к внешней форме предмета, ни даже к форме поверхности. Под внутренней формой обычно понимают структуру, эйдос, способ организации данной вещи, а под внешней формой — наружное выражение, обусловленное определенным содержанием, сущностью. В повседневном языке под формой понимают форму поверхности — наружный вид, фигуру, очертания предмета, например «крючковатая форма носа», «перистая форма облаков» и т.п. Но упаковка не есть форма ни в одном из этих трех значений. Упаковка есть форма, не только отделяемая от своего содержания, но и *приданная ему извне, на определенное время, подлежащая снятию*. Это не внешнее выражение, но внешнее сокрытие, упрятывание чего-то.

Упаковка имеет *содержимое*, а не *содержание*. Сам термин «содержимое» указывает на то, что «может содержаться» (а может и не содержаться) в данном покрытии, что временно и условно пребывает в нем, в отличие от постоянного и существенного содержания, имеющего свою выразительную форму. Упаковка — поверхность второго порядка, которая защищает предмет от внешних воздействий среды — или защищает среду от воздействия самого предмета. Упаковка не выражает, а сдерживает, предохраняет, создает систему границ и препятствий.

Одна из главных задач *тегименологии — классификация покрытий по типу их отношения к «сокрытому». Оболочка живого существа — как естественная («кожа»), так и искусственная («одежда») — выполняет одновременно две практические функции: «не впускать» и «не выпускать», точнее впускать и выпускать избирательно, создавать систему шлюзов между «сердцевиной» и «средой». И кожа, и одежда защищают тело от деформирующих внешних воздействий — и одновременно защищают пространство культуры «от голого естества». В упаковках для материальных предметов эти функции «защиты от наружного» и «защиты от внутреннего» разделяются.

Можно выделить восемь основных функций упаковок — четыре предметные и четыре знаковые (причем разные функции могут сочетаться в конкретных вещах).

1. Герметичность: защищать предмет от воздействий внешней среды, от ударов, давления и других сил деформации (чехол, крышка, обложка, футляр).
2. Компрессия: придать форму жидким и рассыпчатым веществам или малогабаритным предметам, препятствовать их хаотическому рассеянию, смешиванию и загрязнению окружающей среды (сосуд, посуда, пакет, кулек, наволочка).
3. Консервация — для свежих, скоропортящихся продуктов органического происхождения (бочка, банка, бутылка).
4. Транспортировка (контейнер, чемодан, сумка, рюкзак). Среди знаковых функций — две противоположные друг другу: *утаивание* и *украшение* (секрет и декор).
5. Секретивность: сохранить тайну, непроницаемость вещи для взгляда, прочтения (конверт, пакет, сейф).
6. Декоративность: привлечь внимание к предмету, представить его более ярким, желанным (фирменная упаковка, украшение).
7. Сакральность: служить завесой, знаковой преградой (ковчег, дарохранительница, дискос и другая церковная утварь). В отличие от секретивных покрытий, которые сами не имеют никакой ценности, сакральные покрытия имеют собственную ценность и символическую значимость.
8. Мемориальность. В своем обмирщенном виде сакральная функция проявляется в тех емкостях, вместилищах, где хранятся особенно дорогие, памятные вещи, реликвии, подарки (шкатулка, ларец, медальон).

Упаковка — это «жертвенная» материя, которая служит оболочкой другому предмету. Но есть и такие движения в культуре, которые придают упаковке самоценность, более того, рассматривают всю культуру как последовательность упаковок, в которых нет искомого, «последнего» содержания. Например, культура *постмодерна* может осознаваться как бесконечная серия упаковок, вложенных друг в друга. Христо Джавачев (Christo Javacheff), популярный художник постмодерна, прославился тем, что в 1985 году упаковал в бежевую ткань парижский мост Пон-Неф, а в 1995 году покрыл серебристой металлической оболочкой берлинский Рейхстаг. Упаковывая целые здания, постмодерн имитирует *безграничную множимость упаковок*, облаченность и облакаемость, присущую культуре как таковой, точнее человеку как «паковочному животному». Эта *пак-культура* (pack-culture) признает не содержание, а только содержимое, то есть временное и условное отношение между оболочкой и содержимым, а не формой и содержанием.

Вообще «пак-» (pack-) как префиксид может присоединяться ко многим понятиям, указывая на определенную «паковочную» эстетику, метод мышления или тип поведения. Есть *пак-стили*, *пак-жанры*, *пак-индивиды*, *пак-методологии*... Например, *пак-стиль* — это упаковка темы во множество разных интерпретаций, не сводимых к одной идее, лишенных концептуального ядра.

* Глубина, Самоочищение, *Тегимен*, *Тегименология*

Мистика упаковки, или Введение в тегименологию // Комментарии. № 20. 2001. С. 249–261. *Знак*. С. 461–484.

ХАОСЛОЖНОСТЬ (chaoplexity; хаос + сложность; chaos + complexity). Синтез теорий хаоса и сложности, ранее развивавшихся раздельно. Изучение нелинейных,

непредсказуемых процессов, таких как воздушная турбулентность, изменение погоды, уличное движение людей и транспорта и др., зависящих от взаимодействия множества случайных факторов.

*Техномораль, Фатумология

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ (human-thingness). Человек и вещь в их нераздельности; вещный мир, выразительно несущий в себе облик, характер, судьбу человека.

Вещь обладает особой психологической, лирической, сентиментальной сущностью, которая возрастает по мере того, как утрачивается ее технологическая новизна, товарная стоимость, эстетическая привлекательность, модность и престижность. Единственное качество вещи, возрастающее в ходе ее освоения, — это сама ее личностная наполненность, *свойственность* человеку. Вся человеческая жизнь в значительной мере состоит из вещей и откладывается в них, как в своеобразных геологических напластованиях, по которым можно проследить смену возрастов, вкусов, привязанностей, увлечений. Детские игрушки — мяч, кукла... Рюкзак, лыжи, ракетки... Настольная лампа, книга, тетрадь... Каждая вещь включена в целостное поле человеческой жизни и заряжена ее смыслом. С каждой вещью связано определенное воспоминание, переживание, привычка, утрата или приобретение. Обычность вещей свидетельствует об их особой значительности, которой лишены вещи «необычные», — о способности «сживаться» с людьми и становиться устойчивой и осмысленной формой их существования.

Мир артикулируется, «выговаривается» в вещах — не случайно слово «вещь» этимологически родственно «вести» и первоначально значило «сказанное, произнесенное» (ср. однокоренное латинское «vox» — «голос»). Само противопоставление «вещное» — «человеческое» можно провести лишь условно, в рамках той «человечной» общности, которая по сути своей так же нерасторжима, как тело и душа. Вещность имеет в человеке свое «чело» и сама выступает как его продленное «тело».

**Веществование, Лирический музей, Реалогия, Реизм*
Постмодерн. С. 270–298.

ЧЕТЫРЕ МИРА (system of four worlds). Представление о четырех мирах, образующих наш мир; развитие метафизических систем двух миров у Платона и Декарта и трех миров у К. Поппера и Р. Пенроуза.

Платон различал мир вечных идей (эйдосов) — и вещей как их преходящих подобий в чувственном бытии. Декарт, открывая вход в философию Нового времени, сохраняет материальный мир («протяженную субстанцию»), но противопоставляет ей самостоятельную мыслительную субстанцию — самосознание человека. И Платон, и Декарт, каждый по-своему, — дуалисты. Один мир у них общий: материальный, чувственный — а два других различаются: платонический мир идеальных сверхвременных форм и декартовский ментальный мир мыслящего субъекта.

Соединение этих трех миров, очерченных у Платона и Декарта, позволило, уже в XX веке, создать триадические системы, представленные известными

треугольниками философа К. Поппера и физика Р. Пенроуза. В их триадах два мира совпадают: ментальный и материальный (как у Декарта). Однако третий мир они представляют различно. Пенроуз сохраняет платонический мир форм и даже расширяет его: «Возможно, реальностью в платоновском смысле следует наделить и прочие абстрактные концепции, а не только математические. Сам Платон настаивал, что идеальные понятия “добра” и “красоты” реальны ничуть не меньше, чем математические идеи»¹. Три мира Пенроуза: материальный, субъектно-ментальный (Декартово *cogito*) и объектно-идеальный (платонические эйдосы).

Согласно Попперу, природа, совокупность физических явлений образует первый мир; внутренний мир субъекта — второй; а третий строится совокупными усилиями человечества, которое делает следующий шаг, преобразуя природу мыслью и действием субъектов и создавая на основе таких трансформаций мир культуры: «Под третьим миром я подразумеваю создания человеческого ума, такие как языки, сказки, истории и религиозные мифы; научные предположения или теории и математические конструкты; песни и симфонии. Но также аэропланы, аэропорты и другие инженерные подвиги»².

Предлагаемая система четырех миров сводит воедино следующие миры: материальный (объектный); ментальный (субъектный); формальный (идеальный, платонический) и трансформный (культурно-исторический). Четырем мирам соответствует разделение наук на четыре большие группы. Миру *объектов* соответствуют науки естественные: физика, космология, геология, химия, биология и др. Миру *форм* — формальные науки: от логики и математики до семиотики и лингвистики, кибернетики и информатики. Мир *субъектов* постигается гуманитарными науками, или, более широко, науками о духе (как их определил В. Дильтей), куда входят и теологические дисциплины. Мир *трансформов* рассматривается в основном общественно-историческими и технологическими дисциплинами (антропология, экономика, социология, политология, история).

Границы между этими дисциплинами проводятся во многом условно. Например, когнитивистика и наука о мозге (*cognitive science, neuroscience*) соединяют изучение человека изнутри, со стороны субъекта, и извне, как объекта, и сочетают гуманитарные и естественные подходы. Современная психология («душеведение») изучает внутренний мир человека — и вместе с тем его органы чувств, способы восприятия, переходя в смежную естественно-научную дисциплину — физиологию.

Точно так же основные философские направления различаются своей первоочередной ориентацией на тот или другой мир. Объективный идеализм (платоновский) и трансцендентальный идеализм (кантовский), а также гуссерлевская феноменология — это философия чистых идей, эйдосов или форм. Эмпиризм, позитивизм, материализм, сциентизм — это философия мира объектов, в их материальной данности и независимости от субъекта. Персонализм, экзистен-

¹ Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании (1994). <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001005/st000.shtml>

² Popper K. Three Worlds. The Tanner Lecture on Human Values. Delivered at The University of Michigan. April 7. 1978. http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/p/popper80.pdf

циализм, разнообразные теологические учения о природе духа и души — это философия мира субъектов. Наконец, трансформы, то есть мир истории и цивилизации, рассматриваются разными направлениями философского историзма и эволюционизма, включая гегельянство, философию эволюции разума Тейяра де Шардена, философию процесса А. Уайтхеда и др.¹

*Концептивизм, *Многомирие*, Мультикосмизм

Ромб и крест: Система четырех миров // Сноб. 28.5.2015.

ЧРЕЗМИРНОСТЬ (transworldness; от выражения «через миры»). Выход за границы нашего мира, принадлежность разным мирам. Чрезмирность может быть философским и художественным устремлением, например у Р. Штейнера и Д. Андреева, Э. По и Г. Гессе. Если М. Цветаева в своих образах чрезмерна, то любимый ею А. Белый — *чрезмирен*. Чрезмирность — не только важнейшая тема научной фантастики и фэнтези (Р. Брэдли, Дж. Толкиен, К. Льюис), но и горизонт современного научного мышления, которое выдвигает многомировые интерпретации физической реальности.

*Многомирие, Мультикосмизм, Негаонтология

¹ Существенные аспекты теории четырех миров излагаются в виде графических схем, так что обращение к публикации-первоисточнику необходимо для ее понимания.

МЫШЛЕНИЕ. ПОЗНАНИЕ

Абдукция
Аугментальность, аугментация
Веселье мысли
Гиперрациональность
Иноумие
Интоксофикация
Катарсис мысли, интеллектуальный катарсис
Микроника
Мыслебытие
Мыследействие
Мыслезнание
Ноовитализм, нооветегация
Ноократия
Ноопозья
Ноофикация
Нооценоз
Нооэры (палеоной, мезоной, кайноной)
Нулевая дисциплина
Обезумливание
Обратимые дисциплины
Персонажное мышление
Референция от обратного
Синтеллект, соразум
Слабое знание
Смысл
Сорванное сознание, сознание без резьбы
Филогнозис

АБДУКЦИЯ (abduction; буквально «похищение», «умыкание»). Логическое «умыкание», перестановка, когда понятие или термин переносятся из одной дисциплинарной области, где они закреплены традицией, в другую, где они остраиваются и вступают в поле гипотетического дискурса. Этот термин был введен Чарлзом Пирсом, по контрасту с «индукцией» и «дедукцией», для обозначения логики гипотетического мышления. Пирс не предложил ясного определения *абдукции*, но очевидно, что, наряду с выведением общего из частного (индукция) и выведением частного из общего (дедукция), существует еще *логическое отношение между равновеликими по объему, но разнопредметными, разнодисциплинарными понятиями*. Это отношение и есть абдукция.

Логика творческого мышления не является ни индуктивной, ни дедуктивной, и, конечно же, она противоположна редукции, которая сводит многообразное к единому. Абдукция — перенос понятия из того ряда, в котором оно закреплено традицией, в другие, множественные, расходящиеся ряды понятий.

Например, название или метод научной дисциплины «похищается» у определенной предметной области и переносится на другую. Так К. Маркс перенес ряд понятий гегелевской диалектики и историософии («единство противоположностей», «отчуждение») на область экономики, товарного производства. Мишель Фуко создал «археологию знания», хотя собственно археология имеет дело с материальной культурой. У науки может похищаться ее предмет, который становится предметом другой науки — так, семиотика отчасти «умыкнула» свой предмет, знаки и знаковые системы, у риторики. Недавно зародившаяся наука «меметика» — эволюционная теория идей, знаков, единиц информации как размножающихся вирусов, репликаторов — в свою очередь похитила свой предмет у семиотики, а свой метод у генетики. Многие области знания связаны именно абдукцией, на основе которой можно производить и новые дисциплинарные области; например, *археософия*, *технософия*, *этнософия* перенимают свои предметные области у археологии, технологии, этнологии.

Абдукция перекликается с метафорой, перенесением значения по сходству, но это не поэтический, а логический прием, основанный на расширительной работе с теоретическим понятием.

*Альтерология, *Аугментальность*, Возможностное, *Гипотетизм*, Концептивизм, Метабола, Потенциация, Софийные дисциплины
Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: Введение в Книгу книг // Континент. № 102. 1999. С. 355–366.

АУГМЕНТАЛЬНОСТЬ, АУГМЕНТАЦИЯ (augmentality, augmentation; англ. augment, расширять + mentality, ментальность, от лат. mens, ум). Расширенная ментальность и сам процесс ее расширения, то есть встраивания новых элементов в понятийный ряд; движение мысли за предел любой логически расчлененной системы.

Понятие «расширенной» или «дополненной» реальности (augmented reality) давно уже вошло в информационный обиход, означая реальность, дополненную виртуальными элементами. Как известно, «гугловы очки» и подобные проектируемые приборы раздвигают рамки чувственно воспринимаемой реальности, включая разнообразные сведения о ней и методах ее конструирования. Не менее важно и расширение *ментальности* и способов ее языкового выражения. Мышление ставит перед собой задачу очертить семантику и грамматику возможных миров. Многомерность новых смысловых пространств требует расширения тех категорий, которые представляются исчерпывающими в логике нашего трехмерного пространства.

Расширение ментальности может быть выражено следующим принципом. Если в нашем мире есть какой-то ряд, состоящий из определенного числа понятий или категорий, то его всегда можно продолжить, прибавить к нему альтернативные, «фантомные» элементы, относящиеся к другим, возможным мирам. Например, существует система искусств, соотносимых с разными органами чувств. Есть визуальные искусства, такие как живопись, скульптура, — и аудиальные искусства, обращенные к слуху, прежде всего музыка. Есть художественные практики, обращенные к чувству обоняния — парфюмерия, и к чувству вкуса — кулинария.

Но нет сколь-нибудь известной и признанной художественной практики, обращенной к чувству осязания. **Тактильное искусство*, или *тач-арт* (touch art), еще не сформировалось как самостоятельный вид художественной деятельности, но у него есть свой творческий потенциал, свое будущее.

Таких примеров аугментации, то есть расширения казалось бы замкнутой системы новыми элементами, можно привести множество. Например, есть известный ряд слов, обозначающих суетную, бесполезную деятельность: «суесловие» — пустое, бессмысленное говорение, «суетмыслие» и «суетмудрие» — пустое, неосновательное умствование, «суетверие» — пустая, неосновательная вера. Но этот ряд не закрыт, его можно дополнять новыми смысловыми элементами. **Суечувствие* — склонность к сильным переживаниям по ничтожным поводам. **Суечислие* — пустая, бессмысленная погоня за количественными показателями, подчинение жизни фетишу чисел.

В понятийной и языковой системе выделяются три времени: прошлое, настоящее, будущее. Метод аугментации позволяет прибавить к этому стандартному ряду еще один элемент, расположенный между настоящим и будущим: **предбудущее*. Это время «пред» — предчувствия, предварения, предвосхищения. Волевые акты направлены, как правило, не в будущее, а в предбудущее. Это зона самого активного, бурно текущего времени: желаний, побуждений, стремлений, намерений. Если будущее — «то, что будет», то предбудущее — «то, чему быть» (или «не быть»). Будущее — это отдаленная перспектива, а предбудущее — порог, перед которым мы стоим, область предельного напряжения всех сил и способностей.

Аугментировать — значит заходить за границу серии, вводить дополнительный элемент (понятие), который продуцирует возможность иной концептуальной развертки всего смыслового поля в пространстве $n+1$ измерений. Это нон-стоп мышления. «Аугментация» отчасти противоположна «аргументации», поскольку аргументы исходят из наличных фактов и категорий, тогда как аугментация достраивает их и создает новые. Аугментация производит «неевклидовы» развертки понятий, которые принадлежат более высокому числу измерений и потому выглядят причудливыми, несообразными в рамках данного концептуального поля, ломают его границы.

Если бы серия была законченной и самодостаточной, это подтверждало бы идею структурализма о том, что каждая система имеет определенный и замкнутый набор взаимозависимых элементов. Постструктурализм расшатал эту методологическую установку, обнаружив безграничную игру элементов в основе всякой структуры, — но эта бесконечность выступила прежде всего в критическом плане, как деконструкция, развинчивание и развенчание системы, чья замкнутость только иллюзорна. Дальнейшее, конструктивное развитие этой интуиции приводит к методу *аугментации*, ментального расширения. Это волновая функция сознания, которая прибавляет к любому дискретному числу понятий еще одно, дополнительное, создавая потенциально открытые ряды понятий, размывающих дискретность системы.

*Абдукция, Возможностное, Гипотетизм, Конструктивная аномалия, *Концептивизм*, Креатема, Креаторика, *Потенциация*, Потенциосфера, *Творчество*, *Умножение сущностей* *Творчество*. С. 103–108.

ВЕСЕЛЬЕ МЫСЛИ (merriment of thinking). Особое свойство «играющего» мышления, творческая избыточность мысли, «брызжущей через край», переходящей границы доказуемого, неожиданной и радостной для самой себя. *Веселье мысли* следует отличать от оптимизма как мировоззрения, возлагающего надежды на позитивные перемены в мире. Веселость определяется не предметом мысли (во что она верит, в чем убеждена сама и убеждает других), а ее внутренним настроением: готовностью принимать непонимаемое и понимать неприемлемое, избегать методологического принуждения, перескакивать через причинно-следственные связи, поступать вопреки рассудку — и вместе с тем действовать ответственно, профессионально, творчески, продуктивно. Веселость несовместима с гордыней всезнания и учительства. По Ф. Шлегелю, средство, которым ирония пользуется в пику глубокомысленной серьезности, есть «веселость, которой она предоставляет парить над самоутверждением всех конечных положений»¹.

Может ли веселость быть свойством мысли, а не только эмоцией или настроением? Веселье мысли — это способность понятий к *метафорическому танцу*, в отличие от напряженного, трудового движения мысли к обязательному выводу и обобщению. Мыслитель-альпинист доказывает, выстраивает, убеждает, настаивает. Мыслитель-акробат сравнивает, переворачивает, открывает обратную сторону вещей. Творческая философия может сочетать в себе серьезность и веселье, альпинистику и акробатику мысли.

Провозглашая свою «веселую науку», Фридрих Ницше имел в виду, что мышление не ищет последних истин и потусторонних тайн, а принимает вещи такими, какими они сами являются, укрепляя этим жизненным опытом «новое здоровье, более крепкое, более умудренное, более цепкое, более отважное, более веселое, чем бывшие до сих пор здоровья» («Веселая наука», фр. 382). Веселье самого Ницше не было здоровым, оно сопровождалось тревогой и больной совестью, потому что он все еще жаждал «последних вещей» и был их учредителем — богоубийцей, «антихристом». Это «опьянение выздоровлением», «временное расслабление от длительной напряженности, озорство духа, благословляющего себя и изготавливающегося к долгим и страшным решениям». Так сам Ницше определяет свою чересчур лихорадочную веселость — с пятнами румянца на изможденных щеках. Это пир после поста и накануне чумы, после веков аскетической богобоязни и перед веком кровавого разгула «сверхчеловеков». Веселье Ницше — между серьезностью идеализма и эйфорией фашизма, между Гегелем и Гитлером.

Возможна ли веселость минус дионисийство, минус тоталитарные вакханалии и карнавалы, минус советское «жить стало веселее»? XX век, пройдя через веселье дионисийского типа в виде массового энтузиазма, экзальтации, ликующих толп, возносящих своих кумиров, созрел для иной, более трезвой и углубленной веселости, которая неотделима от **мудрости*. Мудрость может быть печальной, когда она скорбит о суетности земной жизни, а может быть и веселой, когда она участвует в миротворении, о чем говорит образ Художницы-Премудрости в Книге притчей Соломоновых: «Тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь перед лицом Его во все время, веселясь на земном

¹ Цит. по: Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб., 2001.

кругу Его, и радость моя с сынами человеческими» (8: 30–31). Екклесиаст, поначалу провозгласивший, что «во многой мудрости много печали» (1: 18), по ходу размышлений делает вывод, что нет «ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей» (3: 12).

Речь не только о том, чтобы мысль была весела, но и том, чтобы веселье было мудрым. Веселье без истерики и надрыва, которое не готовит себя к последним решениям и не верит в их возможность, не противопоставляет себя ни метафизике и религии, ни, наоборот, мелкости повседневных дел, а отовсюду извлекает здоровый вкус к жизни, волю не к концу, а к продолжению, любовь не к развязке, а к кульминации. *Веселая мысль* не поддается философскому выпрямлению, не создает системы и не озабочена критикой чужих систем; она радуется неистощимости смыслообразования, множимости смыслов.

* *Живоумие*, Игра, Ирония, Концептивизм, Радостники, *Саморадование творца*, Умножение сущностей, Чувства философские

Веселье мысли, или культура как ритуал // *Постмодернизм*. С. 397–410.

Жизнеутверждающий пессимизм: О книге Екклесиаста // *Религия*. С. 258–269.

ГИПЕРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ (hyperrationality). Сверхрациональность, одержимость правилами, принципами, законами разума, которая переходит в свою противоположность — безумие. Приставка «гипер» в данном случае означает не просто сильную, а чрезмерную степень рациональности (ср. «гипертония», «гипертрофия», «гиперинфляция», «гипербола»). Чрезмерность — такой избыток качества, когда, переступая свою меру, оно переходит в собственную противоположность. Есть бред *иррациональности* и есть бред *гиперрациональности*. Безумие может быть отклонением от разума, а может быть и проявлением его неуклонности. Полоний, как известно, заключает о Гамлете: «Хоть это и безумие, в нем есть свой метод» («Гамлет», акт 2, сцена 2). Верно было бы и обратное: не только у безумия есть свой метод, но абсолютная преданность методу обнаруживает склонность к безумию.

Как заметил Паскаль, «ничто так не согласно с разумом, как его недоверие к себе» («Мысли»). Разум, всецело себе доверяющий, тиранически властвующий над личностью, — это уже безумие. Не только сон, но и *бессонница разума* рождает чудовищ — достаточно вспомнить эксцессы просветительского и научно-материалистического разума в эпохи французской и русской революций. Как известно, обществу в равной мере грозят анархия и тирания — распад государственной власти или, напротив, абсолютизация власти и ее репрессивного аппарата. Точно так же и разум может быть поражен *болезнью анархии* — *экстатического безумия*, или *болезнью тоталитарности* — *доктринального безумия*. Связность и подвижность — два дополнительных свойства живых систем. Когда одно из этих свойств утрачено, разум впадает в безумие либо *бессвязности*, либо *неподвижности*. *Заикленность* разума, сосредоточенность в одной неподвижной точке (*idée fixe*) не менее чреваты безумием, чем *развинченность* разума, блуждающего без руля. Трудно сказать, что безумнее: хаотическая пляска образов, оргия воображения — или «органчик» разума, застрявший на какой-то сверхценной идее?

Этот второй тип безумия можно назвать философским, если исходить из того противопоставления поэзии и философии, которое проводил Платон. Поэзия — мир опьяняющих, призрачных образов; философия — мир вечных, самождественных идей. Если поэтическое безумие подрывает устои строгой морали, за что поэты и подлежат изгнанию из государства, то безумие философов *правит самим государством*, это безумие не анархии, а идеократии. **Ноостаз** (noostasis) — так можно назвать эту форму безумия — противоположен *экстазу*¹.

Если философ Платон был открывателем поэтического безумия («одержимости и неистовства от Муз», Федр, 245а), то открывателем философского безумия можно считать сатирика Дж. Свифта. Великих создателей систем он считает «свихнувшимися, находящимися не в своем уме, поскольку в повседневных своих речах и поступках они совсем не считались с пошлыми предписаниями *непросвещенного* разума... Такими были Эпикур, Диоген, Аполлоний, Лукреций, Парацельс, Декарт...» («Сказка бочки», 1704)². **Ноостаз** узнается по навязчивому стремлению свести все многообразие явлений к одной всеобъясняющей причине. Ученые, исследователи, мыслители, политики, идеологи, преобразователи общества более, чем поэты, музыканты и художники, склонны к этому *методическому* виду безумия, поскольку поиск и обоснование метода входит в существо их профессии.

* *Гипер-*, Иноумие, Интоксофикация, Обезумливание

Ирония. С. 294–296.

Methods of Madness and Madness as a Method // Madness and the Mad in Russian Culture / Ed. by A. Britlinger and I. Vinitsky. Toronto, Buffalo, London: Univ. of Toronto Press, 2007. P. 263–282.

ИНОУМИЕ (othermindedness). Способность разума вбирать свое «иное», переступать границы разумного, не впадая в безумие. Иноумие раздвигает пространство мышления, но не подрывает саму способность мыслить. Это незаменимое орудие разума, его самоотчуждение как высшая ступень самообладания. *Иноумие* следует отличать от политического, идеологического или религиозного *инакомыслия* (диссидентства, ереси), бросающего вызов господствующей государственной или церковной системе воззрений. Иноумие бросает более радикальный вызов самому разуму, порой опасно сближаясь с безумием, но не отождествляясь с ним.

Как известно, обществу в равной мере грозят анархия и тирания — распад государственной власти или, напротив, абсолютизация власти и ее репрессивного аппарата. Точно так же и разум, как система основных понятий и функций мышления, может быть поражен болезнью *анархии* — *экстатического безумия*, или болезнью *тоталитарности* — *доктринального безумия*. Связность и подвижность — два дополнительных свойства живых систем, в том числе разума. Когда одно из этих свойств утрачено, разум впадает в безумие либо *бессвязности*, либо *неподвижности*. *Заикленность* разума, сосредоточенность в одной неподвижной точке (idée fixe) не менее чревата безумием, чем *развинченность* разума, блуждающего без руля.

¹ От греч. noos — ум, разум, и sta — корень (из histanai, «ставить неподвижно»).

² *Свифт Дж.* Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М.: Худож. лит., 1976. С. 122–123.

В стихотворении А. Пушкина «Не дай мне Бог сойти с ума...» выразились два сильнейших порыва творческого разума. С одной стороны, разуму тесно в собственных пределах, он ищет безумия как праздника освобождения:

Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

С другой стороны, разум страшится безумия как пущей неволи:

Да вот беда: сойдешь с ума
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут...

Расстаться с разумом — но не навсегда, *сходить с ума в пределах самого разума*, отпускать его далеко — но держать под присмотром: таков спасительный исход, предлагаемый пушкинской «диалектикой» творческого безумия.

Отсюда следует, что разум должен знать *свое иное*. Если безумие — это взрыв разума, то *иноумие* — это *управляемое* безумие, как бывает управляемый взрыв. Великим мыслителям и поэтам свойственно именно иноумие — способность преступать границы здравого смысла, при этом осторожно обходя пропасть смыслоутраты. Если это управляемый взрыв, он не должен отрывать руки самому взрывнику, как в тех случаях, когда творческое безумие переходило в клиническое (Гельдерлин, Ницше).

Если поэтическая *заумь* есть способ остранения языка, то *иноумие* есть способ *остранения мысли*, одновременного ее подстегивания и обуздания. Иноумие — это искусство мыслить опасно, игра разума на границе с безумием, игра, в которой самому мыслителю не всегда дано отличать поражение от победы.

**Веселье мысли, Гиперрациональность, Живоумие, Обезумливание*

Методы безумия и безумие метода // *Знак*. С. 512–540.

Methods of Madness and Madness as a Method // *Madness and the Mad in Russian Culture* / Ed. by A. Britlinger and I. Vinitsky. Toronto, Buffalo, London: Univ. of Toronto Press, 2007.

P. 263–282.

ИНТОКСОФИКАЦИЯ (intoxophication; интоксикация + софия). Отравление мудростью, страсть к мудрствованию, склонность философствовать по любому поводу. Самые заурядные предметы обрастают высоким умозрением, вызывают вопросы метафизического порядка, напрашиваются на глобальные обобщения.

Литературный пример интоксофикации — магистр Коврин, герой рассказа А. Чехова «Черный монах»: «мысли, которые он вычитывал из книги, не удовлетворяли его. Ему хотелось чего-то гигантского, необъятного, поражающего». Таковы и глубокомысленные герои А. Платонова и Д. Пригова, которых волнуют метафизические вопросы. «Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. “Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Вощев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб”» (Платонов, «Котлован»). По случаю женитьбы

своего приятеля Д. А. Пригов советует ему законно оформить узы брака, приводя метафизический аргумент — пример интоксофикации, в данном случае пародийно обыгранной: «Такой порядок оформленья / Любви материи живой / В нем дышит принцип мировой: / Что не оформлено — то тленье». Интоксофикация порой свойственна юным или не слишком образованным людям — это признак интеллектуальной незрелости, которая еще не прошла путь «восхождения от абстрактного к конкретному» (Гегель).

*Всеко и Всечто, *Гиперрациональность, Сорванное сознание, Фольксфия*

Лирика сорванного сознания: народное любомудрие у Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов: Сб. статей и материалов. М.: НЛО, 2010. С. 252–263.

КАТАРСИС МЫСЛИ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАТАРСИС (catharsis of thought, intellectual catharsis). Параллельное развитие противоположных мыслей, идей, мировоззрений, которые в точке слияния производят катартический эффект, освобождая мышление от односторонностей.

Понятие катарсиса как очищения от аффектов страха и сострадания выдвинуто Аристотелем в его теории трагедии («Поэтика», VI). Вызывая страх перед роком и сострадание к его жертвам, трагедия позволяет возвыситься над этой полярированностью и освободиться от власти эмоций. Сходным образом философская мысль, развертывая ряд противоречивых, антиномических суждений, позволяет достичь интеллектуального катарсиса. Амбивалентность свойственна самому процессу мышления, которое развертывается в пространстве понятийных оппозиций, так что одна мысль приходит сразу в форме нескольких альтернативных мыслей. Мысль об истине приходит вместе с мыслью о лжи, мысль о грехе — вместе с мыслью о раскаянии. Этим объясняется постоянное метание мыслителя в кругу противоположных мыслей, так что, например, мысль Достоевского одновременно движется в сторону самого дерзкого кощунства и самой иступленной веры; мысль Маркса — в сторону детерминистского объяснения всех исторических процессов и их революционного ускорения; мысль Герцена — в сторону проклятия и благословения крестьянской общины... Мышление охватывает несколько расходящихся мыслей, находясь как бы в суперпозиции по отношению к ним как конкретным и дискретным своим воплощениям. Там, где есть мысль, есть место и для *противомыслия* (counterthought).

Обычно считается, что задача пишущего — внушить читателю свое представление о мире, вызвать согласие с собой. Однако на художественном или философском метауровне мышления может возникать иная задача: вызвать эффект *согласия-несогласия*, мыслительный катарсис. «Я пишу не для того, чтобы быть правой», — заметила Гертруда Стайн. Широко мыслящий автор хочет освободить читателя от гипноза той идеи, которую пытается до него донести. Цель катартического мышления, образцы которого можно найти в полифонических романах Достоевского или в амбивалентной публицистике В. Розанова, — раздвинуть горизонт мыслимого, чувствуемого, духовно постигаемого. Читатель приходит к пониманию, что можно думать и так, и иначе, что *мышление содержит внутри себя противомыслие*, и этим раздвигается сама сфера мыслимого. Собственно, очищающим моментом в таком восприятии

и становится «мыслимость», которая ни к какой определенной мысли не может быть сведена, потому что любая определенная мысль предполагает свое возможное отрицание или альтернативу.

Редкие писатели или мыслители — такие как Ф. Ницше, В. Розанов или П. Вальери — отваживаются открыто противоречить себе. Однако противомыслие часто образует незадекларированный или бессознательный фон мысли. У крупнейших мыслителей можно найти такие противомыслия, которые раскалывают их систему и становятся объектом критики. У Гегеля Абсолютная Идея, непрерывно саморазвиваясь, вместе с тем приходит к полному самопознанию в системе самого Гегеля. К. Маркс доказывает, что все исторические движения определяются материальным базисом — и вместе с тем, вопреки своему экономическому детерминизму, призывает к идейному объединению рабочих и к коммунистической революции. М. Бахтин утверждает, что в полифоническом романе голоса персонажей звучат независимо от воли автора — и вместе с тем проистекают из его целостного художественного замысла. Именно те «противомыслия», которые наиболее уязвимы для рациональной критики, и оказываются «дуговой растяжкой» теории, способной производить катарсическое, очищающее воздействие.

*Альтерология, Амби-, Контраформатив, Противоирония, Реверсивность
Творчество. С. 437.

МИКРОНИКА (micronics; от греч. mikros, малый). Метадисциплина, изучающая формы и функции малого в природе, искусстве, культуре, обществе, экономике и т.д.

В ряде дисциплин выделяются разделы, исследующие особые свойства микрообъектов в данной предметной области. Например, *квантовая физика* рассматривает особые законы движения и взаимодействия микрочастиц, отличные от законов макромира. *Микроэлектроника* занимается разработкой приборов и устройств в микроминиатюрном исполнении. Особенно далеко в этом направлении продвинулась *нанотехнология*, которая работает с объектами порядка одной миллиардной метра, подчиненными законам квантовой механики. *Микробиология* исследует мельчайшие, преимущественно одноклеточные организмы — наблюдаемые только в микроскоп микробы, бактерии, вирусы, водоросли, амёбы, инфузории. *Микросоциология* изучает отношения в малых группах, таких как семья, производственный отдел, бригада, кафедра, в качестве модели социальных отношений. *Микроэкономика* рассматривает деятельность базовых экономических субъектов, предприятий и фирм.

Не только в естественных и общественных, но и в гуманитарных науках размер объекта имеет первостепенное значение. Некоторые культуры, например японская, создают особую эстетику и поэтику малых форм, которая требует концентрации на мельчайших, тончайших проявлениях прекрасного и их кратчайшем выражении (жанры лирической миниатюры — танка, хокку). Дзен-буддизм учит сосредоточению на мельчайших событиях, которые ускользают от рационального понимания в системе общих, «больших» категорий.

Категория малого играет огромную роль во многих религиях. Например, христианство требует брать пример с «малых сих» — умаленных, кротких, детские простодушных, ибо «их есть царствие небесное». «Горчиное зерно» и «игольное

ушко» — образы предельной малости — выступают в притчах о царстве небесном. Здесь действуют парадоксы, законы обратной логики: наименьшее становится наибольшим, и вера размером в горчичное зерно может двигать горы. Николай Кузанский учил о совпадении абсолютного максимума и абсолютного минимума. Иными словами, про Абсолют можно в равной степени сказать, что он предельно велик и предельно мал.

Одно из центральных понятий хасидизма — «искра», как открытый человеку минимальный размер Божьего пребывания в мире. Согласно Каббале, при творении мира божественный свет распался на мельчайшие искры, которые спустились в глубины нижних миров, чтобы заронить в оболочки земных вещей зародыши влечения к высшим мирам. Искры святости пребывают в самых ничтожных, повседневных вещах, в куске хлеба, глотке воды. «Одни целыми днями учатся и молятся, держась подальше от низких материй, чтобы достичь святости, другие думают не о себе, но только о том, чтобы возратить священные искры, погребенные во всех вещах, обратно Богу, и они озабочены обыкновенными вещами...»¹

В русской литературе XIX века выдвигаются образы «маленьких людей», которые несут в себе социально-гуманистическое заострение христианской темы — кротости, униженности, бесправности. Малость может проявляться не только в этике смирения, но и в эстетике подробностей. Так, Б. Пастернак — мастер *поэтической микроники*, доходящий до пределов квантования предметного мира: световые вспышки мельчайших долей повседневности — в каплях и льдинках, в локтях и ветках, в ключицах и уключинах. Поэзия — это «щелканье сдавленных льдинок», сад — «забрызганный, закапанный миллионом синих слез», лес — «полон мерцаньем кропотливым, как под щипцами у часовщика». Этика и поэтика малости составляют микронику художественной культуры. Уже в эпоху постмодерна у Делеза и Гваттари возникает понятие «малой литературы», которая противостоит большому канонам.

Все эти «микро» внутри совершенно разных дисциплин объединяются стратегией понимания малых объектов. Микроника — быстро растущая метадисциплина, что обусловлено по крайней мере двумя факторами. Во-первых, растет глубина человеческого познания и острота зрения, вооруженного сложнейшими приборами и проникающего в область мельчайших частиц, структурных оснований материи. Разрабатывается технология работы с этими частицами, построения из них микро- и макро-объектов с заданными свойствами. Во-вторых, происходит постепенная миниатюризация всех мировых объектов в процессе ускоренного расширения вселенной, роста цивилизации, накопления объемов информации и т.д. Как история человечества, так и история вселенной есть процесс непрерывного *релятивистского уменьшения* составляющих их элементов. По мере того как мир становится объемнее, каждая вещь в нем умалывается, переходит в разряд «микро». Такова онтологическая судьба любой материальной или идеальной единичности в расширяющейся вселенной. Об этом законе аллегорически поведал И. В. Гете в своей притче «Новая Мелузина» о красавице-принцессе из рода карликов: «Так как ничто в мире не вечно и все некогда великое обречено убавиться и умалиться,

¹ Buber M. Tales of the Hasidim: The Later Masters. Schocken Books, Inc., 1975. P. 53–54.

то и мы со времен сотворения мира все умалеемся и убавляемся в росте, больше же всех прочих — королевская семья, первой подвергшаяся этой участи из-за чистоты своей крови»¹.

Такая же судьба — умаление — постигает и метафизические категории самых чистых, «королевских» кровей: «идея», «субстанция», «причинность». Мы живем под знаком «красного смещения», в расширяющемся космосе и усложняющейся культуре, релятивистским следствием чего является миниатюризация каждого предмета и понятия. Возникает теоретическая потребность в *микрометафизике, *микроспихологии, микроэстетике, микроэтике для того, чтобы познать этот меняющийся масштаб личностей и вещей в непрестанно растущем мире.

Т. Адорно обозначил этот сдвиг масштаба как переход от метафизики к микрологии: «Эпоха Просвещения не оставляет практически ничего от метафизического содержания истины... То, что отступает, становится меньше и меньше, как в гетевской притче о ларце Новой Мелузины, обозначающем предел. Отступающее становится все менее и менее значительным; вот почему в критике познания, как и в философии истории, метафизика переходит в микрологию. Микрология — место, где метафизика находит убежище от тотальности»².

Микроника — это не только метадисциплина, но и научная и художественная стратегия противостояния тоталитаризму, который мыслит мегавеличинами и подчиняет индивидов «воле целого» (государства, народа, партии). Малое — предмет не только исследования, но и экзистенциального интереса, вовлеченности, сочувствия, любви, умиления (как особого чувства, которое малое вызывает в нас своим внутренним достоинством и значимостью, силой самостояния). Это не столько политическая позиция, сколько растущее самосознание личности в эпоху новых информационных технологий и средств коммуникации. Дело не только в релятивистском умалении каждой вещи, но и в более пристальном зрении метафизики, которая начинает различать детали мироздания, прежде скрытые за общими категориями.

*Альтерология, Всеразличие, Индексальное письмо, Интенсивность, Микрожанры, Микрометафизика, Микроспихология, Многомирие, Реалогия, Самое-самое, Тэизм
Возможное. С. 219–229.

Знак. С. 681–699.

Humanities. P. 193–203.

Лит.: Schumacher E. F. Small Is Beautiful: Economics As If People Mattered. Harper Colins, 1989; Amato J. A. Dust: A History of the Small and the Invisible. University of California Press, Berkeley et al., 2000.

МЫСЛЕБЫТИЕ (thinking-being). Мышление как форма бытия, как физически ощутимая реальность всех воплощенных процессов мысли (инфосфера, техносфера, семиосфера). В искусственной среде нет ничего, что первоначально не содержалось бы в клетках мозга, в активности нейронов, в тех понятиях и образах, которыми оперирует мышление. Такова не только виртуальная реаль-

¹ Гете И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся / Пер. С. Ошерова // И.В. Гете. Собр. соч. в 10 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 8. С. 321.

² Adorno T. W. Negative Dialectics / Transl. by E. B. Ashton. New York: Continuum, 1992. P. 407.

ность, построенная сознанием в формах чувственно воспринимаемого бытия, но и по сути вся культура, вся ноосфера (сфера разума): это мысль, становящаяся бытием, не менее достоверным и объективным, чем природа, материальный мир. Любой артефакт, элемент цивилизации, от предметов мебели до научных приборов, может рассматриваться как феномен мыслибытия, как материальное воплощение мысли.

*Вир, Виреальное, Мыслезнание, Ноофикация, Нооценоз

МЫСЛЕДЕЙСТВИЕ (thought-action). Действие мысли как самостоятельный поступок, как форма творческого выражения личности. Мыследействие может выражаться в речи, на письме, в поступке или не иметь внешнего выражения, но оно создает собственную реальность как элемент ноосферы. Мыследействие — это такая мысль, которую нельзя «передумать»: она уже имеет место в мироздании.

Мысль может иметь последствия для бытия независимо от практического ее воплощения. Мыследействие может рассматриваться в разных планах: экзистенциальном, информационном, материальном. Так, декартовское «Cogito ergo sum» утверждает сам акт мышления как прямое доказательство бытия мыслящего. Мысль как информационный процесс может воздействовать на процессы создания и распространения информации во вселенной даже независимо от факта ее передачи другим существам. Мысль может возбуждать нейроны и оказывать воздействие на энергетические и химические процессы в мозге, передаваться через интерфейс «мозг-компьютер» в электронные сети и становиться непосредственной производительной силой и коммуникативной реальностью, что создает проблемы *когнитивной самоцензуры* и *мыследержания* в церебрально открытом обществе (см. *нейросоциум).

Возможно и воздействие мысли на микроструктуру мозговых клеток и на соответствующие квантовые флуктуации. Согласно гипотезам, связывающим сознание и физическую реальность, такое мыследействие может иметь последствия космических масштабов, например привести к зарождению параллельных миров.

Как бы ни различались научные объяснения и оценки мыслительных процессов, несомненно, что они обладают своей собственной реальностью, энергией, информационной ценностью. Следует отличать «мыследействие» от **мыслибытия* как совокупности практически осуществленных и материально закрепленных результатов мысли.

*Действия философские, Метапрактика, Многомирие, Мыслибытие, Мыслительство, Нейрокосмос, Нейросоциум

Коты, смыслы и вселенные: 0 путях объединения гуманитарных и естественных наук // Звезда. 2016. № 5. С. 249–259.

МЫСЛЕЗНАНИЕ (thinknowledge; think + knowledge). Эпистемологическая категория, указывающая на соотношение мышления и знания как двух форм интеллектуальной деятельности и на способы их взаимопревращения.

Обычно наука определяется как накопление и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности, как вид познавательной деятельности,

направленной на выработку объективных и системных знаний о мире. Основной задачей научной и академической работы считается исследование (research): «тщательное, систематическое, терпеливое изучение и изыскание в какой-либо области знания, предпринятое в целях открытия или установления фактов или принципов» (Webster's Dictionary). Исследование — важная часть научного труда, но далеко не единственная. При таком подходе упускается роль *мышления*. Служит ли оно средством приобретения знаний или, напротив, знание представляет лишь одну из ступеней мышления?

«Знать» — значит иметь в уме верное понятие или сведение о каком-то предмете. «Мыслить» — значит совершать в уме действия с понятиями, сочетать их, разъединять, соединять на новом уровне. *Мышление* — это динамическая работа с теми понятиями, которые статично представлены в форме знания. Мышление не сводится к познанию, но создает такие понятия, которые не соответствуют ничему в действительности; наоборот, действительность может быть постепенно приведена в соответствие с ними. Так возникает все, что человек «от себя» привносит в бытие, преобразая его. Мышление содержит в себе ту прибавку к знанию, которая и создает вторую действительность, рукотворный и мыслетворный мир истории и культуры, включая идеи и ценности, науку и технику.

Таким образом, скорее знание можно считать моментом мышления, а не наоборот. Ведь даже естественные науки, хотя они и представляют собой знание о природе, отсутствуют в самой природе: знание не содержится в предметах знания, а прибавляется к ним мышлением. Мышление пользуется знанием, чтобы, *верно отражая мир, преобразать его*. Знание можно определить как *адаптивный механизм мышления*, способ его выживания в практическом взаимодействии с окружающим миром. Знание — это адаптивный механизм, посредством которого мышление координирует себя со средой, для того чтобы тем вернее ее трансформировать, *адаптировать к себе*. Все, что мы называем историей и культурой, и есть результат такой адаптации *действительности к мышлению*. В любом фрагменте искусственной среды, от избушки до небоскреба, от автомобиля до книги, можно увидеть след мышления, систему овеществленных или означенных понятий (**мыслебытие*).

С философской точки зрения мышление и знание соотносятся примерно так же, как понятия энергии и массы в физике. Когда мышление останавливается, застывает, обретает инертную массу покоя, оно становится знанием как неким «идеальным телом», отражающим свойства своего объекта, совокупность фактов. Напротив, распределенное знание переходит в энергию мысли, которая разрывает устойчивые, «познанные» связи фактов, по-новому сочетает понятия, которые ничему не соответствуют вне мышления, но которые могут найти себе последующее воплощение в искусстве, практике, технике и тем самым раздвинуть границы самой действительности. По словам А. Эйнштейна, «только смелое размышление, а не накопление фактов может вести нас вперед»¹.

Знание — это овеществленное, *прошлое* мышление, так же как фабрики, станки и другие средства производства есть прошлый труд. Всегда существует опасность, что в научно-образовательных, академических учреждениях, профессионально

¹ Эйнштейн А. Письмо Мишель Бессо, 8 октября 1952 г.

заняты выработкой и распространением знаний, запас прошлой мысли начнет преобладать над энергией живого, «незнающего», творящего мышления. Ограничивать научную или академическую деятельность сферой *исследования*, то есть накопления и умножения знаний, — значит упускать то целое, частью которого является знание. Правильнее было бы определить задачу научных и академических учреждений не как исследование, а как *мыслезнание, интеллектуальную деятельность в форме познания и мышления*, то есть (1) установление наличных фактов и принципов и (2) производство новых понятий и идей, которые могут определять развитие цивилизации. Знание есть *информация* о наличных фактах и связях мироздания; мышление — *трансформация* этих связей, создание новых смыслов и представлений, которые в свою очередь могут быть претворены в предметы или свойства окружающего мира.

*Конструкционизм, Концептивизм, Модальные чувства и действия, Мыслесбытие, Мыслесдействие, Ноофикация, Нооценоз, Проективность, Смысл, Трансформация, Умножение существностей

Знак. С. 33–51.

Transformative. P. 193–203.

НООВИТАЛИЗМ, НООВЕГЕТАЦИЯ (noovitalism, noovegetation; noo, разум + vita, жизнь). Представление о том, что знаковые и рефлексивные процессы свойственны всем формам живого, включая растения; следовательно, коллективный искусственный разум, возникающий в нейро-электронных сетях, может быть в каком-то отношении близок растительному царству. Современные *биосемиотика* и *биогерменевтика* рассматривают жизнь и живые организмы как знаковые процессы и отношения, способные к самореференции и самоорганизации (аутопоэзис)¹. В каждой клетке и в организме в целом постоянно происходят чтение, записывание, перезаписывание, создание новых текстов и бесконечный «разговор» на языке генетического кода макромолекул (нуклеиновых кислот и белков) и их взаимодействий.

Такой биосферно-семиосферный подход позволяет по-новому рассмотреть возможности искусственного интеллекта. Он может оказаться более родственным естественному интеллекту, чем казалось раньше, когда последний ограничивался только человеческим разумом. Знаковые процессы в квантовых компьютерах и электронных сетях могут обнаружить сходство с *вегетацией* — на несравненно более высоком уровне скоростной обработки и передачи информации. Машинное мышление может быть ближе вегетативному мышлению, не-тоталитарному и не-инструментальному, поскольку оно не укоренено в эгоцентрическом субъекте².

Как полагает Ю. Лотман, «если человеку удастся создать полноценный искусственный разум, то мы менее всего заинтересованы, чтобы этот разум был точной копией человеческого. Определение Тьюринга, согласно которому разумным следует признать такое устройство, при сколь угодно длительном обще-

¹ Основоположники биосемиотики — биолог Якоб фон Икскуль (Jakob von Uexküll, 1864–1944) и лингвист, семиотик и этнограф Томас Себек (Thomas Sebeok, 1920–2001), автор самого термина «биосемиотика». Теория жизни как аутопоэзиса развита чилийскими учеными У. Матураной и Ф. Варелой в начале 1970-х гг.

² Marder M. Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life. New York: Columbia University Press, 2013.

нии с которым мы не отличим его от человека, психологически понятно в своем антропоцентризме, но теоретически малоубедительно»¹.

Можно предположить, что техника будущего — это своего рода *умная вегетация*, пронизывающая всю вселенную и организующая в ней смысловые процессы совершенно иначе, чем в животнo-человеческом мире, а именно — в коммуникативно-кооперативном модусе, без кровавых битв и деструктивного эгоизма (группового и индивидуального). Не исключено, что смысл эволюционного процесса, ведущего от животных к человеку, — возвращение, уже через технику как человеческое творение, к жизни как мирной вегетации смыслов. Для их производства не нужны эксцессы индивидуалистического сознания, которое Достоевский в образе подпольного человека уподобил болезни.

«Приятно жить счастливому растению — / Оно на воздухе играет, как дитя, / А мы ногой безумной оторвались, / Бежим туда-сюда, / А счастья нет как нет» — так у Н. Заболоцкого говорит мыслящий волк, выражая зависть животных и людей к растительному миру (поэма «Безумный волк», 1931). Машину будущего тоже можно представить как «счастливое растение», связанное корнями-сетями со вселенской жизнью разума.

Следуя логике древних мифов, дерево познания добра и зла в Библии — это не просто растение, а растение-змей, в котором вегетативная символика сопряжена с бестиальной. А дерево жизни имеет чисто растительную природу, что может рассматриваться как символ грядущего развития человечества в направлении мирных форм разума. Биосемиотические процессы как раз и указывают на эту связь между жизнью и разумом в их ненасильственных, недеструктивных формах. Машинное мышление может оказаться гораздо ближе к «растительному», чем к человеческому, с его агрессивным заострением оппозиций. Быть может, призвание человека — именно в том, чтобы вернуться к Древу Жизни, то есть стать частью мыслительных систем, близких органической основе жизни. Отсюда все более популярная идея «органической компьютерации» (*organic computation*), воссоздающей сетевую структуру растительного царства. Человек, достигнув интеллектуальных высот в царстве животных, направляет силу своего ума на возвращение разума в русло живого смыслообмена, ноо вегетации.

*Виталистика, Нейрокосмос, Нейросоциум, Нооценоз, Синтеллект, Техновитализм, Юзеризм

НООКРАТИЯ (нооcрасу; греч. noos, разум, kratos, правление). Форма политического устройства под началом всепланетного разума, действующего в коммуникативных сетях; совокупная сила естественного (биологически воплощенного) и искусственного (технического) разума как способ самоуправления глобальной цивилизации. Эта форма власти наиболее соответствует политике *ноосферы*, когда творческая мысль, а не социальное происхождение, богатство или мнение большинства является регулятором политической власти. Ноократия может прийти на смену другим формам управления: аристократии, демократии, тирании,

¹ Лотман Ю. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Лотман Ю. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 33.

автократии, олигархии, плутократии, тоталитарной идеократии (коммунизм и фашизм) и т.д.

*Видеократия, Нейросоциум, Нооценоз, Ноозеры, Синтеллект (*соразум*)

НООПОЭЙЯ (греч. noos, разум + poiein, творить). Поэтичность разума, каким он выступает в научном мышлении.

Последователи Ж.-Ж. Руссо, М. Хайдеггера, Р. Генона и «Великой Традиции» обвиняют науку и технику в том, что они разрушают очарование поэзии, золотого детства человечества, еще слитого с природой. Наука якобы отчуждает человека от бытия, противопоставляет субъект и объект, создает холодное, обездушенное пространство вокруг личности. Такие обвинения имели резон в индустриальном обществе, когда в науке господствовали позитивизм, материализм, редукционизм. Но наука изменилась, уйдя далеко от этих «измов» и вобрав в себя дерзость поэтического разума, открывающего парадоксальную, взрывную, пульсирующую вселенную, которая больше похожа на стихотворение или коан, чем на аналитическое суждение. Чем выше уровень развития науки и техники, тем глубже их поэтичность. А. Эйнштейн полагал, что «в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая музыка требуют однородного мыслительного процесса»¹.

Поэтична квантовая физика, представляющая элементарный микрообъект и частицей, и волной. Согласно теории квантовой запутанности, даже объекты, разнесенные на огромные расстояния, оказываются взаимозависимыми (нелокальными), и квантовое состояние передается от одного к другому вне законов пространства и времени. Это глубоко поэтическая идея, нарушающая логику эмпирического рассудка. Есть своя поэзия в теории относительности: во всяком кусочке материи можно видеть огромность заложенной в нем энергии расщепления атомов — метафорический взгляд. Столь же поэтично и современное понимание информационной природы материи. «Вселенная, в сущности, является гигантским компьютером, в котором каждый атом и каждая элементарная частица содержат биты информации...» (Сет Ллойд)². Представление о том, что Вселенная и все составляющие ее частицы непрерывно производят вычисление на квантовом уровне, — одна из самых головокружительных научно-поэтических метафор.

Современная наука оперирует рядом фундаментальных метафор: Вселенная — компьютер, компьютер — мозг, Интернет — нервная система, вирусы инфекционные — и компьютерные, планета — живой организм, гены — язык, жизнь — процесс письма... Оттого, что смысл этих метафор подтверждается наукой или реализуется техникой, они не становятся менее поэтичными. Так поэзия входит в состав научного мировоззрения и становится движущей силой новых открытий.

При этом наука остается наукой в рамках своих познавательных процедур: наблюдений, описаний, экспериментов, количественных измерений, фиксации воспроизводимых результатов и т.д. Но на самом высоком уровне обобщений

¹ <http://www.orator.ru/einstein.html>

² Ллойд С. Программируя Вселенную: Квантовый компьютер и будущее науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 7.

наука все больше смыкается с поэзией. Сами ученые поражаются красоте и элегантности формул, которыми описываются законы мироздания, — очевидно, что это не только физические, но и эстетические законы. Физик Брайан Грин назвал свою известную книгу, посвященную суперструнам и поискам «окончательной» научной теории, «Элегантная вселенная» (1999). Собственно, большая наука и есть самая масштабная, эпическая поэзия нашего времени.

*Ноофикация, Нооценоз, -Поэзия, *Сверхпоэзия*, Технопоэзия
Поэзия. С. 442–445.

НООФИКАЦИЯ (noofication; греч. noos, ум, разум). Интеллектуализация (образумливание) бытия в результате культурных и технических процессов и распространения ноосферы во Вселенной. Ноофикация происходит во всех актах, как элементарно-бытовых, так и интегративно-цивилизационных, претворяющих мысль в бытие, вносящих порядок и смысл в материальный мир. В ходе истории ускоряются темпы ноофикации, что обусловлено развитием информационных и трансформационных технологий и усилением роли интеллектуального творчества, изобретательства в производственных процессах.

*Мыслебытие, Мыслезнание, Ноократия, Нооценоз, Синтеллект, Творчество, Трансформация

НООЦЕНОЗ (noocenosis; от греч. noos, ум и koinos, общий; ср. биоценоз). Совокупность идей, образов, ментальных и информационных полей, заполняющих данную материальную среду; характер их отношений друг с другом и с этой средой, процесс их взаимодействия, циркуляции. В системе научных понятий *нооценоз* так *относится к ноосфере*, как *биоценоз* — к *биосфере*. Каждая культура и субкультура, профессиональная среда, социальная группа развивают свой нооценоз, свой способ обмена идей, выживания и распространения в ноосфере.

Понятие нооценоза побуждает по-новому осмыслить цели и методы интеллектуального и, в частности, философского творчества как *идеоархитектуры* (ideo-architecture) и *лингвоархитектуры* (linguo-architecture) — строительства ментально-вербальной среды. Это иной тип деятельности, чем создание отдельного произведения (литературного, художественного, философского). Произведение дискретно, а нооценоз непрерывен. Если рассматривать архитектуру широко, как конструирование искусственной среды обитания, то «произведение» (или «текст») как единица творчества соответствует не объему среды, а лишь обитающему в ней организму (в плане биоценоза) или отдельному зданию (в плане архитектуры). Современная интеллектуальная практика тяготеет к созданию нооценоза — целостной, сплошной, континуальной среды обитания, по-разному сочетающей многие архитектурные элементы: произведения, идеи, проекты, теории, образы, интерпретации.

Философские учения прошлого представляются «доурбанистической» фазой в истории мысли, напоминают одиноко возвышающиеся замки: крепость Декарта, обнесенный рвом замок Канта, циклопическое сооружение Гегеля... Мыслители строили отдельные здания, изящные, величественные — или же, в борьбе учений, разрушали одни здания, чтобы на их месте возводить другие, более прочные.

Однако на рубеже XX–XXI веков меняется сам тип архитектурного сознания в философии, сама архитектура мышления. Уже нельзя ограничиваться построением отдельных зданий (учений, систем) — нужно создавать нооценоз, интеллектуальную среду обитания, логические объемы и переходы, которые часто остаются незамеченными, потому что мы живем в них, как горожане — в многоплановой искусственной среде. Здания, построенные раньше, не утрачивают своего значения и вместимости, но они соединяются множеством тоннелей, подвесных мостов, разноуровневых эстакад и развязок — и уже не выглядят столь пугающе одинокими и величественными, как раньше.

Концепция произведения как отдельной самодостаточной вещи, артефакта соотносится с категорией *авторства*, индивида. Во всемирной сети растет новая система понятий, где вместо дискретного текста или произведения фигурируют текстуальные/информационные поля, «паутины». А вместо авторов — доноры *ноосистем* (noosystems), участники нооценоза, партнеры по созданию ноосреды. Произведение перерастает своего автора и становится полем, сетью. «Произведение» как законченный продукт выступает уже как репрессивная категория разума, желающего держать все созданное под своим контролем. *Ноосферный автор* (noospheric author) видит свою задачу в создании, поддержании, распространении концептуальной среды, уходящей за горизонт, необозримой для него самого. Ему мало произведения как достигнутого результата — и мало самого себя как автора. У него может быть много имен, аватаров, идентичностей, рассеянных в просторах сети. У него нет установки на то, чтобы собрать их все воедино и сказать: «Это — я» (*гиперавторство).

Идеал «произведения» господствовал в культуре, когда емкость информационных средств была крайне мала по сравнению с объемом материальной среды. Рукописи, книги, библиотеки в своей совокупности занимали ничтожное место в мире, и разум был озабочен обобщением, сокращением, редукцией мировых явлений, приспособляя их к крайне ограниченным средствам хранения и передачи информации. Интернет — это гигантский переворот в емкостях материального и информационного миров, открывающий новые возможности для ускоренного становления нооценоза. Создаются бесконечно емкие носители информации — электронные и квантовые — и соответственно меняются законы интеллектуального творчества: от создания законченного продукта — к созданию интеллектуальной среды обитания.

*Гиперавторство, Интелнет, Мегатекст, Нейрокосмос, Нейросоциум, Нетософия, Ноократия, Нооэры, Прото-, Синтеллект, Технософия

Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: Введение в Книгу книг // Континент. № 102. 1999. С. 355–366.

НООЭРЫ: ПАЛЕОНОЙ, МЕЗОНОЙ, КАЙНОНОЙ (noo-eras: paleonoic era; от греч. palaios, древний + noos, разум; mesonoic era, от греч. mesos, средний, промежуточный; cenonoic, или kainonoic era, от греч. kainos, новый). Три эры развития разума и ноосферы на планете Земля.

В геологической истории Земли выделяются три эры (или «эратемы»): *палеозой*, *мезозой* и *кайнозой* (от греч. zoe — жизнь). Сходная периодизация требуется

и для истории ноосферы — разума, осваивающего планету и выходящего за ее пределы. Соответственно выделяются палеоний, мезоний и кайноий.

Палеоний — эра древних форм разума и примитивных орудий труда, до возникновения письменности и первых больших цивилизаций. Данные антропогенеза постоянно меняются и уточняются, но условно можно считать, что эра палеоний длилась примерно 200 тысяч лет, считая от возникновения в Африке человека современного типа, *Homo sapiens* — и до конца периода палеолита на средиземноморском побережье (4-е тысячелетие до нашей эры).

Мезоний — эра цивилизационных форм разума, воплощавшихся в письменности и памятниках культуры. Мезоний длился примерно 6 тысяч лет, от первых больших цивилизаций — египетской, шумерской, вавилонской, возникших в 4-м тысячелетии до нашей эры, — до XX века н.э., когда создаются предпосылки для перехода к третьей эре в истории разума. Мезоний — эра подвижного равновесия биосферных и ноосферных начал в человеке, при ускоренном развитии ноосферного. Темпы культурной и технической эволюции начинают резко опережать биологическую эволюцию человека.

Кайноий — эра искусственных форм разума, в самом начале которой мы живем. На рубеже мезоний и кайноий, то есть в конце XX века, появляются первые искусственные формы мыслящего вещества, разум выходит из замкнутого пространства «черепной коробки» и создает вычислительные машины, информационные системы и другие потенциально самодействующие формы разума. В начале эпохи кайноий человек, единственное мыслящее существо в природе, впервые начинает ставить себя, хотя бы гипотетически, проективно, в ряд других, внебиологических форм разума: гуманоидов, киборгов (киберорганизмов).

* Ангелойд, Интелнет, Нооценоз, Синтеллект, Техногуманизм, Техногуманистика, Технософия

НУЛЕВАЯ ДИСЦИПЛИНА (zero discipline). Тип мышления, не привязанный к определенной дисциплине, но имеющий свою логику и критерии познания. Нулевая дисциплина близка *эссеизму и *мыслительству, но стремится к более строгому, рефлексивному самообоснованию. М. Монтень — основоположник эссеистики не только как жанра, но и как своеобразного метода мышления. Система понятий, которыми оперирует Монтень, меняется от опыта к опыту, и центром ее становится именно то понятие, которое, как правило, и вынесено в заголовок («О скорби», «О праздности», «О лжецах», «Об именах», «О запахах»). Нулевая дисциплина не имеет заранее установленного предмета и метода, но разворачивает свойства каждого конкретного предмета в систему понятий о нем. В эссе «О запахах» роль первопонятия играет «запах», через отнесение к которому описаны и величие, и войны, и болезни, и женщины, и кушанья, и церкви, и сам автор. «Запах» — это монтеньское первоначало, первопричина всего, как у Фалеса — «вода», у Гераклита — «огонь», у Плотина — «единое», у Гегеля — «Абсолютная Идея»... Но у Монтеня «абсолютная идея» меняется от опыта к опыту, в зависимости от темы размышления. Мировоззрение Монтеня в данном эссе можно охарактеризовать как «одоризм» (лат. odor, запах), но вместе с тем он и «номиналист» — в эссе об именах, и «фаталист» — в эссе «Судьба нередко поступает разумно», и в некотором роде «феминист» — в эссе «О трех

истинно хороших женщинах», и даже «поллексист» — в эссе «О большом пальце руки» (лат. *pollex*). Вместо того чтобы в разговоре о разных вещах проводить один и тот же «всеобъясняющий» принцип — идеализма, материализма, волюнтаризма и т.д., Монтень заимствует принцип своего миропонимания у самого предмета, который превращается в метод письма, в точку отсчета, создает дисциплину о себе.

М. Бахтин утверждал: «Во-первых, исходным пунктом каждой науки являются неповторимые единичности и на всем своем пути она остается связанной с ними. Во-вторых, наука, и прежде всего философия, может и должна изучать специфическую форму и функцию этой индивидуальности»¹. Однако философы не признают такое «эссеистическое» мышление философским, поскольку оно не имеет заведомых общих понятий и терминов, а производит их «по случаю» из своего предмета. Филологи не признают такое мышление филологическим, потому что оно не толкует и не комментирует ранее созданные тексты, а производит первичный текст. Писатели не признают такое мышление художественным, потому что оно не создает какой-то особой реальности, воображаемого мира, но теоретизирует по поводу наличной реальности. Ни одна из наук не признает такое мышление научным, потому что оно не опирается на документальные, экспериментальные свидетельства о предмете, добытые приборами, статистикой и т.д., но прямо обращается к предмету, который заключает все необходимые данные для теории о самом себе.

Еще В. Одоевский заметил, что «предметы познаний делятся и делятся непрестанным образом, составляя особые науки: философические, математические, химию, физику, медицину, технологию. Но нет ни одного предмета, который был бы чисто философическим, математическим либо химическим и проч., — пример лошади во всем сим органичен, — но в каждом все соединяется. Некоторые искусственным образом выдергивают признаки из различных предметов и соединяют их вместе и это называют наукой»². Лошадь может изучаться и зоологией, и историей, и экономикой, и военной наукой, и поэтикой, но при этом, как конкретный феномен остается несводимой к понятиям зоологии, или истории, или экономики. Лошадь как таковая, в житейской многозначности этого понятия, — предмет целостного размышления в духе Монтеня, то есть нулевой дисциплины, порождающей целый веер возможных дисциплин и дискурсов. Среди них есть и *гиппология* — дискурс о лошадях, проецирующий себя в поле самых разных наук, включая биологию, историю, эстетику, экономику. Задача такого мышления — создавать как можно больше разных концептуальных полей, возможностей дискурсов знания, соотносимых со всем богатством естественного языка и с многообразием единичных вещей.

Было бы ошибочно отождествлять 0-дисциплинарность с *многодисциплинарностью* или *междисциплинарностью*, которые ищут либо (1) универсальный метод, приложимый ко всем дисциплинам; либо (2) те пробелы и зияния между существующими дисциплинами; куда можно вписать еще одну, промежуточную дисциплину, например биофизику или астроботанику; либо (3) возможность

¹ Бахтин М. Проблема текста... // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 287.

² Одоевский В. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 306.

приложения разных дисциплин к преимущественному объекту одной из них, например математических и социологических методов к изучению литературных произведений. Нулевая дисциплина — это не создание всеобъемлющей или промежуточной дисциплины, но это и не отсутствие дисциплины, это то «пустое» пространство мышления, которое делает возможным создание множества дисциплин в соответствии с бесконечной множественностью их возможных предметов. 0-дисциплину как методологическую предпосылку мышления можно сравнить с *вакуумом нестабильным как физической предпосылкой бытия и с *« », как чистым полем — предпосылкой знаковой деятельности.

При этом происходит сам процесс рождения метода мышления из его предмета, теоретического языка из обиходного слова или житейского понятия. Каждый предмет потенциально содержит в себе и зачатки новой дисциплины, такой как или «лошадеведение», или «запахование», или «зонтиковедение». 0-дисциплина — это совокупность многих возможных языков знания, которые еще не отделились от уникальности своего предмета, не законсервировались в себе как самостоятельные дисциплины.

«Незнание, — замечает В. Налимов, — всегда богаче нашего знания»¹. И все это *богатство незнания* оказывается выброшенным за пределы науки, коль скоро последняя хочет иметь дело только с уже оформленным, дисциплинарным знанием. 0-дисциплина как раз преодолевает этот разрыв, обозначая возможности знания, поскольку они еще не воплотились ни в одну определенную дисциплину. Каждый предмет есть особая мыслимость и, значит, особая понятийная конструкция, особое концептуальное поле, со своими зачатками дисциплинарности. Нулевая дисциплина находится не между другими дисциплинами, и не на их скрещении, и не вокруг них, но в точке их начала, откуда зарождается сама дисциплинарность и где ее еще нет. В кругу академических дисциплин 0-дисциплина образует тот пустой центр, вокруг которого все они вращаются.

*Мыслительство, Науковедство, Слабое знание, Универсика, Эссема, Эссеизм
Эссеистика как нулевая дисциплина // *Знак*. С. 712–733.

ОБЕЗУМЛИВАНИЕ (mad-making, maddening as interpretation). Метод интерпретации, гиперболически выявляющий потенциал безумия в какой-либо философской системе или художественном приеме при условии их доведения до крайней последовательности. Безумие методичнее здравомыслия, постоянно готового на логические послабления и увертки. Обезумливание сродни методу доведения до абсурда, но показывает ложность не отдельного суждения, а целого ума или направления мысли. Один из методов прочтения текста — угадывание тех зачатков безумия, которое могло бы развиваться за его пределом. Платон сошел бы с ума иначе, чем Аристотель, Гегель иначе, чем Кант...

Основоположником этого метода можно считать Джонатана Свифта в «Сказке бочки» (1704), где он язвительно излагает системы Эпикура и Декарта «в виде теорий, для которых бедность нашего родного языка не придумала еще иных

¹ Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. С. 10, 11.

названий, кроме *безумия* или *умопомешательства*». И заключает: «Это безумие породило все великие перевороты в *государственном строе, философии и религии*»¹. Для Свифта нет особой разницы между философской системой, государственной диктатурой и военной агрессией, поскольку в их основе лежит «бешенство» мысли. Любой идеологический или философский «изм» — это маленькое безумие, а некоторые из них — это большое безумие, которому удавалось сводить с ума целые народы на протяжении долгих эпох.

Один из самых острых литературных критиков начала XX века К. Чуковский толковал в «свифтовской» манере писателей-современников: Мережковского, Горького, Андреева, Сологуба — именно как *умствующих безумцев*, носителей идефикс. Так, Мережковский помешан на парности вещей, на идее двух бездн, верхней и нижней; у Л. Андреева — маниакальная одержимость одной гранью явления, которая оттесняет все остальные. Чтобы понять метод писателя, Чуковскому нужно гипотетически *свести его с ума*. Обезумливание выступает как гипербола истолкования — сгущение образа писателя в зеркале его возможного безумия. Пантеон тогдашних божеств, властителей дум, Чуковский превращает в паноптикум интеллектуальных маньяков и уродов, фанатиков одного приема или идеи.

Обезумливание как критический прием можно применять не только к отдельным авторам, но и к целым идеологиям и к идеологическому сознанию как таковому. Особенно приложим такой метод к тоталитарным идеологиям, где внутренняя последовательность и всеохватность одной идеи достигается ценой ее полного концептуального отрыва от реальности и практического разрушения.

Каждому мыслителю полезно применять метод обезумливания к самому себе. Размышляя о собственном уме — а какой ум может избежать такой самопроверки? — полезно представить ряд его самоповторов, образующих перспективу безумия. Интеллектуалу, производителю или распределителю идей нужна *самокритика разума*, способность опознавать искаженность своей модели мира прежде, чем она перерастет в полный бред. Умственному труженику необходимо задать себе вопрос: какое безумие потенциально содержится в моем «последовательном» и «непогрешимом» методе?

* Гиперрациональность, Живоумие, Иноумие, Остранение остранения
Ирония. С. 294–306.

Methods of Madness and Madness as a Method // Madness and the Mad in Russian Culture / Ed. by Angela Britlinger and Ilya Vinitsky. Toronto, Buffalo, London: Univ. of Toronto Press, 2007. P. 263–282.

ОБРАТИМЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ (reversible disciplines). Дисциплины, симметричные в отношении метода и объекта познания, что выражается в инверсии их названий. Например, *теолингвистика* (theolinguistics) — это лингвистика религии и теологии, изучающая имена Бога (теонимия), язык Священного Писания и литургии, говорение на языках (глоссалалия) и т.д. (если ограничиться только христианской теолингвистикой). *Теолингвистика* — это лингвистический под-

¹ Свифт Дж. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М., 1976. С. 125.

ход к религиозным и теологическим предметам и стоит в ряду лингвистических дисциплин, наряду с социолингвистикой, психолингвистикой и т.д.

Обратная дисциплина *лингвотеология* (linguothology) изучает язык с точки зрения теологии: Слово (Логос) как начало Бытия, сотворение мира Словом, называние живых существ Адамом в Эдеме, проблема райского языка, смешение языков при строительстве Вавилонской башни, мистическая практика священно-безмолвия и имяславия. *Лингвотеология* (теология языка) — это теологический подход к языковым явлениям и стоит в ряду таких теологических дисциплин, как теология культуры, науки, общества.

Взаимодействие философского мышления и электронных коммуникаций может осуществляться с обеих сторон, поднимая два вопроса: как философия воздействует на Интернет и какова роль Интернета в судьбах философии? **Нетософия*, философское исследование Интернета, дополняется *софионетикой* (sophonetics), опытом интеграции софийности в систему электронных коммуникаций.

Отношения между предметом и методом научного знания в принципе обратимы, что позволяет выстраивать ряд симметричных дисциплин, дополняющих друг друга перекрестным изучением параллельных явлений.

**Науководство*, Нетософия, Нулевая дисциплина, Реверсивность, Трансдисциплины

ПЕРСОНАЖНОЕ МЫШЛЕНИЕ (personified thinking, thinking in the third person). Философское мышление от имени персонажа, который выражает определенные грани мировоззрения автора, вступая с ним в сложные, многозначные отношения. Поскольку философ не просто мыслит, но демонстрирует разные возможности мышления, он часто нуждается в посреднике, «аватаре», который актуализировал бы ту или иную мысль, но при этом не отождествлялся бог с самим автором. Отсюда потребность философов ставить между собой и потенциально мыслимым условную фигуру, от имени которой излагается мысль, что позволяет самому автору занять дистанцию по отношению к ней. Таковы Сократ и все многочисленные персонажи диалогов Платона; протест у Николая Кузанского; Иоханнес Климакус и другие мыслители-**гипоавторы* у С. Кьеркегора; Заратустра у Ницше; старец Пансофий у Вл. Соловьева; господин Тэст у Поля Валери; отчасти «подставные» авторы П. Медведев и В. Волошинов у М. Бахтина...

Фигурность таких *мыслящих персонажей*, как вымышленных, так и реальных, исторических, достаточно условна: они, как правило, не обрисованы с той полнотой и конкретностью, как художественные персонажи. Обычно достаточно только имени и нескольких характерных признаков (социальных, бытовых, профессиональных), чтобы персонаж отделился от автора и вокруг него началась кристаллизация мысли, ее уплотнение на выходе из континуума мыслительных возможностей. Актуализация мысли в персонаже — при сохранении ее потенциальности у автора — оптимальный способ достичь двойного эффекта убеждения-разубеждения, то есть интеллектуального катарсиса.

Как заметил Бахтин, «от лица писателя ничего нельзя сказать... Поэтому первичный автор облекается в молчание. ...Принято говорить об авторской маске. Но в каких же высказываниях (речевых выступлениях) выступает лицо и нет

маски, то есть нет авторства?»¹ Первичный автор может только надеяться, что за словами «других», «двойников» будет услышано его молчание. Точно так же всегда молчит и сам язык — структурная основа всех возможных высказываний; никто никогда не слышал голоса русского или английского языка. Писатель и мыслитель определяют свой порядок потенциальности именно на уровне языка — и потому, чтобы заговорить, перейти на уровень речи, им нужно «сократить себя», найти своего «сократа», свою подставную фигуру, говорящего «другого».

Речь, то есть актуализация языка, по сути всегда выступает как цитата, как речь персонажа, объявленного, подразумеваемого или неосознанного.

Мысль отмежевывается от высказанного и в знак этого размежевания заключает его в кавычки. У Поля Валери это ощущение не-диалогической самочуждости речи передано так: «Все те слова, которые сам я говорил другим, я чувствовал отличными от моей собственной мысли, — ибо они становились неизменными»². А. Лосев рассматривал свое философское сознание как поле взаимодействия «других»: «Я никогда не поверю, чтобы борющиеся голоса во мне были тоже мною же. Это, несомненно, какие-то особые существа, самостоятельные и независимые от меня, которые по своей собственной воле вселились в меня и подняли в душе моей спор и шум»³.

Мыслящий персонаж (conceptual persona) нужен философу еще и потому, что он позволяет испытать возможности мысли в разных ситуациях бытия, то есть придает мысли экзистенциально-экспериментальный характер — и одновременно наделяет локальное, частное бытие способностью представлять себя универсально. На эту тему размышляют Ж. Делез и Ф. Гваттари в книге «Что такое философия?»: «Философский переключатель есть речевой акт в третьем лице, где “я” всегда произносит концептуальная персона: “Я думаю как Идиот”, “Я проявляю волю как Заратустра”, “Я танцую как Дионис”, “Я требую как Любовник”. Даже бергсоновская длительность нуждается в фигуре бегуна. <...> В нас мыслит некая концептуальная персона, которая, быть может, никогда не существовала до нас. <...> Это уже не эмпирические, психологические и социальные детерминации, еще меньше абстракции, но персоны-заступники, кристаллы, или семена мысли»⁴.

Двойники, сопутствующие некоторым мыслителям, суть посредники мышления и бытия. Они причастны локальному бытию и поэтому изобразимы как некие фигуры, обладающие полом, возрастом, нацией, профессией, привычками, чертами характера. Они пребывают в пространственно-временном континууме — и одновременно, как мыслители, разрывают его, обнаруживают свою универсальность. Положение на границе бытия и мышления оказывается концептуально наиболее значимым, поскольку позволяет бытию и сознанию охватывать, окольцовывать друг друга. Автор вбрасывает свою мысль в бытие в форме мыслящего персона-

¹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 353, 357.

² Валери П. Вечер с г. Тэстом // Валери П. Об искусстве / Изд. подг. В. М. Козовой. М.: Искусство, 1976. С. 90–91.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 81.

⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. С. 84, 90–91.

жа — и вместе с тем, как чистая потенциальность мышления, остается за пределом любого локального бытия.

Фигура мыслящего персонажа позволяет дискурсивно воплотить взаимную свободу мышления и существования, их несводимость друг к другу в постидеалистической и постэкзистенциальной игре их взаимных потенциалов. Философия чисто рационалистического (идеалистического) или чисто экзистенциального (материалистического) плана не нуждается в фигурах двойников-посредников. Мыслителю-идеалисту, как Гегель, не нужен отдельный от него, бытийствующий персонаж — мышление не нуждается в сцепке со своим экзистенциальным носителем. С другой стороны, полностью экзистенциальный мыслитель также не нуждается в отдельном от себя персонаже, поскольку его мышление вписано в круг его бытия и неотделимо от своего носителя. Декарту или Спинозе так же не нужен мыслящий персонаж, как Монтеню или Паскалю. В рационализме или идеализме монизм мышления растворяет в себе бытие; в персонализме или экзистенциализме монизм бытия растворяет в себе мышление. Только признание их несводимости выдвигает на первый план фигуру мыслящего персонажа, в котором мышление автора становится чуждым его собственному бытию и одновременно нераздельным с бытием кого-то другого. Мышление отчуждается от своего носителя, и эта траектория прослеживается серией вспыхивающих и гаснущих фигур — как бы «бегунов» на дальнюю дистанцию, уводящую мысль автора от него самого. Двойники нужны именно там, где у философа на первый план выступает напряженная раздвоенность бытия и мышления.

* *Гиперавторство, Гипоавтор, Лирическое «оно», Мультивидуум, Мыслительство, Своечуждость, Цитата обратная*

Возможное. С. 93–102.

Сектантство. С. 5–11, 152–230.

Творчество. С. 412–419.

Hyperauthorship in Mikhail Bakhtin: The Primary Author and Conceptual Personae // Russian Journal of Communication (USA). Vol. 1. No. 3. Summer 2008. P. 280–290.

РЕФЕРЕНЦИЯ ОТ ОБРАТНОГО (negative reference). Характерный для травматического опыта и теоретически осмысленный в эпоху постмодерна тип референции, который осуществляется «от обратного»: не как прямая репрезентация реальности (реализм) и не как авторепрезентация субъекта, говорящего о ней (модернизм), а как *невозможность репрезентации*. Таково референтное значение травмы — она указывает на свою причину именно тем, что никак не выдает ее, отказывает ей в адекватном оттиске, образует слепое пятно в памяти. Например, если рука отморожена и пальцы уже не способны осязать действительность, это не значит, что референтная связь с нею утрачена: отмороженные пальцы свидетельствуют о реальности самого мороза, то есть той причины, которая травмировала руку, вызвала потерю чувствительности. Эта *негативная референция* не воспроизводит реальности посредством достоверных образов, но указывает на непредставимое, немислимое, нечувствуемое. Как подчеркивает специалист по теории психологической травмы Кэти Карут (Cathy Caruth), травма, с одной стороны, прерывает процесс отсылки к реальности, делает невозможным прямое ее восприятие, но, с другой стороны, вводит в действие отрицательную референцию, свидетельствуя

о том катастрофическом, чрезмерном опыте, который разрушает саму предпосылку опыта. «Попытка найти доступ к истории данной травмы есть также проект вслушивания в нечто за пределами индивидуального страдания, в реальность самой истории, чьи кризисы могут быть постигнуты только в формах неусвоения»¹.

Таковы референции постмодернизма как травматического опыта — они ведут к реальности не прямо, а от противного, подобно тому как реальность, окружавшая калеку, может быть воспроизведена не по его искаженным и ущербным впечатлениям от нее, а по тем воздействиям, которые, собственно, и сделали его калекой. Бесчувственность правдиво отражает ситуацию подавления чувств под влиянием современного избытка информации и коммуникации, трудной для интеллектуального и эмоционального усвоения. В этом смысле постмодернизм — зрелое самосознание увечной культуры, и не случайно так распространены в его топике образы калек, протезов, органов без тела и тела без органов. Референцию от противного можно рассматривать как секулярный вариант апофатического познания через незнание.

Из теории травмы следуют важные выводы для теории познания вообще, а также для понимания генезиса культуры. Тот факт, осмысленный И. Кантом, что мы не можем непосредственно воспринимать «вещи-в-себе», реальность «как она есть», не свидетельствует ли о самой природе этой «подлинной», «первичной» реальности, оглушающей и ослепляющей нас? Нельзя исключить, что и вся культура есть результат огромной доисторической травмы, следствием которой стал раскол на вещи-для-нас и вещи-в-себе, на означающее, которое дано восприятию, и означаемое, которое удалено и сокрыто. Знак — это и есть такой шрам или рубец на нашем сознании: отсылка к предмету, который не может быть явлен здесь и сейчас. Культуру можно рассматривать как процесс непрерывного порождения символов — следствие родовой травмы человечества, способного судить о реальности лишь по увечьям, которые она ему наносит.

*Апофатизация, Концептуализм, Нега-, *Отставание человека от человечества, Травма постмодерна*

Постмодернизм. С. 51–54.

Information trauma and the evolution of the human species // *Humanities*. P. 159–172.

СИНТЕЛЛЕКТ, СОРАЗУМ (syntellect; лат. syn- (co-) + intellect). Коллективный разум, который образуется интеграцией индивидуальных сознаний через сеть нейронно-электронных коммуникаций; новая ступень в создании всечеловеческого мозга. По мере эволюции жизни мозг из крошечного придатка организма (ганглии у беспозвоночных) превращается в центральный орган. Такая же эволюция происходит и в истории цивилизации: увеличивается «мыслящий пласт» в природе; геосфера и биосфера перерастают в ноосферу.

Если определить передовой рубеж современной цивилизации, то это построение интерфейса между нейронной и электронной сетью; когнитропные препараты, способные сделать человека «умнее»; нейроимплантаты, искусственные органы

¹ Trauma: Explorations in Memory / Cathy Caruth (ed.). Baltimore, London: the Johns Hopkins UP, 1995. P. 156.

чувств, аппараты для чтения мыслей и управления мозгом на расстоянии... Нынешний Интернет — прообраз того *интеЛнета, который свяжет все мыслящие существа в единую интеллектуальную сеть и станет средством интеграции множества сознаний, началом новой формы сознания — синтеллекта. Вероятное будущее человечества — *ноократия, то есть власть не отдельных индивидов или социальных групп, а коллективного мозга, который сосредоточит в себе интеллектуальную потенцию всех мыслящих существ и будет действовать как на биологической, так и на квантовой основе.

Таким образом, медленная эволюция разума в форме человека как биологического вида подходит к новому рубежу — этапу ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга. Этот гигантский переход займет не миллиарды или миллионы лет, как переход от неорганической материи к живой и от жизни к разуму, а всего лишь сотни или даже десятки лет. Возможно, это будет другая линия развития разума, нежели та, к которой мы принадлежим как биологические особи. Если у нейро-электронных систем возникнет система автономного знакового обмена и смыслополагания, она может быть ближе к растительной (*ноовитализм).

Многие ученые, технократы, футуристы, включая С. Хокинга, Б. Гейтса, Р. Курцвайла и И. Маска, полагают, что искусственный разум по своей мощи превзойдет человеческий разум уже к середине XXI века и необходимо выстроить надежную систему контроля над ним. Отсюда сложнейшая задача: всячески способствовать развитию синтеллекта — синтетического и синергетического разума — и вместе с тем направлять его к позитивному сотворчеству с человеческим разумом. Так же как человеческий разум по мере своего развития учится беречь и охранять доразумную жизнь, природу, так и за синтеллектом следует признать принципиальную способность уважать и беречь биологические формы разума, то есть нас самих.

*ИнтеЛнет, Мыслезнание, Нетософия, Ноовитализм, Ноократия, Нооценоз
Знак. С. 117–168.

Лит.: Minsky M. The Society of Mind. New York et al.: Simon & Schuster, 1988.

Levy P. Collective Intelligence: Mankind's Emerging World in Cyberspace. New York, London: Plenum Trade, 1997. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology.

New York: Penguin Books, 2006; How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed. New York: Penguin Books, 2013. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, 2014.

СЛАБОЕ ЗНАНИЕ (soft knowledge). Знание, признающее свою приблизительность и вместе с тем необходимое для человека именно в этом своем качестве. Слабое знание может точнее отражать какие-то стороны бытия, чем сильное, натренированное, «дисциплинарное» знание. Например, лицо, характер, эмоции человека познаваемы только в пределах человечески неточного взгляда на мир. Если мы посмотрим на лицо через увеличительное стекло, то увидим крупным планом кожу, поры, бугорки, а если наведем дальше на резкость, то проникнем на уровень клеток, молекул, атомов... Резкость взгляда, усиленная прибором, рассекает предмет на составляющие частицы. Само лицо при этом исчезает, уступая место другим планам материи. Мы должны видеть его не слишком четко, в меру человечески слабого зрения, и тогда перед нами предстанут в своем раз-

нообразии добрые, злые, красивые, неприятные, веселые, угрюмые лица... *Душа* выступает как самостоятельный предмет еще более слабого, приблизительного знания. Как только знание становится сильнее, то есть душу начинают измерять или взвешивать, она утрачивает свою «душевность».

Когда мы знаем слишком много о частях и деталях, форма целого ускользает от нас. Слабое знание — это несфокусированное или многофокусное знание, которое старается держать в поле зрения целостное явление, делая его соизмеримым с человеческим субъектом, во всей его ограниченности.

*Гуманистика, *Есмь-истина*, Мыслительство, Нулевая дисциплина, Эссеизм Любовь. С. 246–255.

СМЫСЛ (sense, sense-meaning). Базисная категория мышления; элементарный импульс мыслительной энергии, передвигающей границу между значениями или понятиями, ранее установленную в языке, в культуре. Смысл нельзя знать, его можно только мыслить, он задается конструктивной работой мышления, а не предзадан как наличный предмет познания. *Смысл*, в отличие от *значения*, — категория, во многом специфическая для русского языка и философии, поскольку именно здесь она этимологически родственна мысли, мышлению. *Значение* соотносится со *знанием* и принадлежит определенному знаку как данность его означаемого; *смысл* соотносится с *мышлением* и образует сферу конструирования новых понятий и идеальных сущностей. Можно *знать* значение того или иного слова или явления, но *смысл* — *мыслится*, то есть включается в процесс построения новых понятий, в игру ментальных возможностей, в **потенциосферу* данного слова или явления. *Значение* — дано, *смысл* — задается.

Смысл — это революция в государстве значений, сдвиг в системе известных, общепринятых понятий. Смысл того или иного высказывания определяется сдвигом языковых значений, динамикой их трансформации. Например, афоризм Ларошфуко «В ревности больше себялюбия, чем любви» исходит из устойчивых значений слов «любовь» и «ревность» — и строит из них новый смысл, показывая, что ревность происходит от любви к себе, а не к другому. Смысл — единица работы, совершённой мыслью по перестановке элементов знания для построения из них нового концепта, ментальной структуры, которая далее может воплощаться в новых конструктах цивилизации.

Смысл как структурная единица в динамике мышления соотносится с битом как единицей информации и с **витом* как единицей трансформативных процессов. У мышления есть свой сюжет, своя последовательность событий, пересекающих границы понятий, и смысл есть ментальное событие такого пересечения, направляемого движением мысли. Например, смысл утверждения, что Сократ — человек, состоит в том, что индивид оказывается представителем рода. Смысл таких жизненных событий, как поступление в школу или вступление в брак, тоже определяется пересечением границы семантических полей: между необученностью и обучением, между холостой и семейной жизнью. На основе определенного факта, например «Москва — столица России», мышление создает множество смыслов, то есть смещает и переворачивает понятия, нарушает их границы, утвержденные знанием. Какой была бы страна, если бы ее столица

находилась в другом городе (в Петербурге, в Сибири, на Черном море)? Какова была бы Москва, если бы у нее отняли статус столицы? Могло бы быть у России несколько столиц, различающихся своей доминантой (политическая, культурная, промышленная столицы)? Только совокупность этих «домыслов», то есть возможных трансформаций данного факта, позволяет определить его смысл, выйти за пределы знания в область мышления.

В отличие от идеи в платоническом измерении, существующей объективно и независимо от мыслителя, смысл задается волей и деятельностью мышления и целеполаганием мыслящего субъекта. В отличие от значения, которое определяется в словарях и энциклопедиях как постоянная референтная область данного знака, смысл может быть уяснен лишь в контексте употребления знака, динамически, как акт построения определенной мысли/высказывания. Гуманитарные науки не ограничиваются накоплением знаний, они обращены на смыслы, которые образуются в ходе человеческой деятельности и ее осмысления. Эрудиции недостаточно: например, можно знать все известные факты о жизни и работах писателя, но нельзя знать смыслов его творчества, их можно только мыслить, то есть *сомыслить*, *иномыслить* или *противомыслить* писателю, развивая смысл созданных им текстов и образов.

Традиционный вопрос «В чем состоит смысл жизни?» не имеет ответа в сфере знания: смысл разворачивается, как интенция, проект, задача, в пространстве жизненных целей и возможностей. Смыслы вписаны в контекстуальные рамки, которые стадийно расширяются: от смысла данного мгновения, слова, встречи, события — до смысла целой индивидуальной жизни или бытия человечества, природы, мироздания. Максимально широкая рамка для смыслополагания — *мир всех миров*, поскольку события, однократно происходящие в нашем мире, приобретают смысл лишь по контрасту с иными вариантами этих событий, гипотетически происходящих в иных мирах. Мультиверсум — это не только космологическая теория множественности миров, но и необходимое условие мыслительных процессов в нашем мире, создающих разные сценарии события. Без допущения альтернативных версий каждого факта было бы невозможно его осмысление (см. **Многомирие*).

*Альтерология, Вит, Концептивизм, *Многомирие*, *Модальные чувства и действия*, *Мыслезнание*, Потенциация, Потенциосфера, Трансформация, Эротема
Коты, смыслы и вселенные // Звезда. 2016. № 5. С. 249–259.

СОРВАННОЕ СОЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ БЕЗ РЕЗЬБЫ (unthreaded consciousness). Наивное сознание, которое кратчайшим путем, минуя все опосредования и различия уровней, «проскакивает» от конкретнейшей вещи к абстрактнейшему принципу. Задавая вопросы о последнем, всеобъемлющем смысле всего, оно получает кратчайшие ответы: «Все — материя», или «Все есть Бог», или «Все есть информация». Это может быть атеистическое или религиозное сознание, но оно всегда *срывает резьбу* на процессе мышления, не допускает частичных, промежуточных, неисчерпывающих ответов. Оно философично, точнее «любому-дренно», именно потому, что имеет прямой запрос на «самое главное» — и легко его находит. Оно томится философским вопрошанием, но эта тоска мгновенно

переходит в свою противоположность, эйфорию найденного решения. Оно задает «детские» вопросы о мире: «А зачем человек живет?», «А почему Земля круглая?», «А почему комар пьет кровь?» и т.д. — и дает на них кратчайшие ответы: потому что так устроил Бог или природа, потому что таков закон материи, потому что мир лежит во зле и т.д.

Сорванное сознание противоположно *разорванному сознанию*, которое является по существу несчастным, неспособным соединить свои начала и концы. Оно созерцает и критикует себя и не может найти успокоения в себе. Это та крайность скептического, растерянного сознания, которую Гегель описал в «Феноменологии духа» как раздвоенное внутри себя. *Сорванное сознание*, напротив, является счастливым, даже эйфорически приподнятым. Оно одолевает внутри себя всякую тревогу, оно мгновенно приходит к финальным решениям.

Сорванное сознание как черта народного любомудрия (**фольксифия*) раскрывается в творчестве Л. Толстого, А. Платонова, поэтов-обериутов, Д. А. Пригова. «Самое трудное (продолжал во сне думать или слышать Пьер) состоит в том, чтобы уметь соединять в душе своей значение всего. <...> Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!*» — с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос» (Л. Толстой, «Война и мир», т. 3, ч. 3, IX). *Сопрягать, сопрягать* — этим и занято сорванное сознание. Каждая частность сразу возводится к общему, или? наоборот, из некоего общего умозрения прямо выводятся практические частности. Что при этом отсутствует, так это посредствующие звенья, трезвое осмысление иерархии сущностей, их соподчиненности, постепенной, а не мгновенной выводимости. Если *разорванное сознание* вмещает две идеи, никак их не соотнося, то *сорванное сознание*, напротив, соединяет идеи совершенно разного уровня, мгновенно перескакивая от общего к частному. Из стихов Д. А. Пригова: «Вот на коров набросилась болезнь — / Пред Богом, видно провинились...»; «В день посуду помою я трижды / Пол помою — протру повсеместно / Мира смысл и структуру я зиждю / На пустом вот казалось бы месте».

Вечное и временное, сверхъестественное и бытовое сжимаются в народном сознании до неразличимости. Знаки эсхатологических чаяний могут мыслиться в широких рамках столетия — и в пределах одного текущего месяца, даже дня. Так, старообрядцы, чьи эсхатологические воззрения исследовались автором этого Словаря, называют приметами последнего времени самолеты, трактора, электричество, радио, то есть новшества по крайней мере полувековой давности. Вместе с тем знаком последних времен может служить дождь, прошедший нынешним летом или даже вчерашним днем и заливший рассадку огурцов. «Сейчас последняя тысяча (лет) пошла. Вот нынешним летом ячмень прибило, дожди заливают — такого раньше не было» (В. З.). «Отец будет убивать сына. Так и есть — месяц назад под Житомиром отец сына ножом зарезал» (П. С.). Таково сознание «без резьбы»: сочетание «последней тысячи лет» и «нынешнего лета», грядущего конца мира и огурцов на огороде — наложение несоизмеримых масштабов.

*Всеко и Всечто, *Интоксофикация, Фольксифия, Эсхатема Ирония*. С. 333–343.

Старообрядческий дневник // Символ. № 21. Париж: La bibliothèque Slave de Paris, 1989 (июль). С. 99–156.

ФИЛОГНОЗИС (philognosis; греч. *philia*, любовь, привязанность + *gnosis*, знание). Познание любовью; любовь как источник, цель и способ познания, в том числе научного; методологический критерий науки. В названиях главных гуманитарных наук, философии и филологии, заложено понятие *филии*: любовь к мудрости, любовь к слову. Любовь как способ понимания и является той нитью Ариадны, которая может провести нас через любой методологический лабиринт. Это *филогнозис*, познание любовью. Если мы изучаем язык или поэзию, потому что любим их, то любовь эта сама задает методы нашей познавательной деятельности. Как во всякой любви, мы хотим все знать о любимом, мы наблюдаем его привычки, склонности, свойства характера, разыскиваем свидетельства о нем. *Филогностик* пытается понять предмет познания в его единственности, незаменимости, драгоценности для себя и для всего мира и воссоздать во всей сложности, многомерности, потому что всякое прикосновение к нему делает его счастливым. Он заботится о том, чтобы наделить свой предмет наибольшим достоинством и значимостью в бытии, как любящий наделяет такими «превосходными» свойствами любимое.

Но главное в любви, как писал еще Платон в «Пире», — это желание рождать с тем, кого любишь¹. Если ты по-настоящему любишь язык, тебе хочется не просто изучать его, но производить с ним и от него новые слова, выразительные лексические и грамматические образования. Если литературовед любит литературу, он стремится не просто ее изучать, но открывать в ней зародыши новых жанров, приемов, течений. Если философа волнует устройство мира, он не может не задуматься о возможности иных миров. Эта методология предполагает **концептивизм*» (латинское *conceptio* — это и концепция, и зачатие). Мыслить концептивно — мыслить творчески, то есть начинать от предмета своей любви новые идеи, черпать в нем источник вдохновения, производить совместное потомство.

**Концептивизм, Любовь, Творчество, Трансгуманистика, Трансформация Творчество. С. 8–9.*

¹ «Любовь, — заключила она [Диотима], — вовсе не есть стремление к прекрасному, как то тебе, Сократ, кажется. — А что же она такое? — Стремление родить и произвести на свет в прекрасном. <...> Почему именно родить? Да потому, что рождение — это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу». — Платон. Пир. <http://www.lib.ru/POEEAST/PLATO/pir.txt>

МОДАЛЬНОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО

Возможностное
Гипотетизм
Интересное
Как бы
Конструктивная аномалия
Креатема
Креаторика
Модальность
Модальные чувства и действия
Можествование
Потенциация, овозможение
Потенциология
Потенциосфера
Потенциотерапия
Проективность
Существуемое
Творчество
Чудо как правило

ВОЗМОЖНОСТНОЕ (possibilistic). Категория модальности, характеризующая подход к предмету с точки зрения его возможностей. «Возможностный подход», «возможностное видение», «возможностное истолкование», «возможностное описание» — во всех этих примерах слово «возможностный» обозначает не уровень объектов («возможное»), а модальность их осмысления и описания.

Возможностный подход к истории, к культуре, к языку, к мирозданию в целом свойствен гуманитарным наукам. Еще А. Пушкин заметил: «Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные»¹. Вне круга возможностей событие лишено смысла. Смысл Маратонской битвы определяется только тем, что в ней могли бы победить не греки, как это реально произошло, а персы, и тогда весь ход истории мог бы оказаться другим: свободный гуманистический мир эллинов был бы вытеснен магической и теократической культурой персов. Приведа этот пример, Макс Вебер подчеркивает: «*Историческая наука*», если она действительно хочет быть таковой, всегда должна представлять себе различные возможности развития. В каждой строке любой исторической работы, даже в отборе архивного материала или грамот, предназначенных для публикации, всегда присутствуют «суждения о различных

¹ Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1976. С. 284.

возможностях», вернее, должны присутствовать, для того чтобы такая публикация обладала «познавательной ценностью»¹.

Хотя принято говорить, что история не имеет сослагательного наклонения, только в сослагательном наклонении она обретает какой-то смысл. Реальность, исследуемая гуманитарными науками, состоит из смыслообразующих возможностей, которые раскрываются за каждым конкретным фактом. По словам М. Бахтина, «вряд ли можно говорить о необходимости в гуманитарных науках. Здесь научно можно только раскрыть *возможности и реализацию* одной из них»². При этом самое существенное — именно различие между возможностью и ее реализацией, т.е. выход в сферу потенциального, через которое реальность и приобретает смысл.

Гуманитарное мышление — движение сквозь факты к скрытым в реальности возможностям, так что сам действительный мир в свете мышления представляется лишь *одним из возможных*. Мышление сразу охватывает несколько расходящихся мыслей, потому что возможность, которая существует лишь в единственном числе, неотличима от действительности. Согласно Лейбницу, даже тот Адам, которого мы знаем по Библии, не был необходим: Бог сотворил его свободно, а значит, наряду с этим Адамом были возможны и другие Адамы. Адам «был выбран из бесконечности возможных Адамов»³. Всякий предмет предстает в философии именно как возможность самого себя, а значит, и возможность иного, не-себя. Мир потому и наполнен смыслами, что действительность со всех сторон об-емляется океаном возможностей. «Сущность есть в своей основе не что иное, как возможность вещи, принятой к рассмотрению»⁴. Сущность той или иной вещи тем и отличается от ее существования, что включает неосуществленные и даже неосуществимые возможности, которые и образуют предпосылку философии как дисциплины.

Философствовать об Адаме значит: (1) исходя из существования данного Адама (экзистенция), (2) установить возможность иных Адамов (поссибилизация, **потенциация*); (3) исследовать весь круг «адамностей», то есть черт и законов, присущих Адаму вообще, как возможному, а не только сущему (универсалия, эссенция); (4) определить смысл существования данного Адама исходя из его отличия от возможных Адамов, то есть заново соотносить существование и сущность уже в категориях смысла и различия, а не закона и общности (индивидуация, феноменология); (5) очертить «адамизм», или «адамософию», как направление мысли, которое обнаруживает мыслимую сущность Адама во множестве других явлений, потенциально адамических, таких как искусство Древней Греции, первый сверхчеловек (сверх-Адам) у Ницше, акмеизм-адамизм в русской поэзии Серебряного века, проект воссоздания универсального, «адамического» языка и т.п. (софийность, потенциальность).

¹ Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 471–472. Этому вопросу посвящен весь раздел «Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в историческом развитии каузальности».

² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 344.

³ G. W. Leibniz. New Essays on Human Understanding / Trans. and ed. by P. Remnant and J. Bennett. Cambridge University Press, 1981. P. 335.

⁴ Ibid. P. 294.

Иными словами, философствовать — значит (1) непрерывно *расширять сферу возможно-мыслимого в его отличии* от сущего и вместе с тем (2) *исследовать смысл сущего в его отличии от возможно-мыслимого*. При этом философское мышление совершает несколько модальных переходов: от налично-сущего, экзистенциального — к альтернативно-возможному, и далее к универсально-эссенциальному, уникально-феноменальному и наконец софийно-потенциальному (возможностному).

По словам М. Мамардашвили, «вообще вопрос “Как это возможно?” и есть метод и одновременно способ существования живой мысли»¹. При этом вопрос «Как это возможно?» далеко не равнозначен вопросу «Какова причина этого?». Категория причинности действует в области существующего и объясняет, почему данный предмет таков, каков он есть, то есть лежит в основании позитивных наук; но собственно философским является только вопрос о возможности. Отсюда знаменитый вопрос И. Канта: «Как возможна природа?» — и сформулированный по тому же образцу вопрос Георга Зиммеля: «Как возможно общество?» Такие вопросы выводят за предел естественных и общественных наук, полагаясь на фундамент философии природы и общества, ибо именно философия вопрошает о возможности того, что уже есть и что на опыте хорошо известно. *Философское удивление*, в отличие от житейского, профанного, обращено *не на сам факт, а на возможность факта*, на соотнесение действительного с его возможностью. В свете *возможностного* подхода меняется сам статус гуманитарного исследования: оно не замыкается на своем объекте, наличном в культуре, но проектирует и продуцирует новые объекты, которые входят в структуру смыслов данной культуры как область ее растущей потенциальности.

**Гипотетизм, Модальность, -Остн-, Потенциация, Потенциология, Потенциосфера, Проективность.*

Возможное. С. 74–81, 102–110.

ГИПОТЕТИЗМ (hypotheticism). Направление в теории познания, которое утверждает приоритетную роль гипотез и гипотетического мышления. Исходная посылка гипотетизма — построение условных конструкций в сослагательном наклонении: «Что было бы, если бы?..» Гипотетизм был первоначально разработан в эпистемологии английскими и французскими учеными и философами XIX века (William Whewell, William Jevons, Henri Poincaré, Pierre Duhem). В противовес эмпиризму, они подчеркивали роль творчества и условных конвенций в науке, сочетая гипотетизм и дедуктивизм в общем методе. В противоположность индуктивизму, для которого познание — это обобщение наблюдаемых фактов, и чистому дедуктивизму, который исходит из общих теоретических принципов, *гипотетизм-дедуктивизм* создает ряд гипотез и затем сверяет их с фактами, добиваясь наилучшей корреляции между ними.

Для гуманистики «гипотеза» — не предварительный набросок теории, а зрелый и самодостаточный тип мышления, в котором оно созерцает свои возможности. Соотношение теории и гипотезы в гуманистике во многом обратно тому, кото-

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 17.

рое мы наблюдаем в естественных науках. Наука сначала выдвигает гипотезы, а затем, подкрепляя их фактами, превращает в теории, то есть переходит из предположительной модальности в утвердительную. Философия, напротив, на протяжении столетий выдвигала теории, считая их достоверным объяснением фактов и авторитетным обоснованием практических действий. И лишь постепенно в философии созревало сознание гипотетичности всех ее утверждений. Как говорит Ницше, «где можете вы *угадать*, там ненавидите вы *делать выводы*»¹. Право на гипотезу — такое же завоевание зрелого гуманитарного ума, как зрелый научный ум завоевывает право на теорию.

Именно успехи позитивной науки побудили философию отказаться от наивно-познавательного подхода к действительности и заняться собственной конструктивно-критической способностью, реализуемой сначала в модальности долженствования. В посткритическую эпоху философский дискурс, удалившись от объективно-познавательного, приблизился к идеологическому, который пытался вывести мышление на путь утопии, то есть всемогущего управления сущим. Крах утопии и тоталитарно-идеологических государств побуждает философию и отказаться от императивного подхода к действительности, и обрести собственную модальную специфику.

Каждый из этих дискурсов: *теоретический* (научный), *утопический* (идеологический) и *гипотетический* (философский) — имеет свою модальность и правила игры.

Теоретический дискурс крайне осторожен в своих послылках и выводах. Он стремится соответствовать объективному положению вещей, мимикрировать под свой объект и как можно меньше обнаруживать присутствие самого теоретика. Это минималистский дискурс, озабоченный полной прозрачностью и незаметностью собственных знаков, их растворимостью в мире означаемых.

Утопический дискурс, напротив, противопоставляет себя объекту как отсутствующему или недостаточному, который еще предстоит создать или пересоздать. Для Ницше и его учеников, к которым можно причислить многих мыслителей XX века, означающие (интерпретации) поглощают собой мир означаемых (фактов) и сводят их ко вторичной проекции знаков, к теням на стенах Платоновой пещеры. Утопический дискурс поражает дерзостью своих предположений и такой же дерзостью выводов, предназначенных изменить лицо мира или вернуть ему утраченное лицо. Автор утопического дискурса полагает себя творцом заново создаваемой вселенной.

Гипотетический дискурс отличается неравномерностью и прерывистостью своего логического поля. На входе его заключено иное, чем на выходе. Гипотетический дискурс смел в своих послылках, задающих новое, небывалое основание мира, — но вместе с тем мягок в своих выводах, относящихся к «реализации идеала», применению мыслительных конструкций. Гипотеза есть импульс мысли, остающийся в сфере самой мысли, которая достигает состояния экстаза и катарсиса (здесь уместно использовать термин Аристотелевой «Поэтики»). Мысль очищается от двух противоположных аффектов: стремления совпадать с действительностью (аффект сострадания) и стремления преобороть ее (аффект гнева или ужаса).

¹ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 725.

Мысль в гипотезе обращается в область мыслимого, избавляясь от теоретической установки на познание сущего и утопической установки на осуществление должного. При этом мысль достигает предельной сжатости и упругости, она опирается на себя и отталкивается от себя. *Дерзость посылок сопрягается с кротостью выводов*, что делает этот тип мышления наиболее парадоксальным, взрывчатым, сравнительно с теоретическим и утопическим мышлением, которое стремится освободиться от внутренних противоречий.

В XX веке под влияние гипотетического дискурса попадает и наука. В результате открытий в квантовой физике, логике, информатике, в общей теории систем (синергетика, **хаосложность*) начинает пересматриваться модальный статус научных теорий, которые все больше сближаются с гипотезами, поскольку идеал полной доказательности не осуществим и в самой строгой науке. Эта «*гипотезация*» науки связана с обратным воздействием на нее в XX веке философии и общей методологии знания, которые в XIX веке сами находились под определяющим влиянием естественных наук. И философы науки, такие как К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабанд, и философствующие ученые, такие как И. Пригожин и Р. Пенроуз, выступают в поддержку методологического индетерминизма (от умеренных форм до крайнего анархизма). В одной из последних своих работ К. Поппер приходит к выводу: «Научные результаты остаются гипотезами, хорошо *проверенными*, но не *установленными*, не *доказанными* как истины. Конечно, они *могут* быть истинными. Но даже если это не истины, то это блестящие гипотезы, которые открывают путь к еще лучшим гипотезам. <...> Мы *надеемся* на истинность тех теорий, которые *не могут* быть опровергнуты самими строгими проверками»¹. Следовательно, *надежда* принадлежит к числу не только теологических, но и методологических добродетелей, без которых не может обойтись наука. Причем Поппер не только констатирует гипотетичность науки, но советует ей взять на вооружение «метод смелого, авантюрного теоретизирования», которое затем подвергается строгой проверке, поскольку таков «метод самой жизни в ее эволюции к высшим формам...»²

Гипотетический модус мышления предполагает наибольшее напряжение мысли, а не безвольную расслабленность. Было бы ошибкой представлять гипотетичность как некую сумму формальных оговорок. Если автор предупреждает читателя, что не считает сказанное абсолютной истиной и просит принять только в качестве гипотезы, все последующее не обратится в гипотезу по мановению этой волшебной фразы. Гипотетизм — не просто страховка на случай ошибки, а самодвижение мысли на собственной модальной, возможностной основе. Гипотетизм — не самый широкий и легкий путь, а скорее узкий путь, лежащий между достоверностью и недостоверностью, между истиной и ложью. Легко констатировать, что Волга впадает в Каспийское море; легко ошибиться, что Волга впадает в Аральское море; легко сфантазировать, что Волга впадает в Мертвое море... Но это еще далеко не гипотезы, поскольку все эти утверждения легко подтверждаются либо опровергаются конкретными фактами. Гипотетическое мышление лежит по ту сторону верификации и фальсификации, оно и недо-

¹ Popper K. R. A World of Propensities (1988). Bristol: Thoemmes, 1995. P. 6.

² Ibid. P. 7.

казуемо и непроверяемо, оно движется самым узким путем, чтобы *наименее вероятное стало наиболее достоверным*.

Гипотетическое мышление стремится к *наиболее строгому обоснованию наиболее странных утверждений*. Это сочетание *странности* вывода и *строгости* выведения задает с двух сторон узкий критерий того, что можно считать гипотетичностью. Речь идет о пересмотре принципа очевидности, положенного Декартом в основание европейского мышления. Странные утверждения — это те, которые наиболее далеки от очевидности и в этом смысле противоположны Декартову критерию истины как «очевидного» или «непосредственно достоверного» знания. Но они противоположны также и тому типу «ходячих», «традиционных» мнений, которым Декарт противопоставлял свой принцип очевидности и которые были основаны на власти обычая, предрассудка. «Странность» как категория суждения отличается и от общепринятого клише, и от логической очевидности, поскольку то и другое, «традиционно-необходимое» и «рационально-истинное», следуют принципу *наибольшей вероятности*. И хотя вероятность в одном случае трактуется как «наиболее вероятное мнение большинства людей», а в другом случае как «наиболее вероятное заключение непредубежденного разума», общее между ними — опора на максимальную вероятность, которая в своем пределе совпадает с объективной истиной и всеобщей необходимостью. «Странность», напротив, конституирует суждения, *наименее вероятные* как для большинства людей, так и для самого разума, — противоречащие и общепринятому, и очевидному.

Рассматривая круг возможных идей или интерпретаций, гипотетическое мышление выбирает наименее очевидные — и прилагает к ним наибольшую силу последовательности. В этом есть не только научный, но и моральный смысл. Любовь к наименьшим величинам в области умозрения, стремление их защитить перед лицом более сильных, самоочевидных, всеокушающих истин, — такова *мораль гипотезы*. Этот риторический прием восходит еще к Протагору: выступить в поддержку самых слабых позиций, сделать слабейший аргумент (logos) сильнейшим. Это не софистика, не чисто интеллектуальная игра, но примерно то же, что высказано в заповедях блаженства: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Есть кроткие, беззащитные, малозаметные, пренебрегаемые идеи или зародыши идей, которые нуждаются в особом внимании и интеллектуальной заботе. В мире много не только маленьких людей, но и маленьких идей, которые когда-нибудь унаследуют землю. Отверженные, невозможные идеи, вроде той, что через точку, не лежащую на данной прямой, проходят по крайней мере две прямые, не пересекающие ее, тысячи лет пребывают в тени, чтобы потом стать светом науки. Самые значительные успехи современной физики и математики во многом обусловлены как раз поддержкой и развитием этой «нищей» идеи, отвергнутой Евклидом, но впоследствии изменившей наше представление о кривизне пространства. Абсурдная мысль о том, что Бог может воплотиться в человеке и принести себя в жертву за грехи человечества, стала основой западной цивилизации. Камень, отвергнутый строителями, лег во главу угла, — эта притча имеет не только религиозно-поучительный, но и эпистемологический смысл. За некоторыми наименее очевидными идеями — наибольшее будущее, и поэтому научная картина мира время от времени взрывается, о чем убедительно писал Т. Кун в «Структуре научных революций».

Соотношение «странного» (маловероятного) и «очевидного» (достоверного) образует категорию **интересного*. Таким образом, задача гипотетизма — порождать наиболее интересные, рискованные суждения (идеи, теории), сочетающие наибольшую достоверность с наименьшей вероятностью.

Гипотеза может предполагать подтверждение действием, то есть быть перформативной, как в случае гипотетических сообществ и институций, перерастающих в реальные благодаря общению и совместному действию своих участников (см. *Потенциальные сообщества*).

**Возможностное*, Интенсивность, *Интересное*, *Концептивизм*, Модальность, Потенциация, Самое-самое, *Творчество*

Смена модальностей в истории философии; Теория, утопия и гипотеза // *Возможное*. С. 53–62, 81–86.

ИНТЕРЕСНОЕ (interesting; от лат. inter-esse, быть между, в промежутке). Комплексная оценочная категория, охватывающая практически все явления культуры и связанная с модальными категориями (не)вероятного и (не)достоверного.

Среди оценочных эпитетов, применяемых в наше время, «интересный» — едва ли не самый частотный и устойчивый. Если в прежние эпохи ценились такие качества, как истинность и красота, полезность и поучительность, общественная значимость и прогрессивность, то в XX веке именно оценка произведения как «интересного» служит почти ритуальным вступлением ко всем его дальнейшим оценкам, в том числе критическим. «Интересность» — это *исходное*, интуитивно постигаемое качество произведения и одновременно *конечный* синтез всех его рациональных определений. Между тем есть науки о прекрасном и безобразном, о добром и злом, об истинном и ложном (эстетика, этика, логика), но нет науки об интересном и неинтересном (скучном), хотя эта категория необходима для нашей ориентации в мире.

«Интересное» восходит к понятию финансового интереса, и только сравнительно недавно, в XVIII веке, стало использоваться как синоним любопытного, вызывающего интеллектуальный интерес. Между тем еще с XV века «интерес» употреблялся в меркантильном смысле, как интерес с какого-то вложения. Интерес возрастает по мере того, как вложение увеличивается, а *вероятность* успеха снижается: наибольшую прибыль приносят самые рискованные вложения. Точно так же и наиболее рискованные высказывания, вероятность которых наименее очевидна, обеспечивают им наибольшую содержательность. Чем меньше гарантии, тем больше интереса.

Категория интересного внутренне парадоксальна. Так, интересность идеи или теории *обратно пропорциональна вероятности ее тезиса и прямо пропорциональна достоверности аргумента*. По мере того как вероятность тезиса растет, а достоверность аргумента падает, теория становится менее интересной. Наименее интересны теории: (1) доказывающие самоочевидный тезис, (2) приводящие шаткие доказательства неочевидного тезиса, (3) что хуже всего — неосновательные в доказательстве очевидных вещей.

Чем менее вероятен тезис и чем более достоверен аргумент, тем интереснее научная идея. Самая интересная теория — та, что наиболее последовательно и неопровержимо доказывает то, что наименее вероятно. Например, вероятность

того, что человек воскреснет после смерти, исключительно мала, и религиозное учение, которое обосновывает реальность воскресения, уже в течение двух тысячелетий остается захватывающе интересным для человечества.

Таким образом, интересность теории зависит не только от ее достоверности, но и от малой вероятности того, что она объясняет и доказывает. Интересность — это *соотношение, образуемое дробью, в числителе которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе — вероятность доказуемого* (the relationship of provability to probability).

Этот же *двойной критерий* интересности можно распространить и на литературное произведение. Интересен такой ход событий, который воспринимается, с одной стороны, как *неизбежный*, с другой — как *непредсказуемый*. Как и в научной теории, логика и последовательность художественного действия сочетается с его неожиданностью и парадоксальностью. Скучность стиля или метода — это не только его неспособность увлечь читателя и исследователя, но и признак его художественной или научной слабости, когда выводы исследования повторяют его послышки и не содержат ничего удивляющего.

Интересность — это то свойство, которое скрепляет «очевидное» и «невероятное», не позволяя им оторваться друг от друга. Как только одно начинает резко преобладать над другим, например старательно доказывается легко доказуемое (очевидное) или провозглашается и не доказывается трудно доказуемое (невероятное), интерес утрачивается, переходя в скуку согласия или досаду недоверия. В соответствии с этимологией слова (inter-esse) интересно то, что находится в *промежутке* двух крайностей — между порядком и свободой, между достоверностью и невероятностью, между логикой и парадоксом, между системой и случаем. Стоит чему-то одному взять верх, оттеснить другое — и интерес тотчас же пропадает, заменяясь сухим уважением или вялым безразличием. Нас интересует не просто странность или безумие, но такое безумие, в котором есть своя система, и такая идея, в которой, при рациональном зерне, есть что-то безумное, выходящее за границы здравого смысла. Перефразируя Нильса Бора, можно сказать: «Эта идея недостаточно безумна, чтобы быть интересной».

Философы Ж. Делез и Ф. Гваттари резко противопоставляют «интересное» знанию и истине как устаревшим эпистемам. «Философия состоит не в знании и вдохновляется не истиной, а такими категориями, как Интересное, Примечательное или Значительное, которыми и определяется удача или неудача. <...> Одни лишь профессора могут, да и то не всегда, писать на полях “неверно”, у читателей же скорее вызывает сомнение значительность и интересность, то есть новизна того, что им предлагается читать. <...> Даже отталкивающий концепт обязан быть интересным. <...> Мысль как таковая производит нечто *интересное*, стоит ей получить доступ к бесконечному движению, освобождающему ее от истины как предполагаемой парадигмы, и вновь обрести имманентную творческую потенцию»¹.

Интересно то, что не соответствует действительности, противостоит как свидетельствам фактов, так и вкусам зрителей? Такая концепция интересного как альтернативы истинному столь же однобока, как и рационалистическая

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетей, 1998. С. 108, 178.

концепция истины. Интересное образуется именно в *раздвоении* и *совмещении* двух критериев, а не в исключении одного другим. Иррациональное интересно, поскольку оно обнаруживает свою рациональную сторону, и наоборот. Э. По или Х. Л. Борхес — интереснейшие писатели именно потому, что у них тайна поддается разумной расшифровке, но и сама расшифровка не упраздняет, а усиливает чувство еще более объемлющей тайны. Мысль, которая заведомо противится фактам и презирует их, столь же скучна, как и мысль, которая плоско опирается на факты. Интересное — то, что заманивает в «ловушку», захлопывает и позволяет «быть между»: между двух взаимно исключаящих и равно необходимых качеств предмета. Интересно быть между тезисом и антитезисом, когда и синтез между ними невозможен, и победа того или другого исключена... Интересность — это бытие в точке наибольшей интеллектуальной опасности, наименьшей предсказуемости: между системой и безумием, между истиной и ересью, между тривиальностью и абсурдом, между фактом и фантазией.

Если постструктурализм, в лице Фуко, Делеза и Гваттари и других теоретиков, считает истину устаревшей категорией и отказывает ей в каком-либо концептуальном статусе, то следующая эпоха мышления восстанавливает интерес к истине, но уже в составе более широкой категории интересного. Истина заново приобретает интерес именно как неожиданная и невероятная истина, не только отражение того, что есть, но и предвосхищение того, чего быть (почти) не может. Интересно не то, что бросает прямой вызов истине или фактам, а то, что соединяет в себе истинное и невероятное, то есть являет истину там, где ее не ждешь, где она противоречит здравому смыслу.

Особенно наглядна конденсация интересного в самом кратком жанре, в афоризмах, которые являют нечаянность истины, бросающей вызов здравому смыслу. Классический афоризм — высказывание Гераклита о том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. «Действие — последнее прибежище тех, кто лишен воображения», — в этом афоризме О. Уайльда выворачивается наизнанку банальное представление о том, что к мечте склонны люди, неспособные к действию. Именно в таких парадоксах и раскрывается глубина интересного, где наименее вероятное обнаруживает свою достоверность.

Достоинство любого автора — быть интересным, но это не значит *интересничать*, то есть нарочно привлекать к себе интерес. Как правило, интересничанье быстро распознается и убивает интерес к себе, притупляет внимание и любопытство. Интересничанье — это интеллектуальное кокетство, скоротечное израсходование ресурса интересности, взрыв неожиданного, когда еще не успело оформиться само ожидание. Заискивать перед публикой, добиваться ее внимания — лучший способ утратить ее интерес. На такие случаи интересности, лишенной собственного центра и потому быстро переходящей в безразличие, указывает М. Хайдеггер: «Сегодняшний интерес ценит одно лишь интересное. А оно таково, что может уже в следующий момент стать безразличным и смениться чем-то другим, что нас столь же мало касается. <...> Такое отношение принижает интересное до уровня безразличного и вскоре отбрасывает как скучное»¹.

¹ Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 135–136.

Наиболее интересны те произведения, которые написаны *не ради чистого интереса*, а ради познания мира и человека, ради воплощения идеи, ради эмоционального самовыражения. В этом «диалектическая» особенность интереса, который тем вернее достигает своей цели, чем больше уклоняется от нее (ср. *хитрость желания). Интересный человек, интересная книга наполнены собой и своим — но не до края, они могут забрать «на свой борт» читателя и увести за собой. Есть такие талантливые люди, с которыми неинтересно, потому что они переполнены собой и не оставляют места ни для кого, кроме себя. Их интересность приближается к нулю, как и интересность совсем пустых людей, у которых ничего нет за душой, которым некуда вести слушателя или читателя.

Современные физики употребляют понятие интересного для того, чтобы описать устройство Вселенной. Физик Фримэн Дайсон (Dyson) объясняет совокупность зол, катастроф, катаклизмов в нашей Вселенной тем, что жизнь не должна застывать в каком-то благополучном состоянии; чтобы быть интересной, она должна включать в себя и события, нарушающие ее баланс. Дайсон развивает принцип «максимального разнообразия», согласно которому «законы природы и начальные условия таковы, чтобы сделать вселенную как можно более интересной»¹. Как только жизнь становится скучной, уравновешенной, происходит нечто непредвиденное: кометы ударяются о землю, наступает новый ледниковый период, разыгрываются войны, изобретаются компьютеры... Наибольшее разнообразие ведет к стрессу в жизни и интересу в познании. Специалисты по теории *хаосности употребляют «интересный» в значении «сложный», «нелинейный», не поддающийся упрощению и предсказанию. Шансы на возникновение жизни и разума статистически ничтожны во Вселенной, что и делает жизнь и мышление захватывающе интересным приключением.

*Гипотетизм, Всеразличие, Выверт, *Интенсивность*, Конструктивная аномалия, Концептивизм, Креатема, *Самое-самое*, Чудо как правило

Лит.: Шопенгауэр А. Об интересном. М.: Олимп, 1997; *Голосовкер Я. Э.* Миф моей жизни. Интересное // Вопросы философии. 1989. № 2; Lyotard J.-F. *Interessant?* // Lyotard J.-F. *Moralités postmodernes*. Paris: Editions Galilee, 1993.

The Interesting // Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences. Berkeley: University of California. Vol. 18. № 1. Fall/Winter 2009. P. 75–88.

Возможное. С. 213–219.

Transformative. P. 227–238.

КАК БЫ (as if, like). Союз-философема, обозначающий условно-симулятивную, «кажимую» природу мироустройства, как в рамках индивидуальных жизненных установок, так и внутри определенных культур и социумов. «Как бы» означает: «может быть да, может быть нет», то есть содержит смысловой континуум всех переходов от «реального» к «фиктивному», в котором невозможно провести дискретные разделения «истины» и «лжи».

Каждое общество развивает свои методы проверки реальности и действительности своих институций и соответственно обладает разными степенями их допустимой

¹ Horgan J. *The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age*. New York: Broadway Books, 1997. P. 252.

фиктивности, терпимой фантазмагоричности. В одних обществах господствует *реалитет, в других — *фактазия, причудливое сочетание фантазий, выдающих себя за факты, и фактов, столь же невероятных, как фантазии.

«У нас все мечта и призрак, все мнится и кажется и чудится, все только будто бы, как бы, нечто, что-то...» — отмечал В. Кюхельбекер¹. Маркиз де Кюстин так выразил этот «номинативный» и «симулятивный» характер *как бы* реальности: «У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия — страна фасадов. Прочтите этикетки, — у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей...»² Не только западный наблюдатель, но и почитатель российских корней, один из самых искренних и горячих славянофилов Иван Аксаков наблюдает то же «*как бы*» в отечественной цивилизации. «Все у нас существует *будто бы*, ничего не кажется серьезным, настоящим, а имеет вид чего-то временного, поддельного, показного, и все это от самых мелких явлений до самых крупных. У нас *будто бы* есть и законы и даже 15 томов свода законов <...>, а между тем половины этих управлений в действительности не существует, а законы не уважаются»³.

Оба писателя, с противоположных точек зрения, отмечают половинчатость российской цивилизации. Для де Кюстина она недостаточно европейская, для Аксакова — недостаточно русская, но результат один: ее номинативный и симулятивный характер. Она усвоена в демонстративных, презентационных, номенклатурных формах, лишенных как «настоящего европейского», так и «внутреннего русского» содержания, и остается царством названий и видимостей.

В СССР господствовали *идеологические* формы «как бы»: планы, отчеты, рапорты, симуляции выполняемых предначертаний и достигнутых успехов. В постсоветском обществе преобладают *рекламно-визуальные*, коммерческие, «пиаровые» формы, «презентации». «Как бы» становится фирменным словом — как знак стирающихся граней между «есть» и «нет». Это можно истолковать как слабеющее чувство реальности в условиях почти невероятного крушения советской системы и непрерывной череды последующих кризисов, подрывающих ощущение стабильности. Все становится полуфиктивным: как бы демократия и как бы капитализм, как бы деньги и как бы контракты, как бы общество и как бы семья... Создаются симулякры парламента, партий и предприятий, — на эту тему стихотворение Е. Евтушенко «Я живу в государстве по имени КАК БЫ...» (2004). Виртуальность в форме вездесущего «как бы» проникает во все клеточки языка, мирозерцания и общественных отношений. Эта виртуальность самой действительности, которая превращается в компьютерную игру или в фабрику двойников и подделок, отображается в прозе В. Пелевина и В. Сорокина, в стихах Д. Пригова и Т. Кибирова.

Как бы исторически, олицетворяемое образом «потемкинской деревни», выступает в России не только как политический обман, но и как метафизическое разоблачение обманности всякой цивилизации, всякого положительного делания.

¹ О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Альманах «Мнемозина», 1824.

² Кюстин, де. Николаевская Россия. М.: изд-во Общества политкаторжан, 1930. С. 79.

³ Мнения русских о самих себе. Собрал К. Скальковский. СПб.: типография А. С. Суворина, 1904. С. 106.

Это видимость такого рода, которая почти не скрывает своей обманчивости, но и не разрушает ее целенаправленно, а заботится об ее сохранении в качестве видимости.

**Амбирелигия, Гипер-, Гипореальность, Грамматософия, Концептуализм, Минус-система, Недо-, Платомарксизм, Реалитет
Возможное. С. 59, 201, 244–246, 278.*

КОНСТРУКТИВНАЯ АНОМАЛИЯ (constructive anomaly). Нарушение правил определенной системы, которое обнаруживает потенциал ее расширения и обновления. *Конструктивную* аномалию (или лауну), заложенную в самой системе, следует отличать от *случайной* (небрежность, неграмотность и т.д.). По мысли Т. Куна, «наука начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навешенные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки»¹. Так понятая аномалия становится отправной точкой развития новых научных идей.

В частности, аномалии чрезвычайно важны для изучения языка — это скрытый ресурс новой нормы, зародыш нового слова, правила, морфологической или синтаксической модели. Роль языкознания в конструктивном использовании языковых аномалий исключительно велика. Лингвист находит в конкретных речевых актах поэзии и прозы те преобразования наличных норм, которые могут послужить лексическому и грамматическому развитию языка в целом. Художественная словесность реализует возможности языковой системы, которые еще не стали нормой, и одна из задач лингвистики — закреплять эту возможность в языке, тем самым увеличивая его выразительные средства. Например, выражения «шумящее Богу дитя» (Г. Айги) и «думает коту, лежащему на лавке» (Е. Шварц) могут раздвинуть парадигму беспредложного дательного падежа, сферу его сочетаемости с глаголами. Это аномалия, поскольку по правилам грамматического управления только глаголы прямой коммуникативной направленности могут сочетаться с названием адресата в дательном падеже («писать, говорить, посылать кому»). Поэтическая аномалия позволяет расширительно использовать дательный падеж при любом глаголе, раскрывая тем самым *всеобщую адресность* бытия; жить, думать, ходить, грустить, дышать *кому-то*, превращая все эти действия в средство коммуникации. *Глубинный дательный* падеж позволяет осознать и вербализовать тот аспект наших действий, который до сих пор не имел регулярного способа выражения в языке. Конструктивная аномалия — возможность системного сдвига в языке, одно из направлений его будущей эволюции.

**Вит, Креатема, Потенциация, Творчество, Трансформация
Творчество. С. 241–244.*

КРЕАТЕМА (createme). Минимальная структурная единица творческого акта. Творческий акт отступает от общепринятой системы правил и вместе с тем возводит это отступление в новое системообразующее правило, придает ему смысл

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 80.

и целесообразность. От случайной ошибки, вызванной неграмотностью или небрежностью, *креатема* как творческое отклонение от нормы отличается тем, что вводит в действие новую закономерность. Творческий акт уместно сравнить с конструктивной мутацией, ошибкой наследования, на основе которой создается новый вид или организм. Творчество можно также рассматривать как модальный процесс перехода от актуального к потенциальному, **потенциация*, которая затем переходит в новую актуализацию.

Особенно поучительно исследовать законы создания нового применительно к элементарным единицам языка, поскольку на них легче моделируются более сложные творческие процессы. Слово — наименьшая значимая единица языка, которая может самостоятельно употребляться в речи, и создание нового слова — это творческий акт в миниатюре. В написании слова «цветы», начиная с первой буквы, можно совершить много бессмысленных ошибок: «аветы», «бветы», «вветы», «гветы», «дветы» и тому подобная абракадабра. Однако, дойдя до буквы «р», «*рветы*», можно почувствовать неслучайность в постановке здесь именно этой буквы, потому что с ней связан иной корень — «рвать», «рвёт». Одна из самых устойчивых ассоциаций — «рвать цветы». «*Рветы*» — сорванные цветы, скошенные, разбросанные, еще красивые, но уже безжизненные, — трупы цветов. «*На траве валялись рветы, свесив свои увядшие головки*». Слово может и далее расширять свое значение, следуя путями, уже проложенными для него словом «цветы», поскольку именно эта связь поддерживает его смысл: «*Если правда, что дети — цветы жизни, то беспризорники — это ее рветы*».

Креатема как акт творчества в миниатюре — это момент перехода от одного смысла к другому через стадию *просчета*, который оказывается *новой точкой отсчета*. Ошибка в слове «цветы», произвольная постановка «р» на место «ц», — зародыш нового потенциального слова и смысла: «рветы». Об этом писал В. Хлебников: «Вы помните, какую иногда свободу от данного мира дает опечатка. Такая опечатка, рожденная несознанной волей наборщика, вдруг дает смысл целой вещи и есть один из видов соборного творчества и поэтому может быть приветствуема как желанная помощь художнику»¹. Нарушение правила ведет к его расширению или становлению нового правила, системной закономерности.

У креатемы сложная структура, состоящая из трех компонентов: 1) исходная матрица (слово «цветы»); 2) замена в ней одного элемента другим и разрушение исходной матрицы («ц» меняется на «р»); 3) становление новой матрицы с другим элементом («рветы»).

Креатемы обнаруживаются и в музыкальном творчестве, причем даже самом строгом, классическом, стремящемся к гармонии. По наблюдению Альфреда Шнитке, «“ошибка” или обращение с правилом на грани риска и есть та зона, где возникают и развиваются животворные элементы искусства. Анализ хоралов Баха выявляет множество почти нарушений строжайших в ту пору гармонических правил. <...> Ошибка (вернее то, что мы по инерции считаем ошибкой) в творчестве неизбежна, а иной раз — необходима. Для образования жемчужины в раковине, лежащей на дне океана, нужна песчинка — что-то “неправильное”».

¹ Хлебников В. Наша основа // Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 627.

инородное. Совсем как в искусстве, где истинно великое часто рождается “не по правилам”»¹.

Философ Дэниел Деннетт считает искусство совершения ошибок важнейшей частью плодотворной интеллектуальной стратегии. «Культивировать привычку ошибаться — это лучшая из всех познавательных возможностей. <...> Мы, философы, специалисты по ошибкам... Если другие дисциплины специализируются в правильных ответах на заданные вопросы, то мы, философы, стремимся так запутать все вещи, так глубоко ошибаться, что никто даже не уверен в правильности вопросов, не то что ответов»².

И природа, и культура действуют методом проб и ошибок, и без ошибок невозможны были бы и сами пробы. Уместно провести параллель между ролью ошибок в творческом процессе и ролью мутаций в естественном отборе. Эволюция была бы невозможна, если бы генетические программы воспроизводились без погрешностей. Мутации, как ошибки копирования, встречаются крайне редко: у человека только в одной из ста тысяч гамет ген подвергается изменению. Как при подстановке разных букв в слове «цветы», большинство вариантов приводят к бессмыслице, это так называемый генетический мусор. Лишь одна из миллионов мутаций оказывается полезной и создает новый признак в организме, делает его более жизнеспособным, передается следующим поколениям и закрепляется в ходе эволюции. Точно так же *на редкость удачная* ошибка позволяет слову включиться в лексическую систему языка и расширить ее; новая политическая идея или философская система овладевает сознанием людей и закрепляется социальной и интеллектуальной эволюцией человечества.

По мысли немецко-американского генетика Рихарда Голдшмидта, внезапные единичные мутации, которые он назвал **обнадеживающими уродами*, могут приводить к особо крупным видовым изменениям. К числу таких уродов можно отнести и *морфомутации*, например хлебниковские неологизмы, где морфемы сочетаются не так, как принято в языковой норме: не «творец», а «*творянин*», не «дружба», а «*дружево*», не «красавец», а «*красивейшина*». Они «уроды», потому что таких слов нет в языке, они кажутся произвольными скрещиваниями значимых элементов; но они *обнадеживающие* уроды, потому что они обладают потенциалом нового смысла: «творяне» — это дворяне творчества, «аристократы духа»; «дружево» — это сеть знакомств и приятельств, где люди оказывают друг другу услуги «по дружбе»; «красивейшина» — это красивейший в своем роде (ср. «старейшина») и т.п.

Креатема — это ошибка, если она непроизвольная, бессознательная, или ересь, если она намеренная, упорная. Величайшие открытия случались в виде ошибки или ереси, то есть сознательного отклонения от господствующей системы идей, от позиций большинства. Колумб по ошибке открыл Америку, направляясь в Индию. Множество крупных изобретений, включая рентгеновское излучение Вильгельма Рентгена, пенициллин Александра Флеминга, микроволновую печь Перси

¹ Беседы с Альфредом Шнитке / Сост., автор вступ. статьи А. В. Ивашкин. М.: РИК Культура, 1994. http://yanko.lib.ru/books/music/shnitke_ivashkin_besedu.html

² *Denmett D. C. Intuition Pumps and Other Tools for Thinking*. London: Penguin Books, 2013. P. 20. Особенно примечательна в этой книге первая глава «Делая ошибки» (р. 19–28), с которой начинается описание двенадцати основных инструментов мышления.

Спенсера, пейсмейкер (регулятор работы сердца) Джона Хоппса, были сделаны случайно, когда работа в одном, предсказуемом направлении давала осечку — и вдруг приводила к неожиданному прорыву. Многие новые научные, философские и религиозные идеи возникали как ереси, порой граничащие с преступлением или безумием, — М. Лютер, Н. Коперник, Г. Галилей, Д. Бруно, М. Сервет, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, маркиз де Сад, Л. Толстой, Ф. Ницше, З. Фрейд... Там, где есть творческий прорыв, всегда можно найти «энергию заблуждения» (Л. Толстой), то есть упорное, системообразующее отклонение от известных и проверенных истин. Это и есть тот «радиоактивный фон», излучение которого может убить организм, а может привести к созданию новых организмов.

В чем особенность творческого процесса по сравнению со спонтанно-эволюционным? Доля вредных мутаций в культуре гораздо ниже, чем в случайных эволюционных пробах природы. Творческий ум способен выбирать из всего бесконечного разброса возможных ошибок именно *креатемы*, которые содержат в себе потенциал новых систем. Это *целенаправленная хаотизация* знания, нарушение установленных правил — с интуитивным или рациональным предвидением того, какие сбои и просчеты окажутся наиболее конструктивными.

Отступление от системы может быть случайным или намеренным, например экспериментальным, то есть проверкой, каким окажется результат отклонения от правила. Это может быть и самоцелью: нарушение правил как негация, подрыв основания системы. Можно выделить несколько типов креативности.

1. Девиация, ошибка, нечаянный сбой.
2. Экспрессия, попытка выразить нечто по-своему, соединяя старое и новое, известное и неизвестное.
3. Негация, сознательная установка на подрыв системы, — как самоцель: анархия, интеллектуальный террор, декаданс (до основания разрушить, а потом само что-нибудь да построится, как говорил М. А. Бакунин).
4. Эксперимент — неизвестно, что получится, но стоит уклоняться от протоптанных путей в надежде на прорыв, непредсказуемый результат.
5. Инновация, оригинальность, целенаправленная установка на осознанную новизну.

В творческом процессе есть два взаимосвязанных элемента: аномалия и аналогия. *Аномалия* — исключение из правила, отступление от заданного порядка. *Аналогия* — выстраивание нового порядка на основе сходства и унификации в рамках новой, складывающейся системы. *Креатема* — *конструктивная аномалия, которая вводит в действие цепь аналогий, то есть выступает как принцип регулярного образования новых слов, идей, дисциплин, мировоззрений. По мысли Ф. де Соссюра, именно индивидуальная речь, со всеми своими случайными отклонениями от языковой нормы, запускает процесс изменения самой нормы: «Новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно — случайное творчество отдельного лица. <...> В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникших в речи; но те, какие остаются, все же достаточно многочисленны, чтобы с течением времени в своей совокупности придать словарю и грамматике совершенно иной облик»¹.

¹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 199, 203.

Особенность творческого мышления состоит в том, что оно постоянно оперирует аномалиями, извлеченными из старых систем, и превращает их в аналогии, в системность нового порядка. На уровне слова, предложения, идеи, теории, мировоззрения, художественного приема, научной дисциплины, культурной институции — повсюду творческое мышление «разваливает» старую систему и из частиц хаоса, возведенных в норму, создает новую. Таким образом, креатема, как единица творчества, включает три момента: (1) аномалия, выпадение из системы; (2) пауза, кризис, хаос, крах системы; (3) аналогия, превращение аномалии в конструктивный принцип новой системы.

Подобного рода радикальные сдвиги можно обнаружить и в структуре возникновения новых интеллектуальных движений, научных дисциплин. Так, философский экзистенциализм, исходя из привычной матрицы «сущность реализуется в существовании», критически пересмотрел соотношение ее элементов и предположил, что, наоборот, «существование предшествует сущности», свободно выбирает и проектирует свою сущность (Ж.-П. Сартр). Грамматология как наука о письменности, обоснованная Ж. Деррида, отталкивалась от привычной матрицы: «письмо вторично по отношению к устной речи» — и взамен утвердила первичность фонетического письма как основы всей западной культуры. В свою очередь, **скрипторика*, как наука о пишущем, о Homo Scriptor, перенесла акцент с системы письменных знаков на субъекта письма, с «что» на «кого».

При создании новых направлений или дисциплин творческий акт усложняется по сравнению с созданием нового слова или понятия, но включает те же основные элементы: 1) устоявшаяся матрица (структура, парадигма), со своим набором и соотношением значимых элементов; 2) внесение нового элемента или переворот в отношениях старых элементов; 3) формирование новой матрицы, возводящей в закономерность отступление от прежней матрицы.

*Абдукция, Вит, *Гуманитарное изобретение*, Интенсивность, Интересное, Конструктивная аномалия, *Креаторика*, Морфемы прыгающие, Потенциация, *Творчество*
Творчество. С. 51–86, 103–108.

КРЕАТОРИКА (creatorics). Гуманитарная наука о творчестве и изобретательстве, о создании новых понятий, идей, художественных направлений, культурных движений, социальных институций. Креаторика исследует логику, психологию, этику, эстетику творчества и его место в жизни личности и человечества. Этим *креаторика* отличается от более технологически ориентированной *эвристики*, которая исследует методы научных открытий и приемы решения инженерных задач. Креаторика приложима к таким областям творчества, как язык, литература и искусство, философия, культурология, религиозная и общественно-политическая мысль.

Поскольку творчество — один из самых универсальных принципов мировой динамики и культурного обновления, креаторика взаимодействует с самыми разными дисциплинами.

Креаторика — космология — теология. Космос рассматривается как процесс творческой эволюции у А. Бергсона, Т. де Шардена, А. Н. Уайтхеда. Взаимодействие креаторики и теологии обусловлено представлением о Боге как творце

мироздания, что не равнозначно креационизму, поскольку творческий процесс мыслится эволюционным и непрерывным. С точки зрения теологии процесса Бог — творение мира в сотрудничестве с человеком. Бог — это не вечное бытие, а событие, которое включает и самотворение Творца, непрерывное изменение его природы.

Креаторика — биология — теория эволюции. Роль креатемы в творчестве равнозначна позитивной *мутации* в процессе эволюции, когда происходят ошибки считывания генетической информации: организм приобретает признаки, которые усиливают его адаптационные способности и, передаваясь из поколения в поколения, приводят к созданию нового вида. На тему биологической и эволюционной креаторики и роли случайностно-вероятностных процессов в ней много глубоких идей высказано В. Налимовым.

Креаторика — логика — создание искусственного разума. Одно из основных направлений в развитии креаторики — изучение базовых единиц, алгоритмов творческого процесса, которые могут использоваться в создании самообучающихся машин. При этом акцент переносится с формальной логики на диалектическую, турбулентную, взрывную, размытую: как научить машину мыслить правильно и вместе с тем неправильно, чтобы она могла целенаправленно совершать ошибки и на их основе создавать новые правила построения альтернативных систем? Творчество — это одновременно и внесение хаоса в старую систему, и рождение новой системы из этого хаоса. Креаторика вписывает в алгоритм мышления многообразные отклонения от истины, случайности, неожиданности, заблуждения и ереси; среди них могут оказаться зародыши новых идей, наук, технологий, философий и целых цивилизаций.

Креаторика — психология — развитие и патология личности. Огромное число исследований посвящено психологии творческой личности, ее неврозам, идиосинкразиям и obsссиям, биполярным (маниакально-депрессивным) расстройствам, сексуальным акцентуациям и т.д. Здесь выделяются работы фрейдовской и юнгианской школ психоанализа, а также разных направлений экзистенциальной и персоналистической психологии, которая видит в творчестве симптом психического здоровья и высшей самореализации личностного потенциала.

Креаторика — социология — творческий класс. Это одно из самых быстро растущих направлений креаторики, обусловленное резкими структурными сдвигами в постиндустриальном, информационном и трансформационном обществе Запада, где производство новых идей становится главным двигателем социоэкономического развития. К творческому классу относят ученых, писателей, художников, политиков, стратегов, журналистов, дизайнеров, преподавателей, всех, кто профессионально занят созданием и распространением новых идей¹.

Креаторика — этика — «гений и злодейство». Одна из проблем, специфических для креаторики в ее отличии от эвристики, — соотношение творчества и морали. Имморализм — своего рода «профессиональное заболевание» многих гениально одаренных личностей, которым труднее, чем простым смертным,

¹ Характерные образцы этой социоэкономической креаторики: *Florida R. The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life (2002); Menger P.-M. The Economics of Creativity: Art and Achievement under Uncertainty (2014).*

удержаться в рамках нравственно должного. Гений — это полновластный хозяин в том мире, который отведен ему для творчества. Он распоряжается судьбами своих персонажей, он создает особое время и пространство и наполняет его красками и звуками, он вторгается в тайны мироздания, устанавливает законы для своих подданных и распоряжается их жизнью и смертью. Гений может все в пределах той сферы (художественной, философской, научной, технической), куда поставлен созидать, быть образом и подобием самого Создателя. Но кроме этого малого мира, ему вверенного, есть другой, большой мир, где он выступает как человек среди себе подобных, где на него возложены те же заповеди послушания, смирения, воздержания, взаимопомощи, любви к ближнему. Те качества, которые нужны ему как творцу малого мира, теперь должны уступить место тем качествам, которые нужны ему как творению, для послушания законам Творца в большом мире. Художник часто склонен «проскакивать» эту границу, не считаясь с нею: продолжает обращаться с другими людьми, как будто они его персонажи, манипулирует ими, подавляет их волю. Он капризен, своеволен, самовластен, как подобает творцу — сочинителю, но не гражданину, семьянину, прихожанину. В судьбе гения снова и снова повторяется миф о Люцифере, о светоносном предводителе духов, избраннике Господнем, который восстал против Творца, поскольку из всех творений был наделен наибольшим могуществом.

Союз креаторики и этики требует провести разграничение: творцу — творцово, твари — тварево. Поэту, художнику, изобретателю позволено, как *творцу*, все, что требуется для творчества. Творец питается плодами с древа жизни, он образ Творца в его могуществе, и здесь главные заповеди — утвердительные: твори, плоди, размножайся, наполняй землю, люби, покоряй, радуйся, будь свободным и сильным. Но в качестве творения Божия тот же человек подлежит правилам нравственности, и заповеди здесь запретительные: не убий, не прелюбодействуй, не кради, не лги, не домогайся... В гении двойственность человеческого удела предстает трагически заостренной: он и «право имеющий» среди тварей, и «тварь дрожащая» перед Творцом.

Трудно пройти тесным путем между морализмом и эстетизмом. Первый выражен Вл. Соловьевым в его статьях о А. Пушкине и М. Лермонтове и осуждает гения за безнравственность. Второй выражен М. Цветаевой и оправдывает безнравственность гения. «Все наше отношение к искусству — исключение в пользу гения. Само искусство тот гений, в пользу которого мы исключаемся (выключаемся) из нравственного закона» (М. Цветаева¹). Первая, соловьевская позиция — «благодаризм»: если гений действует нравственно, то благодаря своему гению, который обязывает его к высшей нравственности. Вторая, цветаевская, — «вопрекизм»: если гений действует нравственно, то вопреки своему гению, который обязывает его к бунту против нравственности.

Возможна и третья позиция — просветляющей скорби, которая восходит над эстетизмом, оправдывающим безнравственность гения, и морализмом, осуждающим его за безнравственность. Можно это назвать *метакатарсисом*, морально-эстетическим переживанием, которое возникает из двух рядов эмоций,

¹ Цветаева М. Искусство при свете совести // Цветаева М. Собр. соч. в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 353.

относящихся к жизни гения и к его творчеству. Это своего рода *софийное* чувство, относящееся к сфере целостной мудрости: тяжело грешному человеку возвыситься до творца, но не менее тяжело и творцу не опуститься до худшего из грешников! Метакатарсис, сверхочищение, возникает из двух противоположных переживаний: благодарности гению за то, чем он оделяет нас, и сострадания к тому, чем он сам себя обделил. Воспринимая создания гения, созерцая творца в твари, мы испытываем изумление, восхищение, благоговение. Читая биографию гения, созерцая тварь в творце, мы испытываем сострадание, скорбь, жалость, умиление — но порой и восхищение тоже. Два эти ряда чувств постепенно смыкаются в нас, возвышая над односторонностями творческого и обыденного бытия. Искусство порождает катарсис (в аристотелевском смысле), но и жизнь художника способна вызвать в нас не менее мощный катарсис сочетанием высот и падений, прозрений и ослеплений. Так этика и креаторика вбирают и преображают друг друга.

Креаторика — теоретическое обоснование таких творческих практик, как *гуманитарное изобретательство, *трансформативная гуманистика, *культуроника, *проективная лингвистика, *стереоэтика, *метапрактика, трансэстетика и транспоэтика; таких направлений мысли, как *концептивизм и *гипотетизм; таких приемов и типов мышления, как *абдукция, *аугментация, *иноумие.

*Абдукция, Алмазное правило, Аугментация, Гуманитарное изобретение, Духодарцы, Концептивизм, Креатема, Мыслительство, Творчество, Трансдисциплины, Трансформация Творчество. С. 51–86.

Совместимы ли гений и добродетель? О трудном пути между эстетизмом и морализмом // Знания. 2014. № 1. С. 179–190.

МОДАЛЬНОСТЬ (modality). Совокупность отношений и действий, логическое описание которых включает предикат «мочь». Всевозможные сочетания «мочь» с предикатами «быть» и «знать» и с отрицательной частицей «не» позволяют охарактеризовать многообразие известных модальностей и их соотношение.

Модальность — одна из самых загадочных категорий языка и мышления. Чаще всего она определяется «списочно», через перечисление самих модальностей, таких как «возможное» и «невозможное», «необходимое» и «случайное». Например, по словарию Вебстера, модальность — это «квалификация логических суждений, согласно которой они различаются как утверждающие или отрицающие возможность, невозможность, случайность или необходимость своего содержания». Это определение тавтологично, содержит логический круг, поскольку возможное и необходимое сами определяются как модальности. Другие определения:

«Модальная значимость утверждения есть способ или “модус”, согласно которому оно истинно или ложно...»¹

«В логике, альтернативный выбор классифицирующих суждений в соответствии с их отношением к существованию. Три широко признанных модуса — возможность, действительность и необходимость»².

¹ The Oxford Companion to Philosophy / Ed. by Ted Honderich. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. P. 581.

² Reese W. L. Dictionary of Philosophy and Religion. Eastern and Western Thought. New Jersey, London: Humanities Press, 1999. P. 486.

Под вышеприведенные определения модальности можно подвести в принципе любое суждение или предикат. Например, «расти» — способ бытия, «видеть» — способ отношения к бытию, «лгать» — способ характеристики суждения как ложного... Собственно к модальности это не имеет отношения.

Специфически модальность определяется как (1) суждение, характеризуемое предикатом «мочь», (2) в самостоятельной форме либо в сочетаниях с предикатами «быть» и «знать», (3) выражаемое как положительно, так и отрицательно (с частицей «не»). Иными словами, код, на котором производится все разнообразие модальных сообщений, состоит из четырех знаков: «мочь», «быть», «знать» и «не». Например, *возможное* — то, что может быть, а *необходимое* — то, что не может не быть.

Модальности разделяются на три основные группы: бытийные (онтические), познавательные (эпистемические) и чистые (потенционные). Онтические строятся из всех возможных сочетаний предикатов «мочь» и «быть»; эпистемические — из сочетаний предикатов «мочь» и «знать»; потенциальные — только из предиката «мочь», который может быть одночленным или двучленным, то есть сочетаться с другим предикатом «мочь». Дальнейшее введение еще одного параметра позволяет различить внутри чистых модальностей два залога: активный и пассивный (например, способность и позволение: «он может» — «ему можно»).

Именно понятие «мочь» является общим элементом таких основополагающих модальных категорий, как возможное, необходимое и случайное (онтические модальности); предположение, уверенность и сомнение (эпистемические модальности).

Онтические и эпистемические модальности

Основные онтические модальности:

Возможное:	может быть
Случайное:	может не быть
Невозможное:	не может быть
Необходимое:	не может не быть

В этой схеме представлена симметричная и предельно экономная по языку описания система модальностей. Все четыре категории связаны попарно. Сходным образом распределяются *эпистемические* модальности, связывающие предикаты «мочь» и «знать»:

Предположение:	может знать
Сомнение:	может не знать
Непостижимость:	не может знать
Уверенность:	не может не знать

Потенционные модальности (1)

Активный залог. Способность и потребность

Третью группу составляют потенциальные модальности, которые можно назвать «чистыми», поскольку они в своих определениях лишены предикатов

«быть» и «знать» и построены лишь на разных соотношениях предиката «мочь» и частицы «не». Здесь онтология и эпистемология уже не привходят в определение собственно модального предиката «мочь», который тем самым выступает как основание чистой **потенциологии*. В отличие от «быть» и «знать», «мочь» может сочетаться с другими предикатами («мочь делать») или сочетаться с самим собой, удваиваться («мочь мочь»). Тем самым, в зависимости от однократного или двукратного употребления предиката «мочь», образуются два разряда потенционных модальностей: *одночленные* и *двучленные*. Чистые модальности, состоящие из одного предиката «мочь», образуют категории способности/неспособности и потребности/неприхотливости:

может быть — возможность
 может делать — способность (может справиться с)

не может быть — невозможность
 не может делать — неспособность (не может справиться с)

не может не быть — необходимость
 не может не делать — потребность (не может обойтись без)

может не быть — случайность
 может не делать — неприхотливость (может обойтись без)

В модальном смысле способности и потребности обратимы — потребность есть способность, усиленная ее двойным отрицанием: «не-способность-не», неспособность обходиться без еды, без сна и т.д. Человек, способный играть на скрипке, часто *не может не* играть на скрипке, то есть испытывает потребность в такой игре. Это значит, что способности и потребности часто совпадают или сближаются в своей предметно-действенной зоне: то, к чему мы способны, в том и испытываем потребность. Таков активный залог четырех чистых модальностей.

Пассивный залог. Позволение и запрещение

Активному залого соответствует *пассивный* модальный залог, где тоже выделяются четыре предиката:

позволить — сделать возможным
 запретить — сделать невозможным
 заставить — сделать необходимым
 попустить — сделать случайным

Если в активном залого субъект модального действия выступает как подлежащее: «я могу», «я не могу», «я не могу не», «я могу не», то в пассивном залого предикат приобретает безличную форму, а субъект выступает в форме косвенного дополнения: «мне можно», «мне нельзя», «мне нужно», «мне необязательно».

Существует множество других глаголов с разнообразными модальными оттенками, то есть включающими «мочь» в свое лексическое значение: «уполномочить»,

«предоставить», «отказать», «вынудить», «навязать», «избежать», «уклониться» и т.д., но все они в той или иной степени синонимичны указанным основным глаголам и распределяются по четырем пассивным модальностям: позволения — запрещения — принуждения — попущения. Общее для них — то, что предикаты «мочь», «не мочь», «не мочь не» и «мочь не» выступают как характеристики не субъекта, а объекта данного модального действия. Между модальностями активного и пассивного залога выстраивается такое соотношение:

	активный залог («мочь» субъекта)	пассивный залог («мочь» объекта)	
мочь	способность		позволение
не мочь	неспособность		запрещение
не мочь не	потребность		принуждение
мочь не	неприхотливость		попущение

Потенционные модальности (2)

Воление и власть

Наконец, в *двучленных* модальных предикатах объектом «мочь» выступает не конкретное действие («делать»), но само «мочь». Это чистые модальности в квадрате: способность способности — *воление* и потребность потребности — *желание*. Воление есть способность быть способным, «мочь мочь», как безволие — неспособность способности, «не мочь мочь». Такова потенциальная модальность второго порядка, поскольку место конкретного глагола в паре с предикатом «мочь» теперь занимает сам предикат «мочь», то есть модальность удваивается. Сравним, например, такие высказывания:

У него есть *способность* к учебе.

У него есть *воля* к учебе.

Воля — это способность заставить себя быть способным: не просто способность к какому-то действию, а способность к созданию, выработке, осуществлению самой способности. «Мочь мочь» — это и есть способность, возведенная на уровень могущества, то есть на уровень, где можетствоваться само можетствование, где потенцируется сама потентность. Если способность первого порядка соотносится с конкретными действиями (занятиями, профессиями и т.д.), то способность второго порядка, выраженная двучленным предикатом «мочь мочь», соотносится сама с собой, как мощь самоценного можетствования.

В волеии эта способность обращается на способности того же самого субъекта, а во *власти* — на способности других субъектов. Власть — чистая модальность второго порядка: способность делегировать свои способности другим или пользоваться чужими способностями как своими. Формула *воления*: X может мочь. Формула *власти*: X может, чтобы Y мог (не мог, мог не, не мог не). Властвовать — значит не только мочь самому, но мочь, чтобы другие могли или не могли, то есть способность разрешать или запрещать, повелевать или попускать. Те четыре модальности, которые выше были выделены внутри пассивного залога, предполагают, как активного субъекта, именно субъекта власти:

могу, чтобы другой мог — позволяю
 могу, чтобы другой не мог — запрещаю
 могу, чтобы другой не мог не — повелеваю
 могу, чтобы другой мог не — попускаю

Желание и любовь

Следующий разряд чистой модальности определяется как желание и воздержание:

не может не мочь может не мочь

Желание так же соотносится с потребностью, как воление со способностью — это субъективная модальность второго порядка; если способность способности — это воление, то потребность потребности — это желание. Различие между потребностью и желанием выражается парой глаголов «хотеть — желать». Даже в обыденном языке «желать» обычно относится к таким действиям и объектам, которые не могут полностью удовлетворить потребности: «желать свободы, славы, счастья, бессмертия» (но «хотеть варенья, чаю, тепла, ласки»). Потребность — это жажда, которая ищет утоления. Желание, напротив, ищет утоления, чтобы больше жаждать. Желание — это потребность иметь потребность, это жажда самой жажды.

Желание по сути своей бесконечно, как и воление, поскольку в них «мочь» обращается само на себя, в них встроен механизм самоудвоения, самоумножения. По этой же причине слово «желать» имеет еще одно значение — не только желать самому, но и желать чего-то другому. Нельзя сказать: «я хочу вам здоровья» или «хочу вам счастливого пути», но только «желаю вам...» «Хочу» привязано к собственным потребностям субъекта, тогда как желание, именно потому, что оно вырывается за рамки потребностей, может быть передано кому-то другому, как передается и воление в отличие от способности.

Как пределом интенсивности для воления является власть, так пределом интенсивности для желания является *любовь*. Любовь — это «невозможность быть без», то есть такая степень желания, когда оно постоянно направлено на один и тот же объект и вместе с тем не может утолиться и пресытиться им. Как институционализация власти образует государство, так институционализация любви образует семью. Любовь — это высшая потребность и невозможность обойтись без другого существа, тогда как власть — высшая способность могущества над другим существом. Любовь и власть отчасти обратимы: любить — значит находиться во власти того, кого любишь. Но такая власть исходит от самого любящего, как его потребность в таком могуществе любимого, без которого «не может» сам любящий.

Двойные потенционные модальности, в которых предикат «мочь» сопрягается с другим предикатом «мочь», выстраиваются в такую схему:

Мочь мочь — воление	Не мочь мочь — безволие
Не мочь не мочь — желание	Мочь не мочь — воздержание

Модальная интенсивность. Чудо и воздержание

У модальности есть свои степени интенсивности, к наивысшему уровню которой относятся чудо и воздержание. Воздержанный человек может (субъек-

тивно) не мочь, как чудотворец может (объективно) совершить невозможное. Чудо — это бытие того, чего не может быть, а воздержание — могущество отказа от могущества. Воздержание и чудотворство вместе образуют фигуру святого, который может невозможное и мощен в немощи. Высшей точки модальной интенсивности вероуचितельное повествование достигает там, где герой воздерживается от применения своей мощи и одновременно совершает невозможное. Таков евангельский сюжет смерти и воскресения Иисуса. Он умирает, потому что он может не мочь, может не спасти себя, и он воскресает, потому что он может невозможное, может преодолеть смерть. Мочь быть немощным и мочь совершить невозможное — таковы две предельно интенсивные точки на шкале модальностей, и они пересекаются в главном событии священной истории, в смерти Бога, переходящей в воскресение человека («сила свершается в немощи»). Таким образом, все предикаты «мочь», на которых построена система модальностей, раскрывают градицию возрастающего могущества.

Последовательное выведение модальных категорий из одного общего предиката «мочь» позволяет соотнести их по принципу минимальных различий, то есть показать, что в языке модальности, как и на других структурных уровнях языка (фонетическом, грамматическом), каждая категория относится к другой на основании наличия или отсутствия минимального признака. Знаки модального кода: «мочь», «быть», «знать» и «не». Таким образом удастся описать определенное число категорий, исчерпывающих все возможные сочетания указанных предикатов, и провести модальный анализ и систематизацию таких понятий, как «возможное» и «необходимое», «уверенность» и «сомнение», «способность» и «потребность», «разрешение» и «запрет», «воление» и «желание», «власть» и «любовь», «чудо» и «воздержание».

Предикат «мочь» является центральным в определении всего круга модальностей — онтических, эпистемических и чисто потенционных. Тем самым категория модальности выводится за пределы онтологии и эпистемологии (с их специфическими предикатами «быть» и «знать») и требует построения особой философской дисциплины — **потенциологии*.

**Возможностное, Интересное, Модальные чувства и действия, Можествование, Потенциация, Потенциология, Потенциосфера*

К философии возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопросы философии. 1999. № 6. С. 59–72.

Возможное. С. 25–30, 74–77, 283–317.

Лит.: *White A. R.* Modal Thinking. Ithaca: Cornell University Press, 1975; *The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality* / Ed. by Michael J. Loux. Ithaca, London: Cornell University Press, 1979; *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Oxford, New York: Basil Blackwell, 1986; *Modern Modalities: Studies of the History of Modal Theories from Medieval Nominalism to Logical Positivism* / Ed. S. Knuuttila. Dordrecht (Holland) a.o.: Kluwer Academic Publishers, 1988.

МОДАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА И ДЕЙСТВИЯ (modal feelings and actions). Чувства и действия, которые характеризуются модальными предикатами: возможного, невозможного, необходимого. Многие чувства обращены на такие объекты или события, которые имеют вероятностный характер, не актуальны, а чисто потен-

циальны. Возможность нищеты или болезни часто производит страх несравнимо больший, чем сами эти состояния. У страха, как и у надежды, глаза велики, и многие эмоции усиливаются по мере перехода явлений в разряд возможных. Страх есть переживание возможной боли или утраты; желание — возможного наслаждения, надежда — переживание возможной радости. Вера, в отличие от достоверного опыта, направлена на то, что *может быть* (вера в спасение), или то, чего *не может не быть* (вера в Бога). Решимость обращена на действие, которое *необходимо* совершить; отчаяние — на опасность или беду, которую *невозможно* предотвратить; подозрительность — на обстоятельства, которые *могут* нести угрозу или причинить вред. Если отнять у этих чувств модальное измерение, они исчезнут. Исполнившаяся надежда переходит в радость и удовлетворение; исполнившаяся вера — в опыт и знание; исполнившийся страх — в боль и страдание. В темноте мы боимся появления незнакомца; когда он появляется, мы боимся, что он заговорит с нами; когда он заговаривает, мы боимся, что он ударит нас; когда он наносит удар, мы боимся, что он нас убьет... По выражению французского мыслителя Алена, болезнь лечит человека от страха заболеть. Сама специфика модальных чувств, а также их сила, страстность, напряженность определяются тем, что человек обитает в **потенциосфере* и представляет собой **возможностное* существо, для которого «может быть» или «не может не быть» более эмоционально действенно, чем само бытие или небытие.

Этот же критерий модальности определяет и специфику многих физических состояний и интеллектуальных действий. Например, «желать» отличается от «хотеть» своей направленностью на возможное и вместе с тем невозможное, на то, что не доступно для полной реализации, чего никогда не бывает «вдоволь». Желание свободы, любви, счастья, славы, бессмертия само потенцирует свой предмет как бесконечно желаемый и лишь частично воплотимый, тогда как объект хотения — нечто актуальное, то, чем оно вполне может удовлетворить себя: пища, питье, соитие (см. **Модальность*). Примерно так же соотносятся мышление и знание. Знание актуально объемлет свой предмет, «знает» его, тогда как мышление — это модальное действие, которое потенцирует множество **смыслов*, соотносимых не с актуальностью предмета, а с возможностью или необходимостью его преобразования, построения *мыслимых* предметов. В отличие от знания и хотения, *мышление* и *желание* сами создают свои предметы, а не находят их готовыми в бытии, в природе. Каждый акт мышления или желания — это новая возможность, которая открывается по ту сторону наличного, в бесконечности созидающей воли (интеллектуальной или чувственной). Отсюда и *хитрость мышления*: оно старается избежать тех вопросов, на которые у знания уже есть ответы; оно уклоняется от прямых путей знания, как желание — от прямых путей хотения. Если **хитрость желания* состоит в том, чтобы усиливаться и «разжигать себя», уклоняясь от простой разрядки, то хитрость мышления — в том, чтобы не совпадать с наличным знанием и не противоречить ему, но, взаимодействуя с фактами, порождать новые **смыслы*. Если предмет желания — не утление, а сама способность желания, то предмет мышления — сама способность мышления: познавать неизвестное для того, чтобы обнаруживать новую неизвестность в познанном. Мышление лишь отчасти опирается на факты, но вместе с тем уводит далеко от них, в область смыслов, ментальных конструкторов, которые подлежат не познанию, но осуществлению, то

есть дополняют существующее возможным и необходимым. Если отнять у мышления и желания это модальное измерение, они утратят свою конструктивность и сольются со знанием и хотением, которые направлены на сущее.

Возможное глубинно неосуществимо: не только потому, что оно может и не осуществиться, но и потому, что в определенном смысле оно вообще не может осуществиться, не утратив своей особой модальности. Свойство возможного — оказывать воздействие на действительность именно в меру своей недействительности, невоплощенности. Поль Валери дает парадоксальную характеристику своему интеллектуальному alter ego господину Тэсту: «Почему г-н Тэст невозможен? <...> Ибо он не что иное, как демон возможного»¹. Этот демонизм возможного, которое жаждет и бежит воплощения, то есть становится невозможным именно для того, чтобы оставаться возможным, и составляет двусмысленность, «взрывчатость» модальных чувств и действий. И надежда, и страх, и желание, и мышление обладают сильнейшим эмоциональным и интеллектуальным потенциалом именно в силу своей потенциальности, которая исчезает при реализации. Желание и мышление в принципе неостановимы, ибо желаемое и мыслимое простираются за горизонт наличного, в бесконечную область возможного-невозможного. Реальность многих чувств и состояний исчезает, если отнять у них их же фиктивность.

**Возможностное, Гипотетизм, Модальность, Мыслезнание, Потенциальные сообщества, Потенциация, Потенциосфера, Смысл, Хитрость желания*

МОЖЕСТВОВАНИЕ (potentia, ableness; существительное от глагола «мочь»). Модальная категория, обозначающая потенцию и потенциальность, свойство «мочь» (can, may) в единстве таких его значений, как «мощность» и «возможность». Термин «можествование» употребляется для номинативного обозначения свойства «мочь» и концептуально соотносится с категориями «бытие» и «знание».

Предикат «мочь» существенно входит в структурное описание всех модальных отношений, таких как возможность, необходимость, уверенность, сомнение и др. (*модальность)². При этом «мочь» не сводимо к категориям «быть» и «знать», не переводимо на язык онтологии или эпистемологии. Можествование, во всех его положительных и отрицательных проявлениях («мочь» и «не мочь»), не совпадает ни с каким моментом наличного бытия. По степени интенсивности можествование либо не достигает степени актуального бытия («то, что может быть», возможное), либо превосходит эту степень («то, что не может не быть», необходимое). *Возможное* менее бытийно, а *необходимое* более бытийно, чем бытие само по себе. Посыл можествования по отношению к бытию оборачивается либо «недолетом» возможного, либо «перелетом» необходимого, но не имеет точного онтологического эквивалента.

Воление, желание, возможность, вероятность, вера, власть, собственность, стойкость — все это разнообразные формы можествования, его психологические, эти-

¹ Валери П. Об искусстве / Изд. подгот. В. М. Козовой. М.: Искусство, 1976. С. 536.

² Характерно, что глагол «мочь» — самое употребительное из знаменательных слов в русском языке. Оно уступает по частотности только глаголу «быть», но последний употребляется и как служебное слово, глагол-связка, то есть не несет онтологического смысла, тогда как «мочь» всегда несет модальный смысл.

ческие, эпистемологические, теологические, политические, экономические и другие дисциплинарные проекции. Например, категория *собственности* охватывает все потенции данного субъекта по отношению к *объектам*, подобно тому как категория власти охватывает все его потенции по отношению к другим *субъектам*. Если собственность определяется формулой «я могу данную вещь», то стоимость вещи определяется тем, насколько «я не могу без нее». Стоимость — модальная категория, которая характеризует не потенцию субъекта в отношении объекта, но потенцию объекта в отношении субъекта — либо прямо (потребительская стоимость), либо косвенно, в сравнении с потенциями других объектов (меновая стоимость).

Общая теория можествования находится в процессе становления. Наряду с теориями бытия и познания, она может составить один из трех основных разделов философии: онтология — эпистемология — **потенциология*.

**Возможностное, Модальность, Потенциация, Потенциология, Потенциотерапия*
Возможное. С. 287–289, 292–297, 304–305, 318–321.

ПОТЕНЦИАЦИЯ, ОВОЗМОЖЕНИЕ (potentiation, possibilization). Процесс, обратный реализации: переход не возможного в действительное, а действительного в возможное, актуального — в потенциальное, утверждения — в предположение. *Потенцировать*, или *овозможивать*, — значит расширять сферу мыслимого, говоримого, **существуемого*, переводить явление из области бытия в область возможного, переводить суждение из изъявительного наклонения в сослагательное.

Наглядный пример того, как действует потенциация в обыденной жизни, дает роман Л. Толстого «Война и мир». Обреченная на год разлуки с князем Андреем, Наташа Ростова ходит по деревенскому дому и тоскует от того, что все в этом мире есть, как оно есть, и пытается внести в это «сущее» те возможности, которые не предназначены для реализации — но раздвигают стеснившееся пространство жизни.

«Что бы мне с ними сделать?» — подумала Наташа.

— Да, Никита, сходи, пожалуйста... — «куда бы мне его послать?» — Да, сходи на дворню и принеси, пожалуйста, петуха; да, а ты, Миша, принеси овса.

<...> «Боже мой, боже мой, все одно и то же! Ах, куда бы мне деваться? Что бы мне с собой сделать?» <...> Гувернантки разговаривали о том, где дешевле жить, в Москве или в Одессе. Наташа присела, послушала их разговор с серьезным задумчивым лицом и встала.

— Остров Мадагаскар, — проговорила она. — Ма-да-гас-кар, — повторила она отчетливо каждый слог и, не отвечая на вопросы m-me Schoss о том, что она говорит, вышла из комнаты».

В этой сцене Наташа ничего не делает, но «овозможивает» свою жизнь, создает возможности, которые расширяют пространство ее мира. «Мадагаскар» — это чистая, самоценная возможность в той действительности, где Москва и Одесса существуют реально.

Умножение возможностей — свойство бытия в его поступательном росте. От камня к дереву, от дерева к животному, от животного к человеку, от раба

к свободному проходит возрастание степеней возможного в его отношении с наличным бытием. Общество в своем развитии от деспотизма до демократии также следует этому вектору. Исторически возможности растут быстрее, чем способы их реализации.

Вся современная действительность пронизана «возможностными» образованиями, из «есть» переходит в модус «если» и требует к себе соответственного «поссибилистского» подхода. XX век продемонстрировал две основные модели развития. Первая, «революционная» — реализации возможностей, то есть сужения их до одной, желательной и обязательной реальности. В основе другой исторической модели — не революция, а потенция: *развитие не от возможного к реальному, а от реального к возможному*. В либерально-демократическом обществе действует модель непрерывного порождения все новых возможностей, которые не обязательно требуют реализации, которые самоценны и действенны, оставаясь при этом возможностями.

С. Жижек так обобщает этот парадокс: «возможность как таковая оказывает актуальное воздействие, которое прекращается, как только возможное актуализируется. <...> Эта прибавка того, что 'в возможности есть больше, чем только возможность' и что теряется в ее актуализации, есть реальное как невозможное»¹. Иными словами, *возможность* заключает в себе *невозможность* своей полной реализации. Когда предчувствие или догадка о возможном событии переходит в знание об уже свершившемся событии, исчезают те волнение, надежда, ожидание, которые были связаны именно с возможностью события, а не с его актуальностью. Свойство возможного — оказывать воздействие на действительность именно в меру своей недействительности. Возможность наказания — более мощный фактор предотвращения преступлений, чем суровость актуальных наказаний. Потенция сильнее по своему воздействию, именно оставаясь потенцией, так сказать, *действуя недействительно*.

Современный Запад, как «общество возможностей», имеет всеобъемлющие системы кредита и страхования, которые переводят повседневную жизнь в социальное наклонение. В страховании человек платит заранее за свои *возможные* несчастия: болезнь, аварию, безработицу, скоростную смерть или увечье. В кредите оплачиваются *возможные* формы благополучия: дом, машина, телевизор и пр. Человек живет в доме, который *может* перейти в его собственность, если в течение тридцати лет он будет вносить за него регулярную плату. Дом дан ему в модусе возможности. И положительные, и отрицательные стороны жизни оказываются условными с точки зрения экономики, которая основана на статистике, подсчете вероятностей, а не на однократности случившихся фактов. Ничто не существует просто так, в изъявительном наклонении, но все скользит по грани «если бы», одна возможность приоткрывает другую, как при смене линий кредита, и вся реальность состоит из чередования возможностей, которые сами по себе редко реализуются.

«Общество возможностей» есть также информационное общество. В нем производятся и потребляются не столько предметы, единицы физической реальности,

¹ Zizek S. Tarrying with the Negative: Kant, Hegel, and the Critique of Ideology. Durham: Duke University Press, 1993. P. 159, 160.

сколько тексты, знаки, образы — единицы информации. Мера информации — это вероятностная величина, которая увеличивается по мере уменьшения вероятности сообщения. Информационное общество стремится наращивать объем информации, которой оно владеет, поскольку это и есть его главное богатство, — тенденция столь же неоспоримая, как закон роста капитала или увеличения прибыли. Но рост информации требует усиления *вероятностного* характера общественной жизни. Информация растет по мере того, как мир становится все менее предсказуемым, состоит из все менее вероятных событий. Отсюда культ новизны, стремление каждого человека хоть в чем-то быть первым. В этом смысле выражения «общество возможностей» и «информационное общество» — синонимы, поскольку именно обилие возможностей делает осуществление одной из них информационным событием.

В развитых обществах смысловой акцент переносится с реальности на возможность, потому что жизнь, насыщенная возможностями, ощутимо богаче и полноценнее, чем жизнь, сведенная в плоскость актуального существования. В конце концов, эта актуальность ограничена для человека параметрами, присущими ему как родовому существу и более или менее одинаковыми для всех цивилизаций (устройство органов восприятия, уровень потребностей, продолжительность жизни и т.д.). Нельзя съесть больше того, что можно съесть, нельзя увидеть больше того, что можно увидеть, и этот потолок актуального благосостояния в развитых странах Запада близок к достижению, по крайней мере для значительной части населения. Но богатство жизни зависит от разнообразия ее возможностей больше, чем от степени их реализации. Актуальность есть постоянный или медленно растущий в своем значении знаменатель, а возможность — стремительно возрастающий числитель цивилизации. По мере развития цивилизации на одну единицу реальности приходится все больше возможностей. В этом и состоит поэтическая сторона прогресса, которая обычно заслоняется его практической стороной (**сверхпоэзия*).

Потенциация распространяется и на историю, которая, как оказывается, имеет сослагательное наклонение, позволяющее понять значение прошлых событий. По мысли Макса Вебера, «вопрос, что *могло бы* случиться, если бы Бисмарк, например, не принял решения начать войну, отнюдь не “праздный”. Суждение, что отсутствие или изменение одного исторического факта в комплексе исторических условий привело бы к изменению хода исторического процесса в определенном *исторически важном* отношении, оказывается все-таки весьма существенным для установления “исторического значения” факта...»¹ История, с точки зрения историка, это не только то, что было, но и то, что могло бы быть, иначе любой факт лишается своего смысла. Отсюда взгляд на саму историю как на процесс накопления возможностей: каждая последующая эпоха вбирает в свой смысловой состав возможности предыдущих. На нее приходится больше возможностей, чем на предыдущую, хотя объем и мера реальности остаются прежними: день, год, век... Арнольд Тойнби назвал этот поступательный процесс «этериализацией» (etherialization), имея в виду утончение материального субстрата истории и ее

¹ Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 465, 466–467.

переход в более духовное, эфирное состояние. Если творческое Слово, каким создан мир, есть глагол, Слово-Действие, то история есть парадигма спряжения этого Глагола, его переход из изъявительного наклонения в сослагательное.

Итак, в общественном и духовном бытии постоянно происходит процесс, обратный тому, который обычно называется реализацией. Потенциация — развитие от реального к возможному. В настоящее время актуальный мир все еще выступает точкой отсчета для большинства видов человеческой деятельности, направленных на постижение и изменение реальности. Но постепенно текстуальная, знаковая, информационная, виртуальная вселенная все более поглощает и потенцирует вселенную фактов, *делает возможным* то, что раньше было возможным делать. Происходит смена мировых модальностей. На входе в новую эпоху начинается избывание бытия, его переход в форму «бы». Сослагательное наклонение — огромная сфера душевного опыта и творческих терзаний, новая деликатность, терпимость и интеллектуальная щедрость, которая открывает путь к мирному «врастанию» будущего в настоящее в виде ветвящихся, множимых будущностей. Они приводят даже в наши трактовки прошлого — как многообразия альтернатив, позволяющих понять смысл исторических событий, которые значимы лишь постольку, поскольку «могли и не быть» или «быть другими».

Потенциация — это не только процесс, происходящий в истории, но и метод гуманитарных наук: умножение мыслимых объектов путем создания их альтернатив, вариаций, соперничающих моделей. Рядом с каждой дисциплиной, теорией, понятием, термином живет его «тень», которая при иных условиях освещения могла бы выступить как самостоятельный, первичный объект сознания. В отличие от релятивистски понятой *деконструкции*, *потенциация* не просто расшатывает основание какой-то системы понятий, показывает ее зыбкость и относительность, оставляя читателя перед лицом скептического и иронического «ничто», — но развертывает ряд альтернатив для каждой теории и термина. Не критикует их, а именно *потенцирует*, то есть вводит в раздвигающийся ряд понятий, каждое из которых альтернативно другому, открывает иную *смысловозможность* в том же явлении.

Так, анализируя язык, можно обнаружить в нем разные формы потенциальности — лакуны и альтернативы существующим терминам, семантические и грамматические пробелы, которые заполняются в актах синтеза новых языковых единиц. Проективная лингвистика *потенцирует* структуру языка, «топографически» растягивает его лексические поля, демонстрирует семантическую и грамматическую эластичность его значимых элементов — корней и прочих морфем, вступающих в новые осмысленные сочетания. Современный русский (и любой естественный) язык — это только один срез языковой **потенциосферы*, которая распространяется в прошлое и будущее; в ней присутствуют тысячи слов, еще не опознанных, не выговоренных, но призываемых в речь по мере того, как расширяется историческое сознание народа, и в свою очередь его расширяющих.

Потенциация продолжает работу деконструкции по «рассеянию» смыслов, но переводит эту работу из критического в креативный план и может быть оксиморонно названа «*конструктивной деконструкцией*». Потенциация как метод мышления — это моделирование возможностей, заключенных в исследуемом культурном ансамбле, в целях построения новых, альтернативных ансамблей. Деконструкция устанавливает в тексте «неопределимость значений», тогда как

конструктивное преобразование этого метода состоит в работе с «беспредельными значимостями», с множимыми альтернативами данного явления. Потенциация наук, искусств, жизненных стилей, теоретических моделей и т.д. — это процедура расширения каждого понятия путем его мультипликации, встраивания в виртуальные поля сознания. Критерий этого метода — не *верность*, соответствие объекту, но *веерность*, многообразие альтернативных путей мышления.

Метод потенциации лежит в основании многих концептов и проектов автора этого Словаря, таких как **Импровизация коллективная*, **Книга виртуальная*, **Культуроника*, **Персонажное мышление*, **Протеизм*, **Синтез языка*, **Транс-культура*. Один из опытов потенциации — электронная «Книга книг», собрание альтернативных гуманитарных дисциплин и теорий¹. Другой сетевой проект «Дар слова. Проективный словарь русского языка» — это потенциация лексико-морфологической системы русского языка, создание альтернативных моделей словообразования². Данный «Проективный словарь» также представляет собой опыт потенциации гуманитарных наук, их понятийно-терминологической системы.

**Альтерология, Аугментальность, Вит, Витоверификация, Возможностное, Гипотетизм, Интересное, Концептивизм, Культуроника, Многомирие, Модальность, Модальные чувства и действия, Персонажное мышление, Потенциология, Потенциосфера, Потенциотерапия, Проективность, Протеизм, Прото-, Творчество, Трансформация, Транскультура, Умножение сущностей*

Из тоталитарной эпохи — в виртуальную. К открытию Книги Книг // Русский журнал. 17.04.1998.

Возможное. С. 33–38, 111–118, 199–212, 278–282.

Humanities. P. 258–272.

ПОТЕНЦИОЛОГИЯ (potentiology)³. Философская дисциплина, исследующая все формы и проявления потенциальности и **модальности*, выраженные предикатом «мочь». Наряду с онтологией — наукой о бытии и эпистемологией — наукой

¹ См.: *Эштитейн М.* Книга, ждущая авторов // Иностранная литература. 1999. № 5. С. 217–228; *его же.* Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: Введение в Книгу книг // Континент. № 102. 1999. С. 355–366.

² <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>; http://www.russ.ru/krug/20021104_dar.html

³ Индоевропейский корень «*pot*», означающий «мочь», приобрел разветвленную систему производных в латинском (*posse*, мочь; *potens*, могучий; *possidere*, владеть; *potentatus*, власть), а затем и в новых европейских языках. В английском языке к этому корню восходит ряд слов, обозначающих основные формы и аспекты можествования: *possible* (возможный), *possibility* (возможность), *potency* (потенция, мощь), *potent* (мощный, сильный), *potential* (потенциальный), *potentiate* (делать возможным, придавать силу), *possess* (владеть, обладать), *possession* (владение, имущество, собственность), *power* (власть, сила, мощь, мощество, могущество, энергия), *powerful* (сильный, мощный, могучий).

Некоторые заимствования из европейских языков вошли и в русский: «потенция», «потентный», «потенциал», «потенциальный», «поссибилизм». Таким образом, корень «*pot*» охватывает основные группы значений, выраженных в русском языке корнем «мочь» («возможность», «мощь», «могущество»). Правда, в отличие от русского «мочь», «*pot*» не выражает глагольных форм «можествования» («мочь», «могу», «может», «может быть»), но, с другой стороны, охватывает ряд значений, выраженных русским корнем «вла» («владеть», «владение», «власть», «властелин»). В целом понятие «потенциология» содержит корневую связь с основными аспектами действия «мочь» — политическими (власть, могущество), экономическими (владение), модальными (возможность), волевыми (мощь), физико-метафизическими (потенциальность)...

о познании, потенциология как наука о **можествовании* составляет одну из трех важнейших философских дисциплин.

Начиная с Античности философия сосредоточивалась на понятиях «бытия» и «знания», тогда как «мочь», как целостная категория, из которой далее исходят понятия «возможности» и «могущества», оказалась на периферии мышления. По этой причине и категория **модальности* оказалась формализованной и отнесенной преимущественно к сфере логики и грамматики: она не соединялась с содержательной и собственно философской категорией «мочь», которая по своей метафизической и теологической глубине сопоставима только с категорией «быть». Положение модальности в философских исследованиях можно сравнить с тем гипотетическим случаем, если бы бытие изучалось только как глагол-связка «быть» в грамматике и в логике («А есть А») и не было бы тех глубинных концепций бытия, «сущего как сущего», которые составляют основу «вечной традиции» западного мышления от Парменида до Хайдеггера.

Между тем «бытие», самая широкая из всех философских категорий, составляет лишь одну из модальностей, «действительное», наряду с модальностями возможного и невозможного, необходимого и случайного. Содержательная постановка модальных проблем предполагает выход за рамки онтологии, которая сосредоточена на категориях сущности и существования. Различие между «быть» и «мочь» глубже, чем между «сущностью» и «существованием», поскольку обе последние категории сугубо онтологичны и представляют собой раздвоение одного свойства «быть» на бытие качества, универсалии — и бытие единичности, индивида. *Потенциализм* (potentialism) выходит за пределы как эссенциализма, утверждающего бытие самостоятельных сущностей, так и экзистенциализма, полагающего в основу всего чистое существование или его отрицание «ничто». Радикально иное по отношению к «быть» — это вовсе не его отрицание («не быть», «ничто»), но «мочь» как особый модус или состояние, не переводимое на язык бытия. Про «могущее» или «возможное» нельзя сказать ни что оно есть, ни что оно не есть. Если философия существования (экзистенциализм) на протяжении XIX–XX веков оказалась в столь резкой и плодотворной оппозиции к философии сущности (эссенциализму), то можно ожидать, что XXI век, в поисках альтернативных путей для философии, найдет для нее основание в категории «мочь» и станет веком *потенциализма*.

Предикат «мочь» входит в определение таких важнейших свойств и отношений мироздания, как вера и надежда, желание и воление, разрешение и запрет, способность и потребность, случайность и необходимость, чудо и долг, власть и любовь, собственность и стоимость... Наряду с «быть» и «знать», «мочь» составляет один из трех важнейших предикатов, на которых строится весь мыслимый универсум, Модальная вселенная даже более обширна по своему охвату, чем вселенные бытия и знания, поскольку включает множество возможных миров, для которых релевантен именно предикат «мочь» (**многомирие*, **мультикосмизм*).

История философии обнаруживает сильную диспропорцию интересов к этим трем «кистам» мироздания. Если теория бытия и теория познания составляют два основных раздела философии, онтологию и эпистемологию, то *потенциология* как теория **можествования*, то есть потенции-потенциальности (мощи-возможности), еще не сложилась. Нет исторической преемственности в изучении

категории «мочь» — есть только отдельные философские учения, связь которых еще не обрела той регулярности, которая позволила бы им сформироваться в устойчивую дисциплину.

Можно выделить несколько типов учений, тех областей, где обсуждаются проблемы можествования.

1. Метафизические учения об акте и потенции, о возможном и необходимом, восходящие к Аристотелю и получившие развитие у стоиков, схоластиков, Лейбница, Канта.
2. Модальная логика, также восходящая к Аристотелю, и новые учения о формальном исчислении модальных предикатов, о квантификации возможных миров: Кларенс Льюис, Рудольф Карнап, Яакко Хинтика и др.
3. Теологические учения о вере и надежде, о спасении верой, о соотношении веры и разума, о законе и благодати, воле и провидении: от Тертуллиана, Бл. Августина и Фомы Аквинского до К. Барта, П. Тиллиха, Ж. Маритена, Э. Блоха.
4. Волюнтаристские учения Шопенгауэра и Ницше, в основе которых лежит концепция «мировой воли» и «воли к власти», царства человеческого «могу»; к этому же разряду можно отнести и психоаналитические учения о либидо, желании, бессознательном, воле к наслаждению и господству: З. Фрейд, А. Адлер, В. Райх, Ж. Батай.
5. Политическая философия, изучающая общественно-исторические формы власти и господства, и связанная с нею философия права и законодательства, в центре которой категории позволения и запрета: от Платона и Аристотеля до Гоббса, Гегеля, Маркса, Джона С. Милля, Дьюи, Маркузе.
6. Философия и методология математики, кибернетики и естественных наук, изучающих вероятностную природу вселенной, статистические закономерности микромира, случайностные и хаотические процессы, числовые модели передачи информации и т.п.: от Паскаля до Н. Бора, В. Гейзенберга, Н. Винера, И. Пригожина.

Все эти интеллектуальные традиции, сами по себе сильные и влиятельные, тем не менее фрагментарны в отношении объединяющего их понятия «мочь» и часто даже не подозревают об общности своего предмета. Политическая философия никак не связана с теорией вероятностей, а модальная логика — с волюнтаристскими концепциями Ницше. Лейбницевская метафизика возможных миров никак не соприкасается с фрейдовским учением об эроте и либидо. С трудом прослеживается какая-либо историческая или интеллектуальная связь между философией воли Шопенгауэра и вероятностным подходом Н. Бора к квантовым величинам или между исчислением модальных предикатов у К. Льюиса и «мужеством быть» у П. Тиллиха.

Между тем и воление, и возможность, и вероятность, и желание, и власть, и вера — все это разнообразные формы можествования, его логические, политические, психологические и другие дисциплинарные проекции. Предикат «мочь» неизбежно входит в структурное описание всех этих феноменов. Идет ли речь о мощи государства, о господстве определенного класса, о юридических или моральных запретах, о силе индивидуальной воли, об эротических желаниях, о вере в божественное откровение, о возможности существования иных миров или о вероятности столкновения элементарных частиц — перед нами всюду выступает «мочь» как

универсальное свойство, всеобъемлющая «потентность» человека и мироздания, которая еще не нашла для себя объединяющей дисциплины в системе знаний.

Традиционно основной вопрос философии определялся в сфере соотношения бытия и знания (действительности и сознания) и по-разному решался в таких господствующих направлениях, как монизм и дуализм, реализм и номинализм, идеализм и материализм. В развитие этой традиции можно вычленить еще две группы основных вопросов, которые пунктирно прослеживаются в истории философской мысли и нуждаются в систематическом изучении. Это вопросы о соотношении (1) «быть» и «мочь» и (2) «знать» и «мочь», то есть вопросы онтической и эпистемической модальности.

В первой группе вопросов, возникающих на скрещении онтологии и потенциологии, рассматривается соотношение реального и возможных миров, акта и потенции, необходимости и случайности, детерминизма и волюнтаризма, влияния среды и волевого самоопределения личности. Во второй группе вопросов, возникающих на скрещении эпистемологии и потенциологии, рассматривается соотношение знания и веры, разума и откровения, теории и гипотезы, опыта и интуиции, достоверности и свидетельства, эмпирических и вероятностных моделей в науке и культуре, в средствах информации и коммуникации. Вопросы, относящиеся к области потенциологии и ее взаимодействия с теориями бытия и познания, принадлежат к числу не менее фундаментальных, чем вопросы, возникающие на границе онтологии и эпистемологии.

Потенциология приходит к самосознанию и формируется как единая дисциплина позже, чем онтология и эпистемология, которые определились как особые философские дисциплины уже в XVII веке (у Декарта, Лейбница, Вольфа). Вероятно, сама сложность и многообразие отношений, связанных с предикатом «мочь», предопределили их разбросанность по ответвлениям разных философских и нефилософских дисциплин. Особенно трудно оказалось установить связь между модальностями бытия (действительное, возможное, необходимое и случайное) и познания (знание и вера, аксиома и гипотеза, свидетельство и предположение, выражение уверенности и неуверенности), а также между ними обеими — и областью политической, правовой и моральной философии, где модальность выступает как воление и желание, владение и власть, позволение и запрет.

Все эти разновидности «мочь» оказались рассеянными по разным дисциплинам, поскольку лишь в XIX и особенно в XX веке обнаружилась объединяющая их тенденция — возрастание самого статуса «мочь» как в гуманитарных, так и в естественно-научных областях. При этом свойство «мочь», начиная с Шопенгауэра и Ницше, Кьеркегора и Штирнера, Фейербаха и Маркса, выступало как критическая, подрывная сила в отношении политических устоев бытия и теоретических устоев знания. Возможностные и вероятностные методы и морально-психологические ориентации оказались в центре культуры и мышления на рубеже XX–XXI веков. Этот исторический процесс **потенциации* — движение от сущего к возможному, от традиции к эксперименту, от реального к виртуальному, от знания к гипотезе, от детерминизма к вероятностным процессам, — создает общественно-методологические условия для возникновения новой философской дисциплины. В этом смысле потенциология — не просто сумма ранее разбросанных по разным дисциплинам учений о «мочь»: это выражение духа XXI века,

который ставит под вопрос категории «реальности» и «истины» — и ставит знак «может быть» передновыми, проективно-поссибилистскими методологиями в самых разных областях научного мышления.

**Возможностное, Концептивизм, Многомирие, Модальность, Можествование, Мультивидуум, Мультикосмизм, Потенциация, Протеизм, Прото-, Экзистология и Эссенциология К философии возможного. Введение в посткритическую эпоху // Вопросы философии. 1999. № 6. С. 59–72. Возможное. С. 283–321.*

ПОТЕНЦИОСФЕРА (potentioshere). Совокупность всех возможных способов бытия данного объекта или мира в целом. У каждого явления есть своя потенциосфера. Потенциосфера личности — совокупность всех ее возможных действий и воплощений, из которых реализуется только малая часть. Потенциосфера жизни — совокупность всех возможных жизней, из которых все, кроме одной, оказываются непрожитыми. Предельно объемная потенциосфера — совокупность всех возможных миров (**многомирие*).

Потенциосфера может толковаться узко как сфера невоплощенных и оставшихся в прошлом возможностей — и широко как сфера, открытая будущему или вечному, где все возможности сосуществуют. Это вневременное или сверхвременное понимание потенциосферы выражено у Л. Толстого: «Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих, прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь этот мир с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленных количеств возможностей других миров и других жизней...»¹

Закрытая потенциосфера принадлежит прошлому, поскольку ее содержание уже никогда не может быть реализовано. *Полуоткрытая* — будущему, поскольку часть возможностей могут в нем реализоваться. *Открытая* потенциосфера — вечному, или смысловому континууму, платоновскому миру чистых потенциалов (идей), которые существуют и внутри, и вне своей реализации. Такая потенциосфера открыта бытию и способна постепенно в него переходить как актуализация мыслимого, чувствуемого, говоримого.

Огромную роль играет потенциосфера в понимании биографии и истории. У каждого индивидуального поступка или исторического события есть своя потенциосфера, множество иновозможных вариантов, сама нереализованность которых определяет смысл реального. Например, смысл Октябрьской революции определим лишь в контексте тех альтернативных путей, которыми могла бы пойти российская история осенью 1917 года. В точке реализации каждой из возможностей происходит новое их ветвление, так что потенциосфера поступательно расширяется в истории: на единицу сущего приходится все больше единиц возможного, происходит **потенциация* бытия, его переход в «бы».

При ориентации на потенциосферу у теории, как и у истории, появляется *слагательное наклонение*, и перестраивается вся система мышления. Гуманистика не только описывает и анализирует существующие объекты (культурные, знаковые, текстовые), но и рассматривает множественность *совозможных* им объектов, которые входят в потенциосферу культуры и постепенно актуализируют ее. Напри-

¹ Толстой Л. Дневник. 1 января 1900 г.

мер, если предмет интереса — определенное литературное направление или жанр, *потенциосферное* его изучение позволяет очертить возможные им направления и жанры. При наличии **концептуализма* как литературного направления возможным ему является **метареализм*, а возможными последнему — **презентализм* и **континуализм*; впоследствии в число таких возможных направлений входят **новая сентиментальность* и **прагмо-арт* (реверсия концептуализма).

Ряд понятий гуманитарных наук конституируются по своему отношению к потенциосфере. Например, **транскультура* — это потенциосфера всех существующих культур, **импликосфера* — потенциосфера лексико-морфологической системы языка. Рядом с существующими дисциплинами, как их иное и возможное, выстраивается ансамбль *гипотетических наук в сослагательном наклонении*. Такие дисциплины, как **техногуманистика* или **хоррология*, входят в состав *потенциосферы*, а по мере их разработки присоединяются к «реальным» дисциплинам, интегрированным в систему интеллектуальных профессий, научных институций, учебных курсов. Даже если подобные *гипо-дисциплины* (hypo-disciplines, то есть гипотетические, «недоутвержденные») не получают дальнейшей разработки, сама их *возможность* определяет процессы смыслообразования и знакообразования в «реальных» науках.

*Альтерология, Возможностьное, Импликосфера, Многомирие, Мультивидуум, Потенциация, Потенциология

Умножение сущностей // Кто сегодня делает философию в России. М.: Поколение, 2007. С. 560–575.

Творчество. С. 439–441.

ПОТЕНЦИОТЕРАПИЯ (potentiotherapy). Метод психотерапии, выявление возможностной природы той конкретной ситуации, которая представляется пациенту мучительной и травмирующей. Состояние личности меняется, когда она переживает себя как еще не сбывшуюся возможность, как *бытие-в-возможности*, а не просто возможность-в-бытии. Одно из активных направлений современной психотерапии — «терапия возможного». В беседах с пациентом врач помогает ему обнаружить, что каждое «есть», составляющее его идентичность, — это только «может быть», каждая ситуация имеет альтернативу и «я» — это спектр возможностей быть другим¹.

В широком смысле потенциотерапию можно определить как дисциплину, которая имеет дело со всеми видами и уровнями человеческой потенциальности. Классический фрейдовский психоанализ, игротерапия Дж. Морено и смысло-терапия Виктора Франкла — разновидности этой потенциотерапии, которая в целом направлена на гармонизацию скрытых, подавленных человеческих возможностей и окружающей реальности. Терапевтическая игра или психодрама, в ходе которой пациент обнаруживает скрытые грани своего «я», — это один из способов переключения модальностей. Ребенок способен быстро их переключать, переносясь из игры в быт, из условного мира в действительный и обратно. Для

¹ Этот конкретный вид терапии краткосрочен, рассчитан всего на несколько сеансов. См.: O'Hanlon W.H. A Field Guide to Possibility Land: Possibility Therapy Methods. Omaha, Neb.: Possibility Press, 1994.

взрослого же здесь скрывается мучительная проблема, поскольку возможное отделено от действительного всем его опытом «самореализации», то есть упорного приспособления к единственной реальности окружающего мира.

Расчленение психического у Фрейда на «Сверх-Я», «Я» и «Оно» соответствует соотношению трех модальностей. Для «Сверх-Я» однозначно устанавливается его связь со сферой должного и необходимого. «Я» представляет принцип реальности и его приспособление к окружающей среде в целях выживания в ней. Третья зона, «Оно», отождествляется у Фрейда с принципом наслаждения, с бессознательной силой половых влечений, с тем, что в широком смысле можно назвать *потенциальностью*, а в узком, биологическом смысле — *потентностью*. Именно актуализация этой подавленной потенциальности, ее осознание в ходе психотерапевтических сеансов способствует излечению от неврозов.

«Смыслотерапия», или «логотерапия», принципы которой заложил В. Франкл, основана на представлении о потенциальности смыслов. Первичной мотивацией человеческой жизни является поиск значения, которое трактуется им как форма потенциальности: «человек... должен актуализировать потенциальное значение своей жизни». Причем «то, что называется самоактуализацией, вовсе не есть достижимая цель, по той простой причине, что чем больше стремишься к ней, тем больше ее упускаешь. Иными словами, самоактуализация возможна только как побочный эффект самотрансценденции»¹. Задача не в том, чтобы реализовать потенциальный смысл своей жизни, а в том, чтобы сохранить его потенциальность *после и сверх всякой реализации*.

У логотерапии есть свой императив, который переводит все содержание жизни в модальность возможного: «Живи так, как если бы ты жил уже во второй раз и при этом действовал в первый раз так же неверно, как ты собираешься действовать сейчас»². Иными словами, поступай так, как если бы возможность твоего поступка отличалась от его реальности, уже оставшейся позади. Например, пиши такую книгу, как если бы ты уже написал ее в прошлом и можешь теперь писать ее иначе или вообще не писать. *Логотерапия* — вид *потенциотерапии*: она освобождает человека от проклятия его прошлых актуализаций и возвращает ему мир его возможностей. Человек не просто совершает возможный поступок, а *сохраняет возможность поступка после того, как он уже совершен*.

С модальной точки зрения позы и побуждения, которые вытесняются сознанием, имеют статус возможностей, которым отказано в реализации. Эта непрестанная игра возможностей и составляет содержание бессознательной жизни. Задача традиционной психотерапии состоит в том, чтобы вывести эти подавленные возможности из подполья наружу и включить в поле сознания. Но это не означает, что богатство психической жизни должно подчиниться принципу реальности. Сама реальность, предстоящая сознанию, включается в *игру этих возможностей* и осмысливается как *одна из них*.

*Игра, *Метапрактика*, Мультивидуум, *Нетотерапия*, Психонавтика, *Социопоэзия*, Универсика, Универсальный принцип, *Эгонавтика*
Возможное. С. 255–263.

¹ Frankl V.E. Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. New York: Simon & Shuster, Inc., 1984. P. 115.

² Ibid. P. 114.

ПРОЕКТИВНОСТЬ (projectivity). Проектирование возможного объекта как условие его последующей реализации; научный метод, связанный с **гипотетизмом* и **потенциацией*. Проективная дисциплина, например проективная философия (**концептивизм*, **умножение сущностей*) или **проективная лингвистика*, конструирует возможные единицы языка, возможные универсалии или миры, расширяя тем самым ментальный горизонт науки и будущих технологий, формируя новый фрагмент ноосферы.

На пороге романтической эпохи Ф. Шлегель, один из ее зачинателей, писал: «Проект — это субъективный зародыш становящегося объекта. Совершенный проект должен быть одновременно и всецело субъективным и всецело объективным — единым неделимым и живым индивидом»¹. В XX и XXI веках проективное начало все больше выдвигается на первый план, стирая грань между субъективным и объективным. Проектом становится даже то, что всегда считалось неизменной или медленно изменяемой «природной» данностью, идет ли речь о культуре, о стране, о языке. «США как проект». «Английский язык как проект». «Проект Россия». «Арктика как проект». «Планета Земля как проект». «Вселенная как проект».

Теоретическое знание тоже становится все более проективным, переходит в системное изменение своего предмета. Все меньше остается временного зазора между предметом и воздействием на него, между реальностью и ее **трансформацией*. Общественный и технический прогресс так ускоряется, что предмет теории все чаще находится впереди нее самой, в ее будущем, а не в прошлом. Теория *предсказывает* или творит *возможность* своего предмета, а не просто его осмысляет; бытие предмета в информационной вселенной производно от системы понятий. Да и сама информационная вселенная все более переходит в трансформационную, проективную.

В науке путь к такой проективной методологии проложен не только квантовой физикой 1920–1930-х годов, открывшей взаимозависимость объектов и субъектов наблюдения на уровне микромира, но гораздо раньше, например Периодической таблицей химических элементов Д. Менделеева: теория включает в себе область предсказуемых возможностей, представленных пустыми клетками таблицы. Теория предполагает свое достраивание будущей практикой. В естественных науках, в частности в физике и биологии, поиск закономерностей все чаще ведется через сопоставление реальных процессов и их воображаемых или экспериментально созданных альтернатив. До недавнего времени в распоряжении ученых была только одна реальность: одна Вселенная, одна, земная форма жизни, одна, человеческая форма разума. Их исследование не позволяло прийти к обобщениям о природе вещества или природе жизни именно потому, что они были доступны для наблюдения только в единственном числе, тогда как обобщение требует сравнения разных форм одного явления. В последние тридцать лет компьютерные симуляции естественных процессов значительно облегчили сопоставление альтернативных вселенных или форм жизни с наличной реальностью, а тем самым расширили диапазон возможных обобщений. Новые электронные технологии вносят ради-

¹ Шлегель Ф. Фрагменты (22) // Шлегель Ф. Эстетика. Философия: В 2 т. Критика. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 290

кальные перемены в структуру знания, поскольку позволяют мгновенно преобразовывать накопленные веками информационные ресурсы. Соотношение между мертвым знанием и живым мышлением стремительно меняется в пользу живого, как и соотношение между «прошлым трудом» (овеществленным в машинах, приборах, всем материальном богатстве и технических орудиях цивилизации) и живым интеллектуальным трудом, который использует все эти резервы знания для производства новых идей и вещей.

Растущая мощь объективного познания есть переходная ступень к безграничной мощи проективного мышления, способного выходить за пределы существующей вселенной и знаний о ней. Знание все больше становится знанием о том, чего еще нет, что возникает в самом процессе познания. Например, мы узнаем свойства генов в ходе построения работающей модели генома и разработки генетической медицины и инженерии. Это не познание неизменной, статичной реальности, а мыслительное конструирование, которое *познает* и *создает* свой объект в одном *проективном* акте мышления.

В сфере гуманитаристики проективность — это совокупность **гуманитарных технологий*, воздействующих на предметы своих исследований. Вряд ли можно создать «созерцательно-отрешенную» теорию литературы в наше время, когда чуть ли не с каждым годом раздвигается само понятие литературы, обогащаясь новыми жанрами, композициями, сращениями с другими видами искусства, медиапрактиками, сетературой и т.д. (**текстоника*). В Новое время литературная теория все более обнаруживает свою проективность, и ее основные вехи — это **манифесты*, прокладывающие новые пути самой литературе. Н. Буало, А. Поуп, И. В. Гёте и Ф. Шиллер (как теоретики), братья А. и Ф. Шлегели, В. Гюго, Ш. Сент-Бёв, В. Белинский, Э. Золя, С. Малларме, Вяч. Иванов, А. Белый — все это не просто теоретики, а *проектологи* литературы и ее новых движений: классицизма, реализма, романтизма, натурализма, импрессионизма, символизма... Дальше наступает черед авангардных, модернистских и постмодернистских движений, которые еще более заметно проектируются в теоретических мастерских (футуризм у Маринетти, сюрреализм у Бретона, постмодернизм в философских манифестах Деррида, Делеза, Лиотара и Бодрийяра). Мысль не успевает оформиться и застыть в виде чистой теории, созерцающей неизменность своего предмета, — и сразу возникает в виде проекта, то есть сама **потенцирует*, делает возможным свой предмет.

Подробнее о проективности как методе гуманитарного мышления — во Введении к данному изданию.

**Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, Концептивизм, Культуроника, Манифест, Мыслезнание, Науководство, Потенциация, Проективная лингвистика, Проективный словарь, Трансгуманистика, Трансдисциплины, Трансформация, Умножение сущностей*

Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание — сила. 2012. № 4. С. 55–62.

Humanities. P. 4–7, 33, 287–292.

СУЩЕСТВУЕМОЕ (be able; to be, быть + суффикс able). То, что способно к существованию. В отличие от *существующего* (being), принадлежащего модальности актуального (действительного), *существуемое* принадлежит модальности возмож-

ного и по этому признаку противопоставляется существующему. Существуемое содержит в себе онтологический импульс «будь!», «стань!», «существуй!», а также включает возможные реализации этого импульса, все то, что можно или должно **обытийствовать*. Одна из задач философии — раздвинуть область мыслимого, а значит и *существуемого*.

*Модальность, Потенциация, Проективность

ТВОРЧЕСТВО (creativity). Способ создания нового, непредсказуемого на основе маловероятных, случайностных процессов, в которых сознательное взаимодействует с бессознательным, а системность — с хаосом. Творческая деятельность опирается на аномалии, фрагменты, извлеченные из установившихся систем, и превращает их в аналогии, правила, системность нового порядка.

Творческое мышление носит взрывной характер, оно не столько познает себя и приходит к примирению с собой, как представлено в гегелевской диалектике абсолютной идеи, сколько удивляет себя, выходит за границы объяснимого и вычислимого. Любая известная логика, формальная или диалектическая, создает структуру ожидания, тогда как творчество обманывает его. Творчество направляется интуицией предельной информативности, которая увеличивается по мере уменьшения вероятности ожидаемого. Как только возникает инерция повтора, ее прерывает новое усиление хаоса. Творческая логика включает механизм упругости, сопротивления себе — и самовозрастания на основе ошибок и заблуждений. Н. Талеб называет «антихрупкостью» это свойство системы выигрывать от хаоса, извлекать пользу от встряски и усиливаться благодаря случайностям¹.

Наименее предсказуемое событие вместе с тем обладает наибольшим воздействием. Оно сильнее всего отклоняется от исходных условий и законов, а значит, способно породить самый резкий поворот в ходе истории, в жизни личности, в эволюции систем. Самая редкая и глубокая аномалия чревата наиболее взрывным переходом к новой системе. Как только переворот произошел, он позволяет объяснить все прошедшее, но сам он невыводим из предыдущего, поскольку прежняя система не вмещает и не объясняет его.

Творческое мышление представляет собой неравновесную систему с наибольшим числом точек бифуркации (разветвления, раздвоения), поэтому оно в наибольшей степени изоморфно кризисным, переломным моментам в исторических процессах. Если обыкновенное, рутинное сознание соответствует детерминистическим процессам, то творческое улавливает и опережает точки культурной бифуркации, поскольку само из них состоит. Постигая специфику творческого разума, мы лучше можем понять и «безрассудную» логику истории.

По А. Кёслеру, новые идеи рождаются путем «бисоциаций», скрещения двух разных понятийных матриц. «Человек вынужден уйти от привычных схем мышления и устанавливать связи между, казалось бы, не связанными друг с другом понятиями. В противоположность к ассоциации, при которой мысли движутся в одном-единственном поле, при бисоциации соединяются произвольные или противоположные мыслительные пространства, которые ведут к совершенно

¹ Nassim T. Antifragile: Things That Gain from Disorder. New York: Random House, 2014.

новым, до сих пор «немыслимым» путям решения»¹. Классический пример: Иоганн Гутенберг изобрел печатный станок с подвижными литерами, соединив технические свойства виноградного пресса — и штампа для чеканки монет.

Однако в творческом акте существенно не только сочетание разных матриц, но взрывной переход от одной матрицы к другой. Как аномалия, взрывающая систему, может вместе с тем выступать точкой кристаллизации новой системы? Творческий акт трехсоставен (**креатема*). Один элемент — аномалия, то есть отступление от системы, нарушение правила. Другой — аналогия, то есть создание правила из самого нарушения. В переходе между ними совершается нечто третье, интервал, выпадающий из поля сознания, не поддающийся объективации, — сам момент переключения из старой системы в новую. Этот решающий момент привлекал внимание многих мыслителей, которые подходили к нему с разных сторон и по-разному обозначали.

К. Ясперс называл это «трансценденцией»: то, что совершается как прыжок веры, в беспредельной свободе, и остается за рамками рассуждения и описания.

В. Шкловский назвал этот момент «остранением», когда привычное начинает восприниматься как странное, удивляющее.

М. Бахтин назвал это «внеаходимостью», то есть взглядом извне на ту или иную культуру или ситуацию, что позволяет обнаружить в ней новый смысл, который ускользает от тех, кто остается внутри нее.

У Т. Куна это «смена парадигмы», переключение ментального гештальта, который объединяет научное сообщество и внезапно позволяет ему по-новому видеть и описывать мир.

У И. Пригожина — «бифуркация»: система находится в состоянии, когда предсказать, в какое следующее состояние она перейдет, невозможно.

У Ю. Лотмана — «взрыв», мгновенное разрушение семиотического порядка и переход культуры в новое состояние.

У Ж. Деррида — «différance»: не только «различание», но и отсрочка, пауза, позволяющая возникнуть различию в пространстве и во времени.

У Дм. Пригова — «отлипание», выход автора за предел любых персонализаций, в рамках которых его можно идентифицировать.

М. Мамардашвили называет это собственно «паузой» и выводит из нее философское отношение к бытию. «В цепочке наших мыслей и поступков философия есть пауза, являющаяся условием всех этих актов, но не являющаяся никаким из них в отдельности. Их внутреннее сцепление живет и существует в том, что я назвал паузой. Древние называли это «недеянием»»².

Поскольку эта пауза выступает как разрыв в системе знаков, уместно обозначить ее как *« ». « » — знак рождения нового из фундаментальных лакун, **белых дыр* культуры. Все вышеназванные конгруэнтные понятия: « », бифуркация, *différance*, остранение, трансценденция, внеаходимость, взрыв — указывают на высшие точки **интенсивности* в творческих актах на всех уровнях, от неологизма до новой научной дисциплины или культурной институции.

¹ Koestler A. The Act of Creation (1964). New York, London: Arkana, Penguin Books, 1989.

² Мамардашвили М. Философия — это сознание вслух. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/st006.shtml>

В современных теориях творческого процесса обычно выделяются четыре стадии¹.

1. Подготовка. Исследование материала, работа сознания, поиск ответов, обдумывание задач и загрузка их в бессознательное.
2. Инкубация. Период недумания, расслабления, отвлечения, когда бессознательное само совершает работу по решению задач, введенных в него сознанием. Часто это происходит во сне или во время отдыха. Период инкубации может продолжаться от нескольких часов или дней до многих месяцев и лет.
3. Озарение. Неожиданная вспышка, когда бессознательное выдает сознанию итог своей «инкубационной» работы — решение исходной проблемы. Эта вспышка — «Эврика!» — часто происходит в случайное время и в случайном месте.
4. Проверка. Среди множества образов и идей, выданных бессознательным в момент озарения, производится уже сознательный отбор, подкрепленный профессиональными навыками, и творческая идея подвергается дальнейшей переработке, подкрепляется рациональными аргументами.

Из четырех стадий две — рутинные, рабочие: подготовительная и завершающая. Внутри процесса следует выделить наиболее интенсивную его составляющую: *творческий акт*, охватывающий две средние стадии: погружение в бессознательное (инкубация) и выход из него (озарение). Однако между ними есть еще одна, центральная стадия — *пауза*, которая *следует за инкубацией и предшествует озарению*: взрывная трансформация системы, «щелчок», переключение от «старого» к «новому». Этот момент, собственно креация, не может быть частью длительного инкубационного бессознательного процесса — и не может быть частью озарения, происходящего уже в сознании. Это скрытое нечто, темный двойник «эврики», не принадлежит ни бессознательному, ни сознанию, но представляет собой *пороговый*, дискретный переход между ними. На этом пороге нельзя остановиться, задержаться — он как бы вырван из хода времени.

Таким образом, расширенная схема творческого процесса включает *пять* стадий, из которых три срединные (2–4) образуют *творческий акт*, а центральная, третья — *творческую паузу*, в которой и происходит переключение матриц.

1. Подготовка: исследовательская, рациональная.
2. *Инкубация: бессознательная, неопределенная по длительности.*
3. « », *пауза, предозарение, «травма рождения».*
4. *Озарение: мгновенное осознание, «эврика».*
5. Проверка: завершающая, оформительная.

Современные когнитивные исследования позволяют вычленить этот «вневременной», лиминальный момент — и приписать ему некоторое минимальное временное значение. Выделяются следующие «микротемпоральные» интервалы познавательной деятельности, отделяющие ее от момента воспринимаемого события.

1. От нуля до 200 миллисекунд (одна пятая секунды) — ощущение и восприятие на материальном уровне, через органы чувств.

¹ Эта схема разработана английским психологом Грэмом Уоллесом (Graham Wallas) в книге «Искусство мысли» (The Art of Thought, 1926).

2. От 200 до 400 миллисекунд — бессознательное познание (nonconscious cognition), прохождение сигналов через клетки головного мозга.
3. От 500 миллисекунд — сознательное познание.

Иначе говоря, сознание включается лишь спустя полсекунды после подачи физического сигнала. Самое интересное, таинственное и, вероятно, творчески значимое происходит именно во втором интервале, между получением этого сигнала, физиологической регистрацией — и его дальнейшей переработкой в сознании. В течение 200 миллисекунд, между первой и третьей фазами, акт мышления, то есть трансформации полученной информации, совершается до сознания. Вероятно, в этом промежутке — между чувственным восприятием и сознанием — и размещается та пауза, та темная «эврика», которая лишь позже освещается сознанием и воспринимается как «ослепительная вспышка»: она проясняет новую идею и вместе с тем заслоняет, «затемняет» ее источник¹.

Рефлексия не может поймать тот момент, когда происходит переключение матрицы, не может заполнить этот пробел внутри « ». Это трещина во времени и в сознании, элементарная единица ничто, *ирреалия, «меонема» (от греч. меон — небытие). Меонема как выпадение из бытия соответствует *креатеме как вхождению в бытие. Такие травматические ссадины несознания покрывают все точки, через которые сознание творчески входит в мир, закрывая нам путь к познанию того, что творит нас самих: перевязанные «пуповины» бытия в местах его порождения из небытия.

В буддизме есть термины для этого мгновенного выключения из потока бытия, что приводит к просветлению, сатори, а затем, по мере углубления, открывает путь к нирване, то есть полному исчерпанию бытийственности. В христианстве такой момент разрыва с инерционным потоком бытия рассматривается как «пробуждение» или «трезвление». Отличие секулярного подхода от религиозного в том, что творческая пауза не уводит в вечность небытия или сверхбытия, но остается именно «спусковым» моментом для разрыва инерции сознания и для восхождения его на новый уровень.

*« », *Альтерология, Аугментация, Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Духодарцы, Интенсивность, Креатема, Креаторика, Не-небытие, Потенциация, Проективность, Самое-самое, Трансформация.*

Автопортрет мысли, или Как узнать новое от самого себя // *Эссе*. Т. 2. С. 567–586.

Творчество. С. 41–43, 51–86.

Лит.: *Rothenberg A., Hausman C. R. The Creativity Question. Durham, N. C.: Duke University Press, 1976; The Creative Process. Reflections on Inventions in the Arts and Sciences / Ed. by Brewster Ghiselin. Berkeley et al.: University of California Press, 1985; Creators on Creating. Awakening and Cultivating the Imaginative Mind / Ed. by Frank Barron, Afonso Montuori, Anthea Barron. New York: Penguin, 1997; Rosamund E. M. Harding. An Anatomy of Inspiration (1942). Routledge, 2nd edition, 1967; Boden M. The Creative Mind: Myths and Mechanisms. New York: Basic Books, 1991; Csikszentmihalyi M. Creativity. Flow and the Psychology of Discovery and Invention. New York: Harper Perennial, 1996; Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис,*

¹ О микротемпоральных режимах, в связи с новыми цифровыми медийными технологиями, см.: *Hayles N. K. How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 2012. P. 111–121; Hansen B. N. Feed — Forward: On the Future of 21st Century Media. Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 2015. P. 131–135.*

1992; Лотман Ю. Непредсказуемые механизмы культуры. Tallin University Press, 2010. Среди новых книг интерес представляют: *Lehrer J. I. Imagine. How Creativity Works.* Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2012; *Dennett D. C. Intuition Pumps and Other Tools for Thinking.* London: Penguin Books, 2013; *Irvine W. B. Aha! The Moments of Insight that Shape Our World.* Oxford: Oxford University Press, 2015. Популярное изложение: *Harman W., Rheingold H. Higher Creativity: Liberating the Unconscious for Breakthrough Insights.* New York: Penguin Putnam Inc., 1984; *Judkins R. The Art of Creative Thinking.* London: Sceptre, 2015.

ЧУДО КАК ПРАВИЛО (miracle as a rule). Чудо, лежащее в основании естественных явлений и воспринимаемое как правило, а не исключение. В модальных терминах чудесное — это осуществление невозможного. Можно видеть в чудесах нарушение законов жизни, а можно воспринимать как чудо саму жизнь и ее законы. Если на ветках дуба зацветут розы — это чудо. Однако то, что огромный дуб вырастает из крохотного желудя, в котором уже заключены его ствол, корни и крона, — это не меньшее чудо, чем розы на дубе. По сути, это даже более поразительное чудо, поскольку оно являет себя в форме правила, а не исключения.

Для подкрепления своей веры люди жаждут чего-то исключительного: ясновидения, голосов свыше, явления ангелов, движения гор, мироточащих икон, нетленных мощей, превращения камня в хлеб или железа в золото... Но возможен и другой способ восприятия: каждый младенец, являющийся в этот мир неведомо откуда, — чудо; сознание, не объяснимое материальным устройством мира, — чудо; человеческая цивилизация, не выводимая из законов природы, — чудо; да и сама жизнь — чудо. Философия потому и ставит вопрос: «Как возможно данное явление?» (бытие, жизнь, рождение, душа, мысль), что в них являет себя невозможное. Поэтому каждое явление может вызывать философское удивление и соответствующий философский вопрос, который передается на рассмотрение науке, но получает у нее разрешение только в рамках возможного, наблюдаемого. Творение мира из ничего, Большой взрыв, создавший Вселенную, — чудо из чудес, и научный разум замирает перед этим событием, дальше которого не может проникнуть наука. Не исключено, что чудесное ожидает нас и по ту сторону жизни, которая, приходя неизвестно откуда, уходит неизвестно куда. Если научиться воспринимать эту *чуждость правил*, чудеса рождения, мышления, любви, творчества, то вере не нужно ждать подкрепления от вторичных чудес-исключений.

* Ангелизм, Ангелоид, Вит, *Возможностное*, Конструктивная аномалия, *Креатема*, Персоналистический аргумент, Потенциация, Творчество
Листочки. С. 242–243.

ВРЕМЯ. ИСТОРИЯ

Археософия
Возраст-фрактал
Временение
Древностное
Исторема
Историопластика
Кенотип
Мгновечность, мгновечное
Местомиг
Новейшее средневековье
Одновозрастный и многовозрастный
Особытить
Предбудущее
Протеизм
Прото- (приставка)
Синтопия
Событие
Соисторичность
Топохрон
Ухрония
Футуроскопия
Хронема
Хронократия
Хронопатия
Хроносома
Хроноцид

АРХЕОСОФИЯ (archeosophy; греч. arkhe, начало + sophia, мудрость). Изучение древнего независимо от времени его возникновения. В отличие от археологии, археософия занимается теми явлениями, которые существуют *в модусе древности*, даже если они зарождаются в Новое и Новейшее время. Область археософии — *древностное, как оно проявляет себя в живописи П. Пикассо, в романах Д. Джойса, в национал-социалистической или евразийской идеологии, в метафизике «Великой Традиции», в исторических реконструкциях и ролевых играх.

Если археология фиксирует свой предмет в конкретном времени, то архаика, выступающая в археософии, — это релятивное понятие, которое зависит от скорости протекания исторического времени. Чем скорее происходит обновление культуры, тем стремительнее в ней и процесс устаревания. Соответственно область древнего стремительно расширяется внутри самой современности. Статьи, опубликованные десять лет назад, кажутся более древними, чем шумерские клинописные таблички, и покрыты более толстым слоем забвения. Почти любой роман или монография вскоре после своего появления становятся памятником

своей, уже уходящей эпохи. Идея прогресса оборачивается реальностью архива. Культура не может не стремиться к наивысшей производительности, к предельному ускорению — но это означает и скопление гигантских материальных и виртуальных архивов, музеев, запасников, каталогов, видео и аудиозаписей, превращение всего здания культуры в стремительно разрастающийся склеп, на верхнем этаже которого еще бурлит жизнь, а назавтра и он опустится в область безмолвия и полузабвения.

Художественные направления, моды, стили жизни быстро отходят в сферу археософских интересов. И то новое, что приходит им на смену, заранее обставляет себя атрибутами грядущей известности, укладывает свое содержание в коллекцию, архив, энциклопедию. Отсюда совокупность приемов, которые можно охарактеризовать как **арх-арт* — искусство, пользующееся методами археологии и археографии и мимикрирующее под древние, застывшие формы культуры. На живое отношение к современности почти не остается времени — только в преддверии будущего, на ближайших подступах к нему кипит жизнь, а настоящее — это уже замурованная ниша, которая когда-нибудь, возможно, заинтересует любознательного историка. Лишь на поверхности культура современна, а изнутри она музейна и архивна. Любой возникающий факт сразу же становится историей, консервируется в звуковых, визуальных, текстуальных образах, снимается на телефон, заносится в память компьютера. Точнее было бы сказать, что он рождается в форме истории, у него нет младенчества, он от рождения старец, наделенный памятью о своем прошлом. В конце концов, запечатление предшествует свершению, предписывает ему те формы, в которых оно должно быть зарегистрировано, представлено, отражено.

Благодаря компьютерам и Интернету становится технически осуществимым превращение каждой индивидуальной жизни в архив, легко размещимый в растущих емкостях электронной памяти. Картина Леонардо или симфония Моцарта, разговор по телефону и игра с ребенком, запах цветка или зрелище неба в предвечерний час — все это может быть представлено в оцифрованной форме. Вокруг каждого человека воцаряется вечность архива, в котором он по своему усмотрению волен перебирать файлы. В этом музее современность по своему статусу неотличима от прошлого и представляет такой же доступный предмет выбора — на какую кнопку нажать, какой открыть канал информации. Музееведы и археологи — пророки этого грядущего мира, который переходит в модус прошедшего как записанный, отснятый, сбереженный.

Поскольку *древностное* определяется релятивно, археософия может трактовать и новейшие социокультурные процессы как протекающие в древних слоях истории, предвосхищая ретроспективный взгляд на них из далекого будущего. Например, современные компьютеры могут рассматриваться как «мастодонты» и «динозавры» с точки зрения грядущего века искусственного разума.

*Арх-арт, *Древностное*, *Новейшее средневековье*, Софийные дисциплины, Хроноцид *Парадоксы*. С. 402–405.

ВОЗРАСТ-ФРАКТАЛ (fractal age), **ПОДВОЗРАСТ** (subage), **ВОЗРАСТ ВОЗРАСТА** (the age of an age). Делимость человеческих возрастов на подвозрасты по прин-

ципу самоподобия: «детство детства», «зрелость детства», «старость детства» и т.п. Фрактал (от латинского «frangere», ломать, разбивать на части) — это форма, которая состоит из подобных же форм меньшего размера, которые в свою очередь состоят из своих уменьшенных подобий. У каждого возраста есть свой возраст: у детства — свое детство, отрочество, молодость, зрелость и своя старость. Во фрактальной модели возраст — не только период человеческой жизни, но и определенная фаза в становлении каждого периода. В соответствии с постулатом Анаксагора, «всё есть во всем», есть дети, отроки и старики среди молодежи; дети, молодые и старые среди стариков... Каждый возраст состоит из множества возрастов, сменяющих друг друга по той же модели, как и в масштабе целой жизни.

Всякий раз, вступая в очередной возраст, мы последовательно переживаем внутри него детскую неуверенность и удивление миру — и постепенное старение, изживание данного возраста. Внутри каждого возраста есть свои отроческие периоды, сопровождаемые резкой ломкой мироощущения, кризисом доверия и уверенности, отчуждением от окружающих, ростом негативизма, чувством смыслоутраты, которая приводит порой и на грань жизнеутраты (самоубийства). Возрастная психология отмечает переход от раннего детства к дошкольному возрасту как «кризис трех лет», что в данной периодизации совпадает с «отрочеством детства», которое характеризуется тенденцией к самостоятельности и обостренно-негативным, «ослушническим» отношением к взрослым. Особый интерес представляет отрочество зрелости, период примерно от 35 до 40 лет, на который порой приходится так называемый кризис среднего возраста. В этом зрело-отроческом возрасте учащаются случаи самоубийств, разводов, экзистенциальных и семейных драм, возникает ощущение исчерпанной, обесмысленной жизни и нового отчуждения от мира.

Возрасты не только сменяют друг друга, но и повторяются в человеческой жизни. Понимание этого должно усилить *межвозрастную* симпатию и сопереживание, которые обычно распространяются лишь на людей своего возраста. Как правило, мы больше всего солидаризируемся с людьми своей возрастной группы, разделяем их заботы и интересы, сопоставляем их достижения, надежды, удачи и неудачи со своими, а до того, что далеко выходит за пределы нашего возраста, нам мало дела. «Совсем еще дети», «разудалая молодежь», «дряхлые старики» — это «их» заботы, вне круга нашей экзистенциальной солидарности... Но человек, приближающийся к порогу старости, вполне способен почувствовать солидарность с молодым человеком, приближающимся к порогу зрелости, или с подростком, приближающимся к порогу молодости, или с ребенком, приближающимся к порогу отрочества. Между ними может возникнуть не менее глубокая эмпатия, чем между людьми одной горизонтально-возрастной группы. *Вертикальные возрастные сообщества* — мало исследованная и социально-психологически не реализованная модель организации межчеловеческих симпатий и межперсональных взаимодействий.

*Интенсивность, Мультивидуум, *Одновозрастный и многовозрастный*

К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. 2006. № 4. С. 200–211.

Отцовство. С. 136–138, 227–230.

ВРЕМЕНЕНИЕ (temporification). Временные изменения в самом ходе времени, пульсация его ритмов и скоростей; временность в квадрате, подвластность времени течению времени. При чтении Достоевского или Андрея Белого ощущается не просто ток, а тик времени, нервные «вдруги» и судороги сбивчивых скоростей. Временение — это мера ощутимости времени, способ его остранения, выведения из автоматического режима его чисто количественного астрономического или социометрического измерения.

Следует различать временение и *овременение* (temporalization) — вхождение или внесение времени в область чего-то вневременного. Так, 1980–1990-е годы в России — пора бурного *овременения* культуры, которая на протяжении предыдущих десятилетий привыкала к условиям безвременья, застойного «сейчас и всегда».

*Хронема, Хронократия
Дар. Вып. 55. 30.12.2002.

ДРЕВНОСТНОЕ (ancient-wise, antiquistic). Древнеобразное, то, что имеет свойства «древнего», но не обязательно относится к древним эпохам. Признаки древности могут быть отвлечены от конкретно-исторического содержания, их хронологическая зависимость редуцируется в акте феноменологического исследования. Древностными являются многие феномены современной культуры, возникающие в виде мифов, религиозных культов, психических архетипов, эстетических примитивов, родоплеменных, примитивно-общинных форм политической организации. Древностное постоянно воспроизводится на новых этапах истории и пронизывает современную цивилизацию. Многие культы, идеологии, политические режимы и практики XX и XXI веков — коммунистические, фашистские, нацистские, евразийские — глубоко древностны. Целенаправленная, политически мотивированная архаизация определяет исторический вектор России в XXI веке.

Древностное может быть продуктом сознательной эстетической установки, как рожденное в форме омертвелости. Оно предстоит современникам так, словно бы они были далекими потомками, и преподносится в форме археологического предмета, реликта или реликвии. Тем самым передвигается координата времен, реципиенты перемещаются в зону будущего по мере того, как настоящее отдаляется для них в зону архаики.

*Арх-арт, Археософия, -Остн- (суффикс)

ИСТОРЕМА (historeme). Единица исторического мышления, проецируемая на прошлое; элементарное событие, наделенное историческим смыслом. Исторема не сводится к факту, но включает его в контекст концептуальной реконструкции и интерпретации и определяет его смысл в системе других фактов. Историки, оперирующие одними и теми же данными, используют разные знаковые коды и соответственно конструируют из них разные исторемы. Исторема имеет своей презумпцией *историосферу* (historiosphere) — представление об истории как осмысленном и направленном ходе времени, где действия людей взаимосвязаны и определяют судьбы разных сообществ и нации, культуры, человечества в целом.

Исторемы образуют иерархию, в которой взаимодействуют с единицами разных уровней обобщения: от истории отдельной личности до всемирной истории. Например, исторему «Октябрьская революция 1917 года» составляют исторемы более частного порядка, такие как «вооруженное восстание в Петрограде», «Второй Всероссийский съезд Советов» и др., которые в свою очередь делятся на более элементарные исторемы, например «выстрел крейсера “Аврора”». При этом важно отличать исторему от мифемы, *идеологемы или **псевдоисторемы** (pseudohistoreme), такой как «залп Авроры», ставшей составной частью советской идеологии (исторические свидетельства показывают, что с крейсера был произведен не залп, а только один холостой выстрел).

*Вит, *Событие*, Эсхатема

Лит.: Лотман Ю. Проблема исторического факта. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 335–339.

ИСТОРИОПЛАСТИКА (historioplasticity). Пластичность исторических формаций, изменяемость социополитических режимов при сохранении неизменной цивилизационной модели. Так, Россия пробует себя в разных исторических формациях: от анархии до тоталитаризма, от застоя до смуты, от революции до консервации, от рабовладения до капитализма, от коммунизма до фашизма — но ей не столь важна природа и сущность данного социального строя, сколько сам момент пробы, погони за своим ускользающим «я» (*экзистенация). Отсюда не только географическая, но и историческая обширность России, при отсутствии явно выраженного прогресса, поступательного движения. Это скорее вращение вокруг своей оси, перебирание и отбрасывание разных моделей. Никакая социальная форма и религиозная идентичность не пригодны для такого «великопустотного» существования, которое прокладывает путь из ниоткуда — через всё — в никуда (или в неизвестность).

Россия — большая страна не только по территории, но и по исторической вместимости. Она не столько двигалась вперед во времени, сколько испытывала все новые и новые варианты своей исторической участи. Эта способность цивилизации сохранять свои основные свойства, проходя через многочисленные диаметрально направленные формации и деформации, и есть историапластика. Прогрессивность и пластичность — разные характеристики исторического движения: первое определяет меру развития, второе — размах колебаний, масштаб внутренних противоречий, которые не могут найти разрешения.

*Топохрон, Экзистенация

Эссе. Т. 2. С. 139–145.

КЕНОТИП (kenotype; от греч. kainos, новый и typos, образ, отпечаток). «Новообраз», обобщенно-образная схема сознания, не имеющая прецедентов в коллективном бессознательном и по своему символическому значению относимая к будущему.

В системе культурологических понятий кенотип соотносится с «первообразом», «архетипом», откуда и выявляется его специфика. «Архетипами» Карл

Юнг назвал обобщенно-образные схемы, формирующие мир человеческих представлений и устойчивыми мотивами проходящие через всю историю культуры. Поскольку архетипы коренятся в коллективном бессознательном, они изначально предзаданы психической деятельности каждого индивида, проявляется ли она в сновидениях или произведениях искусства, в древних религиозных памятниках или современной рекламе. Такие архетипы, как «невинное дитя», «гонимый пророк», «философский камень» и пр., повторяются во множестве произведений, истоки их — в первобытной мгле бессознательного.

Наряду с «архетипом» теоретики литературы и искусства часто пользуются понятием «типа», вкладывая в него представление о конкретно-исторических закономерностях, обобщенных в художественном произведении. В этом смысле «типическими» называют образы Гамлета, Дон-Кихота, Растиньяка, Онегина, Обломова, поскольку в них преломились наиболее характерные особенности эпохи, нации, определенного общественного слоя. Если в *архетипическом* проявляется самый нижний, доисторический, вневременной пласт «коллективной души», то в *типическом* запечатлен ход истории, предстающей в своих социально обусловленных и конкретных проявлениях.

Однако архетипическим и типическим не исчерпывается содержание культурных форм и художественных образов, взятых в их предельной обобщенности. Универсальность может быть не предзаданной априорно и не ограниченной исторически, но устремленной к последним смыслам истории, к сверхисторическому состоянию мира, в котором раскрываются и такие «схемы», «формулы», «образцы», которые не имеют аналогов в доисторическом бессознательном. По контрасту с архетипами, эти *духовные новообразования*, пронизывающие всю культуру Нового времени и особенно XX века, называются *кенотипами*. Кенотип — это познавательно-творческая структура, отражающая *новую кристаллизацию общечеловеческого опыта*, сложившаяся в конкретных исторических обстоятельствах, но к ним несводимая, выступающая как *прообраз возможного или грядущего*. Если в архетипе общее предшествует конкретному, а в типе — сосуществует с ним, то в кенотипе общее — это конечная перспектива конкретного, которое вырастает из истории и перерастает ее. Все, что ни возникает, выступает как прообраз чего-то в будущем, о чем-то пророчит или предостерегает, и эта кладовая «последних образов» гораздо богаче, чем ларец первообразов, в котором замкнуто бессознательное древности.

Например, «волшебная гора» в одноименном романе Томаса Манна — образ архетипический, связанный с комплексом древнейших представлений о месте обитания богов (Олимп, Герцельберг — гора, где Тангейзер провел семь лет в плену у Венеры). Что касается туберкулезного санатория, размещенного на ее вершине, то это кенотипический образ, в котором кристаллизуется исторически новая система понятий, развернутая Т. Манном в размышлениях о «новой, грядущей человечности, прошедшей через горнило глубочайшего познания болезни и смерти». «Славенький немец с влажным очажком», как называет Ганса Касторпа Клавдия Шоша, или рентгеновский снимок легких, который он выпрашивает у нее вместо обычной фотографии, — все это не просто социально характерные, «типические» детали, но и не «издревле заданные формулы» (как Т. Манн определил архетипы) — это кенотипические образы, через которые проходит

новая культурная семантика, сформулированная Касторпом как «гениальный принцип болезни». В своих эссе, посвященных Ницше и Достоевскому, Т. Манн подчеркивает исторический характер возникновения «болезни» как культурного феномена — и вместе с тем ее универсальный смысл, по-новому организующий духовную жизнь человечества. «Именно его (Ницше) болезнь стала источником тех возбуждающих импульсов, которые столь благотворно, а порой столь пагубно действовали на целую эпоху»¹.

Физиологическая конкретика, искусно подобранная в романе, — туберкулезный процесс как заболевание ткани, снабжающей организм воздухом, самой тонкой и «бестелесной» из всех субстанций, — обеспечивает выход к художественной метафизике духа. Манновская *кенотипика*, рожденная конкретной культурно-исторической ситуацией: творчество «больных провидцев» Достоевского и Ницше; атмосфера утонченного разложения «конца века»; «декаданс» в литературе и искусстве; опыт Первой мировой войны, — извлекает из этой ситуации все возможные смыслы, но не ограничивает их рамками эпохи, а, переплавляя в топику легочной болезни, придает им эсхатологическую окраску. Кенотипы «туберкулезного санатория» и «рентгеновской пластинки», при всей своей очевидной универсальности, никак не запроектированы на исходных уровнях «коллективного бессознательного» и не имеют аналогов в древней мифологии.

Кенотипы можно обнаружить не только в сфере литературно-художественной, но и среди тех реалий современной техники, быта, культуры, значение которых выходит и за рамки собственной предметности, и за грань современности как таковой. Кенотипично метро — система подземных склепов, наполненных не могильным покоем, но суетой и движением миллионов живых. Кенотипичность того или иного жизненного явления обнаруживается в его мгновенно угадываемой символической емкости, в обилии метафор и аналогий, сопровождающих процесс его общественного осознания: например, рак часто осмысливается как болезнь социального организма, злокачественное упрощение и однородность его структур («Раковый корпус» А. Солженицына). Сьюзен Зонтаг в своих книгах «Болезнь как метафора» (1978) и «СПИД и его метафоры» (1989) рассматривает туберкулез, рак и СПИД как «парадигматические» болезни XIX, XX и, возможно, XXI веков.

Еще один современный кенотип — мобильный телефон, с его амбивалентным значением средства коммуникации и дисккоммуникации, когда, например, друзья, собравшись для общения, вместо этого отрешенно смотрят на экраны и общаются с отсутствующими. Можно найти кенотипическую образность в «Фаусте» Гете (Гомункулус, искусственный человек, выращенный в колбе посредством химических реакций), а еще раньше в «Предсказаниях» Леонардо да Винчи («Люди будут разговаривать друг с другом из самых отдаленных стран и друг другу отвечать» — условно говоря, кенотип Интернета или скайпа).

Согласно распространенному представлению об архетипах, все новое — это феноменальная оболочка «первосущностей», фонд которых остается неизменным. Однако сущность может быть так же нова, как и явление. Время не только

¹ Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Манн Т. Собр. соч. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 10. С. 352.

варьирует изначально заданные архетипы, его задача более фундаментальна — сотворение новых типов, причем не только таких, которые остаются обобщениями своей эпохи, но и таких, которые обретают сверхвременное значение. Кенотипичность — это возможность универсализации нового исторического опыта, перспектива, обращенная не к началу, а к концу времен, как их растущая смысловая наполненность и вместимость.

Соответственно для обозначения этих открывающихся измерений культуры нужна *проспективная* терминология, которая отсылала бы не назад, к доисторическим фазам и формам сознания, а вперед. В размышлениях о современной культуре постоянно всплывают термины «мифологема», «архетип», которые подменяют суть дела; сверхисторическая направленность и универсальность, которые возрастают в современном сознании, — вовсе не архаического, предличного образца, и ретроспективная терминология здесь не годится. Бессознательное, по Юнгу, способно к творчеству нового, исторически подвижно и продуктивно. Тем более важно выделить в нем консервативные, охранительные слои, относящиеся к области архетипов, и слои динамичные, созидательные, производящие кенотипы.

*Презентализм, Проективность, Протеизм, Прото-, Футурологизм, Эсхатаема
Парадоксы. С. 388–392.
Future. P. 48–49, 323–327.

МГНОВЕЧНОСТЬ, МГНОВЕЧНОЕ (momenternity, momenternal; мгновение + вечность). Мгновенное как вечное; вечное в одном миге. *Мгновечное* стягивает противоположности мига и вечности, поскольку оба сверхвременны, выпадают из хода времени, как абсолютный минимум и абсолютный максимум, которые, по диалектике Николая Кузанского, совпадают. По словам Б. Пастернака, «Мгновенье соперничает только с вечностью, но больше всех часов и времен»¹.

Каждый миг полон возможности перейти в вечность, если мы переживаем его сполна, на пределе душевной или умственной интенсивности. Немецкий мистик Яков Беме вспоминает, как однажды вспыхнул отблеск солнца на простом оловянном сосуде, и ему «в этот миг смысл бытия таинственный открылся»². Мгновечное проявляет себя в чудесах, прозрениях, озарениях. «Я помню чудное мгновенье» (А. Пушкин) — эта встреча с «гением чистой красоты» оказывается мгновечной в поэтическом сверхвременье. По Н. Бердяеву, наряду с циклическим временем природы и линейным временем истории существует еще экзистенциальное время, которое можно уподобить мгновенному уколу, точке, прорывающей ткань времени и прямо выводящей в вечность. Мгновечность — приобщенность вечному здесь и сейчас, двунаправленный исход из всего преходящего.

*Интенсивность, Местомиг

¹ Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004. С. 244 (письмо 1 июля 1926).

² Беме Я. *Christosophia*, или Путь к Христу. СПб.: А-CAD, 1994. С. 207.

МЕСТОМИГ (point-moment). Единица мирового континуума, точка однократного пересечения координат времени и пространства в их нераздельности; данное место в данный промежуток времени и то, что в нем происходит, наполняющая его событийность. Местомиг — элементарная единица памяти и воображения, а также повествовательных конструкций, где хронос пересекается с топосом. «В один прекрасный день в некотором царстве-государстве» — такова абстрактная формула местомига как зачина сказочных историй. Более конкретный пример: «Измайловский парк, лето 1957 года, я с бабушкой бреду по полянке. Измени чуть-чуть место или время — все пропадет, нужно привести память на резкость именно данного местомига». Сложность ностальгии, ее невоплотимость обусловлены тем, что она влечется к местомигам, удаленным не только в пространстве, но и во времени; к тому, что не только «там», но и «тогда». Возможны (авто)биографии в виде не связных повествований, а пунктиров, «местомигов памяти».

* Мгновечность, Синтопия, Топохрон
Дар. Вып. 56. 6.1.2003.

НОВЕЙШЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (Newest Middle Ages). Одна из характеристик современной эпохи, отмеченной конфликтом цивилизаций и ростом религиозного и политического фундаментализма.

«Новым средневековьем» назвал XX век Николай Бердяев в своей одноименной книге 1924 года. Его приметы — отрицание ценностей Нового времени: гуманизма, индивидуализма, рационализма и демократии; резкое возрастание роли масс, попадающих под власть «духоподъемных» и «спасительных» идей; успех радикальных движений, обещающих изменить судьбы мира, — коммунизма, социализма, фашизма, нацизма. Казалось, что Новое средневековье ушло в прошлое вместе с крушением фашизма и коммунизма и с падением железного занавеса в 1989 году. Следующая декада, 1990-е, прошла под знаком эйфории от глобальной победы демократии и рационализма западного стиля — человечество вернулось на магистраль Нового времени.

Однако начало XXI века было ознаменовано террористическим актом в Нью-Йорке (2001) — взрывным рецидивом Средневековья. Этот импульс исходил от воинствующего исламизма, а впоследствии — от России, в которой стали возрождаться архаические черты не только дореволюционной, но и допетровской эпохи, включая противопоставление себя Западу, отход от секуляризма к религиозному фундаментализму, милитаризация, ограничение роли науки и просвещения. *Новейшее* средневековье XXI века отличается от просто Нового средневековья XX века тем, что оно постсекулярное, постутопическое и постфутуристическое, то есть опирается на религиозно-национальную традицию, на традиционализм как таковой, и обращено в прошлое, а не в будущее. У него, в отличие от тоталитаризма XX века (особенно коммунистического), нет опоры внутри западных обществ, оно может рассчитывать лишь на силовую внешнюю экспансию либо на автаркию. Новейшее средневековье пришло на смену постмодерной эпохе, которая отделяет его от Нового средневековья и определяет разницу между ними, в частности разницу между фашизмом 1920–1940 годов и **шизофашизмом*

начала XXI века. Многие черты Новейшего средневековья художественно предвосхищены в повести В. Сорокина «День опричника» (2006).

*Археософия, Древностное, Психократия, Тотальгия, Шизофашизм
Политика. С. 259–262.

ОДНОВОЗРАСТНЫЙ и **МНОГОВОЗРАСТНЫЙ** человек (single-aged and multi-aged individual). Тип личности по ее психическому возрасту или возрастам. *Одновозрастный* — тот, кто всегда остается внутри одного возраста; *многовозрастный* — тот, кому присущи одновременно свойства разных возрастов.

Одновозрастность может быть стабильной (*надвозрастной*) и мобильной (*подвозрастной*). В первом случае человек навсегда застывает в одном возрасте, ему психологически присущем. «— Сколько вам лет, миссис Бентли? — Семьдесят два. — А сколько вам было пятьдесят лет назад? — Семьдесят два. — И вы никогда не были молодой и никогда не носили лент и вот таких платьев? — Никогда» (Р. Брэдбери, «Вино из одуванчиков»). Одновозрастен и гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин: он «родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове». Таков же и чеховский Беликов: он родился в футляре, в калошах и с зонтиком, поэтому все детское, отроческое, молодое: возня и смех гимназистов, езда Вареньки на велосипеде — не вызывает в нем ничего, кроме отвращения и страха.

Некоторые люди всю жизнь ухитряются прожить почти мальчиками, или почти стариками, или деловитыми здоровяками «в расцвете лет», меняя только физический возраст, но постоянно пребывая в неизменном возрастном складе личности. Поэтому они часто воспринимаются как *иновозрастные* (differently aged), фатально попавшие не в свой возраст: мальчик-старичок, важно расхаживающий в стороне от своих резвых сверстников, и старичок-мальчишка, неумолчно хихикающий, неутомно шаловливый.

Все эти одновозрастные люди значительную часть жизни пребывают в конфликте со своим физическим возрастом и могут глубоко страдать от того, что их засунули в слишком юное или слишком старое тело. Беликову, например, даже в его среднем возрасте жить неуютно, тревожно, хлопотно, он — человек «старой старости» и потому попадает в самую точку своего внутреннего возраста, когда оказывается в гробу. «Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!»

Одновозрастные — люди не только точечного, но и линейного типа. Они либо находятся постоянно в точке одного, врожденного возраста, либо скользят по линии всех возрастов, меняя точки, но оставаясь все время на одной прямой. Второй тип одновозрастности — подвижный, *подвозрастный* — всегда под стать своему физическому возрасту. О таких людях, скользящих по линейке своего возраста, писал Пушкин: «Блажен, кто смолоду был молод, / Блажен, кто вовремя созрел, / Кто постепенно жизни холод / С летами вытерпеть умел; / Кто странным снам не предавался, / Кто черни светской не чуждался, / Кто в двадцать лет был франт иль хват, / А в тридцать выгодно женат; / Кто в пятьдесят освободился / От частных и других долгов, / Кто славы, денег и чинов / Спокойно в очередь

добился, / О ком твердили целый век: / N.N. прекрасный человек. / Но грустно думать, что напрасно / Была нам молодость дана, / Что изменяли ей всечасно, / Что обманула нас она...» («Евгений Онегин», гл. 8, X–XI). «Прекрасный» человек, бывший в молодости сполна молодым, а в зрелости — сполна зрелым и не сохранивший в себе ни одного из прежних возрастов, — не только смешная, но и грустная пародия на человека. Он легко взрослеет и стареет, оставаясь одновозрастным. Другие возрасты не посещают его хотя бы странными снами «о чем-то большем», и оказывается, что и детство, и отрочество, и молодость были даны ему «напрасно»: они прожиты — и изжиты, выброшены, как изношенные костюмы. Манекен всегда одет по возрасту и с иголкой.

Многовозрастный человек, напротив, сочетает свойства разных возрастов, аккумулирует их в себе. Пятидесятилетние волосы, тронутые сединой; сияющие восемнадцатилетние глаза; десятилетняя улыбка с ямочками на щеках; слова бурлят и лепечут... Но дело не во внешности, а в той гулкости, резонансности, которая ощущается в душевном устройстве: у человека большой жизненный опыт, мудрое понимание мира и вместе с тем детская свежесть и непосредственность чувств. Про него нельзя сказать, что он *вневозрастный* (non-aged), как хвойное дерево внесезонно; это *многовозрастный* или даже *всевозрастный* (all-aged) человек, в котором все возрасты по-разному говорят, как все клавиши звучат на хорошо настроенном инструменте.

Многовозрастность не следует путать с ролевым поведением личности, множественностью ее функций в ходе социального общения. Так, Эрик Берн выделяет три состояния Я: Родителя, Взрослого или Ребенка. «Люди с разной степенью готовности могут переходить из одного состояния в другое». В данном случае «ребенок» и «родитель» — не возрасты, присущие данной личности, а ее амплуа, причем под родителем имеется в виду игровая роль, усвоенная от родителей: «Высказывание 'Это ваш Родитель' означает: 'Вы сейчас рассуждаете так же, как обычно рассуждал один из ваших родителей... Вы реагируете так, как прореагировал бы он — теми же позами, жестами, словами, чувствами'»¹.

Многовозрастность не всегда ясно выражена вовне, порой она открывается лишь глубинно соучастному взгляду. На поверхности, в общественных или служебных отношениях, человек может быть одновозрастным, функционально однородным, и лишь в дружеских или любовных отношениях обнаруживает то детское, отроческое, разновозрастное, что среда подавляет в нем или он сам вытесняет в себе. Любовь есть особый дар раскрывать в человеке его многовозрастность. В этом неожиданном смысле вспоминается пушкинское «любви все возрасты покорны»: не только люди разных возрастов, но и все возрасты в одном человеке раскрываются для тех, кто его любит. Между любящими устанавливается множество отношений: матери и ребенка, дочери и отца, молодой зрелости и зрелой молодости, и слегка покровительственное, и ученическое... Все эти нити разновозрастных отношений сплетаются в узел душевно-телесной близости, который оттого так трудно разорвать, что он состоит из множества дополняющих и укрепляющих друг друга возрастных союзов.

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений... / Пер. с англ., общ. ред. М. С. Мацковского. СПб.: Лениздат, 1992. С. 17.

* Возраст-фрактал, Любовь, Мультивидуум

К философии возраста: Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. 2006. № 4. С. 200–211.

ОСОБЫТИТЬ (to eventify). Превратить нечто в событие, насытить событиями, придать больше событийности. Если «событие» — единица динамичности бытия, то «особыттить» — это метадинамика, действие по усилению динамичности. Стремление к событийности может быть выражением творческой потребности — или вульгарной страсти к новизне как таковой, когда с утра начинают думать, как особыттить предстоящий день.

* Вит, Событие, Трансформация

ПРЕДБУДУЩЕЕ (antefuture). Промежуток времени между настоящим и будущим, область интенсификации устремлений, волевых актов. Если будущее охватывается в основном способностью воображения, а настоящее — способностью внимания, наблюдения, то предбудущее — область намерения, желания. Это время «пред» — предчувствия, предварения, предвосхищения, самого активного, бурного течения времени. Если будущее — «то, что будет», то предбудущее — «то, чему быть» (или «не быть»). Будущее — это отдаленная перспектива, а предбудущее — порог, перед которым мы стоим, область предельного напряжения всех сил и способностей.

Грамматически предбудущее время может выражаться по-разному:

1. Инфинитив. *Быть* здесь всем завтра в восемь!
2. Императив. *Будь* здесь завтра в восемь!
3. Будущее время. *Буду* здесь завтра в восемь.
4. Настоящее время. *Еду* завтра на вокзал.
5. Сослагательное наклонение. *Поехать бы* завтра на вокзал!

Предбудущее — то завтра, которое совершается с нами уже сегодня, причем порой гораздо более событийно, чем в том времени, когда оно уже станет настоящим. Об этом у Пушкина: «Сердце будущим живет, / Настоящее уныло...» Если разделить будущее на собственно будущее («потом») и предбудущее («вот-вот»), то здесь имеется в виду именно предбудущее, то время, на пороге которого мы стоим, которое всегда чуть-чуть впереди, как направление следующего шага. Это область предельного напряжения всех сил и способностей. Это «праздник ожидания праздника» (Ф. Искандер), и первый праздник по остроте превосходит второй.

По своей протяженности предбудущее подвижно, оно может сжиматься до секунд или растягиваться на годы. Его временной объем определяется горизонтом наших ожиданий и устремлений. Для обывательского сознания предбудущее сжимается до минут (чего бы поесть/выпить?); для деятеля, пророка, создателя растягивается на века (каким быть миру, человеку?). Для школьника, которому на следующий день предстоит экзамен, предбудущее — это завтра; а для писателя, работающего над романом, оно растягивается на несколько лет. Предбудущее — фокус волевых усилий: что делать? каким быть? Чем сильнее и целенаправленнее наша воля, тем более дальнюю перспективу она охватывает. Для таких волевых натур, как Л. Толстой или А. Солженицын, все будущее становится предбудущим, не остается безмятежной глади грядущих лет и веков, все втягивается в водово-

рот вплотную подступающих решений и поступков. Мера жизнеустремленности определяется тем, какая доля будущего вовлечена в предбудущее.

*Временение, Проективность, Трансформация, Хронема
Листочки. С. 240–241.

ПРОТЕИЗМ (proteism; от греч. protos первый, начальный, и греч. Proteus, морское божество Протей, способное принимать облик различных существ). Направление современной культуры, приходящее на смену постмодерну; ориентация на будущее, а не на прошлое. Протеизм — осознание того, что мы живем в самом начале неизвестной цивилизации, что мы притронулись к неведомым источникам силы, энергии, знания, которые могут в конечном счете нас возвеличить или уничтожить. Все человеческие достижения — только слабые прообразы того, чем чреваты технологии будущего. Это мироощущение нового исторического начала выражено у Ф. Ницше: «Мы, новые, безымянные, труднодоступные, мы, недоноски еще не проявленного будущего...» («Веселая наука», фр. 382). Мы — робкие дебютанты ноосферы и техносферы, биологическая протоплазма технической цивилизации, носители прото-интеллекта, прото-киборги...

Можно выделить пять основных значений и смыслов термина «протеизм».

1. Протеизм как культурное движение — это альтернатива тому «пост-» (постмодернизм, постструктурализм, постутопизм, постиндустриализм...), которое отталкивалось от прошлого — и вместе с тем было зачаровано им, не могло выйти из его магического круга. *Прото- соизмеряет себя с предстоящим и наступающим, как эмбриональная форма будущего, как зародыш новых интеллектуальных и художественных движений.
2. Протеизм как гуманитарная методология изучает возникающие, еще не оформленные явления в зачаточной, текучей стадии их развития, когда они больше предвещают и знаменуют, чем бытуют в собственном смысле. Протеизм имеет дело с началами, а не серединами и концами, и в любых явлениях открывает их «ранность», эскизность, предварительность, свойства черновика.
3. Термин «протеизм» отсылает к фигуре Протея в древнегреческой мифологии — бога морей и зыбей, способного принимать облик различных существ, превращаться в огонь, воду, дерево, животных. Цивилизация будущего *протейична*, поскольку она состоит из потоков энергии и информации, легко меняющих свою материальную форму. В аллегории Ф. Бэкона «Протей, или Материя» Протей представлен как символ всеизменяющейся материи: как ее ни связываешь, она, подобно Протею, все время освобождается из плена и превращается во что-то другое: сжимаешь тисками дерево — из него вытекает вода, мучишь воду огнем — она превращается в пар. Но если бы Бэкон дождал до открытия ядерной энергии, радиоактивности, световых волн, гравитационных полей, он, вероятно, изменил бы точку зрения: материя — это скорее принцип застывания, статичности, по сравнению с *протеизмом энергии* и еще большим *протеизмом информации*, которая может принимать вид формулы, гена, организма, светового луча, квантового взаимодействия... Теория информации не исключает, что и человеческие существа — это многомерные потоки сигналов, проходящие через трехмерное пространство и восприни-

мающие свою принадлежность к иным измерениям как «духовность» или «душевность». В контексте современной науки материя выступает скорей как принцип пленения, связывания энергии и информации, которые все с большей легкостью, как Протей, освобождаются из этих пут.

4. Эта подвижность и текучесть, аморфность и полиморфность также связаны с едва-рожденностью, начальной стадией становления всего из «морской зыби», из «первичного раствора». Протеичность воспринимается как знак «давних», «ранних» времен, когда метаморфозы происходили особенно быстро. Характерно, что когда Протей останавливается в конце концов на своем собственном облике, он оказывается сонливым старичком. Таков разбег протеического: «протоформа» эмбриональна по отношению к будущему — и одновременно архаична, археологична с точки зрения этого же будущего.
5. Протеизм — это сфера самосознания: сам субъект воспринимает себя как отдаленный прообраз какого-то неизвестного будущего, и его отношение к себе проникнуто духом эмбриологии и археологии. Мы — эмбрионы будущих цивилизаций и одновременно — их древнейшие реликты, примитивные зачатки того, что впоследствии приобретет полноту формы и ясность смысла. Если речь идет о технике, то мы живем в эпоху свечей и паровых котлов. Если речь идет о литературе, то мы — в эпохе Аввакума и Третьяковского: бездна отделяет нас от будущих Толстых и Достоевских, которых мы еще даже не в состоянии предвидеть. Протеизм движет нас в будущее с той же скоростью, с какой отодвигает в прошлое.

Протеизм — мироощущение начала нового тысячелетия, откуда открываются далекий вид на прошлое и будущее. Протеизм — это *элегический оптимизм*, который в миг рождения уже знает о своей скорой кончине. Протеизм вбирает в себя тот объем времени, который позволяет ему быть в начале — и видеть себя с конца, экспериментально дерзая — и архивно вздыхать, рваться вперед воображением — и окидывать себя из будущего долгим взглядом памяти и прощания.

Протеизм, как мировоззрение «начала века», имеет много общего с авангардом начала XX века: обращенность в будущее, экспериментальная установка, открытость новому, прогностика и футурология, жанр **манифеста*. Но на фоне этого сходства еще яснее различия. Авангард — «передовой отряд», который выдвинулся далеко вперед и ведет за собой «отстающие массы» или даже дерзко отрывается от них на пути к дальней цели. Протеизм уже обладает достаточным историческим опытом, чтобы поставить себя «на место»: не в отдаленное будущее, а в отдаленное прошлое того будущего, которое он предвосхищает, — не в авангард, а в **арьергард* тех явлений, которые он предвьяет и которые вскоре превратят его в архив истории.

Авангард первой половины XX века ставил себя впереди всего и надо всем. Протеизм не гордится своей новизной, а скорее смиряется с процессом своего неизбежного и быстрого устаревания; он помещает себя не в будущее по отношению к прошлому, а в прошлое по отношению к будущему, смотрит на себя в перевернутый бинокль, где видит себя исчезающим за историческим горизонтом. Авангард склонен к гиперболе, он конгениален эйнштейновской космологии и открытию расширяющейся вселенной, он растягивает свои образы до космических размеров. Протеизм, напротив, склонен к литоте, он видит тенденцию к уменьшению,

минимализации всех явлений, он и себя видит «маленьким», инфантильным, он конгениален тем нанотехнологиям, которые сведут масштабы индустрии, информатики, кибернетики к размеру атомов и квантов. Протеизм — это авангард, умудренный опытом своих поражений и тоталитарных подмен, способный видеть себя в давно прошедшем того процесса, которому он только кладет начало.

К началу XXI века у человечества уже появился — впервые в истории — опыт стремительных технологических перемен, происходящих в жизни одного поколения. Такого опыта не было у тех авангардных поколений (от 1900-х до 1950-х), которые восходили к творчеству на гребне очередной техно-информационной волны, но не видели, как она опадает и сменяется другой, — поэтому как бы застывали на этом гребне, видели себя выше других, отождествляли себя с будущим, в его последней неотменимой правоте. Поколение начала XXI века уже может предвидеть то будущее, из которого видит себя в далеком прошлом.

* *Амбутопия*, Гипербола-литота, *Кенотип*, Манифест, Потенциация, Проективность, *Прото-*, Футурологизм

Début. P. 180–198.

From Post- to Proto-: Bakhtin and the Future of the Humanities // *Critical Theory in Russia and the West* / Ed. Renfrew, Alastair & Galin Tihanov. London, New York: Routledge, 2009.

P. 173–194.

Знак. С. 138–152, 163–167.

Transformative. P. 32–40, 49, 259.

ПРОТО- (от греч. *protos*, «первый»). Первая часть сложных слов, указывающая на первичность, зачаточность определенного явления, например в таких терминах, как «прототип», «протозвезда», «прото-Ренессанс». К началу XXI века «прото» приобретает то же принципиальное мировоззренческое значение, какое приставка «пост-» имела в интеллектуальных движениях 1970–1990-х годов (постмодернизм, постструктурализм, постколониализм, посткоммунизм).

Последние десятилетия XX века прошли под знаком пост-движений, которые ставили себя в конец истории, «после всего». Теперь эта эпоха «пост-» сама уже позади. Мы вступаем в век «прото-» — зачинательных, возможностных форм общественного сознания. Как составная часть новых терминов, *прото-* позволяет обозначить и отрефлексировать движение культуры и гуманитарных наук за пределы деконструкции и постструктурализма.

Уже в середине 1990-х годов, несмотря на продолжающиеся в гуманитарных кругах разговоры о постмодернизме и постструктурализме, интеллектуальная инициатива стала переходить к новому поколению — первопроходцам виртуальных миров. *Поколение Интернета* перестало интересоваться деконструкцией, предоставило «мертвецам хоронить своих мертвецов», устремившись к новым, фантастическим, пост-реальным, точнее, *прото-*виртуальным объектам, которые оно само могло конструировать. В «пост-ный» мир, где, казалось, не могло быть уже ничего нового, вдруг ворвалась конструктивная новизна, пафос бурного заселения новых территорий психореальности, инфореальности, трансреальности.

Все то, что предыдущим поколением воспринималось под знаком «пост-», в следующем своем историческом сдвиге оказывается «прото-» — не завершением, а первым наброском, робким началом новой нейрокосмической эры,

информационной и трансформационной среды. Основное содержание новой эры — сращение мозга и вселенной, техники и органики, создание мыслящих машин, работающих атомов и квантов, смыслопроводящих физических полей, доведение всех бытийных процессов до скорости мысли. За каждым «пост-» вырастает свое «прото-».

«Конец реальности», о котором так много говорили «постники» всех оттенков, от Деррида до Бодрийяра... Оказывается, что это только *начало виртуальной эры*. Наши теперешние нырки в компьютерный экран — только выход к пенной кромке океана. Дальнейшее плавание в виртуальный мир, **виртонавтика*, предполагает исчезновение берега, то есть самого экрана компьютера, — и создание трехмерной среды обитания, воздействующей на все органы чувств.

«Конец истории», о котором говорили А. Кожев и Ф. Фукуяма... Странно думать, что ход истории может завершиться полным самопознанием ее движущей идеи: это противоречило бы известным парадоксам саморефлексии и самореференции, и здесь Гегель вступает в противоречие с Геделем, а абсолютный идеализм — с теоремами неполноты. Кожев видел конец истории в создании абсолютного, тотального, всемирного государства (прообраз — сталинский СССР), а Фукуяма — в победе либеральной модели и западной демократии во всем мире (прообраз — рейгановские США). Но спустя десятилетия после этих мрачных и светлых пророчеств очевидно, что ход истории не только не приостановился, но даже ускоряется. По всем данным, мы только выходим из тысячелетий *прото-истории*, которая двигалась рывками, то замирая на десятилетия и даже столетия, то взрываясь бунтами, войнами, массовыми кочевьями, падениями империй. Мы привыкли считать историей большие потрясения, тогда как в динамичном обществе история обновляется ежеминутно и ежедневно.

«Смерть автора», «стирание подписи», которые провозглашали Р. Барт, М. Фуко и их последователи, хотя и никогда не отказывались от своей подписи и от включения очередного «смертного приговора» в список своих авторских публикаций... На самом деле, это не конец, а начало новой эпохи **гиперавторства*, умножения авторских и персонажных личностей, странствующих по виртуальным мирам во все более косвенных отношениях к своим биородителям или бионосителям.

Наконец, «смерть человека», которую провозгласило поколение постгуманистов вслед за М. Фуко... Действительно, человек выходит за пределы своего биовида, подсоединяя себя ко множеству приборов, вживляя в себя провода и протезы. Между человеческим организмом и созданной им культурой устанавливаются новые, гораздо более интимные отношения симбиоза или имплантата. Все, что человек создал вокруг себя, теперь заново интегрируется в него, становится частью его тела, его природы. Но означает ли это смерть — или торжество человеческого? Можно ли считать смертью человека новый этап очеловечивания приборов, орудий и машин, благодаря которым они приобретают человеческие функции движения, вычисления и даже мышления, а человек становится более человеком, чем когда-либо, — **всечеловеком* (**техногуманизм*)?

Теперь, после всех прорывов в электронике, информатике, генетике, когнитивистике, биотехнологиях, нанотехнологиях, ясно, что мы живем не в конце, а в самом начале огромной исторической эпохи. Грубо говоря, мы — питекантропы

технического века, мы на 90% еще такие, какими вышли из чрева природы, мы занимаем в истории разума, ноосферы примерно такое место, какое динозавры занимают в естественной истории.

Состояние современной цивилизации можно определить в терминах «прото-» как давнопрошедшее перед лицом отдаленно-будущего. Цивилизация начала XXI века:

1. *Прото-глобальная*, поскольку она все еще разделена на языковые, национальные, государственные, культурные и религиозные барьеры, внутри которых и существует подавляющее большинство населения. Сейчас не более трех-пяти процентов населения земного шара живет «поверх барьеров», в общепланетарной ноосфере: интеллектуальная и бизнес-элита, некоторые политики, ученые, артисты, журналисты, студенты. Мера глобальности также определяется тем, насколько цивилизация овладела всеми источниками энергии на планете и умеет регулировать климат, погоду, уровень океанов, вулканические и прочие геологические, биосферные, планетарные процессы. По подсчетам ученых, для перехода на этот уровень цивилизации потребуется несколько сотен лет — и мы только недавно стали осознавать, в каком направлении движемся.
2. *Прото-квантовая*. Квантовый уровень строения вещества, на который наука проникла в XX веке, станет основой для креативных и трансформативных практик будущего. В частности, ведутся работы по созданию квантовых компьютеров, мощность которых на много порядков превысит ныне действующие кремниевые. Управляя квантами, мы сможем создавать любые новые формы вещества, в том числе и органического. Это обещает решить проблемы продовольственного и энергетического обеспечения человечества и перевести все виды материального производства и даже медицинского обслуживания на микроуровень, освободив заодно и природу от давления экстенсивной техники, от производственных динозавров индустриальной эры.
3. *Прото-ноотическая*. По мере эволюции жизни мозг из крошечного придатка организма (ганглии у беспозвоночных) превращается в центральный орган. Такая же эволюция происходит и в истории цивилизации: увеличивается «мыслящий пласт» в природе; геосфера и биосфера перерастают в ноосферу. Видимо, будущее человечества — это **ноократия*, то есть власть не отдельных индивидов или социальных групп, а коллективного мозга, который сосредоточит в себе интеллектуальную потенцию всех мыслящих существ и будет действовать как на биологической, так и на квантовой основе (**ИнтелНет*, **Нооценоз*, **Синтеллект*).
4. *Прото-метафизическая*. До сих пор метафизика была лишь самым общим разделом самой отвлеченной из наук — философии и имела дело с самыми общими основаниями и свойствами мироздания: жизнь и смерть, тождество и различие, реальность и иллюзия, бытие и знание... Только недавно метафизика обнаружила свою приложимость ко всему кругу проблем множественных миров и их конструирования. Метафизика становится неотделимой от физики, поскольку сама физика дошла до последних, «метафизических» границ материи, по-новому ставя и решая проблемы причинности, свободы, вероятности. Генетика приобретает метафизическое измерение в постановке таких проблем,

как природа идентичности (клонирование) и смерти (гены старения). Пока в нашем распоряжении была только одна вселенная, одна форма жизни, одна форма разума, метафизика оставалась умозрительной наукой, но как только понятие «мира» становится чем-то осязаемым и мы получаем хотя бы гипотетическую возможность творить альтернативные формы жизни и разума, метафизика становится практической дисциплиной полагания основ, координат, универсалий новых миров с заданными свойствами, психофизическими параметрами. Когда-нибудь специалисту по метафизике (или **онтотехнике*) будут поручать проект построения определенного фрагмента вселенной или одного из виртуальных миров. Своим мышлением *метафизик-онтотехник* вызовет их к существованию как логическую возможность, на место которой затем придут космонавты, инженеры, строители, видеотехники, компьютерщики (**концептивизм*).

Определяя то или иное явление как «прото-», мы сочетаем аналитическую и прогностическую процедуры. Говоря «прото-виртуальный мир» о нынешних компьютерных сайтах, мы одновременно задаем вектор развития экранных плоскостей в направлении зрелой, многомерной, всеохватывающей виртуальности — и обозначаем свое место в начальном, плоско-двумерном периоде этого процесса. «Виртуальный», «электронный», **нейрокосмический*, **нейросоциальный* — мы в самом начале этих эпох развития цивилизации и потому можем снабдить соответствующие термины приставкой «прото-». Прогнозируя будущее, мы одновременно помещаем себя в его далеком прошлом. Футурология тем самым становится неотделима от *проективной археологии* — «раскопок» самих себя, своего времени.

Судить о том, что является «прото-», обычно можно лишь после того, как явление полностью вызрело и состоялось. Откуда мы знаем, что Данте и Джотто — это прото-Ренессанс? Очевидно, такое определение может быть дано лишь после того, как определился и завершился сам Ренессанс, то есть задним числом. И действительно, термин «прото-Ренессанс» появился только в XIX веке. Особенность XXI века, уже имеющего позади опыт утопий и антиутопий, авангарда и постмодернизма (**амби-*), — в том, что оно может давать определение «прото-» не задним, а «передним» числом, то есть заранее устанавливать начальность того явления, которое приобретет меру зрелости в будущем. У нас появился — впервые в истории — опыт стремительных технологических перемен, происходящих в жизни одного поколения. Оно уже может соизмерять себя с собой, сопоставлять свои начала и концы, предвидеть то будущее, из которого видит себя давно прошедшим.

**Амбиутопия, Кенотип, Концептивизм, Манифест, Ноократия, Онтотехника, Потенциация, Протеизм, Протологизм, Техногуманизм, Техногуманистика, Техномораль, Футурологизм Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3. С. 196–209. Début. P. 180–198.*

From Post- to Proto-: Bakhtin and the Future of the Humanities // Critical Theory in Russia and the West / Ed. Renfrew, Alastair & Galin Tihanov. London, New York: Routledge, 2009. P. 173–194.

Знак. С. 24–32, 96, 117, 122–127, 142–152, 165–166.

Humanities. P. 24–28, 33–38, 41, 50, 207.

СИНТОПИЯ (syntopia; букв. соместие, от греч. корней *syn-*, *с-*, и *topos*, место). У этого термина три значения.

1. Связь разных времен через единство места. Если *синхрония* — это одновременность событий, происходящих в разных местах, то *синтопия* — это единоместность событий, происходящих в разных временах. В синтопии разные эпохи, события связываются через единство места, образуют сплав чувств, воспоминаний, ассоциаций. Например, в афинской Агоре ступаешь по следам, оставленным Сократом и апостолом Павлом, — и благодаря единству места они становятся ближе, как будто ты прикасаешься к ним через эту землю, камни, горизонт. В Ясной Поляне подступают образы Л. Толстого и сам посетитель становится участником его жизни. Место сохраняет следы своих обитателей, делает их внутреннее более живыми, достоверными. Синтопия — способ переживания внутренней связи с теми, кто здесь побывал, это своего рода контактная магия места, проходящая сквозь время.

Возможна не только обращенная в прошлое, но и поступательная, «будущностная» синтопия, как, например, у А. Пушкина в стихотворении «...Вновь я посетил». *Синтопия с прошлым*: «здесь опять / Минувшее меня объемяет живо». *Синтопия с будущим*: «мой внук / Услышит ваш приветный шум, когда, / С приятельской беседы возвращаясь, / Веселых и приятных мыслей полон, / Пройдет он мимо вас во мраке ночи / И обо мне вспомнит».

2. Пространственные совпадения и пересечения в жизни разных людей, их приверженность одним и тем же местам. Например, у тех, кто долго жил в Париже, Праге и Петербурге, *синтопичные* судьбы. Синтопией можно считать и любовь к путешествиям в одни и те же места, общие конфигурации географических перемещений и т.п.

3. Документальный или художественный жанр, связывающий события разного времени единством места. Например, фильм Вуди Аллена «Полночь в Париже» представляет Париж в трех временных срезах: 2010, 1920-е и 1890-е. Порой такие сюжеты мотивируются путешествием в машине времени, например в серии фильмов «Назад в будущее», где американский городок Хилл Вэлли (Hill Valley) представлен в 1985, 2015 и 1885 годах. Синтопия отличается от хроники или истории тем, что не излагает последовательно события, происходящие в одном месте, а создает монтаж разновременных планов и картин одного места. К жанру *лирической синтопии* относятся такие стихотворения, как «Запустение» Е. Баратынского, «Возвращение на родину» С. Есенина.

*Местомиг, *Топохрон*, Ухрония
Дар. Вып. 302. 11.6.2012.

СОБЫТИЕ (event, co-being). Структурное единство разных моментов времени, придающее им одновременность; со-бытие разных моментов времени в надвременном единстве.

В обычном словоупотреблении «событие» — то, что происходит во времени и, как философская категория, указывает на временной аспект бытия, на стрелу времени. Событие — то, что произошло и не может случиться в обратном

порядке. Однако, состоя из элементов времени, событие организует их таким образом, что превращает в нечто одновременное. Например, такое событие, как вступление в брак, включает ряд последовательных во времени действий: знакомство, ухаживание, предложение и согласие, встречи с родственниками, помолвка, процедура официальной регистрации, венчание, свадьба, медовый месяц и т.п. Но структурно это одно событие, в котором все элементы взаимосвязаны: *вступление в брак*. Сама последовательность этих действий во времени есть способ структурной организации события, в котором должны присутствовать все его разновременные элементы или по крайней мере большинство из них.

Такое событие, как мирное соглашение между воюющими державами, включает ряд структурно необходимых и формально закрепленных «атомарных» действий, распределенных на оси времени: консультации экспертов, зондирование общественного мнения, принятие политического решения, подготовка и обмен текстами соглашения, переговоры на уровне послов и министров иностранных дел, межгосударственные визиты, подписание соглашения, торжественный прием, мероприятия по разведению войск и выполнению других условий договора, и т.д., так что без одного из этих элементов другие лишаются смысла и событие не может состояться. Все эти элементы события должны быть в синхронном наличии, хотя и развертываются они диахронически. Событие есть *структурная одновременность* (синхронизация) *физически разновременных* (диахронических) действий (поступков, изменений).

Категория события позволяет переносить явления одного временного порядка на более высокий метауровень. Человеческая жизнь в целом может быть представлена как одно событие, которое не могло бы состояться без его разновременных составляющих, от рождения до смерти. Такое событие существует в историческом, но уже не в биографическом времени, поскольку вся протяженность жизни данной личности синхронизована в этом событии, как одна структурная единица. Точно так же вся жизнь человечества может быть представлена как одно событие, которое существует в космическом времени, но уже не в историческом. Время истории сжато данным событием в синхронический ряд, все элементы которого, от первобытной эпохи до наших дней, должны соприсутствовать, чтобы структурно образовать событие человеческой истории. Наконец, и вся жизнь Вселенной, с Большого взрыва, положившего начало ее расширению и образованию галактик и звездного вещества, может быть представлена как одно событие, которое сжимает и синхронизирует в себе все космическое время и за пределом которого нет времени вообще. Такое мегасобытие само по себе является безвременным, принадлежит вечности.

Космическая стрела времени, как принято считать, возникает на уровне квантовых процессов (декогеренции) и обусловлена ростом энтропии (второй закон термодинамики). Событийность, определяясь однонаправленным ходом времени, вместе с тем обращает его вспять, точнее, интегрирует его в надвременные смысловые структуры. Категория события образует переход от диахронии к синхронии и позволяет, в пределах данного временного континуума, организовать его как вневременное структурное целое, как ступенчатое вхождение вре-

менного в вечное. Если время — подвижный образ вечности, то событие — это *вечностный образ времени*.

*Вит, Выверт, *Исторема, Особытть, Судьба*, Трансформация, Хронема
Событие: от времени к вечности // Частный корреспондент. 20.11.2012.

СОИСТОРИЧНОСТЬ (cohistoricity). Мера соответствия между индивидуальной человеческой жизнью и ходом истории. В разных культурах и в разные эпохи индивидуальная жизнь вмещает исторические процессы разных масштабов. Современная Америка привлекает людей со всего мира тем, что здесь посеянное может принести несколько урожаев при жизни одного поколения. Можно своими глазами увидеть, как вырастают «внуки» и «правнуки» твоих открытий, инициатив, начинаний, как идея пускается в двойной или тройной оборот, как последствия ее внедрения приносят новые идеи, которые опять-таки внедряются на твоих глазах. На одну жизнь приходится несколько циклов исторических перемен, и все они имеют один вектор, направлены в будущее. Во многих других культурах, напротив, целые поколения не успевают дожить до итога своих трудов — или обречены наблюдать их бесплодность.

Без сотрудничества с историей, без *соисторичности*, художник или мыслитель окажется в вакууме, как мозг в колбе. Нельзя творить в одиночестве, не подключаясь к творящим силам и возможностям времени, языка, общества, обстоятельств. Индивидуальная жизнь во много раз короче, чем жизнь нации. При этом возникает глубоко экзистенциальный вопрос: какую долю себя приносить на служение обществу? Каждый имеет право самостоятельно решать, тратить ли свою единственную жизнь на то, чтобы согласовать ее с историческими темпами своей страны, с ритмом ее дыхания, — или осознать, что сроки твоей жизни несоизмеримы с ритмом здешней истории, и выбирать другую страну/культуру как более подходящую среду для самореализации.

*Исторема, *Историопластика*, Топохрон, Хронема, Хронократия, Хронопатия, Экзистенация
Политика. С. 233–237.

ТОПОХРОН (topochron; инверсия понятия «хронотоп»). Преобладание топоса над хроносом, пространства над временем в определенной культурно-исторической модели. Применяя бахтинское понятие хронотопа к российской или советской цивилизации, обнаруживаешь закономерность: хронос в ней вытесняется и поглощается топосом. Сама история этой страны, как писал В. О. Ключевский, состояла в непрерывной колонизации новых земель, завоевании пространства на все четыре стороны света, а затем — как настаивал Н. Ф. Федоров, ссылаясь на распахнутость и «небоекость» русской равнины, — и на «пятую» сторону, в направлении открытого космоса. История России — проекция ее географии, и исторические периоды отмечаются не чисто временными изменениями, а расширениями в пространстве.

«Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда,

наконец, он посредством естественного зарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине...»¹

Поскольку Россия привыкла *исторические* вопросы решать *географически*, этой стране принадлежит столь большое место в пространстве, что ей трудно найти свое место во времени. С реформ Петра I Россия жадно стремилась войти в европейскую историю — но лишь для того, чтобы обогнать степенно шествующие историческими путями западные народы и оказаться «по ту сторону» истории, в некоей утопии-**ухронии*. Среди народов, условно говоря, исторических и неисторических Россия выбрала свой особый, «сверхисторический» путь: входя в историю, тут же готовиться к выходу из нее.

Время в России вытесняется пространством (физическим и метафизическим) — это «Архимедов» закон погружения большого географического тела в историческую среду. Чем обширнее становилась Россия, тем медленнее текло в ней историческое время — и наоборот, сокращаясь в пространстве, она убыстрялась во времени. Обременяясь новыми землями, Россия впадала в исторический сон и прострацию, что случилось в результате победных походов в Европу — 1812 и 1945 годов. И наоборот, после неудачных войн — Крымской, Японской, Первой мировой — Россия теряла части своей территории и тут же получала толчок исторического ускорения — реформы и революции.

Самая большая в мире территория, какой стала Россия, определила и *территориальность* ее истории как многовекторного пространства. Россия не столько двигалась вперед во времени, сколько испытывала все новые и новые варианты своей исторической участи, совершая рывки то в будущее, то в прошлое, но пренебрегая однонаправленным, собственно временным вектором устойчивого развития.

*Выверт, *Историапластика*, Синтопия, Ухрония, Хронопатия, Хроноцид, Экзистенация
Политика. С. 263–265, 279–280.

УХРОНИЯ (uchronia; греч. *у*, не, нет, и *chronos*, время). Безвремяе, вневремяе, мир остановленного времени; тип общества или политического режима, в которых фактор времени, исторического изменения сведен к минимуму.

По способу образования и значению термин «ухрония» соотносится с «утопией» (буквальное «безместие», «место, которого нет»). По мере своего осуществления утопия переходит в *ухронию*, разрыв самой истории, остановку времени. Место, которого нет, становится временем, в котором ничего не происходит. Если мир, каким он изображается в утопии, прекрасен и совершенен, значит, в нем уже нечего делать времени. Антиутопии Замятина, Оруэлла — это еще и *антиухронии*, разоблачения того **хроноцида*, времяубийства, в котором состоит главное историческое преступление утопических режимов.

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. 1, лекция 2 // *Ключевский В. О.* Соч. в 8 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 32.

Как слову «утопия» в русском языке дополнительную выразительность придает его переключка со словами «утопить», «утопление» (что обыгрывается Андреем Платоновым), так смысл «ухронии» проясняется созвучием слова с «похороны», «захоронение»: это похороны времени, захоронение жертв, принесенных на алтарь будущего или вечности.

В начале 1990-х годов в моде была идея «конца истории», якобы счастливо завершенной разрешением всех конфликтов в пользу всепобеждающей западной демократии (Ф. Фукуяма). Эта ухрония на демократический лад сопоставима с ухрониями тоталитарного или идеократического образца.

*Историопластика, Платомарксизм, *Топохрон*, Хронопатия, Хроноцид
ПФС. С. 441.

ФУТУРОСКОПИЯ (futuroscopy). Нелинейный подход к будущему как множеству мыслимых проекций и горизонтов — *совозможных* будущностей. *Футурология*, популярная дисциплина 1960–1970-х годов, пыталась предсказать будущее, выстроить его в линейной перспективе растущих тенденций, подлежащих экстраполяции из настоящего. *Футуроскопия*, напротив, обозревает разные варианты и горизонты будущего без попытки подчинить их единой логике развития. Это своего рода открытый ментально-исторический горизонт: ландшафтное видение не одного будущего, но множества веерообразно расходящихся и не заслоняющих друг друга *будущностей*.

**Возможностное*, Кенотип, Потенциосфера, *Прото-*, Футурологизм
Знак. С. 19–20, 91–97.
Humanities. P. 48–52, 124–128.

ХРОНЕМА (chroneme; ср. фонема, идеологема). Единица времени в гуманитарном измерении; ее личностное, психологическое, историческое восприятие (в отличие от немеханического или астрономического).

В жизни той или иной личности одна хронема может вмещать несколько секунд, или часов, или дней, или лет. Для разных людей в разных ситуациях хронема — это время прочтения одной книги, или время одной любовной встречи, или время одного рабочего дня, или время, нужное для написания одного стихотворения. В периоды долгого ожидания или бурной радости хронемы растягиваются или сжимаются, и одна и та же астрономическая единица может вместить меньше или больше психологического времени. Вместимость хронем меняется также с возрастом: для ребенка одна астрономическая единица времени гораздо более продолжительна и эмоционально насыщена, чем для старика. Хронемы растягиваются по мере замедления субъективного хода времени и сокращаются по мере его убыстрения.

В жизни целых народов хронемы также имеют разную протяженность. А. Блок писал: «Для вас — века, для нас — единый час» («Скифы»). Так различаются по исчислению поэта хронемы западной и российской истории: первые исчисляются веками долгого, упорного труда, вторые — часами бунтов, революций.

По мере ускорения истории хронемы все более сокращаются в своем физическом измерении. Процессы, раньше занимавшие месяцы, например межконтин-

ментальные путешествия, теперь умещаются в часы. По замечанию О. Мандельштама, «нечто вроде геометрической прогрессии, правильного и закономерного ускорения, замечается в бурной реализации накопленных и растущих потенциалов исторической силы, энергии. Благодаря изменению количества содержания событий, приходящихся на известный промежуток времени, заколебалось понятие единицы времени...» («О природе слова», 1922). Это означает, что хронома как единица исторического времени протекает все быстрее на астрономических часах.

*Вит, *Исторема, Историопластика, Событие*
Дар. Вып. 60. 10.2.2003.
Топос. 9.2.2004.

ХРОНОКРАТИЯ (chronocrasy; от греч. *chronos*, время + *kratos*, власть; букв. *времяправие, времядержавие*). Власть времени как определяющий фактор общественной жизни; форма политического устройства, основанная на признании времени решающим фактором обновления структур власти и общества.

Хронократия предполагает безусловную сменяемость всех уровней и органов власти в строго отмеренные сроки. Для каждого сегмента культуры выделяется особый временной фактор, или «запас» новизны, в течение которого данное явление перестает восприниматься как легитимное и должно уступить место другому. Президенты, автомобили, компьютеры, учебники, течения живописи, направления моды сменяются в определенном порядке и ритме, по-разному заданном для каждой категории. Например, в США — максимум восемь лет для власти президента, один сезон для стиля одежды, несколько недель для фильмов в кинотеатрах... Время — фактор легитимизации любого режима, даже если речь идет о властителях дум и мод. Время — хозяин, а президенты и корпорации — его слуги.

Хронократия не только совместима с демократией, но и составляет ее необходимое условие. *Хронос* старше и сильнее *демоса*. Тоталитарные режимы, объявляющие себя «народными демократиями», могут и в самом деле пользоваться поддержкой большинства, но им чужд принцип времяправия. «Народный вождь», «лидер нации» (вроде Сталина или Мао Цзэдуна) возвышается над временем, а не подвластен ему. Идея демократии становится противоречивой и неосуществимой, если она не дополняется режимом хронократии.

*Историопластика, Топохрон, Ухрония, Хронопатия, *Хроноцид*
Неология. С. 1064–1065.
Политика. С. 278–279.

ХРОНОПАТИЯ (chronopathy; греч. *chronos*, время + *pathos*, болезнь, страдание; ср. «психопатия», «невропатия»). Аномалия, патология в протекании времени либо в способности его ощущения; расстройство временных процессов человеческой деятельности, нарушение связей между объективным и субъективным временем.

«Распалась связь времен», или, как в подлиннике, «время вышло из суставов», — таков один из первых диагнозов хронопатии как тяжкого психоисторического недуга, поставленный Шекспиром в «Гамлете». Впоследствии хронопатия как

общественный диагноз неоднократно обсуждалась в связи с проблемой «отцов и детей», смены поколений.

Хронопат (chronopath) — человек, неадекватно воспринимающий или реагирующий на время, постоянно нарушающий социальные нормы обращения со временем. Хронопат постоянно опаздывает, не в состоянии уложиться в заданные сроки, потом подгоняет себя, его лихорадит, он развивает бешеные темпы, которые расшатывают его нервы.

Применительно к странам и народам это можно назвать **исторической аритмией** (*historical arrhythmia*). Российская история, состоящая из взрывов и застоев, революций и стагнаций — классический случай такой аритмии.

*Хронократия, Хроноцид
Политика. С. 278–279.

ХРОНОСОМА (chronosome; греч. chronos, время + soma, тело). Хромосома времени, единица культурной наследственности, социокультурный ген, определяющий поведение и мировоззрение целых поколений. Это понятие введено филологом Виталием Абрамовичем Колмановским (1933–2014), который описал его так: «Достаточно известно положение, что молодежь больше похожа не на своих предков, а на свое время. И если сходство старшего и младшего поколения обусловлено некими материальными носителями, генами, которые передаются от предков к потомкам хромосомами, то должны существовать и *хрономомы*, которые передают новому поколению родовые приметы его времени: манеры говорить, моду, отношении к вещам, мораль и т.д. Именно *хрономомное* родство позволяет всем тинейджерам мира почти синхронно во всех его концах увлекаться сексом, бушевать на стадионах или занимать националистическую позицию. Для понимания современного общества и для определения тенденций его развития необходимо системное изучение *хрономом*, а затем специальный *хрономомный анализ*» (сетевая рассылка «Дар слова», 10.3.2003).

Понятие *хрономомы* перекликается с понятием «мем», введенным эволюционистом и популяризатором науки Ричардом Докинзом, но при этом хрономомам не свойственны эгоизм и агрессивность самоутверждения и репликации, которые обычно приписывают мемам.

*Исторема, Хронема

ХРОНОЦИД (chronocide; греч. chronos, время и лат. caedere, убивать). Время-убийство, насилие над естественным ходом времени, над историей, эволюцией; разрушение связи времен, принесение одного времени в жертву другому.

Новейшая история превратила суффикс «цид» — «убийство» — в один из продуктивных способов словообразования. «Цареубийство, отцеубийство, братоубийство, геноцид, экоцид»... Особенно блистательную карьеру сделал этот суффикс с тех пор, как в 1944 году термин «геноцид» был введен в обиход американским юристом польского происхождения Рафаэлем Лемкиным. На исходе XX века, обобщая его богатый криминальный опыт, становится насущным и понятие «хроноцид».

Хроноцид, геноцид и экоцид, как правило, связаны прямой линией революционной преемственности. Революция начинается *хроноцидом*, идейным убийством прошлого и настоящего во имя абстрактного будущего. Потом революция начинает поглощать жизнь реальных людей, переходя в *геноцид* — убийство целых народов, сословий и классов, которым суждено остаться в прошлом, ибо они недостойны будущего. Наконец, уставшая революция, отчаявшись дать обещанное и разрушив производительные силы общества, подводит себе итог в хищном потреблении и истреблении природы — в *экоциде*. Расправившись со временем, революция обрушивается на людей и наконец опустошает живую среду обитания. Обычно последствия геноцида и экоцида поддаются объективному учету — демографические потери населения, истощение природных ресурсов...

Но первое звено в этой цепи — хроноцид, незримый переворот в сознании людей, вырывающих себя из живой среды обитания во времени, освобождающих себя от прошлого — или от будущего. Если на заре XX века революция мыслилась как расправа с проклятым прошлым, прыжок в грядущее царство свободы, то на закате века и особенно в начале нынешнего ностальгически освящаются глубины прошлого и идея правой, обращенной вспять «революции» — тотальной реакции. С точки зрения *радикального традиционализма*, представленного наследием Р. Генона, Ю. Эвола и др. теоретиков крайней правой, «основной задачей является Реставрация Интегральной Традиции во всем ее тотальном измерении» (А. Дугин). Идеология неоархаики — еще одно покушение на время, на этот раз — убийство проклятого будущего во имя священного прошлого. Как всегда, хроноцид вызывает призрак революции — уже не лево-прогрессистской, а фашистской, национал-социалистической.

Можно выделить три основных формы хроноцида: утопическая одержимость будущим («счастье грядущих поколений»), ностальгическая одержимость прошлым («великая традиция») и постмодерная завороченность настоящим («исчезновение времени в синхронической игре означающих»). Три основных модуса времени: будущее, прошедшее и настоящее — превращаются в три способа времяубийства, как только один из них абсолютизируется за счет других.

*Платомарксизм, Топохрон, Ухрония, Хоррология, Хронопатия

Хроноцид: Пролог к воскрешению времени // Октябрь. 2000. № 7. С. 157–171.

Знак. С. 77–116.

Humanities. P. 43–56.

РЕЛИГИЯ. ТЕОЛОГИЯ

Амбирелигия
Амбитеизм
Ангелизм
Апофатизация
Бедная вера, минимальная религия
Божествовать
Боживо
Духовность первого дня
Духодарцы
Есмь-истина
Золотое сечение
Кенозис
Кибертеизм
Когнитивная религия
Космопозис, космопоэтическая теология
Персоналистический аргумент
Поп-религия
Постатеизм
Православие
Радостники
Религархия
Саморадование творца
Самь
Святобесие
Соверие
Теовитализм
Теология воскресения
Теология слуха
Теомонизм
Теоморфизм
Трансконфессиональное и трансрелигиозное
Хитрость Бога
Эсхатема

АМБИРЕЛИГИЯ (ambireligion). Особый, парадоксальный тип религиозности, сочетающий приверженность ценностям материальной цивилизации, исторического прогресса — и их отвержение. Если Запад развил интуицию религиозного оправдания земного мира, общества, политики, профессий, истории, культуры (особенно в католицизме и протестантизме), а Восток выработал интуицию их религиозного отрицания (в частности, в буддизме), то в России постепенно развилась сложная, парадоксальная интуиция одновременного утверждения и отрицания позитивного мира. Россия поспешно конструирует мир позитивных форм:

политики, истории, экономики, культуры — и одновременно «деконструирует» их, демонстрирует их тщетность, пустотность, отвергая во имя «небесного». Существенная для российской цивилизации категория *недо- не сводится к множеству недостатков и недоделок в материальной жизни, хотя и объясняет их системный характер (*минус-система). Амбиरेлигия, как «недо-верие», религия «недо-», объясняется целостным характером культуры, которая положительно оценивает материальные блага и исторические завоевания цивилизации и одновременно дистанцируется от них, относится к ним с долей презрения, равнодушия.

Такое двойственное отношение к позитивным основам цивилизации: труду, успеху, богатству, здоровью, житейскому благополучию, экономическому и техническому прогрессу, — свидетельствует об особом типе религиозного мироощущения. В отличие от восточных способов созерцания, направленных на Ничто в его изначальной и чистой пустоте, в России Ничто раскрывается как одновременное утверждение и самостириание позитивной формы, как полупризрачность самой позитивности, ее постоянное колебание на границе смысла и бессмыслицы.

Российское «недо-» нужно отличать от религиозной отрешенности, воздержания, неучастия, выражаемых чистым отрицанием «не-». В одной из ранних Упанишад говорится про Атман — духовное начало всего, божественное «я»: «Он, этот атман, <определяется так>: «Не <это>, не <это>». Он непостижим, ибо не постигается; неразрушим, ибо не разрушается; неприкрепляем, ибо не прикрепляется; не связан, не колеблется, не терпит зла»¹. Если это восточное откровение о Ничто перефразировать в терминах русской религиозной интуиции, получилось бы, что «атман» *непостижим, ибо постигается, неприкрепляем, ибо прикрепляется*, и т.п. Именно положительные действия служат средством обнаружения этого Ничто, которое проявляется в недоконченности, обесмысливании самих действий. Опыт тщетности самой позитивности, которая тем не менее должна оставаться позитивностью, чтобы вновь и вновь демонстрировать свою тщетность, — сердцевина российского религиозного опыта. Действует не «магнитная» тяга влечения к Абсолюту, а «реактивная» тяга отталкивания от всех частичных, «недостаточных» форм Его воплощения, так что Он являет себя как «минус-форма», как «недо», которым перечеркивается «ничто».

Запад — это цивилизация «до», цивилизация достижений, доведения до конца, доделанности, дооформленности. Восток — это религия «не»: нестяжания, непротivления, непорывания, недеяния. В России соединение «не» и «до» породило «недо». В разные эпохи и в разных идеологических системах «до» и «не» состязались за овладение духом страны. В восточном христианстве преобладало апофатическое «не», отвергающее притязания самоуверенного разума и власть материального мира, а коммунистическая религия утверждалась как метафизика великого «до»: догнать, достигнуть, добиться... Но сами по себе «не» и «до» не способны утолить духовных запросов страны, ей нужно достигать — и не достичь... В этом разрыве двух движений и выражается амбирелигиозный порыв: свершение — в самой несвершенности.

¹ Брихадараньяка Упанишад // Антология мировой философии в 4 т. Т. 1, ч. 2. М.: Мысль, 1969. С. 82.

Рискованно втеснять в границы «специфики» религиозное мироощущение целого народа, но одна из его доминант: необходимость позитивных, осязаемых форм для непрерывного процесса их «аннигиляции». То же самое можно определить и по-другому: как потребность материально закрепить следы этой аннигиляции, чтобы пустота не оставалась чистым ничто, а выступала бы «недостатком» — значимым отсутствием каких-то элементов цивилизации.

* *Амбитеизм*, Выверт, Гипер-, *Духовность первого дня*, Ирония, Как бы, *Минус-система*, *Недо-*, Не-небытие, Платомарксизм
Образ. С. 65–70.
Постмодерн. С. 103–122.
Религия. С. 98–102.

АМБИТЕИЗМ (ambitheism). Амбивалентность в вопросах веры, борьба с Богом как путь очищения и укрепления веры; атеизм или антиатеизм как орудие теизма.

Едва ли не самый ранний пример амбитеизма — в таинственном библейском эпизоде борьбы Иакова с ночным незнакомцем, коим оказался сам Бог (Быт. 32: 24–32). Бог благословляет богоборца: «И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (28).

Новейшая протестантская теология, идущая от ницшевской «смерти Бога», — это в значительной степени *амбитеизм*, поскольку учит человека мужественно жить в отсутствие Бога, в секулярном мире, подобно тому как взрослый человек живет после смерти родителей, без их надзора, но соблюдая их волю и внушенный ими порядок. Такова теология «смерти Бога» — Томас Олтайзер, Уильям Хамилтон и их предшественник Дитрих Бонхоффер.

С амбитеизмом соотносятся следующие понятия:

амбихристианство (ambi-Christianity) — противоречивое отношение к христианству, приятие и отвержение Христа. Так, В. В. Розанов боролся с Христом как вестником царства не от мира сего, с христианством как религией смерти — и умер причастником Христовых тайн.

амбифатика (ambiphaticism) — утвердительно-отрицательный метод в теологии. Обычно в теологии различают *катафатический* метод, утверждающий определенные свойства и имена Бога, и *апофатический*, отрицающий применимость к Богу каких бы то ни было имен и определений. Однако, как указывал еще Фома Аквинский, в теологии продуктивно совместное применение этих процедур, — то, что можно назвать *амбифатическим* методом. Амбифатика — это размышление или повествование о Боге, которое выявляет пропасть между словами и своим Предметом.

* Амби-, Амбирелигия, Ангелизм, *Апофатизация*, *Бедная вера*, Постатеизм
Дар. Вып. 67. 2.6.2003.

АНГЕЛИЗМ (angelism; от греч. angel, вестник). Постмодерный тип религиозного мироощущения, в центре которого находится фигура сверхъестественного вестника без определенного указания на источник или содержание вести.

Ангелизм как самостоятельный тип мирозерцания сложился на исходе XX века на Западе. В 1980–1990-е годы появилось несколько популярных филь-

мов и книг, героями которых выступают ангелы. Например, в фильме «Крылья желаний» Вима Вендерса (1987) и в его свободном ремейке «Город ангелов» Брэда Силберлинга (1998) ангелы спускаются на землю, смешиваются с людьми, принимают их обличья, но при этом не пытаются чему-то их научить, передать какую-то весть. Этих новых ангелов нельзя однозначно отнести к категории светлых или темных, они не уверены в собственной миссии, они вступают в мучительные, им самим непонятные отношения с людьми.

В Средние века в центре Вселенной стоял Бог, в Новое время — человек. Однако и теоцентризм, и антропоцентризм, доходя до логических и политических крайностей, обнаруживали свои отрицательные стороны — церковный догматизм либо государственный тоталитаризм. Отсюда поиск промежуточного звена в духовной иерархии, где срединное место занимают ангелы — они-то и оказываются в центре современного *полурелигиозного* сознания.

Есть огромная разница между древней верой в ангелов как слуг Божьих, окружающих его престол, поющих ему осанну, — и новым ангелизмом, в котором, как правило, даже нет упоминания о Всевышнем. Нынешние ангелы — это вестники без Вести, суверенные духовные существа, над которыми нет единоначалия, всемогущей и всеведущей воли. Ангелизм — симптом современного состояния культуры, которая хочет — и не решается стать религиозной или избегает ее культовых, фетишистских, фундаменталистских форм. Анатомия ангелического — это духовная эклектика постмодернизма, уже ускользнувшего от строгих постулатов единобожия и вместе с тем успевшего пройти через искушения атеизма и безразличия агностицизма. Все это уже позади: и вера во Всевышнего, и неверие в Него...

Что остается — так это общение с ангелами, чистыми духами, являющими такое же разнообразие запредельных разумов и волей, как разнообразны земные культуры в представлении «многокультурия». Ангелизм — трансцендентный извод плюрализма, религиозный вариант постмодерна, множественность равноправных и самоценных духовных существ взамен одного Сверхсущества. Сверхчувственный мир постигается как обитель множественных индивидуумов, за которыми уже не очерчивается фигура вселенского «диктатора». Ангелы, освобожденные от своего «средневекового» служения у монаршьего престола, являют множественность в самом основании духовной вселенной, которая не может быть сведена к одному метафизическому принципу или выведена из одной сверхъестественной воли.

Вместе с тем нельзя смешивать ангелизм с неоязычеством, возрождением многобожия, культом природных стихий. Язычество твердо знает, где живут боги, и возводит им алтари и жертвенники, тогда как ангелизм находится в неведении о них. И языческие боги, и Бог единобожия обладают полнотой самодействующей сущности, тогда как ангелы — только представители Другого, что само не являет себя. Ангелы — это всегда только следы, подобно «следам без подлинников» в терминологии Ж. Деррида, — следы, ведущие в потусторонний мир, но вовсе не свидетельствующие о его реальности. Ангелизм — следствие религиозной деконструкции потустороннего мира, от которого остаются только знаки без означаемых, только посланники, за которыми нет Пославшего их. Ангелизм — глубинная бесосновность мира, в котором даже потусторонние силы, призванные его объяснять, лишены «происхождения», «божественной

природы» — и оказываются вторичными, «передающими». Это непрерывное посланничество без Пославшего и образует безысходный круг и томление пост-модерного вестничества.

Ангелизм — гипотетическое состояние религиозного ума, который ищет промежуток между тезисом и антитезисом, между верой и неверием, находя, что и синтез между ними невозможен. В эпоху постмодерна уже невозможны ни чистый политеизм, ни чистый монотеизм, ни чистый агностицизм. Что еще возможно — так это само состояние возможности, ангелы без Бога, вестники без Вести, слухи вместо Откровения, — метафизические слухи, передающиеся отсюда сюда.

* *Ангелойд*, Бедная вера, *Постатеизм*, Существоведение, *Теоморфизм*, Технософия
Angelism as a Postmodern Religion. Experimental Theology // Public Text 0.2 / Ed. Robert Corbett with Rebecca Brown. Seattle: Seattle Research Institute, 2003. P. 86–92.
Религия. С. 35–40.
Postmodernism. P. 458–465.

АПОФАТИЗАЦИЯ (apophatization; греч. апо-, от, в сторону от + phanaí, говорит). Динамика апофатичности как процесса богопознания. «Апофатика» — название «негативного» богословского метода, который дополняет позитивное знание о Боге пониманием его непознаваемости и отрицанием всяких его конкретных признаков и определений. Бог не есть ни разум, ни дух, ни истина, ни существование, ибо Его нельзя выразить и определить ни в каких понятиях.

Апофатизация — это сам процесс настройки богословского метода и подвижное соотношение в нем апофатических и катафатических (отрицательных и утвердительных) элементов. Разные *степени апофатичности* позволяют разграничивать мировоззрения от атеизма и агностицизма до чистого монотеизма и протестантизма: а) отрицать бытие Бога; б) не знать Бога вообще; в) знать, что Он всемогущ и всезнающ, но не знать ничего другого; г) знать, что Он явил себя в Иисусе Христе, но не знать Его в церквях и деноминациях; д) знать, что Бог действует через святых и пророков, но не признавать Его в материальных атрибутах веры, и т.д. *Апофатизация* — наведение на резкость представления о Боге, совмещение света и теней, знания и незнания. Этот процесс все время происходит в верующей душе, как своего рода подвижная фокусировка в настройке фотообъектива, позволяющая расширить глубину визуального поля и вместе с тем держать его в фокусе. Одна из стадий апофатизации — **бедная вера*.

* Амбитеизм, Бедная вера, Теоморфизм

БЕДНАЯ ВЕРА, МИНИМАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ (poor faith, minimal religion). Вера в Бога, лишенная признаков конкретного вероисповедания, отвлеченная от исторических, национальных, церковных традиций; вера без храма, догм и обрядов. Термин «бедная» в данном выражении лишен негативного оттенка и обозначает тот минимализм, который присущ многим явлениям культуры конца XX века («бедный театр» Е. Протовского, «минимализм» в изобразительном искусстве). Бедная вера — одна из главных составляющих **постатеизма*.

Согласно результатам самого масштабного социологического опроса, проведенного службой «Среда» в рамках проекта «Атлас религий и национальностей

России» (56 900 респондентов, 2012), к бедной вере себя относит каждый четвертый житель России: 25% — те, кто верит в Бога и при этом не исповедует никакой конкретной религии. Это вторая по численности группа населения, уступающая только православным (41%) и значительно превосходящая мусульман (6,5%). К ним можно добавить 4% экуменистов, то есть христиан, не относящих себя ни к какой конфессии¹. «Бедная вера» — реальность общественной жизни, которая требует своего осмысления.

Слово «бедный» в религиозном контексте имеет положительный смысл, оно этимологически родственно латинскому «fides», вера (отсюда и «фидеизм», то есть мировоззрение, основанное на вере). Связь, по-видимому, такая: «быть бедным, нищим — приносить жертву — верить в Бога». «Бедная вера» — это своего рода «верная вера». Бедные верующие не имеют символического капитала в виде общепризнанных вероисповедных традиций, церковных зданий, общественного престижа, «имиджа». В этом смысле вера мытаря была бедной, смиренной, покаянной, а вера фарисея — богатой, горделивой, притязавшей на обретение Царства.

Бедная вера в современной России — одно из последствий семидесятилетнего государственного атеизма. Объединение вер, особенно под эгидой разума, провозглашалось и раньше (например, в XVIII веке у Г. Э. Лессинга). Однако лишь на определенной исторической почве, такой как массовый атеизм советского общества, подобное объединение становится живым чувством и потребностью. Атеизм, отрицая в равной степени все веры, тем самым наглядно обнаруживает то, что их объединяет. Когда происходит разрыв с традициями, выявляется некая *единая, невероисповедная форма самой веры*. Первые свидетельства бедной веры можно найти в СССР в 1960-е годы, когда иссякает религия коммунизма. Когда Булат Окуджава пел «Молитву Франсуа Вийона» (1963), было ясно, что это его собственная молитва: «Как верит каждое ухо / Тихим речам твоим, / Как веруем и мы сами, / Не ведая, что творим». Было понятно, что у Вен. Ерофеева есть свои личные отношения с Богом: «Господь, вот ты видишь, чем я обладаю. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа?» («Москва — Петушки», 1969). Ни Окуджава, ни Ерофеев не были православными или вообще церковными людьми. Это была вера и надежда ниоткуда: «из бездны взываю к Тебе, Господи» (Пс. 129). Пример «бедной веры» — разбойник, уверовавший в Иисуса прямо на кресте и сораспятый с ним, не прошедший через катехизацию, через молитвенный и обрядовый опыт.

Бедная религия — общий знаменатель всех вер, их всеобщая форма, ставшая содержанием постатеистической религиозности. Воинствующий атеизм, отрицая все конфессии сразу, создает благоприятную среду для зарождения «религии вообще». Именно безверие советских лет сформировало такой тип человека, про которого нельзя определенно сказать ни «православный», ни «иудей», ни «мусульманин» — но просто «верующий». Вспоминается библейское: «Глас вопиющего: В пустыне приготовьте путь Господу... Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими. И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие...» (Исайя, 40: 3–5). Этот призыв с жутковатой точностью был осуществлен массовым ате-

¹ <http://sreda.org/arena>

измом, который именно что подготовил путь Господу, преследуя и вытаптывая все веры, — а в итоге раздвинул пространство для собирания разных вер, чтобы «всякая плоть» могла узреть приход славы Божьей.

Бедная вера соответствует апофатической теологии, которая отрицает возможность познания Бога или представления его в каких-то конкретных образах, символах, определениях. Псевдо-Дионисий Ареопагит так писал о Боге как Причине Всего: «Она превыше всего сущего... Она не душа, не ум... Она не есть ни слово, ни мысль... Она не единое и не единство, не божественность или благодать; Она не есть дух в известном нам смысле...» Бедная вера отражает это «не», отрицание в основе Богопознания.

Бедная вера укоренена в миру, в потребности соотносить жизнь с абсолютным смыслом. Бедный верующий беседует с Богом в глубинах своей души, молится, старается постичь знаки промысла, лично к нему обращенные, — у каждого человека есть свои формы предстояния Богу. Бедная вера может быть понята как целиком имманентная жизнь с одним трансцендентным означаемым — личностью Бога. «Я здесь и сейчас — и ты со мной, Господи, видишь и ведешь меня, учишь и судишь, прощаешь и наказываешь». Здесь дан минимум трансцендентного — но абсолютно необходимый минимум, который придает смысл всей сумме жизненных событий и опытов.

Бедная вера может быть первичным, наивным импульсом веры, а может вбирать большой, многообразный духовный опыт, умение различать «духов». Анри Бергсон различает статические религии, которые воспроизводят устойчивые стереотипы поведения и поддерживают стабильность в обществе, — и динамические религии, которые основаны на опыте прямого общения человека с Богом. Бедная вера динамична, это жизненный и духовный порыв, ведущий к внутреннему преобразению личности. Бедная вера не придерживается старых догматов и не создает новых, но воспринимает традиции разных религий как материал для построения собственного, личного опыта. Она может вступать в диалог с одной или несколькими конфессиями и выходить из него обогащенной. Бедная вера остается свободной в отношении всех традиций, самостоятельно выбирает и строит себя из тех элементов, которые на данном этапе необходимы для ее духовного становления. Она может вбирать опыт разных таинств и обрядов, вдохновляться ими, но остается конфессионально не связанной. Как бы ни была богата бедная вера, она остается бедной в той мере, в какой не отождествляется ни с какими конфессиями и не позволяет им сформироваться в себе самой.

Концепция «бедной религии» (на английский чаще переводится как «minimal religion») получила признание в западном религиоведении как одна из составляющих секулярного века и идущего ему на смену «постсекулярного». Известный канадский философ и религиовед Чарльз Тейлор пишет в своем фундаментальном исследовании «Секулярный век»: «“Бедная религия” — это духовность, которая проявляется в тесном кругу семьи и друзей, а не в храмах. Она сознательно тяготеет к уникальному, как в человеческих индивидах, так и в окружающих их вещах и среде. Вопреки универсалистской заботе о “дальних”, которая подчеркивается в коммунизме по Марксу, эта бедная религия почитает “образ и подобие Бога” в отдельных личностях, с которыми мы разделяем свою жизнь. Но поскольку эта религия зародилась вне конфессиональных структур, ей присущ свой универса-

лизм, род спонтанного и нерелективного экуменизма, для которого само собой разумеется сосуществование множественных форм духовности и богопочитания. Даже когда люди, поначалу склонные к духовности такого рода, в конце концов приобщаются к какой-либо церкви, как это часто и происходит, они все-таки сохраняют прежнюю широту взглядов»¹.

Концепция бедной веры позволяет лучше понять и специфику религиозных мотивов в классической русской литературе. Малкольм Джонс полагает, что религиозный минимализм Достоевского стал одним из источников «бедной веры», много позднее возникшей в позднесоветском обществе². Эту точку зрения поддерживает Роуэн Уильямс, профессор теологии Оксфордского университета, с 2003 по 2012 год архиепископ Кентерберийский: «Христианство в России всегда несло в себе “негативный” импульс, тенденцию апофатического отрицания того, что Бог может быть постигнут в слове, образе или понятии. <...> Прежний религиозный импульс [отрицания], как ни парадоксально, сохранился и после смерти официального атеизма, проявляясь как неясное чувство священного, ускользающее от дефиниций. Это чувство обнаруживается в народной религии, а более сознательно — в неоязычестве и в том, что Эпштейн называет “минимальной религией”. Здесь религиозное чувство отделяется от любой доктринальной специфики»³.

У бедной веры может быть свое эсхатологическое, мессианское измерение. Мессианство, присущее всем религиям Авраамова корня, — это ожидание Мессии и постоянная готовность к его приходу. «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Матф., 25: 13). *Бедное мессианство*, или *мессианистичность* (термин Ж. Деррида), — это более широкое незнание: не только дня и часа, но и самой возможности пришествия Мессии. Такая мессианистичность как проекция бедной веры в абсолютное будущее не гарантирует появления настоящего Мессии, скорее заведомо наделяет любого «претендента» свойствами лжемессии, то есть остается ускользающим горизонтом, на линию которого, возможно, нельзя наступить. Мессианистичность исключает всякие гарантии — это скорее горизонт отсутствия, заново пустеющий после очередного краха мессианских ожиданий и вместе с тем сохраняющий открытую структуру ожидания, сходную со структурой гостеприимства. Абсолютное гостеприимство не знает заранее, какой гость появится на пороге, будет ли он сильным или слабым, добрым или злым, женщиной или мужчиной, стариком или ребенком... Так и бедное мессианство — это мессианство, возведенное в абсолют и одновременно сведенное к минимуму, это ожидание, открытое любым неожиданным, в том числе и непоявлению Мессии. Это условие всякой другой веры, в ее отличии от знания и уверенности, — пред-верие всех вер.

** Постатеизм, Теология воскресения, Теология слуха, Теомонизм, Теоморфизм, Трансконфессиональное и трансрелигиозное*

¹ Taylor C. A Secular Age. Boston: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. P. 533–535, 849.

² Jones M. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. London: Anthem Press, 2005. P. XI–XIII, 133, 154 и др. М. Джонс — один из крупнейших британских специалистов по Достоевскому, президент и основатель (с 1971 г.) Международного общества Достоевского.

³ Williams R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction. London, New York: Continuum, 2011. P. 211.

Религия. С. 17–35.

Слово. С. 409–426.

Сектантство. С. 191–199.

Пост-атеизм, или Бедная религия // Октябрь. 1996. № 9. С. 158–165.

Соловьев И. Мессианские речи / Сост. и предисл. М. Эпштейна // Октябрь. 1998. № 7. С. 148–167.

Атеизм как духовное призвание: Из архивов проф. Р. О. Гибайдулиной / Публикация М. Эпштейна // Звезда. 2001. № 4. С. 160–174.

Тезисы бедной веры // Звезда. 2014. № 8. С. 221–234.

Лит.: Taylor C. *A Secular Age*. Boston: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007.

P. 533–535, 849; Sutton J. 'Minimal Religion' and Mikhail Epstein's Interpretation of Religion in Late-Soviet and Post-Soviet Russia // *Studies in East European Thought*. Vol. 58. № 2. Two Readings of the Dynamic between Religion and Culture: Sergej Averintsev and Mikhail Epstein (Jun., 2006). P. 107–135.

БОЖЕСТВОВАТЬ (to act god-wise). Быть и действовать как божество. Этот глагол употребляет Семен Франк в своем трактате «Непостижимое»: «Как бытие не “есть”, а “бытийствует”, так и Божество не есть, а “божествует”, — “святит” и творит само бытие»¹.

Превращение «божества» из существительного в глагол — один из самых радикальных способов его деобъективации. Обычно Бог представляется некой сущностью или субстанцией, которая обозначается именем существительным и тем самым помещается среди других субстанций (дерево, море, звезды, а наряду с ними — еще и Бог). Но Бог не поддается такому предметному описанию, и тогда в противовес катафатической, утвердительной теологии возникает апофатическая, отрицательная, которая познает Бога незнанием, то есть отрицанием любых его возможных предикатов: «Бог не есть то, и то, и то...» При этом сохраняется, однако, существительное «Бог» — понимание Бога как особой объектной сущности, хотя и непознаваемой.

Альтернатива — постигать Бога через личные местоимения. Сам Бог представляет себя Моисею местоимением первого лица «Я есмь Тот, Кто есмь». Бл. Августин в «Исповеди» обращается к Богу во втором лице: «Ты». Для Мартина Бубера «Бог» — это вечное «Ты» человечества, и те, кто мыслит его в третьем лице, утрачивают общение с живым Богом, который не предмет разговора, но сам собеседник. Это традиция восходит еще к Иову, который не хотел рассуждать с друзьями о Боге, но звал его самого на суд, чтобы лично обратиться к нему.

Еще более сильная альтернатива — представлять Бога не как субъекта или объект действия, но как само действие, обозначаемое глаголом. «Мне кажется, Бог — это глагол, а не существительное (собственное или нарицательное)». Эта мысль Бакминстера Фуллера, великого американского изобретателя («Нам не нужен б/у Бог», 1963), позволяет объяснить, почему теология испытывает непреодолимые трудности в постижении своего предмета. По учению Григория Паламы, которое принято православием, следует различать божественную сущность и энергию: сущность Бога остается скрытой, но его энергия открывается нам, поскольку прямо действует на нас. Это действие Бога, его энергию в отличие от

¹ Франк С. *Непостижимое* // Франк С. Соч. М.: Правда, 1990. С. 465.

сущности, и уместнее передать глаголом, чем существительным: бытийствовать и действовать по-божески — *божествовать*.

Традиционная теология говорит почти исключительно языком субъектов и объектов, тогда как ей нужно освоить язык предикатов, *оглаголить* свой язык, *одействовать* бытие Бога. Тогда легче будет постигать энергии Бога, приходящие через присущие нам действия и состояния. Любовь, радость, надежда *божествуют*, то есть являют энергию Бога без указания на его непознаваемую сущность. Бог как глагол — это действие многих субъектов и объектов, которые сами не являются ни Богом, ни богами (что исключает идолопоклонство), но раскрывают Его действие на нас. Дерево, озеро, облако, радуга — все они могут *божествовать*, то есть передавать божественные энергии, если мы способны их воспринимать. Однажды отблеск солнца вспыхнул на оловянном сосуде, и немецкому философу-мистику Якову Беме «в этот миг смысл бытия таинственный открылся»¹. Значит, и простой оловянный сосуд может божествовать. Нам знакомы такие состояния, когда мир или отдельные его частицы божествуют, и мы постигаем их как откровение или благодать.

Одна из заповедей запрещает всуе произносить имя Бога. Глагол передает энергию божественного действия, но при этом целомудренно умалчивает о том, кто его совершает.

**Апофатизация, Бедная вера, Грамматософия, Персоналистический аргумент*

БОЖИВО (divita; лат. Divinus, божественный + лат. vita, жизнь). Божье как живое, как основа жизни, роста, развития; то живое, что даруется Богом и заново рождается в глубине каждого существа. В перспективе **теовитализма* Божье и живое исходят из одного корня, и человек, лишенный внутренней связи с Творцом, оказывается внутренне безжизненным, в нем не хватает *божива*.

**Биософия, Теовитализм*

ДУХОВНОСТЬ ПЕРВОГО ДНЯ (the first day spirituality). Духовность первого дня творения, когда Дух парил над темными бескрайними водами, еще ни во что не воплотившись. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие, 1: 2). Бездна еще не приняла Дух в себя как принцип разделения и формы, не расчленилась на свет и тьму, сушу и воду... Нерасчлененная духовность — такой же узнаваемый знак российской цивилизации, как французский рационализм, английский эмпиризм или американский прагматизм. Отсюда такие характерно русские качества «витания над бездной», как удаль и тоска, порыв и замирание, томление от окружающей пустоты и необъятной задачи миротворения. Это Дух до оформления мировой материи — еще мечущийся, грозно вздымающийся, стелющийся над темным ликом бездны. Здесь Дух, не растративший себя в разделениях вещества, еще наиболее целен, грозен, не имеет «вида», как сама бескрайняя равнина, где, по словам Гоголя, «открыто-пустынно и ровно все... ничто не обольстит и не очарует взора — но какая же непостижимая, тайная сила

¹ Беме Я. Christosophia, или Путь к Христу. СПб.: А-CAD, 1994. С. 207.

влечет к тебе? <...> Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?» Эту непостижимую силу заключает в себе Дух, который еще ничего не оформил и сам не оформился, но несется, как тройка, — и не дает ответа на вопрос, куда и зачем. Библейское «Дух Божий носился» на иврите передается глаголом, обозначающим движение птицы, так что недаром Гоголь, созерцая из своего чудного далека «бедную, разбросанную и неприятную» Русь, видит в полете над ней «птицу-тройку».

О том же вещают русские религиозные мыслители и пророки: России нужна иная религия, не православие и даже не христианство, а прямо открытая бездне духа, до-, сверх- и внечеловеческого. Д. Мережковский отмечает у Ф. Достоевского «противоречие между этим (религиозным) сознанием, которое во что бы то ни стало хочет быть православным, и бессознательными религиозными переживаниями, которые в православии не вмещаются. <...> Но истинная религия его если еще не в сознании, то в глубочайших бессознательных переживаниях, вовсе не православие, не историческое христианство, даже не христианство вообще, а то, что за христианством, за Новым Заветом, — Апокалипсис, Грядущий, Третий Завет, откровение Третьей Ипостаси Божеской — религии Св. Духа»¹.

Русское искусство является в основном «духовным» — не только у Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, П. Чайковского, А. Скрябина, но и у А. Белого, М. Горького, А. Платонова, Б. Пастернака, Д. Шостаковича, А. Солженицына... Вовсе не потому, что искусство ставится на службу какой-то внешней для него религиозной цели и идеалу, а потому, что оно, как Дух в первый день творения, носится над еще не оформленным миром. Это даже не искусство как искусное формотворчество, а скорее *художество*, то есть растворение мира в видении художника, порывы духа, налетающие на предметность в смутной жажде ее преобразования. Русское художество (в отличие от западного искусства), как и русское мыслительство (в отличие от западной философии), есть та приблизительная, расплывчатая форма, в которую выливается то, что остается религиозно не проявленным: духовное томление и жалоба, вопрошание о последних смыслах бытия, на которое не дает ответа никакое вероучение.

Как свидетельствует история XX века, ни православное христианство, ни марксизм-ленинизм не оказались способными вобрать «русский дух», систематизировать его, разумно утолить его основные запросы, навести мосты над бездной, создать условия для мирного разделения религиозного и секулярного, политики и культуры. Россия пытается — и никак не может найти разрешения нескольким своим основным религиозным составляющим. Византийский опыт государственного христианства, обожествления земных и небесных властей, сходящихся в фигуре монарха, проторил путь российским попыткам религиозного синтеза, но это «византийство» наложило на эмоционально подвижную и культурно не проработанную основу, которая впоследствии и получила название «духовности».

* *Амбирелигия*, Бедная вера, Душевность, Калодицея, *Трансконфессиональное и трансрелигиозное*

Слово. С. 332–339.

Spirituality. P. 15–135.

¹ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. С. 321, 345.

ДУХОДАРЦЫ (inspired by the Spirit, seekers of the Spirit). Те, кто не разделяют духовность на религиозную и творческую и ищут даров Духа, в какой бы области они ни проявлялись, — даров веры, любви, мудрости, художества, речи, знания, мышления, учительства. Движение духодарцев исходит из представления, что всякий дух дается от Бога, а потому разделение между церковными и мирскими проявлениями духовной жизни исторически условно и должно быть преодолено. В подтверждение приводится Послание ап. Павла: «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (Кор. 12: 1–10). Церковь должна принимать и освящать дары духа во всем их многообразии и вдохновлять на творческие свершения, а не только на воздержание от грехов. Человек создан по образу и подобию Творца и, следовательно, сам призван быть прежде всего творцом. Духодарцы видят в деятельности художников, поэтов, музыкантов, ученых, изобретателей, философов, реформаторов дары одного и того же Духа и воплощение заповедей, данных Богом человеку еще до грехопадения: владычествовать над землею, возделывать райский сад, давать имена всему сущему...

В Евангелии есть притча о талантах: Творец каждому дает определенные дары и требует умножить их и вернуть сторицей. Это главное призвание человека не вмещается ни в какой обряд и не подлежит учету ни в каком приходе. Ни одна церковь не спрашивает у своих прихожан, насколько они умножают таланты, данные им от Бога, насколько хорошо писатель пишет, учитель учит, врач лечит, певец поет, философ мыслит. Это остается в прямом предстании человека, малого творца — большому Творцу. В церкви человек подлежит оправданию за то, чего он *не* делал: не убивал, не крал, не прелюбодействовал... А то, что он сделал: создал, написал, открыл, изобрел, — об этом в церкви не спрашивают. Но именно за это мы напрямую отвечаем перед Богом. Притча о талантах — ключ к «воцерковлению» творчества, к пониманию его религиозного смысла и введению в богослужебную практику и литургию.

Среди богословских истоков духодарства:

- ветхозаветный пророк Иоиель: «...изолью от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» (2: 28);
- учение Иоахима Флорского (XII в.) о третьем периоде истории человечества, когда на смену Ветхому Завету Отца и Новому Завету Сына придет Третий завет — Духа Святого и настанет царство его свободного изливания на людей и их мирскую жизнь;
- учения русских религиозных философов первой половины XX века, прежде всего Д. Мережковского и Н. Бердяева, о третьем, творческом завете человека с Богом, исходящем от духовной инициативы самого человека как свободного соратника Богу, и о необходимости объединения светского и религиозного творчества, общества и церкви.

Человек оправдывается перед Господом не только борьбой со своими грехами, но и творческим дерзанием. Согласно Н. Бердяеву, «упадочное смирение создает систему жизни, в которой жизнь обыденная, обывательская, мещански-бытовая почитается более смиренной, более христианской, более нравственной, чем достижение более высокой духовной жизни, любви, созерцания, познания, творчества, всегда подозреваемых в недостатке смирения и гордости. <...> Человек призван быть творцом, соучастником в Божьем деле миротворения и мироустроения, а не только спасаться»¹.

Духодарство — не только богословское умозрение, но и практика соединения церковных или монашеских общин с опытом богословского, научного, художественного творчества. Прообразы церковно-творческих общин в православии — монастырь в Эссексе (Великобритания), основанный в 1959 году монахом-художником-иконописцем о. Софронием, и основанное о. Георгием Кочетковым в 1970-е годы в Москве Преображенское братство (Преображенское содружество малых православных братств).

В перспективе дальнейшего развития церковно-творческих общин у верующих может укрепиться осознание, что «дары различны, но Дух один и тот же» и что не должно быть преград между различными его проявлениями. Дополнением к исповеди и причастию могут стать творческие литургии, где освящаются дары художественной, философской, научной, изобретательской деятельности. Духодарство — сообщество верующих и творцов, опытно причастных к различным явлениям Духа и приносящих его плоды в дар как общине, так и всему человечеству.

Духодарцы считают церковь в ее нынешних догматических границах слишком тесной для приятия всех духовных даров от Бога. Церковь посвящает себя борьбе с грехами, а не утверждению многообразных даров. Если бы на исповедь в церковь явился сам Вакуум, Господин Никто, он был бы допущен к причастию. Не грешил, не гневался, не вожделед, не завидовал, не ревновал, не делал, не говорил и не помышлял дурного... Не, не, не... Так путь в храм прокладывается духу небытия. А если бы на исповедь явилось само Бытие и его Создатель? Гневался? — да, на народ Израилев и на врагов его «изливаю ярость гнева Своего»? Ревновал? — да, «возревновал Я о Иерусалиме и о Сионе ревностью великою» (Зах., 1: 14). Мстил? — да, «мне отмщение и аз воздам». Мощью своей гордился, восхвалял себя? — да, «славы Моей не дам иному» (Исайя, 48: 11). Не допущен был бы к чаше Господь, потому что не только «впадает в грехи», но и «упорствует» в них. И тогда непонятно, почему церковь, говорящая именем Бога, охотнее благословила бы дух небытия, чем дух бытия, творческой страсти и избытия.

С точки зрения духодарства отсутствие (греха, порока) не должно ставиться выше, чем наполненность жизни духовными постижениями и свершениями. Христианству нужна новая этика и теология, где за основную добродетель берется энергия, с которой человек сотрудничает с Творцом, сотворит ему. В церковных уставах и обычаях должно быть место волнению, дерзанию, вдохновению, заповедям творчества, которые сближали бы человека с библейским Творцом.

¹ Бердяев Н. А. Спасение и творчество (два понимания христианства) // Путь. 1926. № 2. С. 26–46; <http://www.vehi.net/berdyayev/spasenie.html>

Духодарцы многими чертами «творческого вероисповедания» близки *радостникам.

*Духовность первого дня, Космопозис, Креаторика, *Радостники*, *Творчество*, Теовитализм, Эдемизм

Совместимы ли гений и добродетель? О трудном пути между эстетизмом и морализмом
// Знамя. 2014. № 1. С. 179–190.

ЕСМЬ-ИСТИНА (am-truth; от *есмь*, глагола «быть» в первом лице ед. ч.). Истина в первом лице, экзистенциальная истина, постигнутая личностью через себя.

Когда Моисей спрашивает у Бога Его имя, чтобы передать народу, Бог отвечает: «Я есмь Сущий» (Исх. 3: 14) или «Я есмь Тот, Кто Я есмь». Собственное (не нарицательное) имя Бога означает вечно-сущего, который сам определяет себя в первом лице как Я. Отсюда запрет на произнесение собственного имени Бога, которым вправе называть себя только сам его носитель. Оно содержит местоимение первого лица, и всякий, кто произносит это имя, как бы нарекает себя Богом, то есть совершает грех самозванства. Мышление о Боге, если оно осуществляется внутри иудео-христианско-исламской традиции, должно исходить из самоопределения Бога как первого лица. По сути, даже не вполне верно утверждать, что Бог *есть*, и атеизм по-своему прав, утверждая, что Бог *не есть*. Он не есть, а *есмь*, не как Он, а как Я. Таково персоналистическое обоснование истины, точнее, *есмь-истины* сверхъестественного («есменного») бытия.

Такое же самоопределение Бога в первом лице повторяется в Новом Завете. Иисус не говорит, *что* есть истина, он утверждает, что истина есть *кто*, причём первого лица: «Я *есмь* путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоан. 14: 6).

Монотеизм изначально был обращен вглубь личности Творца, то есть был еще и **интротеизмом** (introtheism) — интровертным теизмом, самооткровением и самоименованием Бога. Представление о том, что Бог — это скорее Я, чем Он, утвердилось в немецкой мистике и философии, а также в экзистенциальной теологии, от С. Кьеркегора до Н. Бердяева. Характерны двустишия немецкого поэта-мистика Ангелуса Силезиуса (1624–1677):

Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том,
Что Бог не в небесах, а здесь, в тебе самом?!

Бог жив, пока я жив, его храня.
Я без Него ничто, но что Он без меня?!

С точки зрения интротеизма применять к Богу такие атрибуты всеобщности, как «всемогущий», «всезнающий», «всеправдой», — это теология язычества, платонизма или неоплатонизма, применимая к богам олимпийского пантеона. Бог — это бесконечное «я», которое нельзя опредметить. «Я» отдельной личности — частичное, облеченное в тело и потому внешнее, опредмеченное для других личностей. Бог — это Я, единое для всех, у кого есть свое я. Бог — самое глубокое из всего, что я могу воспринимать в себе. Это не сила, а усилие; это не знание, а воля к знанию;

это не благодать, а любовь; это непрерывное мышление и творчество, которое преодолевает мою инертность и объектность. Бог страдает глубже, чем я, Бог творит оригинальнее и грандиознее, чем я, Бог любит сильнее, чем я, но все эти действия Бога могут совершаться и мною, поскольку они исходят от первого лица. Бог — это Я как источник всемирной энергии творческого роста. Все самое истинное, что мы знаем о Боге, мы знаем от себя, находим в себе, как опыт бытия собой, а не познания чего-то иного. Бог больше похож на меня, каким я знаю себя изнутри, чем на любую известную мне вещь — грозу, ветер, звезду, океан. Бог — это океан меня, это мое внутреннее горение и свечение, это порыв моего духа. Интротеизм — это *эготеизм* (egotheism): не обожествление себя (*теоэгоизм*), а представление о Боге как о перволичности, пребывающей в глубине каждого «я».

«Есмь» — не менее полное и фундаментальное бытие, чем «есть»? В грамматической системе лиц первое более значимо, чем третье, не случайно оно называется «первым», начинается собой ряд лиц. Оно первое по значению и достоинству, потому что «я» — это местоимение, общее Богу и человеку, знак их совместной субъектности и отличия от всего, что только есть, но не *есмь*, от того, что только «он» или «они», но не «я».

*Ипсеизм, Ипсеистика, Персоналистический аргумент, Самь, Своечуждость, Суб-объект
 Теология первого лица: персоналистический аргумент бытия Бога // Философские науки.
 2010. № 6. С. 80–91.
 Религия. С. 345–357.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ (golden section). Математическая, метафизическая, эстетическая, этическая пропорция, указывающая на отношение целого к большей части как равное отношению большей части к меньшей. Геометрически отрезок AC делится на две части таким образом, что большая его часть AB относится к меньшей BC так, как весь отрезок AC относится к AB (то есть $AB : BC = AC : AB$). Термин «золотое сечение» ввел Леонардо да Винчи. Эта пропорция, известная с древности как «божественная», обнаруживается в архитектуре, литературе, произведениях изобразительного и музыкального искусства, но она имеет также религиозно-этическое измерение.

То, как целое относится к одной из своих частей, может выступать как *нравственная* мера отношения этой части к другой. Если человек верит в Бога и считает себя частью Целого, хотя и «наибольшей», он должен относиться к другим так, как он хочет, чтобы к нему относился Бог. В Евангелии от Матфея есть притча о царе, пожалевшем своего раба и отпустившем ему долг; сам же этот раб набросился на своего должника и за неуплату долга посадил его в темницу. Тогда царь разгневался на раба и отдал его истязателям, пока не вернет долга. «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Матф., 18, 35). Царь, или Отец Небесный, — это всевышняя власть, которая заключает в себе и мою судьбу, и судьбу других людей. И то, как я отношусь к другим людям (братьям), будет определять отношение ко мне Всевышнего (Отца).

Тот же самый принцип золотого сечения выражен и в молитве: «Отче наш <...> остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим». Я должен

мерить свое отношение к другому отношением Всевышнего ко мне. Эту пропорцию можно обозначить так: Бог : я = я : другие. Смысл религиозной нравственности — соблюдать золотую пропорцию, определяя ею свое отношение к людям.

*Интенсивность, *Ипсеизм*, Самое-самое, Своечуждость

КЕНОЗИС (kenosis; от греч. kenoein, опустошать). Теологический термин, указывающий на самоопустошение, самоуничтожение Бога в человеке и применимый к самоопустошению человека в создании техники. Как ни пугающе выглядят перспективы исчезновения человека в машинно-информационной цивилизации, такое «исчезновение» заложено в кенотической природе самого человека, его способности к самотрансценденции, перенесению своей сущности в нечто радикально отличное от себя.

Под кенозисом в теологии, особенно христианской, понимается самоисчерпание Бога, сначала творящего отдельный от себя мир, а затем умаляющего себя вплоть до принятия человеческого облика. Этот кенозис переходит дальше уже в деятельность самого человека, который создает формы техники, способные существовать в автономном режиме, независимо или почти независимо от его прямого вмешательства. Однако это не свидетельствует об антигуманистическом смысле техники. Действие естественных законов мироздания и свободная воля человека не суть аргументы против бытия Творца, напротив, иудео-христианская теология как раз исходит из этих предпосылок суверенности творения. Точно так же и **техногуманизм* строит свое представление о человеке на основе его радикальной способности к самоотчуждению, созданию самодействующих кибернетических существ и искусственного разума. Если человек создан свободным, по образу и подобию своего Творца, то он может и дальше передавать эту свободу своим творениям, наделять их той же суверенностью разума и деятельности, какую сам получил от Бога.

Речь идет о творческой эстафете, передаваемой Богом человеку, а человеком — искусственному разуму. Признание автономности будущих высокоразвитых киборгов ничуть не ведет к принижению роли человека, поскольку и признание автономии и свободы человека в мироздании не обязательно ведет к атеизму, отрицанию роли Творца. Иудео-христианская теология подчеркивает глубочайшую, неотъемлемую свободу человека как свидетельство его сыновства. Точно так же и признание возможной автономии и даже «своеволия» киборгов может углубить наше представление о человеке, проложить новые пути гуманизму.

*Творчество, *Техногуманизм*, *Техногуманистика*, Техномораль, Технософия,

Творческое исчезновение человека: Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2. С. 91–105.

Творчество. С. 117–125.

КИБЕРТЕИЗМ (cybertheism). Представление о Боге как о дизайнере компьютерной игры, охватывающей всю известную нам реальность, включая людей как сотворенных им аватаров. Кибертеизм развивается на основе современных компьютерных технологий, как теологическая интерпретация отношений между

геймерами и аватарами. Свойства виртуальной реальности распространяются на окружающий нас мир и его Создателя. Так, согласно философу Нику Бострому, люди живут в симулированной Вселенной, подобно аватарам, населяющим наши компьютерные игры. Очевидно, источник симуляции находится за ее пределами, в иной реальности, подобно тому как компьютеры и их пользователи пребывают в иной реальности, чем та симуляция, где действуют аватары.

Согласно кибертеизму, умерших в симулированном мире ожидает загробная жизнь на другом уровне реальности. По Бострому, «творцы симуляций могут вознаграждать или наказывать свои симулированные создания в зависимости от их поведения»¹. Очевидно, что поощрять или наказывать эти создания можно лишь при том условии, что они обладают определенной свободой воли, а значит, не являются только симуляциями, но причастны той реальности, которая их создает, как ее «образ и подобие».

Кибертеистические мотивы часто используются в современной фантастике, в частности у В. Пелевина. Молодежь, утрачивающая интерес к традиционной догматике, может заново включиться в религиозную проблематику благодаря кибертеизму.

*Многомирие, Судьба, Теоморфизм, *Технотеизм*
Религия. С. 317–318.

КОГНИТИВНАЯ РЕЛИГИЯ (cognitive religion). Согласование веры со знанием, достигнутое благодаря научным открытиям и техническим изобретениям XX–XXI веков. В наше время вера возникает и укрепляется в основном не от нехватки знаний, а благодаря им. Научный тезис о Большом взрыве, который привел к сотворению Вселенной из ничего, — это предмет не только физического, но и религиозного знания. Теистические религии и раньше исповедовали веру в сотворение мира, в наличие у него начала, и эта вера нашла подтверждение в космологии XX века. Антропный принцип, утверждающий, что вселенная была создана для обитания в ней человека, — это религиозное знание. Отделение информации от известных материальных носителей и допущение бесконечного многообразия этих носителей, передающих информацию о человеке, — тезис религиозного знания.

Многообразны те пути, которыми религиозная вера вступает в область современной науки и сама из веры становится знанием, пусть приблизительным и неокончательным. Наука и техника образуют синтез с религией, поскольку разум все более согласуется с верой; и если он упраздняет веру, то лишь в той мере, в какой вбирает ее содержание, становясь религиозным разумом. Интеллектуальное развитие человечества идет не от веры к безверию, а от веры к знанию, что позволяет говорить о *религиозности знания*, а не только веры. Религия знания — это не религия, которая поклоняется знанию, а религия, которая все более достоверно узнает от науки о том, что религия прошлого могла только принимать на веру. В *когнитивной религии* познание играет такую же роль, как в традиционной — вера, фидеизм.

¹ Simulation Argument FAQ — <http://www.simulation-argument.com/faq.html>

*Бедная вера, Кибертеизм, Технотеизм
Религия. С. 315–317.

КОСМОПОЭЗИС, КОСМОПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ (cosmopoesis, cosmopoetic theology; греч. kosmopoïēsis, миротворение). Соединение *космодицеи* и *теодицеи*; описание космоса как метод оправдания Творца и объяснения нравственного несовершенства мира. *Космопоэтическая* теология в библейской Книге Иова противостоит *экзистенциальной* теологии самого Иова и *догматической* теологии его друзей и излагается самим Богом в заключительной части книги (главы 40–42). Это и есть Бого-Словие как слово Бога о Самом Себе. Человеку не уделено места в речи Бога, но именно к человеку — Иову — она обращена и служит ему объяснением его страданий. Вопрос о добре, о нравственности не ставится как нечто отдельное, но включается в благоговение о всемогуществе Творца. Добро и зло разделил по искушению сатаны сам человек, а Бог растит единое, райское древо жизни, ветви которого образуют весь космос, вплоть до мельчайших тварей. Если в жизни человека добро и зло составляют важнейшие вопросы, то на весах вселенской жизни они весят немного, потому что в них — отпадение от жизни, убыль живого.

Догматическая теология друзей Иова объявляет Бога Всеблагим и объясняет всякое зло и страдание грехами самого страдальца. Экзистенциальная теология Иова обращается к Богу с воплем о незаслуженном страдании и с сомнением в его Благодати. В ответе Бога Иову раскрывается третья теология: теология жизни и созидания. На мучительный *экзистенциальный* вопрос: справедлив ли Бог к человеку? — *догматический* ответ состоит в том, что всегда справедлив, а *космопоэтический* — в том, что Бог не справедлив и не несправедлив, что сама категория справедливости отступает перед чудом Божьих творений. В своем ответе Иову Бог учит его познавать свою волю в росе и граде, в беге коня, во всей предметности мира. Бог любит и восхищается своими созданиями, как в первые дни творения, когда каждый день завершается радостью художника: «и увидел Бог, что это хорошо». Это **саморадование Творца* звучит и в Книге Иова: Бог смотрит на себя через зеркало своего творения.

«Внеморальность» Бога часто служила опорой для экзистенциального бунта против него. Иван Карамазов с его воплем о страдании непорочных, о невинно пролитой слезинке ребенка — это новая, XIX века, редакция Книги Иова. Никакая догматическая теология уже не в состоянии ответить на этот нравственный вызов. Отвечает старец Зосима, для которого Книга Иова любимейшая: «Тут творец, как и в первые дни творения, завершая каждый день похвалою: “хорошо то, что я сотворил”, смотрит на Иова и вновь хвалится созданием своим. А Иов, хваля Господа, служит не только ему, но послужит и всему созданию его в роды и в роды и во веки веков, ибо к тому и предназначен был».

Ответ Зосимы на вызов Ивана в том, чтобы отринуть сатанинский по своей гордыне вопрос о добре и зле и припасть к дереву жизни, обрести утраченный рай. Зосима преподает здесь урок космопоэтической теологии, обращенной к мельчайшим долям мироздания. «Любите всё создание божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну

Божию постигнешь в вещах». В поучениях Зосимы, косвенно отвечающих на бунт Ивана, слышны отзвуки ответа Бога Иову.

Композиция Книги Иова — это Книга Бытия, изложенная в обратном порядке, от грехопадения и страдания к восстановлению рая. В Книге Бытия показано, как человек, созданный Богом, был отлучен от него. В Книге Иова — путь, каким человек может вернуться к Богу: от древа познания добра и зла к древу жизни. Ответ Бога возвращает участников спора к поэзии космоса, к Эдему как цели миротворения, которая была искажена грехопадением человека, познавшего плоды разделения добра и зла. В этом значение Книги Иова как зеркального отражения Книги Бытия. В образах *космопоэзиса* весь мир **божествует* и *райствует*. Спасение — в древе жизни, а не в добре, которое противостоит злу, подобно двум искривленным ветвям на одном губительном древе.

*Злобро, Персоналистический аргумент, *Сверхпоэзия, Хитрость Бога, Эдемизм*
Теология Книги Иова // Звезда. 2006. № 12. С. 191–199.
Религия. С. 246–258.

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ (personalistic argument). Аргумент существования Бога как Личности, создающей возможность личностного бытия и внутренней жизни у всех субъектов. По Канту, трансцендентальная субъективность, составляющая условие всякого персонального опыта, не может быть его объектом, но выступает лишь как основа для религиозных и моральных построений практического разума. Персоналистический аргумент, в отличие от чисто трансцендентального, позволяет установить общезначимость личностного опыта и таких **есмы-истин*, как воля, вера, любовь, свобода, творчество, интенциональность, смыслополагание, в качестве свойственных всякому «Я», как божественному, так и человеческому.

Если есть некое предельное «что» в мире объектов (материя, субстанция), то должно быть и некое предельное «кто» в мире субъектов. Основание нашей субъективности само не может не быть субъектом, это не «что», а «кто». Сверхсубъект, в обыденном языке именуемый Бог, есть *Кто*, то есть Личность как условие и предпосылка личности как таковой. В этом утверждении не больше догматизма или авторитаризма, чем в научных представлениях об общих началах материального мироустройства (будь это единое поле, элементарные частицы, суперструны, вакуум, темная материя или что-либо еще). Если разум ищет единые основания всего объективного мироустройства в предельно обобщенных понятиях, то разум же побуждает нас искать то общее, что объединяет внутреннюю, духовную жизнь многих людей, о которой мы узнаем и по собственному опыту, и по общению с другими.

Бог — это Всеобщее Я, которое так же согласуется с требованием разума обобщать, как понятия материи, числа и т.д. обобщают природу объектов. В Новом Завете сказано: «Царствие Божие внутри нас». Любое доказательство бытия Бога, если оно осуществляется внутри иудео-христианско-исламской традиции, представляет собой *теологию первого лица*, исходит из самоопределения Бога как «Я». По Канту, «необходимое существо должно иметь волю и рассудок, то

есть быть духом»¹. Переживая свое «я» как «я», мы одновременно вступаем во взаимодействие с «Я» этого Всеобщего Существа именно как Существа, а не отвлеченной, законообразной сущности.

При этом разумность такого обобщения совпадает с его нравственным смыслом. Нравственность не только в том, чтобы человек был больше своего индивидуального «я», больше своего эгоизма, но и в том, чтобы «я» человека было больше его самого, ибо оно, по сути, сверхчеловечно. Вспоминается И. Фихте: «Таков человек; таков каждый, кто может самому себе сказать: Я — человек. Не должен ли он испытывать священного благоговения перед самим собой, трепетать и содрогаться перед собственным своим величием?»² Это не собственное, эгоцентрическое величие человека, это величие того Я, которое он разделяет с Богом.

Персоналистический аргумент помогает провести демаркацию между сферами науки и религии без ущерба для той или другой. В той мере, в какой религия объективизирует и натурализует Бога, она притязает на место науки — и сама подставляет себя под ее удар. Атеизм естественных наук, точнее их идеологов и популяризаторов, оказывается оборотной стороной натуралистической теологии. Перед лицом старого и «нового» атеизма, нападающего на натуралистическую теологию от имени естественных наук, важно очистить теологию от какого бы то ни было натурализма и четко обозначить ее персоналистическую сферу.

*Бедная вера, *Божествовать*, Гуманистика, *Есмь-истина*, Ипсеизм, Ипсеистика, Лирическая философия, *Самь*, Суб-объект

Теология первого лица: персоналистический аргумент бытия Бога // *Философские науки*. 2010. № 6. С. 80–91.

Религия. С. 345–357.

ПОП-РЕЛИГИЯ (pop-religion). Религия на потребу масс, для манипуляции их сознанием и извлечения коммерческой выгоды; сведение религии к политическому инструменту, магической или психотерапевтической функции. «Поп» — знак активной, воинствующей популярности, которая заранее рассчитана на восприятие массового общества, в том же смысле, как «поп-музыка» или «поп-арт».

Поп-религия начала складываться в России в 1990-е годы. Религиозная обрядовость, накладываясь на основу массового атеизма советского образца, создает слой всеобщей спекуляции, когда духовные ценности легко размениваются на житейские и наоборот. Вера начинает выносить свои сокровища из храма и, поскольку за советские десятилетия образовался их дефицит, пускает в прибыльный товарооборот. Наблюдая религиозное возрождение атеистического общества, уместно спросить, не идет ли на смену прямодушному безбожию лукавая набожность, которой незачем тратить силы на борьбу с верой, ибо гораздо легче и выгоднее подменять ее собою.

Атеизм не пускался в торги с «боженькой» — и тем сохранялась возможность выбора: «или — или». Выбор намного труднее, если тот самый владыка и пастырь, который готовит твою душу к предстоянию на Страшном Суде, освящает оружие

¹ Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Кант И. Собр. соч. в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 1. С. 421.

² Фихте И. Г. Избр. соч. М., 1916. Т. 1. С. 404.

массового уничтожения, в том числе ядерное, запуск спутников и ракет, спортивные игры, военно-патриотические мероприятия, заседает на мероприятиях акционерных обществ, политических ассоциаций. Вместо вражды с Богом — подмена Бога: «В храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Посл. к Фес., 2: 4).

**Новейшее средневековье, Постатеизм, Православие, Религархия, Святобесие
Поп-религия // Эссе. Т. 2. С. 278–283.*

ПОСТАТЕИЗМ (postatheism). Религиозное состояние общества, прошедшего через опыт массового атеизма. В 1917 году Россия первой вошла в эпоху массового атеизма, а в 1970-е — в эпоху постатеизма, религиозного возрождения. Наряду с чертами, общими для современных секулярных обществ, постатеизм характеризуется рядом расходящихся тенденций. Одна из них — возврат общества к доатеистическому состоянию. Возрождаются традиционные вероисповедания: православие, католичество, ислам, буддизм, иудаизм; при этом новообращенные привносят в жизнь своих церквей эмоциональную пылкость и догматическое невежество, а подчас романтику охранительного национализма и мессианских упований.

Другая тенденция ведет вспять от современного состояния религий в глубокую архаику и может быть обозначена как неоязычество и радикальный традиционализм. С точки зрения «Великой Сакральной Традиции» атеизм плох — но ненамного лучше и традиционные религии, особенно иудаизм и его всемирный отпрыск — христианство. Именно они проповедовали абстрактные идеалы добра и равенства, которые разъедали волю могучих языческих народов. Спасти нацию может не религия духа, но древнейшая религия природы, восстановление дохристианского русского и общерийского пантеона. Порой к неоязычеству примешиваются экологические рассуждения о преимуществе языческого культа стихий в деле охраны природы. Еще чаще в языческом духе толкуется само православие, преимущество которого перед другими христианскими вероисповеданиями усматривается в его фундаментализме, почвенности, а также в «двоеверии», в слиянии религии «небесного Отца» с древним культом матери-земли. Православие в таком случае оказывается боеспособной формой патриотизма, искони защищавшей святую Русь от иудейской, католической, масонской и всякой другой иноземной «нечисти».

Неоязычество может не только обращаться на древние национальные святыни, но и выступать в виде бытовых, моральных, эстетических, политических культов, мирских верований, получающих религиозное измерение, например культ Пушкина или культовое отношение к пище, к обустройству дома, к обрядам почитания предков и мест массовых захоронений. Такие типы верований стали возникать в 1970–1980-е годы: пушкинианцы, домовитяне, кровосвятцы и пр. Между приверженцами этих квазирелигиозных умонастроений не было формальной общности, они возникали спонтанно, как попытка духовной компенсации в обществе массового атеизма (**со-верие*).

Наряду с возрождением традиционных вероисповеданий и неоязыческими поветриями, обнаружилась еще одна тенденция — религиозный модернизм.

В духовном вакууме поздней советской и постсоветской эпохи, в 1970–1990-е годы, религиозность стала возрождаться в той форме, которую подготовил для нее атеизм: как **бедная вера*, «просто вера», без уточнений и дополнений, без четких конфессиональных примет, — целостное, нерасчлененное чувство Бога, вырастающее вне исторических, национальных, конкретно-церковных традиций.

Итак, три тенденции очерчиваются в процессе становления первого на Земле постатеистического общества. Традиционализм, укрепившийся под кровом современных храмов и привязанный к существующему разделению вер. Неоязычество, устремленное к цельности первобытного образца, к архаическим святыням почвы и крови. Бедная вера, свободная от исторического разделения религий, смутно ищущая их союза в перспективе возможного грядущего откровения (**теомонизм*).

Русская религиозная мысль XX века дает образцы всех трех тенденций. Первая, традиционалистская, связана с именем Павла Флоренского и опирается на философски осмысленный церковный канон и наследие отцов церкви. Вторая связана с именем Василия Розанова и сближается с язычеством, с первобытными культами солнца и земли, освящает архаическую стихию пола и плодородия. Третья, модернистская, связана с именем Николая Бердяева и исходит из апофатического понятия чистой свободы, предшествующей самому акту творения, и предполагает абсолютную свободу духа и творческую реализацию личности в диалоге с Творцом.

**Ангелизм, Бедная вера, Поп-религия, Святобесие, Теология воскресения, Теология слуха, Теомонизм*

Пост-атеизм, или Бедная религия // Октябрь. 1996. № 9. С. 158–165.

Померанц Г. Между бедностью и богатством // Октябрь. 1997. № 5. (Отклик на статью М. Эпштейна «Постатеизм, или Бедная религия»)

Соловьев И. Мессианские речи / Сост. и предисл. М. Эпштейна // Октябрь. 1998. № 7. С. 148–167.

Религия. С. 9–40, 159–222.

Сектантство. С. 5–31, 171–212.

Эссе. Т. 2. С. 383–395.

ПРАВОСЛАМИЕ (Orthoslam; православие + ислам). Сращение православия и ислама в религиозно-политической утопии евразийства и «русского мира». Понятие «правосламии» приобретает актуальность ввиду роста антизападного религиозно-политического фундаментализма, который стремится объединить православие с исламом и противопоставить их западному христианству как «либеральному». По логике *правосламия*, у православия больше общего с исламом, чем с католичеством или протестантизмом. Общее — антилиберализм, антисекуляризм, противостояние светской цивилизации с ее «материализмом» и «рационализмом», требование, чтобы церковь подчинила себе образование, культуру и духовную жизнь общества, активно вмешивалась в дела государства, срасталась с политической и военной иерархией, а в перспективе переросла в теократию, в государство «православных аятолл». Сколь ни странным выглядит с исторической и догматической точки зрения религиозный союз православия и ислама против западных ветвей христианства, на такую идеологию есть политический заказ.

У Г. К. Честертон в «Перелетном кабаке» есть термин «*хрислам*» (Chrislam):

«Хэмп: — ...и он собрался скрестить христианство и ислам...»

Патрик: — И назвать “хрислам”...»

Однако «хрислам» не подходит для обозначения евразийской утопии, поскольку она агрессивно противопоставляет себя западному христианству. «Правосламии» — оплот ортодоксально-мусульманского фундаментализма против «безбожного Запада».

** Поп-религия, Религархия, Святобесие, Шизофашизм*

Дар. Вып. 228. 15.2.2009.

Свет и клир // Новая газета. 10.2.2014.

Политика. С. 127–134.

РАДОСТНИКИ (rejoicers). Направление религиозно-философской мысли, утверждающее радость и жизнепрятие как главную духовную ценность и путь богопознания. Радостники не приемлют скорбного, сурового духа церкви и ее сосредоточенности на грехе, смерти и воздаянии. Спаситель пришел, спасение состоялось, милость дарована, остается благодарно принимать мир в его испуленности. Триаде «грех — скорь — покаяние» радостники противопоставляют триаду «дар — радость — благодарность». Радостники верят в апокатастасис — в то, что все грешники в конечном счете спасутся, пройдя через муки очищения: грех конечен, а милость Божья бесконечна, а потому в мире всегда избыток радости над скорью и страданием. Эмблема радостничества — иконописный сюжет «Нечаянная радость», где юноша вопреки своим грехам прощен Богородицей. В радости всегда есть привкус нечаянности, незаслуженности, дарования свыше.

Радостники отличают радость от счастья. Хотя счастье обычно определяется как «чувство глубокого довольства и радости», в более глубоком смысле эти слова не синонимы, а почти антонимы. Счастье устойчиво, радость порывиста. Счастье оседло, а радость кочевна, приходит и уходит, дышит, где хочет. В Евангелии ничего не говорится о счастье, но много — о радости. «Да радость Моя в вас пребудет», «да радость ваша будет совершенна», «но печаль ваша в радость будет», «радуйтесь радостью неизреченною», «Царство Божие радости во Святом Духе», «плод же Духа: любовь, радость»... Счастье — это уклад жизни, а радость — это веяние духа. «Счастье» противоречит библейскому миропониманию, а «радость» его воплощает.

В своем представлении о религиозном смысле радости и веселья радостники опираются на «Песнь песней» и Книгу Екклесиаста, мудреца, познавшего опыт «многой печали» и пришедшего к пониманию, что человеку заповедана радость на его земных путях. Все сужденное человеку само по себе суетно и бессмысленно, но раз это дано Господом, то надо трудиться, возделывать поле, сеять семена, радоваться и веселиться во всю долготу своих дней и полноту своих сил, ибо все это дается человеку и отнимается не по его воле. «И похвалил я веселие; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться; это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем» (8: 15). «Итак иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим» (9: 7).

Среди источников этого мировоззрения — учения Иоахима Флорского и Франциска Ассизского, Телемская обитель в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Ф. Рабле и образы Зосимы и Алеши в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского. В России радостнические мотивы вышли на первый план в религиозно-философской мысли Серебряного века — у В. Розанова и Д. Мережковского, отразились в «Докторе Живаго» Б. Пастернака, а впоследствии актуализировались в духовной атмосфере и умонастроениях 1970–1980-х годов, в частности в кругах учеников и последователей священников Александра Меня и Георгия Кочеткова и в созвучных им воззрениях *духодарцев. Радостничество свойственно некоторым направлениям и в других монотеистических вероисповеданиях — суфизму в мусульманстве, хасидизму в иудаизме.

*Веселье мысли, *Духодарцы, Саморадование творца, Теовитализм, Эдемизм*

РЕЛИГАРХИЯ (religarchy; религия + олигархия; ср. *иерархия*, букв. священноначалие). Сращение религии и политики во властных структурах; верхушка церковной иерархии, сросшаяся с государственной.

Следует отличать религархию от иерократии или теократии. *Иерократия* — власть жрецов, священства. *Теократия* — такой политический строй, при котором церковь или духовный вождь, религиозный лидер берут на себя роль правителей государства (древний Израиль, старый Тибет, современный Иран). Религархия — это, наоборот, встраивание церкви в более сильную государственную структуру, явление, знакомое и по византийским традициям, и по российскому постсоветскому опыту.

Религарх — высокопоставленный религиозный деятель, приближенный к государственной власти, входящий в круг правящей элиты. Если олигархи — высшие иерархи бизнеса, то религархи — высшие иерархи клира. Достигнув определенных высот, они врастают в государственную иерархию своим материальным и символическим капиталом.

*Новейшее средневековье, *Поп-религия, Постатеизм, Святобесие*

Дар. Вып. 228. 15.2.2009.

Религия. С. 157.

САМОРАДОВАНИЕ ТВОРЦА (self-joy). Восхищение Творца своим творением. «И увидел Бог, что это хорошо». В библейском описании шести дней творения этот мотив повторяется восемь раз. Каждый акт миротворения как бы распадается на три стадии: «сказал Бог», «сотворил Бог», «увидел Бог, что это хорошо». Это первое проявление *троичности* Бога относится к самому началу Книги Бытия. Бог сначала «выговаривает» мир в слове; затем воплощает слово, творит по сказанному; и наконец, смотрит на то, что получилось в результате. То, что труд творения оценивается самим Творцом, свидетельствует о непредсказуемости его результата, о свободе, заложенной в самом акте творчества. Бог находит его результат «хорошим» — такова нечаянная радость свободного художника. «Хорошо» означает меру совершенства творения в соотношении с мерой его свободы: оно «получилось», «случилось» в некоторой независимо-

сти от Творца, а затем одобрено им уже в меру его отдельности, на расстоянии оценивающего взгляда.

Такая троичность миротворения: *слово — дело — взгляд* — уже предвосхищает собой ту триипостасность Бога, которая позже выявилась в христианском вероучении. Три ипостаси, в измененном порядке: Бог-Творец, Сын-Слово и Дух-Утешитель (тот, кто утешает, то есть говорит «хорошо»), будучи нераздельными, вместе с тем свободны по отношению друг к другу, взаимно невыводимы и несводимы, что и объясняет троичность самого процесса миротворения.

О том, насколько архетипически глубока и устойчива эта схема творческого акта, свидетельствует то, что впоследствии она многократно воспроизводилась в светской культуре, особенно в идеологиях, сконструированных по образцу теологий. Например, поэма В. Маяковского «Хорошо!» своим заглавием и рефреном последней части воспроизводит ту же библейскую формулу «и увидел, что это хорошо». Революция — сотворение нового мира, который «удался», вышел на славу по *слову и делу* основоположников — теоретиков и практиков коммунизма. Теперь он подлежит оценке и удостоверению самого поэта как «третьей ипостаси» этого «коммунного» божества (Маркс — Ленин — Маяковский).

**Божествовать, Есмь-истина, Радостники, Своечуждость, Селф-эмоция, Творчество, Эдемизм Эссе. С. 396–402.*

Религия. С. 241–245.

САМЬ (selfness). Абсолют в его внутреннем измерении; Единое и Бесконечное в его обращенности на себя; Первоначало, осознающее собственное бытие.

Словом «самь» можно перевести «Атман», одно из центральных понятий индуизма, буддизма и индийской философии. *Самь* открывается каждому существу в самом себе, и именно через субъекта она выходит в окружающий мир и преобразует его.

Следует отличать «самь» от «самости». «Самость» — это обращенность и погруженность в себя конкретного существа, его эгоцентрическая замкнутость на себе, как категория этики и психологии. *Самь* — это не индивидуальное, а космическое и даже религиозное измерение субъектности, категория метафизики, «яйность» как свойство мироздания.

**Есмь-истина, Лирическая философия, Персоналистический аргумент, Самобытие Дар. Вып. 305. 15.10.2012.*

СВЯТОБЕСИЕ (sacromania; ср. «мракобесие»). Одержимость своей святостью или святостью своих принципов и убеждений; агрессия против инакомыслящих на религиозных основаниях. Святобесие ищет повсюду ереси и еретиков, использует любые поводы для демонстрации своих «оскорбленных религиозных чувств» и разжигает в обществе дух злобы и нетерпимости. Святобесие близко фанатизму, но если фанатик готов принести себя в жертву во имя своих убеждений, то «святобес» приносит в жертву только других, сам готов сажать и казнить. Это смесь фанатизма с фарисейством, нарциссизмом и садизмом.

В эпоху воинствующего и политизированного фундаментализма появляется все больше «святобесов» — людей, знающих твердо, в чем спасение для других. На первом месте здесь не убеждения, а религиозно мотивированная разрядка агрессивных инстинктов, выплеск ненависти и гордыни под видом защиты святынь. «Почему вы так ненавидите американцев, европейцев, евреев, кавказцев, католиков, либералов, волонтеров, оппозиционеров, сексуальные меньшинства?» — «Мы не за себя, мы за Бога!» Так агрессия ищет излияния и находит благовидный предлог именно в святыне. Святобесие представляет Бога жестоким судьей, карателем и исключает такие качества веры, как любовь, прощение, смирение, милосердие.

Близко к святобесию стоит *святозлобие* — злоба, которая воодушевляется и оправдывает себя высочайшими идеалами и святынями, в чем бы они ни заключались. Выражение «святая злоба» памятно по блоковской поэме «Двенадцать»: «Черная злоба, святая злоба... Товарищ! Гляди в оба!» У злости, как энергии разрушения, есть много спусковых механизмов, но самый опасный из них и приводящий к наибольшим жертвам — это злоба «во имя святого», которая все готова сокрушить на своем пути. Как проявление гордыни, она нервически взвинчивает себя мелкими грехами, отступлениями от правил и обрядов в поведении других людей¹.

*Злобро, Панфобия, Поп-религия, Психократия, Шизофашизм

ЖЖ. 29.4.2012.

Политика. С. 119–122.

СОВЕРИЕ (co-faith). Религиозно-моральное сообщество, объединяемое типологическими признаками общей веры, без прямой коммуникации между ее представителями. Такие виды сообществ развивались в СССР, где преследовалось всякое вероисповедание, поэтому прямые контакты и объединения верующих, особенно вне традиционных конфессий, были крайне затруднены. Соверие — не столько реальная, сколько идеальная общность верующих, которая может не осознаваться ими, — своего рода религиозный тип, конструируемый его проповедником или исследователем.

Так, приверженцы **доброверия*, или «спонтанной доброты» (random acts of kindness), представляют собой пример именно «соверческого» движения — они организационно не объединены, наоборот, предпочитают изолированную и чисто индивидуальную деятельность.

Однако у доброверия есть свое «учение», свои теоретики, которые отмечают у ряда людей такие признаки самосознания, как стремление оказывать посильную и ненавязчивую помощь ближним, не делая при этом плодов своей деятельности видимыми для окружающих, «добротворствуя украдкой» (их еще называют «воры навыворот», имея в виду анонимную манеру совершать благодеяния).

¹ Святобесие и святозлобие, особенно характерные для духовной атмосферы России со времени Pussy Riot (2012), отразились в песне Б. Гребенщикова: «Будешь в Москве, остерегайся говорить о святом. / Не то кроткие как голуби поймают тебя, / Святые оседлают тебя, / Служители любви вобьют тебя в землю крестом» (2014).

Соверия — не реально действующие организации или коллективы, а идейно-духовные общности, состоящие из «многих одиночеств».

**Бедная вера, Доброверие, Комос, Потенциальные сообщества, Совестники, Транссоциальное Сектантство. С. 27–30.*

Cries. P. 25–30.

ТЕОВИТАЛИЗМ (theovitalism). Утверждение жизни и представление о ее вечности в теистических религиях. Виталистический подход в богословии можно передать греческим словом «palingenesis» (по-старославянски — «пакибытие»), буквально «вновь-бытие», которое приходит из небытия; это избыток бытия после его смерти и восстановления. Утверждение жизни как высшей ценности и ее приоритета даже перед моральными категориями добра и зла, вины и справедливости содержится в Ветхом Завете: начиная с Книги Бытия («древо жизни» как центр рая) до Книги Иова, с ее **космопоэтическим* ответом Бога Иову и призывом вернуться к древу жизни, и до Книги Екклесиаста и Песни Песней (где жизнь прославляется в образах любви и возвращенного рая).

Теовитализм занимает критическую позицию по отношению ко всем учениям, противопоставляющим веру и жизнь, духовное и живое, жизнь небесную и жизнь земную. Так, для А. Шопенгауэра отрицание жизни и той всемогущей, слепой, стихийной воли, которая втолкнула нас в нее, составляет достоинство христианства (как и буддизма). Для Ф. Ницше христианство — это нигилизм, замороженность царством «ничто», отрицание всего могучего и красивого, «Бог, объявляющий войну жизни, природе, воле к жизни!». Однако, с позиции теовитализма и вопреки Шопенгауэру и Ницше, само Евангелие утверждает волю к жизни, причем столь последовательно, что жизнь перерастает свои временные пределы и претворяется в жизнь вечную. И буквально, и переносно, в притчах, Иисус освящает рост, плоды, восхождение семян, претворение воды в вино, умножение хлебов, исцеление больных, воскресение мертвых. «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Иоан. 10: 10).

Жизнь освещается в Евангелии иначе, чем в философии Ницше: это жизнь не столько властвующая, присваивающая, вождедующая, сколько дающая и способная к бесконечной жалости, снисхождению и умилению, то есть постижению силы в слабом, величия в малом, благодати в униженном и обиженном. Жизнь утверждает себя самоотдачей и жертвой, и слабейший оказывается сильнейшим. «Сила Моя свершается в немощи» (2 Кор. 12: 9). Одно из глубоких проявлений *теовитализма* — роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», где христианство толкуется как «высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения, и затем это главные составные части современного человека, без которых он немислим, а именно идея свободной личности и идея жизни как жертвы»¹.

Критики христианства отмечают в нем непоследовательность. Если высшая цель — Царство Небесное, то стоит ли заботиться о жизни земной, о здоровье, сытости, нарядах, имуществе? Об этом говорится во многих поучениях Иисуса:

¹ Пастернак Б. Доктор Живаго // Пастернак Б. Собр. соч. в 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. С. 14.

не накапливайте сокровищ, не заботьтесь об одежде, отбросьте попечение о завтрашнем дне... Цель — спасение души, в жертву которому нужно принести всякое земное благополучие, и вообще «царство мое не от мира сего». Вместе с тем главные чудеса Иисус совершает, исцеляя больных, насыщая голодных, оделяя, делясь, то есть заботясь именно о здоровье и насыщении ближних. То же самое противоречие проявляется и в жизни христиан, в их молитвах. С одной стороны, «не уповай, душа моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту...» («Три канона»). А вместе с тем молятся о здравии своем и ближних, о хлебе насущном, об избавлении от врагов и злых обстоятельств, то есть о мирском благополучии.

Но суть в том, что и здоровье в этой жизни, и спасение в иной — одно и то же: способы *выживания* личности, ее неуничтожимости. Вот почему молитвы за здоровье тела и за спасение души не противоречат друг другу, это одна молитва: Господи, даруй мне вечную жизнь, как Ты подарил мне эту жизнь. Христианская весть — именно *преимственность* земной и небесной жизни, усиление жизненности как таковой, в ее возрастающем торжестве и победе над смертью. Поскольку небесное царствие дальше отстоит от живущих, чем земное, то приходится часто напоминать о том, что нужно поступиться чем-то в жизни временной, чтобы обрести жизнь вечную. Евангелие озабочено тем, чтобы правильно выстроить перспективу, и поэтому ставит главный акцент на «жизни будущего века», несколько принижая ценности этой жизни, которые и без того значимы для нас, поскольку мы здесь, а не там. Но это та же самая жизнь, досмертная и посмертная, и стремление к бессмертию не исключает, а предполагает здоровье, радость, красоту, изобилие здесь, на земле. Поэтому ницшевская философия жизни, вопреки своей антихристианской направленности, по сути вписывается в более объемную *теологию Жизни*, которая сложилась в христианстве и не сводится к морали воздержания и аскетизма.

* *Виталистика*, Витоверификация, *Биософия*, *Боживо*, *Космопозис*, Ноовитализм, Техновитализм, Эдемизм

Теология Книги Иова // Звезда. 2006. № 12. С. 191–199.

Жизнеутверждающий пессимизм: О Книге Екклесиаста // Звезда. 2011. № 1. С. 194–202.

Теология жизни: Как Ницше, убивая Бога, воскресил Его // Звезда. 2015. № 5. С. 247–254.

Религия. С. 223–293 (раздел «Теология жизни»).

ТЕОЛОГИЯ ВОСКРЕСЕНИЯ (theology of resurrection). Теология новой жизни Бога и в Боге после его смерти (в евангелии и в истории). После «смерти Бога», провозглашенной Ницше, а также Фейербахом, Марксом и Фрейдом, и после массовых атеистических и коммунистических движений XX века, начинается «воскресение Бога», как **постатеистическое* жизнечувствие и мировоззрение, причем именно в той стране, которая первой в XX веке «распяла» его. Возрождение религиозного сознания началось в России в 1960–1970-е годы, когда на Западе, наоборот, обозначилась «постхристианская» эпоха и возникла «теология смерти Бога» (Томас Альтицер, Уильям Хамилтон и их предшественник Дитрих Бонхоффер).

Теология воскресения как одно из направлений постатеизма — это теология новой жизни Бога за пределом его церковно-исторического тела. Это не

то же самое, что традиционная теология жизни Бога (в исторической церкви) или радикальная теология смерти Бога (в «постхристианском» мире). Нулевой градус — безбожие, безверие — пройден, и начинается новое возрастание веры, теистическое осмысление и преодоление самого атеизма, причем этот процесс умирания и воскресения Бога может повторяться в истории опять и опять.

Слово «воскресение» порой воспринимается односторонне, как только возобновление или повтор прежней жизни. Но приставка воз-/вос- имеет смысл не только возрождения/повтора, но и вос-хождения, воз-несения, вос-шествия на новую, высшую ступень. По словам Карла Барта, «Бог не животворит того, кого не умертвил еще прежде»¹. Жизнь после воскресения отличается от жизни до смерти, она углубляется опытом и личной смерти Христа на кресте, и исторической смерти христианства в XX веке.

История жизни, смерти и воскресения Иисуса — это история каждой души, которая проходит через свой Гефсиманский сад, свою скорбь и томление, и затем через свою Голгофу. Гегель так передает ужас богооставленности, переходящий в благую весть: «Бог умер, Бог мертв — это самая страшная мысль: все вечное, все истинное не существует, *само отрицание заключено в Боге*; с этим связана высшая боль, чувство совершеннейшей безнадежности, утрата всего высшего. Но процесс здесь не останавливается, наступает *обращение*, а именно Бог сохраняет себя в этом процессе, который есть *только смерть смерти*»². С позиции теологии воскресения смерть послана в мир для того, чтобы жизнь не просто рождалась, но и *воскресала*, то есть восходила на новую ступень.

*Бедная вера, Биософия, Постатеизм, Смертствовать, *Теовитализм*, Теомонизм
Религия. С. 26–31, 370–372.

ТЕОЛОГИЯ СЛУХА (theology of hearing). Представление о слухе Бога как о проявлении его «присутствующего отсутствия» в современном мире.

В Библии много говорится о Божьем слухе, который не оставляет неуслышанным ни один вопль, ни даже шепот человеческий. Господь выдвигает пророков своих не только для того, чтобы говорить народу, но и чтобы слушать народ — и Сам слушает пророков, говорящих от имени народа. «И выслушал Самуил все слова народа, и пересказал их в слух Господа. И сказал Господь Самуилу: послушай голоса их...» (1 Царств, 8: 21–22). Первое, что мы узнаем об Иисусе Христе, — это об его умении слушать. «Нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их» (Лука, 2: 46).

Теология слуха — тема, созвучная «постхристианской» эпохе, когда молчание Бога становится камнем преткновения для веры. Есть два объяснения долгому молчанию Бога сквозь человеческие вопли и моления, слезы младенцев, войны и революции, Освенцим и Колыму. Одно объяснение состоит в том, что Бога нет, молчание — знак его отсутствия. Второе состоит в том, что Бог молчит, потому что

¹ Барт К. Пятнадцать ответов господину профессору фон Гарнаку // Сравнительное богословие: Немецкий протестантизм XX века. Тексты с комментариями. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 158.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии религии // Гегель Г. В. Ф. Философия религии: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1977. С. 290.

слушает человечество. Он изрек свое первое слово через ветхозаветных пророков, второе — через своего Сына. После того как само Слово обрело плоть, и жило среди людей, и было распято, и воскресло — какое еще слово мог обратиться Бог к людям? Теперь слово — за человеком. Бог молчит, чтобы слушать нас. В этом молчании готовится его последнее слово, которое явится во славе, чтобы судить мир.

Однажды верующие окружили мать Терезу и спрашивали, как она общается с Богом.

- Что ты говоришь Богу во время молитвы?
- Ничего, — ответила мать Тереза. — Я просто слушаю Бога.
- И что же Он говорит тебе?
- Ничего, — ответила мать Тереза. — Он просто слушает меня.

Таков один из образов современной святости. Общение человека с Богом — это *два слуха*, взаимно проникающие друг в друга. Все нужное для увещания людей уже было сказано Словом распятым, а все нужное для приговора будет сказано Словом грядущим. Между этими двумя явлениями Слова и помещается в истории явление Слуха. В слухе Бог умалется даже более, чем в образе нищего, бездомного Слова, учителя человеческого, ибо пребывает безгласным среди людей, пустым, как соты, чтобы быть наполненным премудростью из человеческих уст. Любое слово можно перетолковать, извратить, опредметить — но нельзя опредметить слух. Безбожие борется со словом Божиим, а Бог побеждает его своим слухом.

Церковь доносит слово Божье — но как донести глубину его слуха, у которого нет проявлений, нет слов, хотя всем словам он дает тот последний смысл, ради которого они звучат? С позиции данной теологии религия Слова переживает падение и новый подъем, превращаясь в религию Слуха. У религии Слуха нет пророка и провозвестника, потому что она живет и движется не Словом, которое было в начале, а именно Слухом, которому люди отвечают в конце.

*Амбигуизм, Ангелизм, *Апофатизация*, Бедная вера, Постатеизм, Теомонизм, Теоморфизм
Соловьев И. Мессеианские речи / Сост. и предисл. М. Эпштейна // Октябрь. 1998. № 7.
 С. 148–167.
Религия. С. 31.

ТЕОМОНИЗМ (theomonism; от греч. *theos*, бог и *monos*, один, единственный). Единство всех религий в Боге, объединение разных вер на основе единобожия. Слово «теомонизм», букв. «*богоединство*», состоит из тех же частей, что и «монотеизм» — *единобожие*, но в обратном порядке: не единый Бог, а единство в Боге. Теомонизм означает не просто веру в единого Бога, а объединение самих вер на основе общего предмета веры.

Иудаизм, христианство и ислам, а также их многочисленные ответвления представляют разные формы единобожия, которые исторически враждовали между собой. Общая любовь к единому Творцу оборачивалась ревнованием друг к другу — какая вера «вернее» Богу и пользуется большей взаимностью? Но если Бог един, то и вера должна быть едина. Наличие многих вер в единого Бога, *многоверие* — промежуточная стадия между *многобожием* и *единобожием*, когда единство уже достигнуто в предмете, но еще не в способе веры. Многоверие было естественно лишь в условиях многобожия, единобожие же по сути предполагает

единоверие. К нему ведет историко-эсхатологический процесс, сводящий разные по истокам религиозные традиции в единстве конца истории. История монотеизма завершается в *теомонизме*; вера в единого Бога — в единстве самой веры.

У каждой религии, деноминации, секты — свои откровения, основатели, особое историческое время и место возникновения... Но последнее откровение может быть только одним и общим для мира, иначе оно не было бы последним. Как Бог-Творец един перед лицом первочеловека, так Он един и перед лицом человечества, завершающего мировой процесс. Отсюда эсхатологическая перспектива: от монотеизма — к теомонизму, от веры в единого Бога — к единству вер в Боге. Единоверие — отказ от *веропоклонства*, ибо поклонение разным верам и их уставам вместо единого Бога может рассматриваться как один из видов идолопоклонства. Формула теомонизма дана в Новом Завете: «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец, и над всеми, и чрез всех, и во всех нас» (Евр. 4: 5–6). Как бы ни разнились предположительные сроки конца мира, несомненно, что с каждым часом исторического существования мир становится ближе к концу, чем к началу, и это выражается в постепенном усилении объединительных движений, в частности в росте христианского экуменизма.

В основном теомонизм — это интеграция монотеистических вер, имеющих общий Авраамов корень. В этом существенное отличие теомонизма от протестантского модернизма, ориентированного только на христианство, причем строго евангельского, «очищенного», демифологизированного толка. Теомонизм скорее ориентирован на Книгу Бытия и Откровение Иоанна, в которых раскрывается единство человечества на доисторической и сверхисторической границах его бытия во времени.

В отличие от традиционных религий, имеющих богатую историю, теомонизм живет не столько памятью, сколько надеждой. Есть прошлое, где разделились источники всех вер: одна идет от Моисея, другая от Кришны, третья от Будды, четвертая от Христа, пятая от Магомета... И есть будущее, где сходятся пути разных вер, где сам Творец завершает путь Земли и является как «всё во всем». Такое Богоявление не может состояться отдельно для разных стран или вер. Учредители религий различны, а Бог, которого они исповедуют и прихода которого ожидают, — един. Начала у религиозных традиций разные, а эсхатологическая перспектива — общая.

**Бедная вера* — характерный для российского постатеизма путь к объединению вер. На Западе эта тенденция проявляется как экуменическое движение внутри христианства или как унитарные и универсалистские сообщества, с их поиском всемирного религиозного синтеза, объединяющего иудаизм, христианство, ислам и бахаизм, а порой открытые и буддизму и индуизму.

**Бедная вера*, Постатеизм

Пост-атеизм, или Бедная религия // Октябрь. 1996. № 9. С. 158–165.

Тезисы бедной веры // Звезда. 2014. № 8. С. 221–234.

Религия. С. 29–30.

ТЕОМОРФИЗМ (theomorphism; от греч. theos, бог + греч. morphe, форма, буквально «богоподобие»). Представление о том, что многие явления в природе

и особенно в человеческом мире имеют скрытую форму Творца, выступают как его образ. Теоморфизм отличается от пантеизма (всебожия, отождествления Бога с мирозданием): Бог не во всем, а в *каждом*, в различии всех вещей. Каждая вещь единична лишь потому, что единствен сам Бог, и она богоподобна (теоморфна) именно в своей уникальности. Бог задает меру и признак единичности, отделяет, ограничивает и освящает отделенное (ивритское «кадиш», «святой», буквально значит «отдельный»). В этом плане теология занимается *сингулярным* как своим специфическим предметом: говорит обо всем бесконечном многообразии явлений в модусе их единственности, а значит, Богоподобия. О любви к каждой вещи, заключающей в себе образ Творца, говорит старец Зосима в «Братьях Карамазовых» Достоевского: «Любите всё создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. <...> Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах».

Симона Вейль выделяет четыре формы «неявной любви к Богу»: 1) религиозные обряды, 2) красота мира, 3) любовь к ближнему, 4) дружба. Можно продлить этот ряд. Любовь ко всему живому в мире, включая растения (поскольку Бог тоже живой). Любовь ко всему страдающему и умирающему (поскольку Бог страдал и умер). Любовь ко всему великому, поскольку оно дает представление о величии Бога: к Вселенным, галактикам, космосу в целом (*космофилия*). Любовь ко всему малому, к песчинкам, травинкам, поскольку сам Бог умалился и ставил в пример «малых сих» (*микробилия*, *microphilia*). По сути, нет ни одного существа, ни единой вещи, которые не являлись бы в том или ином отношении образ Бога и, значит, не могли бы быть предметом *неявной* любви к Богу. Бога можно любить через труд и через надеяние, через красоту и через уродство, через пищу и через голод — любое явление может восприниматься как знак Его присутствия, Его обращенности к человеку. Теоморфизм — искусство постижения Бога во всем, что не есть Он.

Как пример древнего теоморфизма можно привести мандалу, восточный изобразительный символ, религиозно-бессознательная структура которого исследована К. Юнгом. «В мандале мы не находим и следа Божества... Мы находим механизм вместо Бога. <...> Это звезда, солнце, цветок, равносторонний крест, драгоценный камень, наполненная водой или вином чаша, свивающаяся змея, человек, но никогда не Бог». А между тем, «мандалы суть экспрессии определенной установки, которую нельзя не назвать “религиозной”. Религия — это отношение к высшим и сильнейшим по воздействию ценностям, будь они позитивными или негативными»¹.

Теоморфизм выражается также в ряде художественных направлений XX века — авангардных и постмодерных. Кризис традиционного гуманизма, отказ от центральной роли авторского «я» и творческого субъективизма теоретически обоснованы в трудах Х. Ортеги-и-Гасета («Дегуманизация искусства», 1925) и Ж.-Ф. Лиотара («Состояние Постмодерна», 1979). В культуре постмодерна вырабатываются строгие формы *незнания* Бога — *нечувствия, неведения, неэкстаза, непросветленности, неблагодати* — столь же строгие, как позитивные формы богознания, богочувствия, богоозарения в эпоху Средневековья. Малейший намек на центр, на иерархию, на некое привилегированное место в культуре воспринимается как

¹ Юнг К. Психология и религия // Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 184.

старомодность, риторика, досадный промах, нарушение правил приличия, проявление дурного вкуса. Но при этом точно указывается место отсутствия Бога, место Другого — бессознательного, языка, структуры, игры знаков. Поскольку Бог есть первый и последний Другой для человека, то своим отсутствием Он придает теоморфное качество всему, что человек воспринимает как чуждо-неподвластное в себе и своих созданиях: подсознание, грамматику, игру экономических сил, мир техники и т.д. В художественной практике это приводит, безотносительно к намерениям автора, к утверждению отчужденно-имперсональной, теоморфной образности, например в поэзии метареализма и концептуализма, где лирическое «я» вытесняется *лирическим «оно».

*Апофатизация, Бедная вера, Всеразличие, *Лирическое «оно», Реизм, Самобытие, Свое-чуждость, Тэизм

Теоморфизм. «Другое» в культуре // *Образ*. С. 22–28.

Религия. С. 29, 61–86.

Поэзия. С. 175–184.

Postmodernism. P. 451–458.

ТРАНСКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ (transconfessional) и **ТРАНСРЕЛИГИОЗНОЕ** (transreligious). Выход веры за границы исторически сложившихся конфессий или религиозности как таковой. Религия — это вера в сверхъестественное, в иной мир и вместе с тем совокупность обрядов, культовых действий, институций и организаций, объединяющих людей по признакам вероисповедания. По мере того как религия освобождается от груза догм, институций и традиций, она вновь сближается с верой.

В религиозной жизни важна диалектика воцерковления и расцерковления, то есть вхождения в исторически-конфессиональное тело религии и выхода из него. В этом смысле Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой, современники-противоборцы, воплощают полярные точки этого процесса, который никогда не прекращается в живой душе: поочередное опредмечивание и распредмечивание веры. Определенная форма веры — это конфессия, церковь. Распредмеченная — это *трансконфессиональное* и *трансрегиозное* как две ступени расцерковления. Не удовлетворяясь наличными конфессиями, религиозность пытается создавать новые, то есть оцерковлять опыт веры, переводить его в иные обрядовые формы, чему противится трансрелигиозная интуиция. *Трансрегиозное* — это выход не только за границы исторически сложившихся религий, но и за пределы религиозно-культового и институционального как такового.

Рост надконфессионального сознания — тенденция общемировая. Согласно данным Pew Research Center (США, 2012), внеконфессиональное (религиозно не аффилированное) население мира составляет миллиард сто миллионов, то есть 16%. В Китае это 52% населения, или 700 миллионов, в США 20%, или 46 миллионов. Их подчас называют «религиозно никакими» («religious nones»). В их число включены атеисты и агностики, но доля верующих среди «религиозно никаких» весьма значительна. В Китае — 7%, во Франции 30%, в США 68% от числа «никаких» (31,5 миллиона) утверждают, что веруют в Бога (из них 10 миллионов молятся ежедневно). С 1990 по 2008 год число экуменистов, то есть внеконфессиональных христиан, выросло в США в 40 раз и достигло 8 миллионов, что

примерно в 15–20 раз превышает темп роста верующих у самых быстро растущих конфессий (например, у евангелических христиан и буддистов, число которых за тот же период выросло в 2–3 раза)¹.

Самое общее обозначение трансрелигиозного сознания на Западе — духовность, спиритуальность (*spirituality*). При этом внутри этой широкой категории важно различать трансконфессиональное, трансрелигиозное и чисто спиритуалистическое сознание. Первое сохраняет признаки религиозной веры, но свободной от конфессиональных различий; второе освобождается от любой догматики, институций, культовых форм; третье упраздняет трансцендентное измерение религиозности как таковой, веру в иной мир, признавая лишь имманентное, этическое наполнение духовного.

Если ограничиться российскими традициями, Л. Толстой, Д. Андреев и Г. Померанц представляют собой разные версии и стадии движения к трансрелигиозному. Толстой — открытие трансрелигиозного пространства в его чистоте и негодующее обличение всех исторических религий и церквей как подмен, извращений первичных ценностей любви, братства и смирения. Спиритуальность здесь выступает прежде всего как любовь к ближнему и непротивление злу насилием и предполагает отмену трансцендентного. Д. Андреев, в прямой противоположности Толстому, видит трансконфессиональность (в своем трактате «Роза мира», 1958) как способ объединения всех исторических религий в сверхисторическое братство, где каждая конфессия — лепесток расцветающего религиозного единства грядущего человечества. Для Г. Померанца трансрелигиозность — это индивидуальный и экзистенциальный опыт общения с разными религиями, это путь странника, путь соперений и личных откровений. Таким образом, вырисовываются три пути в трансрелигиозное измерение: моральное очищение и отвержение всех оцерковленных вер; попытка их универсалистского синтеза; опыт экзистенциального общения с ними, путь экуменической открытости разным религиям и конфессиям.

Еще один путь — **бедная вера*. Это минималистский, а не максималистский извод религиозной всеоткрытости. В ее основе — духовная апофатика, предстояние Богу вне «катафатических» признаков религии, таких как церковь, догматика, обряды. Бедная вера — феномен не только постатеистического, но и трансконфессионального и трансрелигиозного сознания, которое тем не менее отличается от чистой спиритуальности, поскольку сохраняет связь с верой в трансцендентное.

**Бедная вера, Постатеизм, Соверие, Теомонизм*

Религия. С. 17–40, 61–87, 106–155, 345–369.

Тезисы бедной веры // Звезда. 2014. № 8. С. 221–234.

ХИТРОСТЬ БОГА (*cunning of God*). Высший промысел, скрытый от человека и ведущий его к цели обходным путем; одно из возможных решений вопроса

¹ Данные по мировой статистике «религиозно никаких» — и бедных верующих в их числе: <http://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-unaffiliated/>. По США: <http://www.pewforum.org/2012/10/09/nones-on-the-rise/>; http://b27.cc.trincoll.edu/weblogs/AmericanReligionSurvey-ARIS/reports/ARIS_Report_2008.pdf

теодицеи (богооправдания) о причинах зла в мире. Обычно хитрость ассоциируется с тайным умыслом, а значит, с чем-то недобрым, постыдным: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Но и добро, по Евангелию, должно делаться не напоказ — втайне даже от самого себя. «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Добрые люди бывают хитрыми, насмешливыми, уклончивыми, скрывают свои мысли за иронической или скептической улыбкой, но при этом готовы сделать для ближнего больше того, чего можно от них ожидать.

В «Современном патерике» Майи Кучерской есть образ американского епископа, которому прихожане дарят машины — а они неведомо куда исчезают: «Спрашивают его, а он как дурачок сразу делается. Разбил, простите, братья и сестры, старика, разбил вашу красавицу, в металлоломе лежит. И на колени бух!.. Ясный, веселый, бодрый такой старичок. Хоть и с хитрецей». Здесь хитрость нужна именно для того, чтобы скрыть добрые дела, чтобы «милостыня была втайне» — машины или деньги с их продажи этот епископ отдавал нуждающимся.

Любое высшее знание включает в себя некое лукавство, уклончивость, потому что, открыв сразу все, можно навредить или запутать. Например, первоклассника учат, что из меньшего нельзя вычесть большее, из двух нельзя вычесть три. А в старшем классе, когда вводят отрицательные числа, объясняют, что так вычитать можно и что при вычитании трех из двух получается минус единица. Значит, первокласснику лгали? Но на том уровне понимания, который был ему доступен, это было единственно возможным и, по сути, правильным объяснением. Точно так же и родители прячут от ребенка лекарства, чтобы он не употребил их себе во зло.

Притча о том, как боролся Иаков с таинственным незнакомцем (Быт. 32: 22–30), представляет Бога своего рода спарринг-партнером. Он наносит человеку жестокие удары и проверяет, насколько он может их держать, насколько хватит у него силы и отваги, чтобы выстоять и перейти в ответную атаку, пересоздавать мир, Им созданный. Хочет ли Он от человека безропотной покорности или бойцовой злости? Такова воспитующая хитрость Тренера, Наставника, Испытателя. Недаром в «Книге Иова» Бог призывает на совет самого Лукавого и вместе с ним решает судьбу праведника Иова. Если родители хитрят с детьми для их же блага, то легко допустить, что небесный отец еще дальновиднее, а значит, и хитрее.

Добро — сложная система, которая начинающим, то есть большинству, преподносится не напрямую. Всевышний часто поступает с людьми не слишком заботливо. Болезни, войны, революции, катастрофы, землетрясения, ураганы... Минусовые величины, смысла которых мы не понимаем, подобно первоклассникам. Отсюда главный вопрос теодицеи: как может Бог допускать и даже насылать зло, болезни? Если он всемогущ, значит, не всеблаг, а если всеблаг, значит, не всемогущ. Для объяснения мирового зла обычно используется аргумент от свободы: Бог создал человека свободным, а значит, не может насильно навязать ему добро. Но в отношении безличного зла: стихийных бедствий, эпидемий — этот аргумент не действует, поскольку нельзя ураганам и цунами приписать свободу воли.

Тогда остается объяснять зло в мире не свободой человека, а *хитростью Бога*. Страдание, смерть — тайный, неисповедимый путь, которым высший промысел ведет человека к добру. Если добро может превращаться в зло (**злобро*), то возможен и обратный путь превращения — так сказать, *доброзлобие*, или хитрость

самого добра. «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2: 9). С этой точки зрения Всевышний не только всеблагий и всемогущий, но и *всехитрый*, каким и должен быть «ловец человеков» и «промыслитель судеб».

*Злобро, *Космопоэзис*, Реверсивность, Судьба, Теовитализм
Хитро-добрые: К вопросу о теодицее // Частный корреспондент. 8.2.2012.
Религия. С. 367–369.

ЭСХАТЕМА (eschateme; от греч. eskhatos, последний). Структурно-тематическая единица эсхатологического мышления; знамение конца мира в религиозном мировоззрении. Эсхатема обладает определенным набором дифференциальных признаков и сохраняет инвариантность в суждениях многих индивидов. Например, эсхатема «нарушение границы священного и мирского времени» может реализоваться в разных высказываниях о приметах конца света: «в праздники будут работать», «когда люди танцуют в ночь под воскресенье, черт смеется...», «церкви опустеют, превратятся в овощехранилища» и др.¹

Основной закон эсхатологического мышления — перевертывание традиционных культурных оппозиций, характерных для «нормального» состояния бытия. Приведем ряд этих оппозиций, и против каждой из них отметим соответствующие эсхатемы — суждения о признаках конца мира:

ОППОЗИЦИИ	ЭСХАТЕМЫ
1. Родное — чужое.	Сын восстанет на отца, брат на брата.
2. Мужское — женское.	У мужчины будет женский образ, а женщина будет как мужчина.
3. Детское — взрослое.	Дети будут мудрее взрослых.
4. Богатство — нищета.	Нищие станут богатыми.
5. Свобода — рабство.	Рабы восстанут на господ своих, и посмеется рабочий свободному.
6. Святое — нечистое	Попы неверные будут. Станут уже не как пастыри, а как волки...

С эсхатологической точки зрения в последнее время антиценность утвердится над ценностью, откуда и вытекает неизбежность прихода Антихриста, персонализирующего этот перевернутый мир. В отличие от мифологического мышления, следующего закону стадийного опосредования (медиации) противоположностей в поиске устойчивой гармонии мироздания (К. Леви-Стросс, Е. Мелетинский и др.), эсхатологическое мышление ориентировано на *катастрофический* исход времен и потому переворачивает противоположности. При этом возможна либо односторонняя трансформация («родные станут как чужие»), либо двусторонняя («мужчины станут как женщины, женщины как мужчины»). Противоречия здесь

¹ Эти и дальнейшие примеры эсхатем взяты из личных наблюдений Михаила Эпштейна и его записей во время комплексной археографической экспедиции по изучению старообрядчества в Житомирскую и Хмельницкую области УССР, август 1985 года.

не смягчаются путем стадийного опосредования крайних членов и нахождения промежуточных — но предельно заостряются: низшее становится высшим, чистое — нечистым, родное — чуждым, и т.п. Эсхатология, в отличие от мифологии, ориентирована не на вечное, пребывающее в мире, а на временное, имеющее свой предел, апокалиптический исход истории. Вместе с тем эсхатологическая модель резко отличается от *карнавальной* логики, которая переворачивает все общепринятые оппозиции в условно-ограниченном, игровом и смеховом пространстве, тогда как эсхатология распространяет эту структуру переворота на всю историю и видит в нем серьезнейшее и однократное событие конца мира.

*Исторема, Кенотип, Реверсивность, Событие, Сорванное сознание, Ухрония
Старообрядческий дневник // Символ. № 21. Париж: La bibliothèque Slave de Paris, 1989
(июль). С. 99–156.

ЛИЧНОСТЬ. ЭТИКА

Алмазное правило
Альтер-эгоизм
Амбипатия
Благоподлость
Воссознание
Двоечувствие
Доброверие, нравственность
Душевность
Душеедство, душеядность
Злобро
Контекстные отношения
Метаморфейя
Метапрактика
Микропсихология
Мультивидуум
Обратная перспектива в этике
Противозовие
Противочувствие
Психема
Психонавтика
Равнолюбие
Саморевность
Своеправие
Своечуждость, своечужие
Селф-эмоция
Симпсихоз
Совестники
Содобродетели
Стереоэтика
Страдость
Судьба
Суечислие
Суечувствие
Счастлица
Фатумология
Эгонавтика
Этика дифференциальная

АЛМАЗНОЕ ПРАВИЛО (diamond rule). Правило этики, согласно которому индивидуальность человека и уникальность его способностей определяют нравственный критерий поведения. Алмазное правило существует в нескольких формулировках: «Делай то, в чем нуждаются другие и чего на твоём месте не мог бы сделать *ни-*

кто другой». «Лучший поступок тот, в котором наибольшая способность одного отзывается на наибольшую потребность других».

Алмазное правило определяется по контрасту с общеизвестным золотым правилом, которое независимо формулировалось Конфуцием, еврейским мудрецом Гиллелем и Иисусом в Нагорной проповеди. «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Матф. 7: 12). В основе золотого правила лежит заменяемость нравственного субъекта: следует поставить себя на место кого-то другого; ты подлежишь как объект тем же самым действиям, которые производишь как субъект.

Однако все люди желают разного и способны к разному, а потому полная обратимость субъекта и объекта не может составить единственное основание этики. Все настоятельнее потребность исходить из абсолютной *единичности*, *незаменяемости* каждого нравственного субъекта. Таково учение апостола Павла о различии духовных даров: одному дается слово мудрости, другому — слово знания, третьему — вера, четвертому — дар исцеления, пятому — разные языки... «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил...» (1 Петра 4: 10)¹.

Именно это различие даров лежит в основании *алмазного правила* и **этики дифференциальной* (разностной), которую можно выразить в следующем принципе:

Поступай так, чтобы твои наибольшие способности служили наибольшим потребностям других людей.

Высшую нравственную ценность представляет именно мое отличие от других людей, отличие каждого от каждого. Проблески алмазного правила есть у Ф. Ницше: «...я расположен к таким моралям, которые побуждают меня... сделать это *хорошо*, настолько хорошо, как один я и в состоянии это сделать!»² М. Бахтин в своей «Философии поступка» строит этику «долженствующей единственности»: «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия — нудительно обязательна. Этот факт *моего не-алиби* в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка...»³ Нравственно — быть *для других*, но не *как другие*. *Уникальность*, а не только универсальность есть мера нравственного действия.

Тривиальный пример: если старик нуждается в помощи при переходе через улицу, то роль «уникального дара» обычно играет простое местоположение: тот, кто ближе всех к старику, тот первым и бросается ему помочь. В этом смысле дар — это не обязательно какая-то выдающаяся артистическая или интеллектуальная способность. Это такая способность морального субъекта по отношению к объекту морального действия, которая в данной ситуации превосходит способность других субъектов.

¹ Вообще теория даров — сравнительно мало разработанное направление христианской этики, хотя на этот счет есть евангельская притча о талантах и немало других увещаний. См., напр., Римл., 12: 6–8.

² Ницше Ф. Веселая наука, фр. 304.

³ Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 112.

Двойной, *алмазно-золотой* критерий нравственности предполагает свершение того, чего никто не мог бы совершить на моем месте, то есть меру индивидуального дара в сочетании с мерой всечеловеческой нужды. В «Архипелаге ГУЛАГ» (глава «Арест») А. Солженицын вспоминает с горечью, что при аресте у него не нашлось мужества сопротивляться, по крайней мере крикнуть, предупредить сограждан. «Почему же я молчу? почему ж я не просвещаю обманутую толпу в мою последнюю гласную минуту?» Оправдано ли было это молчание этически в данном единственном случае? Так закричать среди толпы в принципе мог всякий. А чтобы такой крик мог прозвучать на весь земной шар — для этого нужен был именно Солженицын, и не такой, каким он был в 1945 году, а каким он стал в 1960–1970-х годах, уже пройдя через 11 лет ГУЛАГа и годы литературного труда, в полную меру единственности своего литературного и гражданского дара...

Отсюда формулировка, отнюдь не отменяющая всеобщности золотого правила, но вставляющая в его «золотую оправу» драгоценный камень индивидуального дара, *алмазный* критерий единственности:

Делай то, чего на твоём месте могли бы желать другие, включая тебя, и чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя.

Лучшее действие то, которое согласуется с *потребностями наибольшего* и *возможностями наименьшего* числа людей; действие, объектом которого хотел бы стать сам деятель, но субъектом которого не мог бы стать никто, кроме него самого. Первый критерий — универсальность морального действия, второй — уникальность.

Действуй так, чтобы ты сам желал стать объектом данного действия, но никто другой не мог стать его субъектом.

Алмазное правило не заменяет собой золотого, но вырастает из него, определяя более конкретно нравственный вектор действия во множестве ситуаций. Причем значимость алмазного правила возрастает, когда нравственная ситуация усложняется и золотое правило оказывается чересчур общим.

*Всеразличие, Противозовие, Самое-самое, Содобродетели, Стереозтика, Этика дифференциальная

Стереозтика: Двойственность добродетели и «алмазно-золотое правило» // Знак. С. 745–760. *Возможное*. С. 246–255.

Humanities. P. 217–224.

АЛЬТЕР-ЭГОИЗМ (alter-egoism; от лат. alter ego, второе «я»). Эгоизм с обратным знаком, когда переживаешь за другого столько же или даже больше, чем за себя, воспринимаешь чужие успехи и неудачи как свои собственные. Альтер-эгоизм снимает противоположность эгоизма и альтруизма. Эгоизм — это себялюбие, своекорыстие, сосредоточенность исключительно на своих интересах в ущерб интересам других. Альтруизм — готовность бескорыстно действовать на пользу другим, жертвуя личными интересами. Альтер-эгоизм — это избирательный аль-

трусистический эгоизм (или эгоистический альтруизм), это готовность действовать ради тех, кого воспринимаешь как свое второе, иногда лучшее «я».

Ольга Племянникова из чеховского рассказа «Душечка» — характерный пример альтер-эгоизма. Она настолько отдает себя возлюбленным: театральному антрепренеру, лесоторговцу, ветеринару, а затем мальчику Саше, что начинает целиком жить их интересами и вкладывает в чужие дела больше души, волнения, любви, чем в собственные.

Альтер-эгоизм может проявляться в семейных отношениях, в любви, в дружбе. Обычно мы бываем альтер-эгоистами в отношении своих детей, родителей, близких. Порой альтер-эгоизм связывает учителя и ученика, лидера и его последователей, кумира и его почитателей. Изредка бывает и так, что нашим альтер-эго становится совсем чужой человек и на него посредством острой эмпатии распространяется совместная сила нашего эгоизма и альтруизма.

*Вочеловечение, Равнолюбие, Своечуждость

Дар. Вып. 291. 21.11.2011.

АМБИПАТИЯ (ambipathy). Сочетание симпатии и антипатии, влечения и отталкивания. *Амбипат* — человек, разрываемый противоположными чувствами и стремлениями. Одно из ранних выражений амбипатии как свойства самознательной личности — у Г. В. Катулла:

Я ненавижу тебя и люблю. Почему же? — ты спросишь.

Сам я не знаю, но так происходит, и мучаюсь я.

Для Дмитрия Карамазова у Достоевского человек «слишком широк», его одинаково влекут две бездны: верхняя и нижняя, идеал Содомы и идеал Мадонны. Персонажи Достоевского (возможно, и сам автор) — яркое проявление этой общечеловеческой амбипатии.

*Амби-, Двоечувствие

Дар. Вып. 66. 19.5.2003.

БЛАГОПОДЛОСТЬ (benemalence¹; по аналогии с «благоглупость»). Подлость, совершаемая с «благими намерениями», принимаемая или выдаваемая за нечто полезное и благотворное; «подлость во спасение» (как бывает «ложь во спасение»).

Как инструмент подмены понятий и морального насилия, казуистика благоподлости используется тоталитарными и фундаменталистскими идеологиями. К этой этической категории, превращающей добро в зло или оправдывающей зло добром, можно отнести призыв «железной рукой загнать человечество к счастью» и оруэлловские «министерство правды» и «министерство любви». Литературные образы благоподлости — Великий Инквизитор у Достоевского, Иудушка Головлев у М. Салтыкова-Щедрина. Подробнее см. Введение.

¹ Benemalence (well-intended meanness), от лат. bene, хорошо + male, плохо; по аналогии и контрасту с benevolence, благожелательность.

*Выверт, *Злобро*, Оксюмороним, *Святобесие*
Дар. Вып. 112. 24.1.2005.

ВОССОЗНАНИЕ (ecognition, ecological + cognition). Восстановление в сознании того, что предшествует сознанию и делает его возможным; этическая и экологическая процедура воссоздания изначальных условий культуры по мере исторического удаления от них.

Например, воссоздание внутри текста его чистого фона, выраженное знаком *« », — это возврат языкового сознания к своему изначальному условию, долг, возвращенный пишущим той основе, на которую наносятся знаки. Этика включает в себя категорию *возвратности*: не буквальное возвращение к началу, а сознательное воссоздание начала по мере исторического удаления от него.

Этика взаимоотношений текста и « » может моделировать и другие аспекты нашей сознательной деятельности. Молчание — это *воссознание* истоков речи, той тишины, которая делает ее возможной. Пост, воздержание от пищи — воссознание истоков питания. Воздержание от дыхания и сознания в медитации, в йоге — воссознание условий нашего физического и ментального бытия. Особенность воссознания — избирательная соотнесенность каждого вида деятельности со своим собственным основанием, которое жертвенно устраняется в том, что основывает. Воссознание есть актуализация внутри сознания (письма, речи, действия...) предвещающих его и внеположных ему условий (чистоты, безмолвия, покоя, немыслия...).

Приставка «воз-» («вос-») имеет в русском языке два значения, одинаково важных для понимания термина «воссознание». «Воз-» — совершение действия заново, восстановление начального условия (например, «возвращение», «возрождение», «воссоздание»); и направленность вверх, поступательное, восходящее действие («возведение», «возвышение», «вознесение»). В этом двойном значении «воз-» предполагает круговой ход, возвращательно-поступательное движение. Воссознание — *вос-становление* того, что предшествует сознанию и делает его возможным и одновременно *вос-хождение* на новую ступень сознания. В экологическом смысле воссознание — не возврат к природе (что было бы разрушительно для культуры), но поступательное движение самой культуры, сохраняющей, спасающей природу в себе и для себя.

*« », *Вочеловечение*, *Воязыковление*, *Экология текста*,

« »: *Наброски к экологии текста // Комментарии*. М.—СПб., 1997. № 13. С. 3–41.

Знак. С. 214–216.

ДВОЕЧУВСТВИЕ (doublefeel; ср. doublethink, двоемыслие). Раздвоение чувств, эмоциональная амбивалентность. Порой об опасности впервые узнают, когда она уже миновала, и тогда испытывают сразу и ужас, и радость. Такие «распялки чувств» не исключение, а скорее правило. Они постоянно сопровождают нашу жизнь: мы есть, а могли бы и не быть (не родиться, умереть в детстве, попасть вчера под автобус). Если постоянно «распяливать» себя на этом двоечувствии, вырастет субъективно переживаемая ценность жизни, но эмоциональная перегрузка оказывается слишком высока.

Двоечувствие приобретает философский характер, когда направлено на мироздание в целом. Научное открытие новых физических законов, параллельных вселенных и т.д. может вызывать у человека двойственное чувство: затерянности, одиночества, космической агорафобии — и вместе с тем радости познания, духовного овладения мирозданием. «С помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, а вот с помощью мысли я охватываю Вселенную» (Паскаль, «Мысли»). Эстетическое двоечувствие — слитное переживание радости и страдания при восприятии великих произведений искусства (**страдость*). Двоечувствие — схождение и взаимоуничтожение противоположных аффектов — отозвалось в аристотелевском понятии катарсиса, получившем дальнейшее развитие в психоанализе и в «Психологии искусства» Л. Выготского.

*Амби-, Амбипатия, Катарсис мысли, Противочувствие, Селф-эмоция, Страдость, Филофилия, Филофобия, Чувства философские

ДОБРОVERИЕ (good-belief), **НРАВСТВЕННОСТЬ** (ethicocentrism). Этически центрированное мировоззрение, которое верит в силу и необходимость добра, отвергая социальные или религиозные мотивы нравственного действия. С этой точки зрения добро не нуждается ни в каких оправданиях и не может быть «системным». Любые доктрины и идеологии, освобождая одних, закабаляют других; провозглашая добро, творят неизмеримо больше зла. Одна система клеймит верующих, другая — безбожников; одна превозносит нацию, другая — класс... Где система добра, там наибольшее зло. Добро всегда творится по частностям, вне системы, оно вспыхивает в слабом человеческом сердце и гаснет, когда его массово пытаются навязать людям. Человек выживет только благодаря не приметной, от сердца к сердцу вспыхивающей искорке добра: от одного к другому, минуя общности, союзы, партии, религии, классы.

Религия тоже делает невозможным подлинное добро, помещая его в цепь заслуг и воздаяний. Если человек знает, что за доброе дело ему положена будет награда, да еще вечная, то это уже не добро, а банковский вклад с процентами. Как работающие отчисляют себе от заработков в пенсионный фонд, так верующие от своих пожертвований — в фонд будущей жизни: религия — право на распоряжение посмертным капиталом. В потусторонних расчетах нуждаются только люди слабые, еще не имеющие сил совершать добро бескорыстно. Все религии мира — предыстория к подлинному добротолению. Человечество нуждалось в иллюзиях, чтобы закрепить в себе привычку к добру, сделать его душевной потребностью. По мере того как вера в добро созревает, она отпадает от религиозных корней.

Вместе с тем доброверие выступает и против атеизма. Атеисты, чтобы обосновать свою позицию, хотели соперничать с Богом и доказать свою власть над судьбой, убивали себя или других, как у Достоевского или Камю. Доброверие говорит: совершите добрый поступок без причин и без цели, без близкого расчета и дальнего умысла, без выгоды и без надежды — и вы подлинно начнете новое. У Бога, как считается в богословии, есть два главных атрибута: всемогущество и всеблагодать. До сих пор атеизм опирался лишь на один атрибут, отнятый у Бога и присвоенный человеку, — всемогущество. Доброверие выбирает всеблагодать и соглашается быть в немощи. Атеизм как система господства и насильственного

«добра» изжил себя и оказался еще более враждебным человеку, чем предыдущие религии. Человек, взяв себе от Бога могущество, только и смог что понастроить концлагерей и систем для собственного порабощения.

Согласно доброверию, со временем кончается атеизм Силы — начинается атеизм Добра. Человек не приобретает прав Бога: казнить или миловать, карать или прощать, — но приобретает лишь милосердие Божие: всегда прощать. Он отказывается от наследия власти и приобретает лишь наследие милости. С точки зрения доброверов, в этом и только в этом Сын превосходит Отца; он взял у Отца Его милость и оставил Отцу Его власть. Все внешнее человеку: и силы небесные, и власти земные, и собственная плоть; и лишь добро — внутреннее человеку. Кончаются и гаснут религии, народы, партии, государства — и тогда остается Добро: вовек не уничтожимое, в себе самом пребывающее. В добре отдельный человек становится человечеством — в нем все, в нем другие.

Доброверие близко к движению «спонтанной доброты» (random acts of kindness), возникшему в США в 1990-е годы как практика «неумышленных» добрых дел в конкретных ситуациях повседневной жизни.

**Бедная вера, Вочеловечение, Всечеловечество, Злобро, Потенциальные сообщества, Советские, Советники, Трансконфессиональное и трансрелигиозное Сектантство. С. 98–104. Cries. P. 105–112.*

ДУШЕВНОСТЬ (soulfulness). Мера деятельности души, интенсивность ее проявления в личности и в межличностном общении.

«Душа» — едва ли не самое запретное слово в гуманитарных науках, да и в самой психологии начиная примерно с середины XIX века, когда восторжествовал дух «научности»: естественно-научный, физиологический медицинский подход к душе как иллюзорному проявлению нервных или мозговых процессов. Возникнув как наука о душе, психология пришла к забвению своего начального, наукообразующего предмета, оказавшегося «вненаучным». По словам В. П. Зинченко, «психологи не отрицают существования души, но воздерживаются от ее изучения, стараются избегать щекотливых вопросов о ее природе, передают *душу* и *дух* по ведомству философии, религии и искусства. Утрата души для психологии не проходит бесследно, она расплачивается за нее перманентным кризисом, доминантой которого является неизбывная тоска по целостности душевной жизни»¹. На место души, как центральное объяснительное понятие, психологи попытались поставить «рефлекс», «реакцию», «гештальт», «ассоциацию», «бессознательное», но ни одно из них не может заменить целостного и по сути неразложимого понятия «душа».

Еще Аристотель полагал, что «добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего» («О душе», кн. 1, гл. 1). Прежде всего, душевность нужно отличать от эмоциональности, когда человек живет, действует, говорит не рационально, а с полным вложением чувств (страдает от любви, бурно восхищается, негодует). Эмоции могут обжигать, если они голые,

¹ Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.—М., 2003. С. 150–151.

несдержанные — обжигать гневом, желанием, любовью, ненавистью. Но душевность, в отличие от страстности, не бывает обжигающей, она только согревает, сдерживает и укрощает внутренний огонь, превращает его в тепло, поскольку не просто выражает себя, но открывает в себе место для другого. Отсюда и такое свойство душевности, как участливость, участие в жизни другого хотя бы вниманием, но также и пониманием, сопереживанием, советом; способность воодушевлять и даже вдохновлять, то есть делиться с другим силами своей души и духа.

Нужно отличать душевность от доброты. Есть немало добрых людей, готовых многое сделать для ближнего, поделиться насущным, пустить беженцев, усыновить сирот, испортить себе жизнь этим соучастием в чужих бедах, подчиняясь чувству личного или гражданского долга, — и тем не менее душевностью они не отличаются, напротив, могут при всем этом быть сухими, замкнутыми, даже жесткими по характеру.

В душевном человеке ощутима его открытость душе другого, готовность вбирать ее состояния и делиться своими. Но душевность нельзя путать с общительностью, экстравертностью. Человек необщительный, замкнутый, погруженный в себя, интроверт тоже может быть душевным. Его часто посещают лирические состояния, которые уводят его далеко от реальности и от определенной внутренней темы. Он любит замечтаться, задуматься. Душевный интроверт часто входит во внутреннее общение с другим человеком, мысленно пребывает с ним в одном пространстве.

Таким образом, душевность может быть экстравертной и интровертной, причем сочетаясь в одном человеке. Душевность проявляется вовне как *симпатия*, способность сопереживать другим людям, принимать близко к сердцу их беды и радости и доверять им свои; а внутренне — как *лиризм*, способность сливаться с природой или искусством, выходить за границы своего «я», за пределы места и времени, уноситься к чему-то или кому-то дальнему. Душевность — это подвижность внутренней жизни, которая не ставит преграды между своим и чужим, между «я» и миром, которая склонна отвлекаться от дела, от понятия, от истины и пользы. По словам Новалиса, «место души там, где соприкасаются внешний и внутренний миры, где они проникают друг в друга. Оно в каждой точке проникновения». О том же и Гегель: «Душа есть нечто всепроникающее, а не что-то существующее только в отдельном индивидуе»¹.

Наиболее наглядно, без декларативности и рефлексивности, выразилась душевность у А. Пушкина, в таком хрестоматийном его стихотворении, как «Зимний вечер»: «Выпьем, добрая подружка / Бедной юности моей, / Выпьем с горя; где же кружка? / Сердцу будет веселей». Переживание собственного горя, жалость к своей «бедной юности» — и вместе с тем жалость к няне, «доброй подружке», попытка ее развеселить — и, наконец, надежда на общее утешение и веселье. В одном этом четверостишии выразились все основные свойства душевности:

- лиризм: «моя бедная юность»;
- симпатия: «добрая подружка»;
- соединение того и другого, общительное соединение двоих в надежде преодолеть уныние и скорби, вместе обрести сердечное веселье: «выпьем с горя; где же кружка? сердцу будет веселей».

¹ Большой психологический словарь. Цит. изд. С. 152.

Душевность особенно оголяется в условиях экзистенциальных тревог, житейской неустроенности, социальных потрясений, когда индивид силой внешних или внутренних обстоятельств выбивается из ячейки своего замкнутого существования. Об этом говорит одна из самых душевных героинь русской литературы — Лара в «Докторе Живаго» Б. Пастернака: «Все бытовое опрокинуто и разрушено. Осталась одна небытовая, неприложенная сила голой, до нитки обобранной душевности, для которой ничего не изменилось, потому что она во все времена зябла, дрожала и тянулась к ближайшей рядом, такой же обнаженной и одинокой» (ч. 13, гл. 13).

Душевность нельзя путать с духовностью. Разница между ними ясно выражена в персонажах Л. Толстого: княжна Марья Болконская — духовна, Наташа Ростова — душевна. Князь Андрей Болонский — духовен, Николай Ростов — душевен. Вообще все семейство Болконских более духовное, а семейство Ростовых — душевное.

С религиозной точки зрения обычно считается, что духовность — категория более высокого порядка, чем душевность. Дух — богодухновенное начало в человеке, тогда как душа, хотя и сотворенная Богом, принадлежит земной природе. Сначала Бог вдунул в первочеловека Адама душу. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт., 2: 7). Но сам Бог пребывает един в трех лицах, одно из которых — Дух Святой; именно Дух Божий носится над водою при сотворении мира, и именно Духа Утешителя посылает людям второй и высший Адам, Богочеловек, перед своим вознесением¹. При сопоставлении душевного и духовного часто ссылаются на ап. Павла: «сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий». Но из такого возвышения духовного над душевным вовсе не следует, что одно поглощается или замещается другим, что душевность в человеке должна раствориться в духовности. На это указывает следующий стих первого Послания к Коринфянам: «Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное».

Человека подстерегает большая опасность, если в своем устремлении к духовному он упразднит в себе душевное. Сатана духовен, но не душевен. Образцы такой холодной, мрачной, демонической духовности, которая преодолевает душевность как «человеческое, слишком человеческое», можно найти у М. Лермонтова, Ф. Достоевского, Ф. Ницше, Вл. Соловьева («Повесть об Антихристе»), А. Блока. Попытки лермонтовского Демона, «духа изгнания», слиться с душевно-телесным существом Тамары обрекают ее на смерть, а его на вечное проклятие. «Гордый дух / Презрительным окинул оком / Творенье бога своего». Гордость и злость — это преимущественно свойства духа, а не души, что интуитивно выражается в языке: словосочетания «злой дух» и «гордый дух» встречаются на порядок чаще, чем «злая душа», «гордая душа». Николай Ставрогин или Иван Карамазов у Достоев-

¹ Согласно библейским воззрениям, у человека есть две души: *нефеш* и *нешама*. Нефеш — от земли, и он ее разделяет со всеми живыми тварями, это душа пребывает в крови, как живительная сила. Нешама — от Бога, вдунута в человека и отличает его от всех живых тварей, внутреннее просветляет его лицо, да, собственно, и отличает лицо от звериной морды.

ского — глубоко духовные существа, но, лишённые душевности, отвергнувшие «дыхание жизни», они кончают смертью или безумием.

Есть духовность высей и духовность бездн, «идеал Мадонны» и «идеал Содомы». Но душевность не может быть идеалом. Душевность — это не цель, но начало, отрыв от которого делает невозможным движение к высшему, точнее направляет человека в другую сторону — к падению в бездны духа.

*Глубина, Душеедство, *Живосердечие, Обаяние, Психонавтика*
 О душевности // Звезда. 2006. № 8. С. 208–216.
 Тайна обаяния // Звезда. 2014. № 6. С. 216–222.

ДУШЕЕДСТВО, ДУШЕЯДНОСТЬ (animovorous, soul eating; ср. плотоядный, carnivorous). Психологическая воля к власти, стремление подчинить себе чужую душу и присвоить ее витальность. Признак *душееда*: вкрадчивый, испытующий подход к человеку, стремление войти в доверие, расположить к себе, вызвать на откровенность, забота о чужих душах больше, чем о собственной. Миссионеры и проповедники-душееды сами насыщаются тем пылом, верой, энтузиазмом, который вызывается их проповедью.

Образ душееда встречается в африканском и карибском фольклоре и часто сопряжен с мотивами зомбирования и черной магии. Сходные мотивы есть и в славянских народных поверьях, отраженных у Гоголя («Страшная месть», «Вий»). Классический душеед — подпольный человек Достоевского, для которого «дружба» — это опыт поглощения чужой души и воли: «...я хотел неограниченно властвовать над его душой... Я испугал его моей страстной дружбой; я доводил его до слез, до судорог; он был наивная и отдающаяся душа... он и нужен был мне только для одержания над ним победы, для одного его подчинения». Формы душеедства могут варьироваться от агрессивно-истязательных (Иудушка Головлева у М. Салтыкова-Щедрина) до кротко-деликатных (графиня Лидия Ивановна в «Анне Карениной» Л. Толстого). В новелле «Марио и волшебник» Т. Манн показывает, как душеедство в виде магически-политической манипуляции может воздействовать на целое общество.

*Душевность, *Психократия, Психонавтика, Симпсихоз*

ЗЛОБРО (goodevil; зло + добро). Добро, переходящее в зло; насильственное или лицемерное добро, которое оборачивается злом. Злобро — ирония превращения добра в зло, которая заложена в самой бинарной структуре совместного познания «добра и зла».

Злобрым (или даже умильно *злобреньким*) можно назвать щедринского Иудушку Головлева, который своими елейными словесами гноит ближних. Злобро было настойчивым мотивом советской идеологии, которая проповедовала «революционную нравственность», «насилие во имя добра» («добро должно быть с кулаками»). Примеры злобра — оруэлловские лживо-пропагандистское «министерство правды» и гэбистски-гестаповское «министерство любви».

На первый взгляд, добро выступает как антипод зла, но глубинно они взаимосвязаны, о чем повествует библейская притча о грехопадении. Одновременное

«познание добра и зла» с запретного райского древа обнаруживает их неразрывность. Великий Инквизитор желает добра своим подопечным, облегчая им бремя свободы — и ведя насильственно ко всеобщей сытости. Самые страшные преступления против человечества, творившиеся тоталитарными режимами, оправдывались стремлением к «добру для всех», как оно понималось Лениным и Сталиным или Гитлером и Мао Цзэдуном. Злобро запрограммировано в механизме политических систем, которые, возвышая одних: богатых или бедных, рабочих или аристократов, — унижают других: бедных или богатых, аристократов или рабочих... Личности не приходится ждать пощады от философско-политических машин добра, рассчитанных на массовое действие, на «благодеяние миллионов».

**Благодолость, Выверт, Гипер-, Ирония, Оксюмороним, Реверсивность, Святобесие*
Добро и зло в зеркале русского языка // Континент. № 132. 2007. С. 369–382.

КОНТЕКСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (contextual relationship). Глубоко личные по сути отношения, такие как дружба или любовь, которые оказываются зависимыми от ситуации, от житейского контекста. Например, контекстом, задающим дружбу, могут быть соседство, совместная работа или учеба, политические, профессиональные или религиозные интересы. Настоящая дружба не сводится к отдельным интересам, она связывает двух личностей более глубоко и многообразно: они делятся самым важным и задушевным, во всем поддерживают друг друга. Однако во многих случаях стоит таким друзьям, например соседям или сослуживцам, разъехаться на какое-то время — и дружба между ними прекращается, они не испытывают потребности поддерживать эти отношения за пределом того времени или места, которое их сблизило. Потом снова съезжаются — и начинается новый период частых встреч, откровенности, душевных излияний. Такова *контекстная дружба*: люди искренне дружат, когда что-то наружное их связывает, и не дружат, когда эта связь обрывается.

В *контекстной любви* страсть, нежность, ревность, вдохновение тоже оказываются зависимыми от ситуации. Об этой ломке чувств при перемене контекста — некоторые рассказы Юрия Казакова. «Осень в дубовых лесах»: она приезжает к нему в столицу из Поморья, где началась их любовь, но без белых ночей и вдали от моря они перестают чувствовать друг друга. «Адам и Ева»: москвичи, художник и студентка, потянувшись друг к другу, уезжают на далекое озеро, в северную глушь, в рыбацкие поселки, и там оказываются не просто чужими, но враждебными друг другу: отношения не выдерживают смены контекста.

В современной философии сознания внешние предметы и знаки, например книги, компьютеры, списки контактов в записной книжке, часто рассматриваются как расширительные компоненты самого ума («extended mind»)¹. В принципе не столь уж велика разница, в памяти или в телефоне содержатся адреса? Смартфон играет функционально ту же роль, что и клетки мозга; можно рисовать схему, чертеж в уме — а можно на экране. С этой, когнитивной точки зрения мозг, по-

¹ См., напр., Энди Кларк и Дэвид Чалмерс о расширенном уме: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/courses/concepts/clark.html>

нятый функционально, а не субстанционально, включает в себя информационные источники из окружающего мира. Можно распространить эту теорию и на область чувств и личных отношений, предметный контекст которых является расширением нашего «сердца» (то есть нейробиологии эмоций). В этом случае мы не только мыслим посредством блокнота или компьютера, но и *чувствуем и вступаем в отношения* посредством тех ландшафтов, городов, зданий, интерьеров, которые окружают нас. Для соседей дружба включает их общую улицу или город; для влюбленных то место, где они привыкли встречаться, — тоже часть их отношений. Когда же изменяется обстановка, контекст, то это — как отмирание части расширенного мозга.

Вместе с тем очевидно, что по мере углубления дружба и любовь становятся *надконтекстными* или *всеконтекстными*. Людей объединяет не море, не побережье, не город, а вселенная, где они родились и встретили друг друга: трудно найти «другую вселенную».

Контекстную дружбу или любовь можно рассматривать как (1) парадокс, противоречие в понятиях; (2) когнитивную проблему «расширенного восприятия» или «дополненных эмоций»; (3) этическую проблему, свидетельство глубокой волатильности человеческих отношений или плюральности самой личности (**мультивидуум*).

*Альтер-эгоизм, Любовь, Мультивидуум

МЕТАМОРФЕЙЯ (*metamorpheia*; от *Morpheus*, Морфей, бог сновидений в греческой мифологии; греч. *morphe*, форма, фигура; ср. «метаморфоза»). Перевоплощение из сна в сон, обратимость яви и сна; представление о бытии как о множестве переплетенных сновидений. Следуя аналогии сна и смерти, метаморфейя может рассматриваться как метемпсихоза (реинкарнация), только происходящая внутри жизни.

Пример *метаморфейи* — в притче китайского философа-даосиста Чжуан-цзы о том, как он видит себя во сне бабочкой, которая в своем сне видит себя Чжуан-цзы. И хотя между философом и бабочкой, несомненно, есть различие, нельзя с достоверностью установить, кто кому снится. В европейской традиции метаморфейя находит выражение у Шекспира: «Мы созданы из вещества того же, / Что наши сны. И сном окружена / Вся наша маленькая жизнь» («Буря»), у Кальдерона в пьесе «Жизнь есть сон»; у Э. По: «Все, что мы видим и чем кажемся, — не есть ли только сон во сне?» («Сон во сне»); у Лермонтова («Сон»). Метаморфейя может иметь смеховой, карнавальный эффект, как у Достоевского, где в снах персонажей переворачивается роль, присвоенная ими в яви. Нескончаемость сновидений, обесмысливающих реальность, толкает на самоубийство Свидригайлова.

Метаморфейя может иметь кольцевую или разомкнутую структуру, выпускать в явь или бесконечно сворачиваться в себя. В этом отношении противоположны А. Платонов и В. Набоков. По Платонову, «не существует перехода от ясного сознания к сновидению — во сне продолжается та же жизнь, но в обнаженном виде» («Чевенгур»). Сон не мешает действиям персонажей: это спящие воины, которые не осознают реальности мира, но упорно действуют в нем, сражаются,

трудятся, строят новую жизнь, не приходя в сознание. Набоков, наоборот, старается зафиксировать момент, когда его персонажи осознают себя или окружающий мир «снящимся»: «В хорошем сне мы живем, — сказал он ей тихо. — Я ведь все понял». Он посмотрел вокруг себя, увидел стол и лица сидящих... и с большим облегчением добавил: «Значит, и это тоже сон? Эти господа — сон? Ну-ну...» («Защита Лужина»). Это сон пассивный, гипнотический, завораживающий — но отсюда и возможность проснуться, которой лишены герои Платонова.

Метаморфея происходит и в обыденном опыте, когда в миг пробуждения люди не сразу осознают, какое из сновидений оказывается явью и не является ли она сама очередным сновидением.

* Ирреалия, Нега-, Не-небытие
Ирония. С. 226–237.

МЕТАПРАКТИКА (metapRACTICE). Практическая жизнь как поле метафизических действий; медитация, включенная в деятельность; система поступков, обладающих свойствами метафизического высказывания.

Метафизика — это дисциплина осмысления основ бытия, первичных сущностей мироздания. Наряду с метафизикой как наивысшим умозрением о «сущем как таковом» возможна и метафизика действий, конкретных поступков. Метапрактика — это выполнение самых обыденных, житейски необходимых действий как условий решения метафизических задач. Метапрактика — это *жизнь вдвойне*, ее цель — *много жизней, прожитых внутри одной*, то есть параллельное наложение многих смыслов на один и тот же поступок, метафизическое насыщение физического действия.

Обычно медитация предполагает уединение, созерцательность, отрешение от повседневной практики, сосредоточение на своем внутреннем «я», отключение от всех внешних, отвлекающих обстоятельств. Характерный отрывок из суфийского трактата: «Для медитации суфию следует: 1. Совершить ритуальное омовение. 2. Надеть мягкую и легкую одежду и расстегнуть пуговицы, чтобы тело было полностью расслаблено. 3. Сидеть на полу или на земле. 4. Воздерживаться от движения. 5. Держать глаза закрытыми. 6. Затворить окно мысли и воображения...» и т. д.¹ Суфийская медитация — это разрыв с привычным состоянием бодрствующего человека: от него требуются особая поза, неподвижность, отключение зрения и слуха. Это ситуация прекращенной жизни, тогда как метапрактика — медитация *внутри продолжающейся жизни*, более того, медитация *посредством зрения и осязания, посредством движения и действия*. Задача метапрактики не в том, чтобы отказаться от обычных действий, а в том, чтобы отрефлектировать их в контексте бытия как целого.

Метапрактика, в отличие от трансцендентной медитации, — это стратегия обращенности к абсолютному из любого положения, в которое нас ставит жизнь.

¹ Нурбахш Дж. Рай суфиев (1979) / Пер. с англ. Л. Тираспольского. М., 1995. С. 64. Примерно такова же и основанная Махариши Махеш Йоги и широко распространенная в странах Запада трансцендентальная медитация (ТМ), которую практикуют сидя с закрытыми глазами 15–20 минут утром и вечером.

Каждое действие, даже самое обыденное, может стать притчей о призвании человека, о его вечном уделе: сеять зерно, разливать вино, пасти скот, ловить рыбу, жаждать и насыщаться, трудиться и праздновать... Традиционное противопоставление медитации и практики преодолевается метапрактикой, для которой даже стояние в очереди есть упражнение в метафизике времени и чисел, этике стойкости и терпения.

К метапрактикам можно отнести метафизических экспериментаторов Достоевского, таких как Иван Карамазов, Раскольников или Ставрогин, тех, кому «не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Само это противопоставление чуждо метапрактике, поскольку *практическая цель не противопоставляется метафизической*, и даже самое маленькое действие — не на миллион, а «на копейку» — тоже имеет свойство разрешать какую-то мысль или вопрошать о ней. Например, бросать рубль каждому нищему, встреченному на пути, или поливать цветы в засушливый день может быть выражением целой философии жизни.

Метапрактика определяет, насколько эта притчеобразность собственных действий осознается нами, насколько мы воспринимаем и переживаем второй план своего бытия, более того, формируем свои будни по образу притчей, как значимый текст. Тогда, выстояв в очереди за продуктами или вскопав огород, то есть совершив ряд житейских поступков, мы чувствуем, что создали некое произведение в жанре метапрактики, которое отличается смысловой законченностью. Это может быть одно предложение — афоризм или несколько мыследействий, образующих тезисы трактата. С семиотической точки зрения жизнь — текст, состоящий из поступков, продиктованных житейской необходимостью, но по смыслу к ним несводимый, иносказательный. Метапрактика расширяет значение повседневных действий, помещает их в бесконечно растяжимый смысловой континуум: от крошечных деталей повседневности до понимания вселенной и своего места в ней. Метапрактика соотносится с **действиями философскими*, но если последние совершаются сознательно в контексте определенного мировоззрения, но метапрактика — это совокупность самых простых, житейских практик, которые «задним числом» осмысляются как философский текст.

**Действия философские, Жизнь как тезаурус, Мудрость, Мыследействие, Тривиалогия
Знак. С. 707–711.*

МИКРОПСИХОЛОГИЯ (micropsychology). Исследование психических микрообъектов и микропроцессов: микроэмоций, микрочувств, микронастроений, которые по длительности и интенсивности отличаются от соответствующих макропроцессов. Микропсихология стоит в ряду таких научных дисциплин, как физика микромира, микросоциология, микроэкономика, которые исследуют первичные, наименьшие элементы природных и общественных явлений. У психических явлений есть свои элементарные частицы, «кванты». Таковы, например, внезапные и мгновенные «уколы» радости, единения с миром и постижения истины, которые изредка переживаются в потоке будничных состояний — «просветление», «озарение», «прозрение», «эпифания», «сатори». Практически для каждого чувства и состояния можно выделить его первоэлемент: микроэмоцию, микроаффект, микрочувство, микронастроение.

Особый интерес для микропсихологии представляют «рефлексивные» эмоции, направленные на самих себя (*селф-эмоции), такие как *хитрость желания, где самый элементарный инстинкт (половой) опосредуется волей и сознанием.

Микропсихология изучает элементарные *психемы на всех уровнях, причем остается в рамках субъективного опыта и стремится найти для него общезначимое основание внутри сферы собственно психического. Микропсихология использует методы интроспекции и *интерспекции* (interspection), то есть сравнительного анализа разных личностных опытов самонаблюдения.

Этим микропсихология как гуманитарная дисциплина отличается от *нанопсихологии* (nanopsychology), которая работает с еще более дробными психическими микрообъектами, переходящими в физические микрообъекты, вплоть до квантовых структур нейронов. Нанопсихология выходит на уровень психики, связанный с физикой и химией мозговых процессов, и пытается решить «трудную проблему» сознания на путях преодоления декартовского дуализма психического и физического.

*Микрометафизика, Микроника, Психема, Селф-эмоция, Хитрость желания

МУЛЬТИВИДУУМ (multividual; лат. multum, много + лат. individuum, индивид). Индивид, разнообразные «я» которого могут иметь самостоятельные воплощения, сохраняя при этом общее самосознание.

Современная цивилизация все еще онтологически бедна: подавляющее большинство объектов и субъектов имеют только одну форму существования. Разум существует в форме биологического вида homo sapiens и только начинает осваивать альтернативную форму (компьютерно-электронную). Каждый человек существует внутри биоформы, предзаданной ему природой, и не может ее менять по своей воле — за исключением редких случаев перемены пола. Дальнейшее развитие цивилизации ведет от универсума к мультиверсуму (**многوميрие*), включая умножение альтернативных способов существования каждого индивида как *мультивидуума*, способного выбирать для себя разнообразные формы воплощения. Подобно тому как одна и та же информация может передаваться в виде устной речи, записи от руки, печатного текста, двоичного цифрового кода, аналоговой копии, так любой индивид, любой вид существования сможет менять свою форму, создавать множественные варианты себя («аватары», «клоны»). Все формы существования становятся более пластичными, включая полиморфность человеческого тела.

Еще в 1970-е годы психологи отметили появление «протеического» типа личности, сочетающей в себе свойства разных индивидов (**протеизм*)¹. Это не шизофренически расколотая, а богатая, многоролевая, «многосамостная» личность, которой тесно в рамках одного «я». Такая множимость «я» всегда наблюдалась в актах художественного творчества, когда личность условно, на сцене или в романе, перевоплощалась в других. «Я противоречу себе? Прекрасно, значит, я противоречив. Я велик, меня — миллионы (multitudes)» (Уолт Уитмен).

Если человеческой личности тесно в рамках одного «я» и одного тела, то с развитием технологий эти множественные «я» могут обрести не только образно-

¹ *Lifton R. J. Boundaries: Psychological Man in Revolution. New York: Vintage, 1970.*

символические воплощения, но и самостоятельные тела, связанные между собой невидимыми нитями синергий и симпатий. Они будут обладать физически той «неслиянностью и нераздельностью», какой сейчас обладают психически, как разные «я» одного индивида. Если биовид воплощается во множестве особей, то и индивид станет своего рода «психовидом», на основе которого посредством нейронно-когнитивных, компьютерно-информационных, биологических и нанотехнологий будут создаваться разнообразные организмы, обладающие сложным единством внутренней жизни, сознанием своего общего «я».

Мультивидуум сможет выступать в разных материальных облициях и социально-профессиональных ролях — и одновременно осознавать единство своей судьбы и моральной ответственности. Все его воплощения будут сомыслить и содействовать друг другу, хотя между ними не исключены ревность и соперничество, подобно тому как поэт может ревновать читателей к себе, к своим прежним произведениям (**саморевность*). Творчески сильная, вдохновенная личность сможет населять целые миры своими множимыми «я». Тогда все искусство прошедшего и настоящего будет осмыслено как условно-знаковое предварение многомирного бытия мультивидуума.

* *Всечеловек, Гиперавторство, Многомирие, Мультикосмизм, Персонажное мышление, Прото-, Протеизм, Своечуждость*
Знак. С. 144–146.

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ЭТИКЕ (reversed perspective in ethics). Представление о том, что каждый человек должен испытывать чувство вины не только за свои прегрешения, но и за грехи других, а в перспективе за всё и за всех. Этот принцип опирается на библейский мотив первородного греха человечества, который соразделяется всеми потомками Адама и Евы. В монашеской практике это правило выражено Аввой Дорофеем (Поучение седьмое. «О том, чтобы укорять себя, а не ближнего»¹), а наиболее ясно и универсально — старцем Зосимой в «Братях Карамазовых» Ф. Достоевского: «воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват». «Чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват».

Зосима не приводит теоретических доводов, которые подтверждали бы эту взыскательную мысль, но она подтверждается сюжетом и структурой всего романа. Дмитрия Карамазова приговаривают к каторге за отцеубийство, которого он не совершал, и он вынужден взять на себя вину Смердякова. Однако Дмитрий вовсе не безвиновен: ему снится дитя, которое плачет от голода, и он понимает, что должен пострадать за дитя. И действительно, Илюша Снегирев заболел оттого, что стал свидетелем избиения Дмитрием его отца и не смог снести этого унижения. Однако и сам Илюша тоже не без вины, он пытался убить собаку из любопытства и прельщенности злом. Но виноват не только он, но и лакей Смердяков, подговоривший его к такой жестокой забаве. Однако и сам Смердяков виноват лишь отчасти, поскольку мысль об отцеубийстве подсказывает ему Иван. Сам же

¹ http://www.pravoslavie.by/page_book/pouchenie-sedmoe-o-tom-chtoby-ukorjat-sebja-a-ne-blizhnego

Иван, уже мешаясь в рассудке, берет на себя целиком вину за отцеубийство, хотя только косвенно, «интеллектуально» причастен к нему. Роман построен именно как цепь *перевинovenий*, где вина одного перекладывается на другого, где один страдает и терпит наказание за других.

Эта мысль о совинновности всех, о сопричастности человечества общему греху проходит через разные мировоззрения: от иудеохристианской теологии до экзистенциализма. Даже такая нравственно просветленная личность, как И. В. Гете, признавал, что ему «никогда не приходилось слышать о таком преступлении, на которое он не чувствовал бы себя способным». Не случайно Томас Манн цитирует эти слова Гете в своем эссе о Достоевском, находя именно у последнего высшее развитие этой «способности создать ощущение некой таинственной вины»¹.

В этой теме совинновности и «соборной» ответственности всех за всех обрисована иная нравственная перспектива, чем привычная линейная, исходящая из фиксированной точки зрения индивида и предполагающая точку схождения на линии горизонта: предметы уменьшаются пропорционально по мере удаления от переднего плана. Другую перспективу — *обратную* — мы наблюдаем на иконах, фресках и мозаиках. Долгое время она считалась ложной, наивной, обусловленной неумелостью ранних мастеров. Но уже в XX веке П. А. Флоренский, Б. В. Раушенбах и другие исследователи установили равноценность, если не сверхценность такой «искажающей» перспективы, которая предполагает для зрителя возможность выйти за предел своей индивидуальной точки зрения. Предметы расширяются по мере их удаления от зрителя, который выступает не как субъект восприятия, а скорее как адресат визуальных «посланий». При этом перспектива расслаивается на множество горизонтов, охватывающих предметы со всех сторон, а не только с одной, обращенной к зрителю. «Таково свойство *того* духовного пространства: чем дальше в нем нечто, тем больше, и чем ближе, — тем меньше. <...> В восприятии зрительный образ не созерцается с *одной* точки зрения, но по существу зрения есть образ многоцентрированной перспективы»².

Эта «многоцентрированная», *соборная* перспектива выступает как обратная только по отношению к прямой, индивидуальной. Быть виноватым за все и перед всеми — это как на иконе видеть каждый предмет с разных сторон и находить в самом себе точку схода всех линий, исходящих от самых дальних и наибольших реальностей: добра и зла, Бога и Его противника. Зосима мыслит о нравственных предметах в той же обратной перспективе, в какой они представлены на иконах.

Обратная перспектива не отменяет прямую, а обогащает ее. Личность начинает иначе оценивать и свои «малые» грехи, постигая в них зачатки тех больших грехов, разрастание которых создает тиранов, убийц, насильников. Совинновность — не просто нравственная рефлексия, это деятельное чувство, которое побуждает некоторых обладающих большой совестью брать на себя вину человечества, или своего класса, или своей нации, или своих предков. Это чувство побуждает людей из благополучных семейств бросать свои уютные гнезда, свой круг богатых и сильных и отправляться на помощь бедным, больным, необразованным,

¹ Манн Т. Достоевский — но в меру // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1961. С. 331, 333.

² Флоренский П. А. Обратная перспектива // Флоренский П. А. Соч. в 4 т. Т. 3 (1). М., 1999. С. 46–98. http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm

незащищенным. Признание за собой всеобщей вины не приводит к унынию и отчаянию, а, напротив, просветляет и «увеселяет». У Достоевского Маркел, старший брат Зосимы и первый проповедник «совиновности», радуется, признавая свою вину перед всеми. «Мне ведь самому хочется пред ними виноватым быть... Пусть я грешен пред всеми, да зато и меня все простят, вот и рай. Разве я теперь не в раю?» Это слезная радость принятия и одновременно отпущения всех вин, радость всеобщего раскаяния, ведущая к новой, «райской» жизни.

*Противозовие, *Стереозтика*, Эдемизм

Почему каждый перед всеми виноват: Этика в обратной перспективе // Звезда. 2014. № 4. С. 191–199.

ПРОТИВОЗОВИЕ (contravocation). Этическая категория, указывающая на два зова в человеческой душе, на неустранимую двойственность нравственных побуждений и самих добродетелей («мужество — благоразумие», «щедрость — бережливость», «самоотдача — самосохранение» и т.п.). Если *противоречие* — это категория логическая: две *речи*, два довода, которые стоят друг против друга, то *противозовие* — категория моральная, поскольку предполагает два зова, два разных побуждения, стремления, порыва.

Один есть *зов-призвание*, а другой — *зов-отзывчивость*. Есть долг перед собой — долг воплощения и приумножения тех даров, которые тебе даны от рождения. Есть долг перед другими: близкими, современниками, потомками, братьями по человечеству — долг сострадания и взаимопомощи. Нам поручены ближние — и вручен наш собственный дар, который мы должны воплотить.

Таковы две этически требовательные реальности, в которых мы застаем себя. Самореализация и самоотдача. Отдаваясь одному долгу, легко пренебречь другим. Это противозовие и составляет ту маету души, ее «маятниковое» раскачивание, которое называется муками совести. Есть и такие редкие люди, у которых призвание и отзывчивость составляют одно, люди с *этическим призванием* и *профессиональной отзывчивостью*, такие как Альберт Швейцер, Януш Корчак, доктор Федор Петрович Гааз (1780–1853). Но для большинства людей призвание и отзывчивость — это два совсем разных, мучительно не совпадающих зова¹.

Противозовие незаметно заложено и в сильнейший нравственный императив: «Возлюби ближнего как самого себя». Как я могу возлюбить ближнего, если не знаю, что такое любовь к себе, если не могу перенести на другого то ощущение единственности, бесконечной важности, незаменимости и неповторимости, о котором узнаю из опыта отношений с самим собой? Чтобы возлюбить ближнего, я должен сначала возлюбить себя; но, возлюбив себя, могу ли я изменить себе с ближним? На почве этой заповеди возникает «любовный треугольник», трагедия ревности, поскольку я, «любящий себя», оказываюсь един в двух лицах, одновременно любящего и любимого, и к этому интимнейшему отношению добавляется

¹ В ином контексте С. Аверинцев назвал сходную нравственную борьбу с собой «противочувствием»: «Вот что такое вергилиевское “противочувствие”: сложность мира входит в сознание индивида, не облегчая, а усугубляя требования его совести. <...> Вместо внешнего, разыгрываемого с партнером “агона” — спор внутренний, спор с самим собой, идущий на глубине, порой беззвучно...» (статья «Противочувствия»).

третий, которого я должен любить как самого себя. Парадоксы противозовия рассматриваются в *стереоэтике.

*Алмазное правило, Двоечувствие, Содобродетели, Стереоэтика, Этика дифференциальная Знак. С. 745–760.

Humanities. P. 217–224.

ПРОТИВОЧУВСТВИЕ (counterfeeling). Чувство, возникающее вопреки эмоциональному смыслу ситуации, в противоречии с собственной причиной и условием. Например, скука и раздражение возникают в условиях, располагающих к радости и торжеству; душевный подъем — в ситуации несчастья и крушения всех надежд; оцепенение и равнодушие — в ситуации, располагающей к переживанию горя.

Одно из самых распространенных противочувствий — грусть, которая настигает человека в миг самых острых и счастливых переживаний. «Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний. / Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?..» (А. Пушкин, «Труд»). На вершине воплощенного замысла труженик осознает, что исполнил сужденное ему и, пусть на время, но исчерпал свои силы. Точно так же и необычная красота превышает отведенную человеку меру эмоционального переживания — и требует противочувствия. Об этом — в рассказе А. Чехова «Красавицы»: «Ощущал я красоту как-то странно. Не желания, не восторг и не наслаждение возбуждала во мне Маша, а тяжелую, хотя и приятную, грусть. Эта грусть была неопределенная, смутная, как сон... <...> Быть может, моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты...» Противочувствие — способ достижения равновесия в душе, увлеченной односторонним порывом: восхищения, восторга, наслаждения.

Похожая грусть возникает в любовной близости, которая достигает определенного предела — и не может перейти его, вызывая внутреннее отчуждение даже в момент самой бурной страсти. Это противочувствие раскрыто в одном из самых загадочных ахматовских стихотворений: «Есть в близости людей заветная черта, / Ее не перейти влюбленности и страсти, / — Пусть в жуткой тишине сливаются уста, / И сердце рвется от любви на части. <...> Стремящиеся к ней безумны, а ее / Достигшие — поражены тоскою... / Теперь ты понял, отчего мое / Не бьется сердце под твоей рукою». Так тоскует душа, уже неспособная участвовать в собственных восторгах, поскольку они превышают ее вместимость.

В психологических справочниках грусть обычно объясняется нехваткой чего-то существенного для человека или отсутствием причин для положительных эмоций. Однако при избытке положительных эмоций грусть — это нехватка самой способности переживания. Пушкин называет такую грусть «непонятной», Чехов — «неопределенной, смутной, как сон». Противочувствие невыводимо из внешних обстоятельств и даже прямо противоречит им. Эта парадоксальная грусть — *чувство самой бесчувственности*.

Противочувствие следует отличать от *двоечувствия, когда два противоположных чувства возникают одновременно. Противочувствие — не противоречие между чувствами, а противоречие между чувством и вызвавшей его ситуацией.

*Амби-, Двоечувствие, Душевность, Катарсис мысли, Селф-эмоция

ПСИХЕМА (psycheme). Элементарная единица психического. О природе психического и его компонентах ведутся споры, и понятие «психемы» может способствовать артикуляции этой проблемы

Одним из проявлений психемы являются **микроэмоции** (microemotions) и другие мгновенные импульсы чувств, аффектов, настроений, переживаний. Среди микроэмоций выделяются «грустинка» (saddicle), «гневинка» (furicle), «смешинка» (laughicle), «сумасшедшинка» (maddicle), **счастлица*. Микрострах или микроодиочество случаются с человеком многократно в течение дня, когда, например, он опаздывает на службу или когда близкий не уделяет ему должного внимания. Психемы не обязательно выражаются в поведении, они фиксируются в основном интроспективно, как вспышки «виртуальных» эмоциональных частиц, быстро гаснущих и уступающих место другим.

Рассматривая дискретные психические состояния, своего рода «кванты» психического, **микropsихология* объясняет, почему у некоторых людей, порой посредственных, возникают мгновенные вспышки изобретательности, необычных дарований; почему писатель, в целом заурядный, может оказаться автором одного шедевра. Психология «потока» (Михай Чиксентмихайи) описывает творчество как длительное единение человека со своей деятельностью и ситуацией, состояние полной ментальной и эмоциональной включенности в то, что он делает. Однако несомненно, что в творческом процессе происходят мгновенные включения и выключения, которые по контрасту с «поток» можно характеризовать как «брызги» или «вспышки», подчеркивая их дискретную природу (**креатема*, **творчество*). Психическое поле можно описать как **вакуум нестабильный*, в котором происходит выброс виртуальных частиц, мгновенно возникающих и исчезающих. Изначальная концепция «демона» или «гения» (в греческой или римской мифологии) исходила из представления о «боге одного мгновения». Алексей Лосев характеризует демоническое как «мгновенно возникающую и мгновенно уходящую страшную роковую силу, которую нельзя назвать по имени, с которой нельзя вступить ни в какое общение. Внезапно нахлынув, она молниеносно производит какое-то действие и тут же бесследно исчезает»¹. Лосев опирается на исследования немецкого филолога Германа Узенера (учителя Ницше), согласно которому греч. daimon — это «бог данного мгновения». Лишь впоследствии, в силу утраты исконного значения, «гений» отождествился с постоянным духом, покровителем данного человека («гений Сократа»), а затем и с ним самим («Сократ — гений»)².

Точно так же о любых микроэмоциях можно сказать, что это «счастье одного мгновения», «гнев одного мгновения» и т.п. Микropsихология возвращается к изучению этих первоначальных квантов психического, освобождая его от последующих наслоений, когда оно срастается со своим носителем, опредмечивается и выступает уже не как импульс психической энергии, а как устойчивое свойство, атрибут характера или некая субстанция («гениальность», «гневливость»).

¹ Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 366.

² С. Кьеркегор тоже настаивал: «Демоническое — это внезапное» (Болезнь к смерти // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 219). Связь «гения» и «мгновения» ощутима в стихотворении Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...»).

Два представления о душевном процессе: как о сплошном «потоке» и как о «брызгах», психических «всплесках», — могут рассматриваться в их дополнительности. Этот дуализм дискретного-континуального, открытый квантовой физикой, где элементарные частицы выступают и как волны, обнаруживается и на других уровнях микромира.

Один из методов изучения психем — *интерспекция* (interspection), то есть сопоставление результатов самонаблюдений-интроспекций у разных личностей. При таком сравнительном анализе для каждой психемы выделяются свои ассоциативные ряды, типы образов, метафор, облака тегов, что позволяет установить объективные основания субъективного опыта, не редуцируя их ни к материальным процессам в мозге (физикализм), ни к структурам поведения (бихевиоризм).

*Есмь-истина, Ипсеизм, Ипсеистика, Микроника, *Микропсихология*, Психонавтика, Селф-эмоция

ПСИХОНАВТИКА (psychonautics). Углубление в психические миры, в измененные состояния сознания в целях их экспериментального изучения или трансформации своей психики. Для *психонавта* внутренний космос интереснее внешнего и доступнее для изучения. Все необходимое: и предмет, и средства познания — находится внутри человека. Если психотерапевт — это профессия, то *психонавт* — призвание. Это не только труд исцеления людей, это еще и приключенческий интерес странствия по душевным мирам, радость собственного перевоплощения и вживания в чужую психику, обретения себя в другом и другого в себе.

*Ипсеистика, Микропсихология, *Эгонавтика*

РАВНОЛЮБИЕ (equiphilia). Одинаковая любовь ко всем. Принцип равенства распространяется на область чувств и отношений (в противоположность избирательной, разборчивой любви). *Равнолюбый* — равно любящий всех, относящийся к разным людям или предметам с одинаковой склонностью, без отбора и предпочтения.

Равнолюбие не тождественно равнодушию, поскольку предполагает равную устремленность любви на несколько предметов, а не отсутствие любви. Если равнодушие — это холодность, безучастность, то равнолюбие — равномерное распределение душевного тепла, которое переходит с предмета на предмет или одновременно объемлет несколько предметов, не умея или не желая делать выбор. Чеховская «душечка» из одноименного рассказа — пример такого *равнолюбия* к трем спутникам жизни: театральному антрепренеру, лесоторговцу и ветеринару, привычки и мысли которых она столь же легко усваивает, как и меняет потом на другие. Вопрос в том, избирательное ли чувство любовь — или она избирательна только по тесноте человеческого сердца и в высшем своем проявлении должна равно распространяться на всех, по завету «Люби ближнего как самого себя».

Метафизическая и этическая проблематика любви включает такие вопросы: равнолюбие — это восходящее или нисходящее движение любви, ее усиление или энтропия? Равнолюбен ли Бог, который есть Любовь? Равнолюбен ли был Иисус?

Должен ли быть равнолюбивым учитель, не уделяя одним ученикам больше, а другим меньше из своих умственных и сердечных запасов?

*Альтер-эгоизм, Контекстные отношения, Любовь, Симпсизох

Дар. Вып. 4. 8.5.2000

Любовь. С. 478–479.

САМОРЕВНОСТЬ (self-jealousy). Ревность к самому себе, когда человек ревнует одну сторону своей личности к другой. Например, умная и красивая женщина может испытывать саморевность, если любят ее внешностью, не отдавая должное ее интеллекту, или, наоборот, интересуются ее мнением, не обращая внимание на ее внешность. Бизнесмен, политик, автор, актер могут ревновать себя к своему богатству или к своей славе: каждому хочется, чтобы любили его самого, а не то, кем он стал или что он сделал. Черты саморевности проявляются в отношении Н. Гоголя и Л. Толстого как религиозных учителей к собственной писательской славе. В. Маяковский ревновал свои поздние сочинения к ранним и обижался, когда его просили читать не поэму «Хорошо!», а «Облако в штанах». Саморевность — один из источников саморазвития личности в ее соревновании с собой: какое из моих «я» лучше, влиятельнее, удачливее?

*Мультивидуум, Противозовие, Селф-эмоция

СВОЕПРАВИЕ (self-righteousness). Непоколебимая уверенность в своей правоте, одержимость и ослепленность своей правотой. Для культуры важно иметь критическое понятие своеправия в своем концептуальном запасе, поскольку оно предохраняет от отождествления *правды* и *правоты*. Культура, лишенная этого понятия, становится нечувствительна к фанатизму и догматизму. Своеправие — общее имя нравственных болезней и исторических соблазнов. Коммунизм, фашизм, фундаментализм и радикализм разных религиозных и атеистических оттенков — это всё разновидности своеправия.

В эпилоге романа «Преступление и наказание» Раскольникову снятся своеправые люди будущего, которые истребят друг друга и все живое во имя царственного «я есмь истина». «Никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные... Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина...» Одержимость своей правотой — самый заразный вирус, над которым не властна медицина. О своеправии как о моральной мертвенности говорит Б. Пастернак в романе «Доктор Живаго»: «Я не люблю правых, не падавших, не оступившихся. Красота жизни не открывалась им».

Понятие своеправия позволяет сформулировать ряд нравственных проблем. Например, должна ли церковь быть своеправой, то есть признавать исключительную истинность своей веры. Или своеправие так же сомнительно в церквях, как и в людях, и церковь должна так же каяться в своих грехах перед Богом, как и ее прихожане?

Честный человек старается делать то, что считает правильным; своеправый считает правильным то, что он делает. Он может быть недоволен собой, даже

испытывать угрызения совести, но при этом он всегда уверен в непогрешимой правоте своих принципов, в своем идейном или моральном превосходстве над окружающими. Равнодушие и своеправие — два типа уклонения от истины. Для равнодушных истина — нигде; для своеправых — в себе.

*Витоверификация, Злобро, *Святобесие*

Дар. Вып. 37. 28.1.2002.

Русский журнал. 11.11.2002.

Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 192–207.

СВОЕЧУЖДОСТЬ, СВОЕЧУЖИЕ (self-otherness). Амбивалентность в отношениях «свой» — «чужой». Обычно они образуют бинарную оппозицию и четко противопоставляются, в том числе в агрессивных проявлениях ксенофобии, расизма, национализма, гомофобии, религиозной или политической нетерпимости. Но у каждого субъекта есть свои формы *своечуждости*, узнавания себя в чужом и чужого в себе. Восприятие себя как чужого лежит в основе элементарных рефлексивных и моральных актов: самосознания, самоограничения, самопожертвования, раскаяния. Восприятие чужого как себя выражается в толерантности, эмпатии, взаимопомощи, в «любви к ближнему как самому себе».

Психологически более тонкая форма своечуждия — постоянное колебание контура личности, ощущение присутствия *другого* во мне, которое постоянно опредмечивается в моих прошлых «я». По наблюдению Ф. Ларошфуко, «иногда мы столь же отличаемся от себя, как от всех прочих». Более того, человек может находить в себе больше чужого, чем в других, а в других больше своего, чем в себе. Эта амбивалентность лежит в основе и личностного развития, и динамики межличностных отношений. Своечуждость также раскрывается в понятии **судьбы*, которая превращает «свое» в «чуждое», поступки и характер индивида — в то, что свершается с ним по воле обстоятельств.

Своечужие проявляется творчески в **гиперавторстве* и **персонажном мышлении*, когда мысль находит свое аутентичное выражение в речи от другого лица: «Все те слова, которые сам я говорил другим, я чувствовал отличными от моей собственной мысли...» (П. Валери). Своечужие — одно из глубинных свойств личности, которое лежит в основе многих культурных, психологических, творческих процессов, начиная с детской игры или способности актера к перевоплощению — и вплоть до актов религиозного жертвоприношения, переложения своей вины на чужого или чужой вины на себя.

*Гиперавторство, Игра, Ипсеизм, Лирическое «оно», Мультивидуум, Персонажное мышление, Противозовие, *Реверсивность*, Селф-эмоция, Симпсихоз, *Суб-объект*, Судьба, Хитрость желания

Знак. С. 541–592.

Поэзия. С. 248–280.

Творчество. С. 407–420.

СЕЛФ-ЭМОЦИЯ (self-emotion; от англ. self, сам, само-; ср. self-reflection, self-reference). Эмоциональное отношение человека к собственным эмоциям.

Чувства, как и мысли и высказывания, могут быть саморефлексивными, самореферентными, обращенными на себя. *Селф-эмоция* — один из двух разрядов

метаэмоций, направленных на другие эмоции, например переживание радости по поводу своей или чужой грусти. Изучение эмоциональных реакций родителей на эмоции детей началось в 1997 году, когда возник и сам термин «метаэмоция» (американский психолог John M. Gottman).

Метаэмоции можно разделить на два разряда: эмоции, обращенные к чужим эмоциям — *альтер-эмоции* (alter-emotions) и к своим собственным — *селф-эмоции*.

Селф-эмоции в свою очередь делятся на две категории: совпадающие с эмоцией-объектом — или противоположные ей. К первой категории, *рекурсивных* (самоподобных) селф-эмоций, относятся: **филофилия*, любовь к любви, стремление постоянно испытывать и возобновлять это чувство, — и *фобиофобия* (phobiophobia), страх испытать страх, боязнь перед собственным малодушием. Ко второй категории, *реверсивных* (самоотрицающих) селф-эмоций, относятся: **филофобия*, боязнь испытать любовь, и *фобиофилия* (phobiophilia), стремление испытывать страх, любовь к ужасам и «ужастикам».

Таким образом, выстраивается типология четырех основных селф-эмоций, где «филия» и «фобия» представлены во всех вариантах своих сочетаний: любовь к любви, страх перед страхом, страх перед любовью, любовь к страху. Рекурсивные эмоции в принципе соответствуют моральной норме, тогда как реверсивные отталкиваются от нее.

Среди других важнейших саморефлективных эмоций: радование себя, ревность к себе, желание продлевать свое желание и откладывать его удовлетворение (**хитрость желания*).

*Амби-, Двоечувствие, *Ипсеизм*, Микropsихология, Противочувствие, *Саморадование творца*, *Саморевность*, *Филофилия*, *Филофобия*, *Хитрость желания*, Чувства философские

СИМПСИХОЗ (sympsychosis; буквально *со-душие*). Психическая взаимозависимость двух или нескольких личностей. Они душевно заиклены друг на друге, переживают одни и те же настроения, которые быстро передаются от одного к другому. Такой симпсихоз бывает между членами семьи или замкнутого сообщества, например профессиональной группы, религиозной секты или политической партии. С одной стороны, среди них усиливается чувство счастья, надежности, безопасности, доходящее до эйфории, — и вместе с тем отрицательные эмоции, взаимно резонируя, могут выливаться в ссоры, приводить к нервному срыву. Есть разные градации и стадии симпсихоза, вплоть до полного эмоционального слияния двух существ, как в «Старосветских помещиках»: «вся привязанность их сосредоточивалась на них же самих».

Природе известно такое явление, как симбиоз — совместное существование организмов разных видов, их биологическая взаимозависимость. Это явление во многом остается загадкой для науки, хотя было обнаружено швейцарским ученым С. Швенденером еще в 1877 году при изучении лишайников, которые, как выяснилось, представляют собой комплексные организмы, состоящие из водоросли и гриба. Такая же сила нерасторжимости может действовать и между людьми — на психическом, а не биологическом уровне.

Симпсихоз может быть психологически выгоден для обоих участников, эмоционально их укреплять, увеличивать жизнестойкость, сопротивляемость внешним

обстоятельствам. Отношения партнеров при этом могут быть равноправными или подчиненными, то есть один более зависим, другой господствует — случай чеховской Душечки, которая принакает к более сильной или властной душе. Этот *психоцарь*, или душа-госпожа, может покровительствовать более слабой, зависимой душе — или угнетать ее, поглощать ее энергию.

Симпсихоз может быть полезен одному, но вреден другому партнеру — тогда такое отношение называется паразитизмом и вампиризмом. *Паразитизм* — когда психически более слабый партнер использует резервуары энергии более сильного. *Вампиризм* — когда более сильный партнер пользуется энергией слабого, еще более ослабляя его.

Симпсихоз может быть опасным и разрушительным для обоих партнеров, даже если они нуждаются друг в друге и не в силах разорвать этот союз, как в случае Настасьи Филипповны и Рогожина, которые не могут быть ни вместе, ни врозь и продолжают психологически истязать друг друга. Такой негативный симпсихоз часто разрешается смертью, убийством или самоубийством.

Симпсихоз может связывать троих или нескольких, что проявляется в так называемых «треугольниках» или «квадратах», множественных любовных союзах, которые включают в себя ревность и соперничество — или щедрость и самоотречение. Такой случай симпсихоза описывает Герцен в «Былом и думах» — отношение двух супружеских пар: Герценов и Гервегов, с их попарной и перекрестной психической зависимостью, постоянными истериками, жертвами, мщением. «Все мы так сжились — я не могу себе представить существование гармоничнее», — писала Натали Герцен подруге. Но вскоре это сожительство — в кавычках и без — превратилось в ад... Сходную коллизию можно отметить в истории первого брака Ф. Достоевского: он был влюблен в свою будущую жену Марию Исаеву, а она любила учителя Вергунова, и двое соперников плакали друг у друга на груди и жертвенно отрекались от возлюбленной ради счастья другого. Симпсихозы могут разрастаться, как кораллы, в целые психические колонии, как в романах Достоевского, где, например, отец и братья Карамазовы, Катерина Ивановна, Грушенька, Лиза Хохлакова, отчасти и семейство Снегиревых образуют единый симпсихоз, напряженное поле эмпатий, эмоционального господства и рабства.

Симпсихоз основан на избирательных психических тяготениях личностей, на взаимной «склейке». Есть личности, более склонные к таким образованиям, так сказать, «клейкие», и есть «сухие», которые отталкивают любую зависимость (в качестве ее субъекта и объекта). Клейкая личность ищет любых способов психозависимости, как активных, так и пассивных, в ней угадывается эмоциональная пористость, губчатость, способность всасывать чужие психоэнергии или вливать свою энергию в других. Клейкая личность эмоционально обволакивает людей и вольно или невольно навязывает им роль партнеров в душевных взаимодействиях. Она может быть двувалентной или многовалентной, в зависимости от того, достаточно ли ей одного партнера для образования прочного (созидательного или разрушительного) симпсихоза — или нужны несколько партнеров, которые передают друг другу энергию психовлияний и оказываются накрепко связанными этой цепью. В центре такого *психоконсорциума* может стоять один человек, образующий радиальные связи со своим окружением, или это может быть плюралистическая конфигурация, с несколькими центрами притяжения и отталкивания.

Симпсихоз возможен не только между индивидами, но и между индивидом и коллективом, вождем и народом, причем их отношения тоже могут быть мучительными для одной или для обеих сторон. Такой тип симпсихоза изображен в антифашистской новелле Т. Манна «Марио и волшебник» (1929), где странствующий фокусник проводит сеанс магии и психически подчиняет себе волю зрителей, одновременно сам поработавшая ею и впадая порой в состояние транса¹. Один из самых масштабных вариантов симпсихоза — *психократия, политический режим, который формируется психическим взаимодействием вождя и народа, власти и общества. Такое взаимодействие переходит в чисто нервную стимуляцию и симуляцию, провоцирование массовых психозов, истерик, что ставит государство на грань нервного срыва, истерического коллапса и, соответственно, исторической катастрофы. При этом происходит интенсивное расходование и истощение психических ресурсов и власти, и общества, что эмоционально переживается как взаимное истязание, соревнование в психической выносливости — у кого скорее исчерпается терпение. Можно привести в пример двух «простецов» из народа: Рогожина у Достоевского и Марио у Т. Манна. Оба избавляются от мучительного для них симпсихоза, убивая своих изощренных поработителей, психовампиров (Настасью Филипповну и фокусника). Власть, как истеричная Настасья Филипповна, помыкающая своим поклонником и вместе с тем психически зависимая от него, может спровоцировать характерно рогожинскую реакцию: мгновенный переход от обожания к физической расправе как единственному способу разрыва далее невыносимого симпсихоза.

* Аморт, *Корпора и корпорус*, Любовь, *Психократия*

Sympsychoisis // Pseudodictionary. 6.2.2005.

Симпсихоз. Душа — госпожа и рабыня // Частный корреспондент. 27.5.2015.

СОВЕСТНИКИ (conscientists). Духовное движение в защиту совести; представление о том, что совесть как нравственная способность стоит выше разделения между религиозной и атеистической моралью. Верит человек в Бога или не верит — дело его свободной совести, которая первичней этого деления. В одни эпохи совесть движет людей к религии, в другие — к атеизму. Совестно сваливать на Бога задачу переделки человеческой жизни, но совестно и упрекать Бога за то, что он допускает зло.

Совестники спорят с представителями экзистенциальной морали, которая отстаивает суверенность одиночки перед лицом масс, согласно сартровской максиме: «Ад — это другие». Принцип совести указывает на то, что «массы» пребывают внутри личности. Совесть — это *другие во мне*, это *всё человечество в одном человеке*.

Это направление морали часто апеллирует к наследию А. П. Чехова и придает высокий смысл понятию порядочности. Хотя Чехов боялся «идеалов» и терпеть не мог этого слова — именно поэтому в его творчестве раскрывается настоящий

¹ Т. Манн моделирует ситуацию, когда Италия, ведомая Муссолини, уже «вставала с колен», мечтая возродить мощь и славу Римской империи, а Гитлер пытался поднять дух немцев, оскорбленных Версальским миром.

идеал. Человек познает у Чехова меру человеческого: быть не больше и не меньше себя, не Богом и не рабом, не начальствовать и не покорствовать, не возноситься и не пресмыкаться. В соответствии с принципом «золотой середины» у Аристотеля, совестники полагают, что Чехов лучше всего воплотил этот моральный критерий на практике. Порядочность — соразмерность человека самому себе. Для этого надо быть мужественным, но не жестоким, скромным, но не трусливым. Они предлагают усвоить согражданам спокойное и достойное, «чеховское» выражение лица, а не метаться, подобно героям Достоевского, между безднами Содома и Мадонны.

*Вочеловечение, *Доброверие*, Обратная перспектива в этике, Потенциальные сообщества, Соверие, Стереозтика, Человекомерие
Сектантство. С. 205–207.

СОДОБРОДЕТЕЛИ (co-virtues). Добродетели, которые отрицают и вместе с тем предполагают друг друга, такие как щедрость и бережливость, мужество и благоразумие. Щедрость без бережливости вырождается в порок расточительства, а бережливость без щедрости — в порок скупости. Мужество без благоразумия вырождается в безрассудство, а благоразумие без мужества — в трусость. Таким образом, щедрость и бережливость, мужество и благоразумие можно назвать *содобродетелями*, и они так же необходимы этике, как правое и левое полушарие — мозгу.

Два основных полюса добродетелей: *самоотдача* и *самосохранение*. Мужество, щедрость, жертвенность — это действовать во имя других, отказываясь от себя. Благоразумие, осторожность, бережливость — сохранять, выращивать и приумножать себя, чтобы было чем жертвовать, что отдавать другим. Невозможно заранее предсказать, какая стратегия окажется морально выигрышной в конкретных случаях, — это зона нравственного риска. Смещаясь к одному из двух полюсов, мы отступаем от другого, и такая пульсация постоянно происходит в нравственной жизни. Плоский морализм — это мораль одной добродетели.

Наконец, есть две «сверхдобродетели», которые как бы регулируют отношение между содобродетелями: *мудрость* и *совесть*. **Мудрость* — это метауровень морального самосознания, которое взвешивает и соотносит ценности самоотдачи и самосохранения в каждый момент времени. Мудрость нашептывает слова мужества в моменты слабости и малодушия и дает советы благоразумия в моменты героического безрассудства.

Другая метаэтическая категория — *совесть*. Она тоже регулирует отношения между содобродетелями таким образом, чтобы, склоняясь к одной из них, не впасть в крайность порока. Бережливому совесть напоминает о щедрости — чтобы он избегал скупости; а щедрому — о бережливости, чтобы он не предался расточительству. Но в отличие от мудрости, которая *веселится* на путях к целому (**веселье*), совесть болит и мучится оттого, что не в силах достичь полного равновесия добродетелей, поскольку добродетель как таковая недостижима. Если мудрость есть нравственная катафатика, поиск гармонии и соединения добродетелей, то совесть есть нравственная апофатика, чувство невозможности такой гармонии, и происходящие от этого «угрызения». Мудрость встает над противоречиями,

примирает их; совесть мучается **противозовиями* и не может их разрешить. Если мудрость — орган веселья, то совесть — это орган страдания, который здоров, именно когда болит.

Высшая нравственность — это совмещение двух метаэтических способностей, мудрости и совести. Но точно так же как и те содобродетели, которые мудрость примирает, а совесть не может примирить, так и сами мудрость и совесть составляют две метаэтические содобродетели, между которыми трудно найти абсолютное равновесие. Добродетели постоянно раздваиваются, требуют выбора, раскаяния, нового выбора, мудрых решений — и угрызений совести.

**Алмазное правило, Мудрость, Противозовие, Совестьники, Стереозтика
Возможное. С. 246–255.
Знак. С. 745–760.*

СТЕРЕОЭТИКА (stereoethics; от греч. stereos, объемный, пространственный). Этика, исходящая из раздвоения и несовместимости добродетелей, из невозможности единственно правильного морального выбора. Стереозтика вводит принцип *совмещения разных нравственных перспектив*, подобно тому как зрение совмещает две разные проекции предмета и только поэтому воспринимает мир объемно, рельефно, стереоскопически.

Стереозтика определяется по контрасту с медиальной этикой «золотой середины». Один из самых влиятельных постулатов в истории этики восходит к Аристотелю: добродетель — это середина между двумя порочными крайностями. «Избыток и недостаток присущи порочности (kakia), а обладание серединой — добродетели» («Никомахова этика», 1106б). Однако сам Аристотель показывает, что между двумя крайностями есть не одна, а две середины. «Серединую же по отношению к нам я называю то, что не избыточно и не недостаточно, и такая середина не одна и не одинакова для всех» (там же, 1106а). Одна середина больше отстоит от одного края, а другая — от другого.

Если излишек боязни — это трусость, а недостаток боязни — безрассудство, то между ними размещаются и две середины, *две добродетели: мужество*, которое дальше отстоит от трусости, и *благоразумие*, которое дальше от безрассудства. Диапазон нравственного поведения не фокусируется в одной центральной точке «правильного поступка», а описывается большим ценностным промежутком между мужеством и благоразумием. Точно так же между двумя пороками: скупостью и расточительством — размещаются две добродетели: *щедрость*, которая дальше от скупости, и *бережливость*, которая дальше от расточительности. В нижеприведенной схеме по краям располагаются два порока, а между ними — две **со-добродетели*:

безрассудство — мужество — благоразумие — трусость
расточительство — щедрость — бережливость — скупость
бесстыдство — прямота — скромность — ханжество

Между парами понятий остается большой промежуток для свободных действий — *нравственный континуум*. Стереозтика — это объемное постижение

ценностей, смещенных относительно друг друга и именно поэтому требующих совмещения в общей перспективе, в полноте нравственного восприятия. «Двоенравие» в этике — то же, что двуязычие в культуре: способность переводить мысль или ценность с языка на язык и воспринимать или выражать ее в объеме расходящихся и сходящихся значений (ср. **стереотекст*). Стереозтика — нравственная зрячесть, стереоскопия, обусловленная схождением двух моральных проекций одного поступка: отвечая критерию бережливости, он опасно приближается к скупости, а взывая к чувству щедрости, может обернуться расточительностью. В этой двойной системе координат и блуждает наше нравственное чувство, никогда не находя полного успокоения, точки идеала, абсолютной середины. Нравственность — это способность не столько видеть, сколько долго всматриваться в предмет, сопоставляя разные его проекции.

* Алмазное правило, Обратная перспектива в этике, *Противозовие, Содообродетели*, Универсализм критический, Этика дифференциальная
Стереозтика. Двойственность добродетели и «алмазно-золотое правило» // *Знак*. С. 745–760.

Возможное. С. 246–255.

Humanities. P. 217–224.

СТРАДОСТЬ (joy-suffering). Радость и страдание в их неразрывности. Великая музыка, поэзия, драма передает это всеохватывающее чувство от полноты жизни, от круговорота радостей и страданий, взаимно преображенных. *Страдость* как бы охватывает собой все другие чувства, соединяет, симфонизирует их, как слитное переживание и превозможение диссонансов бытия. Еще один смысл этого понятия: *страда*, труд души, который перерабатывает страдание в радость, а радостью позволяет глубже пережить страдание. Страдостью жива душа человека, и как бы ни старался он выделить радость в чистом виде, все равно, лишь погружаясь в море страдания, она выходит оттуда очищенной.

Страдость следует отличать от «*радостопечалия*», понятия православной духовной традиции, означающего, что радость и печаль не сменяют друг друга, а сосуществуют в неразрывном единстве. «С усилием держи блаженное радостопечалие святого умиления, и не преставай упражняться в сем делании, пока оно не поставит тебя выше всего земного и представит чистым Христу», — призывает Иоанн Лествичник. Но печаль не тождественна страданию. Радостопечалие — чувство тихое, кроткое, смиренное, а *страдость* — бурное, деятельное, дерзкое, титаническое. Так оно выражается у Шиллера «Ода к радости» и у Бетховена в 9-й симфонии: «Как светила по орбите, / Как герой на смертный бой, / Братья, в путь идите свой, / Смело, с радостью идите!»

* Амби-, *Двоечувствие*, Чувства философские

Дар. Вып. 288. 3.10.2011.

СУДЬБА (fate). Высшая сила, которая действует на человека благодаря свободе его воли и вместе с тем вопреки ей. Человек потому и оказывается неволен над теми или иными обстоятельствами, что имеет свободу воли. Например, расовая принадлежность человека, цвет его кожи — данность или судьба? Данность,

пока я ношу свою кожу, не замечая ее. Но если она становится мне тесна и я безуспешно пытаюсь «выпрыгнуть» из нее, тогда я понимаю, что это судьба, что я не могу «сбросить» свою кожу, свой род, страну, эпоху... Они мне суждены в той мере, в какой я хочу, но не могу обойти эту данность, ибо иного мне не дано. Чтобы чего-то не мочь, нужна мощная воля. Судьба действует лишь потому, что есть «я», которое бросает вызов всем данностям — и этим вызовом превращает их в судьбу.

К понятию необходимости ведет понятие свободной воли, а не наоборот, как полагали Гегель и Маркс, для которых свобода — это осознанная необходимость, добровольная отдача необходимости. Необходимость не может быть познана, пока у нас нет опыта свободы, попытки обойти данное нам, поставленное у нас на пути. Свобода — способность обходить препятствие, совершать побег в иное. Слово «не-обход-имый» этимологически содержит в себе двойное отрицание, одно эксплицитно («не»), другое имплицитно: действие «об-ходить» предполагает свободу преодолевать какие-то препятствия или обходиться без чего-то насущного. Не-обход-имость тогда и возникает, когда пытаешься что-то обойти. Само это слово содержит в себе краткую и трагическую историю свободы, оно говорит о свободе даже больше, чем само слово «свобода»¹. Необходимость — это свобода, испытанная до конца и потому познавшая свою конечность. И в других, синонимических понятиях, выраженных отрицанием: «неизбежность», «безвыходность», «неотвратимость» — заключен порыв к свободе: из-бегание, об-хождение, от-ворачивание.

Традиционно считалось, что судьба предзадана человеку и ограничивает его свободу, но по сути свобода и судьба предпосланы друг другу. Человек — *судьбообразующее* существо именно потому, что он вырывается из порядка вещей, изрекает свое слово — и слышит в ответ предреченное ему. «Рок» — того же корня, что и «речь». Человек — существо *рекущее* и потому *рекомое*, подлежащее року, то есть приговору свыше. Субъектность в нем неотделима от объектности (**суб-объект*). Как субъект речи, он обречен быть и ее объектом, не в том поверхностном смысле, что говорят *о нем*, а в том, что говорят *им*: он сам «изречен», «сказан». Этот Логос укоренен в его бытии вместе с возможностью его собственного Голоса. Такова этимология и латинского «*fatum*» — это причастие среднего рода прошедшего времени от «*fari*» — сказать, то есть буквально «нечто сказанное, изреченное» (богами). Эту *изреченность самого себя* человек нарекает роком. Эта «чело-весть», посланная неизвестно кем и неизвестно кому, лишь отчасти прочитывается самим человеком, а то, что не удается понять, и составляет «тайнопись судьбы».

«Подневольность» человека, то есть ощущение себя в высшей власти, может быть выведена из воли трансцендентного субъекта, как в теистических религиях. Но субъект такого сверхъестественного воления, если он Бог, или Дух, или Гений, представляется по образу человека, личности и не вполне удовлетворяет нашему

¹ Сходная этимология у слов «*necessarius*», «*necessary*» в латинском, английском и других европейских языках. Здесь корнем выступает «*cedere*», что означает «уступать», «отходить», «отступать». «*Necessarius*» буквально значит «неотступный», «неотпускающий», «несдающийся», «непреклонный», то есть ограничивающий свободу ухода, отступления.

чувству инаковости, внечеловечности этой воли, которая действует безлично, как «темнеет» или «смеркается». Понятием «судьба» и обозначается безличность Волящего — такая *инаковость* воли, которая выходит за рамки какого-либо представления о субъекте. Судьба — это не предметная структура, которая не имеет воли, и не субъект, который имеет личную, человекоподобную волю, а некая парадоксальная *безличная субъектность*, источник воления, неведомо откуда и почему обращенного на нас. Отсюда и неразрешимый парадокс: судьба — это *я сам* и одновременно то, что *мне* суждено и предназначено. Судьба — это *оборачиваемость, реверсивность* моей воли, предметом которой я сам становлюсь, причем не как конкретной воли, а как способности воли, рассеянной во множестве происходящих со мной событий и соединяющей их в одно целое. Этой своей *волимости* человек и дает название Вышней Воли. Парадокс судьбы в том, что она неотделима от самостности, и судьба начинает выступать как вышняя воля только там и тогда, когда человек проявляет свою волю как противодействие обычному ходу и распорядку вещей.

Есть некое со-стояние между свободой и судьбой, которое можно назвать «суперпозицией». В квантовой физике этот термин, предложенный Э. Шредингером, означает позицию частицы-волны до момента ее измерения, то есть до ее локализации в качестве частицы или волны. *Суперпозиция воли* — это еще не свобода и еще не судьба, а то, что предшествует их различению. Это выделенность человека из мира объектов, его способность быть субъектом и полагать в качестве объекта самого себя. Распадаясь на два дополнительных состояния, эта суперпозиция человека в отношении мира становится свободой и судьбой. Судьба — не внешняя человеку сила, а раздвоенность его собственной сущности, следствие его способности судить — а значит, и быть судимым.

Реверсивная (reversive) концепция судьбы основана на представлении о двух обратимых состояниях воли, ее активном и пассивном залоге, подобно тому как саморефлексия есть субъектно-объектная обратимость сознания, а самореференция — речи. Воля может находиться в суперпозиции, то есть одновременно в двух «когерентных» состояниях: свободы и судьбы, или в двух залогах: действительном и страдательном. Судьба — это страдательный залог свободы. Свобода — действительный залог судьбы.

Человек-судья и бытие-судьба возникают вместе и наперекор друг другу, как достойные соперники. Согласно Георгу Зиммелю, «быть ниже или выше судьбы для человека всегда окрашивается тем, что подлинно человеческим, его подлинной определенностью является судьба»¹. Становясь ниже судьбы, человек, по Зиммелю, превращается в животное, в факт существования. Становясь выше судьбы, человек превращается в Бога, во всеобъемлющего Субъекта. Но, поскольку человек остается человеком, он имеет судьбу: способен совершать поступки и попадать в происшествия, а в наиболее глубоких актах самосознания — постигать связь тех и других.

Следует различать *детерминизм*, теорию обусловленности и несвободы всех человеческих поступков — и *фатализм*, по которому любые поступки приводят к заранее предопределенным результатам. Фатализм не просто верит

¹ Зиммель Г. Проблема судьбы // Зиммель Г. Избранное. М.: Юристъ, 1996. Т. 2. С. 192.

в судьбу, но постоянно испытывает ее своеволием. Человек воли и человек судьбы, волюнтарист и фаталист — это, как правило, одно лицо. Таковы, например, Печорин у Лермонтова (особенно в «Фаталисте») и сверхчеловек Ницше, у которого воля к власти совпадает с *amor fati*, «любовью к судьбе». Человечность — это и есть способность иметь судьбу, заходить за предел своей свободы, превращать все данное — в заданное себе и превосходить самого себя на величину своей судьбы.

О судьбе можно говорить лишь потому, что она и побеждает человека, и не может его победить. «Он ждет, чтоб высшее начало / Его все чаще побеждало, / Чтобы расти ему в ответ» (*Рильке Р.-М.* «Созерцание», пер. Б. Пастернака). Судьба — то «высшее начало», в ответ которому человек растет, постигая самого себя не как данность, а как задачу. В понятии судьбы человек одновременно и умаляет, и перерастает себя, отторгая от себя свою данность и одновременно превращая ее в свое предназначение, в нечто высшее, чем он сам.

* *Выверт*, Жизнь как тезаурус, Ипсеизм, Ирония бытийная, Реверсивность, Своечуждость, Событие, Суб-объект, Фатумология
 Поступок и происшествие: К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 65–77.
 Знак. С. 541–592.

СУЕЧИСЛИЕ (*numeromania*). Числовое представление о смысле существования; жизнь, подчиненная количественным показателям: больше, дальше, быстрее. Квантификация бытия как способ его целеполагания: погоня за очками, секундами, метрами; одержимость дензнаками, габаритами, калориями. Оцифровать жизнь, свести ее к набору единиц и нолей, плюсов и минусов... Кредит и дебет, баланс, отчет... Подсчет интернет-ссылок и лайков.

Если в языке есть слова «суесловие», «суемыслие», «суеверие» и «суемудрие», то есть резон и для «суечислия», тем более что оно в характере современного прагматического общества. В частности, российского, с его новообретенным «товарным романтизмом», верой в непогрешимость цифр. Так очерчивается переход от потерпевшей крах идеологии к нумерологии как общественному фетишу и суеверию: высокие слова обманут, а числа — нет.

* Мудрость, Суечувствие
 Суечислие // Сноб. 4.1.2014.

СУЕЧУВСТВИЕ (*vain or empty feeling*; ср. суеверие, суемудрие, суесловие). Склонность много и сильно чувствовать по ничтожным поводам, принимать близко к сердцу пустяки и мелочи, волноваться ни о чем. Суечувствие может быть заряжено как положительными, так и отрицательными эмоциями, от любви до гнева. Влюбчивость, восторженность, умилительность, мечтательность, прекраснотушние — проявления позитивного суечувствия, а обидчивость, раздражительность, вспыльчивость, тревожность, подозрительность, боязливость — негативного.

Юность — пора *суелюбия*, когда чувства вспыхивают быстро, как солома, и так же быстро гаснут. А немолодые родители, легко впадая в *суестрашие*, дрожат над младенцем, сдувают с него каждую пылинку.

Один из первых литературных образов суечувствия — в стихотворении Н. Некрасова: «Мы с тобой бестолковые люди: / Что минута, то вспышка готова! / Облегченье взволнованной груди, / Неразумное, резкое слово» (1851). Сатирический образ — в рассказе М. Зощенко «Нервные люди» (1924). Суечувствие следует отличать от **живосердечия*.

**Живосердечие, Микropsихология*
Дар. Вып. 147. 12.3.2006.

СЧАСТИЦА (happicle; happy, счастливый + уменьшительный суффикс -cle)¹. Краткий миг счастья, мимолетность которого делает его переживание еще острее. К счастью люди стремятся, считают его недостижимым или никогда не получают вдоволь, а между тем всю жизнь их посещают счастлицы — промельки, мерцания, летучие частицы счастья. Не исключено, что у психики, как и у материи, есть свои элементарные частицы, эмоциональные «кванты», «психемы». Как у фотонов, у них нет инертной массы покоя — того, что мы зовем «счастьем». Они мгновенно вспыхивают, но нельзя определить их массу и местоположение, они лишь там, где мы способны их переживать. Перефразируя Пушкина, можно сказать, что на свете счастья нет, но есть счастлицы.

**Микropsихология, Психема*
Дар. Вып. 20. 5.3.2001.

ФАТУМОЛОГИЯ (fatumology; от лат. fatum, судьба). Изучение судьбы; философская дисциплина, которая рассматривает проблемы судьбы в мифологическом, религиозном, художественном, этическом, научном контексте (теории случая, хаоса, сложности, синергетика и т.п.).

Хотя понятие судьбы не часто встречается у современных философов, крупнейшие писатели, вплоть до нашего времени, строят свои художественные миры вокруг судьбы, которая неотделима от самого способа художественно-повествовательной организации событий в тексте. Кафка, Джойс, Гессе, Рильке, Борхес, Набоков, Уайльдер, Маркес — в центре их творчества находится метафизика и персонология судьбы. Эти художественные интуиции нуждаются в новой рефлексии, которая, наследуя таким мыслителям, как О. Шпенглер, Г. Зиммель, К. Юнг, позволит заново ввести «судьбу» в концептуальное поле философии и других гуманитарных дисциплин.

Современная наука также пробуждает заново интерес к судьбе как результирующей множества статистических, стохастических процессов, которые изучаются теорией **хаосложности*. По сути, именно поле смыслов, очерченных традиционным понятием «судьба», находится в центре этой дисциплины, возникающей на стыке математических, естественных, информационных наук и изучающей нелинейные, непредсказуемые процессы, зависящие от взаимодействия множества случайных факторов. Одно из новейших имен судьбы — «вездесущность»

¹ Слово образовано от «частица» посредством приставки «с-» (от древнеиндийского su, хороший). Так же образовано и слово «счастье» (с+часть) — буквально «хорошая часть, доля, удел».

(ubiquity), которым Марк Бьюкенен характеризует те критические состояния и структурные «обвалы», которые вызвали столь разные события, как гибель динозавров, начало Первой мировой войны, обвал финансового рынка в 1987 году, гигантское землетрясение в Кобе (Япония) в 1995 году. Этот же закон действует в передвижении песчаных масс, в заторах уличного транспорта, в распространении массовых эпидемий. Собранные Бьюкененом факты и свидетельства ведущих ученых подводят к общему заключению, что любая система по мере развития выходит из состояния стабильности и оказывается на пороге таких необратимых, катастрофических (или **анастрофических*) перемен, которые были, есть и навсегда останутся сколь неизбежными, столь и непредсказуемыми. Эта *неотвратимость* и *непредсказуемость*, которая раньше называлась судьбой, и есть то самое «вездесущие», которое с равной непреложностью действует в природе и в обществе, в эволюции и истории¹.

Важный вклад в фатумологию внесли Конфуций, Цицерон (трактат «О судьбе»), Сенека. У них часто высказывается мысль о том, что характер человека — это и есть его судьба. Первым об этом сказал Гераклит: «Этос человека — его даймон». В рассказе Х. Л. Борхеса «Письмена Бога» герой, оказавшись в темнице, ищет вокруг знак Бога, начертание судьбы, и вдруг постигает: «Быть может, магическая формула начертана на моем собственном лице, и я сам являюсь целью моих поисков». Так в понятии судьбы вырисовывается апория. С одной стороны, судьба — нечто предустановленное, извне навязанное человеку: обреченность, неизбежность, которым он противопоставляет свое желание и волю. С другой стороны, у каждого человека своя судьба, и желать иной судьбы — желать иного себя, а это неосуществимо.

Эта апория постоянно дает себя знать в фатумологии. Так, Хризипп, глава школы стоиков, искал такого объяснения действий судьбы, которое не исключало бы свободы, а значит, ответственности самого человека. Он приводил пример с цилиндром и волчком. Ни один из этих предметов не может двигаться, если внешняя сила — толчок, удар — не задаст им движения. Но линия их движения зависит от их собственной формы — цилиндр будет катиться ровно, волчок — вращаться по кривой. Вопрос в том, что называть судьбой: силу внешнего воздействия? природу и характер того человека, на которого оказывается воздействие? или результирующую этих двух составляющих?

Обычно судьба противопоставляется свободе как сила, управляющая ходом человеческой жизни независимо от его сознания и воли. Однако есть общее смысловое поле, которое предшествует расщеплению понятий «свобода» и «судьба» и их дальнейшему расхождению на, казалось бы, несовместимые крайности волюнтаризма и фатализма.

В жизни человека можно выделить три типа событий. События, которые свершаются с ним по его собственной воле, могут быть названы *поступками*, ибо они задаются самим субъектом действия. Область событий-поступков изучается

¹ Buchanan M. Ubiquity: The Science of History... or Why the World Is Simpler Than We Think. New York: Crown Publishing Group, 2001. Сходные идеи высказаны в известных книгах Нассима Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (2007) и «Антихрупкость. Вещи, которые выигрывают от беспорядка» (2012).

науками о человеческом поведении, его побудительных мотивах и критериях — психологией и этикой.

Вторая категория событий включает *происшествия*, то есть события, в которых человек является не субъектом, но объектом чуждой воли, случайностей, жертвой сверхличного стечения обстоятельств. К такого рода происшествиям относятся аварии, катастрофы, проигрыши и выигрыши в рулетку и лотерею, неожиданные встречи, инфекционные заболевания... Эти события управляются игрой случая, хотя и в них можно отыскать определенную закономерность — статистическую, сверхиндивидуального порядка. Область событий-происшествий изучается статистикой, математической теорией вероятностей, а также комплексными теориями хаоса и сложности.

Наконец, третья категория событий представляет наибольший интерес для фатумологии. Эти события совершаются не по воле человека, но и не по воле случая, а в силу определенной закономерности, с какой *поступки* человека ведут к определенным *происшествиям* в его жизни. События такого типа можно называть *свершениями* — в них как бы завершается то или иное действие, начатое человеком по собственной воле, но затем вышедшее из-под его ведома и контроля. В свершениях *то, что свершает сам человек, затем совершается с ним самим*: он предстает как объект того воздействия, которое прямо или косвенно вытекает из предпринятых им действий.

Примеры событий-свершений из классической литературы. 1. Девушка влюбляется в молодого человека, но он пренебрегает ею, желая сохранить свободу; когда же эта свобода становится ему постылой, он влюбляется в ту, которой когда-то пренебрег, но она уже принадлежит другому. Эта сюжетная схема «Евгения Онегина» — образчик работы судьбы, которая превращает героев в объекты их собственных действий. 2. Поручик Вулич благополучно испытывает свою судьбу, играя в русскую рулетку; но через полчаса погибает, подвернувшись под саблю пьяному казаку. В «Фаталисте» Лермонтова сама готовность героя ставить свою жизнь на кон, подвергать ее случаю вызывает ответное действие случая, который тем самым становится уже не совсем случайным.

Свершения отличаются от поступков и происшествий тем, что содержат в себе собственное начало и конец и обнаруживают действие судьбы на всем его протяжении. С точки зрения фатумологии поступки и происшествия — это всего лишь неполные, односторонние свершения, чьи начала или концы упрятаны во времени судьбы, предшествующем рождению человека или следующем за его смертью. Однако только свершения, замкнутые временем человеческой жизни, поддаются строгому рассмотрению. Следуя критериям точности, фатумология должна исходить прежде всего из анализа событий-свершений, в которых наглядно определима связь поступка и происшествия. Тогда и учения о карме, о влиянии звезд, о рае и аде могут приобрести конкретность, какая свойственна наукам о наблюдаемом мире.

*Биограмма, Жизнь как тезаурус, Ипсеистика, *Реверсивность*, Своечуждость, Событие, Субъект, Судьба

Поступок и происшествие: К теории судьбы // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 65–77. Знак. С. 541–592.

ЭГОНАВТИКА (egonautics; от ego, лат. я, и nautike, греч. кораблевождение). Странствие вглубь себя, экспериментально-исследовательское отношение к своему «я», поиск его оснований и пределов. Эгонавику нужно отличать от *психонавтики*, которая изучает психическое вообще, тогда как *эгонавт* сосредоточен на себе, на бесконечно глубокой реальности своего «я». Психонавтика — это познавательная установка, исследовательский интерес, тогда как эгонавтика — свойство характера, тип личности.

Эгонавтика имеет иное значение, чем эгоизм, эгоцентризм, нарциссизм и другие «эго»-понятия, поскольку она предполагает не фиксацию на данности своего «я», а динамику его искания и обретения. Эгонавт — это интроверт-экспериментатор, искатель приключений в глубинах своего «я». Он не замкнут в себе статично, но путешествует вглубь себя, открывает все новые континенты своего внутреннего мира. «Лишь жить в самом себе умей, / Есть целый мир в душе твоей / Таинственно волшебных дум...» (Ф. Тютчев). Эгонавтика — это не просто умение жить в себе как в обустроенном доме, это авантюрный поиск себя в себе, романтическое незнание и постоянное узнавание себя — новым, неведомым, преображенным.

*Есмь-истина, Ипсеизм, Ипсеистика, *Эгонетика*
Политикон. 30.5.2008.

ЭТИКА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ (РАЗНОСТНАЯ) (differential ethics). Этика, которая исходит из разности субъектов, вступающих в нравственное отношение, их уникальности и незаменимости; дополняет классическую этику, основанную на «золотом правиле» общности, взаимобратимости нравственных субъектов.

Дифференциальная этика восходит к учению о различии духовных даров. «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (1 Петра, 4: 10). Соответствующие предписания есть также в индуизме, буддизме, джайнизме, исламе...¹ Высшую нравственную ценность представляет именно мое отличие от других людей и их отличие от меня. Задача в том, чтобы обобщить и вывести в качестве всеобщего закона именно это право и долг каждого отличаться от каждого. Дифференциальная этика охватывает тот же круг проблем, что и **алмазное правило* и **стереоэтика*, но подключает к их решению более широкую философию **всеразличия*.

В «осевую эпоху» (VIII–II вв. до н.э.), когда, согласно К. Ясперсу, закладывались основы сверхплеменной, общечеловеческой морали, установка на различия могла расшатать и разрушить эти универсальные основы. Однако возрастающая критика универсализма в эпоху постмодерна с позиций релятивизма и многокультурия укрепила потребность в новых критериях нравственности. Дифференциальная этика, этика **всеразличия* может спасти от релятивизма как чисто отрицательной реакции против традиционной морали, ее универсальных норм и канонов. Человеку не удастся до конца поставить себя на чье-то место, обобществить свое «я» — и потому он начинает осмыслять свою субъективность как вне- или антинравственную, как право на вседозволенность. Между тем именно

¹ World Scripture: A Comparative Anthology of Sacred Texts / Ed. by Andrew Wilson. New York: Paragon House, 1995. P. 114–115.

эта несводимость единичного ко всеобщему и может стать источником новой нравственной энергии, изливающейся в мир не по старым, пересохшим руслам.

На эту тему много размышляли русские философы — Н. Бердяев, Л. Шестов, М. Бахтин. У Марины Цветаевой, вынужденной в эмиграции зарабатывать литературной поденщиной, есть такая запись: «Я не паразит, потому что я работаю и ничего другого не хочу кроме как работать: но — *свою* работу, не чужую. Заставлять меня работать чужую работу бессмысленно, ибо ни на какую кроме своей и черной (таскать тяжести, прочее) неспособна» (1932)¹. Здесь возникает важное понятие: *своя работа*, та, которая поручена именно мне и которую никто не исполнит лучше меня. Среди множества долженствований каждого человека есть такие, которые совпадают с его призванием; более того, верность своему призванию, своей исключительной способности и есть одно из главных долженствований.

Нравственность — это не мера личных способностей и не мера общественных потребностей, а изменчивая мера соотношения тех и других. Поэтому этика не сводима к эстетике или психологии, которые имеют дело с индивидуальными способностями, с талантом и гением. Но точно так же этика не сводима и к социально-историческим обстоятельствам, которые определяют меру потребности в тех или иных поступках индивида. Мораль — подвижное равновесие всеобщего и индивидуального, причем в дифференциальной этике именно индивидуальное различие оказывается нравственным императивом.

* *Алмазное правило*, Альтерология, *Всеразличие*, Универсализм критический, Противозовие, Содобродетели, Стереозтика
Знак. С. 745–760.
Возможное. С. 246–255.
Transculture. P. 164–168.
Humanities. P. 217–224.

¹ *Цветаева М.* Записные книжки и дневниковая проза. М.: Захаров, 2002. С. 241.

КУЛЬТУРА. ЭСТЕТИКА

Арх-арт
Белая дыра
Воосязание
Гипер- (приставка)
Гипо- (приставка)
Гипореальность
Игра
Импровизация коллективная
Ирония бытийная
Калодицея
Копиап
Космо-арт
Культуроника
Лирический музей
Манифест
Неолубок
Ожутчение
Остранение остранения
Пиар нуар
-Поэия, поэзис
Прагмо-арт
Противоирония
Сверхпоэзия
Тактильное искусство, тач-арт
Травма постмодерна
Транскультура
Упругость
Фактазия
Эдемизм, раепись
Эксплозив
Эссеизм
Эссема

АРХ-АРТ (arch-art). Искусство, пользующееся методами археологии и археографии и мимикрирующее под древние формы культуры. Дж. Джойс в литературе, П. Пикассо в живописи, А. Арто в театре — примеры обращения к архаическим формам и архетипам, к мифологическому анимистическому сознанию и бессознательному. Примеры *арх-дизайна* (arch-design) — специально состаренная новая мебель, одежда. Стилизация под старину проникает в архитектуру и интерьер. Сочетанием модерна/постмодерна и архаики создается внутренняя напряженность художественных объектов.

*Археософия, Древностное

БЕЛАЯ ДЫРА (white hole). Пробел в системе знаков, способствующий рождению новых знаков. В физике «белая дыра» — это черная дыра, бегущая обратно во времени: если черная дыра безвозвратно поглощает материю, то белая исторгает ее из себя. С точки зрения физики белых дыр не существует в природе, ибо они нарушали бы второй закон термодинамики. С гуманитарной точки зрения белые дыры существуют — не в природе, а в культуре, где этот термин используется метафорически. Поиск белых дыр, значимых пробелов, которые «выталкивают» из себя ранее неизвестные знаки, идеи, концепты, и составляет одну из задач гуманитарного мышления.

*« », Вакуум нестабильный, Пустоты, Семиургия, Творчество
Знак. 6. С. 201.
« ». Р. 41–43.

ВООСЯЗАНИЕ (tactile imagination). Осязательное воображение, мысленное воссоздание или построение предмета в образах осязания.

«Образ» обычно определяется как внешний вид, облик, — то, что представляется внутреннему взору, воображению. Такой сложившийся в культуре видеоцентризм противоречит собственному этимологическому значению слова «образ» (от «раз-ить/резать») — нечто «обрезанное», «образованное резкой», то есть изваянное или вылепленное. Важно восстановить в языке и в сознании осязательную природу образа как рукотворения. Прикосновенность не менее существенна для образа, чем наглядность.

Воосязание — совокупность внутренних касаний, которыми мы лепим образы своего сознания, подобно тому как зрительную сторону этого процесса мы называем воображением. Воосязание — «трогательное» воображение, которое представляет ощутимым то, что мы в данный момент не воспринимаем на ощупь. Это память и воображение самой кожи — совокупность тех следов, которые она хранит в себе от прошлых прикосновений, и тех желаний, которые влекут к новым прикосновениям. В стихотворении И. Бродского «Ниоткуда с любовью...» представлено именно *воосязание* — такая осязательная память тела, которая преодолевает расстояние в полжизни и в полпланеты: «Далеко, поздно ночью, в долине, на самом дне, / в городке, занесенном снегом по ручку двери, / извиваясь ночью на простыне <...> /я взбиваю подушку мычащим “ты”, / за горами, которым конца и края, / в темноте всем телом твои черты / как безумное зеркало повторяя». Любящий лепит тело возлюбленной *воосязательно*. У осязания есть свои призраки, свои «прилипы» — неотвязные образы гладкого, шероховатого, теплого, нежного, колючего — оттиски прежних или возможных прикосновений. Порой, касаясь чашки или травинки, можно «влипнуть» в память своей кожи и испытать давно забытые ощущения, погрузиться в иную чувственную среду.

Любой идеал, а не только осязательный, требует работы *осязающего* воображения. И чем идеальнее предмет, тем сильнее потребность не только узреть его внутренним взором, но и ощупать «внутренней кожей». Воосязание — это вживание в мир осязательных грез и воспоминаний, это мало изученный слой кожных представлений, интуиций, интенций, гипотез. Самые известные в истории случаи *воосязания* — стигматы, когда на теле верующих открывались раны

и язвы, подобные тем, что покрывали тело бичуемого и распинаемого Иисуса Христа. Воосязание редко достигает такой силы вживания, но несомненно, что кожа способна чувственно вбирать в себя и далекие, даже потусторонние образы. Здесь переворачивается известная метафора: можно ощупывать мир глазами, но можно и *прозреть кожей*.

* *Тактильное искусство, Упругость, Хаптика*
Тело. С. 52–58.

ГИПЕР- (hyper-; греч. hyper, над, сверх, по ту сторону). Приставка, обозначающая чрезмерную степень качества и одновременно его мнимость; переступая свою меру, оно переходит в противоположность, усиление приводит к ослаблению (ср. слова «гипертония», «гипертрофия»). «Гипер» указывает на свойство определенных социальных и культурных феноменов, достигая наибольшей интенсивности, переходить в область фантомов. Значение «гипер» можно разложить на значения двух приставок: «супер-» (сверх-) и «псевдо» (лже-). Переход между ними раскрывает ироническую логику революций (социальных, сексуальных, философских) и движение от модерна к постмодерну в культуре XX века.

«Гипер» может рассматриваться как *модальная* категория: императив того или иного действия (повелительное наклонение) прямо переходит в симулякр его результата (условное наклонение), минуя область реального.

Так, *гиперсоциальность* (hypersociality), культивируемая в тоталитарных режимах, — это социальность, возведенная в политический и моральный императив, в степень абсолютного долженствования и именно поэтому ведущая к разрушению социальных связей, разобщению людей и «культу личности». Гиперсоциальность — это *суперсоциальность* и одновременно *псевдосоциальность*, то есть такое усиление социального фактора, которое нарушает его собственную меру, подавляет развитие индивидуального, частного и, следовательно, обнаруживает мнимость и деструктивность самого социального. Коммунизм оказывается более пригодным для абсолютного самоутверждения одной-единственной всемогущей индивидуальности («культ личности»), чем любой предшествовавший ему индивидуализм.

По своим прямым задачам революция — это «переворот», выдвигание одной противоположности на место другой: коллектива на место индивида, материи на место идеи, инстинкта на место интеллекта... Но то, что побеждает в революции, постепенно обнаруживает свою иллюзорность, мнимость самой победы.

Гиперматериализм (hypermaterialism): материализм оказывается более отвлеченной и схоластической философией, чем любой предшествовавший ему идеализм, — и более разрушительной для самой материи (по мысли Андрея Белого, торжество материализма в СССР привело к разрушению материи, оскудению материальной жизни).

Гипернаучность (hyperscientism): в квантовой физике вещество, сведенное к элементарным частицам, оказывается гораздо более идеальным, математически или статистически сконструированным, чем вещество в классическом смысле, обладающее определенной массой покоя.

Гипертекстуальность (hypertextuality): литература, сведенная к тексту, к системе чистых знаков, оказывается более зависимой от интерпретаций критика, чем

литература «традиционного типа», насыщенная историческим, биографическим, идеологическим содержанием.

Гиперсексуальность (hypersexuality): сексуальность, сведенная к чистому инстинкту, оказывается гораздо более умозрительной и фантазмагорической, чем обычное половое чувство, включающее физическое, эмоциональное и духовное влечение.

Именно «чистота», квинтэссенция качества, которая составляет заветную цель всех революций (политических, научных, сексуальных, текстуальных и т.д.): чистая социальность, чистая материальность, чистая сексуальность, чистая текстуальность и т.д. — оказывается превращенной формой того, что в ней отрицается. «Чистая» реальность оказывается симуляцией самого свойства «быть реальным».

Диалектика «супер» и «псевдо», которая разыгрывается внутри «гипер», резко отличается от классической гегелевской диалектики тезиса и антитезиса с их последующим примирением и слиянием в синтезе. Отличается она и от негативной диалектики, разработанной франкфуртской социологической школой (Т. Адорно, Г. Маркузе), с ее неразрешимым противостоянием революционного антитезиса консервативному тезису. *Постмодерная* диалектика предполагает *взаимобращение тезиса и антитезиса*, что чревато *иронией нахождения другого в себе*. Революционный антитезис, доведенный до крайности, внезапно обнаруживает тезис внутри себя, больше того, оказывается его продолжением и усилением. Революционное отрицание оказывается преувеличением, разрастанием, гиперболой того, что отрицается. Материализм оказывается не столько отрицанием идеализма, сколько его воинствующей крайностью, безжалостной по отношению к материальности как таковой и разрушительной для экономики. Коммунизм оказывается не отрицанием индивидуализма, но его самой деспотической формой, безжалостной по отношению к общественности как таковой. Избыточность данного качества, возведенного в «супер», оборачивается его иллюзорностью, его «псевдо», тогда как его противоположность, которая изначально, «в намерении», отрицалась, в конечном счете приобретает господство.

Два эти свойства — усиление и мнимость, «супер» и «псевдо» — лишь постепенно обнаруживаются в историческом развертывании «гипер». Первая стадия, «революционная», или модернистская, — это «супер»: вдохновенное открытие новой реальности — социалистического «суперобщества», самодвижущейся «суперматерии», эмансипированного «суперсекса», элементарной «суперчастицы», самодовлеющего «супертекста» («самовитого слова» в авангарде). Первая половина XX века была в основном отдана этим «супер»-построениям, которые в 1900–1910-е годы возводятся на теоретическом фундаменте марксизма, ницшеанства и фрейдизма, а в 1920–1930-е годы приобретают форму настоящих, «практических» революций — социальной, сексуальной, научной, философской, литературной, критической.

Вторая половина XX века — постепенное осознание иного аспекта этих вездесущих усилений: их мнимости. От «супер» к «псевдо» — так можно определить основную линию развития западной и российской культуры XX века, а в иной системе терминов — как движение от модернизма к постмодернизму. Модернизм — это «супер», поиск абсолютной и чистой реальности. Постмодернизм — это «псевдо», осознание условного, знакового, симулятивного характера

этой реальности. Этот переход от экстатических иллюзий чистой реальности к ироническому осознанию этой реальности как симулякра составляет историческое движение культуры XX века. С постмодернистской точки зрения социальная революция, сексуальная революция, материализм и т.д. — это вовсе не освободительные прорывы в последнюю реальность, а скорее интеллектуальные машины, предназначенные для производства симулякров — псевдосоциальности, псевдосексуальности, псевдоматериальности. Эта издевательская симулятивность полностью раскрывается в постмодернизме как в самосознании современной культуры и составляет диалектику «гипер» — диалектику *усиления-подделки, гиперболы-пародии*. Тем самым приходит к самопознанию и исчерпывается сам феномен «гипер», определивший противоречивость и ироническую цельность культуры XX века.

* Выверт, Гипербола-литота, Гиперрациональность, Ирония, *Как бы*, Концептуализм, Недо-, Минус-система, Платомарксизм, Противоирония, *Реверсивность*

От модернизма к постмодернизму: Диалектика «гипер» в культуре XX века // Новое литературное обозрение. № 16. 1995. С. 32–46.

Постмодерн. С. 20–44.

Postmodernism. P. 23–50.

ГИПО- (гуро-; греч. гуро, под, ниже, меньше). Приставка, означающая низкую степень проявления качества, его уменьшение против нормы (ср. «гипотония», «гиподинамика»). *Гипо-* — антоним приставки **гипер-*, которая указывает на повышенную, чрезмерную степень качества и вместе с тем его иллюзорность, неподлинность. *Гипо-*, напротив, обозначает слабую, недостаточную степень качества и вместе с тем возможность его дальнейшего роста и самораскрытия.

Приставка «гипо-» может относиться ко множеству феноменов, указывая на их «пониженный» статус в разных сферах бытия и знания: недостаточную оформленность, выраженность, осознанность, признанность, обоснованность, влияние и т.п. — и вместе с тем на их глубинную, скрытую потенциальность. Так, гипотеза — это предположение, которое еще не доказано, но возможность его обоснования несет в себе более высокую интеллектуальную ценность, чем подтверждение очевидных фактов (см. **Гипотетизм*). Приведем примеры разных гипофеноменов.

Гипообъект (hypoobject) — объект, существование которого не вполне доказано или слабо манифестировано, вызывает противоречивые свидетельства и толкования (в зависимости от мировоззрения, так могут толковаться ангелы, духи, привидения, снежный человек, инопланетяне, летающие тарелки, темная энергия, параллельные миры).

Гипосубъект (hyposubject) — субъект с подавленным, нереализованным потенциалом личности, не имеющий своего слова и поступка в бытии.

Гипоматерия (hypomatter) — материя в ее крайне разреженном состоянии, приближенном к вакууму.

Гипопатриотизм (hypopatriotism), **гипонационализм** (hypo-nationalism) — слабо выраженные формы патриотизма и национализма, обусловленные умеренно скептическим или критическим отношением к своей родине или нации (в отличие от *гиперпатриотизма* и *гипернационализма*).

Гиподемократия (hypodemocracy) — слабая, неустойчивая демократия, лишенная глубоких исторических корней и твердой опоры в гражданском обществе.

Гиподеноминация (hypodenomination) — общность верований, которая содержит зачаток образования новой деноминации, церковной общины (через эту стадию проходят многие религиозные сообщества).

Гипоконцепт, гипотермин (hypoconcept, hypoterm) — концепт или термин, который используется спорадически, не стал общепринятым, не канонизирован профессиональным сообществом.

Гиподисциплина (hypodiscipline), **гипожанр** (hypogenre) — дисциплина или жанр, которые находятся на ранних этапах становления, в виде проектов, гипотез; они еще не сформировались в самостоятельную систему исследовательских принципов или творческих приемов и осознаются как экспериментальные.

Гипология (hypology) — метадисциплина, рассматривающая многообразные гипофеномены, «слабые» формы бытия и знания (в том числе *гипореальность), их роль в культуре и дальнейшие возможности их роста или исчезновения.

*Гипер-, Гипоавтор, Гипореальность, Гипотетизм, Как бы, Микроника, Минус-система, Недо-, Потенциология, Прото-, Реалитет, Слабое знание

ГИПОРЕАЛЬНОСТЬ (hyporeality; от греч. hypo, под, ниже, меньше). Тип реальности со слабо выраженными признаками ее отличия от нереальности, ирреальности. Характерные свойства гипореальности: размытость объектов, слабо отделенных от окружающей среды; размытость субъектов, слабо выделенных из массы, из коллектива; аморфность цивилизации и ее артефактов, не выделенных четко из природы или быстро ветшающих и готовых к распаду.

Гипореальность противостоит *реалитету, когнитивно-правовому статусу реальности как высшей ценности в западной цивилизации. Вместе с тем гипореальность отличается от гиперреальности (см. *Гипер-), под которой понимается избыток реальности, усиленная ее симуляция, прежде всего, средствами массовой коммуникации. Гипореальность — это, напротив, «слабая», недопроявленная, пустотная реальность, которая может содержать в себе потенциал чего-то большего, надежду, призыв, обещание, а может оставаться самодостаточной именно на уровне «гипо».

Гипореальность — свойство некоторых культур балансировать на грани бытия и небытия. Бытие не обладает самостоятельной ценностью, не ограждается надежно от распада, хаоса, смерти, но полурастворяется в небытии. Не развита система научных, юридических средств и гарантий для защиты реальности от фикций, мифов, предрассудков. К числу определяющих свойств реальности можно отнести четкость базовых культурных границ, отделяющих: знание — от мнения и верования, подлинник — от подделки, факт — от вымысла, энергию — от энтропии, право — от бесправия, свое — от чужого, личное — от общего, форму — от хаоса, труд — от праздности и т.п. Гипореальность упраздняет или ослабляет эту систему различий, размывая научные, правовые, моральные критерии истины, собственности, должного, ценного. Факты смешиваются с мифами. Идеология подчиняет себе науку и искусство и ограничивает свободу исследования и творчества. Продукты труда выглядят недостаточно завершенными и отделанными.

Артефакты производятся наспех, небрежно и не слишком контрастно выделяются на фоне окружающей среды (блеклость, хрупкость, ветхость). Субъекты не достигают полноты самосознания и самоопределения, не становятся свободными и ответственными гражданами. Гражданское общество не формируется как самостоятельная сила, независимая от государства. В условиях гипореальности не складывается твердых понятий о собственности, о правде, о свободе, об индивидуальности, о гражданском долге, о человеческом достоинстве. Все эти черты реальности расплываются в смутном и абстрактном представлении о пространстве, лишенном ясных форм и открытым любым превращениям и превратностям. Гипореальность не только обладает определенными структурными свойствами, но и внешне узнаваема и обычно характеризуется такими эпитетами, как бедный, неброский, неяркий, неприметный, неприятный, пустынный, рассеянный, разбросанный. Бедность в данном случае — это не социально-экономическая, а онтологическая категория, нехватка по признаку не «иметь», а «быть».

В лирическом образе России у Гоголя преобладает именно мотив *гипореальности*: «Русь! Русь!.. бедно, разбросанно и неприятно в тебе... открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?... Что пророчит сей необъятный простор?» («Мертвые души»). Одна из главных исторических проблем России — «нехватка реальности» и вместе с тем попытка ее «гиперкомпенсации», построения искусственной реальности свехубедительного симулякра. Это превращение «гипо» в «гипер» легло в основу советского проекта, который в конце концов продемонстрировал свою иллюзорную природу.

Если «бедная реальность», *гипо*-, вызывает чувства умиления, смирения, сострадания, подлинности, то «сверхреальность», *гипер*-, связана с состоянием гордости, величия и вместе с тем вызывает чувство фальши, обмана, страха, опасности, неестественности. Этот мгновенный переход от *гипо* к *гипер* совершается в дальнейших строках Гоголя, представляющих Россию «гиперпространством»: «Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи...» В России «гипо-» и «гипер-» напрямую стыкуются и подстегивают друг друга. Реальность не выступает «в норме», ее отчаянно не хватает (бедность, слабость, ветхость, разбросанность) и ее слишком много (широта, беспредельность, богатство, грозная мощь).

Разные аспекты российской «недобытийности» и «сверхбытийности» отразились в лирике Пушкина, сочетающей соответственно *гипо*патриотические и *гипер*патриотические мотивы (ср. «Румяный критик мой...» и «Клеветникам России»), Некрасова, Блока, Есенина... А. Платонов — непревзойденный мастер изображения бедной, скучной, разреженной, опустошенной, томливой, изможденной реальности, которая еле проявлена из небытия и вот-вот может в него опять погрузиться.

Не следует отождествлять *гипо*- и **недо*- («недострой», «недодел», «недостача»). *Недо*- обусловлено специфическим сочетанием «гипо» и «гипер» в условиях российской цивилизации, когда бедность реальности ведет в попыткам ее гипер-

компенсации и заранее предсказуемому краху симулятивной сверхактивности, обнажающей свою фиктивность.

**Гипер-, Гипо-, Духовность первого дня, Как бы, Минус-система, Недо-, Прото-, Реалитет*

ИГРА (play, game). Форма условного поведения, в которой субъект раздваивается на сферы реального и воображаемого. Согласно Платону, игра есть занятие наиболее достойное человека, хотя он и выступает в ней как существо несамостоятельное, подчиненное, скорее игрушка, чем игрок. «Человек... — это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением... Надо жить, играя. <...> Люди в большей своей части куклы и лишь немного причастны истине»¹. Играющий человек — господин над своими земными рабами, но сам — раб небесных господ, дергающих его, словно куклу, за нитки-законы.

Такова глубинная двойственность игры. Она воспроизводит высшее состояние свободы и торжества, но лишь миметически, иллюзорно, оставаясь внутри реального мира, не имея власти для его подлинного преобразования. Игра поднимает человека над серьезностью низшего порядка — угрюмой, рабской, бессловесной, животной, но не достигает того уровня серьезности, которая присуща всеведущему и всемогущему богу или его служителям, правящим старцам, ведущим между собой беседу в «Законах» Платона. Характерно, что высшие боги монотеистических религий и низшие представители животного мира (инфузории, амёбы) не играют, не раздваиваются, не становятся противоположностью себе. Играют только низшие языческие боги и высшие животные (млекопитающие, птицы), а наиболее способен к игре человек — самое срединное из всех существ, каким он себе представляется, поскольку берет себя за точку отсчета.

Этимология слова «игра» располагает к такому пониманию: однокоренное древнегреческое «agos» означает «священный трепет» (родственное санскритское слово «ejati» означает «двигаться», «шевелиться»). Противоположное понятие «серьезности» восходит к значению «тяжесть, груз, вес». Игра в сравнении с серьезностью есть «трепет», «колебание», то есть как бы движение самого движения, смена его направлений и полюсов. Вот почему оно «священно» и посвящается богам: оно есть цель в себе, самодостаточное целое.

В игре есть сдвиг и переворот законов серьезного мира, причем существен сам момент переворота, а не его итог, переходящий в новую серьезность. В отличие от серьезного альпиниста, устремленного к вершинам, акробат, для которого «верх» и «низ» легко меняются местами, играет своим телом. Точно так же возможна игра ума: парадокс так же переворачивает понятия добра и зла, истины и лжи, как акробат — пространственные ориентиры. Игра может заключаться и в человеческих отношениях — таково, например, кокетство, говорящее «да» в значении «нет» и «нет» в значении «да»; каждый шаг приближения таит в себе возможность отталкивания, и наоборот. Слово «игра» применяется к таким процессам, где постоянно чередуются противоположные состояния, плюс меняется на минус, где постоянно только сама перемена.

¹ Платон. Соч. в 3 т. Т. 3, ч. 2. М., 1972. С. 282–283.

Два главных закона логики — законы тождества и противоположности ($A = A$; $A \neq \text{не } A$), ее главные слова — «да» и «нет», «истина» и «ложь». Но отношения между предметами не сводятся к тождеству и противоположности, а могут совмещать их. «Как» — великое слово искусства, отсутствующее в логике — это формула такого парадоксального отношения между вещами, когда они *подобны* друг другу: не тождественны, но сходны; не противоположны, но различны. В художественном образе важна именно оборачиваемость отношений между предметами, составляющая признак настоящей игры.

**Веселье мысли, Живоумие, Ирония, Обаяние*

Игра в жизни и в искусстве // Современная драматургия. 1982. № 2. С. 244–253.

Постмодернизм. С. 299–327.

ИМПРОВИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ (collective improvisation). Опыт совместного интеллектуального творчества в процессе коммуникации. Цель коллективной импровизации состоит в том, чтобы поощрять взаимодействия между различными дисциплинами, жизненными опытами и мировоззрениями. Мысль всегда не только интенциональна, она *интерперсональна*, это не только мысль о чем-то, но и мысль с кем-то, и коллективная импровизация выявляет взаимосвязь этих двух моментов: *мыслительного обобщения* и *межличностного общения*. Это мышление в форме *сомыслия*, которое сочетает индивидуальное и диалогическое.

Слово «импровизация» восходит к латинскому «*providere*» (предвидеть) и буквально означает «непредвиденное». Импровизировать — значит творить непредвиденно, непредсказуемо для самого создателя. Особенность коллективной импровизации выводится из того, что она представляет собой *творчество через общение*, встречу и взаимодействие разных сознаний.

Собираются несколько человек, обычно от пяти до десяти, и каждый предлагает свою тему импровизации. Общим голосованием выбирается одна — и все участники в присутствии друг друга пишут на эту тему небольшое эссе (по договоренности в течение получаса-часа). Все тексты затем поочередно читаются и обсуждаются, так что один предмет предстает во множестве трактовок и понятийных связей. Все тексты складываются в одну подборку — и образуется маленькая энциклопедия данной темы.

Цель коллективной импровизации можно связать с задачей, которую Ричард Рорти поставил перед мыслителями будущего: «Они должны стать универсальными (all-purpose) интеллектуалами, готовыми предложить свои представления о чем угодно, в надежде на то, что эти представления будут гармонично сочетаться со всем остальным»¹. Акты импровизации — ментальный «штурм» обычных вещей, эксперименты в области творческого общения или же опыты создания «универсальных интеллектуалов».

Никакая другая ситуация не создает такого интеллектуально-эмоционального напряжения, сконцентрированного в кратком промежутке времени. Написание

¹ Rorty R. Pragmatism and Philosophy // After Philosophy: End or Transformation? / Ed. by Kenneth Baynes et al. Cambridge, MA, London: The MIT Press, 1987. P. 56.

сочинения на экзамене или участие в «мозговом штурме» включает элементы подготовки и предварительного знания возможных тем и задач (предмет университетского курса, повестка дня конференции и т.п.). Лишь во время импровизации множество возможных тем абсолютно открыто и простирается на разнообразные области и дисциплины: от конкретных предметов («ягоды», «лягушки», «знаки препинания», «острые и режущие предметы», «пояс», «тень и песок») до психологических, философских, культурно-исторических («миф и толерантность», «жанр фрагмента», «волшебная страна», «ревность», «путешествие в одиночку»). Темы импровизаций никогда заранее не обсуждаются, сохраняя свою непредсказуемость для актов свободного, спонтанного мышления. Все объекты обыденного знания в импровизации остраняются, делаются целью самостоятельного размышления, тематизируются и проблематизируются. Участники импровизации предстают друг другу в экзистенциальной, «пороговой» ситуации сомыслия «здесь и сейчас».

Творчество — самый загадочный и интимный момент в жизни личности, что превращает импровизацию в экзистенциальный эксперимент, в открытие себя для себя и других. Обычно творчество преподносится публике в заранее подготовленных, обдуманых формах и жанрах, в соответствии с установленными видами и жанрами искусства (картины, стихи, танцы). Их создатель уже отделен и отдален от результатов своего творчества, даже если он при этом поет или играет на сцене, — это готовый итог труда, репетиций. В импровизации тайна творчества раскрывается наиболее интимно и спонтанно, как самосозидание личности здесь и сейчас. Коллективная импровизация — это редчайший случай *экзистенциальной социальности*, когда экзистенциальность и социальность не исключают, но предполагают друг друга.

Традиция коллективных импровизаций была заложена в Москве в 1982 году в триалогам И. Кабакова, И. Бакштейна и М. Эпштейна, а затем продолжена в деятельности московского Клуба эссеистов, 1983–1988¹. К настоящему времени (2016) проведено около 100 импровизационных сессий, в основном в России и США.

*Игра, Комос, Креаторика, Культуроника, Творчество, Эссеизм

Клуб эссеистов и коллективная импровизация: творчество через общение (Из интеллектуальной истории 1980-х) // Новое литературное обозрение. № 104. 2010. С. 223–235.

Творчество. С. 384–406.

Transcultural. P. 31–55, 201–213.

Сайт импровизаций на английском языке: http://www.emory.edu/INTELNET/impro_home.htm

ИРОНИЯ БЫТИЙНАЯ (irony of being, existential irony). Ирония, присущая самому бытию и его фундаментальным структурам, таким как желание, время, история. Обычно ирония представляется игрой скрытого и явного значения, плодом рефлексии, металогической фигурой сброса отяжелевших смыслов (стереотипов) на новом, остраненном уровне их восприятия. По С. Кьеркегору, субъект в иронии освобождается от той связанности, в которой его держит последовательная цепь жизненных ситуаций. У мыслителей постмодерна ирония описывается как

¹ Среди постоянных участников — В. Аристов, О. Вайнштейн, А. Михеев, М. Маргулис, Л. Польшакова, М. Умнова, Б. Цейтлин, М. Эпштейн и др.

«двойное кодирование» (Ч. Дженкс), «метаречевая игра, пересказ в квадрате» (У. Эко) и т.п.

Бытийная ирония укоренена в структуре эротического желания, которое подгоняет и вместе с тем сдерживает себя на пути к разрядке. В желании все строится на пародическом выверте значений: оно живет в надежде на оргазм и в отсрочке оргазма, в устремлении к своему концу и в безопасном отдалении от него (**хитрость желания*). Вся история проникнута иронией коллективного желания, которое ищет того же, чего старается избежать, одновременно и ускользается, и затормаживается на пути к своей кульминации. Отсюда и так называемая «*ирония истории*»: радикальное несовпадение чаемых целей и получаемых результатов социальных усилий.

Тит Лукреций Кар называл эти иронические отклонения первоначал от прямых траекторий «клинаменами» и выводил из них весь миропорядок, основанный на пересечении множества кривых. Почему мир так насмешлив и непредсказуем? «Легкое служит тому первичных начал отклоненье, / И не в положенный срок, и на месте, дотоль неизвестном» («О природе вещей»). Ирония бытия действует повсюду. То, что приближает нас к цели, одновременно отдаляет от нее. Добившись исполнения желаний, мы убеждаемся, что лучше им было бы не исполняться. Революции приводят не к свободе, а к еще большему закреплению. Фауст строит город на отвоеванной у моря суше — чтобы Мефистофель мог тем вернее его потопить. Бытийная ирония выразилась и в пословицах: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «За что боролись, на то и напоролись». Ирония сама по себе не добра и не зла, но именно она подстрекает доброе обернуться злым, а злое — добрым.

*Амбиутопия, *Выверт*, Противоирония, *Реверсивность*, *Судьба*, Фатумология, *Хитрость желания*, Эротосфера

Эрос цивилизации: Ирония желания и конец истории // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 55–68.

Ирония. С. 4–9, 24–26, 74–77.

Листочки. С. 7–9.

КАЛОДИЦЕЯ (kalodicy; греч. kalos, красота, и dike, справедливость). Оправдание красоты и оправдание красотой; представление о красоте как о высшем смысле бытия, который освящает его пороки и несовершенства; вера в то, что «красота спасет мир» (Ф. Достоевский).

Из русских мыслителей ближе всего к калодицее подходят К. Леонтьев и А. Синявский. К. Леонтьев эстетизирует византийскую пышность и сложность культуры как ритуала и требует искусственной подморозки гниющих и распадающихся форм самодержавной российской цивилизации. У А. Синявского, напротив, именно распад всех форм и устоев, характерный для России вообще и особенно для поздней советской эпохи, создает возможность великого художества. Если революционный эксперимент в России провалился по всем политическим и экономическим меркам, то, может быть, к нему следует прилагать другие мерки — эстетические? Если российский опыт XX века лишен рационального смысла и объяснения, то, может быть, цель его заключается в нем самом — и тогда мы вправе приложить к нему кантовское определение: «*Красота* — это

форма *целесообразности* предмета, поскольку она воспринимается в нем *без представления о цели*?¹

Еще П. Чаадаев выразил взгляд на Россию как на бесцельную игру общественной природы, которая лишь внешне воспроизводит формы целесообразности, сложившиеся в западных обществах, но лишает их какой бы то ни было рациональной цели и тем самым придает им чисто миметическое, то есть эстетическое качество. Россия — это *игра* в цивилизацию, экономику, закон, конституцию, правопорядок... Но если Россия не выдерживает критики по существу каждого из этих параметров, как «демократия», «парламент» и т.д., то может быть, ее и надо судить по законам самой **игры*? Россия в глазах А. Синявского (Абрама Терца) — это место и условие тотального художества, которое оправдывает ее экономический развал, политический беспредел, ее нестроения и уголовщину, — все приносится в жертву фантазии и фантазмагии, в жертву искусству, даже сам художник. «Россия — самая благоприятная почва для опыта и фантазий художника, хотя его жизненная судьба бывает порой ужасна»².

**Игра*, Минус-система, Недо-
Постмодернизм. С. 351–355.

КОПИАП (соруур). Отказ автора от права собственности на свое произведение и на получение гонорара в целях беспрепятственного его размножения; активная форма *копилефта* (copyleft). *Копилефтом* называют такой копирайт, который предполагает свободу распространения данной авторской собственности при условии, что при копировании из нее не будет извлекаться коммерческая выгода и каждая копия будет содержать такое же условие своего дальнейшего свободного распространения. Читатель может сколько угодно воспроизводить данный текст, но не имеет права его присваивать. Такой копилефт можно назвать пассивным, или слабым: ты можешь копировать, но не обязан.

Копиап — усиление принципа копилефта, указание направления не влево, а вверх (ур). Произведение безвозмездно предлагается для активного распространения. Автор не просто разрешает делать копии своей работы, но рассматривает это как цель публикации. Текст не только можно, но и нужно распространять — конечно, по желанию самих читателей. С точки зрения копиапа идеи и тексты *нуждаются* в размножении, таков их информационный посыл и интеллектуальный «эрос» — потребность в наибольшем числе прочтений.

Знак копиапа — копирайт, вписанный в кружок с направленной вверх стрелкой: традиционная эмблема эроса и инстинкта размножения.

¹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 240.

² Синявский А. Голос из хора // Абрам Терц (Андрей Синявский). Собр. соч. в 2 т. М.: СП «Старт», 1992. Т. 1. С. 613.

Авторы, которые хотели бы беспрепятственного размножения своих текстов, могут пользоваться этим знаком, ясно указывающим на такое намерение.

Копирай особенно важен для судьбы электронных публикаций. Обогащение издательств за счет продажи прав на онлайн-чтение научных работ все больше противоречит принципу открытости знания и культуры, провозглашенному Декларацией прав человека и технически обеспеченному открытостью электронных сетей. В отличие от материальных ценностей, которые присваиваются одними за счет других, интеллектуальные ценности не уменьшаются, а множатся, когда разделяются всеми. Предмет, разделенный на двоих, — это полпредмета, а знание, переданное другому, — это удвоенное знание.

В отличие от чистой идеи, текст еще и материален, поэтому копирайт как право автора пользоваться плодами своего труда не может быть отменен. Но нельзя отменить и право автора самому выбирать способы распространения своего текста, включая копирайт.

**Техномораль*
ЖЖ. 18.8.2011.

КОСМО-АРТ (cosmic art, cosmo-art). Искусство, обладающее теми же сенсорными средствами воздействия, что и сама реальность, включая обонятельные и осязательные. Космо-арт развивается по мере освоения все новых технических средств воспроизведения действительности и воссоздает фантазию художника в полной чувственной достоверности, которая делает ее создания практически неотличимыми от объектов реального мира. Со временем мы научимся создавать произведения не только изобразительного, или музыкального, или парфюмерного искусства, но обращенные сразу ко всем органам чувств — столь же универсальные по своей чувственной палитре, как и сама реальность.

В этом случае перед нами встанет вопрос: а не является ли сам космос произведением космо-арта? Если это гипотеза оправдана, то физика, биология и другие естественные науки заново сомкнутся с теологией и эстетикой, как это было на ранних стадиях их развития. Физика — это не просто изучение структуры материального мира, но изучение законов той фантазии, композиции, образности, пластического языка, того божественного космо-арта, которые создали этот мир как произведение универсального искусства.

**Вир, Виртуалистика, Кибертеизм, Космопоэзис*
ПФС. С. 180.

КУЛЬТУРОНИКА (culturonics). Гуманитарная технология, изобретательская и конструкторская деятельность в области культуры; активное преобразование культуры как следствие или предпосылка ее теоретических исследований. В названии этой дисциплины используется тот же греческий по происхождению суффикс *-оник-*, что и в названиях таких практических дисциплин, как «электроника», «бионика», «авионика». Культуроника — это практическая надстройка над науками о культуре, попытка воплотить трансформативный потенциал гуманитарного мышления, не утрачивая его специфики, не технологизируя и не политизируя феномена культуры.

Культуроника как практическая дисциплина соответствует культурологии как теоретической дисциплине в системе гуманитарных наук. Культуроника возникает в связи с культурологией и на ее основе, поскольку именно исследование культуры выявляет ее нереализованные возможности. Культуроника проектирует, моделирует и продуцирует возможные культурные объекты и формы деятельности, включая:

- новые художественные и интеллектуальные движения;
- новые дисциплины, методы, научные программы, виды созидательной деятельности, области знания и коммуникации;
- новые стили поведения, общественные ритуалы, знаковые коды, творческие сообщества...

Культуроника мыслит *проектами*, то есть знаковыми системами, которые еще не стали практиками и институтами какой-либо культуры и образуют план возможных трансформаций культурного поля.

Религиозно-философские союзы древности, такие как пифагорейский орден и Академия Платона, — образцы практического воздействия гуманитарных идей на культуру, нравы и мировоззрение общества. К культуронике относится деятельность таких культурных сообществ, которые на основе определенных теорий порождают определенные культурные практики — например, итальянские гуманисты, немецкие романтики, американские трансценденталисты и битники, итальянские и русские футуристы, французские сюрреалисты и группа *Tel Quel*, русские символисты и позднесоветские концептуалисты. Культуроника — это религиозно-философские собрания (Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Розанов) и «Башня» Вяч. Иванова в Серебряный век русской культуры. Это деятельность Д. С. Лихачева по экологической охране культуры; Ю. М. Лотмана по развитию семиотического сознания и системному изучению и преобразованию семиосферы; Г. П. Щедровицкого по внедрению рефлексивной методологии в образование, градостроительство, дизайн, экономику.

Среди культуронических проектов и инициатив конца XX века можно назвать движение «Митьков» в Ленинграде — Петербурге; деятельность московской «Номы» — концептуальной среды, в частности Ильи Кабакова и Д. А. Пригова; групп «Коллективные действия» (А. Монастырский и др.) и «Медицинская герменевтика» (П. Пепперштейн и О. Ануфриев); проекты «Выбор народа» и «Монументальная пропаганда» В. Комара и А. Меламида.

К культуронике можно отнести и междисциплинарные проекты и объединения, которые инициировал автор этого Словаря, такие как Клуб эссеистов и **Импровизации коллективные* (Москва, 1982–1988), **Лирический музей*, или Мемориал вещей (Москва, 1984), клуб «Образ и Мысль» (Москва, 1986–1989), Лаборатория современной культуры (Москва, 1988–1989), **ИнтелНет* (интеллектуальная электронная сеть, Эморийский университет, США, 1995–)¹, «Веер будущихостей» (США, 2000–2003), Центр гуманитарных инноваций в Даремском университете (Великобритания, 2012–2015). Пример культуроники — создание новых праздников, таких как «Ночь музеев», «Библионочь», «День спонтанной доброты», «День словарей», «День альтернативного сознания».

¹ См.: *Эпштейн М.* От Интернета к ИнтелНету // Русский интернет: Накануне больших перемен. М.: IREX, 2000. С. 196–204; Веер будущихостей. Техно-гуманитарный вестник. <http://veer.info/>

Культуронику нельзя смешивать с художественным творчеством или другими формами действия внутри определенных предметных областей культуры. Культуроника — это метапрактика, метауровень гуманитарного мышления-действия. Так же как в области естественных наук мы различаем явления природы (предмет науки) и технологические практики (применение науки), а в области социальных наук — общественные процессы и их политическую трансформацию, так и в области гуманитарных наук следует различать три уровня:

- 1) предметный (*формы* первичной знаковой деятельности: язык, ценности, нормы, обычаи, верования, ритуалы, мифы, науки, искусства):
КУЛЬТУРА
- 2) теоретический (познание, *информация*):
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- 3) практический (деятельность на основе познания, *трансформация*):
КУЛЬТУРОНИКА

Следует выделить и четвертый уровень — **Транскультуру*, как результат практической деятельности по трансформации культуры, надстройку над существующими культурами.

*Гуманитарное изобретение, *Гуманитарные практики и технологии*, Концептивизм, Потенциация, Проективность, Семиургия, Творчество, *Трансгуманистика*, *Трансдисциплины*, *Транскультура*, Трансформация
Возможное. С. 10, 210–211.
Знак. С. 614–621.
Творчество. С. 141–143.

ЛИРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ (lyrical museum). Музей, в котором владельцы выставляют и описывают свои личные вещи, раскрывая через них свое «я», опыт переживания предметного мира.

Обычно вещи выставляются на музейное обозрение по трем причинам. 1. Очень редкие или древние вещи, единственные в своем роде и имеющие ценность сами по себе, — музей-тезаурус, сокровищница, например Кунсткамера или Оружейная палата. 2. Вещи, значимые как образцы, достаточно типические, чтобы представлять целый род или класс вещей, — музей-каталог, систематическое собрание, каковы многие технологические, минералогические, зоологические музеи. 3. Вещи, представляющие интерес своей принадлежностью какому-нибудь выдающемуся лицу, — тогда перед нами мемориальный музей, воссоздающий окружение знаменитого писателя, ученого, полководца.

Лирический музей не относится ни к одному из вышеперечисленных типов. Выставленные в нем экспонаты, как правило, обладают не материальной, исторической или художественной, а личностной, или *лирической*, ценностью (sentimental value). Это зависит от того, насколько освоена вещь в духовном опыте владельца. Назначение лирического музея — раскрыть многообразное значение вещей в человеческой жизни, их образный и понятийный смысл, не сводимый к утилитарному применению. «Подсказать вещам сокровенную сущность, / Неизвестную им. / Преходящие, в нас, / преходящих, они спасения чают» (Р.-М. Рильке, «9-я Дуинская элегия»).

Для традиционных музеев существенна эпическая дистанция, необходимая для установления объективной значимости вещей, их испытания временем, общественным признанием, для научного исследования их подлинности и представительности. Но столь же необходим и другой род музейной работы — лирика вещей, раскрытых не извне, с точки зрения специалиста, а изнутри той духовной и культурной ситуации, в которой эти вещи действуют и живут, как неотделимые от жизни своего владельца. Лирический музей может быть индивидуальным, семейным, коллективным. Экспонаты, как правило, сопровождаются подробным комментарием, раскрывающим роль данной вещи в жизни владельца, связанные с нею ассоциации, философские, исторические и литературные контексты.

Опыт лирического музея впервые был осуществлен в Москве в 1984 году (В. Аристов, О. Вайнштейн, И. Кабаков, А. Михеев, Л. Польшакова, М. Эпштейн и др.), затем в США (Anesa Miller-Podacar, Bowling Green, OH, 1999). В первом музее, который поместился в большой комнате коммунальной квартиры, были выставлены: гребень и щетка, кастрюля, калейдоскоп, компас, фантик конфеты «Былина», морская ракушка, шкатулка, зеркало... Каждая вещь описывалась в контексте личной судьбы как метафора или метонимия жизни ее владельца. Позднее журналист Андрей Максимов реализовал сходный проект в передаче «Личные вещи» (с 2007 г.) на петербургском телевидении.

В эпоху массового потребления и обезличивания вещей *домашность* раскрывается как важнейшая общественная и культурная категория, знаменующая душевно-телесную освоенность вещи. Традиционный мемориальный музей исходит из предпосылки, что вещь долговечнее человека и предназначена хранить память о нем. Укоротив срок пользования вещью, человек отчасти снял с нее бремя памяти — но тем самым переложил его на себя. Наряду с мемориалами, где вещи по традиции увековечивают память о людях, необходимы мемориалы, где люди увековечивают память о вещах. Индивидуальная память становится важнейшим музееобразующим фактором, получает пространство, чтобы экспонировать вещи, в ней сбереженные.

Экзистенциальный смысл единичных вещей исследовался в художественной словесности, например у Андрея Платонова, который назвал философическое внимание к единичным вещам «скупостью сочувствия». «Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности. “Ты не имел смысла жизни, — со скупостью сочувствия полагал Вощев, — лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить”».

Лирический музей, прообраз которого — вещевой мешок Вощева, — это один из возможных опытов *космодицеи*, оправдания мира в его мельчайших составляющих. Чтобы постичь природу вещества, физик обращается к его элементарным частицам. Так и смысловое мироустройство для своего постижения требует микроскопического проникновения в такую глубину, где раскрываются мельчайшие смыслы.

Причем этот смысл, обретенный вещью, с благодарностью возвращается обратно человеку, заново подтверждая его собственную неслучайность: *космодицея становится прологом к антроподицее*. Платоновского Вощева «радовало и беспокоило почти вечное пребывание камешка в среде глины, в скоплении тьмы: значит,

ему есть расчет там находиться, тем более следует человеку жить». На камешке, поднятом с земли и имеющем некий «расчет», человек воздвигает собственную надежду — быть сторицей оправданным в мире оправданных единичностей. Так между человеком и вещью совершается встречное движение и возрастание смыслов (**человецность*). Главное, что выносит посетитель из лирического музея, — не только новое понимание близости человека с его предметным окружением, но и новую степень уверенности в себе, своеобразную *метафизическую бодрость*.

Как мог бы выглядеть лирический музей? Его пространство делится на ряд полузамкнутых ячеек с непрозрачными или полупрозрачными стенками — своего рода комнат многокомнатного дома. В каждой такой «комнате» размещает свою экспозицию и развешивает листы с комментариями один участник — это его «личное» пространство. Вещи выставляются подлинные, взятые «из жизни», и каждая из них сопровождается лирическим описанием-размышлением. По этому дому-лабиринту можно долго блуждать, сталкиваясь на каждом шагу с незнакомыми экспонатами или подходя к уже знакомым с новой стороны... В индивидуальных экспозициях возможны самые разные вариации общей лирической установки или же сознательные и значимые ее нарушения. Могут быть подробные комментарии к несуществующим или по какой-либо причине отсутствующим предметам. Экспонат может быть «провокативным», рассчитанным на какое-либо действие, в результате которого он должен состояться как экспонат. Описание может быть бытовым или философичным, серьезным или шутливым, буквально соответствующим выставленной вещи или подчеркнуто и гротескно несоответствующим.

В лирическом музее вещь, помещенная в контекст своих описаний, сама приобретает статус слова, но, в отличие от других слов, которые сообщают о ней, она сообщает о себе — и тем самым становится *поэтическим сообщением*. Такой музей лиричен не только потому, что в нем человек лирически повествует о вещах, но и потому, что сама вещь приобретает лирическое измерение, повествуя о себе, выступает от первого лица, становясь единственным, незаменимым знаком себя.

* *Веществование, Индексальное письмо, Лирическая философия, Микрометафизика, Микро-ника, Реалогия, вещьведение, Реизм, Человецность*

Вещь и слово: К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве: Материалы научной конференции. 1984 (вып. XVII). М.: Сов. художник, 1986. С. 302–324.

Аристов В. В., Михеев А. В. Тексты с описанием вещей-экспонатов лирического музея // Там же. С. 324–331.

Парадоксы. С. 304–333.

Знак. С. 665–680.

Постмодерн. С. 270–298.

Future. P. 253–279.

МАНИФЕСТ (manifesto). Жанр, провозглашающий новые принципы и направления общественной и культурной жизни; один из важнейших жанров творческого мышления. Гуманитарная мысль — не только описание, анализ существующих культурных явлений, она не исчерпывается жанрами *состоявшихся* открытий и исследований, такими как монография, статья, доклад, учебник, диссертация. Вершинные образцы и достижения литературной теории мы находим в манифе-

стах — программных работах классицизма, романтизма, реализма, символизма, футуризма, сюрреализма, постмодернизма и т.д. Что такое ирония и гротеск, аллегория и символ, наивное и сентиментальное, лирический пейзаж или реалистический персонаж — обо всем этом мы узнаем преимущественно из манифестов (позднее ученые-специалисты занимаются прояснением и толкованием этих понятий).

Как правило, *манифест* — первое слово теории, а монография — ее последнее слово. Если отобрать во всей истории эстетики и литературоведения наиболее яркие, классические работы, то в них обнаружатся черты манифеста. В «Поэтическом искусстве» Н. Буало и «Лаокооне» Г. Лессинга, в статьях и фрагментах братьев А. и Ф. Шлегелей и «Защите поэзии» П. Шелли, в «Литературных мечтаниях» В. Белинского, в Предисловии к «Кромвелю» Гюго и «Экспериментальном романе» Э. Золя, в «Символизме» А. Белого и «Искусстве как приеме» В. Шкловского, в «Манифесте сюрреализма» А. Бретона и в «Нулевом градусе письма» Р. Барта провозглашаются новые принципы художественного мышления и благодаря этому открываются ранее неизвестные свойства и закономерности литературы как таковой. Самые общие теоретические вопросы ставятся изнутри художественной практики, как ее замысел и вопрошание о будущем. «Что *есть* литература» зависит от того, чем она *становится* и чем может *стать*.

Провозглашая новые литературные движения и культурные эпохи, манифесты кладут начало этим движениям самим фактом провозглашения. Философ Джон Остин разделил все высказывания на констатирующие и перформативные. Манифесты как речевые акты *перформативны*, они не описывают ситуацию, а создают ее — осуществляют то, что провозглашают. Как политический деятель провозглашает создание нового государства или организации, так и автор манифеста говорит: «Объявляю эти стихи образцом романтизма» или «Эти романы — воплощение натурализма». Дж. Остин спорил с утверждением позитивистов, что высказывание всегда что-то «констатирует» и потому либо истинно, либо ложно. Он предлагал другой критерий: высказывания могут считаться «счастливыми», если они достигают того, что провозглашают, либо «несчастливыми», если не исполняются, как бывает в случае нарушенных приказов, обещаний или клятв. Некоторые манифесты, например романтические или футуристические, обрели историческую удачу, в отличие, например, от литературной группы «Ничевоков», которая выступила со своим манифестом в 1921 году, но не получила поддержки или признания.

С лингвистической точки зрения манифесты пользуются скорее сослагательным или повелительным, чем изъявительным наклонением. Они не описывают случившееся или происходящее, а призывают или предполагают то, что может или должно случиться. Фридрих Шлегель: «Всякое искусство должно стать наукой, а всякая наука — искусством, поэзия и философия должны соединиться». «Все, что можно сделать, пока философия и поэзия были разделены, сделано и завершено. Теперь настало время соединить их»¹. Андрей Белый: «Опять запросило сердце вечных ценностей... Не событиями захвачено все существо

¹ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М.: Искусство, 1983. Т. 1. Критические фрагменты (115). С. 287. Идеи (108). С. 362.

человека, а символами иного. <...> Задача нового искусства не в гармонии форм, а в наглядном уяснении глубин духа...»¹

Манифестам часто свойствен авангардный стиль приказа, политического или эстетического императива. Но манифест — это не обязательно директива, повелительный возглас, как в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса или в футуристических манифестах Ф. Маринетти. Наряду с манифестами-императивами есть манифесты-гипотезы. Они не сужают, а расширяют мыслительное пространство, вносят в него область возможного. В них не указываются единственно правильные пути к будущему, а раскрывается целый веер будущностей. Такие размышления могут иметь ценность не потому, что они верны, а потому что они «*веерны*». Место манифестов — в области **гуманитарного изобретательства*.

*Гипотетизм, Гуманитарное изобретение, Гуманитарные практики и технологии, *Культурика, Микрожанры интеллектуальные, Проективность, Протеизм, Прото-, Трансгуманистика, Трансдисциплины*
Знак. С. 66–70, 117–170.

НЕОЛУБОК (neolubok). Жанр современного искусства, разработанный художниками-концептуалистами: И. Кабаковым, Э. Булатовым, В. Пивоваровым, Г. Брускиным, Д. Приговым, В. Комаром и А. Меламидом и др. Вслед за лубком как жанром фольклорного искусства, неолубок, или *неопримитив*, сочетает визуальное и вербальное. Изображению сопутствует развернутое высказывание, которое абсурдно или иронически его комментирует. Лубочный жанр широко использовался в официальном советском искусстве плаката, агитационного стенда (например, в Окнах РОСТА). Концептуализм и соц-арт рефлексивно используют эту установку на синтез слова и изображения как прием эстетической игры, с целью взорвать сам этот семиотический механизм двойной кодировки, продемонстрировать разрыв между вербальным и визуальным — или их избыточную тавтологичность. Способ сочетания визуального и вербального здесь основан не на наглядном тождестве, убедительной иллюстрации идей и лозунгов, а на иронии и парадоксе.

**Индексальное письмо, Концептуализм, Прагмо-арт*
Пустота как прием: Слово и изображение у Ильи Кабакова // *Постмодернизм*. С. 233–269.

ОЖУТЧЕНИЕ (uncannization; от англ. uncanny, жуткое). Усиление жуткого как художественный или пропагандистский прием; заостренная форма **остранения*, в которой ранее вытесненное и запретное предстает не просто странным, но жутким. По разъяснению З. Фрейда, «жуткое (нем. unheimlich, неуютное, непривычное, от heim, дом) в самом деле является не чем-то новым или посторонним, а чем-то издревле привычным для душевной жизни, что было отчуждено от нее только в результате процесса вытеснения»². Жуткое — это когда «не по себе»: «мороз по коже», «волосы дыбом» — даже телесность отчуждается от себя. Жуткое — то, в чем свое, привычное, глубоко запрятанное вдруг возвращается

¹ «Символизм как миропонимание» (1904) — <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=120>

² Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 275.

неузнаваемым, преображенным и в чем мы одновременно не можем не признать вытесненную часть себя.

В том же 1919 году, когда З. Фрейд написал свое исследование «Жуткое», появляется работа В. Шкловского «Искусство как прием», ставшая манифестом русской формальной школы. Шкловский вводит понятие «остранение», то есть превращение вещей из привычных, стертых — в странные, что и составляет цель искусства. Между «жутким» по Фрейду и «странным» по Шкловскому — очевидная параллель: жуткое — более интериоризованная и интенсивная форма странного. В основе жуткого — активный механизм погружения в бессознательное: не привыкание, автоматизация, — а *вытеснение*; соответственно и обратный прорыв вытесненных образов оказывается более травматичным, поскольку сознание *противится* этому. Если остранение — характерный прием у Л. Толстого, то ожутчение — у Н. Гоголя: старик-ростовщик, вылезаящий из рамы портрета; старуха, которая седлает молодого бурсака и скачет на нем верхом («Вий», «Страшная месть», «Портрет» и др.) Для остранения нужно воспринимать мир чистыми глазами, видеть его «впервые», непредвзято, войти как бы гостем в собственный дом. Жуткое прячется в подполье бессознательного, откуда врывается в дом, взламывая засов. Между ними — градация переходов: странное — непривычное — удивляющее — подозрительное — настораживающее — пугающее — страшное — ужасное — жуткое.

Ожутчение, или синонимический термин «*острашение*», — это гипербола остранения, прием, который выводит восприятие вещи из автоматизма и побуждает сосредоточить на ней внимание, поскольку она пугает, представляет угрозу. Исчерпав прочие средства, притупив чувствительность к странному, искусство переходит в более сильные регистры, все охотнее позиционируя себя как страшное и жуткое. Современная массовая культура тоже стремится *ожутить* явления, чтобы эмоционально взбодрить психику, притупленную усиленным воздействием средств информации. Жуткое — это экстаз и апофеоз чуждого, когда оно, с одной стороны, выступает как метаморфоза чего-то своего, знакомого, домашнего, а с другой стороны, как угроза личному существованию, как вытесненно-возвращенное, подавленно-непобедимое, мстящее и роковое.

Переход от остранения к *ожутчению* характерен для постсоветской литературы, где можно найти множество типичных иллюстраций к фрейдовской теории. «Вместо тени от своих пальцев он увидел черные когти — сверхъестественно черные, ибо тень никогда не бывает так черна» — эта фраза из рассказа Юрия Мамлеева «Утопи мою голову» содержит образцовую формулу жуткого как *извращенно-превращенного* своего.

Не только искусство, но и сфера идеологии, пропаганды, публицистики тоже использует прием ожутчения (**пиар нуар*).

*Остранение остранения, *Пиар нуар*, Хоррология
Знак. С. 497–511.

ОСТРАНЕНИЕ ОСТРАНЕНИЯ (defamiliarization of defamiliarization). Критическое остранение, направленное на художественное остранение. Термин «остранение», введенный В. Шкловским, указывал на специфику искусства: представление

привычных вещей как странных, прием затрудненной формы, увеличивающий долготу восприятия. «И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством»¹.

Однако этот прием, который Шкловский считал наиболее характерным для Л. Толстого и иллюстрировал его текстами, чаще всего служит у писателя иной цели: не вернуть ощущение жизни, а, наоборот, разъять на части то, что обычно воспринимается как живое и целое. Те же примеры, которые приводит Шкловский, свидетельствуют, что остранение у Толстого — это *омертвление*, а не оживление предмета; если он и «выводится из автоматизма восприятия», то именно с целью продемонстрировать его механистичность, бессмысленность и безжизненность.

«Холстомер»: «Ходившее по свету, евшее и пившее тело Серпуховского убрали в землю гораздо после. Ни кожа, ни мясо, ни кости его никуда не пригодились. А как уже 20 лет всем в великую тяжесть было его ходившее по свету мертвое тело, так и уборка этого тела в землю была только лишним затруднением для людей».

«Воскресение»: «Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем».

Здесь, как и в антицерковных статьях, Толстой изображает методом наглядного остранения религиозные обряды, последовательно овеществляя и умерщвляя то, что их участниками воспринимается как источник вечной жизни. Шкловский противопоставляет остранение — и автоматизацию. «Так пропадает, в ничто вмещаюсь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны». Но у Толстого именно остранение работает как способ автоматизации, обездушения того, что обычно воспринимается как полное смысла, чувства, достоинства.

Отсюда вытекает необходимость следующего уровня остранения, направленного на само остранение. Остранение может использоваться не только как литературный или художественный, но и как *литературоведческий* и *искусствоведческий* прием. Подобно тому как писатель остраняет жизнь своих персонажей, так критик/интерпретатор остраняет самого писателя и его творчество, чтобы читатель свежими глазами увидел то, что уже примелькалось, сложилось в литературный канон. Произведение толкуется как причудливое, пристрастное, одностороннее, иногда — как воплощение абсурда, безумия, одержимости. Пример критического остранения — очерк самого Л. Толстого «О Шекспире и о драме», где, например, сюжет «Короля Лира» излагается так, чтобы заострить его странность и несообразность. «Как ни нелепа она представляется в моем пересказе, который я старался сделать как можно беспристрастнее, смело скажу, что в подлиннике она еще много нелепее»². Работа Д. Писарева «Пушкин и Белинский», статьи К. Чуковского о писателях-современниках (Мережковском, Андрееве, Сологубе), книга А. Синявского (А. Терца) «Прогулки с Пушкиным» тоже могут

¹ Шкловский В. Искусство как прием (1919). <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html>

² <http://www.klassika.ru/read.html?proza/tolstoj/shakespeare.txt&page=4>

рассматриваться как примеры *критического остранения*, цель которого — выставить нелепое в произведениях, воспринимаемых обычно как образцы художественной логики, глубокого трагизма и т.п.

Само остранение при этом имеет множественный эффект: стирает с произведения хрестоматийный глянец, вводит его в фамильярный, порой смеховой контакт с читателями, заостряет в нем черты, противоречащие замыслу писателя, и позволяет заново его прочесть, деавтоматизировать его восприятие. Шекспир, издевательски перечитанный Толстым, или Пушкин — Писаревым выигрывают в многозначности от такого непочтительного обращения. Маленького писателя такая трактовка убивает, а большого — воскрешает из инерции заученно-почтительного восприятия. Критика, остраняя писателя, продолжает его работу остранения, перенося ее уже на саму словесность: «воскрешение вещей — возвращение человеку переживания мира»¹.

*Альтерология, *Обезумливание*, Ожутчение
Ирония. С. 148–165.

ПИАР НУАР (PR noir). Инфернальный, зловещий, «чернушный» пиар, использующий эстетику жуткого и безобразного; особый жанр и стиль публичных отношений-поношений. При этом существенна аналогия с известным жанром киноискусства — *film noir*, фильм нуар, где преобладают мотивы жуткого, отталкивающего, таинственно злого и разрушительного.

З. Фрейд ввел в психоанализ и эстетику понятие жуткого (1919), а его племянник Эдвард Бернейс примерно в те же самые годы (1915–1920) разработал понятие и технику пиара (PR). Взятые вместе, эти понятия и составляют основу *пиар нуар*, который не просто обличает и клеймит, но «ожутчает» противника, представляет его в образе сверхъестественного злодея или противоестественного уродца. В пиаре нуар господствуют мотивы злобы, вины, преступления, отчаяния, извращения, порока, нравственного падения, безумия, зомбирования, вампиризма — перечень тех самых мотивов, которые образуют кинематографический жанр «*film noir*» («черный фильм», «киночернуха»). Демонизация врага вырастает в целую систему инфернальной сатиры и мистического гротеска. Причем пиар нуар наделяет свою мишень (соперника) такими свойствами, в которых читатель (слушатель, зритель) не может не опознать — с ужасом и содроганием — похищенную часть себя, реализацию собственных самых темных и запретных комплексов.

**Ожутчение*, Остранение остранения, Хоррология
Знак. С. 509–511.

-ПОЭЙЯ, ПОЭЗИС (poëia, poësis; от греч. poiein, творить, производить, изготавливать, сочинять; ср. мифопоэ́йя). Поэтическое начало, которое проявляется в самых разных видах деятельности, включая стихотворчество, технику, культивацию природы, социальное и научное творчество. Как вторая основа сложных слов, «-поэ́йя» присоединяется к корням, обозначающим разные области человеческого

¹ Шкловский В. Воскрешение слова. СПб., 1914. С. 1.

бытия, с целью подчеркнуть их поэтический, образный, творческий потенциал: *биопозья (поэзия живого), *ноопозья (поэзия мысли), *социопозья (поэзия общества), *технопозья (поэзия техники) и т.п.

Поэзис — процесс возрастания поэтического в истории, в развитии цивилизации благодаря преобразовательным усилиям человека. Вопреки критикам научно-технического прогресса, которые обвиняют его в депозитизации природы, практическая деятельность человека (социальная, хозяйственная, техническая) оперирует образами и метафорами, реализуя их в масштабе целой цивилизации.

*Антропозья, Биопозья, Космопоэзис, Лирическое «оно», Логопозья, Ноопозья, Сверхпоэзия, Социопозья, Технопозья, Эконопозья

ПРАГМО-АРТ (pragmo-art), **прагматический**, или **реверсивный, концептуализм** (pragmatic, or reversive, conceptualism). Прагматическое направление в концептуальном искусстве и теории; обратное движение *концептуализма в ту коммерческую или идеологическую среду, которая первоначально служила предметом иронического отталкивания.

В российском концептуализме как художественном течении с 1970-х годов сменялись разные стили и коммуникативные стратегии. Один из векторов движения: *от романтики — к прагматике*. Концептуализм 1970–1980-х был романтичен в том смысле, что он выделял концепты в особую область элитарной игры, далеко отстоящую от той массовой культуры, откуда эти концепты извлекались. И. Кабаков, В. Комар и А. Меламид, Д. Пригов, Л. Рубинштейн, А. Монастырский, В. Сорокин, П. Пепперштейн концептуализировали советско-русскую культуру, соцреализм и «руспсихологизм», в рамках замкнутых, герметичных дискурсов, которые обратно в свою предметную среду, соцреалистического или психологического романа и его потребителей, не проникали; это были *концепты-невозвращенцы*.

Возможен, однако, и другой способ циркуляции концептов, когда они возвращаются в ту среду, из которой выросли. Такой концептуализм, *возвращающий* свои концепты в среду их порождения, можно назвать *реверсивным* или *прагматическим*. Он реверсивен, поскольку *отдает то, что берет*, — и если, например, концептуализирует обложку любовного романа, то производит свой итоговый концепт в виде той же душещипательной обложки, которая возвращается на рынок сентиментальной литературы и циркулирует на нем среди объектов своих пародий. Такова «Трилогия» Владимира Сорокина (романы «Путь Бро», «Лёд» и «23 000»): концепты научной фантастики, техно-утопической фэнтези, мистического триллера предназначены для читательского потребления в той самой массовой молодежной среде, которая в этих концептах иронически и пародийно обыгрывается. Пример рециркуляции концепта в идеологическом контексте — песня на слова поэта Виктора Пеленягрэ со строками «А в чистом поле — система “ГРАД”. За нами Путин и Сталинград!». Созданная в 2001 году в стиле куртуазного маньеризма (одно из направлений концептуализма, с акцентом на пародию) и исполненная постмодернистской группой «Белый орел», она с 2007 года стала хитом пропагандистских мероприятий и митингов в поддержку В. Путина.

Пример чисто коммерческой реверсии: концептуализируется роскошный барочный декор в стиле казино — и продукт такой концептуализации сам становится

росписью интерьера в одном из казино. Таков *прагматический концептуализм* Леонида Пинчевского (Нью-Йорк), автора росписей в лас-вегасовском казино «Венеция»: концепт не изолируется от своей тематической среды, а запускается в нее для индустриально-коммерческого использования. Можно предложить понятия «*комцепт*» (comcept) и «*комцептуализм*» (comceptualism) для обозначения этого симбиоза между *ком-мерцией* и *кон-цепцией* («ком» и «кон» — вариации одного и того же латинского префикса, означающего «со», совместность). «Комцепт» — это *идея, мыслесхема, концепция коммерческого объекта, которая сама выступает как коммерческий объект, как рефлексивный товар второго порядка*, в расчете на мыслящего потребителя. Элитарная культура настолько срастается с массовой, что прямолинейная, «пафосная» реклама, без концептуальной «подковырки», уже кажется пресной. Ирония и метафизика, овладевая сознанием масс, становятся рыночной силой, точнее стоимостью.

Концепт органически врастает в коммерцию, не прерывая ее оборота. Причем это процесс двусторонний: происходит одновременно *коммерциализация концептуализма* — и *концептуализация товаров*, рекламы, которые все больше вбирают саморефлексию, преподносят себя в качестве моделей и даже пародий самих себя. Таков закон остранения, свойственный любому искусству, в том числе коммерческому: чтобы привлечь внимание, быть *увиденной*, реклама должна выводить себя из режима автоматического восприятия, иронизировать над своей рекламностью.

Каков же признак концептуальности данных произведений, чем они в принципе отличаются от тех же самых сентиментальных обложек, квази-барочных интерьеров, мистико-героико-фантазийных романов, идеологических лозунгов, которые в них моделируются? Во-первых, произведения-концепты отличаются от неконцептов, как ни тавтологично это звучит, концептуальным сознанием художника, который производит их на метауровне изобразительного дискурса. Во-вторых, произведения-концепты выделяются среди других вещей того же жанра и арт-рыночной категории степенью эстетической концентрации тех качеств, которыми обладают все другие вещи данного ряда. В-третьих, прагматические концепты, в отличие от романтических и герменевтических, как правило, не предполагают особой выставочной среды, музейной ниши, которая обособляла бы их от функциональной среды обитания в тех же казино или на рынке дешевых книжных бестселлеров.

Особое чутье и мастерство *прагмо-артиста* (pragmo-artist) состоит в том, чтобы производить *подделки подделок*, почти неотличимые от них самих. Главное в искусстве, по словам Л. Толстого, — это «чуть-чуть». Оно и задает меру прагмо-арта: это *чуть-чуть-концептуализм*, и потому он может обладать более тонкой и изощренной чувствительностью, чем герметичный или романтический концептуализм. Казино-стиль в такой интерпретации становится чуть-чуть более «казинообразным», чем принято в этом жанре «великолепного» интерьера, — не просто игорным, но *игриво-игорным*, то есть умножающим уровни самой игры. Прагмо-арт — искусство тонкой дозировки в производстве стилевых эссенций: это все тот же арт-бизнес, но с примесью гиперболы и самоиронии.

* *Концептуализм, Новая сентиментальность, Раскавычение*
ПФС. С. 328–330.

ПРОТlВlОlРОНlЯ (counter-irony, trans-irony). Ироническое остранение самой иронии, характерное для литературы «новой искренности» или «новой сентиментальности», от Венедикта Ерофеева до Тимура Кибирова¹. ПротlВlОlРОНlЯ так же работает с иронией, как ирония — с серьезностью, придавая ей иной смысл. Если ирония выворачивает смысл прямого, серьезного слова, то протlВlОlРОНlЯ выворачивает смысл самой иронии, восстанавливая серьезность — но уже без прежней прямоты и однозначности.

Такие высокие, книжные слова, как «младенец», «ангелы», «скорбь» или «вздых», были восприняты Венедиктом Ерофеевым и героем его книги «Москва — Петушки» в контексте сквернословия и приблатненности, характерной для его речевой среды. В том, что Веня любит произносить эти слова в чуждой им обстановке позднесоветского декаданса, в контексте телесных и культурных низов, невольно звучит ирония — но Веня употребляет их не для иронии. Ирония в этих высоких словах подразумевается ровно настолько, что воспринять их только как иронию было бы пошлостью.

Пример протlВlОlРОНlИ — диалог между Веней и Господом: «Я вынул из чемоданчика все, что имею, и все ощупал: от бутерброда до розового крепкого за рупь тридцать семь. Ощупал — и вдруг затомился... Господь, вот ты видишь, чем я обладаю. Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? <...> И, весь в синих молниях, Господь мне ответил: — А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны. — Вот-вот! — отвечал я в восторге. — Вот и мне, и мне тоже — желанно мне это, но ничуть не нужно!»

Здесь ирония — лишь тень протlВlОlРОНlИ, ее выразительный оттенок. Розовое крепкое и стигматы святой Терезы настолько неравноценны, что нельзя их сравнивать без насмешки. Но над чем это насмешка, о чем ирония? Первоначальный серьезный подтекст мог читаться так: о, святая Тереза! фу, ничтожный Веничка! Ирония перемещает акценты: у каждого есть свое «розовое», у одного — розовое крепкое, у другого — стигматы. ПротlВlОlРОНlЯ повторно смещает акценты: у каждого есть свои стигматы, у одного — стигматы, у другого — розовое крепкое.

ПротlВlОlРОНlЯ отказывается и от плоского «серьеза», и от пошлой иронии, давая новую, по словам Вен. Ерофеева, «потустороннюю» точку зрения. В промежутке между нужным и желанным помещается и святость, и пьянство; величайший человек не больше этого промежутка, и ничтожнейший — не меньше его. ПротlВlОlРОНlЯ оставляет для иронии ровно столько места, чтобы обозначить ее недостаточность, односторонность.

* Амби-, Выверт, Ирония, Контраформатив, Концептуализм, Новая сентиментальность, Остранение остранения, Прагмо-арт, Раскавычение
Постмодерн. С. 422–424.

¹ Термин предложен филологом Вл. Муравьевым в предисловии к поэме Вен. Ерофеева «Москва — Петушки». «ПротlВlОlРОНlЯ — это она самая, бывшая российская ирония, перекошенная на всероссийский, так сказать, абсурд... Перекосившись, она начисто лишается гражданского пафоса и правоверного обличительства» (Предисловие // Вен. Ерофеев. Москва — Петушки. М.: Интербук, 1990. С. 8).

СВЕРХПОЭЗИЯ (megapoetry, или transpoetry). Поэтическое за пределами стихотворчества как способ образного мышления, определяющий пути цивилизации; поэтизация космоса, жизни, общества, техники и самого человека.

Вопреки расхожему мнению об упадке поэзии в технический век, поэзия, как стремление к образному постижению и преобразованию мира, остается важнейшим двигателем цивилизации. Возникают новые, внелирические, внестиховые формы бытия поэзии: *антропопоэзия, *биопоэзия, *ноопоэзия, *социопоэзия, *технопоэзия... Например, техника не менее метафорична и символична, чем поэзия, но воплощает эту энергию созидания не в словах, а в поэтически преображенной материи, где каждый элемент «играет» с природой, преодолевает силу тяжести, дальность расстояний. Наука и техника нашего времени разрабатывают и реализуют ряд фундаментальных биопоэтических и космопоэтических метафор: Вселенная — компьютер, планета — живой организм, компьютер — мозг, Интернет — нервная система, вирусы инфекционные — и компьютерные, гены — язык, жизнь — процесс письма...

Стихи — это лишь наиболее зримое и слышимое выражение поэтичности самого мироздания. Поэзия — творческое восприятие и преображение мира, которое улавливает в каждом явлении образ других явлений, их отражение, отголосок. Сверхпоэзия, выходя далеко за пределы слов, остается поэзией, то есть искусством метаморфоз, перевоплощения одного образа в другой по признакам сходства или смежности. Для понимания такой сверхпоэзии нужны *сверхпоэтика* и *сверхфилология*, которые могли бы исследовать метафоры и метонимии, оксюмороны и гиперболы, выраженные не только в словах, но и в вещах, в техносфере и в социосфере. Филологии и поэтике предстоит разработать новые способы анализа поэтических феноменов, воплощающихся не в словах, не в стихах, но в научном мышлении и технической деятельности, в процессах жизни и в организации общества. Соответственно следует ожидать формирования новых дисциплин: *биопоэтики* (biopoetics), *социопоэтики* (sociopoetics), *технопоэтики* (technopoetics)...

Поэзия, какой она предстает в древних мифах, — это не просто лучшие слова в лучшем порядке, это сила, равнозначная заклинанию и молитве, властвующая над природой. Орфей своим пеньем мог передвигать деревья и скалы, приручать диких животных, повелевать стихиями. Когда Вяйнемейнен в «Калевале» запел вещую руну, всколыхнулись озера, задрожали и обрушились горы. Эта власть поэзии не ушла в далекое прошлое — сегодня, на наших глазах, поэзия продолжает преобразовать мир, причем более могущественно и всесторонне, чем когда-либо раньше. Физика, биология, энергетика, информатика приходят на службу поэзии, которая определяет смысл *прогресса-поэзиса* высшей целью, ранее достижимой только в слове: творить мироздание как поэтическую композицию, где все отражается во всем. Поэзия выходит из своей ранней, словесно-стиховой формы и, как двигатель самых мощных трансформаций, вооружается энергией науки и техники, инструментами всех знаний и профессий, чтобы так же магически преобразовать мир, как это раньше удавалось только в стихах и песнопениях.

* Антропопоэзия, Биопоэзия, Космопоэзис, Лирическое «оно», Ноопоэзия, -Поэзия, Социопоэзия, Технопоэзия, Эконопоэзия

Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 163–175.

Поэзия. С. 428–451.

ТАКТИЛЬНОЕ ИСКУССТВО, ТАЧ-АРТ (tactile art, touch-art). Вид искусства, предназначенный для осязательного восприятия.

По словам М. Маклюэна, «в условиях визуальной культуры утверждение, что скульптура преимущественно тактильна и лишь отчасти визуальна, отдаёт парадоксом. На самом деле, тактильность — это почти не обсуждавшаяся материя, а между тем ей принадлежит решающая роль в мире искусств»¹.

Каждому органу чувства соответствует свой вид искусства:

Искусство для зрения — живопись, скульптура.

Искусство для слуха — музыка.

Искусство для обоняния — парфюмерия.

Искусство для вкусовых ощущений — кулинария.

Искусство для осязания — ?

Тактильное искусство, или тач-арт (touch art), еще не сформировалось как самостоятельный вид художественной деятельности, не обладает долгой и непрерывной традицией. У этого искусства нет своих общепризнанных шедевров, нет мастеров, посвятивших ему себя целиком, нет конвенций выставления и восприятия тач-объектов. Парфюмерия и кулинария являются не чистыми, а прикладными искусствами, поскольку, помимо эстетического, у них есть еще и практическое назначение: они удовлетворяют физиологическую потребность во вкусной пище и приятных запахах. Тем не менее обоняние и вкус имеют свое представительство в эстетике. Только осязание оказывается изгоем: для него еще нет Музы. Слепые ощупывают скульптуры, как если бы они были произведениями тактильного искусства, но такое смещение функции в данном случае лишь восполняет физический дефект зрения.

Датой рождения тактильного искусства можно считать 1911 год, когда Умберто Боччиони (1882–1916), итальянский художник и скульптор-футурист, создал тактильную композицию из железа, фарфора, глины и женских волос под названием «Слияние головы и окна». Впрочем, использование разных нетрадиционных материалов в составе изобразительного объекта («коллажа») было достаточно распространенным приемом авангарда, и специфически тактильная функция работы Боччиони не отделена четко от визуальной. Позднее, в 1921 году, отец итальянского футуризма Ф. Маринетти выступил с манифестом «Тактилизм». Однако проект тактилизма тогда не получил практического развития, если не считать психофизически акцентированного искусства слепых и для слепых.

Дальнейшие эксперименты проводились американским художником японского происхождения Ай-О (AY-O, род. 1931), примкнувшим с 1962 года к международному движению Fluxus. Типичный экспонат Ай-О — «Тактильная коробка» (Tactile Box): коробка из картона с обтянутым резиной отверстием, куда погружается рука осязателя. Однако этот проект не получил практического применения. Новые попытки обосновать особую, осязательную разновидность искусства имели место в России в середине 1980-х годов.

¹ McLuhan M. Through the Vanishing Point. Space in Poetry and Painting. New York: Evanston; London: Harper and Row, 1968. P. 263.

«В наше время создается новый род искусства, рассчитанный на орган осязания. Произведения этого искусства воспринимаются в темноте и тишине — на ощупь. Сама поверхность вещи становится для “осязателя” (ср. “зритель”, “слушатель”) предметом тончайших переживаний и пространством художественного поиска. “О если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, и выпуклую радость узнавания” (О. Мандельштам). Наше осязательное искусство откликается на этот тоскующий голос поэта. <...> Зрительное и слуховое восприятие нацелено на знаки, интеллектуально и идеологично, ищет истину по ту сторону вещей, а не в них самих. Отсюда такие понятия, как “привидеться”, “померещиться”, “ослышаться”. <...> Осязание никогда не лжет, оно прикасается к яви вещей... Так вещетворчество породило новый вид искусства — *изваяния-во-мраке*, или *осязательную скульптуру*... Никто и никогда не видел этих изваяний, погруженных в вечную тьму подземных выставочных залов... Быть может, их вид ужасен, нелеп, безобразен. Но как много говорят они чутким пальцам, ощупывающим их нежную поверхность, всю эту незримую, необманчивую красоту — непосредственность бытия, продолженного бытием нашего тела!»¹

Одно из главных отличий этого проекта 1980-х годов от выдвинутого Мари-нетти в 1921 году состоит в том, что он предполагает *специализацию осязательного искусства* посредством *отключения* иных способов восприятия. *Manibus, non oculis* (руками, не глазами). Рядом с произведениями изобразительного искусства часто можно увидеть табличку: «Не трогать». Точно так же у входа на тактильную выставку уместен знак: «Не смотреть». Целесообразно погрузить все пространство выставки во мрак или в полумрак, чтобы фокус чувствительности переместился в пальцы.

Одним из первых опытов коллективного и концептуального воплощения возможностей «искусства-для-кожи» (в отличие от «искусства-для-глаз» и «искусства-для-ушей») стала «Тактильная выставка памяти Генриха Сапгира», Арт Полигон (СПб., 19–28 января 2001). За ней последовала русско-американская выставка «Touch me» («Потрогай меня») в музее Ахматовой в Фонтанном доме (СПб., октябрь — ноябрь 2003). Характерно, что само выражение «touch art» (тач-арт) как обозначение нового вида искусства возникло и получило распространение в русскоязычной Америке².

Новые возможности открываются перед тактильным искусством благодаря *хаптографии* (haptography) или *тактилографии* (tactilography), которая позволяет регистрировать (пока еще несовершенно) осязательные ощущения от взаимодействия с реальным или виртуальным объектом, поскольку при прикосновении возникают волны высокой частоты. Хаптография — это своего рода тактильный, воспринимаемый на ощупь слепок осязаемого объекта, который может, как всякая информация, передаваться на расстоянии. Хаптография позволяет сохранять пережитые ощущения и воспроизводить их, как создания

¹ Эпштейн М. Новое сектанство: Типы религиозно-философских умонастроений в России. Самара: Бахрах-М, 2005. С. 49–52.

² Термин предложил автор в 1993 г., а в 2000 г. вместе с художницей Ириной Даниловой он подготовил первый проект выставки «тач-арта». См.: Веер будущностей // Техно-гуманитарный вестник. 28.2.2001 № 13. <http://veer.info/razdely/art.htm>

тактильного искусства, делиться ими с другими перцепиентами («осязателями»), выставлять в музеях или на сайтах. Потенциально может быть воспроизведен любой элемент осязательного опыта, в том числе интимного, что открывает широкие просторы как для развития этого вида искусства, так и для вторжения внешних наблюдателей в частную жизнь.

**Воосязание, Тегимен, Упругость, Хаптика, Эротология*

Тело на перекрестке времен: К философии осязания // Вопросы философии. 2005. № 8.

С. 66–81.

Тело. С. 39–60.

ТРАВМА ПОСТМОДЕРНА (trauma of the postmodern). Представление о связи постмодерна с травматическим опытом, обусловленным информационным взрывом либо идеологическим воздействием. Теория травмы — один из самых динамичных разделов психологии и вообще гуманитарных наук в конце XX — начале XXI века, который формировался параллельно с теорией и практикой постмодерна. Травма — опыт столь трудный и болезненный, что мы не в состоянии его усвоить, воспринять, пережить — и поэтому он западает в подсознание (**Референция от обратного*). Постмодернизм — зрелое самосознание «увечной» культуры, и не случайно так распространены в его топике образы калек, протезов, органов без тела и тела без органов. Этот «травматизм» вызван растущей диспропорцией между *человеком*, чьи возможности биологически ограничены, и *человечеством*, которое неограниченно в своей техно-информационной экспансии. Отсюда постмодерная «чувствительность», все воспринимается как знаковая поверхность, без проникновения в **глубину* вещей, в значения знаков. Сама категория реальности, как и всякое измерение в глубину, оказывается отброшенной — ведь она предполагает отличие реальности от образа, от знаковой системы. Постмодерная культура довольствуется миром симулякров, следов, означающих и принимает их такими, каковы они есть. Все воспринимается как цитата, как условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения.

Поздний советский и постсоветский **концептуализм* может рассматриваться как травматическое событие. Советская идеология бомбардировала сознание множеством сильнодействующих лозунгов и стереотипов. Концепты у И. Кабакова, Д. Пригова, Л. Рубинштейна, В. Комара и А. Меламида — все эти «москвичи», «миликанеры», жэки, коммунальные квартиры — это образы травмированного сознания, которое играет ими, изживает их, не вкладывая в них ничего, как на отслоенной от организма сетчатке глаза. Знаменательно, что концептуализм появился не в десятилетия массированного натиска идеологии (1920–1960-е), а позже, когда идеология перестала восприниматься буквально, — как своего рода запоздалая отдача образов и звуков, накопленных зрением и слухом, но отторгнутых сознанием. Это восприятие минус понимание (а также минус доверие) и создает шизофренический раскол между органами чувств, которые продолжают наполняться образами и знаками, — и интеллектом, который более не впускает и не перерабатывает их.

Тот же самый травмирующий процесс шел и в западной культуре под воздействием информационного взрыва и стремительного роста технических средств

коммуникации. Постмодерные образы «стоят» в глазах и ушах, как остаточные следы преизбыточного давления идеологии или информации на органы чувств. Тексты, графики, экраны, мониторы — а за ними ничего нет, они никуда не отсылают. Отсюда характерный эклектизм постмодерного искусства, которое лишено как апологетической, так и критической направленности, а просто равномерно рассеивает значения по всему текстовому полю. Даже теоретические понятия постмодернизма, такие как «след» у Жака Деррида, несут отпечаток информационной травмы. «След» тем отличается от знака, что лишен связи с означаемым, которое предстает всегда отсроченным, отложенным на «потом» и никогда ни в чем не являет себя. Травма оставляет след, с которого не считается его подлинник, — и поэтому подлинник представляется исчезнувшим или никогда не существовавшим. Весь теоретический аппарат деконструкции, с его «следами», «восполнениями», «отсрочками», критикой «метафизики присутствия» и отрицанием «трансцендентального означаемого», — это развернутый в понятиях и терминах культурно-травматический опыт. «Цепи означающих», «игра означающих», «симулякры», «гиперреальность» и прочие термины постструктурализма отражают травмированность сознания, которое утратило интуицию глубины и волю к трансценденции.

*Концептуализм, Отставание человека от человечества, Референция от обратного
Информационный взрыв и травма постмодерна // Русский журнал. 1998. Октябрь; Звезда.
1999. № 11. С. 216–227.
Постмодерн. С. 45–66.

ТРАНСКУЛЬТУРА (transculture; лат. trans, через, за). Сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, гендерных, профессиональных культур; позиция остранения, «внеаходимости» по отношению к существующим культурам и процесс освобождения от детерминаций «своей», «врожденной» культуры. Транскультура преодолевает замкнутость культурных традиций, автоматизмов, языковых и ценностных идентичностей и раздвигает поле «надкультурного» творчества. Транскультура контрастно определяет себя в отношении концепций многокультурия и тенденций растущей специализации разных культурных областей.

Транскультура — это культура, творимая не внутри отдельных своих областей, таких как наука, искусство, политика, а непосредственно в формах самой культуры, в поле взаимодействия разных ее составляющих. Вместе с тем транскультура создается на границах разных национальных, социальных, профессиональных культур, где выявляются их нереализованные возможности, смысловые и знаковые лакуны.

Транскультура во многом есть практический результат деятельности культурологии и других гуманитарных наук, создающих новые позиции остранения, «внеаходимости» (М. Бахтин) по отношению ко всем существующим культурам. Сама *культурология* — не просто знание, это особый способ *транскультурного* бытия: посреди культур, на перекрестке культур. Если другие специалисты так или иначе живут и действуют внутри определенной культуры, бессознательно принимая на себя ее определения, то культуролог делает предметом определения саму

культуру и тем самым выходит за ее пределы. Этим достигается терапевтическое воздействие культурологии на сознание людей, одержимых идеями и комплексами, навязанными той или иной культурой. Обнажая условность каждой из них, культурология приближает нас к безусловному. Таким образом, культурология содержит в себе предпосылки транскультурного движения — умножает степени свободы внутри культуры, в том числе и *свободы от самой культуры* (в отличие от варварства, которое, разрушая культуру, попадает обратно в плен к природе).

Транскультура — особое состояние человека, *освобожденного культурой от природы и культурологией от культуры*. Некоторые предварительные постижения этого мира — в основном его художественные интуиции — можно найти в описании Кастилии и Игры у Г. Гессе («Игра в бисер»), в произведениях Х. Л. Борхеса, в размышлениях О. Шпенглера и Т. Манна. Транскультура не есть нечто замкнутое, лежащее в стороне от реальных, исторических культур. Скорее, она пребывает внутри всех существующих культур как *непрерывный Континуум, объемлющий все культуры и лакуны между ними*. Транскультурный мир — *это единство всех культур и некультур, тех возможностей, которые не были реализованы в существующих культурах*.

В транскультуре китайская «Книга перемен» соотносится и взаимодействует с музыкой И. С. Баха и теорией множества Г. Кантора. Но в отличие от гессевской Игры, которая носила принципиально репродуктивный характер и исключала творчество новых знаков и ценностей, транскультура есть творчество в жанре и объеме культуры как целого. Если ученый, политик, художник, философ творят культуру, то культуролог исходит из существующих культур как материала своей работы и творит из них транскультуру, пользуясь и философией, и наукой, и искусством, и политикой как инструментами этого транскультурного творчества.

Концепция «транскультуры» возникла в России в начале 1980-х, когда стал очевидным системный кризис советской цивилизации. Транскультура исходит из проектов «управления культурой», «построения новой культуры», «культурной революции», которые предпринимались в коммунистических странах, но превращает *тотальность, утопичность, проективизм* из политического орудия в творческий прием. Подобно тому как писатель, художник или философ создают произведения в каком-то определенном жанре (роман, картина, трактат), возникают произведения в жанре культуры как целого, точнее проекта такой культуры.

Первые попытки определения транскультуры соотносили ее с особенностями российской и советской цивилизации: «Культура так относится к разнообразным искусствам, как древесность — к разным породам деревьев. Мы в своем российском саду разводим не деревья, а древесность, и получаем с нее не плоды, а плодимость. Это некая абстракция или эссенция культуры, которой важно сохранить себя и отличить от не-культуры, от враждебного мира за оградой сада. Транскультура — это новый вид искусства, объемлющий все остальные. Сейчас такая пора, когда можно и нужно не только что-то делать внутри определенной области искусства, философии, науки, но и создавать целую культуру — как единое произведение» (М. Э. Из «Писем о транскультуре», 1983).

Примером транскультурного творчества могут служить «тотальные инсталляции» и «Дворец проектов» Ильи Кабакова, деятельность московских групп «Коллективные действия» А. Монастырского, «Медицинская герменевтика»

О. Ануфриева и П. Пепперштейна, питерских «митьков», проект «Выбор народа» В. Комара и А. Меламида, такие междисциплинарные творческие объединения, как Клуб эссеистов, клуб «Мысль и образ» и Лаборатория современной культуры (Москва, 1982–1989).

В транскulturе часто используются те жанры и формы, которые традиционно служили сохранению и исследованию культуры: склад, архив, музей, мусор, свалка, экспонат, документ, отчет, реферат, каталог, альбом, комментарий... В этих формах культура выступает как целое, поскольку предполагается, что наступило время ее сохранения, собирания. Именно потому, что культура опредмечена в этих жанрах регистрации и консервации, они становятся ведущими в транскulturе, только выступают уже как творческие, порождающие: культура осваивает все формы собственного отчуждения.

С середины 1990-х годов концепция «транскulturы» (transculture) начинает распространяться и на Западе в связи с кризисом «*многокультурия*» (multiculturalism). Если «многокультурие» настаивает на принадлежности индивида к биологически предзаданной, «природной» идентичности (расовой, этнической, гендерной, сексуальной), то транскultura предполагает *интерференцию* исходных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур. Транскultura — это свобода каждого человека жить на границах или за границами своей «врожденной» культуры, выходить за стены своей языковой тюрьмы, идеологических маний и фобий. М. Мамардашвили отметил угрозу несвободы в таких лозунгах многокультурия: «Каждая культура самоценна. Надо людям дать жить внутри своей культуры. ...А меня спросили?.. Может быть, я как раз задыхаюсь внутри этой вполне своеобразной, сложной и развитой культуры?»¹ Мамардашвили отстаивает право человека на *независимость от своей собственной культуры*, «право на шаг, трансцендирующий окружающую, родную, свою собственную культуру и среду ради ничего. Не ради другой культуры, а ради ничего. Трансценденция в ничто... Это и есть первичный метафизический акт»².

При этом транскultura никоим образом не отменяет нашего культурного «тела», совокупности символов и привычек, данных нам от рождения и воспитания, — так же как пребывание в культуре не отменяет физического тела, но умножает его символические смыслы, освобождает человека от рабства у тела. Культура еды или культура желания — ритуал застолья, ритуал ухаживанья и т.д. — это освобождение от прямых инстинктов голода и вожделения, их творческая отсрочка, символическое овладение ими... Однако культура, освобождая человека из плена природы, создает новые зависимости, уже от обычаев, традиций, условностей, автоматизмов самой культуры, которые человек впитывает как групповое существо, член своего клана, этноса, консенсуса. Культура — «немецкая», «русская», «мужская», «женская» — это новая окаменелость на теле природы, новая система психофизического принуждения, символического насилия, предзаданных ролей и идентичностей: «национальный характер», «женское письмо», «гомоэро-

¹ Мамардашвили М. Другое небо // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Культура, 1992. С. 335, 337.

² Там же. С. 336.

тическая гордость»... Транскультура — это следующий порядок освобождения, на этот раз от безотчетных символических зависимостей, предрасположений и предрассудков «родной культуры».

Даже если я, находясь в пространстве транскультуры, обращаюсь к своей «коренной» традиции, мой выбор придает ей иную значимость, чем невольная к ней принадлежность. Любой элемент «родной культуры» теперь не диктуется, как традиция, а свободно выбирается, как художник выбирает краски, чтобы по-новому их сочетать в картине. Если культура освобождает «природного» человека от материальных зависимостей, опосредуя их символически, то транскультура освобождает культурного человека от символических зависимостей и предрасположений его исходной, «врожденной» культуры. При этом место твердой культурной идентичности занимают не просто гибридные образования («афроамериканец» или «турецкий эмигрант в Германии»), но набор потенциальных культурных признаков, *универсальная символическая палитра*, из которой любой индивид может свободно выбирать и смешивать краски, превращая их в автопортрет. Транскультура — новая символическая среда обитания человеческого рода, которая примерно так же относится к культуре в традиционном смысле, как культура относится к природе.

Вместе с тем транскультуру не следует отождествлять с *глобальной культурой*, распространяющей одинаковые модели (преимущественно американские) на все человечество. Транскультура есть не общее и идентичное, присущее всем культурам, но культурное разнообразие и универсальность как достояние одной личности (**универсика*); это состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам.

Концепция транскультуры подробно изложена в книге Э. Берри и М. Эпштейна «Транскультурные эксперименты: Российская и американская модели творческой коммуникации» (Нью-Йорк, 1999). Транскультура там определяется как «раздвижение границ этнических, профессиональных, языковых и других идентичностей на новых уровнях неопределимости и виртуальности. Транскультура создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции и бросает вызов метафизике самобытности и прерывности, характерной для наций, рас, профессий и других устоявшихся культурных образований, которые затвердевают, а не рассеиваются в «политике идентичности», проводимой теорией многокультурия»¹.

**Культуроника, Мультиверсалия, Трансгуманистика, Транссоциальное, Универсализм критический, Универсика*

Говорить на языке всех культур // Наука и жизнь. 1990. № 1. С. 100–103.

Знак. С. 622–634.

Culture — Culturology — Transculture // *Future*. P. 280–306.

Transcultural. P. 2–26, 34–37, 102–112, 131–135, 306–309.

УПРУГОСТЬ (resilience) как эстетическая категория. Осязательный идеал в **тактильном искусстве*, сочетающий максимальную силу податливости с максимальной силой отталкивания, что и определяет свойство упругости. У каждого

¹ *Berry E., Epstein M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 25.*

органа восприятия и у соответствующего вида искусства есть свои представления об идеале. Так, у В. Соловьева красота, воспринимаемая зрением, определяется как взаимопроникновение духовного и материального начал, выраженных, соответственно, лучами света и темным веществом. Их полное проникновение и многосложное преломление друг в друге и образуют самые красивые явления природы, например радуго или алмаз.

«Лепота» как осязательный идеал, подобно красоте как зрительному идеалу, включает совмещение противоположностей, но в данном случае не света и вещества, а воспринимаемых на ощупь свойств: *податливости* и *сопротивления*. Упругость — свойство предмета поддаваться давлению, деформации и вместе с тем восстанавливать свою форму. Виноградная гроздь представляет собой приближение к этому идеалу многосложной целостности, плавных кривых, которые вминаются в ладонь и отталкиваются от нее. Едва ли не первым описал осязательный идеал Г. Мелвилл в романе «Моби Дик» (глава 94, «Пожатие руки»). Речь идет о *спермацете* — воскоподобном веществе, заключенном в особом мешке в голове кашалота и используемом для изготовления смазок и кремов: «Купая руки мои между этих мягких, нежных комьев сгустившейся ткани <...> чувствуя, как они расходятся у меня под пальцами, испуская при этом маслянистый сок, точно созревшие гроздья винограда. <...> Давайте все пожмем руки друг другу; нет, давайте сами станем как один сжатый ком... О, если бы я мог разминать спермацет вечно!»¹

Более научный подход к проблеме осязательного идеала находим у Гастона Башляра: «У каждого из нас в воображении существует материальный образ идеального месива, совершенного синтеза сопротивления и податливости, наилучшего равновесия сил приемлющих и отталкивающих. Отклоняясь от этого состояния равновесия, доставляющего непосредственную радость трудящейся руке, возникают противоположные отрицательные обозначения слишком дряблого и слишком жесткого. <...> Следует понять, что рука, как и взгляд, имеет свои грезы и свою поэзию»².

По Башляру, влажный *земляной ком, месиво* — это чувственная мечта ладони, то, с чем она идеально слепляется, образует архетипическое целое. Однако такие свойства плоти, как упругость, мягкость, гибкость, запечатлеваются не только кожей, но и мускульно, двигателью, динамически. Наряду с осязанием выделяется *шестая* категория ощущений, *кинестезия* (от греч. *kinein*, двигать, и *aisthethai*, воспринимать чувствами). Это чувство, производится напряжением, сокращением и растяжением мышц. Следовательно, об упругости правильнее говорить как об *осязательно-мышечном* идеале. Именно в *кинестактильном* (*kinetactile*) единстве ощущений переживается то, что можно назвать «плотскостью» чужой плоти: ее особая консистенция, эластичность, способность наполнять нас собой, становиться как бы частью нашей собственной плоти — и вместе с тем сохранять отдельность, своеволие движений. Именно упругость служит идеальной точкой отсчета в суждениях о мягкости, переходящей в дряблость или вялость, и о твердости, переходящей в жесткость или черствость.

¹ Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый кит / Пер. с англ. И. Бернштейн. М.: Худож. лит., 1981. С. 454–456.

² Bachelard G. La Terre et les rêveries de la volonté. Paris: Librairie José Corti, 1947 (14th ed.). P. 78–80.

**Воосязание, Секстуальность, Тактильное искусство, Хаптика, Эротема, Эротология*
Тело. С. 46–52.
Любовь. С. 229–237.

ФАКТАЗИЯ (factasy; факт + фантазия). Факт, похожий на фантазию, поражающий разум или воображение; краткий прозаический жанр, соединяющий изложение реального факта с его истолкованием в форме аллегории, гипотезы, притчи, фантазмагии. *Фактазия* — это факт с метафизической подкладкой, с символической или метафорической нагрузкой, нечто большее, чем просто факт: он исполнен мудрости, поэзии, потенциально содержит в себе идею, теорию, мировоззрение; это шифр мироздания, сокращенная его запись, штрих-код.

Пример фактазии. Согласно новейшим астрономическим данным, Sagittarius B2, огромное облако газа и пыли в центре нашей галактики, содержит *этилформинат* — химическое соединение, определяющее вкус малины, а также, по странному совпадению, запах рома. Теперь, чтобы совершить путешествие в центр галактики и хотя бы чуть-чуть прикоснуться к неведомому, достаточно откупорить бутылку рома и бросить в бокал несколько ягод малины. Астрономы искали в нашей галактике аминокислоты — «семена жизни» — и попытка не удалась. Однако побочным результатом неудавшегося эксперимента оказалось открытие, благодаря которому незнакомая вселенная приобрела вкус и запах, причем романтический и пьянящий. Такова гастро-космическая *фактазия*.

*Как бы, *Креатема, Сверхпоэзия*

ЭДЕМИЗМ, РАЕПИСЬ (Edenism, или paradiction: paradise + diction). Восприятие преимущественно райских черт бытия; мировоззрение и художественный стиль, направленные на воссоздание рая. Помимо изображения собственно Эдема в Библии и ее художественных иллюстрациях, «раепись» проникает и в другие жанры: идиллию, утопию, а также в любовные сюжеты. Так, в библейской «Песни песней» сливаются образы влюбленных и окружающей их природы, но не аллегорически, не посредством иносказания, а *эдемически*, создавая образ цельного рая, в котором блаженство любящих неотделимо от благодати природного мира. Рай — это высшая степень бытия каждого существа как любимо-любящего, это **самое-самое* каждого качества, и потому упиваться возлюбленной и «пить сок гранатовых яблок» — это синонимы на языке «раеписи». Переход портрета в пейзаж и пейзажа в портрет здесь объясняется райским состоянием мира. Это земля цветов и плодов, даром отдающая свой избыток и потому входящая в целостный образ любви как бытия-в-другом и для-другого. Любовь Соломона и Суламифи входит в круг этого мироздания, становится его центром, но ее ни в коем случае нельзя сводить к эмоциям, к «отношениям». То, что любовь мыслится обычно как «чувство», «познание», «отношение», есть знак ее деградации в «постэдемском» мире. *Эдемизм* — онтологический метод представления любви не как субъективного чувства, а как свойства самого мироздания, которое любовью преобразуется в рай.

Некоторые литературные и художественные направления, такие как романтизм, импрессионизм и постимпрессионизм, особенно склонны к раеписи.

П. О. Ренуар — это прежде всего особое видение человеческой плоти, как бы светящейся изнутри. Ренуар — современник и «совидец» тех ученых-физиков начала XX века, которые показали, что материя — это форма энергии. Лица и фигуры у Ренуара, при всей их материальной насыщенности, сочности, отличаются от рубенсовского плотского изобилия тем, что они не тяжеловесны, в них есть отблеск рая, причем не потерянного, ностальгически вспоминаемого, а представленного здесь и сейчас. Без малейшего намека на потустороннее Ренуар передает свет, излучаемый человеческой плотью. Метод этой живописи — раепись, воскрешение той телесной формы, в которой человек предназначен к бессмертию. Черты эдемизма можно обнаружить также в живописи Г. Климта и М. Шагала, в поэзии В. Жуковского, М. Лермонтова («Мцыри»), А. Тарковского, Б. Ахмадулиной, в прозе И. Тургенева, И. Бунина, М. Пришвина, В. Набокова, наполненной образами гармонии между человеком и природой, между поэзией в душе, в слове и в мироздании.

*Веселье мысли, Интенсивность, *Космопоэзис*, *Любовь*, *Радостники*, Самое-самое, Теовитализм, Человечность

Онтология любви: Эдем в «Песне песней» // Звезда. 2008. № 3. С. 204–216.

Любовь. С. 264–298.

Религия. С. 269–288.

ЭКСПЛОЗИВ (explosivism, explozance; от англ. explosive, взрывной, взрывчатка). Взрывной стиль, приходящий в XXI веке на смену игровому постмодернизму. Тональность и визуальность взрыва, его архетипика и апокалиптики вошли в плоть и кровь нашего времени.

Перед Первой мировой войной А. Крученых издал самодельную книгу «Взорваль» (1913), один из манифестов авангардной поэзии и живописи. Одноименное стихотворение начинается: «взорваль огня / печаль коня...» «Взорваль» — обозначение авангардного стиля — и одновременно предчувствие вскоре разразившейся Первой мировой войны. Начало XXI века отчасти воскрешает поэтику авангарда, и в этом парадоксальность новой эпохи: это авангард *после* постмодерна, вобравший его усталость, отстраненность, эстетизм и вместе с тем придающий взрывное ускорение всем цивилизационным процессам. Символом конца постмодерна стал взрыв башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Реальность, подлинность, единственность — категории, которыми было принято пренебрегать в поэтике постмодерна, основанной на повторе, на взаимоотражении подобий, — жестоко за себя отомстили. Этот «большой взрыв» породил вселенную XXI и определил «стиль-взорваль» современной цивилизации. Закончилось первое десятилетие XXI века не менее масштабным взрывом, на сей раз экономическим, — кризисом 2008–2009 годов, который тоже волнами разошелся от Уолл-стрит, расположенной всего в нескольких шагах от зданий бывшего ВТЦ. Новый взрыв подтвердил конец прежней эпохи: лопнула знаковая пена, взбитая финансовым и культурным постмодерном. Отсюда крах раздутой системы банковских симулякров, необеспеченных кредитов, «означающих», забывших или презревших свои «означаемые».

Между двумя этими взрывами начала и конца десятилетия пролегает история постепенного превращения стиля «постмодерн» в стиль «эксплозив». Один из

представителей новой, «взрывной» волны, американец Джон Адамс, классик музыкального постмодерна, по заказу Нью-Йоркской филармонии сочинил композицию «О переселении душ» (On The Transmigration Of Souls), исполненную в первую годовщину 9/11. Жанр и документальная основа композиции — «пространство памяти»: кинокадры горящих небоскребов, из которых вываливаются миллионы бумаг — документы, факсы, графики, циркуляры, письма, записочки. Здесь очевидны и постмодерное начало, и его преодоление. Сама текстуальность полна экзистенциального напряжения, которое вырывается за пределы знаков, передавая трагизм и необратимость человеческой утраты и вместе с тем движение человеческих душ в иные миры. Знаки взрывают знаковость.

Современный стиль — сочетание корректности, внешней расслабленности, плюрализма, унаследованных от постмодернизма, — с внутренней напряженностью, повышенным болевым порогом: ведь каждая неполадка в системе цивилизации может в любой миг взорвать ее. Террор или антитеррор, экокатастрофа или технокатастрофа, религиозная война или информационные вирусы. Растущая мощь искусственного разума и непредсказуемость его действий. А также вызванный всем этим страх, его самоисполняющиеся кошмары и ожидания. Происходит накопление эффекта угроз, и состояние хоррора перед возможным далеко опережает реальность самого террора, ужаса происшедшего. Обострилось ощущение телесной уязвимости каждого человека и человечества в целом. Вернулось и даже усилилось ощущение единственного, неповторимого, неподвластного никаким симуляциям.

Взрывообразное развитие техники и цивилизации вообще — одна из самых заметных тем нынешней научной и общественной мысли. Рэй Курцвайл, американский изобретатель и «пророк» компьютерных технологий, предсказывает «сингулярность», созидательный взрыв техносферы и инфосферы к середине нашего века. Курцвайл обнаруживает экспоненциальную, *взрывную* природу технологического развития цивилизации, показатели которого удваиваются (в разных сегментах) каждые год-два. Графики роста виртуальной памяти компьютеров, удешевления их стоимости, эффективности транзисторов, скорости передачи информации, количества сетевых серверов, роста числа патентов в области нанотехнологий, возрастание банка генетических данных, рост расходов на образование в США показывают одну и ту же кривую, которая сначала поднимается отлого, в районе 1990–2020-х очерчивает фигуру колена, круто взмывает и к середине XXI века становится почти отвесной. Это грядущее состояние «*обвального роста*», когда за один день случается столько технологических и цивилизационных прорывов, на которые раньше уходило столетия, и называется сингулярностью. Каждый день отправляются космические экспедиции на новые планеты; число компьютерных операций за одну секунду превышает в миллиарды раз число всех вычислительных операций, производившихся в истории человечества; в течение нескольких лет открываются способы излечения практически всех болезней; начинается регуляция климата и управление силами ураганов и океанических течений...

Таким образом, в разговоре об *эксплозиве* приходится иметь в виду не только происки террористов, но и совсем другой масштаб — *взрывной стиль* грядущей цивилизации. Не только варвары могут взорвать цивилизацию, но и она сама находится уже в состоянии творческого взрыва.

*Техновитализм, *Хоррология*

Нулевой цикл столетия: Эксплозив — взрывной стиль 2000-х // Звезда. 2006. № 2. С. 210–217. *Postmodernism*. P. XIII–XX, 36, 95, 124, 383, 378, 491, 259, 550.

ЭССЕИЗМ (esseism). Жанр эссе как выражение общих тенденций культуры к синтезу разных жанров: документальных, художественных, научных, философских; возрождение мыслеобразной целостности мифа на основе свободной авторской рефлексии. Распространение эссеистического принципа мышления на другие жанры и типы творчества — **эссеизация** (essayization) (например, *эссеизация* романа, трактата), а совокупность ее проявлений как целостный культурный феномен — *эссеизм*.

В эссе соединяются: бытийная достоверность, идущая от документа; мыслительная обобщенность, идущая от философии; образная конкретность, идущая от литературы. Эссе — частью признание, как дневник; частью рассуждение, как статья; частью повествование, как рассказ. Эссе только тогда остается собой, когда непрестанно пересекает границы других жанров. Эссе устремляется к тому единству жизни, мысли и образа, которое изначально, в синкретической форме, укоренялось в мифе. Впоследствии цельность мифа разделилась в развитии культуры на документально-историческое, художественно-образное и философско-понятийное. Эссеизм воссоединяет распавшиеся части культуры — но оставляет между ними пространство *игры, иронии, рефлексии, остраненности*, которые враждебны догматической непреклонности мифологий, основанных на *авторитете*. Эссеизм — мифология, основанная на *авторстве*. Это *интегративный* процесс в культуре, движение к *жизне-мысле-образному синтезу*, в котором все компоненты, исходно наличные в мифе, но давно уже разведенные дифференцирующим развитием культуры, вновь сходятся, чтобы опытно, экспериментально приобщиться друг к другу, испытать сопричастность к экспериментальному целому.

Если в XVII — первой половине XIX века эссеистика оставалась на периферии общеполитического развития, определявшегося дискурсивными системами Декарта, Лейбница, Спинозы, Канта, Гегеля и других «чистых» мыслителей, то примерно с середины XIX века мысль теряет «невинность», ищет обоснования в том, что не есть мысль, и это определяет ее растущую *эссеизацию*. Постгегелевская, в широком смысле — постклассическая философия открыла перед собой действительность, логически непрозрачную, требующую укоренить мысль в том бытийном процессе, который ее порождает. Чтобы «мыслить не-мыслимое» — жизнь, единичность, — мысль должна обогащаться образностью. Кьеркегор и Ницше писали не систематические трактаты, а литературно-метафизические опыты, в которых мысль прорабатывается через образ и неотделима от него. Т. Манн точно охарактеризовал Ницше как «эссеиста шопенгауэровской школы» — вышедшей из философского убеждения, что «воля» предшествует «представлению», бытие задает путь мысли. По этому же принципу построены и такие мыслеобразы XX века, как «Сизиф» у Камю, «Цитадель» у Сент-Экзюпери, «Орфей» у Маркузе и другие.

Проникновение образности в сферу философского мышления было мотивировано в XX веке такими полярными учениями, как психоанализ и фено-

менология. Психоаналитические труды как фрейдовской, так и в особенности юнговской школы несут отпечаток эссеизма, что предопределено самой задачей проникновения в бессознательное, в «кипящий котел» психической энергии, где расплавлены и слиты все познавательные начала. Отсюда *мыслеобразный* характер таких понятий психоанализа, как «Эрос» и «Танатос», «Анима» и «Персона», «Маска» и «Тень», эссеистическая разработка мифологических образов Эдипа, Нарцисса, образов сновидений и психоаналитических толкуемых предметных символов, таких как «дверь», «ключ», «скатерть», «чашка» и пр.

Феноменология, отдающая приоритет не бессознательному, а, напротив, «чистому сознанию», тоже провозглашает возвращение философии от умозрительных абстракций к «самим вещам», в их непосредственной явленности сознанию. При этом философия переходит в «эйдетику», интеллектуальное созерцание и описание мыслительных схем как конкретных образов, наглядно предстоящих уму. «Интенциональность» сознания, которое всегда является «сознанием о», находит себе аналог в структуре эссеистического рассуждения, которое тоже есть «о» — развертывание различных мнений и подходов, диспозиций и интенций по отношению к вещам; при этом редуцируется вопрос об их «внефеноменальной» сущности. «Мое мнение... не есть мера самих вещей, оно лишь должно разъяснить, в какой мере я вижу эти вещи», — этот постулат М. Монтеня («Опыты», II, X) предвосхищает феноменологию. Не случайно в названиях многих произведений эссеистики — у Монтеня в 87 из 107 его «опытов» — присутствует предлог «о»: «О запахах», «О боевых конях» и т.д. «О» — формула жанра, предлагаемый им угол зрения. Предмет предстает не в именительном, а в предложном падеже, рассматривается не в упор, как в научном сочинении, а со стороны, «наискосок», служит предлогом для разворачивания мысли, которая, описав полный круг, возвращается к самой себе, к автору как точке отбытия и прибытия.

Эссеизм — это жанровая форма **слабого знания*, признающего свою приближительность. Задача, поставленная перед философией поздним Гуссерлем, — описать «первоначальные очевидности», вернуться к «жизненному миру», который «есть не что иное, как мир простого мнения (doxa), к которому по традиции стали относиться так презрительно»¹, — эта задача предполагает последовательную эссеизацию философского метода. Более последовательно, чем в сочинениях самих феноменологов, эссеизация философии осуществляется у экзистенциалистов, мышление которых вплотную приближается к образотворчеству и часто сливается с литературным сочинительством. Такие представители экзистенциализма, как В. Розанов и Л. Шестов, Унамуно и Г. Марсель, Сартр и Камю, С. Вейль и С. де Бовуар, поздний Хайдеггер, — это мыслители-писатели, две ипостаси которых не разделяются и в рамках одних и тех же произведений. В экзистенциализме сознание признает первичность бытия — но эта первичность выводится из требований самого сознания. В феноменологической и экзистенциальной философии мысль и образ, «идея» и «вид» образуют замкнутый круг, словно бы смыкаясь в точке «эйдоса», откуда разошлись со времен Античности. Если для Платона подлинное мышление противопоставляет себя «вымыслам поэтов», то для Хайдеггера мыслить — «значит быть поэтом».

¹ «Husserliana». Gesammelte Werke. Haag, 1950–1979, 8d. VI. S. 465.

Своеобразие эссеизма и его значение в культуре Нового времени определяется тем, что это культура растущей специализации. Ядро этой культуры постоянно и ускоренно делится, образуя все новые независимые организмы; науки и искусства делятся на разделы, дисциплины, ответвления, на которых вырастают новые науки и искусства. Однако центробежные тенденции в культуре Нового времени порождают, как залог ее самосохранения, обратные, центростремительные процессы, которые проявляются порой чрезвычайно жестко, в стремлении создать новую массовую мифологию и насильственно подчинить ей целое общество, — порою же мягко, в индивидуальных опытах интеграции различных областей культурного творчества. Эссеизм — это мягкая форма собирания и конденсации составляющих культуры: общим знаменателем тут выступает индивидуальность. Эссеизм — «гуманистическая мифология», синтез разнообразных форм культуры на основе открытого Новым временем самосознания личности, которая восходит благодаря такому опосредованию ко все более высоким степеням духовной универсальности (**Универсика*).

Эссеизм можно рассматривать и более широко, не только как вид культурного творчества, но и как возможностный, экспериментальный, протеический способ существования (**мультивидуум*, **потенциация*, **протеизм*). Роберт Музиль посвятил эссеизму как «искусству жизни», характерному для XX века, главу в своем романе-трактате «Человек без свойств», который сам является образцом эссеизма. По Музилю, эссеизм есть способ «жить гипотетически», превращать каждую позицию, зафиксированную в культуре, — «точность» науки и «душу» поэзии — в одну из возможностей «быть другим». Человек не имеет никаких свойств, заданных ему от природы, но есть «квинтэссенция возможностей, потенциальный человек», «пористый подтекст для многих иных значений». «Примерно так же, как эссе чередую своих разделов берет предмет со многих сторон, не охватывая его полностью, — ибо предмет, охваченный полностью, теряет вдруг свой объем и убывает в понятие, — примерно так же следовало... подходить к миру и к собственной жизни»¹.

Т. В. Адорно в работе «Эссе как форма» трактует эссе как форму «негативной диалектики»; его назначение — демонстрировать относительность любых абсолютов, расщеплять все политические и культурные «сплошности», релятивизировать значение слов, лишая их словарной всеобщности и застывшей пропагандистской оценочности. Действительно, с момента своего зарождения у Монтеня эссеистика стала методом критической рефлексии о нравах, которые лишались своей нормативности, вступая в контакт с испытующим, вопрошающим индивидуальным сознанием. Но само это сознание становилось в дальнейшем развитии эссеистики новой формой универсальности, где осваивались и обретали более подвижную, свободную взаимосвязь прежние релятивизированные ценности. Эссеистическая личность, как она предстает у Адорно, есть олицетворение чистого скепсиса, оппозиционно-альтернативного мышления, противостоящего «истэблшменту». Но «инакомыслие» — лишь исторически и логически необходимый момент в становлении «целоумслия».

¹ Музиль Р. Человек без свойств (глава «И земля, а Ульрих в особенности преклоняется перед утопией эссеизма»). М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. С. 291.

Установка на подвижную, не фиксированную жестко централизацию сказывается и в мельчайшей клеточке языка: любое слово, эссеистически осмысленное, может превращаться в термин, на основе которого строится целая система словоупотреблений, как, например, в эссе Ч. Лэма «Слово о жареном поросенке». При этом терминологизируются самые обычные и повседневные слова, которые традиционная метафизика предпочитает далеко обходить,

В культуре XX века возникло много художественных, философских, научных направлений: экспрессионизм и кубизм, экзистенциализм и структурализм, витализм и бихевиоризм... *Эссеизм* нельзя отнести к числу этих «измов», ибо это не есть направление одной из культурных ветвей, а особое качество всей культуры. Это не художественный, не философский, не научный, а именно *общекультурный* феномен, механизм самосохранения и саморазвития культуры как целого, рычаг, которым уравниваются центробежная и центростремительная тенденции, одностороннее преобладание которых привело бы к гибели самой культуры, ее распылению или окаменению, технологизации или ритуализации. Эссеистическое мышление движется в модусе *открытой целостности, антитоталитарной тотализации*. Эссеистическое мышление не является ни «позитивным», ни «оппозиционным», но скорее *интерпозитивным*, выявляя значение лакун, незанятых и промежуточных позиций в культуре. Таким образом, эссеизм может стать проводником противоположных тенденций: интегративной и дифференциальной, причем в их борьбе он выступает на стороне обеих, занимая позицию самой культуры, защищая интересы ее подвижной устойчивости и многосложного единства. В зависимости от конкретной исторической ситуации эссеизм преимущественно выражает одну из этих тенденций, направленную на то, чтобы культура, сохранив открытость, приобрела целостность или, сохранив целостность, приобрела открытость. Эссеистическое мышление — обоюдоострый инструмент, способный к анализу и синтезу, к расчленению монолитных, синкретически-пережиточных форм культуры и к воссоединению ее дробных, специализированно-вырожденных форм.

**Импровизация коллективная, Мыслительство, Нулевая дисциплина, Слабое знание, Универсализм критический, Универсика, Filosofia, Эссема*

Законы свободного жанра: Эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 120–152.

Эссе об эссе; Законы свободного жанра // *Эссе*. Т. 1. С. 11–16, 477–532; Эссеистика как нулевая дисциплина // *Эссе*. Т. 2. С. 673–692.

ЭССЕМА (esseme). Единица эссеистического мышления, свободное сочетание конкретного образа и обобщающей его идеи. Одно из главных свойств мифа — совпадение в нем общей идеи и чувственного образа. Эти же начала сопрягаются и в эссе, но уже как самостоятельные, выделившиеся из первичного неразличимого тождества. Идея не персонифицируется в образе, а свободно сочетается с ним, как предложение и пример, факт и обобщение. «Дон Жуан» и «Авраам» у Кьеркегора, «Заратустра» у Ницше, «Сизиф» у Камю — это не художественные образы, но тем более и не логические понятия, а своего рода мыслеобразы, *эссемы*. В эссе мысль преломляется через несколько образов, а образ толкуется через ряд понятий, и в этой их подвижности друг относительно друга заключено новое качество

рефлексивности, релятивности, которым эссеистический *мыслеобраз* (thought-image) отличается от мифологического. Сколько бы ни привлекалось образов для подтверждения мысли, они не могут вполне быть равны ей; сколько бы понятий ни привлекалось для истолкования образа, они тоже не могут до конца исчерпать его. Отсюда энергичное саморазвитие *эссеистического мыслеобраза*: он каждый миг неполон, требует все новых «показаний» со стороны образа и все новых «доказательств» со стороны понятия. Такой мыслеобраз и есть «эссема», по аналогии с «*мифологемой*», составляющие которой связаны синкретически, нерасчлененно.

Эссе М. Цветаевой о М. Волошине «Живое о живом» начинается так: «Одиннадцатого августа — в Коктебеле — в двенадцать часов пополудни — скончался поэт Максимилиан Волошин». Эмпирический факт, сообщенный с предельной протокольной сухостью, вплоть до часа смерти. И далее, не отступая ни на миг от этого факта, Цветаева придает ему такой расширительный смысл, что он одновременно становится мыслительной универсалией, которой для воплощения не требуется никакого вымысла — она живет во плоти все того же единичного и абсолютно достоверного события. «Первое, что я почувствовала, прочтя эти строки, было, после естественного удара смерти — удовлетворенность: в полдень; в свой час». Час смерти оказывается не случайным, он — *свой* для Волошина, это *свойство* его личности, которое пока еще утверждается лишь силой любящего и понимающего чувства. А затем следуют «доказательства»: полдень из часа дня превращается в час природы, любимой Волошиным, в час места, где он жил, — мотив стремительно варьируется, укрепляясь в своем инвариантном, сверхвременном и сверхпространственном значении:

«В полдень, когда солнце в самом зените, то есть на самом темени, в час, когда тень побеждена телом... — в свой час, в волошинский час. И достоверно — в свой любимый час природы, ибо 11 августа (по-новому, то есть по-старому конец июля) — явно полдень года, самое сердце лета. И достоверно — в самый свой час Коктебеля, из всех своих бесчетных обливов запечатлевающегося в нас в облике... полднего солнца... Итак, в свой час, в двенадцать часов пополудни, кстати, слово, которое он бы с удовольствием отметил, ибо любил архаику и весомость слов, в свой час суток, природы и Коктебеля».

Образ расширяется образом и восходит постепенно к обобщенности понятия; полдень дня и года, полдень времени и места, полдень — любимая природа и любимое слово — сквозь все эти наслоения проступает категория «*полуденного*», как некоего всеобъемлющего типа существования, персонифицированного в Волошине. И наконец, Цветаева доводит это обобщающее, но сохраняющее образность ступенчатое построение до логического — «мифологического» предела: «Остается четвертое и самое главное: в свой час сущности. Ибо сущность Волошина — полдневная, а полдень из всех часов суток — самый телесный, вещественный, с телами без теней... И, одновременно, самый магический, мифический и мистический час суток, такой же маго-мифомистический, как полночь. Час Великого Пана, *Démon de Midi*, и нашего скромного русского полуденного...»

Полуденна уже не только природа вокруг Волошина, но он сам, весь, до глубины своей личности и творчества. Так образ постепенно раскрывает свои обобщающие

свойства. Очевидно, что это не чисто художественный образ, ибо в нем нет никакого вымысла, и недаром Цветаева повторяет, настаивает: «И достоверно — ... И достоверно — ...» Казалось бы, самое верное определение, которое здесь напрашивается, — миф, тем более что Цветаева сама проводит такую параллель, говоря о древнегреческом Великом Пане, французском Демоне Полдня и русском полуденном. Но, разумеется, цветаевского Волошина нельзя прямо, без кавычек, поместить в этот мифологический ряд — за его образом стоит историческая и биографическая реальность, которая не сводится к идее полдня, так же как идея полдня не сводится к личности одного поэта Волошина. Это «миф», опровергающий свою собственную коллективистскую и синкретическую природу, «миф», созданный одним человеком об одном человеке и показывающий процесс своего создания — воистину «живое о живом». И только такой мыслеобраз, который «миф» и одновременно «не-миф», может считаться целостным и достоверным для сознания Нового времени. Если бы Цветаева отсекла в Волошине все, что не вмещается в созданный ею квазимифологический образ «человека-полдня», это было бы уже о «мертвом».

Термин «эссема» может восполнить недостающее теории представление об особом типе квазимифологического образа, чрезвычайно распространенном в современной словесности, как художественной, так и философской или публицистической. Эссема — это мыслеобраз, который может бесконечно приближаться к мифологеме, как к своему пределу, но никогда с ней не совпадает, ибо являет собой порождение индивидуального сознания, которое не выдает понятие за образ, образ за действительность, не утверждает их тождества в качестве аксиомы, но допускает лишь в качестве гипотезы.

*Мыслительство, Нулевая дисциплина, Потенциация, Эссеизм
Эссе и миф. Эссема и метафора // *Эссе*. Т. 1. С. 495–511.

ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТ

Анафраза
Арьергард
Афористический квадрат
Гиперавторство
Гипербола-литота
Гипоавтор
Имперавтор
Индексальное письмо
Книга виртуальная
Континуализм
Концептуализм
Лирическое «оно»
Мегатекст
Метабола
Метареализм
Надтекст
Новая сентиментальность
Нулевой стиль
Перитекст
Пластичность текста
Полифраз
Презентализм
Раскавычение
Ретекстуализация
Симфразия
Синтекст
Сквозное чтение
Скриптомания
Скрипторика
Стереотекст
Текстоид
Текстоника
Текстуальная империя
Унитекст
Цитата обратная
Экзотекст
Экология текста, экотекстология

АНАФРАЗА (anaphrase; от греч. ana, вверх или вспять + греч. phrasis, речь, манера речи, фразеология). Перестановка слов во фразе, образующая новую фразу; отрезок текста (словосочетание, предложение, группа предложений), составленный из слов другого текста, которые при этом меняют свой порядок и грамматические свойства.

Анафразы — это *лексические* анаграммы, в которых единицей перестановки выступают не буквы в словах, а слова во фразах.

опасная мечта о страстной любви 1 2 3 4
 опасная любовь к страстной мечте 1 4 3 2

В отличие от *перифразы*, которая выражает одно и то же значение разными словами, анафраза одними и теми же словами выражает разные значения. Анафразы находим у Анны Ахматовой в разных вариантах одной строки «Поэмы без героя»:

Светлый слушатель темных бредней. 1 2 3 4
 Темный слушатель светлых бредней. 3 2 1 4

У Осипа Мандельштама:

В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела!
 («Сестры — тяжесть и нежность...»)

Пример из романа «Улисс» Джеймса Джойса. Слова, повторяющиеся в трех предложениях-анафразах, мы сопроводим порядковыми номерами, чтобы видна была их меняющаяся последовательность.

«Miss Kennedy sauntered (1) sadly (2) from bright light, twining (3) a loose hair (4) behind an ear (5). Sauntering (1) sadly (2), gold (6) no more, she twisted twined (3) a hair. Sadly (2) she twined (3) in sauntering (1) gold (6) hair (4) behind a curving ear (5)».

«Мисс Кеннеди печально (1) прогуливалась (2), выйдя из полосы света и заплетая (3) выбившуюся прядку (4) волос за ушком (5). Печально (1) прогуливаясь (2), уж золотом (6) не сияя, она закручивала, заплетала (3) прядку (4). Печально (1) заплетала (3) она золотую (6) загулявшую прядку (4) за изогнутым ушком (5)»¹.

1 2 3 4 5
 1 2 6 3 4
 1 3 6 4 5

Специфический узор данной анафразы определяется варьирующимся порядком ее лексических единиц, которые передают манерность «прокручивающихся» жестов мисс Кеннеди, меланхолически пытающейся привлечь внимание мужчин, «этих потрясающих идиотов».

Древние риторические приемы *хиазм* и *антиметабола*, соединяющие в одном высказывании части с прямым и обратным порядком слов, могут рассматриваться как частные случаи анафразы².

¹ Джойс Дж. Улисс / Пер. В. Хинкиса и С. Хоружего // Джойс Дж. Соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 284.

² В учебниках по риторике хиазму и антиметаболе даются противоречивые толкования, которые не позволяют их различать с достаточной ясностью. К хиазму дается пример: «Умейте любить ис-

Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее (Мф. 10: 39).

Анафразия (anaphrasing) — изменение порядка слов во фразе, а также литературный прием, основанный на таких фразовых преобразованиях; совокупность всех синтагматических перестановок (инверсий) и парадигматических замещений в данном наборе слов.

Этот прием неоднократно использовался в литературе, особенно в поэзии: «Квадрат квадратов» И. Северянина, 1910; «Иван Топорышкин» Д. Хармса, 1928, многие стихотворения Г. Сапгира. Однако ранее этот прием не выделялся в поэтике и стилистике как особый способ построения художественной речи. Отрывок из стихотворения Генриха Сапгира «Сержант» (1990):

сержант схватил автомат Калашникова упер в синий
живот и с наслаждением стал стрелять в толпу
толпа уперла автомат схватила Калашникова —
сержанта и стала стрелять с наслаждением в синий живот
Калашников — автомат с наслаждением стал
стрелять в толпу... в сержанта... в живот...

В этих стихах прием анафразии, меняя местами субъекты, объекты и атрибуты действия, позволяет усилить экспрессию насилия, которое захватывает всех и вся. Анафразия — это топологическое выворачивание фразового пространства, предельная «растяжка» данного набора слов, совокупность преобразований фразы по всем лексико-грамматическим параметрам.

Народ смотрит на тебя, мужайся!
На него засматривается замужняя родственница.
Замуж, роды — посмотрите на нее!

Здесь дан предельно широкий допуск лексическому варьированию в пределах фразы. Слова «мужайся — замужняя — замуж» или «народ — родственница — роды» имеют общий корень, но принадлежат разным лексико-семантическим группам и разным ступеням и ветвям словообразовательного процесса. Это уже не просто *фразоизменение*, но *фразообразование* свободного типа. В принципе можно и далее расширять параметры анафразии, включая производство новых слов от заданных корней:

Москва живет меня
жизнь москвит меня

кусство в себе, а не себя в искусстве» (К. Станиславский), а к антиметаболе: «Мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть» (приписывается Сократу). Мое понимание хиазма опирается на известную книгу Э. М. Береговской «Очерки по экспрессивному синтаксису» (М.: УРСС, 2004). «Анафраза» отличается от вышеупомянутых риторических фигур, в частности, тем, что она не замкнута в одном или двух смежных предложениях, не требует законченной симметрии, а может многократно, в принципе бесконечно варьироваться.

моя живучая Москва
моя москвучая жизнь...

Интересные литературные результаты достигаются при условии наибольшей свободы исходных параметров, то есть наибольшей лексико-морфологической растяжимости (варьируемости) каждого слова, при условии сохранения единства лексико-семантического поля. *Искусство анафразии* — не механическое изменение порядка слов, это именно искусство, поскольку оно требует выбора наиболее выразительных вариантов преобразования лексических единиц.

Анафразия — скрещение двух основных осей языка, парадигматики и синтагматики. По Роману Якобсону, «поэтическая функция» языка состоит в его саморепрезентации, направленности сообщения на свой план выражения. Как раз анафразия и представляет собой саморепрезентацию языка в наиболее концентрированном виде: на одну знаковую единицу, слово, здесь приходится больше значений, чем в обычном сообщении, где слова сменяют друг друга, а не вращаются вокруг своей парадигмальной оси. В анафразии язык играет сам с собой, демонстрируя семантическую и грамматическую вариативность своих единиц.

*Полифраз, Симфразия

Анафраза: языковой феномен и литературный прием // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 227–247.

Поэзия. С. 403–427.

АРЬБЕРГАРД (literary arrière-garde). Литературный и художественный стиль конца XX века, противоположный авангардизму начала века. Авангард усиленно выдвигал новую форму, технический прием, жестко упорядочивал заданные конструкции, отменял прошлое во имя будущего. *Арьергард*, напротив, это искусство аморфности, поток письма, в котором трудно выделить несущую сюжетную конструкцию, словно с каждой фразы он начинается сначала. Пример арьергарда — «Равновесие света дневных и ночных звезд» и «Видимость нас» В. Нарбиковой, «Жертвоприношение коня» И. Герба, «Призма-кино» Руслана Марсовича, тексты А. Драгомощенко, С. Соловьева, П. Пепперштейна. Исчезает не только сюжет, как призрак истаявшей истории, но и композиция, которая графически резко, с утрированной простотой, рисовалась в **концептуализме*. Арьергардное сочинение может начаться и закончиться чем угодно и одинаково долго тянется во всех направлениях — это однородный континуум. Эстетический разум, который Кант когда-то определил как «форму целесообразности при отсутствии цели», переходит в новое качество: «отсутствие целесообразности как форма образа». Трудно приводить образчики арьергардной поэзии и прозы, потому что выбор цитаты уже включает целесообразность.

«Не нужно. Прекрасно помню про волосы. Бежать, шипы кизила.
Надо, чтобы были длинны в меру слога, чтобы сознание
Правоты, истины, ресницы, цифры, нефти, разлуки. Необходимо также,
Чтобы теперь стало известно, сколько что чего стоит, состав глаза,
Кобальта, того, что соль превышает то, что называется телом, и

Что не забывать, что тело “как бы”, “вроде” не является единицей в сравнениях...»

А. Драгомощенко. «Авессалом в регистрах союза “что” и указательного местоимения на выбор»

«Когда темнеет, наполняется ванна для Марата, для брата, для свата. Когда облачишься в красное и сыграешь угрюмо на скрипке руки, — хлорочная тепленькая вода понесет тебя из бассейна в бассейн, из реки в море. “Море ждет, а мы совсем не там”. Боязно, когда чаши похожи и дрожат краями — не хочется пить. Если только можно — отчаянье крошит стекло чаши в руке — и ничего больше не сделано для бессмертия».

Руслан Марсович. «Призма-кино»

Образ растекается во все стороны, по линиям всевозможных и слабо соотнесенных ассоциаций. Задача текста — деконструкция языка, постановка слова в такой контекст, чтобы оно размывалось другими словами, избавлялось от всяких значений: переносных, символических и даже просто словарных. Одно значение не добавляется к другому, а смыывает его, как волна, накатывающая на волну.

«И название предмета сходит, как прошлогодний снег с предмета, уходит в землю, впадает в Черное море, вот для чего так много языков, вот для чего! Чтобы дать название предмету на сотне, тыще языков, чтобы названия (языки) взаимно исключали друг друга и предмет опять остался без названия...»

В. Нарбикова. «Видимость нас»

В арьергарде ускоренно происходит децентрализация, устранение больших несущих конструкций: жанровых, сюжетных, идейных. Особенность этой литературы без свойств уясняется из сравнения с центрированной и эксцентрической словесностью. *Центрированная* проза последних десятилетий XX века — солженицынская, гроссмановская, владимовская — обладает сильным голосом и позицией автора. Слова употребляются в прямом и выпрямленном значении, безо всяких подмен, маскировок, обманных смещений. «Жить не по лжи». По контрасту с этой центрированной прозой, во внутреннем споре с ней, развилась проза *эксцентрическая*, которая выходит из-под власти центра и вольно играет с ним — как у А. Синявского, В. Аксенова, Ю. Алешковского, Вен. Ерофеева. Первая — сама серьезность и правдолюбие, вторая — игра, феерия, карнавал.

На исходе 1980-х стала распространяться «третья» проза, уже не эксцентрическая, а *децентрированная*. Саша Соколов может считаться ее наставником. Если эксцентрика все время играет с утаенным и отброшенным центром: «говорю одно, а говорится другое», — то децентрированная проза вообще лишена такого структурообразующего места, где укреплялась бы даже минус-позиция, антиконцепция. «Говорю, а ничего не говорится». На мир наброшена сетка различий, не имеющая смыслового узла, который позволил бы ее крепко завязывать. Точки можно было бы ставить не только между предложениями, но и между словами и словосочетаниями — настолько они безразличны друг другу, лишены подчиненности, иерархии, директивы.

У арьергардной словесности есть надежное средство против увлеченности идеей, против тотальности любого стиля и воззрения: многозначительная скука, отбирающая самые второстепенные слова и рассеивающая множество второстепенных значений. Это рассеянная проза, лишенная серьезности первой и азарта второй, — ни к чему не зовущая, никуда не отсылающая: даже к мнимостям, многозначительным пустотам. Она устраняет первые значения, не создавая вторых, оставаясь в нулевой зоне письма. Эта проза порой избегает заглавных букв и точек, любых знаков начала, конца, разделения, выступая как сплошная середина, непрерывно тянущееся предложение.

«Можно в магазин сбежать, там шампанское, но без медалей, тогда лучше пиво, а пиво что, с медалями? конечно, у хозяина есть имя, которое ему дала мама; для чего даются имена таксисту и билетеру, хозяину, к которому мы пришли в гости, чтобы лучше их запомнить? тогда не будем давать имя ни водителю автобуса, который нас вез, ни хозяину, чтобы лучше их забыть».

В. Нарбикова. «Видимость нас»

Для арьергарда характерен **нулевой стиль*. Здесь нет оплошностей, несуразиц, неудачно подобранных слов, так как нет и правил, по которым нужно подбирать слова. **Концептуализм* был минусовым, но еще не нулевым письмом, за ним угадывалась нарушаемая норма — вот почему он воспринимался как косноязычие, глумление над правильным, литературным языком. Если авангард стремится взорвать систему правил, то арьергард избавляется от них менее энергичным способом — возводя в правило каждое словоупотребление. Поэтому арьергарду все удается, он не совершает ошибок, как безошибочны и правила самого языка: орфографии, морфологии, синтаксиса. Такую литературу трудно отличить от языка, который может высказать все и поэтому сам от себя никогда не говорит.

*Континуализм, Концептуализм, *Нулевой стиль*

После будущего: 0 новом сознании в литературе // Знамя. 1991. № 1. С. 217–230.

Постмодерн. С. 220–227, 238–240.

Future. P. 89–94.

АФОРИСТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ (aphoristic square). Одна из основных структур афористического мышления, состоящая из четырех элементов-понятий, или двух антитез, которые так скрещиваются между собой, что образующие их четыре понятия порождают новый смысл.

Впервые афоризмами назвал свои изречения Гиппократ, и первый из них: «*Жизнь коротка, искусство вечно*» — состоит из четырех слов, попарно связанных между собой. Это квадрат из двух антитез:

жизнь — искусство
короткий — вечный

Афоризм английского поэта У. Блейка «*Радости оплодотворяют. Скорби рождают*» тоже состоит из двух антитез:

радость — скорбь
оплодотворять — рожать

Немецкий ученый и публицист Г. К. Лихтенберг: «*Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что имеет больше, чем заслуживает*».

больше — меньше
желать — заслуживать

Китайский мудрец Чжуан-цзы: «Укравшего поясную пряжку казнят, а укравший государство становится правителем». Здесь пересекаются две антитезы: противоположные объекты действия «украсть»: маленький (пряжка) и большой (государство) — и противоположные результаты (потерять жизнь — приобрести власть).

Афоризм из двух скрещенных антитез можно сравнить с перекрестной рифмой в четверостишии. Так, в афоризме Сенеки «Желающего судьба ведет, нежелающего тащит» понятия рифмуются по схеме, которую в стиховедении принято обозначать *abab* (первая строка с третьей, вторая с четвертой):

а. желающий
b. судьба ведет
а. нежелающий
b. судьба тащит

В отличие от стихов, где основой рифмовки является сходство звучания, понятия в афоризме перекликаются по принципу контраста. Слова-понятия, которые вступают в перекличку, можно назвать *созначными* (то есть созвучными по значению). В афоризме Сенеки созначны (а) желающий — нежелающий и (b) ведет — тащит. Они образуют две антитетические пары.

Афоризм выступает как механизм перегруппировки привычных понятий, опровержения устоявшихся мнений и условностей. Афоризм — маленькая интеллектуальная революция. Исходя из противоположных или тождественных понятий, афористика соответственно сближает или разъединяет их, чем достигается своеобразный катарсис — очищение ума от предвзятости, односторонности.

* Анафраза, Идеологическая тетрада, *Катарсис мысли*, *Микрожанры интеллектуальные*, Ноопозья
Афористика — лаборатория мышления // Звезда. 2014. № 10. С. 208–219.
Творчество. С. 330–348.

ГИПЕРАВТОРСТВО (hyperauthorship; греч. hyper, над, сверх, чрезмерно). Фиктивное авторство: создание произведений от имени реальных или вымышленных индивидов. Например, португальский поэт-гиперавтор Фернанду Пессоа (1888–1935) писал стихи и другие произведения от имени примерно ста вымышленных авторов: инженера Алвару ди Кампуша, пастуха Алберта Казэйры, доктора Рикардо Рейша и др., каждый из которых обладал своей индивидуальностью и творческой манерой.

Гиперавтору (hyperauthor), то есть создателю литературных «личин», аватаров, соотносительно понятие **гипоавтора*, то есть вторичного автора, от имени которого излагается идея или которому приписывается текст. Классический пример гиперавторства: датский философ Серен Кьеркегор публиковал свои произведения от имени двенадцати гипоавторов под такими именами (гетеронимами), как Виктор Эремита, Иоганнес де Силенцион («Страх и трепет»), Иоханнес Климакус («Философские крохи»), Антиклимакус («Упражнение в христианстве») и др. Самый известный российский пример: болдинская осень 1830 года, когда Пушкин создал сразу нескольких гипоавторов и писал за всех: «Скупого рыцаря» от имени В. Шенстона, «Пир во время чумы» — Дж. Вильсона, «Повести Белкина» — И. П. Белкина. Если Белкин — *гипоавтор* Пушкина, то Пушкин — *гиперавтор* Белкина. Что касается лирических стихотворений Пушкина 1830-х годов, кто к ним только не приложил руку — от англичанина Бари Корнуоля («Пью за здоровье Мери...») до янычара Амин-Оглу («Стамбул гяуры нынче славят...»).

В основании гиперавторства лежит онтологически укорененная диспропорция и асимметрия между живущими и пишущими. Далеко не все индивиды склонны становиться авторами. В равной степени не все авторы склонны существовать в качестве реальных индивидов. Отсюда понятие «приемного авторства» — в том же смысле, в каком говорят о приемных родителях, расширяя это понятие за рамки биологического родства. *Гиперавтор*, или приемный автор, — тот, кто дает приют в своей физической оболочке разным виртуальным личностям.

Теория гиперавторства — результат переосмысления структуралистского и постструктуралистского тезиса о *смерти автора*, якобы уступившего место сверхличностным механизмам письма: языковым, генетическим, экономическим структурам, познавательным эпистемам и прочим «сверхдетерминациям» (Р. Барт, М. Фуко и др. «могильщики» «буржуазной» и «индивидуалистической» категории авторства). Следующий концептуальный сдвиг ведет к *воскрешению авторства*, но уже в виде размноженного гиперавторства, которое не сводится ни к живущим индивидам, ни к структурным механизмам письма, а представляет собой сообщество виртуальных индивидов, между которыми происходит творческая интерференция. Каждый из возможных авторов оставляет свой след в написанном, но не позволяет установить биологическую или биографическую идентичность этого следа.

Можно выделить два порядка гиперавторства: восходящий и нисходящий. *Восходящий* — если менее авторитетный писатель приписывает свои сочинения более авторитетному, чаще всего древнему. Например, книга Зогар, основание учения Каббалы, была создана испанским автором Моше де Леоном (1240–1305), но приписана им Рабби Шимону бар Йохаю, который жил в Израиле во II веке н.э. Такую же «отсылку наверх» использует и основоположник апофатической теологии, неизвестный автор VI века н.э., который приписал свои богословские трактаты Дионисию Ареопагиту, жившему в Афинах в I веке н.э. и упомянутому в новозаветных «Деяниях апостолов». В XVIII веке Джеймс Макферсон приписал свои стихи на гэльском языке древнему шотландскому барду Оссиану.

Нисходящий порядок гиперавторства имеет место, если автор прячет свою идентичность за подставным лицом низшего социального статуса или меньшей известности. Так, А. Пушкин скрыл свое авторство наивных и забавных исто-

рий за образом мелкого провинциального помещика Белкина. Согласно антистратфордианским версиям, полуграмотный актер Вильям Шекспир послужил литературной маской для великого философа Фрэнсиса Бэкона или для Эдварда де Вера, 17-го графа Оксфорда; выдвигаются и другие претенденты на авторство шекспировских пьес. Шекспир — гипоавтор в творчестве неизвестного гиперавтора, величайшего из творцов.

Как и в случае с пьесами Шекспира, одному тексту могут соответствовать несколько возможных авторизаций (подписей). В конце 1990-х годов посмертную известность на Западе приобрел японский поэт Араки Ясусада, чьи стихи о трагедии Хиросимы не имеют ясного авторства и чаще всего приписываются американскому поэту и филологу Кенту Джонсону, хотя в число «подозреваемых» входят мексиканский автор Ксавье Алварес, японский Тоса Мотокию, русские Андрей Битов и Дмитрий Пригов. Очевидно, что есть следы Джонсона, Битова и Пригова в Ясусада, и есть след Ясусада в этих авторах, но биографический подлинник этих следов не может или не должен быть корректно установлен. Эстетически значимо соотношение следов, а не их отношение к «началу», «подлиннику», «первоисточнику»; многозначное виртуальное поле возможных авторизаций, а не их отношение к «бионосителю» одного-единственного авторства.

Гиперавторство несводимо к псевдонимности, когда сохраняется вполне точный характер авторства, точка А именуется точкой Б. В случае гиперавторства речь идет не о подделке, а о глубинной «квантовой» неопределенности авторства. Что существенно в этих как бы японских стихах, написанных как бы японцем, или американцем, или русским, — так это не дифференция, а скорее *интерференция* нескольких вероятных авторств, их наложение друг на друга.

Предпосылка любого эстетического феномена — *преизбыток означающих над означаемым*. Каждое явление может быть обозначено множеством способов: отсюда синонимы, метафоры, парафразы, иносказания, символы, аллегории, притчи и другие фигуративные и эллиптические приемы письма. Этот принцип распространяется далее уже за пределы литературного текста, как *преизбыток интерпретаций над самим текстом*, который остается единственным означаемым разнообразных критических истолкований. Следующая ступень — гиперавторство: *преизбыток авторов над текстами*, умножение возможных авторств одного и того же текста, так что на один порядок знаков приходится уже несколько порядков означивания, несколько возможных авторизаций (виртуальных подписей). *Автору: создай автора, который в свою очередь мог бы создать тебя.*

* *Гипоавтор, Мультивидуум, Персонажное мышление, Цитата обратная, Экзотекст*
 Поэзия как состояние: Из стихов и заметок Ивана Соловьева / Сост. и предисл. М. Эпштейна // Новый мир. 1996. № 8. С. 230–240.
Творчество. С. 407–419.
Поэзия. С. 259–279.
Transcultural. P. 240–255.

ГИПЕРБОЛА-ЛИТОТА (hyperbole-litotes). Комплексный прием или образ, сочетающий художественное преувеличение и преуменьшение, в их соотносительности.

Обычно гипербола и литота противопоставляются. «Сделать из мухи слона» — это гипербола, а «гора родила мышь» — это литота. Однако часто они совпадают,

поскольку преувеличение чего-то одного означает преуменьшение чего-то другого. Одна из самых знаменитых гипербола — гоголевская: «Редкая птица долетит до середины Днепра!» Этот образ призван подчеркнуть величие Днепра, широту его течения («Пышный! ему нет равной реки в мире»). Но очевидно, что «редкая птица» — одновременно и литота, преуменьшение образа птицы, поскольку в самых широких местах Днепра расстояние до его середины никогда не превышает 500–600 метров.

Г. Державин так гиперболически изображает подвиги А. Суворова («На взятие Варшавы»): «Вихрь полуночный — летит богатырь! / Тьма от чела его, с повиста пыль! / Молнии от взоров бегут впереди, / Дубы грядою лежат позади. / Ступит на горы — горы трещат; / Ляжет на воды — бездны кипят; / Граду коснется — град упадает, / Башни рукою за облак кидает». Рядом с гиперболами, в их тени, возникают и литоты: горы, которые трещат под ногами Суворова, дубы, которые он ломает, башни, подброшенные под небеса, — становятся маленькими, игрушечными, коль скоро один человек столь своевольно с ними управляется.

Гипербола и литота почти всегда встречаются совместно, поскольку меняют соотносительные масштабы мироздания. Если одно резко увеличивается, то всегда за счет другого, которое столь же наглядно преуменьшается. У Гоголя портной Петрович «вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки, он уже потом свернул его и положил в карман для употребления». Петрович представлен гигантом сверхчеловеческих пропорций, зато Акакий Акакиевич — недомерком, чья шинель меньше носового платка.

Тот же двуединый прием можно видеть в «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта, где обычный человеческий рост Гулливера воспринимается как гигантский на фоне лилипутов, и лилипутский — на фоне великанов. У В. Набокова нимфетка Лолита выступает как литота женского, а постоянно заряженный страстью Гумберт Гумберт как гипербола мужского, и опять же они даны рядом, на фоне друг друга, как составляющие одного образа.

Поэтому гиперболу и литоту во многих случаях можно рассматривать как один прием, «*гипертоту*» или «*литаболу*», *преувеличение-преуменьшение*, которые оттеняют друг друга, создавая контраст большого и малого.

*Интенсивность, Микроника, Реверсивность, Самое-самое

ГИПОАВТОР (hypoauthor). Вторичный, вымышленный или творчески преобразованный, условный автор, концептуальная персона, которой приписываются те или иные тексты ее создателем, **гиперавтором*. Например, «Заратустра» — гипоавтор Ф. Ницше в его книге «Так говорил Заратустра».

Можно выделить по крайней мере три типа гипоавторов.

1. Историческая личность, писатель или мыслитель, такие как английский поэт Вильям Шенстон, которому А. Пушкин приписал авторство «Скупого рыцаря», или малоизвестный итальянский поэт Ипполито Пиндемонти, которому Пушкин «подарил» одно из своих позднейших стихотворений («Недорого ценю я громкие права...»).
2. Фиктивный, вымышленный индивид, например пушкинский Иван Петрович Белкин; старец Пансофий, автор «Краткой повести об антихристе» у Вл. Соловьева; господин Тэст у Поля Валери.

3. Литературный персонаж, например Иван Карамазов, автор поэмы о Великом Инквизиторе и других сочинений, о которых рассказывается у Ф. Достоевского в «Братьях Карамазовых».

**Гиперавторство*, Персонажное мышление, Цитата обратная

ИМПЕРАВТОР (emperorauthor). Автор-император, создатель **текстуальной империи*, которая охватывает большое число разножанровых и/или междисциплинарных текстов. Один из величайших императоров — Гете, чьи владения простирались на самые разные роды и жанры художественной и нехудожественной словесности: лирику, поэму, драму, роман, сатиру, путешествие, автобиографию, литературную теорию и критику, эссеистику и афористику, научные сочинения в области ботаники, оптики (например, «К учению о цвете»). Далек не всякий гений строит свою текстуальную империю. Шекспира, Сервантеса, Мольера, признанных величайшими писателями, нельзя отнести к императорам, поскольку они работали в ограниченном жанровом диапазоне. Вольтер, который значительно уступает им как художник, безусловно, может считаться одним из самых могущественных императоров в истории литературы: поэт, прозаик, философ, сатирик, энциклопедист, публицист... В этом плане с ним сравнятся его современники: Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро, авторы романов и повестей, философских трактатов, педагогических и лингвистических сочинений, драматических и искусствоведческих трудов. Видимо, эпоха энциклопедизма располагала к таким имперским стратегиям, когда авторский стиль захватывал плацдармы все новых жанров и дисциплин и подчинял их себе.

Император — это особая фигура в истории литературы, которую следует отличать не только от «создателя шедевров», но и от «создателя метадискурса». «Инициатор дискурсивных практик», как определил эту роль Мишель Фуко (в статье «Что такое автор?»), выстраивает такой аппарат и стратегию письма, которые выходят за пределы данного жанрового и дисциплинарного ряда и распространяются на множество текстуальных практик. К таким инициаторам дискурсов — точнее было бы назвать их *метадискурсами* — Фуко причисляет Маркса и Фрейда, которые создали сверхдисциплинарные дискурсы, впоследствии внедрившиеся почти во все дисциплины и области письма. Не только политэкономия и история, но и философия, литература, все общественные и гуманитарные, а отчасти даже естественные науки в XX веке стали «марксистскими», то есть смогли развиваться (или, напротив, деградировать, это уже зависит от оценки) на основе марксистского дискурса, который проник и в лирику, и в лингвистику, и в бухгалтерию, и в сельское хозяйство. Психоанализ тоже оказал мощное воздействие не только на психологию, но и на искусство и литературу, социологию, историю, биографию, теологию, этику и эстетику.

Однако инициатор метадискурса далеко не всегда создает свою текстуальную империю, это два разных, а отчасти и противоположных направления деятельности. Маркса никак нельзя назвать императором, его дисциплинарный диапазон очень узок — и постепенно все более сужался: от философии истории, политики и экономики в его ранних рукописях — к специализации на политэкономии в период работы над «Капиталом». Фрейд гораздо шире Маркса, он распространял свой психоаналитический метод на медицину, религию, политику, искусство,

литературу, но все-таки оставался при этом в рамках одной научной дисциплины, психологии, как он ее понимал.

Разница между автором империального типа и создателем метадискурса состоит в том, что первый сам распространяет свой метод на разные жанры и дисциплины, тогда как второй вырабатывает метод, который впоследствии применяют и распространяют другие. Текстуальная вселенная марксизма огромна и многогранна, но она создана не самим Марксом, а несколькими поколениями марксистов в разных областях знания, тогда как Гете или Гюго сами творили свои текстуальные империи и, разумеется, никто не мог этого сделать за них. Императорство более согласуется с художественным типом творчества, метадискурсивное авторство — с интеллектуальным, научным. Ученый или мыслитель создает метод, который может работать и за пределом его собственных трудов, тогда как никто не способен реализовать всех потенциалов данного художественного стиля и мировидения лучше самого художника.

В принципе возможно и сочетание этих двух ролей в одном лице. Ж.-П. Сартр — один из создателей экзистенциалистского дискурса, проникшего в философию, политику, эстетику, психологию, литературу и искусство. Одновременно и сам Сартр осуществил эту экспансию, хотя бы частично, в своем творчестве — как автор романов, пьес, философских трактатов, политических и литературно-критических статей, психо-биографических исследований, автобиографии, политических и эстетических манифестов. Этот феномен сочетания двух ролей соответствует дискурсивным моделям французской культуры, где литература интеллектуальна, а философия литературна, где мыслитель и писатель часто дополняют друг друга в одной творческой личности. Вольтер, Руссо и Дидро тоже были и отцами просветительского дискурса, и манифестантами его разнодисциплинарных и разножанровых возможностей в своем письме. Точно так же и Гюго, наряду с созданием своей текстуальной империи, может считаться одним из отцов-основателей романтического дискурса (наряду с Шатобрианом, Ламартином, м-м де Сталь).

** Скриптомания, Скрипторика, Текстоника, Текстуальная империя, Трасосфера*
Текстуальные империи. О писательском максимализме // Звезда. 2009. № 1. С. 184–194.
Творчество. С. 349–364.

ИНДЕКСАЛЬНОЕ ПИСЬМО (indexical writing). Текст в функции указательного (индексального) знака, непосредственно предъясвляющего ту реальность, на которую указывает; особая интенциональность, присущая текстам и выводящая их за пределы самой текстуальности.

Хотя вербальный язык состоит из символических знаков, некоторые из них выступают в функции индексальных, например указательные местоимения и частицы: «этот», «тот», «вот», «вон», «это»... Можно выделить целые словесные жанры, семантика которых предполагает выход за границы языка: не просто отнесенность к внесловесной реальности, но и непосредственное предъясвление обозначенного объекта. Таковы, например, *вывеска* над общественными зданиями, *подпись* к произведению изобразительного искусства (картине, скульптуре), *титры* к кинофильмам и спектаклям, *памятка* или *инструкция* по использованию разных изделий и приборов, *путеводитель* по городам, музеям и прочим

достопримечательным местам, *транспортные знаки* («объезд», «поворот» и пр.). В эти жанры вложена интенция указательности, перст, «тычущий» в предметы и в окружающее пространство.

Категория индексального письма существенна для понимания соотношения текста с внетекстовой реальностью. Обычно эта проблема решается либо традиционно (текст сообщает об объективной реальности), либо на основе постмодернистского тезиса о том, что внетекстовой реальности не существует. Третье решение состоит в том, что сам текст создает выход за свои рамки в реальность, и индексальные элементы как раз и образуют такое «окошко» — внутритекстовую предпосылку существования внетекстуального. Любой текст, сколь угодно обширный и отвлеченный (например, философский трактат), может выступать в функции указательной частицы, в значении «вот» или «вон», показывающем на что-то вне себя. Чтобы выразить свою *трансвербальную интенцию*, текст должен вплотную подходить к границе языка и мотивировать необходимость ее пересечения, то есть оговаривать свою недостаточность, неточность, неполноту, предполагать рядом с собой радикально иное, внетекстовое, вещно-бытийственное. Деконструкция, практикуемая в академической среде, уже подводит нас к такому «кенозису», самоистощению письма, но все еще действует только внутри текста, как бесконечность его саморефлексии, самооговорок, саморазоблачений.

Возможен, однако, и дальнейший жест самоотстранения, указывающий на то Иное, к чему текст служит только предлогом, поводом. Собственно, классическое «мироустроительное» письмо — марксистское, ницшевское, федоровское (космистское) — по своему замыслу индексально, то есть вписывает себя в ту предметную среду, которую проектирует: коммунистическое общество, танец сверхчеловека, воскрешение мертвых... Но такое мироустроительное, активистское письмо, которое полагает «онтический субстрат» как свое последствие, есть лишь одна из разновидностей индексального письма. В данном случае оно само «снимает себя» в материальной или социальной реальности своего грядущего воплощения. Оно указательно в том смысле, что указывает на будущее, то есть индексально в плане времени.

Можно представить и такое письмо, которое индексально в пространственном плане: не упраздняется в акте своей последующей предметной реализации, но полагает рядом с собой предметную среду, от нее неотделимо и к ней несводимо. Так, в инсталляциях художника Ильи Кабакова индексальное письмо предрасположено к *литоте*, в отличие от *гиперболических* устремлений марксистского, ницшеанского, федоровского письма. Поскольку предмет, благодаря своей единичности, «меньше» слова, он иронически оттеняет его понятийную всеобщность, сверхзначимость. Например, один из 65 проектов, составляющих «Дворец проектов» И. Кабакова (1998) — это «Воскрешение всех умерших» философа Н. Федорова. Словесному описанию этого проекта в кабаковской инсталляции соответствует не грандиозное видение будущего, а металлическая рама-стол, на которой стоит пластмассовый футляр; туда вложены вырезанные из бумаги фигурки белых «воскресших» человечков. Понятно, что такая предметность не может воплотить в себе данный философский текст, масштаб его пророческих и учительных смыслов. Напротив, человечки в футляре иронически оттеняют грандиозность этого учения своей «наличной» малостью. Вещи выступают как пересмешники великих

слов и идей. Таким образом, эстетика малого у Кабакова позволяет осуществить то, что Т. Адорно называл вклейкой бытийного субстрата в философский текст. Текст, как правило, материально меньше означаемого предмета, зато предмет семантически меньше означающего текста, выглядит как «пигмей» рядом со своей философической идеей. Индексальное письмо «играет» с внетекстовой реальностью, достигая двойного эффекта взаимного остранения: ее и себя.

*« », Гипербола-литота, *Лирический музей*, Микроника, *Микрометафизика*, *Неолубок*, Прагмо-арт, *Реалогия*, Остранение остранения, Экология текста, «Это» и «вот»: Литота и индексальное письмо // *Знак*. С. 690–699.

КНИГА ВИРТУАЛЬНАЯ (virtual book). Жанр условной книги, сжатой до конспекта, до нескольких фрагментов, создающих общее представление о ней. Виртуальная книга ничего общего не имеет с *электронной* и характеризует определенный способ работы с книгами, читательского и писательского пребывания в книжной культуре. Часто мы приобретаем книгу лишь для того, чтобы иметь возможность читать ее впоследствии, или пробегаем взглядом несколько строк или страниц. Такая книга присутствует в нашем сознании *виртуально*: своим заглавием, именем автора и общим представлением о теме и стиле, которое получено от отрывочного, предварительного, но часто и окончательного чтения. На каждую реально прочитанную книгу приходится десятки книг виртуальных, которые тем не менее сохраняют для нас свою ценность, поскольку содержат ответы на основные вопросы: Кто написал книгу? О чем она написана? Какие основные темы и понятия в ней трактуются? В каких строках или абзацах дается лучшее суммарное представление о позиции автора?

Примерно 100–200 строк содержат в себе чуть ли не половину той информации, которую несет в себе книга и которая позволяет нам с основанием утверждать, что мы «с этой книгой знакомы» и «можем использовать ее в работе». Прилежное чтение книги подряд, от корки до корки, — все более редкий случай в век информационного взрыва, когда список книг, успевших стать классикой, все растет, а время, отпущенное на их чтение, сокращается, становясь большим дефицитом, чем любая книга.

Даже в случае внимательного чтения в памяти, как правило, остается размытое смысловое пятно, на котором четко выделяются все те же параметры: автор, заглавие, «теги», основные темы и идеи, несколько характерных слов, терминов, выражений. Виртуальная книга — это творческий жанр, опыт компактного письма в той форме и объеме (конспект, дайджест), в котором она существует в памяти или воображении. Виртуальная книга создает объемную иллюзию книги как целого, что отличает ее от простого афоризма, отдельной «мысли» или «изречения». Для виртуальной книги необходимо как минимум заглавие, которое позволило бы воссоздавать возможный контекст отрывков, умозаключать от части к целому. Пример нескольких виртуальных книг М. Эпштейна: «В погоне за исчезающей реальностью», «Скандал и народная культура нового средневековья», «Россия как понятие и гипотеза», «Меланхолия. Made in USA», «Неужели вон тот — это я?.. Опыты самоотчуждения». Виртуальные книги, разумеется, не претендуют на замену книг настоящих, «субстанциальных». Но этот особый жанр имеет право

на существование, поскольку отражает реальность читательского опыта, тот способ, каким книги фиксируются в сознании. Это мыслительная форма книги без ее текстуального наполнения; функция книги, отделившаяся от ее текстовой массы; возможность книги в минимуме ее реализации; знак книги без означаемого.

*Виртуалистика, Возможностьное, *Микрожанры*, Микроника, *Потенциосфера*
Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: К открытию Книги Книг // Русский журнал.
17.04.1998; Континент. № 102. 1999. С. 355–366.
Книга, ждущая авторов // Иностранная литература. 1999. № 5. С. 217–228.
Виртуальные книги // *Эссе*. Т. 2. С. 587–654.

КОНТИНУАЛИЗМ (continualism). Непрерывность, текучесть, размытость как свойство жизненных и творческих процессов, в отличие от дискретности, прерывности. В узком смысле, одно из художественных направлений 1970–2000-х годов, представленное в поэзии А. Драгомощенко, В. Аристова. Это эстетика размытых семантических полей, рассеивающая значение каждого определенного слова и рассчитанная на тающее, исчезающее понимание. Слово ставится в такой контекст, чтобы его значение становилось максимально неопределенным, «волнообразным», лишалось дискретности, сливалось со значениями других слов.

**Арьберг*рд, Метареализм, Нулевой стиль, Презентализм

Лит.: *Налимов В. В.* Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. Тбилиси, 1978. *Постмодерн*. С. 194.

КОНЦЕПТУАЛИЗМ (conceptualism). Литературно-художественное и интеллектуально-философское направление в российской культуре 1970–1990-х годов, которое характеризуется семиотической игрой концептов и реалий, означающих и означаемых. Идеи, понятия, универсалии отвлекаются от предметов, с которыми их связывает наивно-реалистическое мировоззрение, и образуют самодостаточную область чистых знаков, «концептов». Эти концепты помещают в пустоту, смысловой вакуум или избирательно сочетаются с объектами для демонстрации абсурдности, комизма, трагикомизма таких сочетаний, порою приобретающих также ностальгическое, лирико-ироническое, сентиментальное измерение, особенно в позднем концептуализме. Особенности концептуализма характеризуются по контрасту с другим художественно-интеллектуальным течением 1970–1990-х годов — *метареализмом.

Неверно отождествлять концептуализм только с литературно-художественной деятельностью. Концептуальные стратегии проявляются и в других дисциплинарных областях, включая философию, культурологию, литературоведение, искусствоведение, критику и эссеистику. Кроме того, сама литературно-художественная деятельность в концептуализме предстает как одно из приложений более общих методологий и рефлексий. К концу XX века все больше импульсов к сближению философии с конкретными предметами и словами исходит от искусства, которое само «концептуализируется» и сближается с философией, в свою очередь заряжая ее энергией возможного и воображаемого. По словам американского художника Джозефа Кошута, чьи работы середины-конца 1960-х годов заложили основу визуального концептуализма, «двадцатый век принес с собой то, что можно

назвать концом философии и началом искусства. <...> Само искусство — это философия, ставшая конкретной»¹.

Художник-мыслитель И. Кабаков, один из основателей российского концептуализма, ставит в центр своих философических дискурсов такие конкретные понятия, как «муха» и «мусор». Его трактат-инсталляция «Муха с крыльями», по словам автора, «почти визуально демонстрирует природу любого философского дискурса — в основе его может лежать простой, незамысловатый и даже вздорный предмет — каковым может стать обыкновенная муха...»² При этом вокруг «мухи» как философского основания всех оснований, играющего ту же роль, что «идея» у Гегеля или «материя» у Маркса, воссоздается целая система соотносительных и производных категорий — политических, экономических, эстетических...

Такое возведение мухи в «слона» — в разряд универсалий раскрывает условность самих универсалий, которые, подобно алгебраическим иксам, сами пусты, чисто потенциальны и могут принимать самые разные значения. В этом смысле философию можно назвать алгеброй мышления — она оперирует чистыми понятиями, вроде «жизнь» или «мысль», которые значат все — и ничего не обозначают. Концептуализм разыгрывает комедию мыслительных универсалий во всевозможных жанрах письма и поведения: выставки-тексты Ильи Кабакова, художественно-теоретические проекты Виталия Комара и Александра Меламида, коллективные действия группы Андрея Монастырского, поэтические и романские концепты Дмитрия Пригова, Льва Рубинштейна, Владимира Сорокина... В концептуализме каждая вещь, жест, поступок, художественное произведение становится «концептом», то есть чистым мыслительным актом, иронически созерцающим собственную предметность, и в этом смысле поле философской рефлексии беспредельно расширяется.

Русский концептуализм воспринял такие черты западного постмодернизма, выраженные особенно в философии Ж. Деррида и Ж. Бодрийяра, как игровая децентрализация всех структур, деконструкция любого культурного смысла до первичных атомов *внесмыслицы*, обнаружение в любом подлиннике черт искусной подделки и замещения, включая реальность как таковую — суррогат высшего сорта. Важно указать и на некоторую близость концептуализма буддийской рефлексии, последовательно вычленяющей мнимые значения и значимые пустоты в слоях предметного мира.

Вместе с тем концептуализм оказался характерно российским явлением, поскольку обнажил усиленно идеологическую, вторично-рефлективную природу отечественной реальности, традиционно исходившей из схемы, плана, абстракции и создававшей в результате химерические предметы-концепты, к каким относится, в частности, советская цивилизация. Если на Западе реальность, стараниями ученых, технологов, политиков, прагматиков и позитивистов, плотно подогнана к идее, то в России остается грубый шов между ними, идея «выбивается» из реальности как улика ее вторичности, «сделанности», так что концептуализм находит богатую пищу в отечественной истории как философия разложившейся реальности, выпавших в никуда великих идей, сведенных к пародийному самоповтору.

¹ Kosuth J. *Art after Philosophy and After*. Collected Writings, 1966–1990. Cambridge (MA), London: Massachusetts Institute of Technology, 1991. P. 14, 52.

² Кабаков И. *Жизнь мух* (на рус., нем. и англ. яз.). Kolnischer Kunstverein. Edition Cantz, 1992. С. 54.

К началу 1990-х годов, по мере того как почвенничество и религиозно-метафизическая мысль всех оттенков (включая эзотерику, космизм, евразийство) все шире расходились в массовом сознании, приобретая характер идеологий и партийных движений, концептуализм остался в России одним из немногих интеллектуальных движений, удержавшихся в рамках свободной рефлексии и комически-бытовой метафизики. Одно из направлений развития концептуализма в 1990–2000-е годы — от элитарного к массовому, от романтики к прагматике, возвращение в ту коммерческую или идеологическую среду, которая первоначально служила предметом иронического отталкивания и семиотического развенчания. Срастаясь с коммерцией, концептуализм переходит в «*концептуализм*» (conceptualism). См. **Прагмо-арт*.

* Гипер-, Как бы, Индексальное письмо, Лирическое «оно», *Метареализм*, Неолубок, Минус-система, Недо-, *Новая сентиментальность*, Платомарксизм, *Прагмо-арт*, Раскавычение, *Травма постмодерна*

Поколение, нашедшее себя: 0 молодой поэзии начала 80-х годов // Вопросы литературы. 1986. № 5. С. 40–72.

Парадоксы. С. 151–159.

Образ. С. 56–79.

Возможное. С. 118–126.

Постмодерн. С. 98–100, 138–146, 156–178, 438–440.

Поэзия. С. 139–148, 184–189, 215–232.

Лит.: Словарь терминов московской концептуальной школы / Сост. и автор предисл. Андрей Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999.

ЛИРИЧЕСКОЕ «ОНО» (lyrical «it»). Фигура деперсонализации в лирической поэзии XX века, способ замещение лирического «я» совокупностью безличных или надличных сил.

На решающих сломах истории XX века, в эпохи мировых войн и революций, обнажилось действие сил, превышающих волю и сознание человека. «Я» обнаружило свою ненадежность, недостоверность, уклонилось от ответственности. Ответственность взяли на себя структуры — социальные, психические, биологические, генетические, знаковые, языковые. Не человек говорит на языке этих структур, но *кто-то* или *что-то* обращается к человеку.

А. Блок обозначил этот перелом как «кризис гуманизма», как прорастание «чрезвычайной жестокости» и «первобытной нежности», животных и растительных форм в человеке¹, что выразилось в его поэме «Двенадцать», где место лирического субъекта занято голосами природных и социальных стихий. Сам Блок назвал творчество А. Белого «песнью системы». О том же свидетельствовал О. Мандельштам: «В нем (поэте. — М. Э.) поют идеи, научные системы, государственные теории...»² Эта тяга к внеличному достигла зрелости в модерне и постмодерне, обнаруживая на месте прежнего индивида множественность самодействующих форм бытия. Поэзия Структуры приходит на смену поэзии Я.

¹ Кризис гуманизма // Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1982. Т. 4. С. 346.

² Слово и культура // Мандельштам О. Собр. соч. в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 172: http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/01text/vol_2/01prose/0639.htm

Этот воздух пусть будет свидетелем —
 Дальнобойное сердце его —
 И в землянках всеядный и деятельный —
 Океан без окна, вещество... <...>
 Сквозь эфир десятичноозначенный
 Свет размотых в луч скоростей
 Начинает число, опрозраченный.
 Светлой болью и молью нулей...

О. Мандельштам.

«Стихи о неизвестном солдате»

Лирика Р.-М. Рильке, П. Валери, О. Мандельштама, Т. Элиота — опыт освоения отчужденных, заличностных, «десятичноозначенных» структур, в которых ощущается присутствие совсем другого Субъекта, выходящего за привычные рамки субъективности: «Человек — мера всех вещей» и т.п. Скорее вещь — а также океан, воздух, микромир, число, язык, бессознательное — становятся мерой человеческого, в них угадывается то Другое, что человек ощущает и в первооснове своего «я». Эта поэзия — уже не самовыражение, а скорее «его-выражение». Движение лирики за пределы лирического «я» обнаруживает глубину другого, более фундаментального опыта, ускользящая структурность и сверхсубъективность которого лучше всего описывается в терминах религиозных, хотя и не связана прямо ни с какой конкретной религиозной традицией (*теоморфизм).

Переход от «я» к «оно» — общий знаменатель таких разных поэтических направлений конца XX века, как *концептуализм и *метареализм. Различна природа структур, встроенных в поэзию на правах замещенного я-центра. У концептуалистов это механизмы массового сознания и повседневной речи, которые действуют автоматически, как бы минуя волю и сознание человека, говорят «сквозь» него, а иногда пародийно репрезентируют трансцендентный субъект истории («Вот всех я по местам расставил / Вот этих справа я поставил / Вот этих слева я поставил / Всех прочих на потом оставил» — «Куликово поле» Д. Пригова).

В метареализме лирическое «я» вытесняется саморазвертыванием вселенского континуума, метрикой пред- или надличного бытия, множественностью точек зрения: прибора, рыбы, птицы, ангела... Даже любовь — это не чувство, а скорее контур замкнутого на себя пространства, кривизна которого то взрывается землетрясением, разъединяя влюбленных («Землетрясение в бухте Цэ» Алексея Парщикова), то разбивает зеркало на осколки, бесконечно множа перспективы их взаимоотражений: «Словно зеркало жаждой своей разрывает себя на куски... (это жажда назначить себя в соглядатаи разных сторон...)» (Иван Жданов). Это произведения о любви, но она рассматривается скорее с точки зрения топологии или геофизики, чем законов этики, психологии, «человековедения».

*Концептуализм, Метабола, *Метареализм*, Своечуждость, *Теоморфизм*

«Как труп в пустыне я лежал...»: О новой московской поэзии // День поэзии-88 (альманах). М.: Сов. писатель, 1988. С. 159–162.

Постмодерн. С. 184–192.

МЕГАТЕКСТ (megatext). Совокупность текстов, которые воспринимаются и исследуются как единое целое, проникнутое общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами. Например, *мегатекст немецкого романтизма*, или *мегатекст китайской пейзажной лирики*, или *мегатекст «лишнего человека» в русской литературе* — это совокупность всех текстов, принадлежащих к данной теме, жанру, направлению или культурно-исторической формации. Мегатекст — это субстанциальный термин, определяющий объем того текстуального целого, в рамках которого рассматриваются индивидуальные тексты (ср. реляционный термин **надтекст*).

*Гуманетика, *Надтекст*, Перитекст, Ретекстуализация, Синтекст, *Сквозное чтение*, Текстоид, *Текстоника*, Унитекст

Мысли в числах: Россия и Запад в зеркалах интернета // Звезда. 2006. № 10. С. 204–213.

Творчество. С. 310–318.

Humanities. P. 69–78.

МЕТАБОЛА (metabole, от греч. metabole, пере-брос, поворот, переход, перемещение, изменение). Тип художественного образа, передающий взаимопричастность, взаимопревращаемость явлений; одна из разновидностей тропа, наряду с метафорой и метонимией. Метабола как прием характерна для литературного и художественного течения **метареализма*. Осип Мандельштам называл такой прием «гераклитовой метафорой... подчеркивающей текучесть явления» и находил его в основе поэтики Данте: «Попробуйте указать, где здесь второй, где первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее»¹.

В химии и биологии *метаболизмом* называют обмен веществ, в архитектуре — использование динамических градостроительных моделей с заменяемыми элементами (например, гигантские корабли-острова, «плавающие города» будущего). В области эстетики, поэтики, риторики, стилистики *метаболой* целесообразно назвать такой тип тропа, который раскрывает сам процесс переноса значений, его промежуточные звенья, то скрытое основание, на котором происходит сближение и уподобление предметов. Отличие метаболы от метафоры показывает определение последней в «Общей риторике»:

«Мы можем описать метафорический процесс следующим образом:

$$И > (П) > Р,$$

где И — исходное слово, Р — результирующее слово, а переход от первого ко второму осуществляется через промежуточное понятие П, которое *никогда в дискурсе не присутствует...* (выделено мною. — М. Э.)»²

Метабола — это именно выведение в дискурс промежуточного понятия П, которое становится центральным, объединяет удаленные предметные области и создает переход между ними, модус превращения. Формула метаболы: **И <> П <> Р**, где Исходное и Результирующее взаимообращаются через выведенное в текст Промежуточное.

¹ Мандельштам О. Разговор о Данте, гл. 5 // Собр. соч. в 3 т. Нью-Йорк, 1971. Т. 2. С. 386, 387.

² Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика. М.: Прогресс, 1986. С. 56.

Море, что зажато в клювах птиц, — дождь.
 Небо, помещенное в звезду, — ночь.
 Деревя невыполнимый жест — вихрь.
Иван Жданов

Здесь одно не служит отсылкой к другому по «сходству», но одно *становится* другим, образуя части расширяющейся реальности. Небо и ночь вводятся между собой не в метафорическое, а в метаболическое отношение — через явленное в дискурсе П, «звезду», которая равно принадлежит обеим сближаемым областям: неба и ночи.

Различие метаболы и метафоры можно проиллюстрировать на двух сходных примерах с образом строительных лесов.

Метафора:

Как золотят купола
 в строительных легких лесах —
 оранжевая гора
 стоит в пустынных лесах.
А. Вознесенский. Осень в Дилижане

Метабола:

В густых металлургических лесах,
 где шел процесс создания хлорофилла,
 сорвался лист. Уж осень наступила
 в густых металлургических лесах.
А. Еременко

Метафора четко разграничивает предметы, между которыми проводится сопоставление, разделяя их на «реальный» и «условный» (предмет и средство уподобления). *Метабола* — целостный образ, не делимый надвое, но открывающий в себе несколько измерений. Природа и завод *превращаются* друг в друга через лесообразные постройки, которые растут по собственным законам — техника имеет свою органику; и вместе они составляют одну реальность, в которой узнаваемо и жутко переплетаются металлургические и древесные черты. На место *переноса по сходству* становится *сопричастность разных миров, равноправных в своей подлинности*.

Крайние члены метаболы — таковы в приведенных примерах «дождь» и «море», «небо» и «ночь», «дерево» и «вихрь», «завод» и «лес» — называются **метаболическими** (metabolites). Их объединяет не превращение во времени, а вневременная причастность через посредствующие звенья, которые можно назвать *медиаторами* (mediators): клювы птиц, разбрызгивающие море по каплям и делающие его дождем; звезда, которая сквозь небо являет ночь; жест, каким дерево рвется за собственный предел и становится вихрем; строительные леса. Прообраз метаболы в мифологическом искусстве древности — *метаморфоза*. Метабола — это новая стадия объединения разнородных явлений, своеобразный *троп-синтез*, воспроизводящий некоторые особенности *тропа-синкреты*, то есть метаморфо-

зы, но возникающий уже на основе ее расчленения в художественных формах переноса: метафоры и метонимии.

Метаболу можно рассматривать и как взаимоналожение двух или нескольких метонимий, *двойную синекдоху*. Синекдоха — образ, в котором целое выявляется через свою часть, большее — через меньшее, например «Все флаги в гости будут к нам», где «флаг» — синекдоха страны, государства. Метабола в этом случае — построение двух синекдох с одним общим элементом, так что два разных целых приравниваются или превращаются друг в друга благодаря общей части. Звезда — часть неба, и звезда — часть ночи, отсюда «небо, помещенное в звезду, — ночь».

Если на синкретической стадии мифа явления превращаются друг в друга (полностью отождествляются), а на стадии художественной дифференциации уподобляются друг другу условно, «как бы», то на стадии *синтетической* они обнаруживают *сопричастность*, то есть превратимость при сохранении раздельности, интеграцию на основе дифференциации. Явления разделяются медиатором — и одновременно соединяются им. Два явления не превращаются друг в друга (как в метаморфозе — юноша и цветок, «Нарцисс») и не уподобляются друг другу (как в метафоре, например «березовый ситец», где между березой и ситцем нет реальной связи или посредника, только зрительное сходство черно-белых узоров). Метаболиты («небо» и «ночь») частью совпадают (в медиаторе — «звезде»), частью остаются раздельными, то есть приобщаются друг к другу при сохранении самостоятельной сущности.

Метабола сходна с тем, что Делез и Гваттари понимают под «ризомой», особой «аморфной формой», в которой все направления обратимы. Ризома (корневище, грибница) так относится к модели дерева, как метабола относится к метафоре. «В отличие от деревьев или их корней, ризома связывает любую точку с любой другой... В отличие от структуры, которая задается рядом точек и позиций, с бинарными отношениями между точками и однозначными отношениями между позициями (ср. с метафорой, где значимо противопоставление буквального и переносного значений. — М. Э.), ризома состоит только из линий... множественность претерпевает метаморфозу, меняет свою природу... Ризома — это нецентрированная, неиерархическая, необозначающая система... определяемая только циркуляцией состояний...»¹

Используя эту терминологию, можно определить метаболу как *трон-ризому*, составляющие которой не подчиняются древообразной иерархии буквального и переносного значений, но свободно циркулируют и взаимно обратимы.

*Лирическое «оно», *Метареализм*, Протеизм, Теоморфизм, Трансформация

Парадоксы. С. 166–169.

Постмодерн. С. 177–184.

Поэзия. С. 163–174.

Future. P. 43–47.

МЕТАРЕАЛИЗМ (metarealism). Художественно-интеллектуальное течение 1970–1990-х годов в России, представленное поэзией и эссеистикой Виктора Криву-

¹ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia / Trans. by Brian Massumi. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987. P. 21.

лина, Елены Шварц, Ольги Седаковой, Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Ильи Кутика, Владимира Аристового и др., а также изобразительным искусством Евгения Дыбского, Игоря Ганиковского и др. В философском плане метареализм — это *мета-физический реализм*, то есть реализм, выходящий за пределы физической реальности. В стилевом плане — это *мета-форический реализм*, переходящий от условного подобия вещей к их взаимоприматности, то есть от метафоры — к **метаболе*.

То, что в искусстве обычно называют «реализмом», — это реализм всего лишь одной из реальностей, социально-эмпирической. Метареализм — реализм многих реальностей, связанных непрерывностью образных превращений. Есть реальность, открытая зрению муравья, и реальность, открытая блужданию электрона, и реальность, свернутая в математическую формулу, и реальность, про которую сказано — «и горний ангелов полет». Образ-метабола — способ взаимосвязи всех этих реальностей, утверждение их растущего единства.

Метареальный образ не просто отражает одну из этих реальностей (жизнеподобный реализм), не просто сравнивает, уподобляет (метафоризм), не просто отсылает от одной к другой посредством намеков, иносказаний (символизм), но раскрывает их подлинную сопричастность, взаимопревращение — достоверность и неминуемость чуда. «Я знаю кое-что о чудесах: они как часовые на часах» (О. Седакова). Чудеса блюдут законы иной реальности внутри этой, образ становится цепью метаморфоз, охватывающих Реальность как целое, в ее снах и пробуждениях, в ее тайном и явном. Приставка «мета» прибавляет к «реализму» то, что сам он вычитает из всеобъемлющей Реальности.

При этом образы устремляются к пределу культурной всеотзывчивости, архетипической и кенотипической (**кенотип*) многозначности, укореняются в глубинах языковой памяти. Образная база метареализма — история мировой культуры, в ее энциклопедических сжатиях и извлечениях. Метареальный образ — это маленькая словарная статья, *микрoэнциклопедия культуры*, спрессованной всеми своими жанрами и уровнями, переводящей себя с языка на язык. Отсюда отсутствие явно выраженного лирического героя, который заменяется суммой видений, геометрическим местом точек зрения, равноудаленных от «я» или расширяющих его до «сверх-я», до лирического «Оно».

Метареализм не следует возводить к символизму с его двоemiрием, разделявшим реальность на низшую и высшую. Метабола отличается от символа тем, что предполагает взаимопроникновение реальностей, а не отсылку от одной, служебной, к другой, подлинной. Привилегии уничтожены. В метареальном искусстве каждое явление воспринимается как *цель в себе*, а не средство для постижения или отображения чего-то другого. Нравственный императив, обращенный И. Кантом к человеку, распространяется метареализмом на весь мир явлений.

В отличие от сюрреализма, метареализм обращается не к подсознанию, а к сверхсознанию. «С сюрреалистическими образами дело обстоит так же, как с образами, навеянными опиумом...» (А. Бретон, «Манифест сюрреализма»). Сюрреалисты отталкивались от чрезмерно трезвой и сухой буржуазной действительности. Метареализм, отталкиваясь от социально-политического утопизма советского общества, зовет к пробуждению, к выходу из гипнотического опьянения одной, «этой» реальностью, к многомерному восприятию мира.

Особенности метареализма часто характеризуются по контрасту с другим художественно-интеллектуальным течением этой эпохи — *концептуализмом. Концептуализм — это поэтика голых понятий, самодовлеющих знаков, отвлеченных от реальности, которую они призваны обозначать. Метареализм, напротив, — это поэтика многомерной реальности во всей широте ее возможностей и превращений. Внутри одной культурной ситуации концептуализм и метареализм выполняют две необходимые и взаимно дополнительные задачи: отслаивают от слов привычные, ложные, устоявшиеся значения — и придают словам новую многозначность и полноту смысла.

Полемика между метареализмом и концептуализмом по своей логической сути воспроизводит давний спор в средневековой философии между *реализмом* и *номинализмом*, умеренная разновидность которого так и называлась — «концептуализм». Обладают ли общие идеи (например, «любовь», «благо», «красота») полнотой реальности или они ограничены лишь сферой слов (номинаций) и понятий (концептов)? В метареализме выявляются творческие потенции реальности, способной к слиянию с идеей, в концептуализме — ущербность идей, схематизированных вплоть до отслоения от реальности. Современная культура была бы неполна, если бы из нее было вытеснено одно из начал: синтетически-мифологическое, метареальное, или аналитически-рефлексивное, концептуальное.

*Комос, *Концептуализм, Космопоэзис, Лирическое «оно», Метабола, Многомирие, Технопэйдя, Универсика*

Поколение, нашедшее себя: 0 молодой поэзии начала 80-х годов // Вопросы литературы. 1986. № 5. С. 40–72.

Тезисы о метареализме и концептуализме; Что такое метареализм? // Литературные манифесты от символизма до наших дней / Сост. и предисл. С. Б. Джимбинова. М.: Согласие — XXI век, 2000. С. 514–527.

Парадоксы. С. 139–176.

Постмодерн. С. 127–195.

Поэзия. С. 126–210, 232–246.

Future. P. 37–48, 76–78.

НАДТЕКСТ (supratext). Текст обобщенного порядка по отношению к данному; реляционный термин, который соотносит данный авторский текст или его фрагменты с *мегатекстами более высоких уровней. Надтекст — это *совокупность знаковых множеств, объединенных наличием у них общего элемента* (таковым может служить словосочетание, метафора, имя автора, место написания и т.д.). Например, многие мотивы в поэзии Андрея Белого могут быть поняты только в *надтексте русского символизма* или в *надтексте антропософского движения*. Если «контекст» — это окружение данного текста на том же системном уровне, то *надтекст* — это *единица более высокого системного плана*, например символизм по отношению к поэзии А. Белого; русская литература Серебряного века или европейский символизм — по отношению к русскому символизму и т.п. У каждого произведения, а также отдельного образа, мотива, словосочетания может быть множество надтекстов. Надтекст — совокупность текстов, в которую данный текст вписывается одним из своих сегментов, длина которого может быть задана

различно: от одного слова до группы предложений или сколь угодно длинного набора ключевых мотивов.

Например, надтекстами стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») являются:

- 1) все тексты, в которых встречаются отдельные строки или значимые сегменты данного стихотворения, такие как «Я помню чудное мгновенье», «В глуши, во мраке заточенья», «И жизнь, и слезы, и любовь»;
- 2) все тексты, в которых встречаются имена Анна Керн и Александр Пушкин;
- 3) все тексты, написанные по-русски в 1825 году (дата как надтекстовая единица, признак надтекстовой общности);
- 4) все тексты, написанные Пушкиным в Михайловском (место написания как надтекстовая единица);
- 5) все тексты, в которых говорится о любви;
- 6) все тексты, в которых говорится о памяти, воспоминании и т.д.

Читая стихотворение «К***», мы можем проследить употребление каждого его слова в других текстах Пушкина и у других авторов его времени или последующих эпох; можем искать надтексты таких выражений, как «чудное мгновенье» или «гений чистой красоты»; иначе говоря, воспринимать это стихотворение в составе разных мегатекстов. Один и тот же текст может иметь практически бесконечное множество надтекстов, в зависимости от того, какой его сегмент (сечение) рассматривается как образующий признак данной надтекстовой общности.

**Гуманетика, Мегатекст, Ретекстуализация, Синтекст, Сквозное чтение, Текстоид, Текстоника, Унитекст
Творчество. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.*

НОВАЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ (new sentimentality). Направление в современной литературе (с 1970-х годов), обусловленное развитием и преодолением постмодернизма; представлено Венедиктом Ерофеевым, Д. Приговым, Л. Рубинштейном, Т. Кибировым, Е. Гришковцом... Это сентиментальность после смерти сентиментальности, прошедшая через все круги карнавала, иронии и черного юмора, чтобы осознать собственную банальность — и принять ее как неизбежность, как источник нового лиризма.

В конце 1980-х годов Д. А. Пригов, лидер московского *концептуализма, провозгласил поворот к «новой искренности»: от жестких концептуальных схем, пародирующих модели советской идеологии, — к лирическому освоению этих мертвых слоев бытия и сознания. Это *новая* искренность, поскольку она уже предполагает мертвой традиционную искренность, когда поэт вдохновенно отождествлялся со своим героем, — и вместе с тем преодолевает ту подчеркнутую отчужденность, безличность, цитатность, которая свойственна концептуализму. Новая искренность — это *постцитатное* творчество, когда из взаимоотношения авторского голоса и цитируемого материала рождается «мерцающая эстетика». Неосентиментальная эстетика определяется не искренностью автора и не ци-

татностью стиля, но именно взаимодействием того и другого, так что и вполне искреннее высказывание воспринимается как тонкая цитатная подделка, а расхожая цитата звучит как пронзительное лирическое признание.

Место новой сентиментальности определяется между двумя литературными течениями конца XX века: *метареализмом, чересчур «возвышенным», отстраненным, презирующим современность, — и *концептуализмом, нарочито «сниженным», подвергающим насмешке все ходульные идеалы и языковые модели. По словам С. Гандлевского, «Обретаясь между двух полярных стилей, он (критический сентиментализм) заимствует по мере надобности у своих решительных соседей, переиначивая крайности на свой лад: сбивая спеси праведной поэзии, окорачивая шабаш поэзии иронической. Этот способ поэтического мировосприятия драматичнее двух других, потому что эстетика его мало регламентирована, опереться не на что, кроме как на чувство, ум, вкус»¹.

Показательно, что итоговая книга Т. Кибирова называлась «Сантименты» (1994), и в ней огромная роль принадлежала таким сентиментальным, «душещипательным» жанрам, как идиллия, элегия, послания. В «Послании к Л. С. Рубинштейну» Кибиров обращает к нему такие строки: «Лев Семеныч! Будь мужчиной — / не отлынивай от слез! <...> / Осененные листвою, / небольшие мы с тобой. / Но спасемся мы с тобою / Красотою, Красотой! / Добротой и Правдой, Лева, / Гефсиманской слезой, / влагой свадебной багровой, / превращенною водой!» Казалось бы, концептуализм совершенно исключает возможность всерьез, в первичном смысле, употреблять такие слова, как «душа», «слеза», «ангел», «красота», «добро», «правда», «царствие Божие». Здесь же, на самом взлете концептуализма и уже на выходе из него, вдруг заново пишутся эти слова, причем некоторые с большой буквы. Они уже «знают» о своей пошлости, захватанности, и вместе с тем предлагают себя как первые попавшиеся и последние оставшиеся слова, которые нечем заменить. Цитатность этих слов настолько самоочевидна, что уже не сводима к иронии, но предполагает их дальнейшее лирическое освоение. Для концептуализма шаблонность, цитатность — то, что требуется доказать; для постконцептуализма — начальная аксиома, на которой строятся все последующие лирические гипотезы. Если концептуализм демонстрировал заштампованность самых важных, ходовых, возвышенных слов, то новая сентиментальность позволяет употреблять самые штампованные слова в их прямом, но уже двоящемся смысле, как отжившие — и оживающие.

**Концептуализм, Прагмо-арт, Противоирония, Раскавычение
Постмодерн. С. 437–447.
Поэзия. С. 248–259.*

НУЛЕВОЙ СТИЛЬ (zero style). Литературный стиль, снимающий разницу между нормой и отступлением от нее. Упраздняется разница между хорошим и плохим, закономерным и случайным. Нулевой стиль не прибегает сознательно к ошибкам, безвкусию, китчу, косноязычию,agramматическим конструкциям, языковым ано-

¹ Личное дело № __: Литературно-художественный альманах. М.: В/О «Союзтеатр» СТД СССР, 1991. С. 231.

малиям, поскольку все эти приметы нарочито «дурного» стиля — как у футуристов, обэриутов или концептуалистов — структурно *противостоят* норме. Нулевой стиль — это намеренно *энтропийное* письмо, в котором норма и аномалия не различены и эстетически все позволено. *0-стиль* производит эффект крайней пестроты и вместе с тем монотонности. Это *ризоматическое* письмо, в котором одновременно важны все смыслы и нет деления на центральное и периферийное. Тяготение к нулевому стилю характерно для некоторых литературных направлений конца XX — начала XXI века, таких как **арьергард* и **континуализм*.

**Арьергард, Континуализм*

ПЕРИТЕКСТ (peritext; от греч. приставки peri-, вокруг; ср. *периметр, периферия*). Перечень электронных страниц, подобранных к соответствующему слову или словосочетанию; список **синтекстов*, который выдается поисковой системой (Гуглом, Яндексом).

Например, если мы введем в Гугл слово «поэзия», то поиск принесет нам, на шестой странице результатов, следующую выборку сайтов:

1. Р. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии.
2. Поэзия и проза Древнего Востока. Ознакомление с литераторами Древнего Востока не только дает нам возможность пережить радость встречи с «началом начал»...
3. Поэзия — Космическое Полиискусство Третьего... Поэзия — это первичный Язык, в Обители Божьей все звучит на Языке Поэзии, на Языке Самой Любви...
4. Сэт-лист праздничного концерта «Поэзиябита»: 1. N’Rans. Александр Пушкин — «Евгений Онегин» (попури)...
5. Китайская Танская поэзия. Стихи Китайских поэтов периода династии Тан, древнекитайская музыка и живопись на шелке и бумаге в высоком разрешении. Бесплатно...
6. Стихи и поэзия. Зона умолчания. Есть такие слова и темы, которые специалисты охотно уступают дилетантам...
7. Живая поэзия для iPhone, iPod touch и iPad в App Store...

Этот список и есть *перитекст* — новая и все более важная текстовая реальность, с которой мы сталкиваемся почти столь же часто, как и с традиционным «связным» текстом. По сути, перитекст — это *оглавление *мегатекста*, схема его содержания, его визитная карточка, перечень текстов для данного слова или выражения. Оглавление содержит имена авторов, адреса и отсылки к тем сайтам, где данное слово/выражение употребляется.

Например, **мегатекст* «лишнего человека» в русской литературе образуется совокупностью сайтов (порядка полумиллиона), где это словосочетание встречается в Рунете. Перечень всех этих сайтов (как правило, начиная с Википедии и других словарей и энциклопедий) и составляет перитекст. Чтобы удобнее было с ним работать, приходится его сократить, ограничивать словами-спецификаторами, например «лишний человек, Пушкин» или только «Евгений Онегин», «Дневник лишнего человека» Тургенева и т.д.

Перитекст предоставляет читающему и пишущему множественные выходы во вселенную сетевых текстов, возможность рассматривать их как строки единого *мегатекста. Отсюда следует, что сам сетевой поиск становится методом *сквозного чтения.

*Мегатекст, Надтекст, Ретекстуализация, Синтекст, Сквозное чтение, Текстоид, Текстоника, Унитекст

Творчество. С. 310–318.

Humanities. P. 69–78.

ПЛАСТИЧНОСТЬ ТЕКСТА (plasticity of text). Пространственные, осязательные, психомоторные свойства текста, которые формируют его чувственное восприятие у читателя. Один текст влечет за собой читателя, не позволяет оторваться, а другой, даже глубокий и содержательный, — отталкивает, вызывает почти физическую неприязнь. Движение мысли родственно движению вообще, то есть нуждается в направленности, последовательности. Текст — это смысловой ландшафт. Корни слов, этимоны, первообразы должны соединяться в некий пластический жест, очерчивать траекторию смысла. Чтение — это продвижение по тексту, который, следовательно, должен задавать направление и открывать перспективу.

Г. В. Ф. Гегель настаивал на том, что философское понятие по мере развития освобождается от всего чувственного и осязаемого. «Для того чтобы представление по крайней мере понимало, в чем дело, следует отбросить мнение, будто истина есть нечто осязаемое»¹. Но вопреки содержанию гегелевского суждения, отрицающего осязаемость истины, само оно строится из вполне осязаемых представлений, лепит некий пространственный образ бытия (что легко усмотреть и в немецком оригинале, и в русском переводе). «Представление» — то, что поставлено перед чем-то. «По крайней мере» — на краю, на пределе чего-то. «Понимало» — вбирало в себя. «Следует» — след, оставляемый чем-то, следующий после чего-то. «Отбросить» — здесь осязаемость пространственного жеста говорит сама за себя... Гегелевская фраза очерчивает четкую фигуру в пространстве — и только поэтому мы способны ее ясно воспринять. Философия есть искусство *умозрения*: ум имеет собственный зрительный навык.

Пластичность мысли — не только ее зрительные и осязательные, но и силовые и двигательные свойства. *Кинестезия* (от греч. kinesis, движение, и esthesia, чувство, восприятие) — чувство, производимое напряжением и растяжением мышц. Когда мы воспринимаем в тексте его кинестетические свойства, он представляется нам упругим или вялым, гибким или жестким, собранным или разболтанным, плавным или порывистым. По свидетельству Альберта Эйнштейна, даже в наиболее строгом, научном мышлении его связь с языком опосредуется визуальными и двигательными элементами: «Слова языка, в той форме, в которой они пишутся или произносятся, не играют, мне кажется, никакой роли в механизме моего мышления. Психические сущности, которые, по-видимому, служат элементами мысли... существуют для меня в визуальной, а некоторые в двигательной фор-

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 103.

ме...»¹ Мышление — это визуальная и мускульная работа с элементами бытия, отвлеченными от вещественности и тем не менее сохраняющими пластичность, то есть расположенными в пространстве и передвигающимися по таким траекториям, которые определяются в терминах «ближе», «дальше», «выше», «глубже» и т.д.

Как показывают Дж. Лакофф и М. Джонсон («Философия во плоти», 1999)², любое понятие, даже самое отвлеченно-философское, включает в себя метафору, основанную на телесных или пространственных представлениях. Мысль выстраивает новое пространство, со своей метрикой. Чтение, как и письмо, — это *моторика* мышления, которое телесно нащупывает себе путь в пространстве, размечая его первообразами, этимонами слов. Даже наиболее абстрактные термины имеют пространственную основу: «абстрактный» — отвлекающий, оттягивающий; «умозаключать» — как бы запирает, замыкает на замок ума; «представлять» — ставить перед. Такие философские термины, как «развитие», «снятие», «предположение», «утверждение», «связанный», «отвлеченный», содержат пространственный жест, который требует пластической четкости и завершенности. Хороший авторский стиль передает целенаправленное движение смыслов-тел в мыслительном пространстве, образы которого они несут в своем лексическом составе и грамматическом строе. Мы читаем не только умом, но и телом, точнее, наш ум телесен, поскольку формируется навыками движения и самовыражения в пространстве. Чтение философских текстов — это не только логическое понимание, но и бессознательное психомоторное участие в движении понятий.

* *Воосязание*, Интересное, Сексуальность, Тактильное искусство, Упругость, Хаптика
Пластичность философского текста: почему одни авторы более читаемы, чем другие // Звезда. 2014. № 1. С. 220–225.
Творчество. С. 211–218.

ПОЛИФРАЗ (polyphrase). Совокупность **анафраз*, то есть фразовых перестановок данного набора лексем; особый литературный жанр, поэтика которого нуждается в изучении. Полифраз — поэзия языковой парадигмы, фразовых преобразований, производимых одновременно изменением порядка слов и замещением одних словоформ и дериватов другими. Пример полифразы в русской поэзии — стихотворение Д. Хармса «Иван Топорышкин» (1928):

Иван Топорышкин пошел на охоту,
С ним пудель пошел, перепрыгнув забор.
Иван, как бревно, провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
С ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.

¹ Хрестоматия по языкознанию / Сост. А. С. Мамонтов, П. В. Морослин. М., 2005. С. 370.

² Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books, 1999.

Иван повалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор...

Здесь полифраз являет абсурдистскую игру с простейшими элементами за-
торможенного сюжета, которые переворачиваются, как детские кубики, демон-
стрируя свою многогранность.

Из русских поэтов наиболее последовательно работал с жанром полифразы
Генрих Сапгир. Такие его циклы, как «Форма голоса» и «Лубок» (1990), почти
целиком построены на **анафразии*, которая позволяет поэту гиперболически
передать абсурдную повторяемость «лубочной жизни», сведенной к немногим
варьирующимся элементам, как в полифразе «Персональный компьютер»:

1. текст: навик тексты компьютер работать приобретает вы быстро необходи-
мый персональный (см.)
2. работая с текстами на персональном компьютере вы быстро приобретаете
необходимый навик (см. N1)
3. работая с вами персональный компьютер быстро приобретает необходимый
навик (см. текст)
4. вас быстро приобретает персональный компьютер и работает на вашем на-
выке (необходимо см. текст)
5. необходимый навик приобретает персонально вас. вы быстро работаете на
компьютер (см. текст)...

Этот полифраз (приведен в сокращении) — о новом симбиозе техники и чело-
века, о становящемся киборге, в котором взаимообратимы функции компьютера
и «юзера», так что оба приобретают и используют друг друга в равной мере. Со-
ответственно меняются и синтаксические позиции слов, роли грамматического
объекта и субъекта.

**Анафраза, Симфразия*

Анафраза: языковой феномен и литературный прием // Вопросы литературы. 2006. № 5.
С. 227–247.

Творчество. С. 279–283.

ПРЕЗЕНТАЛИЗМ (presentism, presentalism; лат. praesens, присутствие, настоя-
щее); другое название — *феноменализм* (phenomenalism). Направление в по-
эзии и прозе 1970–1980-х годов, представленное И. Бродским, С. Соколовым,
С. Юрьененом, А. Парщиковым, И. Кутиком, С. Соловьевым и повлиявшее на
творчество М. Шишкина, А. Иличевского. Презентализм утверждает само при-
сутствие вещи, ее видимость, осязаемость как необходимое и достаточное условие
ее осмысленности. Поэтическое произведение строится как последовательность
разных взглядов на вещь, способов ее восприятия и запечатления, которые в со-
вокупности суть проявления ее собственной сущности. Так, рыба в стихотворе-
нии А. Парщикова «Сом» — это совокупность всех ее восприятий: зрительных
и осязательных, в воде и на суше, наяву и во сне. Вещь есть явленность вещи,
сумма ее преломлений через разные визуальные среды и знаковые коды. Вещь не
соединена с идеей и не противопоставлена ей, а сама по себе есть «идея», то есть,
в исконном древнегреческом значении слова, «видимость» — то, что представляет,

«презентирует» самое себя. Принцип такого мировидения, которое изнутри себя есть мироздание, выразили А. Парщиков: «Я стал средой обитания зрения всей планеты» и И. Кутик «Вот так, играя возле глаза / калейдоскопом, можно сразу / увидеть всех формаций связь, / когда по воле первой встряски / тасуются узоры, краски, / но все — лишь взора ипостась».

Презентализм разворачивается в «средней зоне» между мифом и пародией, между метафизической серьезностью *метареализма и языковым озорством *концептуализма, — на поверхности, лежащей между глубиной вещи и смеховым вывертом этой глубины. Презентализму свойственно превращать строгий термин в метафору, привлекательную сухой визуальной точностью и отличную как от метареалистического «наплыва» значений, так и от концептуального их «слива». В стихах презенталистов «молекулярные двойные спирали», «контакт тактильный», «гипотетичные медианы», «конструкция кронштейна» и прочие техницизмы осмыслены не как бытовые детали современности, а как *кенотипы, таинственные прообразы грядущего мироздания, знаки выплывающей из мглы неведомой цивилизации, ее эсхатологические знамения. Восходя к традициям футуризма с его вкусом к современности, к технической пластике вещей, презентализм лишен его социально-эстетической воинственности и проповеднического утопизма — восторг перед будущим вытеснен пристальным, зрительно цепким вниманием к настоящему, к данности как таковой, к протяженности и длительности вещей. Такая поэзия уже не футуристична, но презентальна — как поэзия присутствия, поэзия настоящего.

*Кенотип, Концептуализм, Космопоэзис, Метареализм, Реизм, Технософия
Постмодернизм. С. 158–162, 167, 194, 216.

РАСКАВЫЧЕНИЕ (disquotation). Литературный прием снятия кавычек с цитат, штампов, клише, которые настолько вошли в обиход, что воспринимаются как прямое самовыражение личности, несмотря на их очевидную вторичность. Это явление связано с *новой сентиментальностью, ситуацией преодоления постмодерна, который тяготел к приему закавычения. Умберто Эко отмечал, что даже язык чувств в эпоху постмодернизма вынужден прибегать к кавычкам («Я безумно люблю тебя, как сказал бы...»). Постепенно кавычки уже так впитались в плоть каждого слова, что оно само, без кавычек, несет в себе печать всех своих прошлых употреблений, привкус вторичности, который стал просто необходим, чтобы на его фоне сделалась ощутимой свежесть его повторного употребления. И когда произносится слово «люблю», то оно подразумевает: да, так могли бы сказать и Данте, и Мопассан, и Эко, но это я говорю, и у меня нет другого слова, чтобы высказать то, что оно означает. Транс-цитатное слово содержит презумпцию вины и жест извинения, признание собственной цитатности, — и тем самым еще сильнее и увереннее подчеркивает свою безусловность, незаменимость, единственность. Если постмодернистское «люблю» выступало как смысловая лазейка, в которую субъект мог скрыться от прямого смысла высказывания, то теперь цитатность подчеркивается, чтобы быть перечеркнутой. Слово сразу расслаивается на цитируемое — и надцитатное, произносимое впервые, здесь и сейчас, что открывает простор для новой многозначности.

В эпоху постмодерна, в 1980–1990-е годы, повтор и цитатность входят в привычку и на их основе возникает новая лирика, для которой ироническое остранение становится началом, а не концом пути, — лирика заново сброшенных кавычек, *поэтика раскавычивания*. Цитатность со всех сторон объедает жизнь, или сама жизнь становится литературной. Как говорит Тимур Кибиров, «И куда ни поверни, / здесь аллюзии, цитаты, / символистские закаты, / акмеистские кусты, / Достоевские старушки / да гандлевские чекушки, падежи и времена! / Это Родина. Она / и на самом деле наша...»

Если многозначность постмодернизма — это множественность уровней рефлексии, игры, отражения, лепящихся друг на друга кавычек, то многозначность эпохи «транслиризма» или **новой сентиментальности* — более высокого порядка. Это движение смысла сразу в обе стороны, *закавычивания* и *раскавычивания*, так что одно и то же слово звучит как ««««люблю»»»» и как Люблю! Как ««««царствие божие»»»» и как Царствие Божие! Причем одно измерение текста неотделимо от другого, раскавычивание происходит из глубины многослойных кавычек.

Снятие кавычек, преодоление иронии вносит в текст еще большую напряженность, чем постановка кавычек. Слово страшится впасть в банальность — и в конце концов преодолевает страх, а вместе с ним — и саму банальность. Движение от бескавычно-безмятежного слова к закавыченно-ироническому и далее к раскавыченно-дерзко-сентиментальному есть одно растущее смысловое напряжение слова, которое то обрастает кавычками, то сбрасывает их.

**Новая сентиментальность*, Прагмо-арт, Противоирония
Постмодерн. С. 440–447.
Поэзия. С. 248–269.

РЕТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ (retextualization). Трансформация текста как способ его критической интерпретации. В электронной словесности текст уступает место **текстоидам*, свободным конфигурациям знаков, которые подчиняются таким командам, как «вырезать», «скопировать», «вставить», «поиск», «замена», и другим способам ретекстуализации. Соответственно интерпретация, как глубинно-семантическое прочтение данного текста, дополняется или заменяется его *ретекстуализацией*: трансформацией, расширением или сужением его знаковых рамок.

Раньше текст мыслился твердо фиксированным, «приколотым» к бумаге — оставались подвижными только его значения. Интерпретация по праву считалась основной процедурой гуманитарных наук, прежде всего филологии, литературоведения, истории, культурологии. Интерпретация — это способ смыслового присвоения, ассимиляции, трансформации текста при полном сохранении его знаковой идентичности.

Однако с распространением электронных способов коммуникации текст теряет свою идентичность, он столь же легко видоизменяется, как сказка или песня в устном народном творчестве. Значимость интерпретации как филологической процедуры уменьшается, поскольку критика текста становится *перформативной*. Вместо того чтобы истолковывать его, приспособлять его смысл к своим нуждам, к потребности момента — проще его изменить. Сеть позволяет компоновать новые тексты, куда прочитанное входит на правах цитат

или гиперссылок. *Ретекстуализация* все более активно дополняет интерпретацию, а отчасти и вытесняет ее.

Ретекстуализация — гораздо более радикальный способ работы с текстами, чем то, что М. Бахтин мыслил как «контекстуализацию» или «диалогизацию» текстов. Он писал: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу»¹. Одно дело — «световое» взаимоотражение текстов, другое — их ретекстуализация, то есть прямая трансформация, которая создает нечто совершенно новое из текстов-предшественников.

* Мегатекст, Надтекст, Перитекст, Синтекст, *Сквозное чтение*, *Текстоид*, *Текстоника*, Унитекст *Творчество*. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.

СИМФРАЗИЯ (symphrase, symphrasing; греч. syn- или sym-, «с», «вместе с», греч. phrasis, речь, фразеология; ср. *симфония*, *симбиоз*, *синтаксис*, *синхрония*). Синонимические отношения между фразами; совокупность фраз, варьирующих разными способами сходные мысли. «Два сапога пара» и «одного поля ягоды»; «засучив рукава» и «в поте лица» — это симфразы (симфразеологизмы). Симфразия может использоваться для перевода множественных смыслов одного подлинника. Таков, например, многослойный ряд переводов каждой строки Конфуция, представленный в издании «Беседы и суждения Конфуция» (1999):

1) Конфуций сказал: «Не в свое дело не мешайся» (П. С. Попов)

2) Учитель сказал: «Если не находишься на службе, нечего думать о государственных делах» (В. А. Кривцов)

3) Учитель говорил:

— В дела другого не вникай,

Когда не на его ты месте (И. И. Семенко)

4) Учитель сказал:

— Когда не занимаешь соответствующего поста, не помышляй и о соответствующих ему делах управления (А. Е. Лукьянов)².

Эти варианты перевода находятся в отношении симфразии. Такой перевод одного текста на другой язык или языки воспроизводит многомерность его смысла, а подчас и создает новое литературное произведение в жанре симфразии.

* *Анафраза*, Полифраз

Анафраза: языковой феномен и литературный прием // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 227–247.

СИНТЕКСТ (со-текст, syntext). Текст, объединенный с другим текстом общим элементом (словом, фразой, мотивом). Так же как *синонимы* — слова, имеющие общее семантическое ядро, так *синтексты* — тексты, имеющие общий ком-

¹ Бахтин М. М. Рабочие записи 1960-х — начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 424.

² Конфуций. Лунь Юй, гл. VIII, 14 // Беседы и суждения Конфуция. СПб.: Кристалл, 1999. С. 280.

понент, по отношению к которому они и определяются как тексты-синонимы. Например, стихотворения «К***» А. Пушкина, «Нет, не тебя так пылко я люблю» М. Лермонтова и «К. Б.» Ф. Тютчева («Я встретил вас — и все былое...») — это синтексты, объединяемые мотивом «Любовное воспоминание — вторая встреча». Тексты Платона, А. Бергсона, С. Франка и других авторов, содержащие выражение «Время — подвижный образ вечности», выступают как синтексты по отношению друг к другу. Категория синтекста особенно важна в текстуальной реальности сети, которая исследуется посредством поисковых систем. Каждый поиск — это, по сути, собрание и сопоставление всех синтекстов данного выражения, по которому ведется поиск.

* Мегатекст, Надтекст, Перитекст, Ретекстуализация, Сквозное чтение, Текстоид, Текстоника, Унитекст
Творчество. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.

СКВОЗНОЕ ЧТЕНИЕ (*hyperreading, parareading*). Чтение электронных текстов в порядке гиперссылок. Наряду со *связным* чтением, которое следует линейной последовательности данного текста, в электронный век возникает *сквозное чтение*, которое обращается прямо к **надтекстам* вслед за отсылками (линками). В доэлектронную эру «всемирная литература» или такие мегатексты, как «русская литература» или «литература эпохи романтизма», были абстрактными понятиями: не только прочитать их в целом было немислимо, но и детально проследить в них судьбу отдельных слов, выражений, мотивов. Сейчас всемирная литература, в виде **мегатекстов* и **унитекстов*, становится все более доступной для восприятия, читаемой «насквозь» хотя бы в отдельных своих мотивах и сегментах.

Это накладывает новые обязательства на пишущего и одновременно раздвигает пространство его работы. Страница становится «страницей» в электронном пространстве, где она может быть включена во множество виртуально «сшиваемых» книг, в соответствии с мгновенными запросами сквозного чтения. Автор должен быть готов к тому, что каждая опубликованная им страница принадлежит уже не только к им самим написанному и «заявленному» тексту (блогу, статье, книге), но к целому множеству **надтекстов* — виртуальных книг, образуемых порядком сетевого поиска и сквозного чтения. При работе над текстом теперь приходится учитывать те надтексты, в которые он впишется. Все надтексты столь же легко читаемы или по крайней мере проглядываемы, как и первичные, «связные» тексты, созданные их авторами.

Используя те или иные слова или выражения, важно проверять их наличие в сети, частоту и вариации употребления, значение, сочетаемость, степень оригинальности. Каждая строка теперь включается не просто в сочинение данного автора, но в национальный и глобальный **унитекст*, во всю электронную вселенную, приобретая дополнительный смысл во множестве пересекающихся мегатекстов; последующий сетевой поиск может обнаружить данное слово или строку в составе определенных тематических, дисциплинарных, энциклопедических надтекстовых формаций. По сути, каждый автор вписывает теперь свои слова прямо в открытое электронное пространство, в бесконечно расширенный

надтекст, с которым приходится соразмерять написанное. Оно предназначено теперь не только для последовательного чтения, как на бумаге, но и для сетевого, *сквозного чтения*.

* Мегатекст, Надтекст, Перитекст, Ретекстуализация, Синтекст, Текстоид, Текстоника, Унитекст
Творчество. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.

СКРИПТОМАНИЯ (*scriptomania*). Потребность увековечивать себя в письменных знаках. Следует подчеркнуть разницу между *графоманией* и *скриптоманией*. Обычно графоманом называют бездарного сочинителя, который ищет публикации и славы, — это форма тщеславия. А *скриптоман* может быть и великим писателем, гением: у него есть потребность непрерывного выражения себя в письме, и другие виды деятельности ему более или менее скучны и безразличны. В этом смысле скриптоманами были Ф. Петрарка и С. Кьеркегор. Можно ли отнести к этой категории Льва Толстого и Александра Дюма, почти сверхъестественно производительных, написавших десятки и сотни томов? Это спорный вопрос. Их интересовало многое другое: хозяйство, педагогика, война, путешествия, женщины... Но в какой-то степени само писательское призвание, очевидно, неотделимо от навязчивой потребности увековечивать себя в скриптах.

* *Император, Семиомания, Скрипторика, Текстуальная империя, Трасосфера*

СКРИПТОРИКА (*scriptorics*; от лат. *scriptor*, пишущий). Наука о человеке пишущем (*homo scriptor*), о письме и письменной деятельности как образе жизни и способе отношения к миру. Скрипторика — это антропология, этология, психология, персонология письма как человеческой деятельности, идет ли речь о пишущих индивидах или коллективах, об экзистенциальном, национальном или конфессиональном отношении к письму.

В этой обращенности к субъекту письма, *скриптору*, — отличие скрипторики от грамматики, обоснованной Ж. Деррида. Грамматология — от греческого *gramma*, нечто написанное (причастие от *grapho*, пишу). Скрипторика — от латинского *scriptor* (от *scribere*, писать) — пишущий, писец, переписчик, писатель. Грамма — о написанном, о буквах, письменных знаках, о том, что остается на бумаге или экране. Скриптор — о субъекте письма, о том, что происходит между человеком и бумагой или экраном. Главный вопрос скрипторики: *кто* пишет и *зачем*?

Грамматология устанавливает радикальное отличие письма от речи и утверждает письмо как форму отсутствия, точнее стирания (и пишущего, и «написанного», то есть предметного содержания письма). Но именно такое самостирание и составляет бытие пишущего. Речь идет о кеносисе, о постепенном истощении и исчезновении пишущего в актах письма. То, что письмо предъявляет себя в отсутствие пишущего, есть не менее живое и мощное свидетельство о нем, отсутствующем, чем то, что предъявляется посредством голоса и жеста. Исчезая в качестве эмпирического присутствия, пишущий заново возникает в письме, но это уже Другой Субъект, способный проявлять себя в формах своего отсутствия. Письмо оказывается сильнее и бытийнее голоса не потому, что автор

в нем отсутствует, а потому, что он приносит бескровную жертву — а отчасти и кровавую, если вспомнить о связи крови и чернил и о жертвенных ритуалах, из которых возник семиозис, процесс означания. Скрипторика принимает то определение письма, которое сложилось в грамматологии, но ставит следующие вопросы: кто есть тот, кого нет в письме? зачем он меняет свое живое бытие во плоти, в голосе и жесте на свой отдаленный след? Скрипторика наследует грамматологии — и делает следующий шаг к преодолению метафизичности, на этот раз уже самой грамматологии, которая фетишизирует письмо, абстрагируя его от условий, орудий, причин и производителей.

Во всяком письменном сообщении скрыто личное утверждение, которое можно передать так: «Я с вами, хотя меня здесь нет. То, что я сообщаю вам, настолько важно, что моего голоса и личного присутствия недостаточно, чтобы передать это всем тем, кому это нужно знать. Я пишу, чтобы это знание независимо от меня передавалось другим». Это не сугубо личностная, но антропологическая предпосылка письменной коммуникации, то, что свойственно пишущему человеку вообще, независимо от его личного намерения.

Акт письма сам по себе содержит скрытую семантику жертвы, самозамещения субъекта в меру его самоотречения. Именно замещение и лежит в основе знака, что позволило Рене Жирану высказать гипотезу о становлении семиозиса из древнейших обрядов жертвоприношения, в которых на невинную жертву переносилась вина тех, кто ее приносит. Жертва — знак, замещающий своего жертвователя. «Императив обряда неотделим от манипуляции знаками и их постоянного умножения... <...> Охваченные священным ужасом и желанием продолжить жизнь под знаком примирительной жертвы, люди пытаются воспроизвести и репрезентировать этот знак... Именно здесь мы впервые находим знаковую деятельность, которую при необходимости всегда можно определить как язык и письменность»¹. Часть своей жизни в настоящем пишущий приносит в жертву другому времени, когда у него найдется читатель-воскреситель. Своим умиранием в письме он наказывает себя за недостойную, недостаточную жизнь, искупает свой грех временности, так сказать, смертью попирает смерть. Письмо — это раскаяние и самонаказание, и пишущие, как бы ни были они грешны в жизни, постоянно — и большей частью бессознательно — подвергают себя этому обряду. Они выжигают письма на себе, как татуировку, древнейшую разновидность письма — клеймо на теле жертвы.

Скрипторика исследует личностную мотивацию письма, которая обычно возникает в отрочестве или юности, через несколько лет после обучения его формальным навыкам. Потребность в письменном самовыражении возникает по мере того, как растущая личность теряет чувство непосредственной связи с окружающим миром, возникает обостренное чувство проходящего времени и чувство одиночества. Именно в это время чаще всего и начинают вести дневник, испытывать потребность в письменной речи как своеобразной компенсации утраченного единства с миром, с родителями, с кругом сверстников.

Скриптизация (scriptization) бытия — это не только индивидуальное занятие, но и поступательное движение всего человечества, которое все более пере-

¹ Girard R. Things Hidden since the Foundation of the World. Stanford University Press, 1987. P. 103.

носит свое бытие в разнообразные формы записи, прежде всего электронные. Скрипторика — самосознание и самоутверждение пишущего класса, к которому начинает принадлежать большая часть человечества. Быть — значит писать, то есть производить знаки, выходящие за пределы собственного тела и включающие скриптора в глобальную семиосферу. Человек, проводящий значительную часть своей жизни у компьютера, становится по роду занятий *скриптором* своего бытия.

*Вербъект, *Император*, Информатика, *Скриптомания*, *Текстуальная империя*, Трасосфера Скрипторика: Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. № 131. 2015. С. 257–269.
Творчество. С. 292–310.
Humanities. P. 117–129.

СТЕРЕОТЕКСТ (stereotext; от греч. stereos, объемный, пространственный). Текст, параллельно существующий на двух или нескольких языках и позволяющий «объемно» воспринять выраженные в нем смыслы. Подобно тому как для полноценного физического восприятия предмета человеку даны парные органы чувств, так потенциально ему даны разные языки для «стереоскопического» восприятия мысли. Вступить на границу разных языков и культур — это как от монозвука перейти в мир стерео. Эффект многоязычия сходен с эффектом стереомузыки или стереокино (формат 3D): звук и изображение вдруг обретают волшебный объем, потому что каждый орган восприятия имеет свою проекцию предмета, и, складываясь, эти проекции воспроизводят его многомерность. Наряду с эффектами *стерео*, воспроизводящими полный объем образа и звука, могут быть *стереопоэзия* и *стереопроза*, которые пользуются разностью языков, для того чтобы представить образ или идею в их объемности.

Стереотекст, как правило, состоит из параллельных разноязыких текстов, которые соотносятся как вольные переложения. В отличие от перевода, стереотекст играет на разности, *неэквивалентности* языков и создает нелинейный, выпуклый, многомерный образ предмета благодаря совмещению разных языковых проекций. Стереотекст — это по сути *анти-перевод*, поскольку он стремится не к идентичности двух текстов, а, напротив, к наибольшей их дифференциации, рельефно заостряя именно разностный потенциал языков.

У каждого языка — свои пристрастия и возможности. Например, по-английски легко излагаются конкретные факты и технические подробности, которые порой громоздко передаются на русском. По-русски можно высказать ряд метафизических умозрений, которые по-английски звучат туманно или претенциозно. Русский текст в одних ситуациях пространнее, в других — экономнее, чем английский: двуязычное письмо растягивается, сокращается, переворачивается, как лента Мёбиуса, переходя с языка на язык. Вместо точного перевода читателю предлагается переключка двух текстов, сохраняющих общую логико-тематическую последовательность, но несовпадающих даже на уровне глав и абзацев. Двуязычие здесь служит оправданием «двоению» мысли, ее многовариантному развитию. Например, для двуязычных читателей Иосифа Бродского представляет интерес тот *стереотекст*, который образуется взаимоналожением русских стихотворений и их английских автопереводов. Строка из стихотворения «К Урании» «Одиночество есть человек в квадрате» так переведена самим автором: «Loneliness cubes

a man at random» («Одиночество наугад возводит человека в куб»). При этом к внутриязыковой метафоре одиночества как математического действия (возведение в степень = умножение себя на себя) добавляется межъязыковая фигура: «квадрат» по-русски — «куб» по-английски.

Разные языки обладают разной логико-грамматической метрикой и «кривизной» в смысловом пространстве, и если перевод (translation) вычитает этот эффект разности, оставляя в остатке эквивалентность двух языков, то *стереотекст* предлагает скорее *соразвод* (interlation) языков в объемной перспективе, их наложение друг на друга. Такой же *стереоэффект* создается и в сознании читателя — билингва или полиглота, параллельно читающего один и тот же текст в оригинале и в переводе на разные языки или в переложении самого автора. Для читателей, владеющих французским и английским, представляет интерес не столько тождество, сколько именно различие таких текстов С. Беккета, как «Malone meurt» и «Malone Dies». Несовпадение подлинника и перевода или переложения может стать источником дополнительной информации или самостоятельного эстетического эффекта, который не содержится ни в одном из них.

Собственно, в *стереоэстетике* упраздняется сама иерархия первичного и вторичного, оригинала и перевода, поскольку они образуют многомерный смысловой континуум, где внутритекстуальные тропы и фигуры дополняются их перекрестными метафорическими связями с планом иного языка. *Транслингвизм* (translingualism) возводит мерность каждого образа в энную степень и обновляет саму категорию литературного произведения, которое уже не тождественно одному тексту, но скорее выступает как *волновая функция перемещения из языка в язык*. Особенно этот переход от дискретной эстетики к континуальной очевиден в случае многократных переложений: например, «Conclusive Evidence» (1951), «Другие берега» (1954) и «Speak, Memory» (1967) В. Набокова представляют последовательную трансформацию автобиографического нарратива из английского в русский и обратно. Сам Набоков подчеркивал, что эти разные версии воспоминаний — вовсе не перевод. Скорее они представляют собой *метаморфозу*, подобную той, которая происходит с живыми организмами, когда они меняют среду обитания. «Пере-англизировать русское переложение того, что было английским пере-сказом русских воспоминаний, — дьявольски сложная задача, но я нашел некоторое утешение в том, что такие множественные метаморфозы, знакомые бабочкам, никогда не предпринимались ни одним человеческим существом»¹.

«Метаморфозом» в биологии называется перемена всего строения организма, обычно связанная с резкой сменой образа жизни, например переходом от водного к наземному образу жизни. В применении к тексту как организму происходит перемена языковой среды, которая открывает путь для его потенциально бесконечной эволюции, «*текстоморфозы*». Это по сути микромодель культуры как целого, которая возрастает благодаря дивергенции текстов, *соразводимых* (interlated) в процессе взаимодействия языков (имея в виду и языки различных дисциплин, методологий, мировоззрений).

Возможно, *стереотекстуальность* — это будущее литературы и человеческого общения, когда языки будут служить не заменой, а дополнением друг

¹ Nabokov V. Speak, Memory. London: Weidenfield and Nicolson, 1964. P. 12–13.

другу. В эпоху мононациональных культур смешение языков воспринималось как комический прием, «макаронический стиль», демонстрирующий неестественность, смехотворность такого смешения. Но по мере того как языки смешиваются в планетарном обществе, двуязычие становится нормой для значительной доли населения и комический эффект стирается. Языки свободно сочетаются внутри одного авторского сознания, группы читателей или культурной среды, дифференцируясь по экспрессивно-стилевым функциям. В глобальной культуре многоязычие и, как следствие, стереотекстуальность становятся правилом, а не исключением. Поэтому вместо перевода и возникает деятельность *с-ведения* и *раз-ведения* языков для выражения смыслов, которые, таким образом, обнаруживают новые измерения в процессе своих языковых перевоплощений. Отсюда и новые возможности для многоязычия в самых разных жанрах и дисциплинах: *стереопоэтика*, *стереоэстетика*, *стереофилософия*, *стереокультурология* и т. п.

*Лингговитализм, Транскультура

Амероссия: Двукультурие и свобода // *Знак*. С. 807–823.

Ворчество. С. 318–322.

ТЕКСТОИД (textoid; текст + греч. *oid*, наподобие, от *eidos*, образ). Сетевой текст, лишенный твердой фиксации, свободно меняющий свою форму и контекст, переходящий от пользователя к пользователю.

«Текст» как центральное понятие гуманитарных наук связан с письменным документом, книгой, где остается неизменным. Но понятие «текста» в строгом смысле неприменимо к условиям бытования устных, долитературных, и сетевых, постлитературных жанров словесности. В фольклоре нет фиксированных текстов как таковых, поскольку песни и сказки, передаваясь из уст в уста, трансформируются в ходе их восприятия и распространения. В электронной словесности текст уступает место текстоидам, «как бы текстам», свободным конфигурациям знаков, которые подчиняются таким командам, как «вырезать», «скопировать», «вставить», «поиск», «замена» и другим способам **ретекстуализации*. *Текстоиды* скорее ближе к тому, что М. Бахтин понимает под «высказыванием»: «Высказывание (речевое произведение) как целое входит в совершенно новую сферу речевого общения (как единица этой новой сферы), которая не поддается описанию и определению в терминах и методах лингвистики и — шире — семиотики. <...> Термин “текст” совершенно не отвечает существу целого высказывания»¹. Высказывание ближе устной речи, чем письменному тексту.

Электронные текстоиды даже более подвижны, чем устные высказывания. Бахтин определял границу между высказываниями как смену речевого субъекта. Но текстоид может объединять в себе элементы высказываний самых разных речевых субъектов, свободно их перемешивать операциями «вырезать» и «вставить», что невозможно в устной речи. Текстоиды открывают простор **ретекстуализации* как способу критического прочтения-переписывания электронных знаковых формаций.

¹ Бахтин М. Из записей 1970–71 гг. // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

* Мегатекст, Надтекст, Перитекст, Ретекстуализация, Синтекст, Сквозное чтение, Текстоника, Унитекст
Творчество. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.

ТЕКСТНИКА (textonics). Теория и практика работы с электронными текстами; использование Интернета и всех возможностей компьютерной техники для создания новых знаковых ансамблей, для разработки новых техник и жанров интеллектуального творчества, для реорганизации и переосмысления уже существующих текстуальных массивов.

Текстоника не сводится к тому, что принято называть «digital humanities», дигитальная (сетевая) гуманистика. Последняя предполагает прежде всего собирание информационных баз по гуманитарным наукам, а также преподавание и популяризацию гуманитарных знаний посредством электронных сетей. В таком смысле дигитализация может охватывать и естественные, и социальные науки, то есть она не специфична для гуманистики. Тектонику скорее можно охарактеризовать как «гуманистику дигитального» («humanities of the digital»), в которой все основные понятия филологии: «читать», «писать», «текст», «интерпретация» — приобретают новый смысл.

Сеть позволяет пользоваться командами «вырезать», «вставить» и пр., чтобы компоновать новые тексты, куда прочитанное входит на правах цитат или гиперссылок. Любой текст теперь включается во множество мегатекстовых, синтекстовых, унитекстовых образований разных уровней и читается и пишется в их составе, преломляется через их призму. Смысл текста трансформируется, входя в разные знаковые конфигурации. Глубинная семантика заменяется текстовой динамикой. Смысл из *семантической* категории превращается в *синтаксическую*. Если раньше смысловое богатство текста проецировалось в сферу означаемых, то теперь — в его подвижное текстовое окружение, в смену тех рамок, фреймов, знаковых формаций, где он постоянно меняет свой смысл.

Текстоника — это своего рода *творческая эволюция текстов*, аналогичная эволюции живых организмов, которые в каждом новом поколении наследуют гены своих предков, сочетают их — и параллельно проходят через естественный отбор, приспособляясь к окружающей среде, к другим текстам. Разумеется, такое переформатирование и эволюция текстов, образующих новые смысло-знаковые конфигурации, происходит гораздо быстрее, чем биологическая эволюция организмов.

Важнейшие понятия тектоники: **мегатекст*, **надтекст*, **перитекст*, **синтекст*, **унитекст*, — такие текстуальные конфигурации, которые расширяют как наше теоретическое представление о текстуальности, так и практические возможности (ре)организации текстов в сетевом пространстве. Эти понятия отражают верхние, самые общие уровни текстовой реальности, которые особенно наглядно выступают в электронных сетях и в тектонике становятся объектом самостоятельного изучения и творческой трансформации.

* Гуманетика, Мегатекст, Надтекст, Перитекст, *Ретекстуализация*, Синтекст, Сквозное чтение, Текстоид, Унитекст

Мысли в числах: Россия и Запад в зеркалах интернета // Звезда. 2006. № 10. С. 204–213.
Творчество. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.

ТЕКСТУАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ (textual empire). Система многожанрового, многодисциплинарного письма, универсальная по своему охвату и имеющая индивидуального творца — *императора.

Понятие империи включает в себя обширную территорию, сильное единоначалие и многообразие этносов, ее составляющих. Форма имперскости может охватывать собой не только политико-географические, но и экономические и культурные образования; например, говорят о бизнес-империях, медиаимпериях и т.д. Империя в широком смысле — некая разветвленная, многосоставная структура, управляемая из одного центра, подчиненная единому плану. Она стремится и к наибольшей разнородности частей, и к наиболее управляемой целостности.

В этом смысле уместно говорить и о текстуальных империях, создаваемых писателями, мыслителями, исследователями. Признаки текстуальной империи: большой объем и высокое качество написанного, а главное — разнообразие тех жанров и/или дисциплин, которое охватывается творчеством данного автора. Одна из величайших империй — у И. В. Гёте, чьи владения простирались на самые разные роды и жанры художественной и нехудожественной словесности: лирику, поэму, драму, роман, сатиру, путешествие, автобиографию, литературную теорию и критику, эссеистику и афористику, научные труды в области ботаники, оптики и т.д. (например, «К учению о цвете»). Еще один образец — империя Виктора Гюго, которая тоже охватывала практически все роды и жанры словесности: лирические, драматические, эпические, — а также теоретико-эстетические, политические, памфлетно-полемические жанры и др., не говоря уж об огромном эпистолярном наследии.

Текстуальная империя — это особый тип самоорганизации жизни как непрерывно простирающегося текста, который переступает границы жанров и дисциплин. Важный теоретический вопрос: как соотносятся в текстуальных империях их центры и периферии, или метрополии и провинции, каков порядок присоединения последних к первой? Что, например, считать метрополией А. Белого? Поэт ли он, писавший прозу; прозаик ли, писавший стихи; или мистик, использовавший и прозу, и поэзию для экспансии своего бесконечно размытого, аморфно-магического, софийного (и лишь отчасти антропософского) дискурса?

Есть ли какая-то закономерность в появлении текстуальных империй? Заметим, что возникать они стали только в Новое время, и первый его поэт, Данте, может считаться и первым строителем такой империи, в которую, помимо лиро-эпической «Комедии», входили автобиографическая смесь поэзии и прозы «Новая жизнь» и трактаты по философии, лингвистике и политике. Еще более обширна (14 томов) империя его младшего современника Петрарки, которая вмещает, помимо поэзии, исторические, филологические, теологические, автобиографические сочинения и переписку.

Для создания авторской империи необходимо несколько предпосылок, сочетание которых впервые ясно обозначилось в момент перехода от Средневековья к Новому времени. Во-первых, писательство становится самостоятельным по-

причем для великих свершений. «Вторичный» знаковый слой, уровень «знаков знаков» (как воспринималось письмо по отношению к речи), должен был укрепиться как занятие не чисто служебное, но самодостаточное, благородное, зовущее к подвигам, к героике и экспансии. В Античности герой ценился выше автора, а оратор — выше писателя. Ренессанс был первой по-настоящему рефлексивной и письменной эпохой западного человечества, которая, собственно, и возникла из стремления изучать и «возродить» ценности греко-римской цивилизации. Во-вторых, текстуальные империи могли возникнуть только при выдвигании индивидуального авторства как суверенной территории письменной культуры. Утверждение личностного суверенитета на все более престижных, самозначимых территориях письма стало возможным именно на переходе от Средних веков к Возрождению. Третья предпосылка — достаточная расчлененность жанров и дисциплин, которая придает смысл их собиранию в рамках одной империи. Наконец, четвертая — формирование духовных и идейных движений, которые располагают к жанрово-дисциплинарной экспансии. Просвещение, романтизм, символизм, коммунизм, экзистенциализм — это большие мировоззрения, которые требуют безостановочного выброса своих дискурсов в литературу и философию, в стихи и романы, в драмы и мемуары, как мы видим на примерах Вольтера, В. Гюго, А. Белого, М. Горького, Ж.-П. Сартра... Обычно текстуальные империи создаются на переломах эпох и вбирают в себя тот территориальный размах и пассионарность, на основе которых строятся исторические формации.

**Император, Скриптомания, Скрипторика, Текстоника, Трасосфера*

Текстуальные империи: О писательском максимализме // Звезда. 2009. № 1. С. 184–194.

Творчество. С. 349–363.

УНИТЕКСТ (unitext). Совокупность всех текстов на данном языке (напр., русский, французский, китайский *унитексты*) либо всемирный текст человечества (*глобальный унитекст*). И. В. Гёте ввел в употребление понятие «всемирная литература», указывая на растущее единство национальных литератур, становление их общего культурно-смыслового пространства. «Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать тому, чтобы ускорить появление этой эпохи»¹. С развитием всемирной Сети, компактно сжимающей всю знаковую вселенную, становится все более осязаемой реальность «всемирного текста».

Всемирный *унитекст* — это одновременно *уни-версальный* и *уни-кальный* текст. Как и универсум, он существует в единственном числе, ибо объемлет все, что написано на данном языке или на всех языках. Национальные компоненты всемирного унитекста электронно взаимосвязаны и в перспективе взаимопереводимы (хотя на этом пути еще много проблем). При творческой работе над текстом теперь приходится иметь в виду те надтексты, в которые он впишется, включая и *надтекст всех надтекстов* — унитекст.

**Мегатекст, Надтекст, Перитекст, Ретекстуализация, Синтекст, Сквозное чтение, Текстоид, Текстоника*

¹ *Эккерман И. П.* Разговоры с Гёте. М.; Л., 1934. С. 348.

Творчество. С. 310–318.
Humanities. P. 69–78.

ЦИТАТА ОБРАТНАЯ (reversecitation). Текст, созданный одним автором от имени другого, в его манере, и ему сознательно приписанный. Прямая цитата — использование в своей речи чужих слов. *Обратная цитата* — передача своих слов другому. Это одно из проявлений **гиперавторства*, когда позднейший автор выбирает своей «концептуальной персоной» ранее жившего писателя или мыслителя и атрибутирует ему свое высказывание. Что сказал бы тот или иной автор, если бы он был нашим современником? Как отозвался бы на позднейшие события? Можно производить бесконечное число новых высказываний в манере Платона, Канта или Гегеля, соотнося потенциальность их мысли с актуальностями новых мировых явлений.

Например, у Гегеля, разумеется, нет высказываний об Октябрьской революции, Второй мировой войне или Интернете, а между тем Гегелю как всеобъемлющему мыслителю-историцисту было бы что сказать на эти темы. Для обратных цитат целесообразно использовать *обратные кавычки* — лапки, обращенные острием к цитате, а не наружу, как обычно. *»Реализация Абсолютной Идеи в период ее исторического созревания проходит через фазу, которую можно охарактеризовать как попытку самоубийства«*. Это воображаемая заметка, которую Гегель мог бы оставить на полях книги В. И. Ленина «Государство и революция» (1917).

Автор обратных цитат раздает свои мысли другим авторам, вместо того чтобы заимствовать у них. Его задача — не критиковать, а интенсифицировать предыдущие системы и учения, предложив опыт творческого их прочтения-вписывания. Сократу, сказавшему «Я знаю, что ничего не знаю», можно приписать мотив, ставший впоследствии главенствующим у Платона, — о том, что знание предшествует обучению и принадлежит вечному миру идей, который мы неожиданно открываем в своем мышлении: *»Я не знаю, что я знаю«*.

Вот еще обратные цитаты, приписанные мною великим авторам — и соответственно заключенные в обратные кавычки. Здесь проецируются те возможности их мысли, которые не воплотились в их реальных высказываниях:

»Мучить — не значит любить. Мучить можно и ненавидя«.

Ф. Достоевский

»Глупость — источник наших главных умственных услад. Без нее, как без уксуса или горчицы, любое блюдо кажется пресным. Мы смакуем чужую глупость, как никогда не в состоянии просмаковать чужой ум. Наш разум так устроен, что кислое и горькое предпочитает сладкому«.

Оскар Уайльд

Обратная цитата выявляет те потенции мысли, которые обнаруживаются за пределами исторического прошлого. В историю философии и литературы вписываются те альтернативы, которые исходят из нее же — но возвращаются к ней в виде иного Сократа, иного Гегеля. Это не жанр «Анти-Дюринга», «Анти-Прудона» или «Анти-Маха», в котором были сильны классики марксизма, мастера

сокрушительной полемики, но жанр «Альтер-Сократа» или «Альтер-Гегеля». Если тебе есть что сказать *против* данного мыслителя, скажи *за* него — ведь эти мысли вызваны им самим и суть продолжение его собственных мыслей, ветвления, «бифуркации» на древе его сознания.

*Альтерология, Амби-, Гиперавторство, *Персонажное мышление*, Экзотекст *Творчество*. С. 417–419.

ЭКЗОТЕКСТ (exotext; греч. приставка ехо-, снаружи). Текст, образованный индивидуальными вкладами двух и более авторов, развивающих общую тему, причем авторство каждого отмечено разницей шрифтов (почерков). Экзотекст наглядно обнаруживает для читателя все слои соавторской работы.

Есть несколько типов соавторства.

1. Монологическое. Два или несколько авторов создают общий текст, в котором не выделены их голоса (братья Гонкуры, Козьма Прутков, Ильф и Петров).
2. Диалогическое. Слова авторов соотносятся как реплики в диалоге или в драме. Каждый говорит или пишет за себя («Письма Абеяра и Элоизы», «Переписка из двух углов» В. Иванова и М. Гершензона).
3. Синлогическое. **Синлогия** («со-словие», synlogy) имеет место в книгах и сборниках, состоящих из глав (разделов), написанных разными авторами. Здесь они не разговаривают друг с другом, но и не прячутся в общем тексте, а выступают как самостоятельные авторы (сборники и альманахи «Физиология Петербурга», «Вехи», «Из-под глыб»).
4. *Экзотекст*. Двое или несколько участников поочередно пишут единый текст, в котором их авторство отображается разницей шрифтов. Такой тип соавторского текста называется *экзотекстом*, потому что он обнажает свое многослойное строение. Как в парижском Центре Ж. Помпиду через прозрачные стекла просвечивает инженерная начинка здания, линии коммуникации, так в экзотексте видны те авторские нити, из которых он сплетается. *Экзо* — по аналогии с экзоскелетом, когда скелет находится не внутри тканей, а снаружи. Если сборник — это дискретный тип синлогии, где один автор отделен от другого ясно выраженным пробелом, разницей текстов, то экзотекст — это непрерывный, континуальный переход от авторства к авторству внутри абзаца и предложения. Один автор пишет простое предложение, а другой дополняет его придаточным. Или добавляет к слову свой эпитет. Если текст пишется от руки, то соавторство выделяется разными почерками, а в печатном виде — шрифтами. В начале экзотекста указывается, какому из соавторов принадлежит какой шрифт.

Пример *экзотекста* в соавторстве М. Эпштейна и Марианны Таймановой (курсив):

Суть ревности в том, что она превращает любовь в ее противоположность *или, вернее, как бы создает химическую реакцию, внося темную, ядовитую примесь во что-то светлое*. Казалось бы, нет причин всем не любить всех, *хотя это скорее присуще утопии, чем динамичному человеческому обществу*; но тогда быстро ис-

черпались бы литературные сюжеты, а возможно, и сверхсюжет всемирной истории. *Не будь ревности, мы бы остались без «Отелло» и «Онегина», «Красного и черного» и «Анны Карениной».* Любовь, ведущая к слиянию, сама по себе энтропийна. Но парадокс в том, что чем больше любви, тем больше и вражды, порождаемой ею же, любовью. *То, что прежде радовало и умиляло в предмете страсти, отныне вызывает лишь презрение и усмешку. Ангел на глазах рядится в дьявола. Загадка: зачем ревнивицу во что бы то ни стало сохранять в себе этого монстра? Не легче ли с легким, хотя и опустошенным сердцем избавиться от него? Но именно это единство любви-вражды есть ревность, которая тем самым превращается в мощный и по сути единственный двигатель страстей, каждая из которых, благодаря ревности, превращается в собственную противоположность. Если бы в мироздании действовала только сила любви, все слилось бы в единый вязко-бесформенный ком счастья, где каждая часть нашла бы подобную себе, и как в сказке — они жили бы долго и счастливо и умерли бы в один день... Видимо, от непобедимой скуки...*

В расширенном значении экзотекст — это текст одного автора, открытый вкладу других и образующий с ними одно целое. Разновидность экзотекста — жанр, который можно обозначить «*Размышляя с...*» (Thinking-with). К мысли одного автора добавляются мысли другого так, чтобы они могли составить общий текст. Например, «Размышляя с Полем Валери» (М. Эпштейн):

«Мир ценен только своими крайностями, а существует за счет середины. Ценен своим экстримом, а существует за счет умеренности¹. *Но это означает, что в настоящей иерархии ценностей именно середина должна занять высшее место, как и учил Аристотель».*

Таким образом, мысль перетекает в мысль, слово в слово, и образуется гораздо более плотная соединительная ткань соавторства, чем в диалогическом, монологическом или синлогическом типах. В экзотексте авторы не спорят, а вместе развивают общую мысль, которая выступает многосторонне, стереоскопично.

* Гиперавторство, Гипоавтор, Книга виртуальная, *Стереотекст*, Цитата обратная

ЭКОЛОГИЯ ТЕКСТА (ecology of text), **ЭКОТЕКСТОЛОГИЯ** (ecotextology). Направление в филологии и текстологии, которое изучает взаимодействие текста с окружающей его пространственной средой, а также способы ее интеграции внутри текста, например в виде пробелов (*« »»). Если экология — это наука о законах взаимодействия живых организмов со средой их обитания, то экология текста рассматривает текстуальную среду и внутритекстуальные пробелы в меняющихся исторических обстоятельствах, в структурах разных жанров, на разных уровнях культуры, в построении знаковых систем и текстуально-информационной деятельности. В частности, экотекстология изучает пространственно-предметную среду пергаментных, рукописных, машинописных, компьютерных текстов. Далее конспективно очерчены проблемы экотекстологии.

¹ Валери П. Фрагмент из «Тетрадей».

Как соотносится текст с той материальной средой (полем), которая предназначена для печати? Соотношение запечатанной и иначе культурно освоенной (заселенной, засеянной) территории в масштабе страны. Каждая культура имеет свое соотношение печатной и жилой площадей. Размер семиотически освоенных поверхностей в культуре. Количество печатных знаков на квадратный метр жилой площади — мера семиотической насыщенности пространства. Знаковая загруженность офисов, квартир, улиц, площадей, городов. Текстуальная емкость пространства, количество вывесок, реклам, объявлений на единицу территории.

Длина текстов. Объем книг. Многотомность. Экология книжных серий, собраний сочинений. Возрастание числа классиков, обязательных для прочтения, — и соответственно числа необразованных людей, которые читали не всех классиков или вообще их не читали. Размер текста как экологический фактор. Экология разных жанров. Фрагмент и афоризм — экологически чистые жанры: текст-«осколок» среди нетронутых, широко раскинувшихся белых полей. Экология эссе как жанра-медиума, посредника между литературой, философией, наукой, историей, дневником, (авто)биографией. Сакральные тексты — наиболее экономные, экологически чистые. В них проступают немота и чистота высшего смысла, они окружены безмолвием. С другой стороны, они порождают наибольшее число интерпретаций, запускают механизм размножения текстов. Интерпретации, которые наслаиваются на текст в целях «правильного» его понимания, вместе с тем отодвигают его от читателя и семиотически «загрязняют» среду его обитания.

Биоценоз текста, обмен веществ с другими текстами. Три основных типа:

- 1) текст, живущий за счет других, — цитатный, цитон, пародия, плагиат;
- 2) текст замкнутый, герметичный, выстроенный по собственным правилам, не нуждающийся ни в чем и ни в ком;
- 3) текст, требующий комментария, рассчитывающий на отзыв, продолжение в будущем.

С развитием электронной словесности экология текста перемещается из пространственного измерения во временное. Важно не место, занятое им в пространстве, а время, необходимое для его прочтения. Экологически чистый текст требует минимальных временных затрат.

Нечтение — пассивное сопротивление семиократии. Информационный мусор по почте и на компьютере. До 90% сообщений отправляются в мусорную корзину, но для этого их нужно предварительно проглядеть. Важный коэффициент: время, нужное для опознания ненужности текста. Ознакомительное чтение книги для установления ненужности чтения. Увеличение семиотических процедур, требуемых для прекращения или неучастия в семиотических процессах. Минус-время и минус-пространство культуры — то, что культура тратит на избавление от собственной избыточности.

*« », Восприятие

Знак. С. 205–213.

Humanities. P. 79–94.

ЯЗЫК. ЛИНГВИСТИКА

« » (знак пробела)

Апонимы

Вербъект

Воязыковление

Гиперязык

Идеологическая тетрада

Идеологический язык, идеоязык

-Икон (суффикс)

Именные термины

Импликосфера

Инфиниция

Когтистые слова

Конверсия оценочная

Контрформатив, контраформативное высказывание

Криптоним

Крона слова, крона лексическая

Лингговитализм

Лингводизайн

Лингвомутация

Логодицея

Логопэя

Молчание

Морфемы прыгающие

Однословие

Оксюмороним

Омоантонимы

-Остн (суффикс)

Отрицательно-неопределенные местоимения

Паронимизм, паронимистика

Перформативная лингвистика

Прагмема

Причастия будущего времени

Проективная лингвистика

Проективный словарь

Протологизм

Семиократия

Семиомания

Семиургика

Семиургия

Силентема

Силентика

Синантонимы

Слово

Словопонятие

Трансформатив, трансформативное высказывание
Фамилическая функция знака
Филоним
Фурурологизм
Частотный словарь как философская картина мира
Эротонимика
Языководство

« » (знак пробела; « », blank space; термин не имеет звукового выражения, но может передаваться визуально и жестиккулярно знаками «воздушных кавычек»). Чистая, неозначенная среда, окружающая текст и заполняющая его пробелами, как условие и необходимый фон знаковой деятельности; «первослово», философский знак абсолюта, бытия, как оно раскрывает себя на границах языка и невыразимого. « » — не просто пустота чистого листа или экрана, а пустота, заключенная в кавычки, выделенная, ставшая знаком, предметом рефлексии и средством коммуникации. « » — «слепая точка» языка и сознания, которая приобретает все новые имена, но не может быть мыслимой или поименованной иначе, как в виде означенного пропуска знаков.

Моцарт заметил, что музыка — не в нотах, а в паузах между ними. Это верно в отношении любой системы знаков. « » — тот пробел в письме, который более значим, чем все остальные знаки. Любой текст содержит в себе пробелы и поля, которые и делают возможным различение знаков, оставаясь за их пределом. Этой чистой среде письма можно давать разные имена: «фон», «окружение», «пауза», «внезнаковая среда», «бытие», «пустота», «неименуемое»... Но ни один из этих знаков не будет соответствовать своему означаемому, поскольку само означаемое в данном случае делает возможным означивание, при этом оставаясь за пределом знака.

Единственный способ ввести это условие знаковости в текст — это превратить его в знак самого себя, окружив кавычками. « » — уникальный случай языкового знака, который является не символическим (условным), как буква в фонетическом письме, и не иконическим (изобразительным), как иероглиф, а чисто *индексальным* (указательным). Индексальные знаки указывают на то, частью чего являются; например, дым, поднимающийся над домом, служит знаком его обитаемости. « » — единственный пример языкового индексального знака, обозначающего тот фон, поле, среду письма, частью которого он сам является, и общего для практически всех систем письменности. Употребление этого знака на письме обладает той безусловностью, какой лишены все другие языковые знаки, даже пикториальные или иероглифические, которые несут в себе изобразительное сходство с обозначаемым, но сами не являются частью того, что изображают. « » непосредственно присутствует перед читателем данного текста, в белизне писчей бумаги или в голубизне компьютерного экрана.

Философско-лингвистическая мысль издавна искала такие знаки, которые могли бы адекватно передать то, что обуславливает бытие самих знаков. Но даже предельно обобщенные знаки, отсылающие к мистическим понятиям и выража-

ющие неисчерпаемую и «пустотную» природу всего сущего, например «дао», не адекватны тому, что они обозначают. О «дао» в начале трактата «Дао дэ цзин» сказано: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао». Поскольку слово «дао» состоит из определенных знаков, оно не может выразить беспредельности самого дао.

М. Хайдеггер подчеркивал, что философия нуждается в некоем *первослове* для обозначения того, что предшествует всему сущему и (при)существует в сущем. «Чтобы назвать это сущее бытия, речь должна найти нечто единственное, это единственное слово. При этом легко вычислить, сколь рискованно каждое мыслящее слово, присуждаемое бытию. И все же это рискованное (слово) не невозможно, так как бытие говорит повсюду и всегда, через всякую речь»¹. Согласно самому Хайдеггеру, такое первослово есть греческое *ὄν*, бытие. Но *ὄν* — это одно из многих обозначений бытия, которые на разных языках пишутся и звучат различно. «Единственное слово» следует искать на самой границе языка, как присутствующее в нем и все-таки отличное от него, подобно тому как само бытие отлично от сущих вещей для Хайдеггера.

Еще один знак для обозначения того, что обуславливает бытие знаков, предложил Ж. Деррида: *différance*, различие. «Будучи “старше” самого Бытия, такое различие (*différance*) не имеет в нашем языке никакого имени. Однако мы “уже знаем”, что если оно неименуемо, то это не временное явление — поскольку наш язык еще не нашел или не получил этого *имени* или потому, что искать его нужно в другом языке, вне конечной системы нашего языка. Дело в том, что этому нет *имени*, не подходят даже имена сущности или бытия, даже Различание (“*différance*”), которое именем не является...»² Действительно, как бы ни были глубокомысленны истолкования этого слова, само «*différance*» остается всего лишь языковым знаком, состоящим из букв латинского алфавита.

Но значит ли это, что язык в поисках своих внеязыковых оснований, того «последнего» означаемого, которое делает возможным само означивание, обречен вращаться лишь в кругу условно-заменяемых имен? Разрыв в цепи означающих, в терминах Ж. Лакана, — травма языка, но это и есть главное событие в жизни языка: не образование еще одного знака, но внесение внутрь языка того, что ему внеположно и делает возможным все знаки и сам язык. То «чистое», «белое», «неименуемое», что окружает и расчленяет язык, может быть впущено в сам язык. « » — это и есть привилегированное имя, в котором письменный язык совпадает со своей внеязыковой основой. « » — более адекватное название для бытийствующего или бесконечного, чем слова «бытийствующее» и «бесконечное». Постоянная смена «главных слов» и «первопонятий» в разных философских системах показывает, что ни одно словесно выраженное понятие не может взять на себя роль философского основания. Таковое вообще не может быть выражено внутри языка — но и не может оставаться невыраженным, поскольку речь идет именно о философской артикуляции наиболее широкого

¹ Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 63.

² Деррида Ж. Различание // Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. С. 401.

и емкого понятия, из которого могли бы выводиться все остальные. Такое понятие может артикулироваться лишь на границе самого языка, как «внезаходимое» по отношению к языку.

В попытке обозначить « » можно перебирать много имен, в том числе «дао», «бытие», «différance», «сущее», «сущность», «ничто», «пустота», «основа», «бесконечное», «безымянное», — такая игра замещений может продолжаться долго... Но она лишь потому и продолжается, что живет надеждой на выигрыш, на *обретение единственного имени*, которое *само есть то, что оно именуется*. « » — это и есть чистый выигрыш языка, точка разрыва семиотической цепи, когда игра замен и подстановок среди имен уступает место единственно достоверному имени — явлению, которое становится именем самого себя.

Вхождение внезапного в язык есть одновременно акт выхождения языка из себя, умолчание, указание на то, о чем нельзя говорить и что само говорит о себе своим присутствием. То, что не сказывается в языке, *показывает* в нем себя, или, согласно еще более сильному утверждению Л. Витгенштейна, «то, что может быть показано, не может быть сказано». В таком знаке, как « », язык *показывает* свою границу, а за ней — ту превосходящую область мира, которая не может быть сказана внутри языка. Тем же путем, каким « » входит в язык, язык сам выходит из себя, пользуется лазейкой между кавычками, чтобы выйти во внеязыковое пространство и потенциально охватить всю внеязыковую среду, которая начинается чистым полем письма, но не заканчивается им, а включает все множество молчащих внеязыковых единичностей. Прекращая сказывать, язык теперь начинает показывать, действовать как индекс, указка, нацеленная на внеязыковой контекст. « » находится на границе сказывания в языке (знаком чего являются кавычки) и показывания того, что лежит за пределом языка и является условием его существования (**индексальное письмо*).

То, что в философии или теологии называется «абсолютом», «первоначалом» или «последней истиной», формируется как раз восприятием того, что стоит за всеми знаками и окружает их. В этом смысле можно было бы показать решающее воздействие « » на становление таких важнейших категорий, как «абсолютное», «вечное», «безначальное», «бесконечное», «запредельное», «непостижимое», «безымянное», которые в своей семантике сливаются со значением « », а по способу обозначения на письме относятся к нему как условное — к безусловному и обуславливающему. Воздействие других знаков на человечество как собирательного читателя всех текстов культуры — переменное, а воздействие « » — постоянное. « » — самая всеупотребительная, бесконечно повторяемая цитата из письменного корпуса многих времен и народов, которая в силу этого уже не просто откладывается в нашем сознании, но образует его неосознаваемый горизонт. Ни одна поговорка, ни одно слово, ни даже одна буква ни в одном языке не могут сравниться с « » по частоте и значимости (**частотный словарь*). Так, в английском языке самое употребительное слово — это определенный артикль, примерно каждое 16-е слово в тексте (**теизм*). Если же рассматривать « » как отдельную смысловую единицу, то это каждое 6-е слово в тексте.

« » являет себя не только в языке, но и в других знаковых системах. В искусстве, особенно авангардном, « » играет незаменимую роль в виде не-

прописанного холста, чистого грунта, являющего собой обнажение того сырого материала, в который художник обычно вносит образ и форму. Таким радикальным опытом воссоздания пустой основы в живописи были белые полотна Роберта Раушенберга, выставленные в Black Mountain Art College в 1952 году. Поражение живописи, невозможность записать белое место, обернулось ее торжеством, поскольку « » сам оказался вписанным в полотно. Пьеса Джона Кейджа «4'33''» (1952), состоящая из сплошной паузы, — это « » в системе музыкальных знаков.

« » играет огромную роль во всех творческих процессах, как знак разрыва в знаковой системе, создающий возможность ее радикального обновления. Под разными именами: «трансценденция» у К. Яспера, «остранение» у В. Шкловского, «бифуркация» у И. Пригожина, «внеаходимость» у М. Бахтина, «пауза» у М. Мамардашвили — « » входит в основу всякого творческого акта, указывая на то, что остается в нем вне сознания и обозначения как разрыв между старой и новой системой, момент переключения знаковой матрицы (см. *Креатема, *Творчество).

Эта «творческая пауза» или «знак пробела» встречается в самых разных дисциплинарных полях. Позиция « » (паузы, внеаходимости) по отношению к наличным культурам приводит к становлению *транскультуры, то есть освобождению от тех символических детерминаций, которые определяют бытие человека внутри его родной, этнически заданной культуры. « » по отношению к религиозным традициям и конфессиям приводит к становлению внеконфессиональной, внецерковной *бедной веры. « » по отношению к групповым идентичностям приводит к *вочеловечению. « » по отношению к актуальному состоянию языка приводит к расширению его лексико-морфологической и концептуальной системы (*гиперязык). « » по отношению к существующим дисциплинам ведет к формированию трансдисциплинарного поля (*нулевая дисциплина) и к методам создания новых дисциплин (*науководство). « » по отношению к произведениям как единицам завершенной интеллектуальной работы — шаг перехода к ноосферному творчеству, к *нооценозу.

Дисциплина, изучающая « » и его воздействие на чтение и понимание текста, на культуру в целом, — *экология текста, или экотекстология.

*Белая дыра, Восприятие, Всеразличие, Грамматософия, Индексальное письмо, Инфиниция, Креатема, Молчание, Не-небытие, Пустоты, Силентема, Творчество, Тэизм, Частотный словарь как философская картина мира, Экология текста

« »: *Наброски к экологии текста // Комментарии.* М.; СПб., 1997. № 13. С. 3–41.

Знак. С. 171–227.

Humanities. P. 79–94.

« ». P. 11–50.

АПОНИМЫ (aponyms; греч. приставка апо-, удаление, отрицание + *ним*, имя). Слова, которые обозначают отрицание данного качества, но не утверждение противоположного, и этим отличаются от антонимов. Например, антоним слова «близкий» — «далекий», а апоним — «неблизкий». Антоним слова «глупый» — «умный», а апоним — «неглупый». Если антонимы, как правило, выражаются словами с другим корнем, то апонимы — тем же словом с отрицательной частицей «не-», которая пишется слитно. Апонимы указывают не полярные, «крайние»,

а более размытые, менее определенные оттенки значения, используя «не» как «апофатическую» частицу. Апонимы заполняют континуум смысла между антонимами и позволяют выразить промежуточные степени качества. Так, между антонимами «добрый» и «злой» помещаются апонимы «недобрый» и «незлой», которые обозначают ступени перехода от доброго к злему:

добрый — незлой — недобрый — злой

Иногда смысловые промежутки между антонимами заполняются морфологически самостоятельными словами, обозначающими срединное, нейтральное качество, например:

белый *серый* черный
 высокий *средний* низкий (о росте)
 веселый *ровный* грустный (о настроении)

Но регулярный способ опосредования противоположных качеств в таких градуированных рядах — образование апонимов, позволяющих обозначить оттенок одного качества через отрицание другого. Если антонимы выражают сильные, «крайние» степени качества, то апонимы — слабые, промежуточные. В лексических рядах апонимы располагаются между антонимами по следующей схеме:

антоним 1 — апоним 2 — апоним 1 — антоним 2
 хороший — *неплохой* — *нехороший* — плохой
 умный — *неглупый* — *неумный* — глупый
 трудный — *нелегкий* — *нетрудный* — легкий

Апоним первого из антонимов находится по смыслу ближе ко второму антониму, а апоним второго — к первому. Такова градация: от полной степени данного качества — через ее уменьшение (*неплохой*) и возрастание противоположности (*нехороший*) — к полной степени противоположного качества.

*Нега-, Не-небытие, Синантонимы

Отрицание как утверждение // Gramma.ru, 12.03.2013.

ВЕРБЪЕКТ (verbject; verbal, словесный + object). Предмет, произведенный по вербальной модели, как реализация его описания. Слово становится прямой производителем силой, приводящей в действие новую индустрию трехмерной печати. В компьютер вводится полная информационная матрица желаемого объекта, а из принтера выходит сам вербъект, сработанный практически из любого вида материи, поскольку сборка производится на уровне частиц и атомов. Заводы и фабрики превращаются в гигантские принтеры, изготавливающие любые материалы и объекты с заданными свойствами — вербъекты. Если артефакт — это любой искусственный объект произведенный человеком, то вербъект — разновидность артефакта, произведенная словом и печатью. Эта категория бытия может охваты-

вать все разнообразие материального мира, включая формы живой материи: от одежды и мебели до органов человеческого тела, а в перспективе — дома, улицы, города и целые планеты. Впервые в истории столь наглядно реализуется древняя интуиция: «в начале был логос».

* Логодицея, Умоделие
Творчество. С. 304–305.

ВОЯЗЫКОВЛЕНИЕ (*retonguement*). Процесс сознательного возвращения в родной язык, оживление вкуса к словесному творчеству; новая, рефлексивная ступень индивидуального или общественного языкового самосознания. Воязыквление можно сравнить с воцерковлением. Человека крестили младенцем, он не помнит об этом, но проходит время — и он возвращается уже сознательно в ту церковь, которой неосознанно принадлежал по факту крещения. То же самое может происходить и в отношениях человека с языком. Мы возвращаемся уже взрослыми в тот язык, которому принадлежим по факту рождения в нем, и уже сознательно участвуем в его обрядах, заново открываем смысл в тех словах, правилах и грамматических структурах, которые раньше употребляли автоматически, по привычке. Воязыквление — это преодоление иждивенческого отношения к языку, когда мы просто пользуемся им, говорим на нем, но внутренне с ним не общаемся и не вкладываем в него ничего от себя. Воязыквление — обратное вхождение в язык «выходцев» из него.

* Воссознание, *Вочеловечение*, Проективная лингвистика, Языковедство
Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 192–207.

ГИПЕРЯЗЫК (*hyperlanguage*). Совокупность всех возможных преобразований данного языка, пространство его лексических и концептуальных возможностей, которые не противопоставляются наличному языку, а продолжают и углубляют его, как объемная панорама, уходящая в прошлое и будущее. Русский язык, каким мы его знаем и употребляем, — это лишь частный случай того *гиперязыка*, или «виртуального» русского, который относится к русскому, как потенциальное относится к актуальному. Гиперязык охватывает систему языка во всем объеме ее реализаций, в том числе отступающих от языковой нормы и узуса; это существующий язык вместе с его **импликосферой*. Посредством проективного словаря и лингвистического творчества вообще гиперязык встраивается в «наличный» язык или, точнее, достраивает его до себя.

В будущем, очевидно, исчезнут словари как устойчивые, замкнутые компендиумы, рожденные эпохой бумажной печати. Виртуальный словарь будет автоматически составляться из суммы употребления всех слов в электронных сетях. Каждое новое слово будет автоматически добавляться в словарь и занимать свое место в общих алфавитных, тезаурусных, частотных списках. Собственно, уже сейчас Гугл и другие поисковые системы Интернета автоматически выполняют словарную функцию определения частотности каждого слова и ссылки на все контексты его употребления. Таким образом, гиперязык постепенно раскрывает стадии своего вхождения в язык через систему гипертекстов.

*Импликосфера, Потенциосфера, Проективная лингвистика, Семиургия, Текстоника
Неология. С. 1031–1076.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕТРАДА (ideological tetrad). Модель соотношения четырех *прагмем, лежащая в основе идеологического мышления и языка, особенно в тоталитарной советской идеологии. Пример тетрады:

интернационализм — национализм
патриотизм — космополитизм

Связи между прагмемами определяются теми же отношениями тождества и противоположности, синонимии и антонимии, которые пронизывают всю лексическую систему языка. Но поскольку прагмемы обладают двойственным, оценочно-предметным значением, то и все отношения между ними удваиваются. На место антонимии и синонимии встают отношения четырех типов.

1. Полная антонимия¹ — противопоставленность как предметных, так и оценочных значений, например: *интернационализм — национализм, миролюбие — агрессивность*. Это *контративные* отношения, а соответствующие слова — *контративы*.
2. Предметная синонимия (ко-референтность) при оценочной антонимии. Прагмемы указывают на тождественные (или сходные) явления действительности, но присваивают им противоположные оценочные значения. Это **конверсия оценочная*, а соответствующие слова — прагматические конверсивы, например: *патриотизм — национализм, миролюбие — примиренчество*.
3. Предметная антонимия, оценочная синонимия. Этот тип отношений между прагмемами обратен конверсии: слова имеют противоположные предметные значения, но тождественные оценочные. Такую связь мы будем называть *коррелятивной*, а соответствующие слова — *коррелятивами*. *Интернационализм — патриотизм, миролюбие — непримиримость*.
4. Полная синонимия, тождественность (или близкое сходство) как референтных, так и оценочных значений. Например, слова «анархия — стихийность — распущенность — вседозволенность» могут рассматриваться как взаимозаменяемые прагмемы, *субститутивы*. Поскольку субститутивный тип связи, в отличие от трех предыдущих, не является оппозитивным, структурообразующим, он не участвует в построении прагматической модели — тетрады.

Три описанных выше типа отношений между прагмемами: контрарность, конверсия, корреляция — не существуют изолированно, но образуют целостную структуру, существенно определяющую оценочное использование лексики. Это четырехэлементная структура (тетрада) следующего типа:

интернационализм — национализм
патриотизм — космополитизм

¹ Понятия «синонимии» и «антонимии» применяются расширительно, включая квазисинонимии и квазиантонимии в том смысле, в каком они охарактеризованы в кн. Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика» (М.: Наука, 1974. С. 235–255, 312–315).

миролюбие — агрессивность
непримиримость — примиренчество

Каждая из этих лексических тетрад имеет одинаковую структуру, которая схематично может быть изображена в виде квадрата, пересеченного диагоналями. По горизонтали между элементами тетрады разворачиваются контрарные отношения, по вертикали — коррелятивные, а по диагонали — конверсивные.

Каждый элемент тетрады одновременно входит во все перечисленные отношения с другими элементами. Так, «миролюбие» связано конверсивной связью с «примиренчеством», коррелятивной — с «непримиримостью» и контрарной — с «агрессивностью». Все эти оппозитивные отношения являются обязательными и конструктивными для каждого элемента тетрады. Такое соотношение прагмем показывает, как происходит в языке процесс порождения и распределения оценочных смыслов. Благодаря тетраде некое понятие, комплекс культурно обусловленных представлений, преобразуясь через набор определенных правил, может быть передано четырьмя различными способами, четырьмя лексемами, каждая из которых несет четкую идеологическую установку.

То, что описано выше как теоретическая конструкция, с древнейших времен находило воплощение в живой языковой практике. Фукидид в своей «Истории» замечает, как изменяются оценочные нормы словоупотребления в эпохи общественных потрясений: «Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность — замаскированной трусостью, умеренность — личиной малодушия, всестороннее обсуждение — совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась истинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия»¹.

Перед нами — два ряда идеологических оценок, принадлежащих разным общественным группам, партиям, субъектам речи.

мужество — трусость
предусмотрительность — безрассудство

То, что один считает положительным проявлением «мужества», другой характеризует отрицательным словом «безрассудство». И напротив, медлительное, осторожное поведение противоположного лагеря, которое изнутри его характеризуется как необходимая «предусмотрительность», встречает извне упрек в замаскированной «трусости». Само употребление соответствующих слов освобождает от логических доказательств, поскольку идеологические «доказательства» заключены в самих словах, в их лексически закрепленной оценочности.

**Идеоязык, Конверсия оценочная, Прагмема*

Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания.

1991. № 6. С. 19–33.

Relativistic. P. 20–29.

Future. P. 109–112.

¹ Фукидид. История. Кн. 3, 82, 4. Л.: Наука, 1981. С. 147.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЯЗЫК, ИДЕОЯЗЫК (ideolanguage). Язык идеологии как системы идеологем, определяющих отношение общественных групп к действительности. *Идеологема* (ideologeme) как единица идеологии включает не только осознание, но и оценку того или иного явления. Этим идея отличается от понятия, замкнутого в теоретической, созерцательной сфере; идея присоединяет к понятию момент оценки и целеполагания. Можно бороться за идею, быть верным идее, жертвовать собой ради идеи, но невозможно во всех этих случаях подставить на место идеи «понятие» («бороться за понятие» и т.п.). С другой стороны, идея не есть просто эмоциональное, оценочное отношение — это оценка, возведенная в принцип, обобщенная как понятие и потому приобретающая характер нормы. Идеологема — это неразрывное единство предметного и оценочного значения на уровне отдельного знака. Например, советская идеологема «Ленин» указывает на конкретное историческое лицо Владимира Ильича Ульянова и вместе с тем имеет оценочное значение «великий вождь пролетариата», «освободитель всего человечества». Эта связь *понятийно-предметного* и *оценочно-волевого* в прагматике языка и образует возможность его идеологического использования. Элементарная единица идеологического языка — **прагмема*, соответствующая идеологеме как единице идеологического мышления.

Одна из особенностей идеологического дискурса состоит в том, что его смысл разворачивается преимущественно на уровне слов, то есть имплицитных суждений, а не предложений, то есть суждений эксплицитных. «Коммунизм», «фашизм», «народ», «партия» — это слова-идеологемы (ideologemes); как единицы идеологии они представляют собой свернутые суждения, обладающие особой силой убеждения. Суждения могут быть развернуты в предложении как расчлененное единство субъекта и предиката, и тогда эксплицированная структура суждения позволяет его оспорить, не согласиться с ним, поправить его. Идеологема же представляет собой идею, свернутую в одно слово, которое имплицитно заключает в себе оба члена суждения. Сравним: «Эта инициатива оказалась (по каким причинам?) неуместной и нанесла нам значительный (какой именно?) ущерб» — пример эксплицитного суждения, внутри которого остается (в скобках) место для доводов, подлежащих обоснованию или опровержению. «Пора пресечь это самоуправство!» — пример имплицитного суждения, в котором «самоуправство» неразрывно склеивает и «субъект» — «инициатива», и предикат — «неуместная, вредная».

Отсюда — отмечаемое многими исследователями свойство информативной избыточности идеологических текстов: предложения могут не заключать в себе ничего нового по сравнению с употребляемыми в них словами. Выраженная в слове позитивная или негативная оценка многократно подтверждается целым рядом однотипных идеологем, разворачивание которых придает идеологическую насыщенность высказыванию: оценочные коэффициенты как бы умножаются друг на друга. Например, высказыванию «опытный политик заключил договор с руководителями повстанческого отряда» может быть сопоставлено перевернутое высказывание: «матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитской шайки» (**конверсия оценочная*). Закон идеологического согласования всех элементов высказывания не допускает, чтобы поменялись местами хотя бы два оценочных слова из этих фраз.

Принцип лексического отбора — ключевой в идеологической речи. Одного оценочного слова типа «самоуправство» или «сговор» оказывается достаточно, чтобы зарядить целое предложение идеологическим смыслом. Значение каждого слова строго детерминировано его положением в системе определенной идеологии, задающей связь и взаимозависимость всех лексических единиц. Эта «связанность» проявляется не только в «словаре» идеологии, но и в ее «текстах», линейных зависимостях. Например, слова «содружество» или «сподвижник» не могут входить в оценочно-отрицательный контекст, а слова «примиренчество» или «сговор» — в оценочно-положительный. Реализовав в своем лексическом значении ту коммуникативную способность, которую другие слова несут лишь потенциально и реализуют в контексте, идеологемы своим появлением в речи как бы предопределяют всю ее дальнейшую идеологическую установку.

* *Идеологическая тетрада*, Конверсия оценочная, Прагмема

Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX-го века. М.: ИНИОН, 1988. С. 167–216.

Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

Relativistic. P. 1–89.

Future. P. 101–163.

-ИКОН (-icon; ср. «лексикон», «типикон»). Суффикс в терминах, указывающих на жанр словаря, коллекции, компендиума, тематика которого обозначается корнем. *Политикон* — словарь политических терминов. *Эротикон* — собрание слов или тематическая подборка материалов по эротике. Так же могут образовываться и названия других профессиональных словарей, тезаурусов, справочных пособий, тематических подборок, музейных коллекций: «Логикон», «Психологикон», «Этикон», «Физикон», «Географикон» и т.п.

Размышления Ивана Соловьева об Эросе: Эротикон, или обозрение всех желаний / Сост. и предисл. М. Н. Эпштейна // Человек. М.: Наука, 1991. № 1. С. 195–212.

Дар. Вып. 115. 14.1.2005.

Политикон: Словарь новейших понятий // Новая газета. 18.4.2008–17.10.2008.

ИМЕННЫЕ ТЕРМИНЫ (name-terms). Термины, образованные от имен собственных. Имена собственные — важный источник пополнения гуманитарной терминологии, в которой по традиции господствовали имена нарицательные. Гуманистика не ограничивается общими терминами и категориями («субстанция», «бытие», «протяженность»), но может работать со словами, обозначающими конкретные вещи и лица, в том числе с именами собственными, придавая им статус универсалий. Например, любовь может иметь некие свойства, присущие индивиду Платону и описанные в его сочинениях, а именно свойства идеальности, устремленности к вечному, к порождению «прекрасного в духе», и в таком случае называться его именем — «платоническая любовь». «Платоническое», «гегелевское», «ницшеанское», «марксистское» — уже известные универсалии, образованные от имен собственных и способные применяться ко множеству вещей («кантовская вещь-в-себе», «кантовский императив», «гегелевские раб

и господин», «гегелевское государство», «шопенгауэровская воля», «ницшеанский сверхчеловек»). В принципе, любое имя собственное может быть превращено в обобщающий термин, если оно обозначает какую-то черту, которая в данном индивиде выражена сильнее, чем в других, и, значит, может называться его именем.

На путях восхождения от абстрактного к конкретному философия начинает все больше оперировать именами собственными, осваивать мыслимость отдельных лиц, вещей и событий, универсальность их индивидуальных свойств. При этом имя собственное может дополняться обобщающим суффиксом «-ость» или «-ство», раскрывающим в индивиде особую смысловую потенцию, универсалию, которая по-разному актуализируется и в других индивидах. Ж. Делез и Ф. Гваттари придают особое значение таким концептуальным комплексам, которые включают имя собственное как метку уникального события, «этости», типа «Петр — гулять — 6 часов вечера» («Тысяча плато»).

* *Индивиды-универсалии*, Микрометафизика, *Существоведение*, Тэизм, Универсика, Эротонимика

Любовные имена: Введение в эротонику // *Любовь*. С. 370–412.

Творчество. С. 429–432.

ИМПЛИКОСФЕРА (implicosphere). Сфера имплицитного в языке; совокупность тех лексических и грамматических единиц, которые имплицитно относятся к языковой системе, то есть существуют в скрытом виде, не проявленном речевой нормой.

Импликацией (от лат. *implico*, тесно связываю) называется логическая связка, обычно выражаемая соотношением союзов «если... то...». То, что следует за «если», — это антецедент, или предпосылка; то, что следует за «то», — консеквент, область имплицитного, предполагаемого. Применительно к языку, то, что следует за «если», — область эксплицитного, то, что следует за «то», — импликосфера. Наличие определенных слов имплицитно предполагает возможность других слов, производимых по той же устойчивой модели. Если в языке есть слова «телятина», «медвежатина», то могут быть и «слонятина» и «китятина». Если есть «одомашнить(ся)», то может быть и «остолить(ся)» или «озаграничить(ся)». Лексические **имплицативы** (implicatives) — это слова, которые образуются по правилам лексико-морфологической системы данного языка и обладают конкретным лексическим значением, но в силу причин скорее внеязыковых, чем внутриязыковых, не вошли в состав узуальных лексических единиц.

У языка есть два измерения, которые обычно обозначаются как «система» и «норма». Как определяет энциклопедический словарь, «норма — это совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации... совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом...»¹ Если норма — это «реализация языковой системы», то сама система — это «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях

¹ Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 337.

друг с другом, которое образует определенное единство и целостность»¹. Система — *потенциальность* языка, которая не исчерпывается никакой конкретной реализацией. История языка есть история борьбы системы и нормы, а также постепенного расширения нормы под воздействием системы, все более полно раскрывающейся в историческом бытии языка.

Импликосфера — уровень языка, который находится между системой и нормой. Это совокупность языковых единиц, которые имплицитно относятся к языковой системе, то есть образуются на ее основе и по ее правилам, но существуют в скрытом виде, не проявленном речевой нормой. Это сфера *импликаций* как словообразовательных операций и *имплицитивов* как языковых единиц, потенциально образуемых, но не фиксируемых регулярно в речи. Например, если есть слова «приятель», «учитель» и «посетитель», то по той же продуктивной модели могут производиться и слова «влиятель», «обсуждатель» и «решатель», которые входят в имплекосферу данной модели. «Кто они были в юности, приятели и *влиятели* мои?» «*Обсуждателей* здесь много, а *решатель* один — я». Имплекосферу нельзя отождествлять с языковой системой, поскольку последняя состоит из правил и отношений элементов, но нельзя отождествлять и с нормой, поскольку единицы имплекосферы, как правило, не употребляются в речи и не осознаются носителями языка. Скрытый характер отличает имплекосферу от речи, а речевая конкретность ее единиц — от языковых моделей. Имплекосфера — это область потенциального в языке, гораздо более богатая, чем область актуального (см. **потенциосфера*).

Между актуальными и потенциальными словами, между нормой и системой нет непроходимой пропасти. Многие потенциальные слова постепенно актуализируются в языке, входят в норму, а тем самым и расширяют ее. К числу нормативных лексических единиц уже можно отнести глаголы «озвучить» и «оцифровать», которые еще лет 15–20 назад были всего лишь потенциальными словами. В Интернете уже встречаются тысячи случаев употребления глаголов «осетить» (перенести в сеть, вывесить, опубликовать в сети) и «обуютить» (сделать уютным, придать уютности). Имплекосфера — источник словотворчества, обновления лексического состава языка. Если мы пытаемся не эмпирически, но системно описать значение приставки «о», то приходится учитывать не только наличные слова: «осветить», «округлить», «осушить» и т.д., но и все импликации данной модели, все возможности регулярного образования глаголов с этой приставкой: *обуютить, остоличить, *особытить, осюжетить*... Необходимо брать весь сверхряд таких образований, включая и эксплицитные, и имплицитные его члены; а тем самым и превращать их в новые элементы расширенной лексической системы языка.

Такова задача **проективной лингвистики*, исследующей систему языка и демонстрирующей возможности этой системы путем практических новообразований, которые в свою очередь могут быть усвоены языком, найти применение в речи. Исследование и воссоздание языковой имплекосферы, а также системная ее экспликация, проводимая средствами и художественной литературы, и экспериментальной лингвистики, могли бы значительно ускорить процессы

¹ Там же. С. 452.

системообразования в русском языке, усилить производительный потенциал его моделей.

*Однословие, Потенциация, *Потенциосфера*, *Проективная лингвистика*, Проективный словарь, *Протологизм*

Импликосфера // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного / Ред. Н. Фатеева. М.: Азбуковник, 2011. С. 16–22.

ИНФИНИЦИЯ (inifinition; лат. finis, предел, конец; definition, определение + infinity, бесконечность; буквально «беспредделение»). Дефиниция понятия, указывающая на его неопределимость. Инфиниция демонстрирует множественность возможных определений предмета и вместе с тем недостаточность каждого из них и невозможность полного определения как такового.

Понятие «инфиниции» позволяет заново оценить общие черты множества классических и современных текстов, использующих именно такой прием «беспредделения». Инфинициями изобилуют писания Лао-цзы, Чжуан-цзы и других даосистских мыслителей; сочинения по апофатической теологии, в частности трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита; работы Жака Деррида и других последователей деконструкции. *Инфинировать* (to infine) — «беспределять», снимать предел, откладывать определение, простирать его в бесконечность. Например, обычно *инфинируются* (а не дефинируются) такие понятия, как «дао», «Бог», «différance», «деконструкция»...

«Причина всего, будучи выше всего, и не сущностна, и нежизненна, не бессловесна, не лишена ума и не есть тело; не имеет ни образа, ни вида, ни качества, или количества, или величины... Она не знание, не истина, не царство, не премудрость; Она не единое и не единство, не божественность или благодать...»

Псевдо-Дионисий Ареопагит

«...Différance не есть, не существует, оно не есть присутствие-бытие в какой-либо форме; и нам придется также очертить все то, что оно не есть, то есть все...»

Ж. Деррида. Différance

Основополагающие теологические, философские, психологические понятия, такие как Бог, Единое, Сущее, Абсолют, Дух, Бытие, Любовь, подлежат инфинициям скорее, чем дефинициям. По сути, любая система мышления имеет в своем основании понятия, которые не могут быть определены в рамках данной системы, но используются для определения других, выводимых из них понятий. Такие системообразующие понятия-первоначала инфинируются, включая указания на свою неопределимость. В каждой дисциплине есть свои инфинируемые понятия, например *мудрость* — в философии, *слово* — в лингвистике, *душа* — в психологии. В экзистенциальной психологии «я» — это функция ухода, смещения, саморефлексивной трансгрессии, предмет не дефиниции, а *инфиниции*.

Понятие инфиниции связано с парадоксами актуальной бесконечности в математической теории множеств у Г. Кантора, а также с теоремой К. Геделя о неполноте. Инфиниция — разновидность парадоксального **контраформативного*

высказывания, в котором прагматика (задача определить понятие) противоречит семантике (невозможность такого определения). Подробнее см. Введение.

*« », Апофатизация, Контраформатив, Оксюмороним
ПФС. С. 148–149.
Transcultural. P. 11, 141.

КОГТИСТЫЕ СЛОВА (*sharp-clawed words; wordworm*, «слово-червь»). Цепкие, прилипчивые слова, обладающие особой гипнотической силой, застревающие в памяти. Если *крылатые слова* больше воздействуют на разум, то *когтистые* — на подсознание. В этих словах нет ничего мудрого, значительного, они не несут никакого полезного, обобщающего смысла — и тем не менее они зацепляют эмоционально, ассоциативно.

Крылатые слова, как правило, имеют ясное афористическое значение. Сентенции, меткие наблюдения, обобщения. «Свежо предание, а верится с трудом». «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». «Быть знаменитым некрасиво», «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». А *когтистыми* бывают слова случайные, вырванные из контекста, безотчетные. Они запоминаются по непонятной причине — скорее всего, промелькнувшим в них сильным эмоциональным жестом, надрывной интонацией. Скажем, из Пушкина: «Выпьем с горя, где же кружка?» Из Лермонтова: «Нет, не тебя так пылко я люблю». Из бардов: «Как мать говорю и как женщина» (Галич), «Из окон корочкой несет поджаристой» (Окуджава), «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!» (Высоцкий). Никакой законченной мысли в них нет, но они цепляются, передают навязчивые состояния — боли, разочарования, хандры, надежды, порыва, протеста. Когтистые слова приходят не только из литературы, но из фильмов, газет, песен, анекдотов. Это могут быть чьи-то бытовые реплики, идиомы-идиосинкразии, предрассудки любимой мысли. О крылатых словах мы много знаем, их сборники издаются и переиздаются, а когтистые остаются в тени, где им еще легче свершать свои «хищные дела».

На эту тему — рассказ Марка Твена «Режьте, братцы, режьте!» о том, как фразы о железнодорожных билетах привязываются к пассажиру. Стишок въедается в героя, подчиняет себе ритм его шагов, прорывается во все его разговоры, застилает слух и зрение. Некоторые когтистые слова, звучные, но по сути бессмысленные, захватывают сознание общества на долгий исторический период. «Вперед, заре навстречу». «Буревестник гордо реет». «И как один умрем в борьбе за это». Можно представить себе целый народ и даже человечество, терзаемые такими фразами, как «Это есть наш последний и решительный бой». *Когтистые слова*, как разновидность *мемов*, далеко не единственный вид хищной фауны в инфосфере — но один из самых кровожадных ее отрядов, поскольку слова более конкретно и последовательно формируют программу человеческого поведения, чем, например, музыкальные или математические мемы.

*Идеологический язык, Хроносома
Когтистые слова // Независимая газета (Ex-libris). 4.12.2008.

КОНВЕРСИЯ ОЦЕНОЧНАЯ (evaluative conversion). Тип отношений между *прагмемами, единицами идеологического языка: предметная синонимия (корреспондентность) при оценочной антонимии. Конверсивы указывают на тождественные (или сходные) явления действительности, но присваивают им противоположные оценочные значения, например: *миролюбие* — *примиренчество*, *свобода* — *вседозволенность*, *новаторство* — *авангардизм*, *патриотизм* — *национализм*, *интернационализм* — *космополитизм*. Слова «миролюбие» и «примиренчество» имеют общее означаемое: «склонность к миру», «стремление установить мир». Но оценочное значение этих слов прямо противоположно, поскольку предполагает позитивное или негативное отношение говорящего к стремлению установить мир. С точки зрения идеолингвистики и лексической прагматики конверсивные отношения слов особенно интересны, поскольку оценочные различия становятся здесь единственным фактором, который обуславливает выбор говорящим тех или иных слов. Наличие в языке таких лексических конверсивов, как «собрание — сборище», «усилия — потуги», «обещания — посулы», «воин — вояка», «ополченец — террорист», «хозяйствовать — хозяйничать», «провозглашать — прокламировать», «сподвижник — приспешник», «популярный — вульгарный», «доходчивость — упрощенчество», «соревнование — конкуренция», «деловитость — делячество», «непринужденный — бесцеремонный», «безоговорочно — безапелляционно» и многие другие, объясняется тем, что для лексики конструктивным оказывается не только семантический, но и прагматический план языка, необходимость противопоставлять в системе словесных знаков не только предметные, но и оценочные значения.

Благодаря контекстуально связующей функции прагмем целые высказывания могут находиться между собой в отношениях оценочной конверсии, противопоставляющей попарно их элементы. Например, скептическая характеристика литературного стиля: «щеголеватость укрощенного ритма, стерильность языка, переходящая в искусственность, но не препятствующая туманностям и недомолвкам» — может быть переведена в позитивную: «изящество покоренного ритма, чистота языка, доходящая до высокой искусности, но не упражняющая многозначности и глубины». Оценочная конверсия — один из главных инструментов идеологического использования языка.

*Идеологическая тетрада, *Идеологический язык*, Прагмема
Future. P. 110–112, 124–126.
Relativistic. P. 21–23, 26–29.

КОНТРАФОРМАТИВ, КОНТРАФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ (counterformative). Парадоксальный речевой акт, противоположный перформативному. Перформативы осуществляют те действия, о которых сообщают, самим фактом сообщения (дипломатическое «Объявляем войну» или джентльменское «Вызываю на дуэль»). Контраформатив осуществляет *противоположное* тому, что сообщает или провозглашает.

Приведем примеры контраформативов в бытовой речи:

«Не слушайте ничьих советов!»

Это высказывание требует не слушать совета — и вместе тем дает его. Послушаться его — значит не послушаться.

«Ты уже спишь? — Да!»

Пример контраформатива, развернутого в целое поэтическое произведение, — стихотворение Ф. Тютчева «Silentium». «Мысль изреченная есть ложь» — образец контраформативного акта, осуществление которого находится в противоречии с его содержанием. Понятие «ложь» относится к той мысли, которая высказана в данной фразе, а значит, истинно ее опровержение: «Мысль изреченная не есть ложь».

Контраформативным может быть целый текст, который сообщает о том, что данный предмет не стоит внимания, — и тем не менее длинно, обстоятельно повествует о том, что, по утверждению автора, не заслуживает сообщения. «Итак, премьера состоялась. Но писать в сущности не о чем...» Контраформативы часто встречаются во вступительных, начальных разделах текста, задавая упругую динамику противоречия между исходным содержанием и целью сообщения (или видимым ее отсутствием).

Ролан Барт характеризует высказывание «Я мертв» из новеллы Эдгара По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» как «языковой скандал». «В известном смысле можно сказать, что перед нами — перформативная конструкция, но такая, которую ни Остин, ни Бенвенист, конечно, не предвидели в своих анализах <...> В нашем случае невозможная фраза перформирует собственную невозможность»¹. Барт дает точное определение контраформатива как перформатива наоборот. Контраформативные речевые акты не осуществляют то действие, которое они обозначают, но демонстрируют свою несовместимость с ним, свою невозможность или ложность.

Можно выделить *фундаментальные* контраформативные высказывания, значение которых противоречит базовой прагматике — самой возможности высказывания. К этой категории относятся: «Я умер», «Я не умею говорить», «Я не умею писать». К числу контраформативов можно отнести и такие высказывания, прагматический эффект которых — намеренно или нет — противоречит их прямой интенции. Таковы сократовское «Я знаю, что ничего не знаю» и гегелевское «История учит человека тому, что человек ничему не учится из истории». Одной из разновидностей контраформативов является **инфиниция* — определение предмета, которое подчеркивает его неопределимость.

Следует отличать контраформативы от семантических парадоксов самореференции, типа «парадокса лжеца». Последние связаны с циркулярностью значения, использованием одного понятия на двух уровнях — субъекта и объекта высказывания («Это предложение ложно»). Контраформативы образуются не собственно в области семантики (значения), а в области соотношения семантики и прагматики: смысл сообщения, типа «мысль изреченная есть ложь», противоречит цели высказывания.

В известном смысле, всякий дискурс несет в себе элементы *самоопровержения*, именно потому, что он событийен и трансформативен, то есть меняет исходные

¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 453–454.

условия по мере своего развертывания, превращает неизвестное в известное, далекое в близкое, ложное в истинное и т.д. Контраформативы — предельные случаи обычных смысловых напряжений между семантикой и прагматикой сообщения.

*Амби-, Вит, *Катарсис мысли*, Суб-объект, Тавтософия, *Трансформатив* (*трансформативное высказывание*), Трансформация
Творчество. С. 265–270.

КРИПТОНИМ (cryptonym; греч. *kryptein*, прятать). Тайное имя, неизвестное никому, кроме посвященных. Криптоним может иметь профессиональную функцию — как имя секретного агента, участника зашифрованной коммуникации; или экзистенциальную функцию, как знак межличностной посвященности, как имя, которое один влюбленный дает другому. Одна из первых потребностей любви — переименовать возлюбленную, дать ей никому не известное имя, чтобы его тайна принадлежала только двоим. Иногда «криптонимом» называют нерасшифрованный псевдоним, носитель которого остается неизвестен. Но не менее существенна неизвестность самого имени. *Криптоним* в таком смысле — это уже не имя без означаемого, а имя с минимальным числом пользователей, имя только для именующего и именуемого, составляющих наименьшее языковое сообщество. Любовь — это всегда заговор двоих, обретение тайны, которой ни с кем нельзя поделиться. Бывает, что любовь проходит, у нее сменяются объекты и субъекты. Но от исчезнувшей любви, как формула ее бессмертия, остается это тайное имя. Оно существует только в отношениях двоих, как знак их *соимия* — языкового «соития», столь же таинственного, как всякое соитие. По сути, криптоним — это не имя возлюбленной, а имя самих отношений, и оно не годится ни для чего иного. Подобно паролям, образующим кодовый архив истории, криптонимы образуют архив любви. Или же они остаются паролями — на вход в бессмертие, в неразлучность, как в стихотворении Баратынского (1834): «Своенравное прозвание / Дал я милой в ласку ей, / Безотчетное созданье / Детской нежности моей; / Чуждо явного значенья, / Для меня оно символ / Чувств, которых выраженья / В языках я не нашел. <...> Но в том мире, за могилой, / Где нет образов, где нет / Для узнанья, друг мой милый, / Здешних чувственных примет, / Им бессмертье я привечу, / К безднам им воскликну я, / Да душе моей навстречу / Полетит душа твоя».

*Филоним, *Эротонимика*
Любовь. С. 388–392.

КРОНА СЛОВА, КРОНА ЛЕКСИЧЕСКАЯ (verbal crown, lexical crown). Совокупность всех слов, произведенных от данного корня; крупная единица лексической системы языка, объединяющая значения всех родственных слов.

Понятие «кроны» соотносимо с «корнем». Не случайно в большинстве языков главная знаменательная часть слова называется именно «корнем» (английское *root*, немецкое *Wurzel*, французское *racine*). Это не просто растительная метафора, но отражение существенного сходства двух явлений. Грамматический корень, как и ботанический, несет в себе потенцию роста. Пока язык живет, его корни продолжают расти, вытягиваться новыми ветвями-производными. Пользуясь

древесной топикой, которая присвоила название «корня» центральной морфеме слова, уместно назвать «*кроной*» верхушку лексического древа, которая объемлет все его разветвления. Так обозначаются три уровня:

корень слова;
ветви — его производные;
крона слова — *совокупность всех его производных, общая смысловая площадь распространения данного корня, заселенная его отпрысками во всех поколениях.*

Самая пышная крона в русском языке у корня -ста(й)-: 370 производных, от «стан» до «состав», от «беспрестанный» до «представление», от «наставник» до «расставание», от «приставать» до «заставить». Вторая по величине крона — у корня -да-(-даж-), 280 ветвей: от «дар» до «продажа», от «задаток» до «задача», от «издатель» до «приданное», от «предатель» до «удалой»¹.

В существо корня заложена воля к прорастанию, к соединению со служебными морфемами и к наибольшему смысловому действию через наибольшее количество производных слов. Корень живет не только в полном объеме своих производных, но и в возможности дальше порождать новые слова — так что процесс словообразования потенциально незавершен, пока жив сам язык. Лексикологии, и в частности теории словообразования, важно освоить понятие *словесной кроны*, поскольку оно характеризует смысловую емкость корня, его место в лингвосфере. Смыслорождающая мощь корня проявляется в освоенной им площади общественного сознания, в разнообразии тех понятий, идей, областей культуры, над которыми простирается выросшая из него крона.

*Грамматософия, Проективная лингвистика, *Семиургия*, Слово, Языковедство
Неология. С. 1031–1076.

ЛИНГВОВИТАЛИЗМ (linguovitalism; лат. lingua, язык + vita жизнь). Представление о языке как о форме жизни, обладающей своей волей к власти, игре, экспансии; синтез философии жизни Ф. Ницше и теории языковых игр Л. Витгенштейна. Согласно позднему Л. Витгенштейну, язык не говорит «правду» о мире, не отражает наличные факты, «атомы» мироздания, но играет по собственным правилам, которые различаются для разных дискурсивных областей, типов сознания и поведения. «Игра» и «жизнь» — вот ключевые понятия, которые сближают Витгенштейна с Ницше: в языке должна играть та же самая жизнь, которая играет в природе и в истории. Но тогда и задача философии как *метаязыка*, описывающего и уточняющего «обыденный» язык, состоит не только в «правдивом анализе языка», но и в том, чтобы сильнее «раскручивать» свою собственную языковую игру. Основная предпосылка аналитической философии: *язык как игра* — содержит в себе опровержение чистого аналитизма и ставит перед философией иную, *синтезирующую*, конструктивную задачу: не говорить правду о языке, как и язык не говорит правду о мире, но укреплять и обновлять жизнь самого языка, раздвигать простор мыслимого и говоримого. Перефразируя Ницше, можно сказать,

¹ Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986.

что философия — это воля к власти: не сверхчеловека над миром, а *сверхязыка над смыслом*. Подробнее см. Введение.

**Виталистика, Логодицея, Проективная лингвистика, Техновитализм, Трансформация ПФС. С. 9.*

ЛИНГВОДИЗАЙН (linguistic design; conlang — constructed language). Проективная и конструктивная деятельность в области языка, в том числе создание искусственных международных языков и способы целенаправленной трансформации естественных, национальных языков. Лингводизайн охватывает область построения как плановых международных языков (волапук, окциденталь, интерлингва и мн. др.), так и специализированных языков, включая языки различных дисциплин (математики, логики, лингвистики) и языки программирования, общения человека и машины, а также вымышленные языки героев художественных произведений (клингонский из фильма «Звездный путь», пятнадцать эльфийских диалектов у Толкина). Большой вклад в лингводизайн, в теорию и практику лингвопроектирования внесли Р. Декарт, Г. В. Лейбниц и такие создатели проектов философских языков, как Дж. Дальгарно, Дж. Уилкинс, Ж. Делормель.

Что касается естественных языков, то они по традиции считаются «инертными», открытыми только медленным историческим изменениям, а не сознательным преобразованиям. Но и в этой области есть место для лингводизайна — проективно-трансформативной деятельности. К ней относятся: словарная, а в значительной мере и словообразовательная работа В. Даля, по-новому структурировавшая лексические запасы русского языка и прибавившая к нему около 14 тысяч собственно далевских новообразований; «воображаемая филология» В. Хлебникова, которая вылилась примерно в такое же число неологизмов и в эксперименты с морфологией и синтаксисом, значительно увеличившие гибкость русского языка; «грамматология» Ж. Деррида, которая из теоретической сферы постоянно выходит на уровень трансформации языковых практик.

Лингводизайн может осуществляться в разных масштабах: новый язык (эсперанто Л. Л. Земенгоф), или алфавит (кириллица), или разговорная, осовремененная версия языка (иврит, возрожденный Элизером Бен-Иехудой), способы словообразования (В. Хлебников, Дж. Джойс), единичные слова, неологизмы (как у М. Салтыкова-Щедрина, В. Маяковского).

Лингводизайн и проективная лингвистика могут использоваться как близкие и в некоторых контекстах взаимозаменяемые термины, но термин «лингводизайн» больше подчеркивает изобретательскую, конструкторскую, технологическую сторону преобразования языка.

**Гуманитарные практики и технологии, Логопозья, Перформативная лингвистика, Проективная лингвистика, Проективный словарь, Семиургия, Синтез языка, Трансдисциплины*

ЛИНГВОМУТАЦИЯ (linguomutation). Процесс в эволюции языка, аналогичный мутации в эволюции жизни. *Лингвотехнологии* имеют дело с иной моделью языка, чем та, что традиционно развивалась в грамматиках. Это подвижная, взрывная модель языка, который может эволюционировать в самых разных направлениях,

отчасти заданных социолингвистическими параметрами, отчасти определяемых творчески-проективной деятельностью, лингводизайном. Здесь уместны параллели с современной эволюционной теорией, которая является синтезом различных дисциплин, прежде всего дарвинизма, генетики и молекулярной биологии. О том, что история слов сходна с историей организмов, писал сам Ч. Дарвин, для которого язык был частью эволюционного процесса. «Мы в каждом языке встречаем примеры изменчивости и постоянного введения новых слов. Но так как для памяти существуют пределы, то отдельные слова, как и целые языки, постепенно исчезают... Выживание или сохранение некоторых благоприятствуемых слов в борьбе за существование — это естественный отбор»¹.

В XX веке дарвиновская теория эволюции обогатилась генетикой, в том числе таким сравнительно новым ее разделом, как теория мобильных генов, способных перемещаться из одной части генома в другую и образовывать новые организмы, которые проходят через процесс естественного отбора. Изучение «прыгающих генов» — как часто называют подвижные элементы в ДНК, открытые Б. Мак-Клинтон (Нобелевская премия 1983 года), — сейчас стало обширной и интенсивно разрабатываемой областью молекулярной биологии. Гипотеза о подвижных, транспозирующих генах — «транспозонах» — нарушила существовавшую раньше в генетике догму о генах как о стабильных компонентах хромосом.

В частности, группе ученых Института биологических исследований (Сан-Диего, США) удалось частично разгадать загадку невероятного многообразия строения и функций головного мозга. Ключом к разгадке являются именно мобильные генетические элементы, транспозоны — фрагменты ДНК, способные перемещаться из одного места генома в другое, изменяя генетическую информацию отдельных нервных клеток. С помощью таких мобильных элементов достигается разнообразие нейронов как по морфологии, так и по выполняемым ими функциям и последующий отбор наиболее жизнеспособных клеток. Аналогичные процессы происходят при образовании новых лексико-морфологических единиц в языке, причем все более заметную роль играют целенаправленные эволюционные сдвиги, осуществляемые сознательным применением лингвотехнологий и авторским лингводизайном. Мутация, если она служит успешному приспособлению и выживанию данного слова-организма в языковой среде, закрепляется в виде новой, полноценной лексической единицы, которая передается следующим поколениям говорящих.

* Конструктивная аномалия, Лингводизайн, Логопэзия, *Перформативная лингвистика*, Проективная лингвистика, *Морфемы прыгающие*, Семиургия, Синтез языка, Хроносома «Прыгающие морфемы» и эволюция языка: О био- и лингвомутациях // Языковые параметры современной цивилизации: Сб. / Под ред. В. Демьянкова и др. М.—Калуга: Ин-т языкознания РАН, Эйдос, 2013. С. 344–347.

ЛОГОДИЦЕЯ (logodicy; от греч. logos + dike, право, справедливость). Оправдание и прославление слова (логоса) в его творческой мощи. Логодицея восходит к представлению о божественном логосе, о сотворении мира Словом. Впослед-

¹ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Дарвин Ч. Соч. в 9 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 208.

ствии этот теологический мотив находит преломление в эстетике, в самосознании художников слова. Пример логодицеи можно найти в рассказе Эдгара По «Сила слов»: «Разве каждое слово — не импульс, сообщаемый воздуху? <...> Три столетия миновало с той поры, как, ломая руки и струя потоки слез у ног моей возлюбленной — я создал эту мятежную звезду моими словами — немногими фразами, полными страсти».

Логодицея — важный мотив поэзии М. Лермонтова («Есть речи — значенье...»), В. Маяковского («Я знаю силу слов, я знаю слов набат...»), О. Мандельштама, А. Тарковского и др. Вместе с тем обожествление человеческого слова может приводить к его смысловому опустошению, превращению в магическое заклинание, глоссологию, как в текстах Д. Хармса, В. Сорокина.

*Логопоэия, Слово
Ирония. С. 255–269.

ЛОГОПОЭИЯ (logoroeia; от греч. logos, слово, и poiesis, творчество; ср. «мифопоэзия»). Поэзия отдельного, единичного слова, кратчайший поэтический жанр. По мысли Ральфа Эмерсона, «стихотворение не обязательно должно быть длинным. Каждое слово когда-то было стихотворением»¹.

Слово (логос) не только было поэзией изначально, исторически, но и всегда остается таковой в акте словотворчества. В момент своего рождения слово обладает свойством поэтического образа, который по мере употребления стирается, автоматизируется. Как показал Потебня, «не первозданное только, но всякое слово с живым представлением, рассматриваемое вместе со своим значением (одним), есть эмбриональная форма поэзии»². А. Н. Афанасьев, собиратель и толкователь славянской мифологии, исходил в своей деятельности из того, что «зерно, из которого вырастает мифическое сказание, кроется в первозданном слове»³.

Логопоэию следует отличать от «словотворчества» как общего понятия, относимого к любому словесному творчеству, включая создание новых слов. Логопоэия — это именно *самостоятельный жанр словотворчества*, предметом которого являются *отдельные слова*. Например, словотворчество характерно для В. Маяковского, но он никогда не занимался *логопоэией*, то есть созданием слов как самостоятельных произведений. Новые слова его интересовали как экспрессивная составляющая других поэтических жанров: стихотворения, оды, поэмы и т. д.

В русской поэзии основы этого минималистского жанра заложил Велимир Хлебников, который вместе с А. Крученых подписался под тезисом, согласно которому «отныне произведение могло состоять из *одного слова*...»⁴. Это не просто авангардный проект, но лингвистически обоснованная реконструкция образной природы самого слова («самовитого слова»). Произведение потому и может состоять из одного слова, что само слово исконно представляет собой

¹ «Every word was once a poem». <http://www.bartleby.com/5/110.html>

² Потебня А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 429.

³ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Т. 1. С. 15.

⁴ Цит. по кн.: Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. С. 171.

маленькое произведение, «врожденную» метафору, — то, что Александр Потебня называл «внутренней формой слова», в отличие от его звучания (внешней формы) и общепринятого (словарного) значения¹. Например, слово «окно» заключает в себе как внутреннюю форму образ «ока», а слово «стол» содержит в себе образ чего-то стелющегося (корневое «стл») и этимологически родственно «постели».

Логопозью нужно отличать от *неологии*. Неологизмы могут иметь самые разные, в том числе сугубо прагматические задачи, далекие от поэзии, — научные, производственные, рекламные, идеологические: названия новых товаров и фирм, материалов, технических приборов, химических соединений, политических движений... («большевик», «компьютер», «лавсан» и т.д.). Есть, однако, и слова, специально созданные как произведения, не извлеченные исследователем, а поставленные самим автором вне какого-либо исторического, научного или художественного контекста. Логопозья относится именно к выразительной, собственно эстетической функции нового слова, которое само по себе может выступать как наикратчайшее поэтическое произведение.

Чтобы слово могло стать произведением искусства, оно должно предоставлять для творчества разнородные материалы, с которыми может работать художник. Если поэт или прозаик работают со словами, то в работе над одним словом материалом выступают его составляющие: корни, приставки, суффиксы. Русский язык в силу своего синтетизма богат словообразовательными элементами и предоставляет широкие возможности для их комбинирования. Например, в хлебниковском слове «вещьбище» тема задается корнем «вещь», а ее интерпретация — суффиксом «бищ», который входит в состав таких слов, как «кладбище», «лежбище», «стойбище», «пастбище», и означает место «упокоения», «умиротворения», неподвижного пребывания. Поскольку суффикс «бищ» относится к людям или животным, «вещьбище» — это образ одушевленных (как люди или животные) и одновременно обездвиженных, заснувших или умерщвленных вещей.

**Однословие, Перформативная лингвистика, Проективный словарь, Протологизм, Семиургия, Синтез языка, Слово, Словопонятие*

Анализ и синтез в словотворчестве. Опыты логопозии // Поэтика исканий и искание поэтики: Материалы междунар. конференции-фестиваля (Ин-т рус. языка РАН, 16–19 мая 2003) / Ред. Н. А. Фатеева. М., 2004. С. 100–123.

Знак. С. 254–370.

МОЛЧАНИЕ (silence). Способ высказывания посредством опущения, неиспользования речевых знаков. Молчание обычно толкуется как отсутствие слов и противопоставляется речи. Людвиг Витгенштейн, заканчивает свой «Логико-философский трактат» известным афоризмом: «6.54. О чем невозможно *говорить*, о том следует *молчать*» («Wovon man nicht sprechen kann, darüber muß man scheigen»). Парадокс в том, что само построение витгенштейновского афоризма, параллелизм его первой и второй частей, объединяет молчание с говорением и тем самым ставит под сомнение то, что хотел сказать автор. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» — значит, у молчания и речи есть *общий предмет*,

¹ Потебня А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 114, 175. Потебня полагал, что «метафоричность» есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору».

именно невозможность говорить о *чем-то* делает возможным молчание о *том же самом*. Молчание получает свою тему от разговора — уже артикулированной, и молчание становится дальнейшей формой ее разработки. Разговор не просто отрицается или прекращается молчанием, но создает возможность молчания и по-новому продолжается в нем.

Молчание следует отличать от *тишины* — естественного состояния беззвучия в отсутствие разговора. Предмет еще не выделен, еще не стал темой разговора — или молчания. Нельзя сказать «тишина о чем-то», или «быть тихим о чем-то» — тишина не имеет темы и не имеет автора, она, в отличие от молчания, есть состояние бытия, а не действие, производимое субъектом и относящееся к объекту. Кратко это различие выразил М. Бахтин: «В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) — в молчании никто не говорит (или некто не говорит). Молчание возможно только в человеческом мире (и только для человека)»¹. О том же различии свидетельствует лингвистический анализ Н. Д. Арутюновой: «глагол *молчать*... предполагает возможность выполнения речевого действия»². Про немого или иностранца, не владеющего данным языком, не говорят, что они «молчат», этот предикат относится только к существу, способному говорить, а значит, сам выбор между речью и не-речью — это скрытый акт речи.

Хотя внешне, по своему акустическому составу, молчание, как и тишина, означает отсутствие звуков, структурно молчание *интенционально* и гораздо ближе разговору. Сознание, по Гуссерлю, есть всегда «сознание-о». Молчание есть тоже форма сознания, способ его артикуляции, и занимает законное место в ряду других форм: *думать о...*, *говорить о...*, *спрашивать о...*, *писать о...*, *молчать о...* Влюбленные могут говорить, а могут и молчать о своей любви. Еще в древности ту же мысль о «словности» и смыслонаполненности молчания выразил Аполлоний Тианский, греческий мистик-неопифагорец: «Молчание тоже есть логос»³. То, о чем невозможно говорить, пребывает в тишине, а не в молчании, как не-предмет, не «о». Следует так перефразировать заключительный афоризм витгенштейновского «Трактата»: «*О чем невозможно говорить, о том невозможно и молчать, потому что молчать можно только о том, о чем можно и говорить*». Молчат о том же, о чем и говорят.

Отсюда тенденция осознавать тишину, которая доходит до нас из прошлого, как молчание о чем-то, невысказанность, хотя сами вопросы, о которых молчит прошлое, часто исходят именно от настоящего. Например, «молчание» Древней Руси, о которой с недоумением и болью пишут русские мыслители XX века (Г. Флоровский, Г. Федотов), скорее всего было просто тишиной, предсловесностью. Лишь после того как реформы Петра «развязали» России язык, подарили ей новую интенциональность образованного, светского разговора и изящной словесности, допетровская эпоха стала восприниматься как молчаливая.

У молчания есть свои значимые единицы — **силентемы* и изучающая его дисциплина **силентика*, соотносимая с лингвистикой.

¹ Бахтин М. М. Из записей 1970–71 гг. // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 338.

² Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Арутюнова Н. Д. Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 418.

³ Цит. по: Norman O. Brown. Love's Body. New York: Vintage Books, 1966. P. 256.

*« », Импликосфера, Ирреалия, Обратимые дисциплины, Нега-, *Силентема, Силентика*
Ирония. С. 247–281.

МОРФЕМЫ ПРЫГАЮЩИЕ (jumping morphemes). Мобильные морфо-лексические элементы, способные перемещаться из одного фрагмента языковой системы в другой, случайным или целенаправленным образом изменяя семантику отдельных слов и словосочетаний. С помощью таких элементов достигается разнообразие языковых единиц как по морфологическому строению, так и по выполняемым ими смысловым функциям — и последующий отбор наиболее жизнеспособных элементов лексико-семантической системы языка.

Как известно, мутационная изменчивость является одним из главных факторов эволюционного процесса. В результате мутаций могут возникать полезные признаки, которые под действием естественного отбора дадут начало новым видам и подвидам языковых организмов (морфем, лексем, фразем/идиом). Изучение «прыгающих морфем», или «трансморфов», как можно назвать подвижные морфологические элементы в структуре языковых организмов, — важная область эволюционной и проективной лингвистики.

Поскольку биология часто пользуется аналогиями с лингвистикой, говоря, например, о «языке генов», о «четырёх химических буквах» и т.д., то вполне оправданна и обратная операция — введение в лингвистику понятия «прыгающих морфем», по аналогии с «прыгающими генами». Лексико-морфологическое многообразие языка тоже достигается посредством мобильных морфем, переходящих из лексемы в лексему.

Эти прыжки происходят не произвольно, но по определенным сайтам вставок (insert sites) — генодромам, или, в случае языка, *морфодромам*. В геноме места вставок закономерно распределены, то есть мобильные элементы перемещаются в ограниченный набор позиций, не в любое произвольное место. Точно так же и в языке приставка не- может перемещаться на место корня или суффикса, но только на место другой приставки, то есть имеется функциональная вакансия для таких замещений, изоморфизм замещаемых элементов по функциям.

Например, есть слова «находчивый» и «доходчивый». Прыжок приставочной морфемы «в-» на место морфем «на-» и «до-» дает новое слово «входчивый», то есть «способный повсюду входить, легко преодолевающий любые пороги и преграды». Прыжки на это же место таких приставочных морфем, как «с-», «за-» и «под-», приводят к рождению новых слов: «сходчивый» — легко сходящийся с людьми; «заходчивый» — склонный заходить к знакомым; «подходчивый» — находящий подходы к людям, «уходчивый» — тот, кто легко уходит от погони, преследования и т.п. Тысячи слов с этими «трансморфами», то есть вставками новых морфем (приставок) на подходящей для них позиции в прилагательных с корнем -ход- и суффиксом -чив-, можно уже найти в Интернете, что свидетельствует об эволюционных возможностях этой лингвомутации.

Приставочная морфема «о/об», образующая переходные глаголы от именных основ («свобода — освободить», то есть сделать свободным; «новый — обновить», «богатый — обогатить», «суша — осушить»), может перепрыгивать и в другие морфосочетания. Каков эволюционный потенциал таких трансморфных мутаций, их воздействие на развитие лексической системы языка? Об этом можно судить

по частоте употребления новых слов, образованных с данной «прыгающей морфемой». Например, авторские неологизмы А. Белого и В. Маяковского: «омолнить», «огромить» — остались в основном в границах их текстов. Слова «озвучить» и «оцифровать», хотя и недавнего происхождения, уже прочно вошли в язык, насчитывая миллионы или сотни тысяч случаев употребления в Интернете. А за словами «обуютить» (придать уют) и «осетить» (перенести в электронную сеть) числятся 10–15 тысяч сетевых страниц, что придает им промежуточное положение «кандидатов» на место в лексической системе языка. Очевидно, однако, что мобильный потенциал приставочной морфемы «о» очень высок.

Мутации в морфемном составе слов — способ творческого словообразования. Логоморфозы-мутации происходят вследствие намеренного или случайного повреждения кода при передаче информации, наследственной, генетической — или культурной, языковой. Лингвистический дизайн, сознательное и целенаправленное скрещивание разных словесных организмов и «выведение» новых слов, терминов, понятий, концептов может играть такую же роль в динамике лингвосферы, как генетические технологии — в развитии и диверсификации биосферы.

*Лингводизайн, Лингвомутация, Перформативная лингвистика, Проективная лингвистика, Семиургия, Синтез языка

«Прыгающие морфемы» и эволюция языка: О био- и лингвомутациях // Языковые параметры современной цивилизации / Под ред. В. Демьянкова и др. М.—Калуга: Ин-т языкознания РАН, Эйдос, 2013. С. 344–347.

ОДНОСЛОВИЕ (univerbalia; лат. uni, unus, один + verbum, глагол, слово). Самый краткий жанр словесности, искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или образ. Если жанр *афоризма* соответствует предложению как языковой единице, то жанр *однословия* — слову как минимальной самостоятельно употребляемой единице языка.

В. Хлебников и А. Крученых подписались под тезисом, согласно которому «отныне произведение могло состоять из *одного слова*». Тем самым достигается наибольшая, даже по сравнению с афоризмом, конденсация образности: максимум смысла в минимуме языкового материала. Среди однословий — «благоглупость» и «злопыхатель» М. Салтыкова-Щедрина, «творянин» и «ладомир» В. Хлебникова, «прозаседавшиеся» В. Маяковского, «тьмать» и «питертерпи» («Питер, терпи») А. Вознесенского. Слово здесь выступает не только как лексическая единица, но и как литературный жанр, в котором есть своя художественная пластика, идея, образ, игра, а подчас и коллизия и сюжет. Если материалом для других литературных жанров, как правило, являются слова, то материалом однословий являются *морфемы*, которые вводятся в новые, неожиданные, образные сочетания.

Провести четкую границу между неологизмом и однословием особенно трудно в тех случаях, когда новое слово выступает в заглавии произведения, как, например, в стихотворении В. Маяковского «Прозаседавшиеся», в статье А. Солженицына «Образованщина», в книге А. Зиновьева «Катастрожка». Новое слово в заглавии может рассматриваться и как неологизм, включенный в текст произведения, и как самостоятельное произведение, для которого последующий текст служит комментарием.

Однословие может отражать определенные жизненные явления, выступая при этом как актуально-публицистическое или даже сатирическое произведение, например «вольшевик» Хлебникова или «бюрократида» Маяковского. Но однословие может быть и сочинением утопического, мистико-эзотерического или космофического характера, как «ладомир» и «солнцелов» Хлебникова или «тьмать» (тьма + мать) Андрея Вознесенского. Иногда в однословии соединяются не два, а несколько сходно звучащих корней (можно назвать это «множественным скорнением»). Например, *брехлама* = реклама + брехня + хлам). В поэме Д. А. Пригова «Махроть всяя Руси» заглавное слово *махроть* вводит в круг ассоциаций и «махорку», и «махровый», и «харкать», и «рвоту», и «роту» («рать»). К числу однословий относятся и специально создаваемые слова-каламбуры, играющие на сходстве звучаний и разнице значений двух слов, например известные в свое время в диссидентской среде словечки Владимира Гершуни: «диссидетство», «арестократ», «тюремок», «портвейнгеноссе». Вообще в жанре однословия, как и в более объемных жанрах, могут присутствовать самые разные литературные направления: от романтизма до футуризма, от сюрреализма до абсурдизма и концептуализма.

Слово «однословие» было опубликовано в первом выпуске сетевой рассылки «Дар слова» (425 выпусков, 2000–2016). «Однословие» само является однословием, то есть одной из немногих автологических (самообозначающих) единиц языка (таких как слово «слово», «Это — предложение»).

Однословие подлежит самостоятельному исследованию как в лингвистике и стилистике, так и в поэтике, литературоведении, поскольку это явление принадлежит и языку, и литературе.

**Логопозья, Проективный словарь, Протологизм, Семиургия, Синтез языка, Слово, Футурологизм*

Дар. Вып. 1. 17.4.2000.

Слово как произведение: 0 жанре однословия // Новый мир. 2000. № 9. С. 204–215.

Однословие как литературный жанр // Континент. № 104. 2000. С. 279–313.

Творчество. С. 233–241.

Humanities. P. 95–115.

ОКСЮМОРОНИМ (охуоморонум; от греч. *oxys*, острый и *moros*, глупый + *ним*, имя; ср. *синоним*, *омоним*). Слово-оксюморон, сочетающее морфемы с противоположными значениями. Оксюмороны крайне редки как самостоятельные лексические единицы — обычно они возникают на уровне словосочетаний, типа «белая ворона», «живой труп», «мертвые души», «бледный огонь», «пышное природы увяданье», «печаль моя светла» и т.п. Тем не менее оксюморонимы, то есть слова, вбирающие в себя оксюморию, существуют в языке. Пример — «благоглупость» М. Салтыкова-Щедрина и сходные по типу словообразования:

**благоподлость* (подлость с благим намерением),

благогрешный (совершающий грех во имя ложно понятого блага),

**аморт, любомор* (смертельная, убивающая любовь),

**злобро* (насильственное добро как источник зла),

мертвоживчик (семя смерти, разложения),

солночь (солнце + полночь, черное солнце, сияние мрака),
*глокальный (промежуточный между глобальным и локальным) и др.

Предлог-оксюмороним: *благодаря* (благодаря и вопреки).

Оксюморонимы следует отличать от *омоантонимов, когда одно и то же слово употребляется в двух противоположных значениях («одолжить» — дать и взять в долг). Оксюморонимы раскрывают философскую категорию «единство противоположностей» в наиболее наглядной форме единичного слова.

*Амби-, Аmort, Благоподлость, Глокализм, Злобро, Ирония, *Омоантонимы*, Своечуждость, Святобесие

Дар. 23.9.2007.

Огонек. 14.12.2009.

ОМОАНТОНИМЫ (homoantonyms). Идентичные слова, связанные отношением *энантиосемии*, то есть имеющие противоположные значения; антонимы, выраженные омонимами, то есть одинаковыми по написанию и произношению словами.

запускать — приводить в действие, в рабочее состояние

запускать — выводить из рабочего состояния, оставлять без ухода, доводить до упадка

Пора *запустить* новый цех. — Какой смысл, если мы *запустили* старый?

разделять — разъединять, создавать дистанцию, промежуток

разделять — соединять, совместно владеть, быть заодно

Нас *разделяют* континенты, но мы *разделяем* любовь к музыке.

проглядеть — ознакомиться с чем-либо

проглядеть — не обратить должного внимания, упустить из виду

Он внимательно *проглядел* книгу, но при этом *проглядел* в ней главный тезис.

Омоантонимы можно назвать *амбилексемами* (*ambilexemes*), поскольку одна лексема выражает два противоположных значения.

*Амби-, Оксюморонимы, Синантонимы

-ОСТН- (ist-ic, напр., personalistic, eternalistic; суффикс существительного -ост- + суффикс прилагательного -н-). Суффиксальный комплекс, продуктивный при образовании гуманитарной терминологии и обозначающий более высокий уровень обобщения. Например, от прилагательного «древний» образуется существительное «древность», от него прилагательное «древностный», от которого в свою очередь существительное «древностность». **Древностное* (antiquistic) — имеющее свойства «древнего», но отвлеченное от конкретно-исторического момента во времени; его хронологическая отнесенность редуцируется в акте феноменологического или культурологического исследования. Древностными являются многие феномены

современной культуры, возникающие в виде мифологических, архетипических, коллективистских и прочих архаизированных формообразований (например, Мавзолей Ленина на Красной площади — не древен, но *древностен*).

Современностный (actualistic) — обращенный к запросам современности; например, «современностное мышление у Достоевского». «Современностный» может относиться к любому времени, тогда как «современный» — только ко времени, когда произведено высказывание.

Вечностный (eternalistic) — обращенный к вечности, имеющий установку на вечность; «вечностное письмо» («нетленка») — предназначенное не для современников, но для потомков.

Возможностный (possibilistic) — не реально возможный, но имеющий форму возможного, «могущий быть возможным», возможный в квадрате. «Возможностные стратегии» — рассчитанные на то, что станет возможным в будущем.

Случайностный (arbitraristic, randomistic) — содержащий в себе случайное или направленный на понимание или изучение чего-то с точки зрения случайного, например *случайностные* (стохастические) процессы, *случайностное* поведение (определяемое не законом или правилом, а случаем) и т.п.

Тайностный (secretive, secretistic) — направленный на создание или сохранение тайны. Так, подросткам свойственно *тайностное* поведение, поскольку они уже противопоставляют себя миру взрослых.

Такое движение к абстрактности, стимулируемое регулярностью данной словообразовательной модели, обусловлено потребностями философского языка и мышления в отделении чистых, *сущностных* свойств концепта от признаков его существования. Пространство концептов лишает те или иные явления их конкретной приуроченности, извлекает из них универсальную сущность, требующую своего обозначения. Формантами абстрактной мысли выступают в разных значениях: префиксы «мета-», «транс-», «гипер-», «сверх-», «над-», суффиксы «-ость» (в существительных) и «-остн» (в образованных от них прилагательных). Суффиксальные образования носят более органический характер, более сращены с основой и корнем слова, отсюда их известное преимущество перед префиксом.

*Возможностное, Грамматософия, Древностное, Потенциация

ОТРИЦАТЕЛЬНО-НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ (negative-indefinite pronouns). Разряд местоимений, соединяющий свойства отрицательных и неопределенных местоимений и указывающий на расчленимость небытия, его конкретные формы и признаки. Эти местоимения позволяют описывать в деталях тот «дворец небытия», о котором говорил один из основоположников даосизма Чжуан-цзы: мир пустот, зияний, «ничтоностей».

Среди местоимений выделяются два разряда:

Отрицательные, с частицей ни-: *ничто, никто, никакой, никак, никогда, ни-где, нигуда...*

Неопределенные, с частицами кое-, -то, -либо, -нибудь: *что-то, кое-что, кто-нибудь, кое-как, как-то, какой-то, когда-нибудь, где-либо, куда-нибудь...*

Возможен, однако, гибрид этих двух разрядов, обозначающий многообразные формы пустоты, небытия. При образовании отрицательно-неопределенных местоимений соединяются те частицы, которые используются в отрицательных и неопределенных местоимениях.

никто-то (somenobody), *никто-нибудь*, *никто-либо*, *кое-никто*
ничто-то (somenothing), *ничто-нибудь*, *ничто-либо*, *кое-ничто*
никакой-то (somenone), *никакой-нибудь*, *никакой-либо*, *кое-никакой*
никак-нибудь (somenowise, in someno way), *никогда-нибудь*, *нигде-нибудь*
(somenowhere), *никуда-нибудь*
кое-никак (somenowise, in somenoway), *кое-никогда*, *кое-нигде* (somenowhere),
кое-никуда

Все эти отрицательно-неопределенные местоимения указывают на формы небытия: субъекты, объекты, качества, время, место, которые характеризуются своим отсутствием. Они параллельны местоимениям «что-то», «кое-что», «кто-либо», «кое-кто», «какой-то», «какой-нибудь» и другим неопределенным местоимениям, указывающим на конкретные, хотя и неопределенные признаки бытия.

Как говорит Лао-цзы («Дао Дэ Цзин», 11), использование колеса или здания зависит от пустоты между спицами или стенами, а значит, пустота имеет разные способы проявления. У небытия есть свои различительные признаки, внутренние подразделения, формообразующие свойства, которые и обозначаются сложением частиц: *кое-ничто*, *ничто-то*, *ничто-либо*...

«У меня есть кое-ничто вам сказать». Это значит, что мне нечего вам сказать, но это ничто, эта пауза наполнена для не-говорящего вполне определенным смыслом.

«Как поживаешь? — Да *кое-никак*, суеты много, результат нулевой». Если заменить «*кое-никак*» на «*кое-как*» или на «*никак*», получились бы иные смыслы. «*Кое-как*» — еле-еле, через пень-колоду. «*Никак*» — вообще ничего не происходит, говорить не о чем. «*Кое-никак*» — самое диалектическое из определений: вроде бы *ничего* не происходит, но именно в форме чего-то не-происходящего.

«*Когда замуж выйдешь?* — *А никогда-нибудь*». Здесь могло бы быть «*никогда*» (отрицательное местоимение) или «*когда-нибудь*» (неопределенное), но «*никогда-нибудь*» (отрицательно-неопределенное) имеет только ему свойственный смысл: вообще-то я замуж вряд ли выйду, но момент этого «не-действия», «не-события» откладывается на неопределенное будущее. Может, *кое-никто* еще и встретится на моем пути.

Введение *отрицательно-неопределенных местоимений* в язык равносильно введению операций с отрицательными числами в математике. Отрицательные числа так же можно складывать, вычитать, умножать, делить, как и натуральные, положительные, они образуют свое расчлененное множество. Также и с философской точки зрения одно *ничто-либо* отличается от другого, их можно сравнивать. *Никакой-то* цвет абсолютной тьмы отличается от *никакого-то* цвета абсолютного сияния или *никакого-то* цвета вылинявшей одежды.

Небытие — это не абстракция, оно столь же конкретно, как бытие, и, например, небытие жар-птицы, круглого квадрата и третьего полюса (кроме северного

и южного) отличаются друг от друга не меньше, чем формы бытия птицы, квадрата и полюса.

*Грамматософия, *Ирреалия*, Минус-система, *Нега-*, Не-небытие, *Пустоты*

К теории пустот // Ж-л «Переход». М., лето 2012. С. 96–105.

Двойное небытие и мужество быть: К философии неустойчивого вакуума // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 28–43.

ПАРОНИМИЗМ, ПАРОНИМИСТИКА (paronymism; от греч. *para*, возле, рядом + *опута*, имя). Литературный жанр, обыгрывающий паронимы и разницу их значений. Паронимы — слова, схожие по звучанию, близкие по произношению, лексико-грамматической принадлежности и по родству корней, но имеющие разное лексическое значение (их называют «ложными братьями»). Игра паронимов приводит к сближению и одновременно отталкиванию смыслов, что придает остроту мысли и завершенность высказыванию. *Паронимизм* — разновидность каламбура и афоризма.

Примеры паронимизмов:

Чем больше мудреешь, тем меньше мудришь.

В нем была дерзость, но не было дерзания: он мог нагрубить начальству, но робел перед всяким новым начинанием.

Зло чаще всего причиняется без всякой злости, по легкомыслию или равнодушию.

Народ слишком терпелив и недостаточно терпим. Он нетерпим к иным мнениям и обычаям, но терпелив к гнету и несправии.

Вместо суверенной демократии была построена *суеверная*: демос поверил в магию сильной руки.

Игра с порохом кончается прахом.

Он всегда удерживался на той грани, где жесткость еще не переходит в жестокость.

Он ее полюбил безответно, а она с ним обошлась безответственно.

*Афористический квадрат, Оксюморон, Омоантонимы, Синантонимы

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (performative linguistics). Лингвистика, которая не только изучает язык, но дополняет и обновляет его в самом процессе описания и моделирования: анализ переходит в **синтез языка*. Акт описания системы становится *перформативным*, то есть осуществляет то, что описывает, демонстрирует новую возможность этой системы, раньше еще не реализованную. Дескриптивная лингвистика исследует наличные явления языка, перформативная лингвистика учреждает само бытие этих явлений, то есть выступает как действие в сфере языка.

Если мы пытаемся системно описать значение приставки «о», то приходится учитывать не только наличные слова: но и все возможности образования глаголов с этой приставкой: *округлить*, *озвучить*, *осетить*, *оглаголить*, *остоличить*, *обуютить*, *ореальить*, *осюжетить*... Необходимо брать весь сверхряд таких

образований, включая и актуальные, и потенциальные его члены; а тем самым и выявлять эти потенции, превращать их в неологизмы, в новые элементы лексической системы языка. То же самое относится, например, к системе причастий, где выявляются потенциально наличные, лексически и морфологически мотивированные причастия будущего времени (*сделающий, сумеющий, увидящий, найдущий*).

Такова задача перформативной лингвистики, исследующей систему языка и одновременно демонстрирующей возможности этой системы путем практических новообразований, которые, в свою очередь, могут быть усвоены языком, найти применение в речи. Описанное как элемент в системе языка, слово или грамматическая форма занимает свое место в этой системе. В отличие от дескриптивной (констативной) лингвистики, которая рассматривает устоявшуюся структуру языка (норму, узус), перформативная лингвистика генерирует элементы языка самим актом их описания. Проективная лингвистика исследует систему языка и проецирует ее на норму, на узус в целях их расширения и наиболее полной реализации системных возможностей языка в речевых актах его носителей.

*Импликосфера, Конструктивная аномалия, Причастия будущего времени, *Проективная лингвистика, Проективный словарь, Семиургия, Трансформация, Языковедство Творчество*. С. 225–290.

ПРАГМЕМА (pragmete; от лат. pragma, дело). Лексическая единица, сочетающая предметное (референтное) и оценочное значения и служащая инструментом идеологического дискурса (**идеологический язык*).

Прагматика — раздел лингвистики, изучающий способы использования языковых знаков. На уровне лексики можно выделить три класса слов, различных по способам их использования. К первому классу относятся слова, прямое значение которых ничего не предопределяет в отношении говорящих к обозначаемым ими явлениям: «дом», «книга», «смотреть» и т.п. Ко второму классу относятся слова, выражающие оценку, однако не указывается, к какому явлению она относится: «хороший», «плохой», «полезный» и т.п. В словах третьего класса, *прагмемах*, предметное и оценочное значения предстают склеенными, жестко связанными. Например, слово «сборище» означает «собрание людей» и вместе с тем выражает его отрицательную оценку, выраженную в словарях пометой «неодобрительное». Слова «миролюбие» и «примиренчество» выражают позитивную и негативную оценку одного явления — стремления к миру (см. **конверсивы*). В словарных определениях этих и подобных слов обычно присутствуют как предметные, так и оценочные компоненты, причем последние могут записываться по-разному: либо в виде словарной пометы («презрительное», «пренебрежительное», «почтительное», «высокое» и пр.), либо в составе самой словарной статьи, в виде оценочных слов, входящих в дефиницию («ложный», «мнимый», «порочный», «полезный», «прогрессивный», «научный», «революционный» и пр.).

Сравним два определения в толковом словаре С. Ожегова:

- *«Пособник (неодобр.). Помощник в дурных, преступных действиях».*
- *«Сподвижник (высок). Тот, кто участвует как чей-н. помощник в деятельности на к.-л. поприще, соратник».*

Указанные слова, имея одинаковое референтное значение, выражают противоположное отношение говорящего к явлению, нейтрально обозначаемому в определении словом «помощник». Очевидная идеологическая отмеченность слов «пособник» и «сподвижник» обусловлена тем, что в их значении предметный (референтный) компонент «помощник» неотделим от оценочных компонентов «высокий», «дурной» и пр. Прагмемы — слова, оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность, так сказать, «самозначимые» слова, не просто называющие явление, но и нечто сообщающие о нем. Так, слово «сговор» можно перифразировать как «соглашение с дурной, преступной целью»; «прокламировать» — как «провозглашать нечто ложное, несбыточное»; «бодрячество» — как «ложная, надутая, наигранная бодрость». Каждое из этих слов потенциально несет в себе целое суждение, объект которого — явление, обозначенное словом, а «предикат» — выраженная им оценка.

Прагмемы наиболее автономны в коммуникативном плане — они вбирают контекст, или прагматическую ситуацию, в ядро своего лексического содержания, в силу чего могут употребляться как законченные суждения о том, что они сами обозначают. Такие идеологически заряженные слова (идеологемы), как «объективизм», «идеализм», «примиренчество», «самоуправство», «сговор», «матерый», «пособник», «смыкаться» — с одной стороны, «объективность», «материализм», «миролюбие», «почин», «содружество», «сподвижник», «сплываться» — с другой, могут сами по себе играть роль законченных коммуникативных единиц. Слово «ярлык» (тоже прагмема), которым иногда обозначается самостоятельное коммуникативное употребление прагмем, удачно характеризует их важное свойство: скрепленность, сцепленность, связанность в прагмеме оценочного и предметного значений, которые в других классах слов предстают несвязанными, свободно приобретаются или утрачиваются в различных контекстах.

Класс прагмем исключительно широко представлен в лексике советской эпохи и вообще характерен для синтетического строя русского языка. Обычно под синтетизмом лингвистика понимает объединение в пределах одного слова нескольких морфем: собственно лексических, несущих основное значение слова, — и формантов, указывающих на грамматическую категорию: часть речи, падеж, род, спряжение, лицо и т.п. (В аналитических языках, таких как английский, грамматические категории выражаются отдельно от лексических: либо самостоятельными словами, артиклями, предлогами, либо порядком слов и синтаксической структурой предложения.) На другом, уже не морфологическом, а семантическом уровне, синтетический строй русского языка проявляется в том, что предметное значение слова оказывается неотделимым от оценочного, семантика от прагматики. Сравнивая русский и французский языки, В. Г. Как приходит к выводу: «Нейтральные французские слова имеют русские эквиваленты с отчетливо отрицательными или положительными экспрессивными оттенками... Очень часто одно стилистически нейтральное французское слово находит параллель в нескольких русских словах с различными стилистическими качествами (негативное, позитивное, нейтральное)»¹. Например, французское слово *entente* лишено экспрессивного оттенка, но может быть передано по-русски несколько-

¹ Как В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977. С. 99.

ми словами с разными оценочными значениями: положительное — «согласие», отрицательное — «сговор», нейтральное — «соглашение». Французское *fameux* имеет по крайней мере три русских эквивалента: позитивный — «знаменитый», негативный — «пресловутый» и нейтральный — «известный». Здесь оценочный компонент внедрен в лексическое значение русского слова, тогда как во французском должен составить отдельную лексическую единицу.

Идеологическая функция слова близка магической, заклинательной. Такие прагмемы, *слова-ярлыки*, как «сговор» или «сборище», «пособник» или «сподвижник», «миролюбие» или «примиренчество», «согласие» или «соглашательство», не столько называют явление, сколько колдуют над ним, совершают магический акт его возвышения или снижения, приказывают ему быть или не быть. В советском идеоязыке «Ленин» — это слово-заклинание, потому что оно не только указывает на индивида Владимира Ульянова, но и приписывает ему такие свойства, как «вождь всех трудящихся», «величайший гений», «самый человечный человек». «Кулак» — это слово-заклинание: оно не только указывает на зажиточного крестьянина, но требует его уничтожения. Слова «интернационалист» и «космополит» или «патриот» и «шовинист» — тоже «синтетические», причем они указывают на одно и то же явление, только дают ему две разные клички, действуют как «приворот» и «отворот» (**конверсия*).

*Идеологическая тетрада, *Идеологический язык*, Конверсия оценочная

Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX-го века. М.: Изд-во ИНИОН, 1988. С. 167–216.

Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

Ирония. С. 255–269.

Relativistic. P. 1–94.

Future, 62. P. 104–109.

ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ (future participles). Форма причастий, которая существует в русском языке вопреки правилам нормативных грамматик и учебников. Действительные причастия будущего времени образуются от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов -ущ-(-ющ-), -ащ-(-ящ-): *сделать* — *сделающий*, *суметь* — *сумеющий*, *успеть* — *успеющий*, *увидеть* — *увидящий*, *прочитать* — *прочитающий*, *пожелать* — *пожелающий*. Они употребляются в классической и современной литературе и особенно широко — в Интернете. «Буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, *не предъявляющий* никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно» (Н. Гоголь). «Я мог бы привести здесь сотни отрывков из книг Грина, *взволнующих* каждого» (К. Паустовский). Эти причастия позволяют характеризовать лицо или предмет через действие, которое они совершат в будущем. «Бедный критик, ни одного рассказа не написавший и не *напишущий*, — каково ему критиковать великих! А профессия обязывает».

В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1618) указывалось, что в церковнославянском языке и действительные, и страдательные причастия имеют формы будущего времени («*достигнувший*, *достижимый*, *заменяющий*, *заменяемый*»). Вадим Шершеневич провозглашал в своем манифесте 1920 года: «Необходимо, наконец,

создать причастие будущего по принципу: *придущий, увидящий, проишумящий*». Причастия будущего времени органичны для русского языка, и только консервативная лингвистическая мораль мешает пользоваться ими. Самое простое и эффективное, что можно сделать для развития языка, — это освободить его от искусственных запретов, легализовать то, что язык никогда не прекращал делать «исподтишка». Одна из назревших перемен в грамматическом законодательстве — признание причастий будущего времени.

*Лингводизайн, Проективная лингвистика, Проективный словарь
Дар. 25.12.2000.

Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2007. С. 259–266.

ПРОЕКТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (projective linguistics, linguistic planning, transformative linguistics). Лингвистика, проектирующая пути развития языка и активно воздействующая на его становление. Проективная лингвистика — это деятельность по развитию языка, ведущая ко все более полному выявлению его структурных и смысловых возможностей, расширению его лексической, грамматической, концептуальной системы. У этого направления в лингвистике есть ряд отчасти пересекающихся названий: *лингводизайн, *синтез языка, лингвоконструирование (conlang), лингвопроектирование, лингвостроение, лингвоинженерия, плановая лингвистика, лингвистические технологии, творческая филология, лингвистическое творчество, лингво-арт, языкотворчество, *языководство.

Язык не представляет собой законченную данность, и в нем нет раз и навсегда достигнутого идеала. По словам В. Гумбольдта, «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)»¹. Лингвистика не просто изучает язык объективно или подчиняет его заранее установленной норме, но участвует в том, что Н. В. Крушевский назвал «вечным творчеством языка». Проективность, в отличие от нормативности, направлена в будущее, открытое всем возможностям языка, которые будут реализовываться при участии нашем и наших потомков.

Выделяются разные виды и области проективной лингвистики:

интерлингвистика, создание искусственных международных языков, типа эсперанто;

лингвистика программных, компьютерных, специальных дисциплинарных языков, которые создаются путем плановых профессиональных конвенций;

*семиургия, создание новых слов, идиом, грамматических конструкций в естественных языках, таких как русский или английский.

По мысли А. М. Пешковского, языковеды «готовы забыть, что они непрестанные творцы того же самого процесса, который наблюдают... Лингвист... не только расценивает, но сплошь и рядом активной проповедью вмешивается в процесс языковой эволюции»². Его профессиональное знание и понимание

¹ Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 70.

² Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Гос. уч.-пед. изд., 1959. С. 60–61.

языка нельзя строго отделить от его сознательного участия в языковом процессе. Языковедение, как теория языка, перерастает в столь же профессиональную, теоретически мотивированную практику, проективную работу над языком, в то, что В. Хлебников назвал *языководством. По словам Кирилла Горбачевича, главного редактора «Большого академического словаря русского языка» в 30 томах, «в будущем неизмеримо возрастет сознательное управление языком. Если уже сейчас пишут об экологии языка, то недалеко время, когда специальные комитеты дизайнеров-языковедов будут заниматься изобретением и внедрением новых слов и наименований, причем не только рациональных и экономических, но и удовлетворяющих вкусам новых поколений»¹.

Проективная точка зрения, исходящая не из нормы и не из данности языка, а из потребностей его системного развития, наименее представлена в спектре современных взглядов на язык. Именно поэтому язык как динамическая система более всего в ней нуждается: это работа по усилению системных начал в языке. Работа и теоретическая, и практическая: каждый акт описания системы становится *перформативным*, то есть осуществляет то, что описывает, демонстрирует новую возможность самой этой системы, раньше еще не реализованную. Например, если мы пытаемся не фактуально, но системно описать значение лексических единиц, образованных сочетанием междометия и существительного, то приходится учитывать не только наличие таких слов, как «ура-патриотизм», но и *возможности* регулярного образования по той же модели: «увы-патриотизм» (скорбный, горький), «ай-люли-патриотизм» (сентиментальный, душещипательный), «чур-патриотизм» (охранительный, консервативный), «бла-бла-патриотизм» (риторический, декларативный)... Необходимо брать весь свехряд таких образований, включая и актуальные, и потенциальные его члены; а тем самым и выявлять эти потенции, превращать их в **протологизмы* и неологизмы, в новые элементы лексической системы языка. Такова задача проективной лингвистики, исследующей систему языка и одновременно демонстрирующей возможности этой системы путем практических новообразований, которые в свою очередь могут быть усвоены языком, найти применение в речи. *Проективность* лингвистики по отношению к языку дополняется ее *перформативностью* по отношению к собственным речевым актам, которые из дескриптивных становятся перформативными (**перформативная лингвистика*).

Задача проективной лингвистики — «развязать» язык, вывести его из оцепенения «нормы» и способствовать саморазвитию его системы. Чем системнее язык, тем свободнее он в своих творческих воплощениях. По мысли Вильгельма фон Гумбольдта, основоположника языкознания как самостоятельной дисциплины, «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли». «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное»². Чем больше проективной деятельности в языке, чем больше

¹ Горбачевич К. Дано ли нам предугадать (О будущем русского языка) // Русистика. Берлин, 1990. № 2. С. 70–80. <http://www.philology.ru/linguistics2/gorbachevich-90.htm>

² Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 70.

создается проективных словарей, тем больше язык становится тем, чем он призван быть: выражением творческого духа народа.

**Импликосфера, Конструктивная аномалия, Креатема, Лингводизайн, Лингвомутация, Перформативная лингвистика, Потенциация, Проективность, Проективный словарь, Морфемы прыгающие, Семиургия, Синтез языка, Трансдисциплины, Трансформация, Языковедство* Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 192–207.

О творческом потенциале русского языка: Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. С. 193–207.

Русский язык: система и свобода // Новый журнал (Нью-Йорк). № 250. 2008. С. 229–256.

О проективном подходе к языку // Философские науки. 2010. № 10. С. 94–111.

Русский язык: проективный подход // Russian Literature. Vol. 69. Issues 2–4. 2011. P. 393–421. *Творчество*. С. 227–259.

Transformative. P. 95–115.

ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ (projective dictionary, predictionary). Словарь новых слов (**протологизмов*), предназначенных для расширения лексико-семантической и морфологической системы языка и впервые предлагаемых для употребления. Традиционные словари, в том числе словари *неологизмов*, уже вошедших в употребление, отстают от реального состояния языка, тогда как проективный словарь носит опережающий характер. Если традиционный словарь подводит итог бытованию слова в языке, то в проективном словаре жизнь слова только начинается. Отсюда новое слово может перейти в тексты других авторов, стать фактом языка, — а может остаться в словаре.

К традиционному словарю (дескриптивному) обращаются за пояснением слов, уже существующих в языке и использованных в ранее опубликованных текстах. Здесь действует система отсылок «текст — словарь — текст». Статья в проективном словаре отправляет не к какому-то конкретному тексту, поскольку данное слово раньше не использовалось, а к системе языка в целом. Здесь действует связь: «словарь — язык — возможный текст» — то есть текст, написанный на основе проективного словаря, с учетом того слова, которое словарь вводит в язык.

Проективный словарь — крайне редкий жанр. Самый развернутый опыт проективного словаря в русской лексикографии — «Дар слова. Проективный лексикон русского языка». Словарь издается Михаилом Эпштейном с 17 апреля 2000 года в виде электронной рассылки, у которой около 6000 подписчиков; вышло уже 425 выпусков, в которых опубликовано около 3000 слов¹. Основная тема «Дара слова» — искусство создания новых слов и понятий, пути обновления лексики и грамматики русского языка, развитие корневой системы, расширение моделей словообразования. «Дар слова» — это словарь лексических, грамматических и концептуальных возможностей русского языка, перспектив его развития в XXI веке. У него есть черты не только толкового, но и идеографического словаря, тезауруса. Слова даются словообразовательными и тематическими гнездами, с толкованиями и примерами употребления, с мотивировкой их введения в язык через анализ существующей лексической системы и ее пробелов.

¹ Заглавные страницы «Дара слова»: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>
<http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>

Словарная статья в Проективном словаре включает три опорных элемента: *новое слово; определение его значения; примеры употребления в речи*. Наряду с этим в статью вводятся и другие элементы: *классификационный*, показывающий, к каким грамматическим категориям относится данное слово; *историко-этимологический* и *мотивационный*, объясняющий возможность и необходимость введения данного слова в язык.

У каждого предлагаемого слова есть по крайней мере три задачи, условно говоря, (1) минимум, (2) медиум и (3) максимум.

1. Указать на некоторое насущное понятие или явление, еще лексически не обозначенное в языке. Это задача *аналитическая*: выявление лакун, смысловых пустот и попытка их заполнения.

Далее — двойная *эстетическая, творческая* задача:

2а. Предложить такое слово, которое могло бы восприниматься как самостоятельное произведение в жанре *однословия*: чтобы у слова была своя интрига, свой лексический и/или грамматический сюжет, смысловой поворот, выразительность, неожиданный и вместе с тем обоснованный подбор составляющих элементов (морфем) и т.д. Важна и точность в определении значения, в частности размежевание синонимов, а также убедительность, разнообразие, стилевая пластичность речевых примеров.

2б. *Речевой пример*, или *речение*, — это тоже самостоятельный словесный жанр, причем наиважнейший, хотя и совершенно не изученный. Именно по речевым примерам, приводимым в школьных учебниках на то или иное правило, мы осваиваем письменный язык, его словопроизводительные и словосочетательные модели, которые потом откладываются в памяти на всю жизнь и регулируют нашу речевую деятельность. Эта двойная задача — *эстетическая*: создать слово и речевые примеры, которые отвечали бы критериям самостоятельного произведения в данных мини-жанрах словесности.

3. Наконец, наиболее трудная *коммуникативная* задача, точнее намерение и надежда: создать такое слово, которое могло бы с пользой применяться другими говорящими и пишущими, а в конечном счете — войти в язык, вплоть до забвения авторства, растворения в народной речи.

В Проективном словаре предлагаются слова, термины, понятия, которые могут войти во всеобщее употребление и стать знаками новых идей, научных теорий, художественных движений, стилей жизни и мышления... «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», — в данном случае тютчевское высказывание следует понимать буквально. Языку ничего нельзя навязать, но можно нечто предложить — в надежде, что не все предложенное будет отвергнуто.

Впервые термин «проективный словарь» появился в заглавии еженедельной электронной рассылки М. Эпштейна «Дар слова. Проективный словарь русского языка». Первый проективный словарь на русском языке как отдельное книжное издание вышел в ноябре 2003 года: Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / Предисл. М. Н. Эпштейна; послесл. Г. Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.¹

¹ В словаре 165 статей 11 авторов. Электронная (неполная) версия этого словаря — на сайте журнала «Топос» (выпуски 1–46). <http://www.topos.ru/article/4238>

В англоязычной лексикографии имеются следующие опыты проективных словарей:

Gelett Burgess. *Burgess Unabridged: A New Dictionary of Words You Have Always Needed*, 1914. 100 слов американского писателя-юмориста и художника-иллюстратора (1866–1951), из которых два, «blurb» (краткая аннотация на обложке книги) и «bromide» (бромид, скучный, банальный человек), укоренились в английском языке.

In a Word. A Harper's Magazine Dictionary of Words That Don't Exist But Ought To / Ed. by Jack Hitt. New York: Laurel, 1992. Слова, предложенные для введения в английский язык примерно 300 известными современными американскими писателями, учеными, журналистами, бизнесменами.

Faith Popcorn and Adam Hanft. *Dictionary of the Future. The words, terms and trends that define the way we'll live, work and talk*. New York: Hyperion, 2001. Футурологический словарь, в котором авторы, наряду с уже известными, предлагают и свои термины для социальных, технических, культурных и пр. тенденций ближайшего будущего.

Mikhail Epstein. *PreDictionary: Experiments in Verbal Creativity*. New York: Franc-Tireur USA, 2011. 141 p.

Mikhail Epstein. *PreDictionary: An Exploration of Blank Spaces in Language*. San Francisco: Atelos, 2011. 155 p.

«Предречник» М. Эпштейна вышел двумя изданиями в США в 2011 году. Некоторые протологизмы из этого словаря уже вошли в английский язык, используются на тысячах сетевых страниц: dunch, cerebrity, happicle, lovedom, protologism, predictionary, videocracy, transculture.

Это не словари неологизмов, ранее уже использованных, — таких словарей насчитывается гораздо больше, — а именно *проективные* словари, которые *впервые* представляют новые слова читателям.

С середины 1980-х годов в США получил распространение жанр юмористических неологизмов, слов-каламбуров, обозначающих какие-то мелкие, смешные явления повседневной жизни, в сопровождении кратких определений. Такие лексические новинки часто называются «sniglets», буквально «хиханьки»; другой возможный перевод — «подковырки». Их запустил в массовое сознание популярный комик Рич Хол (Rich Hall), выпустивший серию книжек «Sniglets». Знаменитый писатель-фантаст Даглас Адамс (Douglas Adams) прославился и как «подковырщик» своей книгой «The Meaning of Liff» («Смысл жизни»).

Подробнее о Проективном словаре — в вводных разделах данного издания.

**Импликосфера, Логопозья, Однословие, Перформативная лингвистика, Проективная лингвистика, Проективность, Протологизм, Семиургия, Синтез языка, Футурологизм Дар (425 выпусков, 2000–2016).*

Неология. С. 1031–1076.

PreDictionary. P. 1–155.

Transformative. P. 95–115.

ПРОТОЛОГИЗМ (protologism; от греч. protos, первый, начальный + logos, слово). Новое слово, впервые предлагаемое его автором для употребления, еще не нашедшее применения у других авторов, не закрепившееся в качестве неологизма.

Протологизм — сознательный продукт языкового творчества, зародыш слова как лексической единицы языка; он создается для обозначения нового явления, для заполнения пробела в лексической и понятийной системе языка. В отличие от неологизмов, уже зафиксированных в языке, хотя и воспринимаемых как новые слова, протологизм — это слово в процессе его появления и предъявления (устного или письменного). Протологизм становится неологизмом, если входит в употребление, начинает использоваться иными авторами, нежели его сочинитель. Причем важно, чтобы этим словом пользовались не в виде цитаты из сочинений данного автора, а в раскавыченном виде. Когда же словом на протяжении ряда лет пользуются сотни и тысячи людей, оно перестает быть неологизмом и становится лексической единицей языка, уже не отмеченной по признаку новизны. Собрание протологизмов образует **проективный словарь*.

**Логопозья, Однословие, Проективный словарь, Семиургия, Синтез языка*

Типы новых слов: Опыт классификации // Gramma.ru. 23–25.12.20061.

PreDictionary: An Exploration of Blank Spaces in Language. San Francisco: Atelos, 2011.

PreDictionary: Experiments in Verbal Creativity. New York: Franc-Tireur USA, 2011.

СЕМИОКРАТИЯ (semiocrasy; греч. sema, знак + kratos, власть). Власть знаков, утверждающих свое полное тождество с обозначаемым. Ф. де Соссюр сформулировал постулат о том, что означающее и означаемое в языке связаны между собой произвольно. Между словом «стол» и действительным столом нет никакого тождества или сходства. Расстояние между означающим и означаемым есть пространство возможностей. Насилие над языком приводит к тому, что значение слов отождествляется с означаемым, то есть приобретает характер утвердительный или повелительный. Такой фетишизм языка свойствен тоталитарным режимам, которые рассматривают означающее и означаемое как нечто цельное, абсолютно тождественное. Слова получают функцию заклинания предметного мира. Устанавливается семиократия — царство безусловных знаков, якобы неотличимых от обозначаемой реальности. Борьба с семиократией — это прежде всего демонстрация условности знаков. В критической рефлексии о тоталитаризме его идеологемы («социализм», «партия», «народ» и т.п.) выводятся из тождества с реальностью, их значения лишаются презумпции актуального существования и рассматриваются как условные, идеологически сконструированные.

**Идеологический язык, Концептуализм, Прагмема*

Ирония. С. 255–269.

СЕМИОМАНИЯ (semiomania; греч. sema, знак + mania, безумие, одержимость). Представление о тотальной, предустановленной значимости любого явления, поиск во всем тайных значений, намеков, улик. Одно из проявлений семиомании — конспирология, трактующая ход истории как результат заговора группы лиц. Для некоторых художественных и интеллектуальных движений, таких как символизм, психоанализ, структурализм, концептуализм, деконструкция, харак-

¹ <http://www.gramma.ru/KOL/?id=1.31>

терна «герменевтика подозрения», настойчивое стремление интерпретировать все аспекты реальности и поведения как знаковые.

**Семиократия*

СЕМИУРГИКА (semiurgics). Раздел семиотики, изучающий процессы создания новых знаков и введения их в язык. Если *семиургия* — это деятельность по созданию новых знаков, то *семиургика* — это наука о создании новых знаков, один из основных разделов семиотики. В семиотике обычно выделяются три раздела: семантика (отношение знака к значению и означаемому), синтактика (отношение между знаками) и прагматика (отношение между знаками и пользователями). Семиургика — четвертый раздел, посвященный созданию новых знаков, то есть отношению между знаками и отсутствием таковых, семиотическим нулем, знаковым вакуумом.

В языкознании есть раздел «словообразование» («дериватология»), который изучает способы образования существующих слов, но как раздел более широкой области, *семиургики*, мог бы разрабатывать и технологию создания новых. Вообще у филологии и семиургики много общих интересов. Социально-конструктивная роль филологии состоит в том, что она не просто изучает слова, но и расширяет языковой запас культуры, меняет ее знаковый генофонд, манеру мыслить и действовать.

Семиургия как практика и семиургика как теория знакообразования могут координировать разные области наук, искусств, массовых коммуникаций, информационных технологий, связанные с созданием новых знаков.

*Проективная лингвистика, *Семиургия*, Синтез языка

Однословие как литературный жанр // *Континент*. № 104. 2000. С. 279–313.

PreDictionary. P. 21–31, 137–155.

Transformative. P. 95–115.

СЕМИУРГИЯ (semiurgy; греч. sema, знак + ergon, работа). Знакотворчество, деятельность по созданию новых знаков и введению их в язык¹. Есть три вида деятельности в области знаков: *знакосочетательная*, *знакоописательная* и *знакосозидательная*. Подавляющее большинство всего написанного и сказанного относится к первому виду. И поэт, и государственный деятель, и пьяный болтун — все они по-своему связывают слова, хотя число этих слов и способы их сочетания в литературе, политике, просторечии весьма различны. Грамматики, словари, лингвистические исследования и учебники, где описываются слова и законы их сочетания, принадлежат ко второму виду знаковой деятельности, описательному. Это уже не язык первого, объектного уровня, а то, что называют метаязыком, язык второго порядка.

Третий вид — самый редкий: это не сочетание и не описание знаков, уже существующих в языке, а введение в него новых знаков: знакотворчество, *семиургия*.

¹ Слово «семиургия» изредка употребляется у Жана Бодрийера (начиная с «Системы объектов», 1968) и в постмодерной теории коммуникации — в общем значении «знаковая деятельность», «продукция и размножение знаков», куда включается всякая семиотическая деятельность, в том числе знакосочетательная и знакоописательная.

Это часть более широкой дисциплины конструирования или трансформации языка — *проективной лингвистики, лингводизайна, лингвоинженерии*. Есть интерлингвистика, которая изучает способы создания искусственных международных языков. Есть лингвистика программных, компьютерных, специальных дисциплинарных языков, которые создаются путем плановых профессиональных конвенций. Но знакотворчество имеет место и в естественных языках, таких как русский. К семиургии относятся многие словотворческие элементы словаря В. Даля, значительная часть творчества В. Хлебникова, А. Белого, В. Маяковского, И. Северянина. В англоязычной литературе — В. Шекспир (который ввел в английский язык около 2000 слов), Л. Кэрролл, Дж. Джойс («Поминки по Финнегану»). Этот третий вид знаковой деятельности наименее изучен в семиотике и лингвистике.

Один из самых распространенных мифов: новые слова появляются по воле самого языка, их творит народ. На самом деле, слова всегда кем-то индивидуально создаются, произносятся или пишутся впервые. У народа нет единого рта, чтобы произнести новое слово, или единой руки, чтобы его записать. Конечно, слово начинает жить, входит в состав языка, только если оно услышано и принято языковой средой. Процесс усвоения и распространения слова коллективен, но акт его сотворения, первого употребления индивидуален. Об этом свидетельствуют данные об авторских неологизмах, среди которых есть и ставшие привычными, общенародными слова, такие как «предмет», «сущность», «мощность»... По оценке языковедов, «именно таким индивидуально-авторским образованиям язык обязан существованием огромного количества слов»¹. М. В. Ломоносов ввел такие слова, как «маятник», «насос», «притяжение», «созвездие», «рудник», «чертеж»; Н. М. Карамзин — «промышленность», «влюбленность», «рассеянность», «трогательный», «будущность», «общественность», «человечность», «общепользительный», «достижимый», «усовершенствовать». От А. Шишкова — слова «баснословие» и «лицедей», от Ф. Достоевского — «штушеваться», от К. Брюллова — «отсебятина», от В. Хлебникова — «ладомир», от И. Северянина — «бездарь», от А. Солженицына — «образованщина»...

Из слов, вошедших в язык, лишь единицы сохранили имена своих создателей (в основном писателей и ученых). Однако благодаря Интернету с языком происходит такая же трансформация, как с литературой — благодаря письменности. Подрываются фольклорные основания языка, и он переходит в область индивидуального творчества. Когда-то не было и индивидуального литературного творчества, песня и сказка передавались из уст в уста; с возникновением письменности появились и авторы литературных произведений. Точно так же и с переходом к электронной словесности *завершается анонимная, фольклорная эпоха в жизни языка*, у слов появится все больше индивидуальных создателей. До появления Интернета трудно было проследить истоки новых слов, зафиксировать, кто их впервые стал употреблять и в каком значении. Интернет делает возможным и мгновенное распространение нового слова в массовой аудитории, его успешность легко проследить по растущему числу употреблений.

Собственно, только с Интернетом возникает возможность *системного знакотворчества*, которое сверяет свои создания с уже наличным запасом знаков.

¹ История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века / Ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1981. С. 159.

Писателю или мыслителю для работы теперь достаточно заглянуть во всемирную сеть, чтобы найти почти все уже когда-либо изреченное и написанное и проверить степень новизны своих знакообразований. *Знакотворца*, неологиста интересует не то, что в сети уже есть, а то, чего еще нет. Для изобретения новых знаков и концептов, для парадигмальных сдвигов в мышлении, для создания новых жанров и дисциплин автору-«парадигмейстеру» нужно соотносить себя со всем наличным знанием, вербально представленным в Интернете.

Отдельная область семиургии — «брендинг» и «нейминг», создание новых товарных знаков (словесных, изобразительных, звуковых) для идентификации фирм, компаний и повышения рыночной эффективности товаров.

Можно предвидеть, что со временем деятельность порождения новых знаков будет занимать все большее место в творческих областях культуры, по сравнению с деятельностью сочетания наличных знаков. По мере того как множатся и ускоряются электронные способы обработки информации, работа по сочетанию языковых знаков постепенно «автоматизируется», не только технически, но и эстетически, интеллектуально, — утрачивает свою уникальную человеческую ценность, силу острающего и удивляющего воздействия, какой раньше обладали литература и философия. Остранение языка происходит все больше посредством не сочетания старых, но порождения новых знаков, каких еще не было в языке. *Знакодатели* (sign-givers) со временем будут играть в обществе не меньшую роль, чем законодатели. Это два дополнительных вида деятельности, потому что закон подчиняет всех общей необходимости самоограничения, а новый знак создает для каждого новую возможность самовыражения.

Знакотворчество и словотворчество — это не просто создание новых знаков и слов, но и акт смыслообразования, мыслетворчества. С каждым новым словом появляется и новый смысл и возможность нового понимания и действия в культуре. Особую роль *знакообразование* играет в философии, которая занята поиском таких терминов, концептов, категорий, которые освобождали бы мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Язык Платона, Канта, Гегеля, Ницше, Хайдеггера богат новообразованиями, которые выражают самые фундаментальные категории их мысли, не вместившиеся в наличный словарь их времени («идея», «вещь-в-себе», «снятие», «сверхчеловек», «временение»). Философия создает новые значимости и, соответственно, новые термины, подобно тому как экономика создает новые товары и стоимости. Семиургия есть неотъемлемая часть философского и вообще гуманитарного творчества, свидетельством чему является данный проективный словарь (см. Введение). Необходима и соответствующая наука, которая занималась бы методами создания новых знаков, — *семиургика.

**Проективная лингвистика, Концептивизм, Однословие, Потенциация, Протологизм, Семиургика, Синтез языка, Текстоника*

Неология. С. 1031–1076.

Знак. С. 652–664.

Humanities. P. 95–115.

СИЛЕНТЕМА, или **МОЛК** (silenteme; от англ. silence, молчание). Значимая единица молчания, аналогичная фонеме, морфеме, лексеме и другим единицам плана выражения в лингвистике и семиотике. Силентемы в своей простейшей форме —

кратчайшие смыслонаполненные паузы между единицами речи. Однако силентема не сводится к паузе, то есть временной остановке звучания, разрывающей поток речи. Молчание, в форме умолчания, утаивания, сокрытия смысла, воздержания от выражения, может присутствовать и внутри речевого потока, так что понятие *молка* шире паузы и не совпадает с акустическим отсутствием членораздельных звуков. «Молк» — это не природное, а знаковое явление. «*Перемолкнуться*» — обменяться знаками молчания.

**Силентика*, как наука о молчании, обладает своими методами квантификации. «Квантом» молчания может считаться единица информации, намеренно сокрытая, невыговоренная в контексте данного акта коммуникации. Множественность таких единиц, например содержащихся в безмолвии Иисуса в ответ на речь Великого Инквизитора у Достоевского, может служить показателем смыслонасыщенности молчания.

Разные уровни и градации *силентем* образуют иерархию: силентемы межзвуковые, межсловесные, межфразовые, межтекстуальные, ситуативные, биографические, психологические, политические, эстетические, метафизические, религиозные и пр.

*« », *Молчание, Силентика*

СИЛЕНТИКА (silentics; англ. silence, молчание), или **САЙЛЕНТОЛОГИЯ** (silentology). Наука о паузах, о формах умолчания и замалчивания, о единицах молчания, формирующих речь и определяющих глубину ее подтекста, переносных значений. У речи есть «свое иное» — **молчание*, которое может стать самостоятельным предметом исследования, включающего множественные дисциплинарные подходы: фонетику, грамматику, семиотику, эстетику, этику, социологию, психологию, теологию молчания. «Кто познал ум человека безмолвствующего?» (Иоанн Лествичник). Все эти подходы объединяются *силентикой*.

В отличие от тишины, как простого отсутствия звуков, молчание интенционально и смыслонаполненно. Молчать может только говорящее существо, и молчание как минус-знак вписано в систему языковых значений. По-разному молчат бьющий и избиваемый, победитель и побежденный. «Каждый язык — это особое уравнение между тем, что сообщается, и тем, что умалчивается. Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое» (Х. Ортега-и-Гассет)¹. Силентика изучает области молчания (силентности) в каждой эпохе, нации, определенном бытовом укладе, считая, что это не менее глубоко характеризует своеобычность каждой культуры, чем то, что она выговаривает.

Особенно велика роль силентики в изучении художественной словесности. По М. Бахтину, «создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ... От лица писателя ничего нельзя сказать... Поэтому первичный автор облекается в молчание»². Художественная словесность — область *означенного молчания*. В отличие от обыденного слова,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 345.

² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 353.

которому соответствуют определенные вещи или поступки («принеси стакан», «купи хлеба», «я пойду в кино»), художественное слово лишено прямых означаемых. В этом отличие просто пишущего от писателя, мастера письма. По мысли Андрея Битова, «литература работает не со словом, а с молчанием, с немотой. Невыраженное, невыразимое — что есть верный признак его, как не отсутствие слов? Подлинный писатель никогда не умеет писать»¹. С этой точки зрения писатель создает *подтекст* или *затекст* — область молчания внутри текста, освобождая его от лишних слов, подобно тому как скульптор, по выражению О. Родена, вызволяет изваяние из толщи камня.

*« », *Молчание, Силентема*
Слово. С. 14–18, 179–181.
Ирония. С. 247–283, 363–364.

СИНАНТОНИМЫ (synantonyms; синоним + антоним). Антонимы, ставшие синонимами. Слово «истовый», пришедшее из старославянского, означало «истинный, разумный, настоящий». Как его антоним возникло слово «неистовый»: «неистинный, неразумный, помешанный, буйный, исступленный». Но поскольку истинную веру в России было принято исповедовать исступленно, с рвением и пылом, значения этих слов постепенно уравнились. «Истовая вера» теперь значит примерно то же, что «неистовая вера», то есть ее истинность и неистинность нейтрализуются качеством исступленности. «Предельный» и «беспредельный» также синантонимы, поскольку обозначают высшую степень качества или интенсивность действия («предельное усилие» — «беспредельное усилие»). В 2008–2009 годах слово «антикризисный» стало *синантонимом* «кризисного». *Антикризисные цены, диета, меню, плакаты, анекдоты, тесты, политика, совещания, меры, мероприятия, решения* и т.п. Во всех этих словосочетаниях «кризисный» легко подставляется на место «антикризисного», не меняя смысла. Превращение антонимов в синонимы, образование синантонимов — одно из проявлений амбивалентности, к которой тяготеют язык и ментальность в России: крайности сходятся.

Синантонимы и **омоантонимы* — два соотносимых и обратимых типа лексем. Если синантонимы — две антонимичные лексемы со сходным значением, то омоантонимы — это омонимичные лексемы с противоположными значениями.

*Амби-, Оксюмороним, *Омоантонимы*
Дар. 15.2.2009².

СЛОВО (word). Единица языка, формально трудная для выделения, центральная для лингвосферы и соотносимая с человеком как центром универсума. В лингвистике «слово» — понятие-пария, признанное многими специалистами ненаучным, неопределимым, остатком синкретически-мифологических представлений о языке, как в психологии таким же понятием-парией стала «душа», а в философии — «мудрость».

¹ Битов А. Разные дни человека // Литературная газета. 1987, 22 июля. № 30. С. 6.

² <http://grammar.ru/RUS/?id=14.85>

Многие лингвисты избегают понятия «слово», принимая в качестве основного понятия минимально значимую единицу языка (морфему, или «монему», в терминологии А. Мартине) либо автономное синтаксическое образование (словосочетание, «синтаксическая молекула» Ш. Балли). Согласно Э. Сепиру, слово представляет лишь «формальную единицу речи», выделенную пробелами, и выполняет либо функцию морфемы (служебные, «грамматические» слова), либо функцию предложения (слова знаменательные), либо совмещает обе функции, соединяя грамматику и семантику. Вместе с тем Э. Сепир утверждает: «Корневые и грамматические элементы языка, абстрагируемые от реальности речи, соответствуют концептуальному миру науки, абстрагированному от реальности опыта, а слово, наличная единица живой речи, соответствует единицам действительно воспринимаемого опыта, миру истории и искусства»¹. К сходному выводу приходит М. В. Панов: слово представляет собой смысловое единство, части которого так же не разлагаются на значения составляющих его морфем, как фразеологизмы не разлагаются на значения составляющих слов².

Л. Ельмслев, Р. Барт и Б. Потье, под разными теоретическими углами, выдвигали на место слова категорию «лексия», которая может быть простой («конь»), составной («конь-огонь») и сложной («скакать на коне»). Как замечают авторы влиятельного аналитического словаря «Семиотика и язык» А.-Ж. Греймас и Ж. Курте (в статье «Слово»), «не добившись успеха в определении этого термина, лингвисты много раз пытались исключить его из своего словаря и круга забот. Но всякий раз оно возвращалось в новом одеянии и заново поднимало все те же вопросы»³.

Слово занимает центральное место в иерархии языковых единиц, которая насчитывает пять основных ступеней:

- 1) фонема, звук как смысловоразличительный элемент языковой системы;
- 2) морфема, минимальная значимая часть слова;
- 3) **слово**;
- 4) предложение — совокупность слов, содержащих одно сообщение (мысль, высказывание);
- 5) текст — последовательность предложений, образующих одно произведение, целостный акт авторского самовыражения и речевой коммуникации.

Возможны и более дробные деления — например, между фонемой и морфемой ставят «морфы» (варианты, или составляющие единицы морфемы), а между словом и предложением — словосочетания. Но если расширить иерархию языковых единиц до семи уровней, слово все равно займет в ней срединное место. Фонемы и морфемы — микроединицы языка, предложение и текст — макроединицы, а слово — то, *по отношению к чему определяется их масштаб*.

Точно так же масштабы микромира (частицы, атомы, молекулы) и макромира (звезды, галактики, метагалактики) определяются их отношением к человеку: «микро» — то, что меньше человека, «макро» — то, что больше. Слово — *наи-*

¹ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. А. Е. Кибрика. М.: ИГ «Прогресс»; «Универс», 1993. С. 49.

² Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 79, 114.

³ Greimas A. J., Courtès J. Semiotics and Language. An Analytical Dictionary / Trans. by Larry Grist et al. Bloomington: Indiana University Press, 1979. P. 373. См. там же статью «Lexia», p. 173–174.

большая единица языкового *микромира*, в котором срastaются смыслоразличительные элементы-морфемы, и *наименьшая* единица языкового *макромира*, в котором слова свободно сочетаются в тексты различной длины. Положение слова в мире символических величин равнозначно положению человека в мире физических величин: середина и точка отсчета. Не исключено, что существуют общие закономерности сложения таких иерархий: от фонемы до текста, от кварка до вселенной, от клетки до биосферы (организм посередине).

Объяснить лингвистически «словность» языка так же трудно, как и объяснить физически существование срединного, «человечески обжитого» мира среди микро- и макромиров, среди атомов и галактик. Для этого требуется ввести антропный принцип в физику, как и «словный» (*логосный*) принцип в лингвистику, допустив, что все эти мельчайшие и крупнейшие единицы суть лишь условные проекции слова как первичной реальности, расчлняя которую, мы получаем морфемы и фонемы, а сочетая которые, получаем предложения и тексты. Слово потому и невыводимо теоретически из других единиц и понятий языка, что сами они выводятся из слова как первичной данности языка.

По наблюдению В. Г. Гака, «попытки замены понятия “слова” другими понятиями оказываются безуспешными, так как значение понятия “слово” именно в том, что оно объединяет признаки разных аспектов языка: звукового, смыслового, грамматического»¹. Все разделы языкознания расходятся от слова и сходятся к слову, поскольку это не только научная, но и интуитивно данная, первичная категория языка, как и человек — в физической картине мира. Слово равнообъемно, равномощно миру, предназначенному для обитания человека. Отсюда древняя интуиция *первологоса*: мир сотворен Словом, и по его образу и подобию сотворен человек. Не морфемами, не фразами, не текстами, а именно Словом, которое сохраняет целостность даже тогда, когда разделяется на тысячи слов, точнее — соединяет их в себе.

Слово не просто находится посередине, но в нем встречаются нисходящий порядок смыслового членения текста и восходящий порядок смысловой интеграции звуков (фонем). С одной стороны, части слова, микроединицы языка, лишены свободы, не могут употребляться отдельно друг от друга и значимы только вместе, в составе слова. С другой стороны, собрания слов, предложения и тексты, лишены жесткой внутренней связи, их элементы могут свободно сочетаться между собой, переходить из одного сочетания в другое. Слово — *наименьшая единица языка с наибольшей внутренней связью частей*. Слово еще *морфологически цельно* (по составу) и уже *семантически свободно* (по значению).

Слово — мера связности и подвижности в структуре языка, точка пересечения координат порядка и свободы, идеальная мера *организованной анархии* самого языка. Слово — это микрокосм языка как целого, подобно тому как человек — средоточие и посредник макро- и микромиров, точка их вхождения и «погруженности» друг в друга. Как сознание человека объемлет окружающий мир, а тело объемлет миром, так слово объемлет язык, «океаном слов» — и вместе с тем объемлет его. Поэтому сколь угодно большой по объему текст, если в нем выделяется при-

¹ Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 466.

знак цельности, называется «словом» («напутственное слово», «Слово о полку Игореве», «в миг, когда дыханьем сплава в слово сплочены слова» Б. Пастернака).

Через слово макрокосм языка становится микрокосмом, свертывается в наименьшую свободную единицу. Но через слово и микрокосм языка может обратно развертываться в макрокосм. В словотворчестве внутренний морфемный состав слова может превращаться в свободно соединяемые значимые единицы. Если речь, повесть, сочинение любого жанра и размера может стать «словом», то и слово может стать «целым сочинением», произведением особого, «однословного» жанра.

* Воязыквление, Логодицея, *Логопозья*, *Однословие*, Словопонятие, Языковедство
Однословие как литературный жанр // *Континент*. № 104. 2000. С. 279–313.
Знак. С. 309–320.

СЛОВОПОНЯТИЕ (word-concept). Лексико-ментальная единица, возникающая на пересечении языка и мышления. Согласно известной концепции В. Налимова, язык состоит из дискретных единиц (фонемы, морфемы, лексемы...), тогда как мышление континуально и делит значения этих единиц до бесконечности, увеличивая объем их толкований. Однако на некоторых уровнях категории языка и мышления пересекаются, и *словопонятие* — одна из базовых единиц их общности. Такие общепринятые концепты, как «время», «знание», «любовь», «число», «культура», являются одновременно и понятиями, и словами, то есть ментальная и вербальная артикуляция этих единиц совпадает, что и приводит к словопонятию «словопонятие». Именно *словопонятия* образуют базисную единицу толковых и энциклопедических словарей.

* Логопозья, Слово

Лит: *Налимов В.* Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1974.

ТРАНСФОРМАТИВ, ТРАНСФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ (transformative, transformative utterance). Тип высказывания, которое радикально меняет сами условия речевого акта, отношение между его участниками.

Как известно, наряду с информативными высказываниями, сообщающими о некоторых фактах, о положении вещей, выделяются *перформативные* высказывания. Открытые и истолкованные Дж. Л. Остином, перформативы осуществляют те события, о которых объявляют, самим фактом такого объявления. «Провозглашаю открытыми Олимпийские игры». К этому разряду относятся клятвы, обещания, договоры.

Наряду с информативными и перформативными высказываниями можно выделить третий класс высказываний: *трансформативные*. Они трансформируют исходную коммуникативную установку (presupposition) речевого акта, сообщают об отношении говорящего к собеседнику нечто такое, что радикально меняет само это отношение. К их числу относятся признания: «Я тебя люблю», «Я больше тебя не люблю», «Я решил уйти от тебя», «Я — твой отец», «Я убил твою сестру», «Мы больше не друзья». Они меняют коммуникативные роли говорящих вплоть до противоположных. Друзья становятся любовниками или, наоборот, врагами; малознакомые люди оказываются отцом и сыном; господин и раб меняются

местами, и т.п. Знаками такой трансформации может быть прекращение знакомства, переход с «вы» на «ты» и наоборот, переход к внеязыковым способам коммуникации или дисккоммуникации (удар, драка, выстрел...).

Например, «Я тебя люблю» — это, как правило, не чисто констативное высказывание, которое сообщает о наличии такого чувства (в отличие от высказывания в третьем лице: «Иван любит Марью»). Это и не перформативное высказывание, так как оно не осуществляется актом самого говорения (в отличие, например, от провозглашаемого священником: «Объявляю вас мужем и женой»). Это трансформативное высказывание, поскольку оно не только сообщает нечто об отношении говорящего к собеседнику, но и меняет это отношение самим фактом сообщения о нем. Это момент напряженной бифуркации в эмоционально-речевой сфере: от признания в любви предполагается переход к внесловесной коммуникации — языку жестовому, тактильному (прикосновение, объятие, поцелуй) либо, в случае отрицательного ответа, разрыв коммуникации (молчание, уход, пощечина).

Трансформативами богаты сочинения Ф. Достоевского. Например, в «Преступлении и наказании» трансформативом в разговоре Раскольникова с Соней служат его слова «Погляди-ка хорошенько», вдруг открывающие Соне, кто перед ней.

«— Угадала? — прошептал он наконец.

— Господи! — вырвался ужасный вопль из груди ее»¹.

Знаком изменившихся отношений служит переход Сони на ты с Раскольниковым. Теперь перед ней — не господин студент, а преступник, отверженный, брат по несчастью:

«— Нет, нет *тебя* несчастнее никого теперь в целом свете! — воскликнула она...»

Первооткрывателем трансформативов, хотя и не в специально лингвистическом смысле, можно считать Аристотеля. В «Поэтике» он выделяет два элемента трагического действия: перипетию и узнавание:

«Перипетия — это перемена происходящего к противоположному... Так, например, в “Эдипе” вестник, пришедший с целью обрадовать Эдипа и избавить его от страха перед матерью, объяснив ему, кто он был, произвел противоположное действие».

Трансформативный речевой акт ведет к перипетии, перевороту ситуации. Причем часто это происходит благодаря узнаванию, то есть выявлению иной идентичности в говорящем либо его собеседнике. «Узнавание, как обозначает и самое слово, — это переход от незнания к знанию, или к дружбе, или вражде тех, кого судьба обрекла на счастье или несчастье. А самые лучшие узнавания те, которые соединены с перипетиями, как, например, в “Эдипе»².

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 315. Курсивом в цитатах здесь и далее выделены элементы трансформативных высказываний.

² <http://philosophy.ru/library/aristotle/poet.html>

Трансформативный тип высказывания аналогичен *совмещению перипетии и узнавания*. Высказывается нечто, что приводит к перестановке ролей говорящих и изменению типа коммуникации между ними. Так, Эдип узнает от старого пастуха, что, вопреки приказу Иокасты, тот пощадил младенца Эдипа, который впоследствии становится убийцей своего отца и мужем своей матери.

Пастух. О, горе! Страшно молвить...

Эдип. А мне страшней услышать... Говори!..

Пастух. Дитя — я помню — звали царским сыном... <...>

Когда ты тот, кем он тебя назвал,

О, царь мой, ты несчастен!..

Эдип. Горе! Горе!

Отныне мне все ясно. Свет дневной,

Погасни же в очах моих! Я проклят...

Софокл. Эдип-царь (пер. Д. Мережковского)

Изучение трансформативов имеет для философии и логики не меньшее значение, чем изучение перформативов и семантических парадоксов. В таких высказываниях, как «критянин говорит, что все критяне лжецы» (парадокс Эпименида), объект высказывания совпадает с его субъектом, что ведет к известным логическим парадоксам (если критянин прав, то он лжет). В трансформативах объект высказывания чаще всего совпадает с его адресатом: «Я жду от тебя ребенка», «Ты написал на меня донос», «Я тебя убью», «Между нами все кончено», «Все, что я говорила тебе раньше, — неправда». Именно превращение адресата сообщения в его объект, как в случае узнаваний или интимных признаний, чаще всего ведет к трансформативному эффекту, к установлению или разрыву коммуникации или изменению ее типа.

Различие между информативными и трансформативными высказываниями позволяет, в частности, определить дискурсивную разницу естественных и гуманитарных наук. Только в этих последних предмет дискурса совпадает с адресатом: сообщение производится о том классе явлений, к которым принадлежит и сам слушатель (в отличие от естественных наук, которые говорят с человеком, но не о человеке). Этим определяется трансформативный потенциал гуманитарных наук, в отличие от информативной доминанты наук о природе.

*Вит, *Контраформатив, Лингговитализм, Трансформация*

Творчество. С. 260–270.

Paradoxical Speech Acts: Transformatives and Counterformatives // Parallax (Routledge).

2015. Vol. 21. Is. 2. P. 134–142.

ФАМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЗНАКА (famic function of sign; от лат. fame, слух, молва, и от англ. fame, известность, слава). Функция самоозначивания, саморепрезентации знака, спроецированная на его означаемое как добавочная значимость, «слава». Знак, по определению, — то, что замещает нечто другое при передаче сообщения о нем. При этом обозначаемый предмет приобретает дополнительные свойства, которые выступают благодаря самому факту означивания, замещения. Знак

создает «прибавочную стоимость» своему означаемому, что в обиходе именуется *славой* или *известностью*. Если у человека, работающего на скромной должности, вдруг появляется заместитель, тем самым он сразу выходит в начальники. Всякий предмет, имеющий много знаков-заместителей, тоже выступает в роли «начальника», приобретает некую важность и неуловимость, поскольку мы гораздо чаще встречаем отсылки к нему, чем его самого.

Эту функцию знаков — увеличения ЗНАЧИМОСТИ означаемого — нельзя обнаружить ни в денотативном, ни в коннотативном плане. *Значимостную* функцию знака, сигнификантность, *significity*, можно определить как *самозначимость* знаковых отношений, как магичность самого процесса передачи информации. Например, в американской прессе стали мелькать сообщения о том, что Энди Уорхол, знаменитый основатель поп-арта, носил трусы только зеленого цвета. Очевидно, эти сообщения имеют только ту информативную ценность, что Энди Уорхол предстает в них как фигура, чье исподнее заслуживает публичного интереса: *фамическая функция* выступает здесь в своей чистоте. Когда мы читаем некое сообщение о писателе А, актере Б, политике В, то мы воспринимаем в этом сообщении еще и сам факт его передачи. Каждое сообщение содержит не только свой предмет, но и факт сообщения о нем — это принцип *самосообщаемости сообщения*. Это автореферентная функция знакового процесса: *семиозис в квадрате*, знак того, что знак произведен и передан. Причем это дополнительное значение выражается через тот же самый знак. К содержанию любого сообщения можно добавить: «оно сообщает о передаче самого себя».

Фамическая функция выделяется по аналогии с «фатической» функцией, которая давно уже выделена у актов коммуникации (от греч. *phatos*, говоримый, от *phēmi*, говорю). Как известно, фатическая функция речи — устанавливать и поддерживать сам процесс коммуникации, не позволять ему прерваться (таковы приветствия, разговоры о погоде и т.п.). *Фамическая функция* сходна с фатической в том, что обе — автореферентны. *Фамическая функция информации* — поддерживать процесс распространения информации в виде сообщений о самом акте сообщения. «Актер Б. женился, об этом сообщают “Коммерсант” и телеканал “Россия”». Возникает новый виток семиозиса — знаки знаков.

В результате у всех потребителей информации образуется не просто картина данного события, но картина, тонущая в *фамическом* излучении, в сиянии славы, то есть знаков, передающих *значимость своего означаемого*. Это совершается экономно, без всяких экспликаций (типа «это знаменитость»), поскольку знаки информации, благодаря своей дополнительной *фамической функции*, репрезентируют не только предмет, означаемое, но и самих себя. Вокруг информационно раскрытых фигур светится магический ореол чистой значимости, которую трудно перевести на язык простых означаемых. Добавляется нечто вроде бессмертия, вездесущности, «всегдасущности», то есть на предмет проецируются свойства тех знаков, которые его замещают. Поскольку знаки сохраняются на долгосрочных носителях и способны к быстрому распространению и умножению, публичная фигура становится мифической, единой во всех своих лицах: здесь, и там, и сейчас, и тогда, и потом.

Именно на такое бытие «знаковых» фигур — Пушкина, Толстого, Ленина, Гагарина — мы ориентированы с детства, именно они преподносятся нам как образцы, с которыми мы должны сверять свою жизнь. Мы окружены медиасре-

дой, с ее ореолом бессмертия и сверхзначимости. В жизни рядовых потребителей информации образуется пустота, минусность существования, поскольку точкой отсчета берется сверхзначимость, раздутая СМИ и всей информационной средой. Мы просто живем, а они *живут*. Мы женимся, а они *женятся*. Мы страдаем, а они *страдают*. Это, по сути, слова-омонимы, которые совпадают по написанию, но различаются по значению, точнее по *значимости*. *Фамическая* функция не имеет своего познавательного наполнения, она просто добавляет к знанию о людях еще и веру в их всемогущество. Слава — это мирская святость. По контрасту степень неудовлетворенности своей жизнью растет в прямой пропорции к интенсивности медиальной среды: работая на сверхзначимость одних фигур, она в такой же пропорции уменьшает значимость бесславного большинства. Все острее ощущается несправедливость в распределении символического капитала. Одним — все, другим — ничего. А ведь в информационный век символический капитал не менее значим, чем материальный, создает не меньшее ощущение богатства, могущества, полноты жизни.

Вот почему Энди Уорхол провозгласил, хотя бы и в шутку, принцип равенства символического капитала: каждый имеет право на свои 15 минут славы. Имелось в виду телевидение, но теперь, с распространением Интернета, символический капитал становится все более вседоступным — и тем более желанным. Сколько раз мое имя упоминается в инете, на каких сайтах, сколько человек записалось ко мне во френды, посещают мой блог, сколько посещений приходится на мой сайт ежесуточно, ежечасно, сколько лайков мне выставляют и т.д.? Таковы вопросы нового, демократического мироустройства в распределении символического капитала, когда какой-нибудь смысленный или острый на язык юзер может сравняться в сетевой, а значит, национальной и даже всемирной славе с иными писателями, актерами, политиками. В наше время домашняя хозяйка в аляскинской или оклахомской глуши, выстукивая на компьютере свои откровенные блоги, может стать владелицей большего символического капитала, чем актер на нью-йоркской сцене. Подобно тому как имущественный капитал все более равномерно распределялся по мере исторического развития: от рабовладельческого и феодального общества к современному капиталистическому, — так и символический капитал начинает распределяться более ровно и справедливо благодаря Интернету и виртуальным мирам, которые позволяют каждому проникнуть в сознание каждого и стирают неравенство географических и профессиональных различий.

**Информация, Семиократия, Семиомания, Скриптомания, Трасосфера*

Слава и семиосфера: Фамическая функция знака // Критика и семиотика. 2012. № 7. С. 95–99.

ФИЛОНИМ (philonum; от греч. philia, любовь, и опута, имя; ср. синоним, антоним). Ласковое обращение. Среди самых распространенных филономов: *киска, рыбка, голубка, ласточка, зайка, лапушка, детка, душечка, золотице, солнышко, ягодка...* Список филономов не может быть исчерпывающим, поскольку они постоянно обновляются. В письмах Чехова к Ольге Книппер как любовные обращения употребляются слова «собачка», «конопляночка», «таракашка», «бабуля», «балбесик мой», «лошадка моя» и даже такое, казалось бы, малопривлекательное, как «крокодил». В принципе, любое слово может ситуативно превратиться в фило-

ним, особенно под тем напряжением лирического чувства, которое мы находим, например, в стихотворении Георгия Иванова:

Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш,
Весточка, царापинка, снежинка, ручеек.
Нежности последыш, нелепости приемыш,
Кофе-чае-сахарный потерянный паек.

Имеет смысл разграничить *узуальные* (устойчивые, повторяющиеся) и *окказиональные* (однократные, случайные) филонимы. В число последних входят и чеховский «крокодил», и какая-нибудь «люлюнечка», и «мусипусикусечка», и все, что в порыве нежности способен изречь язык. Эти окказиональные обращения образуются стихийно; либо они приживаются в любовном, семейном быту, либо забываются и утрачиваются. От каждого из этих прозвищ могут вырастать свои производные в разных частях речи.

*Криптоним, *Эротонимика*
Любовь. С. 387–392.

ФУТУРОЛОГИЗМ (futurologism; буквально — «будесловие»). Разновидность неологизмов, новое слово, которое обозначает еще не существующее явление, возможное в будущем.

Традиционно в лексической системе языка выделяются два типа устаревших слов: *историзмы* и *архаизмы*, — и только один тип слов, обозначающих новые явления или по-новому обозначающих известные явления: *неологизмы*. В этой системе категорий, охватывающей слова по признаку устарелости-новизны, недостает по крайней мере одной категории: слова, которые обозначали бы не новые, а еще не существующие явления. Такие слова, которые относятся к возможному или будущему, можно назвать *футурологизмами*.

В предлагаемой классификации языковых категорий *футурологизмы* составляют один из *трех* разрядов неологизмов, то есть новых слов в широком смысле, куда входят еще два разряда: *актуализмы*, означающие новые, ранее неизвестные явления (типа «компьютер» или «нейлон»); и *экспрессизмы* — новые слова, созданные в целях художественной выразительности (типа «смехачи» и «времышы» у Хлебникова). Отношение слова и явления (означающего и означаемого) у *футурологизмов* принципиально иное, чем у актуализмов или экспрессизмов. Футурологизмы — это слова, которые *предшествуют самим явлениям, как бы опережают, а возможно и предвещают их*, формируют те понятия, из которых в свою очередь могут формироваться сами явления. Среди лексических категорий футурологизмы в какой-то степени симметричны историзмам, указывая, соответственно, на реалии, которых *еще нет или уже нет*.

Футурологизмы появлялись и раньше — некоторые из них впоследствии обрели свои реалии и вошли в широкое употребление. Таково, например, слово «робот», изобретенное братьями К. и Й. Чапеками (писателем и художником) в 1920 году; или слова «киберспейс» и «киберпанк» (cyberspace, cyberpunk), введенные американским фантастом Уильямом Гибсоном в 1984 году. Будущее последовало за

этими футурологизмами — появились роботы, киберпанки и киберпространство. Категория футурологизмов имеет важное значение для языка политики и философии, понятия которой, поначалу умозрительные, могут постепенно обретать историческую плоть, как это произошло с такими прогностическими терминами, как «утопия» и «коммунизм».

Такой посыл значений в будущее становится все более характерным для словотворчества XX–XXI веков, когда история и техника вступают в «сговор» с самыми смелыми и странными фантазиями и начинают их воплощать. Не только искусство, но и наука и техника оперируют множеством понятий, проектирующих мир будущего. Примеры современных футурологизмов из данного Словаря: **ангелоид* (существо, приобретающее в результате технической эволюции некоторые свойства, традиционно приписываемые ангелам), **виртонавтика* (навигация по трехмерным виртуальным мирам), **вочеловечение*, **креаторика*, **синтеллект*, **хронократия*...

**Кенотип*, Однословие, Проективный словарь, Протеизм, *Прото-*, *Протологизм*, Семиургия, *Футуроскопия*

Типы новых слов: футурологизм, однословие, протологизм // Русская академическая неогрфия (К 40-летию научного направления): Материалы междунар. конф. / Отв. ред.: Т. Н. Буцева, О. М. Карева. СПб., 2006. С. 180–184.

Типы новых слов: Опыт классификации // Gramma.ru. 4.12.2006.

ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАРТИНА МИРА (word frequency as a philosophical world picture). Частотный словарь — совокупный и бессознательный результат мысли всех носителей данного языка — содержит в себе ту общую картину мира, которую сознательно пытаются построить философы. Частотный словарь языка показывает, какие смыслы и отношения нужнее всего для выражения мыслей, и, следовательно, скрыто содержит в себе систему логических и эпистемологических категорий, которые должен выявить и объяснить философский анализ. Однако философы практически никогда не прибегают к столь внушительному объективному свидетельству, предпочитая собственные логические умозаключения, которые, как правило, расходятся от одного автора к другому. Философы спорят о том, что первично: материя или сознание, свобода или необходимость, личность или история? Одни считают важнейшим и первоначальным понятие духа, другие — воли, третьи — существования, четвертые — бытия, пятые — мышления... А что думает об этом сам словарь? Что стоит на первом месте в языке, то в первую очередь определяет картину мира для миллионов людей.

С точки зрения языка «материя» или «сознание», «природа» или «идея», «единство» или «противоречие» — это понятия второстепенные, специальные, возникающие лишь в процессе дробления более глубоких и всеобъемлющих свойств мироздания. Согласно «Частотному словарю русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М.: Русский язык, 1977), слово «материя» делит места с 2172 по 2202 по частоте употребления в русском языке со словами «самовар», «конференция», «партизан» и др. Таким образом, по свидетельству языка понятие «материя» примерно столь же важно для объяснения мироустройства, как понятия «самовар» или «партизан», — вывод, неутешительный для материалистов. К огорчению спиритуалистов, металексема «дух — духовный» отмечена примерно таким же

или даже чуть более низким рангом. Еще одно важнейшее понятие, положенное в основу многих философских систем, — это «бытие» или «существование». Онтология как учение о бытии является центральным разделом таких значительных философий, как гегелевская и хайдеггеровская. Но язык легко обходится без утверждений о бытии или небытии того или иного предмета и обсуждает его конкретные свойства, не прибегая к «экзистенциальным» суждениям. «Быть» — важное, но не основное слово: в русском языке оно занимает по частоте шестое место, в английском — второе, во французском — четвертое. Другие категории, например «разум» и «познание» (у рационалистов), «чувство» и «ощущение» (у сенсуалистов), «польза» и «деятельность» (у прагматиков и бихевиористов), «воля» (у Шопенгауэра), «жизнь» (у Ницше), также не входят в число основополагающих, если исходить не из систем отдельных философов, а из системы самого языка.

Более существенны понятия «я» и «ты», выдвинутые Мартином Бубером, — они принадлежат к самым употребительным в любом языке, и никакое объяснение мира не может без них обойтись. Бубер назвал местоименную пару «я — ты» «основным словом», определяющим диалогическое отношение как центральное в мироздании; частотный словарь отводит этой металексеме третье место в русском и английском языках.

Таким образом, язык отбрасывает большинство важнейших философских понятий на периферию сознания: они мало насущны для того мыслительного процесса, который ведет о мире сам язык, во всей бесчисленной совокупности своих речений. Философия пытается бороться с языком, переворачивая его естественные пропорции, ставя в центр своей речевой подсистемы какой-то периферийный элемент, малоупотребительное, а то и вовсе несуществующее, вымышленное слово, вроде гегелевского «снятия» или хайдеггеровского «временения». Эта борьба идет на пользу языку, расширяет его творческие возможности, обогащает систему значений и ассоциативных связей. Так, значение слова «вещь» в немецком, да, пожалуй, и в русском языках углублено его принципиальным употреблением в системе Канта, точно так же как слова «противоречие» и «жизнь» имеют более наполненный смысл благодаря трудам Гегеля и Ницше. И все же, как ни пытается та или иная философская система утвердить свой порядок и иерархию смыслов, победителем в этой борьбе выходит естественный язык, хранящий в сознании (или бессознательном) своего народа смысловые и ценностные приоритеты. Философия дорисовывает, поправляет, но не перечеркивает картину мироздания, которая складывается в языке на протяжении столетий.

Язык как целое — это и есть мера истинности в понимании мира. Но это понимание пребывает в бессознательном разуме целого народа или человечества, а донести его до сознания отдельной личности — это и есть дело философии, которая объясняет и толкует то, что говорит сам язык как главный «отправитель» всех сообщений. Что же есть первоначало мира? — не по мнению того или иного мыслителя, а по мнению языка, которое может мыслителем разъясняться и обосновываться, но не оспариваться?

Как правило, во главе частотных списков идут *служебные слова* (*грамматософия): артикли, предлоги, союзы, частицы, — а также местоимения и функциональные глаголы, которые имеют формальный, грамматический, модальный смысл

или вводят акты речи («быть», «мочь», «сказать», «говорить», «знать»). И только во второй полусотне начинают появляться существительные и прилагательные («год», «большой», «дело», «время», «новый», «человек», «люди», «рука», «стать», «жизнь», «видеть», «день», «хотеть»...). Приводим десять самых употребительных слов русского и английского языка, в процентах к общему числу употреблений:

4,29 в
3,63 и
1,92 не
1,73 на
1,38 я
1,33 быть
1,32 что
1,31 он
1,30 с (so)
1,07 а
6.18 the
4.23 is, was, be, are, 's (= is), were, been, being, 're, 'm, am
2.94 of
2.68 and
2.46 a, an
1.80 in, inside (preposition)
1.62 to (infinitive verb marker)
1.37 have, has, have, 've, 's (= has), had, having, 'd (= had)
1.27 he, him, his
1.25 it, its

Вверху частотного списка нет никаких субстанций и атрибутов, задающих — благодаря лексической конкретности — жестко обусловленную систему мышления и поведения. «Саморазвитие абсолютной идеи», «исторический материализм», «сублимация либидо», «стимул и реакция» — все эти слова можно найти лишь в самом низу частотного списка. Язык свидетельствует в пользу *служебных слов*, обозначающих те смыслы и модусы, без которых не могли бы общаться люди и не мог бы существовать мир. Все пребывает только «в» чем-то другом, через «и» присоединяется к чему-то другому, через «не» отрицается, через «на» — основывается на чем-то...

Что именно в чем находится, что с чем сочетается, что чем отрицается — это уже зависит от конкретного сообщения, а язык лишь приводит нам в услужение эти кратчайшие и «кратчайшие» словечки, которые лежат в основании всего множества сообщений, всех актов мысли. Во главе их — самые служебные из всех: артикли, не имеющие никакого собственно лексического значения, а только придающие большую или меньшую степень определенности конкретным значениям существительных.

*« », В, *Грамматософия, Тэизм*
Учение. С. 223–231.

Предлог «в» как понятие. Частотный словарь и философская картина мира // *Знак*. С. 228–253.

ЭРОТОНИМИКА (erotonymics). Лингвистика и поэтика любовного имени. Имя собственное — важнейшая фигура любовной речи, произносимая молитвенно, заклинательно, бесконечно повторяемая: *Лилёк, Лилёнок, Лилятик, Линочек, Лисятик...* (из писем Владимира Маяковского к Лиле Брик).

Эротонимика возникает на скрещении *эротологии (науки о любви) и антропонимики (науки об именах) и исследует смысловые энергии и грамматические преобразования личного имени, а также его мифическое значение в любовном дискурсе. Любовь абсолютизирует любимое и мифологизирует его имя, превращает в универсальный знак всех основополагающих смыслов, всех первосущностей. В рассказе Бунина «Грамматика любви» дается наглядный образ такой мифологизации отдельного существа и его имени. Помещик Хвощинский был одержим любовью к своей горничной; когда она безвременно умерла, он поселился в ее комнате и посвятил всю оставшуюся жизнь ее памяти. «Лушкиному влиянию приписывал буквально все, что совершалось в мире: гроза заходит — это Лушка насылает грозу, объявлена война — значит, так Лушка решила, неурожай случился — не угодили мужики Лушке...»

Язык может выражать самоцельность и самоценность любимого морфологическим умножением его имени, которое становится и нарицательным существительным, и глаголом, и прилагательным. *Иринство, иринчатый, иринствовать, по-Ирининому* — это трансморфы имени *Ирина*, то есть его производные в других частях речи и грамматических разрядах. Если в лексике есть понятие полисемии, многозначности слова, то в грамматику стоило бы ввести понятие *полиморфии*, многоформности корня. Многозначное слово имеет много значений, а полиморфный корень может производить слова в двух или нескольких частях речи. Полиморфны, по крайней мере потенциально, все имена собственные. Предельно индивидуализируя речь, личное имя вместе с тем демонстрирует в действии универсальную грамматику желания, которое хочет Всего от своего предмета и хочет сделать его Всем.

Эротонимика очерчивает новый подход к проблеме «райского языка», на котором, по преданию, говорил еще Адам и который время от времени пытаются реконструировать самые дерзкие из лингвистов, — язык до грехопадения, до смешения языков при строительстве Вавилонской башни¹. Пожалуй, единственное, что мы можем знать об этом райском языке, — то, что в нем были только *имена*, и все они были *собственные*. «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2: 19)². Если наречение имен относится ко «всякой душе живой», значит, это имена собственные, а не имена нарицательные, обозначающие разные

¹ На эту тему см. книги Умберто Эко: *Search for a Perfect Language* (Oxford: Blackwell, 1995); *Serendipities: Language and Lunacy* (San Diego; New York; London: Harcourt Brace & Co., 1999).

² Вульгата, латинский перевод Библии (IV–V вв.), указывает, что Адам назвал животных *nomibus suis* — «их собственными именами».

классы и роды существ, — про них в библейской истории творения не упомянуто. Разумеется, не исключено, что каждая живая душа в раю индивидуально представляла целый род живых существ, как впоследствии в Ноевом ковчеге, этом микро-Эдеме, было собрано «каждой твари по паре». В этом случае можно предположить, что между собственными и нарицательными именами не было разницы; например, имя Рогун, указывая на «рогатый» род живых существ, одновременно употреблялось и как личное, то есть относилось к райскому представителю данного рода. Отсюда следует, что все отношения в райском языке могли обозначаться только именами собственными и их производными: глаголами собственными, прилагательными собственными, наречиями собственными. Это был язык единичностей, в котором не было абстракций, а значит, не было и семантического насилия, принуждения единичного и особенного к чему-то общему. Бог не существовал и не разделял это свойство с другими существами и предметами, а *божествовал*. Адам — *адамствовал*.

Обычно проект воссоздания совершенного праязыка как раз и сводится к описанию набора семантических универсалий, которыми Бог якобы наградил Адама: «высокое/низкое»; «да/нет»; «мыслить/говорить»; «слово/дело» и т.д. Но в «Книге Бытия» ясно сказано, что Адам был призван давать имена «всякой душе живой», а не принципам и идеям, не родам и классам. Поэтому вернее всего представить праязык как язык имен собственных, причем все свойства предикатности, атрибутивности и т.д. были инкорпорированы в эти имена как их грамматические формы и неотделимы от этих имен в виде самостоятельных сущностей, универсалий. Можно *адамствовать* или *евствовать*, но нельзя «действовать» вообще. Райский язык давно утерян, но именно благодаря чуду своей «именовательности» он заново возникает внутри каждого «поствавилонского» языка — в особой его разновидности, в любовной речи. Это превратимость всего в личное имя, точнее, превратимость личного имени во все остальное. И если есть где-то рай для языка, то именно в непредсказуемых и всякий раз заново сказуемых именах, а не в совершенном наборе раз и навсегда установленных универсалий.

* Криптоним, *Любовь*, *Филоним*, Эдемизм, Эротология

Любовные имена: Введение в эротонику // Октябрь. 2006. № 7. С. 153–173.

Любовь. С. 370–412.

ЯЗЫКОВОДСТВО (linguistry). Дисциплина практического преобразования языка на основе его научного изучения и творческого развития. Если теоретическое языкознание можно уподобить ботанике, изучающей жизнь растений, то практическую лингвистику, *языковедство* уместно сравнить с лесоводством и садоводством, возделыванием языковой почвы и выращиванием новых древесных пород. По мысли В. Хлебникова, создателя слова «языковедство», «словотворчество не нарушает законов языка... Если современный человек населяет обедневшие воды рек тучами рыб, то языковедство дает право населить новой жизнью, вымершими или несуществующими словами, оскудевшие волны языка. Верим, что они снова заиграют жизнью, как в первые дни творения. <...> Слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами»¹.

¹ Хлебников В. Наша основа // Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 627.

Сравнение языковедства с другими практическими дисциплинами («водствами») имеет смысл, как и параллель между технологиями, возникающими на основе естественных и гуманитарных наук и преобразующими соответственно природу и культуру. Как учил Вильгельм фон Гумбольдт, язык — это не эргон (выработанное, овеществленное), а сама энергия — «совокупная духовная энергия народа, каким-то чудным колдовством заключенная в звуки»¹. Чем больше языковедение переходит в *языковедство*, тем больше язык становится тем, чем он может и призван быть: не только аккумулятором, но и генератором духовной энергии народа.

**-Водство, Лингводизайн, Проективная лингвистика, Проективный словарь, Синтез языка, Трансдисциплины*

¹ Цит. по: Радченко О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 106.

ЖИЗНЬ. ЭРОС

Аморт, любовмор
Биограмма
Биопозья
Биософия
Вит
Виталистика
Витоверификация, витофальсификация
Гуманизмализм
Живосердечие
Живоумие
Жизнь как тезаурус
Корпора и корпорус
Любовь
Обаяние
Самоочищение
Секстуальность, секстология
Симтактия
Смертствовать
Трансформация
Тривиалогия
Филофилия
Филофобия, любобоязнь
Хаптика
Хитрость желания
Эротема
Эротология
Эротосфера

АМОРТ, ЛЮБОМОР (amort; лат. amor, любовь + лат. mors, смерть, буквально любовмор). Инстинкты любви и смерти в их слиянии. Это понятие-мыслеобраз освещается учением психоанализа об амбивалентности человеческих влечений, о связи Эроса и Танатоса¹. *Аморт* и *любомор* — редкие в языке *оксюморонимы, сочетающие в себе основы с противоположным значением.

Аморт — это разрушительная страсть: желание переходит в жажду обладания и подчинения, которая в свою очередь оборачивается мучительством. Этот амбивалентный мотив прослеживается в «Идиоте» Достоевского, где *любомор* выступает в образе звероподобного Рогожина, страсть которого к Настасье Филипповне завершается ее растерзанием. Это хищное, губительное начало любви неоднократно воплощалось в лирике: «О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепости

¹ Термин «аморт» независимо создали М. Эпштейн (*amort*, Urban Dictionary, 2003), Борис Останин (книга «Белые флаги», 2004, запись 1989) и Сергей Соловьев (роман «Аморт», 2005).

страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!» (Ф. Тютчев). «Ведь каждый, кто на свете жил, / Любимых убивал, / Один — жестокостью, другой — / Отравой похвал, / Коварным поцелуем — трус, / А смелый — наповал» (Оскар Уайльд).

Аморт может выступать как проявление демонического. У Лермонтова поцелуй Демона убивает Тамару. У А. Блока могучий и страшный «любомор» властвует и над любовными порывами души, и над царством смерти — в таких циклах, как «Заклятие огнем и мраком», «Черная кровь»: «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне / Притаился, глядит... / <...> Подойди. Подползи. Я ударю — / И, как кошка, ощерись ты...»

На уровне фольклора самоморство выступает в пословичных наблюдениях: «Бьет, значит, любит». «Не бьет — не любит». Можно рассматривать такую склонность как перевернутый вариант садизма. Садист истязает, причиняет боль — и потому наслаждается. *Любомор* любит — и потому причиняет боль.

Амортализм может проявляться и в мировоззрении, в общественных движениях и умонастроениях. Коммунистическая идеология по сути *амортальна*, поскольку из любви к человечеству готова истребить значительную его часть. У А. Блока выражен парадокс самоморства, который, в разных исторических вариациях, проходит через все отношение России к Западу: «Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя, / И обливаясь черной кровью, / Она глядит, глядит, глядит в тебя / И с ненавистью, и с любовью! / <...> / Забыли вы, что в мире есть любовь, / Которая и жжет, и губит!» («Скифы»).

* *Амби-*, Амбипатия, *Двоечувствие*, *Злобро*, Любовь, Оксюмороним, Панфобия, Саморевность, *Смертствовать*, Танатализация, Хитрость желанья, Эротология
Amort // Urban Dictionary. 15.11.20031.
Любовь. С. 486–488.

БИОГРАММА (biogram; греч. bio, жизнь + греч. gram, буква). Структурная единица жизненного целого и его биографического описания. Выделяются такие биограммы, как «дружба», «одиночество», «встреча», «разлука», «учеба», «женитьба», «болезнь» и т.д. В качестве биограмм могут использоваться:

личные имена: Петя (друг детства), Таня (подруга юности), Николай Сергеевич (начальник); Пушкин, Толстой;

географические имена: Москва, где я живу; Черное море, где я отдыхал;

термины родства: мама, папа, сестра, жена;

понятия моральные и социальные: молодость, старость, честь, смелость, работа, деньги;

институты и профессии: школа, университет, государство, литература, физика;

исторические события: революция, война, коллективизация, перестройка;

пристрастия и идиосинкразии: любимые и нелюбимые цвета, запахи, блюда, буквы, цифры, фигуры...

¹ [http://www.urbandictionary.com/define.php?term=amort%20\(amor%20%2B%20mort\)](http://www.urbandictionary.com/define.php?term=amort%20(amor%20%2B%20mort))

Есть два основных способа организации биограмм: (1) *нарратив* — биограммы во временном порядке, как последовательность биографического повествования; (2) *тезаурус* — совокупность биограмм, организованных системно, как описание целостной картины жизни.

Человеческая память, особенно долгосрочная, как показали исследования И. Тулвинга и других психологов, имеет две основные разновидности. *Эпизодическая* память хранит информацию о событиях, развернутых во времени («пришел, увидел, победил»; «позавтракал, поработал, поплавал»). *Семантическая* память хранит обобщенное знание человека о себе и мире, обо всех знаках и концептах, их связях и правилах их использования («какое питание мне полезно», «фильмы каких жанров я предпочитаю», «с какими людьми мне интересно общаться» и т.д.). Соответственно и жизненное целое выстраивается памятью в двух конфигурациях: как серия эпизодов и как система биограмм.

На основе вычленения и систематизации биограмм строятся индивидуальные биографические энциклопедии (Лермонтовская, Розановская, Булгаковская и др.), а также биографические и автобиографические произведения неповествовательного, словарно-тезаурусного жанра, такие как «Энциклопедия юности» М. Эпштейна и С. Юрьенена (2009) или «Каталог» И. Кабакова и М. Эпштейна (2010).

*Вит, *Жизнь как тезаурус, Исторема, Местомиг, Психема, Событие, Судьба, Тривиалогия, Фатумология*

Жизнь как тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4. С. 47–56. *Творчество*. С. 422–423.

БИОПОЭИЯ (biopoeia; греч. bios, жизнь + poieo, делать, творить, производить). Совокупность практик, творчески преобразующих живой мир и самого человека. Многие черты роднят жизнь с поэзией. Не случайно жизнь называется «автопоэзисом» в одной из самых влиятельных ее научных теорий: так в начале 1970-х годов биологи У. Матурана и Ф. Варела охарактеризовали самопостроение, самотворение организмов как сущность жизни. Общее между нею и поэзией — язык, генетический и вербальный. Знаковые процессы идут на всех уровнях организации живого, от клеток до организмов и экосистем. Причем в языке генов, как показывают исследования по биосемиотике, есть своя синонимия, омонимия и метафорика, то есть приемы построения поэтических образов.

Гибридизация — один из нагляднейших метафорических процессов в природе, когда генетический материал разных биологических видов объединяется в одной клетке. Отсюда и *естественная генная инженерия*, так называемый *горизонтальный перенос*, когда с помощью особых вирусов переносятся гены между весьма отдаленными видами, даже между растениями и животными, — так порождаются новые виды. На основе этих переносов в ходе искусственной селекции создаются новые сорта культурных растений — это, в сущности, живые, растущие метафоры, поскольку одни растения приобретают свойства других. Чего стоят одни только поэтические названия сортов, выведенных американским селекционером Лютером Бёрбанком: айва с запахом ананаса, георгины с запахом магнолии, голубой мак, душистый георгин, ежемалина (гибрид ежевики и малины)... Технические

проявления биопозэи многообразны: от создания новых разновидностей организмов до трехмерной печати органов и их модификаций.

Персонификация сил природы, в частности наделение животных способностью речи (как в сказках и баснях) — один из древнейших приемов поэтической образности. Вспоминается образ образумленной и перевоспитанной природы у Н. Заболоцкого: «Здесь учат бабочек труду, / Ужу дают урок науки / Как делать пряжу и слюду, / Как шить перчатки или брюки. / Здесь волк с железным микроскопом / Звезду вечернюю поет, / Здесь конь с редиской и укропом / Беседы длинные ведет» (поэма «Торжество земледелия»). Сейчас такое «образумливание» — уже не только из области фантазии, оно начинает входить в практику еще одной новейшей поэзии — *зоопозэи* (zooroëia). В частности, создаются реальные возможности общения с животными (прежде всего, шимпанзе) благодаря языкам-посредникам, что может привести к новым, глубинно-диалогическим взаимоотношениям человека с миром живого¹. Поэтический прием — олицетворенный образ природы — становится в биопозэе экспериментом по ее практическому преобразению.

К биопозэе можно отнести и новые возможности общения человека с живым миром благодаря развитию *Интернета вещей*. Все вещи, наделенные компьютерными чипами, обзаведутся своими электронными адресами и правом посылать сообщения о себе, о своем состоянии, об условиях своего бытия. *Интернет растений* (internet of plants) или *Интернет деревьев* (internet of trees), рассказывающих о своем самочувствии, о течении соков, распускании почек, опадании листьев, имел бы огромную духовную ценность. Деревья делились бы с человеком своим опытом вращивания в почву и питания солнечным светом и могли бы поведать много замечательных историй — для того чтобы мы не только лучше заботились о них, но и понимали общую основу жизни людей и растений. «Учись у них — у дуба, у березы», — призывал А. Фет, и новейшая техника коммуникации могла бы этому способствовать.

К биопозэе в узком смысле можно отнести собственно поэтические опыты Ars Chimaera, искусства химер. Использование генетических и биохимических методик позволяет создавать, например, люминесцирующие растения, не имеющие никакого утилитарного назначения, но призванные воздействовать эстетически.

**Биософия, Вит, Космопозэис, Лингвомутация, Морфемы прыгающие, -Позэя, Сверхпозэия Творчество. С. 372–374.*

БИСОФИЯ (biosophy, букв. *жизнемудрие*; от греч. bio, жизнь, и sophia, мудрость). Философская дисциплина, рассматривающая общие закономерности живого в природе и культуре. В отличие от биологии, изучающей жизнь только в природе, биософия охватывает более широкий круг явлений в области духа и мысли и принадлежит **софийному* циклу дисциплин.

Глагол «жить» может употребляться и как фактический, и как оценочный. «Иван живет в Москве» — фактическое утверждение. «Я не живу, а существую». «Он какой-то неживой». «Теперь он зажил полной жизнью». Здесь «жить» значит не просто существовать, но проявлять полноту жизненных сил и преодолевать

¹ См.: Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М., 2006.

мертвое. Можно жить по факту (биологически) и при этом не жить по существу, по назначению. *Жить* в оценочном смысле — значит прибавлять к первичному факту жизни еще и творческое воздействие на нее.

Биософия имеет прямое отношение к целеполаганию личности. У человека есть потребность повысить ощутимость своей жизни, если она обретает инерцию повтора, теряет вкус и краски. Об этом размышляет герой повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». «И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгах, и так год, и два, и десять, и двадцать — и все то же. И что дальше, то мертвее».

У жизни есть способы «*ожизнивать*» себя, возрастая на несколько порядков и тем самым переступать порог природной жизни и входить в то, что называется «жизнью вечной». Отсюда биософский императив: жить так, чтобы пережить смерть. Биософия рассматривает пути духовного оживления жизни, усиления ее ощутимости и смысловой наполненности, обнаруживая тем самым свою связь с этикой, психологией, эстетикой, теологией. Так, один из основных приемов искусства — **отстранение* (представление вещей странными), цель которого — вернуть ощущение жизни, преодолеть омертвляющую узнаваемость.

Биософия имеет ряд общих тем, интересов с **виталистикой*, но стоит ближе к философско-практическому, нравственным аспектам гуманитарного мышления, к сфере жизненной **мудрости*.

**Биограмма, Виталистика, Живосердечие, Живоумие, Жизнь как тезаурус, Мудрость, Софийные дисциплины, Софионика, Судьба, Ноовитализм, Теовитализм, Техновитализм*
О живом // Звезда. 2011. № 8. С. 192–196.
Религия. С. 223–293.

ВИТ (vit; от лат. vita, жизнь). Единица **трансформации*, соотносимая с *битом* как единицей информации. Процессы трансформации и информации и их конститутивные единицы взаимосвязаны. Творческое, трансформативное мышление оперирует витаминами, парадоксальными переворотами понятий, превращающими аномалию в новую норму.

Как известно, мера информации — это вероятность события, представленного в данном сообщении. Бит (binary digit, бинарное число) — основная единица информации в вычислениях: она определяется количеством информации, которое содержит цифровое устройство или другая физическая система, существующая в одном из двух возможных состояний (0 или 1). Эти два состояния могут рассматриваться как логические значения (истина/ложь, да/нет), алгебраические знаки (+/-), состояния активности (включено/выключено) или любые другие двузначные атрибуты. Информация получена, когда становится известным значение такой переменной, 0 или 1.

Трансформация выполняется в тех же самых бинарных значениях, с одним определенным состоянием, преобразованным в другое, например переходом между 'включено' и 'выключено', 'да' и 'нет', 'истина' и 'ложь', или +/- . Единицу трансформации, по аналогии и контрасту с битом, уместно назвать *вит*. Жизнь (vita) трансформативна и самотрансформативна; как говорит одна из влиятельных биологических теорий (У. Матурана и Ф. Варела), это «аутопоэзис», самотворчество. Свойство всех живых организмов состоит не только в том, чтобы

передавать информацию, но и трансформировать ее и трансформироваться ею. Клетки не просто воспроизводят информацию, полученную от генов. В своей основе клетки больше похожи на авторов, чем на тексты, и, как показывает современная биология, эти клетки «сочиняют» организм, используя гены как набор инструментов. Живущие организмы участвуют в процессах метаболизма, роста, развития, эволюции, воспроизводства, они постоянно пересекают границы между противоположными состояниями. В ходе метаболизма, например, одни химикаты преобразуются в другие через ряд шагов, серию ферментов как инструментов; а в ферментативных реакциях одни молекулы, «субстраты», — в другие, «продукты». Жизнь, в самом широком смысле, — трансформативный процесс, в котором определенные элементы, например частицы, молекулы, факты, идеи, понятия, слова, конвертируются в другие элементы. Таким образом, вит (vit) — подходящее имя для единицы трансформации.

Информация производится через выбор 0 или 1, тогда как трансформация достигается через замену 0 на 1 или 1 на 0, то есть связывает два полюса, значения или состояния процессом перехода от одного к другому. Если мы подбрасываем монету и называем результат этого действия орлом или решкой, это — один бит информации. Если мы *переворачиваем* монету, меняем местами верх и низ, то это — единица трансформации, один вит. Чем больше витов (переходов, перестановок) в определенном событии, тем оно более значимо, динамично и ближе к процессу жизни. Чем реже и невероятнее событие, тем выше его информационная ценность. Таким же образом, величина трансформации может быть измерена невероятностью действия. Так, железнодорожные и авиационные средства сообщения обладали гораздо большим трансформативным потенциалом в эпоху их изобретения и ранних стадий развития, чем впоследствии, когда они стали стандартным транспортным средством.

Вит как единица трансформации находит соответствие и в процессах мышления, где он соотносится с категорией **смысла*. Мышление не есть нечто чуждое жизни. Напротив, это одна из самых интенсивных ее форм, относительно независимая от материи, хотя и связанная с деятельностью мозга. Мышление — трансформативная работа над понятиями и различными элементами информации. Если информация в форме знания отражает наличное состояние фактов, то мышление трансформирует их (что отличает **смысл* от значения). Мышление пересекает границу между понятиями и преобразует, переворачивает их бинарные оппозиции. Чтобы показать это, можно обойтись без сложных образцов мышления, типа формулы для преобразования массы в энергию: $E = mc^2$. Даже самый рутинный и на первый взгляд тавтологический акт мышления, вроде простейшего утверждения «Сократ — человек», тоже по сути пример трансформации, поскольку он пересекает границу между индивидуальным («Сократ») и общим («человек»).

В наше время информация становится главным капиталом общества и даже физическая вселенная рассматривается как информационный процесс. «Вселенная, в сущности, является гигантским компьютером, в котором каждый атом и каждая элементарная частица содержат биты информации...» (Сет Ллойд¹). Следующий

¹ Ллойд С. Программируя Вселенную: Квантовый компьютер и будущее науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 7.

шаг ведет от информационной к трансформационной модели вселенной. Теперь мы можем измерять количество трансформации в той же степени, в какой уже научились измерять количество информации. Современная наука может двигаться к этой цели, используя *виты* как структурные единицы жизненных и мыслительных процессов и сотрудничая с информационными и трансформационными технологиями.

Обратная виту единица, *негавит* (negavit), выступает как мера **реверсивности* и указывает на степень отклонения результатов трансформации от ее интенций и целей.

**Виталистика, Витоверификация, Интенсивность, Интересное, Креатема, Ноовитализм, Потенциация, Реверсивность, Смысл, Событие, Трансформация, Творчество*
Пауза и взрыв: 0 тайнах творчества (2) // Звезда. 2016. № 1. С. 244–259.
Творчество. С. 65–68.

ВИТАЛИСТИКА (vitalistics; от лат. vita, жизнь, vitalis, жизненный). Гуманитарная наука о жизни и о живом во всех его проявлениях. Если биология — естественно-научная дисциплина, которая изучает живое в природе, то виталистика рассматривает жизненные процессы в культуре, мышлении, творчестве. Живыми бывают не только организмы, но и мысли, поступки, характеры, произведения, отношения между людьми. Виталистика рассматривает признаки и возможности живого в его отличии от мертвого во всех сферах цивилизации. Почему одни мысли, слова и дела живут долго, а другие рано умирают или рождаются мертвыми? Что придает жизненность нашим отношениям и установкам? Эмоциональная, интеллектуальная, общественная, нравственная, духовная, творческая *жизнь* составляет предмет виталистики наряду с жизнью организмов.

Круг проблем, изучаемых виталистикой, весьма широк.

1. Жизнь природы и отношение к ней человека в разные исторические периоды, в культуре разных народов.
2. Жизнь человеческого тела и способы его восприятия и культивации в этике, эстетике, религии.
3. Духовная жизнь. Живое и мертвое в обществе и в культуре, в эмоциональной и интеллектуальной сфере.
4. Вечная жизнь как проблема религиозного, научного, художественного мировоззрения.
5. Способы репрезентации жизни, (авто)биографические методы и жанры.

Виталистика во многих проблемно-тематических аспектах пересекается с **био-софией*, но представляет более эмпирическую дисциплину, которая сотрудничает с современной наукой, в частности с биологией, физикой, информатикой, психологией, теорией искусственного интеллекта, синергетикой, теорией **хаосности*, общей теорией систем. Виталистика не связана напрямую с метафизикой *энтелехии* у Аристотеля или с биологическим учением Г. Фриша о *витализме*, но участвует в разработке нередукционистских научных концепций жизни. Одно из направлений современной виталистики — *биоцентризм* (Роберт Ланза), представление о том, что жизнь создает вселенную и, следовательно, биология имеет приоритет по сравнению с физикой в построении «теории всего».

*Биопозъя, Биософия, Вит, Витоверификация, Живосердечие, Живоумие, Ноовитализм, Теовитализм, Техновитализм, Тривиалогия
О живом // Звезда. 2011. № 8. С. 192–196.
Религия. С. 223–293.

Лит.: Robert Lanza with Bob Berman. Biocentrism: How Life and Consciousness Are the Keys to Understanding the True Nature of the Universe. Dallas (TX): Ben Bella Books, 2010.

ВИТОВЕРИФИКАЦИЯ (vitoverification; лат. *vita*, жизнь) и **ВИТОФАЛЬСИФИКАЦИЯ** (vitofalsification). Проверка теорий и практик их *жизненностью*. Обычно под верификацией понимается проверка *истинности* тех или иных суждений, идей, теорий, алгоритмов. Однако критерии жизненности и истинности не всегда совпадают. Например, текст может содержать истинное описание фактов, но при этом быть мертворожденным. *Голосовая проверка текста* выявляет, насколько он *звучит*, проникнут энергией живого голоса. Обычно повторы, трюизмы, пошлости провисают при чтении вслух, выдают себя запинками, снижением голоса, мямлящей, сбивчивой интонацией.

Витоверификация тех или иных идей и действий определяется тем, насколько они укрепляют жизненные силы человека, жизнестойкость, волю к жизни. Принцип витоверификации под разными именами был выдвинут Ницше в противовес христианству как религии духа, однако и в Евангелии как высшая ценность утверждается вечная жизнь, преодолевающая силу смерти.

Практика как критерий истинности теории не равнозначна жизненности, поскольку сама практика может быть безжизненной, разрушительной. Теория, подтвержденная практикой, как, например, марксизм, может быть подвергнута *витофальсификации*. Успехи марксизма в политических революциях и социальных преобразованиях обнаружили его враждебность жизни и привели к материальной и духовной деградации тех обществ, которые им руководствовались. Практика — это критерий воплощенности теории, но последствия этого воплощения еще должны быть оценены как жизнесоиздательные или жизнеразрушительные.

Таким образом, выстраивается последовательность трех ценностных критериев: *истинность теории — ее воплощенность в практике — ее жизненность*.

*Биософия, Вит, Виталистика, Интересное, Ноовитализм, Саморадование творца, Теовитализм, Техновитализм

ГУМАНИМАЛИЗМ (humanimalism; human + animal + ism). Гуманизм по отношению к животным; соединение гуманизма и анимализма. Проверкой истинности и жизненности всякого мировоззрения (**биоверификация*) является его отношение к Другому. Таким Другим в отношении человечества выступает мир животных. Гуманизм как любовь к человеку оказывается ущербным без анимализма, то есть любви и эмпатии к животным как ближайшим соседям человека по мирозданию. К ним можно отнести заповедь «Возлюби ближнего как самого себя», если понять ее как обращенную не только к индивидам, но и ко всему человеческому роду, чьим «ближним» оказывается мир животных. «Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их,

не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией» (слова Зосимы из «Братьев Карамазовых»).

Открытие гуманизма в русской литературе принадлежит И. Тургеневу и Н. Некрасову. Если Пушкин ввел в русскую поэзию образы домашних животных (лошадку, жучку, козла), то у Некрасова возникает лирика сострадания к ним: «Жаль бедного крестьянина, / А пуще жаль скотинушку; / Скормив запасы скудные, / Хозяин хворостиною / Прогнал ее в луга, / А что там взять? Чернехонько!» («Кому на Руси жить хорошо»). Жалость к «скотинушке» становится мерилем нравственного чувства. У Некрасова впервые намечен выход за узкие рамки межчеловеческой солидарности — к солидарности со всем живущим и чувствующим. Отношением человека к животным измеряется его человечность, в сострадании к ним преодолевается не только индивидуальный, но и коллективный, родовой эгоизм.

От Некрасова берет начало традиция «гуманизма» в русской поэзии, например в изображении лошадей: вместо гордых коней, чьи глаза мечут искры, — «плачущие кроткие глаза», «за каплей каплица по морде катится» (В. Маяковский); вместо гордо закушенных удил — «мягкие, добрые губы», берущие ухо ребенка («Мороз, Красный нос»; ср. у Б. Корнилова: «И во сне я рыженькую лошадь / В губы мягкие расцеловал»). Знаменательно, что особо нежное чувство к лошади свойственно поэтам несентиментального, подчеркнуто жесткого склада: В. Маяковский — «Хорошее отношение к лошадям», Б. Корнилов — «Лошадь», Б. Слуцкий — «Лошади в океане». Лошадь — самое трудовое, социально обремененное животное, в образе которого общество страдает собственным жертвам.

Постепенно «человеческое» все более осмысливается как часть интегральной системы ценностей, включающей все живое. Новизна анимализма 1960–1970-х годов — это прежде всего снятие ложной дилеммы прежнего мышления: или (1) превосходство человека над животными и необходимость их социализации, гуманизации, — или (2) превосходство животных над человеком и необходимость его биологизации, бестиализации. В животных становится поэтически самой насыщенной не «разумность» и не «хищность», а пугающая уязвимость. В изображении Вознесенского животные всегда предстают на грани развоплощения жизни: «человечески кричит на шоссе белка», заяц кричит, как ребенок или роженица, — «так нам смерть прорезает голос неизведанной чистоты».

Животные в гуманистическом восприятии — самая уязвимая, нежная часть мироздания. Своей чувствительностью они превосходят все другие формы жизни, кроме человека, но, в отличие от него, не защищены броней цивилизации. Поэтому в животных обнажается то ранимое, сокровенное нутро, которое человек оберегает в себе под защитными слоями культуры. Животное достойно преклонения не как сила, господствующая над человеком, а как жертва, в которой человек угадывает и свою возможную участь. Отсюда мотив святости животного в современной культуре — в нем освящается не первобытная мощь, не «зверство», а почти «ангелоподобность» существа, все более лишшающегося твердого места в реальности. У А. Парщикова в поэме «Новогодние строчки»: «лошадь, как во льду обожженная, стройней человека, апостол движения...» Лошадь на глазах одного поколения превратилась в реликтовое животное, в некое «ископаемое», запекшееся во льдах «доисторической» эры, подобно мамонту, — сознательно и неизбежно приносимое человечеством в жертву техническому прогрессу и теперь,

в своей призрачной, почти уже потусторонней «стройности», воспринимаемое как «апостол движения».

Так намечается новая перспектива в развитии гуманизма: животные как предмет ностальгической памяти или вымысла, как прекрасная и причудливая греза об исчезающем мире. Сострадание животным переходит в тоскующую, влюбленную, взволнованную память о них. По мере того как биологическая составляющая цивилизации все больше будет оттесняться техносферой, человек все больше будет чувствовать солидарность с животными как «дитя природы», отстающее от развития искусственного разума. Экология, как практическая забота о сохранении природы, сольется с **экогуманистикой* — заботой о сбережении человека. Таким образом, техническое развитие цивилизации потенциально не умаляет, а, напротив, увеличивает ценность философского и художественного гуманизма, ставит его в центр самосознания человечества, которое, как биовид, обречено делить свою судьбу с животными.

**Биопоэзия*, Биософия, Виталистика, *Космопоэзис*, Экогуманистика

Мир животных и самопознание человека (по мотивам русской поэзии XIX–XX вв.) // Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. 1986. Человек — природа — искусство. Л.: Наука, 1986. С. 126–145.

Природа. С. 97–136.

ЖИВОСЕРДЧИЕ (liveheartedness). Полнота сердечной, эмоциональной жизни, которая передается окружающим, поднимает их душевный тонус.

Живосердечие — не то же самое, что сердечность или добросердечие. Сердечный человек посочувствует, примет близко к сердцу чужие переживания. Добросердечный окажет помощь, окружит заботой и участием. Это сердечность отклика, приятия, содействия. У живосердечного человека сердце бьется с опережением, он всюду вносит жизнь, эмоционально заводит других людей, делает их внутренне подвижнее, смелее, свободнее. Причем осуществляется это не какой-то правильной идеей, призывом, важностью проекта, а просто ускоренным, увлекающим ритмом сердечной жизни, который невольно передается окружающим. Собственно, «эмоция» — это и означает «движение из» (от лат. *emovere*): она движет человеком изнутри, а затем приводит в движение других. Безо всяких целей и намерений, одним своим присутствием живосердечный повышает градус существования, «осердечивает» все вокруг.

Это свойство творческой эмоциональности не зависит от ума, веры или прочих добродетелей. Оно одинаково часто — точнее, одинаково редко — встречается среди верующих и неверующих, образованных и необразованных. Зависит от возраста: многие дети живосердечны, а потом это становится уделом очень немногих. Зависит от пола: женщины в целом живосердечнее мужчин. Недаром самый известный литературный образ живосердечия — Наташа Ростова. Трудно назвать ее «добросердечной» (княжна Марья гораздо добрее) — она именно что живая сердцем и приводящая в эмоциональное движение даже зачёрствелых или уставших от жизни людей.

*Виталистика, Двоечувствие, *Обаяние*, Чувства философские

О живом // Звезда. 2011. № 8. С. 192–196.

Тайна обаяния // Звезда. 2014. № 6. С. 216–222.

ЖИВОУМИЕ (livemindedness). Гибкость, подвижность ума, способность выходить за пределы установленных категорий, бросать вызов любой догматике, играть понятиями, демонстрируя их относительность. Живоумие видит обратную сторону вещей, ставит под сомнение претензии на абсолютную истину, подтрунивает над самим разумом.

В России ум даже очень умных людей, таких как Л. Толстой, Вл. Соловьев, Н. Федоров, П. Флоренский, порой склонен застывать в величественных и глубоких, но негибких конструкциях мысли, напирать на какие-то идеи до упора. Или, напротив, ум ведет себя очень нервно, как у Ф. Достоевского или В. Розанова, глумливо, издевательски, фельетонно, и в этой желчности тоже есть нечто неживое или нездоровое, близкое к припадку: вот-вот мысль забьется в судорогах, как у подпольного человека, опровергая «дважды два — четыре». Органически живоумным можно считать Пушкина, воспитанного на французской культуре. Мысль Пушкина грациозна, естественна, ненатужна, не зациклена на определенных понятиях; не долбит в одну точку, но легко перебегает от понятия к понятию, точным прикосновением его оживляет, расшевеливает. Маленький пример пушкинского живоумия — заметка 1830 года: «Острая шутка не есть окончательный приговор. *** сказал, что у нас есть *три* “Истории” России: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостиного двора*».

Жанры, где живоумие проявляется наиболее наглядно, — эссеистика, публицистика, критика, метапроза (metafiction). В современной словесности среди живоумных авторов можно выделить Андрея Битова, Александра Гениса, Дмитрия Быкова. Они берутся судить обо всем на свете и любят «загнуть», но так же легко и разгибают собственные загибы, оговариваются, заходят с изнанки. Живой ум находит сходство в удаленных вещах, умеет разграничивать близкие вещи, но при этом не ищет панацеи в одной теории. Живой ум не прекращает процесса мышления и не подменяет его актом обретения истины или великого прозрения, якобы посланного свыше. Живой ум умеет быть насмешливым, но при этом не впадает в обратную крайность — паясничанья, выворачивания наизнанку здравого смысла, изничтожения азбучных истин, нервного смешливого тика, злого захлеба (что бывает у Ф. Достоевского и В. Розанова).

В России сложилась сильная традиция антиинтеллектуализма, «умоборчества»: дескать, ум враждебен живой жизни и не способен ее постичь. Но где неживой ум, там и неумная жизнь. Живой, гибкий ум, не выпрямляющий понятий догматически, но и не ломающий их истерически, нужен зрелому обществу.

**Веселье мысли, Виталистика, Витоверификация, Интересное, Мыслительство, Нулевая дисциплина, Обаяние, Пластичность текста, Эссеизм*
О живом // Звезда. 2011. № 8. С. 192–196.

ЖИЗНЬ КАК ТЕЗАУРУС (life as thesaurus; греч. thesauros, сокровищница; в современном значении — всеобъемлющее собрание слов, понятий). Тезаурусный подход к индивидуальной жизни, которая раскрывается не в повествовании о ней, а в энциклопедической соотнесенности всех ее биографических элементов (**биограмм*). Тезаурусный подход отличается от *нарративной психологии* Джерома Брунера и его школы. Если нарратив — это рассказ о жизни во временной по-

следовательности ее событий, то тезаурус — это континуум всех событий жизни, одновременно предстоящих сознанию и развернутых в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест, поступков, чувств и мыслей — во всем объеме памятного бытия. Этот тезаурус включает имена и образы людей, соучастников человеческой жизни; вещи, составляющие его материальное окружение; те страны и города, где он бывал; те книги, которые он читал; те эмоциональные состояния, которые он переживал; значимые для него понятия и идеи...

Термин «тезаурус», как и «нарратив», приходит из лингвистики, и оба артикулируют жизнь как лингво-культурную конструкцию, как способ ее описания в рамках определенного языка. Такой психологический подход лингвоцентричен. Но если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус — ее *картину* и *систему*. В лингвистике «тезаурус» — это идеографический словарь, где представлены смысловые отношения между всеми лексическими единицами данного языка. Даже на уровне повседневного разговора мы порой общаемся *тезаурусно*, не столько рассказывая о чем-то, сколько перечисляя и сопоставляя элементы опыта, набрасывая сетку различительных категорий на пространство своей и чужой жизни. «Я болею за такую-то команду. А ты?» «У тебя какой любимый писатель? А у меня...» При всей своей обычности такой разговор есть, в сущности, диалог тезаурусов, как и детское: «У меня в кармане гвоздь, а у вас?» В основе — желание сопоставлять картины мира, причем выделяются общие рубрики, по которым проводится сравнение. «У меня... а у вас?» Это поиск «языка жизни», который значим для обоих собеседников.

Многие люди не умеют рассказывать истории и тем не менее расположены к саморефлексии и глубокому мирозерцательному разговору. А поскольку жизнь, согласно современной лингвоцентрической психологии, и есть способ ее описания, то сама жизнь этих людей, способ их существования, их ценностные ориентиры располагаются в пространстве тезауруса, а не во времени нарратива. Для них жизнь — постепенно растущая сумма **биограмм* — ключевых слов, понятий, образов прошедшего, но также и настоящего и будущего.

Для *тезаурусной личности* (склонной мыслить свою жизнь как тезаурус, а не нарратив) нет существенной разницы в порядке событий: любое из них воспринимается как приобретение или углубление еще одной грани опыта, как расширение тезауруса, прибавление к нему новой биограммы, что позволяет осознать судьбоносность, жизнецельную значимость каждого события. Тезаурусная личность скорее проживает свою жизнь из конца в начало, чем из начала в конец; она воспринимает все последующие события как прояснение смысла, концептуальное обобщение предыдущих событий. Здесь более значима **судьба*, а не жизнь, то есть обратный распорядок смыслов, когда каждое прошлое событие находит себе место в целостной, надвременной системе личного мира.

Среди великих литературных образцов тезаурусного самопознания — «Опыты» М. Монтеня. Порой обращают внимание на жанровое своеобразие отдельных «опытов», а не того целого, которое они образуют, а именно монтеневский *автотезаурус* (autothesaurus), своего рода *лирическую энциклопедию*. «О скорби», «О стойкости», «О дружбе», «О воспитании детей», «О запахах», «О возрасте», «О книгах» — это построенный Монтенем многогранник своей собственной жизни, отраженной в зеркалах общих понятий. Это способ рассказывать о себе

не в хронологическом, а в тематическом, идеографическом порядке. «Содержание моей книги — я сам...» — предупреждает Монтень с самого начала в обращении к читателю и в заключительном опыте «Об опыте» подтверждает: «Тот предмет, который я изучаю больше всякого иного, — это я сам». Казалось бы, если хочешь рассказать о себе, почему бы не прибегнуть к последовательному повествованию? Монтень так отвечает на это: «Я не могу вести летопись своей жизни, опираясь на свершенные мною дела: судьба назначила мне деятельность слишком ничтожную; я занимаюсь ею, опираясь на вымыслы моего воображения» («О суетности»).

Другой знаменитый образец *автотезауруса* — «Ессе Номо» Ф. Ницше (1888), где итог его жизни подведен в форме маленькой энциклопедии основных идей, написанных книг и самодефиниций. «Почему я так мудр», «Почему я так умен», «Рождение трагедии», «Веселая наука», «Почему являюсь я роком» — таковы некоторые разделы этой «*автоциклопедии*», цель которой в предисловии определяется так: «Я считаю необходимым сказать, *кто я*». «Итак, я рассказываю себе свою жизнь». Но то, что следует дальше, есть отнюдь не рассказ, а попытка охватить тезаурусно свою жизнь и мысль, ее основные темы и произведения.

Еще один пример произведения в форме тезауруса — «Фрагменты речи влюбленного» Ролана Барта. В книге раскрыт самый интимный пласт жизненного опыта, но именно поэтому его нельзя пересказать в виде историй — только в виде статей словаря: «ожидание, удивление, скитание, аскеза, катастрофа, нежность, безответность»... За каждой их этих статей стоит неизвестное нам множество событий или лиц, но оно суммируется в **биограмме*, фигуре действия или переживания, как концептуальной единице тезауруса. Это редкий пример не автобиографии, а именно автотезауруса, который перерастает в тезаурус любовного опыта всей европейской цивилизации, поскольку Барт конструирует тот язык, на котором можно одновременно описывать и страдания юного Вертера, и страдания искушенного Ролана. Распадись этот суммарный опыт на истории — исчезла бы его семантическая плотность, культурная насыщенность каждой фигуры, которая вбирает в себя множество микроисторий как из жизни самого Барта, так и из сюжетов мировой литературы. Автотезаурус как способ репрезентации жизненного опыта продуктивен в современной русской словесности (М. Эпштейн, С. Юрьенен. Энциклопедия юности. Нью-Йорк, 2009; И. Кабаков, М. Эпштейн. Каталог. Вологда, 2010).

Различие нарратива и тезауруса проявляется в дискурсивной организации целых профессиональных полей. Например, художественная словесность в целом тяготеет к нарративу, тогда как философия мыслит тезаурусно. Но при этом одни национальные литературные традиции могут вбирать в себя тезаурусные элементы больше, чем другие. Ранняя японская проза (Сэй-Сенагон, Кэнко-хоси), да и поэзия (хокку, танка) в значительной степени неповествовательна, «инвентарна»... Немецкоязычные писатели: Т. Манн, Г. Гессе, Р. Музиль — гораздо тезауруснее, чем их английские или русские современники.

Не только профессиональное, но и общественное сознание постепенно сдвигается от синтагматики к парадигматике языка культуры, о чем свидетельствует массовый читательский успех словарей и энциклопедий. Тезаурусность начинает обретать общественный престиж, чему в огромной степени способствует Интернет со своими поисковыми системами, каталогами и гипертекстами.

Можно предположить, что этот информационный сдвиг в сторону тезауруса будет дополнен и сдвигом личностного самосознания, новой ориентацией психо-биографического дискурса. Огромная часть человеческого опыта, как личного, так и социального, остается пока что неизвестной из-за преобладания нарративных приемов и неразработанности тезаурусных полей. Человек рассказывает о своей жизни, но не задумывается над языком своего рассказа, над теми понятиями, которые наиболее значимы для него. Один из важнейших вопросов: насколько тезаурусный подход может быть терапевтически продуктивным, в частности, в семейных консультациях, где составление тезауруса собственной жизни и его сопоставление с тезаурусом партнера может значительно углубить взаимопонимание? Достоинства такого подхода здесь особенно очевидны: ведь у каждого человека — своя история жизни, тогда как тезаурусные поля, смысловые классы событий и переживаний пересекаются у множества лиц, что облегчает их сопоставление. Тезаурусам разных людей, именно вследствие их «категориальной» общности, легче вступить в диалог друг с другом, чем нарративам, которые заранее не эксплицируют своей концептуальной модели и столь же прихотливо-индивидуальны по языку, как и описанные в них цепочки событий.

Если жизненный нарратив — это просто речь, код которой еще только под-лежит реконструкции со стороны исследователя, то тезаурус — это речь, демонстрирующая свой собственный код, ту концептуальную модель, которая кладется автором в основу его самосознания. Тезаурусная личность выступает не только как автор речи, но и как автор (или по крайней мере компилятор, «лексикограф») того *языка*, на котором производится эта речь, то есть самоописание здесь восходит на более высокий рефлексивный уровень. Тезаурусная личность берет на себя часть тех функций языкового самоописания, которую в отношении нарративной личности выполняет терапевт или исследователь. Первым и главным *теоретиком себя*, а значит, в какой-то степени и *терапевтом себя*, выступает сам автор тезаурусного текста, что придает последнему еще большую личностную напряженность и знаковую многослойность.

* *Биограмма*, Биософия, Виталистика, Возраст-фрактал, Микropsихология, Событие, Судьба, Фатумология

Жизнь как тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4. С. 47–56.
Творчество. С. 420–429.

КОРПОРА (ж.) и **КОРПОРУС** (м.) (corpōra, corpōrus; от лат. corpus, тело, род. п. corporis). Чувственная проекция и психообраз женского тела в мужчине и соответственно мужского тела в женщине. Термины «корпора» и «корпорус» образованы по аналогии с «анима» и «анимус» (anima, animus, лат. душа), которые у К. Юнга представляют женский архетип в психике мужчины и мужской архетип в психике женщины. Анима — бессознательный образ женщины, который живет в душе мужчины и проецируется на фигуры окружающих женщин. Но наряду с «анима» есть еще и *корпора* — *психообраз* женского тела, с которым мужское сливается в желании и наслаждении; чувственно проецируемое инополое «altra ego», женское *иное* мужской плоти, другая половина андрогина. Точно так же в теле женщины по мере полового созревания образуется ее мужское *иное*, кор-

порус, который проецируется на ее возлюбленных. Корпора и корпорус особенно сильно проявляются в тактильно-кинестетической сфере, как ощущение тепла, тяжести, упругости, гибкости, как некий осязательно-тепловой слепок другого тела, отсутствующего фактически, но психологически и фантазийно мне соприсущего, слепленного или слепляемого с моим.

Любовная близость имеет свойство формировать плоть любящих, то есть создавать из них новую двуполоую целостность. *Психофизический андрогин*, в отличие от мифического, есть не самостоятельное двуполоое существо (с двумя спинами, четырьмя руками и т.д.), но соединение корпоруса и корпоры, то есть психообразов двух тел, какими они присутствуют в системе взаимных чувственных потребностей и ориентаций. Эта связь со своим *инотелом* (*alterbody*) может действовать (односторонне или двусторонне) и на расстоянии, как в известном стихотворении И. Бродского «Ниоткуда с любовью» (1975). Влюбленный отделен от возлюбленной половиной жизни и половиной планеты, и тем не менее, «извиваясь ночью на простыне», он повторяет всем телом ее черты, то есть еще пребывает в заочном андрогинном союзе со своей корпорой.

У каждого мужчины и женщины есть свое *инотело* или *со-тело* (*co-body*), свой образ другого, который воспринимается нервами и мускулами даже в его отсутствие как «фантомная радость», «фантомное наслаждение», телесное ожидание и надежда (подобно тому как есть «фантомная боль»). При этом реальный возлюбленный находится в сложных отношениях с его психообразом, *телослепком*, порой с ним существенно не совпадая; но ирония этого несовпадения может усиливать желание. Корпора в мужчине и корпорус в женщине — это не просто инополюе архетипы телесности, но как бы «вторая плоть», растающая в первую, — со своими нервами, мускулами, ритмами, осязательными и пространственными ориентациями.

**Альтер-эгоизм, Воосязание, Любовь, Симпсихоз, Симтактия, Хитрость желания, Эротема, Эротосфера*
Любовь. С. 204–206.

ЛЮБОВЬ (love). Стремление одного существа к духовному и физическому слиянию с другим. Любовь — цельное, всезахватывающее чувство, среди составляющих которого выделяются желание, вдохновение, нежность и жалость.

В размышлениях о любви обычно выделяется два уровня: секс и эрос, или секс и любовь. Например, Н. Бердяев пишет: «Мне всегда думалось, что нужно делать различие между эросом и сексом, любовью-эросом и физиологической жизнью пола»¹. На самом деле, строение этой сферы не двух-, а по крайней мере трехступенчатое. Любовь составляет особый, высший уровень межличностных отношений, который нужно отличать и от сексуальности, и от эротики.

Если сексуальность служит средством биологического продолжения жизни в потомстве, а эротика — способом наслаждения в себе и для себя, вне репродуктивных целей, то любовь — это чувство бессмертия в том единственном от-

¹ Бердяев Н. Самопознание, гл. 2 // Бердяев Н. Эрос и личность: Философия пола и любви. М.: Прометей, 1989. С. 135.

ношении, которое соединяет двоих и делает абсолютными друг для друга, создает из них новую реальность целостного сверхсущества.

1. Пол (сексуальность) — размножение вида посредством сочетающихся индивидов.
2. Эротика — смертность индивида и его стремление стать всем для себя.
3. Любовь — бессмертие индивида и его способность стать всем для другого.

По словам Ж. Батая, «эротизм ей <обезьяне> неведом как раз постольку, поскольку ей недостает знания смерти. И напротив, из-за того что мы люди, из-за того, что мы живем в тревожном ожидании смерти, мы и знаем ожесточенное, отчаянное, буйное насилие эротизма»¹. Эротика — интенсивное, многократно усиленное волей и сознанием переживание того, что физиологически происходит в сексе. Эротика исходит из ощущения смертного «я», которое пытается продлить наслаждение, превзойти служебную функцию совокупления, замкнуть на себя то, что принадлежит роду. Соитие уже не служит инстинкту размножения, но множится и продлевает само себя. Величайшее наслаждение даруется нам актом воспроизводства себя в других, который мы превращаем в акт воспроизводства самого наслаждения. Влечение затормаживается, создается множество запретов, в свою очередь порождающих соблазны (*хитрость желания). Так вырастает область эротика, в которой скорейшая сексуальная разрядка уступает место многоступенчатой игре наслаждения, одевания и раздевания, сближения и остранения. Сознание смертности усиливает эротическую напряженность: влечение становится отчаяннее, тела теснее сплетаются, глубже проникают друг в друга на грани грядущего небытия. Таков предел эротической одержимости, подстегнутой ужасом конца.

Переход за границу эротически-смертного совершается как любовь. Эротика живет остранением и отсрочкой полового акта, игрой сближения-отдаления, но по ту сторону этой игры изредка, порой лишь раз в жизни, а порой никогда, возникает чувство абсолютной предназначенности друг для друга, такой нерасторжимости, над которой не властна даже смерть. Как эротика включает в себя сексуальность, так и любовь включает в себя эротику, но не сводится к ней. Если между сексуальностью и эротикой лежит цивилизация, обуздывающая природные инстинкты и тем самым переводящая их в соблазны, то между эротикой и любовью лежит область персонального. Игра эротических масок, отчуждений и сближений в конце концов встречает противодействие со стороны развитого чувства личности, которая хочет во всем и всегда оставаться собой. В эротике индивид утверждает себя и свое наслаждение как высшее по отношению к роду, но дальнейшее становление личности постепенно выводит ее и за пределы самой эротика. Любовь возникает из развития личности как преодоление эгоизма, или, по мысли Вл. Соловьева («Смысл любви»), как спасение «я» любящего перенесением центра его абсолютной значимости в «ты» любимого. Как цивилизация служит орудием «магического» претворения сексуальности в эротику, так индивидуальность, развившаяся в эротике, постепенно претворяет ее в любовь.

¹ Батай Ж. Слезы Эроса // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины 20 века. СПб.: МИФРИЛ, 1994. С. 278, 282.

Между эротикой и любовью — отношения взрывоопасные, что приводит порой к деэротизации любви и к распаду даже крепких союзов. Эрос ищет отчуждения и нового овладения, соблазнов, игры, уклонений, отсрочек, тогда как в любви возникает новая прямота отношений, чудо повседневной распахнутости, сплетенности, сораздельности. На совсем ином уровне любовь возвращается к простоте сексуальных отношений. Но любовное взаимопроникновение двух существ, в отличие от сексуального, может длиться нескончаемо, захватывая те же области, где происходит эротическая игра остранения: тело, одежда, слова, интересы, пристрастия, раздельное прошлое, открытое будущее. Любовь не разряжается краткой судорогой, это непрестанная со-бытийность двух личностей: что бы мы ни делали, между тобою и мною постоянно что-то происходит. Даже разлука, нечувствие, забвение становятся знаками этого любовного языка, как пробелы между словами. Возлюбленная — весь мир как система знаков, указывающих на нее: метафор, символов, аллюзий, гипербол — энциклопедия поэтических образов, антология «е» или «о ней». По словам Новалиса, «что любишь, то повсюду находишь... Возлюбленная — сокращение вселенной; вселенная — продление возлюбленной...»

Абсолютное обычно противопоставляется релятивному, но любовь абсолютна именно как *соотносительность* двух индивидуальностей. *Бесконечна сама соразмерность двух конечных существ*, их созданность друг для друга. Любовь — это пробная форма бессмертия. Именно потому, что любовь доходит до чего-то бессмертного в любимом, в ней порой возникает желание — хотя бы мгновенное — умереть вдвоем. Любовь имеет отвагу заигрывать со смертью, потому что не боится ей проиграть. Любовь — столь долгое занятие, что одной жизни для нее мало, это готовность провести вдвоем вечность.

*Аморт, Контекстные отношения, *Корпора и корпорус*, Противозовие (в этике), Равнолюбие, *Симпсихоз*, Человек, Хитрость желания, Эротема, *Эртологи*, Эротосфера
Размышления Ивана Соловьева об Эросе / Публ. М. Эпштейна // Человек. М.: Наука, 1991.
№ 1. С. 195–212.

К эстетике любви: Таланты. Жанры. Стили // Звезда. 2006. № 6. С. 209–218.

«Тайна сия велика...»: Четыре слагаемых любви // Человек. 2006. № 2. С. 82–96.

Онтология любви: Эдем в «Песни Песней» // Звезда. 2008. № 3. С. 204–216.

The five facets of love // The World Book of Love / Ed. by Leo Bormans. Tielt (Belgium): Lannoo Publishers, 2013. P. 52–55.

Пять граней любви // Частный корреспондент. 14.2.2016.

Любовь. С. 8–130, 194–214.

ОБАЯНИЕ (charm, charisma; от баять — говорить, заговаривать, колдовать). Свойство личности привлекать и завораживать полнотой и естественностью своих жизненных проявлений. Первоначально «обаяние» — словесная ворожба («баяние»), но постепенно значение слова расширилось и стало указывать на общее чарующее воздействие личности: в мимике, жестах, осанке, в манере общения.

Если красота, по И. Канту, — это форма целесообразности без цели, то обаяние — это форма жизненности без цели, жизнь, играющая сама по себе, просто потому, что она и есть для себя цель. Обычно внутри игры постоянно возникают свои цели и функции, как в спорте или театре: выиграть самому, переиграть дру-

гого, перевоплотиться в персонажа... Обаяние — это бесцельная, безотчетная игра, которая не отгораживает себя от жизни театральной сценой или футбольным полем. Это не игра во что-то или в кого-то, а игра от избытка жизни, *vita ludens*: играет не человек, а сама жизнь в нем — помимо его намерения и воли. Это и есть источник обаяния: жизнь в своей нестесненной жизненности, витальность без вето. Обаятельные личности в литературе — Наташа Ростова в «Войне и мире» Л. Толстого, Лара в «Докторе Живаго» Б. Пастернака, Веничка в «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева, «некрасивая девочка» в одноименном стихотворении Н. Заболоцкого.

Обаяние следует отличать от красоты как общеэстетической категории, которая относится и к неживой природе. Обаяние присуще только живым и притом одушевленным существам. Звезды, моря, горы, леса и дуга бывают красивы, но им нельзя приписывать обаяние, если только не персонифицировать их («это была веселая, очень обаятельная звездочка»). Однако уже в животных заметны признаки обаяния, отличные от красоты (невзрачная шустрая дворняжка может превосходить обаянием красавца добермана-пинчера). Самовыражение, свойственное всем одушевленным существам, предполагает раздвоение: на внутреннее и внешнее, на «кто» и «что». Живое, подвижное взаимоотношение между ними и есть источник обаяния. «Кто» постоянно меняет формы своего выражения и тем самым выступает как нечто невыразимое, как возможность, не воплотимая ни в какую действительность. Этим, собственно, и отличаются одушевленные существа от неодушевленных предметов: в них есть открытость невоплощенного, теплота несовершенства.

Напротив, красота в людях, если она не сопряжена с обаянием, может производить впечатление чего-то застывшего, мертвленного, как «что», заслоняющее «кого». Правильность и совершенство, которые привлекают нас в кристаллах и цветах, могут отчуждать в человеческих лицах. Противоположность обаятельной Наташе Ростовой у Л. Толстого — красавица Элен Курагина, в которой подчеркнута неподвижность, статуарность, она несет свою красоту, как маску. У нее «неизменяющаяся улыбка вполне красивой женщины». Именно потому, что красота свойственна и неживым явлениям, в человеке она может восприниматься как нечто отдельное от него самого, как предмет, который можно выставлять напоказ и использовать для манипуляции людьми. Красота, согласно И. Канту, формальна, это целесообразность, лишенная представления о цели, как, например, самодостаточна красота цветка, коралла или орнамента. Обаяние, напротив, это энергия движения, которое проявляется в разрыве и преодолении формы. Красота может сковывать окружающих, обаяние, напротив, раскрепощает, оно щедро расточает себя, ничего не ожидая взамен.

Обаяние — и в этом его общность с красотой — по ту сторону добра и зла. Оно лишено моральной окраски, может быть соблазнительным и разрушительным, как в лермонтовском Печорине или в Ставрогине Достоевского, о котором сказано: «Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен!» В них есть отрицательный магнетизм, (само)разрушительная стихия жизни, которая глубже их воли и сознания: сочетание беспредельной силы и неспособности ее приложить к чему-либо. В обаятельных людях часто поражает их никчемность, «лишность». Таковы герои фильмов «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани, «Полеты во сне

и наяву» Романа Балаяна, «Географ глобус пропил» Александра Велединского. В них привлекает игра жизненных сил без определенной цели и практического приложения.

Обаяние трудно подделать: как только им начинают пользоваться сознательно, оно приобретает отрицательную величину, отталкивает, как любое позерство. Однако есть личности, сумевшие обаять целую эпоху, породить легион подражателей, — такие, как Джордж Броммель, основатель дендизма, или Коко Шанель, Лиля Брик: обаяние было их профессией.

Обаяние — важная категория этики и вообще гуманистики, поскольку характеризует *целостное и органическое* воздействие личности, вольно или невольно влюбляющей нас в себя. Обаятельному человеку хочется подражать, иногда даже в мелочах, интонациях, словечках. Единство человеческого рода осуществляется через множество таких произвольных, почти неосознаваемых влечений, которые передаются заразительными улыбками, жестами, мимикой. Любовь к ближнему нельзя сводить к нравственной заповеди: она была бы трудно исполнима, если бы не опиралась на стихийные жизненные влечения. Любовь невозможна без влюбления, без интуитивной, ничем разумно не мотивированной нежности к другому существу.

Обаяемость, умение очаровываться — одно из тех свойств, которые в свою очередь делают нас обаятельными. Быть восприимчивым к обаянию существенно для жизненного призвания личности и ее **вочеловечения*. Передаваясь по кругу, обаяние усиливает наше чувство принадлежности человеческому роду. От вражды, гнева, обиды, насилия нас часто удерживает не чувство долга и не заповедь любви, а простое, необъяснимое, внеморальное и внерелигиозное «нечто», чему мы легче всего сдаемся, при этом не чувствуя себя побежденными: обаяние.

*Виталистика, *Вочеловечение*, Живосердечие, Живоумие, Игра, Любовь, Существоведение
Тайна обаяния // Звезда. 2014. № 6. С. 216–222.

САМООЧИЩЕНИЕ (self-cleaning, grooming). Инстинкт, направленный на отделение организма от среды и повышение его чистоты и упорядоченности по сравнению со средой. Животные посвящают грумингу значительную часть жизни, причем даже при отсутствии грязи, — это процесс самодовлеющий, чувственно самоценный и имеющий социальное измерение (взаимный или групповой груминг). Животные, как правило, тратят на груминг больше времени, когда находятся в состоянии стресса, когда им что-то угрожает. «Я себя трогаю — значит, я существую». Самоочищение может быть истолковано как первичная форма саморефлексии. Рефлексия есть самоудвоение в зеркале собственного сознания, но первичным, биологическим опытом рефлексии является совокупность мета-телесных акций, направленных на идентификацию собственного тела.

Если искать природную, инстинктивную основу культурных актов, то инстинкт очищения играет более важную роль, чем пищевой и половой, хотя последним обычно приписывается основополагающее значение (в марксизме и фрейдизме). В самоочищении животное ищет и «добывает» себя, а не чужое, как в питании и соитии. Так же и человек черпает самоцельное наслаждение в культуре, находя в ней все более тонкие средства *самоорганизации*, отличения себя от не-

себя. Если эротическое удовольствие служит целям размножения и продления человеческого рода, то *автоэротическое* удовольствие (самоосознание, самощекотка) служит цели самоочищения, фильтрации грязи, создания культуры. Другие уровни построения культуры так или иначе воспроизводят структуру груминга как способа самоорганизации. Так, мораль — это уже не очищение тела, а очищение от телесного. Гигиенически здоровое и эстетически прекрасное тело не обеспечивает чистоты души, которая требует освобождения как раз от плотских побуждений, даже тех, которые направлены на чистоту самого тела. Отсюда императив скромности, умеренности, воздержания, с которого начинается культура как таковая, выделяющая человека из состояния дикости, «варварства». Древнейший памятник афористики — египетское «Поучение Кагемни» (XXIX в. до н.э.), начало которого гласит: «Счастливым останется скромный». Благородная сдержанность как форма нравственной чистоты противопоставляется природной необузданности.

Самоочищение связано с семиотическим понятием границы. По мысли Ю. Лотмана, «функция любой границы или фильтра (от мембраны живой клетки до биосферы, которая, согласно Вернадскому, есть подобие мембраны, покрывающей нашу планету, и до границы семиосферы) состоит в том, чтобы контролировать, отфильтровывать и приспособлять внешнее к внутреннему... На уровне семиосферы она предполагает отделение «своего собственного» от «чьего-то чужого», фильтрацию того, что приходит снаружи и трактуется как текст на чужом языке, и перевод этого текста на свой собственный язык. Таким образом, внешнее пространство структурируется»¹.

Можно выделить несколько основных фильтров — этапов поступательного развития «очистительного» инстинкта, или *трансбиологического груминга* (transbiological grooming): гигиенический, экономический, социальный, эстетический, моральный, интеллектуальный, религиозный. Инстинкт самоочищения, возникнув в животной особи, ведет за пределы природы, через все сферы культурного самоутверждения человека, — к тайне *священного*, к неприкосновенной чистоте божества, перед которой он ощущает себя нечистым (понятия греха и раскаяния, искупления, воздержания как форм самоочищения).

Путь от грязного к чистому далеко не прямой, на нем возникают попятные и круговые движения, когда чистота, возникая на одном уровне человеческого бытия, допускает и даже требует загрязнения на другом. Так, Св. Катерина Сиенская, преодолевая свое отвращение к язвам больных, врачевала гнойные раны. Религиозное очищение может не только пренебрегать правилами гигиены, но и закономерно приводить к ритуальной нечистоте, так что соединение плоти с грязью должно свидетельствовать о нечистоте самой плоти, которую превозмогает аскет или святой, намеренно «запускающий» свое тело.

Именно благодаря интенсивности самоочищения человек из всех природных существ оказывается и самым чистым, и самым грязным. По сути, человека отличает от других существ не столько достигнутая чистота, сколько степень различности чистого и нечистого.

¹ Lotman Y. M. Universe of the Mind. A Semiotic Theory of Culture / Trans. by Ann Shukman. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1990. P. 140.

*Биософия, Виталистика, Остранение остранения, *Свечуждость, Тегимен, Тегименология, Упаковка*
Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры // Вопросы философии. 1997. № 5.
С. 72–79.
Тело. С. 179–192.

СЕКСТУАЛЬНОСТЬ (sexuality: sex + text) и **СЕКСТОЛОГИЯ** (sextology). Совокупность общих признаков сексуального и текстуального поведения; наука о чертах авторской личности, которые проявляются и в литературном стиле, и в интимных манерах.

Несмотря на распространенность психоаналитического подхода к художественному творчеству, практически не существует исследований о *психомоторных* свойствах личности, выражающихся в ее сексуальных и текстуальных практиках и позволяющих проводить параллели между ними. *Психомоторика* (греч. *psyche*, душа + лат. *motor*, двигатель, от *movere*, двигать) — термин психологии и физиологии, означающий совокупность двигательных актов (в том числе импульсивных), характерных для данной личности, включая сенсомоторные, идеомоторные и эмоционально-моторные акты и реакции.

Один и тот же тип движений, долготы и плавность жестов или, напротив, их поспешность, угловатость, обрывистость, может выражаться и в стиле писателя, и в манере его сексуального поведения. Многосложный синтаксис, развернутая система придаточных предложений свидетельствует об ином типе психомоторики, чем склонность к простым и коротким предложениям, к дроблению фраз, уменьшению синтаксических сегментов. Не только в стиле письма, но и в интимной жизни авторы обладают разной психомоторикой, которая выражается на всех уровнях их поведения.

Эмпирические исследования в этой области долгое время были ограничены покровом тайны, брошенным на сексуальную жизнь. Однако можно предположить, что вслед за психоанализом будут проведены и психофизические исследования на стыке сексологии и текстологии, эротики и поэтики. Это позволило бы выявить взаимозависимость, например, между средней длиной предложений в данном идиостиле и динамикой коитального поведения у его автора, между ритмическим строем стихов или прозы и ритмом пенетраций, динамикой поз и жестов. Одним из технических средств, способствующих таким исследованиям, может стать *хантография*, способ информационной записи тактильных ощущений (см. **тактильное искусство*).

Среди гипотез, подлежащих *секстологическому* изучению и проверке, — значимая корреляция между писательским перфекционизмом и тем, что можно назвать эротическим прилежанием, упорством в применении одной стратегии; между интонационной монотонностью текста — и склонностью к системе «напильника»; между стилиевой размашистостью и неряшливостью — и разбросанностью эротических жестов; между обилием черновиков и набросков, далеких от завершения, — и склонностью к прерванным актам, не доводящим до оргазма...

Представим, например, таких разных одаренных стилистов, как В. Шкловский и Ю. Олеша. Как спазматически короткие, «одышечные» или «выстрельные» абзацы Шкловского и плавно-обходительная, метафорически заторможенная стилистика

Олеши могли бы транскрибироваться в их сексуальность? Об этом нам могла бы поведать Серафима Суок, в разное время бывшая женой обоих писателей... Такие секстологические исследования приблизили бы нас к пониманию психофизиологических основ индивидуальности и могли бы оказать воздействие на развитие как филологических, так и эротологических дисциплин, а также на становление междисциплинарных областей, таких как *«поэтика соития»* (poetics of coitus) или *«психомоторика синтаксиса»* (psychomotorics of syntax).

*Корпора и корпорус, *Пластичность текста, Симтактия, Тактильное искусство, Хаптика, Эротема, Эротология, Эротосфера Любовь*. С. 216–264 (раздел «Плотское знание»).

СИМТАКТИЯ (symtactics; лат. sym/syn, вместе, слитно + лат. tactus, прикосновение; отсюда и «тактильный», осязательный, и «тактичный» в поведении, и «такт» в музыке). Ритмика соприкосновений, осязательных взаимодействий (по аналогии с «сим-фония» — созвучие). *Симтактию* можно найти в отношениях между влюбленными или между родителями и детьми, когда они ласкают друг друга в интуитивно согласованном ритме. Их соприкосновения — своего рода *тактильная музыка*. Симтактия — музыка не звуковая, а осязательная, подчиненная определенному ритму: особый род телесной синестезии, возникающий в межличностных отношениях. Интимные прикосновения могут «звучать» в такт Шопену или Чайковскому, а порою накладываются на ритм джаза или рока.

Симтактия и **секстуальность* — две области, где соматика переключается с эстетикой чисто интуитивно, бессознательно, вне профессиональной деятельности художника. Отсюда высокая потенциальная значимость исследований в этой сфере как для психологии и физиологии, так и для эстетики, искусствознания, литературоведения.

**Секстуальность и секстология, Тактильное искусство, Хаптика Дар*. Вып. 324. 31.3.2014.

СМЕРТСТВОВАТЬ (to be deathing, в отл. от to die, умирать). Пребывать в смерти, **обытийствовать* смерть как часть жизни или вечного бытия; позитивно осваивать опыт вхождения в Ничто.

В языке есть глаголы «умирать», то есть принимать смерть, и «убивать», то есть причинять смерть другому. Оба глагола обозначают переход из живого состояния в мертвое, указывают на рубеж этих состояний. Но в человеческом опыте и в религиозно-философском его осмыслении не всегда можно провести четкую границу между состояниями жизни и смерти. «Те, кто подлинно предан философии, — утверждает Сократ, — заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью» (Платон, «Федон», 64a). Иными словами, они вступают в смерть задолго до того, как умирают, они еще при жизни вбирают в себя опыт смерти, они *смертствуют*, то есть развертывают смерть как продолжительное действие, процесс самоосуществления, а не просто переходят из жизни в смерть.

Со стороны *посмертья* эту же долгую, даже вечную бытийность смерти обозначил Лао-цзы: «Тот, кто, умирая, не прекращает быть, обретает вечность» («Дао Дэ

Цзин», 33). Посвященный даос порой так и именуется: «мертвый живой человек», то есть живущий в состоянии смерти. У Сократа — смерть-внутри-жизни, у Лао-цзы — жизнь-внутри-смерти. Но в обоих случаях речь идет не о том, что человек умирает, то есть из живого становится мертвым, а о том, что он *смертствует*, то есть совершает то, что достойно *сознательно смертного* существа. Если животное не знает о своей смертности и поэтому просто умирает, то человек знает о ней и потому *смертствует*, то есть превращает ее в способ своего бытия, опыт вбирания, экзистенциального освоения и присвоения смерти.

Люди смертствуют по-разному:

- одни — своим страхом смерти и заботой о физическом выживании;
- другие — стремлением обрести посмертие в этой жизни, в творческих свершениях, земной славе, памяти потомства;
- третьи — постановкой себя в условия смерти, в опасные экстремальные ситуации, позволяющие пережить близость смерти;
- четвертые — опытом медитативного, молитвенного приготовления себя к смерти ради торжества над нею, то есть воскресения.

Так христианин соумирает Христу, принимает на себя его смерть. Яков Беме: «Я погружаюсь в смерть моего Спасителя Иисуса Христа и не отступлю от Тебя»¹. С этой точки зрения смертствовать — смертью попирает смерть. Когда предашься любви Божией, то «ты своею волею начнешь умирать себе, а она делается твоею жизнью... Таким образом, ты будешь тогда мертв себе, а жив Богу»².

В других, метафизически-атеистических контекстах «смертствовать» — значит безусловно пребывать в состоянии смерти (без воскресения). У А. Платонова смерть ощутима даже там, где о ней не идет речь, — в виде безнадежности и тоски, пронизывающей всю живую тварь, не просто обреченную на умирание, но *смертствующую* в самой жизни. Внутри каждого человека существует его собственное ничто, «мертвый брат». Именно благодаря этому всеобъемлющему чувству смертствования проза Платонова становится метафизической, выходящей за пределы физической данности. Его герои как будто не живут, а пребывают в состоянии смерти, оттого и умирание для них — это не резкий переход, а продолжение непрерывного смертного существования. Так погружается в смерть Александр Дванов на последней странице «Чевенгура» — вступая в озеро, в глубину родины, где, думается ему, покоится его отец. «Дванов понудил [лошадь] Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду — в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти...»

«Умереть» — поддаться действию смерти, «убить» — стать ее причиной или виновником, тогда как «смертствовать» — значит выйти из этого субъектно-объектного дуализма, превратить смерть из объекта («он нашел свою смерть...») или субъекта («смерть настигла его...») в постоянный, неизбывный предикат существования того, кто смертен. Человек — существо *смертное*, и он знает об

¹ Беме Я. Christosophia, или Путь к Христу. СПб.: А-CAD, 1994. С. 20.

² Там же. С. 106.

этом, — значит, он *смертствует* всегда и во всем, как бы превращая это свойство в глагол, в способ своего бытия.

*Аморт, Биософия, Танатализация
Ирония. С. 210–229.

ТРАНСФОРМАЦИЯ (transformation). Процесс радикального преобразования, переход от одного элемента оппозиции к другому, превращение аномалии в норму. Единица трансформации — **вит*, соотносимый с битом как единицей информации и также связанный с модальной категорией возможного. Мера информации — это вероятность события, представленного в данном сообщении: чем меньше вероятность, тем выше информативность (ср. **интересное*). Мера трансформации — вероятность самого события, претворяющего данный элемент в противоположный: ноль в единицу, минус в плюс, поражение в победу, слабость в силу, страдание в радость, и наоборот. Чем меньше вероятность действия, тем выше степень его трансформативности. Полет пилотируемых кораблей в космос имел гораздо более высокую трансформативную ценность в 1960-е годы, когда он граничил с невероятностью, чем в XXI веке, когда он превращается почти в рутину.

Трансформационная парадигма в современной науке вытесняет адаптивную. Раньше считалось, что адаптация, как механизм дарвиновской эволюции, господствует в природе и определяет эволюцию видов. Ныне этот взгляд отвергается многими биологами, стоящими на позициях **конструкционизма*: организм не столько приспосабливается к среде, сколько сам конструирует ее, приспосабливает к себе. По словам Р. Левонтина, «дело обстоит вовсе не так, что среда имеет свои независимые законы, а организмы открывают их, сталкиваются с ними и вынужденно к ним приспосаблиются. На самом деле, разные типы среды — это последствия того, что Маркс назвал “чувственной активностью” организмов. <...> Организмы сами построили (constructed) мир, в котором мы живем»¹. Если чувственная активность организмов создает среду по их подобию, то тем более это относится к интеллектуальной деятельности. *Адаптация — это только средство трансформации*. Сходным образом соотносятся между собой *знание*, которое адаптирует нас к фактам и обеспечивает информацию о мире, — и *мышление*, которое конструирует понятия и трансформирует мир, приспосабливая его к запросам и нуждам человека.

Совокупное информационное богатство человечества быстро растет, но еще быстрее — способность к трансформациям. Одно из самых адекватных определений мира, каким он открывается науке XXI века, — *трансформационная вселенная*, которая требует от человека соответствующего трансформативного мышления. Согласно Митио Каку, «Мы совершаем исторический переход, сначала пассивно наблюдая танец природы, а затем становясь его балетмейстерами, способными управлять жизнью, материей и интеллектом»². Отсюда вытекает необходимость

¹ Lewontin R. C. Facts and the Factitious in Natural Sciences, in *Questions of Evidence // Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines* / Ed. by James Chandler et al. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1994. P. 506.

² Kaku M. *Parallel worlds: The Science of Alternative Universes and our Future in the Cosmos*. London: Penguin, 2006. P. 361.

трансформативного, или «хореографического» подхода к природе и культуре в самых разных областях как естественно-научных, так и гуманитарных исследований. Теория, которая сама формирует свой предмет, есть *теоретическая практика*, а в сфере гуманитарного знания — **трансгуманистика, трансформативная гуманистика*, воздействующая на предметы своих исследований.

Термины «проективный» и «трансформативный» в ряде контекстов взаимозаменяемы (например, *проективная* или *трансформативная* гуманистика), но первый подчеркивает теоретический, мыслительно-предсказательный, а второй — практический аспекты преобразовательной деятельности.

* *Vit*, Конструктивная аномалия, Креатема, Мыслезнание, Потенциация, Проективность, Реверсивность, Смысл, Событие, Творчество, *Трансгуманистика, Трансдисциплины, Трансформатив*

Творчество. С. 39–43, 65–68, 112–113, 444–449, 454–455.

Humanities. P. 287–292.

ТРИВИАЛОГИЯ (trivialogy; лат. *trivium*, буквально — место пересечения трех дорог; слово стало обозначать «обыкновенное» по ассоциации с проезжим местом на перекрестке; сходного происхождения собственно русские слова «пошлое» и «избитое»). Изучение тривиального, будничной жизни, а также понятия «обыкновенное» и его проявлений в культуре. *Обыкновенное* — а не специальное, не политическое, не эстетическое, не техническое, не математическое — охватывает собой большую часть человеческой жизни. Однако не существует науки об обыкновенном — «тривиалогии» (или «*ординарики*»), которая могла бы хоть отдаленно сравниться по своему весу и значению с политэкономией, математикой, эстетикой. Только в последнее время *обыкновенное* как таковое начинает привлекать внимание гуманитарных наук.

Тривиальное не следует смешивать со способом проведения досуга. Существует множество прикладных дисциплин, научных исследований, периодических изданий, посвященных активным формам досуга — путешествиям, спорту, садоводству, кулинарии и т.д. Тривиалогия посвящена бесцельному, бесполезному, внешне пассивному времяпрепровождению. Что мы делаем, когда ничего не делаем? Каковы *минимальные* формы человеческой активности и как в них проявляется личность и человечность? Что такое повседневное, незаметное и неотмеченное, и каковы способы его осознания и описания? Глазеть в окно, бесцельно слоняться по улицам — можно ли быть мастером и знатоком этих никчемных дел? Тривиалогия — теория рутины, метафизика пустяков, шалостей, безделок и безделья.

Эпиктет учил «жить незаметно», но это вовсе не значит, что незаметное для других должно оставаться незаметным и для нас самих. Каждый человек — наилучший теоретик своей единственной жизни. Тривиалогия — приглашение каждому стать *теоретиком самого себя* и тех *единичных вещей*, которые мы избираем в спутники своей жизни. Почему один не может жить без футбола, другой — без курительной трубки, третий — без какого-нибудь камешка, игрушки, безделушки? Что означают эти *обыкновения* в жизни каждого из нас и что они прибавляют к пониманию феномена человеческого?

Тривиалогия — это *микрология повседневности*. Ее интересуют такие незаприходованные мелочи опыта, для которых нет никакой рубрики в каталогах

знания. По В. Розанову, «частная жизнь выше всего. ... Просто сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца. Ей-ей, это общее религии... Все религии пройдут, а это останется: просто сидеть на стуле и смотреть вдаль» («Уединенное», 1911). Религии, империи и другие монументальные создания человеческой воли и гения именно в силу своей крупности разваливаются. А за такими пустяками, как бесцельное ощущение себя, микроопыт **самоочищения*, — не только вечное, но и в особенности будущее, поскольку в них человеческое выявляется случайно, непредумышленно и в наименьшей степени воспроизводимо искусственным разумом. Когда-нибудь, в эпоху технической сингулярности, спросят: что такое человеческое, в чем его специфика? — и не подумают о Платоне, Гегеле, Наполеоне, потому что все интеллектуально и событийно великое уже станет содержанием философских и исторических машин. А ответом будет нечто тривиальное: касаться ладонью холодного оконного стекла или шершавой коры дерева...

Тихая жизнь как предмет тривиалогии — это, как показывает нейронаука, резерв самой долгосрочной памяти, которая раскрывается только под воздействием гипноза, физической травмы мозга или под угрозой неминуемой гибели. В своей книге «Эпилепсия и функциональная анатомия мозга» Уилдер Пенфилд показывает, что в таких самопроизвольных вспышках памяти, какие случаются перед смертью или в экстремальных ситуациях, встречаются только самые рутинные образы, вроде вечерней поливки цветов или чистки овощей. Нет ничего, связанного с большими идеями, сильными эмоциями, сексом или флиртом, сложными профессиональными задачами, принятием ответственных решений, — ничего, к чему сознание могло бы впоследствии вернуться и наслоить поздние оценки, чувства, настроения. Припоминается именно тот фон, который окружает человека в обыденной жизни, не вызывая заметного к себе отношения, та часть жизни, которая проходит мимо сознания и, как писал Пруст, «благодаря забвению сохраняется во всей своей неприкосновенности».

Задача тривиалогии — артикулировать «кванты» человеческого поведения. Безотчетная жизнь простирается в бесконечность, из нее можно зачерпнуть лишь каплю — и рассмотреть на свет ее мельчайшие формы, внесобытийный опыт, «микробы» и «вирусы» повседневного существования.

* *Биограмма*, Лирическая философия, Лирический музей, Метапрактика, *Микрометафизика*, *Микроника*, *Микropsихология*, Реалогия

Знак. С. 700–711.

Transcultural. P. 39–45, 110–112, 285–286.

Лит.: Understanding Everyday Life. Toward the Reconstruction of Sociological Knowledge, ed. by Jack D. Douglas. Chicago: Aldine Publ. Co., 1970; *Penfield W.* Epilepsy and the Functional Anatomy of the Human Brain. Little, Brown Medical Division, 1985; *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

ФИЛОФИЛИЯ (philophilia, букв. любоблюбие). Любовь к самой любви, стремление испытывать, длить, возобновлять состояние влюбленности. *Филофил*, или *люболюб*, любит не кого-то конкретно, а любовь вообще, что объясняет феномен донжуанства, потребность непрерывной смены объектов любви для поддержания свежести чувства. У творческих натур филофилия может быть источником

эмоционального подъема, «сублимации», питающей воображение и переходящей в процесс созидания.

Филофилия входит в ряд *рекурсивных* (самоподобных) **селф-эмоций*, объектом которых являются такие же эмоции.

*Любовь, *Селф-эмоция*, Филогнозис, Филофобия
Дар. Вып. 92. 12.4.2004.

ФИЛОФОБИЯ, ЛЮБОБОЯЗНЬ (philophobia; от греч. *philia*, любовь + *phobos*, страх; ср. *агорафобия*, *ксенофобия*). Страх любви и глубоких личностных отношений, боязнь оказаться зависимым от другого и своих чувств к нему. Филофобия играет существенную роль в жизни личностей, склонных к интровертности или аутизму, цинизму или, наоборот, аскетизму. Любовь для них — проявление слабости или уступка греху. Так, филофобия окрашивала личную жизнь Н. Гоголя и мотивы его творчества. Он не только сам испытывал болезненный страх перед любовью и браком, но и наделял этим свойством своих героев. Вот размышление типичного *филофоба* Подколесина из комедии «Женитьба»: «Однако ж, что ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя, и уж после ни отговорки, ни раскаяния, ничего, ничего — все кончено, все сделано». Разные грани филофобии обнаруживаются в личности философа И. Канта, в характерах таких персонажей, как Печорин Лермонтова, «подпольный человек» Достоевского, Дориан Грей О. Уайлда.

Филофобия входит в ряд *реверсивных* (самоотрицающих) **селф-эмоций*, объектом которых являются противоположные им эмоции.

*Амбипатия, *Аморт*, *Панфобия*, *Селф-эмоция*
Дар. Вып. 92. 12.4.2004.

ХАПТИКА (haptics; от греч. *haphe*, осязание и *haptikos*, осязательный, тактильный, которые в свою очередь образованы от *haptesthai*, трогать, хватать). Наука об осязании и прикосновении, о тактильных формах восприятия и самовыражения¹.

В *хаптике* как научной дисциплине можно выделить три ветви: психологическую, техническую и эстетическую. 1. *Психохаптика* — самая ранняя по времени возникновения; еще в начале XX века стали появляться экспериментальные исследования по психологии восприятия, в том числе тактильного. Классическими считаются книги Дэвида Каца «Мир касания» (1925) и Эшли Монтагю «Прикосновение. Человеческий смысл кожи» (1986), где прослеживается значимость тактильных контактов ребенка с родителями для формирования личности. Психологическое направление в хаптике граничит, с одной стороны, с педагогикой,

¹ Есть основания предполагать этимологическую связь греческого *haphe* и русского «хапать»: последнее имеет аналогию не только в ряде славянских языков, но и в романо-германских. Макс Фасмер толкует «хапать» как возможное продолжение индоевропейского «*khar*», родственное латинскому «*cario*, *carere*», английскому «*capture*» (схватить, поймать). Созвучие с разговорным глаголом усиливает шанс этого научного термина на вхождение в русский язык по сравнению с его конкурентом «гаптика».

теорией воспитания, с другой стороны, с гуманистической психотерапией и холистской медициной («целостным целительством»). 2. *Технохаптика*. В последние сорок лет хаптика стала популярна в исследованиях, посвященных проблемам искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Одно из новейших достижений — *хаптография*, техника записи осязательных ощущений, которые могут воспроизводиться как информационный продукт (см. **Тактильное искусство*). 3. Философия и эстетика осязания, а также опыты создания нового, тактильного вида искусства (*touch art*). М. Мерло-Понти, Г. Башляр, Р. Барт и Ж. Делез уделяют сравнительно скромное место осязанию в своих феноменологических анализах телесности и чувственного восприятия.

Хаптика и эстетика. Известно, что наряду с логикой — наукой о мышлении — существует еще эстетика — область «низшего», как считали в XVIII веке, чувственного познания. Соответственно хаптика — это наука о «низшем из низших» родов познания, о чувственном познании без посредства чувственных знаков.

ЛОГИКА	ЭСТЕТИКА	ХАПТИКА
чистое мышление общие понятия	искусство, зрительные и слуховые образы	осязание как основа познания и творчества

В центре хаптики — тоже искусство своего рода, но пренебрегаемое эстетикой даже больше, чем парфюмерия и кулинария, хотя оно выполняет цель продолжения человеческого рода и задает смысл всему телесному существованию человека. Это *ars amori*, искусство любви, осязательных переживаний и проникновений, область «плотского познания». Эпистемология и логика, как правило, игнорируют тот факт, что во многих европейских языках «познание», вслед за библейским употреблением этого слова, означает еще и соединение мужчины и женщины. Этот изъян и призвана восполнить хаптика, в центре которой — учение о прикосновении как способе познавательной и творческой деятельности.

Хаптика и этика. Аристотель склонен осуждать осязание как самое низменное из чувств: «Ко вкусу человек, кажется, прибегает мало... отнюдь не это доставляет наслаждение, по крайней мере распущенным, но смакование — а оно возникает всегда благодаря осязанию — как при еде, так и при питье и при так называемых любовных утехах. <...> Итак, распущенность проявляется в связи с тем чувством, которое, более чем все другие, является общим (всем живым существам), и ее с полным правом можно считать достойной порицания, потому что она присутствует в нас не постольку, поскольку мы люди, а постольку, поскольку мы животные»¹.

Однако у чувства осязания есть *особая этика*, которая может подвергнуть собственному суду те критерии, которые, начиная с греческих философов, наделяют зрение и слух высочайшим этическим достоинством. Эта этика исходит из древней библейской традиции, согласно которой именно зрение есть источник первородного греха. Положительная заповедь, данная человеку, — это «плодитесь и размножайтесь» и, как необходимое условие этого, — да «прилепится человек

¹ Аристотель. Никомахова этика, 1118а–1118б // Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 116–117.

к жене своей, и будут два одна плоть». Соблазн же происходит через зрение — «и увидела жена, что дерево <познания добра и зла> хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно» (Бытие, 3: 6). Зрение — не только причина, но и следствие грехопадения: «и открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги» (3: 7). Не плотское знание как сближение жены с мужем, есть грех, но зрение как разрыв плотского знания, раскол дерева жизни на отношение субъекта к объекту. Зрение лежит в основе такой двойственности, поскольку четко разделяет видящего и видимое.

Если за этический критерий брать не отстраненность разума от сущего, не созерцание чистых идей, но слепленность с чужой плотью и любовь к ближнему как к самому себе, то осязание как *способность ощутить и пережить меру близости* получает этическую санкцию. Зрение определяет меру моей *неслиянности* с ближним, осязание — *нераздельности* с ним. Осязание дарит нам острое переживание любви, дружбы, семейственности, отцовства и материнства, братства, сплоченности всех живущих существ. Сам Аристотель замечает: «Хотя и остальные органы чувств воспринимают путем соприкосновения, но через иное. По-видимому, только осязание воспринимает непосредственно»¹. Касание есть всегда акт встречный, это пребывание на той границе, которая разделяет и одновременно соединяет двоих или многих и которая не может принадлежать только одному. Чтобы воссоздать аналогичную ситуацию в зрительном восприятии, нужно предположить, что двое смотрят прямо в глаза друг другу. *Осязающее всегда является осязаемым.*

Тот факт, что западная цивилизация, вслед за античностью, строилась на метафизике зрения и слуха, в открытом поле которых множились знаковые системы, опосредующие восприятие и реальность, — заставляет более радикально подойти к возможности построения *иной* логики, этики, эстетики, ценностных систем *на основе осязания.*

* *Воосязание, Реалогия, Сексуальность, Симтактия, Тактильное искусство, Упругость, Эротема, Эротология*

Соловьев И. К теории соприкосновения / Публ. М. Эпштейна // Человек. 1991. № 1. С. 197–198.

Тело на перекрестке времен: К философии осязания // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 66–81.

Тело (раздел «Хаптика»). С. 16–60.

ХИТРОСТЬ ЖЕЛАНИЯ (cunning of desire). Способность эротического желания искать своего удовлетворения и вместе с тем отклоняться от прямой природной цели.

В сексологии общепринятой считается четырехфазовая схема коитуса, предложенная У. Мастерсом и В. Джонсон: возбуждение, плато, оргазм, разрядка². Плато, на которое приходится основное время коитуса, единственная из фаз, изображаемая горизонтальной чертой (первая и третья — подъем, четвертая — спуск). Но в реальности это плато колеблется, состоит из множества подъемов

¹ Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 447.

² Masters W., Johnson V. Human Sexual Response. Boston: Little, Brown and Company, 1966. P. 5.

и спусков, это волнистая линия, синусоида, порой острая, как зигзаг. Желание хочет и не хочет своего утоления, оно хочет утоления с оттяжкой, чтобы дольше сохранять себя в качестве желания.

К такому «желанию с отсрочкой» применимы идеи М. Бахтина о речевом поведении Ф. Достоевского и его героев: «По своему смыслу слово с лазейкой должно быть последним словом и выдает себя за таковое, но на самом деле оно является лишь предпоследним словом и ставит после себя лишь условную, не окончательную точку»¹. Вот так и желание выдает себя за порыв к полному наслаждению, а между тем оставляет за собой путь к отступлению, чтобы избежать опустошительной разрядки. Желание выявляет свою интенцию, когда его порыв оказывается *предпоследним*, то есть ставит себя на самой грани усиления-неутоления, «ставит после себя лишь условную, не окончательную точку», сохраняет резерв для нового порыва, который опять-таки оказывается предпоследним.

Желание отличается от *хотения* тем, что обращено на невоплотимое, уходящее в бесконечность: славу, любовь, бессмертие, вечность, покой — в отличие от достижимых предметов хотения: еды, питья, собственности. У животного половой инстинкт не становится желанием, которое нуждается во все новых способах своего утоления и порождает множество иллюзий, фантазий, отсрочек, символических замен, выражающих его неутолимость. Хотение консервативно, желание революционно. Хотение — это жажда, которая ищет утоления. Желание, напротив, ищет утоления, чтобы больше жаждать. Желание не только стремится к недостижимому, но и от себя привносит недостижимость в свои цели. Этой хитростью желания и образуется область эроса, в его отличии от животной сексуальности. Удовлетворение достигается оргазмом, но желание превращает близость в длительную игру, которая торопит оргазм — и вместе с тем силится его отдалить, как награду и кару. Хитрое желание направлено одновременно и на предмет и на самого себя: оно *себя знает* и *себя желает*, оно саморефлективно подпытывает себя отдалением предмета, разглядыванием, новым поспешанием и новой задержкой. Такое желание создает *соблазн*, то есть противодействует своему немедленному утолению. Соблазн — это способ продлить и усилить желание через помехи, отсрочки, сокрытие и ускользание предмета, — это победа желания под маской его поражения и самоотказа.

Желание *культурно*, оно себя возделывает, и вся цивилизация происходит, возможно, от этой изначальной *самокультивации желания*, которое ставит себе преграды, чтобы их преодолевать и расти вместе с ними. Происходит не только (как полагал З. Фрейд) *сублимация*, «возгонка» желания, когда оно претворяется в произведения культуры, в поэмы и романы, в машины и симфонии, — но и взрывообразный рост самого желания. *Цивилизация есть продукт иронии, заложенной в основании либидо*, где знаки репрессии моментально превращаются в знаки дополнительного наслаждения и экстаза. Цивилизацию можно рассматривать как *грандиозную игру либидо с самим собой*, систему его *возрастания через самоподавление*. Вопреки ходячему фрейдистскому представлению, цивилизация — это не тюремные оковы, от которых желание хочет поскорее освободиться, а напротив, это золотые цепи, которыми желание украшает себя.

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1977. С. 271.

По отношению к отдельным личностям цивилизация может действовать как репрессивная сила, но в целом человечество само вырачивает в себе неутолимость желания посредством запретов. Поэтому вряд ли можно принять обязательную для классического фрейдизма связь между цивилизацией и неврозом и определение человека как «невротического животного». Самоподавление желания — признак его здоровья, его владения собой. Только слабая эректильная функция (так называемый *ejaculatio praecox*) требует скорейшей оргазмической разрядки, потому что не может выдержать долгого напряжения. Способность к многогранному и многоступенчатому наслаждению включает в себя и искусство воздержания, то есть саморазделение либидо на две силы, играющие между собой, торопящие и замедляющие кульминацию.

* *Ирония бытийная*, Микropsихология, Модальность, *Модальные чувства и действия*, Реверсивность, *Селф-эмоция*, *Эротема*, Эротология, *Эротосфера*
 Эрос цивилизации: Ирония желания и конец истории // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 55–68.
Любовь. С. 141–149.

ЭРОТЕМА (eroteme; erotic + суффикс -eme; ср. *фонема*, *мифологема*). Элементарное эротическое событие, единица чувственного переживания и действия, то, из чего слагается динамика, «сюжет» эротических отношений. Если эротика есть особый язык, то эротема — структурно-тематическая единица этого языка.

При определении эротемы можно воспользоваться трактовкой событийности художественного текста у Ю. Лотмана. «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля... Движение сюжета, событие — это пересечение той запрещающей границы, которую утверждает бессюжетная структура... Сюжет — “революционный элемент” по отношению к “картине мира”»¹. Эротема — это пересечение границы, которая в чувственной сфере определяется как открытое — закрытое, дозволенное — недозволенное, влекущее — отталкивающее, близкое — дальнее, касание — отстранение. Пересечением границы — и значит, эротическим событием — может быть прикосновение к руке, поцелуй, объятие; все зависит от того, какая граница определяет структуру отношений в данной ситуации. Пользуясь разграничением сюжетного и бессюжетного текста у Ю. Лотмана, можно сказать, что эротика — это «революционный элемент» по отношению к «картине мира», которая создается цивилизацией, распорядком жизни, условностями общественного этикета.

Поскольку эротическая граница связана с понятием нормы, чего-то «среднего», то пересекаться она может в двух направлениях: высокого и низкого, как возбудителей самых острых желаний. В героях Достоевского часто сочетаются оба типа эротизма: «идеал Мадонны» и «идеал Содомы». Стыдливость, холодность, невинность, недоступность так же прельстительны, как и падшесть, грязность, бесстыдство, физическое убожество. Любое торможение и разрыв обычной, «животно-здоровой» сексуальности, как со стороны «ангельской чистоты», так и со стороны «скандального неприличия», становится эротически значимым и вызывающим. Самые прельстительные женщины у Достоевского, такие как

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1980. С. 282, 288.

Настасья Филипповна и Грушенька, являют собой «дважды остраненное» сочетание «невинности и неприличия». Они затянуты в глухие, темные платья и вместе с тем постоянно готовы к скандалу, к «выходке».

Структура остранения обнаруживается не только в выборе, точнее «конструкции», предмета влечения, но и в мельчайших деталях эротической игры, которая может быть описана на языке формальной и структуральной поэтики. Любое движение быстро автоматизируется, требуя столь же мгновенной дезавтоматизации. Эрос — непрерывное остранение, то есть поиск странности, незнакомости, чуждости в партнере в целях все нового овладения им как чуждым себе. Эрос есть не владение, а *о-владение*, то есть процесс, постоянно пересекающий границу чужой территории, а значит, вынужденный снова и снова превращать свое в чужое, чтобы затем превращать чужое в свое.

Поскольку «приличие» — это знаково определенная поза, конвенция, то и эротема — это своего рода «бесстыдство», смещение в системе знаков, которое материально может выразиться в длительном маршруте или в мельчайшем сдвиге. Бесстыдство, выраженное в откровенных жестах, неистовых телодвижениях и неприкрытой наготы, быстро притупляет свою остроту, поскольку оно не устанавливает для себя предела, за который могло бы двигаться дальше, и оказывается новой формой приличия, эротическим тупиком (ср. стихотворение Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»). Запасливый эрос всегда сужает для себя рамки конвенции, чтобы иметь воображаемый простор для все нового их раздвижения.

Таким образом, внутри *эротологии очерчивается особый раздел — *поэтика соития* (которая примерно так же относится к эротологии в целом, как поэтика конкретного произведения — к литературоведению). У каждого эпизода есть своя композиция, свои мотивы и лейтмотивы, свое сцепление предметных деталей. Чередуются страсть и отстранение, ускорение и замедление, отдаление и сближение, работа и лень, ритм и аритмичные паузы. При этом эротика создает свои типы условности, свои телесные гротески и фантазмы, гиперболы и литоты, для которых эротологии, с помощью теории искусства и словесности, еще предстоит выработать свой собственный язык.

*Вит, Корпора и корпорус, Любовь, Остранение остранения, Психема, Сексуальность, Событие, Хитрость желания, Эротология, Эротосфера
Тело. С. 76–80.
Любовь. С. 170–178.

ЭРОТОЛОГИЯ (erotology). Гуманитарная наука о любви, эросе, о культурных и созидательных аспектах полового влечения, о связанных с ним психо-социальных явлениях (желание, ревность, нежность, соблазн, наслаждение и т.д.). Если сексология изучает биологическую и психофизиологическую природу сексуального инстинкта, то эротология — духовно-телесную природу, психокультурную проблематику и условно-знаковые формы любовных отношений. Сексология вписывается в ряд биологических дисциплин, тогда как эротология сотрудничает с философией, этикой, эстетикой, психологией, лингвистикой, семиотикой, теорией искусства и другими гуманитарными дисциплинами. Еще одна существенная

разница: как часть широкого комплекса биологических дисциплин, сексология изучает половую активность животных. Между тем эротология — это *гуманитарная* дисциплина, которая изучает не сексуальные отношения, а связанные с ними эмоции и взаимодействия: любовь и ревность, запрет и соблазн, страсть и игру как специфически человеческий феномен.

В отличие от сексологии, которая утвердилась как наука в начале XX века (в трудах Р. фон Крафта-Эбинга, З. Фрейда и др.), у эротологии еще нет самостоятельного дисциплинарного статуса. Чаще всего к эротологии относят старинные пособия по технике сексуальных отношений (индийская «Камасутра», персидская «Ветка персика», «Ars Amatoria» Овидия). В таком понимании, эротология — это «наука страсти нежной, которую воспел Назон» и которой увлекался пушкинский Онегин, пока не пресытился ею; точнее, не наука о половых взаимоотношениях, а искусство таких отношений как предмет дидактических описаний и практических инструкций. Это как бы древний, «донаучный» этап развития сексологии, когда она бытовала в формах (а) интуитивно-описательных, (б) наивно-назидательных и (в) художественно-повествовательных. Однако древние трактаты по «искусству любви», как правило, содержат в себе зачаточные элементы и сексологии, и эротологии, которые дифференцируются лишь много веков спустя. В этих трактатах есть физиологические наблюдения и практические наставления, близкие к медицине, — и одновременно поэтическое и философское постижение человеческой природы, феноменология влечения и наслаждения.

Сексология, как она установилась в XX веке, — это естественно-научная дисциплина, близкая к медицине и лежащая на биологическом основании. По замечанию Мишеля Фуко, «наше общество, порвав с традициями *ars erotica*, снабдило себя некоей *scientia sexualis*... Сексуальность определила себя как то, что “по природе” своей является областью, проницаемой для патологических процессов и, следовательно, требующей вмешательства — терапевтического или нормализующего характера...»¹ С самого начала сексология руководствовалась медицинскими интересами, была направлена на изучение и исцеление болезней в развитии сексуальности. Эротология, напротив, обращается к *норме, к желанному и должному, к радостным, творческим проявлениям эроса*. Мифопоэтически вдохновляемая эротология, в отличие от медицински ориентированной сексологии, исходит из презумпции здоровья, а не болезни в изучаемых явлениях половой жизни. Разница между сексологией и эротологией — это разница не стадий, а типов науки, разница естествознания и человековедения.

Эротология как гуманитарная дисциплина уже имеет богатейшую традицию, от Платона («Пир») до Владимира Соловьева («Смысл любви»), Жоржа Батая («Эротизм»), Ролана Барта («Фрагменты речи влюбленного»), но ей еще предстоит защитить свое право на особую методологию. Не существует общепринятого разграничения терминов «сексуальное» и «эротическое», но первый чаще указывает на природные аспекты репродуктивного поведения организмов, а второй — на условно-культурные, искусственные, игровые формы половых взаимоотношений, цель которых — не размножение, а удовольствие, психическая разрядка, творческое

¹ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Магистериум Касталь, 1996. С. 168, 169.

возбуждение и т.д. Ж. Батай сопоставляет эротику с трудом и религией, двумя видами деятельности, выводящими человека из царства природы. «Эротизм отличается от животной сексуальной импульсивности тем, что он в принципе, так же как и труд, есть сознательное преследование цели; эротизм есть сознательное искание сладострастия»¹. Если сексуальность — область первичных хотений, «половой жажды и голода», которые требуют скорейшего утоления, то эротика — область соблазнов, которые возникают на основе цивилизации (запретов, табу) и разыгрывают весь ее пафос, трагедию и героику в обратном порядке, как процесс медлительного, колеблющегося, «поступательно-возвратного» разоблачения ее покровов и преодоления запретов. Таким образом, имеет смысл различать «сексуальность» и «эротику» как половую энергию *на входе* и *на выходе* из цивилизации. Сексуальность первична, цивилизация вторична, а эротика третична, это уже не нагое и не прикрытое, а раздетое. По известному замечанию Ж. Лакана, невозможно просто обнажить женщину, то есть вернуться к первичной наготы. Раздетость — это уже *минус-одетость*, определенное отношение к одежде, которая в данном случае соблазняет своим значимым отсутствием.

Эрос, как продукт цивилизации, несравненно могущественнее полового инстинкта. Цивилизация есть *самовозрастающий эрос*, механизм его расширенного воспроизводства через преодоление. Традиции и табу — тот могучий пресс, под давлением которого натуральный сок здорового инстинкта превращается в хмельное вино, которое кружит головы поэтам и завоевателям. Двойственность цивилизации в ее отношении к либидо заложена в самом либидо. Такова уловка хитроумного инстинкта, *хитрочувственность* самой природы: уздой запретов круче себя взнудать (**хитрость желания*). Если сексуальность нуждается в разрядке желаний, то эротика — в самом желании, которое уже несводимо ни к какому физическому акту удовлетворения.

Под сильнейшим воздействием сексологии как науки любовное вытесняется сексуальным в общественном сознании. Если в XIX веке было прилично говорить о любви и неприлично — о половой жизни, то к концу XX века произошла рокировка: приличнее говорить о гомосексуализме, мастурбации и оргазме, чем о чувствах романтических, возвышенных, «разоблаченных» наукой и потому спустившихся в разряд индивидуальных чудачеств и анахронизмов. Р. Барт пишет про современное интеллигентное общество, нечувствительное к любовным излипаниям и разговорам:

«Все поймут, что у X... огромные проблемы в сфере сексуальности; но никого не интересуют, возможно, существующие у Y... проблемы в сфере сентиментальности; любовь как раз тем и непристойна, что подменяет сексуальное сентиментальным <...> Журнал “Мы вдвоем” непристойнее Сада. Любовная непристойность предельна: ничто не может ее приютить, дать ей весомую ценность трансгрессии; одиночество субъекта робко, неприкрашено — никакому Батаю не найти письма для описания этой непристойности»².

¹ Батай Ж. Слезы Эроса // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: МИФРИЛ, 1994. С. 282.

² Барт Р. Фрагменты речи влюбленного (1977) / Пер. с фр. В. Лапицкого. М.: Ad Marginem, 1999. С. 217–218.

Такова еще одна причина, по какой эротология достойна развития как самостоятельная дисциплина. Именно потому, что любовь стала «непристойной», она заслуживает нового разговора, новых интеллектуальных подходов и духовных практик. Как и искусство, любовь при всей своей таинственной интуитивности может быть предметом особого, гуманитарного знания, в котором сочетаются антропология, психология, этика, эстетика, семиотика, лингвистика любви.

**Любовь*, Хитрость желания, Эротема, Эротонимика, *Эротосфера*

В поисках «естественного человека»: Сексуальная революция в западной литературе XX века // Вопросы литературы. 1976. № 8. С. 111–145.

Поэтика близости // Звезда. 2003. № 1. С. 155–176.

Женский эрос в пространстве языка: Корень «-ём-» и его производные // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма / Ред. Д. М. Иоффе. М.: Ладомир, 2008. С. 497–517

Корпус X: Эротическая утопия Степана Калачова / Публикация М. Эпштейна и И. Шевелева // Звезда. 2015. № 7. С. 227–247.

Любовь. С. 132–214.

Лит.: Фрейд З. Неудобства культуры // Фрейд З. Художник и фантазирование / Ред.

Р. Ф. Додельцев и К. М. Долгов. М.: Республика, 1995; Marcuse H. *Eros and Civilization*.

A Philosophical Inquiry into Freud. New York, 1955; Brown N. O. *Love's Body*. New York: Vintage

Books, 1966; Bataille G. *L'érotisme*. (1957). Paris, 1972; Танатография Эроса. Жорж Батай

и французская мысль середины XX века. СПб.: МИФРИЛ, 1994; Барт Р. Фрагменты речи

влюбленного (1977) / Пер. с фр. В. Лапицкого. М.: Ad Marginem, 1999; Эткинд А. Эрос не-

возможного: История психоанализа в России. М.: Гнозис — Прогресс-Комплекс, 1994; Золотоносов М. Н. Слово и тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста 19–20 вв. М.: Ладомир, 1999.

ЭРОТОСФЕРА (erotosphere). Совокупность всех цивилизационных процессов и артефактов в их отношении к эротическому, к человеческому желанию и способам его утоления и подавления. Субъект эротосферы тот же, что и носитель коллективного разума, образующего *ноосферу*, — объединенное человечество как субъект истории и всех мыслительно-деятельных трансформаций нашей планеты. Можно говорить об эротосфере как о *коллективном либидо* в том же смысле, в каком Юнг говорит о коллективном бессознательном.

Состав эротосферы не менее сложен, чем состав других планетарных сфер — ноосферы, семиосферы, **софиосферы*. В нее входят ценности культуры, средства коммуникации, знаковые системы, орудия и предметы труда и потребления... Желание опосредуется всеми этими иерархиями знаков и ценностей, сдерживается и усиливается системами запретов-разрешений, переходя тем самым из инстинктивно-сексуальной в собственно эротическую сферу. Ноосфера, семиосфера, эротосфера различаются не предметно, а функционально — это, по сути, лишь разные призматические преломления одной *антропосферы* (*anthroposhere*), окружающей нашу планету (всего созданного или преобразованного людьми). При анализе этих трех сфер можно условно использовать традиционное расчленение трех аспектов языка: синтаксиса, семантики и прагматики. *Семиосфера* — это синтаксис антропосферы, система соотношений ее знаков и текстов, коммуникативно-информационных составляющих. *Ноосфера* — ее семантика, система значений, смыслов, многообразие разумов и ментальностей, образующих

мыслящий слой планеты. Наконец, *эротосфера* — это прагматика антропосферы, соотносящая всю ее знаковую и мыслительную наполненность с желаниями ее создателей-пользователей, человеческих субъектов.

Если желания принадлежат порядку истории, а не природы, то можно сказать, что и история принадлежит порядку желания, в ней действуют те же влечения, запреты, соблазны — и та же ирония, которая отдаляет конец истории по мере приближения к нему. Эрос — природа в момент отчуждения от себя, когда она, собственно, и становится историей: на смену циклическому повтору приходит ускорение, торопливость и вместе с тем потребность замедления. История — прерывистый, судорожный, неравномерный ход времени, как «плато» в коитусе: ожидание разрядки и оттяжка конца. Такова вообще *сюжетика* желания, действующая и в истории, и в литературе, и в нарративе частной жизни. История — величайшее метасексуальное напряжение человеческого рода, путь желания, который ведет одновременно к его утолению — и возрастанию в объеме всечеловеческой, планетарной эротосферы.

Процессы накопления и разрядки энергии в эротосфере определяют динамику истории и перспективы ее завершения. Эротосфера строилась на протяжении тысячелетий, и с каждой новой эпохой возрастает ее внутреннее напряжение. Отсюда почти физическая трудность, какая ощущается в современной цивилизации, еле справляющейся с массой накопленного желания. Этот механизм самозаводящихся желаний, усиленно пестуемых и вместе с тем сдерживаемых обществом, так описывается в романе М. Уэльбека «Элементарные частицы» (словами главного героя Мишеля Джерзински): «Общество рекламно-эротическое, в котором живем мы, <...> стремится к организации желания, к его разрастанию в неслыханных масштабах, удерживая его удовлетворение в пределах интимной сферы. Чтобы такое общество функционировало, чтобы соревнование не прекращалось, необходимо приумножать желание, нужно, чтобы оно, распространяясь, пожирало человеческую жизнь»¹.

Насколько долго может продолжаться этот процесс приумножения желаний? Можно ли предвидеть, что со временем механизмы сдерживания откажут и что затянувшаяся фаза плато, с его волнообразным графиком возбуждения и затухания, перейдет в следующую: неуправляемый подъем (оргазм) и затем спуск (разрядка)? В размышлениях о судьбах либидо, накопленного в цивилизации, важен принцип сходства онтогенеза и филогенеза, о котором напоминал Фрейд: «Аналогия между эволюцией культуры и путем развития индивида может быть значительно расширена»². Если цивилизация есть накопленная энергия задержанной и отсроченной разрядки либидо, то о его путях наиболее достоверно можно узнать из опыта индивидуального желания и его метаморфоз.

¹ Уэльбек М. Элементарные частицы. М.: Иностранка, БСГ-пресс, 2001. С. 210–211. Еще раньше сходную картину непрерывного возрастания и одновременно саморазрушения эротосферы благодаря коммерческой «обработке» всех желаний, все более разнообразно возбуждаемых и все более легко утоляемых, нарисовал К. Лоренц: «Люди теряют способность вкладывать тяжелый труд в предприятия, сулящие удовольствие лишь через долгое время. Отсюда возникает нетерпеливая потребность в немедленном удовлетворении всех едва зародившихся желаний» (Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 23).

² Фрейд З. Неудобства культуры // Фрейд З. Художник и фантазирование / Ред. Р. Ф. Додельцев и К. М. Долгов. М.: Республика, 1995. С. 334.

Есть три возможных способа работать с желанием: (1) подавлять, (2) утолять и (3) усиливать. Один путь — аскетический, путь святых, мудрецов и подвижников: отказ от желаний, ведущих к пороку, страданию, внешней зависимости. Другой путь — гедонистический: удовлетворять все возникающие желания, разряжать их энергию, снимать на их пути все препятствия, ведущие к неврозам. Между этими двумя крайностями, аскезы и гедонизма, есть еще один путь — производительный, креативный: выращивать свои желания, не давать им полной разрядки, но использовать их энергию для творческих свершений.

И аскетика, и гедонизм предлагают уравнение желания и наслаждения, либо на нулевом уровне (отказ от желаний), либо в порядке прогрессии (желание переходит в чувственное наслаждение и сполна реализуется в нем). Для строительства цивилизации в обоих случаях не остается движущей энергии. Именно усиление желания при нехватке его удовлетворения и производит энергию, которая, не разряжаясь в физических актах, создает культурные ценности.

Гедонизм и аскетизм на уровне идео-теологических построений превращаются в утопию и апокалипсис как два механизма вожделения-сдерживания. История забегает вперед себя в образах утопии — и замедляет свой бег перед образами апокалипсиса. Вместе с тем каждое из этих движений вызывает противодвижение, так что ткань истории испещряется мелкой рябью, интерференцией разных потоков и векторов желания. Чем скорее желание хочет утолиться и исчерпаться, подгоняя себя образами утопии, тем больше оно хочет сохранить себя как желание, то есть ускользнуть от реализации.

Прямая связь революционного проекта с оргиастическим взрывом истории обнаруживается у «новых левых». Г. Маркузе провозглашает в своей книге «Эрос и цивилизация»:

«Освобожденное либидо прорвало бы институциональные границы, установленные для него принципом реальности. <...> Перестав быть инструментом труда полный рабочий день, тело вновь стало бы сексуальным. Начавшись с оживления всех эрогенных зон, “регрессивное” распространение либидо проявилось бы в возрождении прегенитальной полиморфной сексуальности и закате генитального приоритета. Тело как целое превратилось бы в объект катексиса, в инструмент наслаждения»¹.

Этот проект «освобождения либидо» не учитывает того, что либидо сдерживается не столько внешним принципом реальности, сколько игрой внутренних противожеланий, усиливающих запретов (**хитрость желания, *ирония бытийственная*). Маркузеанская эрото-утопия проходит мимо иронии эроса и поэтому не способна оценить трагических последствий его исторического «освобождения». Ведь каждый оргазм — это крушение желания, «малая смерть», последствия которой непредсказуемы в масштабах человечества, коль скоро именно оно выступает либидоносным субъектом такого исторического проекта.

Другая форма (пост)исторического мышления, получившая преобладание в постструктурализме, напротив, устанавливает незавершенность любых временных процессов, поскольку само время есть не что иное, как пространство

¹ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. С. 173, 174.

отсрочки, бесконечно тянущийся промежуток (*différance = deferement*). Теорию деконструкции, критикующую «фаллологоцентризм» и полагающую отсрочку означаемого и нескончаемую игру означающих, можно рассматривать как прозрачный перевод эротических ощущений «отложенной» кульминации на язык теории знаков. Вводятся все новые знаки, отсрочивающие оргазм, но и ведущие к нему как «последнему» означаемому всех желаний. Деконструкция — своего рода расстройство половой способности, аноргазмия, неспособность достичь семяизвержения. В литературе уже отмечалось, что деконструкция напоминает даосскую технику определения-неопределения дао, ускользания от означаемого в нескончаемой игре означающих; при этом разрабатывается и техника удержания семени, предотвращения оргазма, то есть трансценденция избегается так же, как и эякуляция.

Между этими двумя радикальными проектами конца XX века: революционной утопией освобожденного либидо и критической дистопией навсегда отсроченного оргазма — и разворачивается постфрейдовская философия цивилизации как *эротосферы*. Вырисовываются две перспективы.

1. Либо цивилизация обнаружит в себе неспособность «эякуляции», то есть останется наедине со своим бессмысленным желанием, уже заведомо иллюзорным и беспредметным... Это осознание никогда не наступающего конца истории, несмотря на все созидательные усилия и революционные порывы, родственно тому, что в сексопатологии именуется *ejaculatio tardo* — «задержанная» или «запаздывающая» эякуляция. Но тогда и желание, отчаявшись добиться разрядки, перестает желать — остается только зуд бессильного самовозбуждения, позиция «Великого Мастурбатора».
2. Либо желание, на одном из витков самосдерживания, все-таки сорвется в историческую судорогу, вспышку оргазма и раскрепощенного либидо — «все позволено». Цивилизация вернется в состояние самоудовлетворенной природы, к непрерывности естественных разрядок, быстро исчерпывающих потенциал желания. Неизвестно, сможет ли начаться новый период исторического накопления либидо, если его полное освобождение обеспечит мгновенную разрядку любому желанию по мере возникновения.

В динамику эротосферы XXI века могут вторгнуться новые цивилизационные процессы, прежде всего рост технологий, изменяющих биологическую природу человека; результат их воздействия остается непредсказуемым.

* *Аморт*, Ирония бытийная, *Реверсивность*, *Хитрость желания*, Эротема, Эротология Эрос цивилизации. Ирония желания и конец истории // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 55–68.

Тело. С. 102–122.

ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА

Амбипатриотизм
Амбиутопия, амбиутопизм
Анастрофа
Большинства
Выверт
Глокализм
Демобюрократия
Комос
Логополис
Минус-система
Многовластие, поликратия
Недо- (приставка)
Обнадеживающий урод
Отставание человека от человечества
Панфобия, мирозлобие
Платомарксизм
Полиполитика
Политикоз
Потенциальные сообщества
Психократия
Пустоводство
Социоделики, социоделические средства
Соционетика
Социопозья
Танатализация, танатократия
Тотальгия
Транссоциальное, транссоциум
Хоррология
Шизофашизм
Экзистенация
Эконопозья
Экофашизм

АМБИПАТРИОТИЗМ (ambipatriotism; лат. ambi, вокруг, с обеих сторон). Противоречивое отношение к родине, притяжение и отталкивание, любовь и ненависть, сочетание патриотизма и антипатриотизма. П. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» превозносит Россию за то же самое, за что раньше вынес ей суровый приговор в «Философических письмах». Эта амбивалентность и сделала его одновременно предтечей и западничества, и славянофильства. Амбипатриотизм — один из основных мотивов русской поэзии: «Люблю отчизну я, но странною любовью!..» (М. Лермонтов); «О, недостойная избранья, / Ты избрана!» (А. Хомяков); «То сердце не научится любить, / Которое устало ненавидеть» (Н. Некрасов); «Грешить бесстыдно, беспробудно...» (А. Блок).

*Амби-, Амбипатия, Амбиутопия, Двоечувствие
Дар. Вып. 66. 19.5.2003.

АМБИУТОПИЯ, АМБИУТОПИЗМ (*ambiotopia, ambiotopianism*; лат. *ambi*, вокруг, с обеих сторон). Сочетание утопизма и антиутопизма; противоречивое, амбивалентное отношение к будущему. Утопизм и антиутопизм имеют общие черты: повышенная чувствительность к будущему, острота ожиданий и предчувствий, проектирование футуристических образов и моделей, предельно восторженное или настороженное отношение ко всему новому. Амбиутопизм — такое сочетание утопизма и антиутопизма, со всеми их плюсами и минусами, которое напряженно переживает их обратимость.

Амбиутопизм присущ глубокому, объемному отношению к будущему. Т. Мор в «Утопии» или Т. Кампанелла в «Городе солнца» были утопистами, а Е. Замятин в «Мы» и Дж. Оруэлл в «1984» — антиутопистами. Гораздо сложнее определить в этих терминах А. Платонова, который и мечтает о коммунистическом будущем, и одновременно изображает его в страшных образах распада. Его романы «Котлован» и «Чевенгур» — ярчайшие образцы амбиутопии.

С точки зрения амбиутопии осуществление идеалов оказывается прологом к социальной меланхолии и катастрофе. Таковы, например, Элои в «Машины времени» Г. Уэллса: реализовав все свои желания, они утрачивают волю к жизни и становятся все более легкой добычей для когда-то поработанных ими трудяг-Морлоков. Мир, в который переносит машина времени, являет черты одновременно утопии и апокалипсиса. Амбиутопистом можно считать О. Хаксли, поскольку его романы «О дивный новый мир» (1932) и «Остров» (1962) представляют два противоположных взгляда, антиутопический и утопический — на один тип высокотехнологичного общества. Из современных российских писателей к техно-социальной амбиутопии тяготеют В. Пелевин и В. Сорокин (в «Трилогии»).

История XX века вбирает опыт и крайнего утопизма, и не менее страстного антиутопизма, а также превращения одного в другое: самое страшное в утопиях, как сказал Н. Бердяев, — то, что они сбываются. Настроение начала XXI века можно охарактеризовать именно как *амбиутопизм*, иронико-ностальгическое отношение к утопиям. К каждому утопическому порыву примешивается антиутопический страх, который удерживает от поспешно-безоглядных скачков прогресса. Люди боятся мыслящих машин, вирусов, клонов, искусственных генов, новой расы киборгов, потому что за всем этим чудится «то самое», «Конец». Знание опасностей утопии позволяет их избежать, и потому *амбиутописты* (*ambiotopians*) не разделяют ни упований своих дедов, ни скепсиса отцов. На практике амбиутопизм пытается встроить в утопию механизм ее самоограничения или придать ей менее императивную и более гипотетическую направленность (утопия в сослагательном наклонении, не «быть», а «бы»).

*Амби-, Катарсис мысли, Протеизм, Прото-, Эротосфера
Дар. Вып. 66. 19.5.2003.
Знак. С. 154–155.

АНАСТРОФА (anastrophe — поворот вверх; греч. ana, вверх или вспять + strephein поворачивать; антоним слова «катастрофа», греч. поворот вниз). Внезапный поворот к счастью, общественная эйфория. Соотношение между префиксами «ана-» и «ката-» в словах «анастрофа» и «катастрофа» такое же, как в терминах «анод» и «катод» — положительный и отрицательный полюса источника электрического тока¹.

Анастрофа — это не просто удача, везение; это событие внезапное, неудержимое и широкомасштабное, затрагивающее участь многих людей, как землетрясение или извержение вулкана, но с противоположным знаком: *счастьетрясение, счастьеизвержение*. Оно несет обновление, вызывает массовый душевный подъем, хотя его последствия в авторитарных государствах могут быть отрицательными и усилить тоталитарные тенденции («массовый энтузиазм»).

Онтология нашего мира более расположена к катастрофам, чем к анастрофам; отступление от обычного порядка вещей чаще сопряжено с бедствиями. В природе нет внезапной причины всеобщего счастья, нет цунами или торнадо со знаком плюс. Однако в исторической жизни анастрофы не так уж редки. Вспоминается День Победы 8–9 мая 1945 года; полет Гагарина в космос 12 апреля 1961 года; падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года; август 1991 года и внезапная радость победы над одряхлевшим режимом, ликование у Белого дома. Анастрофы меньшего масштаба постоянно случаются в жизни общества (например, спортивные победы). Соотношение анастроф и катастроф, законы их чередования в жизни этносов, социальных, религиозных, профессиональных групп — предмет **фатумологии*, теории судьбы.

*Симпсихоз, Событие, Судьба, Фатумология
Дар. Вып. 253. 1.2.2010.

БОЛЬШИНСТВА (majorities). Общественные группы, объединенные общечеловеческим опытом, в отличие от меньшинств, определяемых психофизической идентичностью. Обычно большинство (в единственном числе) противопоставляется «меньшинствам» (во множественном). Однако есть основание говорить о большинствах именно во множественном числе как о классах людей, выходящих за рамки своей социально-групповой идентичности.

Частичная социальная отчужденность «большинства» зависит от их возраста, состояния здоровья и психики. Старые и малые, влюбленные и больные, чем-то подавленные и что-то скрывающие, творческие безумцы и открыватели — формируют **трансоциум* поверх всех различий в социокультурных идентичностях. Концепция **транскультуры* может служить теоретической базой для исследования подобных странностей и странничеств, чуждостей и отчуждений, рассеянных среди культурных «большинства».

Обычно этно-расовое, гендерное или конфессиональное большинство, доминирующая идентичность, противопоставляется остальным группам как «мень-

¹ Слово «анастрофа» раньше использовалось крайне редко, как термин античной риторики, означающий перестановку смежных слов («море синее» вместо «синее море»). Более распространен в этом значении термин «инверсия».

шинствам» (белые — черным, мужчины — женщинам, христиане — иудеям и т.д.). Но большинства во множественном числе объединяют представителей самых разных меньшинств поверх всех мультикультурных делений. Например, все любящие, любившие, влюбленные, к какой бы расе и этносу, гендеру или конфессии они ни относились, образуют одну общность, одно большинство, один **транссоциум* любящих, который не разделяет людей по признаку происхождения и идентичности. Видеть человечество как совокупность большинства, интегрирующих общностей, а не разделяющих идентичностей, — таков горизонт **транскультуры*. **Транссоциальное* инклюзивно, а не эксклюзивно, оно исходит из того, что член даже самого малого меньшинства принадлежит к какому-то большинству, точнее, ко множеству большинства, объединяющих его со всем человечеством.

*Вочеловечение, Всечеловечество, Транскультура, Транссоциальное Творчество. С. 152–155.
Transcultural. P. 86–87, 103–104.

ВЫВЕРТ (quirk, twist). Неожиданная выходка, превратность, подмена в поведении индивида или общества. Для русской культуры характерен выверт как обманный жест, передергивание, «подстава», «подножка», унижительная для его адресата. В общем виде такой механизм можно охарактеризовать как иронию, не только субъективную, но и объективную, когда сами обстоятельства смеются над человеком и все задуманное им обращается против него, выворачивается наизнанку. Это своеобразный эффект «отчуждения», когда совершенное обществом или личностью действует против них, причем в циничной, шутовской форме, издеваясь над их лучшими надеждами, идеалами. Целенаправленное усилие в определенный момент внезапно производит обратный эффект. Отличие выверта от просто «насмешки судьбы» — особо вызывающий, оскорбительный тон такой подмены, выворачивающей наизнанку самое святое и высокое.

Ценностные полюса в русской культуре не столько раздвигаются, вмещая нейтральное пространство, сколько меняются местами в серии вывертов. Результат, как известно по Достоевскому, — «надрыв» («в гостиной, в избе и на чистом воздухе» — «Братья Карамазовы»). Герои Достоевского: подпольный человек, Ставрогин, Настасья Филипповна, Дмитрий, Грушенька, капитан Снегирев — склонны именно к вывертам. Их дерзкий вызов — разуму, выгоде, приличию, добродетели — оборачивается столь же оскорбительной насмешкой судьбы. Сами идеалы Содомы и Мадонны не столь противоположны, сколько «вывертны», поскольку совмещаются в одном сердце; влечение к одному не отменяет, но усиливает притягательность другого.

Русская история богата вывертами, самый грандиозный из которых — «Великая Октябрьская революция». *Выверт* — это не просто переворот, когда противоположные стороны, верх и низ, меняются местами. Произошел выверт, несущий в себе издевку над самым смыслом переворота, когда низы, ставшие верхами, делают еще более нищими и бесправными, а верхи вообще выдавливаются за пределы страны и жизни. Когда, например, чеховский Лопухин становится хозяином поместья, где его предки были крепостными, — это простой, «нормальный»

переворот. Но легко представить, что стало бы с Лопахиными после 1917 года, когда машина «переворота» продолжала раскручиваться в виде продразверстки, коллективизации, раскулачивания. Как иронически замечает по поводу чеховских героев писатель Владимир Шаров, «им в те годы казалось, что это не шар, который катиться будет, катиться и катиться, — а просто кубик: перевернется он с одной грани на другую и станет, будто вкопанный»¹. Российская модель — не кубик, который падает на одну сторону, а шарик, который продолжает крутиться. Отсюда и понятие «выкрутаса», от которого неотделима так называемая «крутизна» и «раскручивание». То, что крутится в одну сторону, легко раскручивается и в другую.

К категории выверта могут быть отнесены и другие трагииронические моменты русской истории: восстание декабристов, убийство Александра II, убийство Столыпина. Страна, получившая шанс на реформы, поспешной экстремистской выходкой отбрасывается далеко вспять. К таким вывертам причастны бинарные структуры русской истории, описанные Ю. Лотманом и Б. Успенским. В культуре почти не представлена средняя, оценочно нейтральная зона, где возможно снятие оппозиций и постепенный прогресс. Террористический акт или революционный скачок немедленно приводят в действие обратную силу реакции, быстрой архаизации. Не поступательное движение вперед, но колебание из крайности в крайность. Выверт — это и есть момент внезапной смены вектора, без опосредования и нейтрализации крайностей.

*Амби-, Вит, Гипер-, Двоечувствие, Ирония бытийная, Исторема, Историопластика, Недо-, Не-небытие, Противоирония, Реверсивность, Хитрость желания, Судьба
Слово. С. 500–504.
Ирония. С. 4–9, 24–26, 74–77.
Листочки. С. 7–9.

ГЛОКАЛИЗМ (glocalism; от сращения корней лат. global, всемирный, и local, местный). Сочетание процессов глобализации и локализации в развитии общества. Термин — пример *оксюморонима — образован из сочетания антонимов «глобальный» и «локальный».

Глокальный (glocal) — соединяющий глобальное с локальным, всемирные центры с периферией; то, что имеет отношение и к глобальному, и к локальному; то, что служит связи, сближению всемирного и местного. Глокальными называют политические события среднего масштаба, выходящие за рамки региона, но не достигающие до общемировых, такие как войны в Ираке (1991 года и 2003–2011 годов) и в Сирии (с 2011 года).

В конце XX века, особенно после падения железного занавеса, стремительно происходят процессы глобализации — экономики, связи, транспорта, международного права, туризма, культуры... Одновременно отмечается и противоположная тенденция — к ускоренному развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет (республики бывшего СССР, Югославия, противостояние религиозных этносов на Ближнем Востоке, французская Канада, Шотландия в Великобритании, «многокультурие» в США и т.п.). Нации, с одной стороны, объединяются глобальными системами коммуникации, коммерции

¹ Шаров В. Репетиции. «Мне ли не пожалеть...»: Романы. М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1997. С. 8.

и т.д.; с другой стороны, расщепляются на этно-региональные составляющие. Все это ведет к размыванию с двух сторон традиционных национально-государственных границ.

Один из насущных вопросов XXI века: будет ли идти интеграционный процесс по пути к мировому правительству или произойдет резкое обособление групп населения по этническому, религиозному, культурному признакам? Можно предположить, что оба процесса: интеграции и дифференциации — будут развиваться параллельно, ускоряя и подстегивая друг друга, — и тогда на знамени XXI века будет написано не «глобальность» и не «локальность», а *глокальность* (glocality). Каждая окраина мировой деревни будет прямо подключена к глобальным процессам, минуя средние звенья: области, штаты, нации. Технический прогресс — это именно растущая *глокализация*, проницаемость коммуникативных сетей: от наибольшего к наименьшему, от ООН к оазису в пустыне; причем постепенно отпадает нужда в посредниках, затрудняющих коммуникацию. Процесс развития идет сразу в обе стороны, глобальности и локальности, как процесс *сближения этих полюсов*. Проницаемость, мгновенность, обратимость информационных и энергетических связей, от индивида до планетарного логоса, — это и есть *глокализация*: рост в обоих направлениях, «макро» и «микро». Отсюда потребность в понятиях, которые связали бы эти два «расходящихся» процесса.

* Всечеловечество, Микроника, Прото-, Транскультура, Универсализм критический

ДЕМОБЮРОКРАТИЯ (demobureaucrasy). Взаимосвязь демократических и бюрократических процедур. Например, люди собираются, чтобы решить какой-то общественный или административный вопрос. Для этого достаточно действий одного человека, однако, чтобы соблюсти демократическую процедуру, созывается специально назначенный комитет, вносятся предложения, требующие дополнительного обсуждения. По каждому новому пункту может потребоваться создание отдельного комитета, который должен отчитываться перед данным, то есть происходит размножение административных заданий по ходу их выполнения. В России эти ритуальные формы общественного поведения часто оборачиваются тупиковыми бюрократическими процедурами, поскольку во многом заимствованы у Запада и таким образом оказываются вдвойне формальны. Демобюрократия во многом отвечает за низкую эффективность общественной работы и «производство пустоты».

* *Пустоводство*

Пустоводство, или Как делать ничего // Частный корреспондент. 8.6.2016.

Политика. С. 229–231.

КОМОС (comos; греч. komos, веселое шествие, праздничная толпа, идущая с песнями и плясками; отсюда «комедия»). Динамическое сообщество, не закрепленное никаким формальным уставом и стабильным составом, свободно меняющее своих участников и вместе с тем объединенное общим духом, кругом интересов. *Комос* отличается от кружка или клуба отсутствием регулярного места и времени

встреч. Это импровизационная форма социальности, своего рода «тусовка», но профессионально ориентированная — творческий рой, художественная стая, мыслящий улей. Пример комоса — сообщество концептуалистов 1970–1980-х годов, «московская нома», объединенная вокруг И. Кабакова и Д. Пригова. В более «мягкий», географически разбросанный (от Москвы до Нью-Йорка) комос, объединенный харизматической фигурой поэта А. Парщикова, входили И. Ганиковский, Е. Дыбский, А. Еременко, И. Жданов, В. Курицын, И. Кутик, А. Иличевский, С. Соловьев, В. Сулягин и др. Между ними было отношение не групповой идентичности, а резонанса, симпатии, текучих и множественных творческих валентностей. Этот комос объединялся не программными установками, а «семейными сходствами» (по Л. Витгенштейну). Есть отдельное сходство между А и Б, между Б и В, между В и Г... Между А и Я уже нет никакого сходства, но они взаимопричастны, как члены большой, разбросанной по миру семьи.

Комос — это хоровое начало в культуре, притом что внутри хора идет непрерывная спевка, подбор и разделение голосов. В отличие от религиозных сект и политических партий, с их суровым ригоризмом, программной избирательностью и последовательностью, комосы не имеют четко очерченных мировоззренческих границ, часто переливаются друг в друга, растекаются, представляя дух культуры в его открытости, свободном дыхании. По ходу движения комоса к нему присоединяются новые участники. Их роли непрерывно меняются, идеи и позиции метафорически отражаются и преломляются друг в друге. Комос — структура на грани бесструктурности, стихийное самосотворение культурного хаокосмоса. В этом его сила и слабость перед лицом более организованных движений.

*Импровизация коллективная, Метареализм, Соверие, *Транскультура*, *Транссоциальное*
Поэт древа жизни (Памяти Алексея Парщикова) // Новое литературное обозрение. № 98.
2009. С. 246–254.
Творчество. С. 384–406.
Transcultural. P. 31–55, 201–213.

ЛОГОПОЛИС (logopolis; от греч. logos, слово, разум, и polis, город-государство). Логически организованное, знаковое пространство городской цивилизации; урбанизм как ментальная структура. Большой современный город представляет собой сложную семиотическую систему. Энергия и архитектура мегаполиса под стать мозгу, производящему миллиарды операций в секунду. Развитие человеческого интеллекта и рост урбанизации сопутствуют друг другу. Земля постепенно превращается в планетарный город, в который вкраплены острова возделано-дикой, искусственно-первозданной природы: парки, сады, луга, заповедники, посредством которых цивилизация защищает природу от самой себя. Урбанизация — ментализация физических пространств, все более интенсивно охваченных нейро-коммуникативными сетями.

Примеры *логополисов* — большие университеты, академгородки, силиконовые долины, территории с высокой плотностью интеллектуальных производств, информационных технологий — точки наибольшей конденсации мыслящего вещества. Транспортные узлы — своего рода нейронные синапсы, передающие сигналы между разными участками ноосферы. Бездорожье и «безмозглость» — явления

одного порядка, симптом слабого ментального развития общества и его властных структур. У географического пространства есть свой IQ, который в значительной степени определяется плотностью транспортно-коммуникативных сетей.

* Нейросоциум, Ноовитализм, Ноократия, Нооценоз, Синтеллект

МИНУС-СИСТЕМА (minus-system). Значимое, системное отсутствие каких-то элементов в цивилизации, регулярно воспроизводимое на разных уровнях и этапах ее существования. Например, в России отмечается постоянная нехватка одних элементов в действующих структурах при избытке других, что проявляется на всех уровнях: от буднично-бытовых до общественно-государственных. Маркиз де Кюстин точно выразил этот «минусовой» характер цивилизации: «У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия — страна фасадов. Прочтите этикетки, — у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей... если же случайно позовете по близости русского врача, то можете считать себя заранее мертвецом» (1839)¹.

Век спустя Б. Пастернак писал из Свердловска: «В городе имеется телефон, но он каждый день портится... В гостинице есть электричество, но оно гаснет... То же самое с водой, то же самое с людьми, то же самое со средствами общения. Все они служат лишь на половину, достаточную, чтобы оторвать тебя от навыков, с помощью которых человек справляется с жизнью, лишенной водопровода, телефонов и электричества, но вполне мыслимой и реальной, пока она верна себе» (1932)².

В минус-системе цивилизация присутствует настолько, чтобы вырвать человека из природного уклада жизни и сделать тем ощутимее ее собственные пробелы. Спустя полвека, на исходе советской эпохи, ситуация в основном осталась той же. Дороги, ведущие к исчезнувшим деревням; деревни, к которым не ведут никакие дороги; стройки, которые не становятся строениями; строители жилья, которым негде жить. В политической системе есть только одна партия. В хозяйственной системе есть производители и потребители, но отсутствуют посреднические элементы между ними, образующие рынок.

После распада СССР многое в корне изменилось и даже перевернулось, но примеры «минус-системности» в постсоветской России продолжали множиться. Михаил Горбачев повторил формулу де Кюстина, отнеся ее к путинской России: «У нас есть парламент, но его сложно назвать парламентом в традиционном смысле этого слова. У нас есть суды. У нас есть все, но, одновременно с этим, нет ничего. Все это лишь декорации»³.

Метафора «фасада» и «потемкинской деревни» оказывается прочной и актуальна для нашего времени. Историк и журналист Николай Сванидзе: «Это независимая пресса, у которой только на фасаде написано: “Независимая пресса”. Написано на фасаде: “Парламент”, написано на фасаде: “Суд”. Но это не соответ-

¹ Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1930. С. 79.

² Цит. по кн.: Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 429–430. (Серия «ЖЗЛ».)

³ Telegraph. 06.03.2010. <http://newsru.com/russia/06mar2010/got.html>

ствует, это названия. <...> Стабильность тоже имитационная. Она точно такая же «потемкинская», точно такая же фасадная»¹.

Эти примеры можно множить, так что напрашивается определение цивилизации данного типа как системы со значимым отсутствием необходимых элементов. Можно называть это «обществом дефицита», но суть такова: необходимое отсутствие чего-то необходимого. Короче всего сущность минус-системы схвачена Воландом у Булгакова: «...Что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет» («Мастер и Маргарита», гл. 3).

* *Амбирелигия, Гипореальность, Ирреалия, Как бы, Недо-, Реалитет*

Образ. С. 65–75.

Слово. С. 339–345.

Религия. С. 98–105.

МНОГОВЛАСТИЕ, ПОЛИКРАТИЯ (polycrasy; греч. poly, много + kratos, власть). Многообразие властей, определяющих жизнь общества, включая неполитические формы власти, которые обладают своей легитимностью (наука, религия, этика, искусство). *Многовластие* носит более широкий характер, чем принцип разделения властей, как в современных западных государствах, где выделяются независимые ветви политической власти: исполнительная, законодательная, судебная. Диапазон власти шире политики. По словам Ницше, «жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти — если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти»². Власть предстает у Ницше и как биологический, и как эстетический, и как религиозный феномен. Об этом говорят сами названия разделов его незавершенного труда «Воля к власти»: «Воля к власти как познание», «Воля к власти в природе», «Воля к власти как общество и индивидуум», «Воля к власти как искусство»... Причем собственно политическая власть удостаивается у Ницше пренебрежительной оценки: «Люди, которые стремятся к власти только ради счастливых *преимуществ*, властью предоставляемых: политические партии» (фр. 721).

У каждой области общественного бытия есть своя власть, свои средства подчинения людей и достижения нужных целей. У интеллекта есть власть, действующая логикой убеждения, сцепкой причинно-следственных связей, наглядностью аналогий и емкостью обобщений. Есть своя власть у нравственных чувств и императивов, у таких понятий, как совесть и честь, ради которых люди идут на тяжелейшие испытания. Огромна власть над людьми религиозных верований, догматов и традиций. Своя растущая власть есть у науки, которая все больше претендует на то, чтобы стать Властью в современном обществе, пользуясь силой технологий, созданных на основе научных исследований. Огромна власть музыки, которая «так страшно, так ужасно иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть» (Л. Толстой, «Крейцера соната»).

¹ «Особое мнение» на радио «Эхо Москвы», 14.11.2014. <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1436646-echo/>

² Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, фр. 55. М.: Культурная революция, 2005. С. 57.

та»). Есть своя власть у литературы и искусства — способность подчинять людей силе образа, красоте слова и пластике жеста. По словам О. Мандельштама, «Поэзия — это власть». «Раз за поэзию убивают, значит, ей воздают должный почет и уважение, значит, ее боятся, значит, она — власть»¹.

Власть — это способность подчинять своей воле людей. Как бы ни противилась политика тем силам, которые исходят от науки, религии, искусства, языка, часто она оказывается беспомощна перед этими иновластными структурами, хотя они не имеют в своем распоряжении таких орудий, как армия, полиция, тюрьмы, администрация всех уровней. Поэтому, когда говорят о необходимом *разделении властей* в демократическом обществе, нельзя сводить это к вопросу разделения только политических властей. За пределами политики есть много других властей, управляющих жизнью современного, глубоко стратифицированного социума. Общество *поликратично*, то есть *многовластно*, поскольку оно гетерогенно, вмещает множество профессиональных подходов, социальных интересов, стилей жизни. Политика как таковая занимает в жизни свободного общества скромное место, поскольку делит власть с наукой и техникой, религией и моралью, языком и литературой, философией и музыкой. При поликратии каждый профессионал заботится о том, чтобы сфера его деятельности как можно дальше простирала свою власть над людьми. Так, писатели, филологи, лингвисты стремятся утвердить власть языка, семантики и прагматики над сознанием и подсознанием людей. Сила образов, риторическая и поэтическая власть не растворяется в политической, а ей противостоит, потому что, как сказал И. Бродский, язык древнее и могущественнее государства.

Чем больше властей перекрещиваются и взаимодействуют в жизни общества, тем оно свободнее. И наоборот, когда одна из властей начинает господствовать над обществом в целом, отесняя все другие, это приводит к тоталитаризму, причем не только политическому. Если религия приобретает всецелую власть над обществом, то это фундаментализм; если все сводится к науке или технике, это сциентизм или технократизм; если к морали — морализм; если к искусству — эстетизм... Все эти «измы» — виды тоталитаризма, гегемонии одной власти — опасны для общества в целом, и для их предотвращения следует утверждать ценности не только демократии, но и поликратии.

* *Полиполитика, Транскультура, Транссоциальное
Политика. С. 281–291.*

НЕДО- (under-). Приставка, категория культурологии и социальной философии, обозначающая незаконченность строительных акций, недовоплощенность созидательных проектов как свойство определенной цивилизации. Соответственно образуются и такие социально значимые разновидности *недо-* как: *недострой* (understruction), *недодел* (underdoing, underaction), *недоработка*, *недород*, *недобор*, *недостотр*, *недостача*. «Недо-» характеризует также парадоксальное религиозное мироощущение, которое исходит из оправдания материального мира и одновременно из необходимости его отрицания и частичного разрушения (см. **амбирелигия*).

¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Кн. 1. М.: Согласие, 1999. С. 199–200.

В России *недо-*, недоверженность материального и социального обустройства, выступает как важная категория национального мирозерцания и самосознания. Ф. Достоевский восклицал: «Боже, да у нас именно важнее всего хоть какой-нибудь да свой, наконец, порядок! В том заключалась надежда и, так сказать, отдых: хоть что-нибудь, наконец, построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которого вот уже двести лет все ничего не выходит»¹. Н. В. Гоголь сетовал на то, что, хотя в России больше умных людей, чем в Европе, те менее умные люди «хоть какое-нибудь оставили после себя дело прочное, а мы производим кучи дел, и все, как пыль, сметаются они с земли вместе с нами»². Даже такой «охранитель», как К. Победоносцев, стремившийся законсервировать страну, признавал безуспешность этих попыток из-за отсутствия самой субстанции, которую можно было бы запечатать и оберечь. Сохранять можно только то, что уже существует, а то, что находится в полупостроенном-полуразрушенном состоянии, нельзя сохранять, можно только дальше строить или дальше разрушать. «Стоит только пройтись по улицам большого или малого города, по большой или малой деревне, чтобы увидеть разом и на каждом шагу, в какой бездне улучшений мы нуждаемся и какая повсюду лежит масса покинутых дел, пренебреженных учреждений, рассыпанных храмов»³.

Но именно эта рассыпанность, покинутость и пренебреженность сохраняется в России как своеобразное сочетание консерватизма и нигилизма, как консервация самой негативности, памятник разрушению памятника. Трудно определить, что есть *недо-*: «полунаполненное» или «полупустое» культурное пространство, но присутствие этих двух половин равно обязательно, чтобы одна очерчивала и оттеняла другую.

В облике российских городов и селений есть неустрашимая обшарпанность, обветшалость, как бы присущая самому духу этих мест. Новенькое, «с иголки» сооружение тоже быстро ветшает и срастается с аморфной средой обитания. Художник и теоретик российского постмодерна Илья Кабаков объясняет эту постоянную недосозданность или полуразрушенность российского ландшафта самим условием его существования в метафизической пустоте. «Каждый человек, живущий здесь, живет осознанно или неосознанно в двух планах: в плоскости своих отношений с другим человеком, со своим делом, с природой, и — в другом плане — в своем отношении с пустотой... Первый есть «строительство», устройство, второй — истребление, уничтожение первого. На бытовом, житейском уровне эта разведенность, раздвоенность, роковая несвязанность первого и второго планов переживается как чувство всеобщей деструкции, бесполезности, безосновности, бессмысленности всего, что ни делает человек, что бы он ни строил, ни затевал — во всем есть ощущение временности, нелепости и непрочности»⁴.

¹ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 453.

² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Гл. XXVII, «Близорукому приятелю» // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1986. С. 299.

³ Материалы для физиологии русского общества: Маленькая хрестоматия для взрослых. Мнения русских о самих себе / Собрал К. Скальковский. СПб.: типография А. С. Суворина, 1904. С. 132.

⁴ Кабаков И. Жизнь мух. Kolnischer Kunstverein. Edition Cantz, 1991. С. 86.

Эти два процесса, конструкции и деконструкции, воплощения и размывания, не просто происходят одновременно, но они завязаны вместе в один узел: *недо-*. Если «до-» указывает на процесс до-стижения чего-то определенного, до-ведения дела до конца, то «не-» препятствует этому «до-», действует как сила оттяжки, отсрочки, образуя пустоты на пороге возможного достижения. Промежуточный слой между «до» и «не» — та грань, по которой скользит это «очарованное странничество» российского духа. Таково промежуточное место этого религиозного опыта между Востоком и Западом: полупризрачные постройку позитивного мира, постоянно стоящие в лесах и всем своим видом говорящие, что они никогда не будут достроены, что начаты они вовсе не для того, чтобы получить завершение, а чтобы пребывать в этой полупустой середине. Не пустота совсем уже голого места, пустыни или пустыря, но и не завершенность зодческого труда в башне и шпиле, а именно вечная стройка, «долгострой», «недострой», в котором доски и перекрытия столь же значимы, лелеемы, как и прорехи, сквозящие между ними. *Недо* — межеумочность вольного духа, который равно чужд и восточной созерцательной практике мироотрицания, и западному деятельному пафосу мироустройства (см. **Амбирелигия*).

У *недо-* есть не только культурная, социальная, религиозная, но и психологическая составляющая. Когда «не» и «до» напрямую сочетаются, то создается нечто вроде *надрыва* (laceration), описанного Ф. Достоевским во всех видах: в гостиной, в избе и на открытом воздухе («Братья Карамазовы», кн. 4, «Надрывы»). Катерина Ивановна *до* такой степени любит Дмитрия, *до* такой степени всепрощения и самоотречения, что... вовсе даже и *не* любит его («Дмитрия надрывом любите... внеправду любите...» — вдруг озарило Алешу). Штабс-капитан Снегирев *до* такой степени отчаяния нуждается в деньгах, *до* такого «дикого восторга» доходит, когда Алеша передает ему деньги, что... *не* берет их, бросает на землю и с остервенением топчет каблуком. Такая стычка «до» и «не» в мире Достоевского производит истерику, душевную судорогу. «Они плачут... истерика, бьются» (о Катерине Ивановне). «Сотрясается, словно судорогой его сводит (о Снегиреве).

Печатью *недо-* отмечены и два таинственных и жутких образа русской словесности: «недоносок» в одноименном стихотворении Е. Баратынского и «недотыкомка» в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» (и в его более раннем стихотворении «Недотыкомка серая...»). Общее у этих загадочных тварей — само *недо-* как признак чего-то метафизически зыбкого, непрявленного, надорванного. У них сходные эпитеты, динамика действия. *Недоносок* — взлетает и падает, мечется, изнывает тоскою. *Недотыкомка* — вьется и вертится, томит зыбкой присядкою... Если недоносок — страдающий, неродившийся *некто*, то *недотыкомка* — дразнящее и ускользающее *нечто*.

Недо- глубинно сопряжено с другой философемой российской цивилизации — **как бы*, обозначающей условно-симулятивную, «кажимую» природу социального мироустройства. Если *недо-* указывает на востребованность и одновременно нехватку реальности в данной общественной системе, то *как бы* — на избыток фиктивных, условно-иллюзорных форм ее проявления.

**Амбирелигия*, Амбитеизм, Вакуум нестабильный, Выверт, Гипер-, Гипо-, *Гипореальность*, Грамматософия, Ирреалия, *Как бы*, Калодицея, *Минус-система*, Не-небытие, *Реалитет Постмодерн*. С. 103–122.
Религия. С. 108–102.

ОБНАДЕЖИВАЮЩИЙ УРОД (*hopeful monster*). Понятие генетики и теории эволюции, применимое также к общественным феноменам; макромутация организма, который отклоняется в своем строении от нормы и может быть адаптирован, иногда успешно, к измененным условиям среды. При совпадении с аномальными переменами в среде такая аномалия — «минус на минус» — может дать плюс, то есть привести к развитию нового вида или других таксонов (групп организмов)¹. Понятие «обнадеживающего уroda» ввел американский генетик Рихард Гольдшмидт², подвергнув критике дарвиновскую теорию эволюции, поскольку мелкими вариациями нельзя объяснить образование новых видов. Следует допустить большой скачок, макромутацию, которая может оказаться благоприятной и «видообразующей», только если такой мутант находит для себя новую экологическую нишу.

Эволюционные скачки могут происходить не только в животных, но и в человеческих популяциях, и соответственно понятие «макромутации», или «системной мутации», может относиться к культуре, к этносам. Социальная эволюция может происходить путем накопления мелких мутаций, едва заметных изменений в строении общественного организма. Революции же можно сравнить с макромутациями, которые делают возможным развитие новых общественных форм. Обычно макромутации вредоносны, и в результате появляется нежизнеспособный урод, обреченный на быструю гибель. У России, пережившей за XX век четыре революции и три войны (в том числе две мировые), налицо признаки вредных социальных мутаций: дегенерация населения, демографический спад, алкоголизм и распространение наркомании, повышенная смертность и низкая продолжительность жизни; развал науки и многих производительных отраслей хозяйства, выживание только за счет выкачки недр; всепроникающая коррупция, отсутствие демократического разделения властей и механизмов обновления власти; цинизм и индифферентность населения, его криминализация и сращение власти и криминалитета, неразвитость права и правосознания, утрата традиционных ценностей и моральных приоритетов, отток самой интеллектуальной части общества на Запад. «Когда популяция доходит до грани жизни и смерти, в ней возникает множество мутаций, большинство из которых губительно для нее»³.

Наряду с разрушительными мутациями в России следует отметить и ряд таких, которые могут стать конструктивными, хотя и воспринимаются как аномалии с точки зрения развитых постиндустриальных обществ: высокая адаптивность к низшим, минимально приемлемым условиям существования; появление «отравляющей» породы людей, способных выносить предельные нагрузки и экологически вредную среду обитания; нелинейность, ризоматичность социальных структур; недостаточная специализированность всего культурного поля, тенденция к цельности, гибридности; многообразие этносов; резерв жизненных альтернатив, образованный большим числом чудаков, юродивых, маргиналов, аутсайдеров, патологий поведения и психики, «выкидышей» цивилизации.

¹ Корочкин Л. И. Биология индивидуального развития (генетический аспект). М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 241.

² Goldschmidt R. The material basis of evolution (1940). New Haven: Yale Univ. Press, 1982.

³ Кайданов Л. З. Генетика популяций. М.: Высшая школа, 1996.

Совокупность аномалий, отличающих российскую цивилизацию, ставит ее в крайне опасное положение, на грань катастрофы. «Однако, — по словам биолога, — среди множества этих “уродов”, возможно, появится и такой, который впишется в какую-либо новую экологическую нишу»¹. В данном случае речь идет о социальных аномалиях и о том, как они могут вписаться в сценарии будущего развития человечества. Какие исторические условия на Земле могут способствовать тому, чтобы продукт системных общественных мутаций, то есть революций и войн, скачков от капитализма к коммунизму и обратно, оказался «обнадеживающим»?

Среди таких экстремальных, как правило, резко негативных условий мыслимы: планетарная катастрофа, после которой выживут только представители общества, приспособленного к наитруднейшим условиям существования; техногенные катаклизмы (типа взрывов на атомных электростанциях), в которых лучший шанс окажется у технически менее развитых или территориально наиболее разбросанных наций, с наименьшей плотностью населения; война между Западом и Исламом, в которой Россия, с ее многовековым опытом полиэтничности и поликонфессиональности, окажется местом примирения и откроет новую страницу истории «после третьей мировой войны». Признаки нынешнего уродства могут оказаться эволюционно выигрышными только в случае катастрофических вариантов мирового развития, особенно если катастрофа окажется «избирательной», например если произойдет глобальное изменение климата и Россия окажется в самой мягкой климатической полосе, выгодной для хозяйственного развития.

«Обнадеживающий урод» — глубинный российский архетип, сказочный Иван-дурак, все время плошавший перед умными старшими братьями, но потом чудом («глупой случайностью») отхвативший себе прекрасную царевну и царство в придачу. Есть в русском фольклоре и прямой биоморфный образ макромутации: болотная лягушка оборачивается прекрасной царевной Василисой Премудрой. Но следует признать, что «сказочны» и многие события палеонтологической летописи. Например, птицы, как один из классов позвоночных, образовались, скорее всего, в результате внезапной системной мутации. По словам немецкого эволюциониста и палеонтолога Отто Шиндевольфа, «Искать переходные формы бесполезно, потому что их и не было: первая птица вылупилась из яйца рептилии»². Сам человек, по оценке современной эволюционной теории, тоже возник в результате разрыва и скачка, как *обнадеживающий урод* царства приматов, «гадкая обезьяна». «Организация человека уродлива по сравнению с его предками: таковы, например, анатомические особенности, связанные с вертикальным положением тела, отсутствие хвоста, волосяного покрова и т.д.»³ Поэтому не только обезьяны кажутся уродливыми человеку — в такой же мере и он должен выглядеть уродливо-нелепым в их глазах: бесшерстая, бесхвостая обезьяна на двух ногах... Взгляд приматов, по сути, более объективен, поскольку они были нормой тогда, когда человек был еще только аномалией. Среди макромутаций

¹ Модин А. П. Эволюция: 150 лет после Дарвина // Биологические науки. 2009. № 12.

² «Основные вопросы палеонтологии», 1950. Schindewolf O. Basic questions in paleontology. Chicago, London: Univ. of Chicago press, 1993. XVIII, 467 p.

³ Корочкин Л. И. Биология индивидуального развития (генетический аспект). М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 241.

преобладают разрушительные, но только они и способны вести к образованию новых видов и классов за эволюционно кратчайшие сроки. От всех носителей российского культурного гено типа зависит, насколько эта системная мутация окажется вредной или благоприятной для данного исторического организма и приведет к его гибели — или созданию новой линии эволюции¹.

**Конструктивная аномалия, Креатема, Минус-система, Недо-, Хоррология
О России с надеждой // Новая газета. 2.12.2011. № 135 (1838).
Политика. С. 25–38.*

ОТСТАВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (a human lagging behind humanity). Один из основных векторов истории: возрастание диспропорции между человеческой индивидуальностью, ограниченной биологическим возрастом, и социально-технологическим и информационным развитием человечества, для которого нет видимого предела во времени. Увеличение возраста человечества не сопровождается столь же значительным увеличением индивидуальной продолжительности жизни. С каждым поколением на личность наваливается все более тяжелый груз знаний и смыслов, которые были накоплены предыдущими веками и которые она не в состоянии усвоить.

Основной закон истории по-разному формулировался у Вико и Мальтуса, у Гегеля и Маркса, у Шпенглера и Питирима Сорокина: как рост народонаселения или самопознание абсолютного разума, как усиление классовой борьбы или расцвет и увядание цивилизаций... В ряду самых общих закономерностей стоит и *отставание человека от человечества*.

Среди прежних попыток осмысления этой диспропорции — проблема отчуждения, поставленная XIX веком, и проблема утраты реальности, поставленная XX-м. Марксизм, экзистенциализм, постмодернизм, в сущности, решают одну проблему: растущую диспропорцию между человечеством и человеком, видом и индивидом, которая формулируется то как «отчуждение» и «проклятие частной собственности», то как «некоммуникабельность» и «царство абсурда», то как «гибель реального» и «царство симулякров». Постмодерн на исходе XX века снимает проблему отчуждения тем, что снимает саму проблему реальности: она не просто отчуждается или обесмысливается, но исчезает, а вместе с ней — и общий субстрат человеческого опыта, заменяясь множеством произвольных и относительных картин мира. Каждая раса, культура, пол, возраст, местность, индивид создают свою «реальность», точнее ее «симулякр».

И отчуждение реальности от человека и, далее, исчезновение самой реальности — ступени одного поступательного процесса, в котором сумма всей информации, выработанная человечеством, делается все менее доступна отдельному индивиду. Этот процесс совершается не в арифметической, а в геометрической прогрессии; развитие человечества — информационное, технологическое — непрерывно ускоряется по экспоненте. Та сумма знаний и количество «новостей», которые накапливались в течение всего XVI или XVII веков, теперь поставляются

¹ *ПП*: О России с надеждой // Новая газета. 2.12.2011. № 135. С. 15–16. <http://www.novayagazeta.ru/society/49774.html>

в одну неделю, то есть темп производства информации возрастает в тысячи раз, притом что и информация, накопленная всеми предыдущими временами, также непрерывно суммируется и обновляется в составе новых информационных ресурсов. Получается, что человек рубежа XX–XXI столетий вынужден за свою жизнь воспринять в десятки тысяч раз больше информации, чем его предок всего лишь 300–400 лет назад. А ведь средняя продолжительность жизни за несколько последних веков увеличилась не геометрически, а всего лишь арифметически, не более чем вдвое¹. По расчетам специалистов, тридцать лет назад объем знания, производимого человечеством, удваивался каждые восемь лет², а ныне — примерно каждый год. С введением «Интернета вещей» он будет удваиваться каждые двенадцать часов. Значит, индивид все более чувствует себя «калекой», который неспособен полноценно соотноситься с окружающей информационной средой. Это особого рода увечье, в котором человек лишается не внешних, а внутренних органов: зрение и слух принимают на себя нагрузку, которой не выдерживают мозг и сердце.

По Мальтусу, человечество как производитель отстает от себя же как потребителя, то есть речь идет о соотношении совокупной биологической массы и совокупного экономического продукта человечества. Но в состязании с самим собой у человечества все же гораздо лучшие шансы, чем у индивида в состязании со всем человечеством. Человечество может себя прокормить — но может ли оно себя понять, охватить разумом индивида то, что создано видовым разумом? Хватит ли человеку биологически отмеренного срока жизни, чтобы стать человеком? Индивид, даже интеллектуально развитый, перестает быть представителем человечества — и становится профессиональной особью, представляющей узкий класс «специалистов по третьему тому Гегеля», — а также этнической, сексуальной, расовой, классовой особью, представляющей мельчающие подклассы, отряды, семейства человеческого рода.

Одним из первых об опасности дезинтеграции человечества предупреждал немецкий философ Вильгельм Виндельбанд: «Культура слишком разрослась, чтобы индивид мог обозреть ее. В этой невозможности заключена большая социальная опасность. <...> Сознание единой связи, которая должна господствовать во всей культурной жизни, постепенно утрачивается, и обществу грозит опасность распасться на группы и атомы, связанные уже не духовным пониманием, а внешней нуждой и необходимостью. <...> Современный человек удовлетворяется поверхностным дилетантизмом, снимая со всего пену и не касаясь содержания»³.

Мировые войны и революции XX века — следствие именно этого распада человечества. Причем угроза явилась из той страны, которая шла в авангарде культурного развития человечества — и по странному совпадению стала виновницей двух мировых войн. Как замечают Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в связи с нацификацией Германии, «прогресс в направлении учреждения нового порядка в широкой мере поддерживался теми, чье сознание не поспевало за

¹ Средняя продолжительность человеческой жизни в начале нашей эры была 20–25 лет, в конце XVIII века — 35–40, в настоящее время — 70–80 лет.

² Large P. *The Micro Revolution Revisited*. New Jersey: Rowman and Allanheld Company, 1984.

³ Виндельбанд В. Фридрих Гельдерлин и его судьба (1878) // Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Юристъ, 1995. С. 136–137.

прогрессом, банкротами, сектантами, дураками»¹. Это именно то, о чем предупреждал Виндельбанд за семьдесят лет до того, как «диалектика просвещения» повернулась к Германии своей темной стороной: «Наша культура стала настолько разветвленной, настолько многообразной, настолько противоречивой, что индивид уже не может полностью охватить ее»². И тогда наступает пора насильственного упрощения культуры по линии националистического или классового подхода. Там, где рвется связь человека и человечества, наступает конец гуманизма. Можно только гадать, к каким социальным взрывам и потрясениям может привести тот информационный взрыв, в котором мы участвуем.

Любая диспропорция в развитии человечества рано или поздно находит насильственный и катастрофический выход, вслед за чем начинается пора отрезвления и мирного урегулирования социальных, демографических, а в будущем информационных кризисов. Если в XIX веке отверженными от материального прогресса и изобилия представляли пролетарии, то как мы назовем эту растущую группу людей в XXI веке? Жертвами информационного взрыва? Юродивыми компьютерного века? Инфопролами? Глупость и ум, информационная насыщенность сознания становятся более решающими факторами, чем материальная собственность. Бедные XXI века — это неспособные вобрать в себя то, что является общепризнанным капиталом человечества: знания, идеи, информацию. В силу ограниченного срока жизни и нарастающего отставания от человечества многие люди будут попадать в разряд бедных, которые могут попытаться отомстить человечеству за этот растущий разрыв.

В частности, резкий подъем религиозного фанатизма и фундаментализма в последние десятилетия, на первый взгляд, противоречит процессам глобализации, но может объясняться именно реакцией на ускоренное производство и обмен информацией в планетарном масштабе благодаря экспансии Интернета, мобильных телефонов и других коммуникативных сетей. Целые группы населения чувствуют себя обделенными, изолированными, «бедными» в обществе информационного изобилия. Информационный взрыв делает современный мир сложным для понимания и вызывает сопротивление в виде нового культа архаики и возврата к простым догматам веры.

Результатом такой растущей диспропорции между общечеловеческой культурой и формами индивидуального ее освоения будет информационная шизофрения, а возможно, и вымирание человечества, о чем предупреждал Р. Бакминстер Фуллер: «На своих передовых рубежах наука открыла, что все известные случаи биологического вымирания были вызваны избытком специализации, избирательной концентрацией немногих генов за счет общей адаптации. <...> Между тем, человечество лишилось всеобъемлющей способности понимать. <...> Только полный переход от сужающейся специализации ко все более всеохватному и утонченному всечеловеческому мышлению... может повернуть вспять курс человека на самоуничтожение...»³

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Против всезнайства // Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997. С. 258.

² Виндельбанд В. Цит. соч. С. 136.

³ Buckminster Fuller R. Synergetics. Explorations in the Geometry of Thinking. New York: Macmillan Publishing Co., Inc., 1975. P. XXV, XXVI.

Вполне реальна опасность того, что человечество, устоявшее перед ядерной бомбой, истребит себя бомбой информационной, разобьется на мельчающие информационные, а затем и техно-социально-генетические подвиды. На повестку XXI века встает закон ускоренного производства информации и как следствие его растущий разрыв между отдельными группами населения — и человечеством в целом.

* Всечеловек, Техногуманистика, *Травма постмодерна*

Информационный взрыв и травма постмодерна // *Русский журнал*. Октябрь 1998; Звезда.

1999. № 11. С. 216–227.

Постмодерн. С. 45–66.

ПАНФОБИЯ, МИРОЗЛОБИЕ (panphobia; греч. pan, всё + phobos, страх, ужас). Страх и ненависть ко всему миру. Не следует путать панфобию с мизантропией («человеконенавистничеством»). Мизантроп нелюдим, избегает общества, не слишком высокого мнения о людях, в том числе о самом себе; это недоброе, но пассивное, страдальческое отношение к миру, осознание его пороков и слабостей. Мирозлобие — это эмоционально агрессивное отношение к миру, злорадство по поводу его бед и несчастий, стремление унижить, наказать. *Мирозлобеец* ненавидит весь мир, желает ему зла, испытывает обиду и желание отмщения. Подпольный человек Достоевского, желающий всему свету провалиться, — один из первых представителей этого типа.

Панфобия выражается в пропаганде войны и насилия как средств геополитической экспансии. В уставе Евразийского союза молодежи написано: «Мы — тоталитарная партия интеллектуального типа, ориентированная на эсхатологический захват планетарной власти. Хитрый и жестокий захват». Выбор прост: если человечество не дерзнет стать кастовым и «евразийским», то лучше ему сгореть в ядерном огне. Панфобия грозит превратить Америку и вообще Запад в радиоактивную пыль и призывает российскую армию оккупировать всю Европу и установить над ней власть «русского царя».

Панфобия более опасна, чем фашизм или коммунизм, и относится к традиционным идеологическим формам тоталитаризма XX века примерно как ядерное оружие к обычному, поскольку выражает тотальную ненависть: не к иным классам, нациям или расам, а к миру как таковому. Это жажда абсолютной гегемонии над миром и стремление диктовать ему свою волю — или уничтожить его. Советский коммунизм с его идеей классовой борьбы и ненависти к «врагам народа» был только прологом к той панфобии, которая стала возрастать в XXI веке на почве *ресентимента* и *реваншизма*.

* Аморт, Новейшее средневековье, Психократия, *Святобесие*, Танатализация, Тотальгия, *Шизофашизм*

От совка к бобку: 2014-й год в предсказании Достоевского // Новая газета. 5.12.2014.

Политика. С. 155–157, 215–220.

ПЛАТОМАРКСИЗМ (Plato-Marxism). Сочетание платонизма и марксизма в тоталитарных практиках и теориях XX века; философская основа государственной идеократии советского образца.

По определению А. Н. Уайтхеда, западная философия — это совокупность примечаний к диалогам Платона. Тогда уместно предположить, что русской философии, и особенно советского периода, принадлежит одно из почетных мест в истории мировой мысли, поскольку учение Платона об идеях как основе государственного строя нигде не воплощалось столь грандиозно, как в коммунистической России. Никогда и нигде мысль так не билась над воплощением «высших» идей в ткань общественных отношений и повседневной действительности — так что, в результате полной *философизации* бытия, мысль становилась пленницей этих самых идей, приобретающих форму тотальной власти. То, что *платонически* обобщалось в мысли, *марксистски* обобществлялось в бытии.

Исторически Россия не столько производила философские идеи, сколько старательно внедряла их в общественное бытие и сознание. Россия — не рассадник новых идей, но место их общественного воплощения, где они обретают черты партии, секты, «философского града», «идеального государства». Марксизм был государственной философией России на протяжении семидесяти лет — никогда раньше философия не обладала таким весом в обществе. Если в других странах высшей общественной ценностью и авторитетом были мифологические верования, религиозные учения, монархическая преемственность, рынок и коммерция, то в России такой высшей инстанцией была именно философия — верность учению диалектического материализма и научного коммунизма. Именно в философии все политические, экономические и технические решения, не говоря о культурных, находили свое последнее обоснование — дальше, за пределы марксистско-ленинской философии, двигаться было некуда. Соотношение лирических и эпических элементов в поэме или наследование приобретенных признаков растениями — все эти сугубо специальные вопросы поэтики или биологии решались исходя из высших философских соображений.

Государственно учрежденная философия в СССР была губительной для отдельных философов именно потому, что становилась субстратом самой действительности и приобретала черты сверхличного, универсального разума, как в Платоновом государстве. В своем безграничном господстве разум тождествен безумию, поскольку отличительным свойством разума, как писал еще Паскаль, является его «недоверие к себе». Россия страдала не от недостатка, а от избытка философизма, который проникал в каждую клеточку общественной и частной жизни, выстраивая ее по правилам *материалистической идеологии*, то есть системы идей, не отражающих, а переделывающих материальную действительность по своему образу и подобию.

Казалось бы, марксизм, с его выведением всех идей из экономического фундамента общества, прямо противоположен платонизму. Но сам марксизм лишь перевернул с головы на ноги гегелевскую философию, исходящую из самодвижения абсолютной идеи. Новое у Гегеля в сравнении с Платоном — поступательное, историческое развитие идеи, но конечный итог этого процесса — тоже государство (немецкое), вобравшее в себя полноту самопознавшего разума. Этот платоновский и гегелевский идеализм, обращенный у Маркса в самодвижение материальной действительности и общественных формаций, не исчезает, но остается скрытой потенцией истории и вырастает в ее конечный идеал, грядущее коммунистическое общество. Упразднив царство идей, отрешенное от истории, Маркс вслед за Геге-

лем воздвиг его как конечную перспективу истории. Русская мысль перенимала и усваивала платонизм не только от самого Платона, не только через неоплатонические учения отцов церкви или через воздействие гегелевского абсолютного идеализма, — но и через Маркса. В свое время философ Сергей Булгаков, совершая переход от марксизма к идеализму, высказывал намерение перевести Маркса на язык Платона. Собственно, такой перевод и осуществила советская идеология, превратившая материализм в программу материального воплощения чистых идей. Более того, Маркс оказывался более рьяным платоником, чем сам Платон, поскольку если у древнегреческого мыслителя царство идей существует само по себе и не нуждается в материальном воплощении, то у Маркса идеи неотделимы от исторического процесса и жаждут воплощения, «теория овладевает сознанием масс» и «становится материальной силой». *Платомарксизм* советского образца есть важнейшая фаза всемирной эволюции платонизма.

Платон, Гегель и Маркс представляют три стадии развития идеализма в направлении социальной инженерии: 1) сверхъестественный мир идей; 2) воплощение абсолютной идеи в истории; 3) преобразование истории силой идей. При этом на третьей, марксистской стадии усиливается как *материалистическая направленность идеализма*, так и *моноидейность, тоталитарная направленность материализма*. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: «Философы до сих пор лишь различным образом объясняли мир, тогда как задача состоит в том, чтобы изменить его» — содержит существенную асимметрию: переход от «объяснения» к «изменению» достигается утратой «разнообразия», которое исчезает во второй части тезиса. Предполагается, очевидно, что объяснять мир можно разными способами, а *изменять — только одним*.

Если у Платона и Гегеля идеи еще отчасти парили над миром, отвлекались в особую область Высшего Ума, Абсолютного Духа, то теперь они легли в основание всего: в строй хозяйственной деятельности и повседневной жизни, в ритуалы партийной чистки и субботники по очистке территорий, в пятилетние планы... *Диалектический материализм* оказался орудием *воинствующего идеализма*. Господство материализма, по замечанию Андрея Белого, привело к исчезновению материи в СССР — резкому падению материального уровня жизни (*Недо-). Историческая функция материализма — не в бесполезном удвоении («верном отражении») реальности, а в ее практической, насильственной идеализации.

Поэтому господствующее интеллектуальное движение советской эпохи точнее называть не просто марксизмом, но *платомарксизмом*, то есть таким *идеализмом, который утверждает себя как закон самой материальной действительности*. Если Платон, исходя из идеалистических предпосылок, пришел к системе коммунистического государства, то Маркс, исходя из коммунистических предпосылок, должен был прийти к системе *идеократии*, что и осуществилось в России XX века. *Материализм стал идеологией*, и словосочетание «материалистическая идеология» звучало естественно для слуха советских людей — а значит, столь же естественно и понятие «платомарксизм». *Платонизм был обратной стороной марксизма*, и последующий крах идеократического государства стал в какой-то мере приговором для них обоих.

Платомарксизм советской цивилизации явился основой развития позднесоветского концептуализма как художественного и интеллектуального движения,

демонстрирующего семантическую пустотность идей, их вербальность и отвлеченную концептуальность. **Концептуализм* — это номиналистическая критика и пародия на платомарксизм как новую форму средневекового реализма.

**Амбирелигия, Амбиутопия, Видеология, Гипер-, Идеологический язык, Как бы, Концептуализм, Недо-, Ухрония*

Об основных конфигурациях советской мысли в послесталинскую эпоху // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2014. С. 73–89.

Ideas against Ideocracy: the Platonic Drama of Russian Thought // In Marx's Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia / Ed. by C. Bradatan and S. Oushakine. Lanham (MD): Lexington Books, 2010. P. 13–36.

Лит.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги / Пер. под ред. В. Н. Садовского. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 71–72, 113, 211; т. 2. С. 138, 204.

ПОЛИПОЛИТИКА (polypolitics; греч. poly, много + polis, город-государство, откуда politikos, гражданский, политический). Политическое значение многообразных неполитических видов деятельности. Наука, философия, поэзия, живопись сильнее всего воздействуют на общество не тогда, когда они напрямую говорят о политике, выражают какие-то политические взгляды, продвигают определенные партии, платформы, движения. В этом случае они становятся инструментами политики. Свое наибольшее воздействие на общество эти формы *полиполитики* оказывают именно тогда, когда становятся аполитичными в традиционном смысле, то есть вместо подчиненной политической роли берут на себя миссию «чистой», неангажированной науки, поэзии, музыки и властвуют над людьми независимо от их политических пристрастий. Древнейшие формы полиполитики — пифагореизм и платонизм в Греции. Это воздействие на общество иными средствами, чем политика: осуществление *властных* полномочий числа, поэзии, мудрости.

В условиях репрессивной политики, при господстве тоталитаризма и авторитаризма, *полиполитика* противопоставляет государственному контролю воздействие музыки, слова, науки, благодаря чему общество чувствует над собой власть иных законов, чем те, которые навязываются им политиками.

**Многовластие, Транскультура*

Политика. С. 281–291.

ПОЛИТИКОЗ (politicosis; ср. «психоз», «токсикоз» и др. медицинские термины). Болезнь политического; одностороннее увлечение политикой, *политомания* (politicomania). Политикоз — это склонность политизировать любые явления (искусство, науку, религию, этику и т.д.), преувеличивать значение политики, выводить из нее все содержание культуры и сводить к ней все смыслы человеческой жизни. Политикоз может быть профессиональным заболеванием политиков, мыслящих весь мир в категориях политической борьбы, заговора, идеологии и т.д. Одержимость политикой и политическим может быть свойством отдельных личностей, мыслителей — или целых обществ, исторических периодов. Политикоз особенно заразителен в молодости, когда политика предлагает готовый и ясный ответ на любые вопросы самоопределения личности.

Массовым политикозом была отмечена жизнь советского общества в 1920–1940-е годы; впоследствии, в брежневскую эпоху, *политикоцентризм* (politicocentrism), оставаясь официальной идеологией, уже не представлял собой повального заболевания: сферы научного, художественного, религиозного постепенно приобрели самостоятельное значение.

*Многовластие, Полиполитика
Юность. С. 90.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА (potential communities). Сообщества, для формирования которых есть предпосылка в виде психологической, мировоззренческой или какой-либо другой общности индивидов. Например, все влюбленные, или все испытывающие боль, или все переживающие кризис среднего возраста, или все верующие в Бога, но не принадлежащие ни к одной конфессии, образуют некоторую общность. Для ее перерастания в сообщество требуется пройти ряд ступеней: саморефлексия и самоидентификация, чувство солидарности, заинтересованность в опыте других, потребность общения, практика коммуникации, сначала спонтанной, потом все более регулярной и организованной, приобретающей институциональные черты...

На пути от потенциального сообщества к актуальному много ступеней и переходных форм. Не всякая общность требует актуализации в виде сообщества. Л. Толстой, проповедуя трезвый образ жизни, вместе с тем отрицательно относился к идее собраний и организаций трезвенников, поскольку отрицательное отношение к алкоголизму еще не формирует позитивной основы общения. Потенциальное сообщество часто выигрывает в своей действенности, оставаясь потенциальным, подобно тому как **модальные чувства и действия* (вера, надежда, страх, желание) сильнее, когда обращены на потенциальное, — и исчезают, когда их предмет актуализируется. Точно так же актуализация потенциальных сообществ, их переход в организации и институции, может лишать их объединительных и вдохновляющих импульсов, свойственных именно потенциальности.

Сочувствие, сомыслие, **соверие*, то есть обращенность к другим, духовно близким в рамках сознательной приверженности общим ценностям, без организованных структур общения и солидарности (organic commitment without organized communication) — это лейбницевская модель творческого плюрализма, «предустановленная гармония монад», которым не требуются окна и двери, чтобы осознавать свою общность. Вместе с тем сама категория потенциального сообщества ставит вопрос о целесообразности его актуализации в каждом конкретном случае. Нужно ли превращать общность внеконфессионально верующих в самостоятельное сообщество, то есть в еще одну конфессию (см. **Бедная вера*)? Является ли человечество биологически заданной общностью — или оно призвано превращаться в сознательное сообщество? На какой ступени актуального объединения следует остановиться, чтобы не был утерян творческий импульс потенциальности (см. **Всечеловечество*)? Эти экзистенциальные и социальные вопросы встают перед участниками потенциальных сообществ на каждой ступени их формирования из общностей.

*Бедная вера, Вочеловечение, Всечеловечество, Комос, Модальные чувства и действия, Потенциосфера, Соверие

ПСИХОКРАТИЯ (psychocracy). Феномен социальной психологии; тип политического режима, который правит путем нагнетания определенных психических состояний в обществе: массовой истерии, паранойи, хоррора, ненависти, страха, зависти, эйфории и т.д. Население зомбируется средствами массовой (дез)информации, прежде всего телевидением. Элементы психократии присутствовали и в тоталитарных режимах XX века, но и коммунизм, и фашизм были прежде всего *идеократиями*, то есть правили посредством идей, овладевающих и сознанием, и подсознанием масс. Когда у власти не остается других рычагов воздействия: экономических, идеологических, конструктивно-цивилизационных, креативно-социальных, — она использует внушаемость населения для достижения своих целей, играет с психическим состоянием нации, заряжая ее энергией прежде всего негативных эмоций и фобий. Психократия совместима с плутократией, коррупцией, авторитаризмом и милитаризмом и создает для них пропагандистское обеспечение. Можно рассматривать психократию как парадоксальное отражение технического прогресса, поскольку информационные и коммуникативные технологии постепенно стирают грань между физически-реальным и психически-виртуальным.

Психократия как явление социальной психологии — разновидность **симпсихоза*, психической взаимозависимости двух или многих людей.

*Новейшее средневековье, Панфобия, Симпсихоз, Социоделики

Сеанс черной магии. Марево и волшебник: Томас Манн и Russia Today // Новая газета. 19.1.2015. № 4.

Политика. С. 205–213, 217–218.

ПУСТОВОДСТВО (emptistry; empty + industry; ср. *домоводство, садоводство*). Разведение пустоты; форма общественной деятельности по производству «ничто» как главного коллективного продукта. Следует различать «ничего не делать» и «делать ничего». *Ничегоделанье*, в отличие от *ничегонеделанья*, — это не просто досуг, отдых, убиение времени, это активное заполнение пустотой жизненного пространства. Многие предпринимается социальной системой именно для того, чтобы действие ни к чему не приводило, — и это создает ощущение порядка, потому что слишком целенаправленная и продуктивная деятельность может восприниматься как опасная, нарушающая покой и равновесие. Пустоводство — не лень или праздность, это занятие по-своему трудоемкое, как и все другие «водства», от полеводства до лесоводства. Пример современного пустоводства — работа охранников в России: рядовые этой пятимиллионной армии стоят у аптек, поликлиник, супермаркетов, редакций и прочих мирных учреждений.

М. Е. Салтыков-Щедрин так описывает условия, сформировавшие Иудушку Головлева: «Проведя более тридцати лет в тусклой атмосфере департамента, он приобрел все привычки и вожделения закоренелого чиновника, не допускающего, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною от переливания из пустого в порожнее». О том же еще раньше писал Гоголь в наброске к «Мертвым

душам»: «Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие. <...> Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно... Смерть поражает нетрогающийся мир».

Вспомним «Чевенгур» Платонова: «Так это не труд — это субботники! — объявил Чепурный. — ...А в субботниках никакого производства имущества нету — разве я допущу? — просто себе идет добровольная порча мелкобуржуазного наследства». Растениеводство, животноводство и пр. становились второстепенной формой деятельности по сравнению с идеологически самым правильным — пустоводством. В СССР господствовала идеология общей, а значит, ничьей собственности, и этот *никто* был по сути хозяином жизни и ни за что не отвечал. *Делать ничего* было лучше, чем делать что-то или не делать ничего: первое воспринималось как проявление индивидуализма («ему больше всех нужно!»), а второе — как тунеядство и паразитизм.

**Демобюрократия*, как форма пустоводства, развитая на Западе, не столь актуальна в России, где на демократические процедуры не тратят слишком много времени — все определяет начальник. Однако единолично принятые решения настолько противоречат реальным интересам людей, что исполняются только для видимости. Если на Западе сложно принимать решения, то в России сложно их исполнять, и их эффект нейтрализуется взаимодействием энергии начальства и инерции подчиненных. Система управления «бешено буксует», то есть при большой затрате энергии производит *ничего* как продукт труда.

*Амбирелигия, *Демобюрократия*, Минус-система, Недо-, Пустоты, Танатализация
Политика. С. 225–232.

СОЦИОДЕЛИКИ, СОЦИОДЕЛИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА (sociodelics; от греч. delos, ясный, очевидный; ср. *психоделики*). Социальные факторы, выступающие в роли психотропных средств, наркотиков, стимулирующие иллюзорные, измененные состояния сознания. К социоделикам относятся: революции, войны, уличные толпы, митинги, тюрьма, концлагерь, служба в армии, эмиграция, очереди, коммунальные квартиры и прочие социальные факторы, приводящие личность в состояние аффекта или эйфории и сходные по воздействию с психоактивными веществами.

Социоделики особенно сильно действуют в тоталитарных обществах, где увеличивается зависимость личности от «коллективной души». При этом само социоделическое средство выступает субстратом и абстрактом социальности как таковой, имеющей абсолютную цель в себе — в достижении наибольшей сплоченности и однородности. Социоделики притупляют метафизический страх одиночества, болезни, смерти. Государство и массовая пропаганда, зомбируя граждан, надежно охраняют их от экзистенциальных бездн, от свободы и тоски. Вместе с тем люди постоянно пребывают в социоделическом «плавающем» сознании, в *социотрансе* (sociotrance) — не чувствуют реальности, не воспринимают фактов и логики, теряют сознание личной ответственности.

*Новейшее средневековье, Панфобия, *Психократия*, *Святобесие*, Симпсихоз, Тотальгия, *Шизофашизм*

СОЦИОНЕТИКА (socionetics; social + net, сеть). Воздействие электронных сетей на социальную жизнь; дисциплина, изучающая формы такого воздействия. Если в конце XX века электронные сети в основном воспроизводили «офлайновые» формы общественной коммуникации (газеты, магазины, настольные игры), то на рубеже XXI века начинается обратный процесс. Новые виртуальные сообщества выходят из компьютера в *реал и воздействуют на общественную жизнь. От прикольных флешмонов и виртуальных знакомств до организации политических митингов и демонстраций — сеть становится источником *социогенеза* на всех уровнях, от интимного до национального и глобального. Это уже не электронные сообщества, а *электронно порождаемые реальные сообщества*. Их условное название — ЭГ, *электронно генерированные группы* (EGG — electronically generated groups; egg — яйцо, то есть речь идет о зародышах новой социальности). В таких «эггах» все связано со всеми, об одном событии мгновенно извещаются тысячи людей, которые могут потенциально стать его участниками. Эти *транселектронные* (transelectronic) сообщества отличаются от доэлектронных тем, что перенимают от сетей их мобильность, спонтанность и эфемерность.

По мере роста таких сообществ приходит в движение и большое общество, совершается процесс его **нетификации*. Оно становится более подвижным, текучим, прозрачным, *сетевым*, столь же проницаемым для интеллектуальных и социальных взаимодействий, как электронные сети. Подтверждается мысль Тейяра де Шардена о растущей *ноосфере* Земли и мысль А. Тойнби о поступательной *этерификации* общества (его растущей эфирности).

*Интелнет, Мультивидуум, Нетификация, Нетософия, Нетотерапия, Реал, Социопэзия
Топос. 4.11.2003.

СОЦИОПЭЙЯ (sociopoeia). Поэтическая сторона общественной жизни, социального творчества. Люди не просто исполняют отведенные им обществом роли, но скорее *играют* их, внутренне дистанцируясь от своей функции/идентичности и воспринимая ее как метафору. Это карнавално-театральная, условно-игровая сторона социальности: по словам Шекспира, мир — театр и мы в нем актеры. Современное общество все больше формируется социальными сетями, где отношение между автором и его персонажем становится условным, образным. Мы отрываемся от своих биографических идентичностей и превращаемся в творцов самих себя, в своих аватаров, как поэты — в своих лирических героев. *Авторство* и *аватарность* — две ипостаси сетевой социопэзии. Каждый блогер создает прежде всего свое «лицо», «книголичность» (facebook), а порой выступает и в облике нескольких персонажей, под ником (псевдонимом, гетеронимом), чтобы подчеркнуть дистанцию между собой как автором и своими масками.

Социопэзия — это путь странников в иное, переходящих из роли в роль, «как образ входит в образ и как предмет сечет предмет» (Пастернак). Это не шизофренически расколотая, а богатая, многоролевая личность, которой тесно в рамках одного «я». Такое мироощущение все больше распространяется в демократических обществах, которые не подавляют, а поощряют ролевую игру, смену масок как средство культурного и психологического раскрепощения личности. Как писал П. Валери, «человек, лишенный возможности прожить

множество жизней помимо своей, не мог бы прожить и собственной» («Поэзия и абстрактная мысль»)¹. Социопозья — это умножение идентичностей, «само-образов» человека по мере его социального и профессионального развития. Раньше человек был на всю жизнь прикован к своему ремеслу, теперь его профессиональная мобильность резко возросла, как и продолжительность жизни. Он может переучиваться, менять занятия, приобретать новые навыки, многообразно воплощать себя. Он осваивает искусство метаморфозы и становится социально и профессионально полиморфным. Именно такая возможность быть собой благодаря возможности быть другим составляет основу поэтического. Человек XXI века поэтичен в том смысле, что вмещает в себя больше разных творческих обликов, чем люди предыдущих эпох.

* Всечеловек, Гиперавторство, Импровизация коллективная, *Комос*, Мультивидуум, *Сверх-поэзия*, *Соционетика*, Технопозья, Транссоциальное *Творчество*. С. 374–376.

ТАНАТАЛИЗАЦИЯ, ТАНАТОКРАТИЯ (thanatalization, thanatocracy; от *thanatos*, греческий бог, олицетворяющий смерть). Усиление инстинкта смерти в обществе, его преобладание над инстинктом любви (эросом). Танатализация общества проявляется в его милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запретов, росте цензуры, в страхе перед всем живым, ярким, самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать.

Общепринятые политические термины, такие как «фашизм», «тоталитаризм», «либерализм», «демократия», взятые из лексикона других стран и эпох, не дают адекватного представления о постсоветской и особенно послекрымской России. Масштаб, вектор и скорость общественно-исторических перемен нуждаются в терминах из области психологии, метафизики, общей теории систем. Речь может идти об энтропии, о хаосе, о законах термодинамики. Конкретнее — о том, о чем писали Гоголь в «Мертвых душах», Чаадаев в «Философических письмах» (которые подписывал «Некрополь»), Чехов в «Человеке в футляре», Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре» (где есть образ «мертвого брата», соприсущего человеку), Шаламов в «Колымских рассказах». Общее у этих произведений — представление о стране и обществе как о царстве смерти, где немногие оставшиеся в живых отчаянно пытаются спасти себя и ближних.

Танатофилия советской эпохи, с ее центральным культовым символом, мавзолеем, получает дальнейшее развитие в постсоветскую эпоху. Процветает культ войны, ее жертв и жрецов — воинов. Церковь мобилизуется на прославление армии и воинской доблести. Милитаризируются политика и экономика. Поп-культура раскручивает образы битв и жертв, встраивая их даже в потребительские товары. Детские коляски производятся в виде танков, новорожденного пеленают в костюмчик воина. Смерть, не дожидаясь гроба, встречает уже у колыбели. Одержимость смертью проникает в эротику и создает новый жанр: *rognography* превращается в *warnography*. Нагота оказывается прельстительней в сочетании со знаками гибели. Фрейд противопоставлял инстинкты Эроса и Танатоса, однако в **танатократии** (thanatocracy) они сливаются воедино. Мертвое постепенно берет власть над живым.

¹ http://lib.ru/CULTURE/VALERY/about_art.txt

*Аморт, Новейшее средневековье, Психократия, *Смертствовать*, Социоделики, Шизофашизм
Танатализация // Сноб. 2.5.2015.
Некрократия // Сноб. 22.5.2016.

ТОТАЛЬГИЯ (totalgy; скорнение слов *тотальность* и *ностальгия*; от греч. algos, страдание, боль; производные: *тотальгический*, totalgic; *тотальгировать* — предаваться тотальгии). Тоска по целостности, по тотальности, по тоталитарному строю. Для многих граждан бывшей советской сверхдержавы тотальность — это весьма притягательный, ностальгический образ полноты бытия. Тотальгия — чувство многостороннее, она бывает идейной, зрительной, вкусовой и даже обонятельной и осязательной. Тотальгия может разыграться при виде орденоносной газеты, когда соскребываешь старые обои на даче, либо когда ешь тушенку или колбасу, напоминающую по вкусу советские деликатесы.

Тотальгия — это тоска по единению с народом. «Хотеть, в отличие от хлыща / В его существованье кратком, / Труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком». (1931). Такова раннесоветская поэтическая формула тотальгии у Б. Пастернака. Тогда, в начале 1930-х годов, тотальгия еще была обращена в коммунистическое будущее как мечта интеллигента-одиночки о слиянии с новой породой людей. Постсоветская тотальгия в основном обращена в брежневский застой. Но со временем все более заметны формы уже не возвратной, но наступательной тотальгии, тоски по тоталитарному будущему: неофашизм, неонацизм, евразийство... Тотальгией многое объясняется в России XXI века: властная вертикаль, отсутствие разделения властей, ось «вождь — народ»... Трудно отделить в этой тотальгии утопию от пародии, а мемуар от пиара. Это и возвышающая фантазия о прошлом, и мечта о сверхдержаве будущего.

*Платомарксизм, *Психократия*, Святобесие, Социоделики, Шизофашизм

Дар. Вып. 175. 18.3.2007.

Политикон. 18.4.2008.

Масштаб и вектор: О тотальгии Дмитрия Быкова // Независимая газета. 27.10.2011.

Политика. С. 85–86, 93, 108.

ТРАНССОЦИАЛЬНОЕ, ТРАНССОЦИУМ (transsocial). Область общественного бытия, выходящая за предел социального, противостоящая социализации; социум не (до)социализированных. Одно из проявлений транссоциального — фигура «странника» в работах немецких философов и социологов Георга Зиммеля и Альфреда Шютца.

«Странники — к которым относятся, например, бедняки или различные “внутренние враги” — это элемент самой группы. Позиция странника как полноправного члена группы включает одновременно как нахождение вне группы, так и противостояние ей... Классическим примером может служить история европейских евреев. Странник — это по своей природе не “земледелец”. <...> Это определенная структура, совмещающая отдаление и близость, безразличие и участие...»¹

¹ The Sociology of Georg Simmel / Trans., ed., and with an intro. by K. H. Wolff. New York: The Free Press, 1950. P. 402–405.

«Для странника культурный паттерн группы, к которой он приближается, — это не убежище, а поле для приключений; не нечто само собой разумеющееся, а подвергаемый сомнению предмет исследования; не инструмент для распутывания проблемных ситуаций, а сама проблемная ситуация...»¹

Странничество — это потенциал культурного отстранения человека от того общества, членом которого он состоит. Мы в наибольшей степени вписаны в общество, когда исполняем предписанные нам роли: политические, профессиональные, служебные, семейные (отец, сын, рабочий, инженер, управляющий, чиновник, прихожанин, член партии и т.д.). Однако во множестве случаев мы выпадаем из этих ролей: *трансоциальность* не только свойственна человеку как биологическому и духовному существу, но и составляет условие динамического развития самого общества, предохраняет его от стагнации. Все люди проходят через детство, отрочество, юность с их антисоциальными порывами и обостренным восприятием соблазнов эскапизма, контркультуры. Большинству людей знакомы одиночество и скука, болезнь и страдание, любовь и вдохновение, бросающие вызов устойчивым социальным и культурным ценностям. Сама личность не укладывается полностью ни в какую социальную конструкцию. Перефразируя М. Бахтина, можно сказать, что *человек больше всех своих идентичностей — или меньше своей человечности*.

Поэтому наряду с культурами меньшинств необходимо признать и исследовать *трансоциум большинства*, объединяемых поверх всех существующих мультикультурных делений. Например, все болеющие и страдающие, имеющие этот опыт в прошлом или настоящем, образуют, условно говоря, *трансоциум страдания*, к которому так или иначе принадлежит *большая часть человечества*. Одинокие, отверженные, мигранты, интроверты, аутисты — представители другого трансоциума. Поэты, художники, философы, интеллектуальные бунтари и авантюристы образуют еще один трансоциум. Трансоциум верующих людей в атеистическом обществе — **соверие*.

«Странник» как социологическая категория представляет из себя разделяющую идеализацию: одни люди — «оседлые» (settlers), другие — «странники» (strangers). Однако *все* люди до некоторой степени сочетают в себе черты оседлости и странничества. Все мы «странники для себя», по выражению Юлии Кристевой, не только потому, что приезжаем в Америку из России или в Россию из Средней Азии, но и потому, что приходим в данное общество из детства, из одиночества, из тех внесоциальных, контркультурных ниш, которые объединяют большинство людей во всем мире. Внутри каждой личности есть несоциальные и несоциализируемые черты, а также ощущение культурного беспокойства, то, что можно назвать «тоской по мировой культуре» или даже по «сверхкультурному бытию». Между *трансоциальностью* и **транскультурой* много общего. Тот же самый импульс свободы, который выводит человека из плена природы, ее инстинктов и детерминаций, далее ведет его из плена той культуры и того социума, к которым он принадлежит по рождению и/или воспитанию.

**Большинства, Вочеловечение, Всечеловечество, Потенциальные сообщества, Соверие, Трансконфессиональное и трансрелигиозное, Транскультура*

¹ Schütz A. Collected Papers. II // Schütz A. Studies in Social Theory / Ed. and intro. by A. Brodersen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1964. P. 104.

Поэзия. С. 438–442.

Творчество. С. 152–155.

Transcultural. P. 86–87, 102–104.

ХОРОЛОГИЯ, или **ХОРРОРОЛОГИЯ** (horrology, horrorology; от лат. horror — ужас). Наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. Существует столько различных технологий, угрожающих человечеству, что практически любая из них заслуживает самостоятельного хоррологического исследования. Например, после 11 сентября 2001 года уместно говорить о хоррологии авиации и архитектуры. Показательно, что террористы ничего своего, в материальном смысле, не вложили в акт массового убийства. Они так искусно сложили элементы высокоразвитой цивилизации: самолеты с небоскребами, — что те, взаимовычитаясь, уничтожились. Террористы заставили весь технический прогресс работать на себя. Глубокая *кентипика этого события показывает, что терроризм в своих «высших достижениях» неотделим от самой цивилизации. Но это значит, что и цивилизация неотделима от заложенной в ней возможности террора.

Этот хоррор, содержащийся в самой цивилизации, осознавал уже И. В. Гете, которого на основании второй части «Фауста» порой неверно воспринимают как социального прожектера и утописта. Напомним, что цивилизаторские усилия Фауста достигают апогея в сооружении плотин и строительстве города на берегу моря, где он хочет расселить «народ свободный на земле свободной». Именно тогда он переживает высшую минуту своей жизни: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Однако Мефистофель говорит за спиной полуоглохшего Фауста с не скрытой от читателя издевкой: «Лишь нам на пользу все пойдет! / Напрасны здесь и мол и дюна: / Ты сам готовишь для Нептуна, / Морского черта, славный пир! / Как ни трудишь, плоды плохие! / Ведь с нами заодно стихии; / Уничтоженья ждет весь мир»¹. Город на суше, отвоеванной у моря, — это и есть щедрый, «от души» фаустовский подарок самому морю. Цивилизация создает себя по законам своей будущей деструкции, по законам губительной красоты, в которой Фауст и Мефистофель образуют неразлучную пару.

Понятия «террор» и «хоррор» различаются прежде всего тем, что указывают, соответственно, активное причинение страха и его пассивное претерпевание. По своей латинской этимологии слово «terror» имеет значение «устрашать, наполнять страхом», а «horror» — «наполняться страхом, ощетиниваться, вставать дыбом (о шерсти, волосах)», то есть относится к реакции устрашаемой жертвы. *Хоррор* — это состояние цивилизации, которая *боится сама себя*, потому что любые ее достижения: почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, мосты, метро, водохранилища, все средства транспорта и коммуникации — могут быть использованы для ее разрушения. Подобно тому как компьютерная сеть несет с собой вирусные эпидемии, которые грозят ей параличом, так и вся цивилизация создает все более изощренные механизмы своей деструкции. Компьютерная вирусология, которая изучает приемы хакеров и диверсии против коммуникативных сетей, — один из разделов хоррологии.

¹ Гёте И. В. Фауст. Ч. 2, акт 5 / Пер. Н. А. Холодковского.

Если опасность загрязнения природы, исходящая от цивилизации, окрашивала вторую половину XX века, то XXI век может пройти под знаком хоррора — *угроз цивилизации самой себе*. На смену экологии как первоочередная забота приходит хоррология — наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Хоррология — это *теневая наука о цивилизации*, это *минус-история*, *минус-культурология*, *минус-политология*. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, хоррология изучает как растущую возможность ее самодеструкции.

В начале XXI века, с началом эпохи глобального террора, по всему западному миру стремительно проходит процесс *хоррификации* (horrification) самых обычных предметов и орудий цивилизации, превращение их в источник ужаса. Цивилизация не просто обнаруживает свою уязвимость, она становится причиной и мерой уязвимости: мера ее совершенства и есть мера ее хрупкости. С точки зрения хоррологии высокоразвитая цивилизация — это великая *ирония*, которая под видом защиты и удобства, свободы и скорости, богатства и разумности собирает нас всех в одно здание «добра и света», пронизанное тысячами проводов, коридоров, лифтов, — чтобы подставить одному всесметающему удару. Цивилизация воспринимается как лестница прогресса, ведущая на эшафот, как рычаг для усиления террора, предпосылка его растущей эффективности, так сказать, материал, из которого мастера террора лепят свои огненные, ядерные, бактериальные, газовые произведения.

Зрелая цивилизация — это зона риска, который повышается с каждой ступенью прогресса. Формула будущего: *обычная жизнь плюс хоррификация всей страны*. Можно выделить категорию «хоррифичных» *X-явлений*, *X-событий*, несущих особый потенциал хоррора, способных в одно мгновение привести к краху цивилизации: от климатической и ресурсной до ядерной и вирусной катастроф¹. В этом смысле хоррология становится неотделимой от всего комплекса гуманитарных и социальных наук нового столетия.

Илон Маск, американский изобретатель и предприниматель, основатель компаний SpaceX и Tesla Motors, так объясняет свое участие в космических проектах: «Астероид или супервулкан могут разрушить нас, и, кроме того, мы подвергаемся опасностям, которые были неведомы динозаврам: искусственный вирус, нечаянное создание маленькой черной дыры, катастрофическое глобальное потепление или какая-то еще неизвестная технология могут приговорить нас к смерти. Человечество развивалось в течение миллионов лет, но в последние 60 лет атомное оружие создало потенциал для нашего самоуничтожения. Раньше или позже, мы должны перенести жизнь с зелено-голубого шарика в космос — или погибнуть»².

В последнее время самыми быстрыми темпами развивается хоррология искусственного интеллекта — смертельной опасности, которую несет роду Homo

¹ Своего рода энциклопедию таких «экстремальных событий» (X-events) создал Джон Кэсти, математик, предприниматель, футуролог, специалист по сложным системам. См.: Casti J. X-Events: Complexity Overload and the Collapse of Everything. New York: Harper Collins, 2012.

² <http://www.esquire.com/features/75-most-influential/elon-musk-1008>

sapiens превосходящий его машинный разум, способный уничтожить своих творцов, мешающих его неограниченной власти над миром¹.

На каждой новой ступени прогресса цивилизация несет все большую угрозу самой себе. Поэтому хоррология становится сверхнаукой, оценивающей риски цивилизации и предупреждающей о них, пока они еще остаются в зародыше. Исследование по хоррологии может включить следующие вопросы. 1. Какие виды человеческой деятельности потенциально угрожают самому существованию человека и его базовым ценностям, таким как здоровье, свобода, разум, ответственность? 2. Какие X-события могут привести к моментальному слому цивилизации, превращению позитива в негатив, сложности в хаос? 3. Как встроить в данную деятельность ограничительные, обезвреживающие психологические, юридические, экономические и другие механизмы, которые вместе с тем не препятствовали бы реализации ее позитивных установок? 4. Заключен ли потенциал саморазрушения в самой природе человека, как скрытая ирония, выворачивающая наизнанку его идеалы? 5. Как интегрировать в изучение и преподавание каждого предмета раздел о патологических, извращенных формах его бытия, тем самым предотвращая его хоррологические эффекты?

** Амбиутопия, Ирония бытийная, Нега-, Реверсивность, Техногуманистика, Эксплозив*
Ужас как высшая ступень цивилизации // Новая газета. 1.11. 2001.
Творчество. С. 132–140.
Humanities. P. 173–177.

ШИЗОФАШИЗМ (schizofascism). Фашизм под маской борьбы с фашизмом. Собственно фашизм — цельное мировоззрение, соединяющее расовую теорию, империализм, национализм, ксенофобию, великодержавность, антикапитализм, антидемократизм, антилиберализм. Шизофашизм — это расколотое мировоззрение, своего рода карикатура на фашизм, но серьезная, опасная, агрессивная карикатура. Шизофашизм проявляется в истерической ненависти к свободе, демократии, ко всему чужестранному, к людям иной идентичности, а также в поиске врагов и предателей среди своего народа. Но это шовинистическое мировоззрение находится в шизофреническом расколе со стремлением использовать те самые блага, которые обеспечивает «враг»: недвижимость за рубежом, привилегия давать образование детям в странах «Гейропы», проводить там отпуск, хранить счета в банках и т.д.

Шизофашизм отличается от традиционного фашизма цинизмом и коррупцией, а также новейшим «ноу-хау»: чем глубже пропасть между идеалом и фактом, тем больше это импонирует массам. Пропаганда лжет откровенно — в расчете, что народу ложь понравится, если она «наша», нам льстящая, а их «удельяющая». Такую «правильную», «патриотическую» ложь (типа «распятого мальчика на площади») встречают с особым воодушевлением. Наглость обмана и оправданное им насилие как бы служат гарантией того, что лгущий — свой, до гробовой доски, поскольку он теперь повязан ложью и кровью. Боязливая ложь может уклоняться от истины на

¹ См., напр.: *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Пер. с англ. М.: ANF, 2015.

несколько градусов, ложь посмелее — на прямой угол, а совсем отважная — на 180 градусов, то есть прямо обратна истине. Шизофашизм вбирает в себя некоторые черты постмодерна: презрение к реальности, культ гиперреальности, насаждение симулякров, приоритет означающих над означаемыми, — но при этом отрывает их от рефлексии, игры, иронии и ставит на службу архаическим общественным структурам, инстинктам власти и массовой сплоченности.

**Новейшее средневековье, Панфобия, Психократия, Святобесие, Социоделики, Тотальгия Политика. С. 261–262.*

ЭКЗИСТЕНАЦИЯ (existenation; экзистенция + нация). Нация как экзистенциальный субъект, погруженный в поиск самого себя. Согласно философии экзистенциализма, существование предшествует сущности и личность переживает состояние страха, тревоги и абсурда в процессе выбора себя. Эти категории экзистенциальной психологии могут применяться и к коллективным субъектам, вплоть до этнических общностей, наций. Существование нации может не только предшествовать всякой сущности, но и затруднять ее выбор себя в качестве таковой. *Искание* собственной идеи и ее *ненаходимость* — две аксиомы «россиянства». Если нация постоянно отчуждается от себя в форме «другой, истинной, настоящей России», значит, эта чуждость себе, неуспокоенность в себе и составляют ее экзистенциальную заботу. С этой точки зрения ни православие, ни соборность, ни коммунизм, ни космизм, ни евразийство не способны исчерпать, выразить и оформить сущность России, потому что эта сущность ставится как задача и в такой постановке всегда удаляется от ищущего.

Как есть экзистенциальные личности, которые постоянно бьются над поиском смысла собственного существования, так Россия может восприниматься как «экзистенциальная страна». Не ленивая и не трудовая, не авторитарная и не анархистская, а «никакая» и «всякая», вроде подпольного человека у Достоевского, который *не может никем стать* именно потому, что *стал никем*. Россия — редкий случай экзистенциального общества, которое все время ищет себя, проецирует себя как предмет рефлексии и вопрошания. Это не нация в традиционном смысле, а *нация-проект*, как Израиль и Америка. Но не богооткровенный в своем истоке (в отличие от Израиля) и не успешно-деловой, практически исполнимый (в отличие от Америки), а проектирующий свою собственную проектность, чисто экзистенциальный и потому неисполнимый. Россия — то, что хочет стать Россией, нация-экзистенция, *экзистенация*.

**Историопластика, Проективность, Соисторичность, Топохрон, Ухрония Эссе. Т. 2. С. 139–145.*

ЭКОНОПОЭИЯ (есопороеиa; от греч. oikos, дом, жилище). Поэтическая сторона экономики, домашнего хозяйства и товарного бытия вещей. Постиндустриальный капитализм меняет психологию потребителя, превращая его из придатка собственности в творца самого себя. Раньше человек жил в мире прочных, долговечных вещей, которые переживали его, переходили к внукам и правнукам. Теперь товары покупаются не для накопления, не для передачи их материальной ценности потом-

ству, а ради эксперимента над самим собой. Товар — это метафора моего «я», одно из его подобий, которое сменяется другим. Новые костюмы, телефоны, автомобиль суть разные возможности для меня быть другим, тем, каким меня еще нет. Впереди, в некоем поэтическом просвете, лучится сущность абсолютного товара, который столь же неуловим, как мое подсознание, мое сверх-Я. То, что предлагается к покупке, есть лишь одна из многих затерянных частиц моего «я», и товар напоминает мне о ней, погружает в романтическую грезу о моем всеилии, всезнании, вседущности. Реклама поэтична, как намек на то, чем ты можешь стать, мимолетная греза иного существования, зов к трансценденции. Современный капитализм, пресловутое «общество потребления» — это поэзия вещей, лишенных тяжелого материального субстрата и превращенных в знаки меняющихся возможностей, подвижных соотношений между мною сегодняшним и мною будущим.

** Веществование, Лирический музей, Реалогия, Сверхпоэзия, Социопоэзия, Технопоэзия, Человещность*

Поэзия хозяйства // Эссе. Т. 2. С. 72–83.

Поэзия. С. 326–334, 441–442.

ЭКОФАШИЗМ (ecofascism). Идеология почитания и сохранения природы ценой подавления человека, репрессивных мер против развития цивилизации. «Зеленые», как известно, борются за чистоту среды обитания, требуя от общества ограничения промышленного и технологического прогресса, снижения уровня жизни. Но есть и более радикальное направление экологизма, которое ставит охрану природной среды выше задачи сохранения самого человека. Это та «красная черта» в зеленом движении, за которой оно перерастает в экологический фашизм. Еще на рубеже 1980–1990-х годов становилось ясно, что тоталитаризм, политически изживший себя в марксизме, в классовой борьбе, может найти для себя новую нишу — экологию. Откровенные экофашистские движения встречаются крайне редко — к ним принадлежит, например, Либертарианская национал-социалистическая партия зеленых, чей флаг — свастика на зеленом фоне — подчеркивает синтез экологии и национал-социализма.

Экофашистские тенденции широко проявляются в современной культуре, например в фильме «Ной» Д. Аронофски (2014), где экорадикализм сливается с мизантропией. Ной не только радуется грядущему истреблению человечества, но и готов осуществить его собственными руками. Трудно найти более выразительный образ экофашизма, чем в сценах, когда Ной, одержимый яростью, клянется убить свою будущую внучку — ибо она может стать женою Хама или Яфета и тогда человеческий род будет продолжен. Ной так возлюбил Бога, что возненавидел ближних, да и самого себя. Его святость граничит со **святобесием*. Религиозный фундаментализм срастается с экологическим. Экофашизм — зов к самоистреблению человеческого рода, которому предписывается искупить свои грехи перед «внечеловеческой» жизнью и принести себя ей в жертву.

**Святобесие, Человекомерие, Экогуманистика, Юзеризм*

Зеленое и коричневое // Новое русское слово (Нью-Йорк). 18.1.1991. С. 10–11.

Эссе. Т. 2. С. 37–42.

ТЕХНИКА. ИНТЕРНЕТ

Ангелоид
Видеократия
Видеология
Вир
Виреальное, виреальность
Виртонавтика
Виртуалистика
Гуглик
ИнтеЛнет
Информагия
Корпьютер
Нейробот
Нейрокосмос
Нейросоциум
Нетификация
Нетософия
Нетотерапия, компьютерация
Нетскапизм
Онтотехника
Техновитализм
Техномораль, техноэтика
Технопоэзия
Технософия
Технотеизм
Умоделие
Человесть
Эгонетика
Юзеризм и антиюзеризм

АНГЕЛОИД (angeloid; от греч. angelos, вестник, посланник, и eidos, вид, подобие). Существо, приобретающее в результате технической эволюции некоторые свойства, традиционно приписываемые ангелам. Понятие «ангелоид» относится, в частности, к человеку в перспективе дальнейшего развития интеллектуальной и коммуникативной техники.

Н. Винер предсказывал, что со временем человек может стать лучом света или электронной матрицей, передающейся в виде любых материальных образований. Это информационно-световое, идеально-энергетическое существо человека — **человесть* — сначала воплотилось в биологическом виде homo sapiens. Но человек постепенно выходит за предел своей «естественной» формы и становится сверхестественным существом, *человестником* (humangel). Техника переводит материю в потоки энергии и информации, позволяет сознанию мгновенно распространяться через электронные сети. Современный человек умеет многое из того, что

когда-то приписывалось только ангелам: мчаться быстрее звука, передавать на расстояние свою мысль и голос. Он постепенно учится изменять состав своего тела, облекаться в более тонкую, нейронно-электронную, смыслопроводящую ткань — и тем самым превращается в *ангелоида*.

Некоторые мыслители используют понятия *ангелологии* для характеристики виртуальных миров, созданных компьютерной техникой. По словам Пьера Леви, «ангелический или небесный мир становится областью виртуальных миров, через которые человеческие существа образуют формы коллективного разума». Виртуальность — это первая, начальная стадия *техноангеличности* (technoangelism), приобретение человеком «ангельских» свойств на основе дальнейшей технической эволюции, преодолевающей ограниченность его биологической природы. Человек входит в виртуальные миры сначала своим зрением, слухом, затем обонянием, вкусом, осязанием — а в отдаленной перспективе выходит оттуда уже сверхъестественным существом, «*антропоангелом*» (anthropoangel).

Трудно предсказать, в какой точке развития цивилизации искусственное может перейти в сверхъестественное, — подобно тому как когда-то, с появлением человека, естественное стало переходить в искусственное. Но в принципе эта граница столь же условна и проницаема. Человек — естественное существо, которое создает искусственный мир и тем самым, в перспективе, становится сверхъестественным. Все усилия естественных наук и технологий ведут именно к преодолению «естественного», развоплощению материи, все более глубокому обживанию сферы незримого, внечувственного.

Старинное представление о человеке как о переходном звене от животного к ангелу оживает сейчас, потому что происходит радикальная интеллектуализация техники и соответственно — реактуализация теологии и метафизики. Что было когда-то спекуляцией, основанной на интуиции и религиозном откровении, теперь становится техно-экономической перспективой. Мир духов, которые, по древним представлениям, общаются с нами, — это образ того, чем может увенчаться цивилизация, когда достигнет «интеллектуализации» вещества и из искусственной фазы перейдет в сверхъестественную.

* *Ангелизм, Всечеловек, Постатеизм, Существоведение, Техногуманизм, Техногуманистика, Технософия, Человесть*

Début de siècle, или От пост- к прото-: Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. С. 180–198. Знак. С. 149–152.

Лит.: *Tipler F. J. The Physics of Immortality: Modern Cosmology, God and the Resurrection of the Dead. Doubleday, 1994; Levy P. Collective Intelligence: Mankind's Emerging World in Cyberspace. New York, London: Plenum Trade, 1997; Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005.*

ВИДЕОКРАТИЯ (videocracy; от греч. eidos, вид, образ, и kratos, власть). Власть визуальных средств коммуникации над общественным сознанием; система наглядных образов как источник или средство политического господства.

Понятия «видео», «идея» и «вид» образовались исторически из одного древнегреческого корня «эйдос», означавшего внешний вид, образ предмета и лишь постепенно, трудами Платона и его школы, был осмыслен как идея, чистый умственный образ, отрешенный от материального бытия. Так возник философский

«идеализм» и соответствующее политическое учение о власти идей — «идеократия». Платон провозгласил высшей задачей общества создание идеального государства, где люди жили бы не по собственным частным прихотям и страстям, а в согласии с высшими идеями; и правителями были бы служители высших идей — начальники-философы, которых на современном языке следовало бы назвать идеологами или, точнее, *идеократами*. Марксизм, поначалу обличавший идеологию как ложное, извращенное сознание, сам стал могущественной идеологией — и в этом смысле развитием и увенчанием платонизма (**платомарксизм*). Крах советской идеократии и стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий подвели итог и эволюции понятия эйдоса. От идеи как умозрительной конструкции человечество в поисках инструмента общественного контроля возвращается к эйдосам в их первичном значении, как наглядным и созерцаемым образам, «видам».

Подделывать реальность оказывается проще, чем *переделывать*. Требуется меньше крови и слез, так что старый марксистский рецепт спасения человечества заменяется более совершенным, маклюэновским¹, где место *идео-хирургии* занимает *видео-оптика*. Вместо идей, далеко зовущих, общество послушно «видам», приходящим издалека («телевидение»). С триумфом визуальной техники начинается история новой «кратии», таящей не меньше опасностей, о чем свидетельствует роль «зомбоящика» в современной истории России. Термин «*видеократия*» приобрел новую жизнь с выходом в 2009 году документального фильма с тем же названием о воздействии телевидения на политику Италии под руководством С. Берлускони, по совместительству телемагната и главы правительства.

**Видеология*, Новейшее средневековье, Платомарксизм, Психократия, Социоделики
Видеократия // Независимая газета. 27.11.1992. С. 8.
Эссе. С. 321–325.

ВИДЕОЛОГИЯ (videology; от лат. video, смотрю, вижу, от греч. eidos, вид, образ, + греч. logos, слово, учение). Совокупность визуальных средств воздействия на общественное сознание; обработка умов посредством изобразительного ряда (телевидение, кино, электронные средства коммуникации).

Видеология — идеология эпохи «видео», когда высшей ценностью, «единицей влияния» становится наглядность, зрелищность. Если *идеология* разделяет хорошее и плохое, полезное и вредное, прогрессивное и реакционное, то *видеология* разделяет зрелищное и незрелищное, яркое и тусклое, знаменитое и неизвестное, то есть основывается на эстетике массовой культуры. Если идеология действует в двузначной системе оценок (плюс и минус, белое и черное), то видеология создает многоцветные образы, которые действуют глубже, вызывая подражательную реакцию у адресата. Идеология пытается воздействовать через сознание, видеология — через ощущения и подсознание.

¹ Герберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — канадский социолог, исследовавший роль средств массовой коммуникации, особенно телевидения, в формировании общества, автор известного изречения: «Media is message».

Главным орудием видеологии остается телевидение: поначалу расширив власть идеологий, оно в конце концов само захватило эту власть и обратило общество к власти видений, превращая любую идею, даже абстрактную или фальшивую, в наглядный образ. Идея отстоит от реальности, тогда как изображение сливается с ней до неразличимости. Идеология призывает к желанному будущему, видеология превращает его в иллюзию настоящего. Идеология требует решительных действий, видеология настраивает на комфорт и конформизм пассивного созерцания.

На смену разрушенной тоталитарной идеологии в постсоветской России выдвинулась не другая, более притягательная и могущественная идеология, а видеология: царство зрительных образов и наглядных внушений. Возрастающая роль телевидения в укреплении политического режима и в пропаганде войны заново сблизила видеологию с идеологией и продемонстрировала их неразрывность.

** Видеократия, Гипер-, Как бы, Прото-, Психократия, Социоделики*

ВИР (*vir*; сокращение от «виртуальный» и аналог слова «мир»). Виртуальный мир, максимально приближенный к реальному. Вир воздействует на все органы чувств и практически неотличим от реального мира, но создается и управляется человеком. Это уже не знакомая нам по компьютерам «виртуальная реальность», а другой уровень искусственного миропознания: *реальная виртуальность* (*real virtuality*), как называли ее изобретатели «виртуального кокона», продемонстрированного в 2010 году в Лондоне исследователями из Йоркского и Уорвикского университетов. Для построения вира не нужно большого реал-пространства, достаточно кабинки, где юзер мог бы испытать воздействие реальной виртуальности на все свои органы чувств, включая обоняние и осязание.

Слово «вир», как областное, отмечено у В. Даля, в значениях «водоворот» и «мир видений» («Пошел в мир, да попал в вир, в соблазн»). «Вир» сочетает международное «виртуальный» и русское «мир», ставшее известным благодаря одноименной орбитальной станции. Это делает слово *vir* глобально понятным как обозначение миров, рассеянных уже не в космическом, а в виртуальном пространстве.

** Виреальное, Виртонавтика, Виртуалистика, Виртуальное, Космо-арт, Многомирие, Онто-техника, Технософия*
Дар. Вып. 239. 4.5.2009.

ВИРЕАЛЬНОЕ, ВИРЕАЛЬНОСТЬ (*vireal, vireality*; скорнение слов «виртуальный» и «реальный»). Переход виртуального в реальное, вплоть до их неразличимости. Виртуальное воспринимается всеми органами чувств и практически обживается как область бытия, все более чувственно достоверная и все менее отличимая от физического мира.

** Вир, Виртонавтика, Виртуальное, Реал*
Дар. Вып. 263. 3.5.2010.

ВИРТОНАВТИКА (virtonautics). Странствие, «плавание» по виртуальным мирам. В отличие от **инфонавтики** (infonautics), которая связана с поиском информации, виртонавтика указывает на растущую чувственную достоверность виртуальных миров, образующих все более жизнеподобную среду обитания. Речь идет о множественности воображаемых, символических миров, которые постепенно становятся все более осязаемыми, вплотную подступают к нам через развитие электронных технологий и раскрывают возможность трансфизических путешествий. Виртонавтика, как путешествие вглубь виртуальных миров, предполагает исчезновение экрана компьютера — и создание трехмерной среды обитания, воздействующей на все органы чувств.

Можно предположить, что в будущем разные части планеты покроются **сюрреалами** (surreals). Это фрагменты инобытия, куски гиперпространства, — величиною сначала в телеэкран, потом в комнату, дом, кинозал (виртозал), стадион, город и, наконец, целую страну (**виртолэнд**, virtoland). Перцептивно они неотличимы от физического мира, хотя имеют иные законы, точнее, предоставляют возможность выбора таковых. *Сюрреал* можно наблюдать — но в нем можно и находиться, как внутри трехмерного кино — голографической, объемно-подвижной картины, которая изнутри неотличима от реальности, с той разницей, что ее можно включить и выключить (в условиях монореальности для этого требуется рождение или смерть).

* *Vir*, Виреальность, Виртуалистика
Дар. Вып. 26. 19.1.2001.
Début. P. 180–198.

ВИРТУАЛИСТИКА (virtualistics). Деятельность по изучению и созданию виртуальных миров; совокупность теорий и практик, направленных на осознание и воплощение виртуального. Предмет виртуалистики — **виртуальное* как особая область бытия, сочетающая фиктивное и реальное, и в этом плане виртуалистика может рассматриваться как раздел философской онтологии, как экспериментальная метафизика бытийно гетерогенных, реально-фиктивных миров.

По своим техническим возможностям современная виртуалистика еще напоминает ранний этап кинематографии. Первые фильмы показывали приближение поезда к станции, сцену в саду и другие фрагменты «реальной жизни». Точно так же виртуалистика начала XXI века, какой она предстает в компьютерных играх, — это более или менее правдоподобная имитация окружающего мира, где люди сражаются, стреляют, торгуют, строят дома и города и т. п. Будущее виртуалистики — сотрудничество техники с искусством, философией и другими гуманитарными дисциплинами в создании онтологически своеобразных и богатых миров.

* *Vir*, Виреальность, *Виртонавтика*, *Виртуальное*, Концептивизм, Онтотехника, Технософия
Humanities. P. 151–158.

ГУГЛИК (googlik; уменьшительное от Google). Единица упоминаемости в Интернете, равная одной ссылке в системе Гугл; новейшая информационная валюта.

Ссылка в Интернете — самая общая, конвертируемая единица популярности того или иного явления или личности. Поиск любого слова или имени в Гугле позволяет легко установить символический капитал данного явления, измеряемый в *гугликах*: сколько раз это слово встречается в системе, на каком количестве страниц/сайтов. Как говорит новейшая поговорка-пересловица: «Не имей сто рубликов, а имей сто гугликов».

* *Гуманетика*, Мегатекст, Надтекст, Перитекст, Текстоника
Политикон // Новая газета. 4.7.2008.

ИНТЕЛНЕТ, или **ИнтеЛнет** (intelNet, сокращение от intellectual network, интеллектуальная сеть; буква «Л» посередине слова выделяется как прописная, «ИнтеЛнет», чтобы подчеркнуть отличие от «Интернет»). Междисциплинарное сообщество для создания и распространения новых идей и интеллектуальных движений через Интернет; одна из ступеней в интеграции нейронных и электронных сетей и в создании **синтеллекта* (соразума). ИнтеЛнет — первое интерактивное устройство в области обмена и регистрации гуманитарных идей в *англоязычном Интернете* (награда лондонского Института социальных изобретений за 1995 год) и старейший (с 1997 года) интеллектуальный проект *русской сети*.

<http://www.emory.edu/INTELNET/intelnet2.html>

http://www.emory.edu/INTELNET/bank_response.html

http://www.emory.edu/INTELNET/rus_ukaz.html

В середине 1990-х годов Интернет был в основном каталогом разных ресурсов, информационной выставкой, а не рабочим инструментом мышления. В Интернет переносилось то, что существовало и вне его, то есть дублировались традиционные, бумажные средства коммуникации. Отсюда и необходимость «осетить» ум, соединить Интернет и интеллект. Так в июне 1995 года в университете Эмори (Атланта) был создан ИнтеЛнет — попытка наполнить интеллектуальным содержанием технические возможности Сети, интегрировать движение сигналов с движением мысли, чтобы скорость электронных импульсов множила концептуальные ходы и ассоциативные связи¹.

ИнтеЛнет — интеллектуальная реплика Интернета, его углубленное подобие. Скорость и сложность электронных связей, созданных человеческой мыслью, должна в мысль и вернуться, из технической сферы перейти в гуманитарную. Сеть — новый инструмент сознания, гораздо более пластичный, чем традиционные: книга, печать. Сеть так много дарит уму, поскольку сам ум «сетевобразен». Научный разум обычно мыслит гипертекстуально, мысли ветвятся в ментальном пространстве, и необходимость выстроить их на бумаге, в линейно-временной последовательности, искажает и уплощает многомерность мысли. В сетевом континууме мысль может двигаться в любом направлении, как в смысловом про-

¹ ИнтеЛнет был создан автором этого Словаря, профессором Эморийского университета Михаилом Эпштейном при технической поддержке студента Дэниела Абрамса (Daniel Abrams), который впоследствии работал инженером в корпорации Apple. ИнтеЛнет вышел в открытую сеть в мае-июне 1995 года. По модели ИнтеЛнета лондонский Институт социальных изобретений впоследствии организовал свой собственный мощный сайт, с подробной классификацией и экспертной оценкой более 2000 социально полезных идей.

странстве. В руки пишущему попадает как бы колоссальный, сверхчеловеческий мозг, к которому он может по цепочке нейронов-линков подключиться своим мозгом. Не случайно богиня мудрости Афина была также богиней прядильного искусства, и Паутина — дело ее рук (**нетософия*).

ИнтеЛнет возник как электронное развитие Банка новых идей, институции, работавшей с конца 1986 года при московском интеллектуальном клубе «Образ и мысль» (руководитель — М. Эпштейн). *Электронный банк* — программа приема, регистрации (патентования) и публичного обсуждения гуманитарных идей, выходящих за рамки определенной дисциплины¹. Впоследствии ИнтеЛнет ввел в себя и другие проекты: *Виртуальная библиотека*; *Книга книг: Энциклопедия альтернативных идей*; *Дар слова: Проективный словарь русского языка*; *Вeer будущностей: Техно-гуманитарный вестник* и др.² В электронном пространстве возник пункт приема и раздачи новых идей — теорий, понятий, терминов, которые могут лечь в основание последующих книг и проектов, вырастить генерацию новых умов, составить гуманитарную библиотеку будущего.

Становление ИнтеЛнета включает в себя и *интелнеттику* (intelnetics) — искусство использования электронных сетей в целях развития приемов и навыков творческого мышления, **гуманитарного изобретательства*.

Человечество находится сейчас на ранней стадии электронной «соборности». *ИнтеЛнет* — прообраз того Интернета, который может в конечном счете связать все мыслящие существа в единую интеллектуальную сеть и стать средством интеграции сознаний, началом новой эры разума — **синтеллекта*.

**Гуманетика, Культуроника, Мегатекст, Нейросоциум, Нооценоз, Репозитарий гуманитарных идей, Сквозное чтение, Синтеллект, Текстоника, Технософия, Унитекст*

О виртуальной словесности // Русский журнал. 10.06.1998.

Книга, ждущая соавторов // Иностранная литература. 1999. № 5. С. 217–228.

Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: Введение в Книгу книг // Континент. № 102. 1999. С. 355–366.

От Интернета к ИнтеЛнету // Русский интернет: Накануне больших перемен. М.: IREX, 2000. С. 196–204.

Intelnet: WebProjectsInTheHumanities // *Transcultural*. P. 276–289.

ИНФОРМАГИЯ (informagic). Магическая составляющая информационных процессов, создание культовых личностей, знаковых фигур через распространение информации о них; мистика семиосферы, определяющей воздействие означающих на означаемые. Магия — это способ таинственно, «сверхъестественно» превращать один предмет в другой, символическое действие, направленное на повышение силы, ценности, значимости, влияния предмета или лица. В этом смысле *информация*, достигая определенных уровней интенсивности, становится *информацией*, воплощение которой наблюдается в так называемых «культовых» личностях: актерах, политиках, певцах, спортсменах, героях массмедиа. Любая

¹ Впоследствии на основе тех же идей был создан **Репозитарий гуманитарных идей* при основанном М. Эпштейном Центре гуманитарных инноваций Даремского университета (Великобритания).

² http://www.emory.edu/INTELNET/kniga_knig.html
<http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>
<http://www.veer.info/>

информация содержит в себе информагию как свою скрытую прибавочную стоимость, «прибавочную значимость», поскольку информирует не только о своем предмете, но и о самой себе, усиливая *значимость* означаемого.

*Скриптомания, Скрипторика, *Трасосфера, Фамическая функция знака*

Слава и семиосфера: Фамическая функция знака // Критика и семиотика. 2012. № 7.

С. 95–99.

КОРПЬЮТЕР (corputer; corpus + computer, тело + компьютер). Компьютер, соединенный с человеческим организмом, с нейронами мозга и реагирующий на голос, жесты, прикосновения; тело (corpus) и компьютер как одно целое. В будущем компьютеры все больше будут срастаться с организмом и становиться *корпьютерами*.

Как показывают когнитивные исследования, познание связано с опытом пребывания в теле (embodied cognition), пространственно-чувственной локализацией («Философия во плоти» и другие работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона). Отсюда два встречных пути развития искусственного разума. С одной стороны, машина и ее информационно-когнитивный интерфейс внедряется в тело. Это движение от компьютеров к *корпьютерам*, постепенное вживание компьютеров и их элементов в человеческий организм. С другой стороны, это приспособление компьютеров к запросам и возможностям тела, то есть постепенное внедрение в них тактильных, ольфакторных, вкусовых, кинестезийных перцепций. Технизация организма — и биологизация техники. На скрещении этих процессов и можно ожидать возникновения искусственного востелесненного разума. Двусторонняя *корпьютеризация*: как тела (корпуса), так и машины (компьютера) — приведет постепенно к их интеграции. В результате станет возможным *корпьютировать* (to corpute) работу как нейронных, так и электронных сетей: производить действия с корпьютером как органической частью своего тела.

*Вир, Нейрокосмос, Нейросоциум, Техногуманистика

Дар. Вып. 278. 7.2.2011.

НЕЙРОБОТ (neurobot; нейро + робот). Робот с живыми клетками мозга. Ведется работа над новым поколением роботов, которыми управляет искусственный интеллект, созданный на основе клеток головного мозга человека. Ряд научных центров Великобритании уже имеет опыт создания систем управления роботами, включающими головные клетки животных. Специалисты не исключают, что со временем будет создан новый вид управления индустриальной и военной техникой, который станет объединением компьютерных и биологических интеллектуальных центров, действующих на основе человеческих нейронов. Нейробот сочетает живую органику мозга и силу и неуязвимость механического тела. В перспективе нейроботы — воины будущего, но они же и врачи и медсестры.

**Нейрокосмос*, Техногуманистика

Дар. Вып. 263. 3.5.2010.

НЕЙРОКОСМОС (neurocosmos; от греч. neuron, нерв). Симбиоз мозга и физической реальности, фрагмент космоса, прямо подключенный к мозгу и им управляемый. Основное содержание *нейрокосмической* эры — сращение органики и техники, мозга и вселенной в новейших информационно-трансформационных сетях, создание мыслящих машин, работающих атомов и квантов, смыслопроводящих физических полей, доведение всех бытийных процессов до скорости мысли.

Опасность нейрокосмоса — личный и общечеловеческий *аутизм*, индуцированный воздействием технологий, формирующих мозг физически и когнитивно. Следствием может стать растущая интериоризация мира, исчезновение границы между психикой и реальностью, а значит, и крах категории реальности как таковой. Психическое ждет мозговых сигналов или вливания имиджей с экрана, чтобы сделать человека счастливым. Есть по крайней мере две разновидности такой интериоризации: черная магия химии и белая магия кибертехники (*видеомания*, videomania, *виртомания*, virtomania, *нейромания*, neuromania). Вторая может быть опаснее, потому что содержит в себе видимость объективности и физического здоровья.

Человечеству предстоит разработать противовесы двум крайностям нейрокосмоса: полной экстерииоризации мозга — и интериоризации желания, следствием которых становится тотальный контроль над мыслью и тотальная иллюзорность наслаждения.

* Корпьютер, Нейробот, *Нейросоциум*, Нетскапизм, Ноократия, Психократия, Техногуманистика, *Техномораль*
Знак. С. 122, 135.

НЕЙРОСОЦИУМ (neurosociety, neurosociality). Симбиоз мозга и социума; общество, которое непосредственно управляется мозговыми процессами и в свою очередь их контролирует. Это *церебрально открытое общество*, в котором мозговые сигналы прямо передаются по электронным сетям, участвуют в информационных и производственных процессах. Развитие современных технологий ведет в перспективе к сращению всех линий коммуникации: церебральных (между клетками мозга), когнитивных (между мозгом и реальностью) и социокультурных (между индивидами и ячейками общества).

Наряду с небывалым ускорением всех информационных процессов, нейросоциум подвержен опасностям тоталитарного контроля. Мысли могут читаться, поэтому лояльным гражданам придется быть осторожными не только в словах. В мозгу может время от времени вспыхивать сигнал-напоминание: «Выбирай мысли!», или «Думай, о чем думать!» Церебрально открытое общество может потребовать от своих членов такой умственной аскезы, какой раньше предавались только монахи и йоги. *Ментальная корректность* (mental correctness), или «гигиена мозга», выработает привычку сурового *мыследержания*, дисциплины управления своими мыслями, воздержания от общественно опасных или греховных помыслов как способа самоцензуры в нейросоциуме.

По логике антиутопии можно представить, что гражданину нейросоциума будет позволено лишь иногда отключать свой высокоразвитый мозг от сигнальной панели, которая станет передавать малейшие возбуждения его нейронов

в центральную диспетчерскую, планетарный или космический «нус» (греч. nous, мозг). За временем отключения также сможет следить специальная панель: долгий выход из системы будет считаться неэтичным, а грани между этикой и правом начнут стираться, как во всяком системно-эгалитарном обществе.

* *Амбутопия*, Интелнет, Корпьютер, *Нейрокосмос*, Нетософия, Ноократия, *Нооценоз*, Синтеллект, Техногуманистика, Техномораль

Début. P. 180–198.

Знак. С. 130–138.

Лит.: *Minsky M.* The Society of Mind. New York et al.: Simon & Schuster, 1988; *Kurzweil R.* The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005.

НЕТИФИКАЦИЯ (netification). Трансформация общества и человека под воздействием электронных сетей, которые придают все большую подвижность и прозрачность процессам социальных взаимодействий. Социальные сети ведут к *сетизации* общества. Коммуникативные каналы одновременно множатся и сужаются, становятся более универсальными и индивидуальными. Растущая конвергенция виртуального и физического пространства ведет к образованию все более текучих и открытых идентичностей — личностных, профессиональных, сексуальных. Узнавая о чужих интересах и потребностях, люди лучше осознают собственные. В процессе сетевых контактов возникают эфемерные идентичности, связующие малые группы индивидов. Результат нетификации — постепенное превращение всей структуры общественных взаимосвязей в подобие Интернета, возникновение новых «сетевых» политических движений, культурных стилей, форм работы и досуга, уже как *вторичных* образований, первоначально освоенных в виртуальном пространстве и лишь затем выходящих в **реал*.

* Интелнет, Мультивидуум, *Нетософия*, Ноофикация, *Соционетика*, Социопозия
Дар. Вып. 108. 20.12.2004.

НЕТОСОФИЯ (netosophy; англ. net, сеть + греч. sophia, мудрость). Система электронных коммуникаций как среда и средство философского мышления и образа жизни. Наряду с историсофией, космософией, культурософией, **технософией*, возникает и *нетософия*, буквально «сетемудрие». При этом сеть выступает не просто как предмет философских размышлений, но как *синтез технических возможностей сети и творческих исканий философии*.

Не случайно образ паука и метафора плетения — одна из древнейших в мифологии мудрости как умного сопряжения, сплетения разных мыслей. Греческая Афина, богиня мудрости, славилась своим ткаческим искусством; известен миф о ее состязании с Арахной, которую богиня превратила в паука, вечно ткущего свою пряжу.

Есть четыре логические возможности развития темы «философия и всемирная сеть»:

1. Как философия представлена в Интернете (философские электронные журналы, сайты, библиотеки, коллекции, форумы, блоги)?
2. Как Интернет представлен и осмыслен в философии (философия сетей, коммуникаций, новейших средств информации, массмедиа и т.п.)?

3. Как Интернет воздействует на роль, задачи, судьбу, перспективы, самосознание философии; какое место он занимает в развитии философии как дисциплины?
4. Какова роль философии в судьбах Интернета, как она воздействует на развитие электронных коммуникаций?

Именно два последних вопроса и образуют область «сетемудрия»: как *осетить философию* — и как *офилософить сеть*. Соответственно возникают две области взаимодействия философии и Интернета:

- 1) нетософия, как одна из *софийных дисциплин;
- 2) **софионет** (sophianet), как одна из подсистем (или надсистем) всемирной сети, одним из прообразов которой является *ИнтеЛнет.

То, что со стороны философии выступает как *нетософия*, со стороны Интернета выступает как **софионет**, как электронная «соборность» и сомыслие, опыт интеграции софийности в систему электронных коммуникаций.

*ИнтеЛнет, Нетификация, Нетотерапия, Ноократия, Обратимые дисциплины, Синтеллект Из тоталитарной эпохи — в виртуальную: Введение в Книгу книг // Континент. № 102. 1999. С. 355–366.

Лит.: *Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Perseus Publishing, 2002.*

НЕТОТЕРАПИЯ (netotherapy), **КОМПЬЮТЕРАПИЯ** (computherapy). Работа с компьютерами, общение в сети как средство самотерапии, исцеляющей от неврозов одиночества и страха, от социофобии, социопатии, комплекса неполноценности¹. Виртуальное общение можно рассматривать как своего рода *психодраму*, метод групповой психотерапии, созданный психологом Якобом Морено (1921). Социальные сети могут использоваться для развития творческого потенциала личности и расширения возможностей адекватного поведения и взаимодействия с людьми. Виртуальность родственна театральности, создавая условную сцену для ролевой реализации личности. Повышается ее самооценка, уровень социализации. Ролевая игра, использование аватаров, масок, ников, способствует изживанию невротически вытесненных психических импульсов и восстанавливает целостность личности, способной свободно конструировать свое «я», реализуя спонтанную энергию подсознания. Однако замкнутость этой терапии виртуальной сферой может привести и к обратному эффекту — обострению невротических реакций при переходе в реальный мир.

*Нетскапизм, *Потенциотерапия, Социопозья, Эгонетика*

НЕТСКАПИЗМ (netscapism; ср. эскапизм). Бегство из реальности в сетевой мир. Если раньше дикая природа, отдаленные страны или религиозная эзотерика были прибежищами для эскапизма (романтического, хиппового), то с возникновением Интернета маршруты такого бегства все чаще пролегают через электронную сеть и виртуальные миры. Нетскапизм превращается в серьезную помеху социализа-

¹ Порой встречается понимание «компьютерации» или «кибертерапии» как (1) ремонта компьютерной техники; (2) психотерапевтических сеансов, проводимых специалистом-психологом по Интернету.

ции, особенно среди подростков и молодежи. Созвучные понятия: **виртомания**, **осетенеть** (срастись с сетью).

*Виреальное, Нейрокосмос, Реал
Grani.ru. 30.05.2001.

ОНТОТЕХНИКА (ontotechnology; от греч. on (ontos), бытие, сущее + техника). Онтологическая техника, способная менять фундаментальные условия бытия, создавать новый пространственно-временной континуум, сенсорную среду и способы ее восприятия, новые виды организмов, а потенциально и новые формы разума.

Постиндустриальная эпоха отмечена неуклонным сближением техники и онтологии. Раньше техника занималась частностями, обеспечивала конкретные житейские нужды — в пище, жилье, передвижении, борьбе с врагами. Философия же, включая онтологию как учение о принципах бытия, занималась общими вопросами мироздания, которое она не в силах была изменить: сущностями, универсалиями, природой пространства и времени. Техника была утилитарной, а философия — абстрактной. В эпоху *нано-био-инфо-когно-технологий* наступает пора их сближения: мощь техники распространяется на фундаментальные свойства мироздания, а философия получает возможность не умозрительно, но действенно определять и менять эти свойства. Атомы материи, гены живых организмов, биты информации, нейроны мозга — на таких уровнях начинает работать техника, подчиняя саму структуру мироздания замыслам человека, а значит, потенциально сотрудничая с философией как с учением о мироздании в целом. Техника конца XX и тем более XXI века — это уже не орудийно-прикладная, а *фундаментальная* техника, которая благодаря продвижению науки в микромир и макромир, в строение мозга, в законы генетики и информатики проникает в самые основы бытия и в перспективе может менять его начальные параметры или задавать параметры иным видам бытия.

Тем самым техника уже не уходит от философии, а заново встречается с ней у самых корней бытия, у тех первоначал, которые всегда считались привилегией метафизики. Вырастает перспектива нового синтеза философии и техники — *онтотехника*, которая не только теоретически мыслит первоначала бытия, но и *практически* учреждает их в альтернативных видах материи, жизни и разума.

**Концептивизм*, Мыслебытие, Нетософия, Ноофикация, Синтеллект, Техногуманизм, *Технософия*
Творчество. С. 193–200.
Humanities. P. 151–158.

ТЕХНОВИТАЛИЗМ (technovitalism). Витальность самой техники; сплав технизма и витализма, характерный для мироощущения начала XXI века; трагигорническое соседство и переплетение этих двух тенденций, которые контрастно подчеркивают друг друга.

В языке современных гуманитарных теорий латинский корень vit (vita, жизнь) все более оттесняется корнями virt (virtual, виртуальный) или vitr (in vitro, в про-

бирке, в искусственной среде). Растет могущество техники, и она сама начинает восприниматься виталистично, как нечто живущее и растущее по своим неведомым законам. Современные технологии пытаются создать искусственную жизнь (artificial life), но уже сейчас, особенно с развитием кибернетики и электронных сетей, можно наблюдать новую, загадочную форму жизни в самой технике, в том, как она размножается сама от себя и оказывается витальнее многих организмов, вытесняемых с нашей планеты. Может оказаться, что сам творец техники, человек как биовид, — не исключение: ему тоже предстоит интеграция в техносферу, постепенное насыщение организма элементами техно-информационной среды, темпы развития которой намного превышают скорость биологической эволюции. Техновитализм — это подход к технике как новой форме жизни, развивающейся на небиологической основе.

*Ноовитализм, Онтотехника, Техногуманизм, *Технопоэзия*, *Хоррология*, *Эксплозив* Нулевой цикл столетия: *Эксплозив* — взрывной стиль 2000-х // *Звезда*. 2006. № 2. С. 210–217. *Postmodernism*. P. XVI–XVII.

Лит.: Лем С. Сумма технологии (1964). М., 1968.

ТЕХНОМОРАЛЬ (technomorality), **ТЕХНОЭТИКА** (technoethics). Возможности и требования морали, вытекающие из развития науки и техники.

В XVIII–XX веках техника и мораль часто противопоставлялись друг другу в духе философии Ж.-Ж. Руссо: «Всемогущий Боже! Ты, в чьих руках наши души, избавь нас от наук и пагубных искусств наших отцов и возврати нам неведение, невинность и бедность — единственные блага, которые могут сделать нас счастливыми!.. <...> Народы! Знайте раз навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие»¹. Руссо противопоставляет Афины, с их процветанием наук и искусств, — Спарте, с ее воинскими добродетелями, но еще больше он восхваляет персов и скифов. Со временем стало очевидно, что мораль, проповеданная Руссо против науки и техники, — это мораль тоталитарных и/или милитаристских государств, то есть предел разрушения морали.

Есть корреляция между развитием науки и техники и политической свободой. Индустриальная техника еще совместима с тоталитарным режимом, а новейшая электронная уже нет. На рубеже XX–XXI веков появляется все больше свидетельств нравственного потенциала научно-технического прогресса. Эволюция от каменного века до компьютерного есть несомненный прогресс — не только технический, экономический, интеллектуальный, но и моральный. Растут ноосфера и семиосфера; увеличивается продолжительность и информационно-интеллектуальная насыщенность жизни; расширяется диапазон свободного выбора профессий, стилей, ценностных ориентаций; возникают все новые формы творчества и познания... Глобализация экономики, транспорт, электронные средства коммуникации ведут к общению и сближению культур. Растет терпимость к чужим верам и убеждениям — и нетерпимость к насилию, не только физиче-

¹ Руссо Ж.-Ж. Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. в 3 т. М.: Гос. изд. худ. лит., 1961. Т. 1. С. 62.

скому, но и идеологическому. Увеличивается пропорция грамотного, культурно вменяемого населения... И даже большинство политиков сейчас знает то, что было невдомек таким великим философам, как Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше и В. Соловьев: нет морального оправдания войне и уничтожению «диких», «слабых» или «вредных» типов.

Если считать критерием морали терпимость, уважение к правам личности и к ценностям других культур, отказ от силы при достижении социально-политических целей, то посттоталитарная эпоха может считаться едва ли не самой морально сознательной за всю историю человечества, именно потому, что она научена страшным опытом XX века. Именно соединение морали и техники, *техноэтику*, можно считать одной из характерных черт развитых обществ XXI века. «Золотое правило», основа общечеловеческой морали, гласит: «Не делай другому того, чего не желаешь себе». Это же правило применимо и к отношениям наций, религий, культур. Тесное общение наций и рас, перемешивание культур, которое стало возможным именно благодаря научно-техническому прогрессу, делает эту заповедь гораздо более исполнимой: мы лучше понимаем взаимосвязь личной и всеобщей судьбы. Техника делает обратимыми наши поступки, усиливает обратную связь всех действий, создает эффект бумеранга, так что каждый субъект (индивидуальный и коллективный) сильно рискует оказаться жертвой собственного злодейства. Препрежнее четкое деление на «субъект» и «объект» исчезает, и все, что задумано во вред другим, легко обращается против нас самих. Обладатели ядерного оружия не могут не считаться с тем, что в огне войны или в холоде ядерной зимы погибнут и они сами, и их близкие — ни для кого нет гарантии выживания. Можно привести много примеров, когда то или иное техническое изобретение обращалось во зло, — но нельзя не учитывать и обратных примеров, когда наличие разрушительного оружия сдерживало страсти людей и повышало их моральный дух. Именно опасность ядерной войны ввела принцип терпимости и миролюбия в международную политику, то есть сблизила ее с этикой. Если раньше, в эпоху Толстого и Ганди, принцип ненасилия был чисто нравственным выбором, то после создания ядерного оружия он интегрируется в мировую политику как единственный способ совместного выживания, как преподанный техникой урок взаимности.

Точно так же опасность, вызванная насилием человека над природой, привела к созданию новой, экологической морали, которая предполагает не отказ от техники, а развитие более тонких и безотходных технологий. Известно, что маленькое знание разрушает веру, а большое знание опять приводит к ней. Точно так же индустриальное общество разрушает природу, а более развитое, постиндустриальное общество начинает ее охранять и восстанавливать.

Технический уровень современной цивилизации делает более понятным и осуществимым категорический императив Канта: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом. На языке социальных процессов это называется «глобализация», а на языке современной науки о **хаосложности* (chaoplexity, хаоса + сложности) — эффектом бабочки. Бабочка, взмахнувшая крыльями в Китае, может породить ураган в Бразилии. Все настолько взаимосвязано, что действие любого человека потенциально оборачивается последствиями для всего челове-

чества, включая и данного индивида. Эта обратимость будет усиливаться по мере ускорения всех линий транспорта и коммуникаций и создания *нейросоциума*, пронизываемого не только для знаков, слов и чисел, но и для мозговых процессов, нейронных возбуждений.

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Марк, 4: 22). Техника приближает нас к тому, о чем предупреждала религиозно-этическая мысль. Человек, оснащенный приборами мышления, встроенными в его мозг, как продолжение нервных клеток и волокон, будет не только могуществен, но и прозрачен и подотчетен. Тогда работа над содержанием своих помыслов станет повседневным императивом, таким же правилом этикета, как сейчас — выбор слов в процессе социальных взаимодействий. Тогда-то и пригодятся как верующим, так и неверующим те способы медитации, умного делания, которые разрабатывали аскеты и подвижники. Грехи совершаются не только делом и словом, но и помыслами, с которыми труднее всего бороться, поскольку сейчас они никому не подотчетны. Когда же помыслы станут видимыми для людей, то опрятность и воздержание в мыслях станут и социальным императивом. Научно-технический прогресс предъявляет непрестанно растущие требования к морали.

На каждой из этих стадий *техноморального* развития людей ждали и будут ждать сильнейшие искушения. Система правосудия в руках тирана или платоновского «философа-законодателя» может превратиться в аппарат уравниательства и репрессий. В такой же и еще большей мере создание *нейросоциума*, открытой техноцеребральной среды может привести к новой охоте за ведьмами, обитающими в сознании и подсознании. Мозг, который прямо подключается к машинам трансформации мира, выходит в новую зону морального риска.

Чем совершеннее техника, тем большую прозрачность в обществе она предполагает — и создает. В 1990–2000-е годы появились многочисленные этические кодексы по использованию электронных коммуникаций. В частности, ряд вопросов авторского права, раньше подлежавших юриспруденции, теперь передается в область нравственности (copyright и copyleft). В технически развитых и коммуникативно открытых обществах моральные факторы становятся все более осязаемыми и все сильнее воздействуют на социальную и профессиональную жизнь. Для эпохи Интернета мораль и техника есть вещи не только совместимые, но и нераздельные.

*Копиап, *Нейросоциум*, *Технософия*, Юзеризм

Знак. С. 117–170.

ТЕХНОПОЭИЯ (technopoeia; греч. techne, искусство, ремесло + греч. poiein, создавать; ср. *мифопоэзия*, *логопоэзия*). Поэтическая сторона техники как деятельности, воплощающей творческие устремления человека и образное видение мира. «Значение техники установимо только исходя из души», — утверждал О. Шпенглер¹. Все чудеса техники — это по сути метафоры человеческих потребностей и способностей: стремление к скорости, полету, парению, взаимопроникновению

¹ <http://philosophy.mitth.ru/spengler.htm>

душ... Наглядные примеры: дом — метафора тела; очки и микроскоп — метафора глаз; компьютер — метафора мозга, обрабатывающего информацию.

Человек, сотворенный как метафора, «по образу и подобию» Творца, сам продолжает творить мир метафор. Техническая цивилизация — это множественность образов человека, его ликов и перевоплощений. Информационные технологии — образ воспринимающего и мыслящего человека, способного раздвигать на огромные расстояния область видимого, слышимого, понимаемого. Коммуникативные технологии — образ языка, способность человека выразить себя и общаться с другими. Транспортные технологии — образ человека в движении, гиперболическое усиление его способности бегать, прыгать, плавать. Производственные технологии — образ человека, создающего орудия труда и предметы потребления.

Техника не менее метафорична и символична, чем поэзия, но воплощает эту энергию созидания не в словах, а в поэтически преображенной материи, где каждый элемент «играет» с природой, преодолевает силу тяжести, дальность расстояний, ограниченность физических возможностей. Технопоэзия, воплощенная в авиации, ракетостроении, электронике, Интернете, новейших средствах связи, представляет собой торжество *сверхпоэзии.

*Ангелоид, Антропопоэзия, Ноопоэзия, -Поэзия, Сверхпоэзия, Техновитализм, Технософия
Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 163–175.
Творчество. С. 369–371.

ТЕХНОСОФИЯ (technosophy; от греч. *technē*, искусство, умение, ремесло + греч. *sophia*, мудрость, знание, умение). Одна из *софийных дисциплин, изучающая «мудрость» техники; духовная сторона техники как предмет исследования и практического воплощения. Технософия раскрывает связь техники с иными планами бытия, которые трактуются метафизикой, теологией, мистикой, софиологией. Технософия — не просто философия техники, как один из тематических разделов философии; это теоретическая и практическая попытка *соединить* «техно» и «софию», сумму теологии и сумму технологий.

Если сопоставить понятия «техники» и «софии», или «технологии» и «софиологии», как они обычно представлены в системе знания и классификации наук, то между ними нельзя найти ничего общего. Вот два определения *техники* и *софии* из современных энциклопедий.

1.1. Техника — «совокупность средств человеческой жизнедеятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непродовольственных потребностей общества. Основное назначение техники — облегчение и повышение эффективности труда человека, расширение его возможностей, освобождение (частичное или полное) человека от работы в условиях, опасных для здоровья»¹.

1.2. Техника — «система искусственных органов деятельности общества, развивающаяся посредством исторического процесса опредмечивания в природном

¹ Российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. Т. 2. С. 1570.

материале трудовых функций, навыков, опыта и знаний, путем познания и использования сил и закономерностей природы. Техника... образует составную часть производительных сил общества и является показателем тех общественных отношений, при которых совершается труд, составляет материальный базис каждой общественной формации»¹.

2.1. «София — в русской религиозной философии (софиологии) творческая премудрость Божия, в которой заключены все мировые идеи и которая носит в своем сердце всю природу и одновременно является вечной идеей самого человечества. Она олицетворяет женственное в Боге и является символом тайны мира. Изображается на иконах в основном сидящей на огненном троне между Святой Девой Марией и Иоанном Предтечей, с пылающими крыльями и огненного цвета ликом»².

2.2. «Софиология — учение о Софии Премудрости Божией русских религиозных философов конца XIX — начала XX века, вобравшее в себя как элементы церковного предания, так и гностицизма, каббалы, еврейской мистики»³.

Из всех этих определений трудно заключить, что софия и техника имеют хоть какие-то точки соприкосновения. «Женственное в Боге» — и «материальный базис общественной формации»; «сидящая на огненном троне» — и «опредмечивание трудовых функций».

Функциональное определение техники в рамках «средств производства» и «экономической целесообразности» отражает прежние этапы ее развития, включая индустриальный, который завершился сравнительно недавно, в 1970-е. Усложнение постиндустриальной техники все более связывает ее напрямую с интеллектуальной и творческой деятельностью человека, его прорывами за грань материального мироздания. Современники нано-био-инфо-когно-технологий понимают, что техника — это не сталь и мазут, не «бездушные», «давящие» механизмы, как подсказывали впечатления индустриального века. Техника — это мысль и чувство, которые царят уже не только внутри нас, но и со скоростью света или звука распространяются вокруг нас и между нами. Постиндустриальная техника имеет дело с мыслью и числом, словом и духом — это техника средств сообщения и передвижения, техника одухотворения материи и сближения ее с внутренним «я». Это создание глубинных связей между «я», «ты» и «он», тех диалогических отношений, которые имеют и материальное, и духовное измерение.

Технософия изучает, как техника отвечает на духовные потребности человека и одновременно создает новые духовные устремления, открывает пути к созданию коллективного разума, *нейрокосмоса и *нейросоциума, которые непосредственно управлялись бы мозговыми процессами. Технософия не только исследует интеллект машин, но и рассматривает организм и мозг как образцы технической работы природы и прообразы биотехнологий будущего. Представление об организме как о прототипе машины заложено уже в метафорике Аристотеля, который называл руку «инструментом из инструментов», то есть применял к органике термин техники. Продуктом технософии (а не только технологии) стали бы но-

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 654.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра, 1998. С. 427.

³ Русская философия: Словарь / Под ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 465.

вые организмы, созданные на квантовой основе, а также нейронные сети мозга, которые сплетались бы с электронными сетями коммуникаций (**синтеллект*). В постиндустриальную эпоху человек переступает границы своего биовида, воспринимает и преобразует мир в тех микро- и мегадиапазонах, куда раньше дано было проникать только приборам. Но тем самым и техника выходит за границы механизма, не просто биологизируется, но и ментализируется и в конечном счете становится частью **софиосферы*.

Важно понять не только *софийность техники*, но и *техничность софии*, которая есть не отвлеченное знание, но искусство устройства земных вещей. Первоначально греческое понятие *sophia* относилось именно к ремесленным навыкам. Например, Гомер в «Илиаде» говорит о «софии» плотника, который «художества мудрость / Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины...»¹

В Библии софия и техника нераздельны с самого начала творения. В Книге Притчей Соломона, откуда и берет начало образ Премудрости (евр. Хокма), она предстает именно как художница, которая вместе с Господом творит мироздание: «Господь имел меня началом пути Своего, / прежде созданий Своих, искони... / Когда Он уготовлял небеса, я была там. / Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, / когда утверждал вверху облака, / когда укреплял источники бездны, / когда давал морю устав, / чтобы воды не переступали пределов его, / когда полагал основания земли: / тогда я была при Нем художницею...» (Притчи Соломона, 8: 22, 27–30).

Премудрость — высшая художница, в полном соответствии с исконным значением греческих слов «софия» (мудрость) и «технэ» (искусство). С. Аверинцев заметил, что «понятие софии долго не расходится с понятием “технэ” — о вещественного “художества”, но оперирование человека с вещами есть софия лишь постольку, поскольку он вносит в них смысл»². Причем техника — это Искусство с большой буквы, которое не ограничивается образами, символами, условными подобиями, но выходит на сцену космоса и в этом смысле даже ближе миротворящей мудрости Бога, чем искусству поэта или актера.

«Технософия», или «Художество-Мудрость», есть исходно неделимое понятие; и то, что как термин оно возникло недавно (в 2001), свидетельствует лишь о том, как далеко «софия» и «техника» разошлись в культуре Нового времени. Между тем Премудрость, как она описана в Книге Притчей Соломона, не просто Художница при Создателе, помогающая «технически» расчертить план мироздания, но и Хозяйка, озабоченная устройством земного дома. Ей подведомственны не только «высокие» технологии, но и повседневные орудия и ремесла, которые тоже проникнуты ее светом и смыслом: «Премудрость построила себе дом, / вытесала семь столбов его, / заколола жертву, растворила вино свое / и приготовила у себя трапезу...» (Притчи Соломона, 9: 1–2). Нам эту практическую сторону мудрости понять тем легче, что в русском языке слова «ум» и «уметь» — одного корня.

Технософию можно рассматривать как новейшую в цикле «софий», получивших программное оформление за последние полтора века. В 1875 году Е. П. Блаватская и Г. С. Олкотт основали в Нью-Йорке *Теософское общество*, а в 1912 году

¹ Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Песнь 15, ст. 410–411.

² Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 61.

Р. Штейнер в Дорнахе (Швейцария) — *Антропософское* общество. Как бы ни относиться к теософии и антропософии, в которых преобладало эзотерическое начало, очевидно, что развитие науки в XX веке подготовило почву для создания в XXI веке *третьей софии*. *Технософское* общество было бы теснее связано с наукой, чем два предыдущих, и вместе с тем обозначало бы духовно-творческую перспективу технического развития.

Теософия — антропософия — технософия: этот ряд обладает определенной последовательностью:

1. Бог-Творец.
2. Человек — творение Бога.
3. Техника — творение человека.

Техника, создаваемая человеком, выступает в *технософии* как средство познания и воссоединения с мудростью, создавшей самого человека.

* *Ангелойд*, Всечеловек, *ИнтелНет*, *Когнитивная религия*, Мудрость, Нетософия, Нооценоз, Синтеллект (соразум), Софийные дисциплины, Техногуманизм, Техногуманистика, *Технопоэзия*, *Технотеизм*

Технософия // Веер будущих. 2001. № 25.

Знак. С. 772–782.

Творчество. 196. С. 201–205.

Humanities. P. 151–158.

ТЕХНОТЕИЗМ (technotheism). Представление о том, что стремительное развитие техники и увеличение власти человека над силами природы не опровергает, а подтверждает его сотворенность высшим Разумом. Поскольку человек, благодаря новейшим технологиям, способен создавать новую, искусственную реальность, возрастают шансы на то, что и окружающая нас реальность физического мира тоже является сотворенной сверх-Инженером, сверх-Дизайнером.

Под *технотеизмом* иногда понимают суеверное почитание техники, преклонение перед ней как перед божеством. Один из таких «технотеистов» пишет: «Я воскуряю фимиам перед своим компьютером, обращаясь к духу машины. Я молюсь перед своим ПК, алтарем из металла, силикона и проводов, вознося хвалы Господу Технологии, Подателю Знания, Источнику Прогресса»¹. Но такой «технотеизм» — это скорее техномания, техноидолатрия, техноязычество. Собственно *технотеизм* — не обожевление машины, а то представление о Творце, которое возникает у нас благодаря использованию техники и осознанию нашего собственного могущества, сравнимого и все-таки несравнимого с могуществом создавшего нас разума.

Технология обычно рассматривается как область, питающая радикальные атеистические взгляды. Однако успехи техники свидетельствуют о таком могуществе Творца, которое раньше представлялось совершенно невысказанным для людей, владевших лишь примитивными орудиями труда. Как древний пахарь или охотник мог объяснить себе, что Бог знает все помыслы людей? Бытие сверхъестественного разума представляется более вероятным после того, как люди познакомились с возможностями искусственного разума, пусть пока еще

¹ <http://technotheist.blogspot.co.uk/>

и весьма ограниченными. По опыту общения с новейшей информационной техникой гораздо легче представить, как Творческий Разум может общаться со мной, читать каждую мою мысль, отзываться на нее и передавать мне свои мысли. Теперь мы знаем, сколь компактны средства хранения информации и почему в минимальном объеме, «зернышке» вещества может помещаться не только будущее дерево, но и, если это компьютерный чип, система квантов и т.п., — миллионы книг, планы городов, информация о государствах, планетах, галактиках и т.д. Техника приближает к нам сверхъестественное, делает его естественным, объяснимым рационально.

Ник Бостром, философ и директор Института будущего человечества при Оксфордском университете, выдвинул гипотезу об искусственном происхождении нашего мира: «Почти наверняка вы живете внутри компьютерной симуляции, которая создана более развитой цивилизацией. И Коперник, и Дарвин, и современные ученые — все открывают законы и явления симулированной реальности. Эти законы могут быть (или не быть) идентичны законам, действующим на более фундаментальном уровне реальности, той, в которой находится компьютер, управляющий нашей симулированной средой (конечно, и сама эта реальность может в свою очередь быть симуляцией)»¹.

Таков теологический парадокс технического прогресса. Чем более мир оказывается творимым нами, тем более вероятно, что и сами мы сотворены. Если мы способны создавать «симуляции», виртуальные миры, которые мало отличаются от реального и обладают теми же чувственными свойствами, то что мешает нам предположить искусственность и физического мира? Пока существовали лишь художественно-условные подобию реальности (картины, скульптуры), очевидна была разница между рукотворными созданиями и природой. Но если онтология наших виртуальных миров по своей сложности и чувственной достоверности начинает приближаться к онтологии реального мира, то сотворенность этого последнего, в том числе нас самих, становится все более вероятной.

Рудольф Отто в своей книге «Священное» называет «чувство своей тварности» первым признаком отношения человека к священному, поскольку оно предполагает всемогущество Творца. В этом смысле стремительное развитие техносферы способствует увеличению «священного» в цивилизации. Все труднее представить мир без Творца — таков существенный вывод техноэволюции человечества.

*Кенозис, Кибертеизм, Когнитивная религия, Техногуманизм, Технософия
Религия. С. 307–318
Humanities. P. 139–149.

УМОДЕЛИЕ (headmade; ср. рукоделие, handmade). Производство живого человеческого ума, а не искусственного разума; созидательная деятельность без применения интеллектуальной техники. *Умодельные* вещи, *умodelки* (ср. рукоделки) — сделанные человеческим, не машинным интеллектом. И рукодельное, и умодельное содержит ауру подлинности, уникальности. Если в будущем искусственный разум займет господствующие позиции в обществе, умоделие

¹ *Bostrom N. Do we live in a computer simulation? // New Scientist. 2006. 192 (2579). P. 38–39.*

будет цениться так же высоко, как рукоделие в индустриальную эпоху массового, конвейерного производства.

*Вербъект

Headmade, умоделие // Сноб. 27.12.2013.

ЧЕЛОВЕСТЬ (человек + весть; humessage, human + message). Индивидуальная сущность, энтелехия человека, в ее способности принимать внебиологические формы воплощения и передаваться как «информационный портрет» или «информационный пакет», обладающий свойствами оригинала. При этом сам человек приобретает некоторые свойства «вестника» («ангела»), благодаря виртуализации своего бытия и сращению организма с коммуникативной техникой, то есть становится *ангелоидом или **человестником** (humangel). Н. Винер верил, что прогресс кибернетики со временем позволит передавать человека, как сообщение. Превращение человека в весть — одна из возможных перспектив информационной цивилизации будущего.

*Ангелоид, Нейрокосмос, Прото-, Техногуманизм

ЭГОНЕТИКА (egonetics, от ego, лат. я, и net, англ. сеть). Странствие по Интернету в поисках себя, ссылок на свое имя; сетевой нарциссизм.

Интернет — поток информации, в который эгонетик всматривается, как Нарцисс — в свое отражение. Эгонетика может быть пассивной, когда человек ищет повсюду ссылки на себя, — и активной, когда он пытается рассеять как можно больше своих следов, пишет в чужих блогах, разбрасывает свое имя на форумах и интерактивных страницах.

Эгонетик (egonetist) — не обязательно эгоцентрик. Человек перед экраном почти всегда одинок, и время от времени ему нужны подтверждения, что он существует в сознании других. Такова сетевая трансформация декартовского «эго»: «Я нахожу ссылку на себя — значит, я существую. Вижу на экране свое имя — значит, есмь». *I link therefore I am*. Эгонетика — это не обязательно самовлюбленность, это голод по реальности у человека, заброшенного в виртуальные миры и не оставляющего там никаких аутентичных следов — только след своего имени.

*Виртонавтика, Есмь-истина, Нетскапизм

Политикон // Новая газета. 4.7.2008.

ЮЗЕРИЗМ и АНТИЮЗЕРИЗМ (userism and antiuserism; от англ. user, пользователь; по модели слов «расизм», «сексизм»). Узурпаторское, эксплуататорское отношение человека к вещам, к предметам потребления — и критика такой позиции с точки зрения защиты прав артефактов. Юзеризм, идеология превосходства пользователей над объектами пользования, может рассматриваться как такое же посягательство на права и достоинство «других», как идеология превосходства одной расы, пола, возраста или состояния здоровья над другими (ageism, ableism).

Эта *техноэтическая* проблема заостряется в связи с быстрым развитием *Интернета вещей*, когда все предметы, наделенные компьютерными чипами,

станут участниками всеобщего круговорота информации, обезвредятся своими электронными адресами и правом сообщать о своем состоянии, об условиях своего хранения. Автомобиль сможет подавать жалобы в *Агентство по соблюдению прав артефактов* на недостаточную чистоту в салоне, а пищевой продукт — на плохие условия хранения; с нерадивого пользователя будет взиматься штраф. Можно предвидеть, что юридические кодексы пополнятся статьями о неотчуждаемом праве вещей на достойное существование, на охрану от порчи. Возникнет общество *охраны прав потребляемых* (*commodity rights*), которое будет конфликтовать с обществом *охраны прав потребителей* (*consumer rights*). Их лоббисты будут осаждать парламенты развитых стран, предъявляя свои взаимоисключающие требования. Найдутся и свои *агуманисты* (*ahumanists*), готовые заявлять протест против страданий неповинных вещей и собирающие факты их притеснения с электронных чипов.

Философская мысль тоже совершает радикальный поворот, причем в русле «корректности», которую в данном случае уместно именовать не политической, а *онтологической* (бытийной). В статье-манифесте «Освобождение артефактов» Билл Капра задается вопросом: «Быть может, артефакты сами имеют права и обязанности. Может быть, велосипед имеет право на то, чтобы его шины были надутыми, а в его спицы не совали палки. <...> Нет ли здесь ранее непризнанной нами формы угнетения?»¹ С развитием Интернета вещей идеология *«онтокорректности»* (*ontocorrectness*) становится все более осуществимой. С одной стороны, она воспринимается как метафизическая шутка, пародия на политическую корректность, с другой — перекликается с древней религиозно-этической интуицией достоинства вещей. Египетский старец авва Дорофей (VI в.) призывал род человеческий «хранить совесть по отношению к вещам»². Еще определеннее высказывается старец Зосима у Достоевского: «Любите всё создание божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите».

Слово «вещь» этимологически родственно понятию голоса (лат. *vox*, англ. *voice*), а в русском — понятию «весть». Интернет вещей предоставляет человеку технические возможности не только «блюсти совесть» по отношению к вещам, но и вступать в общение с ними, предоставить им право *вещать*.

**Веществование, Лирический музей, Реалогия, Реизм, Самобытие, Техномораль, Человекомерие*

Умный мусорный бак и судьбы цивилизации // Частный корреспондент. 25.11.2014.

¹ *Capra B. Artifact Liberation // Philosophy Now. A Magazine of Ideas. 104. Sept. — Oct. 2014. P. 23.*

² «А хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться небрежно с какою-либо вещию, не допускать ей портиться и не бросать ее как-нибудь, а если увидим что-либо брошенное, то не должно пренебрегать сим, хотя бы оно было и ничтожно, но поднять и положить на свое место». http://eco.org.ru/about/publication/index.php?ELEMENT_ID=5299

УКАЗАТЕЛИ

Алфавитный указатель статей

Указатель отдельных терминов

Предметно-тематический указатель

Лексические и морфологические группы терминов

Лексические группы

Структурные единицы

Дисциплины

Направления, мировоззрения

Практики, проекты

Режимы

Жанры и приемы

Типы слов и текстов

Морфологические группы

Прилагательные

Глаголы

Местоимения

Служебные слова

Морфемы

Пробел

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

- « » (знак пробела) 100, 134, 137, 144, 182, 233, 234, 235, 304, 338, 393, 423, 424, **426–429**, 449, 468, 469, 480
- Абдукция** 80, 103, **162–163**, 165, 208, 211
- Алмазное правило** 32, 73, 94, 211, **300–302**, 318, 327, 335, 336
- Альтерология** **61–62**, 68, 99, 102, 129, 137, 163, 170, 172, 190, 223, 228, 235, 336, 358, 422
- Альтер-эгоизм** **302–303**, 311, 321, 498
- Амби-** (приставка) **62–63**, 137, 149, 170, 254, 265, 305, 318, 323, 328, 361, 422, 442, 452, 469, 485, 523, 526
- Амбимарксизм**, амбиментальность, амбирадикализм, см. Амби-
- Амбипатия** 63, **303**, 305, 485, 510, 523
- Амбипатриотизм** **522–523**
- Амбирелигия** 63, 204, **263–265**, 273, 530, 531, 533, 533, 542, 545
- Амбитеизм** 63, **265**, 267, 292, 533
- Амбиутопия**, амбиутопизм 63, 148, 251, 254, **523**, 542, 552, 564
- Аморт**, **любомор** 325, 452, **484–485**, 500, 507, 510, 521, 539, 548
- Анастрофа** 333, **524**
- Анафраза** **380–383**, 386, 407, 408, 411
- Ангелизм** 236, **265–267**, 284, 292, 556
- Ангелоид** 180, 236, 267, 478, **555–556**, 570, 573, 575
- Антропопоэзия** **25–26**, 36, 111, 359, 362, 570
- Апонимы** 140, **429–430**
- Апофатизация** 187, 265, **267**, 272, 292, 295
- Арх-арт** 238, 240, **337**
- Археософия** 60, 95, 97, **237–238**, 240, 246, 337
- Арьергард** **383–385**, 394, 405
- Аугментальность**, аугментация **163–165**, 211, 223, 235
- Афористический квадрат** 99, **385–386**
- Бедная вера**, минимальная религия **267–271**, 272, 280, 282, 284, 289, 291, 292, 293, 295, 296, 306, 429, 543
- Белая дыра** 144, 233, **338**, 249
- Биограмма** 334, **485–486**, 488, 494, 495, 496, 497, 509
- Биопоэзия** 359, 362, **486–487**, 491, 493
- Биософия** 33, 89, 95–97, 272, 290, 291, **487–488**, 490, 491, 493, 497, 504, 507
- Благоподлость** **303–304**, 310, 452
- Божествовать** **281**, 282, 287
- Боживо** **272**, 290
- Большинства** **524–525**, 549
- В** (предлог) **63–65**, 70, 71, 102, 480
- Вакуум нестабильный** **120–121**, 132, 134, 139, 142, 144, 182, 319, 338, 533
- Вербъект** 415, **430–431**, 574
- Веселье мысли** 87, **165–166**, 168, 286, 326, 372, 494
- Вещеведение**, см. Реалогия
- Веществование** 82, 99, 119, **122–123**, 147, 150, 353, 554, 576
- Видеократия** 177, **556–557**, 558
- Видеология** 542, **557–558**
- Вир** 123, 145, 173, 349, **558**, 559, 562
- Виреальное**, виреальность 123, 145, 173, **558**, 559, 566
- Виртонавтика** 145, 252, 478, 558, **559**, 575
- Виртуалистика** 123, 349, 394, **559**
- Виртуальное** **123**, 139, 393, 558, 559
- Вит** 73, 148, 149, 189, 190, 204, 208, 223, 236, 241, 248, 257, 260, 442, 474, 486, 487, **488–490**, 491, 508, 515, 526
- Виталистика** 33, 42, 43, 176, 290, 444, 488, **490–491**, 493, 494, 497, 502, 504
- Витоверификация**, витофальсификация 223, 290, 322, 490, **491**, 494
- Водство** **26**, 483
- Возможностное** 48, 163, 165, **193–195**, 199, 217, 218, 219, 223, 227, 228, 236, 259, 394, 453
- Возраст-фрактал** **239–240**, 248, 497
- Воосязание** **338–339**, 365, 371, 407, 498, 512
- Воссознание** 28, 72, 99, **304**, 424, 429, 431

- Вочеловечение **26–28**, 29, 30, 32, 37, 57, 58, 72, 99, 110, 111, 303, 304, 306, 326, 429, 431, 478, 502, 525, 543, 549
- Возыковление 72, 99, 304, **431**, 472
- Временение **240**, 249
- Всевозрастный, см. Одновозрастный
- Всекто и всечто 70–71, 115, 119, **124–125**, 140, 152, 169, 191
- Всеразличие 62, **65–68**, 73, 85, 99, 102, 103, 104, 105, 108, 129, 145, 149, 172, 202, 295, 302, 335, 336, 429
- Всечеловек **28–29**, 32, 48, 99, 111, 125, 252, 315, 539, 547, 556, 573
- Всечеловечество 28, 29, **30–32**, 57, 58, 306, 525, 527, 543, 549
- Выверт 148–149, 202, 257, 258, 265, 304, 310, 331, 341, 347, 361, **525–526**, 533,
- Гипер-** (приставка) 145, 148, 149, 167, 204, 265, 310, **339–341**, 342, 344, 396, 526, 533, 542, 558
- Гиперсексуальность, гиперсоциальность и др., см. Гипер-
- Гиперавторство 179, 186, 252, 315, 322, **386–388**, 389, 421, 422, 423, 547
- Гипербола-литота 251, **388–389**, 393
- Гиперрациональность **166–167**, 168, 169, 184
- Гиперязык 429, **431–432**
- Гипо- (приставка) **341–342**, 344, 533
- Гипоавтор 105, 184, 186, 342, 386, 388, **389**, 423
- Гипореальность 134, 145, 204, **342–344**, 530, 533
- Гипотетизм 41, 48, 49, 55, 73, 163, 165, **195–199**, 202, 211, 218, 223, 230, 235, 341, 342, 355
- Глокализм 108, 452, **526–527**
- Глубина 89, **125–128**, 153, 154, 156, 158, 309, 365
- Грамматософия 63, 65, **68–71**, 83, 102, 204, 272, 429, 443, 453, 479, 480, 533
- Гулик **559–560**
- Гуманетика **32–33**, 398, 403, 418, 560, 561
- Гуманимализм 58, **491–493**
- Гуманистика **33–37**, 41, 54, 189, 282
- Гуманитарное изобретение 26, **37–41**, 42, 46, 49, 55, 57, 114, 208, 211, 231, 235, 351, 355, 561
- Гуманитарные практики и технологии 26, 33, 37, **41–42**, 46, 55, 57, 231, 351, 355, 444
- Гуманология 34, 37, **42–43**, 53
- Д**вочувствие 63, 118, 303, **304–305**, 318, 323, 328, 485, 493, 523, 526
- Действия философские **71–72**, 80, 89, 93, 97, 110, 111, 118, 173, 313
- Демобюрократия **527**, 545
- Диаверс, интерверс **128–129**, 136
- Доброверие, нравственность 288, 289, **305–306**, 326
- Древностное 237–238, **240**, 246, 337, 453
- Духовность первого дня 265, **272–273**, 276, 344
- Духодарцы 211, 235, **274–276**, 286
- Душевность 273, **306–309**, 318
- Душеедство, душеядность **309**
- Е**смь-истина 37, 45, 125, 132, 152, 189, **276–277**, 281, 282, 287, 320, 335, 575
- Ж**ивосердечие 309, 332, 488, 491, **493**, 502
- Живоумие 166, 168, 184, 345, 488, 491, **494**, 502
- Жизнемудрие, см. Биософия
- Жизнь как тезаурус 313, 331, 334, 486, 488, **494–497**
- Злобро 149, 281, 288, 297, 298, 304, 306, **309–310**, 322, 452, 485
- Золотое сечение **277–278**
- И**гра 166, 229, 322, **344–345**, 346, 348, 502
- Идеологическая тетрада 386, **432–433**, 440, 458
- Идеологический язык, идеоязык 433, **434–435**, 439, 440, 456, 464, 542
- Икон (суффикс) **435**
- Именные термины 44–45, 84, 110, **435–436**
- Император **390–391**, 413, 415, 419, 420
- Имплицатив, см. Импликосфера
- Импликосфера 228, 431–432, **436–438**, 449, 456, 461, 463
- Импровизация коллективная 223, **345–346**, 350, 377, 528, 547

- Индексальное письмо 85, 147, 150, 172, 353, 355, **391–393**, 396, 428, 429
- Индивиды-универсалии **43–45**, 110, 152, 436
- Иноумие **167–168**, 184, 211
- ИнтеЛнет 32, 179, 180, 188, 253, 350, 546, **560–561**, 564, 565, 573
- Интенсивность **72–73**, 94, 99, 128, 131, 132, 149, 172, 199, 202, 208, 233, 235, 239, 244, 278, 372, 389, 490
- Интересное 73, 94, 105, 128, **199–202**, 208, 223, 407, 490, 491, 494
- Интернет вещей, см. Юзеризм
- Интернет растений, деревьев см. Биопоезия
- Интраверс, см. Диаверс
- Интоксофикация 115, 167, **168–169**, 191
- Инфиниция 62, 105, 110, 138, 429, **438–439**, 441
- Информация 415, **561–562**
- Информационная травма, см. Травма пост-модерна
- Ипсеизм 73, 128, **129–131**, 132, 139, 142, 150, 151, 277, 278, 282, 320, 322, 323, 331, 335
- Ипсеистика 121, **131–132**, 142, 151, 277, 282, 320, 334, 335
- Ирония бытийная 149, 166, 265, 310, 331, 345, **346–347**, 361, 452, 514, 521, 526, 552
- Ирреалия, меонема, негатема 121, **132–134**, 137, 138, 142, 143, 144, 235, 312, 449, 530, 533
- Исторема **240–241**, 257, 260, 261, 299, 486, 526
- Историопластика **241**, 257, 258, 259, 260, 526, 553
- Как бы (союз)** 70, 71, 145, **202–204**, 265, 342, 344, 371, 396, 530, 533, 542, 558
- Кайноной, см. Нооэры
- Калодицея 273, **347–348**, 533
- Катарсис мысли 63, **169–170**, 305, 318, 442, 523
- Кенозис 51, 141, **278**, 574
- Кенотип 105, **241–244**, 251, 254, 259, 299, 401, 409, 478
- Кибертеизм **278–279**, 280, 349, 574
- Книга виртуальная 223, **393–394**, 423
- Когнитивная религия **279–280**, 573, 574
- Когтистые слова **439**
- Кое-ничто, кое-никто, см. Отрицательно-неопределенные местоимения
- Комос 289, 346, 402, **527–528**, 543, 547
- Компьютерapia, см. Нетотерапия
- Комцепт, комцептуализм, см. Прагмо-арт
- Конверсия оценочная 432, 433, **440**, 456, 458
- Конструктивная аномалия 165, 202, **204**, 207, 208, 236, 445, 456, 461, 508, 536
- Конструкционизм, конструирование как метод **74**, 75, 80, 175
- Контекстные отношения **310–311**, 321, 500
- Континуализм 228, 385, **394**, 405
- Контраформатив, контраформативное высказывание 63, 149, 151, 170, 361, 438–439, **440–442**, 474
- Концептивизм 42, 51, 54, 55, **74–80**, 92, 93, 95, 97, 105, 113, 114, 161, 163, 165, 166, 175, 190, 192, 202, 211, 223, 227, 230, 231, 254, 351, 467, 559, 566
- Концептуализм 187, 204, 228, 355, 360, 361, 365, 366, 383, 385, **394–396**, 397, 402, 403, 404, 409, 464, 542
- Копиап **348–349**, 569
- Корпора и корпорус 325, **497–498**, 500, 505, 515
- Корпьютер **562**, 563
- Космо-арт **349**, 558
- Космопоззис, космопозитическая теология 276, **280–281**, 289, 290, 298, 349, 359, 362, 372, 402, 409, 487, 493
- Креатема 41, 74, 132, 134, 165, 202, **204–208**, 211, 233, 235, 236, 319, 371, 429, 461, 490, 508, 536
- Креаторика 33, 48, 62, 165, **208–211**, 235, 276, 346, 478
- Криптоним **442**, 477, 482
- Крона слова, крона лексическая **442–443**
- Культуроника 26, 37, 41, 42, 54, 55, 57, 211, 223, 231, 346, **349–351**, 355, 369, 561,
- Лингговитализм** 20, 95, 417, **443–444**, 474
- Лингводизайн 54, 95, **444**, 445, 450, 459, 461, 466, 483,
- Лингвомутация **444–445**, 450, 461, 487
- Лирическая философия, лирософия **80–81**, 118, 132, 282, 287, 353, 509

- Лирический музей 81, 84, 85, 123, 147, 150, 350, **351–353**, 393, 509, 554, 576
- Лирическое «оно» 81, 186, 295, 322, 359, 362, **396–397**, 400, 402
- Логодицея 431, 444, **445–446**, 472
- Логополис **528–529**
- Логопэзия 359, **446–447**, 444, 445, 451, 463, 464, 472
- Любовь 192, 248, 311, 321, 325, 372, 482, 485, **498–500**, 502, 510, 515, 518
- Любомор, см. Аморт
- Манифест** 42, 46, 55, 57, 230, 231, 250, 251, 254, **353–355**
- Материософия **81–82**, 89, 97
- Мгновечность, мгновечное **244**, 245
- Мегатекст 33, 179, **397–398**, 402, 403, 405, 406, 411, 412, 413, 418, 420, 560, 561
- Мезоной, см. Нооэры
- Мемориал вещей, см. Лирический музей
- Меонема, см. Ирреалия
- Местомиг 244, **245**, 255, 486
- Метабола 163, 397, **398–400**, 401, 402
- Метаморфейя **311–312**
- Метапрактика 80, 92, 93, 97, 113, 173, 211, 229, **312–313**, 509
- Метареализм 228, 394, 396, 397, 398, **400–402**, 404, 528
- Метаэмоция, см. Селф-эмоция
- Микрожанры интеллектуальные **45–46**, 49, 172, 355, 386, 394
- Микрометафизика **83–85**, 102, 119, 142, 147, 150, 172, 314, 353, 393, 436, 509
- Микроника 46, 85, 142, 147, **170–172**, 314, 320, 342, 353, 389, 393, 394, 509
- Микропсихология 131, 172, **313–314**, 319, 320, 323, 332, 497, 509, 514
- Микроэмоция, см. Психема
- Минимальная религия, см. Бедная вера
- Минус-система 134, 138, 145, 204, 265, 342, 344, 348, 396, **529–530**, 533, 536, 545
- Многовластие **530–531**, 542, 543
- Многовозрастный, см. Одновозрастный
- Многомирие 29, 73, 89, 105, 128, 129, **134–136**, 137, 138, 143, 161, 172, 173, 190, 223, 224, 227, 228, 279, 314, 315, 402, 558
- Модальность 69, 195, 199, **211–216**, 217, 218, 219, 223, 224, 227, 232, 514
- Модальные чувства и действия 175, 190, **216–218**, 223, 514, 543
- Можествование 216, **218–219**, 223, 224, 227
- Молчание 144, 429, **447–449**, 468, 469
- Морфемы прыгающие 208, 445, **449–450**, 461, 487
- Мудролюбие, см. Софиофилия
- Мудрость 82, **85–89**, 91, 93, 95, 97, 98, 110, 113, 126, 128, 165, 313, 326, 327, 488, 573
- Мультиверсалия 33, **89**, 105, **136**, 369
- Мультиверсум, см. Многомирие
- Мультивидуум 29, 105, 136, 137, 186, 227, 228, 229, 239, 248, 311, **314–315**, 322, 376, 388, 546, 547
- Мультикосмизм 29, 89, 111, 129, 136, **137**, 143, 161, 224, 227, 315
- Мыслыбятие 143, **172–173**, 174, 175, 178, 566
- Мыследействие **173**, 175, 313
- Мыслезнание 55, 80, 92, **173–175**, 178, 188, 190, 218, 231, 508
- Мыслеобраз, см. Эссема
- Мыслительство **89–92**, 97, 111, 113, 173, 180, 182, 186, 189, 211, 377, 379, 494,
- Надтекст** 33, 398, **402–403**, 406, 411, 412, 413, 418, 420, 560
- Нанопсихология, см. Микропсихология
- Народомудрие, см. Фольксифия
- Науководство 26, 37, **46–48**, 49, 182, 183, 231, 429
- Нация-проект, см. Экзистенация
- Нега- (приставка) 134, **137**, 138, 149, 187, 312, 430, 449, 552
- Негавит, негатрансформация, см. Реверсивность
- Негаобъект и негамир 129, 134, **137–138**, 142
- Негаонтология 119, 121, 132, 134, 137, **138–139**, 142, 144, 161
- Недо- (приставка) 71, 134, 138, 204, 265, 342, 343, 344, 348, 396, 526, 530, **531–533**, 536, 541, 542, 545
- Нейробот **562**, 563
- Нейрокосмос 173, 176, 179, 254, 562, **563**, 564, 566, 571, 575

- Нейросоциум 173, 176, 177, 179, 254, 529, 561, 562, **563–564**, 569, 571
- Не-небытие 121, 132, 134, 137, 138, **139–142**, 144, 149, 151, 235, 265, 312, 429, 430, 526, 533
- Неолубок **355**, 393, 396
- Негификация 143, 145, 546, **564**, 565
- Нетософия 97, 179, 183, 188, 546, 561, **564–565**, 573
- Нетотерапия 229, 546, **565**
- Нетскапизм 563, **565–566**, 575
- Низрастать **142**
- Ничто-либо, ничто-нибудь. См. Отрицательно-неопределенные местоимения
- Новая сентиментальность 228, 360, 361, 396, **403–404**, 409, 410
- Новейшее средневековье 238, **245–246**, 283, 286, 539, 544, 545, 548, 553, 557
- Ноовитализм, нооветегация **175–176**, 188, 290, 488, 490, 491, 529, 567
- Ноократия **176–177**, 178, 179, 188, 253, 529, 563, 564, 565
- Ноопояя **177–178**, 359, 362, 386, 570
- Ноофикация 80, 173, 175, **178**, 564, 566
- Нооценоз 80, 98, 173, 175, 176, 177, **178–179**, 180, 188, 253, 254, 429, 529, 561, 573
- Нооэры: палеонной, мезонной, кайноной 177, **179–180**
- Нравственничество, см. Доброверие
- Нулевая дисциплина 46, 92, 110, 113, 137, **180–182**, 183, 189, 377, 379, 429, 494
- Нулевой стиль 385, 394, **404–405**
- Обаяние** 28, 309, 345, 493, 494, **500–502**
- Обезумливание 167, 168, **182–183**, 358
- Обнадеживающий урод 206, **534–536**
- Обратимые дисциплины 48, 137, 149, **183–184**, 449, 565
- Обратная перспектива в этике **315–317**, 326, 328
- Обыгнать **142–143**, 505
- Овозможение, см. Потенциация
- Одновозрастный и разновозрастный 239, **246–248**
- Однословие 438, 447, **450–451**, 463, 464, 467, 472, 478
- Ожугчение **355–356**, 358
- Оксюмороним 304, 310, 439, **451–452**, 469, 484, 485
- Омировление 111, 136, **143**
- Омоантонимы **452**, 469
- Онтокорректность, см. Юзеризм
- Онтотехника 43, 51, 53, 80, 97, 254, 558, 559, **566**, 567
- Организация-1, см. Всечеловечество
- Особытть **248**, 257, 437
- Остн- (суффикс) 71, 195, 240, **452–453**
- Остранение остранения 184, 355, **356–358**, 361, 393, 504, 515
- Отставание человека от человечества 187, 366, **536–539**
- Отрицательно-неопределенные местоимения 71, 134, 139, 142, 144, **453–455**
- Палеонной**, см. Нооэры
- Панфобия, мирозлобие 125, 288, 485, 510, **539**, 544, 545, 553
- Паронимизм, паронимистика **455**
- Перитекст 398, **405–406**, 411, 412, 413, 418, 420, 560
- Персонажное мышление **184–186**, 315, 322, 388, 389, 422
- Персоналистический аргумент 125, 132, 152, 236, 272, 277, **281–282**, 287
- Перформативная лингвистика 444, 445, 447, 450, **455–456**, 460, 461, 463
- Пиар нуар 356, **358**
- Пластичность текста **406–407**, 494, 505
- Платомарксизм 76, 204, 259, 262, 265, 396, **539–542**, 548, 557
- Подвозраст, возраст возраста, см. Возраст-фрактал
- Поликратия, см. Многовластие
- Полиполитика 531, **542**, 543
- Полисофия 80, 89, **92–93**, 97
- Политикоз **542–543**
- Полифраз 383, **407–408**, 411
- Поп-религия **282–283**, 284, 286, 288
- Постатеизм 265, 267, 270, **283–284**, 283, 286, 291, 292, 293, 296, 556
- Постконцептуализм, см. Прагмо-арт
- Потенциальные сообщества 32, 289, 306, 326, 543, 549

- Потенциация 39, 41, 42, 48, 54, 55, 62, 74, 80, 83, 95, 103, 105, 163, 165, 190, 194, 195, 199, 204, 205, 208, 218, **219–223**, 226, 227, 228, 230, 231, 232, 235, 236, 251, 254, 351, 376, 379, 438, 453, 467, 490, 508
- Потенциология 33, 195, 219, **223–227**, 228, 342
- Потенциосфера 62, 105, 136, 137, 139, 165, 189, 190, 195, 217, 218, 222, 223, **227–228**, 259, 394, 432, 438, 543
- Потенциотерапия 219, 223, **228–229**, 565
- Поэзия, Поэзис 26, 178, **358–359**, 362, 487, 570
- Православие 283, **284–285**
- Прагмема 432, 433, 434, 435, **456–458**, 464
- Прагмо-арт 228, 355, **359–360**, 361, 393, 396, 404, 410
- Превратность, см. Реверсивность
- Предбудущее 164, **249**
- Презентализм 228, 244, 394, **408–409**
- Причастия будущего времени 456, **458–459**
- Проективная лингвистика 54, 55, 57, 95, 211, 230, 231, 431, 437, 438, 443, 444, 445, 450, 456, **459–461**, 463, 464, 465, 466, 467, 483
- Проективность 41, 42, 48, 49, 55, 57, 74, 80, 175, 195, 223, **230–231**, 232, 235, 244, 249, 249, 251, 351, 355, 460, 461, 463, 508, 55
- Проективный словарь 93, 231, 438, 444, 447, 451, 456, 459, **461–463**, 478, 483
- Протеизм 105, 223, 227, 244, **249–251**, 254, 314, 315, 355, 376, 400, 478, 523
- Противозовие 63, 73, 302, **317–318**, 321, 322, 327, 328, 336, 500
- Противоирония 63, 170, 347, **361**, 404, 410, 526
- Противочувствие 63, 305, **318**, 323
- Прото- (приставка) 60, 80, 108, 179, 223, 227, 244, 249, **251–254**, 315, 342, 344, 355, 478, 523, 527, 558, 575
- Протологизм 254, 438, 447, 451, 460, 461, **463–464**, 467, 478
- Психема 131, 314, **319–320**, 332, 486, 515
- Психократия 246, 288, 309, 325, **544**, 539, 545, 548, 553, 557, 558, 563
- Психонавтика 229, 309, **320**
- Пуствоводство 134, 527, **544–545**
- Пустоты 121, 134, 137, 138, 142, **143–144**, 338, 429, 455, 545
- Равнолюбие** 303, **320–321**, 500
- Радостники 166, 276, **285–286**, 287, 372
- Раепись, см. Эдемизм
- Раскавычение 360, 361, 396, 404, **409–410**
- Реал 144–145, 546, 558, 566
- Реалитет 134, **145**, 203, 204, 342, 344, 530, 533
- Реалогия 33, 85, 102, 110, 118, 119, 123, 145, **146–148**, 150, 159, 172, 353, 393, 509, 512, 554, 576
- Реверсивность, превратность 63, 73, 94, 131, 137, 139, 142, **148–149**, 151, 170, 183, 298, 299, 310, 322, 331, 334, 347, 389, 490, 508, 514, 521, 526, 552
- Реизм 82, 85, 119, 123, 147, **149–150**, 159, 295, 353, 409, 576
- Религархия 283, 285, **286**
- Репозитарий гуманитарных идей **49**, 561
- Ретекстуализация 398, 403, 406, **410–411**, 412, 413, 417, 418, 420
- Референция от обратного **186–187**, 365, 366
- Самобытие** 58, 73, 99, 123, 128, 131, 132, 149, **150**, 287, 295, 576
- Самое-самое 73, **93–94**, 128, 142, 172, 199, 202, 235, 278, 302, 371, 372, 389
- Самоочищение 156, **502–504**
- Саморадование творца 166, 280, **286–287**, 323, 491
- Саморевность **321**, 323, 485
- Самь 132, 277, 282, **287**
- Сверхпоэзия 26, 178, 221, 281, 359, **362**, 371, 487, 547, 554, 570
- Своеправие **321–322**
- Своечуждость, своечужие 130, 131, 132, 142, 149, 151, 186, 277, 278, 287, 295, 303, 314, **322**, 331, 334, 397, 452
- Святобесие, святозлобие 283, 284, 285, 286, **287–288**, 304, 310, 322, 452, 539, 545, 548, 553, 554
- Секстуальность, секстология 371, 407, **504–505**, 512, 515
- Селф-эмоция 118, 131, 287, 305, 314, 318, 320, 321, **322–323**, 510, 515
- Семиократия **464**, 465, 476
- Семиомания 413, **464–465**, 476
- Семиургика **465**, 467

- Семиургия 54, 74, 80, 95, 338, 351, 432, 443, 444, 445, 450, 451, 456, 461, 463, 464, **465–467**, 478
- Силентема 134, 144, 429, 448–449, **467–468**, 469
- Силптика 137, 138, 448–449, **468–469**
- Симпсихоз 69, 309, 321, 322, **323–325**, 498, 500, 524, 544, 545
- Симтактия 69, 498, **505**, 512
- Симфразия 383, 408, **411**
- Синантонимы 430, 452, **469**
- Синтез языка, синтетическая философия 80, **94–95**, 223, 444, 445, 447, 450, 451, 459, 461, 463, 464, 467, 483
- Синтекст 398, 403, 405, 406, **411–412**, 413, 418, 420
- Синтеллект 52, 110, 176, 178, 179, 180, **187–188**, 478, 529, 561, 564, 565, 566, 572, 573
- Синтопия 69, 245, **255**, 258
- Сквозное чтение 398, 403, 406, **412–413**, 418, 420, 561
- Скриптомания 157, 391, **413**, 415, 420, 476, 562
- Скрипторика 33, 157, 391, **413–415**, 420, 562
- Слабое знание 182, **188–189**, 342, 375, 377
- Слово 443, 447, 451, **469–472**
- Словопонятие 447, **472**
- Служебные слова как философские термины, см. Грамматософия
- Смертствовать 134, 291, 485, **505–507**, 548
- Смысл 69, 135, 175, **189–190**, 217, 218, 385, 446, 489, 490, 508
- Событие 69, 149, 241, 248, **255–257**, 260, 299, 331, 334, 486, 490, 497, 508, 524
- Соверие 283, **288–289**, 296, 306, 326, 528, 543, 549
- Совестники 289, 306, **325–326**, 327
- Содобродетели 302, 318, **326–327**, 328, 336
- Соисторичность **257**, 553
- Соразум, см. Синтеллект
- Сорванное сознание 115, 125, 169, **190–191**
- Софийные дисциплины 33, 48, 82, 89, 93, **95–97**, 98, 110, 163, 238, 487, 488, 565, 570, 573
- Софионика 74, 80, 89, **97**, 488
- Софиосфера 89, 93, **97**, 98, 518, 572
- Софиофилия 89, **98**, 113
- Социоделики, социоделические средства 544, **545**, 548, 553, 557, 558
- Соционетика **545–546**, 547, 564
- Социопозья 26, 229, 359, 362, **546–547**, 554, 564, 565
- Союз объединенных индивидов, см. Всечеловечество
- Стереотекст 328, **415–417**, 423
- Стереозтика 211, 302, 317, 318, 326, **327–328**, 335, 336
- Страдность 118, 305, **328**
- Суб-объект 119, 131, 132, 140, 142, 149, **150–151**, 277, 282, 322, 329, 331, 334, 442
- Судьба 110, 148–149, 257, 279, 298, 322, **328–331**, 347, 486, 495, 497, 524, 526
- Суемудрие, см. Мудрость
- Суечислие 164, **331**
- Суечувствие 164, **331–332**
- Существоведение 102, 118, 119, 125, 147, 150, **151–152**, 267, 436, 502, 556
- Существуемое **231–232**
- Счастлица 319, **332**
- Т**
- Тавтософия 72, 73, **98–99**, 442
- Тактильное искусство, тач-арт 164, 339, **363–365**, 371, 407, 504, 505, 511, 512
- Танатализация 485, 507, 539, 545, **547–548**
- Танатократия, см. Танатализация
- Тач-арт, см. Тактильное искусство
- Творчество 41, 48, 73, 74, 134, 142, 165, 178, 192, 199, 204, 211, 223, **232–236**, 276, 278, 287, 319, 338, 346, 351, 429, 490, 508
- Тегимен 128, **152–154**, 155, 156, 157, 158, 365, 504
- Тегименология 33, 62, 125, 128, **154–156**, 157, 158, 504
- Тезаурусная личность, см. Жизнь как тезаурус
- Текстоид 398, 403, 406, 410, 411, 412, 413, **417–418**, 420
- Текстоника 33, 231, 391, 398, 403, 406, 411, 412, 413, **418–419**, 420, 432, 560, 561
- Текстуальная империя 390, 391, 413, 415, **419–420**
- Теовитализм 272, 276, 286, **289–290**, 291, 298, 372, 488, 491
- Теолингвистика и лингвотеология, см. Обратимые дисциплины
- Теология воскресения 270, 284, **290–291**

- Теология слуха 270, 284, **291–292**
 Теомонизм 102, 270, 284, 291, **292–293**, 296
 Теоморфизм 109, 110, 150, 267, 270, 279, 292, **293–295**, 397, 400
 Техноангелизм, см. Ангелоид
 Техновитализм 176, 290, 374, 444, 488, 491, **566–567**, 570
 Техногуманизм 43, **49–51**, 53, 58, 60, 180, 254, 278, 556, 566, 567, 573, 574, 575
 Техногуманистика 34, 37, 42, 43, **51–53**, 58, 60, 180, 228, 254, 278, 539, 552, 556, 562, 563, 564, 573
 Техномораль 53, 159, 254, 278, 349, 563, 564, **567–569**, 576
 Технопоэзия 26, 178, 359, 362, 402, 547, 554, 567, **569–570**, 573
 Технософия 33, 42, 43, 51, 53, 82, 89, 95, 97, 179, 180, 267, 278, 409, 556, 558, 559, 561, 566, 569, **570–573**, 574
 Технотеизм 51, 279, 280, **573–574**
 Техноэтика, см. Техномораль
 Топохрон 241, 245, 255, **257–258**, 260, 262, 553
 Тотальгия 246, 539, 545, **548**, 553
 Травма постмодерна 187, **365–366**, 396, 539
 Трансгуманистика, трансформативная гуманистика 34, 37, 41, 42, 48, **53–55**, 56, 57, 192, 211, 231, 351, 355, 369, 508
 Трансдисциплины, трансформативные дисциплины 26, 34, 41, 42, 48, **55–57**, 183, 211, 231, 351, 355, 444, 461, 483, 508
 Трансконфессиональное и трансрелигиозное 270, 273, **295–296**, 306, 549
 Транскультура 28, 31, 32, 54, 89, 108, 110, 136, 223, 228, 351, **366–369**, 417, 429, 525, 527, 528, 531, 542, 549
 Транспозитика, см. Трансдисциплины
 Транссоциальное, транссоциум 31, 32, 289, 369, 525, 528, 531, 547, **548–549**
 Трансформатив, трансформативное высказывание 442, **472–474**, 508
 Трансформация 55, 73, 74, 93, 94, 148–149, 175, 178, 190, 192, 204, 211, 223, 230, 231, 235, 248, 249, 257, 351, 400, 444, 456, 461, 474, 490, **507–508**
 Трансэстетика, см. Трансдисциплины
 Трасосфера **156–157**, 391, 413, 415, 420, 476, 562
 Тривиалогия 147, 313, 486, 491, **508–509**
 Тэизм («the-ism») 62, 64, 65, 68, 70, 71, 85, **100–102**, 105, 172, 295, 429, 436, 480
У
 Умножение сущностей 62, 68, 74, 76, 89, 95, **102–105**, 136, 145, 165, 166, 175, 223, 230, 231
 Умоделие 60, 431, **574–575**
 Универсализм критический 28, 32, 58, **105–108**, 110, 328, 336, 369, 377, 527
 Универсика 28, 32, 33, 85, 89, 97, 102, **108–110**, 111, 119, 147, 152, 182, 229, 369, 376, 377, 402, 436
 Универсальный принцип 28, 32, 108, **110–111**, 118, 229
 Унитекст 398, 403, 406, 411, 412, 413, 418, **420–421**, 561
 Упаковка 153, 154, 156, **157–158**, 504
 Упругость 73, 339, 365, **370–371**, 407, 512
 Ухрония 255, **258–259**, 260, 262, 299, 542, 553
Ф
 Фактазия 203, **371**
 Фамическая функция знака **474–476**, 562
 Фатумология 33, 149, 159, 331, **332–334**, 347, 486, 497, 524
 Филогнозис **192**, 510
 Филоним 442, **476–477**, 482
 Filosofia 89, 92, **111–113**, 114, 377
 Философоведение 92, **113–114**
 Филофилия 305, 323, **509–510**
 Филофобия 305, 323, **510**
 Фольксология, народомудрие **114–115**, 125, 169, 191
 Футурологизм 244, 251, 254, 259, 451, 463, **477–478**
 Футуроскопия **259**, 478
Х
 Хаосложность **158–159**, 197, 202, 332, 490, 568
 Хаптика 339, 365, 371, 407, 505, **510–512**
 Хитрость Бога 281, **296–298**
 Хитрость желания 149, 202, 217, 218, 314, 322, 323, 347, 485, 498, 499, 500, **512–514**, 515, 518, 521, 526
 Хоррология 33, 60, 137, 138, 148–149, 228, 262, 356, 358, 374, 536, **550–552**, 567

- Хронема 240, 249, 257, **259–260**
Хронократия 240, 257, **260**, 261, 478
Хронопатия 257, 258, 259, **260**, 262
Хроносома **261**, 439, 445
Хроноцид 238, 258, 259, **261–262**,
- Цитата обратная** 186, 388, 389, **421–422**, 423
- Частотный словарь как философская картина мира** 65, 71, 100, 102, 429, **478–480**
Человек **57**, 500
Человекомерие **57–58**, 326, 554, 576
Человещь 555, 556, **575**
Человещность 123, 147, 150, **159**, 353, 372, 554
Четыре мира 37, 136, 137, **159–161**
Чрезмирность **161**
Чувства философские 71, 81, 89, 110, 111, **116–118**, 305, 323, 328, 493
Чудо как правило 202, **236**
- Шизофашизм** 245–246, 285, 288, 539, 545, 548, **552–553**
- Эгонавтика** 229, 320, **335**
Эгонетика 335, 565, **575**
Эдемизм 276, 281, 286, 287, 290, 317, **371–372**, 482
Экзистенация 119, 241, 257, 258, **553**
Экзистология и эссенциология **118–119**, 134, 144, 152, 227
Экзотекст 388, **422–423**
Экогуманистика 34, 37, 42, 53, **58–60**, 493, 554
Экология текста 304, 393, **423–424**, 429
Эконопоэзия 359, 362, **553–554**
Экотекстология, см. Экология текста
Экофашизм 50, 58, 60, **554**
Эксплозив **372–374**, 552, 567
Эротема 190, 371, 498, 500, 512, **514–515**, 518, 521
Эротология 33, 42, 62, 365, 371, 481, 482, 485, 500, 514, **515–518**, 521
Эротонимика 436, 442, 477, **481–482**, 518
Эротосфера 347, 498, 500, 514, 515, **518–521**, 523
Эссеизм 92, 110, 113, 180, 182, 189, 346, **374–377**, 379, 494
Эссема 182, **377–379**
Эссенциология, см. Экзистология
Эсхатема 191, 241, 244, **298–299**
Этика дифференциальная 68, 301, 302, 318, 328, **335–336**
- Юзеризм и антиюзеризм** 58, 105, 123, 147, 150, 176, 554, 569, **575–576**
- Языковедство** 26, 431, 443, 456, 459, 460, 461, 472, **482**

УКАЗАТЕЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Этот Указатель содержит термины, в основном неологизмы, для которых нет самостоятельных статей в Словаре. Они входят в состав других статей, где выделяются *жирным курсивом* и сопровождаются английским эквивалентом. Стрелка указывает на заглавия тех статей, куда входят эти отдельные термины.

Автотезаурус 495–496 ⇒ Жизнь как тезаурус

Агуманизм 50 ⇒ Техногуманизм

Альтер-эмоция 323 ⇒ Селф-эмоция

Амбифатика 265 ⇒ Амбитеизм

Амбихристианство 265 ⇒ Амбитеизм

Антропоангел 556 ⇒ Ангелоид

Антропосфера 518 ⇒ Эротосфера

Артикулогия 100 ⇒ Тэизм

Биопэтика 362 ⇒ Сверхпэтика

Вечностный 453 ⇒ -Остн-

Видеомания 563 ⇒ Нейрокосмос

Виртолэнд 559 ⇒ Виртонавтика

Виртомания 563 ⇒ Нейрокосмос

Вневозрастный 247 ⇒ Одновозрастный

Времядержание 260 ⇒ Хронократия

Времяправие 260 ⇒ Хронократия

Всевозрастный 247 ⇒ Одновозрастный

Геософия 96–97 ⇒ Софийные дисциплины

Гиперматериализм 339 ⇒ Гипер-

Гипернаучность 339 ⇒ Гипер-

Гиперсексуальность 340 ⇒ Гипер-

Гиперсоциальность 339 ⇒ Гипер-

Гипертекстуальность 339–340 ⇒ Гипер-

Гиподемократия, гиподеноминация 342 ⇒

Гипо-

Гиподисциплины 342, 228 ⇒ Гипо-, Потенциосфера

Гипожанр 342 ⇒ Гипо-

Гипообъект, гипосубъект 341 ⇒ Гипо-

Гипопатриотизм, гипонационализм 341 ⇒

Гипо-

Гипология 342 ⇒ Гипо-

Гипоматерия 341 ⇒ Гипо-

Диакосмология 129 ⇒ Диаверс

Жизнемудрие 487–488 ⇒ Биософия

Знакодатель, семиург 467 ⇒ Семиургия

Зоопэзия 491–493 ⇒ Гуманиализм

Идеоархитектура 178 ⇒ Нооценоз

Идеологема 434 ⇒ Идеологический язык

Имплицатив 436 ⇒ Импликосфера

Иновозрастный 246 ⇒ Одновозрастный

Инотело 498 ⇒ Корпора и корпорус

Интелнетика 561 ⇒ ИнтелНет

Интерспекция 130, 314, 320 ⇒ Ипсеизм,

Микропсихология, Психема

Интротеизм 276 ⇒ Есмь-истина

Инфинировать 438 ⇒ Инфиниция

Инфонавтика 559 ⇒ Виртонавтика

Ирреалогия 132 ⇒ Ирреалия

Историческая аритмия 260 ⇒ Хронопатия

Историосфера 240 ⇒ Исторема

Кинетактивный 370 ⇒ Упругость

Комцепт, концептуализм 360 ⇒ Прагмо-арт

Корпьютировать 562 ⇒ Корпьютер

Космопэтическая теология 280–281 ⇒ Космопэзис

Лексикософия 70 ⇒ Грамматософия

Лингвоархитектура 178 ⇒ Нооценоз

Лингвотеология 183 ⇒ Обратимые дисциплины

- Логийные дисциплины 95–97 ⇒ Софийные дисциплины
- Максима Канта–Конта** 31 ⇒ Всечеловечество
- Ментальная корректность 563 ⇒ Нейросоциум
- Меонтология 132 ⇒ Ирреалия
- Метаболиты 399 ⇒ Метабола
- Метаграфика 57 ⇒ Человек
- Метакатарсис 210 ⇒ Креаторика
- Микрофилия 294 ⇒ Теоморфизм
- Микроэмоция 319 ⇒ Психема
- Миротворение 143 ⇒ Омировление
- Молк 467–468 ⇒ Силентема
- Мыследержание 563 ⇒ Нейросоциум
- Мыслящий персонаж 185–186 ⇒ Персонажное мышление
- Надрыв** 533 ⇒ Недо-
- Нанопсихология 314 ⇒ Микропсихология
- Негавит 149 ⇒ Реверсивность
- Нега-эго 138 ⇒ Негаобъект
- Негадисциплина 137 ⇒ Нега-
- Негасубъект 137 ⇒ Негаобъект
- Негатрансформация 148 ⇒ Реверсивность
- Нейромания 563 ⇒ Нейрокосмос
- Ноовегетация 175–176 ⇒ Ноовитализм
- Ноосистема 179 ⇒ Нооценоз
- Ноостаз 167 ⇒ Гиперрациональность
- Ноосферный автор 179 ⇒ Нооценоз
- Овременение** 240 ⇒ Временение
- Онтокорректность 576 ⇒ Юзеризм
- Пак-** (префиксоид) 158 ⇒ Упаковка
- Пак-культура 158 ⇒ Упаковка
- Пангуманистика 42 ⇒ Гуманология
- Перевинование 316 ⇒ Обратная перспектива в этике
- Подвозраст, возраст возраста 239–240 ⇒ Возраст-фрактал
- Поэтика соития 505, 515 ⇒ Секстуальность, Эротема
- Права потребляемых (артефактов) 576 ⇒ Юзеризм
- Противомыслие 169–170 ⇒ Катарсис мысли
- Псевдоисторема 241 ⇒ Исторема
- Психоконсорциум 324 ⇒ Симпсихоз
- Психомоторика синтаксиса 505 ⇒ Секстуальность
- Разбитыйствовать** 143 ⇒ Обытийствовать
- Размышляя-с... (жанр) 423 ⇒ Экзотекст
- Реверсивный концептуализм 359 ⇒ Прагмо-арт
- Ретро- (префиксоид) 59 ⇒ Экогуманистика
- Ретросексуал 59 ⇒ Экогуманистика
- Ретросубъект 59 ⇒ Экогуманистика
- Самочуждость** 131–132 ⇒ Ипсеистика
- Своечуждость 131–132 ⇒ Ипсеистика
- Святозлобие 288 ⇒ Святобесие
- Синлогия 422 ⇒ Экзотекст
- Скриптизация 414 ⇒ Скрипторика
- Случайностный 453 ⇒ -Остн-
- Смысл 135 ⇒ Многомирие
- Софионет 565 ⇒ Нетософия
- Софионетика 183 ⇒ Обратимые дисциплины
- Современностный 453 ⇒ -Остн-
- Со-тело 498 ⇒ Корпора и корпорус
- Соразвод, соразводить (ср. перевод, переводить) 416 ⇒ Стереотекст
- Социопоэтика 362 ⇒ Сверхпоэзия
- Социотранс 545 ⇒ Социоделики
- Суемудрие 87 ⇒ Мудрость
- Сюрреал 559 ⇒ Виртонавтика
- Тайностный** 453 ⇒ -Остн-
- Тактилография, хаптография 364, 504, 511 ⇒ Тактильное искусство, Секстуальность, Хаптика
- Тегименопатия 155 ⇒ Тегименология
- Теолингвистика 183 ⇒ Обратимые дисциплины
- Техноангеличность 556 ⇒ Ангелоид
- Технопоэтика 362 ⇒ Сверхпоэзия
- Тотальгировать 548 ⇒ Тотальгия
- Трансбиологический груминг 503 ⇒ Самоочищение
- Транслингвизм 416 ⇒ Стереотекст
- Транспоэтика 56 ⇒ Трансдисциплины

- Трансэстетика 55–56 ⇒ Трансдисциплины
- Универсоцентризм 111 ⇒ Универсный принцип
- Ф**еноменализм 408 ⇒ Презентализм
- Физиософия 95–97 ⇒ Софийные дисциплины
- Фобифилия 323 ⇒ Селф-эмоция
- Фобифобия 323 ⇒ Селф-эмоция
- Ц**еребрально открытое общество 563 ⇒ Нейросоциум
- Х**итрость мышления 217 ⇒ Модальные чувства и действия
- Хоррификация 551 ⇒ Хоррология
- Ч**еловестник 555, 575 ⇒ Ангелоид, Человесть
- Человечествовать 26 ⇒ Вочеловечение
- Э**готеизм 277 ⇒ Есмь-истина
- Эко- (префиксоид) 59 ⇒ Экогуманистика
- Эко-индивид, эко-объект, эко-спиритуальность, эко-эго 59 ⇒ Экогуманистика
- Экогуманизм 60 ⇒ Экогуманистика
- Экопедагогика 60 ⇒ Экогуманистика
- Электронно генерируемые группы (ЭГГ) 546 ⇒ Соционетика
- Эссеизация 374, 375 ⇒ Эссеизм
- Этнософия 95–97 ⇒ Софийные дисциплины
- Этость 84 ⇒ Микрометафизика

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Этот указатель воспроизводит структуру тематических разделов книги и вместе с тем дополняет их перекрестными ссылками на релевантные понятия, входящие в другие разделы. Стрелка (\Rightarrow) указывает на тот раздел, откуда взят дополнительный термин. Например, понятие «Творчество» дается в своем основном разделе «Модальность. Творчество», но также и в разделе «Культура. Эстетика», где обозначено его место в корпусе Словаря: «Творчество \Rightarrow Модальность». По указателю можно наглядно проследить, как пересекаются и взаимодействуют разные дисциплины: например, как этическая или лингвистическая проблематика входит в разделы, посвященные обществу или технике, и наоборот.

Помета «см.» относится к тем терминам, которые представлены лишь в статьях, посвященных другим терминам. Например, «Онтокорректность, см. Юзеризм» означает, что понятие «онтокорректность» встречается в статье «Юзеризм и антиюзеризм».

Жирным шрифтом выделены термины, которые можно считать опорными для данного раздела. Например, в разделе «Философия» выделены понятия: **В** (предлог), **Всеразличие**, **Грамматософия**, **Концептивизм**, **Мудрость**, **Мыслительство**, **Софийные дисциплины**, **Умножение сущностей**, **Универсальный принцип**, **Чувства философские** и др. Разумеется, такое выделение опорных понятий весьма условно и служит лишь для лучшей ориентации в общей проблематике данного раздела.

ГУМАНИСТИКА В ЦЕЛОМ

Антропология 25–26

-Водство 26

Вочеловечение 26–28

Всечеловек 28–29

Всечеловечество 30–32

Гуманетика 32–33

Гуманистика 33–37

Гуманитарное изобретение 37–41

Гуманитарные практики и технологии 41–42

Гуманология 42–43

Именные термины 435–436 \Rightarrow Язык

Индивиды-универсалии 43–45

Концептивизм 74–80 \Rightarrow Философия

Культуроника 349–351 \Rightarrow Культура

Микрожанры интеллектуальные 45–46

Науководство 46–48

Потенциация 219–223 \Rightarrow Модальность

Проективность 230–231 \Rightarrow Модальность

Репозитарий гуманитарных идей 49

Техногуманизм 49–51

Техногуманистика 51–53

Трансгуманистика, трансформативная гуманистика 53–55

Трансдисциплины, трансформативные дисциплины 55–57

Транскультура 57 \Rightarrow Культура

Человек 57

Человесть 575 \Rightarrow Техника

Человекомерие 57–58

Экогуманистика 58–60

ФИЛОСОФИЯ

Альтерология 61–62

Амби- 62–63

Амбимарксизм, Амбиментальность, Амби-радикализм, см. Амби-

В (предлог) 63–65

Всеразличие 65–68

- Глубина 125–128 ⇒ Бытие
Грамматософия 68–71
Действия философские 71–72
Интенсивность 72–73
 Интоксикация 168–169 ⇒ Мышление
 Конструкционизм, конструирование как метод 74
Концептивизм 74–80
 Лирическая философия, Лирософия 80–81
 Логийные дисциплины, см. Софийные дисциплины
 Материософия 81–82
Микромегафизика 83–85
Мудрость 85–89
 Мультиверсалия 89, 136
Мыслительство 89–92
 Нетософия 564–565 ⇒ Техника
 Онтотехника 566 ⇒ Техника
 -Остн- (суффикс) 452–453 ⇒ Язык
 Персонажное мышление 184–186 ⇒ Мышление
 Полисофия 92–93
 Самое-самое 93–94
 Синтез языка, синтетическая философия 94–95
Софийные дисциплины 95–97
 Софионика 97
 Софиосфера 97
 Софиофилия, мудролюбие 98
 Суемудрие, см. Мудрость
 Тавтософия 98–99
Тэизм (the-ism) 100–102
Умножение сущностей 102–105
Универсализм критический 105–108
Универсика 108–110
Универсный принцип 110–111
 Filosofia 111–113
 Философование 113–114
 Фольксифия, народомудрие 114–115
Чувства философские 116–118
 Экзистология и эссенциология 118–119
- БЫТИЕ. РЕАЛЬНОСТЬ**
- Белая дыра 338 ⇒ Культура
 Вакуум нестабильный 120–121
 Веществование 122–123
 Виртуальное 123
 Возможностное 193–195 ⇒ Модальность
 Всекто и Всецто 124–125
 Выверт 525–526 ⇒ Общество
 Гипо- 341–342 ⇒ Культура
 Гипореальность 342–344 ⇒ Культура
Глубина 125–128
 Диаверс, интерверс 128–129
 Интенсивность 72–73 ⇒ Философия
Ипсеизм 129–131
 Ипсеистика 131–132
 Ирония бытийная 346–347 ⇒ Культура
Ирреалия, меонема, негатема 132–134
 Космо-арт 349 ⇒ Культура
 Лирический музей, мемориал вещей 351–353 ⇒ Культура
Многомирие 134–136
 Мультиверсалия 89, 136
 Мультикосмизм 137
 Нега- (приставка) 137
 Негатрансформация, Негавит, см. Реверсивность
 Негаобъект, негамир 137–138
 Негаонтология 138–139
Не-небытие 139–142
 Низрастать 142
 Обытийствовать 142–143
 Омировление 143
 Онтотехника, см. Юзеризм ⇒ Техника
 Онтотехника 566 ⇒ Техника
 Пак- (приставка), см. Упаковка
 Превратность, см. Реверсивность
 Пустоты 143–144
 Реал 144–145
 Реалитет 145
 Реалогия, вещеведение 146–148
Реверсивность, превратность 148–149
 Реизм 149–150
 Самобытие 150
 Самое-самое 93–94 ⇒ Философия
 Судьба 328–331 ⇒ Личность
 Суб-объект 150–151
 Существоведение 151–152
 Тегимен 152–154
Тегименология 154–156
 Трасосфера 156–157
 Упаковка 157–158

Фагумология 332–334 ⇒ Личность
 Хаосложность 158–159
 Человещность 159
 Четыре мира 159–161
 Чрезмирность 161
 Юзеризм 575–576 ⇒ Техника

МЫШЛЕНИЕ. ПОЗНАНИЕ

Абдукция 162–163
 Амбиментальность, см. Амби-
Аугментальность, аугментация 163–165
 Веселье мысли 165–166
 Витоверификация, витофальсификация 491
 ⇒ Жизнь
 Воссознание 304 ⇒ Этика
 Гиперрациональность 166–167
 Глубина 125–128 ⇒ Бытие
 Иноумие 167–168
 Интоксофикация 168–169
 Катарсис мысли 169–170
 Концептивизм 74–80 ⇒ Философия
 Логополис 528–529 ⇒ Общество
Микроника 170–172
 Многомирие 134–136 ⇒ Бытие
 Мыслебытие 172–173
 Мыследействие 173
Мыслезнание 173–175
 Мыслеобраз, см. Эссема
 Науководство 46–48 ⇒ Гуманистика
Ноовитализм, нооветация 175–176
 Ноократия 176–177
 Ноопозья 177–178
 Ноофикация 178
Нооценоз 178–179
 Нооэры (палеонной, мезонной, кайноной)
 179–180
Нулевая дисциплина 180–182
 Обезумливание 182–183
 Обратимые дисциплины 183–184
Персонажное мышление 184–186
 Проективность 230–231 ⇒ Модальность
 Противомыслие, см. Катарсис мысли
 Референция от обратного 186–187
 Синтеллект, соразум 187–188
 Слабое знание 188–189

Смысл 189–190
 Соразум, см. Синтеллект
 Сорванное сознание, сознание без резьбы
 190–191
 Умоделие 574–575 ⇒ Техника
 Филогнозис 192
 Хитрость мышления, см. Модальные чув-
 ства и действия ⇒ Модальность
 Эссеизм 374–377 ⇒ Культура
 Эссема 377–379 ⇒ Культура

МОДАЛЬНОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО

Виртуалистика 559 ⇒ Техника
 Виртуальное 123 ⇒ Бытие
 Возможностное 193–195
 Гипер- 339–341 ⇒ Культура
 Гиперавторство 386–388 ⇒ Литература
 Гипо- 341–342 ⇒ Культура
Гипотетизм 195–199
 Духодарцы 274–276 ⇒ Религия
 Импликосфера 436–438 ⇒ Язык
Интересное 199–202
 Как бы 202–204
 Книга виртуальная 393–394 ⇒ Культура
 Конструктивная аномалия 204
 Концептивизм 74–80 ⇒ Философия
Креатема 204–208
 Креаторика 208–211
Модальность 211–216
Модальные чувства и действия 216–218
 Можествование 218–219
 Персонажное мышление 184–186 ⇒ Мыш-
 ление
 Потенциальные сообщества 543 ⇒ Обще-
 ство
Потенциация, овозможение 219–223
Потенциология 223–227
 Потенциосфера 27–228
 Потенциотерапия 228–229
 Проективная лингвистика 459–461 ⇒ Язык
 Проективность 230–231
 Существуемое 231–232
Творчество 232–236
 Трансгуманистика 53–55 ⇒ Гуманистика
 Транскультура 366–369 ⇒ Культура

Цитата обратная 421–422 ⇒ Литература
 Чудо как правило 236
 Эссеизм 374–377 ⇒ Культура

ВРЕМЯ, ИСТОРИЯ

Амбиутопия 523 ⇒ Общество
 Арх-арт 337 ⇒ Время
Археософия 237–238
Возраст-фрактал 239–240
 Временение 240
 Древностное 240
 Исторема 240–241
 Историопластика 241
Кенотип 241–244
 Мгновечность, мгновечное 244
 Местомиг 245
 Новейшее средневековье 245–246
 Нооэры (палеонной, мезонной, кайноной)
 179–180 ⇒ Мышление
Одновозрастный и многовозрастный
 246–248
 Особытить 248
 Подвозраст, Возраст возраста, см. Возраст-
 фрактал
 Предбудущее 249
Протеизм 249–251
Прото- (приставка) 251–254
 Синтопия 255
Событие 255–257
 Соисторичность 257
 Топохрон 257–258
 Ухрония 258–259
 Футурологизм 477–478 ⇒ Язык
 Футуроскопия 259
 Хронема 259–260
Хронократия 260
 Хронопатия 260
 Хроносома 261
 Хроноцид 261–262
 Эсхатема 298–299 ⇒ Религия

РЕЛИГИЯ. ТЕОЛОГИЯ

Амбирелигия 263–265
 Амбитеизм 265

Ангелизм 265–267
 Англоид 555–556 ⇒ Техника
 Апофатизация 267
Бедная вера, минимальная религия 267–271
 Божествовать 271
 Боживо 272
 Духовность первого дня 272–273
Духодарцы 274–276
Есмь-истина 276–277
 Золотое сечение 277–278
 Кенозис 278
 Кибертеизм 278–279
 Когнитивная религия 279–280
 Космопозис, космопозитическая теология
 280–281
 Минимальная религия, см. Бедная вера
Персоналистический аргумент 281–282
 Поп-религия 282–283
 Постатеизм 283–284
 Православие 284–285
 Радостники 285–286
 Религархия 286
 Саморадование творца 286–287
 Самь 287
 Святобесие, святозлобие 287–288
 Соверие 88–289
Теовитализм 289–290
 Теолингвистика, лингвотеология, см. Обра-
 тимые дисциплины ⇒ Мышление
 Теология воскресения 290–291
 Теология слуха 291–292
Теомонизм 292–293
Теоморфизм 293–295
 Техноангелизм, см. Англоид ⇒ Техника
 Технотеизм ⇒ Техника 573–574
**Трансконфессиональное и трансрелигиоз-
 ное** 295–296
 Хитрость Бога 296–298
 Чудо как правило 236 ⇒ Модальность
 Эдемизм, раепись 371–372 ⇒ Культура
 Эсхатема 298–299

ЛИЧНОСТЬ. ЭТИКА

Алмазное правило 300–302
 Альтер-эгоизм 302–303

- Амбипатия 303
 Благоподлость 303–304
 Веселье мысли 165–166 ⇒ Мышление
 Возраст-фрактал 239–240 ⇒ Время
 Воссознание 304
 Всечеловек 28–29 ⇒ Гуманистика
 Глубина 125–128 ⇒ Бытие
 Гуманимализм 491–493 ⇒ Жизнь
 Двоечувствие 304–305
 Действия философские 71–72 ⇒ Философия
 Доброверие, нравственничество 305–306
 Духодарцы 274–276 ⇒ Религия
Душевность 306–309
 Душеедство, душеядность 309
 Есмь-истина 276–277 ⇒ Религия
 Живосердечность 493 ⇒ Жизнь
 Живоумие 494 ⇒ Жизнь
 Жизнь как тезаурус 494–497 ⇒ Жизнь
 Злобро 309–310
 Ипсеизм 129–131 ⇒ Бытие
 Ипсеистика 131–132 ⇒ Бытие
 Контекстные отношения 310–311
 Креаторика 208–211 ⇒ Модальность
 Любовь 498–500 ⇒ Жизнь
 Метаэмоция, см. Селф-эмоция
 Метаморфейя 311–312
 Метапрактика 312–313
 Микropsихология 313–314
 Модальные чувства и действия 216–218 ⇒
 Модальность
 Мудрость 85–89 ⇒ Философия
 Мультивидуум 314–315
 Нанопсихология, см. Микropsихология
 Нетотерапия 565 ⇒ Техника
 Обаяние 500–502 ⇒ Жизнь
Обратная перспектива в этике 315–317
 Одновозрастный и многовозрастный 246–
 248 ⇒ Время
Противозовие 317–318
 Противочувствие 318
Психема 319–320
 Психократия 544 ⇒ Общество
 Психонавтика 320
 Равнолюбие 320–321
 Радостники 285–286 ⇒ Религия
 Саморевность 321
 Своеправие 321–322
 Своечуждость, своечужие 322
 Селф-эмоция 322–323
Симпсихоз 323–325
 Смертствовать 505–507 ⇒ Жизнь
 Совестьники 325–326
 Содобродетели 326–327
 Соисторичность 257 ⇒ Время
 Стереозитика 327–328
 Страдность 328
Судьба 328–331
 Суечислие 331
 Суечувствие 331–332
 Существоведение 151–152 ⇒ Бытие
 Счастлица 332
 Техномораль 567–569 ⇒ Техника
 Трасосфера 156–157 ⇒ Бытие
Фатумология 332–334
 Филофилия 509–510 ⇒ Жизнь
 Филофобия 510 ⇒ Жизнь
 Хаптика 510–512 ⇒ Жизнь
 Человек 57 ⇒ Гуманистика
 Человещность 159 ⇒ Бытие
 Чувства философские 116–118 ⇒ Философия
 Эгонавтика 335
 Эгонетика 575 ⇒ Техника
Этика дифференциальная (разностная)
 335–336
- КУЛЬТУРА. ЭСТЕТИКА**
- Арх-арт 337
 Белая дыра 338
 Воосязание 338–339
Гипер- (приставка) 339–341
 Гиперавторство 386–388 ⇒ Литература
 Гипо- 341–342
Гипореальность 342–344
 Золотое сечение 277–278 ⇒ Религия
 Игра 344–345
Импровизация коллективная 345–346
 Интересное 199–202 ⇒ Модальность
 Ирония бытийная 346–347

- Калодицея 347–348
 Кенотип 241–244 ⇒ Время
 Книга виртуальная 393–394 ⇒ Литература
 Комос 527–528 ⇒ Общество
 Концепт, концептуализм, см. Прагмо-арт
 Континуализм 394 ⇒ Литература
 Концептуализм 394–396 ⇒ Литература
 Копиап 348–349
 Космо-арт 349
 Космопоэзия, космопоэтическая теология
 280–281 ⇒ Религия
 Креатема 204–208 ⇒ Модальность
 Креаторика 208–211 ⇒ Модальность
Культуроника 349–351
Лирический музей 351–353
Манифест 353–355
 Мемориал вещей, см. Лирический музей
 Метареализм 400–402 ⇒ Литература
 Минус-система 529–530 ⇒ Общество
 Многовластие 530–531 ⇒ Общество
 Неолубок 355
 Ожутчение 355–356
Остранение остранения 356–358
 Отставание человека от человечества 536–
 539 ⇒ Общество
 Пак-культура, см. Упаковка ⇒ Бытие
 Пиар нуар 358
 Полиполитика 542 ⇒ Общество
 -Поэзия, Поэзия 358–359
 Прагмо-арт 359–360
 Противоирония 361
 Раепись, см. Эдемизм
 Реверсия концептуализма, см. Прагмо-арт
Сверхпоэзия 362
 Симтактия 505 ⇒ Жизнь
Тактильное искусство, тач-арт 363–365
 Творчество 232–236 ⇒ Модальность
 Травма постмодерна 365–366
Транскультура 366–369
 Транссоциальное, транссоциум 548–549 ⇒
 Общество
 Упругость 369–371
 Фактазия 371
Эдемизм 371–372
Эксплозив 372–374
Эссеизм 374–377
Эссема 377–379
- ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТ**
 Анафраза 380–383
Арьбергарт 383–385
 Афористический квадрат 385–386
Гиперавторство 386–388
 Гипербола-литота 388–389
 Гипоавтор 389
 Имперавтор 390–391
 Индексальное письмо 391–393
 Книга виртуальная 393–394
 Континуализм 394
Концептуализм 394–396
 Лирическая философия 80–81 ⇒ Фило-
 софия
 Лирическое «оно» 396–397
 Манифест 353–355 ⇒ Культура
 Мегатекст 397–398
Метабола 398–400
Метареализм 400–402
 Микрожанры интеллектуальные 45–46 ⇒
 Гуманистика
 Надтекст 402–403
Новая сентиментальность 403–404
 Ноопозья 177–178 ⇒ Мышление
 Нулевой стиль 404–405
 Перитекст 405–406
Пластичность текста 406–407
 Полифраз 407–408
 Презентализм 408–409
 Раскавычение 409–410
 Ретекстуализация 410–411
 Симфразия 411
 Синтекст 411–412
 Сквозное чтение 412–413
 Скриптомания 413
Скрипторика 413–415
Стереотекст 415–417
 Текстоид 417–418
Текстоника 418–419
Текстуальная империя 419–420
 Унитекст 420–421
 Цитата обратная 421–422
 Экзотекст 422–423
 Экология текста, экотекстология 423–424

ЯЗЫК. ЛИНГВИСТИКА

« » (знак пробела) 426–429
 Апонимы 429–430
 Вербъект 430–431
 Воязыковление 431
 Гиперязык 431–432
 Идеологическая тетрада 432–433
Идеологический язык, идеоязык 434–435
 -Икон (суффикс) 435
 Именные термины 435–436
 Импликатив, см. Импликосфера
Импликосфера 436–438
 Индексальное письмо 391–393 ⇒ Литература
 Индивиды-универсалии 43–45 ⇒ Гуманистика
 Информагия 561–562 ⇒ Техника
 Инфиниция 438–439
 Когтистые слова 439
 Конверсия оценочная 440
 Конструктивная аномалия 204 ⇒ Модальность
Контраформатив, контраформативное высказывание 440–442
 Криптотим 442
 Крона слова, крона лексическая 442–443
 Лингговитализм 443–444
 Лингводизайн 444
 Лингвомутация 444–445
 Лингвогеология, Теолингвистика, см. Обратимые дисциплины ⇒ Мышление
 Логодицея 445–446
Логопэя 446–447
Молчание 447–449
 Морфемы прыгающие 449–450
Однослобие 450–451
 Оксюмороним 451–452
 Омоантонимы 452
 -Остн (суффикс) 452–453
 Отрицательно-неопределенные местоимения 453–455
 Паронимизм, паронимистика 455
 Перформативная лингвистика 455–456
Прагмема 456–458
 Причастия будущего времени 458–459
Проективная лингвистика 459–461

Проективный словарь 461–463
 Протологизм 463–464
 Семиократия 464
 Семиомания 464–465
 Семиургика 465
Семиургия 465–467
 Силентема 467–468
 Силентика 468–469
 Синантонимы 469
 Скрипторика 413–415 ⇒ Литература
Слово 469–472
 Словопонятие 472
 Тавтософия 98–99 ⇒ Философия
 Трансформатив, трансформативное высказывание 472–474
 Фамическая функция знака 474–476
 Филоним 476–477
 Футурологизм 477–478
Частотный словарь как философская картина мира 478–480
 Эротонимика 481–482
 Языководство 482

ЖИЗНЬ. ЭРОС

Аморт, любовмор 484–485
 Биограмма 485–486
 Биопозья 486–487
 Биософия 487–488
Вит 488–490
Виталистика 490–491
 Витоверификация, витофальсификация 491
 Воосязание 338–339 ⇒ Культура
 Гуманимализм 491–493
 Живосердечие 493
 Живоумие 494
Жизнь как тезаурус 494–497
 Интернет растений, Интернет деревьев, см. Биопозья
 Контекстные отношения 310–311 ⇒ Личность
 Корпора и корпорус 497–498
 Лингговитализм 443–444 ⇒ Язык
 Лингвомутация 444–445 ⇒ Язык
Любовь 498–500
 Любовмор, см. Аморт

Ноовитализм, нооветегация 175–176 ⇒
Мышление
Обаяние 500–502
Равнолюбие 320–321 ⇒ Личность
Самоочищение 502–504
Секстуальность, секстология 504–505
Симтактия 505
Смертствовать 505–507
Танатализация, танатократия 547–548 ⇒
Общество
Техновитализм 566–567 ⇒ Техника
Трансформация 507–508
Тривиалогия 508–509
Упругость 370–371 ⇒ Культура
Филогнозис 192 ⇒ Мышление
Филофилия 509–510
Филофобия, любобоязнь 510
Хаптика 510–512
Хитрость желания 512–514
Человек 57 ⇒ Гуманистика
Экогуманистика 58–60 ⇒ Гуманистика
Экофашизм 554 ⇒ Общество
Эротема 514–515
Эротология 515–518
Эротосфера 518–521

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА

Амбимарксизм, см. Амби- ⇒ Философия
Амбипатриотизм 522–523
Амбирадикализм, см. Амби- ⇒ Философия
Амбиутопия, амбиутопизм 523
Анастрофа 524
Большинства 524–525
Видеократия 556–557 ⇒ Техника
Видеология 557–558 ⇒ Техника
Вочеловечение 26–28 ⇒ Гуманистика
Всечеловечество 30–32 ⇒ Гуманистика
Выверт 525–526
Глокализм 526–527
Демобюрократия 527
Идеологический язык 434–435 ⇒ Язык
Импровизация коллективная 345–346 ⇒
Культура
Как бы 202–204 ⇒ Модальность
Комос 527–528
Логополис 528–529

Минус-система 529–530
Многовластие 530–531
Нация-проект, см. Экзистенация
Недо- 531–533
Нейросоциум 563–564 ⇒ Техника
Ноократия 176–177 ⇒ Мышление
Обнадеживающий урод 534–536
Организация-1, см. Всечеловечество ⇒ Гу-
манистика
Отставание человека от человечества
536–539
Панфобия 539
Пиар нуар 358 ⇒ Культура
Платомарксизм 539–542
Поп-религия 282–283 ⇒ Религия
Поликратия, см. Многовластие
Полиполитика 542
Политикоз 542–543
Потенциальные сообщества 543
Православие 284–285 ⇒ Религия
Психократия 544
Пустоводство 544–545
Реалитет 145 ⇒ Бытие
Реверсивность 148–149 ⇒ Бытие
Религархия 286 ⇒ Религия
Святобесие, святозлобие 287–288 ⇒ Религия
Семиократия 464 ⇒ Язык
Соверие 288–289 ⇒ Религия
Социоделики 545
Соционетика 546
Социопэя 546–547
Союз свободных индивидов, см. Всечелове-
чество
Танатализация, танатократия 547–548
Тотальгия 548
Транссоциальное, транссоциум 548–549
Хоррология 550–552
Шизофашизм 552–553
Экзистенация 553
Эконопэя 553–554
Экофашизм 554
Эксплозив 372–374 ⇒ Культура

ТЕХНИКА. ИНТЕРНЕТ

Ангелоид 555–556
Видеократия 556–557

- Видеология 557–558
Вир 558
Вирусное 558
Виртонавтика 559
Виртуальное 123 ⇒ Бытие
Виртуалистика 559
Гуглик 559–560
Гуманетика 33–37 ⇒ Гуманистика
ИнтеЛнет 560–561
Интернет растений, Интернет деревьев, см.
 Биопоэзия ⇒ Жизнь
Информатика 561–562
Кибертеизм 278–279 ⇒ Религия
Копиап 348–349 ⇒ Культура
Компьютерная терапия, см. Нетотерапия
Компьютер 562
Многомирие 134–136 ⇒ Бытие
Мультимедиа 314–315 ⇒ Личность
Нейробот 562
Нейрокосмос 563
Нейросоциум 563–564
Нетификация 564
Нетософия 564–565
Нетотерапия 565
Нетскапизм 565–566
Нооэры 179–180 ⇒ Мышление
Онтотехника 566
Отставание человека от человечества 536–539 ⇒ Общество
Репозитарий гуманитарных идей 49 ⇒ Гуманистика
Техноангелизм, см. Ангелоид
Техновитализм 566–567
Техногуманизм 49–51 ⇒ Гуманистика
Техногуманистика 51–53 ⇒ Гуманистика
Техномораль, техноэтика 567–569
Технопоэзия 569–570
Технософия 570–573
Технотеизм 573–574
Техноэтика, см. Техномораль
Травма постмодерна 365–366 ⇒ Культура
Умодели 574–575
Хоррология 550–552 ⇒ Общество
Человесть 575
Эгонетика 575
Юзеризм и антиюзеризм 575–576

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТЕРМИНОВ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

В этом разделе представлены группы терминов, объединенных по лексическим значениям: названия структурных единиц, дисциплин, интеллектуальных направлений и мировоззрений, художественных и литературных жанров и приемов, типов слов и текстов. Один термин может входить в разные группы (например, «дисциплины» и «практики»).

СТРУКТУРНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Биограмма 485–486
Вит 488–490
Гуглик 559–560
Идеологема
Ирреалия 132–134
Исторема 240–241
Кенотип 241–244
Креатема 204–208
Меонема 132–134
Местомиг 245
Метабола 398–400
Негатема 132–134
Прагмема 456–458
Психема 319–320
Силентема 467–468
Смысл 189–190
Событие 255–257
Хронема 259–260
Эротема 514–515
Эссема 377–379
Эсхатема 298–299

ДИСЦИПЛИНЫ

Альгерология 61–62
Археософия 237–238
Биопэтика 486–487
Бисофия 487–488
Видеология 557–558
Виртонавтика 559

Виртуалистика 559
Виталистика 490–491
Геософия 96–97
Гиппология 342
Грамматософия 68–71
Гуманетика 32–33
Гуманистика 33–37
Гуманология 42–43
Ипсеистика 131–132
Креаторика 208–211
Культуроника 349–351
Лингвотеология 183–184
Логийные дисциплины 95–97
Материософия 81–82
Микрометафизика 83–85
Микроника 170–172
Микропсихология 313–314
Нанопсихология 313–314
Науководство 46–48
Негаонтология 138–139
Нетософия 564–565
Нулевая дисциплина 180–182
Обратимые дисциплины 183–184
Полисофия 92–93
Потенциология 223–227
Психонавтика 320
Психософия 97
Реалогия, вещеведение 146–148
Секстология 504–505
Семиургика 465
Силентика 468–469
Скрипторика 413–415

Софийные дисциплины 95–97
 Софионика 97
 Социопоэтика 546–547
 Стереозтика 327–328
 Существоведение 151–152
 Тегименология 154–156
 Текстоника 418–419
 Теолингвистика 183–184
 Техногуманистика 51–53
 Технопоэтика 362
 Технософия 570–573
 Трансгуманистика 53–55
 Трансдисциплины 55–57
 Тривиалогия 508–509
 Фатумология 332–334
 Физиософия 95
 Философоведение 113–114
 Хаптика 510–512
 Хорология 550–552
 Эгонавтика 335
 Экзистология 118–119
 Экогуманистика 58–60
 Экология текста, экотекстология 423–424
 Эротология 515–518
 Эротонимика 481–482
 Эссенциология 118–119
 Этнософия 96–97

НАПРАВЛЕНИЯ, МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Арьергард 383–385
 Гуманимализм 491–493
 Доброверие, нравственность 305–306
 Духодарцы 274–276
 Конструкционизм 74
 Континуализм 394
 Концептивизм 74–80
 Концептуализм 394–396
 Лингвовитализм 443–444
 Метареализм 400–402
 Ноовитализм 175–176
 Новая сентиментальность 403–404
 Платомарксизм 539–542
 Постатеизм 283–284
 Презентализм 408–409
 Протеизм 249–251

Радостники 285–286
 Реизм 149–150
 Совестьники 325–326
 Теовитализм 289–290
 Теомонизм 292–293
 Теоморфизм 293–295
 Техновитализм 566–567
 Техногуманизм 49–51
 Технотеизм 573–574
 Универсализм критический 105–108
 Шизофашизм 552–553
 Эдемизм 371–372
 Экофашизм 554
 Эссеизм 374–377
 Юзеризм и антиюзеризм 575

ПРАКТИКИ, ПРОЕКТЫ

Абдукция 162–163
 Антропопозья 25–26
 Апофатизация 267
 Аугментация 163–165
 Биопозья 486–487
 Видеология 557–558
 Виргонавтика 559
 Витоверификация и витофальсификация 491
 Воссознание 304
 Вочеловечение 26–28
 Воязыковление 431
 Гуманетика 32–33
 Гуманитарное изобретение 37–41
 Гуманитарные практики и технологии 41–42
 Действия философские 71–72
 Импровизация коллективная 345–346
 ИнтеЛнет 560–561
 Инфиниция 438–439
 Культуроника 349–351
 Лингводизайн 444
 Лирический музей 351–353
 Логопозья 446–447
 Метапрактика 312–313
 Мыследействие 173
 Нетификация 564
 Нетотерапия, компьютерная 565
 Ноопозья 177–178
 Ноофикация 178

Обезумливание 182–183
 Овозможение 219–223
 Омировление 143
 Онтотехника 566
 Перформативная лингвистика 455–456
 Полиполитика 542
 Потенциация 219–223
 Потенциотерапия 228–229
 Проективная лингвистика 459–461
 Проективный словарь 461–463
 Психонавтика 320
 Пустоводство 544–545
 Ретекстуализация 410–411
 Самоочищение 502–504
 Семиургия 465–467
 Синтез языка 94–95
 Сквозное чтение 412–413
 Скриптизация 413–415
 Соразвод (ср. перевод) 416
 Софионика 97
 Социопэя 546–547
 Творчество 232–236
 Текстоника 418–419
 Технопэя 569–570
 Технософия 570–573
 Трансгуманистика 53–55
 Трансдисциплины 55–57
 Транскультура 366–369
 Транспозитика 55–57
 Трансформация 507–508
 Трансэстетика 55–57
 Умножение сущностей 102–105
 Филогнозис 192
 Футуроскопия 259
 Эгонавтика 335
 Эгонетика 575
 Эконопэя 553–554
 Языковедство 482

РЕЖИМЫ

Видеократия 556–557
 Демобюрократия 527
 Империя текстуальная 390–391
 Многовластие 530–531
 Ноократия 176–177

Поликратия 530–531
 Психократия 544
 Реалитет 145
 Семиократия 464
 Танатократия 547–548
 Хронократия 260

ЖАНРЫ, ПРИЕМЫ (интеллектуальные, художественные, речевые)

Абдукция 162–163
 Аугментация 163–165
 Анафраза, анафразия 380–383
 Апофатизация 267
 Арх-арт 337
 Гиперавторство 386–388
 Гипербола-литота 388–389
 Инфиниция 438–439
 Книга виртуальная 393–394
 Контраформатив 440–442
 Космо-арт 349
 Лирический музей 351–353
 Логопэя 446–447
 Манифест 353–355
 Метабола 398–400
 Микрожанры интеллектуальные 45–46
 Неолубок 355
 Нулевой стиль 404–405
 Однословие 450–451
 Ожутчение 355–356
 Остранение остранения 356–358
 Паронимизм 455
 Персонажное мышление 184–186
 Пиар нуар 358
 Полифраз 407–408
 Прагмо-арт 359–360
 Противоирония 361
 Раскавычение 409–410
 Симфразия 411
 Стереотекст 415–417
 Тактильное искусство, тач-арт 363–365
 Трансформатив 472–474
 Фактазия 371
 Цитата обратная 421–422
 Экзотекст 422–423

ТИПЫ СЛОВ И ТЕКСТОВ

Апонимы 429–430	Протологизм 463–464
Криптоним 442	Синантонимы 469
Мегатекст 397–398	Синтекст 411–412
Надтекст 402–403	Текстоид 417–418
Оксюмороним 451–452	Унитекст 420–421
Омоантонимы 452	Филоним 476–477
Паронимизм 455	Футурологизм 477–478
Перитекст 405–406	Экзотекст 422–423
	Эротонимика 481–482

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

подавляющее большинство терминов во всех науках относится к разряду имен существительных. Ниже приводятся группы терминов, принадлежащих другим частям речи или образованных от морфем — значимых частей слова.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Виртуальное 123
Вневозрастный 246–248
Возможностное 193–195
Всевозрастный 246–248
Древностное 240
Интересное 199–202
Мгновечное 244
Многовозрастный 246–248
Одновозрастный 246–248
Самое-самое 93–94
Существуемое 231–232
Трансконфессиональное 295–296
Трансрелигиозное 295–296
Трансоциальное 548–549

ГЛАГОЛЫ

Божествовать 281
Низрастать 142
Обытствовать 142–143
Особытить 248
Смертствовать 505–507

МЕСТОИМЕНΙΑ

Определительные

Всекто 124–125
Всечто 124–125

Отрицательно-неопределенные

кое-никто, кое-ничто, кое-никак, кое-никакой, кое-никогда, кое-нигде

никто-нибудь, ничто-нибудь, никак-нибудь, никакой-нибудь, никогда-нибудь, ни-где-нибудь
никто-то, ничто-то, никто-либо, ничто-либо и др. 453–455

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

В (предлог) 63–65
Как бы (союз) 202–204
Тэизм, the-ism (the — определенный артикль в английском) 100–102

МОРФЕМЫ

Корневые морфемы

-водство 26
-поэзия 358–359

Приставки

амби- 62–63
гипер- 339–341
гипо- 341–342
нега- 137
недо- 531–533
прото- 251–254

Суффиксы

-икон 435
-остн- 452–453

ПРОБЕЛ

« » 426–429

A PREDICTIONARY OF THE HUMANITIES

by *Mikhail Epstein*

Summary

There are many kinds of dictionaries and encyclopedias in existence, but all are typically descriptive, that is, they describe terms that are already known. A *predictionary*, by contrast, does not register terms of the present, but anticipates a culture's future developments, maps out its conceptual and terminological possibilities. You look in a traditional dictionary for an explanation of words you have previously encountered; the operative reference system is that of "extant text → dictionary." In a predictionary, the opposite relationship is in effect: "dictionary → potential text" — that is, a text that could be created on the basis of the dictionary, in light of the new concepts being introduced into the language.

This predictionary contains 440 concepts and terms that encompass general issues of the humanities, the philosophy of being and knowledge, society and technology, ethics, aesthetics, religious studies, culturology, literary studies, linguistics, and several new disciplines that are only now emerging. The point of the dictionary is to radically update the humanities' conceptual and terminological apparatus, and to sketch their immediate and long-term prospects. The dictionary could be called *heuristic* in that it demonstrates various methods of meaning-making, of forming new ideas and concepts. It reflects intellectual, linguistic, social, and technological processes of the early third millennium that call for new methods of articulation. The dictionary introduces the method of *projective thinking* — which describes the potential design of an object not currently available — to the humanities. By the very logic of its development, the information society becomes a *transformation* one, based on our knowledge of that which does not yet exist, but which is created by the constructive capability of thought itself.

The coining of new terms or special adaptation of extant words has always played a particular role in the humanities, especially in philosophy. To think means to create a new language, one that goes "against the grain" of everyday discourse, critically purged of trivial meanings, clichés, and the automatisms of consciousness. Plato's "Idea," Kant's "thing-in-itself," Hegel's "dialectic" and "aufhebung," Auguste Comte's "positivism," Nietzsche's "overman," Husserl's "intentionality" and "epoché," the "noosphere" of Vladimir Vernadskii and Teilhard de Chardin, Viktor Shklovskii's "defamiliarization," Martin Heidegger's "Dasein" and "Zeitigung" ("temporalizing"), the "existentialism" of Gabriel Marcel and Jean-Paul Sartre, Jacques Derrida's "différance" and "deconstruction" — it is precisely via such concept-words that systems of thinking new to their time are integrated.

A neologism sums up the movement of a thought as it traverses the stages of proof, unfolds amid voluminous verbal constructs, and can ultimately find no better embodiment than that single word that immortalizes it—as if signaling that this thought abides in the language itself, and not just in particular texts. The word “idea” (*eidōs*), which Plato elevated to a philosophical category, has now absorbed Plato’s thought for good—and whoever uses this term becomes a Platonist whether s/he wants to or not, even if s/he adheres to anti-Platonic views. Language caters to the most varying worldviews, which are capable of arguing with one another only because they speak a common language. It would be difficult to imagine the thought of Vladimir Solovyov or Mikhail Bakhtin without the verbal constructs they introduced into the Russian humanities: *vseedinstvo*, “all-unity”; *Bogochelovechestvo*, “Godmanhood”; *sofiologiya*, “Sophiology”; *mnogogolosie*, “multivoicedness” or “polyphony”; *uchastnost’*, “particity”; *khronotop*, “chronotope”; *vnenakhodimost’*, “outsidedness” or “exotopia”; etc.

Some of the terms included in this dictionary, concepts I have introduced in previous publications, are already in use in the humanities or have begun to be so, which attests to their heuristic potential. For instance, the following coinages of mine appear on tens of thousands of Russian- and English-language web-pages:

— *metarealizm*, “metarealism” (first appearing in a publication of 1983), a literary and artistic movement of the 1970s-90s.

— *transkul’tura*, “transculture” (1988), a space where various culture meet.

— *videokratiia*, “videocracy” (1992), the power of visual imagery over the public consciousness.

— *khronotsid*, “chronocide” (1999), the abolition of temporality in totalitarian as well as postmodern currents of thought.

Also defined in the dictionary are such well-known concepts as “charm,” “creativity,” “fate,” “game,” “love,” “sense,” “silence,” “soulfulness,” “wisdom,” and “word,” — but interpreted anew in the context of contemporary theories of the humanities, or endowed with a terminological status they formerly lacked. Everyone knows that philosophy is the love of *wisdom*, while psychology is the science of the *soul*. The *word* is one of the basic concepts of linguistics, just as *love* and *creativity* are of ethics and psychology. But the very disciplines called upon to study these concepts do not in fact pay them much attention. It would be a rare thing to find, in a philosophy or psychology dictionary, entries on wisdom or the soul—the very concepts are considered syncretic and “pre-scholarly.” Although they are constantly used to define many other terms, they themselves implicitly lie outside the bounds of “scholarly” philosophy or psychology. One of the goals of the *Predictionary* is precisely to articulate these blank spaces in the terminological system of the humanities and to introduce into that system concepts formerly perceived as purely intuitive and belonging to everyday language (“quirk” or “twist” [*vyvert*]; “depth”; “the interesting” [*interesnoe*]; “event”; “packaging” or “wrapping” [*upakovka*], etc.).

Bertrand Russell had occasion to lament that the system of philosophical categories typically features only nouns (“being,” “consciousness,” “idea,” “matter,” etc.), omitting verbs, prefixes, and other auxiliary parts of speech indicating deeper conceptual connections. The *Predictionary* attempts to fill in this blank and introduce more dynamic and relative concepts expressed by verbs, prepositions, prefixes and other parts of speech and grammatical units (“to eventify,” “in,” “hyper-,” “proto-,” “nega-,” etc.)

The dictionary may be used as a tool for the methodological renovation of the humanities in their current period of relative stagnation, as they risk turning into what the study

of dead languages has become for modernity — the sign of a cultural refinement already superfluous in a technocentric age. The dictionary demonstrates that the humanities harbor great creative potential, and that their role is not limited to the study of the past; in fact, they shape the future of humanity, its pathway to self-awareness and self-realization.

This book is the result of its author's half-century of work in various fields of the humanities. I studied philology at Moscow State University and originally specialized in literary theory and aesthetics. In the 1980s, in connection with the formation of new literary and intellectual movements in the USSR, I began to consider the question of how the humanities, including philology, aesthetics, and poetics, might influence the development of literature itself and enable such emerging currents thereof as metarealism and conceptualism to define themselves. In the 1990s, I dealt with issues of postmodernism and the emergence of a new cultural formation coming to take its place (*After the Future*, 1995; *Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture*, with Alexander Genis and Slobodanka Vladiv-Glover, 1999). At the same time, I was drawn to the interdisciplinary approach involving the juxtaposition and interplay of different cultures, particularly Russian and American culture (*Transcultural Experiments*, 1999). My interests gradually migrated toward the field of philosophy, especially modality theory (*Filosofia vozmozhnogo [The Philosophy of the Possible]*, 2001), as well as modern theology, with a focus on researching the spiritual condition of a post-atheist society (*Religiia posle ateizma [Religion After Atheism]*, 2013). In the 2000s, I began to be interested in linguistics and its transformative potential—how it can influence the development of language and broaden its lexical-morphological system (*Dar slova. Proektivnyi leksikon russkogo iazyka [The Gift of the Word: A Projective Lexicon of the Russian Language]*, 2000-16). Finally, in the last fifteen years I have become increasingly concerned with the fate of the humanities as a whole and the potential for developing humanities-based practices and technologies capable of influencing the life of society. This is the subject of the books *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk (Mapping Blank Spaces: On the Future of the Humanities)*, 2004), *The Transformative Humanities: A Manifesto* (2012), and *Ot znaniia — k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmeniat' mir (From Knowledge to Creativity: How the Humanities Can Change the World)*, 2016). This dictionary thus stands as a sort of synthesis of my previous works in various fields of the humanities.

This dictionary is doubly authorial: all its entries were written by a single author; and most of the concepts and terms featured in it belong to the same person. It was conceived not only as a reference aid, but also a form of advancing new ideas that affect various fields of the humanities. The dictionary as a whole is a sort of a *performative* utterance, which of course differs from a description or a statement of fact: the performative utterance accomplishes that which it communicates, by the very fact of its being uttered. Such statements as “I promise” or “agreed” themselves enact what they speak of (a promise or agreement). Thus does the predictionary aspire, by the very fact of communicating certain ideas, to enact them, to introduce them into the field of humanities theory and intellectual practice. A performative dictionary is an action in the sphere of language and culture.

The dictionary consists of fourteen sections in a specific thematic order. First, from general issues of the humanities to philosophy and such subdivisions thereof as ontology (being and the world), epistemology (thought and knowledge), and modality (potentiality and creativity). Then comes consideration of the central themes of humanities research: time and history, religion, the individual and ethics, culture and aesthetics, literature, text, and

language. The final sections turn to those fields of human existence where the humanities intersect with the interests of other—biological, social, technological—disciplines: life and the body, society and politics, technology and information science.

Naturally, the genre of dictionary does not presuppose reading every section in precisely this sequence; the choice depends on the reader's interests. For an overall orientation as to the dictionary's subject matter, it is recommended that the reader first acquaint him/herself with section one, "The Humanities As a Whole" (especially the entry "The Humanities"). Within each section, terms are presented in alphabetical order.

Far from every field in the humanities is covered in the dictionary. Virtually unrepresented are anthropology and historiography, as well as disciplines that study particular forms of art (art criticism, musicology, theater studies, film studies). At the same time, a particular emphasis is laid, reflecting the latest tendencies in interdisciplinary cooperation, on a range of issues previously considered marginal to the humanities: their intersection with biology, technology, information science, cognitive science, modality theory, artificial intelligence, and virtual reality.

A particular feature of the dictionary is that it projects one and the same concept onto different disciplinary fields. The concept of technomorality, for instance, may be examined in the section on technology and the section on ethics. How should ecofascism (environmental extremism) be categorized: under the rubric of life and nature, or society and politics? Insofar as new conceptual terms are formed precisely on the boundary of several disciplines, they may effectively belong to each, which is reflected in the subject index at the end of the book.

One may look up concepts in the dictionary according to the thematic sections and particular disciplines, or according to issues of interest, following cross-references to other terms and learning more about them via the sources cited, many of which are available online. Each section opens with a list of relevant terms, while the alphabetic and subject indexes at the end of the book provide shortcuts between sections. The dictionary entries have a uniform arrangement: the headword is followed by its English translation; its components and method of formation; its definition, and the rationale for introducing it into the conceptual apparatus of the discipline in question; discussion of how it relates to other concepts; and references to sources.

The dictionary as a whole is of a systematic nature, but this is a particular sort of *centrifugal* system, one that presupposes the articulation of multiple concepts that cannot be reduced to a single compact scheme or broadest-possible primary concept. A centrifugal system like this, with concepts spinning off into various subject fields, differs from the better-known centripetal systems exemplified by Hegel's *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*. The centrifugal type of thinking does not subject all the material of culture and history to an overall initial principle, but to the contrary, spawns an "expanding universe" of manifold intellectual practices and discourses that keep spreading further and further away from each other in the space of potential readings and texts. This open system relies on the reader to be a co-thinker and co-creator. Dictionary entries the reader might begin with to familiarize him/herself with this centrifugal model include: "Conceptivism," "Createme," "Creativity," "Total-difference," "Humanistic Invention," "Hypotheticism," "The Interesting," "Potentiation," "Proliferation of Essences," and "Transculture."

All the entries are connected by a system of cross-references, which renders the dictionary readable as a hypertext, a standalone work in the "humanities genre" — not, that is, in

a particular discipline, but within the humanities field as a whole. Other writings of mine to which the dictionary refers may be seen as this work's outer circle, a "beyond" that expands its scope. The dictionary introduces new concepts and terms into the semiotic system of culture through the act of their manifestation — and, as a "self-propagating logos," prompts their further development in new texts created on the basis of this dictionary or according to its motifs.

TABLE OF CONTENTS

<i>Goals and Structure of the Dictionary</i>	7
<i>How to Use the Dictionary</i>	13
<i>Foreword: Thinking and Language in the Humanities</i>	17

DICTIONARY

The Humanities as a Whole	25
Philosophy	61
Being. Reality	120
Thinking. Knowledge	162
Modality. Creativity	193
Time. History	237
Religion. Theology	263
Personality. Ethics	300
Culture. Aesthetics	337
Literature. Text	380
Language. Linguistics	425
Life. Eros	484
Society. Politics	522
Technology. The Internet	555

INDEXES

<i>Alphabetical List of Entries</i>	579
<i>Index of Other Terms</i>	588
<i>Subject Index</i>	591
<i>Lexical and Morphological Groups of Terms</i>	600
<i>A Predictionary of the Humanities. Summary</i>	605
<i>Table of Contents</i>	610
<i>Annotation</i>	611

ANNOTATION

The Dictionary offers a systematic description of concepts and terms in such fields of the humanities as philosophy (including ethics and aesthetics), literary, cultural and religious studies, and linguistics, as well as humanistic approaches to nature, history, society, and technology. The Dictionary contains 440 entries distributed among 14 thematic sections (in alphabetical order). Special attention is given to the development of new concepts and terms that reflect cultural and social processes of the 21st century and methods of intellectual creativity.

The author and compiler of the Dictionary is the prominent Russian-American cultural scholar, philosopher, and philologist Mikhail Epstein, professor of Emory University (USA) and honorary professor of Durham University (Great Britain). His unique approach enables a significant broadening of the conceptual system of the humanities: the linkage of various disciplines with one another, and with the creative practices arising on their theoretical basis. The ictionary expands the constructive potential of the humanities, revealing their capacity to generate new intellectual, literary, and artistic movements, cultural institutions, and even spiritual communities. Many terms and concepts initially proposed by the author have already entered general usage in cultural and literary studies. The book aims to develop innovative and imaginative ways of thinking on the part of researchers and students. It is addressed to all those interested in new perspectives on the humanities, as both the science and the art of human self-awareness and self-transformation.

Эпштейн Михаил Наумович

ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Дизайнер
С. Тихонов

Редактор
Т. Тимакова

Корректор
С. Крючкова

Компьютерная верстка
К. Москалев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 70 × 100¹/₁₆
Бумага офсетная №1.
Печ. л. 38,5. Тираж 2000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, 8 495 781-19-00
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), 8 495 201-36-45
- «Гараж» — ул. Крымский вал, д. 9, стр. 32 (Парк Горького, слева от центральной аллеи, магазин в Музее современной культуры «Гараж»), 8 495 645-05-20
- Государственная галерея на Солянке — ул. Солянка, д. 1/2, стр. 2 (вход с ул. Забелина), 8 495 621-55-72
- Книжная лавка историка — ул. Б. Дмитровка, д. 15, 8 495 694-50-07
- Книжный киоск РОССПЭН — ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 8 499 126-94-18
- «Медленные книги» — <http://www.berrounz.ru/>, 8 499 258 45 03
- «Москва» — ул. Тверская, д. 8, стр. 1, 8 495 629-64-83, 8 495 797-87-17
- «Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, д. 8, 8 495 789-35-91
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — ул. Петровка, д. 25 (в здании ММСИ), 8 916 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., д. 14, стр. 5А (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Петровский бул., д. 23, 8 495 625-44-85
- «Порядок слов в Электротеатре» — ул. Тверская, д. 23, фойе Электротеатра «Станиславский», 8 917 508-94-76
- «У Кентавра» — ул. Чайнова, д. 15 (магазин в РГГУ), 8 495 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, 8 495 749-57-21
- «Фаланстер» (на Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., д. 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), 8 495 926-30-42
- «Циолковский» — Пятницкий пер., д. 8, 8 495 951-19-02
- «Додо» — ул. Мясницкая, д. 7, стр. 2, 8 926 463-82-35
- «Додо» в КЦ ЗИЛ — ул. Восточная, д. 4, корп. 1, 8 495 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- «Додо» в ЦКИ «Меридиан» — ул. Профсоюзная, 61

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства — Лиговский просп., д. 27/7, 8 812 579-50-04, 8 952 278-70-54
- «Академическая литература» — Менделеевская линия, д. 5 (в здании истфака СПбГУ), 8 812 328-96-91
- «Академкнига» — Литейный просп., д. 57, 8 812 273-13-98
- «Все свободны» — наб. р. Мойки, д. 28 (код со стороны набережной Мойки: #1289, код со стороны Волынского переулка: #1428), 8 911 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия В.О., д. 29, 8 812 323-50-90
- Киоск в Библиотеке Академии наук — В.О., Биржевая линия, д. 1, 8 911 977-40-47
- Киоск в Музее политической истории России — ул. Куйбышева д. 2-4, 8 812 313-61-63
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» — Каменноостровский просп., 10
- «Классное чтение» — 6-я линия В.О., д. 15, 8 812 328-62-13
- «Книжная лавка» — Университетская наб., д. 17 (в фойе Академии Художеств), 8 965 002-51-15
- «Университетский книжный салон» — Университетская наб., д. 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), 8 812 328-95-11
- Книжный магазин в Государственном Эрмитаже — Дворцовая пл., д. 2, Зимний дворец, галерея Растрелли, 8 812 710-95-82
- «Мы» — Невский просп., д. 20, Biblioteka, эт. 3, 8 981 168-68-85
- «Подписные издания» — Литейный просп., д. 57, 8 812 273-50-53
- «Порядок слов» — наб. реки Фонтанки, д. 15, 8 812 310-50-36
- «Порядок слов на новой сцене Александринки» — наб. реки Фонтанки, д. 49А, эт. 3
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) — ул. Большая Морская, д. 35, 8 812 314-12-14
- «Санкт-Петербургский дом книги» (Дом Зингера) — Невский просп., д. 28, 8 812 448-23-57
- «Свои книги» — Средний проспект В.О., д. 10 (во дворе), 8 812 966-16-91
- «Фаренгейт 451» — ул. Маяковского, д. 25 (во дворе), 8 911 136-05-66
- «Фотодепартамент» — ул. Восстания, д. 24, «Флигель», второй двор, эт. 1, 8 901 301-79-94
- «Эрарта» (книжный магазин при музее) — 29-я линия В.О., д. 2, 8 812 324-08-09 (доб.467)

в ВОРОНЕЖЕ:

- «Петровский» — ул. 20-летия ВЛКСМ, д. 54а,
ТЦ «Петровский пассаж», 8 473 233-19-28

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» — ул. Антона Валека, д. 12, 8 343 253-50-10
- «Йозеф Кнехт» — ул. 8 Марта, д. 7, вход с набережной, 8 343 286-14-23

в ИРКУТСКЕ:

- «Лавка чудесных подарков» — ул. Свердлова, д. 36, ТЦ Сезон, эт. 5,
офис 532, 8 3952 95-44-45

в КАЗАНИ:

- Центр современной культуры «Смена» — ул. Бурхана Шахиди, д. 7,
8 843 249-50-23

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Дом кино» — просп. Мира, д. 88, 8 391 227-26-37
- «Фёдор Михалыч и Корней Иваныч» — ул. Ленина, д. 24, 8 391 240-77-51

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, д. 46, 8 831 434-03-05
- «Полка» — <http://vk.com/polka.knig>, 8 960 189-33-60

в НОВОСИБИРСКЕ:

- «КапиталЪ» — ул. Горького, д. 78 (вход с ул. Октябрьская
магистраль) 8 383 223-69-73

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Ленина, д. 54, эт. 2, 8 342 243-03-51

в РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

- «Деловая литература» — ул. Серафимовича, д. 53Б,
8 863 240-48-89, 282-63-63

в ТОМСКЕ:

- «Академкнига» — наб. реки Ушайки, д. 18А, 8 3822 51-60-36

в ТЮМЕНИ:

- «Перспектива» — ул. Челюскинцев, д. 36; ул. 50 лет Октября, д. 8Б,
БЦ «Петр Столыпин» 8 3452 61-04-70, 8 3452 61-74-70

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- «Книжная лавка» — ул. Свердлова, д. 9, 8 4852 72-57-96

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства,
которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

Специальные сервисы для покупателей интернет-магазина:

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги
нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно
стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас
по уникальной технологии «Print on Demand»,
которая позволяет напечатать любую книгу тиражом
всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства
со значительными скидками

Словарь содержит системное описание понятий и терминов гуманитарных наук, включая философию (в том числе этику и эстетику), культурологию, религиоведение, лингвистику, литературоведение, а также гуманитарные подходы к природе, истории, обществу, технике. Словарь состоит из 440 статей, размещенных в 14 тематических разделах в алфавитном порядке. Особое внимание уделяется развитию новой терминологии, отражающей культурно-социальные процессы XXI века и методы интеллектуального творчества.

Автор и составитель Словаря — известный российско-американский культуролог, философ, филолог Михаил Эпштейн, профессор университета Эмори (США) и почетный профессор Даремского университета (Великобритания). Разработанный им уникальный подход позволяет значительно расширить понятийную систему гуманитарных наук, связать их друг с другом и с теми творческими практиками, которые возникают на их основе. В словаре раскрывается конструктивный потенциал гуманитарных наук, способных не только изучать, но и формировать новые литературно-художественные и философские движения, интеллектуальные сообщества, культурные институции. Многие термины и концепты, впервые предложенные автором, уже вошли в научный обиход. Книга предназначена развивать инновационные навыки мышления у исследователей и студентов и адресована всем, кого интересует современная гуманистика как новый этап самопознания человечества.

ISBN 978-5-444-80632-6

9 785444 806326

Новое
Литературное
Обозрение